

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVI-й.

ЯНВАРЬ.

1895 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Присоединеніе Курляндіи. Проф. В. А. Вильба- сова.....	1—55	VI. Баронъ Н. А. Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. У М. Л. Пасковскаго	183—200
II. Наши мистично-сентамы. А. Ф. Давытъ и его журналъ „Сюдскій Вѣст- никъ“. У. Н. Ф. Ду- бровина...	56—91	VII. Л. Н. Майковъ. Историко- литературные очерки. Спб. 1896 г. А. О. Круг- ляго...	201—204
III. Записки В. А. Инсарскаго. Часть вторая. Гл. I II.	92—124	VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ. «Мѣъ не- далекаго прошлаго». Се- вейная хроника. (Воспо- минанія изъ петербургской жизни). Доктора А. И. Ильинскаго. Часть первая.	1—32
IV. Вліяніе переводнаго ро- мана и западной цивили- зации на русское обще- ство XVIII вѣка. Н. Бѣ- леверской.	125—156	IX. Библиографическій ли- стокъ (на оберткѣ).	
V. Битва при Мациовицѣхъ и плѣнь Мосцюшки. Евр. Альбовскаго....	157—182		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича. Грав. К. Адгъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1895 г.

Редакціей отпечатаны и выпущены въ свѣтъ «Записки С. Н. Глинни.» Цѣна 3 руб., а для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 годъ 1 руб. 50 коп.

Можно получить журналъ за потекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39
1895.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1895 г.

Библиографическій листокъ.

Смоленскъ — дорогое ожерелье Царства Русскаго. Краткій историческій очеркъ. Составилъ 1-го пѣхотнаго Невскаго Е. В. короля эллиновъ полка поручикъ А. К. Ильенко. Спб. 1894 118. 4°.

Въ первой главѣ своего интереснаго труда А. К. Ильенко касается исторіи Смоленска съ древнѣйшихъ временъ до нашествия татаръ; въ трехъ слѣдующихъ главахъ онъ говоритъ о паденіи города и присоединеніи его сначала къ Литвѣ, затѣмъ къ Москвѣ и впослѣдствіи къ Польшѣ. „3-го іюня 1611 г. Смоленскъ, послѣ двѣнадцатимѣсячной геройской обороны, былъ, наконецъ, взятъ поляками“ — такъ начинается пятая глава этого очерка, далѣе говорится о стремленіяхъ Москвы вернуть этотъ городъ и объ окончательномъ присоединеніи его къ Русскому государству. Последняя, шестая, глава озаглавлена авторомъ такъ: „Смоленскъ съ 1654 по 1812 годъ. Отечественная война. Заключеніе“.

Трудъ г. Ильенко, составленный по сочиненіямъ известныхъ нашихъ историковъ (С. М. Соловьева *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, Устрялова, *Исторія Россіи*, Н. М. Карамзина, *Исторія государства Россійскаго*, Д. И. Иловайскаго, Михайловскаго-Данилевскаго, Никитина, Ходаковича, Голубинскаго, Богдановича и др.), конечно, не можетъ претендовать на значеніе труда ученаго, — онъ представляетъ собою сводъ историческихъ данныхъ, касающихся Смоленска. Авторъ въ легкой занимательной формѣ даетъ намъ полный очеркъ исторіи Смоленска — одного изъ самыхъ древнихъ городовъ Россійской имперіи, не уступающаго, по своей древности, Киеву, Новгороду, Пскову. О роли этого города въ судьбахъ нашего отечества, — города, имѣющаго болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю исторію, авторъ, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Много славныхъ дѣлъ видѣли за это время стѣны смоленскія, а боевые подвиги смольнянъ въ памятное для Руси смутное время навсегда останутся примѣромъ той гражданской и военной доблести, на которую способенъ лишь русскій человекъ. Но вотъ расширилось царство Русское, Смоленскъ пересталъ быть окраиннымъ городомъ, настало и для него мирное время, и забыли православные его заслуги былия.

Прошло болѣе ста лѣтъ. Насталъ 1812-й годъ. Пронеслась надъ Русью гроза люта и вновь заставила православныхъ преклониться передъ Смоленскомъ, раздавленнымъ, сожженнымъ, но не сдавшимся врагу царства Русскаго. Много крови было пролито французами, прежде чѣмъ удалось имъ овладѣть развалинами „дорогаго ожерелья“!

Въ концѣ книги г. Ильенко помѣстилъ *Приложеніе*: Происхожденіе названія Смоленска, неприступность Смоленска, главныя статьи договора съ Ганноу 1228 года, Грюнвальдская битва 1410 года, и *Примѣчанія* къ каждой главѣ. Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Библиографическая бібліотека Ф. Павленкова.

VIII

М. Е. Салтыковъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Библиографическій очеркъ С. Н. Кривенко. Съ портретомъ Салтыкова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Въ первой главѣ своего очерка, говоря о дѣтствѣ и юности Салтыкова, авторъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее: „близость смерти не позволяетъ обыкновенно видѣть настоящей величинѣ заслугъ человека, и въ то время, какъ заслуги однихъ преувеличиваются, заслуги другихъ представляются несомнѣнно въ уменьшенномъ видѣ, хотя бы въ наличности ихъ никто не сомнѣвался и даже враги воздавали имъ молчаливо извѣстную дань уваженія. Последнее относится и къ Михаилу Евграфовичу Салтыкову“.

Родился М. Е. Салтыковъ 15-го января 1826 года въ селѣ Спась-Уголь, Калужскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители его — отецъ, коллежскій совѣтникъ Евграфъ Васильевичъ, и мать, Ольга Михайловна, урожденная Забѣлина, купеческаго рода, — были довольно богатые помѣщики. Воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей велось въ то время по одному шаблону: ихъ растили и воспитывали на особой половинѣ сначала кормилицы, а потомъ няньки и гувернантки, или дядьки и гувернеры, потомъ учили ихъ лѣтъ до десяти приходскіе священники и

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1895.

ИМНИЙ * F I Е АДМИРА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1895.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КУРЛЯНДІИ.

Въ 1699 году, Петръ Великій проѣхалъ по Курляндіи, былъ въ Митавѣ, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за море. Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ, почему Швеція, Польша и Пруссія жадно взирали на прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе 300 верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либява и Виндава, орошаемая судоходною Двиною, покрытая дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ Великомъ политическій аппетитъ, который онъ старался утолить то бракомъ племянницы съ курляндскимъ герцогомъ, то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, и умеръ, бросивъ только мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ морѣ. Мысль Петра I поняла Екатерина II и, сто лѣтъ спустя, за годъ до ея смерти, въ 1795 году, Курляндія была присоединена къ Россіи.

Еще до своего воцаренія, еще при Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина съ ужасомъ видѣла, какую политическую ошибку допустила ея названная тетка, согласишись признать принца Карла саксонскаго, сына польскаго короля, герцогомъ Курляндіи. Вотъ что писала по этому поводу великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1758 году: «Во всякомъ дѣлѣ можно избрать только двѣ стороны—

*

быть справедливымъ или несправедливымъ. Обыкновенно корысть склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ дѣлѣ справедливость требовала возратить дѣтямъ Бирона то, что принадлежитъ имъ по божескимъ и по естественнымъ законамъ; если же хотѣли дѣйствовать корыстно, слѣдовало (что было бы несправедливо, сознаюсь) оставить Курляндію по-прежнему безъ герцога и, освободивъ ее отъ власти Польши, присоединить къ Россіи. Повѣрять ли, что нашли третій способъ, сдѣлали совершенно безкорыстную несправедливость? Отдали Курляндію принцу Карлу саксонскому! Этимъ только усилили короля польскаго, который стремится уничтожить свободу Польской республики. Неужели, деспотическій сосѣдь выгоднѣе для Россіи, чѣмъ счастливая польская анархія, которою мы распоряжаемся? Если ужъ быть несправедливымъ, то, по крайней мѣрѣ, ради собственной выгоды; въ курляндскомъ же дѣлѣ, чѣмъ болѣе я объ немъ думаю, тѣмъ менѣе нахожу здраваго смысла¹⁾.

Назначеніе принца Карла курляндскимъ герцогомъ вызвало неудовольствіе и въ Польской Республикѣ, и въ Герцогствѣ Курляндскомъ.

Принцъ Карлъ, какъ католикъ, не имѣлъ права занимать герцогскій стулъ—по основнымъ законамъ Курляндіи, герцогъ долженъ быть протестантскаго, точнѣе аугсбургскаго исповѣданія. Курляндское рыцарство избрало его, вслѣдствіе заявленія русскаго правительства, что, въ случаѣ избранія принца Карла, будутъ сложены съ герцогскихъ имѣній всѣ прежніе начеты. Задолженность Курляндіи, ея матеріальная зависимость отъ Россіи заставили многихъ высказаться за принца Карла, но далеко не всѣхъ, что ясно обнаружилось при составленіи «договорныхъ статей», гдѣхъ раста conventa, которыми обусловливалось его избраніе. Этими договорными статьями курляндцы обязывали принца-католика не строить въ герцогствѣ ни костеловъ, ни каплицъ, не дозволять католическому духовенству публичныхъ процессій, наконецъ, воспитать наследника въ аугсбургскомъ исповѣданіи. Избраніе принца Карла освобождало отъ секвестра государственнаго имущества Курляндіи, но договорныя статьи воспрещали принцу распорядиться этими

¹⁾ Сборникъ рус. ист. об., VII, 91.

имѣніями: онъ не могъ отдавать ихъ въ аренду по своему усмотрѣнію; ему воспрещалось покупать земли въ Курляндіи даже у частныхъ лицъ. Условія договора были крайне стѣснительны, тяжелы, почти невозможны; принцъ медлилъ подписывать подобныя условія, курляндцы отказывались присягать ему.

Усиленіе саксонской династіи вовсе не было въ интересахъ польскаго правительства. По конституціи Рѣчи Посполитой, польскій король и польское правительство представляли двѣ разныя величины, нерѣдко даже враждебныя. Что саксонскій курфюрстъ, отецъ принца Карла, былъ въ то же время королемъ польскимъ — это была случайность, далеко не всѣми поляками признававшаяся счастливою. Польскій сенатъ высказался противъ избранія сына польскаго короля герцогомъ Курляндіи, и литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, отказался приложить печать къ диплому принца Карла на герцогское достоинство, безъ чего этотъ дипломъ не имѣлъ законной силы.

Четыре года, съ 1758 по 1762 годъ, принцъ Карлъ числился, но не былъ полноправнымъ герцогомъ курляндскимъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Петра III русская политика въ Курляндіи рѣзко измѣнилась. Русскій посланникъ въ Митавѣ, К. М. Симолинъ, которому при Елизаветѣ Петровнѣ предписывалось «поддерживать принца Карла саксонскаго и курляндское рыцарство къ его власти преклонять», получилъ теперь изъ Петербурга министерскій рескриптъ, въ которомъ буквально сказано: «Объявите митавскому правительству, земству и обще всѣмъ и каждому сообщите, что мы никогда допустить не можемъ, чтобы принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ титуломъ въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ»¹⁾.

Что же мы «можемъ допустить»? Кому хотимъ предоставить герцогскій стулъ Курляндіи?

Приговоромъ 8-го апрѣля 1741 года, «бывшаго регента» Бирона постановлено было «казнить смертію, четвертовать и все его движимое и недвижимое имѣніе конфисковать»²⁾. Регентъ Россій-

¹⁾ Москв. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курлянд. дѣла 1762 г.

²⁾ Чтенія ист. и древ., 1862, I, 39.

ской имперіи былъ въ то же время герцогомъ Курляндіи; еслибы казнили регента, исчезъ бы и герцогъ. Но приговоръ былъ смягченъ: регента сослали въ Сибирь, и Биронъ, въ Пелымъ и Ярославль, сохранялъ свои права герцога Курляндіи, которыхъ онъ лишень не былъ. Въ 1742 году, Елизавета Петровна освободила Бирона изъ Сибири и дозволила ему жить въ Ярославль: въ 1762 году, Петръ III вызвалъ его въ Петербургъ, куда онъ явился, какъ герцогъ курляндскій. Бирона, однако, въ Митаву не пустили, а предложили ему уступить свои права на Курляндію принцу Георгу-Людвигу голштинскому, «Нашему возлюбленному Дядѣ». Предложеніе равнялось приказу, и Биронъ согласился промѣнять герцогскую корону, которой у него не было, на возвращеніе ему всѣхъ его частныхъ имѣцій и сложеніе всѣхъ числившихся на немъ начетовъ. Такимъ образомъ, кандидатомъ русскаго правительства на герцогскій стулъ въ Курляндіи выставлялся принцъ Георгъ голштинскій.

Этого мало. Любимецъ императора, генераль-адъютантъ Гудовичъ, долженъ былъ ѣхать въ Митаву, чтобы приготовить курляндцевъ къ принятію этого русскаго кандидата. Въ инструкціи Гудовичу предписывалось разъяснить курляндцамъ, что принцъ Карль, какъ католикъ, не можетъ быть герцогомъ курляндскимъ, тѣмъ болѣе, что «единственно законный» ихъ герцогъ Эрнстъ-Иоганнъ, т. е. Биронъ, получилъ полную свободу и долженъ вступить въ свои права; наиболѣе «благонамѣреннымъ» курляндцамъ Гудовичъ могъ открыть, что Биронъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу. При этомъ въ инструкціи было прибавлено: «Если усмотрите вы какое-либо между курляндцами со стороны польскаго двора и Республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и короля прусскаго протекціею сильно обнадеживать, а въ случаѣ надобности и формально сіе обнадеженіе дать; но за верхъ вашего искусства и всѣхъ услугъ постановили бѣ мы, еслибъ вы предупѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависяція, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя и съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію подъ гарантіею его величества короля Прус-

скаго, а кондиціи могутъ себѣ выговорить, какія сами пожелаютъ»¹⁾).

Такимъ образомъ, освобождая Курляндію изъ-подъ зависимости отъ Польши, которая, по своей слабости, «ни защищенія, ни правосудія, ни помощи» оказывать не могла, Петръ III отдавалъ Курляндію подъ протекцію и гарантію Пруссіи, создавая Россіи въ будущемъ значительно болѣе серьезныя затрудненія, которыя легко опредѣляются: они были бы настолько же серьезнѣе, насколько созидающаяся Пруссія сильнѣе распадающейся Польши. Протестантъ, генераль прусской службы, принцъ Георгъ голштинскій, какъ герцогъ Курляндій, естественно тянулъ бы къ Пруссіи, не къ Россіи. Пруссія не Польша и Фридрихъ II не Августъ III: прусскій король сумѣлъ бы оказать герцогству «защитеніе, правосудіе и помощь» противъ притязаній Россіи. Опираясь на русско-прусскій союзный трактатъ 8-го іюня 1762 г.²⁾, Пруссіи было бы

¹⁾ Москов. Архивъ, Курлянд. дѣла, инструкц, 2 мая 1762 г., № 16, л. 82.

²⁾ П. С. З., № 11.566. Здѣсь не напечатаны секретныя пункты. Приводимъ секретный пунктъ, касающійся Курляндіи: «Понеже какъ его императорскому величеству Всероссийскому, такъ и его королевскому величеству Прусскому соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привилегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи подъ ихъ собственнымъ герцогствомъ, въ силу договоровъ подтверженія коронъ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики польской права, нарушима оставлены и содержимы были; такожъ чтобъ въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и что сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе бытъ могло бы, никогда предвоспріято не было: того ради обоимъ императорское и королевское величества между собою чрезъ сіе обавались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать. А какъ его королевское высочество саксонскій принцъ Карлъ отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжества Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставъ, вольности и привилегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣютъ, и по которому помянутого его королевскаго величества отрицанію его свѣтлости Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; по въ разсужденіи оказанныхъ его свѣтлости и всей его фамиліи великихъ отъ его императорскаго величества Всероссийскаго милостей, и изъ признанія за оныя, его свѣтлости за себя и своихъ потомковъ совершенно отрекся отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей и совѣтъ отъ оныхъ отказался

весьма легко образовать въ Курляндіи центръ прусскихъ притязаній на всѣ Остзейскія провинціи, на Лифляндію и Эстляндію. Въ этомъ случаѣ Петръ III дѣйствовалъ во вредъ Россіи ¹⁾).

По счастью, союза и обороны трактатъ, подписанный 8-го іюня графомъ Воронцовымъ и барономъ Гольцемъ, не былъ ратификованъ за низложеніемъ Петра III. Тотчасъ по воцареніи, Екатерина приказала коллегіи иностранныхъ дѣлъ «ратификацію не размѣнивать» ²⁾). На пятый же день послѣ восшествія Екатерины на престолъ, 2-го іюля, коллегія докладывала императрицѣ: «Въ Митавѣ министру Симолину велѣно на всѣ герцогскіе доходы положить арестъ, всѣмъ прища Карла учрежденіямъ супротивляться и курляндцевъ противъ него раздражать и склонять въ пользу принца Георга, которому уступилъ Биронъ всѣ свои правостя формальнымъ отрицаніемъ, получая за то себѣ въ замѣну обнадеживанія о

въ пользу его высочества Голштейнъ-Готторскаго герцога Георгія-Людовика и его наслѣдниковъ, по избранію его высочества Курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то его императорское величество Всероссийское, равно какъ и его королевское величество Прусское, по желанію своему, его императорскому величеству Голштинскому во всемъ по возможности снисхожденіе показывать согласились и обязались не только дѣйствительному избранію въ герцоги курляндскіе и семгальскіе помянутаго его высочества не препятствовать, но и еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать, а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе его высочества обще и всѣми силами поспѣшествовать. Сверхъ же того его императорское величество объявляетъ, что немедленно учинить распорядженіе, чтобъ помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ обратво получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напередъ сего герцогство Вартенбергъ». Москов. Архивъ., Курл. дѣла 1762 г., № 32, л. 5; Мартенсъ, V, 403.

¹⁾ Специально наслѣдовать «Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III», авторъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Политика наша по курляндскому вопросу въ кратковременное царствованіе Петра III должна была привести или къ нравственному подчиненію прибалтійскаго края Пруссіи, или къ образованію изъ него отдѣльнаго нѣмецкаго владѣнія». Щербальскій, Русск. Архивъ, 1866, 304. Такой результатъ курляндской политики Петра III авторъ статьи «Курляндія подл управленіемъ Екатерины Великой» признаетъ «несомнѣннымъ» и прибавляетъ: «Мудрости и постоянству Екатерины, умѣвшей отклонить алчные взоры Фридриха II на польскія земли, мы обязаны тѣмъ, что во время предупредили Пруссію и, съ присоединеніемъ Курляндіи, приобрѣли на Балтійскомъ морѣ тотъ перевѣсъ, который это маленкое герцогство должно было дать тому изъ двухъ могучихъ своихъ сосѣдей, который прежде въ немъ утвердился». А. Мосоловъ, въ Русск. Вѣстн., LXXXVII, 39.

²⁾ Сборникъ, XLVIII, 8.

другихъ выгодахъ. По сему указу учинены уже въ Курляндіи Симолинымъ первыя попытки и дѣла приведены въ немалое смущеніе подъ предлогомъ возстановленія Бирона, котораго имя по сю пору одно употребляется. Испрашивается резолюція — какъ поступать далѣе?» Екатерина положила такую резолюцію: «Симолину отступить отъ прежнихъ инструкцій и подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона, нежели другихъ ¹⁾».

Смущеніе «немалое» готово обратиться въ довольно большое: въ теченіе полугода, русскій представитель въ Митавѣ «фаворизировалъ» сперва принца Карла саксонскаго, потомъ принца Георга голштинскаго и теперь герцога Бирона курляндскаго. Роль для русскаго дипломата не новая, но крайне незавидная, и можно только удивляться, что Симолинъ находилъ еще въ Митавѣ людей, которые его слушали. Очевидно, политико-государственныя мнѣнія курляндцевъ не отличались особенною устойчивостью, и Симолинъ, ратовавшій прежде въ пользу саксонскаго и голштинскаго принцевъ, безъ труда провозглашалъ теперь права герцога Бирона.

Въ 1739 году, Биронъ былъ избранъ и утвержденъ герцогомъ курляндскимъ подъ именемъ Эрнста-Юганна: онъ получилъ королевскій дипломъ отъ своего сюзерена, польскаго короля; назначенные Польскою Республикою комиссары согласились съ нимъ относительно феодальныхъ условій; онъ получилъ обычную инвеституру, дипломъ на которую снабженъ обѣими печатями — польскою и литовскою. Когда Биронъ, какъ регентъ Россійской Имперіи, былъ сосланъ въ Пелымъ, потомъ жилъ въ Ярославлѣ, польскій дворъ не разъ домогался, чтобы онъ былъ возвращенъ, признавая въ немъ герцога Курляндскаго ²⁾ и заявляя, что онъ былъ обвиненъ какъ состоявшій на службѣ Россіи, не какъ владѣтель поль-

¹⁾ Ibid, 9.

²⁾ Такъ, между прочимъ, въ опредѣленіи сенатусъ-консиліума, въ 1750 г. сказано: „Его королевское величество, принявъ въ уваженіе сенаторскія прошенія, а притомъ и по своему доброжелательству къ пресвѣтлѣйшему иривцу Эрнсту курляндскому и семигальскому князю, имѣетъ представить россійскому двору, чтобъ дана ему была свобода“. Сборникъ, XLVIII, 430. Курляндскіе чины послали даже въ Петербургъ, въ 1754 г., своего депутата фонъ-Гейккига съ тою же просьбою. Gruse, Curland unter den Herzögen, II, 27. Richter, V, 147.

скаго лена. На ходатайства Курляндіи и Польши о возвращеніи Бирона изъ ссылки, Елизавета Петровна «формально объявить повелѣла, что для важныхъ государственныхъ причинъ, герцога Бирона и его фамилію никогда изъ Россіи выпустить не можно» ¹⁾. Титулуя Бирона «герцогомъ», русское правительство какъ бы признавало, что онъ и въ ссылкѣ сохранялъ свои права на герцогство Курляндію, но, живя въ Ярославлѣ, не могъ ими пользоваться ²⁾. Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до 1758 года, когда и самъ русскій дворъ рекомендовалъ на мѣсто Бирона принца Карла саксонскаго и торжественнымъ актомъ призналъ Карла герцогомъ курляндскимъ ³⁾. Карлъ не сошелся съ курляндцами; тѣмъ не менѣе, Карлъ жилъ въ Митавѣ, въ герцогскомъ замкѣ и, по мѣткому выраженію Панина, его предстоитъ еще «выбить изъ Митавы», прежде чѣмъ «утвердить» тамъ Бирона.

Не признавали курляндцы Карла своимъ герцогомъ, не могла его признать и Екатерина. Ей онъ совсѣмъ не ко двору—сынъ польскаго короля на курляндскомъ тронѣ можетъ только создать ей затрудненія и относительно Польши, и относительно Курляндіи. «Должно, конечно, признать за неоспоримую истину—сказано въ докладѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—что гораздо сходнѣе съ здѣшними интересами имѣть въ столь близкомъ съ Россіею сосѣдствѣ герцога ни собственною особою его весьма знатнаго, ни свойствомъ къ великимъ дворамъ привязаннаго, но по состоянію своему зависящаго наипаче отъ здѣшней стороны» ⁴⁾. Такимъ именно и былъ Биронъ.

Екатерина вступила на престоль 28-го іюня 1762 года, и, шесть дней спустя, отъ 4-го іюля, былъ уже посланъ въ Митаву полномочному министру Симолину слѣдующій рескриптъ: «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престоль, за благо разсудили мы всѣ посланные къ вамъ во время минувшаго правленія указы о наложеніи на герцогскіе доходы ареста, о со-

¹⁾ Сборникъ, XLVIII, 167.

²⁾ Richter, Deutsche Ostseeprovinzen, V, 140.

³⁾ Мнѣніе коллегіи иностр. дѣлъ по этому „завязчивому“ дѣлу. Сборникъ, XLVIII, 167.

⁴⁾ Сборникъ, XLVIII, 166

противленіи предпринимаемымъ принцемъ Карломъ учрежденіямъ, о раздраженіи противъ его курляндцевъ и о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга, чрезъ сіе отмѣнить, и потому повелѣваемъ вамъ отступить отъ прежнихъ вамъ данныхъ наставленій; а между тѣмъ, надлежитъ вамъ подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирову, нежели другихъ»¹⁾).

Только еще «подъ рукою», а черезъ двѣ недѣли, отъ 22-го іюля, Екатерина шлетъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ собственно-ручную записку: «Дать знать господину Симолину, дабы онъ отъ часу сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ справедливости его правъ». На другой же день, 23-го іюля, въ этомъ смыслѣ былъ посланъ рескриптъ Симолину. Черезъ два дня, 26-го іюля, новый рескриптъ ему же: «повелѣваемъ вамъ вновь партію помянутаго герцога Бирона у шляхетства сильнѣйше подкрѣплять, давая знать, что онъ, для полученія правостей своихъ и самъ въ скоромъ времени въ Митаву пріѣдетъ». Черезъ день, 28-го іюля, по поводу намѣренія принца Карла пріѣхать въ Петербургъ, предписывается Симолину «всячески стараться отвращать его отъ поѣздки сюда, а буде онъ въ своемъ намѣреніи неотмѣнно пребывать станетъ и присовѣтованія ваши не возымѣютъ никакого дѣйствія, въ такомъ случаѣ можете вы не обинуясь ему объявить, что какъ мы положили уже намѣреніе герцога Эрнста-Иоганна въ справедливыхъ его требованіяхъ на Курляндію подкрѣплять, то, конечно, пріѣздъ его, принца Карла, сюда причинитъ намъ нѣкоторые неудовольствія»²⁾).

Въ первый же мѣсяцъ по воцареніи, когда рядъ важныхъ государственныхъ вопросовъ по внутренней и внѣшней политикѣ поглощалъ все вниманіе Екатерины, она изо дня въ день занимается курляндскимъ вопросомъ и въ Митавѣ, и въ Петербургѣ: въ Митаву шлетъ рескрипты Симолину для руководства и исполненія, въ Петербургѣ ведетъ переговоры съ Бирономъ.

Четыре года назадъ, въ 1758 году, Екатерина находила, что «въ курляндскомъ дѣлѣ справедливость требовала возратить дѣтямъ Бирона то, что принадлежитъ имъ по божескимъ и есте-

¹⁾ Ibid., 13.

²⁾ Сборникъ, XLVIII, 32, 34, 35.

ственнымъ законамъ»; теперь эта «справедливость» перенесена ею съ дѣтей на отца. Отецъ, правда, отрекся за себя и за своихъ дѣтей отъ курляндскихъ правъ; но то было при Петрѣ III, а при Екатеринѣ II онъ отрекся отъ своего отреченія. Какъ тогда, такъ и теперь Биронъ соглашался на все, что ему приказывали: въ его положеніи, для него лично, отреченіе отъ своихъ правъ равнялось признанію ихъ—то и другое получало извѣстное значеніе лишь въ силу русской политики. Какъ отреченіе было продиктовано Петромъ III, такъ и признаніе было составлено Екатериною II.

4-го августа 1762 года императрица выдала Бирону «жалованной и уступной актъ» слѣдующаго содержанія:

«По истинному праводушію и по особливой къ его свѣтлости герцогу Эрнсту-Иоганну императорской милости Нашей, Мы намѣрены и готовы самимъ дѣломъ способствовать возстановленію его во владѣніе взятыхъ у него герцогствъ курляндскаго и семигальскаго и вслѣдствіе того, снявъ нынѣ секвестръ со всѣхъ находящихся въ нашемъ управленіи аллодіальныхъ его маестностей, возвращаемъ оныя въ полное его свѣтлости и фамиліи его владѣніе, а какъ оной герцогъ Эрнстъ-Иоганнъ пріемля съ признаніемъ такую къ нему милость и доброжелательство наше, торжественнѣйше съ своей стороны отрицаеть за себя и наслѣдниковъ своихъ отъ всѣхъ чинимыхъ нѣкогда на Россійскую Имперію претензій, какого бы онѣ званія ни были, то и Мы, напротивъ того, за себя и преемниковъ своихъ всѣ тѣ притязанія, кои бы на упомянутаго герцога Эрнста-Иоганна съ наслѣдниками, какъ въ разсужденіи пожалованной ему отъ ея величества императрицы Анны Іоанновны блаженныя памяти, такъ и выкупленныхъ имъ самимъ маестностей чинены быть могли чрезъ сіе уступаемъ, жалуя оными его свѣтлость герцога Эрнста-Иоганна съ наслѣдниками его и обнадеживая его при томъ, что онъ въ покровительствѣ Нашемъ непремѣнно содержанъ будетъ».

Въ тотъ же день, 4-го августа, Биронъ подписалъ особый актъ, которымъ обязался:

а) «дозволить свободное и безпрепятственное отправленіе грекороссійской вѣры въ Митавѣ и защищать имѣющіеся въ княжествахъ греческіе монастыри, церкви и духовенство;

б) «россійскимъ купцамъ ни малаго затрудненія не чинить, ниже какихъ пошлинь брать, но оказывать всякую благосклонность и вспоможеніе;

в) «россійскую почту, которая напредь сего изъ Риги черезъ Митаву въ Мемель ходила, установить по-прежнему;

г) «никакого участія ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ съ непріятелями Россійской Имперіи не принимать, хлѣбъ и прочія произращенія въ тѣ гавани и мѣста, кои съ Россійской Имперіею не въ дружбѣ, не вывозить; россійскіе магазейны, заводимые по востребованію обстоятельствъ, дозволить;

д) «россійскимъ войскамъ проходъ имѣть свободной и безпрепятственной; если нужда востребуетъ, россійскимъ войскамъ давать квартиры;

е) россійскимъ галерамъ и прочимъ судамъ въ курляндскія гавани свободно и безпрепятственно входить и все имъ необходимое давать; и

ж) «розданныя въ княжествахъ аренды сохранить и оказывать уваженіе къ тѣмъ, которые отъ россійскаго двора къ полученію арендъ и впредь рекомендованы будутъ» ¹⁾.

До времени, Екатерина удовольствовалась этими выгодами и имѣла, конечно, формальное право писать одному изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ по курляндскимъ дѣламъ ²⁾, графу Кейзер-

¹⁾ Москов. Архивъ, Курляндск. дѣла 1762 г., №№ 1 и 2. Сборникъ, XLVIII, 52 sqq. Бирономъ подписанъ нѣмецкій переводъ, а русскій подлинникъ утвержденъ Екатериною: „быть по сему“. Деша Гольца, отъ 13-го августа, въ Берлинск. Архивѣ, XI, Russland, 64, A.

²⁾ Деша Прассе, отъ 10-го августа 1762 г. въ Дрезденск. Архивѣ, vol. VII, ad. № 66. Екатерина относилась съ большимъ уваженіемъ къ графу Кейзерлингу и высоко цѣнила его знанія и опытность, съ нимъ она была весьма откровенна и нерѣдко обращалась къ нему за совѣтомъ (Соловьевъ, XXV, 361; Сборникъ, XLVIII, 177). Въ курляндскомъ вопросѣ графъ Кейзерлингъ игралъ видную роль (Сборникъ, *ibid.*, 123, 273, 280 и др.). Но Прассе ошибается, приписывая все Кейзерлингу. Въ восстановленіи Бирона принималъ большое участіе и графъ Бестужевъ-Рюминъ, нѣкогда привлеченный къ отвѣту вмѣстѣ съ Бирономъ (Чтенія, 1862, I, 78). Въ депешѣ графа Букнингема, отъ 5-го августа 1762 года, сказано: „The Duke of Curland told me the other day, in great confidence, that he had assurances both from the Empress and Bestucheff, that he should be reinstated in his

лингю: «Мои намѣренія весьма далеки отъ того, чтобы захватить Курляндію, и я вовсе не склонна къ завоснаніямъ. У меня довольно народовъ, которыхъ я обязана сдѣлать счастливыми, и этотъ маленькій уголокъ земли не прибавитъ ничего къ ихъ счастью, которое я поставила себѣ цѣлю. Но взявшись за дѣло правое и потому славное, я буду поддерживать его со всею твердостью, какою Богъ надѣлялъ меня»¹⁾. Даже лица, нерасположенныя ни къ Россіи, ни тѣмъ менѣе къ Екатеринѣ, признавали, что въ курляндскомъ дѣлѣ «императрица думала основать свои дѣйствія на соображеніяхъ справедливости и правосудія»²⁾.

Duchy (Сборникъ, XII, 35). Бестужева, какъ главнаго сторонника Бирона, выставляетъ и Ярославцевъ, въ письмѣ отъ 27-го февраля 1763 года: „Какъ скоро графъ Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ, такъ скоро дѣла на его сторону обратились и вскорѣ тому конецъ увидѣли“. (Архивъ Св. Синода, Секретныя дѣла, № 119). Незадолго до коронаціи, 16-го сентября 1762 года Екатерина утвердила мнѣніе по курляндскимъ дѣламъ, совместно поданное гр. Бестужевымъ и гр. Кейзерлингомъ (Сборникъ, XLVIII, 123). Сохранилась записочка Екатерины отъ 12-го августа 1762 г.: „Батюшка, Алексѣй Петровичъ! Дайте знать герцогу курляндскому, что сегодня я не могу его видѣть: у меня немного горло болитъ и насморкъ и думаю не выходить, чтобы не болѣе простудиться“ (Сборникъ, VII, 136). Подобныя отношенія свидѣтельствуютъ о близости Бирона къ Бестужеву. Именно отъ Бестужева Екатерина требуетъ увѣдомленія, „до коихъ поръ дѣла герцога курляндскаго пришли въ совершенство“. (Ibid., 138), изъ чего можно бы заключить, сверхъ того, что курляндское дѣло было поручено преимущественно гр. Бестужеву. Бирона и Бестужева связывала личная пріязнь. Въ письмѣ изъ ссылки, отъ 16-го іюня 1743 г. Биронъ пишетъ Бестужеву: „Я ваше сіятельство, а вы меня зваете“. Русскій Архивъ, 1867, 472). Въ Московскомъ Архивѣ министр. иностр. дѣлъ хранится письмо Бестужева къ Екатеринѣ, отъ 20 августа 1762 г., въ которомъ онъ проситъ о „всемилоствѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ ордену св. Екатерины для кредиту герцогу у короля и республики польской“ (Соловьевъ, XXV, 373), и черезъ два дня, 22-го августа, когда Биронъ и его семья откланивались передъ отъѣздомъ въ Курляндію, Екатерина надѣла на герцогиню Екатериніанскую ленту („С.-Петербургскія Вѣдомостя“ за 1762 г. № 70, отъ 30-го августа). Въ депешѣ Бретэля, отъ 28-го октября 1762 г. сказано: M-r Bestucheff est absolument dévoué à Biron (Парижск. Архивъ, Russie, vol. 71, № 22). Въ депешѣ Гольца отъ 13-го августа 1762 г., сказано, что вскорѣ по востшествіи на престолъ Екатерина поручила Бестужеву, Панину, Кейзерлингу и Теулову de rechercher la validité des droits tant du Duc Biron que de Prince Charles de Saxe au Duché de Courlande (Берлинск. Архивъ, XI, Russland, 64, A).

¹⁾ Государств. Архивъ, V, 104; Сборникъ, XLVIII, 293.

²⁾ Письмо маркиза де-Пальми Бретэлю, отъ 19-го октября 1762 года: Dans l'affaire de Courlande, quelqu'en soit l'issue, on pourra dire, que l'impré-

Герцогскій стулъ Курляндіа занять, однако, принцемъ Карломъ Саксонскимъ. Отдавая этотъ стулъ Бирону, предложили принцу Карлу удалиться изъ Митавы. Карлъ не удался. Началась усиленная переписка съ Симолинымъ въ Митавѣ, съ Броуномъ въ Ригѣ, съ Ржичевскимъ въ Варшавѣ. Екатерина твердо стояла на своемъ рѣшеніи, торжественно всюду заявляя, что «мы не можемъ его свѣтлость Эрнста-Юганна инако признавать, какъ дѣйствительнымъ герцогомъ Курляндскимъ и Семягальскимъ, потому что хотя и настояли такіе статскіе резоны, для которыхъ онъ въ удаленіи содержанъ былъ, однако не могли оные лишить его права на владѣніе, которое ему отъ Республики и самого короля польскаго торжественно дано и подтверждено было и которое не могло инако какъ въ цѣлости оставаться не смотря на то, что не имѣлъ способовъ пользованія онымъ»¹⁾. Согласно этому рѣшенію, Симолину предписывалось въ Митавѣ «какъ тамошнему правительству, такъ и всему ры-

---

patrice a cru fonder sa conduite sur des raisons d'équité, de justice et même de formes, du moins a-t-on pu lui présenter ainsi la cause de Biron (Д р е з д - А р х и в ъ, vol. VII, прилож. къ письму графа Брюля къ Прассе отъ 29-го октября). Письмо Пальми было перехвачено, и копія его хранится въ Государственномъ Архивѣ; оно напечатано въ Сборникѣ (XLVIII, 178), но прочтено не вѣрно. На стр. 179-й фраза: „J'aurais bien voulu, Monsieur, vous éparagner la perte d'un paquet etc, лишена смысла; предполагая здѣсь пропускъ цѣлой строки: la perte du temps nécessaire pour l'étude d'un paquet, переводчикъ такъ передалъ это мѣсто по-русски: „Я очень желалъ бы избавить васъ отъ потери времени, необходимаго для ознакомленія съ большимъ письмомъ и слѣдующими къ нему двумя копіями, которыя вы, быть можетъ, могли бы получить и въ Москвѣ“, отъ чего смысла вовсе не прибавилось, такъ какъ и въ Москвѣ добытые документы требуютъ „времени, необходимаго для ознакомленія“ Все, однако, объясняется неумѣлымъ чтеніемъ французскаго текста: въ указанной фразѣ вмѣсто la perte читается le port т. е. почтовые надержки, Postgeld. Посылая это перехваченное письмо гр. Кейзерлингу въ Варшаву, Екатерина писала ему, между прочимъ: Vous ferez de cette lettre tous les usages que vous jugerez à propos (Ibid., 177)—фраза эта изъ русскаго перевода исключена. Мы имѣли уже не разъ случай печатно указывать недосмотры, ошибки и невѣрныя чтенія, встрѣчающіеся въ Сборникѣ русскаго историческаго общества, пользоваться которымъ слѣдуетъ лишь съ крайней осторожностью, не полагаясь ни на текстъ, ни на переводъ.

¹⁾ Рескриптъ резиденту Ржичевскому въ Варшаву, отъ 19 сентября 1762 г. (Сборникъ, XLVIII, 131). Въ рескриптѣ сказано: „О такомъ нашемъ соизволеніи увѣдомляемъ мы васъ нынѣ для того, чтобы вы при настояннмъ случаѣ мѣвнѣ наши прямо изъяснить могли“.

царству и земству объявить пристойнымъ образомъ», что онъ аккредитованъ уже не при Карлѣ, а «при старомъ ихъ герцогѣ Эрнстѣ-Іоганнѣ»¹⁾). Считаая такое свое рѣшеніе безусловно справедливымъ, Екатерина все-таки сознавала, что польскій король Августъ III, «яко отецъ, не можетъ, однакоже, не восчувствовать прискорбности»²⁾, видя, какъ его сына ссаживаютъ съ трона.

Августъ восчувствовалъ, и протестовалъ противъ «курляндскихъ претензій» Екатерины, но встрѣтилъ упрямый отпоръ. Какъ сюзеренъ польскаго лена, онъ требовалъ, чтобы Биронъ, какъ вассаль, представилъ непосредственно ему свои притязанія—на это требованіе вовсе не послѣдовало отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что бумага была составлена въ куръ-саксонскомъ министерствѣ, которому Курляндія не была подвѣдомственна, а не въ польскомъ, какъ бы слѣдовало. Какъ польскій король, онъ созвалъ польскій сеймъ, наиболѣе компетентнаго судію въ курляндской тяжбѣ—Екатерина приказала своимъ агентамъ сорвать сеймъ «во что бы оное ни стало», и сеймъ былъ сорванъ³⁾. Августъ III созвалъ сенатъ и министровъ, предполагая получить *senatus consilium* въ пользу своего сына Карла—сторонникъ Россіи князь Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, подалъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что принцъ Карлъ противозаконно былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндіи⁴⁾.

¹⁾ Рескриптъ министру Симолину въ Митавѣ, отъ 17 октября 1762 г. (*Ibid.*, 155).

²⁾ Рескриптъ Ржичевскому, отъ 19 августа 1762 г. (*Ibid.*, 82).

³⁾ Рескриптомъ отъ 29 августа Ржичевскому предписывается разорвать сеймъ „однакоже подъ приличнымъ претекстомъ, до насъ совсѣмъ не касающимся“ (*Ibid.*, 100). Такъ какъ польскому сейму принадлежалъ рѣшающій голосъ въ вопросѣ о Курляндіи, польскомъ ленѣ, то вѣсть о разорваніи сейма была съ удовольствіемъ принята въ Петербургѣ: *Je ne dois pas négliger de vous informer de l'impatience marquée avec laquelle l'on attend cette dernière nouvelle de la rupture de la Diète Polonoise... Les ministres ici viennent de recevoir la nouvelle importante qu'à Varsovie la Diète de Pologne est rompue. Tout le monde en parait fort satisfait.* Делена Бретэля, отъ 28 октября 1762 г. въ Париж. Архивъ, Russie, vol. 71, № 22.

⁴⁾ Мнѣніе Чарторыйскаго очаровало Екатерину, и она собственноручно написала на полученномъ отъ гр. Кейзерлинга переводѣ: „Напечатать въ здѣшнія и петербургскія газеты“ (Сборникъ, XLVIII, 428). Дворъ находился въ то время въ Москвѣ.

Екатерина дѣйствовала твердо, послѣдовательно, энергично. Принцъ Карлъ предполагалъ лично ѣхать въ Петербургъ подѣ предлогомъ поздравленія Екатерины съ восшествіемъ на престолъ—ему дано было знать, чтобы не трудился ѣхать «не вѣдая напередъ, пріятно ли будетъ намъ присутствіе его здѣсь»¹⁾; пріѣхалъ изъ Варшавы для переговоровъ лифляндскій камергеръ Борхъ—ему велѣно было въ 48 часовъ выѣхать изъ Москвы²⁾; принцъ Карлъ написалъ брошюру «Mémoire sur les affaires de Courlande»—Екатерина приказала публично сжечь ее въ Митавѣ и въ Ригѣ³⁾.

22-го августа 1762 г. Биронъ, въ публичной аудіенціи, благодарилъ Екатерину за всѣ ея милости⁴⁾ и 23-го выѣхалъ въ Ригу, со всею своею семьею, съ герцогинею и двумя сыновьями, принцами Петромъ и Карломъ. Пребываніе Бирона въ Ригѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Митавы, не двигало вопроса къ развязкѣ: курляндское дворянство является въ Ригу на поклонъ къ Бирону, а въ Митавѣ по-прежнему возсѣдаетъ на герцогскомъ стулѣ принцъ Карлъ⁵⁾. Скандаль принималъ неприличные размѣры. Очевидно, Панинъ былъ

¹⁾ Осьмнадц. Вѣкъ, I, 406; Сборникъ, XLIII, 35.

²⁾ „Я повелѣваю ему въ сорокъ восемь часовъ отсегѣ выѣхать, въ противномъ случаѣ приказу его выпроводить“, писала Екатерина канцлеру. Борху была сдѣлана déclaration verbale, въ которой, между прочимъ, значилось: „L'Impératrice veut que M-r Borch part de cette résidence dans le terme de deux fois 24 heures (Сборникъ, *ibid.*, 398, 400). Différentes pièces relatives à la mission de M-r. de Borch (Schwartz, № 116).

³⁾ Резолюціи Екатерины на депешѣ Симолина: „Оной Mémoire надлежитъ публично сжечь въ Митавѣ и въ Ригѣ, какъ оскорбительной мнѣ, республикѣ польской и герцогу курляндскому“. *Ibid.*, 388.

⁴⁾ Стоя на колѣняхъ, Биронъ говорилъ въ своей рѣчи, между прочимъ: „Ваше императорское величество изволили вдругъ прервать узы бывшей донынѣ столь тяжкой судьбины моеи; Вы освобождае тѣхъ, кои не Вами лишены были вольности; Вы обрадовали тѣхъ, кои Вами никогда опечалены не были; Вы же сдѣлали благополучными тѣхъ, коихъ безсчастіе Вамъ за всегда прискорбно было“ (С.-Петербург. Вѣдомости за 1762 г. № 70). Биронъ не могъ забыть, что былъ освобождаемъ Петромъ III, а не Екатериной; очевидно, Биронъ только произнесъ рѣчь, не имъ составленную.

⁵⁾ Депеша Бретэля, отъ 28 октября 1762 года: L'affaire de Courlanden est dans la même position. Biron se tient à Riga où la noblesse courlandaise vient en foule lui marquer respect et empressement. M-r le prince Charles reste avec constance à Mittau (Париж. Архивъ, Russie, vol. 71, № 22). Exposé des motifs de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies relativement aux affaires de Courlande. Janvier 1763 (Schwartz № 113).

правъ: если желали посадить Бирона на герцогскій стулъ, нужно было «выбить Карла изъ Митавы».

Начали выбивать. Рижскому генераль-губернатору предписано уже было послать въ Митаву, въ распоряженіе Симолина, «цѣлый батальонъ войскъ при одномъ исправномъ штабъ-офицерѣ», въ виду того, что могутъ «происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторые не-порядки»; Симолинъ наложилъ секвестръ на всѣ статьи герцогскихъ доходовъ, въ помѣстьяхъ сторонниковъ Карла расположилъ военные постои, секвестровалъ всѣ герцогскія аренды, даже пресѣкъ подвозъ въ Митаву провіанта для принца Карла ¹⁾. Эти мѣры оказались дѣйствительными. Даже присланные изъ Варшавы королемъ-отцомъ, въ качествѣ польскихъ комиссаровъ при его сынѣ, принцъ Карлъ, воевода Платеръ и кастелянъ Липскій, признали дальнѣйшее пребываніе принца въ Митавѣ невозможнымъ ²⁾. Реляціею отъ 17-го апрѣля 1763 года, резидентъ Симолинъ доноситъ императрицѣ, что принцъ Карлъ выбитъ изъ Митавы:

«Вчера, 16-го апрѣля, въ утро рано, принцъ Карлъ изъ здѣшняго города въ Варшаву отправился со всѣмъ своимъ дворомъ, оставивъ здѣсь по повелѣнію королевскому для престоереженія своихъ интересовъ польскихъ сенаторовъ воеводу Платерна и кастеляна Липскаго.

«Третьяго дня, въ вечеръ, его высочество со всѣми дворянами партіи его, которые нарочно изъ деревень прѣхали и которыхъ состояло до 18 персонъ, ужиналъ у старостины Корфовой, гдѣ и простился съ ними, увѣряя о своемъ скоромъ возвращеніи, съ увѣщаніемъ дабы токмо они оставались къ нему вѣрны.

«Кастелянъ Липскій еще при присутствіи принца Карла, въ княжескомъ залѣ караулъ польской своей конницы учредилъ и въ нижніе покои переѣхалъ, а верхніе его высочество заперъ и свою печать къ нимъ приложилъ.

¹⁾ Осьмнадц Вѣкъ, I, 407; Сборникъ, XI.VIII, 48, 250, 302, 372; Gruse, II, 31; Richter, 170. Всѣ эти распоряженія Екатерины „апробовала“ и даже приказывала „написать къ Симолину отъ меня благодареніе за его ревностное исполненіе нашей воли“.

²⁾ Nachricht von des Abreise des Herzogs Karl aus Mitau den 26 April (Schwartz, № 125).

«Коль скоро принцъ Карлъ изъ города выѣхалъ, тогда я благоразсудилъ, по сношенію съ его свѣтлостью герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ, караулъ войскъ вашего императорскаго величества нарядить и оной домъ для него занять. Сію комиссію поручилъ я подполковнику Шредеру, съ наставленіемъ, что ежели онъ найдетъ тамо кастеляна Липскаго и польскихъ солдатъ, въ такомъ случаѣ далъ бы ему примѣтить свое удивленіе, по какому поводу и праву онъ занялъ сей княжескій домъ, принадлежащій, какъ извѣстно, владѣющему герцогу Эрнсту-Іоганну, и что ему не невѣдомы тѣ внушенія, какія со стороны вашего императорскаго величества принцу Карлу учинены объ ономъ, а потомъ учтивымъ образомъ присовѣтовалъ выбратъся на другую ему приличную квартиру.

«Оной подполковникъ нашелъ ворота запертыя, но какъ по требованію его были отворены, то онъ встрѣчавшему его кастеляну объявилъ вышеописаннымъ образомъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ, яко сенаторъ, по особливому королевскому указу занялъ сей домъ для храненія до принятія его высочества принца Карла, который вскорѣ возвратится, и что между тѣмъ по королевскому ордеру онъ въ немъ исполнять имѣетъ порученную ему комиссію.

«По учиненному отъ подполковника мнѣ о томъ рапортѣ, я велѣлъ объявить ему, что его комиссія почитаема быть и мѣста здѣсь имѣть не можетъ, и что ваше императорское величество не намѣрены иного герцога признавать, какъ стараго, его свѣтлость Эрнста-Іоганна, слѣдовательно, я надѣюсь, что онъ легко себѣ представить, что потому реченной домъ для него совершенно не оставится и что онъ склоненъ будетъ со всѣмъ своимъ карауломъ выѣхать изъ онаго.

«Наконецъ онъ согласился и тотчасъ объявленный домъ оставилъ и на старую свою квартиру съ карауломъ своимъ перебрался и такъ безъ наималѣйшаго шума и насильства нашъ караулъ вступилъ и теперь въ немъ находится.

«Но понеже верхніе покои печатью принца Карла запечатаны, то герцогъ по здѣшнему обыкновенію рассудилъ послать съ подполковникомъ Шредеромъ и своимъ гофмаршаломъ здѣшняго публичнаго натаріуса, которымъ поручилъ, печати снявъ, каморы осмотрѣть, дабы впредь приклепу не было. Они дѣйствительно осматри-

*

вали и нашли ихъ всѣхъ пустыми, только видно отъ принца по тонкости адвокатовъ для того запечатаны были, чтобы тѣмъ доказать, что онъ сего дому не отдавалъ добровольно, а что всегда на него право имѣть можетъ.

«Напротиву же сего дому находится еще домъ, въ которомъ жили принца Карла придворные люди. Но воевода Платернъ съ поляками по прїѣздѣ сюда занялъ оный для себя, какъ и кастелянъ Липскій другой княжескій домъ, которые оба также герцогу принадлежали и безъ нихъ ему умѣститься нельзя, а сверхъ того не хочется ему допустить, чтобы принцъ Карлъ имѣть могъ здѣсь и наималѣйшее владѣніе; то я по требованію его свѣтлости за надобность почелъ послать къ нимъ подполковника съ тѣмъ, что какъ ваше императорское величество изволили отдать всѣ доходы здѣшней земли законному герцогу Эрнсту-Юганну, слѣдовательно, и всѣ княжескіе дома, какіе они ни былибъ, то я уповаю, что и они не отрекутся тѣ дома, въ коихъ нынѣ живутъ, очистить толь наипаче, ибо герцогъ безъ нихъ обойтись не можетъ. Кастелянъ Липскій объявилъ себя къ тому тотчасъ готовымъ, но воевода Платернъ, ссылаясь на королевскій указъ, коимъ ему повелѣно нарочно жить въ семъ княжескомъ домѣ до возвращенія принца Карла, хотѣлъ напередъ донести его высочеству и просить резолюціи. Сегодня оба сенатора присылали ко мнѣ секретаря своего съ прошеніемъ, чтобы имъ дозволено было остаться въ показанныхъ домахъ до полученія королевскихъ ордеровъ. Я на сіе отвѣтствовалъ, что лучше имъ совсѣмъ отсюда выѣхать, ибо они донынѣ довольно уже примѣтили, что ихъ здѣсь пребываніе излишне, да и впредь имъ ни въ чемъ не удастся по несправедливости ихъ комиссіи. Оный секретарь тогда же паки ко мнѣ возвратился и далъ знать, что воевода намѣрился означенный княжескій домъ оставить и для себя другой нанять.

«Такимъ образомъ герцогъ въ семъ дѣлѣ удовольствованъ и теперь жить можетъ по своему достоинству безъ утѣсненія и безъ препятствія.

«Впрочемъ воевода Платернъ велѣлъ меня просить, дабы ему, яко кавалеру орденовъ Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, отъ

нашихъ карауловъ честь отдавана была, на что я безсомнительно и отвѣтствовалъ, что такая угодность ему показываема будетъ» ¹⁾).

«Апробуется отъ начала до конца», написала Екатерина на этой реляціи Симолина. Въ этой резолюціи слышится внутреннее удовольствіе по поводу достигнутаго успѣха. Главное сдѣлано: Карлъ выбитъ, посаженъ Биронъ. Вскорѣ по отъѣздѣ принца Карла изъ Митавы, Екатерина такъ охарактеризовала положеніе курляндскаго дѣла: «Какъ уже сіе дѣло единожды окончено, то мы отнюдь не допустимъ, чтобы оно, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, паки возобновилось» ²⁾).

Этотъ первый успѣхъ радовалъ Екатерину, успѣхъ, объясняемый, прежде всего, умѣлымъ исполненіемъ проекта, рассчитаннаго на будущее и, быть можетъ, не весьма близкое. Проектъ, самъ по себѣ, не слишкомъ рискованный, но въ положенія Екатерины все-таки довольно смѣлый. Едва вступивъ на престолъ, она пользуется силами и положеніемъ Россіи, чтобы возстановить права человѣка, оставившаго среди русскихъ самая тяжелыя по себѣ воспоминанія. Проклятіе, тяготѣющее надъ именемъ Бирона, ее не останавливаетъ: она вѣрно рассчитала, что удаленіе Бирона изъ Россіи скорѣе будетъ поставлено ей въ заслугу, чѣмъ въ осужденіе, и что, во всякомъ случаѣ, русское общество не настолько интересуется судьбою Бирона, чтобы обратить серьезное вниманіе на какой-то курляндскій инцидентъ. Еще вѣрнѣе былъ расчетъ относительно сосѣдей. Этихъ сосѣдей, заинтересованныхъ въ курляндскомъ дѣлѣ, два — Польша и Пруссія, причѣмъ ни та, ни другая не имѣли серьезныхъ основанийъ брать подъ свою защиту принца Карла, не любимаго Фридрихомъ II, какъ саксонца, и ненавистнаго полякамъ, какъ сына ихъ короля. Саксоніи же было не до Курляндіи: въ это время подводили итоги Семилѣтней войны, и въ Саксоніи не могли не дорожить голосомъ русской императрицы по вопросу о вознагражденіи за убытки, понесенные курфюршествомъ. Остальная Европа ни мало не интересовалась вопросомъ, кто именно владѣетъ какимъ-то польскимъ леномъ на балтійскомъ побережьи. Ни Польша, ни Прус-

¹⁾ Москов. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курляндскія дѣла 1763 г. № 17, Сборникъ, XLVIII, 474.

²⁾ Сборникъ, XLVIII, 612.

сія, не говоря уже о Европѣ, и не предполагали, что успѣхомъ, одержаннымъ Екатериною въ курляндскомъ дѣлѣ, было положено основаніе тому русскому вліянію, которое, много лѣтъ позже, обратитъ польскій ленъ въ русскую губернію.

Екатерина въ то время вовсе объ этомъ не думала и не къ этому стремилась. Подобно Петру Великому, она вполне понимала государственное значеніе Курляндіи для имперіи и тотчасъ по воцареніи исправила ошибки своихъ предшественниковъ, Елизаветы Петровны и Петра III; для нея было чрезвычайно важно имѣть на герцогскомъ стулѣ Курляндіи своего ставленника, «нашего собственнаго герцога»¹⁾. Но, подобно Петру I, она смотрѣла на курляндскій вопросъ не съ узкой, націоналистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія, и потому повелѣла торжественно объявить «рыцарству и земству, что мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно, и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привиллегіяхъ на такомъ основаніи, какъ оныя во время подверженія²⁾ были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намѣрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая-либо отмѣна къ ихъ предосужденію учинена была»³⁾.

Это не были пустякія обѣщанія. Отношеніе Екатерины ко всѣмъ «остзейскимъ провинціямъ» отличалось вообще тою государственною мудростью, которая значительно содѣйствовала прославленію ея царствованія. Лифляндія, Эстляндія и Курляндія являлись ей примѣромъ для подражанія, не задачей для обрусенія: она болѣе стремилась поднять русскія губерніи до остзейскихъ провинцій, чѣмъ принизить остзейскія до русскихъ. Ее плѣняла болѣе высокая культура остзейцевъ и не страшило ихъ самостоятельное развитіе. Она даже сама содѣйствовала ему, крѣпко памятуя, что это нераздѣльные части Россійской имперіи, и горячо ратуя противъ взгляда

¹⁾ Изъ собственноручной записки вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну, отъ 12 октября 1762 г. (Сборникъ, XLVIII, 148).

²⁾ Курляндія стала леномъ польской короны въ силу особыхъ договоровъ подчиненія (*actis subjectionis*), что переводилось въ старину русскимъ выраженіемъ подверженіе, которое встрѣчается во всѣхъ официальныхъ актахъ прошлаго вѣка. Москов. Архивъ мин. ин. дѣлъ, Курлянд. дѣла 1762 г., № 4, л. 92 sqq.

³⁾ Сборникъ, XLVIII, 155.

на обстзейскія провинціи, какъ на «чужестранныя». Такой взглядъ исходилъ въ то время не изъ окраинъ, а отъ имперіи, и Екатерина справедливо находила, что его «съ достовѣрностью можно назвать глупостию» ¹⁾.

Во время коронаціи, въ Москву явился депутатъ отъ лифляндскаго рыцарства и земства, баронъ Карлъ фонъ-Шульцъ, съ просьбою о подтвержденіи ихъ привилегій, правъ и вольностей. На поднесенной депутатомъ челобитной Екатерина положила слѣдующую резолюцію: «Сію челобитную посылаю въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы извѣстно было оному, что я изъ всего того, чѣмъ лифляндское рыцарство и земство предками нашими пожалованы, ничего отнять у нихъ не намѣрена» ²⁾. Просьба эта пролежала въ сенатѣ три мѣсяца безъ всякаго движенія. 13 декабря 1762 г. Екатерина сама явилась въ сенатъ, и вотъ какъ она описала это засѣданіе въ письмѣ къ генераль-фельдцейхмейстеру Вильбоа: «Въ прошлую пятницу я пришла въ сенатъ и спросила, въ какомъ положеніи дѣло о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій; мнѣ отвѣчали, что сенатъ ожидаетъ копіи привилегій, собранныхъ въ одну большую книгу, оставшуюся въ Петербургѣ; тогда ужъ я начала говорить и сказала этимъ господамъ: «Вы должны знать, что я вовсе не намѣрена нарушать привилегій и прочаго, чѣмъ они уже обладаютъ; что я желаю, чтобы всякій жилъ въ мирѣ, и если ливонцы довольны своими законами и привилегіями, то я не желаю и не позволю никому образомъ нарушать ихъ» и я тотчасъ же повелѣла составить подтвердительную грамоту, которую завтра же должны представить мнѣ для подписанія». Между тѣмъ, Екатерина сознавалась, что въ то время ни она, ни кто-либо изъ сенаторовъ ничего не знали, въ чемъ собственно состоятъ эти привилегіи, права и вольности, касаются ли они обычнаго права или положительныхъ законовъ — но Лифляндія признаетъ для себя необходимыми свои автономныя особенності и Екатерина свято сохраняетъ ихъ, выше всего ставя благосостояніе цѣлой провинціи ³⁾.

¹⁾ Ibid, VII, 384.

²⁾ Архивъ Сената, т. 107, л. 419.

³⁾ Il faut cependant en confidence que je vous dise qu'en honneur ni moi ni personne ne sais ce que je confirmerai, si cela est utile aux païs, si ce sont des

Такие государственные взгляды Екатерины были, конечно, известны въ Курляндіи и, вѣроятно, много содѣйствовали Симолину къ «пріумноженію» партіи «нашего собственнаго герцога». Такимъ герцогомъ оказывался Биронъ.

Ему шелъ въ это время 73-й годъ. Статный, красивый мужчина, плѣвившій нѣкогда племянницу Петра Великаго, Биронъ обратился теперь въ дряхлаго, сгорбленнаго старика, на которомъ оставили свой слѣдъ и года, бурно имъ прожитые, и бѣдствія, его постигшія, и, всего болѣе, конечно, всяческія излишества, сопряженныя съ всемогуществомъ власти, такъ широко имъ практиковавшейся. Отъ прежняго Бирона осталось только имя. Было время, когда Биронъ, какъ всесильный деспотъ, царилъ надъ русскою землею единственно благодаря своему твердому характеру, сильной волѣ и дерзкой смѣлости, доходившей до наглости; теперь, двадцатилѣтняя ссылка въ Пелымъ и Ярославль надломила его характеръ, сгубила волю; онъ сталъ нерѣшительнымъ, трусливымъ, надъ которымъ современники подтрунивали, справедливо говоря, что «бодливой нашъ регентъ нынѣ быкъ камолой»¹⁾. Этотъ «быкъ безрогій» надѣлалъ много хлопотъ Екатеринѣ.

Не разъ уже беспокоилъ Биронъ курляндцевъ. Въ 1727 году, Биронъ хлопоталъ о принятіи его въ число мѣстныхъ дворянъ, но курляндцы отказали ему въ этой чести, несмотря на всѣ просьбы герцогини; въ 1737 году, когда курляндская герцогиня была уже русской императрицей, курляндскіе дворяне сочли за честь избрать въ герцога того, котораго они десять лѣтъ назадъ не пожелали признать даже только равнымъ себѣ. Теперь опять, въ третій уже разъ, поднимался бироновскій вопросъ, причемъ мѣстные дворяне раздѣлились на карлистовъ и эрнестинцевъ: 22 іюня 1763 года, въ Митавѣ, въ герцогскомъ дворцѣ, 236 дворянъ принесли присягу на вѣрность герцогу Эрнсту-Іоганну и почти столько же уклони-

---

moeurs ou des coutumes ou des loix, mais j'ai cru que le repos d'une province entiere était préférable à tout le reste (Blum, Ein russischer Staatsmann. I, 436). Письмо это безъ даты, которая опредѣляется грамотою, подписанною 19-мъ декабря (П. С. З., № 727): такъ какъ въ письмѣ въ Вильбоа сказано, что грамота должна быть поднесена завтра (qu'on doit me montrer demain), то письмо было писано, вѣроятно, 18-го декабря.

¹⁾ Русск. Архивъ 1867, 473.

лись отъ присяги, признавая своимъ герцогомъ принца Карла Саксонскаго ¹⁾). Это раздвоеніе, это несогласіе продолжалось всѣ шесть лѣтъ управленія Курляндіею старикомъ Бирономъ: 25 ноября 1769 г. онъ отказался отъ власти въ пользу своего старшаго сына Петра, а 4 апрѣля 1770 года литовская конфедерація провозгласила герцогомъ Курляндіи опять принца Карла Саксонскаго!

Значительная доля отвѣтственности за такое положеніе дѣлъ въ Курляндіи должна быть отнесена къ личности герцога Эрнста-Юганна, въ высшей степени несимпатичной. Такимъ онъ былъ всегда, такимъ же остался и теперь. Ссылка никого еще не исправляла; не исправила она и старика Бирона. Въ Пелымѣ и Ярославлѣ онъ сохранилъ ту же жестокость и корысть, которыми всегда отличался; ставъ опять герцогомъ Курляндіи, онъ не могъ проявлять жестокости, но корысть обуяла его даже съ новою силою. Еще живя въ Ригѣ, до переѣзда въ Митаву, онъ отнялъ у русскихъ мызы, данныя имъ въ аренду, и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе русскаго двора ²⁾). Князь М. И. Дашковъ, командующій войсками въ Курляндіи ³⁾, доносилъ о просьбѣ Бирона «вести для его безопасности другой пѣхотный полкъ», причѣмъ засвидѣтельствовалъ, что «герцогу здѣшнему безъ русскихъ солдатъ здѣсь не княжествовать, столько отъ курлянскихъ дворянъ непочтенъ» ⁴⁾). И что же? «Герцогъ солдатъ нашихъ худо трактируетъ; съ трудомъ въ городѣ проходящимъ я испрашивалъ квартиры; онъ нашихъ солдатъ столь мало менажируетъ, что не даетъ караульнымъ отъ скупости порцій, свѣчи жъ съ экономіею» ⁵⁾). Если Биронъ, по корысти и скупости, относился такъ къ русскимъ войскамъ, которыя посадили его на

¹⁾ Richter, V, 175.

²⁾ Делепа Бретеля отъ 11 мая 1763 г.: Avant le départ de M. le prince Charles de Mittau, Biron a déjà commencé à régner par deux ou trois actes d'autorité qui lui ont attiré des reproches de cette cour. (Париж. Архивъ, Russie, vol. LXXII, p. 132). Ср. Чтеніе за 1833 г., II, 142; Сборникъ LXII 368.

³⁾ Русскій корпусъ, стоявшій въ Курляндіи, для охраны герцога, состоялъ изъ одного пѣхотнаго полка, пяти гренадерскихъ ротъ, трехъ эскадроновъ кирасиръ и двухъ эскадроновъ гусаръ. Сборникъ, LI, 497.

⁴⁾ Ibid., 503.

⁵⁾ О себѣ князь прибавляетъ: «Я, правда, изъять мою персону изъ помнутаго числа: меня отлично принималъ, притомъ я и зубастъ». Ibid., 504.

герцогскій стулъ и безъ которыхъ «ему не княжествовать», то можно уже догадываться, какъ онъ относился къ курляндскимъ дворянамъ, «отъ которыхъ онъ былъ непочтенъ». Реляціею изъ Митавы, отъ 27 іюля 1764 г., Симолинъ доноситъ о недовольствѣ дворянъ герцогомъ «за его неумѣренное поведеніе» ¹⁾). Своєю корыстью Биронъ сьумѣлъ раздражить даже Екатерину, всегда къ нему благоволившую: «Если почту уступить—писала она въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 9 сентября 1763 года—то тѣмъ нарушается актъ постановленной съ герцогомъ курляндскимъ; въ его фаверь съ нашей стороны столько сдѣлано, какъ болѣе требовать не можно» ²⁾).

Биронъ совершенно не понялъ своего положенія и не сьумѣлъ опѣнить оказываемаго ему русской императрицей фавора—подражая Петру III, онъ обратился къ прусскому королю за гарантіею! Реляціею изъ Берлина, отъ 19 августа 1763 года, кн. В. С. Долгоруковъ доносилъ: «Графъ Финкенштейнъ разсказалъ мнѣ, что господинъ Елсень, присланный сюда отъ герцога и статовъ курляндскихъ, просилъ его именемъ герцога, чтобъ представить королю о гарантіи Курляндіи, на что онъ, графъ, ему отвѣчалъ, что оная гарантія излишня, потому что довольно герцогъ утверждень въ своемъ герцогствѣ тѣмъ, что имѣеть защищеніе вашего императорскаго величества, которое стоитъ всякой гарантіи» ³⁾). Прусскій министръ учить Бирона цѣнить фаворъ Екатерины къ герцогу Курляндіи!

Биронъ, надняхъ лишь униженно умолявшій Бестужева замолвить за него словечко, теперь, ставъ герцогомъ, началъ высокоумѣрно относиться къ курляндцамъ и презрительно къ русскимъ, за исключеніемъ, конечно, «зубастыхъ». Екатерина писала Панину: «Какъ вижу изъ реляціи Симолина, и семидесятилѣтніе старики не выучились еще ласково и учтиво обходиться съ людьми. Il faudroit trouver un moyen pour rectifier Monsieur de Courlande, car il se perd par la vanité» ⁴⁾).

¹⁾ Сборникъ, LI, 450.

²⁾ Ibid., XLVIII, 615.

³⁾ Ibid., XLVIII, 614. Это ходатайство о гарантіи прусскаго короля было сдѣлано Бирономъ тайкомъ отъ русскаго двора: «Мы не имѣемъ съ стороны герцога никакого увѣдомленія о намѣреніи его просить королевской гарантіи», сказано въ рескриптѣ кн. Долгорукову въ Берлинъ. Ibid., 624.

⁴⁾ Чтенія за 1863 г., II, 87.

Но Биронъ — «нашъ собственный герцогъ», и Екатерина, конечно, не упуститъ ничего, чтобъ утвердить его на герцогскомъ стулѣ. Смерть польско-саксонскаго Августа III, отца принца Карла, и, еще болѣе, избраніе въ польскіе короли гр. Станислава Понятовскаго, «котораго мы дѣлали», много содѣйствовали полученію инвеституры на Курляндію, какъ польскій ленъ ¹⁾. Несравненно труднѣе было упрочить герцога въ самомъ герцогствѣ. Курляндцы, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, не терпѣли Бирона и не желали признавать его: они приносили на него жалобы въ Варшавѣ, добивались, чтобъ польскій дворъ позвалъ его въ реляціонный судъ, писали статьи въ газетахъ и издавали брошюры, въ которыхъ доказывали незаконный захватъ герцогскаго стула Бирономъ, не являлись на курляндскіе сеймики и не посылали на нихъ своихъ депутатовъ, вполне игнорируя даже самое присутствіе Бирона въ Митавѣ ²⁾. Екатерина упорно шла къ намѣченной цѣли и защищала «собственного герцога» всѣми мѣрами: писала письма королямъ, разсылала циркулярные рескрипты своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, изготовляла статьи для помѣщенія въ газетахъ, причемъ старалась укротить и самого Бирона, «внушая ему, дабы онъ и самъ какъ приласканіями, такъ и дѣйствительными благодѣяніями, старался преклонять къ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые, сколько ни ожесточены нынѣ въ упрямствѣ своемъ, могутъ, однако, со временемъ доброю манерой къ лучшимъ мыслямъ и безъ употребленія способовъ крайности привлечены быть, въ чемъ самомъ и долженъ состоять главный попеченія его предметъ, потому что несравненно лучше и предпочтительнѣе достигать намѣренія своею умѣренностію, нежели силою, когда и безъ оной обойтись можно» ³⁾.

Екатерина хорошо понимала, однако, что безъ силы «обойтись не можно» и держала 44.000 корпусъ на границахъ Курляндіи, не считая корпуса кн. Дашкова въ самой Курляндіи, «для защиты законнаго герцога» ⁴⁾. Курляндцы оказались людьми не робкаго де-

¹⁾ Госуд. Архивъ, V, 94; Сборникъ, VII, 373; LI, 488; LVII, 198.

²⁾ Сборникъ, XLVIII, 322, 351, LI, 182, 187, 219 sqq.

³⁾ Ibid., XX, 203; XLVIII, 351, 353, 366; LI, 186.

⁴⁾ Ibid., XLVIII, 221, 349.

святка; угрозы ихъ не утрашили и они продолжали «упорствовать». Осенью 1766 года Екатерина приказала обнародовать «рѣшительную декларацію въ весьма крѣпкихъ и твердыхъ израженіяхъ» къ благородному рыцарству и земству курляндскому слѣдующаго содержанія: «Ежели всѣ участвовавшіе и участвующіе впредь въ безпрестанныхъ донинѣ безпокойствахъ и несогласіяхъ въ отечествѣ ихъ въ теперешнихъ погрѣшностяхъ своихъ не раскаются, отъ всѣхъ возмутительствъ не отстанутъ, о скоромъ возстановленіи внутренняго покоя и согласія не постараются, его свѣтлости герцогу присягу въ вѣрности не учинятъ и не повинуются и сущими и вѣрными сынами отечества не явятся, къ чему имъ срокъ со дня сей деклараціи на шесть недѣль опредѣляется, то ея императорское величество приняла твердое намѣреніе по прошествіи сего времени высочайше повелѣтъ корпусу войскъ своихъ въ Курляндію вступить и расположить по мѣстностямъ противомышленниковъ и ослушниковъ на собственное содержаніе ихъ, оставляя оныя тамъ до тѣхъ поръ, пока внутренній покой и согласіе совершенно возстановлены не будутъ» ¹⁾.

Мѣра не столько рѣшительная, сколько жестокая и, во всякомъ случаѣ, несправедливая. Несогласія и неудовольствія между герцогомъ и Курляндіею заключались въ чисто экономическихъ условіяхъ, герцогъ нарушалъ частные интересы отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ земель; противъ него были не только богатые землевладѣльцы, но и многіе приходы; сеймики и сеймы обвиняли его въ нарушеніи основныхъ законовъ страны. Такія распри не разрѣшаются военнымъ постоемъ, и благоденствіе страны не возстановляется мародерствомъ и грабежомъ. Французское министерство пришло въ ужасъ отъ этой деклараціи: «курляндцы должны будутъ временно покориться силѣ, но сомнительно, чтобы княженіе Бирона стало отъ того болѣе прочнымъ» ²⁾.

¹⁾ Сборникъ, LXVII, 40. Эта декларація была сообщена польскому королю (I b i d., 61).

²⁾ On ne peut insulter plus ouvertement à la République de Pologne, ni annoncer plus décidément les volontés arbitraires d'un despote, que l'Impératrice de Russie le fait dans la déclaration par laquelle Elle se propose de mettre fin aux troubles de Courlande. Cette Princesse paraît croire qu'un mot de sa bouche suffit pour faire plier toutes les passions et subjuguier tous les intérêts.

Конечно, не стало, и спустя три года властолюбивый старикъ долженъ былъ отречься отъ власти. Съ русской точки зрѣнія представлялось совершенно безразличнымъ, который изъ Бироновъ носить титулъ герцога Курляндіи—отецъ или одинъ изъ его сыновей. Ихъ было два, Петръ и Карлъ, одинъ бездѣтный, другой неженатый. Старшій, принцъ Петръ, еще при утвержденіи отца герцогомъ, былъ объявленъ «наслѣднымъ принцемъ» и въ 1763 г. ѣздилъ въ Варшаву «для принятія лена»¹⁾. Младшій, принцъ Карлъ, любимецъ отца, былъ «къ дѣламъ неспособенъ».

Карлъ родился въ 1728 г. и росъ какъ принцъ крови: 9-ти лѣтъ онъ былъ камергеромъ, 12-ти — кавалеромъ ордена св. Анны; при паденіи отца, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, принцемъ Петромъ, лишился всего. По возвращеніи изъ ссылки, при Петрѣ III, принцъ Карлъ былъ назначенъ генераль-майоромъ, шефомъ Вологодскаго пѣхотнаго полка и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. При вторичномъ признаніи отца герцогомъ, въ 1763 г., принцу Карлу было уже 35 лѣтъ; это былъ красивый, ловкій повѣса и мотъ, любимый отцомъ, но не Екатериною: будучи въ Митавѣ въ 1764 г., она пожаловала принцу Петру орденъ св. Андрея Первозваннаго, принцу же Карлу — ничего. Въ 1765 году, Н. И. Панинъ считалъ его только «шалуномъ и повѣсой»²⁾; въ 1768 году, онъ былъ уже заключенъ въ Бастилію, не за политическое преступленіе³⁾, а за мошенничество: онъ поддѣлывалъ билеты англійскаго банка и римскаго ломбарда, писалъ фальшивые векселя, руководилъ шайкою мазуриковъ⁴⁾. Въ письмѣ отъ 26 февраля 1768 г. графъ К. Г. Разумовскій писалъ о немъ И. И. Шувалову: «Сей дѣтина есть сущій промышленникъ..

Ces Courlandais pourront bien céder à la force par l'instant, mais je doute que le règne du duc Biren on soit mieux affermi. Письмо Шувалея резиденту Боссэ отъ 6 ноября 1766 г. въ Париж. Архивъ, Russie, vol LXXX, p. 14.

¹⁾ Сборникъ, LI, 488.

²⁾ Порошинъ, Записки, 479.

³⁾ Non pas pour l'affaire d'état. Изъ инструкціи Шувалея резиденту Россіи, отъ 21 марта 1768 г. въ Париж. Архивъ, Russie, vol. 82, p. 131.

⁴⁾ Journal des révolutions de l'Europe, X, 139, 143; Merkwürdige in dem A rschive der Bastille Papiere, Leipzig, 1790, стр. 217; Helbig, Günstlinge, 125; Ravaisson-Mollie n, Archives de la Bastille, IX, 87; Русская Старина, LI, 129; LVII, 639; Моу, Correspondance du roi Stanislas-Auguste et de Madame Jeoffrin, p. 318, 323, 332.

Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его надѣлалъ, что, наконецъ, въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его»¹⁾. Еще при жизни отца; особымъ актомъ отъ 14 апрѣля 1771 г., принцъ Карлъ отрекъся отъ своихъ правъ по наслѣдству, а уже черезъ два года, въ 1773 году, Екатерина приказываетъ своему посланнику въ Варшавѣ, барону Стакельбергу, обратить вниманіе на «процессъ, который затѣваетъ братъ герцога Петра, несчастный принцъ Карлъ по поводу условія, которое сдѣлано ими еще при жизни отца и которое онъ надѣется уничтожить силою продажныхъ судовъ Польши»²⁾.

Къ герцогу Петру Екатерина относилась сперва такъ же, какъ и къ его отцу—въ его лицѣ она видѣла и защищала «свое» дѣло. Она писала ландграфинѣ Каролинѣ Гессенъ-Дармштадтской: «Курляндія есть самостоятельное герцогство и ленъ Польши; я поддержала фамилію Бирововъ и не имѣю никакой надобности покидать ее»³⁾, и болѣе откровенно барону Стакельбергу: «Всякаго рода козни, явныя и тайныя, противъ герцога Петра мнѣ рѣшительно не нравятся; я чую въ нихъ саксонскій духъ, который стремится если не уничтожить мое дѣло, то по меньшей мѣрѣ силится испортить его»⁴⁾. Оба эти письма, Каролинѣ и Стакельбергу, писаны въ 1773 г., слѣдовательно, уже послѣ раздѣла Польши, который необходимо долженъ былъ измѣнить взглядъ Екатерины на Курляндію, особенно же какъ на польскій ленъ. Въ первое время, Екатерина старалась всѣми мѣрами сгладить тяжелое на поляковъ впечатлѣніе раздѣла и не касалась польскаго вопроса, который самъ собою выдвигался въ совершенно иномъ уже видѣ. Граница русская врѣзывалась теперь въ польскія земли и приближалась съ другой стороны къ предѣламъ Курляндіи; созерену было уже не до своего вассала. Жадное курляндское дворянство, руководимое исключительно страстью къ наживѣ, засыпало Варшаву и особенно Петербургъ жа-

¹⁾ Васильчиковъ, Разумовскіе, I, 340.

²⁾ Русск. Старина, III, 313.

³⁾ Русск. Архивъ, 1878, I, 392.

⁴⁾ Русск. Старина, III, 312.

лобами на своего герцога, обвиняя его въ нарушеніи земельныхъ и экономическихъ правъ и привилегій высшаго сословія и, въ то же время, безсовѣстно эксплуатируя низшее, крестьянское, и городское. Главнымъ совѣтникомъ Екатерины, ея правою рукою былъ въ это время кн. Г. А. Потемкинъ. Можно догадываться, что подъ его вліяніемъ совершилась окончательная перемѣна во взглядахъ Екатерины на герцога Петра. Мотивы этой перемѣны и рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ императрицы къ курляндскимъ дѣламъ высказанъ въ инструкціи, данной Екатериною 2-го мая 1776 года, графу Стакельбергу, русскому посланнику въ Варшавѣ:

«Желая отблагодарить князя Потемкина за заслуги, оказанныя имъ государству, и намѣреваясь предоставить ему герцогство Курляндское, нахожу необходимымъ предписать для вашего образа дѣйствій слѣдующіе пункты:

«1) хотя вамъ предписывалось не разъ подкрѣплять и поддерживать герцога во всѣхъ его дѣлахъ, эту инструкцію повелѣвается вамъ воздерживаться отъ какого-либо заявленія въ его пользу; 2) вы объявите королю польскому, что, во вниманіе къ его представленіямъ въ пользу дворянства, я устраняюсь на будущее время отъ покровительства герцогу, освѣдомившись о несправедливостяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ относительно основныхъ законовъ Курляндіи; 3) вы внушите косвеннымъ образомъ депутату отъ дворянства на предстоящемъ сеймѣ, что ни ему, ни его сторонникамъ нечего опасаться ни на этомъ сеймѣ, ни впредь какого-либо заявленія съ нашей стороны въ пользу герцога, но что, напротивъ, прерогативы дворянства будутъ поддержаны и сохранены; 4) когда эти предостереженія произведутъ извѣстное впечатлѣніе въ Курляндіи и всяческими путями укоренятся въ умахъ, я отправлю въ Митаву особаго министра, снабженнаго соотвѣтствующими инструкціями, который направитъ дѣла къ предположенной мною цѣли; 5) когда вслѣдствіе этого дворянство соединится, чтобъ воспротивиться всѣмъ неправдамъ и несправедливостямъ, которыя оно претерпѣваетъ отъ нарушенія герцогомъ законовъ, и эти его преступленія будутъ объявлены государственною измѣною и доведены до свѣдѣнія Республики, вы постараетесь не только выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, но доведете дѣло до объявленія герцогскаго стула вакантнымъ и до пре-

доставленія его князю Потемкину, какъ только онъ согласится на счетъ этого съ королемъ и Республикой.

«Сообщивъ вамъ вполнѣ свои намѣренія, предписываю хранить это дѣло въ глубокой тайнѣ и, полагаясь вообще на ваше извѣстное мнѣ усердіе, превыше всего поручаю вашей заботливости не терять изъ виду главнаго побужденія моихъ дѣйствій—славу моего царствования, которая въ этомъ случаѣ требуетъ крайней осторожности и деликатности»¹⁾.

Герцогскія вождельнія кн. Потемкина не достигли цѣли ни въ Курляндіи, ни въ Польшѣ²⁾; но Екатерина навсегда уже лишила герцога Петра своего благоволенія. Въ томъ же 1776-мъ году, она писала великому князю Павлу Петровичу, посѣтившему Митаву проѣздомъ въ Берлинъ, о герцогѣ и герцогинѣ курляндскихъ: «Странными правилами въ жизни и обхожденіяхъ дѣлаются они тягостными и тѣмъ, коихъ благоволеніе пріобрѣсти желаютъ. Мнѣ извѣстны четыре ихъ качества, съ которыми невозможно быть любезными и пріятными—они недовѣрчивы, упрямы, взыскательны и строги до жестокости»³⁾. Прежде Екатерина защищала герцога

¹⁾ Изъ нашего архива. Рескриптъ этотъ не изданъ Русскою Старинною, напечатанною бумага гр. Сталельберга (III, 310, sqq.), съ пропускомъ за время съ 24 августа 1774 г. по 1 февраля 1778 г. На издаваемый теперь впервые рескриптъ Екатерины она сама ссылается въ рескриптѣ отъ 24 октября 1778 г. о *les ordres que je vous ai donné il y a deux ans* (i b i d., 319). Подтверженіе этого желанія кн. Потемкина стать герцогомъ мы нашли въ бумагахъ Берлинскаго Архива Такъ, депешю отъ 23 апрѣля 1779 г. прусскій посланникъ подробно извѣщаетъ Фридриха II о видахъ кн. Потемкина на герцогство Курляндское (Russland, Rep. XI, № 1457, fol. 102) и, отъ 8-го ноября, сообщаетъ свои объясненія съ кн. Потемкинымъ о герцогствѣ Курляндскомъ (i b i d., № 20, fol. 32). Когда Фридрихъ II настоятельно предписывалъ сблизиться съ кн. Потемкинымъ, посланникъ писалъ, отъ 4 мая 1781 года: *Votre Majesté daignera se rapeller, que dès mon arrivée ici j'avais mis tous mes soins à captiver le favori selon Ses ordres. Je lui avais articulé très clairement Ses ententions favorables pour appuyer ses vues sur la Courlande et il m'avait temoigné assez de confiance pour s'expliquer sur ce sujet* (i b i d. № 173).

²⁾ Въ депешѣ отъ 22 іюня 1787 года: *Le Grand-Duc de Russie m'a paru tranquil sur les projets du prince Potemkin. En me parlant de ses menées en Pologne il me dit qu'il pourrait être fort indifférent qu'on y érige ses terres en Duché, qu'une telle idée ne pouvait étonner après les vues qu'on lui avait connues la Courlande* (Берлин Архивъ, i b i d., № 57).

³⁾ Сборникъ, XLVII, 91.

въ его распрѣ съ курляндскимъ дворянствомъ; теперь, въ рескриптѣ отъ 20-го октября 1778 года, она пишетъ графу Стакельбергу: «Мое правосудіе не допускаетъ, чтобы какимъ бы ни было образомъ вы покровительствовали несправедливостямъ герцога. Сверхъ того, я желаю, чтобы на сеймѣ, при разсмотрѣніи жалобъ курляндскаго дворянства на своего герцога, вы предоставили бы полную свободу справедливости и не стѣсняли бы подачу голосовъ» ¹⁾). Прежде Екатерина оправдывала герцога, противившагося контрабанднымъ ухищреніямъ рижскихъ купцовъ ²⁾); теперь она приказываетъ графу Стакельбергу «самымъ рѣшительнымъ образомъ защищать интересы города Риги и лифляндскихъ моихъ подданныхъ по дѣлу курляндскихъ таможенъ противъ покушеній герцога» ³⁾). Въ началѣ 1779 г. кн. Потемкинъ, все еще надѣявшійся стать герцогомъ Курляндскимъ, представилъ императрицѣ небольшую записку ⁴⁾ противъ герцога Петра, составленную агентомъ князя, нарочно для этого ѣздившаго въ Курляндію; Екатерина отвѣчала: «Подкрѣпить угнетенныхъ и истинну отъ меня предписано и всякій часъ готова подтвердить сіи повелѣнія и все то, что въ пользу вашу служить можетъ» ⁵⁾). Въ нѣмецкомъ *Extrait* герцогъ Петръ представленъ какимъ-то чудовищемъ: «У герцога Петра грубый и жестокий характеръ; онъ стремится въ конецъ разорить страну; чисто египетское рабство дойдетъ скоро до крайняго предѣла; съ каждымъ днемъ онъ становится все злѣе; подчиненные терпятъ ежедневно отъ его самодурнаго деспотизма, отъ испанскихъ инквизицій и, вопреки всѣхъ законовъ и уставовъ, подвергаются оковамъ и мученіямъ». Весь этотъ вздоръ составленъ исключительно для доказательства, что «помощь высшей державы необходима, если герцогство должно существовать». Екатерина продолжала, однако, думать, что герцогство должно существовать и герцогскій стулъ все еще долженъ пока принадлежать фамиліи Бироновъ.

¹⁾ Русск. Старина, III, 317.

²⁾ Сборникъ, LVII, 416.

³⁾ Русская Старина, III, 318.

⁴⁾ *Extrait eines Schreibens aus Mitau, den 27 January 1779.* Сборникъ, XLII, 396.

⁵⁾ Сборникъ, XLII, 395.

Герцогъ Петръ былъ женатъ три раза, несмотря на то, что рѣшился вступить въ бракъ лишь на 42-мъ году. Первая его супруга, принцесса Вальдекская, развелась съ нимъ въ 1772 году, послѣ семилѣтняго безплоднаго супружества. Общій говоръ обвинялъ и въ безплодіи, и въ разводѣ исключительно герцога Петра, какъ негоднаго для семейной жизни развратника. Екатерина знала это и задумала исправить герцога именно бракомъ — она женила его на своей фрейлинѣ, красавицѣ княжнѣ Евдокіи Борисовнѣ Юсуповой. Бракъ былъ совершенъ подѣ покровительствомъ Екатерины въ Зимнемъ дворцѣ, въ 1774 году, и былъ вполне несчастливъ. Герцогъ Петръ не исправился, онъ остался такимъ же жестокимъ самодуромъ, какъ и былъ. «Посѣщеніе Курляндіи императрицею и личная благосклонность ея къ герцогинѣ еще нѣсколько времени удерживали его въ предѣлахъ, но по удаленіи государыни онъ снова сталъ тираномъ своей супруги» ¹⁾. Въ 1776 году, Екатерина вызвала герцогиню въ Петербургъ, и Евдокія Борисовна не видала болѣе своего супруга: въ 1778-мъ году она развелась съ нимъ, а въ 1780 году умерла. Ея ранняя смерть произвела впечатлѣніе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ ²⁾ и окончательно отвратила Екатерину отъ герцога Петра. Когда герцогъ женился въ третій разъ, на графинѣ Медемъ, Екатерина не признала ее герцогиней. Императрица писала великому князю Павлу Петровичу, встрѣтившему въ Вѣнѣ, въ 1782 году, курляндскую чету: «Въ отвѣтъ на вопросъ моего дорогого сына, какъ я желаю, чтобъ онъ относился къ герцогу курляндскому, сообщаю мое желаніе, чтобъ онъ не нарушалъ вѣжливости, но что до сихъ поръ я не признала новой жены герцога, что я не отвѣчала на увѣдомительныя письма, которыя онъ мнѣ написалъ, и чтобъ любезный сынъ, если можетъ избѣгнуть свиданія съ нею, избѣгнулъ бы его, а основаніемъ этому можетъ выставить непризнаніе и тогда, быть можетъ, герцогъ и самъ откажется представить ее. Я сдѣлала это, чтобъ не быть вынужденной признавать

¹⁾ Юсуповъ, Род. Юсуповыхъ, I, 141; II, 231.

²⁾ Делеша прусскаго посланника отъ 10 іюля 1780 года: *La duchesse de Courlande, née princesse de Ioussouppoff, vient de mourir avant hier, fort regrettée de la cour et de toutes les personnes qui ont connu cette princesse. Берлинъ. А р х и в ѣ, Russland, № 90.*

каждую недѣлю новую герцогиню, тѣмъ болѣе, что покойная герцогиня находилась подъ моимъ непосредственнымъ покровительствомъ, и мой любезный сынъ помнить все, что происходило по этому поводу»¹⁾.

Екатерина была противъ герцога Петра, но не противъ «своего дѣла». Въ 1787 году, когда у герцога Петра родился сынъ, она признала его «наслѣднымъ принцемъ» Курляндіи; въ 1790 г., когда принцъ умеръ и у герцога Петра не оказалось мужскаго потомства, императрица обратила вниманіе на его племянниковъ, сыновей его брата, безпутнаго принца Карла.

Принцу Карлу было уже болѣе 50-ти лѣтъ, когда онъ женился на княжнѣ Понинской. Ея старшему сыну, принцу Густаву-Каликсту, было уже 10 лѣтъ, младшему, принцу Петру-Алексѣю, 9-ть, когда умеръ «наслѣдный принцъ» Курляндскій. Маленькіе принцы росли то въ Митавѣ, то въ Варшавѣ, но болѣе всего жили въ польскихъ земляхъ матери. Въ 1792 году, Екатерина вызвала юнаго принца въ Петербургъ, дозволила бывать при дворѣ, заботилась объ немъ, и всѣ видѣли въ немъ будущаго герцога Курляндіи²⁾. Русскій резидентъ въ Митавѣ, Рюкманъ, именемъ императрицы требовалъ отъ герцога Петра 40.000 рублей на воспитаніе принца Густава и, въ концѣ концовъ, герцогъ обязался вносить ежегодно 12.000 руб. на содержаніе своего племянника³⁾, воспитывавшагося въ Петер-

¹⁾ Сборникъ, IX, 187.

²⁾ Приводимъ изъ Берлинс. Архива рядъ депешъ съ извѣстіями о юномъ принцѣ: отъ 6 апрѣля 1792 года: Comme l'impératrice doit déjà avoir ait venir le jeune Biron de Pologne à Krementschouk et qu'il y a ici un bel appartement de loué par la cour pour loger un étranger qu'on dit être lui, il faut croire que cette Princesse est entièrement décidée à faire tomber le duché de Courlande entre ses mains L'investiture ayant été donnée par la Pologne à toute la famille Biron, il parait aussi que ses droits sont trop incontestables pour être disputés (№ 27); отъ 9 апрѣля: Le brigadier de Budberg est effectivement arrivé avec le jeune Biron qui, logé et nourri par la cour, doit avoir été nommé lieutenant aux gardes. On se promet beaucoup des talents et de l'esprit que ce jeune homme annonce (№ 28); отъ 6 мая: Le jeune Biron a pâru à la cour et paraît effectivement avoir avec un visage très laid une forte jolie tournure. La jeune cour parlant beaucoup de charmant petit prince, il est à supposer que l'impératrice désire qu'on le distingue infiniment (№ 36) и др.

³⁾ Депеша Гюттеля изъ Митавы, отъ 12 іюля 1792 г.: M-r de Rückmann a fait au nom de l'Impératrice de Russie une proposition au duc de Courlande de fournir aux frais de l'éducation du prince Gustave son neveu, qui est mainte-

бургъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что герцогъ Петръ не имѣлъ сына, наследованіе герцогскаго стула въ родѣ Бирона было обезпечено именно заботами Екатерины.

Двадцать лѣтъ уже герцогъ Петръ владѣеть Курляндіею, но упорядочить свои отношенія къ «курляндскому рыцарству» не можетъ. Согласованіе интересовъ герцога и дворянства являлось и для него, какъ для отца, задачею неразрѣшимою. Этотъ вопросъ живо интересовалъ прусскаго короля. Еще Фридрихъ II съ завистью смотрѣлъ на Курляндію ¹⁾ и всегда слѣдилъ за борьбою курляндскихъ дворянъ съ своимъ герцогомъ. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, особою инструкціею поручилъ секретарю прусскаго посольства въ Петербургъ, Гюттелю, отправиться резидентомъ въ Митаву, изучить на мѣстѣ «курляндскій вопросъ» и разяснить въ своихъ донесеніяхъ какъ положеніе герцога Петра, такъ и его отношенія къ мѣстному дворянству и земству.

Болѣе двухъ лѣтъ пробылъ Гюттель въ Курляндіи. Онъ прибылъ въ Митаву 5-го января 1791 г., прямо изъ Петербурга, и три мѣсяца спустя, въ депешѣ отъ 10 го апрѣля такъ обрисовалъ герцога Петра: «Герцогъ постоянно живетъ въ своемъ помѣстьи ²⁾, съ двумя или тремя приближенными, которые льстятъ ему и обманываютъ его. Лишенный всякаго дарованія, онъ своею неспособностью и еще болѣе подозрительностью самъ портитъ всякое правое дѣло; онъ не умѣетъ ни расточать, ни жаловать во-время; онъ пренебрегаетъ лицами уважаемыми и уступаетъ всякой угрозы. Его подозреваютъ въ двуличности, и онъ самъ даетъ поводъ къ подобнымъ подозрѣніямъ. Онъ лишенъ всякаго чувства и поддается только страху. Его ничтожество и его упрямство мѣшаютъ даже герцогинѣ

---

nant à Pétersbourg, 40.000 Rbl. par an; отъ 19 августа: Le général-major de Budberg, gouverneur du prince Gustave de Biron, est venu de Pétersbourg et au nom de l'Impératrice a demandé au duc ce qu'il comptait faire en faveur de son neveu. Le duc est forcé à 24 heures de consentir à payer annuellement 12.000 Rbl. au profit de prince (Б е р л и н с. А р х и в ъ, Hüttel, №№ 21 и 26).

¹⁾ Le duc d'Aiguillon à M-r Sabatier de Cabre, du 18 mars 1773: S'il est vrai que le roi de Prusse manifeste des vues sur la Courlande, il serait bien étonnant que Catherine II pût persister dans son asservissement à ses 'volontés (П а р и ж. А р х и в ъ, Russie, vol. 91, p. 17).

²⁾ Constamment retiré à sa campagne. Это—замокъ Würzau, въ десяти верстахъ отъ Митавы. Richter, V, 216.

оказывать то доброе вліяніе, которое она могла бы производить своею прелестью, любезностью и своими способностями¹⁾.

Портретъ некрасивый, но, къ сожалѣнію, довольно вѣрный. Еслибы, однако, онъ былъ и совершенно точенъ, едва ли онъ помогъ бы Гюттелю разъяснить сущность курляндскаго вопроса. Коренная причина курляндскихъ раздоровъ заключалась не въ герцогъ и не въ рыцарствѣ—это не былъ личный вопросъ, а чисто политическій, зависямый отъ всего государственнаго строя Курляндіи.

По своему государственному устройству Курляндія представляла олигархію, къ тому же чисто средневѣковую. Страна управлялась сеймомъ, состоявшимъ исключительно изъ дворянъ; ни городское, ни сельское населеніе не имѣло своихъ представителей на сеймѣ. Курляндское рыцарство всегда составляло крѣпко сплоченную корпорацію, имѣвшую своего ландмаршала въ Митауѣ и обладавшую административною и судебною властью въ своей землѣ. Какъ рыцарство чисто средне-вѣковое, феодальное, оно чуждалось промышленной и торговой дѣятельности; по положенію же Курляндіи, оно было лишено придворной или вообще государственной службы и жило исключительно плодами земли. Герцогъ имѣлъ значеніе единственно въ силу обширности своихъ земельныхъ участковъ, вотчинныхъ и государственныхъ, которые онъ отдавалъ курляндскимъ дворянамъ въ аренды и тѣмъ привлекалъ ихъ къ своимъ интересамъ. Такой олигархическій складъ не могъ существовать долго: съ одной стороны, возникли города и народились бюргеры, потребовавшіе извѣстныхъ правъ; съ другой, само рыцарство постоянно росло приплодомъ, и рано или поздно долженъ былъ почувствоваться недостатокъ земли, единственной кормилицы. Онъ почувствовался уже къ началу XVIII столѣтія, и курляндскіе дворяне съ жадностью набросились на герцогскіе земельные участки, которые они всякими правдами и неправдами захватывали въ видѣ арендъ. Долго это продолжаться не могло: у старика Бирона было только два сына, а у этихъ двухъ сыновей было уже 15 дѣтей, нуждавшихся въ извѣстномъ обезпеченіи. Курляндская земля слишкомъ мала, чтобы удовлетворить всѣ аппетиты курляндскаго дворянства. Вслѣдствіе же своего олигархическаго

---

¹⁾ Берлинск. Архивъ, Hattel, № 7.

положенія, это дворянство не воспитало въ себѣ ни патріотическаго чувства, ни государственнаго смысла, и когда герцоги стали отказывать въ арендахъ, дворяне предпочли лучше отречься отъ герцоговъ, даже уничтожить герцогство, чѣмъ отказаться отъ своихъ жадныхъ поползновеній на чужую землю.

Основная причина всѣхъ несогласій и раздоровъ между герцогомъ и курляндскими дворянами заключалась, преимущественно, если не исключительно, въ этихъ арендахъ. Это была борьба чисто экономическая, земельная. Гюттель полагалъ, что герцогъ Петръ можетъ легко примириться съ дворянствомъ, раздавъ ему въ аренду свои земли ¹⁾. Это была бы во всякомъ случаѣ лишь временная отсрочка, а не рѣшеніе вопроса. Герцогъ Петръ не соглашался на отсрочку и не только не раздавалъ арендъ дворянамъ, но даже хлопоталъ у польскаго короля, своего сюзерена, право размежевать вотчинные и государственные участки, отрѣзать аллодіальныя земли отъ феодальныхъ, что было крайне важно для герцога въ виду обезпеченія его дочерей, изъ которыхъ старшей было уже 10 лѣтъ. Курляндскіе дворяне, видя, какъ арендныя земли ускользаютъ изъ ихъ рукъ, протестовали противъ размежеванія, подняли шумъ на своемъ сеймѣ, послали депутатовъ на польскій сеймъ, въ Варшаву, гдѣ представили свой проектъ государственнаго устройства Курляндіи. Предоставляемъ, однако, слово самому Гюттелю, который, въ депешѣ отъ 17 ноября 1791 года, доносилъ прусскому королю:

«Депутаты курляндскаго дворянства представили варшавскому сейму очень важный проектъ. Этотъ возмутительный проектъ, подъ видомъ утвержденія основныхъ законовъ Курляндіи, въ корнѣ подрываетъ ихъ, особенно же относительно герцога. Главная цѣль проекта — уничтожить всякое вліяніе герцога на управленіе страной и отнять у него право распоряжаться даже доходами съ феодаль-

---

¹⁾ Деша Гюттеля отъ 11 августа 1791 года: En général le duc aurait un moyen assez facile de se réconcilier avec l'ordre équestre—ce serait de redonner en ferme à des gentilshommes les terres de ses domaines qu'il fait maintenant administrer. Sans doute on a tort de soutenir que le duc est obligé d'affermier ses terres. Il n'existe point de loi qui l'y force, mais peut-être n'y en aurait-il une iniquité à suivre l'ancien usage et la politique même le conseille (Берлинъ. Архивъ, Hüttel, № 8).

ныхъ земель; въ то же время проектъ увеличиваетъ привилегіи и расширяетъ власть дворянства. Я подозреваю, что вожаки этого дворянскаго кова, руководимые исключительно своими личными интересами, имѣли въ виду совершенно уничтожить герцогское достоинство въ Курляндіи, съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ герцогство къ Польшѣ, обратить феодальныя земли въ староства, которыя были бы розданы курляндскимъ же дворянамъ» ¹⁾).

Трудно усмотрѣть государственнѣйшій смыслъ въ стремленіи уничтожить герцогское достоинство въ герцогствѣ и нельзя не видѣть полного отсутствія патриотическаго чувства въ готовности присоединить родину къ чужому по языку и вѣрѣ государству. Очевидно: въ 1791 году курляндцы могли еще говорить о Польшѣ, но послѣ втораго, особенно же третьяго раздѣла, когда Польша, какъ государство, исчезнетъ, курляндцы стануть просить о присоединеніи Курляндіи къ Россіи.

Намеки на это встрѣчаются еще задолго до втораго раздѣла. Въ юнѣ 1792 г., курляндскіе дворяне подали русскому резиденту Рюкману записку, въ которой называли русскую императрицу «богиней покровительницей» ²⁾ и просили защиты въ своей распрѣ съ герцогомъ. Что могла отвѣтить Екатерина? Самодержавная монархиня официально, чрезъ своего резидента, заявила, что «поддержать всякое постановленіе, какое курляндскій сеймъ признаетъ необходимымъ сдѣлать для блага страны» ³⁾, и нѣсколько дней спустя прошелъ слухъ, что русскимъ войскамъ въ Ригѣ данъ приказъ вступить въ Курляндію, если герцогъ выскажется противъ дворянства ⁴⁾. Предполагая даже, что слухи о занятіи Курляндіи русскими

¹⁾ Берлин. Архивъ, Hüttel, № 12.

²⁾ Angebotete Schutzgöttin, une déesse tutélaire de Courlande (Берлин. Архивъ, Hüttel, № 18).

³⁾ Mr. Ruckmaan leur a donné l'assurance positive, que Sa Souveraine approuvait toutes les démarches que la prétendue diète juge à propos d'entreprendre. Ibid.

⁴⁾ On continue de répandre que le corps qui campe à Riga est destiné à l'occupation de ce duché, si le duc se refuse aux conditions d'arrangements avec ses adversaires. (Депеша Гюттеля отъ 12 іюля 1792 года въ Берлин. Архивъ, Hüttel, № 21). Отъ 10 января 1793 года: Le bruit court que plusieurs régiments russes ont reçu ordre de s'approcher des frontières de la Courlande. (Ibid., № 34).

войсками имѣли основаніе, необходимо отмѣтить, что и въ 1793 году Екатерина имѣла въ виду принца Густава, какъ будущаго герцога Курляндіи ¹⁾. Герцогъ Петръ выказалъ при этихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, полную неспособность: онъ то задумываетъ бросить всё дѣла и временно удалиться за-границу ²⁾, то подписываетъ важныя бумаги, не ознакомившись съ ихъ содержаніемъ ³⁾.

Герцогъ Петръ, очевидно, потерялъ голову, и было отъ чего. Какъ только Екатерина приняла сторону курляндскаго рыцарства, дѣло герцога Петра было проиграно—это было ясно для всѣхъ курляндцевъ, но не всѣ сознавали, что вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть проиграно и дѣло самой Курляндіи. Екатерина настоятельно требовала отъ герцога Петра, чтобъ онъ примирился съ курляндскимъ рыцарствомъ, курляндское же рыцарство, ставившее превыше всего свои личныя выгоды, стремилось умалить власть герцога до полного ея упраздненія и захватить его земли до раздѣленія его ризъ между собою. Это примиреніе состоялось въ началѣ 1793 года, почти наканунѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи, т. е. окончательнаго исчезновенія герцогства. Въ «актѣ соглашенія между его высококняжескою свѣтлостью герцогомъ и благороднымъ рыцарствомъ и земствомъ» ⁴⁾ значеніе герцога крайне принижено, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рыцарству предоставлено болѣе правъ и болѣе власти, чѣмъ герцогу ⁵⁾. Едва этотъ актъ былъ под-

¹⁾ По поводу слуховъ о поѣздѣ принца Фридриха Оранскаго въ Митаву Рюкману было предписано: préparer les esprits de l'aristocratie courlandaise à ce que la future diète elle demande et insiste que la succession future au duché soit éventuellement réglée. (Депеша Гюттеля отъ 19 апрѣля 1792 г.). Въ депешѣ же отъ 3 января 1793 г. прямо говорится des propos sur un séquestre du Duché jusqu'à la majorité du prince Gustave (Берлин. Архивъ, Гюттель, №№ 14 и 32).

²⁾ Le duc médite de s'absenter du pays sous prétexte que sa santé l'exige (Ibid., № 36).

³⁾ Ce qu'il y a de singulier, c'est que le duc ignorait après la signature de l'acte de composition que tel article en fit partie (Ibid., № 37).

⁴⁾ Composition Acte zwischen Seiner Hochfürstlichen Durchlaucht dem Herzog und einer wohlgebornen Ritter und Landschaft. Mitau, 1793.

⁵⁾ Депеша Гюттеля, отъ 10 февраля 1793 года: Le duc a acheté très cher le retour de la paix, car non seulement il est obligé de déroger à plusieurs de ses droits, mais encore de sacrifier des sommes considérables. Берлинск. Архивъ, Hüttel, № 36.

писанъ, какъ началась невѣроятная погоня за арендами, причеиъ курляндскіе дворяне обращались къ Екатеринѣ, и уже она предписывала герцогу раздавать земли по ея указаніямъ, на основаніи присылаемыхъ изъ Петербурга списковъ ¹⁾).

Прусскій король, читая донесенія Гюттеля, хорошо сознавалъ, что судьба Курляндіи предопредѣлена заранѣе самимъ положеніемъ дѣль, но былъ убѣжденъ, что это положеніе создано желаніемъ Екатерины присоединить герцогство къ Россіи, и рѣшился противодѣйствовать этому. Въ іюнѣ 1794 года прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ гр. Гольцъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ въ Петербургъ графъ Тауенцинъ. Въ инструкціи, данной новому посланнику, было предписано «всячески стараться воспрепятствовать Россіи завладѣть Курляндіею», особенно же «Либавскимъ на Балтійскомъ морѣ портомъ»; на случай же неуспѣха, посланнику поручено было «по меньшей мѣрѣ добиться равноцѣннаго для Пруссіи земельного вознагражденія» ²⁾). Исполняя приказаніе своего короля, гр. Тауенцинъ, между прочимъ, старался сблизиться съ «всесильнымъ фаворитомъ», ничтожнымъ и алчнымъ гр. П. А. Зубовымъ, для чего всячески льстилъ ему и силился подкупить его въ пользу Пруссіи. Такъ, именемъ короля предложилъ онъ гр. Зубову герцогство Курляндское, что Зубовъ категорически отклонилъ,

¹⁾ Денеша Гюттеля отъ 3 мая 1793 г.: Rückmann s'est rendu chez le duc pour lui faire la lecture d'une dépêche, laquelle contient de sanglantes reproches pour Monseigneur de n'avoir pas pourvu de fermes tous les individus désignés dans la liste, en ajoutant, que les contracts éventuels que ce prince avait donné aux personnes non protégées par Sa Majesté Impériale devaient être résiliés, si non des troupes russes entreraient en Courlande et mettraient le séquestre sur les terres allodiales du prince. En même temps Rückmann a remis une seconde liste plus nombreuse encore où la terre que chacun doit avoir est expressément nommée (Ibid., № 37). Были требованія даже совершенно невыполнимыя: Le plus grand embarras qui reste au duc est comment satisfaire aux nombreuses recommandations de la Russie; car outre qu'il y a plus de recommandés que de terres vacantes, plusieurs parmi les premiers ont demandé des baillages qui sont déjà assurés à d'autres. Rückmann a exigé pour soi-même quatre fermes dans le voisinage de Mitau, qui depuis longtemps ont été en administration parce que le duc y a établi le haras qu'il entretient pour le grand-duc de Russie (Ibid., № 36).

²⁾ Инструкція отъ 22 іюля 1794 года, въ Берлин. Архивѣ, Рер. XI, vol. II, 1.

говоря, что императрица предназначила герцогство принцу Густаву ¹⁾).

Такимъ образомъ, даже въ 1794 году Екатерина не думала еще о присоединеніи Курляндіи. Не думали объ этомъ и курляндцы. Весной, когда Екатерина подписала актъ гарантіи курляндской конституціи, представитель курляндскаго сейма, обербургграфъ фонъ-деръ Ховенъ, въ прощальной аудіенціи 29 марта 1794 года, назвалъ этотъ актъ золотою буллою, Magna Charta Курляндіи, и выразилъ увѣренность, что онъ «составитъ счастье Курляндіи на будущія времена» ²⁾).

Это было сказано въ Петербургѣ представителемъ курляндцевъ за десять дней до избіенія русскихъ въ Варшавѣ. Въ Польшѣ вспыхнуло сильное революціонное движеніе. Военный пожаръ разлился по всей Великой Польшѣ, охватилъ Митаву, коснулся Курляндіи. Либава была занята инсургентами. 11-го іюля курляндскій сеймъ постановилъ: въ виду польскихъ замѣшательствъ, просить русскую императрицу объ особой защитѣ Курляндіи и ея конституціи. Между тѣмъ, русскія войска очистили Митаву, взяли Прагу, плѣнили Костюшко, заняли Варшаву. Литвинъ Костюшко провозгласилъ Finis Poloniae. Пала Польша; устоитъ ли Курляндія?

Рескриптомъ отъ 26-го октября 1794 года, генераль-поручику кн. Голицыну пожалованъ орденъ св. Владиміра 1-й степени «за очищеніе Курляндіи и Самогитіи отъ польскихъ мятежниковъ и за возстановленіе тамъ спокойствія» ³⁾). Именно въ это время Курляндія была неспокойна. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ по всей Курляндіи было распространяемо и горячо обсуждаемо предложеніе фонъ-деръ-Ховена «уничтожить ленную зависимость Курляндіи отъ Рѣчи Посполитой и отдаться подъ покровительство Россіи, причемъ просить русскую императрицу о сохраненіи особыхъ правъ и привилегій герцогской фамиліи, рыцарства и земства» ⁴⁾). Гер-

¹⁾ Денеша гр. Тауенцина, отъ 30 сентября 1794 г.: Vous savez, Monsieur, que l'Impératrice fait élever les enfants du frère de Duc à Riga et qu'Elle compte les faire régner (Б е р а н в. А р х и в ъ, Тауенциен, № 11). Accorder au comte de Zouboff la Courlande, въ депешѣ отъ 17 октября (Ibid, № 15).

²⁾ Cruse, II, 213; Richter, V, 230.

³⁾ Русскій Архивъ, 1876, II, 131.

⁴⁾ S c h w a r t z, Staatsschriften, № 276, S. 453.

погъ Петръ понялъ, откуда вѣтеръ дуетъ, и написалъ вице-канцлеру гр. Остерману официальное письмо, въ которомъ протестовалъ противъ подобнаго предложенія, какъ возбуждавшаго революціонное въ странѣ движеніе противъ государственнаго строя Курляндіи, признаннаго и гарантированнаго Россіею. Графъ Остерманъ отвѣчалъ 20-го октября, слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь!

«Письмо, которымъ Ваша Свѣтлость изволила почтить меня 30-го сентября, я представилъ императрицѣ и теперь отвѣчаю по особому Ея Величества приказанію.

«Настоящее положеніе польскихъ дѣлъ вполне оправдываетъ въ глазахъ Ея Величества какъ желаніе, выраженное въ письмѣ Вашей Свѣтлости, такъ и просьбу, высказанную курляндскимъ рыцарствомъ. Равнымъ образомъ, Ея Величество по своей мудрости соизволила признать настоятельную необходимость разрѣшить не теряя времени столь важный вопросъ и посоветоваться съ Вашей Свѣтлостью обо всемъ, касающемся интересовъ и благосостоянія Курляндіи и Семигаліи. Ея Величество изволила при этомъ вспомнить, что Ваша Свѣтлость много уже разъ высказывали желаніе посѣтить императорскій дворъ. Вслѣдствіе чего Ея Величество приглашаетъ Вашу Свѣтлость прибыть возможно скорѣе въ Петербургъ, чтобы непосредственно съ Вашею Свѣтлостью обсудить и рѣшить столь важный вопросъ.

«Лифляндскій генераль-губернаторъ баронъ Паленъ, который будетъ имѣть честь представить Вашей Свѣтлости настоящее письмо, получилъ уже приказаніе принять всѣ необходимыя мѣры для удобнаго путешествія Вашей Свѣтлости, между тѣмъ какъ я готовлю помѣщеніе для приема Вашей Свѣтлости»¹⁾).

---

¹⁾ Письмо это приведено въ неизданныхъ мемуарахъ барона X, у Eckardt, Jungrussisch und Altlivländisch. Berlin, 1871, стр. 379. Этотъ X легко развѣшается. Авторъ мемуаровъ называетъ себя оберштаммейстеромъ герцога Петра (Grossstallmeister des Herzogs, S. 380) и депутатомъ Пилтенскаго округа (ich nahm das Amt eines Piltenschen Deputirten an, indem der Oberrath v. Korff mein College war, S. 383) Въ официальномъ спискѣ показаны слѣдующіе Les délégués du district de Pilten: 1) M-r: le conseiller provincial de Korff, 2) le grand écuyer de Heyking (Cruse, II, 288).

Между тѣмъ, десять дней спустя послѣ паденія Праги, герцогъ Петръ получилъ уже оффиціальное предложеніе фонъ-дербъ-Ховена, въ видѣ особой петиціи, подписанной 33 курляндскими дворянами, съ требованіемъ созвать сеймъ для обсуждения и постановленія рѣшенія. Герцогъ напечаталъ эту петицію, разослалъ по всѣмъ приходамъ, но не успѣлъ еще созвать сеймъ, какъ получилъ новую петицію, тоже подписанную многими курляндскими дворянами, въ которой говорилось, что первая петиція возбудила страсти и ложныя толкованія относительно «искомаго» покровительства Россіи: новая петиція находитъ уже «смѣшнымъ ставить какія-либо условія величайшей государынѣ въ Европѣ» и закликаетъ всѣхъ курляндцевъ, разорвавъ связь съ Польшею, «подчиниться вполнѣ русской императрицѣ и предоставить ея великодушную судьбу Курляндіи» ¹⁾.

Гейквигъ оставилъ нѣсколько томовъ своихъ мемуаровъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ; наданъ только небольшой отрывокъ, касающійся присоединенія Курляндіи и проливающій новый свѣтъ на это событіе.

1) И эта вторая петиція составлена Ховеномъ (Schwartz, ibid., S. 455). При государственномъ устройствѣ Курляндіи, только постановленія сейма имѣютъ значеніе, почему мы и не обращали особаго вниманія на дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Кто же такой Ховенъ, игравшій видную роль при послѣднихъ минутахъ герцогства? Отто Германъ фонъ-дербъ-Ховенъ вполнѣ подтверждаетъ нашъ отзывъ о курляндскомъ дворянствѣ: Ховенъ никогда не имѣлъ въ виду интересовъ родины, а руководствовался исключительно личными выгодами. Онъ ратовалъ за принца Карла Саксонскаго, надѣясь получить отъ него достоюжную мзду за свою преданность принцу, и потомъ перебросился на сторону Россіи, продался Екаторинѣ, когда увидѣлъ, что она раздастъ курляндскія аренды. Раньше и полнѣе другихъ курляндцевъ Ховенъ испыталъ на себѣ тяжелую руку Екаторины: по ея приказанію, онъ былъ арестованъ въ 1771 году, въ Варшавѣ, причемъ въ его бумагахъ была найдена переписка съ саксонскимъ дворомъ и планъ возстановленія принца Карла на герцогскомъ ступѣ Курляндіи. Ховенъ былъ заключенъ въ рижской цитадели около трехъ лѣтъ. Въ донесеніи генераль-губернатора Броуна императрицѣ, отъ 2-го іюня 1772 года, видно, какъ тяжело было это заключеніе: „Какъ нынѣ содержащійся здѣсь въ цитадельской крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ секретной арестантъ Ховенъ находится въ тяжелой болѣзни и весь онухъ, потому что онъ никакого свѣжаго воздуха не имѣетъ, то чрезъ плацъ-маіора проситъ меня, чтобъ къ спасенію его жизни дозволено ему было изъ того каменнаго покоя, гдѣ онъ заключенъ, выходи имѣть на свѣжій воздухъ на валъ цитадельской крѣпости“. Екаторина дозволила выходи, но „съ тѣмъ, чтобъ онъ, во время своего прогуливанія, ни съ кѣмъ до разговоровъ допускаемъ не былъ“. Ховенъ былъ освобожденъ 22-го октября 1774 г. (О с ъ м ѡ д ѡ . В ѣ к ѡ , III, 269). Эти нравственныя и физическія страданія

Откуда такая рѣзкая переѣна? Почему протекторатъ такъ быстро смѣненъ присоединеніемъ, къ тому же безусловнымъ?

Курляндское дворянство привыкло уже получать свой *mot d'ordre* не изъ Митавы или Варшавы, а изъ Петербурга — изъ Петербурга приходили списки арендъ, по Петербургу же нормировали курляндцы и свои политическіе взгляды. Между тѣмъ, въ Петербургѣ заѣдала конференція изъ представителей Россіи, Австріи и Пруссіи, окончательно рѣшавшая судьбу Польши. Было уже опредѣлено безповоротно, что по третьему и послѣднему раздѣлу Польши, русская граница отодвинется до Полангена, причемъ рѣшено, что «всѣ земли, владѣнія, провинціи, города, мѣстечки и деревни, заключающіеся въ означенной чертѣ, будутъ присоединены на всегда къ Россійской Имперіи»¹⁾. О Курляндіи не упомянуто ни словомъ, но въ указанной чертѣ заключалось и герцогство Курляндское. Присоединеніе Курляндіи къ Россіи представлялось настолько естественнымъ, что даже прусскій посланникъ графъ Тауенцинъ говорилъ объ этомъ, на конференціи 8-го декабря, какъ о событіи неизбѣжномъ²⁾. Предложеніе курляндцами протектората

Ховенъ скоро забылъ ради матеріальныхъ выгодъ, и Гюттель въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ называетъ его „*ami dévoué de la Russie*“ и такъ отзывается объ немъ: *Howen, la meilleure tête du pays, orienté dans le labyrinthe des lois courlandaises, fin, rusé; adroit, est trop intéressé à fermenter les troubles dont il est la première cause par les déprédations commises à son profit sur les deniers, du duc pendant les voyages de ce prince. Il est trop intéressé encore à maintenir l'influence russe, vu que c'est par elle qu'il est devenu conseiller suprême et qu'il a acquis des sommes immenses. Or, c'est cet Howen, qu'on reconnait généralement pour un roué, mais qu'on admire et qu'on craint, qui dirige le parti anti-ducal* (Берлин. Архивъ, Hüttel, № 7). Ховенъ ратовалъ за безусловное присоединеніе Курляндіи не даромъ: ему было обѣщано большое имѣніе *Grenzhof* (Eskardt, 381); по присоединеніи герцогства, онъ получилъ, кромѣ денегъ и арендъ, чинъ тайнаго совѣтника, званіе сенатора и орденъ св. Анны 1-й степени. *Grothuss, Lebensgeschichte Howen's* — рѣдкая брошюра, которой мы не имѣли подъ руками, равно какъ и *Schwartz, Erläuterungen zu Howen's Lebensgeschichte v. Grothuss. Basel, 1796*. Ховенъ, какъ курляндскій государственный человѣкъ, см. *Das Inland, 1851, № 41, стр. 647*.

1) *Angenberg, Recueil des traités concernant la Pologne, 397; Мартенсъ, Собраніе договоровъ, II, 241.*

2) Въ депешѣ гр. Тауенцина, отъ 10-го декабря 1794 года, наложены переговоры съ гр. Остерманомъ и разсказана интересная конференція 8-го декабря (Берлин. Архивъ, *Tauenzien, № 28*). Ср. *Мартенсъ, II, 226*,

не имѣло уже никакого значенія само по себѣ и, что для курляндцевъ было особенно важно, не имѣло бы ни малѣйшей цѣны въ глазахъ Екатерины, отъ которой они ждали аренды — курляндцы замѣнили протекторатъ присоединеніемъ.

Курляндія переживала серьезныя минуты. На 5-е марта 1795 года созванъ былъ сеймъ, которому предстояло рѣшить не мелкія дразги, не личные интересы, а государственное существованіе герцогства. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія относительно сейма, герцогъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, куда призывала его императрица, чтобъ «посоветоваться съ его свѣтлостью обо всемъ касающемся интересовъ и благосостоянія Курляндіи».

27-го января 1795 года герцогъ Петръ прибылъ въ Петербургъ. Его сопровождала большая свита: канцлеръ Вольфъ, обер-бургграфъ Шеппингъ, высшій совѣтникъ Фирксъ, оберфорстмейстеръ Дершау, обершталмейстеръ Гейкингъ, полковникъ герцогской гвардіи Дризенъ, личный секретарь герцога, много пажей и масса челяди. Приемъ, оказанный герцогу, не предвѣщалъ ничего дурнаго — для помѣщенія герцога нанятъ былъ по приказанію Екатерины обширный домъ графа Остермана¹⁾, императрица и великій князь Павелъ Петровичъ приглашали его къ обѣденному столу²⁾; министры Екатерины оказывали ему подобающее уваженіе.

Подъ этою вполнѣ приличною внѣшностью крылось непримиримое разногласіе, вскорѣ же обнаружившееся. По положенію дѣла всѣ курляндцы сознавали, что присоединеніе Курляндіи къ Россіи является неизбѣжнымъ, но распадались на двѣ партіи относительно практическаго осуществленія этой мѣры — часть курляндцевъ, съ герцогомъ во главѣ, желала присоединенія на извѣстныхъ условіяхъ, другая же, большая часть, съ Ховеномъ во главѣ, ратовала за без-

¹⁾ L'impératrice a loué la maison de comte Ostermann pour 500 roubles par mois au duc de Courlande, qui doit arriver incessamment avec une partie de sa cour. Делеша гр. Тауенцина, отъ 10-го января 1795 г. въ Берлин. Архивъ, Тауенциен, № 7 Графъ Остерманъ извѣщалъ объ этомъ герцога по приказанію императрицы (E s k a r d t, 380). Этотъ домъ былъ куплеиъ кн. Н. В. Реннинымъ (Сборникъ, XVI, 244).

²⁾ Екатерина въ письмѣ къ Гримму, отъ 1-го февраля 1795 г. (Сборникъ XXIII, 619); подробности обѣда у наследника и разговора о „трудномъ положеніи“ герцога, см. E s k a r d t, 382.

условное подчинение. Въ Петербургѣ, равнымъ образомъ, замѣтны были два течения: герцогъ и его министры вели официальные переговоры съ вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ и, въ то же время, фаворитъ Зубовъ, чрезъ посредство А. И. Маркова, давалъ негласныя наставленія Ховену, нерѣдко прямо противныя увѣреніямъ вице-канцлера. Марковъ, принимавшій участіе въ конференціяхъ съ представителями Австріи и Пруссіи, исходилъ изъ того начала, что «захватъ» Курляндіи даетъ поводъ Пруссіи требовать равноцѣннаго вознагражденія, между тѣмъ какъ добровольное, по просьбѣ самого курляндскаго дворянства, и безусловное присоединение Курляндіи къ Россіи лишитъ Пруссію права на подобное вознаграждение¹⁾. Екатерина хорошо понимала разницу въ формѣ присоединенія, но, не желая выступать официально, поручила устройство этого дѣла Зубову и Маркову, которые подкупили Ховена. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ велась двойная игра.

Герцогъ мѣшалъ Ховену. Желая вполне отстранить герцога отъ всякихъ переговоровъ, Ховенъ сталъ всюду распространять, что курляндское дворянство имѣетъ право и желаетъ вести непосредственно переговоры съ русскимъ правительствомъ о судьбѣ своей родины: съ уничтоженіемъ польскаго государства исчезаетъ и авторитетъ герцога курляндскаго, который есть лишь вассалъ польской короны и болѣе ничего. Герцогъ Петръ возмутился. Онъ послалъ гр. Остерману официальную записку, въ которой энергично протестовалъ противъ нарушенія его герцогскихъ прерогативъ, называя поведеніе Ховена *une conduite criminelle*, и ставилъ его заявленіе въ связь съ *idées révolutionnaires*, гибельно дѣйствующими на народныя умы. Гр. Остерманъ отвѣчалъ герцогу именемъ Екатерины, но очень двусмысленно: «Ея Величество питаетъ надежду, что мѣры, которыя приметъ Курляндія, будутъ единодушны, законны и вполне согласны съ конституціею страны»²⁾.

¹⁾ Si la sujétion de la Courlande est volontaire et offerte sans condition par la noblesse elle-même, la cour de Prusse ne pourra demander aucun aequivalent à la Russie: ainsi la forme est ici essentielle. (Ergardt, 381). Чрезвычайно важное соображеніе, свидѣтельствующее, что Екатерина добивалась безусловнаго присоединенія не для уничтоженія курляндскихъ правъ и привилегій, а единственно для огражденія себя отъ прусскихъ притязаній.

²⁾ Ergardt, 382.

Ховенъ, въ свою очередь, мѣшалъ герцогу. Увѣдомляя гр. Зубова о созваніи въ Митавѣ сейма, герцогъ Петръ откровенно заявилъ, что будетъ стараться о недопущеніи Ховена въ число депутатовъ, которые явятся въ Петербургъ отъ имени сейма. Гр. Зубовъ отвѣчалъ герцогу полнымъ согласіемъ и, въ то же время, предписалъ рижскому генераль-губернатору Палену ѣхать въ Митаву и добиться, чтобы сеймъ не только принялъ предложеніе Ховена, но и прислалъ бы его во главѣ депутаціи въ Петербургъ.

Въ Митавѣ орудуютъ и Ховенъ, и Паленъ, набирая партію, удобную видамъ Россіи; герцогъ Петръ живетъ въ Петербургѣ и, конечно, не можетъ имѣть вліянія на членовъ курляндскаго сейма. Въ концѣ февраля, герцогъ рѣшился возвратиться въ Митаву, о чемъ и заявилъ вице-канцлеру гр. Остерману; ему отвѣтили, что онъ можетъ спокойно оставаться въ Петербургѣ и что на сеймѣ все устроится и безъ него ¹⁾. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Митавѣ рѣшалась судьба Курляндіи, герцогъ бездѣйствовалъ въ Петербургѣ, охраняемый отъ сношеній съ кѣмъ бы ни было—онъ не могъ видѣться даже съ прусскимъ посланникомъ ²⁾.

На литовскомъ сеймѣ, дѣйствительно, все устроилось и безъ герцога. Послѣдній курляндскій сеймъ былъ необычайно полонъ и единодушенъ. Партія Ховена одержала полную побѣду. Представители всѣхъ приходоу единогласно, безъ протеста съ чьей бы ни было стороны ³⁾, разорвали связь съ Польшею добровольно и присоединили, безъ всякихъ условій и оговорокъ, Курляндію и Семигаллію къ Россійской имперіи. Въ среду, 7 марта, депутаты сейма подписали слѣдующіе два акта ⁴⁾:

¹⁾ Делеша гр. Тауенцина, отъ 2 марта: Le duc de Courlande a demandé de s'en retourner dans son duché, pretextant l'assemblée des états de Courlande qui doit s'y tenir, mais la Cour lui a fait signifié de demeurer tranquille ici et que tout s'arrangerait sans sa présence (Б е р л и н. А р х и в ъ, Тауензиен, № 20).

²⁾ Comme je ne le vois pas, car il n'a pas voulu risquer de me recevoir chez lui (Ibid., № 25). Такимъ образомъ, въ это время два владѣтельные государя находились подъ надзоромъ русской полиціи: польскій король въ Гродно и герцогъ курляндскій въ Петербургѣ.

³⁾ О внимомъ протестѣ канцлера Вольфа см. Erkardt, 383; Cruse II, 218; Richter, V, 234.

⁴⁾ Архивъ Сената, т. 178, л. 314; П. С. З., № 17319. При указѣ сенату, отъ 15 апрѣля 1795 года, препровождена грамота жителямъ Курляндіи, Се-

в о-п е р в ы х ъ, «Манифестъ благороднаго рыцарства и земства Курляндіи и Семигалліи объ отреченіи отъ существовавшей по нынѣ съ Польшею связи». Существенное значеніе этого акта заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Мы силою сего нашего манифеста за себя и потомковъ нашихъ на всегда и на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ и законнымъ образомъ отрещись восхотѣли и дѣйствительно отрицаемся отъ существовавшаго понынѣ покровительства и верховной власти Польши надъ нами и сими герцогствами, равно какъ и отъ всякой связи, обязательствъ и долгу, коимъ мы и сіи герцогства по днесь въ разсужденіи Польши подлежали».

и в о-в т о р ы х ъ, «Актъ благороднаго рыцарства и земства герцогствъ Курляндіи и Семигалліи о подверженіи ихъ Ея Императорскому Величеству». Побужденія къ подобному «подверженію» выражены курляндцами въ двухъ соображеніяхъ: съ одной стороны, Курляндіи «яко весьма малой области, невозможно самой собою независимо и безъ покровительства высшей державы существовать», съ другой, курляндцы, испытавъ «сколь тягостна и для общаго состоянія вредна была состоявшая доселѣ въ Курляндіи ленная система, должныствовали натурально не токмо почувствовать необходимость подвергнуться вновь высшей державѣ, но и возымѣть желаніе подвергнуться сей высшей державѣ не посредственно, но безпосредственно». Послѣ такихъ соображеній въ актѣ изображено: «и потому непосредственно подвергаемся Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской и Ея Скипетру, и съ толикимъ же благоговѣніемъ, какъ и упованіемъ предоставляемъ и совершенно предаемъ на волю Ея Императорскаго Величества точнѣйшее опредѣленіе будущей нашей участи, тѣмъ паче, что Ея Величество была поднесъ великодушною защитницею и ручательницею всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ правъ, законовъ, обычаевъ, вольностей, привиллегій и владѣній, и что Она, по высокому своему благорасположенію, всеконечно склонна будетъ съ матернимъ попеченіемъ поправить бу-

---

мигалліи и Пильтена, актъ отреченія герцога Петра, манифестъ объ отреченіи отъ связи съ Польшею и акты о присоединеніи къ Россіи всѣхъ трехъ областей. Всѣ акты напечатаны въ нѣмецкомъ текстѣ и русскомъ переводѣ. *Списокъ*, II, 256.

душю судьбу такой земли, которая подвергается Ея Величеству съ преисполненною благоговѣнія и неограниченною довѣренностью»¹⁾).

Сеймъ закончилъ свои засѣданія избраніемъ особой депутаціи изъ шести членовъ, во главѣ которой, по настоянію Палена, былъ поставленъ усердный слуга гр. Зубова извѣстный фонъ-дёръ-Ховенъ. Депутація должна была отправиться въ Петербургъ, явиться in cogroge къ герцогу Петру и заявить ему, что, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, присяга, данная рыцарствомъ герцогу, уничтожается, а вслѣдствіе паденія Польши упраздняется и герцогское его достоинство, какъ вассала. Сверхъ того, депутаціи поручено было предложить герцогу присоединиться къ рѣшеніямъ сейма. Самою же главною задачею депутаціи поручено было представить русскому правительству оба акта и принести вѣрноподданническую присягу императрицѣ Екатеринѣ II.

Только 19 марта прибыла депутація въ Петербургъ и здѣсь узнала, что герцогъ Петръ отрекся уже отъ своихъ правъ на герцогства. Онъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію сейма, но желалъ упредить предложеніе депутаціи. Проектъ акта отреченія былъ представленъ гр. Остерману и, по его одобреніи²⁾, подписанъ герцогомъ 17 марта³⁾. Конечно и герцогъ Петръ, подобно государствен-

¹⁾ Курляндцы ehrfurchtsvoll и vertrauensvoll вручали свою судьбу Екатеринѣ потому именно, что она всегда уважала и охраняла ихъ Rechte, Gesetze, Gewohnheiten, Freiheiten, Privilegien и Besitzungen. Они были увѣрены въ Екатеринѣ и не ошиблись—Екатерина „императорскимъ словомъ“ своимъ подтвердила всѣ права и привилегіи. Это чрезвычайно важное мѣсто акта игнорируется новѣйшими обрусителями. Мосоловъ, *ibid.*, 47.

²⁾ Гр. Остерманъ одобрилъ проектъ, но именемъ императрицы просилъ выраженіе *Unterwerfung ohne Bedingungen* замѣнить выраженіемъ *unbedingte Unterwerfung*. *Erkardt*, 38.

³⁾ Денеша гр. Тауенцина, отъ 20 марта 1795 года: *J'ai appris hier que le duc de Courlande a formellement abdiqué, la chose étant tenue très secrètement, c'est de lui même que je le sais. Comme le comte Ostermann m'a assuré le contraire il n'y a pas longtemps, je passerai chez lui pour en avoir une explication. Le duc a perdu entièrement la tête, trahi et abandonné quasi par tout son pays, et appréhendant le gouvernement russe il s'est crû forcé à cet acte. Comme je ne le vois pas, c'est par un tiers qu'il me fait parler, car il n'a pas voulu risquer de me recevoir chez lui et maintenant toutes ses instances se bornent à supplier Votre Majesté de lui accorder Sa protection, au cas qu'on fasse des difficultés de le faire partir d'ici et de ne point lui refuser Sa puissante intercession pour lui faire obtenir ses justes prétentions. Toute cette affaire s'est ar-*

нымъ чинамъ герцогствъ, признавалъ, что «только безусловное под-
верженіе можетъ основать прочное Курляндіи благополучіе» и
«обезпечить ему давно желанное спокойствіе».

Двѣ недѣли прошло въ исполненіи различныхъ формальностей
и въ приготовленіяхъ къ церемоніи. Главное, существенное было
сдѣлано, и Екатерина, довольная ходомъ дѣла, пишетъ Гримму,
отъ 10-го апрѣля: «Господа курляндцы прибыли сюда не для пред-
ложенія какихъ-либо условій — они только просятъ уравниять ихъ
съ другими областями имперіи, т. е. учрежденія губерніи. Я отвѣ-
чала имъ, что это разумѣлось само собою, и тотчасъ будетъ при-
ступлено къ предварительнымъ распоряженіямъ — къ опредѣленію
уѣздовъ, къ раздѣленію дѣлъ на четыре разряда, къ постройкѣ зда-
ній для казначейства и судебныхъ мѣстъ, къ ихъ внутреннему
устройству. На все это требуется обыкновенно не менѣе года, но
такъ какъ это приходилось уже дѣлать разъ сорокъ и даже болѣе,
есть много людей приготовленныхъ къ этому дѣлу, и мало-по-малу
это идетъ какъ по нотамъ, и всѣ имъ довольны, и я тоже ¹⁾». Ека-
терина, никогда не довѣрявшая Гримму серьезныхъ вопросовъ, и
въ данномъ случаѣ не была откровенна: въ это время составлялась
грамота государственнымъ чинамъ Курляндіи, Семигалліи и Пиль-
тена, опредѣлялся церемоніаль присоединенія герцогства, писа-
лась присяга, устраивалась судьба герцогской фамиліи. Черезъ двѣ
недѣли все было готово.

Въ пятницу, 15-го апрѣля, придворныя кареты, шестеркой цу-
гомъ, въ сопровожденіи конюшенныхъ и гайдуковъ, привезли де-
путатовъ въ Зимній дворецъ. По особому церемоніалу, были они
введены въ тронную залу. Императрица, въ малой императорской
коронѣ, сидѣла на тронѣ, окруженная высшими чинами двора, ми-
нистрами, сановниками. Ховенъ привѣтствовалъ императрицу рѣчью
на нѣмецкомъ языкѣ отъ имени курляндскаго дворянства, послѣ чего
секретарь сейма Нергеріусъ передалъ вице-канцлеру гр. Остерману

---

rangée par des intrigues incroyables, desquelles les Courlandais seront la dupe et
dont ils se repentent déjà et par la faiblesse inexprimable du duc (Б е р л и н .
А р х и в ъ, Tauenzien, № 25).

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 630; Русск. Архивъ, 1878, III, 221.

сеймовые акты о присоединеніи Курляндіи къ Россійской имперіи. То же сдѣлалъ фонъ-Корфъ отъ имени Пильтенскаго округа ¹⁾. На эти привѣтствія гр. Остерманъ, отъ имени императрицы, отвѣчалъ на русскомъ языкѣ:

«Ея Величество императрица съ благоволеніемъ изволить взирать на торжественный актъ, только-что исполненный рыцарствами Курляндіи, Семигалліи и Пильтена. Ея Величество усматриваетъ въ немъ свободное выраженіе безграничнаго довѣрія къ постоянной и непоколебимой, постоянно проявляемой заботливости о счастіи и благополучіи этихъ областей. Милостиво свисходя на ваши желанія и просьбы, Ея Величество принимаетъ эти области подъ свою державу не для расширенія границъ обширной ея имперіи и не для умноженія ея силы, но для распространенія на всѣхъ прибѣгающихъ подъ ея покровительство тѣхъ благодѣяній, которыя она постоянно оказываетъ своимъ подданнымъ. Да соревнуютъ новые подданные, только-что принятые Ея Величествомъ, съ старыми ея подданными въ преданности и послушаніи, и да оправдаютъ тѣмъ доброжелательныя и истинно матернія намѣренія государыни, съ коими она принимаетъ ихъ какъ сыновъ своего отечества и присоединяетъ къ имперіи, столь мудро и великодушно ею правимой. Убѣжденная въ этомъ и довѣряя извѣстнымъ качествамъ и прозорливости новыхъ подданныхъ, Ея Величество ожидаетъ отъ нихъ всего хорошаго, на что они способны. Ея Величество обнаживаетъ своимъ императорскимъ благоволеніемъ и своимъ материнскимъ расположеніемъ какъ Курляндію, Семигаллію и Пильтенъ, такъ и депутатовъ ихъ, нынѣ у ступеней ея трона собравшихся».

Цѣлованіемъ руки закончилось торжество. Затѣмъ депутатамъ розданы были печатные экземпляры манифеста ко всѣмъ подданнымъ Курляндіи, Семигалліи и Пильтенскаго округа, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ манифестѣ, между прочимъ, говорилось: «Объявляемъ при томъ Императорскимъ Нашимъ Словомъ, что не

---

¹⁾ Hoven hatte die Liebedienerei so weit getrieben, sich am Schluss seiner Rede auf ein Knie niederzulassen, und Korff blieb nichts übrig als widertretend diesem Beispiel zu folgen. E c k a r d t, 386.

только свободное исповѣданіе вѣры отъ предковъ вами наслѣдованной, права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая въ цѣлости соблюдены будутъ ¹⁾); но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣеть пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные Россійскіе по милости Нашихъ предковъ и Нашей наслаждаются». Повторяемъ, курляндцы не ошиблись: они могли, конечно, и не слышать о «наслажденіяхъ» русскихъ подданныхъ, но за свое безусловное подчиненіе Екатеринѣ они были награждены торжественнымъ, скрѣпленнымъ «Императорскимъ Словомъ» подтвержденіемъ ихъ правъ и преимуществъ.

Въ среду, 20 апрѣля, депутаты и всѣ курляндцы, числомъ 17, находившіеся въ Петербургѣ, торжественно, въ общемъ собраніи сѣната, принесли присягу на вѣрность ²⁾), прочитанную пасторомъ Вольфомъ. 24-го апрѣля, въ Митавѣ, присягали правительственныя лица, 27-го — дворяне, горожане и лица свободныхъ состояній; къ 1-му мая была окончена присяга всѣхъ жителей Курляндіи, Семигалліи и Пильтена.

Изъ всѣхъ курляндцевъ не присягнулъ только одинъ—Петръ Биронъ. Въ эти критическіе для Курляндіи дни, ея бывший герцогъ оставался, какъ и былъ всегда, ничтожнымъ и пустымъ человѣкомъ. Онъ не понялъ своего положенія и своею безтактностью удивилъ даже своихъ сторонниковъ. Въ неизданныхъ еще запискахъ Гейкинга рассказывается, что Ховенъ, «предатель» Курляндіи и личный врагъ герцога, имѣлъ случай принизить его даже послѣ отреченія отъ герцогства — онъ получилъ у бывшаго герцога «аудиенцію, желая констатировать, что прежнія отношенія курляндскаго рыцарства къ его свѣтлости прекращены на всегда». Мало того: по окончаніи «аудиенціи», произведшей на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, Ховенъ обратился къ Петру Бирону съ ироническимъ пред-

¹⁾ Zugleich erklären Wir auf Unser Kaiserliches Wort, dass nicht nur die freye Ausübung der Religion, welche Ihr von Euren Vorfahren geerbt habet, die Rechte, Vorzüge und das einem jeden gesezmässig gehörige Eigenthum, gänzlich beibehalten werden sollen П. С. З., № 17319, т. XIII, стр. 665.

²⁾ Делета гр. Тауенцина, отъ 20 апрѣля, въ Берлинѣ. Архивъ, Тауенциен, № 33.

ложеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ: Erlauben Euer Hoheit, dass wir Ihre Hand, als die unseres vormaligen Herzogs, zum letzten Male kussen—Биронъ допустилъ и этотъ насмѣшливый *baisemain*¹⁾. Когда церемонія присоединенія Курляндіи была уже совершенно окончена, Биронъ, жившій въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи, просилъ у императрицы, какъ милости, дозволенія купить себѣ домъ въ русской столицѣ²⁾... Матерьяльное положеніе Петра Бирона было опредѣлено особымъ актомъ отъ 11-го іюня³⁾; на другой день онъ выѣхалъ изъ Петербурга⁴⁾. Въ Митавѣ онъ оставался до 30-го августа, когда удалился за границу. Передъ отъѣздомъ онъ имѣлъ еще неосторожность появиться на общественномъ *bal-masqué*, въ костюмѣ крестьянина, гдѣ ему пришилили на спину слѣдующее четверостишіе:

Heute bist du was du bist
 Bau'r in vollem Staate;
 Morgen bist du wieder Fürst
 Dann erst ist Mask'rade.

Принцъ Густавъ и его братъ были возвращены матери, которая получала отъ Екатерины извѣстную субсидію для воспитанія дѣтей⁵⁾.

2-го мая состоялся указъ о назначеніи барона фонъ-деръ Палена генераль-губернаторомъ курляндскимъ; 27-го ноября—о при-

¹⁾ Esкарdt, 385.

²⁾ Les affaires du duché de Courlande étant terminées l'Impératrice a fait demander au duc de Courlande ce qu'il désirait pour sa personne? Parmi ses desirs qu'il a mis au pied du thrône, se trouve entre autre la permission d'oser acheter une maison à Pétersbourg. Chose incroyable d'après la manière dont il y a été traité. Дешеша Тауенцина, 28 апрѣля, въ Берлинѣ. Архивъ, Тауенциен, № 35.

³⁾ П. С. З., № 17341. Дешеша гр. Тауенцина отъ 5-го іюня: Le traitement du duc de Courlande est fixé à 60 milles écus Alberts par an et deux millions d'écus comme dédommagement de ses terres, dont la moitié restera pour payer les dettes qu'il a accusées et l'autre lui sera delivrée (Берлинск. Архивъ, Тауенциен, № 47).

⁴⁾ Дешеша гр. Тауенцина, отъ 12 іюня: Le duc de Courlande part aujourd'hui. Il fera quelque séjour à Würzau et de là il se rendra à Sagan (Берл. Архивъ, *ibid.*, № 49). Онъ жилъ послѣдніе годы въ своихъ имѣніяхъ въ Силезіи въ Чехіи, и умеръ 23 января 1800 года. Gruse, II, 220.

⁵⁾ Дешеша гр. Тауенцина, отъ 15 іюня: La princesse de Biron, belle-soeur du duc de Courlande vient d'obtenir une pension de 24 milles ducats de l'Impératrice et le soin de l'éducation de ses fils, dont cette Souveraine s'était chargée jusqu'ici vient de lui être rendu. Elle va acheter une maison dans cette capitale pour s'y établir. Берлин. Архивъ, *ibid.*, № 50.

веденіи въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ въ Курляндіи, Семигалліи и Пильтенѣ, 28 января 1796 года Курляндія стала Курляндскою губерніею ¹⁾).

Пособники Екатерины въ этомъ дѣлѣ были щедро вознаграждены. Она роздала 2.000 крестьянскихъ дворовъ въ пожизненныя аренды, преимущественно курляндцамъ же, и только одинъ русскій, графъ Зубовъ, получилъ Руэнталь. Кромѣ земель курляндцамъ раздавались чины и ордена. Екатерина, очевидно, была довольна этимъ «новымъ приращеніемъ имперіи» — процентъ культурныхъ людей въ Россіи значительно повысился.

Екатерина сдержала свое императорское слово — въ ея царствованіе «права, преимущества и собственность курляндцевъ соблюдены были». Ни въ одномъ изъ ея распоряженій относительно Курляндской губерніи ²⁾ не замѣтно даже намека на обрусеніе. Напротивъ, она имѣла въ виду учредить въ Митавѣ академію, конечно, не русскую ³⁾. Не только курляндцамъ, даже своимъ «древнимъ подданнымъ» она предоставляла употреблять въ официальной перепискѣ нѣмецкій языкъ. Нарвскій магистратъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою на французскомъ языкѣ; Екатерина написала по этому поводу генераль-губернатору: «Я прочла длинное и странное письмо нарвскаго магистрата. Эти добрые люди подписываютъ то, чего они не понимаютъ — письмо ихъ писано по-французски. Вы мнѣ доставите удовольствіе, растолковавъ имъ, что я предпочитаю, чтобъ они употребляли въ письмахъ ко мнѣ русскій или нѣмецкій языкъ. Я опасаюсь, чтобъ съ языкомъ они не перемѣнили правовъ — обстоятельство, отъ котораго и они, и я можемъ только потерять».

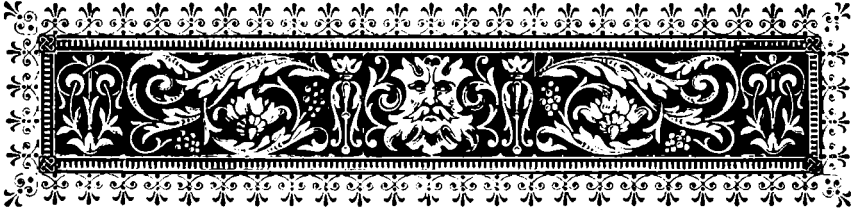
Проф. В. Вильбасовъ.

¹⁾ Архивъ Сената, т. 179, л. 603; П. С. З., №№ 17324, 17411.

²⁾ П. С. З., № 17400; Сборникъ, XVI, 346.

³⁾ П. С. З., № 17411.

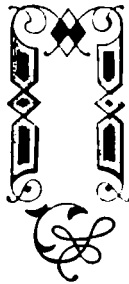

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

VI ¹⁾.

«Сіонскій Вѣстникъ» 1817—1818 гг. и его направление. — Противники журнала и вообще мистицизма: Степанъ Смирновъ и его записка императору Александру. — Пресвященный Иннокентій. — Неизвѣстный авторъ «Безпристрастнаго мнѣнія о Сіонскомъ Вѣстникѣ». — Кн. Ширинскій-Шихматовъ и А. Стурдза. — Подчиненіе «Сіонскаго Вѣстника» духовной цензурѣ. — Переписка Лабзина съ княземъ Голицынымъ по этому поводу. — Прекращеніе журнала. — Краткая оцѣнка дѣятельности Лабзина.

Первая апрѣльская книжка «Сіонскаго Вѣстника» 1817 г. явилась съ особымъ посвященіемъ ²⁾ и въ началѣ ея была напечатана статья «Христось Воскресе!» Во второй статьѣ: «О познаніи себя» Лабзинъ возставалъ противъ гордости, любостыжанія, зависти, гнѣва и клеветы, проповѣдывалъ смиреніе, кротость, любовь, милосердіе и терпѣніе.

¹⁾ См. «Русскую Старину» декабрь 1894 года.

²⁾ Посвященіе это, вызвавшее впоследствии порицаніе, было слѣдующаго содержанія: „Господу Иисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему, вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ о Его же имени, всяко когѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, прахъ и пепель, чающій обновленія своего, со всѣми купно припадая и поклоняяся, въ достоинствѣ своемъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ сей трудъ свой и самого себя посвятить дерзаетъ“

Поставивъ главною задачею своего журнала христіанскую нравственность, Лабзинъ написалъ статью «Духъ и Истина», предназначая ее для такихъ читателей, которые незнакомы съ философіею и истинами религіи, но которые, не будучи рабами общественнаго мнѣнія, проводятъ жизнь не въ усыпленіи нравственнымъ, не въ легкомысліи и лѣности, но, внемля внутреннему голосу, желаютъ быть «наставлены о будущемъ ихъ назначеніи». Въ этихъ статьяхъ читатели должны были найти все, что касается нашего спокойствія, блаженства, облагороженія и усовершенствованія души и всего человѣка ¹⁾).

При помощи такого усовершенствованія, по мнѣнію «Сіонскаго Вѣстника», можно было достигнуть общенія съ міромъ небеснымъ. Средствомъ къ тому служить магнетизмъ, дающій возможность освободить душу отъ тѣла и дать ей средства возноситься къ истинному свѣту. На этомъ основаніи «Вѣстникъ» признавалъ только одно таинство возрожденія, т. е. приближеніе человѣка къ Богу, совершенно отрицалъ пользу остальныхъ и въ особенности монашества.

— Люди, говорилъ Лабзинъ, обыкновенно считаютъ лучшимъ оставить все и удалиться въ монастырь; тамъ мучатъ себя наружнымъ постомъ, поклонами, власяницами, веригами и прочимъ сему подобнымъ. Они не думаютъ при этомъ о внутренней борьбѣ съ мыслями, о переломленіи своей воли, воздержаніи языка и не имѣютъ понятія о внутреннемъ человѣкѣ, живущемъ вѣрою, надеждою и любовью къ Богу и людямъ. Они забавляютъ себя единственно наружными дѣлами: украшаютъ образа или ризы, льютъ колокола, строятъ церкви, думая, что за все это, какъ за добрыя дѣла, наслѣдуютъ рай на небѣ.

Въ доказательство ошибочности такого взгляда, Лабзинъ приводилъ слова митрополита московскаго Платона: «не угоднѣе ли Богу пощадить одну невинную душу, нежели построить нѣсколько церквей? Многіе причиненныя разоренія и убійства могла ли прикрыть монашеская ряса? И безъ постриженія всякій христіанинъ

---

¹⁾ «Сіонскій Вѣстникъ» 1817 г. апрѣль, стр. 37. Съ такою точно цѣлью была написана и статья «О невидимомъ».

обязывается по Евангелію отрещися самого себя,—то тѣмъ самымъ долженъ онъ отрещися отъ честолюбія, корыстолюбія, колыми паче съ обидою другихъ ¹⁾).

Распространяя ученіе мистиковъ со всѣми его тонкостями, Лабзинъ говорилъ, что вся религія и нравственность состоятъ во внутреннемъ общеніи и соединеніи человѣка съ Богомъ, помимо всѣхъ внѣшнихъ формъ и обрядностей.

Вѣра Христова, говорилось въ журналѣ, не знаетъ никакихъ раздѣленій вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, ветхаго человѣка отъ новаго ²⁾). И у самаго Іисуса Христа «мы не найдемъ никакихъ толковъ о догматахъ и таинствахъ церковныхъ, а однѣ практическія аксіомы, поучающія, что дѣлать и чего удаляться и возвѣщающія смерть плотскому мудрованію разума и злой волѣ, или собственной жизни человѣка ³⁾». Поэтому нѣтъ никакихъ основаній къ раздѣленію христіанъ на различныя исповѣданія. Надо оставить лицемѣріе, которымъ люди желаютъ угодить Богу мнѣніями, обрядами и одними только наружными дѣйствіями ⁴⁾). Истиннымъ христіаниномъ можетъ назваться только тотъ, кто, отвергшись отъ міра имѣетъ своею цѣлію одного Христа. Для этого не нужны никакіе обряды, потому-что всякій въ своей совѣсти найдетъ путь ко спасенію ⁵⁾).

Этотъ путь приводитъ мистиковъ къ полному безразличію вѣроисповѣданій и къ убѣжденію, что христіанство существовало отъ сотворенія міра, и что не было ни язычниковъ, ни идолопоклонниковъ. Мистики дѣлили церковь на внѣшнюю и внутреннюю и, не признавая значенія первой, видѣли спасеніе во второй. Только нерукотворный храмъ, находящійся въ душѣ каждаго и обитаемый самимъ Христомъ, можетъ чрезъ него привести къ бесѣдѣ съ Богомъ-Отцомъ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» 1817 года ⁶⁾,

¹⁾ «Сіонскій Вѣстникъ». Т. II, стр. 279.

²⁾ «Сіонскій Вѣстникъ», 1817 г., октябрь, стр. 4.

³⁾ «Сіонскій Вѣстникъ» 1817 г. октябрь, стр. 19.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 33.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 35.

⁶⁾ «Сіонскій Вѣстникъ», стр. 417 и 422.

было напечатано, что въ колоніяхъ, Саратовской губерніи, Духъ Божій явился на 86 дѣтяхъ, молившихся въ полѣ; что однажды отецъ засталъ свою дочь, молящуюся въ конюшнѣ, и сказалъ ей, что она могла бы и въ комнатѣ молиться.

— О! конечно, — отвѣчала она, — но конюшня не святое ли мѣсто? Вѣдь Спаситель родился въ ясляхъ.

Въ статьѣ «О раздѣленіяхъ между христіанами»¹⁾, Лабзинъ писалъ, что раздѣленіе церквей и сектъ основано единственно на гордости разума, который искажилъ истинное христіанство. Отрицаніе разума вело къ отрицанію въ религіи догматическаго, обрядоваго и всякаго нравственнаго—обязательнаго содержанія. Оно служило указаніемъ, что издатель «Сіонскаго Вѣстника» стремится къ уничтоженію святости преданій нашей церкви. Увлекаясь ученіемъ квакеровъ, Лабзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ «Догматы англійскихъ и американскихъ квакеровъ»²⁾. Въ этихъ догматахъ излагается ученіе о внутреннемъ откровеніи или внутреннемъ словѣ, которое выше слова внѣшняго, т. е. Св. Писанія. Послѣднее «не приводитъ человѣка къ спасенію, ибо буквы и начертанныя слова, какъ вещи неодушевленные, не могутъ имѣть силы просвѣщать сердца человѣческаго и соединять ихъ съ Богомъ. Священныя книги приносятъ только ту пользу читающему, что возбуждаютъ и наставляютъ сердце его внимать внутреннему слову и приготавливаютъ оное къ принятію ученія, внутрь Христомъ преподаваемаго, или, что все одно: Священное писаніе есть нѣмый наставникъ, указующій знаками на живаго учителя, обитающаго въ сердцѣ».

Люди неграмотные, по словамъ «Сіонскаго Вѣстника», лишены только нѣкотораго средства по пути къ спасенію, ибо, если они обратятъ вниманіе свое къ внутреннему наставнику, учителю и слову, то отъ него могутъ почерпнуть все нужное. Вотъ почему церковь Христа безпредѣльна: она заключаетъ въ себѣ весь родъ человѣческій, и всѣ смертные, имѣющіе въ сердцѣ своемъ Христа, въ какой бы грубости и невѣдѣніи христіанскаго закона ни обрѣтались, могутъ быть черезъ Него блаженными въ сей и будущей

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., октябрь.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., декабрь.

жизни. Въ догматахъ квакеровъ «Сіонскій Вѣстникъ» видѣлъ ту именно церковь, которая признаетъ, что христіане должны составлять одно семейство; что церковь эта не знаетъ никакихъ иныхъ догматовъ, кромѣ догмата о возрожденіи и соединеніи человѣка съ Богомъ; что только въ возрожденіи находится сущность христіанства и существенный долгъ христіанской жизни. Возрожденіемъ образуется царское священство и избранный народъ Божій, назначенный къ вѣчной жизни ¹⁾).

Какъ христіанскіе народы ведутъ свое лѣтоисчисленіе отъ Рождества Христова, такъ мистики, т. е. внутренніе истинно-духовные христіане, должны считать время своей жизни отъ воплощенія въ нихъ Христа ²⁾). Если духовно-возрожденные живутъ не сами, а живетъ въ нихъ Христось, то молитвенный домъ ихъ въ сердцѣ каждаго.

«Къ Христу не нужно ходить ни на небо, ни въ бездну, но у каждаго человѣка есть въ сердцѣ и въ устахъ слово Божіе, которое вочеловѣчилось и есть Христось Божій ³⁾). Но чтобы правильно идти по пути внутренней жизни, соотвѣтственно откровенному слову, необходимо вѣрное истолкованіе послѣдняго. Священное писаніе есть хранилище истины, но эта истина должна быть раскрыта въ своемъ внутреннемъ глубокомъ смыслѣ.—Тогда истинное пониманіе священныхъ книгъ открывается созерцаніемъ духовнаго человѣка, имѣющаго возможность принимать и разумѣть божественное, и имѣть самый умъ Христовъ ⁴⁾). Впрочемъ, никакая книга не можетъ ни дать, ни отнять опытнаго дознанія внутренней сокровенной жизни. Чтобы истинно познать Христа, надобно самому начать жить Его жизнью, и мы по столько будемъ познавать Его, по сколько этой жизни будетъ пребывать въ насъ ⁵⁾). Все это достигается только внутреннею церковью: а внѣшняя—это толпа оглашенныхъ, низшихъ христіанъ, имѣющая видъ грѣха, подобная Іову на гноищѣ ⁶⁾). Поэтому внѣшняя церковь, со всѣми

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г. іюнь, стр. 305.

²⁾ Тоже, январь, стр. 4.

³⁾ О чтеніи духовныхъ книгъ, „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., августъ.

⁴⁾ Духъ и Истина, „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., сентябрь.

⁵⁾ Тамъ же, октябрь, стр. 66—67; декабрь, стр. 312, 316.

⁶⁾ О союзѣ Бога съ человѣкомъ, „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г. № 1.

своими таинствами, оказывалась совершенно ненужною и не признавалась ни мистиками, ни «Сіонскимъ Вѣстникомъ».

Появленіе послѣдующихъ книжекъ журнала, въ которыхъ Лабзинъ нападалъ на злоупотребленія или обнародовалъ истины, которыя духовенство не могло переносить равнодушно, дало возможность противникамъ обвинить его во многомъ. По городу стали ходить рассказы о противо-религіозномъ направленіи «Сіонскаго Вѣстника» и ханжествѣ его издателя. Указывали, что таинство крещенія онъ объясняетъ по-своему и несогласно съ ученіемъ православной церкви; точно такъ же, какъ и таинства причащенія и покаянія. Такое крайнее направленіе журнала было названо противнымъ ученію православной церкви и вызвало протестъ сначала со стороны духовенства, а потомъ и свѣтскихъ лицъ, считавшихъ себя ревнителями православія.

Мы видѣли, что первымъ по времени противникомъ мистики былъ священникъ Иванъ Полубенскій ¹⁾, а затѣмъ Филаретъ, возставшій противъ крайняго мистицизма. Если вначалѣ онъ самъ увлекался этимъ ученіемъ, то впослѣдствіи «обладая глубокимъ и свѣтлымъ умомъ, діалектическимъ анализомъ, замѣчательною строгостью къ себѣ, къ каждой своей мысли и даже выраженію, Филаретъ имѣлъ полную возможность критически относиться къ современнымъ увлеченіямъ и удерживать только то, что было добраго и хорошаго въ тогдашнемъ мистицизмѣ» ²⁾.

Замѣтивъ уклоненіе общества отъ господствующей религіи. Филаретъ употреблялъ всѣ свои силы, чтобы возвратить его на путь истиннаго православія. «Что принадлежитъ до насъ, обитателей Лавры, писалъ онъ отцу ³⁾,—мы единымъ сердцемъ и едиными устами, елико можемъ, проповѣдуемъ Христа Распята.—Да будетъ Онъ намъ недостойнымъ Божія сила и Божія премудрость».

Правда, что первыя проповѣди Филарета затрогивали самые живые вопросы мистики: о возрожденіи духовномъ, о дѣйствіяхъ

¹⁾ Издавшій въ 1803 г. книгу подъ заглавіемъ: „О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ челоѣка-христіанна“. См. „Русскую Старину“ 1894 г. № 10-й стр. 122.

²⁾ Графъ М. М. Сперанскій. И. Катетова. „Православный Собесѣдникъ“ 1889 г. № 6, стр. 307.

³⁾ Въ письмѣ отъ 5 декабря 1813 г. Письма Филарета, стр. 181.

Св. Духа въ сердцахъ вѣрующихъ, о просвѣщеніи внутреннимъ свѣтомъ и проч. Тогда мистики увлекались этими проповѣдями и не замѣчали того, что онѣ были строго праславны.

Они не замѣчали, что Филаретъ старался внушить необходимость получать утѣшеніе именно въ храмѣ Божиѣмъ, въ богослуженіи церковномъ и порицалъ тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ приблизиться ко Христу и соединиться съ нимъ помимо церкви.

«О! коль близко къ намъ Христосъ повсюду, — говорилъ Филаретъ ¹⁾, и наипаче въ церкви своей. Только твари окружающая насъ отсюда и тѣсня между Имъ и нами, не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай, ищущая своего спасенія, душа. Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямой путь къ вождѣльному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то плачевныя желанія любви. Приближайся къ Нему преимущественно въ семъ домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ, хотя Онъ также закрываетъ свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжественнѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые, хотя для чувствительныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена, но для вѣрующихъ духъ суть и животъ суть (Іоан. VI, 63). Здѣсь тайно дѣйствуетъ тѣло Его, коего святое приобщеніе не только приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ нимъ соединяетъ» ²⁾.

«Богъ вездѣсущъ, говорилъ Филаретъ въ другой проповѣди ³⁾, и наипаче здѣсь во храмѣ есть имя Его, и очи Его, и сердце Его. Если Богъ вездѣсущъ, то и домъ Его вездѣ. Долго ли надобно искать того, чего потерять не гдѣ? Тѣ, которые стали бы говорить такимъ образомъ, черезъ сіе самое признались бы, что еще они,

¹⁾ Слово въ недѣлю 24-ю по Пятидесятницѣ, говоренное въ 1814 году на текстъ: „и рече Иисусъ, кто есть кощувыйся Мнѣ“.

²⁾ Сочиненія Филарета, митрополита московскаго. Т. I., изд. 1873 года, стр. 79.

³⁾ Слово на освященіе домовою церкви графа А. Б. Разумовскаго 30-го іюля 1816 г. Соч. Филарета, стр. 227 и 228.

какъ должно не искали жительство въ домѣ Господнемъ. Иначе не думали бы обладать онымъ такъ безопасно».

Проповѣдникъ указывалъ на необходимость прилѣпляться къ св. церкви, въ ея храмовомъ богослуженіи находить въ немъ для себя духовное освященіе, а не искать его, полагаясь на вездѣсущіе Божіе, гдѣ бы то ни было, въ любомъ человѣческомъ жилищѣ. Филаретъ совѣтовалъ не увлекаться ученіемъ мистиковъ и слѣдовать ученію православной церкви. — «Есть многіе и благолѣпные гласы, говорилъ онъ ¹⁾, поражающіе внутренній слухъ, но не все есть гласъ Господа Бога, ходяща въ рай, — дано было въ рай глаголатъ и змію. Есть многіе и свѣтлые виды, встрѣчающіеся духовному оку, но не все есть истинный свѣтъ Христовъ, — и сатана преобразуется въ ангела свѣтла. Познай же, куда обращаться должно, чтобы не быть увлечену призраками. Имамы извѣстнѣйшее пророческое и апостольское слово, дабы внимать ему яко свѣтильнику чистѣйшаго свѣта».

Признавая всю пользу мистическаго ученія въ духѣ православія, Филаретъ былъ противникомъ всякаго уклоненія его отъ этого направленія. Онъ ясно понималъ, что въ мистикѣ самый важный вопросъ — это отношеніе ея къ церкви и церковнымъ учрежденіямъ. Всякая обособленность могла принести только вредъ, а не пользу. Точно такого же мнѣнія былъ и М. М. Сперанскій. Онъ находилъ, что современный ему мистицизмъ зашелъ слишкомъ далеко, вообразилъ, что открылъ какой-то особый путь къ истинѣ, наиболѣе удобный и болѣе чистый, чѣмъ тотъ, который представляетъ намъ церковь со всѣми ея установленіями. Сперанскій видѣлъ въ этомъ заблужденіе и гордое и плачевное.

«Лабзина, — писалъ онъ ²⁾, — еще при мнѣ подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ, но я думалъ, и теперь еще думаю, что онъ самъ распустилъ о себѣ сія слухи, по свойственному ему самолюбію и чванливости. Какъ бы то ни было, вообще нельзя не же-

¹⁾ Слово на день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, говоренное 21-го ноября 1814 г. въ домової церкви князя А. Н. Голицына. Тамъ же, стр. 211.

²⁾ Въ письмѣ Столыпину отъ 26-го іюня 1818 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г. Т. I, 437.

лать, чтобы менѣе было мистицизма и болѣе приверженности къ истинной вѣрѣ и любви къ человѣкамъ, ибо въ семь одномъ состоитъ, по моему мнѣнію, вся тайна нашей религіи.

«Какъ будто,—писаль Сперанскій П. А. Словцову ¹⁾),—отвергнувъ слова, фигуры, формы и изображенія, церковью принятыя, мудрецы сіи не принуждены были ввести также свои слова, формы и изображенія, церковью не принятыя; какъ будто передъ Богомъ метафизическая наша истина всегда словами, т. е. формами и умственными начертаніями, представляется чище и ему угоднѣе, нежели обряды церковные, и какъ-будто сей чистѣйшій духъ понимаетъ метафизическое наше лепетаніе и имъ измѣряетъ наши предъ нимъ достоинства. Установленія церковныя по истинѣ удовлетворяютъ всѣмъ человѣческимъ положеніямъ. Одна литургія Іоанна Златоустаго или Василя Великаго можетъ занять на всю жизнь и даже поглотить въ себѣ всѣ размышленія самаго глубокомысленнаго испытателя, если только онъ будетъ размышлять съ надлежащимъ совѣсти и духа очищеніемъ».

Таковы были противники, нападавшіе на общее направленіе тогдашняго мистицизма, а вслѣдъ за тѣмъ явились лица, горячо осуждавшія направленіе «Сіонскаго Вѣстника» и дѣятельность Лабзина вообще. Его обвиняли въ расколѣ и говорили, что онъ вводитъ ученіе, противное обрядамъ и установленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, не соглашается съ истинами Символа вѣры и объявляетъ себя противникомъ внѣшней церкви.

«Еслибы половина того, что вамъ сказали о Лабзинѣ,—писаль Сперанскій ²⁾),—была правда, то онъ былъ бы чудовище. Какъ мало еще просвѣщенія въ Петербургѣ! Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старья бабья сказки, коими можно пугать только дѣтей.

«Впрочемъ, писатель, который въ теченіе двадцати лѣтъ непрестанно занимается изданіемъ христіанскихъ книгъ, по необходимости долженъ быть ненавидимъ и злословимъ. Для меня сіе не новость, а сіе злословіе именно составляетъ его достоинство. Людѣ

¹⁾ «Библиографическія записки». Т, III, 532.

²⁾ Въ письмѣ Столыпину отъ 22 февраля 1818 года изъ Пензы. „Русскій Архивъ“ 1870 г., № 6, стр. 1151.

безъ религіи никакъ не понимаютъ, какъ можно ея заниматься постоянно, не бывъ сумасшедшими или лицемѣрами»...

Такое лицемѣріе и любочестіе видѣли въ Лабзинѣ его враги — защитники православія. Еще до возобновленія «Сіонскаго Вѣстника» многіе порицали его дѣятельность по переводу книгъ мистическаго содержанія.

«Въ прошломъ 1815 году, — писалъ Степанъ Смирновъ императору Александру ¹⁾, — на російскомъ языкѣ издана книга подъ названіемъ «Побѣдная повѣсть», въ коей, подъ видомъ изъясненія Апокалипсиса, содержатся оскорбительныя хуленія христіанства, наипаче греческаго исповѣданія. Всѣ древнія ереси нагло проповѣдуются въ сей книгѣ, именно: отрицается Божество Іисуса Христа, приписуется ему невѣдѣніе будущаго, христіанскіе храмы называются языческими, святыя иконы — идолами, вселенскіе соборы и учителя церкви почитаются преобразователями христіанства во язычество. Сверхъ того, отвергается вѣчность мученій, магометанство смѣшивается съ христіанствомъ, предвозвѣщаются революціи всему христіанству, подобныя французской; наконецъ, въ противность запрещенію Господа, назначается годъ, именно 1836-й, въ который якобы воспослѣдуетъ второе пришествіе Господа».

Перечисляя рядъ книгъ, изданныхъ въ 1815 и 1816 годахъ ²⁾, Смирновъ говорилъ, что всѣ онѣ имѣютъ благовидную наружность, но гибельную внутренность, ведущую къ потрясенію христіанства, престоловъ и къ образованію тайныхъ обществъ, стремящихся владычествовать надъ всѣмъ міромъ.

«Всемиловѣйшій государь! — писалъ Смирновъ въ заключеніи своего письма, — не попусти въ Богоспасаемой Россіи владыче-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 17 августа 1816 года. «Чтенія исторіи и древностей» 1858 г., кн. IV, стр. 139. Смирновъ былъ губернской секретарь, переводчикъ Императорской медико-хирургической академіи.

²⁾ Таковыми, по его мнѣнію, были: 1) «Побѣдная повѣсть», 2) «Агаоклесь или письма изъ Рима и Греціи», соч. г-жи Пиклеръ, 3) «Наука чиселъ», соч. Экартауэна, 4) «Приключенія по смерти», соч. Штилинга, 5) «Угрозы Свѣтостоковъ», 6) «О истинѣ и соженіи всѣхъ вещей», 7) «Мученики», соч. Шатобриана. Въ ней сказано, что человѣкъ, не могшій обуздать возродившееся насиліе, выдумалъ боговъ, и такимъ образомъ изобрѣтена вѣра. «Тираны (т. е. всѣ вообще власти) оною воспользовались. Человѣкъ, забывъ происхожденіе Боговъ, скорѣ имъ повѣрилъ».

ствовать завѣту беззаконниковъ. Съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ. Хаосъ смятеній и разстройство поглотитъ тогда народное благо. Появленіе богоотступныхъ и возмутительныхъ книгъ пронзаеть горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ».

Такое обличеніе оказывалось пока рановременнымъ; реакція еще не наступала. Князь Голицынъ былъ въ полной силѣ, раздѣлялъ и сочувствовалъ ученію мистиковъ, и по ходатайству его, спустя годъ послѣ письма Смирнова, сталъ выходить «Сіонскій Вѣстникъ». Первымъ явнымъ противникомъ журнала явился извѣстный уже намъ ректоръ Петербургской семинаріи, преосвященный Иннокентій (Смирновъ). Онъ написалъ письмо князю А. Н. Голицыну, въ которомъ говорилъ: «вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее». Князь Голицынъ отправился къ митрополиту Михаилу и, показывая ему письмо, прибавилъ: «вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ». Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія, выговаривалъ ему, но тотъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по убѣжденію ¹⁾. Михаилъ приказалъ, однакоже, Иннокентію съѣздить къ князю Голицыну и извиниться, но это мало помогло дѣлу. Партія противниковъ Лабзина росла и, съ выходомъ каждой новой книжки, его все болѣе и болѣе упрекали въ проповѣдываніи богоотступнаго ученія. Возможность такого явленія въ нашей литературѣ объясняли тѣмъ, что не только «Сіонскій Вѣстникъ», но и другія изданія Лабзина, печатались съ дозволенія гражданской цензуры въ частныхъ типографіяхъ, и что, наконецъ, самъ онъ былъ свѣтское, а не духовное лицо.

«Страсть блистать вымыслами и остроуміемъ, —говорилось въ одномъ изъ критическихъ разборовъ «Сіонскаго Вѣстника» ²⁾,— часто увлекаетъ писателей свѣтскихъ за границы строгой нравственности и приличія. Ласковыми и красивыми словами, говоритъ апостолъ, обольщаютъ сердце простодушныхъ (Римл. 16, 18)». Такое обольщеніе читателей видѣлъ и авторъ рукописи подъ заглавіемъ: «Безпристрастное мнѣніе о «Сіонскомъ Вѣст-

¹⁾ Изъ воспоминаній покойнаго Физарета, митрополита московскаго „Православное Обзорѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 523.

²⁾ „Архивъ Синода“. Отдѣленіе рукописей № $\frac{435}{323}$.

никъ» 1817 года»¹⁾. Критикъ останавливается прежде всего на томъ, что журналъ этотъ, — учитель христіанскаго смиренномудрія, — какъ печатающійся вопреки устава съ разрѣшенія гражданской цензуры²⁾, ознаменовалъ первый шагъ свой законопреступленіемъ, ибо «противляяся власти Божію повелѣнію противляется».

«Сіонскій Вѣстникъ», — сказано далѣе, — посвященъ Господу Іисусу Христу. Посвященіе это занимаетъ особый листокъ, точно въ той же фигурѣ³⁾, какъ и обыкновенное посвященіе при книгахъ знатнымъ особамъ или друзьямъ. Этотъ церемоніальный видъ потому замѣчательнъ, что ни одна еще христіанская книга не отличалась такимъ началомъ. Обыкновенно въ церковныхъ книгахъ начинается просто, въ строку, слѣдующими смиренными словами: «Во славу Святыя единасущныя, животворящія и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Св. Духа». Но есть причины думать, что посвященіе «Сіонскаго Вѣстника» не можетъ быть Іисусу Христу жертвою благопріятною, ибо въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» находятся статьи, не имѣющія никакого отношенія къ славѣ имени Іисуса Христа. Таковы суть монгольскія сказки, догматы квакеровъ, разрушающіе христіанство, акростихъ Хвостовой⁴⁾ и т. п.

«Писать сказки «Сіонскому Вѣстнику», который долженъ занимать одними священными предметами Сіона Божія, не есть ли это пренебреженіе дѣла Божія? Кольми паче посвящать сказки

1) „Архивъ Синода“. Отдѣлъ рукописей № 334.

2) Обвиненіе это, какъ мы выше видѣли, не вполне справедливо.

3) См. выше примѣчаніе, стр. 56.

4) Акростихъ не заключалъ въ себѣ ничего противнаго религіи и даже ничего замѣчательнаго. Критикъ упоминаетъ о немъ вѣроятно потому, что Хвостова считалась сектанткою и ученицею Лабзина (см. Записки Фотія. „Русскій Архивъ“ 1873 г., т. II, 1441). Печатавъ акростихъ, Лабзинъ прибавилъ, что „стихи сіи помѣщаются единственно потому, что прислааны изъ турьмы“. Вотъ они:

Храни Господь въ твоей десницѣ
 Всяженну въ сердце ей любовь,
 Отраду сирымъ и вдовицѣ,
 Страдалцу помощь и покровъ,
 Терпящимъ бѣдство—услажденье!
 О Боже, зрящій съ небесъ,
 Въ сей жизни дай ей утѣшенье,
 А въ будущей—ее спаси!

Господу Иисусу Христу, — это не есть ли видъ посмѣивающагося нечестія?»

Слѣдя подробно за книжками «Сіонскаго Вѣстника», дѣлая изъ нихъ выписки и указывая на извращеніе текстовъ Св. Писанія, критикъ пришелъ къ слѣдующимъ наиболѣе важнымъ заключеніямъ: 1) что «Сіонскій Вѣстникъ» не только не признаетъ христіанскую религію единственнымъ путемъ спасенія, но даже не даетъ ей никакого преимущества передъ прочими вѣрами; 2) что онъ насмѣхается надъ словомъ воплощеніе; 3) противу свидѣтельства евангельскаго, увѣряетъ своихъ читателей, что Иисусъ Христосъ не говорилъ о догматахъ и таинствахъ; 4) отрицаетъ таинства крещенія, евхаристіи, откровенія и уничтожаетъ евангельскую проповѣдь; 5) таинство священства называетъ внѣшнимъ обрядомъ, приводитъ пастырей въ недоувѣріе и обращаетъ въ посмѣяніе чинъ монашесствующихъ; 6) даетъ прямо уразумѣть, что не признаетъ догмата объ исхожденіи Св. Духа и готовъ думать по-католически, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына («Сіонс. Вѣст.» кн. III и VII); 7) называетъ апостола Павла сатаною и надъ нимъ насмѣхается (кн. VII, стр. 111 и 112) ¹⁾.

Въ отношеніи гражданства и общества «Сіонскій Вѣстникъ», «помѣщая одну вздорную сказку о дочери отиѣнно сіятельнаго царя», простираетъ свои посягательства на священность земной власти (кн. I, 25) ²⁾.

¹⁾ Въ статьѣ „Іоаннъ Бюніавъ“, на стр. 111 и 112, было напечатано: „Я повергся передъ Господомъ и вопіялъ: Господи! Сатана говоритъ, будто милости Твоей и крови Христовой не довольно для спасенія моего. Вѣрить ли ему, Господи! Я вѣрую, что Ты можешь и хочешь спасти меня!“ Надо очень большую натяжку, чтобы сказать, что авторъ называетъ Павла сатаною.

²⁾ Вотъ эта страница: „Образъ есть лю б о с т я ж а н і е или сребролюбіе, которое одно хочеть имѣть все, и ежели бы оно имѣло міръ и небо, то захотѣло бы обладать и адомъ; оно желаетъ болѣе, нежели потребно ему для временной жизни, и не имѣетъ въ себѣ никакой вѣры къ Богу. Оно не оставляетъ человѣка въ покоѣ и есть собственный врагъ свой, ибо оно наполняетъ себя болѣзнью и беспокойствомъ и помрачаетъ у человѣка смыслъ, такъ что онъ не можетъ познавать, что все происходитъ отъ руки Божіей. Оно потемняетъ человѣку свѣтъ жизни его и свѣдаетъ тѣло его, лишаетъ его божественныхъ чувствъ и славы, и приноситъ ему временную и вѣчную смерть. Оно влечетъ темное существо въ благородный образъ человѣка, дѣлаетъ его изъ звѣля яростнымъ дѣяволемъ. Оно причиняетъ войну и ссоры; оно устрояетъ

«Безпристрастіе требуетъ сказать, — писалъ критикъ въ своемъ заключеніи, — что «Сіонскій Вѣстникъ», не взирая на обольстительное имя его, есть сочиненіе душепагубное, зловредное, злоумышленное и постыдное для временъ нашихъ. Безъ сомнѣнія, этотъ отзывъ нѣкоторыхъ людей озлобитъ, другихъ удивитъ, иныхъ же опечалитъ. Сіе тройкое почувствованіе покажетъ намъ разныя качества трехъ сортовъ людей. Тѣ, кои озлобятся, будутъ единомышленниками «Сіонскаго Вѣстника», вѣдающіе цѣль его; тѣ, кои удивятся — это будутъ простодушные, предубѣжденные въ пользу «Сіонскаго Вѣстника» похвальною молвою, разсѣвасемою его сообщниками, но сами не читавшіе онаго или читавшіе безъ размышленія; тѣ, кои опечалятся — будутъ немощная братія, иже погибають въ разумѣ брата своего (посл. къ Коринѣ., гл. VIII, ст. 11), тѣ несчастные, которые очаровались благочестивымъ звукомъ прелестника и, такъ сказать, противу воли своей отдали ему свою довѣренность, исторженную образомъ благочестія. Первые никакихъ отъ насъ представленій не примутъ — это такіе люди, кои обѣщали уже вражду и мщеніе всякому своему противнику, обѣщали прежде, нежели его знаютъ. Но страхъ отъ убивающихъ тѣло не долженъ воспретить воздать Божія Богови. Вторые, узнавъ причину вышеизложеннаго нашего отзыва, или обратятся къ безмолвному равнодушію, или преложатъ свое удивленіе въ благочестивое сѣтованіе. Третьи — такъ это вы несчастная братія, но любовная и потому всему вѣру емлющая! Къ вамъ, къ вамъ поспѣшаемъ мы на помощь! Вы очаровались благовидною наружностью прелестника и преклопили къ нему ухо ваше съ полною довѣренностію.

«Но вы теперь видите, что «Сіонскій Вѣстникъ» говоритъ не языкомъ святой матери нашей православной церкви, но дивными и недѣльными гласами. Вы видите, что мнимый «Сіонскій Вѣстникъ» есть лжеименный прелестникъ, врагъ Сіона, разрушитель отеческихъ нашихъ уставовъ, клеветникъ пастырей и учителей нашихъ,

---

земли и царства и паки разорнетъ ихъ, и гонитъ челоука во всегдашній трудъ и безпокойство. Оно есть сердце и воля діавола; безъ него не было бы никакой муки».

Намъ кажется, что и здѣсь трудно видѣть посягательство на священность земной власти.

нечестивый смѣситель не только еретическихъ вѣроисповѣданій съ православнымъ, но даже самаго жидовства, магометанства и язычества съ христіанствомъ. Вы видите, что это отступникъ отъ вѣры во Іисуса Христа, ядовитѣйшимъ образомъ посмѣивающійся воплощенію Бога. Въ такомъ извергѣ можно ли искать какихъ-либо правилъ? Ихъ нѣтъ и въ немъ! По отношенію къ гражданству онъ также извергъ, дышащій крамолами и поругающійся властямъ предержащимъ. Видите ли, любезные братіе, всю глубину той пропасти, въ которую хотѣлъ повергнуть васъ прелестникъ? Вы содрогаетесь отъ ужаса, но между тѣмъ очарованіе прелести еще дѣйствуетъ надъ вами и накладываетъ тѣни на осязаемую истину...

«Плоды духа Христова — миръ и союзъ, единеніе мыслей. Плоды духа антихристова — крамолы и нестроенія, рожденіе распрей, разрушеніе единомыслія. Истинный ученикъ Христовъ зиждетъ, а не колеблетъ; собираетъ съ Іисусомъ Христомъ, а не расточаетъ освященное благоволеніемъ его сокровище дому его».

Почти одновременно съ этою запискою была составлена другая Степаномъ Смирновымъ и передана одному изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Лабзина — князю Сергію Александровичу Ширинскому-Шихматову, впослѣдствіи іеромонаху Аникитѣ.

Князь Сергія Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1783 году Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ сельцѣ Дерновѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ читывалъ псалмы и молитвы во время всенощныхъ, которыя передъ всякимъ праздникомъ совершались въ домѣ родительскомъ, «и такимъ образомъ, — говоритъ біографъ, — съ одной стороны, навывалъ въ славословіи Всевышнему, а съ другой — непримѣтно знакомился съ неподражаемыми красотоми нашихъ священныхъ и церковныхъ книгъ»¹⁾. Десяти лѣтъ отъ роду онъ лишился отца, оставившаго девять сыновей и три дочери. Весьма ограниченныя средства матери заставили ее опредѣлить двухъ старшихъ братьевъ въ Морской кадетскій корпусъ, а Сергія отдать въ домъ Дарьи Ивановны Уваровой, которая и воспитывала его вмѣстѣ съ своими сыновьями. Черезъ годъ онъ

¹⁾ О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мирѣ князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова. Сиб., изд. 1838 г., стр. 3.

поступилъ въ тотъ же корпусъ и въ октябрѣ 1800 года произведенъ въ мичманы. Совершивъ нѣсколько морскихъ кампаній, князь Шихматовъ въ 1804 году былъ переведенъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ должность воспитателя, въ каковой и оставался до увольненія отъ службы. Онъ отличался такимъ глубокимъ знаніемъ славянскаго языка, что съ нимъ могли сравняться только немногіе изъ нашихъ филологовъ.

Князь Шихматовъ очень рано почувствовалъ склонность къ поэзіи и написалъ нѣсколько стихотвореній, въ числѣ коихъ были и религіознаго содержанія¹⁾. Пользуясь покровительствомъ тогдашняго президента Россійской академіи, А. С. Шишкова, онъ въ 1809 году, 26 лѣтъ отъ роду, былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ ея членомъ, и при самомъ учрежденіи «Бесѣды любителей русскаго слова» поступилъ въ это общество.

«Онъ вѣрилъ твердо христіанскому ученію, — говоритъ его биографъ, — и силою убѣжденія, которымъ самъ былъ проникнутъ, приводилъ другихъ къ сей спасительной вѣрѣ. Какъ ревностный сынъ церкви, онъ не скрывалъ, въ угожденіе міру, своей къ ней привязанности, обнаруживалъ при всякомъ случаѣ строгое православіе, почиталъ и любилъ лицъ духовнаго и, въ особенности, монашескаго сана».

Князь Шихматовъ часто посѣщалъ храмы Божіи, навѣщалъ больныхъ и заключенныхъ. Получая довольно значительное содержаніе и довольствуясь самымъ малымъ, онъ употреблялъ его на дѣла благотворительности. Въ праздничное время онъ приготовлялъ угощеніе для нищихъ, собирая всякій разъ до 40 и болѣе человекъ. Самъ онъ употреблялъ пищу два раза въ день, отказался отъ мяса, пилъ только воду и спалъ не болѣе пяти часовъ. Соблюдая строго посты, онъ довольствовался одними кореньями и сухоядѣніемъ, и непремѣнно каждый постъ говѣлъ и причащался²⁾.

Создавъ себѣ монастырь въ стѣнахъ Морскаго корпуса, на Ва-

¹⁾ Таковы: „Ночь на гробахъ“, „Пѣсьнь сотворившему вся“, „Иисусъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ“ или „Ночи у Креста“, „Псалтирь десятиструнный“ и другія.

²⁾ Въ ноябрѣ 1827 года князь Шихматовъ вышелъ въ отставку, въ началѣ 1828 года поселился у Фотія въ Юрьевскомъ монастырѣ и 25 марта 1830 года постригся въ монашество съ нареченіемъ Анникитою.

силъевскомъ островѣ, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что помѣщалось въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ».

Случайно познакомившись съ А. С. Стурдзою и зная его, какъ сторонника православія, князь Шихматовъ рѣшилсѣ наконецъ высказаться. Явившись однажды къ Стурдзѣ, онъ завелъ рѣчь о новыхъ переводахъ духовныхъ книгъ и о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», укорялъ его въ молчаніи и требовалъ дѣйствій, несмотря ни на какія отговорки.

— Вотъ вамъ,—говорилъ князь Шихматовъ,—готовый критическій разборъ самыхъ вредныхъ статей «Сіонскаго Вѣстника». Это трудъ Смирнова въ Москвѣ, затворника мало кому извѣстнаго. Вы знаете, что печатать подобныя возраженія при нынѣшней цензурѣ невозможно, да и мало было бы отъ этого пользы. Займитесь же этою рукописью, сличите ее съ нумерами «Сіонскаго Вѣстника», которые я привезъ вамъ, и сами рѣшите, должно ли долѣе терпѣть такія нападенія на святую истину и святую церковь? Вы напрасно отговариваетесь тѣмъ, что не читали «Сіонскаго Вѣстника»; какъ грѣшно иному читать, такъ вамъ грѣшно не читать его.

Познакомившись съ рукописью, А. С. Стурдза убѣдился въ справедливости словъ князя Шихматова и, поддаваясь его увѣщаніямъ, рѣшилсѣ выступить на защиту православія. Пользуясь знакомствомъ и расположеніемъ князя А. Н. Голицына, Стурдза написалъ ему обвинительный актъ противъ переводовъ Лабзина и, выписками изъ книгъ, доказывалъ, что переводчикъ виновенъ не только за переводъ книгъ враждебныхъ церкви, но и за усиленіе и искаженіе подлинниковъ.

Мы не имѣли въ своихъ рукахъ ни записки Смирнова, ни акта, подписаннаго Стурдзою, но имѣемъ современную рукопись «О книгопечатаніи»¹⁾, близко подходящую къ тому, что говоритъ Стурдза.

«По § 8 цензурнаго устава 1804 года,—сказано въ этой рукописи,—всѣ книги и сочиненія, до вѣры относящіяся, подлежатъ печатанію въ духовныхъ типографіяхъ и должны разсматриваться духовною цензурою, находящеюся въ вѣдѣніи Св. Синода и епархіаль-

¹⁾ Рукопись Императорской публичной библіотеки. Т. III, № 45, листъ 96.

ныхъ архіереевъ. Но въ періодъ времени съ 1813 по 1816 годъ были изданы многія книги, какъ по заглавію, такъ и содержанію своему именно касающіяся религіи, которыя были напечатаны съ разрѣшенія гражданской цензуры и въ частныхъ типографіяхъ.

«Сіе преступленіе закона оказало тѣ печальныя послѣдствія, которыя предотвращались приснымъ храненіемъ онаго, ибо въ упомянутыхъ незаконно-изданныхъ книгахъ находятся разныя вредныя мнѣнія, которыя, бывъ избраны и поставлены одно подлѣ другаго, представляютъ полный кругъ богоотступнаго ученія. Такое ученіе приводитъ къ сомнѣнію: 1) о достоинствѣ греческаго исповѣданія, 2) въ истинѣ христіанства вообще, 3) въ божественности Іисуса Христа, 4) къ деизму, 5) къ матеріализму и, наконецъ, 6) къ махихеизму и къ ученіямъ бѣсовскимъ».

Въ подтвержденіе такого обвиненія сдѣланы точныя выписки изъ разныхъ сочиненій религіозныхъ, мистическихъ и масонскихъ. Мы приведемъ здѣсь только тѣ, которыя взяты изъ книгъ, переведенныхъ и изданныхъ Лабзинимъ: 1) Отъ греческой церкви тогда можно ожидать добра, когда она отъ сна воспрянетъ (Жизнь Штилинга, ч. I, введен., стр. 7). 2) Во времена отъ Константина Великаго до Карла Великаго языческіе храмы превращены въ христіанскіе идолы — въ образа; вмѣсто множества боговъ стали обожать святыхъ, и чудотворнымъ образамъ и мощамъ не было конца. За сіе греческая церковь пала... Со временъ Константина Великаго вкралось въ христіанство идолопоклонство, такъ-что сатана могъ паки воздвигнуть престоль свой въ самомъ храмѣ Божіемъ... Соборы и учителя церковные сдѣлали христіанство суевѣрнымъ язычествомъ (Побѣдной повѣсти стр. 30, 32, 411). 3) Духовенство есть второй звѣрь апокалипсическій, говорящій по-змѣиному: — слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Сей звѣрь во всемъ несчастномъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ императора Константина Великаго. Синоды и Вселенскіе соборы суть третій звѣрь апокалипсическій (Тайнство креста, стр. 208 и 209). 4) Богъ есть все: тьма и свѣтъ (Путь ко Христу, стр. 174).

«Таковъ кругъ богоотступнаго ученія, — сказано въ концѣ записки, — распредѣленъ по означеннымъ книгамъ, кои украшаются христіанскими заглавіями и въ коихъ жестокой вредъ погруженъ

по большей части въ срединѣ книги, между христіанскими разсужденіями...

«Да возмогутъ истины сіи проникнуть до подножія престола справедливѣйшаго изъ владыкъ, преклонить вниманіе кроткихъ правителей и укрѣпить благодѣтельный свѣтъ древнихъ нравовъ, поглощаемый вредною тьмою новизнъ нашего времени»¹⁾.

Стурдза убѣждалъ князя Голицына въ необходимости положить конецъ такому соблазну, которому цензура, очевидно, потворствуетъ.

«Голицынъ былъ пораженъ,—пишетъ онъ²⁾,—внялъ голосу моему или, точнѣе, голосу истины, запретилъ перепечатку изобличенныхъ книгъ и тѣмъ доказалъ мнѣ, что ошибался дотолѣ неумышленно.

«Меня ободрилъ неожиданный успѣхъ. Я тотчасъ испросилъ у князя аудіенцію. Мнѣ назначили день и часъ. Я вошелъ въ просторный кабинетъ его, съ кипкою тетрадей и журналовъ. Мы усѣлись, и чтеніе началось. Князь любилъ и умѣлъ читать вслухъ. Каждая страница Смирнова повѣряема была подлинными статьями. Министръ горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать имъ благопріятный смыслъ; но преткновенія часъ отъ часу становились виднѣе и опаснѣе. Наконецъ, дошли мы до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ извращалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, дерзко основываясь на словахъ Спасителя: «глаголы Моя духъ есть... плоть не пользуетъ ни чесоже».

Здѣсь чтеніе остановилось. Князь Голицынъ былъ смущенъ, но съ свойственнымъ ему прямодушіемъ пересталъ защищать своего любимца и сознался, что сдѣлалъ ошибку, принявъ на себя цензуру «Сіонскаго Вѣстника».

— Вы правы,—сказалъ онъ Стурдзѣ,—я виноватъ въ томъ, что принялъ на себя занятіе, несовмѣстное съ моими обязанностями. Но какъ теперь помочь этому? Давно ли правительство провозгла-

¹⁾ Рукопись эта по другому списку и въ измѣненномъ видѣ напечатана въ „Чтеніяхъ“ подъ заглавіемъ „Записка о пропущенныхъ цензурою книгахъ, наполненныхъ богохульствомъ“. „Чтенія“ 1870 г., кн. I, стр. 184 (смѣсь)

²⁾ О судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе императора Александра I. (Изъ записокъ Стурдзы. „Русская Старина“ 1876 г., № 2, стр. 275).

сило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ св. Владиміра 2-й степени? Нельзя вдругъ запретить ему писать, тѣмъ паче, что я почитаю его сочинителемъ отличнымъ и полезнымъ, погрѣшающимъ ненамѣренно.

— Не смѣю оспаривать вашего мнѣнія, — отвѣчалъ Стурдза, — хотя думаю о Лабзинѣ совершенно иначе; но осмѣливаюсь предложить вамъ средство самое вѣрное для узнанія истины, оно прекратитъ соблазнъ и вмѣстѣ оградитъ честь и достоинство правительства...

— Да говорите скорѣе.

— Вотъ мой секретъ: не угодно ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника» въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ. Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное мнѣніе о немъ будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей.

Князь Голицынъ остался доволенъ такимъ совѣтомъ и 26 іюня 1818 года писалъ Михаилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому ¹⁾).

«Изданіе «Сіонскаго Вѣстника», яко подобное многимъ другимъ сочиненіямъ духовно-нравственнаго содержанія, производилось донинѣ подъ разсмотрѣніемъ гражданской цензуры. Однако, глубокія матеріи, содержація въ себѣ нерѣдко мысли и мнѣнія довольно необыкновенныя и смѣлыя, побудили меня пересматривать самому весьма большую часть изъ статей сего журнала прежде окончательнаго выпуска изъ цензуры ²⁾. Со всѣмъ тѣмъ находя, что при многихъ назидательныхъ статьяхъ появляется въ семъ изданіи часу отъ часу болѣе матерій таинственнаго въ духовномъ смыслѣ и

¹⁾ Архивъ Св. Синода.

²⁾ „Усматривая, — писалъ князь Голицынъ комиссіи духовныхъ училищъ, — въ семъ сочиненіи нѣкоторыя матеріи, содержація въ себѣ нерѣдко мысли и мнѣнія довольно необыкновенныя и смѣлыя, я долгомъ почелъ потребовать отъ цензора, статскаго совѣтника Тимковскаго, дабы онъ прежде выпуска въ печать показывалъ мнѣ самому выходящія книжки сего журнала“.

такого содержанія, что инныя статьи вовсе не слѣдуютъ быть доводимы до общаго свѣдѣнія; вообще же многое въ нихъ касается и до догматовъ церковныхъ, а иногда и мнѣнія частныя по духовнымъ матеріямъ,—то я призналъ просмотрѣніе сихъ книжекъ болѣе приличнымъ для лицъ духовнаго вѣдомства.

«Государь императоръ по докладу моему о семъ изволилъ найти сіе замѣчаніе основательнымъ. Вслѣдствіе того сдѣлано мною распоряженіе, дабы гражданская цензура отнынѣ не принимала болѣе на себя просмотрѣніе книжекъ «Сіонскаго Вѣстника», но предоставила издателю представлять оныя въ духовную цензуру, при здѣшней духовной академіи учрежденную».

Попечителю Петербургскаго учебнаго округа поручено было сообщить о такомъ Высочайшемъ повелѣніи Лабзину, а с.-петербургскому генераль-губернатору наблюдать, чтобы типографіи принимали это изданіе къ печатанію не иначе, какъ по одобреніи духовной цензуры ¹⁾).

Распоряженіе это произвело самое удручающее впечатлѣніе на Лабзина.

— Врагамъ моимъ отдали меня,—говорилъ онъ.— Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда ²⁾.

«Вотъ наше христіанство,—писалъ онъ З. Я. Карнѣеву,—и даже мірская честность! Заставить человѣка дѣлать дѣло и послѣ зато его винить. Ежели я не хорошо исполняю сдѣланное мнѣ порученіе, то слѣдовало бы меня отъ оцаго уволить и препоручить оное другому, а не отдавать меня въ руки враговъ моихъ, ибо я

¹⁾ Отношеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія с.-петербургскому военному генераль-губернатору 27 іюня 1818 г., № 1365.

²⁾ Вообще, по мнѣнію тогдашнихъ издателей книгъ религіознаго содержанія, передача рукописи въ духовную цензуру была равносильна ея уничтоженію. «Въ духовную цензуру не отдамъ,—писалъ И. Лопухинъ графу А. К. Разумовскому,—для того, что это бы все равно было, какъ въ огонь манускриптъ бросить. Она, между нами сказать, только прилежно смотритъ, чтобъ какъ-нибудь не пробился благій духъ въ сердце. Нынѣ уже за что хватилась: не только того не пропускаетъ, что по ихъ недостаточному, превратному или мрачному понятію о истинной духовности кажется противнымъ, но что-де бы и можно и хорошо, да свѣтскимъ писано, а это-де бы намъ писать, такъ это намъ безчестье—не пропустимъ. Вотъ какая жалость!» (Письмо Лопухина отъ 22 августа 1812 года).

не самъ затѣялъ журналъ мой, а по явному повелѣнію. Чѣмъ же я виновать? Все это сдѣлано тайно, не призвавъ меня и не предупредивъ о томъ; а чтобы болѣе уязвить меня, послано такое же отношеніе и къ министру полиціи, дабы наблюдать по типографіямъ, чтобы я не сталъ печатать безъ цензуры. И такъ я сталъ hors de loi, и прежде вины моей дѣлаютъ меня мошенникомъ. Вотъ участь моя: что-то Господь изъ всего сего сдѣлаеть ¹⁾).

Пытаясь избавить «Сіонскій Вѣстникъ» отъ духовной цензуры, Лабзинъ рѣшился обратиться къ князю Александру Николаевичу Голицыну и указать ему, что духовная цензура установлена для учебныхъ книгъ, а его журналъ не учебная книга.

«Непріязненные мои обстоятельства, — писалъ Лабзинъ ²⁾, — выводятъ меня на жестокой опытъ искушенія, гдѣ я, неся уже на себѣ неблаговоленіе главнаго моего начальника, можетъ быть и просьбою сею, вынужденною самою необходимостью, умножу еще его на меня неудовольствіе...

«Сіятельнѣйшій князь! Я сдѣлался писателемъ единственно изъ страстной моей любви къ дѣлу христіанства, поселенной въ меня еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ; — сдѣлался писателемъ тогда, когда религія не была еще въ модѣ, — не имѣя себѣ никакой другой опоры, кромѣ, съ одной стороны, чувства собственнаго сердца моего, а съ другой, Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, въ которомъ сказано, что такого рода сочиненія не токмо не подвергаются ни малѣйшему стѣсненію, но еще поощряются, яко служащія къ просвѣщенію.

«Опытъ и постоянное изученіе истинъ, въ словѣ Божіемъ откровенныхъ, научили меня, что Самого Господа воля есть на то, чтобы мы поучались познавать Его изъ твореній рукъ Его; что не на одной буквѣ токмо основанныя познанія сближаютъ человѣка съ Богомъ, и что таковыя познанія не только дѣлаютъ насъ блаженными въ вѣчности, но способствуютъ человѣку къ усовершенствованію его и въ мірскихъ должностяхъ, на него возлагаемыхъ. Сіе удостовѣреніе составляло и понынѣ составляетъ главное мое счастье въ

¹⁾ Изъ письма А. О. Лабзина З. Я. Карнѣеву 10 іюля 1818 г.

²⁾ Князю Голицыну отъ 17 іюля 1818 г.

жизни. Чувствуя отъ сего великое благо, я вознамѣрился подѣлиться онымъ и съ ближними моими, въ томъ упованіи, что ежели случится мнѣ кому-либо и изъ малѣйшихъ братій моихъ подать чашу воды студены, то я счастливъ!»

Такъ, по словамъ Лабзина, и случилось: одинъ офицеръ, совсѣмъ ему незнакомый, находившійся подъ арестомъ въ Витебскѣ, писалъ, что случайно попавшійся ему въ руки «Сіонскій Вѣстникъ» обратилъ его къ Богу и служить ему отрадою въ его несчастіи. Не имѣя ни средствъ, ни возможности купить журналъ, офицеръ просилъ издателя подарить ему и выслать «Сіонскій Вѣстникъ».

«Такимъ образомъ,—прибавлялъ Лабзинъ,—извлекая истины изъ буквы и руководясь духомъ Святаго Писанія, я изливалъ приобрѣтаемыя мною познанія на бумагу предъ очами Божиими, предавая ихъ на волю вѣрующимъ и не вѣрующимъ, желающимъ и не желающимъ, предоставляя успѣхъ моего ревнованія въ волю Высочайшаго промысла.

«Таковы были начальныя побужденія моего писательства, и такого ли писателя можно подозрѣвать въ злоумышленія противъ церкви? Для меня неудивительны были сіи толки; но удивительно то, что не усматриваютъ, откуда сія странная и братовенавистная мысль происходитъ? и можетъ ли истинно вѣрующей допустить въ себя оную, когда самъ Спаситель увѣряетъ, что церкви Его и врата адовы не одолѣютъ. Что же можетъ сдѣлать ей человекъ, толь мало значащій, какъ я, если бы онъ имѣлъ сей злой умыселъ? Не есть ли мечта сія противъ всякаго вѣроятія?»

Напомнивъ князю Голицыну о тѣхъ неприятностяхъ, которыя онъ испытывалъ въ теченіе десяти лѣтъ со времени перваго запрещенія «Сіонскаго Вѣстника», какъ онъ былъ оправданъ самимъ же княземъ и ему вновь разрѣшено издавать журналъ, Лабзинъ говорилъ, что дѣтски радовался этому событію въ его жизни. Но, приступая къ изданію, онъ сознавалъ всю трудность возложенной на него обязанности и не могъ не видѣть, что мнѣніе о немъ людей не перемѣнилось, что истины для ушей не привыкшихъ къ нимъ не только бываютъ соблазнительны, но и оскорбительны. Поддѣлываться же къ ложнымъ мнѣніямъ и предубѣжденіямъ людей онъ не

могъ потому, что это было противно его совѣсти и самой истинѣ. Приказаніе возобновить журналъ по образцу прежняго не было бы исполнено, еслибы издатель пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть.

«Мнѣ не оставалось иного выбора, — писалъ Лабзинъ, — какъ или остаться вѣрнымъ Божію Промыслу и Его милосердному о мнѣ назначенію; или, побоясь челоуѣковъ, измѣнить волѣ Его и познанной мною истинѣ, и перестать быть тѣмъ, что (чѣмъ) я былъ, и что, по 10-ти-лѣтнемъ моемъ терпѣніи, чудеснымъ, можно сказать, образомъ было во мнѣ оправдано и одобрено безъ моего исканія. Со всѣмъ тѣмъ тогдашнія мои предчувствія нынѣ сбылись, и я опять подвергаюсь участи, прежде меня угнетавшей.

«Сіятельнѣйшій князь! Жизнь моя, состояніе мое, счастье и несчастье въ рукахъ властей вышнихъ, самымъ Богомъ надо мною поставленнымъ; но способности мои и силы, душевныя и тѣлесныя, не въ моей власти. Если въ журналѣ моемъ вмѣсто признаннаго прежде христіанскаго духа, предполагается нынѣ духъ противу-христіанскій, въ такомъ случаѣ стояло бы только сложить съ меня сдѣланное мнѣ препорученіе и возложить дѣло сіе — буде оно нужно — на другаго, который можетъ быть лучше меня умѣетъ будетъ соответствовать вашимъ видамъ; а не предавать меня въ руки тѣхъ, кои по самому роду дѣла суть мои главные противники, и часто подаютъ поводъ къ напоминанію сказаннаго: и сами не идутъ и хотящимъ возбраняютъ.

«Когда ваше сіятельство, признавъ уже въ журналѣ моемъ духъ христіанскій, утомились защищать его противу судящихъ о немъ иначе, то чего могу я ожидать отъ тѣхъ, которые никогда толь благосклонно о немъ не судили, и которымъ самая передача онаго въ ихъ руки служить будетъ побужденіемъ умножить противъ него всякую строгость, которой силы писателя вынести не могутъ?..

«Всякій писатель пишетъ по своимъ чувствамъ и по своему образу мыслей, какъ онъ вещи видитъ, знаетъ или понимаетъ; или какъ онъ научился отъ тѣхъ авторовъ, которыхъ избралъ себѣ образцами. Мои образцы суть между прочими Бемъ, Штиллангъ, Сень-Мартенъ, которые сами будущимъ моимъ цензорамъ не нравятся, слѣдовательно, и всѣ піесы мои будутъ отвергаемы. Я уже не разъ, и въ продолженіе вашего ко мнѣ благорасположенія, подвергался тяжкимъ болѣзненнымъ припадкамъ, побуждавшимъ меня помышлять о прекращеніи моего журнала, какъ труда, при непрерывномъ напряженіи силъ челоуѣка, чрезмѣрно изнурительнаго. А какъ весь капиталъ мой и семейства моего, и другихъ прикосновенныхъ къ оному заключается именно въ моей жизни и моемъ здоровьѣ, то и убѣжденія домашнихъ моихъ и долгъ попеченія

о своихъ присныхъ побуждаютъ меня желать и просить увольненія отъ продолженія онаго.

«Читатели «Сіонскаго Вѣстника» какъ и прежде раздѣлялись, такъ и нынѣ дѣлятся на два класса: одни его не терпятъ и гонятъ; другіе любятъ и уважаютъ много; и, по особенной судьбѣ моей, и та и другая сторона приписываетъ мнѣ и добро и зло болѣе, нежели чего я стою. Такъ, противники мои присвоиваютъ мнѣ даже намѣреніе подкопать церковь; а противники ихъ отзываются о семъ же журналѣ съ похвалами необыкновенными. Нѣкто писалъ ко мнѣ, чтобы я не пренебрегалъ особеннаго даннаго мнѣ дара поражать невѣріе, суевѣріе и невѣжество. Одинъ изъ архіепископовъ отзывался ко мнѣ, что онъ читаетъ «Сіонскій Вѣстникъ» съ благоговѣніемъ. Другой неизвѣстный, повидимому, также изъ священниковъ или монашествующихъ — ибо письмо его наполнено не только латинскими и греческими, но и еврейскими словами — писалъ ко мнѣ изъ Москвы, что онъ въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» находитъ духъ и ученіе древнихъ святыхъ отцевъ; что нѣкоторыя мѣста изъ онаго они перелагали на славянскій языкъ и посылали къ закоренѣлымъ старообрядцамъ, что и тѣ почли оныя за мѣста, выписанныя изъ древнихъ церковныхъ отцевъ.

«Такимъ образомъ толки о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», какъ прежде были, такъ и нынѣ есть, разные. Ваше сіятельство при возобновленіи онаго совершенно отклонили слухъ свой отъ толковъ моихъ противниковъ и признали въ немъ духъ христіанскій; а нынѣ склоняетесь опять болѣе къ крикамъ возстающихъ на меня.

«Въ предписаніи о «Сіонскомъ Вѣстникѣ» ваше сіятельство говорить изволите, что оный наполняется піесами необыкновенными, смѣлыми, таинственными и касающимися до догматовъ, также миѣніями частными.

«Что касается до піесъ, названныхъ необыкновенными, мнѣ кажется достоинство всякаго сочиненія, тѣмъ паче журнала, въ томъ состоитъ, чтобы въ немъ было что-нибудь или новое, или любопытное; а не одно то, что уже тысячу разъ сказано и прочитано было, котораго слѣдовательно никто и читать не захочетъ. Къ христіанству же и обыкновенное и необыкновенное равно принадлежать.

«О піесахъ, названныхъ смѣлыми, скажу: что ни одной изъ нихъ не было смѣлѣе, какъ напечатанная въ октябрьской книжкѣ прошлаго года, которую нѣкоторые изъ духовенства приняли за критику на себя. Но сія піеса не только была предварительно разсмотрѣва и пропущена вамъ, но и, когда по выходѣ книжки, я доносилъ вашему сіятельству о семъ ропотѣ духовныхъ лицъ, ваше сіятельство отъ 18-го ноября изъ Москвы отвѣчать мнѣ изволили: «О сей піесѣ надобно было ожидать, что нѣкоторая часть читателей будетъ ею недовольна, но не надобно

сожалѣть, что оная напечатана; ибо въ ней великія истины для тѣхъ, кои читать ее будутъ безъ предубѣжденія».

«Таковѣй отзывъ министра служилъ мнѣ не только одобреніемъ, но и поощреніемъ жертвовать изложенію истинъ людскими пристрастіями и предубѣжденіями; и ежели вашему сіятельству угодно бы было нынѣ прочесть сію піесу, то бы вы сами увѣрились, что я не писалъ ничего смѣлѣе послѣ того».

Указывая самъ на наиболѣе рѣзкія мѣста въ объясненіи догматовъ, Лабзинъ говорилъ, что онъ руководствовался актомъ священнаго союза, въ которомъ сказано, что христіане всѣхъ вѣроисповѣданій суть только одрасли одного семейства.

«Въ разсужденіи піесъ глубокихъ и таинственныхъ,—прибавлялъ онъ,—я могу то представить, что, извлекая духъ изъ буквы, открываешь глубину и таинственность, и что глубина и таинственность особливо принадлежать религіи христіанской».

«Впрочемъ и въ самыхъ сочиненіяхъ свѣтскихъ, одного содержанія, какъ на примѣръ исторія, мысли и слогъ не бываютъ одинаковы. На примѣръ Юлій Цезарь писалъ свою исторію простымъ разсказомъ, Титъ же Ливій писалъ слогомъ ораторскимъ и помѣщалъ мысли возвышенныя; Тацитъ отличается глубокомысліемъ философа, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое достоинство и преимущество. Но если бы Юлій Цезарь захотѣлъ подражать Титу Ливію или сей первому, то бы они оба не только цѣли своей не достигли, но и сдѣлались бы смѣшны».

«Что касается до частныхъ мнѣній, то всякаго писателя мнѣніе есть, конечно, частное, которое развѣ со временемъ можетъ учиниться общимъ».

«Господа Бога призываю въ свидѣтели на душу мою, что въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» нѣтъ ни строки, которая была бы писана въ духѣ противничьемъ христіанству; самая піеса о землѣ, которая вашему сіятельству такъ не понравилась, взята изъ писаній С. Мартена, котораго, я надѣюсь, и ваше сіятельство не поставите въ числѣ писателей анти-христіанскихъ; а перемѣнять что-либо въ такихъ авторахъ, которые лучше меня вѣдали и разумѣли истину, по справедливости будетъ значить *falsifier les choses*.

«Сіятельнѣйшій князь! Если способность любить и славить Господа на всѣхъ языкахъ и всѣми образами, какъ кто умѣетъ, не есть дѣло противузаконное, и если малыя мои способности тому отвѣчаютъ, то я всепокорнѣе прошу позволить мнѣ всю отвѣтственность за мои книги и предъ Богомъ, и предъ людьми снять на одного себя и говорить сроднымъ мнѣ языкомъ, ибо духъ не терпитъ оковъ; самое Св. Писаніе говоритъ, что духъ не вяжется, что идѣже духъ, ту свобода».

Замолчать я могу, но мыслить чужимъ умомъ я не умѣю; всѣ піесы мои одинакимъ духомъ писаны и, слѣдовательно, всѣ могутъ быть почтены негодными.

«Если же духъ мой измѣнился и изъ христіанскаго сдѣлался антихристіанскимъ, въ такомъ случаѣ всеповорнѣйше прошу уволить меня отъ продолженія «Сіонскаго Вѣстника» и дозволить мнѣ подписавшимся на оный объявить, что я, по случившимся мнѣ болѣзненнымъ припадкамъ и нуждѣ отлучиться на нѣкоторое время изъ города (въ чемъ я дѣйствительно имѣю нужду, и прошу ваше сіятельство меня уволить на обыкновенный двадцати-девяти-дневный срокъ по регламенту), далѣе продолжать моего журнала не могу, и за остающіеся мѣсяцы выдаю имъ деньги или замѣню оныя другими книгами, буде кому то угодно.

«Званіе писателя у насъ не лестно, ибо вмѣсто того, что въ другихъ земляхъ онъ трудами своими приобрѣтаетъ себѣ и уваженіе, и честь, и славу, у насъ писатель вступаетъ тотчасъ въ состояніе какъ бы подсудимаго, который о своей книгѣ долженъ тягаться какъ бы въ какомъ судебномъ процессѣ, безпрестанно подвергаясь отвѣтамъ за каждую мысль, за каждое слово, какъ бы злоумышленникъ, что не можетъ никому быть лестно; ибо терпѣть огорченія или причинять оныя другимъ безъ нужды не можетъ быть желательно.

«При семъ я долженъ также донести вашему сіятельству, что какъ журналъ обыкновенно печатается такъ, что съ окончаніемъ одной книжки начинается печатаніе слѣдующей, то и теперь, какъ мнѣ не извѣстно было намѣреніе ваше переимѣнить цензуру, слѣдующая книжка на июль мѣсяцъ была между тѣмъ уже начата изъ шість, которыя вашимъ сіятельствомъ были просмотрѣны и потому цензоромъ подписаны и мнѣ отданы. Книжки сей уже набрано шесть листовъ, и на первомъ листѣ по обыкновенію выставлено имя прежняго цензора. Засимъ ежели сіи отпечатанные листы представлять вновь на утвержденіе другой цензуры, то, съ одной стороны, я почитаю даже неприличнымъ представлять разсмотрѣнное министромъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе кому-либо изъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ, а съ другой стороны, ежели новая цензура, которая, по самой передачѣ моего журнала въ ея руки, вѣроятно, почтетъ обязанностію своею употребить новую строгость, станетъ дѣлать еще какія переимѣны, и мнѣ должно будетъ листы сіи перепечатывать, то я потерплю отъ того большой убытокъ, ибо каждый листъ стоитъ мнѣ около 150 рублей; къ тому же я долженъ буду за недостающіе мѣсяцы возратить подписавшимся деньги, которыхъ я не имѣю, ибо число подписавшихся менѣе, нежели чего мнѣ стоитъ печатаніе журнала сего».

Князь Голицынъ отвѣчалъ ¹⁾, что передача «Сіонскаго Вѣст-

¹⁾ Письмо князя Голицына Лабзину 12 августа 1818 г.

ника» на рассмотрѣніе духовной цензуры вызвана самимъ Лабзинымъ, «ибо,—писалъ князь Голицынъ,—въ продолженіе нѣкотораго времени отъ возобновленія «Сіонскаго Вѣстника» легко можно было вамъ примѣтить, чего требовала гражданская цензура и что принужденъ былъ наконецъ и я подтверждать, отмѣняя инныя піесы или выкидывая изъ другихъ нѣкоторыя мѣста. Сіе было столь же мало гоненіемъ на «Сіонскій Вѣстникъ», какъ и порученіе его потомъ рассмотрѣнію духовной цензуры, когда изданіе сіе упорно продолжаемо было въ духѣ возставанія противу внѣшней церкви. Какое правительство и въ какомъ государствѣ согласилось бы попустить, чтобъ наружныя установленія церкви и духовной власти, коими необходимо поддерживается въ общемъ составѣ народномъ привязанность ко всему тому, что до религіи касается, было судимо, критикуемо и отвергаемо въ публичныхъ сочиненіяхъ, и еще въ такихъ, кои суть духовнаго содержанія? Христіанство не позволяетъ намъ судить никого, кольми паче устатовленную власть, духовную ли то или гражданскую. А что издатель сего журнала къ тому наклоненъ, то доказываетъ и самое нынѣшнее ваше письмо, въ которомъ между прочимъ жалуетесь на порученіе журнала вашего духовной цензурѣ, называя сіе преданіемъ васъ въ руки главныхъ вашихъ противниковъ, которые будто бы и сами не идутъ и хотящимъ возбраняютъ. По истинѣ, я сожалѣю о семъ недостаткѣ христіанской любви, которая допускаетъ до такихъ мыслей и отъзвонъ о ближнихъ своихъ, кольми паче о членахъ церкви и установленной духовной власти. Право, какое имѣлъ Господь Спаситель произнести слово сіе на тѣхъ, кого Онъ находилъ сіе заслуживающими, не можемъ мы никакъ себѣ присвоивать, имѣя сами нужду въ оправданіи. Но я нахожу сверхъ того между разными чиновачаліями духовенства столько почтенныхъ, христіански-мыслящихъ, поступающихъ и учащихъ особъ, что никакъ не постигаю причины подобному въ общемъ лицѣ осужденію ихъ. Другаго рода піесы, кои должно было также останавливать, имѣли содержаніемъ своимъ нѣкое указаніе, что какъ бы у издателя сего журнала можно найти настоящую церковь, истинное христіанство и высокую премудрость. Не будучи въ семъ убѣжденъ, не могъ я никакъ по обязанности званія моего и мѣста, мною занимаемаго, давать позволеніе на то,

*

чтобъ члены установленной и принятой въ государствѣ церкви явнымъ образомъ отвлекаемы были отъ оной къ неизвѣстнымъ учрежденіямъ, коихъ чистота источника еще подлежитъ сомнѣнію. Таковыя и тому подобныя матеріи могутъ ли быть признаны за духъ, который оживотворяетъ, какъ вы пишете? Напротивъ того, онѣ скорѣе могутъ почестся за букву, убивающую истинный духъ христіанства, истинную любовь, коея опредѣленіе толь ясно видно въ посланіи святаго апостола Павла, сію любовь, безъ которой и пророчество, и тайны всѣ, весь разумъ и вся вѣра, ничтоже суть. Я не скажу никакъ, чтобы въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» не было піесъ, преисполненныхъ истины и христіанскаго духа; но потому самому онѣ и не были никогда останавливаемы: для такихъ токмо матерій было дано вамъ и позволеніе къ возобновленію сего журнала; для нихъ и нынѣ онъ не запрещается, но токмо предоставляется разсмотрѣнію духовной цензуры, коей болѣе прилично и удобно судить о духовныхъ матеріяхъ, наипаче когда онѣ становятся глубоки, таинственны, касаются до догматовъ. Когда вы не имѣете намѣренія возставать противъ установленной церкви, на что вамъ почитать и членовъ духовной власти противниками своими? Ибо и они, по крайней мѣрѣ, не менѣе всякаго другаго готовы поспѣшествовать распространенію истиннаго духовнаго вѣдѣнія и духа христіанства».

При этомъ князь Голицынъ вновь подтвердилъ, что изданіе «Сіонскаго Вѣстника» можетъ быть продолжаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной цензуры, и если Лабзинъ рѣшится прекратить его, то объявленіе о томъ долженъ представить ему для просмотра.

Лабзинъ пробовалъ возстановить свое право при помощи личныхъ объясненій, но и это не помогло дѣлу.

— Если мнѣ позволять все то, что вы пишете, — говорилъ князь Голицынъ, — то я подамъ поводъ думать, что и я принадлежу къ вашей ложѣ, какъ то уже и говорятъ, а я министръ.

Лабзинъ указывалъ на пользу, приносимую «Вѣстникомъ», и похвалы, которыя онъ получалъ съ разныхъ сторонъ.

— Вамъ льстятъ, — отвѣчалъ на это князь Голицынъ, — а вы вѣрите тому по самолюбію; самолюбія же отвергаться должно.

Такимъ образомъ «Сіонскій Вѣстникъ» признанъ былъ официально изданіемъ вреднымъ, и самъ Лабзинъ—человѣкомъ, подкапывающимся подъ основы православной церкви.

«Мы ошиблись, — писалъ онъ З. Я. Каргѣву¹⁾, —если подлинно наружныхъ христіанъ почитали за истинныхъ. Что касается до В(асилія) М(ихайловича) П(опова), онъ не что иное, какъ секретарь, человѣкъ угодничающій изъ своихъ выгодъ и сдѣлавшій себѣ изъ слабости своей христіанскую добродѣтель, смиреніе и послушаніе, чѣмъ и успокоиваетъ свою совѣсть. Онъ никогда не разнится въ мнѣніи съ своимъ командиромъ, и ежели к(нязь) скажетъ: надобно Л(абзину) носъ откусить, онъ безъ зазрѣнія совѣсти побѣжить и скажетъ: пожалуйте вашъ носъ, мнѣ велѣно его откусить, и текстъ подведетъ—«всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется, и противляющійся власти Богу противляется»; — а тотъ текстъ, коимъ велѣно любить ближняго, какъ самого себя, и на умъ не впадетъ. Такъ, онъ не только писалъ и подписывалъ всѣ бумаги противъ меня, но ниже предварилъ меня о строящихся противъ меня ковахъ, еженедѣльно со мною видѣвшись, въ чемъ онъ также оправдывается обязанностью храненія канцелярской тайны».

Сложившіяся неблагопріятно обстоятельства и нежеланіе подчинять журналъ духовной цензурѣ заставили Лабзина прекратить изданіе «Сіонскаго Вѣстника». Составленное по этому поводу объявленіе было представлено князю Голицыну и затѣмъ явилось въ газетахъ въ слѣдующемъ видѣ:

ОБЪЯВЛЕНІЕ О «СІОНСКОМЪ ВѢСТНИКѢ».

«Издатели журналовъ, долженствующие издавать книжки свои на срокъ, и потому работающіе, такъ сказать, на подрядъ, вообще обременены и озабочены болѣе всякаго другаго писателя. Малѣйшее препятствіе въ дѣлѣ ихъ (не только)¹⁾] останавливаетъ успѣхъ онаго, отнимая у нихъ время (но и разстраиваетъ и самый духъ,

¹⁾ Отъ 27 августа 1818 г.

¹⁾ Въ скобкахъ заключены какъ здѣсь, такъ и ниже, слова и выраженія, зачеркнутыя княземъ Голицынымъ въ рукописномъ объявленіи, ему представленномъ.

который отъ многихъ помѣшательствъ изнемогаетъ и теряетъ наконецъ свою способность). Издатель «Сіонскаго Вѣстника» и содержаніемъ своего журнала, и исправностью выхода онаго доказалъ, что онъ предпринялъ трудъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрный. Здоровье его неоднократно отъ того терпѣло, и нынѣ онъ принужденнымъ себя находить объявить почтеннымъ любителямъ его журнала, что онъ продолжать свой журналъ (какъ по состоянію своего здоровья, такъ и по встрѣтившейся ему нуждѣ отлучиться на нѣкоторое время отъ столицы) далѣе не можетъ.

(Словомъ: всему есть время говорить и есть время молчать. Для издателя настало время молчать; и налагая на себя сіе молчаніе онъ, принося ¹⁾ «чувствительнѣйшую благодарность за лестное ободреніе и подкрѣпленіе, которые онъ неоднократно получалъ отъ многихъ любителей его журнала, равно благодаря и всѣхъ вообще удостоившихъ подписаться, предлагаетъ имъ за недостающіе мѣсяцы сего годичнаго изданія получить обратно свои деньги, или, буде угодно, замѣнить сей недостатокъ другими изъ книгъ его, присылая для сего свои билеты или извѣщенія къ нему съ надписаніемъ на оныхъ своихъ требованій (въ то мѣсто, гдѣ кто подписался)».

Съ появленіемъ этого объявленія въ газетахъ «Сіонскій Вѣстникъ» прекратился или, какъ выразился Лабзинъ, «испустилъ свой духъ». По словамъ Невзорова, еще за мѣсяць до прекращенія журнала московское духовенство и многіе свѣтскіе, «по самамъ своимъ извѣстныя», съ торжествомъ предвѣщали паденіе журнала, а когда это совершилось, то праздновали какъ особое событіе ²⁾. Въ Москвѣ рассказывали тогда, что правительство, покровительствовавшее доселѣ изданію мистическихъ книгъ, наконецъ, увидѣло свою ошибку и рѣшилось прекратить ихъ печатаніе.

Разказы эти были далеко не справедливы, но они указываютъ на то значеніе, какое имѣлъ тогда Лабзинъ въ духовной литературѣ, и на трудность борьбы съ нимъ.

¹⁾ Въ печатномъ объявленіи сказано: „За снмъ принося чувствительнѣйшую и т. д.“

²⁾ Письмо Невзорова князю Голицыну 9 декабря 1818 года. „Рукописи Императ. публичной библіотеки“ Ф. III, № 73.

Теперь, по прошествии трех четвертей столѣтїа, мы съ полнымъ спокойствїемъ и безпристрастіемъ къ отжившимъ дѣятелямъ можемъ опредѣлить, была ли дѣятельность Лабзина вредною и его «Сїонскій Вѣстникъ» былъ ли направленъ къ тому, чтобы поколебать ученіе православной церкви. Напротивъ, воодушевленный гуманностью, теплымъ чувствомъ любви и уваженія къ человѣку и его убѣжденїямъ, Лабзинъ свято чтить религію, и мы видѣли, что образованное духовенство не чуждалось мистиковъ, уважая въ ихъ ученїи тѣ стороны, которыя связаны съ внутреннимъ влеченїемъ къ Богу человѣческаго сердца.

Лабзинъ не навязывалъ никому своихъ мыслей и не считалъ ихъ непогрѣшимыми.

— Въ бесѣдахъ нашихъ, — говорилъ онъ, — могутъ встрѣтиться мнѣнія, не согласныя съ обыкновенными. Испытай ихъ прежде, нежели осудишь, или отложи въ сторону то, что не признаешь за истину, а возьми себѣ то, что тебѣ неподозрительно.

«Сїонскій Вѣстникъ» старался привлечь къ христіанству язычниковъ, магометанъ и іудеевъ, привлекалъ вѣрующихъ и невѣрующихъ; онъ являлся истолкователемъ религіи для средняго класса людей и какъ противодѣйствіе религіозному либерализму или, лучше сказать, безвѣрію нашего высшаго общества.

«Мистицизмъ, — говоритъ г. Цвѣтковъ ¹⁾, — не былъ какою-либо особою сектою въ смыслѣ религіозномъ, а только извѣстнымъ направленїемъ въ христіанскомъ обществѣ. Ученіе Іисуса Христа, возвышаясь надъ обыкновенною земною жизнью и всѣми ея мелкими интересами, влечетъ умъ и сердце человѣка въ тотъ таинственный и идеальный міръ, гдѣ онъ чистымъ и свободнымъ приближается къ Богу, отрѣшаясь отъ тревоженїй и заботъ жизни. Мученики христіанства, мнѣявшїе всѣ блага земли на страданіе и смерть, пустынники первыхъ вѣковъ, удалившіеся отъ прелестей жизни для уединенной постоянной молитвы, для голода, жажды и труда, — были не тѣ же ли мистики, доводившіе свои убѣжденїя до осуществленїя на дѣлѣ!»

Чистая мистика есть идеалъ истинно-евангельской жизни, по

¹⁾ „Духовный Вѣстникъ“ 1862 г., т. II, 404.

на одномъ созерцательномъ погруженіи въ Бога нельзя построить не только церкви, но и никакого религіознаго строя жизни, даже секты или школы. Съ другой стороны, мистика составляетъ необходимый элементъ въ области христіанскаго ученія и жизни, обусловливаемой сущностью Евангелія, но, какъ элементъ не самостоятельный, въ противномъ случаѣ впадающій въ заблужденіе. Мысли о вѣчномъ откровеніи и вѣчномъ христіанствѣ, о превосходствѣ внутренняго слова надъ Св. писаніемъ, о бесполезности внѣшней церкви, — все это составляетъ увлеченіе и мистику нечистую. Чистая же мистика «развила въ послѣдователяхъ внутреннее, сердечное и искреннее благочестіе, которое не ограничивается исполненіемъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія, но стремится достигнуть чистоты души и сердца, благодатнаго освященія всего человѣческаго существа»¹⁾.

«Сіонскій Вѣстникъ» увлекалъ нашихъ отцовъ простотою изложенія, доступною пониманію cadaго и, по свидѣтельству многихъ современниковъ, чтеніе этого журнала имѣло благотворное вліяніе на ихъ нравственность: облагороживало душу и смягчало сердце.

— Во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ,—говорилъ Лабзинъ,—истинные мистики сообразуются съ справедливостью, все дѣлаютъ безкорыстно для Бога, ближнимъ служатъ усердно, искренно, охотно, не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, какъ только чтобы исполнить волю Божию. Они живутъ тихо, уединенно, и всѣ свои надежды устремляютъ къ небесному своему отечеству. Строги къ себѣ, снисходительны къ другимъ; они не выставляютъ себя, но и не прячутся, когда ихъ ищутъ. Послушны начальству, добродѣтельны и услужливы друзьямъ и врагамъ, малымъ и великимъ; совѣстливы въ своихъ поступкахъ, осторожны противъ всѣхъ нечистыхъ побужденій и небесное уважаютъ болѣе земнаго. Языкъ ихъ простой, безъ искусства, не ученый, языкъ увѣренности и правды. Мистическія писанія объясняютъ, что происходитъ въ душѣ человѣка, который рѣшится истинно вступить на сей путь, показываютъ распутія, которыхъ избѣгать должно, обманы и искушенія, которымъ подвергается пут-

---

¹⁾ „Православное Обозрѣніе“ 1872 г., № 6. См. ст. Смирнова „Русская литература о сочиненіяхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита“.

никъ, и какъ поступать съ ними. Они остерегають отъ пагубныхъ обольщеній духовной гордости, подкрѣпляютъ малодушныхъ, умножаютъ духовныя силы. Одно у нихъ всего важнѣе и о семъ одномъ настоять они, какъ о главномъ дѣлѣ, а именно: о совершенномъ преданіи своего сердца и воли Богу, о безпредѣльномъ упованіи на Бога, крайней недовѣрчивости къ самимъ себѣ и къ собственнымъ силамъ, черезъ что укрѣпляются они въ постоянномъ бдѣніи и молитвѣ. Вотъ ученіе такъ называемыхъ мистиковъ. Читайте ихъ писанія, и вы сами въ томъ увѣритесь. Каждый истинный христіанинъ есть мистикъ и каждый мистикъ есть христіанинъ ¹⁾).

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія мистицизмъ явился протестомъ противъ упадка христіанскаго благочестія, противъ преобладанія формы и обряда, которыми прикрывалось отсутствіе истинной религіи. Онъ привлекалъ къ себѣ тою теплотою, которая ощущалась при чтеніи мистическихъ книгъ и статей «Сіонскаго Вѣстника» и была противоположна холодности, рутинности и равнодушію нашего духовенства. Большинство послѣдняго коснѣло въ невѣжествѣ, бездѣятельности и было не двигателемъ, а тормозомъ всякому стремленію впередъ.

Наше духовенство придерживалось старымъ православнымъ традиціямъ, по упрямству и приверженности къ буквѣ. Во всякомъ нововведеніи оно видѣло нарушеніе преданія и находило страннымъ, что вопросами религіи занимаются люди свѣтскіе. Ревнители обрядоваго, внѣшняго благочестія защищали старину во что бы то ни стало, и мистическія сочиненія, трактовавшія о церкви внутренней, казались имъ написанными только съ цѣлью подорвать православіе. Лабзинъ и другіе переводчики, конечно, не имѣли этой цѣли, не посягали на православіе, а желали только поднять религіозное развитіе общества и расширить пониманіе религіозныхъ вопросовъ. «Но для людей, которымъ печатный каждый листъ быть кажется святымъ, достаточно было нѣсколькихъ фразъ, не совсѣмъ обычныхъ, нѣсколько смѣлыхъ выраженій протестантскаго автора, чтобы обвинить русскаго переводчика въ явномъ намѣреніи

---

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., ч. VI, стр. 61—67.

подрыть православіе и ввести въ Россіи реформацію»¹⁾. Люди, смотрѣвшіе на дѣло болѣе трезво, какъ напримѣръ, Филаретъ митрополитъ московскій, понимали заслуги Лабзина и цѣнили его.

— Онъ былъ добрый человѣкъ, — говорилъ Филаретъ²⁾, — только съ нѣкоторыми особенностями въ мнѣніяхъ религіозныхъ. Мы ему говорили: сколько прекрасныхъ вещей, которыя бы можно было напечатать съ пользою для другихъ, не касаясь особенностей религіозныхъ. Но онъ отвѣчалъ: всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалить.

И Лабзинъ хвалилъ Его, какъ умѣлъ. Въ разговорахъ своихъ онъ обнаруживалъ такой широкой объемъ христіанской религіи, «котораго я, — говоритъ М. А. Дмитріевъ³⁾, — и не подозрѣвалъ, такое согласіе частей, такую связь духовнаго міра съ вещественнымъ, о какихъ я не только не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но до чего даже и не подозрѣвалъ возможности проникнуть и воображеніемъ, не только разумомъ. А его разумъ представлялъ все это просто и ясно, и основывалъ все на законахъ необходимости, и на законѣ, соединяющемъ видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ. Итакъ, думалъ я, есть наука религіи — это для меня было большое открытіе».

Поученія Лабзина были назидательны и открывали свѣтъ многимъ, въ особенности молодому поколѣнію, воспитывавшемуся подъ его наблюденіемъ и руководствомъ. Таковы, напримѣръ, извѣстные художники: Солнцевъ, Витбергъ и другіе, образовавшіеся въ школѣ Лабзина и всегда съ благодарностью о немъ вспоминавшіе.

— Сужденія Лабзина, — говорилъ лютеранинъ Витбергъ, — объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе, и я рѣшительно увидѣлъ, что ежели для церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви⁴⁾.

Многимъ онъ открылъ путь къ познанію Бога и истиннаго христіанства, и его «Сіонскій Вѣстникъ» если не уничтожилъ, то зна-

1) Россійское библейское общество. А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Европы“ 1868 г., № 11, стр. 237 и 241.

2) Дневникъ А. В. Горскаго. Изданіе 1885 г., стр. 106.

3) „Русскій Архивъ“ 1866 г., № 6, стр. 841.

4) Записки Витберга. „Русская Старина“ 1872 г., т. V, 521 и 522.

чительно пошатнулъ вліяніе вольтеріанства и энциклопедизма въ русскомъ обществѣ. Онъ возбудилъ любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и къ изученію основъ истинной религіи, ограничившейся прежде однимъ заучиваніемъ текстовъ Священнаго писанія, безъ пониманія ихъ внутренняго смысла и значенія. Въ статьяхъ «Сіонскаго Вѣстника» ощущалась теплота чувства, и въ нихъ многіе находили обильную пищу для души и сердца.

Конечно, какъ Лабзинъ, такъ и его послѣдователи заблуждались во многомъ, но пока существуетъ родъ человѣческой, ошибки неизбежны. Каждый вѣкъ имѣетъ свои особые заблужденія, ему одному присущія, и напрасно мы стали бы утѣшать себя въ непогрѣшимости передъ судомъ потомства. Быть можетъ, и насъ упрекнутъ за односторонность, за мелочность и прозаичность жизни и слишкомъ большое поклоненіе золотому идолу. Правильность человѣческихъ поступковъ и мысли выясняется только постепенно, съ годами, и притомъ съ разныхъ сторонъ и разными путями. На каждомъ изъ этихъ путей мысль оставляетъ частицы правды, которыя въ общей совокупности приближаютъ насъ къ истинѣ. Она одна, но способы достиженія ея различны, разнообразны и часто сопряжены съ увлеченіями. Не былъ изъятъ отъ этихъ увлеченій и А. О. Лабзинъ; но, окончивъ свою литературную дѣятельность, онъ, конечно, вполне могъ раздѣлить слова, написанныя въ память его М. А. Дмитріевымъ:

Всю жизнь онъ вѣревъ былъ ученію Христову,
Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,
И, братьямъ путь открывъ къ Спасителю слову,
Онъ западъ дней своихъ страданьемъ освятилъ.

Объ этомъ страданіи намъ и остается сказать нѣсколько словъ.

Н. Дубровинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ¹⁾.

ГЛАВА I.

Общество посѣщенія бѣдныхъ.—Его основанія.—Распорядительное собраніе.—
Западныя формы его дѣйствій.—Попечитель герцогъ Лейхтенбергскій.—
Предсѣдатель собранія князь Одоевскій.—Первая школа
русскихъ ораторовъ.

Потрянувъ самого князя и все его имущество на Кавказъ, я могу теперь перейти къ изложенію моего участія въ дѣйствіяхъ существовавшего тогда общества посѣщенія бѣдныхъ и привлекаемаго своею цѣлью и своими распоряженіями общее вниманіе и сочувствіе. Общество это возникло, какъ тогда говорили и писали, вслѣдствіе частныхъ разговоровъ въ одномъ просвѣщенномъ кружкѣ о постоянномъ распространеніи бѣдности въ столицѣ и о безплодности безразличнаго пособія, дѣлаемаго тѣмъ, кто проситъ, а не тѣмъ, кто истинно бѣденъ. Графъ Соллогубъ, въ то время знаменитый левъ, ухватился за эту идею и едва-ли не первый предложилъ образовать общество для разумнаго вспомошествованія бѣднымъ людямъ, т. е. не иначе, какъ по должномъ удостовѣреніи въ ихъ бѣдности и по изслѣдованіи: какой

¹⁾ Первая часть этихъ записокъ была помѣщена въ «Русской Старинѣ» за 1894 годъ.

именно способъ помощи наиболѣе будетъ полезенъ. Предложеніе это, конечно, не могло не найти живѣйшаго участія въ петербургскомъ обществѣ, и дѣло закипѣло. Явилось много желающихъ участвовать въ обществѣ, а герцогу Лейхтенбергскому предложено было званіе попечителя, которое имъ и принято. Составленъ былъ подробный уставъ для общества, который въ 1846 году и удостоился Высочайшаго утвержденія.

Вотъ главныя черты этого устава:

1. Общество имѣетъ главнымъ предметомъ дѣйствій своихъ удостоеніе въ настоящемъ положеніи жителей С.-Петербурга, которые обращаются съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ.

Посему, входя въ посредничество между благотворителями и нуждающимися, оно содѣйствуетъ, чтобъ благотворенія достигали своего назначенія.

2. Помощь дѣйствительно нуждающимся общество оказываетъ въ слѣдующихъ видахъ: а) престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами, равно сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, помѣщаетъ въ учрежденныя имъ благотворительныя заведенія или ходатайствуетъ о призрѣніи ихъ въ постороннихъ учрежденіяхъ и на счетъ частныхъ людей и б) прочимъ неимущимъ доставляетъ вспоможеніе деньгами или одеждою, дровами и т. п.; больнымъ же оказываетъ врачебное пособіе въ ихъ жилищахъ чрезъ медиковъ общества, съ безденежнымъ отпускомъ лѣкарствъ.

3. Лица, поступающія въ составъ общества, раздѣляются: а) на членовъ-благотворителей, б) членовъ-посѣтителей и в) членовъ-распорядителей. Членами-благотворителями именуется тѣ лица, кои сбяжуются вносить ежегодно въ кассу общества опредѣленную сумму или содѣйствовать обществу безмездно и постоянно своими трудами. Членъ-посѣтитель, внося ежегодно 15 руб., обязанъ находится, хотя одинъ день въ мѣсяцъ, въ распоряженіи правленія общества и, по указанію члена-распорядителя, лично посѣщать бѣдныхъ для собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній. Члены-распорядители составляютъ правленіе общества. Число ихъ ограничивается 15-ю, и изъ нихъ одинъ занимаетъ мѣсто предсѣдателя. Всѣ сіи

лица ежегодно избираются всѣмъ обществомъ изъ среды его по баллотировкѣ. Тѣ изъ нихъ, кои получаютъ наибольшее число избирательныхъ балловъ, утверждаются въ сихъ должностяхъ попечителемъ общества.

Имѣя много свободнаго времени и зная, что при самомъ учрежденіи общества князь Одоевскій былъ избранъ единогласно предѣтелемъ правленія, я, какъ-то, при встрѣчѣ съ нимъ на одномъ изъ баловъ Дворянскаго собранія, — въ то время лучшихъ общественныхъ баловъ въ Петербургѣ, — случайно заявилъ ему мое желаніе зачислиться въ составъ этого полезнаго общества, что и было исполнено имъ тѣмъ съ большею готовностью, что онъ зналъ меня, по совмѣстной моей съ нимъ службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, за человѣка дѣловаго и, слѣдовательно, не бесполезнаго обществу. Сначала я былъ скромнымъ и усерднымъ членомъ-посѣтителемъ и, тщательно посѣщая указанныхъ мнѣ бѣдныхъ, представлялъ самую отчетливыя свѣдѣнія о ихъ положеніи и о способахъ, какими лучше и вѣрнѣе можно имъ помочь. При этихъ посѣщеніяхъ я, конечно, близко ознакомился со всѣми родами и видами бѣдности, — бѣдности истинной, скромной, страдальческой, бѣдности ложной, основанной на подлогахъ и обманахъ, наконецъ, бѣдности порочной, самой отвратительной бѣдности, въ формахъ дикихъ и почти звѣрскихъ, — бѣдности, гнѣздящейся въ грязныхъ углахъ, сырыхъ подвалахъ или сквозныхъ чердакахъ. Можно положительно сказать, что талантливый человѣкъ могъ бы найти въ архивахъ общества бездну матеріаловъ для изображенія самыхъ потрясающихъ картинъ изъ жизни дѣйствительной, — картинъ, какихъ, быть можетъ, самое богатое воображеніе создать не можетъ. Но эта сторсна не имѣетъ прямаго отношенія къ моимъ скромнымъ рассказамъ.

Здѣсь можно, хоть и преждевременно, сказать, что выборы въ различныя званія и должности по обществу не обходились безъ участія нѣкотораго искусственнаго механизма, безъ котораго, конечно, они и нигдѣ не дѣлаются. Дѣло въ томъ, что огромное число членовъ-посѣтителей смотрѣло на членовъ-распорядителей, какъ на людей избранныхъ и власть имѣющихъ, съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, и находилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ правленія.

Вліяніе это простиралось и на выборы, и хотя не было согласно съ условіями строгой законности, но имѣло ту хорошую сторону, что правленіе, стоя во главѣ общества, лучше могло видѣть достоинства и дѣятельность членовъ-посѣтителей и дѣлать изъ нихъ полезный выборъ въ члены-распорядители, чѣмъ сама толпа посѣтителей, не имѣвшая возможности дѣлать никакихъ сравненій, и раздѣленная на кружки, основанные не на дѣловитости, а единственно на частныхъ между собою отношеніяхъ. Такимъ образомъ, при наступленіи выборовъ, члены правленія разсматривали списокъ всѣхъ членовъ общества и дѣлали предназначенія, полезные, по ихъ убѣжденію, для общества. Составленный такимъ образомъ списокъ лицъ, предназначенныхъ въ различныя званія и должности, члены правленія распространяли въ день общаго собранія между своими знакомыми, и этимъ способомъ несомнѣнно обезпечивали большинство за лицами, ими назначенными. Понятно, что при такомъ способѣ мое избраніе въ члены правленія не представлялось нисколько ни труднымъ, ни сомнительнымъ и состоялось въ первомъ же собраніи общества.

Я живо помню эти первоначальныя, многочисленныя и, можно сказать, блестящія собранія. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время все, чтѣ было замѣчательнаго и умнаго въ Петербургѣ — принадлежало обществу. Весь аристократическій міръ стоялъ въ его спискахъ; не было ни одного литератора или журналиста, который не былъ членомъ общества; большая часть гвардіи спѣшила пріобрѣтать это скромное, но въ то время самое модное званіе; финансовыя знаменитости поддерживали общество; знаменитѣйшіе доктора предлагали ему свои услуги. И наконецъ огромный списокъ членовъ общества украшался именами Императорской фамиліи и первымъ въ числѣ ихъ стоялъ наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣшній славный и любимый народомъ государь... ¹⁾ Я очень сожалѣю, что не сохранилъ въ моихъ дѣлахъ ни одного экземпляра изъ первоначальныхъ списковъ общества. Съ большимъ трудомъ я достала списокъ пятидесятихъ годовъ, т. е. того печальнаго времени, когда мы, оборванные, стѣсненные, обиженные, привязанные къ

---

¹⁾ Въ Бозѣ почившій Александръ II.

мертвому трупу, именуемому Императорскимъ человеколюбивымъ обществомъ, съ отвращеніемъ влачили свое тяжелое существованіе и не умирали потому только, что боялись собственнымъ самоубійствомъ разгнѣвить грознаго Николая...

Вступивъ въ составъ правленія общества, я видѣлъ, что мои сотоварищи ожидаютъ отъ меня чего-то необычайнаго, и мнѣ казалось необходимымъ совершить что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ этомъ убѣжденіи, я обратилъ вниманіе на отсутствіе системы въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ. Наши приходы имѣли характеръ чистой случайности. Между тѣмъ, не зная вовсе, сколько мы получаемъ или можемъ получить ежегоднаго дохода, мы стали учреждать заведенія, требующія постоянныхъ расходовъ. Мнѣ не трудно было доказать, что, вслѣдствіе такихъ смѣлыхъ, но не основательныхъ дѣйствій, мы можемъ лопнуть и потерять сочувствіе публики, безъ котораго самое существованіе общества невозможно. Въ то же время я предложилъ подробный планъ, какъ вести это дѣло, какъ составлять бюджеты, какія учредить книги, какую установить отчетность. Все это было принято съ величайшимъ одобреніемъ и благодарностью. Я окончательно прославился и сталъ на твердую ногу въ правленіи, которое въ то время называлось еще распорядительнымъ собраніемъ. Не только товарищи мои, но самъ герцогъ, нашъ попечитель, иначе не называли меня, какъ министромъ финансовъ, хотя финансовая часть никогда не составляла моей специальности, а напротивъ въ домашнемъ быту, между родными, я всегда считался порядочнымъ мотомъ и самымъ беспорядочнымъ счетоводомъ.

Оглядѣвшись въ новомъ положеніи своемъ члена распорядительнаго собранія, я тотчасъ замѣтилъ, что всю прелесть его засѣданій составляютъ формы, цѣликомъ и, быть можетъ, въ преувеличенномъ даже видѣ и размѣрѣ перенесенныя изъ западныхъ палатъ. Нашъ милый предсѣдатель былъ истиннымъ мученикомъ различныхъ затѣй на этотъ ладъ, и хотя постоянно дѣйствовалъ и колоколомъ, и молоткомъ, которые у него находились всегда подъ рукой, но мало водворялъ порядка, особенно на первое время, въ нашихъ преніяхъ. Ораторы, хотя и записывались впередъ, но болѣе горячіе, чѣмъ опытные въ парламентскихъ преніяхъ, никакъ не могли воздержаться, чтобъ не ворваться въ рѣчь другаго, а какъ

скоро одинъ произносилъ слово, за нимъ прорывались другіе, и начинался общій говоръ съ аккомпаниментомъ колокола и молотка нашего предсѣдателя. У насъ былъ свой центръ, правая сторона и самая ярая оппозиція, олицетворявшаяся въ Краевскомъ, покойномъ Опочининѣ, весьма образованномъ и даровитомъ господинѣ, рано похищенномъ смертью, князѣ Оболенскомъ, впоследствии статсъ-секретарѣ и директорѣ департамента внѣшней торговли, и др. Помню, что споры иногда достигали излишней раздражительности, и борцы часто, по заключеніи ихъ, вставали, удалялись въ другую комнату и тамъ обнимались и цѣловались, возстановляя, такимъ образомъ, свои дружескія отношенія, которыя въ пылу сраженія казались навсегда и безвозвратно порванными.

Повторяю, что князь В. О. Одоевскій былъ истиннымъ мученикомъ. Трудолюбивый выше всякой мѣры, человекъ съ поэтической душою, но вовсе не практическій, милѣйшій предсѣдатель, но крайне плохой администраторъ, онъ постоянно приносилъ въ засѣданіе распорядительнаго собранія какія-то толстыя тетради своего издѣлія, которыя, впрочемъ, рѣдко удавалось ему прочитать отъ начала до конца. Если не въ началѣ, то въ серединѣ поднимались возраженія, и затѣмъ мгновенно все обрушивалось на него. Сдержанъ подобнаго напора онъ рѣшительно не былъ въ состояніи. Если онъ говорилъ и умно, то ужъ никакъ не внушительно. Закипали бурныя пренія, ораторы записывались по нѣскольку разъ, и кончалось обыкновенно тѣмъ, что часамъ къ тремъ ночи князь Одоевскій разбивался окончательно на всѣхъ пунктахъ, клалъ свою недочитанную тетрадь въ портфель и, нисколько не злобствуя, привозилъ въ слѣдующее засѣданіе другую тетрадь, которую постигала та же участь. Если дѣйствительно, со стороны дѣловой, практической, князь и прихрамывалъ, такъ сказать, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и особенно со стороны сердца и характера, это былъ типъ великолѣпнаго предсѣдателя. Кротость и доброта его умѣрала все, и мы любили и уважали его безконечно, хотя каждый изъ насъ грубилъ ему и уничтожалъ его произведенія самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Чтобъ показать, до какой степени онъ былъ добръ, приведу замѣчательный разговоръ человека, лично на себѣ испытавшаго эту

доброту. Служа въ V отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи, я познакомился тамъ, въ числѣ другихъ чиновниковъ этого отдѣленія, съ г. Соколовымъ. Соколовъ былъ глубоко ученый семинаристъ и, по его словамъ, между прочимъ, много работалъ для «Энциклопедическаго словаря» Плюшара. Этотъ Соколовъ вотъ что мнѣ рассказывалъ: однажды, въ молодости, онъ искалъ какого-то мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части статистической; увлеченный надеждами, которыя были уже даны ему, онъ внезапно узнаетъ, что мѣсто это отдано князю В. О. Одоевскому. Стѣсняемый самою суровою крайностью, Соколовъ, вообще замѣчательный оригиналь, отправляется къ князю Одоевскому и говоритъ ему: «Ваше сіятельство! Вамъ отдаво мѣсто, на которое я рассчитывалъ. Для васъ оно ничто, для меня единственный кусокъ хлѣба. Вы—князь, богатый аристократическими связями; я—бѣдный труженикъ, не имѣющій никакой опоры. Скажите, справедливо ли это?» Князь Одоевскій, сконфуженный, тронутый, начинаетъ извиняться, увѣрять, что онъ ничего не зналъ. Потомъ приказываетъ заложить карету, сажаетъ туда оригинала Соколова, ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ министру и выпрашиваетъ Соколову мѣсто, на которое самъ былъ назначенъ.

Я не могу безъ восторга говорить объ этой ангельской личности. Находясь долго въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, я получилъ къ нему глубокое благоговѣніе, какъ къ безпримѣрному идеалу добра и чести. Самъ весьма и весьма скудный въ средствахъ, онъ положительно готовъ былъ отдать свою рубаху ближнему. Зато онъ и окружаемъ былъ нашими членами, какъ дѣтьми и братьями, и если у него было какое-нибудь честолюбіе, то оно заключалось единственно въ томъ, чтобы окружать себя толпами преданныхъ ему людей.

Впоследствии, въ своихъ мученіяхъ по обществу, князь нашель во мнѣ могущественнаго и, по выраженію князя Бяргинскаго, «зубастаго» сподвижника и сотрудишка. Такъ называемое дѣлопроизводство по обществу я тоже нашель далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, выставилъ его недостатки и самъ предложилъ взять эту часть подъ свое наблюденіе, что, конечно, и принято было съ новою благодарностью. Эта, повидимому, скромная обязанность наблю-

денія сдѣлала меня господиномъ всѣхъ дѣлъ и, главное, того порядка, какимъ они двигались. Докладъ дѣлъ оставался на секретарѣ, но порядокъ разсмотрѣнія ихъ становился подъ мою строгую опеку. Я записывалъ ораторовъ, энергически останавливалъ всякіе порывы прервать рѣчь говорящаго и вообще сурово стоялъ за приличіе нашихъ засѣданій. Само собою разумѣется, что большая часть нападокъ, сыпавшихся на князя Одоевского, стали обрушиваться на меня; но у меня и тонъ, и свойство рѣчи были совершенно другія, чѣмъ у князя Одоевского. Сколько въ его словахъ было кротости и нѣжности, столько же у меня было энергіи и твердости. Я чувствовалъ и сознавалъ свою силу, и силу эту скоро признало не только правленіе, но и все общество. Самые бойкіе изъ моихъ сочленовъ, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, избѣгали нападать на меня, а когда хотѣли провести какую-нибудь собственную идею—предварительно перетягивали меня на свою сторону. Часто случалось, что Хрущовъ, напримѣръ, глава извѣстной партіи, начнетъ развивать свое предложеніе, и всѣ, увлеченные ясностью изложенія, прекраснымъ тономъ рѣчи, перейдутъ, не исключая ни князя Одоевского, ни самого герцога, на его сторону. Но въ минуту, когда пренія кажутся конченными и предложеніе принятымъ, я просилъ слова и разбивалъ это предложеніе. Интриги, много разъ возникавшія противъ моего вліянія, невыносимаго для многихъ самолюбивыхъ личностей, обличались мною и разрушались торжественно. Конецъ концовъ былъ тотъ, что я завладѣлъ рѣшительно всѣмъ обществомъ и установилъ на всѣ части его самое неотразимое вліяніе, за которое, какъ послѣдствія покажутъ, мнѣ пришлось дорого поплатиться. Я былъ председателемъ или членомъ большей части нашихъ комиссій, которыхъ было у насъ многое множество, напримѣръ, комиссія для ревизіи дѣлъ, комиссія для усиленія средствъ, комиссія для составленія проектовъ и т. п. Независимо отъ того, что я двигалъ дѣлами въ нашихъ засѣданіяхъ, я сдѣлался публичнымъ ораторомъ ихъ, чѣмъ-то въ родѣ говорящихъ министровъ Наполеона III. Всѣ отчеты, предложенія, воззванія въ общихъ собраніяхъ произносились и развивались моимъ звучнымъ голосомъ. На торжественныхъ обѣдахъ, въ которыхъ у насъ, по правдѣ сказать, не было не-

*

достатка, я постоянно произносил краснорѣчивыя рѣчи, раздѣляя эту обязанность съ самимъ княземъ Одоевскимъ и Хрущовымъ.

Каждый, пробѣгая эти строки, можетъ изумиться такому безцеремонному, повидимому, самохвальству съ моей стороны. На это я скажу, во-первыхъ, что, принявшись за изложеніе моихъ разсказовъ, я поставилъ себѣ закономъ считать за преступленіе всякое слово неправды, противное и моимъ правиламъ, и моему характеру, о чемъ я уже и говорилъ; во-вторыхъ, съ какою бы цѣлью я сталъ, выше истины, восхвалять свои подвиги и свои таланты, когда мои записки, если и сдѣлаются извѣстными міру, то въ такое время, когда самые слѣды моей могилы будутъ, быть можетъ, потеряны, и, наконецъ, въ-третьихъ, что еслибы имъ суждено было появиться раньше, то найдутся, вѣроятно, люди, которые скажутъ: такъ это или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что эта часть моей жизни касается дѣятельности публичной, извѣстной всему Петербургу...

Нашъ попечитель, герцогъ Лейхтенбергскій, принималъ сердечное участіе въ дѣлахъ общества и постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ нашего распорядительнаго собранія, облеченнаго впоследствии въ отвратительное наименованіе «Правленіе». Справедливость требуетъ сказать, что это была весьма милая личность. Съ прекрасною фізіономіею истиннаго француза, съ самыми плѣнительными манерами, привѣтливый, добрый, онъ не могъ не очаровывать всѣхъ, кто съ нимъ сближался.

Дебаты наши доставляли ему рѣдкое и пріятное зрѣлище. Онъ часто самъ вмѣшивался въ нихъ и безъ церемоніи былъ побиваемъ, если приставалъ къ слабой сторонѣ. И, дѣйствительно, это была едва-ли не единственная школа публичнаго краснорѣчія. Князь Одоевскій пріобрѣлъ навыкъ говорить во всякое время и обо всемъ, всегда умно и складно, хотя рѣдко эффектно. Хрущовъ до такой степени изощрился по этой части, что впоследствии, перенеся свою дѣятельность на поприще городскаго хозяйства, онъ завладѣлъ думой, изумлялъ ее своими рѣчами и сдѣлался главнымъ ея руководителемъ. Что касается до меня, то достаточно сослаться на Кавказъ, гдѣ ни одинъ торжественный праздникъ я не могъ отдѣлаться отъ всеобщихъ настояній сказать спичъ, и гдѣ, конечно, я создалъ много послѣдователей по этому пути. Герцогу, повторяю, все это

не могло не быть весело и приятно. Часто случалось, что онъ приѣзжалъ въ нашу довольно грязноватую контору, въ дни засѣданій, такъ рано, что еще никого не находилъ тамъ; отправлялся кататься, приѣзжалъ снова и опять, не находя никого, катался. Продолжительныя наши засѣданія онъ высиживалъ до конца, котораго мы достигали обыкновенно не ранѣе 2-хъ, 3-хъ, а иногда и 4-хъ часовъ ночи.

ГЛАВА II.

Дѣятели общества.—Хрущовъ.—Его быстрое возвышеніе и паденіе.—Его сумасшествіе и смерть.—Карамзинъ, Андрей, жертва честолюбія своей жены.—Михаилъ Лонгиновъ, впоследствии московскій литераторъ.—Панаевъ.—Некрасовъ, какъ смѣшеніе грязи и таланта.—Мухортовъ.—Ипкентенко.—Путята.—Галаховъ.—Графъ Уваровъ.—Краевскій.—Отамъ о немъ Тургенева.—Графъ С—бъ. Его таланты и безпутство. Его способность всюду падать.—Его репутація.—Мое усердное, но безплодное участіе въ его частныхъ и служебныхъ дѣлахъ.

Трудно было бы перечислить всѣ личности, составлявшія распорядительное собраніе или правленіе общества, въ теченіе того продолжительнаго времени, какое я оставался постояннымъ и безсмысленнымъ его членомъ. Но на первомъ планѣ, по справедливости, должно поставить Хрущова.

Съ Хрущовымъ я познакомился, какъ выше сказано, еще въ V отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въ то время это былъ очень красивый и стройный молодой человекъ, свѣжій, какъ персикъ. Злые языки говорили, что одна знатная барыня была равнодушна къ этой свѣжести и сильно помогала какъ общественному его положенію, такъ и служебнымъ его успѣхамъ. Какъ бы то ни было, съ теченіемъ времени, онъ скоро сдѣлался управляющимъ с.-петербургскою палатою государственныхъ имуществъ и любимцемъ могущественнаго тогда графа Киселева. Въ этомъ именно положеніи онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ обществѣ. Не одаренный способностью творчества, онъ былъ замѣчательнъ необычайною энергіею, стремленіемъ

къ порядку и въ особенности смѣлостью, съ которою онъ, нисколько не затрудняясь, нисколько не церемонясь, беспощадно и быстро атаковалъ всякій безпорядокъ, всякое нечистое, неправильное дѣйствіе, кому бы оно ни принадлежало. Отъ этого его мало любили, но много боялись. Для людей порядочныхъ онъ былъ образцомъ прямоты и чести. Для общества, въ которомъ сливались разнородныя личности, онъ былъ драгоцененъ и смѣло шелъ въ атаку туда, куда ему указывали. Князю М. К., хитрому и нечистому, прикрывавшему благотворительностію свои личныя корыстныя цѣли, страшно доставалось отъ Хрущова. Личности, подобныя Боссаковскому, просто его трепетали. Несмотря на постоянно дружескія мои съ нимъ отношенія, онъ нисколько не затруднялся атаковать и меня, когда полагалъ, что я дѣйствовалъ не такъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало. Приведу одинъ случай. Мнѣ не разъ приходилось исполнять должность предсѣдателя правленія. Обязанность эта сдѣлалась особенно трудною, когда наше общество присоединено было къ Императорскому человѣколюбивому обществу и когда малѣйшій нашъ шагъ требовалъ предварительнаго утвержденія. Сознавая, что упорствомъ, заносчивостію, спорами, нельзя ничега сдѣлать и добиться, я предпочиталъ дѣйствовать путемъ мира и любезностей съ властями, надъ нами поставленными. Нѣкоторая партія моихъ сочленовъ находила, что такой путь не соответствуетъ достоинству нашего общества, и Хрущовъ тотчасъ выразилъ мнѣ это особымъ письмомъ. На это замѣчаніе, разумѣется, я далъ суровый отпоръ. Вотъ заключительное письмо ко мнѣ Хрущова:

«Спѣшу объяснить вамъ настоящій смыслъ моего письма и увѣрить васъ, что наши дѣловыя, подчасъ задорныя, сношенія нисколько я не смѣшиваю съ частнымъ нашимъ бытомъ, которымъ дорожу по тѣмъ же самымъ причинамъ, кои извлекли изъ вашего пера столько для меня любезныхъ словъ. Но вы знаете, что я родъ стараго гусара, какъ выразился одинъ мой знакомый, отставной дуэлистъ, и постоянно стою на бреши развалинъ нашей свободы, отстаивая до послѣдней возможности первобытную, дорогую нашу независимость. Этой линіи, какъ вамъ не безызвѣстно, держатся весьма многіе изъ насъ, предпочиталъ монархическое правленіе попечителя деспотическимъ замашкамъ извѣстной олигархіи. Съ таковымъ вкусомъ доселѣ соединяются, какъ кажется, и

наши права, конечно, довольно поколебленные, но еще не совсѣмъ разрушенные и тѣмъ болѣе для насъ священныя. Это убѣжденіе я счелъ нужнымъ выразить въ выше прописанномъ письмѣ моемъ. Надѣюсь, что этого достаточно для разсѣянія той рати, которая почудилась вамъ въ боевомъ порядкѣ. Она считаетъ васъ однимъ изъ заслуженнѣйшихъ своихъ вождей и душевно желаетъ, чтобы вѣрность знамени продолжала быть общею нашею лучшею добродѣтелью и связью*.

Между тѣмъ Хрущовъ женился на одной изъ любимыхъ фрейлинъ великой княгини Елены Павловны, Жеребцовой, и этимъ способомъ сталъ къ этому двору въ близкія отношенія, такъ что, когда впоследствии для вновь сформированнаго двора Екатерины Михайловны понадобился гофмейстеръ, мѣсто это предложено было Хрущову и имъ принято. Въ этой комбинаціи, безъ сомнѣнія, принималъ участіе графъ Киселевъ, въ одно и то же время, старый другъ Елены Павловны и покровитель Хрущова. Но это мѣсто не соотвѣтствовало ни свойствамъ, ни стремленіямъ его. Впрочемъ, Хрущовъ скоро успѣлъ соединить съ должностью гофмейстера должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Впоследствии, когда общество было уже закрыто, мы ѣхали вмѣстѣ съ Хрущовымъ на коронацію нынѣшняго государя ¹⁾ въ Москву; онъ—какъ придворный, я—какъ начальникъ временной почтовой канцеляріи, тамъ образованной по случаю этого событія. Располагая удобствами почтоваго вагона, я перетащилъ туда Хрущова, и мы всю дорогу проболтали. Между прочимъ онъ повѣдалъ мнѣ, едва-ли не первому, что государь, убѣдивъ графа Киселева принять, послѣ Крымской войны, званіе посла при французскомъ дворѣ, спрашивалъ его, какъ образовать высшее управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ, остающимся послѣ Киселева, и что, по его совѣту и настоянію, министромъ назначается Шереметевъ, Василій Александровичъ, а товарищемъ министра онъ, Хрущовъ. Я истинно порадовался такому быстрому возвышенію такого свѣжаго и достойнаго человѣка, нисколько не сомнѣваясь, что онъ скоро будетъ министромъ. И, дѣйствительно, въ Москвѣ состоялись оба эти назначенія, и такъ какъ Шереметевъ

---

¹⁾ Александръ II.

отправился оттуда куда-то въ отпускъ, то Хрущовъ, возвратившись въ Петербургъ, тотчасъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, гдѣ еще такъ недавно онъ былъ незначительнымъ чиновникомъ и сталъ командовать разными директорами, которымъ онъ прежде дѣлалъ почтительные доклады.

Отправляясь скоро послѣ того на Кавказъ и распростившись съ нимъ, какъ другъ, я представлялся ему, какъ министру. Изъ послѣдующихъ свѣдѣній мнѣ извѣстно было, что съ Шереметевымъ онъ находился въ дурныхъ отношеніяхъ, но когда этого господина разбилъ параличъ, тогда Хрущову Высочайше повелѣно было вступить окончательно въ управленіе министерствомъ. Въ этомъ положеніи онъ дѣлалъ личные доклады государю, засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ и всюду имѣлъ самый блестящій успѣхъ. Никто не сомнѣвался, что онъ и останется министромъ и, конечно, болѣе всѣхъ былъ убѣжденъ въ этомъ самъ Хрущовъ, какъ вдругъ стали распространяться слухи о назначеніи министромъ извѣстнаго Михаила Николаевича Муравьева, столь прославившагося на различныхъ поприщахъ своимъ умомъ и своимъ характеромъ. Слухи эти скоро оправдались на дѣлѣ. Находясь въ то время на Кавказѣ и зная Хрущова, я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ этотъ ловкій боецъ далъ сбить себя съ позиціи. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ оставилъ и мѣсто товарища министра и укрылся въ толпѣ сенаторовъ. Въ маѣ 1857 г. я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Думаю, что вы не только прибыли уже на новое поприще вашей дѣятельности, но уже и оперились, принявъ какъ слѣдуетъ въ руки тѣ бразды, которыя достались на вашу долю. Таковое убѣжденіе, а равно изъявленное вами мнѣ лично предъ вашимъ отъѣздомъ согласіе побуждаютъ меня обременить васъ просьбицей. Въ прошломъ мартѣ я писалъ Д. А. Милютину...» (рѣчь шла о крестьянахъ Хрущова, которые бродили по Кавказу и которыхъ онъ просилъ выслать въ мѣсто жительства). «Къ сему присовокупляю несмѣтное пожеланіе вамъ всего наилучшаго. Любопытно бы знать ваши впечатлѣнія о новомъ мірѣ, въ который поставила васъ судьба. Къстати о судьбѣ. То, что она изволила совершить со мной и съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, вамъ уже, безъ сомнѣнія, извѣстно и

подробно. Событіе немалознаменательное и въ послѣдствіяхъ для будущаго важное. Говорю, конечно, не о себѣ грѣшномъ, но о дѣлѣ».

Я тотчасъ отвѣчалъ ему выраженіемъ участія къ этому событію и надежды, что государь не оставитъ его надолго безъ дѣла и, безъ сомнѣнія, скоро воззоветъ его къ новой дѣятельности, въ которой, рано или поздно, и я рассчитываю ему помогать. На это Хрущовъ въ іюнѣ того же 1857 г. писалъ мнѣ:

«Письмо ваше я получилъ и за содержаніе онаго, во всѣхъ отношеніяхъ, спѣшу усерднѣйше васъ благодарить. Пользуясь вашимъ наставленіемъ, пишу вамъ по экстрѣ и желаю вамъ всякаго преуспѣванія среди грузинъ и грузинокъ. Въ жаркомъ климатѣ, говорятъ, все растетъ скоро и роскошно. Увѣренъ, что это дѣйствіе окажется и на васъ. Что касается до будущаго, то оно, какъ извѣстно, въ рудѣ Божіей, аки и сердце царево. Что онъ кому готовить, не извѣстно, и если Господь приведетъ намъ съ вами встрѣтиться, то встрѣтимся старыми друзьями. Дмитрію Алексѣевичу Милстину прошу передать мой сердечный поклонъ. Судя по прекрасному началу, письмо его (отправленное неоконченнымъ) вышло бы для меня крайне пріятно, если бы удалось кончить. Понимаю драгоцѣнность его времени; но прошу поменьше жертвовать имъ на Индію. Мы здѣсь не такъ смотримъ и сильно держимся совѣта баенописца: «чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Новостей у насъ нѣтъ. Жарко, душно, всѣ уѣхали, а кто еще здѣсь—только о томъ и думаетъ, какъ бы улизнуть. Николай Алексѣевичъ Милютинъ принадлежитъ къ числу первыхъ, а я къ числу послѣднихъ. Онъ уѣхалъ третьяго дня, въ Нижній, а я помышляю о томъ же на будущей недѣлѣ только въ свою сторону, въ Рузу. Засимъ будьте здоровы, веселы и постарайтесь, если можете, чтобы Бярятинскій не слишкомъ вѣрилъ мошеннику Саркису и ни въ какомъ случаѣ не думалъ готовить его въ католикосы. Это была бы просто гадость».

Когда въ 1859 г., я былъ съ фельдмаршаломъ княземъ Бярятинскимъ въ Петербургѣ, самъ Хрущовъ разсказалъ мнѣ, что министерство отнято у него интригами А—говъ, и передалъ мнѣ всѣ подробности этого дѣла, которыхъ я уже и не могу припомнить съ

точностью. Хрущовъ говорилъ, что по назначеніи Муравьева министромъ, при первомъ ихъ свиданіи, Муравьевъ предупредилъ его, что онъ будетъ съ нимъ, какъ съ своимъ товарищемъ, совершенно откровененъ; потомъ началъ бранить всѣ дѣйствія и распоряженія Киселева, называя ихъ фантастическими, а въ заключеніе объявилъ, что высказалъ все это для того, чтобы сразу выяснить Хрущову свой взглядъ и затѣмъ уже дѣйствовать съ нимъ дружно. Хрущовъ отвѣчалъ Муравьеву, что за его откровенность онъ считаетъ долгомъ и съ своей стороны заплатить ему такую же откровенностью, и что ни критики его дѣйствіямъ Киселева, ни взглядовъ на будущія дѣйствія онъ нисколько не раздѣляетъ. Въ дѣйствіяхъ Киселева онъ самъ лично принималъ самое горячее участіе и всегда признавалъ ихъ исполненными добра и пользы, и, слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ другаго рода онъ не можетъ участвовать, не теряя своего достоинства, которое для него дороже всѣхъ служебныхъ интересовъ. Въ заключеніе онъ объявилъ Муравьеву, что служить съ нимъ онъ не можетъ и не хочетъ, и тотчасъ отправилъ письмо въ этомъ смыслѣ государю.

Извѣстно было, что такая стойкость и рѣшимость Хрущова вознаграждена была живымъ сочувствіемъ общественнаго мнѣнія и покрыта рукоплесканіями того кружка передовыхъ людей, къ которому онъ принадлежалъ и который считалъ своею главою Николая Милютина, впоследствии потерпѣвшаго лично подобную же участь. Но, увы! такіа невещественная блага рѣдко замѣняютъ блага вещественныя, но самой скоротечности ихъ и способности исчезать со всѣмъ ихъ обаяніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Хрущову въ первыя минуты отрадно было видѣть и это сочувствіе, и эти рукоплесканія; но когда эти отрадныя впечатлѣнія миновали, предъ нимъ предстала пустота, тяжелая для всякаго, и менѣе честолюбиваго, нежели Хрущовъ, человѣка. Онъ не могъ не видѣть, не сознавать, что съ широкой блестящей дороги къ всевозможнымъ почестямъ и обширной государственной дѣятельности его столкнули на темный проселокъ, съ котораго почти невозможно уже найти свѣтлый выходъ на ту же дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что это разбѣдающее сознание было первою и главною причиною разстройства

его умственныхъ способностей, разстройства, сначала почти незамѣтнаго и потомъ развивавшагося въ ужасающей степени.

Въ 1859 году, когда я былъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ фельд-маршаломъ и постоянно видѣлся съ Хрущовымъ, я, подобно всѣмъ его пріятелямъ, ничего въ немъ не замѣчалъ. Меня удивляло только особенное желаніе его имѣть аудіенцію у Барятинскаго, который былъ тогда на верху своего могущества и весьма мало доступенъ. Я, однакоже, устроилъ эту аудіенцію, подѣ влияніемъ таинственныхъ словъ Хрущова, что это нужно болѣе для государства и самого Барятинскаго, нежели для него. Потомъ Барятинскій въ Дрезденѣ, года черезъ два или три, говорилъ мнѣ, что при этой аудіенціи онъ замѣтилъ уже умственное разстройство Хрущова, потому что онъ развивалъ такія государственныя преобразованія, которыя отличались сумасшествіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ пробивалось подавленное честолюбіе Хрущова. Потомъ, вѣроятно, вслѣдствіе того же честолюбія, онъ сдѣлался жаркимъ защитникомъ крестьянскаго переворота и издалъ даже заграницей историческое обзорѣніе всѣхъ мѣропріятій правительства, сюда относящихся, одѣвъ позоромъ всѣ тѣ личности, которыя думали не такъ, какъ онъ. При личныхъ свиданіяхъ со мною, онъ часто говорилъ, что скоро настанетъ время, когда потребуются для государства свѣжія личности, къ которымъ онъ смѣло причислялъ себя и которыя, въ ожиданіи прізыва, должны готовиться къ предлежащему имъ дѣлу, вслѣдствіе чего онъ, Хрущовъ, постоянно читаетъ и изучаетъ исторію Соловьева, которую я постоянно и видѣлъ въ его рукахъ.

Возвратившись на Кавказъ и углубившись въ тамошніе дѣла и интересы, я вдругъ получаю, однажды, отъ Хрущова длиннѣйшее письмо. Надобно сказать, что вообще почеркъ у него былъ самый отвратительный и неразборчивый, но частыя мои съ нимъ сношенія одарили меня, въ нѣкоторой степени, тайною разбирать его каракули; письмо же, о которомъ я говорю, было такъ написано, что положительно нельзя было разобрать ни одного слова, такъ что я вынужденъ былъ тотчасъ написать ему, чтобы онъ лучше не присылалъ мнѣ подобныхъ писемъ; но прежде, нежели укоръ этотъ могъ достигнуть до него, я получаю новое его письмо, такого же объема и

такой же удобопонятности. Я не зналъ, что и думать, и плавать въ различныхъ недоумѣніяхъ, но съ слѣдующею почтою я получилъ изъ Петербурга извѣстіе, которое разсѣяло ихъ самымъ грустнымъ образомъ. Мнѣ писали, что Хрущовъ сошелъ съ ума! Въ то же время распространились слухи, что въ его бумагахъ открыты сношенія съ Герценомъ и что это открытіе было причиною его сумасшествия. Я этого не раздѣляю, хотя не только не отрицаю его переписки съ Герценомъ, но, напротивъ, вполне допускаю ея существованіе. Мнѣніе мое о существованіи этой переписки я основываю на томъ, что Хрущовъ принялъ на себя защиту какого-то купца, обиженнаго, по его убѣжденію, с.-петербургскимъ генераль-губернаторомъ, и когда всѣ его протесты повсюду были отвергнуты, все это дѣло появилось въ «Колоколѣ», безъ сомнѣнія, изображенное перомъ Хрущова. Я полагаю только, что и эти протесты и эта переписка съ Герценомъ были уже проявленіемъ перваго періода сумасшествия Хрущова, постоянно искавшаго пути для своего честолюбія.

Скоро мы съ Бярятинскимъ снова оставили Кавказъ; онъ поѣхалъ за границу лѣчиться, а я долженъ былъ ожидать въ Петербургѣ его туда возвращенія. Прибывъ въ Петербургъ, я тотчасъ занялся собраніемъ свѣдѣній о Хрущовѣ. Оказалось, что въ одно время съ нимъ сошла съ ума и жена его. Мнѣ сказали, что жена помѣщена въ какомъ-то заведеніи для сумасшедшихъ и поправляется, а самъ Хрущовъ находится въ такомъ же заведеніи доктора Штейна, откуда онъ одинъ разъ бѣжалъ было, но пойманъ и опять посаженъ, и докторъ Штейнъ рѣшительно не допускаетъ къ нему никого изъ знакомыхъ, полагая это вреднымъ для его исцѣленія. Съ этимъ свѣдѣніемъ я отправился въ Подмосковную моей жены, а потомъ оттуда, по вызову Бярятинскаго, въ Дрезденъ. Возвратившись изъ Дрездена, я узналъ, что Хрущова можно видѣть на томъ основаніи, что докторъ считаетъ его окончательно неизлѣчимымъ.

Вмѣстѣ съ однимъ изъ преданныхъ Хрущову лицъ, именно Краснопольскимъ, милымъ, хотя незначительнымъ чиновникомъ, бывшимъ нѣкогда моимъ подчиненнымъ, мы отправились въ заведеніе, гдѣ находился Хрущовъ. Докторъ Штейнъ сказалъ мнѣ, что дни его уже сочтены и что, если я желаю, могу его видѣть теперь же

въ саду, гдѣ онъ гуляетъ вмѣстѣ съ другими несчастными сотова-рищами. Когда я приблизился къ калиткѣ сада, Хрущовъ, преду-прежденный о моемъ прїѣздѣ, стоялъ у калитки съ распростертыми объятіями. Во внѣшности его я не замѣтилъ никакой рѣзкой пере-мѣны, за исключеніемъ большой бороды, которую онъ отростилъ себѣ. Разговоръ нашъ начался самымъ стройнымъ образомъ и про-должался болѣе часу совершенно правильно, такъ что я рѣшительно недоумѣвалъ: въ чемъ же состоитъ его сумасшествіе и не навязали ли ему этого сумасшествія по какимъ-либо политическимъ обстоя-тельствамъ? Недоумѣніе мое продолжалось не долго. Утомленный нашимъ продолжительнымъ разговоромъ, Хрущовъ вдругъ обра-тился къ моему спутнику Краснопольскому и началъ дѣлать ему такія порученія, которыя странностью и дикостью своею поразили и огорчили меня. Существеннымъ оттѣнкомъ его сумасшествія или, по крайней мѣрѣ, этихъ нелѣпыхъ порученій было то, что Хру-щовъ считалъ себя царемъ и скоро долженъ былъ короноваться, для чего нужны были ему и его придворнымъ различныя одѣянія, заготовленіе которыхъ онъ и возлагалъ на Краснопольскаго. По-томъ былъ нѣкоторый проблескъ въ его ужасной болѣзни, такъ что слѣдующую за этимъ свиданіемъ зиму онъ не только былъ выпущенъ изъ заведенія Штейна, но и жилъ, приличнѣйшимъ об-разомъ, по-прежнему, вмѣстѣ съ женой, въ своемъ домѣ на Сергі-евской улицѣ. Съ наступленіемъ весны его повезли за границу, гдѣ умственное разстройство его развилось уже до крайней степени, такъ что прямо оттуда его привезли въ Подмосковную, гдѣ онъ и влачилъ ужасный остатокъ жизни.

Подмосковная Хрущовыхъ была въ сосѣдствѣ съ Подмосковною моею жены. Въ 1864 году, когда я съ семьей проводилъ лѣто въ нашей Подмосковной, я получилъ приглашеніе г-жи Хрущовой по-сѣтить ея несчастнаго мужа, забытаго всѣми его друзьями. Въ пре-красное лѣтнее утро, на прекрасной тройкѣ, я прилетѣлъ въ имѣ-ніе Хрущовыхъ. На крыльцѣ господскаго дома я видѣлъ все семей-ство ихъ, вышедшее меня встрѣтить, и впереди всѣхъ самого Хру-щова, дѣлавшаго какіе-то оживленные жесты. Я думалъ, что это проявленіе радости при встрѣчѣ стараго пріятеля... Увы! разоча-рованіе было полное и непріятное! Оказалось, что его радовали ко-

локольцы и бубенцы моей тройки. Меня собственно онъ рѣшительно не узналъ и на всѣ мои привѣтствія какъ-то мычалъ непріязненно. Положеніе его было ужасно! Онъ потерялъ даръ слова и жилъ только животной жизнью въ самомъ безцеремонномъ значеніи слова. Послѣ обѣда я возвратился въ свою Подмосковную съ ощущеніями, которыя изображать едва-ли нужно. Но вотъ что удивительно: на другой же день я получилъ отъ г-жи Хрущовой извѣстіе, что мужъ ея въ самый день моего посѣщенія умеръ, и приглашеніе—присутствовать при его погребеніи. Въ мысляхъ моихъ тотчасъ мелькнулъ вопросъ, нѣтъ ли какого-нибудь таинственнаго, непостижимаго, неизяснимаго соотношенія между моимъ посѣщеніемъ Хрущова и его кончиною; вопросъ этотъ, впрочемъ, не представлялъ для меня ничего мучительнаго, потому что, въ послѣднемъ періодѣ его существованія, нельзя было пожелать ему ничего лучшаго, какъ прекращенія этого ужаснаго существованія.

Остается сказать, что я присутствовалъ на похоронахъ Хрущова и былъ единственнымъ представителемъ того петербургскаго міра, въ которомъ покойный былъ такъ блестящъ и, можно сказать, могущественъ. Смотри на гробъ, заключавшій въ себѣ останки этого замѣчательнаго человѣка, и на толпы мужиковъ и бабъ, большею частью уже съ утра пьяныхъ по случаю этого рѣдкаго и торжественнаго событія, я не могъ не думать про себя: вотъ человѣкъ, который въ царскихъ дворцахъ былъ своимъ человѣкомъ, управлялъ министерствомъ, былъ гофмейстеромъ и готовился быть дѣятелемъ въ самомъ верху государственной дѣятельности! Вотъ человѣкъ, въ концѣ своей жизни, обратившійся въ безсловесное существо, низшее всѣхъ живущихъ существъ и въ деревенской глуши сельскими попами и пьяными мужиками препровождаемый въ вѣчную жизнь.

Придерживаясь порядка, я не могу не остановиться на Карамзинѣ. Не нужно и говорить, что это былъ одинъ изъ сыновей знаменитаго исторіографа, и едва-ли не лучший; по крайней мѣрѣ самъ Карамзинъ, въ дружеской бесѣдѣ, не разъ говорилъ, что братья его не изъ числа отличныхъ людей. Карамзинъ былъ личностью симпатичною, благородною, можно сказать, великолѣпною. Онъ тоже

погибъ рано, какъ и Хрущовъ, но погибъ совершенно другимъ образомъ. Его сгубило не собственное его честолюбіе, но честолюбіе его жены. Жена его была урожденная, кажется, Шернваль, вышла за одного изъ богачей Демидовыхъ, а овдовѣвъ, плѣнилась Карамзинымъ и вышла за него во второй разъ. Супружество это, несмотря на блестящую внѣшнюю обстановку и малахитовыя комнаты, въ которыя она ввела Карамзина, дало ему мало счастья. Вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ и другими сотоварищами по обществу, мы не рѣдко бывали у него въ раззолоченныхъ его палатахъ и не могли не видѣть стѣсненія, которое претерпѣвалъ онъ въ супружескихъ узахъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ пріѣзда ко двору, тогда какъ супруга его, вкусившая сладостей тамошней атмосферы, постоянно рвалась туда и, разумѣется, толкала туда же и мужа. Но для этого нужно быть флигель-адъютантомъ, свитскимъ генераломъ, или всего лучше генераль-адъютантомъ, а добиться котораго-либо изъ этихъ званій, при обыкновенномъ теченіи обстоятельствъ, не такъ-то легко. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ пунктъ составлялъ источникъ семейныхъ драматическихъ столкновеній. Когда возгорѣлась Восточная война, Карамзинъ одинъ изъ первыхъ ринулся на поле брани. Онъ поступилъ въ какой-то кавалерійскій полкъ, котораго названія уже не помню. Случилось какъ-то, что, за отсутствіемъ или болѣзнію полковаго командира, Карамзинъ, какъ старшій, командовалъ полкомъ. Еще случилось какъ-то, что Карамзинъ, завидя непріятеля и вѣроятно рассчитывая сразу сдѣлать блестящее дѣло, ринулся на него, не обращая вниманія ни на численность врага, ни на самую невыгодную мѣстность для битвы. Конецъ былъ истинно трагическій! Карамзинъ залѣзъ съ полкомъ въ какія-то болота, былъ окруженъ баши-бузуками и изрубленъ. Спаслись немногіе. Общественное мнѣніе осуждало безумство Карамзина, государь былъ въ страшномъ негодованіи и говорилъ прелестной вдовѣ, что еслибы Карамзинъ не погибъ въ дѣлѣ, онъ приказалъ бы его разстрѣлять! Что думала обо всемъ этомъ тщеславная вдова — конечно, Аллаху одному извѣстно. Петербургъ много смѣялся надъ нею, когда, вслѣдствіе непремѣнной воли государя доставить въ Петербургъ тѣло Карам-

зна, доставили сюда какой-то, какъ говорили, обезображенный солдатскій трупъ.

Въ списокѣ, который я имѣю передъ собою, стоитъ въ числѣ распорядителей Лонгиновъ Михайль, приобрѣвшій впоследствии звучную, хотя не очень лестную, литературную извѣстность. Въ то время онъ имѣлъ видъ барабана и по внѣшности, и по внутреннему содержанию. Толстый, шарообразный, онъ болталъ безъ умолку, хотя въ многорѣчии его было мало замѣчательнаго. Его, однакоже, любили, какъ добраго-малаго. Кромѣ того, онъ, очевидно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на молодежь, потому что его нельзя было встрѣтить иначе, какъ окруженнаго толпою молодыхъ пріятелей. Вообще, онъ былъ совершенно противоположенъ своему брату Дмитрію, служившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и имѣвшему сдержанный видъ англичанина. Нашъ Лонгиновъ, впрочемъ, скоро скрылся съ петербургскаго горизонта и перенесъ свою болтливость и свою пустую дѣятельность на московское поприще.

Кто не зналъ Панаева? Это былъ милѣйшій господинъ, съ большими претензіями на великовѣтскость. Безспорно, это былъ лучшій человекъ въ нашемъ литературномъ мірѣ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, въ то время вращались личности весьма и весьма грязноватыя. Извѣстно также, что Панаевъ въ молодости былъ пріятелемъ медвѣдя Краевского и до такой степени, что оба они женились на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ нѣкогда знаменитаго актера Брянскаго. Жена Краевского скоро умерла; жена Панаева, облекшись псевдонимомъ «Станицкаго», приобрѣла нѣкоторую литературную извѣстность. Слабохарактерный Панаевъ первоначально пріютилъ къ своему «Современнику» Некрасова, который впоследствии умѣлъ завладѣть редакціею этого журнала. Панаевъ былъ человекъ истинно порядочный, порядочной фамилии и порядочныхъ связей; наружность его была весьма красивая и симпатичная, тогда какъ Некрасовъ имѣлъ видъ истиннаго бродяги и по наружности, и по общественному положенію.

Въ моей молодости я очень любилъ игру на бильярдѣ и для этой забавы посѣщалъ такіе трактиры, которые теперь и назвать совѣстно. Въ этихъ заведеніяхъ я часто встрѣчалъ двухъ оборвы-

шей, имѣвшихъ самый непривлекательный видъ, одѣтыхъ чуть ли не въ фризовыя шинели и окутанныхъ какими-то тряпками, исправлявшими должность кашнѣ. Эти личности, блѣдныя, подозрительныя, всегда были неразлучны. Когда я спросилъ, что это за господа? мнѣ отвѣчали: «Некрасовъ и Г.». Потомъ мнѣ рассказывали, что Некрасовъ доходилъ иногда до такого блистательнаго положенія, что долженъ былъ просить милостыню на Казанскомъ мосту. Такъ называемая «натуральная» школа, завладѣвшая одно время нашею литературою, выдвинула этихъ господъ, болѣе чѣмъ кто-либо знакомыхъ съ мрачною стороною жизни. Впослѣдствіи, когда послѣдовалъ разрывъ между Краевскимъ и нѣкоторою партіею, работавшею въ «Отечественныхъ Запискахъ», и когда эта партія, подъ предводительствомъ Панаева, стала издавать «Современникъ», Некрасовъ обрѣлъ въ немъ постоянныя заработки. Помню однажды, въ одномъ изъ нашихъ предпріятій, кажется на балѣ и аллегри, мы стояли у одного колеса вмѣстѣ съ Краевскимъ; мимо насъ прошелъ Некрасовъ, котораго я съ трудомъ узналъ. Привыкнувъ видѣть его обрванымъ до послѣдней степени, я изумился его превращенію: на немъ былъ приличный фракъ и чистое бѣлье. Изумленіе мое я выразилъ Краевскому, и тотъ, съ тою злобою и желчью, которая ему только и была свойственна, замѣтилъ: «поправились, одежду новую сшили».

Можно, однако, замѣтить, что я смѣшиваю, повидимому, двѣ различныя вещи: несомнѣнные таланты Некрасова и Г—а и ихъ бѣдность. Ничуть не бывало. Я говорю только, что непостижимо, отвратительно было видѣть предпочтеніе джентльмену Панаеву такого господина, какъ Некрасовъ, тѣмъ болѣе, что, по общему мнѣнію, онъ не отличался и въ нравственномъ отношеніи. Что касается до его таланта, то во всякомъ случаѣ онъ не былъ же такой громадной величины, чтобы одною своею силою совратить съ добраго пути порядочную женщину, какъ бы она ни была восторженна.

Но возвратимся къ Панаеву. Оцѣнка литературныхъ его заслугъ, во всякомъ случаѣ, не очень громадныхъ, сюда не принадлежитъ. Дѣятельность его по Обществу была слаба въ высшей степени и заключалась преимущественно въ милыхъ разсказахъ са-

мых милѣйшихъ анекдотовъ. Въ продолженіе засѣданій онъ постоянно рисовалъ нашего лупоглазаго Мухортова, обвѣшивая его выпуклую грудь всевозможными отличіями, а въ концѣ засѣданій, подражая другимъ членамъ, предлагавшимъ и возбуждавшимъ различные вопросы, предлагалъ и возбуждалъ одинъ и тотъ же вопросъ: «Отчего Мухортовъ бельомъ, а женщины его не любятъ?» Едва-ли нужно говорить, до какой степени эти вопросы были пріятны тупоумному, но въ то же время страшно самолюбивому и занятому собою, Мухортову...

Я лично Панаева очень любилъ и даже былъ такъ счастливъ, что могъ дѣлать ему нѣкоторыя существенныя услуги. Вотъ одна изъ его записокъ ко мнѣ: «То участіе, которое Вы принимаете въ моемъ дѣлѣ, и Ваше доброе ко мнѣ расположеніе причиною, что я такъ надоѣдаю Вамъ. Просьба моя, Вами сочиненная, вчера отослана мною къ графу Адлербергу, я измѣнилъ въ ней одно только, вмѣсто словъ: «о выдачѣ мнѣ 3.000 руб. впередъ», я написалъ: «о выдачѣ мнѣ 3.000 р. съ тѣмъ, чтобы остальные затѣмъ по подпискѣ деньги выдавались мнѣ ежемѣсячно, согласно новому постановленію». Для меня необходимо, чтобы не прерывалась ежемѣсячная выдача. Я счелъ долгомъ объ этомъ увѣдомить Васъ, въ полной увѣренности, что Вы продолжите начатое Вами участіе этому дѣлу». Счастливымъ также себя считаю, что, находясь случайно въ Петербургѣ во время кончины Панаева, я могъ съ любовью проводить гробъ его въ конечную пристань человѣчества.

Что касается до почтеннѣйшаго Александра Васильевича Никитенко, то на нашемъ благотворительномъ поприщѣ онъ былъ, безъ сомнѣнія, тѣмъ же, чѣмъ былъ на всѣхъ другихъ поприщахъ, т. е. златою посредственностью. Мы держали его для разныхъ ученыхъ вопросовъ и для наблюденія за нашими воспитательными заведеніями; но я не помню, чтобы дѣйствіями своими у насъ онъ выдвигался на сколько-нибудь изъ общаго уровня. Помню только, что надъ нимъ значительно подсмѣивались за малороссійскій оттънокъ его разговора. Такъ, напримѣръ, наши шалуны подмѣтили, что вмѣсто «благоуханіе» онъ всегда говорилъ «благоуѣганіе». Впрочемъ, онъ отличался большою скромностью и усердно исполнялъ то, что ему поручалось.

Точно также я не имѣю почти ничего сказать объ остальныхъ членахъ правленія. Путята былъ добрый, милый, но не замѣчательный человѣкъ и слабонервный до такой степени, что что бы онъ ни говорилъ, глаза его всегда наполнялись слезами. Галаховъ былъ пріятный молодой человѣкъ, но мы его держали въ средѣ своей главнѣйше за тѣмъ, что онъ былъ сынъ оберъ-полиціймейстера, а при нашихъ непрерывныхъ сношеніяхъ съ полиціей или по дѣламъ бѣдныхъ, или по нашимъ предпріятіямъ, такой проводникъ былъ очень полезенъ. Что касается до графа Уварова, то онъ попалъ въ правленіе какъ-то случайно и оставался тамъ недолго. Сколько помню, ожидали чего-то отъ его страшнаго богатства, но, кажется, ничего не вышло. Я истинно удивляюсь, что въ этомъ списокѣ нѣтъ Краевскаго. Это правда, что его у насъ его не любили и выжили-таки изъ Общества; но въ первое время моего туда вступленія, онъ былъ весьма дѣятельнымъ и вліятельнымъ членомъ. Мы съ нимъ составляли даже, такъ-называемую, ревизіонную комиссію, обязанность которой состояла въ томъ, чтобы разсматривать уже рѣшенныя дѣла и удостовѣряться, какъ въ полнотѣ всѣхъ свѣдѣній, для рѣшенія необходимыхъ, такъ и въ правильности самыхъ рѣшеній. Комиссію эту князь Одоевскій называлъ «совѣстью Общества». И дѣйствительно, мы такъ усердно исполняли эту обязанность, что заставили трепетать и членовъ-посѣтителей, собирающихъ свѣдѣнія, и членовъ-распорядителей, рѣшающихъ дѣла извѣстной степени и, наконецъ, само распорядительное собраніе, которое рѣшало дѣла высшей важности. Справедливость требуетъ сказать, что Краевскій былъ крайне непріятный, грубый въ обращеніи, черствый душою, но умный и энергическій человѣкъ.

Когда въ 1848 году произошло волненіе во Франціи и тамъ учредилось временное правительство, мы въ шутку распредѣлили имена членовъ этого правительства между собою, и Краевскаго единогласно назвали «Маратомъ» или «Марастомъ». Дѣйствительно, онъ, повидимому, имѣлъ желѣзную волю и былъ способенъ управлять дѣлами какими бы то ни было. Одна исторія «Отечественныхъ Записокъ», которую самъ онъ рассказывалъ мнѣ со всѣми подробностями, доказываетъ уже это. Вотъ еще случай:

*

Послѣ продолжительнаго пребыванія И. С. Тургенева за-границей, онъ возвратился въ Петербургъ. Я уже не помню, въ какомъ это году было, но помню, что лѣтомъ. Князь Одоевскій, жившій у Лѣснаго института, на одной изъ своихъ многочисленныхъ дачъ, торжествовалъ это возвращеніе обѣдомъ или вечеромъ, на который и собралъ насъ. Бесѣда, разумѣется, шла шумная и оживленная. Послѣ очаровательныхъ разсказовъ Тургенева о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ лучшихъ странъ, перешли къ русской литературѣ и скоро начали бранить Краевскаго. Среди этихъ, почти единодушныхъ ругательствъ, Тургеневъ сказалъ:

— Позвольте, господа! Я долженъ предупредить васъ: я искренно ненавижу Краевскаго, но очень можетъ быть, что завтра вы увидите меня на Невскомъ подъ руку съ нимъ. Бога ради не подумайте, что я подлець. Своихъ убѣжденій я не мѣняю, но я не могу избавиться отъ неотразимаго вліянія на меня этого человѣка. Я просто передъ нимъ пасую и самъ не знаю отчего. Какъ посмотреть онъ на меня своими оловянными глазами, я рѣшительно уничтожаюсь, и онъ можетъ дѣлать изъ меня все, что хочетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что талантливый Тургеневъ умѣлъ высказать это; но всѣ болѣе или менѣе должны были находиться въ подобныхъ же отношеніяхъ къ этому господину, неприятному, но одаренному большими силами.

Письма его совершенно соотвѣтствовали его характеру. Беру на удачу одно или два: «3-го сентября 1849 года. Если бы почему-нибудь упомянулось мое имя въ засѣданія Собранія въ понедѣльникъ, сдѣлайте одолженіе, извините мое отсутствіе предъ товарищами. Проработавъ лошадей до вчерашняго дня надъ «Отечественными Записками», я хочу отдохнуть деньковъ пять въ Царскомъ Селѣ. Вашъ богомолецъ». — «3-го апрѣля 1850 года. Н. М. Маслову никакъ нельзя сегодня быть въ Ревизіонной комиссіи, о чемъ почтительнѣйше и имѣю честь Васъ увѣдомить. Вашъ богомолецъ».

О томъ, что потомъ Краевскій, умѣвшій вывернуться изъ всѣхъ политическихъ потрясеній, нерѣдко волновавшихъ литературный міръ, сдѣлался однимъ изъ сильныхъ нашихъ журналистовъ и

страшно разбогатѣлъ, едва-ли нужно говорить, какъ о предметѣ, совершенно извѣстномъ всему русскому царству.

Но несправедливо было бы ничего не сказать о личности, имѣвшей при рожденіи Общества и первыхъ дняхъ его существованія громадное значеніе. Я разумѣю графа С-ба Трудно представить себѣ болѣе оригинальное соединеніе такихъ несообразностей, какихъ былъ исполненъ графъ С. Одаренный замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, богатымъ воображеніемъ, самымъ изящнымъ вкусомъ во всемъ, гдѣ требовался вкусъ—этотъ человѣкъ на практикѣ былъ самымъ пустѣйшимъ человѣкомъ, не умѣвшимъ ни изъ своей богатой натуры, ни изъ своего счастливаго положенія извлечь никакой существенной пользы. Онъ имѣлъ какую-то роковую способность вездѣ падать: начавъ литературное поприще блестящими дебютами, онъ постепенно падалъ, какъ литераторъ и, наконецъ, упалъ совершенно. Женившись на милѣйшей женщинѣ изъ семейства Віельгорскихъ, этихъ сильныхъ и могущественныхъ царедворцевъ, онъ упалъ въ домашнемъ быту до самой унижительной степени. Начавъ службу въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ упалъ и тамъ, несмотря на поддержку такихъ людей, какъ Віельгорскіе. Наконецъ, учредивъ общество посѣщенія бѣдныхъ, онъ скоро упалъ въ мнѣніи всѣхъ членовъ до такой степени, что его никто не хотѣлъ слушать, и только мы съ Одоевскимъ были сколько-нибудь къ нему внимательны, тогда какъ наши красные, подъ предводительствомъ Хруцова, просто выражали ему презрѣніе. Но что всего удивительнѣе, графъ С. впоследствии и, главнѣйше, по моимъ совѣтамъ, перейдя на службу на Кавказъ, гдѣ, какъ я ожидалъ, такой талантливый аристократъ будетъ цѣнимъ, какъ драгоцѣнность, упалъ и тамъ, и мнѣ суждено, подобно какъ въ Обществѣ, такъ же поддержать его и тамъ своимъ незначительнымъ вліяніемъ...

Кто зналъ близко графа С., для того понятна была тайна его постоянного в повсюду паденія. Въ немъ не было никакихъ твердыхъ правилъ, у него не было никакого характера. Онъ былъ высокомеренъ тамъ, гдѣ было можно; унижался тамъ, гдѣ было нужно, и не вслѣдствіе какой-либо обдуманной и свойственной столь многимъ системы, а просто подъ вліяніемъ скоропреходящихъ случайностей. Жизнь онъ велъ далеко не отличающуюся нравственностью;

любилъ играть въ карты и путался въ денежныхъ дѣлахъ самымъ неприличнымъ образомъ. На этомъ фонѣ, разумѣется, появились самыя мрачныя для его чести узоры. Я лично испыталъ нѣкоторыя черты со стороны С., не очень свидѣтельствующія о его чистомъ и возвышенномъ благородствѣ.

Такъ на примѣръ, однажды, собравшись вечеромъ у секретаря нашего Общества, Кириллова, мы стали играть съ С. на бильярдѣ. Я ненавидѣлъ игру на деньги, игру для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно стѣснительную, переходящую изъ удовольствія въ какое-то ремесленное занятіе. Графъ С., напротивъ, былъ чистый игрокъ въ душѣ и потому, какъ я ни отбивался, вынудилъ меня принять пари довольно значительнаго объема. Но у него было болѣе задору, чѣмъ искусства. Проигравъ первую партію, онъ удвоилъ ставку, но проигралъ и вторую, и третью и т. д., постоянно играя на квитъ, и когда сумма его проигрыша достигла весьма большой суммы, онъ обратилъ всю нашу игру въ шутку, хотя я нисколько не думалъ шутить и въ случаѣ проигрыша—немедленно выплатилъ бы его. Помню другой случай: однажды въ магазинѣ Общества, въ присутствіи попечительницы, блистательной тогда графини Воронцовой-Дашковой, у насъ завязался съ С. какой-то споръ. Въ то время, пріѣхавшая изъ Парижа *м-ше* Бастидъ, впоследствии сдѣлавшаяся столь извѣстною въ Петербургѣ, не знала, куда на первыхъ порахъ пріютиться, и выпросила позволеніе развѣсить свои роскошныя вещи въ нашемъ магазинѣ. Въ числѣ этихъ вещей наибольшимъ изяществомъ отличалась какая-то мантилья сорти-де-баль или что-то въ этомъ родѣ. С., продолжая свой споръ, предложилъ эту вещь на пари, которое я и принялъ. Споръ скоро разрѣшился, и я выигралъ пари; но мой противникъ и здѣсь, какъ на бильярдѣ, обратилъ все въ шутку.

Подобныя, хотя незначительныя, факты не могли поддерживать его репутаціи, которая, падая постепенно, дошла, наконецъ, до того, что мы хотя и употребляли его въ дѣло по различнымъ нашимъ предпріятіямъ, гдѣ его вкусъ приносилъ несомнѣнную пользу, но боялись ставить его въ какое-либо соотношеніе съ денежною частью этихъ предпріятій, потому что и въ этомъ отношеніи были весьма невыгодныя для него факты.

Есть пословица: «добрая слава лежитъ, а худая бѣжить». Эта пословица вполнѣ примѣнялась къ С. Худая его слава несомнѣнно прибѣжала на Кавказъ прежде его самого и получила уже самый извращенный видъ. Я помню, что когда, въ 1857 году, я прїѣхалъ въ Баку изъ Тифлиса, навстрѣчу моему семейству, отправившемуся изъ Петербурга водой, я долженъ былъ сначала, вслѣдствіе ожиданій, а потомъ вслѣдствіе семейнаго несчастья, провести тамъ около мѣсяца. Остановился я у тамошняго уѣзднаго начальника Пигулевскаго, великолѣпнаго типа русскаго, т. е. ловкаго, смышленнаго и прїятнаго человѣка. Однажды зашла рѣчь о С. Пигулевскій его лично вовсе не зналъ, но много слышалъ объ немъ, и, конечно, слухи эти были крайне недобрые, потому что онъ сказалъ: «это тотъ С., чтѣ за стаканъ водки просьбы пишеть!» Я ужаснулся при этихъ словахъ и поспѣшилъ разувѣрить Пигулевскаго, что С. ни водки не пьеть, ни просьбъ не пишеть. Въ то же время въ головѣ моей мелькнула мысль, къ какимъ страшнымъ результатамъ ведетъ недоброе поведеніе.

Въ Тифлисѣ, хотя, конечно, не въ той степени, С. имѣлъ тоже самую плохую репутацію и уѣхалъ оттуда, не только не исправивъ ее нисколько, но, напротивъ, подливъ, какъ говорится, масла въ огонь. Надо сказать, что въ Тифлисѣ есть замѣчательная личность,—личность, о которой, конечно, мнѣ придется много говорить. Личность эта—армянинъ Мирзоевъ. Въ свое время я расскажу исторію его обогащенія, а теперь замѣчу только, что онъ имѣлъ какое-то необычайное, болѣзненное стремленіе всѣмъ и во всемъ угождать и обязывать cadaго всевозможными одолженіями. Графу С. и вообще людямъ его взглядовъ—Мирзоевъ былъ просто кладъ. Когда С. былъ на Кавказѣ, Мирзоевъ далъ ему въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ домовъ квартиру, отдѣлалъ ее, убралъ, по тамошнимъ обычаямъ, дорогими коврами, снабдилъ серебромъ и рѣшительно всѣми хозяйственными принадлежностями. Когда С. уѣхалъ изъ Тифлиса, весь городъ говорилъ, что квартиру онъ оставилъ, но...

Занятія мои по Обществу сблизили меня не только съ С., но вообще съ семействомъ Вельгорскихъ, чтѣ было тѣмъ удобнѣе, что оба Вельгорскіе были старинными друзьями Барятинскихъ и, какъ

говорили, Матвѣй Вѣльгорскій, послѣ смерти отца Барятинскихъ, предлагалъ княгинѣ руку и сердце, но почему-то предложеніе его не принято, и онъ на всю жизнь остался холостякомъ. Графъ Михаилъ Вѣльгорскій, тестъ С., былъ женатъ на какой-то свирѣпой барынѣ, урожденной Биронъ, передъ которой положительно трепеталъ весь домъ, начиная съ самого Вѣльгорскаго. У нихъ былъ замѣчательный сынъ, который умеръ въ Крыму, во время восточной войны, занимаясь тамъ, по порученію императрицы, благотворительными и попечительными дѣлами относительно раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ, и три дочери: одна за С., милѣйшая, кроткая и симпатичная Софья Михайловна, достойная несравненно лучшаго мужа, другая за Веневитиновымъ, господиномъ, служившимъ первоначально, въ одно время со мною, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и потомъ вытянутымъ за уши Вѣльгорскими на высшія степени администраціи. Между Веневитиновымъ и С. существовала страшная вражда. С. самъ мнѣ рассказывалъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ, что Вѣльгорскіе рѣшились выдать дочь за него, который, вмѣсто благодарности, сталъ интриговать въ семействѣ противъ него же. С. было невыносимо, что Веневитиновъ, при своемъ умѣ, поднимается по лѣстницѣ службы и общественнаго положенія, а онъ, С., одаренный разнообразными талантами, не только не поднимается, но постепенно падаетъ. Третья дочь, болѣзненная, была за однимъ изъ князей Шаховскихъ, Александромъ, и скоро умерла. Съ мужемъ ея, служившимъ на Кавказѣ, я очень сблизился тамъ, хотя нисколько не симпатизировалъ ему. Это былъ какой-то самодуръ, чрезвычайно самоувѣренный, но нисколько не способный къ дѣлу. Барятинскій имѣлъ сильное желаніе открыть ему путь служебныхъ усцѣховъ и назначилъ его даже начальникомъ штаба кавказскаго артиллерійскаго управленія; но изъ этого ничего не вышло, и онъ не умѣлъ справиться съ этою должностью. Оказалось только, что онъ глубоко изучилъ слесарное искусство и производилъ такіе непостижимые замки, предъ которыми каждый мастеровой долженъ нѣмѣть отъ изумленія.

Вѣльгорскіе были артистами и слыли самыми усердными покровителями артистовъ во всевозможныхъ родахъ. Михаилъ даже

былъ композиторомъ, и въ концертахъ, устраиваемыхъ нашимъ Обществомъ, всегда исполнялись его произведенія. Кромѣ того, Михайлъ, по званію артиста, былъ и порядочный кутила. Я помню много ночей, которыя онъ проводилъ съ нами, и въ теченіе которыхъ пилъ, пѣлъ и игралъ, сбрасывая съ себя, вмѣстѣ съ фраккомъ, все свое величіе. Самъ С. рассказывалъ случай, что когда-то тестъ вздумалъ-было пожурить его за его безпутное поведеніе, и серьезнымъ тономъ началъ съ вопроса: «а позволъ, любезный, спросить, въ какомъ часу ты вчера изволилъ возвратиться домой?» С. быстро отвѣчалъ: «пять минутъ спустя послѣ вашего пріѣзда». Этотъ быстрый отвѣтъ такъ смутилъ графа, что приготовленное имъ нравоученіе осталось неисполненнымъ.

Графъ Михайлъ Віельгорскій любилъ со мною толковать и о разстройствѣ хозяйственныхъ дѣлъ С., и о разстройствѣ служебнаго его положенія. Хозяйственныя дѣла С. дѣйствительно находились въ хаотическомъ состояніи. Вмѣстѣ съ сумасшедшимъ братомъ у него было въ Тамбовской губерніи имѣніе, а въ этомъ имѣніи большая суконная фабрика, принимавшая подряды на поставку суконъ въ казну. Можно представить, какимъ порядкомъ отличались и фабричное производство, и поставки въ казну въ рукахъ безпутнаго и нисколько не дѣльнаго С.! Между тѣмъ, громадныя долги, которыхъ онъ, при самомъ усердномъ содѣйствіи съ моей стороны, даже и усчитать не могъ, давили его со всѣхъ сторонъ такъ, что предстояло неминуемое разореніе какъ для него самого, что, конечно, не заслуживало большаго сожалѣнія, такъ и для дѣтей его, состоявшихъ налицо въ довольно значительномъ числѣ. Я предложилъ такую комбинацію, чтобы имѣніе, со всѣми подрядами, долгами и всевозможными обязательствами, передать въ полное и независимое распоряженіе графа Михаила Віельгорскаго, который однимъ своимъ кредитомъ можетъ поднять положеніе дѣлъ, и въ вѣдѣніи котораго есть дѣловые люди, которые сдѣлаютъ все, что можно для устройства имѣнія и погашенія долговъ, а графу С. совѣтовалъ, на все время этой исключительной операціи, умѣрять всевозможно свои восторги, не дѣлать новыхъ долговъ и вообще поставить финансовую сторону своей жизни подъ ближайшій контроль графа Матвѣя. Планъ этотъ былъ принятъ съ благодарностью,

и я же составилъ и совершилъ всѣ акты, для осуществленія его необходимыя.

Что же касается до служебнаго положенія С., то я не предвидѣлъ возможности для него достигнуть какихъ-либо по этой части успѣховъ здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ всѣ такъ невыгодно думали о немъ и гдѣ увлеченія столичной жизни вѣчно должны сбивать его съ толку; а потому я совѣтовалъ ему причислиться къ какому-нибудь изъ мѣстныхъ главныхъ начальниковъ, которые, изъ уваженія къ Вильгорскимъ, готовы будутъ устроить для С. хорошее положеніе и открыть ему хорошую дорогу. Въ то время на Кавказѣ былъ намѣстникомъ князь Воронцовъ.

Помню, въ одномъ изъ вечернихъ засѣданій нашего Общества С. возобновилъ разговоръ по этой части и, рѣшившись перейти на Кавказъ, тутъ же написалъ письмо князю Воронцову, которое и прочиталъ мнѣ. Письмо это имѣло болѣе литературный, нежели дѣловой, характеръ и было усыпано милыми остротами, на которыя С. былъ такой мастеръ. Воронцова я совершенно не зналъ и сильно опасался, что такой характеръ письма, при всей литературной его прелести, можетъ невыгодно подѣйствовать на государственнаго человѣка. Но опасеніе это оказалось напраснымъ. Къ удивленію, князь Воронцовъ изъявилъ любезную готовность пристроить его на Кавказѣ, куда С. скоро и отправился.

Что дѣлалъ тамъ С. при князѣ Воронцовѣ, мнѣ положительно не извѣстно, хотя впоследствии, самъ перейдя на Кавказъ, я слышалъ много объ этомъ періодѣ кавказскихъ его подвиговъ. Никакой основной дѣятельности онъ тамъ не имѣлъ, и потому Муравьевъ, назначенный послѣ Воронцова, на первыхъ же порахъ наговорилъ ему много грубостей и объявилъ, что онъ вовсе ненуженъ для Кавказа. Вслѣдствіе такого неутѣшительнаго объявленія, С. вновь появился въ Петербургѣ и болтался непричемъ. Скоро прибылъ въ Петербургъ и князь Барятинскій, и я сдѣлался его единственнымъ сотрудникомъ во всѣхъ его дѣловыхъ занятіяхъ, что, конечно, поставило меня въ ежедневныя съ нимъ сношенія. Въ это время я встрѣтилъ какъ-то въ Павловскѣ С. и, по прежнему моему участію въ его положеніи, спросилъ его, что онъ намѣренъ предпринять? С. отвѣчалъ: «жду, когда князя Барятинскаго назначатъ кавказскимъ

намѣстникомъ, и тогда буду просить взять меня съ собою опять на Кавказъ! Я сказалъ уже, что въ этотъ прїѣздъ Барятинскій сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе, и всѣ ждали: какое назначеніе ему будетъ дано. Нѣкоторые, между прочимъ, полагали, что онъ будетъ сдѣланъ кавказскимъ намѣстникомъ; но это мнѣніе отнюдь не было господствующимъ, и ничто не обозначало, чтобъ такое предположеніе было наиболѣе вѣроятнымъ. Тѣмъ не менѣе, когда я передалъ ему слова С., замѣтно было, что они доставили князю большое удовольствіе, и онъ заставлялъ меня нѣсколько разъ повторять эти слова. И дѣйствительно, когда онъ былъ назначенъ кавказскимъ намѣстникомъ, С. былъ однимъ изъ первыхъ, кого завербовалъ князь въ свою пышную свиту, съ которой онъ открылъ свое торжественное шествіе на Кавказъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слова, кстати сказанныя С. и кстати мною переданныя по принадлежности, были главнымъ основаніемъ новаго устроенія его служебной судьбы. Но когда, подавленный неотступными настояніями князя, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и я прїѣхалъ на Кавказъ, я нашелъ уже С. въ самомъ плачевномъ положеніи. Вступивъ на первыхъ порахъ въ скромную вице-директорскую должность существовавшей тогда канцеляріи намѣстника, я видѣлъ, съ какимъ пренебреженіемъ относилась къ нему канцелярія, когда онъ появлялся въ ней. Ни одинъ столоначальникъ не оказывалъ ему вниманія.

Я счелъ долгомъ дать ему руку помощи, сколько отъ меня зависѣло. Оказалось, что князь, всегда и вообще очень внимательный къ общественному мнѣнію, не желалъ нисколько бороться съ нимъ за С. и значительно охладѣлъ къ нему. По крайней мѣрѣ, онъ рѣшительно не былъ расположенъ исполнить странную, можно сказать, дикую фантазію С. получить губернаторское мѣсто на Кавказѣ, вполнѣ готовый держать его при себѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій съ хорошимъ содержаніемъ, чтѣ, въ свою очередь, не удовлетворяло честолюбивыхъ стремленій С. Когда я, по старинной пріязни къ С., доказывалъ, что князь совершенно правъ, и что С. не имѣетъ ни свойствъ, ни опытности, чтобъ быть губернаторомъ, онъ въ доказательство своей дѣловитости указывалъ нѣкоторыя дѣла, которыми князь сначала занималъ его. Просмотрѣвъ

эти дѣла, я потомъ убѣдился, что они представляли совершенно отрицательныя доказательства и что князь, исполнивъ свою обычную манеру: «попробовать дѣловитости того или другаго», увидѣлъ, въ чемъ дѣло. Я не буду говорить о существѣ этихъ дѣлъ; но самая форма письменныхъ трудовъ С поразила меня въ высшей степени. Мнѣ представилось тотчасъ такое соображеніе, что С., этотъ милый и игривый писатель, вѣроятно никогда не занимался серьезными дѣлами и составилъ такое убѣжденіе, что официальное изложеніе ихъ должно быть какъ можно казеннѣе, тяжелѣе и отличительнѣе отъ того слога, которымъ пишутъ романы и повѣсти. Поэтому записки, имъ составленныя, представляли истинно замѣчательное явленіе по древности и неуклюжести слога и почти сплошь усѣяны были старинными: «понеже, поелику, якобы» и т. п.

Но самолюбіе темнить ясность ума. Когда заходила съ княземъ рѣчь о С., онъ говорилъ: «я не въ первый разъ удивляюсь, до какой степени люди лишены способности опредѣлять свойство и мѣру своихъ способностей. Каждый почти лѣзетъ совсѣмъ не туда, куда должно. Никто не видитъ дѣла, для котораго онъ созданъ, а непременно хватается за дѣло, въ которомъ ничего не смыслить. Такъ точно и С. Непременно хочетъ быть губернаторомъ. Ну, какой же онъ губернаторъ?» С. ничего не оставалось, какъ снова уѣхать съ Кавказа, но и уѣхать было трудно, потому что онъ находился въ одномъ изъ періодовъ совершеннаго безденежья, такъ часто его посѣщавшихъ. О какихъ-либо пособіяхъ не могло быть и рѣчи, потому что это зависѣло отъ Крузештерна, директора канцеляріи, а онъ, при своей неизмѣримой добротѣ и кротости, глубоко ненавидѣлъ С. Но я успѣлъ убѣдить этого милаго, но весьма не дѣловаго человѣка, что С., по закону, слѣдуетъ дать подъемныя, прогонныя и еще какія-то деньги, которыя С. дѣйствительно и получилъ и на которыя уѣхалъ съ Кавказа, оставивъ тамъ плохую репутацію и захвативъ съ собою Мирзоевскіе ковры. Дальнѣйшіе его подвиги, перѣзды изъ одного города въ другой, переходы изъ одного рода службы въ другой—мнѣ мало извѣстны и, кажется, не представляютъ никакого интереса...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Вліяніє переводнаго романа и западної цивилизаціи на русское общество XVIII вѣка.

В

I.

ь настоящее время, при широкомъ развитіи самобытной русской литературы, мы едва-ли можемъ себѣ представить степень распространенія и значеніе, какое имѣла у насъ переводная романическая литература въ теченіе нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Между тѣмъ, нашъ печатный переводный романъ не былъ новымъ явленіемъ въ русской умственной жизни того времени, а представлялъ продолженіе болѣе ранней и весьма обширной рукописной литературы, изученію которой посвящены труды: А. Веселовскаго, Л. Майкова, А. Пыпина, Н. Тихонравова и др. Рукописныя «повѣсти, переведенныя въ XV, XVI и XVII вв., цѣликомъ переходятъ въ петровское время, а содержаніе въ болѣе разнообразныхъ формахъ передано XVIII вѣку и составляетъ важнѣйшее достояніе его литературы въ первую его половину»¹⁾.

Эта ранняя литература, судя по стариннымъ любочнымъ изданіямъ и уцѣлѣвшимъ остаткамъ, дошедшимъ до насъ въ рукописяхъ, заключала несравненно болѣе народныхъ элементовъ, чѣмъ позднѣйшіе печатные переводы. Рукописный переводный романъ носитъ характеръ болѣе или менѣе самобытной обработки на русскій ладъ, въ видѣ извлеченій и цѣльныхъ пересказовъ, что уже само по себѣ должно было способствовать развитію русскаго романическаго творчества. Въ связи

¹⁾ Вступительная лекція Н. Тихонравова. „Московскія Вѣдомости“, 1859, № 232.

съ этимъ встрѣчаются попытки самобытной русской повѣсти, какъ, на примѣръ: «Новгородскихъ дѣвухекъ святочный рассказъ, сыгранной въ Москвѣ свадебнымъ», «Фролъ Скабѣевъ» и «Похожденія Ивана Гостинаго сына», хотя въ послѣдней повѣсти очевидно заимствование изъ иностраннаго образца ¹⁾).

При значительной дороговизнѣ и ограниченномъ числѣ книгъ еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, печатныя книги, русскія и иностранныя, переходили черезъ множество рукъ, и цѣлыя тома, по свидѣтельству современниковъ, тщательно переписывались. Поэтому книги являлись роскошью, доступною для немногихъ; остальная читающая публика должна была довольствоваться рукописью, вслѣдствіе чего, помимо добровольныхъ переписчиковъ, были и такіе, для которыхъ переписка повѣстей и романовъ составляла ремесло. Такъ, М. Чулковъ, нашъ первый этнографъ, сообщая въ своемъ журналѣ «И то и сѣо» 1869 года (мартъ, стр. 5), притчу, слышанную имъ отъ подьячаго, передаетъ о немъ слѣдующія подробности: «По прекращеніи приказной службы, кормить онъ голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ-то, на примѣръ: «Бовы Королевича», «Петра золотыхъ ключей», «Еруслана Лазаревича», о «Францѣ Венеціанинѣ», о «Геріонѣ», о «Евдонѣ и Берфѣ», о «Арзасѣ и Размѣрѣ», о «Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ», о «Фролѣ Скабѣевѣ» о «Барбосѣ-разбойникѣ» и прочія, весьма полезныя исторіи», и сказывалъ онъ мнѣ, что уже сорокъ разъ переписывалъ исторію «Бовы Королевича», ибо на оную бывають большіе походы, нежели на другія такія драматическія сочиненія».

Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣднія двадцать пять лѣтъ прошлаго столѣтія, при быстромъ увеличеніи книгопечатанія и книжной торговли, о которомъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ ²⁾, должно было, мало-по-малу, уменьшиться количество рукописей, отчасти вошедшихъ въ печатныя сборники конца XVIII вѣка. Съ другой стороны, печатная переводная и подражательная повѣсть, представляя болѣе живой интересъ для тогдашнихъ русскихъ «сочинителей», въ виду большаго круга

¹⁾ Ст. М. Л. Михайлова: „Путешествіе по старой русской библіотекѣ“ въ „Библ. для чтенія“, 1854, 127, стр. 1—16

²⁾ См. „Вѣстн. Европы“, 1802 г., № 9, стр. 57, статья „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи“, Н. М. Карамзина, гдѣ онъ говоритъ: „За 25 лѣтъ передъ самъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя продавали въ годъ книгъ на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20 и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200.000 рублей. Уже почти во всѣхъ губерскихъ городахъ есть книжныя лавки: на всякую ярмарку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства литературы. Прежде торгаша ѣзжали по деревнямъ съ левтани и перстнями, нынѣ ходятъ они съ ученымъ товаромъ“, и проч.

читателей, могла группировать около себя лучшія силы возникающей русской беллетристики, оставивъ рукопись въ рукахъ неумѣлыхъ сочинителей, переводчиковъ и переписчиковъ. Эти условія, невыгодныя для дальнѣйшаго развитія рукописной литературы, должны были отразиться и на содержаніи рукописной повѣсти, которая, не удовлетворяя болѣе требованіямъ значительнаго числа прежнихъ читателей, становилась все болѣе и болѣе достояніемъ народной литературы. Отечественная война 1812 года могла только ускорить исчезновеніе рукописи, такъ какъ въ это время въ Москвѣ погибло множество драгоценныхъ списковъ въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, а равно и запасы рукописей на рынкѣ, у лицъ, для которыхъ она составляла предметъ торговли.

II.

Вліяніе предшествовавшей рукописной литературы особенно замѣтно на нашемъ печатномъ переводномъ романѣ второй половины прошлаго столѣтія, который продолжается въ томъ же направленіи. Въ немъ еще долго проглядываетъ стремленіе переводчиковъ къ руссификаціи въ передѣлкѣ иностранныхъ именъ и географическихъ названій въ русскія имена и названія, и въ неумѣлыхъ вставкахъ на русскій ладъ. Хотя въ печатныхъ переводахъ мы не встрѣчаемъ такого смѣлаго, чисто народнаго пересказа содержанія иностраннаго сочиненія, но продолжается то же безцеремонное отношеніе къ подлиннику, какъ и въ рукописи, что не всегда происходило отъ незнанія переводчика; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ могъ сознательно приноровлять свой переводъ къ понятіямъ и вкусамъ читателей. Мы видимъ и здѣсь такое же умалчиваніе фамиліи иностраннаго автора, переименованіе заглавій переводимыхъ сочиненій до полной неузнаваемости и пр. Кроме того, въ печатномъ переводѣ нерѣдко смѣшивались писатели съ писательницами, издатели съ авторами, имя дѣйствующаго лица того или другаго романа—съ именемъ автора.

Такого рода ошибки и промахи въ нашей первоначальной переводной литературѣ были неизбѣжны въ тѣ времена; и обязанность русскаго переводчика была вообще труднѣе, нежели теперь. Нашъ литературный языкъ только-что началъ вырабатываться; съ другой стороны, даже во второй половинѣ прошлаго вѣка, общее число словарей, грамматикъ и другихъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ было весьма ограничено, и не всѣ могли пользоваться ими по ихъ доро-

говизнѣ. Поэтому переводчикъ оказывалъ у насъ дѣйствительную услугу обществу, когда знакомилъ русскихъ читателей съ иностранными сочиненіями въ переводахъ, болѣе или менѣе близкихъ къ подлиннику и написанныхъ на удобочитаемомъ языкѣ. «С.-Петербургскій Вѣстникъ» 1778 года въ «Извѣстіи о новыхъ книгахъ» (январь, стр. 5—7) не безъ основанія выступаетъ на защиту русскихъ писателей и переводчиковъ и доказываетъ необходимость «умягчать строгость критики, уважая то, что Россійскіе писатели и переводчики должны преодолевать многія трудности, по причинѣ недостатка въ довольномъ числѣ ученыхъ критическихъ и образцомъ служащихъ предшественниковъ; и притомъ, не имѣя совершенно полныхъ словарей и хорошихъ первоначальныхъ произведеній, руководствующихъ къ знаніямъ, такъ же и основательныхъ систематическихъ въ юности наставленій»...

Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія требованія нашей литературы къ переводчикамъ становятся строже, тѣмъ болѣе, что русскій литературный языкъ, при содѣйствіи Карамзина и его послѣдователей, сдѣлалъ въ эту пору быстрые успѣхи и достигъ значительной обработки. Въ то же время знаніе иностранныхъ языковъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія настолько распространилось въ обществѣ, что требованіе хорошихъ переводовъ являлось вполне законнымъ. Между тѣмъ, на ряду съ дѣйствительно удовлетворительными переводами, общее достоинство ихъ не улучшается, такъ какъ, съ развитіемъ книжной торговли, продажа переводныхъ иностранныхъ романовъ сдѣлалась средствомъ наживы, при большомъ спросѣ на нихъ со стороны публики. Тогдашніе невѣжественные книгопродавцы, покупая и заказывая переводы иностранныхъ романовъ, заботились только о дешевизнѣ, а затѣмъ продавали ихъ по высокой цѣнѣ. При томъ условіи должно было неизбежно умножиться число не только посредственныхъ, но и совершенно неумѣлыхъ переводчиковъ, которые, сбывая свой трудъ за ничтожныя деньги, не считали себя отвѣтственными за его достоинство. Естественно, что и они, въ свою очередь, думали только о быстротѣ перевода и выгадывали на количествѣ листовъ.

Такимъ образомъ, сочиненія иностранныхъ даже знаменитыхъ писателей являлись въ русскихъ переводахъ настолько изуродованными, что это, наконецъ, обратило вниманіе современныхъ журналовъ и вызвало съ ихъ стороны строгое порицаніе. Въ «Журналѣ Россійской словесности» 1805 года, неизвѣстный рецензентъ, въ «Письмѣ къ издателю» (Н. Брусилову), нападая на обиліе иностранныхъ словъ въ тогдашнихъ русскихъ переводахъ, говоритъ и о качествѣ ихъ (№ 3, стр. 144): «По большей части всѣ эти странности встрѣчаются въ книгахъ, переводимыхъ на скорую руку съ иностранныхъ языковъ. Книгопродавецъ, узнавъ, что есть хорошій романъ, вновь вышедшій, усло-

вливается о цѣнѣ съ листа, и чрезъ двѣ недѣли онъ готовъ. Но что это-за переводъ! Нельзя узнать подлинника, нѣтъ даже мыслей сочинителя! Эти книги скорѣе можно назвать оригинальными сочиненіями, нежели переводами»...

Затѣмъ рецензентъ, въ видѣ примѣра, приводитъ между прочимъ въ подлинникѣ слѣдующую фразу Вольтера: «Certes, ce furent vraiment des grands hommes, qui osèrent les premiers» etc., которая была переведена слѣдующимъ образомъ на русскій языкъ: «Серты были по истинѣ великіе люди» и т. д., такъ что переводчикъ, очевидно, принялъ слово «certes» за собственное имя или названіе народа.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1811 года также поднятъ вопросъ о печальномъ положеніи русской переводной литературы. К. В. Г., авторъ статьи «Мысли о переводѣ» (№ 2, стр. 35—37), пишетъ слѣдующее: «Дарованія, нужныя для переводчика, его обязанности, кажется, у насъ еще неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, въ весьма маломъ уваженіи. Всякій, не имѣя иногда никакой къ тому способности, воображаетъ, что онъ можетъ и можетъ весьма легко переводить все, что ему угодно»...

По поводу этого отзыва о современныхъ русскихъ переводахъ издатель журнала, С. Глинка, на той же страницѣ приводитъ въ примѣчаніи стихи Сумарокова:

„Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ,
Творецъ даруетъ мысль, а не даруетъ словъ.
Въ сопряженіе его рѣчей ты не вдавайся
И, свойственно себѣ словами украшайся.
Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ.
Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ“...

III.

Что касается нашего подражательнаго романа, то онъ, повидимому, развивается о собо отъ прежней рукописной литературы и въ значительной мѣрѣ внѣ ея вліянія, которое отразилось на немъ до извѣстной степени въ «романахъ съ приключеніями» и такъ называемыхъ «восточныхъ повѣстяхъ». Но вообще русскій подражательный романъ, верѣдко наивный и изуродованный при неопытности нашихъ тогдашнихъ писателей, находился всецѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранныхъ романическихъ произведеній, что объясняется исключительными условіями нашей культуры. Помимо духовенства, умственная жизнь котораго началась и сложилась издавна, русскую интелли-

генцію XVIII вѣка составляли преимущественно придворные и болѣе или менѣе достаточное дворянство, воспитанное въ европейскихъ понятіяхъ о литературѣ. За нимъ тянулось и остальное дворянство, составлявшее значительную часть тогдашняго русскаго «общества» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Поэтому нашъ первоначальный печатный романъ, чтобы удовлетворить требованіямъ русскаго интеллигентнаго читателя, долженъ былъ начать съ отрицанія народныхъ началъ; и первымъ русскимъ романистамъ не оставалось иного пути, какъ подражаніе тому, что уже существовало въ западно-европейской литературѣ. Имъ пришлось также усвоить литературныя формы, принятія на Западѣ, вслѣдствіе чего нашъ подражательный романъ пережилъ тѣ же фазисы развитія и сходенъ съ западнымъ романомъ, какъ по формѣ, такъ и содержанію. Онъ поддается такому же дѣленію на категоріи: романы съ приключеніями («romans d'aventures»), нравоучительныя «восточныя повѣсти»; позднѣе возникаютъ попытки историческаго и реальнаго романа, пишутся сентиментальныя повѣсти.

Естественно, что рабское подражаніе и поддѣлка въ широкихъ размѣрахъ иностранныхъ произведеній, чуждыхъ по духу и нравамъ, создавшія у насъ обширную романическую литературу въ данномъ направленіи, а равно и отрицаніе прежняго полународнаго содержанія письменности и народной литературы могли замедлить ростъ самобытнаго русскаго романа. Тѣмъ не менѣе, подражательный русскій романъ имѣетъ безусловное значеніе, какъ переходная ступень отъ перевода къ творчеству; и изученіе его обязательно для пониманія общаго хода нашей романической литературы. Подражательный періодъ болѣе продолжительный у насъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, отжилъ свое время, а заключенные въ немъ задатки самобытности положили начало русскому самобытному роману и повѣсти.

Выборъ тѣхъ или другихъ образцовъ въ нашемъ подражательномъ романѣ носитъ случайный характеръ; на ряду съ сочиненіями первоклассныхъ иностранныхъ писателей встрѣчаются совсѣмъ неизвѣстныя; а также безразлично дѣлаются заимствованія изъ болѣе раннихъ и новѣйшихъ авторовъ. Нерѣдко одно и то же сочиненіе служитъ темой для нѣсколькихъ подражательныхъ произведеній, и, наоборотъ, въ одной какой-либо повѣсти или романѣ видно заимствованіе изъ нѣсколькихъ писателей, различныхъ по направленію и роду таланта.

Въ настоящее время, при отсутствіи положительныхъ данныхъ, трудно опредѣлить степень распространенія нашего подражательнаго романа, но, судя по отрывочнымъ, дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, русскія книги вообще мало пользовались сочувствіемъ русской интеллигенціи второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Во

всякомъ случаѣ, наши подражательныя произведенія и переводы были хуже своихъ образцовъ и не могли представлять интереса для образованной русской публики, которая такъ же, какъ и въ болѣе раннюю пору, при знаніи языковъ, могла читать иностранныхъ писателей въ подлинникѣ. Понятно и презрительное отношеніе родового дворянства второй половины XVIII вѣка къ русской печатной литературѣ. Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Запискахъ» пишетъ о М. А. Салтыковѣ, что онъ, «какъ настоящій баринъ, получилъ совершенно французское воспитаніе. Классиковъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей французскихъ философовъ XVIII вѣка... О нѣмецкой, объ англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; въ русской литературѣ видѣлъ невиннаго младенца, коего лепетъ можетъ иногда забавлять»¹⁾. Не менѣе характерна слѣдующая замѣтка Н. Новикова въ «Живописцѣ»²⁾ 1773 года: «Наше просвѣщеніе, — говоритъ онъ, — или, такъ сказать, пристрастіе къ французскимъ книгамъ не позволяетъ покупать російскихъ.. Въ російской типографіи напечатанное рѣдко нашими господами пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда»³⁾.

Что касается остальной русской публики, воспитанной на рукописи и въ ея традиціяхъ, то едва-ли она могла находить большое удовольствіе въ чтеніи нашихъ подражательныхъ романтическихъ произведеній. Исключеніе составляли «восточныя повѣсти» сказочнаго характера и «романы съ приключеніями» (*romans d'aventures*), которые, по своей запутанной неправдоподобной завязкѣ, имѣли много общаго съ такими же рукописными исторіями, представляя при этомъ фикцію, приворовленную къ русскимъ нравамъ. Типичнымъ произведеніемъ этого рода былъ подражательный романъ: «Несчастный Никаноръ и приключенія жизни російскаго дворянина», соч. Н., 1787 г.,

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, т. III, Москва, 1892 г., стр. 59.

²⁾ См. «Живописецъ», 1773 г., ч. II, стр. 172, «Примѣчаніе Н. Новикова къ письму Любоумрова изъ Ярославля». Ibid. «Жив.», 1772, ч. I, стр. 43.

³⁾ Чрезмѣрное увлеченіе иностранной литературой большинства русскаго болѣе или менѣе образованнаго общества должно было вызвать реакцію со стороны русскихъ патриотовъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, впади въ другую крайность и читали только одні русскія книги. Впрочемъ, такое раздвоеніе не составляло исключительной особенности прошлаго вѣка, но продолжалось и въ началѣ нынѣшняго, какъ видно изъ статьи, напечатанной въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812 года (№ 1, стр. 1—2), «Нѣчто о журналахъ», гдѣ авторъ (Дашковъ), говоря о причинахъ прекращенія многихъ литературныхъ журналовъ, замѣчаетъ между прочимъ: «Одни съ необузданнымъ уорствомъ пренебрегаютъ чтеніемъ хорошихъ иностранныхъ книгъ... другіе, прилѣпивъ единственно къ иностранцамъ, не читаютъ ничего русскаго и потому не умѣютъ писать на своемъ языкѣ. Обѣ сіи крайности опасны часто и для опытныхъ людей», и т. д.

три части (второе изданіе по Росписи Смирдина), о которомъ распространяется Карамзинъ въ упомянутой статьѣ «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи», 1802 г. (стр. 61 — 62): «Кто плѣняется Никаноромъ, злощастнымъ дворяниномъ, тотъ хорошо дѣлаеть, что читаетъ сей романъ, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи... Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому—Никанора; кто начинаетъ злощастнымъ Никаноромъ—нерѣдко доходитъ до «Новой Элоизы».

Но такихъ произведеній, какъ Никаноръ, было немного въ русской подражательной литературѣ; а съ другой стороны, печатный «романъ съ приключеніями» скоро прекратился въ своемъ первоначальномъ видѣ и значительно измѣненный входитъ, какъ составной элементъ, въ подражательные романы и повѣсти другихъ категорій. «Восточная повѣсть», въ свою очередь, все болѣе и болѣе теряетъ свой сказочный характеръ, становится тенденціозной, и такъ же, какъ на Западѣ, почти исключительно изображаетъ патріархальныя добродѣтели далекихъ народовъ, въ назиданіе «испорченнымъ» европейцамъ. Затѣмъ, на сцену выступаетъ бытовой правоучительный романъ, цѣликомъ заимствованный изъ иностранной литературы, гдѣ жизнь, нравы, изліянія чувствъ были совсѣмъ чужды русскому читателю, а дѣйствующія лица хотя и съ русскими именами и фамиліями, являлись неестественными и изуродованными. Инстинктивно сознавали это и сами «русскіе сочинители» и, въ большинствѣ случаевъ, обозначали точками или заглавными буквами названія предполагаемыхъ русскихъ городовъ и губерній или вовсе избѣгали какихъ-либо указаній мѣстности. Не менѣе далеки отъ русской дѣйствительности сентиментальные романы и повѣсти подражательнаго періода. Сентиментализмъ, исторически возникшій на Западѣ на почвѣ новыхъ гуманныхъ и философскихъ идей XVIII вѣка, былъ у насъ явленіемъ наноснымъ, своего рода модой и поэтому не могъ сродниться съ русскимъ національнымъ характеромъ и кончить свое существованіе съ Карамзинымъ и его послѣдователями. На ряду съ этимъ, русскій читатель, воспитанный по старинѣ, мало или вовсе незнакомый съ европейской пасторальной литературой и совершенно чуждый ей, не могъ сочувствовать «сельскимъ» и «пастушескимъ» подражательнымъ повѣстямъ, гдѣ русская деревня изображалась въ видѣ Аркадіи, а крестьяне, пастухи и пастушки, пребывали въ праздности и отличались патріархальными добродѣтелями.

Такимъ образомъ, нашъ подражательный романъ, отражая на себѣ разныя вѣянія западной литературы, все болѣе и болѣе удалялся отъ русской почвы и не могъ пользоваться большою популярностью. Вліяніе его на русское общество, по всѣмъ даннымъ, было то же, что и пере-

водваго романа, потому что онъ не создалъ ничего новаго, а представлялъ только повтореніе формъ и содержанія иностранныхъ романтическихъ произведеній. Небывалый успѣхъ «Бѣдной Лизы» Карамзина представляетъ едва-ли не единственный примѣръ увлеченія русской публики подражательной повѣстью; и это увлеченіе было вызвано не ея содержаніемъ, а красивой внѣшностью и, главное, талантомъ автора, такъ какъ талантъ всегда обаятельно дѣйствуетъ на толпу.

IV.

Вліяніе Запада на наше общество, особенно замѣтное въ прошломъ вѣкѣ, тѣсно связано съ общимъ ходомъ нашего просвѣщенія, которое въ это время сдѣлало необыкновенно быстрые успѣхи. Если сравнить умственный уровень русскаго наиболѣе образованнаго и обезпеченнаго класса 40-хъ и 50-хъ годовъ съ уровнемъ второй половины XVIII вѣка, а тѣмъ болѣе конца его, то мы увидимъ огромную разницу. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны правдивыя «Записки» простодушнаго маіора М. В. Данилова, который рисуетъ наглядную картину домашняго воспитанія и школы второй четверти прошлаго вѣка. Тогда русская азбука, подъ руководствомъ дьячка, пономаря или грамотнаго крѣпостнаго человѣка, съ трудомъ вбивалась въ дворянскія головы; и «многія дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе умѣли»... Въ связи съ этимъ также не развито было сознаніе гражданскаго долга, и чувство собственнаго достоинства тогдашнихъ русскіхъ дворянъ, такъ что, по словамъ Данилова, «въ военную службу охотно никто не хотѣлъ, и записывали дворянскихъ дѣтей съ принужденіемъ.. а до Петра Великаго за счастье почитали быть у знатныхъ бояръ ко услугамъ, только бы не быть въ государственной службѣ»¹⁾.

Но едва проходитъ четверть вѣка, и вліяніе Запада начинаетъ сказываться сильнѣе на высшемъ столичномъ обществѣ. Изъ среды его уже выдѣляются люди, вполне усвоившіе европейскую цивилизацію, но образованіе пока было достояніемъ немногихъ, а тѣмъ болѣе въ провинціи, гдѣ «общество образовалось во второй половинѣ XVIII вѣка и стало жить тамъ»²⁾, долго сохраняя черты стараго до-петровскаго

¹⁾ «Записки артиллеріи маіора, М. В. Данилова, написанныя въ 1771 г.». Москва, 1842, стр. 15.

²⁾ «Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка». Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб., 1889, стр. 1.

быта. Такъ, Винскій говорить о временахъ Екатерины II: «Скажу смѣло, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточвѣйшіе дома черезъ воспитаніе доставали знаніе, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее же въ деревнѣ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать» ¹⁾). На ряду съ этимъ имѣются свѣдѣнія, что не только во время составленія «Наказа» въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія встрѣчались совсѣмъ безграмотные дворяне, не умѣвшіе подписать своего имени.

Медленно двигалось образованіе въ провинціи, но и тамъ все болѣе и болѣе усиливалось стремленіе къ просвѣщенію, чему немало способствовалъ примѣръ высшаго дворянства и выгоды, представляемая образованіемъ. У помѣщиковъ конца XVIII входитъ въ моду домашнее воспитаніе подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ и воспитательницъ; немало дворянскихъ дѣтей ежегодно поступаетъ въ столичные учебныя заведенія, казенныя и частныя; въ деревняхъ заводятъ библіотеки русскихъ и иностранныхъ книгъ. Губернскіе города, отражая на себѣ до извѣстной степени общій ходъ русскаго просвѣщенія, тянутся за обѣими столицами, гдѣ не только съ внѣшней, должно понятой стороны, но дѣйствительно прививаются плоды западной цивилизаціи. Въ то же время, помимо низшихъ школъ, растетъ число среднихъ учебныхъ заведеній, и возникаетъ Московскій университетъ; съ развитіемъ печатной литературы начинается рядъ русскихъ временныхъ изданій, хотя и въ нихъ пока преобладаетъ переводъ и подражаніе иностраннымъ образцамъ.

При этомъ, въ обѣихъ столицахъ, равно и въ провинціи, опять-таки наиболѣе воспріимчивымъ къ принятію европейской культуры оказывается дворянство, въ связи съ заботами правительства объ его образованіи и болѣшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. За нимъ все болѣе и болѣе остается перевѣсъ образованія; а во второй половинѣ XVIII вѣка дворянство окончательно выдѣляется, какъ особое привилегированное сословіе. При Петрѣ Великомъ дворянскія дѣти воспитывались вмѣстѣ съ разночинцами, но уже при Аннѣ Іоанновнѣ положено начало особымъ учебнымъ заведеніямъ для дворянскихъ дѣтей, гдѣ доступъ былъ закрытъ для другихъ сословій. Число такихъ заведеній увеличивается съ каждымъ царствованіемъ. При Московскомъ университетѣ, какъ извѣстно, основаны были одновременно двѣ гимназіи: дворянская

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1877, № 1, „Записки Винскаго“, стр. 102.

и разночинская, а впоследствии, когда учреждены общіе классы, казеннокоштные воспитанники дворянскаго происхожденія и разночинцы жили на двухъ разныхъ половинахъ, что продолжалось до конца XVIII вѣка.

Военная служба также предоставляла значительныя привилегіи дворянамъ, въ отличіе отъ другихъ сословій. При Елизаветѣ малолѣтнихъ дворянъ записывали въ полки, гдѣ они получали чины, помимо выполненія какихъ-либо обязанностей, и даже съ поступленіемъ на службу пользовались разными льготами. Манифестъ «о вольности дворянству» 1762 года коснулся и военной службы, которая утратила свой принудительный характеръ, а для болѣе честолюбивыхъ открывался по-прежнему легкій доступъ къ пріобрѣтенію чиновъ и славы. «Дворяне,— пишетъ Романовичъ-Славатинскій,— служили преимущественно въ полкахъ и избѣгали гражданской службы, которая переходила въ руки приказнаго люда¹⁾. Хотя правительство много заботилось, чтобы дворяне служили въ гражданской службѣ, но было мало результатовъ; только при Павлѣ I строгости военной дисциплины побѣдвали отвращеніе дворянства отъ гражданской службы, и оно начало поступать въ нее въ такомъ количествѣ, что начались ограниченія»²⁾.

Но и помимо преимуществъ исключительнаго положенія, военная служба имѣла во многихъ отношеніяхъ для нашихъ дворянъ общеобразовательное значеніе. Такъ, семилѣтняя война и пребываніе русскихъ въ Кёнигсбергѣ, тогдашней прусской столицѣ, познакомили ихъ съ новой жизнью и германской литературой; и это настолько увеличило интересъ къ чтенію среди молодыхъ офицеровъ, что Болотовъ во время по-

¹⁾ Издавна образовавшееся у насъ сословіе приказныхъ или такъ называемыхъ „подъячихъ“, грамотное и невѣжественное въ то же время, заслужило общее презрѣніе по своему низкому нравственному уровню, особенно со стороны дворянства, хотя ни одно гражданское дѣло не обходилось безъ помощи подъячпхъ. Нѣкоторые изъ нихъ наживали иногда большія состоянія и, продолжая рабобѣнствовать передъ богатыми, въ свою очередь, высокомерно и съ пренебреженіемъ относились къ бѣднымъ дворянамъ, какъ видно изъ мемуаровъ прошлаго вѣка. „И нынѣ,— пишетъ Толубѣевъ,— какой-нибудь подъячій, съ наглостью и безстыдствомъ насбиравшій движимое себѣ имѣніе, цѣпѣе, нежели мое недвижимое, перешептывается съ подобнымъ, что я, помѣщикъ, хуже ихъ одѣтъ, что у меня хуже ихъ лошади и саиц, и что у нихъ въ городѣ свои дома, а я занимаю квартиру, въ которой все уступаетъ тому, что у нихъ въ домахъ и, судя такимъ образомъ, почитаютъ какъ-будто за долгъ насмѣхаться тѣмъ, основывая то и подкрѣпляя лаконическимъ словомъ „помѣщикъ“. (См. „Записки Н. И. Толубѣева“, 1780—1809, изд. „Русской Старини“. Спб. 1889, стр. 73—74).

²⁾ „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмины крѣпостнаго права“. А. Романовичъ-Славатинскій. Спб. 1870, стр. 141, 162.

хода не только перечиталъ много книгъ, но занимался переводами и перепиской романовъ. «По возвращеніи въ Рогервикъ къ полку нашему,—пишетъ Болотовъ,—привезенныя мною (изъ Кёнигсберга) книги помогли мнѣ пріобрѣсть отъ нѣкоторыхъ охотниковъ до чтенія особливое благопріятіе. Онѣ все дѣло принуждены были переходить изъ рукъ въ руки; и читавшіе ихъ не могли довольно ихъ восхвалять и меня возблагодарить за пріятное упражненіе»¹⁾. Понятно, что въ болѣе позднюю пору, при быстромъ развитіи образованія въ Россіи, еще плодотворнѣе должны были отразиться на русскомъ юношествѣ суворовскія и наполеоновскія войны, а равно и посѣщеніе Парижа въ 1814 и 1815 годахъ. Но и въ мирное время «тогдашняя гвардейская служба,—пишетъ Винскій,—доставляла любопытнымъ много способовъ научиться. Сословіе офицеровъ составлялось по большей части изъ сыновей знатнѣйшихъ вельможескихъ домовъ. Сіи молодые люди, воспитанные отлично по связямъ своихъ семействъ и по близкому допущенію ко двору, получая познанія почти изъ источниковъ, передавали оныя подчиненнымъ, которыхъ, какъ свою братію дворянъ, особенно хорошо воспитанныхъ, они принимали въ свое сообщество... Ученые и знающіе языки офицеры находились при иностранной коллегіи для курьерскихъ посылокъ. Сіи, часто бывая въ чужихъ земляхъ, проживая тамъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ при министрахъ (послахъ) и, возвратясь въ отечество, доставляли своей братіи свѣдѣнія, иногда самыя интересныя. Батальонъ гвардіи, сопровождавшій графа Орлова въ Архипелагъ и довольно времени прожившій въ Италиі, сколько привезъ съ собою прекрасныхъ новостей!»²⁾...

Равнымъ образомъ, изученіе иностранныхъ языковъ послѣ Петра Великаго сдѣлалось почти исключительной прерогативой дворянъ и хотя оказало большія услуги русскому просвѣщенію, но привело ко многимъ уродливымъ явленіямъ. Пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ, особенно французскому, доходило до такой степени, что, по свидѣтельству А. М. Грибовскаго, «бывшіе при Екатеринѣ II вельможи, кромѣ кн. Потемкина, не знали русскаго правописанія»³⁾. То же прерзрительное отношеніе къ родной рѣчи продолжалось и послѣ, и долго господствовало въ нашемъ высшемъ обществѣ, у котораго незнаніе русскаго языка до послѣдняго времени было своего рода щегольствомъ. Съ другой стороны, мода на иностранныхъ учителей въ XVIII вѣкѣ, вы-

¹⁾ „Жизнь и пр. А. Болотова“, 1755—1757 гг., изд. 1870 г., т. I, стр. 330. См. также, „Старинные помѣщики на службѣ и дома“. Изъ семейной хроники Е. Щепкиной. Спб., 1890 г., стр. 182—191.

²⁾ „Записки Винскаго“, „Р. Арх.“, № I, стр. 98—99.

³⁾ „Записки объ императрицѣ Екатеринѣ Великой“, А. М. Грибовскаго, изд. второе, М., 1864, стр. 10.

званная отчасти необходимостью, имѣла нерѣдко пагубное, развращающее вліяніе для нашего юношества. Въ то время, какъ богатыя и знатныя фамиліи, располагая большими средствами, могли выписывать изъ за границы виолитъ достойныхъ и свѣдущихъ воспитателей, болѣе бѣдные родители заботились только о томъ, чтобы не отстать отъ другихъ и найти для своихъ дѣтей гувернера подешевле¹⁾. При этомъ условіи воспитателями русскаго юношества нерѣдко являлись люди, совершенно не соотвѣтствующіе своему назначенію: полуграмотные ремесленники, парикмахеры, кучера, бѣглецы преступники и пр., особенно въ провинціи, при невѣжествѣ родителей. Такихъ воспитателей можно было встрѣтить въ прошломъ вѣкѣ среди содержателей модныхъ пансіоновъ, а также преподавателей иностранныхъ языковъ, не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Зло было настолько велико и очевидно, что, начиная съ 1750 года, выходять правительственные указы, чтобы остановить приливъ съ запада разныхъ искателей приключеній, для которыхъ воспитаніе русскихъ дѣтей служило средствомъ наживы.

Протестъ противъ такого рода воспитателей явился и среди русскаго общества. Но многіе видѣли только зло, не отдавая себѣ отчета въ его причинахъ; и, приписывая вліянію Запада порчу русскихъ нравовъ, доходили нерѣдко до полнаго отрицанія восточно-европейскаго просвѣщенія и науки. Въ этомъ отношеніи весьма характерна статья В. Попугаева «Достоянство стараго воспитанія въ Россіи», напечатанная въ 1804 году въ «Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (ч. I, стр. 37). Авторъ, поднимая вопросъ о воспитаніи русскаго юношества, говоритъ, что «у насъ въ Россіи вкрался другой родъ воспитанія, болѣе блестящій, въ коемъ стараются давать познанія, болѣе поверхностныя... безъ системы, и гдѣ знанія языковъ, въ отношеніи къ разговору, составляютъ главную часть. Сей послѣдній родъ новаго воспитанія нынѣ весьма укоренился и, вмѣсто достойныхъ гражданъ, доставляетъ намъ пустыхъ говоруновъ, танцоровъ, театральныхъ героевъ и куколъ. Такому воспитанію я всегда предпочитаю наше древнее воспитаніе... Оно, подобно спартацкому, доставляло всегда твердыхъ и надежныхъ сыновъ отечества,

¹⁾ Женское воспитаніе шло въ томъ же направленіи. Обычай поручать образованіе дочерей иностраннымъ воспитательницамъ начался издавна въ высшемъ обществѣ, гдѣ главное вниманіе обращалось на лоскъ и наружныя формы. Вообще, «иностранныя гувернеры, гувернантки, дядьки, боины появляются довольно рано. За Натальей Борисовной Долгорукой (род. въ 1714 году), дочерью любимаго народомъ вельможи, ходила мадамъ пноземка». См. А. Романовичъ-Славатинскій—«Дворянство въ Россіи» и пр. Спб., 1870, т. I, стр. 80.

хотя безъ знаній, но съ неиспорченнымъ добрымъ сердцемъ»...

Тѣмъ не менѣ, несмотря на всѣ злоупотребленія и дурныя стороны, знаніе иностранныхъ языковъ, иностранные воспитатели въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, а также ученые иностранцы, издавна проживавшіе въ Россіи, много способствовали нашему образованію вообще и распространенію западно-европейскихъ гуманнхъ идей XVIII вѣка въ нашемъ обществѣ.

V.

Здѣсь само собою является вопросъ, какимъ путемъ проникали къ намъ западныя философскія и нравственныя идеи XVIII вѣка, и которая изъ основныхъ европейскихъ литературъ въ этомъ отношеніи оказала наибольшее вліяніе. Винскій, современникъ Екатерины II, высказываетъ убѣжденіе, что «французы гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа.. Ежели когда-нибудь настанутъ времена правды, говоритъ онъ, тогда великіе умы XVIII столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю принадлежащую имъ честь и признательность»¹⁾. Слова эти имѣютъ тѣмъ больше значенія, что Винскій, хотя и восторженный поклонникъ французскихъ философовъ, но не видитъ спасенія въ исключительномъ вліяніи иностранцевъ и находитъ, что они не могутъ воспитывать русскихъ дѣтей. Кромѣ того, отзывъ Винскаго вполне согласенъ съ показаніями другихъ современниковъ и подтверждается рядомъ фактовъ, такъ что очевидный перевѣсъ остается на сторонѣ французскаго вліянія, въ связи съ галломаніей, охватившей наше общество со временъ императрицы Елизаветы, вслѣдствіе чего французскій языкъ получилъ у насъ особенное распространеніе. Такимъ образомъ, переводовъ съ французскаго языка оказывалось всего больше; нерѣдко англійскія, нѣмецкія и другія книги, а равно и древне-классическія сочиненія переводились на русскій языкъ съ французскихъ переводовъ. Къ тому же произведенія французскихъ писателей многими читались у насъ въ подлинникѣ; они же нерѣдко наполняли русскія частныя бібліотеки прошлаго столѣтія. Винскій пишетъ о 1770-хъ, что въ Петербургѣ, во время своего пребыванія въ полку, познакомился съ двумя прокурорами: андріанопольскимъ и острожскимъ, у которыхъ была значитель-

¹⁾ „Записки Винскаго“, „Р. Архивъ“, № 1, стр., 88.

ная бібліотека «россійскихъ» книгъ. «Тутъ же, — добавляетъ онъ, — познакомился я съ Ролленами, Лесажами, Вольтерами и получилъ такое пристрастіе къ чтенію, что никогда никакое занятіе не брало по сей день у меня поверхности надъ онымъ» ¹⁾. То же сообщаетъ Ф. Ф. Вигель, который, находясь на службѣ при московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, часто бывалъ въ домѣ Голицыныхъ, «гдѣ, говоритъ онъ, положено было основаніе моеѣ галломаніи. Голицыны снабжали меня французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ дѣломъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ» ²⁾. Кроме того, Вигель упоминаетъ о петербургской частной бібліотекѣ молодыхъ офицеровъ Семеновскаго полка, Пещуровыхъ, гдѣ, по его словамъ, «было полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората и другихъ французскихъ авторовъ, все розовое, амурное, ни одной военной, ни одной русской книги».

Дѣйствительно, «мыслящему русскому человѣку восемнадцатаго вѣка, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ, мудро было оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалось въ странѣ, откуда заимствовались у насъ новые обычаи и новыя идеи, а именно Франціи, вліяніе которой все болѣе и болѣе усиливалось въ нашемъ обществѣ. Умы серьезные старались ближе и глубже узнать то, чему иные поклонялись безсознательно; свѣтское большинство увлекалось блестящей внѣшностью» ³⁾... По свидѣтельству «Живописца» (1772, ч. I, 101), хотя у насъ одно время стали подражать англичанамъ, но «французская мода одержала верхъ и властвовала надъ петиметрами и свѣтскими дамами». Подтвержденіе этихъ словъ мы находимъ на каждомъ шагѣ въ тогдашнихъ русскихъ журналахъ, а тѣмъ болѣе сатирическихъ, которые переполнены нападками на галломанію современнаго общества. Увлеченіе внѣшностью французской жизни, французскими свѣтскими условіями и приличіями переходило у насъ и на французскую литературу: «Вмѣстѣ съ версальскими предрасудками (?), — говоритъ Вигель, — вошла у насъ въ моду и французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ авторовъ, и вѣкъ Людовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла. Знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильона и Бурдалу, и нѣкоторые изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ. Чувстви-

¹⁾ Ibid., стр. 98.

²⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“. М. 1892, ч. I, стр. 167, 148.

³⁾ „Исторія Рос. Академіи“, М. И. Сухомлинова, 1880, стр. 152, выпускъ къ прил. № 2. Ibid. Сборникъ Отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Ак. Н., т. XXII, 1881.

тельные юноши, женщины, принадлежація ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ французскихъ писателей»¹⁾.

По этому поводу считаемъ необходимымъ привести слова А. Н. Пыпина, что у насъ въ XVIII вѣкѣ, «въ самомъ разгарѣ такъ называемой галломаніи, оказываются очень сильныя вліянія нѣмецкой и англійской литературы. Вообще, вліянія основныхъ западныхъ литературъ такъ переплетаются, что довольно трудно или даже невозможно указать какіе-нибудь опредѣленные періоды или точный кругъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что къ концу столѣтія въ самой европейской литературѣ происходило уже сильное взаимодействіе...»²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что детальная разработка по отдѣльнымъ періодамъ едва-ли мыслима по своей сложности, и рѣшеніе явилось бы весьма гадательнымъ при настоящемъ положеніи вопроса. Здѣсь, пока мѣриломъ можетъ быть только цѣлая, болѣе или менѣе законченная эпоха, съ опредѣленнымъ характеромъ, какою является у насъ вторая половина прошлаго вѣка; и только общіе результаты могутъ дать средніе, хотя и приблизительные выводы.

Такъ, напримѣръ, отвѣтомъ на частный вопросъ о вліяніи на русское общество данной эпохи того или другаго иностраннаго писателя можетъ отчасти служить степень распространенія его сочиненій, т. е. число русскихъ переводовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями и напечатанныхъ въ журналахъ. При этомъ, неизбѣжно переводились въ наибольшемъ количествѣ и охотнѣе читались въ подлинникѣ особенно популярныя авторы, и ихъ вліяніе имѣло перевѣсъ надъ менѣе любимыми писателями. Извѣстно, что иностранныя романы издавна и не только во второй половинѣ прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія несравненно больше читались и переводились у насъ, нежели спеціальныя философскія и научныя сочиненія, и, по всѣмъ даннымъ, болѣе ихъ способствовали умственному и нравственному развитію общества. Равнымъ образомъ, общее число переводныхъ романовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями во второй половинѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, какіе собственно иностранныя романы были особенно распространены въ это время и, слѣдовательно, имѣли наибольшее вліяніе на русскую читающую публику. Такъ, при Екатеринѣ II, переведено (по Росписи Смирдина) 350 романовъ съ французскаго языка, 107 съ нѣмецкаго, 6 съ

¹⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч. I, стр. 148. М., 1892.

²⁾ А. Н. Пыпинъ, „Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ“. См. „Вѣстн. Европы“, 1884, май, стр. 233.

англійскаго, 7 съ итальянскаго и т. д.; въ первые годы царствованія Александра I, съ 1801—1804 г., замѣтно увеличивается число нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ, хотя и здѣсь оказывается всего больше переводовъ съ французскаго языка ¹⁾).

Но и помимо количественныхъ выводовъ немалую услугу въ рѣшеніи вопроса могутъ оказать записки и мемуары современниковъ, главный историческій матеріалъ, важный и для исторіи литературы, гдѣ черты прошлаго выступаютъ помимо воли авторовъ. Хотя записки и мемуары не всегда отличаются точностью съ фактической стороны, но на нихъ неизбѣжно лежитъ печать времени; и ихъ составители, говоря о современныхъ событіяхъ и людяхъ, могутъ описывать только окружающую обстановку, изображать знакомую имъ современную жизнь и общество. Наконецъ и самые факты перестаютъ быть сомнительными, когда показанія однихъ очевидцевъ подтверждаются другими. Такимъ образомъ, на основаніи дошедшихъ до насъ записокъ и мемуаровъ второй половины прошлаго столѣтія, мы получаемъ прямой выводъ, что въ эту эпоху непосредственное вліяніе французской литературы и французскихъ философскихъ и нравственныхъ идей XVIII вѣка является преобладающимъ въ русскомъ обществѣ.

VI.

Идеи энциклопедистовъ, преимущественно Вольтера, а равно ихъ предшественника Бэйля (Pierre Bayle, 1647 † 1706) и другихъ француз-

¹⁾ Въ русской періодической литературѣ второй половины прошлаго вѣка мы видимъ обратное явленіе, хотя въ виду ограниченаго числа подписчиковъ на русскіе журналы (обыкновенно менѣе 100 чел. и рѣдко до 300), отдѣльныя изданія во всякомъ случаѣ имѣютъ больше значенія при рѣшеніи даннаго вопроса. Такъ, въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ Г. Ф. Миллера, первомъ учено-литературномъ журналѣ въ Россіи, преобладаетъ вліяніе повременныхъ нѣмецкихъ изданій, тогда весьма многочисленныхъ въ Германіи, что замѣтно на общемъ выборѣ статей и большею количествомъ нѣмецкихъ переводовъ, сравнительно съ англійскими и французскими. Между тѣмъ наши сатирическіе журналы, начиная со „Всякой Всичины“, особенно изобилуютъ переводами и передѣлками изъ извѣстныхъ англійскихъ журналовъ Стиля и Аддисона: „The Tatler“, „The Spectator“, „The Guardian“, которые издавались одинъ за другимъ съ 1709—1714 г. и въ прошломъ вѣкѣ считались образцовыми въ Западной Европѣ. На ряду съ этимъ, въ русской періодической печати встрѣчаются отголоски французской литературы; издатель журнала „Смѣсь“, по свидѣтельству одного изслѣдователя, пользовался „не только французскими журналами, но и отдѣльными книжками и брошюрами на французскомъ языкѣ, наводившими, въ XVIII вѣкѣ, Францію и Голландію“ (См. В. Ф. Солнцева, „Смѣсь, сатирической журнал“, въ „Библиографъ“, 1893, вып. I, Сиб.

скихъ мыслителей, всего болѣе отразились на сужденіяхъ и взглядахъ русскихъ передовыхъ людей и писателей второй половины прошлаго столѣтія, какъ напр., Болтинѣ, Новиковѣ, Радищевѣ, И. П. Тургеневѣ ¹⁾. Въ тѣхъ же идеяхъ воспиталась императрица Екатерина II; Дашкова пишетъ о себѣ въ своихъ «Запискахъ», что до 15-ти-лѣтняго возраста прочла въ домѣ дяди своего, графа Воронцова: сочиненія Байля, Вольтера, Монтескьё, Гельвеція, добавляя, что, «кромя Екатерины, тогда великой княгини, никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобнымъ чтеніемъ ²⁾. Вліяніе французскихъ философовъ дало направленіе усиленной преобразовательной дѣятельности Екатерины II, а именно перваго десятилѣтія ея царствованія; и, какъ извѣстно, знаменитое сочиненіе Монтескьё «L'esprit des Lois» послужило основаніемъ «Наказа». По свидѣтельству И. Дмитріева, Екатерина II и ея вельможи, на пути по Волгѣ изъ Твери до Казани, занимались переводомъ «Велизарія», политико-нравственнаго романа, сочиненнаго Мармонтелемъ. При этомъ «императрица перевела IX главу, которая вся дышетъ либерализмомъ, ненавистью къ ласкателямъ и самовластію» ³⁾.

Примѣры императрицы могъ только усилить симпатіи къ современнымъ французскимъ мыслителямъ наиболѣе образованной части русскаго общества, какимъ являлось дворянство, и способствовать распространенію въ его средѣ французскихъ нравственно-философскихъ идей XVIII вѣка. Въ то время, какъ остальные сословія упорно придерживались старыхъ предрассудковъ и преданій, защитники старины въ русскомъ дворянствѣ составляли меньшинство; и реформа Петра I всего болѣе отразилась на его внѣшности, общественномъ и семейномъ строѣ. Такимъ образомъ, наше дворянство, пересаженное со старой почвы на новую, было особенно воспримчиво и легко подвергалось внѣшнимъ вліяніямъ, а тѣмъ болѣе французскому, при той блестящей увлекатель-

¹⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, извѣстный масонъ. Л. Н. Майковъ высказываетъ предложеніе, что ему принадлежитъ статья о крестьянахъ, напечатанная въ „Живонисецѣ“ съ подписью И. Т. („Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“. Спб., 1889, т. I, стр. 407 — 408. Въ этой статьѣ „Отрывокъ изъ путешествія“ изображена яркими красками крестьянская нищета и представлена картина печальнаго положенія дѣтей, брошенныхъ въ лѣтнее время на произволъ судьбы въ опустѣвшихъ деревняхъ („Живонисецъ“, ч. I, л. 14).

²⁾ „Собраніе сочиненій П. Вяземскаго“, Спб., 1878, т. V, гл. I, стр. 9. См. также архивъ кн. Воронцова, т. XXI, Москва, 1881; „Бумаги кн. Е. Р. Дашковой: „Mon histoire I partie, pp. 8 — 12, гдѣ она пишетъ: „Bayle, Montesquieu, Voltaire étaient mes livres favoris... Je pourrais peut être avancer qu'il n'y avait pas deux femmes alors outre moi et la grande duchesse, qui s'occupassent d'une lecture serieuse“...

³⁾ „Взглядъ на мою жизнь“ И. Дмитріева, М. 1866, ч. I, стр. 96.

ной формѣ, въ какой являлись сочиненія французскихъ мыслителей прошлаго вѣка. Сверхъ того, «философія матеріализма тѣмъ скорѣе усваивается обществомъ, чѣмъ ниже его умственное развитіе: простая по своей односторонности, она легче переваривается только-что возбужденной мыслью; она не требуетъ усилій, не возбуждаетъ борьбы и заманчиво ласкаетъ грубые инстинкты животной природы человѣка»...¹⁾

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственныя и политическія принципы, а равно и гуманныя идеи французской философіи могли быть достояніемъ немногихъ дѣйствительно просвѣщенныхъ русскихъ людей, и этимъ путемъ оставили свой слѣдъ въ русской жизни и въ русской литературѣ. Но для большинства тогдашняго поверхностно образованнаго общества, при его низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, онѣ остались мертвой буквой и породили у насъ немало такъ называемыхъ «вольтеріанцевъ», жизнь которыхъ нерѣдко представляла полный разладъ съ идеями, нахвачанными изъ книгъ. Хотя злоупотребленія власти помѣщиковъ были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сущности крѣпостнаго права, но съ его развитіемъ въ эту пору они были особенно велики²⁾. Пытки крѣпостныхъ начинаютъ у насъ входить въ употребленіе въ началѣ XVIII вѣка и, мало-по-малу, настолько получаютъ права гражданства, что, по словамъ Романовичъ-Славатинскаго, «трудно перечислить и уловить роды наказаній, изобрѣтаемыхъ фантазіей помѣщиковъ»³⁾. Нерѣдко случалось, что горячіе поклонники Руссо и Вольтера и проповѣдники ихъ идей позволяли себѣ самыя ужасныя насилія надъ крѣпостными и доводили своихъ крестьянъ до полного разоренія и нищеты.

Не менѣе своеобразно было у насъ и пониманіе западно-европейскаго скептицизма, такъ какъ большинство усвоило только верхи его и отдѣльныя фразы, не вникая въ ихъ смыслъ. Въ то время, какъ Вольтеръ, высоко цѣнившій нравственное начало въ христіанствѣ, нападалъ на злоупотребленія его представителей, скептицизмъ нашихъ вольтеріанцевъ не шель далѣе самаго дешеваго и неглубокаго отрицанія всѣхъ религиозныхъ и нравственныхъ традицій. «Вольнодумство въ предметахъ религіи,—замѣчаетъ П. Вяземскій,—должно было имѣть у насъ своихъ послѣдователей скорѣе, нежели политическое, ибо оно отвлеченнѣе другаго и не требуетъ ни размышленій, ни приговоритель-

¹⁾ «Биографія А. И. Кошелева», М., 1839, т. I, кн. 1, стр. 12.—См. рецензію К. Бестужева-Рюмина въ „Ж. М. Н. П.“, № 3, въ отд. „Критика и бібліографія“.

²⁾ „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, В. И. Семевскаго, т. I, Спб., 1881, гл. VII, стр. 159—207

³⁾ „Дворянство въ Россіи“ и пр., А. Романовичъ-Славатинскаго. Спб., 1870, стр. 313.

ныхъ событій, и предварительныхъ свѣдѣній»¹⁾). Современники не даромъ жаловались на упадокъ религіи въ нашемъ обществѣ: «Вѣра начинала слабѣть, — говоритъ одинъ изъ нихъ²⁾, — несодержаніе постовъ, невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами насчетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами, и начавшія входить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и др., которыя читались съ жадностью»³⁾). Либерализмъ и невѣріе проникли даже въ среду приказныхъ, такъ что, по словамъ Вигеля, «цитаты изъ св. писанія, коими прежніе подъячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восемнадцатаго вѣка и рѣчами революціонныхъ ораторовъ». Настроеніе умовъ въ обѣихъ столицахъ отозвалось и въ провинціи; тотъ же Вигель съ удивленіемъ рассказываетъ, что въ такомъ захолустѣ, какъ тогдашняя Пенза, онъ слышалъ «насмѣшки надъ религіей отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, — добавляетъ онъ, — здѣсь толковали уже о Новоттѣ и Фреронѣ и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами Кандида и Бѣлаго Быка»⁴⁾...

VII.

Изъ французскихъ философовъ XVIII вѣка едва-ли не самымъ популярнымъ былъ Вольтеръ, судя по множеству переводовъ, которые печатались у насъ почти непрерывно въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ, до 1789 года⁵⁾). Помимо отдѣльныхъ изданій, первые переводы появляются въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» Г. Ф. Миллера (журналѣ, издававшемся при Академіи Наукъ), начиная съ 1756 года; затѣмъ и въ послѣдующихъ русскихъ журналахъ второй половины прошлаго столѣтія

¹⁾ Собраніе соч. П. Вяземскаго, т. V, гл. III, стр. 28.

²⁾ „Записки Винскаго, „Р. Арх.“, 1877, № 1, стр. 103.

³⁾ Известный масонъ, И. В. Лопухинъ, говоритъ, что еще до 1780 года, т. е. до своего сближенія съ маргинистами, хотя онъ не былъ постояннымъ вольнодумцемъ, но больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіей, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія“. См. „Чтенія въ Им. об. п. и др. Рос.“, 1860, апрѣль, „Записки И. В. Лопухина“, стр. 14.

⁴⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“. 1892, ч. II, стр. 28, ч. I, стр. 215—216.

⁵⁾ Ст. Д. Языкова: „Вольтеръ въ русской литературѣ“, въ „Древней и Новой Россіи“, 1878, кн. III, стр. 279.

непрерывно встрѣчаются сочиненія Вольтера и нерѣдко въ безсвязныхъ отрывкахъ. Тотъ же случайный характеръ носятъ отдѣльные переводы, печатные и рукописные, которые выходили въ видѣ брошюръ и цѣлыхъ томовъ, гдѣ незамѣтно ни малѣйшей послѣдовательности, даже хронологической.

Первое «Полное собраніе сочиненій Вольтера», въ переводѣ Рахманинова, вышло въ неблагопріятную для него пору, такъ какъ въ это время политическія событія Франціи не замедлили вызвать реакцію со стороны правительствъ остальной Европы и ослабили симпатіи Екатерины II къ французскимъ либеральнымъ идеямъ. Вслѣдствіе этого, послано предписаніе конфисковать вышедшее «Собраніе сочиненій Вольтера», какъ «вредныхъ и исполненныхъ развращенія», и приняты стѣснительныя мѣры относительно новаго изданія Вольтера, предпринятаго въ Москвѣ, какъ видно изъ рескрипта къ московскому главнокомандующему Еропкину, отъ 23-го сентября 1789 года: «По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, — пишетъ императрица, — что въ Москвѣ хотять переводить новое изданіе Бомарше всѣхъ сочиненій Вольтера, въ 69-ти томахъ состоящее, — прикажите Управѣ Благочинія и оберъ-полицій-мейстеру наблюдать, чтобы таковое изданіе отнюдь не было печатаемо ни въ одной типографіи безъ цензуры и аппробаціи митрополита московскаго»¹⁾.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а именно въ 1802—1805 гг., подъ либеральнымъ вѣяніемъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, появляется вновь «Собраніе сочиненій Вольтера», перепечатываются прежнія изданія и выходятъ новые переводы. Съ приближеніемъ войны 1812 года изданія становятся рѣже, и увлеченіе Вольтеромъ переходитъ въ другую крайность и принимаетъ характеръ враждебнаго отношенія къ знаменитому фернейскому философу²⁾, на ряду съ общимъ, хотя весьма кратковременнымъ охлажденіемъ ко всему французскому. «Въ это время, — пишетъ Вигель, — воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патриотизма подѣйствовало даже на высшее общество, наиболѣе зараженное галломаніей; знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или приторно показывать, будто его знаютъ»³⁾...

Что касается сочиненій Руссо, то во второй половинѣ прошлаго вѣка у насъ всего болѣе распространенъ былъ «Эмиль», и даже, въ 1789 г., подвергся запрещенію, наравнѣ съ «Полнымъ собраніемъ сочиненій

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1844, ч. VI, № 11, стр. 213.

²⁾ См. „Русск. Архивъ“, 1882, № 6, ст. „Графъ Ростопчинъ о Вольтерѣ“, стр. 207—209.

³⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“ т. III, стр. 151.

Вольтера»¹⁾. Но, вообще, хотя имена обоихъ французскихъ философовъ почти постоянно упоминаются вмѣстѣ въ мемуарахъ того времени, но Руссо еще менѣе Вольтера былъ доступенъ пониманію большинства русской читающей публики. Ученіе его,—которое представляло протестъ противъ злоупотребленій и темныхъ сторонъ западно-европейской цивилизаціи, сложившейся вѣками,—и доходило до отрицанія наукъ и искусствъ,—всего менѣе было примѣнимо къ жизни нашего едва созданнаго общества, усвоившаго только вѣдѣнію эту цивилизаціи, и гдѣ наука и искусство находились въ зачаточномъ состояніи.

Мишурный блескъ городской жизни, роскошь, доведенная до мотовства, городскія зрѣлища и увеселенія, развратъ, прикрываемый лоскомъ свѣтскихъ условныхъ приличій,—все, что возбуждало негодованіе Руссо и его послѣдователей, особенно увлекало русское общество, второй половины прошлаго вѣка, представляя для него интересъ новизны. Наслажденіе городскими удовольствіями являлось исключительною цѣлью посѣщенія европейскихъ столицъ для многихъ русскихъ путешественниковъ того времени. «Юные русскіе недоросли, избалованные дома и окружающей ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ учителей, предавались за границей праздной жизни и проживали цѣлыя состоянія²⁾. По словамъ «Трутня» 1770 года (стр. 63—64), они «вывозили изъ чужихъ краевъ только свѣдѣнія, какъ одѣваться и какія тамъ бываютъ зрѣлища и увеселенія». Подобные отзывы встрѣчаются и въ другихъ сатирическихъ журналахъ прошлаго вѣка, которые при этомъ переполнены нападками на бессмысленный образъ жизни русскихъ петиметровъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Не только столичная знать и вельможи Екаторининскихъ временъ, но и дворяне средней рѣки щеголяли другъ передъ другомъ роскошью обѣдовъ и баловъ, богатствомъ экипажей, нарядовъ, многочисленной прислужкой и пр. Такъ жили и помѣщики въ своихъ усадьбахъ, проматывая деньги, наживаемыя безъ труда, и менѣе всего наслаждались природою и желали деревенской простоты. Если нѣкоторые изъ нихъ хвалились патриархальной просто-

¹⁾ „Осьмнадцатый вѣкъ“, 1859, кн. III, стр. 392, „Письмо Екатерины II къ неизвѣстному лицу“ (безъ числа). „Слышно, что въ Академіи Наукъ продаютъ такіа книги, которыя противъ закона, добраго права, насъ самихъ, противъ націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр., Эмилии Руссова, Меморіи Петра III; приказано наблюденіе академіи за ея книжною лавкою, изъ другихъ лавокъ посылать реестры книгъ, которыя хотятъ выписывать, и вычеркивать такіа книги, которыя противъ закона, добраго права и насъ, а есть ли послѣ того сыщется преступникъ сему въ продажѣ такихъ книгъ, то конфисковать всѣ лавки и продать на щотъ Сиропитательнаго дома“

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1857, августъ, кн. 2. „Черты русскихъ нравовъ XVIII столѣтія“, ст. вторая, А. Аванасьева, стр. 259.

той своихъ нравовъ, то это не имѣло ничего общаго съ патріархальностью, о которой говорить Руссо.

При этихъ условіяхъ русскіе образованные люди того времени, за малыми исключеніями, едва-ли могли искренно сочувствовать утопіямъ Руссо о возвращеніи къ естественному состоянію для достиженія утраченнаго блаженства, стремиться къ безмятежной жизни среди природы, мечтать о лѣсахъ первобытнаго міра и первобытной дикости. Извѣстный русскій писатель Болтинъ (1735 † 1792) говоритъ о Руссо, что онъ, «пускаясь въ крайность, корнемъ всего зла просвѣщеніе признаетъ; по его мнѣнію, оно есть главная причина растлѣнія нашего сердца и поврежденія нашихъ нравовъ. Но, держась середины, можно за неопровергаемое правило поставить, что ни добродѣтели отъ просвѣщенія, ни пороки отъ простоты нравовъ не зависятъ»¹⁾. Увлеченіе идеями Руссо явилось позже съ Карамзинымъ, который былъ восторженнымъ поклонникомъ Руссо и называлъ его «величайшимъ изъ писателей XVIII вѣка». Послѣдователи Карамзина и въ этомъ подражали ему.

Наибольшее вліяніе Руссо сказалося въ русскихъ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ, написанныхъ по образцу «Эмилія» и «Новой Элоизы». Но тамъ, гдѣ русскіе сочинители позволяли себѣ болѣе вольную передѣлку и отступленіе отъ подлинника, видно полное непониманіе идей французскаго философа. Хотя выводимые ими романческіе герои такъ же бѣгутъ изъ городовъ и живутъ отшельниками вдали отъ людей, но здѣсь причиной разочарованія оказываются узкіе личные мотивы. Въ иныхъ случаяхъ, деревня является средствомъ исправленія промотавшагося юноши; въ другихъ — герой становится ненавистникомъ городской жизни, подъ впечатлѣніемъ измѣны ловкой городской красавицы, а прѣ этомъ условіи идеи Руссо въ его устахъ теряютъ всякій смыслъ.

Несравненно ближе къ пониманію большинства русской читающей публики были произведенія второстепенныхъ писателей и писательницъ конца XVIII вѣка съ ихъ узкою моралью и разсудочнымъ взглядомъ на жизнь, подходившимъ подъ общій нравственный и умственный уровень нашего общества. Такъ, напр., сочиненія г-жи Жанлисъ, вошедшія у насъ въ моду въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ считались лучшимъ чтеніемъ для русскаго юношества, наравнѣ съ идиллической повѣстью Бернардеа де-С. Пьера, «Павель и Виргинія». Выдержками изъ сочиненій Жанлисъ и ея сентенціями наполнены русскіе журналы, которые ставили себѣ задачей педагогичку и воспитаніе юношества. Элементъ разсудочной обыденной

¹⁾ См. „Критическія примѣчанія“ Болтина на второй томъ „Исторіи кн. Щербатова“, 1794, стр. 82 – 83.

морали преобладаетъ въ сочиненіяхъ бытоописательныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, которые преимущественно нравились русской публикѣ и встрѣчали сочувствіе въ русской литературѣ.

Хотя нерѣдко въ этихъ романахъ сентенціи не имѣли никакой органической связи съ общимъ содержаніемъ разсказа, равно какъ и неизмѣнное торжество добродѣтели и наказаніе порока напоминали дѣйствительность только у болѣе талантливыхъ писателей, но сентенціи считались необходимою принадлежностью всякаго порядочнаго романа. Поэтому, во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, особенно распространены были у насъ нравоучительныя сочиненія аббата Прево, Фильдинга, Дюкре-Дюмениля, Жанлисъ, Коттенъ, Августа Лафонтена, Коцебу и пр. Карамзинъ пишетъ въ 1802 году, что въ это время «въ страшной модѣ былъ Коцебу... Русскіе книгопродавцы требовали отъ переводчиковъ и самихъ авторовъ Коцебу, одного Коцебу! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, есть ли на титулѣ имя славнаго Коцебу»¹⁾.

VIII.

Что касается нравственно-политическихъ теорій Западной Европы, то русская читающая публика опять-таки преимущественно знакомилась съ ними, благодаря сочиненіямъ французскихъ писателей, а именно: Фенелона, Террасона, Мармонтеля, Флоріана, Мерсье и ихъ послѣдователей. Изъ нихъ наибольшей славой пользовался у насъ «Телемакъ» Фенелона, впервые переведенный на русскій языкъ въ 1747 году, и которымъ зачитывалось русское юношество не только въ прошломъ, но и нынѣшнемъ столѣтіи. Затѣмъ, долѣе другихъ продержались у насъ сочиненія Мерсье (Louis Sebastien Mercier, 1740†1814), писателя, мастерски изображавшаго темныя стороны политической и общественной жизни Франціи. Имя Мерсье, въ продолженіе многихъ лѣтъ, часто встрѣчается въ старыхъ русскихъ журналахъ, гдѣ его сочиненія большей частью печатались въ отрывкахъ.

Современная журнальная критика, вообще довольно снисходительная къ «русскимъ сочинителямъ» и рѣдко упоминавшая о нихъ, была гораздо строже къ переводнымъ иностраннымъ романамъ и при оцѣнкѣ ихъ достоинства ставила на первомъ планѣ нравоучительный элементъ.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1802, № 9, стр. 61.

придавая ему особенное значеніе. Въ этомъ отношеніи она отличалась замѣчательнымъ постоянствомъ, какъ видно изъ отзывы двухъ журналовъ: половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Такъ, Рейхель, издатель «Собранія лучшихъ сочиненій» 1762 года (ч. III, стр. 97—112), высказывая свой взглядъ на романы вообще, говоритъ, «что вымыслы не должны быть чрезвычайными и, кромѣ увеселенія, они должны заключать наставленія въ правоученіяхъ и правилахъ чело-вѣческой жизни». Во главѣ этого рода романовъ онъ ставитъ сочиненія аббата Прево, такъ какъ, по его словамъ, «въ нихъ соблюдена связь приключеній съ полезными правоученіями», и на этомъ основаніи относится съ порицаніемъ къ романтическимъ произведеніямъ Мариво и Кребиллона-сына. Равнымъ образомъ, «Жизнь Снеа, царя египетскаго», романъ Террасона (1670†1750), кажется Рейхелю выше прославленнаго сочиненія Фенелона. «Снезъ,—замѣчаетъ онъ,—имѣетъ болѣе достоинства, чѣмъ Телемакъ; въ немъ находятся такія правоученія, такія тонкія разсужденія и высокія мысли, какихъ въ Телемакѣ искать бесполезно. Онъ менѣе пріятенъ, но превосходитъ его въ учености, философіи и правоученіи».

Не менѣе характеренъ отзывъ П. И. Макарова въ журналѣ «Московский Меркурій» 1803 года, критика котораго преимущественно обращена на иностранную литературу и русскіе переводы иностранныхъ произведеній. Здѣсь рецензентъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ правоучительнымъ сочиненіямъ Жанлисъ и весьма строго къ Редклифъ и, за исключеніемъ романа «Монахъ или пагубное вліяніе страстей»¹⁾, перев. 1802 года, онъ видитъ отсутствіе какой-либо нравственной цѣли въ произведеніяхъ знаменитой англійской писательницы, отвергаетъ ихъ пользу и считаетъ вредными тѣмъ болѣе, что «долговременныя впечатлѣнія ужаса дѣйствуютъ на нервы»... (№ XI, стр. 139).

IX.

Въ заключеніе мы коснемся еще одного вопроса: какого рода произведенія западно-европейской литературы имѣли наибольшее воспитательное значеніе для русскаго общества прошлаго вѣка? Здѣсь,

¹⁾ Сочиненіе это „Монк“ (Монахъ) принадлежит не Редклифъ, а Льюису, котораго Байронъ называетъ Monk-Lewis. Правда, въ русскомъ переводѣ романъ Льюиса приписанъ англійской писательницѣ Аниѣ Редклифъ; но это спекуляція книгопродавца, который, для большаго сбыта книги, произвольно выставилъ имя иностраннаго автора, въ то время особенно популярнаго среди русской публики.

по всѣмъ даннымъ, на основаніи дошедшихъ до насъ извѣстій, а равно и показаній современниковъ, получается одинъ отвѣтъ, что эту услугу русскому просвѣщенію оказали переводныя иностранныя романы.

Этимъ путемъ проникали къ намъ философскія идеи и нравственно-политическія и общественныя теоріи Запада. Популярности Вольтера всего болѣе способствовала беллетристическая форма значительной части его произведеній, и мы видимъ, что въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, на ряду съ философскими и другими сочиненіями, почти непрерывно переводятся его повѣсти и романы, выходятъ отдѣльными изданіями и печатаются въ русскихъ журналахъ. Но въ первомъ «Полномъ собраніи сочиненій Вольтера», изд. Рахманинова, 1785—1789 годовъ, статьи серьезнаго содержанія преобладаютъ надъ беллетристикой. Что касается Руссо, то его «Эмиль» и «Новая Элоиза» были несравненно болѣе распространены и извѣстны, нежели его философскія «Разсужденія объ исправленіи нравовъ и неравенствѣ между людьми», изд. въ 1768 и 1770 гг. (въ переводѣ Пав. Потемкина). Изъ сочиненій Фенелона, Мармонтеля, Мерсье и др. у насъ пользовались популярностью только романы, и вообще всякія романическія произведенія иностранныхъ литературъ читались охотнѣе какихъ бы то ни было книгъ. Романы имѣли для русской публики и общеобразовательное значеніе; изъ нихъ заимствовала она правила житейской мудрости и общежитія, историческія, географическія и иныя научныя свѣдѣнія.

Значительное распространеніе иностранныхъ романовъ среди русской публики прошлаго вѣка, сравнительно съ другими книгами, объясняется отчасти тѣмъ, что они легче читались и были доступнѣе пониманію большинства. М. Херасковъ, въ своей статьѣ «О чтеніи книги», помѣщенной въ журналѣ «Полезное увеселеніе», 1760 года (кн. I, стр. 5), пишетъ по этому поводу: «Романы для того читаются, чтобы искуснѣе любиться, и часто отмѣчаютъ красными знаками вѣжныя самыя рѣчи... а книги, до наукъ касающіяся, читаютъ не для любовныхъ изреченій, для сего должно, вникнувъ въ содержаніе книги, разобрать автора, содержаніе его книги, достоинства оной... нужно читать умѣючи». Того же вопроса, сорокъ два года спустя, касается Карамзинъ въ извѣстной статьѣ 1802 года «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи» («Вѣстн. Евр.», № 9, стр. 60). «Я спрашивалъ, — говоритъ онъ, — у многихъ книгопродавцевъ, какого рода книги у насъ расходятся больше всего, и всѣ отвѣчали: романы! Не мудрено... не всякій можетъ философствовать или ставить себя на мѣсто героевъ исторій; но всякій любить, любилъ или хотѣлъ любить и находить въ романическомъ героѣ самого себя; читающему кажется, что авторъ говоритъ ему языкомъ его собственнаго сердца», и пр.

Такимъ образомъ, романы являлись главнымъ и любимымъ чтеніемъ русской публики не только въ прошломъ, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. В. Жуковскій, принявъ на себя изданіе «Вѣстника Европы» въ 1808 году, въ первой же книгѣ журнала, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Письмо къ издателю» (стр. 5), характеризуетъ слѣдующими словами господствовавшей тогда вкусъ къ чтенію: «Раскройте «Московскія Вѣдомости», о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ—о романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. и пр. Что покупаютъ посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ?—романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославленныхъ романовъ?—всегда почти въ однихъ великолѣпныхъ названіяхъ, которыя обманываютъ любопытство»...

Но въ то время, какъ одни зачитывались романическими произведеніями иностранныхъ литературъ, другіе безусловно возставали противъ чтенія романовъ, считая ихъ «пустыми сказками». Н. И. Толубѣевъ, сообщая подробности о поступленіи въ военную службу, въ концѣ прошлаго вѣка, рассказываетъ о своемъ менторѣ, кирасирѣ Клименко, который отобралъ у него взятый для чтенія романъ съ заявленіемъ, что «еслибы книга принадлежала ему, то онъ бы ее изодралъ и запалилъ люльку, а остатки спаливъ на ваксу», и что онъ, Толубѣевъ, «романы успѣетъ услышать или увидѣть на дѣлѣ»¹⁾. Взглядъ Клименки раздѣляли и тогдашніе защитники до-петровской старины, которые относились враждебно ко всякой беллетристикѣ и признавали полезнымъ и душеспасительнымъ чтеніемъ церковныя книги, лѣтописи, хронографы, историческія сказанія и пр., а также житія святыхъ, нерѣдко смѣшивая ихъ съ апокрифами.

Тѣмъ не менѣе, приверженцы романовъ составляли большинство, и чтеніе ихъ достигало такихъ размѣровъ, что въ русской литературѣ не только второй половины прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка не разъ поднимался вопросъ о пользѣ и вредѣ романовъ. И здѣсь было два лагеря—защитниковъ и противниковъ какихъ бы то ни было романовъ. При этомъ послѣдніе исходили изъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: въ то время какъ одни, подобно Сумарокову, считали чтеніе романовъ «не препровожденіемъ, а пагубленіемъ времени», другіе приписывали имъ многія печальныя явленія нашей тогдашней общественной и семейной жизни. Если въ ихъ нападкахъ и была доля правды, и романы, какъ отраженіе западно-европейской жизни, вредно отзывались на русскомъ обществѣ, то вина была не столько въ романахъ, сколько въ нашемъ неразборчивомъ увлеченіи вѣдшими сторонами западной цивилизаціи. Спасеніе, во всякомъ слу-

¹⁾ „Записки Н. И. Толубѣева“, стр. 38—40.

чаѣ, заключалось не въ возвращеніи къ старинѣ и не въ подражаніи «нравамъ и добродѣтелямъ праотцевъ нашихъ».

«Многіе жалуются,—пишетъ неизвѣстный авторъ, статьи «О романахъ» въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» 1806 года (декабрь, стр. 467—470), что романы вскружаютъ голову, я сему вѣрю... Романовъ читаютъ больше въ провинціяхъ, нежели въ городахъ, и тамъ они болѣе дѣлаютъ впечатлѣніе. Но книги сіи сдѣланы только для того, чтобы, укореняя предразсудки, сдѣлать ему отвратительнымъ его собственное состояніе и внушить модныя правила политикян... Модный поступокъ занимаетъ тамъ мѣсто дѣйствительныхъ должностей; витіеватыя рѣчи ихъ заставляютъ презирать дѣйствія обыкновенныя, и простота благихъ нравовъ почитается грубостью».

Еще рельефнѣе выражается С. Глинка въ своей вступительной статьѣ къ «Русскому Вѣстнику» 1803 года (№ 1, стр. 2), гдѣ, объясняя цѣль изданія, онъ заявляетъ намѣреніе предлагать все то, «что можетъ улаждать сердца русскія».

«Философы XVIII столѣтія,—пишетъ Глинка,—никогда не заботились о доказательствахъ; они писали политическіе, историческіе, правоучительные, метафизическіе, физическіе романы, порицали все, все опровергали, обѣщали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу... словомъ, они желали все преобразить по-своему. Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія, и будемъ противопологать имъ не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ»...

На ряду съ такими ожесточенными нападками на иностранныя романы, и въ обществѣ, и въ литературѣ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка встрѣчались не менѣе восторженные поклонники романовъ, которые приписывали имъ высокое нравственное и воспитательное значеніе. Къ числу ихъ принадлежалъ А. Т. Болотовъ, по словамъ котораго романы «не только не сдѣлали ему ничего дурнаго и, напротивъ того, произвели безчисленныя выгоды и пользы: умъ его исполнился множествомъ новыхъ знаній, а сердце—нѣжными и благородными чувствами»... «Романы,—пишетъ онъ,—замѣнили мнѣ чтеніе особливыхъ географическихъ книгъ, я получилъ понятіе о родѣ жизни разнаго рода людей, начиная отъ владыкъ земныхъ даже до людей самаго низкаго состоянія; самая житейская жизнь, во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ, и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ. Однимъ словомъ, я никакъ не могу обвинять съ своей стороны романы вредными слѣдствіями, но паче за многое хорошее имъ весьма обязанъ»¹⁾).

¹⁾ «Жизнь и приключенія А. Болотова», 1757—1758, изд. 1870 г., т. I, стр. 825.

И. И. Дмитриевъ, другъ и современникъ Карамзина, съ своей стороны свидѣтельствуетъ въ пользу романовъ: «Чтеніе иностранныхъ романовъ,—говоритъ онъ,—не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность; смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго... Они возвышали душу мою. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣдовать...¹⁾»).

Н. Карамзинъ былъ не только защитникомъ иностранной беллетристики вообще, но считалъ полезными не только хорошіе, но даже плохіе романы: «Въ самыхъ дурныхъ романахъ,—пишетъ онъ въ 1802 году («Вѣстникъ Европы», № 9),—есть уже нѣкоторая логика и реторика; кто ихъ читаетъ—будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями; авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ и даже ко всѣмъ наукамъ... Такимъ образомъ, читатель узнаетъ и географію, и натуральную исторію, и я увѣренъ, что скоро въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ романѣ новая планета будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Поэтому напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную связь или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и примащивы, и порочны, но чѣмъ же они примащивы? Нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми авторъ украсилъ ихъ черноту: слѣдственно, добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ», и проч.

X.

Что касается частнаго вопроса: какіе иностранные романы въ отдѣльности имѣли у насъ сравнительно наибольшее вліяніе, то здѣсь опять самыми достовѣрными являются отзывы и показанія лицъ, выросшихъ и воспитавшихся на переводной романической литературѣ. На ряду съ этимъ, не менѣе важны свѣдѣнія въ данномъ направленіи, сообщаемыя въ біографіяхъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, такъ какъ эти свѣдѣнія также заимствованы изъ современныхъ источниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода отзывы и свѣдѣнія, собранныя въ достаточномъ

¹⁾ „Взглядъ на мою жизнь“, И. И. Дмитриева, стр. 15—16.

количество, доставлять въ будущемъ необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса о вліаніи многихъ переводныхъ романовъ.

Такъ, изъ «Записокъ» словоохотливаго Болотова мы узнаемъ, какіе именно романы, одинъ за другимъ, увлекали его въ молодости, и какое собственно вліаніе оказалъ на него каждый изъ нихъ: «Въ 1750 г.,— пишетъ онъ,—я прочиталъ переводъ французскаго романа «Эпаминондъ и Целеріана», первая книга, благодаря которой получилъ понятіе о любовной страсти, со стороны нѣжной и прямо романической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу». Въ томъ же году Болотовъ познакомился съ книгой Фенелона «Похожденія Телемака» и по этому поводу распространяется объ ея достоинствахъ: «Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу. Я получилъ черезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о Троянской войнѣ... Книга сія послужила первымъ камнемъ въ фундаментъ всей моей будущей учености»... Пятью годами позже авторъ «Записокъ» извѣщаетъ, что купилъ двѣ книги въ тетрадахъ (въ рукописи?)—«Аргенида» и «Жильблазъ», и не разставался съ ними; при этомъ онъ переводилъ нѣмецкій романъ «Бѣдственная жизнь и похожденія Якова Пакартуса, бывшаго потомъ милордомъ въ Англіи», который понравился ему тѣмъ, что «походилъ нѣсколько на Жильблаза или Робинзона». Такой же сочувственный отзывъ встрѣчаемъ мы о «Клевеландѣ», романѣ аббата Прево¹⁾: «Клевеландъ мой, — пишетъ Болотовъ,—и многіе другіе, читанные мною до того романы, вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ, и я всегда съ особливимъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что-нибудь историческое»²⁾.

Въ статьѣ Я. Грота, «Жизнь Державина»³⁾, сообщены подробныя свѣдѣнія,—которыя мы приводимъ въ извлеченіи,—относительно книгъ, прочитанныхъ будущимъ поэтомъ въ Казанской гимназіи (1759—1762). Изъ нихъ Я. Гротъ упоминаетъ о трехъ сочиненіяхъ, которыя обошли тогда всю Европу, были переведены на разные языки, въ томъ числѣ на русскій, и находились въ нѣкоторыхъ домахъ въ Казани, а именно, «Похожденія Телемака», «Аргенида» и «Приключенія маркиза Г*».

Державинъ, по замѣчанію его біографа, могъ читать прозаическій переводъ Телемака, неизвѣстно, кѣмъ сдѣланный, по повелѣнію императрицы Елизаветы, въ 1747 году, или же переводъ Тредьяковскаго,

¹⁾ «Старинные помѣщики на службѣ и дома», Е. Щепяной, стр. 184—188.

²⁾ „Жизнь и пр. А. Болотова“, стр.: 182, 108, 321—322, 369, 391, 610, 824—828.

³⁾ „Жизнь Державина“, ст. Я. Грота въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1860, апрѣль, стр. 363—368.

напечатанный въ 1751 г. Что касается «Аргениды», то здѣсь, подъ покровомъ аллегоріи, изображено состояніе Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги. Русскіе читатели познакомились съ «Аргенидой», благодаря переводамъ Тредьяковскаго. Первый переводъ сдѣлалъ онъ, еще будучи студентомъ, но самъ находилъ его негоднымъ и, по приказанію графа К. Г. Разумовскаго, перевелъ всю книгу снова. Перебѣшившая прозу со стихами, Тредьяковскій, въ концѣ каждой главы, помѣстилъ подробныя историческія и мнѣологическія примѣчанія. Подлинникъ третьей книги «Приключенія маркиза Г*», соч. аббата Прево (Antoine François Prevost d'Exiles, 1697 † 1763), вышелъ въ 1729 году, подъ заглавіемъ «Mémoires du marquis ou aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde». Содержание романа составляетъ исторію жизни, рассказанную самимъ героемъ. Маркизъ Г* странствуетъ, испытываетъ разнаго рода несчастія, попадаетъ въ неволю и пр., но и при «горестныхъ обстоятельствахъ остается добродѣтельнымъ». Русское юношество второй половины прошлаго вѣка, по словамъ Я. Грота, «наслаждалось чтеніемъ этого романа Прево, гдѣ нравоучительный элементъ соединялся съ пестрыми разнообразными приключеніями».

И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ также называетъ «Приключенія маркиза Г*» въ числѣ книгъ, прочитанныхъ имъ въ дѣтствѣ, и, повидимому, познакомился съ романомъ Прево въ подлинникѣ. «Въ пансіонѣ,—говоритъ онъ,—прочиталъ я «Тысячу и одну ночь», повѣсти Скаррона, «Похожденія Робинзона Крузе», «Жильблазъ де-Сентилана», «Приключенія маркиза Г*»... По этой книгѣ аббата Прево я получилъ первое понятіе о французской литературѣ, услышалъ имена Мольера, Буало, Лопецъ де-Вега, Расина и Кальдерона, критическое о нихъ сужденіе; этому же роману обязанъ я тѣмъ, что началъ понимать французскія книги»¹⁾.

О значеніи и вліяніи нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ романовъ говорить А. Галаховъ. Между прочимъ, мы находимъ у него любопытный отзывъ о сочиненіяхъ нѣмецкаго писателя Августа Лафонтена (1756 † 1831), принадлежащихъ къ такъ называемымъ «семейнымъ» романамъ, которые возникли вслѣдъ за развитіемъ средняго сословія въ Европѣ и служили выраженіемъ его быта. «Трудно представить себѣ,—пишетъ онъ,—съ какою жадностью и удовольствіемъ читались у насъ романы Лафонтена: ихъ дѣйствіе понятно лишь тому, кто самъ испыталъ его, читая... Въ сущности, дѣйствіе ихъ было вредно, воз-

¹⁾ И. И. Дмитріевъ. „Взглядъ на мою жизнь“, ч. I, стр. 14.

буждая въ юной душѣ сладенькія чувства, приучая къ праздної фантазіи и все завершая или несостоятельно, или пошлой моралью»¹⁾).

Къ такому же выводу о вліянні сочиненій нѣмецкаго романиста приходитъ Ал. Григорьевъ въ своей статьѣ «Мои литературныя и нравственныя скитанія», гдѣ онъ сообщаетъ немало характерныхъ подробностей относительно занимающаго насъ вопроса. Въ числѣ другихъ иностранныхъ писателей онъ приводитъ Августа Лафонтена и называетъ его «безнравственнѣйшимъ изъ писателей, болѣе вреднымъ, чѣмъ циничный Пиго Лебренъ, такъ какъ молодое сердце не такъ легко поддается открытому, не таящему себя подъ покровами, разврату»²⁾...

Подобное совпаденіе въ мнѣніяхъ двухъ различныхъ писателей о вредномъ вліянні романовъ А. Лафонтена едва-ли можетъ быть объяснено простой случайностью и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія при изслѣдованні переводной романической литературы. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что такая критическая оцѣнка вліянія сочиненій иностраннаго писателя могла явиться только впоследствии, въ пору большей умственной и нравственной зрѣлости нашего общества. Если въ прежней литературѣ толковали у насъ о пользѣ и вредѣ романовъ, то съ другой, менѣе опредѣленной точки зрѣнія. Что касается большинства тогдашней русской публики, то она читала безъ разбору всѣ романы, какіе попадались подъ руку, не задаваясь никакими вопросами, и одинаково увлекалась «Клариссой» Ричардсона, Пиго Лебреномъ, «Жильбазомъ»—Лесажа, какъ и романами Августа Лафонтена, Анны Редклифъ, Коцебу, Бернарденомъ де-С.Пьеръ и другими.

Такимъ образомъ, на основаніи собранныхъ нами свѣдѣній, отзвонъ и показаній современниковъ едва-ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что значительная часть русской публики прошлаго и даже первой половины настоящаго столѣтія, если не исключительно, то всего болѣе читала романы и воспитывалась на нихъ. Одновременно съ этимъ, подъ непосредственнымъ вліянніемъ романической иностранной литературы выработывался нашъ подражательный романъ, и изъ заключенныхъ въ немъ зачатковъ творчества постепенно возникала русская романическая литература и явился первый русскій самобытный романистъ въ лицѣ В. Т. Нарѣжнаго.

Н. Вѣлозерская.

¹⁾ „Исторія русск. словесности“, А. Галяхова, изд. 1866, стр. 172.

²⁾ См. „Эпоха“, 1864, май, стр. 155—156.

Битва при Маціовицахъ и плѣнъ Косцюшки.

I.

Корпусъ русскихъ войскъ барона Ферзена совмѣстно съ пруссаками, подъ личнымъ начальствомъ короля Фридриха Вильгельма, съ 27 іюля 1794 года безуспѣшно осаждалъ Варшаву. На штурмъ польской столицы союзники идти не рѣшались, такъ какъ она была къ тому времени сильно укрѣплена Косцюшкою. Къ тому же, выше и ниже Варшавы по теченію Вислы находились два сильные отряда польскихъ войскъ—одинъ самого диктатора, другой генерала Макроновскаго; отряды эти съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать въ тылъ осаждающимъ. Между союзниками пошли недоразумѣнія и несогласія: пруссаки, бывшіе въ болѣе превосходныхъ силахъ, хотѣли взвалить на русскихъ всю тягость штурма. Вспыхнувшее волненіе въ недавно присоединенномъ къ Пруссіи, по второму раздѣлу Польши, Познанскомъ воеводствѣ заставило короля снять около 1-го сентября осаду и послѣшнить туда для подавленія безпорядковъ. Русскимъ ничего не оставалось больше, какъ послѣдовать ихъ примѣру, и баронъ Ферзенъ, отступивъ отъ Варшавы, двинулся вверхъ по лѣвому берегу Вислы, съ цѣлью переправиться гдѣ-либо въ удобномъ мѣстѣ и идти на соединеніе съ войсками Суворова, который въ то время, грома по дорогѣ поляковъ, неся форсированнымъ маршемъ изъ Немирова въ Брестъ.

Полякамъ, поэтому, было важно не допустить Ферзена переправиться на правый берегъ Вислы, почему Косцюшко и поручилъ генералу Понинскому, у котораго было 4—5 тысячъ челов. ¹⁾, наблюденіе

¹⁾ Петрушевскій, „Генералиссимусъ Суворовъ“, изд. 1884 г., т. II, стр. 81.

за русскими. Такимъ образомъ, Ферзену, предъ которымъ лежала широкая и полноводная рѣка, оберегаемая, къ тому же, сильнымъ отрядомъ, предстояло рѣшить далеко не легкую задачу. Дѣло усложнилось еще тѣмъ, что на мѣстѣ не было какихъ-либо средствъ для постройки моста, такъ что даже суда пришлось ему послѣ доставлять на подводахъ. И Ферзень долго рѣшалъ эту хитроумную задачу, распуская, съ цѣлью обмануть Понинскаго, ложные слухи о мѣстѣ переправы.

Войско поляковъ и русскихъ, отдѣленное только широкою рѣкою, долго стояло другъ противъ друга, одно, желая обмануть и перехитрить, другое—не даться въ обманъ и не прозѣвать. Сдѣлавъ демонстрацію переправы у Пулавъ (Новая Александрія), пославъ туда небольшой отрядъ, Ферзень окончательно выбралъ мѣсто у д. Голендры и направилъ туда весь свой корпусъ. Генераль Понинскій вдался въ обманъ, принявъ демонстрацію за истинное мѣсто переправы, и поспѣшилъ къ Пулавамъ, хотя приготовленія у д. Голендры все-таки не ускользнули вполне отъ его вниманія: онъ даже увѣдомилъ Косцюшку о томъ, но, вѣроятно, думалъ, что д. Голендры-то и есть демонстрація. Пользуясь уходомъ Понинскаго къ Пулавамъ, переправивъ предварительно на плотахъ и вплавъ сильный авангардъ (6 полковъ казаковъ, 10 эскадроновъ и 2 батальона пѣхоты), Ферзень подъ его прикрытiемъ приступилъ къ постройкѣ pontоннаго моста. По окончанiи постройки, 26 сентября началась переправа и окончилась только 28-го ¹⁾). По переходѣ по правый берегъ, русскiе расположились лагеремъ у рѣки между деревнями Врублевъ и Варгочинъ.

Постройка моста и переправа по нему нашихъ войскъ, продолжавшаяся столько дней, не могла быть, конечно, секретомъ для непрiятеля. Узнавъ объ ошибкѣ Понинскаго, Косцюшко, присоединивъ къ себѣ отряды Княжевича, остатки Сѣраковскаго, Заюнчека и другихъ, рѣшился преградить Ферзену путь къ соединенiю съ Суворовымъ и разбить его корпусъ, такъ какъ силы ихъ были почти равныя. Взятый въ плѣнъ въ сраженiи 29 сентября, Станиславъ Дубовицкiй (аудиторъ Бѣлакова полка) показывалъ: когда вѣсть о разгромѣ польскихъ войскъ Суворовымъ подъ Брестомъ (съ 7 на 8 сентября) достигла до Варшавы, тамъ потребовали отъ Косцюшки рѣшительныхъ дѣйствiй противъ русскихъ. Ему будто-бы даже заявили, чтобы онъ, если не одержитъ побѣды, не возвращался бы въ Варшаву ²⁾). Повинуясь, по словамъ плѣннаго, этому требованiю, Косцюшко вышелъ изъ Варшавы и при-

¹⁾ Московское отдѣленiе архива главнаго штаба, опись 196, связка 8.

²⁾ Гдѣ, подъ влиянiемъ послѣднихъ неудачъ, повесенныхъ Косцюшкою и Заюнчекомъ, было даже предъ тѣмъ воостанiе черни, такъ что показанiе Дубовицкаго и является правдоподобнымъ.

былъ въ Сѣдлецъ за двѣ недѣли до Маціовицкой битвы (по другимъ источникамъ, онъ вышелъ оттуда 24 сентября) и, простоявъ тамъ два дня, пошелъ на Луковъ, а чрезъ три дня на Желеховъ. Съ нимъ было 500 человекъ кавалеріи и тысяча пѣхоты. 24 сентября, ночью, присоединились къ нему пришедшіе изъ Варшавы четыре пѣхотные полка (3, 4, 5 и 6) силою въ четыре тысячи человекъ, въ которыхъ на половину были рекруты, и два вновь набранныхъ батальона Дзялынскаго, въ одну тысячу человекъ, 500 краковскихъ гренадеръ; кавалеріи—1.700 человекъ старыхъ солдатъ, бригада Копца, численностью въ тысячу человекъ, наполовину рекруты, и 300 волонтеровъ; вся кавалерія вооружена была пиками. Кромѣ того, еще до 500 краковскихъ косиньеровъ — такъ назывались люди, вооруженные только однѣми косами. (Обыкновенная коса прикрѣплялась къ древку такъ, что съ нимъ составляла одну прямую линію; съ другаго конца иногда прикрѣплялся еще и желѣзный крюкъ для стаскиванія съ лошадей кавалеристовъ. Раны, наносимыя этими косами, были ужасны. Въмѣсто косъ прикрѣплялись иногда и пики). Считаю съ бывшими раньше, у Косцюшки, такимъ образомъ, образовалось: 4 тысячи кавалеріи, хорошо вооруженной и сидящей на порядочныхъ лошадяхъ, 6.500 пѣхоты; всего 10.500 человекъ и 22 орудія ¹⁾).

Простоявъ у Желехова два дня, Косцюшко ушелъ оттуда и расположился противъ нашего праваго фланга, на лѣвомъ берегу маленькой рѣчки Коротницы, на возвышенности, противъ деревни того же названія, лежащей на противоположномъ берегу, въ 15 верстахъ отъ русскихъ, только-что окончившихъ въ этотъ день переправу. Прибытіе поляковъ къ Коротницѣ тотчасъ-же было открыто казаками. Но Косцюшко въ тотъ же день ушелъ оттуда и расположился станомъ при замкѣ Маціовицкомъ. Замокъ этотъ, находившійся въ 5 верстахъ отъ мѣстечка Маціовицы (Масіеовісе, Люблинской губ., не далеко отъ впаденія въ Вислу р. Окршенки, въ 55 верстахъ отъ Варшавы), принадлежалъ фамиліи Замоискихъ. Наши казаки предъ тѣмъ успѣли уже побывать въ немъ и оставить здѣсь слѣды своего пребыванія. Поляки расположились на лѣвомъ берегу р. Окршенки между этимъ замкомъ и д. Ороне, въ 10 верстахъ отъ стана русскихъ войскъ. Правый ихъ флангъ былъ прикрытъ лѣсомъ, а фронтъ прикрывался впереди лежащимъ болотомъ (шириною въ три и длиною около пяти верствъ), покрытымъ мелкимъ кустарникомъ; кромѣ того, фронтъ прикрывался еще окопами, не оконченными, впрочемъ, ко дню сраженія. Лѣвый же флангъ оставался открытымъ ²⁾). Позиція, занятая поляками, предста-

¹⁾ Военно-ученый арх., ст. I № 1220.

²⁾ Планъ сраженія. Московск. арх. гл. шт., он. 200, св. 52.

вляла собою сухое и возвышенное мѣсто, вполне удобное для обороны; только тылъ ея, примыкавшій къ болотистой рѣкѣ, долженъ былъ внушать опасеніе. Русскимъ нужно было или идти въ обходъ, или пробираться болотомъ, которое, къ тому же, было прорѣзано каналами, но это болото, хотя и трудно, но все же было проходимо.

Баронъ Ферзенъ рѣшился «опровергнуть» намѣреніе Косцюшки, явившагося сюда съ цѣлью заградить ему путь къ Суворову, и, предупредивъ поляковъ, самому напасть на нихъ. Онъ составилъ слѣдующую диспозицію:

Выступленіе всего корпуса (13 — 14 тысячъ при 43-хъ орудіяхъ) было назначено въ ночь съ 28 на 29 сентября. Войска праваго фланга первой линіи должны были составить правую колонну и выступить правымъ крыломъ; войска лѣваго фланга — лѣвую колонну и — лѣвымъ крыломъ. Обѣ эти колонны, прійдя до разсвѣта въ назначенное мѣсто, должны были построить фронтъ, правый флангъ котораго примыкалъ бы къ д. Ковеничи, а лѣвый къ берегу Вислы — это составило бы первую линію нашего боеваго порядка. Правымъ флангомъ ея назначался командовать генераль-маіоръ Хрущевъ, лѣвымъ — генераль-маіоръ Тормасовъ. Полки, назначенные во вторую линію, должны были построиться за первой, лѣвымъ флангомъ къ Вислѣ; командовать ею поручалось генераль-маіору Рахманову. Остальные полки, составивъ резервъ, порученный генераль-маіору гр. Толстому, должны были расположиться за лѣвымъ флангомъ второй линіи; въ прикрытіе мостовъ и вагенбурга оставлялись два эскадрона воронежскихъ гусаръ. Кромѣ того, генераль-маіоръ Денисовъ, стоя съ 28 сентября около д. Павловичи, прикрывалъ своимъ отрядомъ расположеніе русскихъ со стороны Пулавъ, гдѣ находился тогда введенный въ заблужденіе Понинскій; ко дню сраженія онъ не присоединился къ Косцюшкѣ, что видно изъ показанія Дубовицкаго ¹⁾). Денисовъ диспозиціею назначался Ферзеномъ въ обходъ лѣваго фланга поляковъ. При разсвѣтѣ онъ долженъ былъ начать канонаду, что и послужило бы сигналомъ для всего корпуса, дальнѣйшія дѣйствія котораго ставились въ зависимость отъ приказаній и обстоятельствъ ²⁾).

Харьковскій легкоконный полкъ, въ рядахъ котораго служилъ будущій плѣнитель Косцюшки, въ составѣ пяти эскадроновъ подъ командою бригадира Энгельгардта, при выступленіи изъ лагеря шель въ хвостъ правой колонны, но при построеніи боеваго порядка поступилъ во вторую линію Рахманова (6 батальоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ Харьковскаго и 3 Ахтырскаго легкоконныхъ полковъ) и былъ по-

¹⁾ Военно-уч. арх. гл. шт., ст. I № 1220.

²⁾ Донесеніе Ферзена отъ 14 ноября. М. отд. арх. гл. шт., оп. 200, св. 52.

ставленъ на правомъ ея флангѣ, на дорогѣ въ д. Ухочь. Согласно отданной диспозиціи, еще предъ разсвѣтомъ всѣ части корпуса русскихъ войскъ заняли назначенныя имъ мѣста и построили боевой порядокъ. Съ разсвѣтомъ же быстро пошли къ стану поляковъ и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, открыли канонаду.

Генералъ Ферзенъ приказалъ резерву, перейдя р. Окршенки, овладѣть мѣст. Мацовицами, идти вдоль рѣки и очистить мѣст., занятый непріятельскими стрѣлками. Это было быстро и въ точности исполнено. Въ это время въ отрядѣ Денисова, пошедшаго въ обходъ, послышалась пальба изъ пушекъ, показавшая Ферзену, что Денисовъ прибылъ и началъ уже дѣло. По диспозиціи сигналомъ къ атакѣ для всѣхъ войскъ должна была служить пушечная пальба въ отрядѣ Денисова, но диспозиція эта, видимо, была послѣ нѣсколько измѣнена. Конница Косцюшки первая напала на Денисова и въ началѣ одержала было нѣкоторый успѣхъ, но скоро была, впрочемъ, отброшена назадъ. Завязавшееся здѣсь упорное дѣло привлекло все вниманіе Косцюшки на лѣвый флангъ расположенія поляковъ, что и дало намъ возможность такъ удачно окружить ихъ правый флангъ. Польская кавалерія, съ которою былъ и Косцюшко, отброшенная на сѣверо-западъ, должна была понасть подъ ударъ войскъ Рахманова.

Слыша, что Денисовъ открылъ уже дѣйствія, Ферзенъ приказалъ Торماسову, приблизивъ лѣвый флангъ къ замку, открыть огонь. Впереди лежащіе по рѣкѣ мосты были поляками испорчены и разбросаны; исправить ихъ было необходимо для обхода непріятеля, что облегчило бы атаку Тормасова. Поэтому генералу Рахманову было приказано идти въ обходъ со второю линіею чрезъ плотину и остановиться противъ праваго фланга непріятеля, а резерву гр. Толстаго, исполнивъ первую задачу, зайти въ тылъ непріятелю. Для исправленія же мостовъ или отысканія удобной переправы для второй линіи, — былъ посланъ Тормасовымъ находившійся при немъ премьеръ-маіоръ Харьковскаго полка Каменевъ. Возложенное на него трудное порученіе Каменевъ исполнилъ блистательно: онъ не только нашелъ удобопроходимую дорогу, но ему удалось даже исправить изломанные мосты ¹⁾.

Бой шелъ на всѣхъ мѣстахъ, русскіе осыпали поляковъ ядрами и гранатами. Канонада эта продолжалась долго—часа три. Подойдя же ближе, открыли убійственный ружейный огонь. Между тѣмъ вторая линія, подвигаясь впередъ, подошла къ началу аллеи, ведущей въ замокъ, и, быстро перейдя рѣку по возстановленнымъ мостамъ, пошла вдоль по ней; приблизившись къ плотинѣ, она развернулась и начала канонаду. Обстрѣлявъ нѣкоторое время непріятеля и перейдя плотину,

¹⁾ М. отд. ар. г. ш., оп. 200 св 52.

несмотря на усиленное сопротивление и огонь, Рахмановъ бросился съ сѣверо-западной стороны на непріятеля, атакуя его во флангъ.

Поляки были окружены со всѣхъ сторонъ, и русскіе бросились на нихъ въ штыки. Кавалерія, тѣсня нестройныя толпы смѣшавшагося непріятеля, производила тамъ страшныя опустошенія. Къ довершенію же всего, резервъ гр. Толстаго, овладѣвъ м. Маціовицами и выбивъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ лѣса, зашелъ полякамъ прямо въ тылъ, такъ что спасенія для нихъ уже не было.

Всѣ части русскихъ войскъ дѣйствовали въ томъ сраженіи, по заявленію Ферзена, съ такимъ единодушіемъ и стремительностью, что, несмотря на отчаянное сопротивление и достойную уваженія храбрость поляковъ и присутствіе среди нихъ «непобѣдимого» Косцюшки, они устоять не могли и, смѣшавшись окончательно, начали отступать, а послѣ и просто бѣжать.

Единственный, отчасти еще возможный, путь отступленія былъ на сѣверъ, гдѣ меньше было русскихъ, но зато нужно было переправляться черезъ рѣку, болотистые берега которой очень затрудняли переправу и задерживали движеніе. Но такъ какъ другаго выбора не представлялось, то поляки и бросились въ бродъ, ибо мостъ и мельница зажжены были нашими бранкугелями ¹⁾.

Кавалерія наша дѣйствовала въ этомъ сраженіи отлично, а по послѣднемъ отступленіи поляковъ, стремительно бросилась ихъ преслѣдовать, и мало кому изъ нихъ удалось уйти.

По окончаніи всего дѣла, русскіе расположились станомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поляки до боя занимали позицію. На другой день былъ отслуженъ благодарственный молебень за дарованіе русскому оружію такой блестящей побѣды, въ присутствіи всѣхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ ²⁾.

Въ сраженіи при Маціовицахъ у непріятеля было захвачено 21 орудіе, два знамени, взято въ плѣнъ болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ, 71 товарищъ, 28 намѣстниковъ, 112 офицеровъ и генералы Сѣраковскій, Княжевичъ и Коссинскій ³⁾. Остальныя польскія войска почти всѣ, за очень малымъ исключеніемъ, коимъ удалось избѣжать плѣна и смерти, погибли во время преслѣдованія. Въ донесеніи своемъ Ферзень говоритъ, что непріятель, «не имѣя уже спасенія въ бѣгствѣ, почти весь погибъ».

Наши потери сводились: убитыми оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чи-

¹⁾ Военно-уч. ар. гл. шт. от. I № 1220.

²⁾ Военно-уч. ар. гл. шт. от. I № 1220.

³⁾ Донесеніе Ферзена. М. отд. ар. гл. шт., ои. 200 св. 52.

новъ 144; ранеными — офицеровъ 26 и нижнихъ чиновъ 1127 ¹⁾). Подъ Маціовицами Харьковскій полкъ потерялъ убитыми: младшаго вахмистра Якова Дмитріева, четырехъ рядовыхъ и 16 строевыхъ лошадей; ранены: ротмистръ Альперсъ, три унтеръ-офицера и 22 рядовыхъ и 36 лошадей. Изъ числа раненыхъ послѣ умерли три нижнихъ чина (вахмистръ, Иванъ Петряевъ и Михаилъ Мѣхуновъ) и пала 21 лошадь ²⁾).

Потери поляковъ, такимъ образомъ, въ сраженіи при Маціовицахъ были громадны — они лишились почти всего отряда. Въ странѣ оставались небольшія партіи войскъ да отряды Понинскаго и Вавржецкаго, которые не могли уже оказать серьезнаго сопротивленія въ полѣ. На всемъ пространствѣ между Ферзеномъ и Суворовымъ бродило много мелкихъ партій польскихъ партизановъ и небольшіе отряды Квашневскаго и др., которые, не имѣя уже возможности воспрепятствовать соединенію ихъ, всячески старались прекратить сообщеніе между обоими полководцами и перехватывали донесенія. Ни Суворовъ, ни Ферзень давно уже ничего не знали другъ о другѣ. По окончаніи сраженія, Денисовъ поспѣшилъ тотчасъ же отправить курьера къ Суворову, но, опасаясь, что онъ можетъ быть пойманъ поляками, выбралъ для этой цѣли того плѣннаго аудитора Дубовицкаго, который дажъ такіа обстоятельныя показанія о силахъ Косцюшки. Ему дали конвой изъ 26 кавалеристовъ при офицерѣ и письмо, обѣщая свободу и награду отъ Суворова. Дубовицкій поѣхалъ наудачу, но, благополучно избѣжавъ опасности попасть въ руки поляковъ, доставилъ письмо Суворову, которое его очень обрадовало ³⁾).

Нанесенный полякамъ Маціовицкій разгромъ долженъ былъ охладить тотъ временный подъемъ духа, который появился у нихъ подъ вліяніемъ незначительныхъ успѣховъ, выпавшихъ на долю ихъ оружія, и вслѣдствіе отступленія союзныхъ войскъ отъ Варшавы. Соединившись, русскія войска могли уже дѣйствовать энергично, имѣя своимъ предводителемъ непобѣдимаго Суворова; близость полнаго паденія Польши и политической самостоятельности поляковъ дѣлалась уже очевидна. Народъ этотъ, такъ быстро и легко воспламеняемый, до крайности энергичный на самое, впрочемъ, короткое время, безспорно храбрый и стойкій въ бояхъ, увлекающійся и опьяняемый малѣйшимъ успѣхомъ, не могъ никогда доводить задуманнаго къ какому-либо окончанію. Онъ быстро охладѣвалъ къ тому самому отечеству, которое такъ, повидимому, любилъ и былъ готовъ защищать до послѣдней капли крови, идя

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мѣсячные рапорты полка.

³⁾ Письмо Суворова къ Туттолмину отъ 6 окт. М. отд. арх. гл. шт. оп. 193 № 130.

зачастую на безразсудное до очевидности и рискованное предприятие. Когда же первый пылъ проходилъ, поляки не прочь были и промѣнять это самое отечество на золото, такъ необходимое имъ для той широкой и разгульной жизни, которую они ставили выше всего на свѣтѣ, даже выше отечества. Самымъ отрицательнымъ качествомъ, при многихъ хорошихъ, у поляковъ была лежащая просто въ крови уже наклонность заводить безконечныя ссоры между собою изъ-за самыхъ иногда пустыхъ до смѣшнаго причинъ. Охотно жертвуя pro publico bono всѣмъ, поляки никогда не жертвовали только своею гордостью. Желаніе выдѣлиться изъ толпы и стать выше ея было болѣзнью каждаго изъ нихъ, почему между ними находилось всегда много охотниковъ начальствовать, предводительствовать, но не было желающихъ подчиняться. Всякій, выдѣлившійся изъ среды чѣмъ бы то ни было, дѣлался, обыкновенно, предметомъ зависти и интригъ. Поэтому въ исторіи Польши мало найдется такихъ людей, которые бы сумѣли вести за собою толпу и руководить ею. Нѣсколько счастливымъ исключеніемъ является послѣдній выдающійся ихъ политическій дѣятель—Тадеушъ Косцюшко. Онъ, дѣйствительно, умѣлъ очаровать поляковъ, внушить въ нихъ любовь и уваженіе къ себѣ. Хотя Косцюшко и былъ человѣкомъ вполне достойнымъ, храбрымъ, горячимъ, безкорыстнымъ патріотомъ, но вліяніе его на своихъ соотечественниковъ все же нѣсколько удивительно. Поляки охотно, бывало, преклонялись предъ богатыми магнатами ради того, что они сыпали золотомъ, а Косцюшко былъ только сыномъ бѣднаго шляхтича Гродненской губерніи. Косцюшко, къ тому же, возлагалъ большія надежды на простой народъ, стремился вывести его изъ того рабскаго и скотскаго состоянія, въ которомъ онъ былъ въ Польшѣ, въ этой странѣ свободы, не имѣвшей разумнаго предѣла, близко граничившей съ безправіемъ и полною распущенностью. Косцюшко былъ, по видимому, первымъ лицомъ и единственнымъ человѣкомъ во всемъ государствѣ, который вспомнилъ, что, кромѣ благородной шляхты, въ Рѣчи Посполитой есть еще и народъ, могущій принести пользу своему отечеству. Эти мечтанія его не нравились шляхтѣ и вызывали съ ея стороны оппозицію. И на самомъ дѣлѣ эта благородная затѣя Косцюшки оказалась уже несвоевременною и трудно осуществимою, хотя увлеченные планами диктатора многіе изъ поляковъ и заигрывали съ народомъ, даже просто кокетничали съ нимъ, по особенностямъ своего характера увлекаться; но народъ повѣрить имъ сразу не могъ и неохотно шелъ за той шляхтой, отъ которой въ продолженіе многихъ вѣковъ слышалъ только одно, что онъ не народъ, а «быдло» (скотъ). Хотя Косцюшкѣ и не удалось вполне осуществить своихъ плановъ, но все же онъ сумѣлъ увлечь своихъ соотечественниковъ и подбить ихъ на энергичныя дѣйствія—нація его боготворила, называла «непобѣдимымъ»,

генералиссимусомъ, дала ему диктаторскую власть и охотно шла за нимъ. И Косцюшко былъ безспорно выдающимся человѣкомъ, ни равнаго, ни подобнаго ему въ то время не было въ Польшѣ. Для народа легче бываетъ оправиться, потерпѣвъ страшное поражение въ бою, потерявъ всю свою армію, чѣмъ лишиться иногда одного энергичнаго чело-вѣка, умѣющаго поднять нравственный духъ и національное само-сознаніе въ своихъ соотечественникахъ. Таковъ былъ тогда Косцюшко, и поляки потеряли его безвозвратно. Серьезны были ихъ потери въ Маціовицкомъ сраженіи, гдѣ погибъ весь корпусъ войскъ, но это ихъ бы еще не такъ поразило, какъ то, что ихъ непобѣдимый диктаторъ, ихъ кумиръ, въ которомъ заключались всѣ ихъ радужныя надежды и мечты (надежды, конечно, неосновательныя, взявъ во вниманіе полити-ческую обстановку того времени), для нихъ пересталъ существовать и сдѣлался плѣнникомъ русскихъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ на жертву мелкихъ интригъ и споровъ изъ-за старшинства генераловъ, между которыми не было ни одного, достойнаго его замѣнить.

Все это, естественно, не могло имѣть благотворнаго вліянія на ходъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Поэтому битва при Маціовицахъ получаетъ существенное значе-ніе въ исторіи Рѣчи Посполитой и есть послѣдній актъ самостоятельной политической жизни. Честь плѣненія Косцюшки выпадаетъ на долю кор-нета Харьковскаго драгунскаго полка Ѳедора Ильича Лысенки.

II.

Плѣнитель Косцюшки.

Ѳедоръ Ильичъ Лысенко родился 12 февраля 1751 года ¹⁾ и былъ сынъ отставнаго унтеръ-офицера гвардіи, малоросса изъ казаковъ Во-ронешскаго намѣстничества, жившаго въ теперешнемъ Тимскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Съ самаго ранняго возраста Ѳедоръ Ильичъ сталъ обнаруживать большую склонность и влеченіе къ военной службѣ, но престарѣлые его родители были противъ того, видя въ сынѣ своемъ единственную опору семьи. Рѣшительные отказы отца не охладили же-ланій молодого Лысенки. Онъ однажды (въ 1777 году) тайно отъ всѣхъ убѣжалъ въ г. Корочу, гдѣ въ то время производился рекрутскій на-

---

¹⁾ Въ одномъ формулярномъ спискѣ, а также на надгробной плитѣ годъ его рожденія показанъ этотъ, тогда какъ въ указѣ объ отставкѣ—1753-й.

борь, и записался въ солдаты. Замѣтивъ отсутствіе сына, отецъ его, зная о происходившемъ наборѣ въ Корочѣ, отправился прямо туда и, дѣйствительно, нашель своего Федора уже во власти полковника. На колѣняхъ выпросилъ отецъ позволеніе взять обратно сына подъ кровъ убогой своей хаты, которая была уже тѣсна для молодаго Лысенки. Не долго прожилъ Федоръ Ильичъ съ родителями: неотвѣзчивая мысль и страстное желаніе сдѣлаться солдатомъ преслѣдовали его постоянно. Онъ опять рѣшилъ бѣжать, но, боясь снова возвращенія домой, рѣшилъ на этотъ разъ убѣжать куда-либо далеко, откуда бы родители не могли его вернуть. Бѣжить онъ зимою въ Крымъ, гдѣ въ то время находились войска наши для усмиренія поднявшихся татаръ. Лысенко присталъ тамъ къ Харьковскому гусарскому полку и просилъ командира принять его въ ряды полка. Командиръ, полковникъ Бедряга, принялъ новаго солдата съ большою охотою, такъ какъ въ полку недоставало многихъ людей до комплекта, а Лысенко къ тому же былъ молодецъ гигантскаго роста, красавецъ собою, прекрасно сложенъ, такъ что такой гусаръ являлся просто находкою. Въ ряды полка онъ былъ зачисленъ 1 января 1778 года, будучи уже 25 лѣтъ отъ роду. Новый гусаръ своимъ веселымъ и добродушнымъ нравомъ скоро заслужилъ любовь своихъ товарищей, а прилежаніемъ и рвеніемъ къ службѣ обратилъ на себя вниманіе начальства. Хвала однажды Лысенку за усердіе, эскадронный командиръ высказалъ сожалѣніе, что онъ не знаетъ грамоты, прибавивъ, что изъ него могъ бы выйти хорошій вахмистръ. Слова эти глубоко запали въ сердце Лысенки; перспектива сдѣлаться вахмистромъ для рядоваго гусара, при томъ еще такого любителя военной службы, была такъ заманчива, что онъ тотчасъ же упрасиваетъ своего квартирнаго хозяина, къ счастью, знавшаго грамоту, учить его. Черезъ нѣкоторое время тотъ же эскадронный командиръ, къ своему удивленію, услышалъ, что рядовой Лысенко бѣгло читаетъ въ полковой церкви Св. Писаніе. Труды Лысенки не пропали даромъ—его въ тотъ же день произвели въ капралы (1 мая 1780 г.), а черезъ два года онъ былъ сдѣланъ ротнымъ квартирмейстеромъ (1 января 1782 г.).

Жизнь полка въ то время состояла въ непрерывныхъ походахъ и сраженіяхъ, и Лысенко участвуетъ во всѣхъ тѣхъ войнахъ и дѣлахъ, гдѣ былъ Харьковскій полкъ. Ходилъ Лысенко въ Крымъ, былъ отъ самаго начала и до конца при осадѣ и штурмѣ Очакова Потемкинымъ (1788 г.) съ тѣмъ однимъ эскадрономъ Харьковскаго полка, который, по отправленіи на квартиры въ г. Харьковъ остальныхъ, остался въ арміи до паденія крѣпости. Находился Лысенко во вторую турецкую войну при занятіи гг. Бѣлграда и Бендеръ (1789 г.) при осадѣ и взятіи г. Кишиня (1790 г.) и въ кровопролитномъ сраженіи при Мачинѣ (1791 г.). За отличіе въ дѣлахъ съ непріателемъ онъ былъ произведенъ

въ вахмистры (14 апр. 1790 г.), такъ что мечты рядоваго гусара осуществились. Но на этомъ отличіи и повышеніи Лысенки не остановились. Русскія войска прямо изъ Молдавіи, по окончаніи турецкой войны, перешли въ Польшу, гдѣ началась такъ называемая инсurreкціонная война (1792 – 94 гг.). Принималъ участіе вахмистръ Лысенко въ сраженіи при Дубенкѣ (1792 г.), гдѣ три эскадрона Харьковскаго легкоконнаго полка съ полковникомъ Боуромъ, такъ во-время подоспѣвъ, встрѣтили непріятели и выручили Елизаветградскихъ конныхъ егерей, прославившихся въ этомъ сраженіи своею отчаянною атакою батарей. Принималъ участіе храбрый энергичный вахмистръ и въ прочихъ дѣлахъ этого года. Во время печальной памяти варшавской революціи (1794 года) Харьковскій полкъ находился въ числѣ немногихъ русскихъ войскъ въ самомъ городѣ, гдѣ понесъ столь значительныя потери, благодаря непростительному раздробленію русскихъ силъ по разнымъ частямъ города. Нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ нашихъ войскъ долго отбивались отъ революціонеровъ, но, не получая никакихъ распоряженій отъ главнокомандующаго Игельstroma и будучи отрѣзаны отъ главной квартиры, они съ великимъ трудомъ пробрались за городъ съ генералъ-маіоромъ Новицкимъ. Въ Варшавѣ Харьковскій полкъ оставилъ убитыми и захваченными въ плѣнъ 184 человекъ всѣхъ чиновъ и въ числѣ ихъ своего командира бригадира Боура и лошадей строевыхъ 324 ¹⁾). Оставилъ полкъ, отступая изъ города, и вахмистръ Лысенко. Въ первый день революціи (6 апрѣля) подъ нимъ было убито двѣ лошади. Отбившись отъ полка, пѣшій, не имѣя возможности добыть себѣ коня, Лысенко присоединился къ небольшому отряду пѣхоты подъ начальство маіора Ватурина. Отбиваясь отъ наступавшихъ на нихъ поляковъ, отрядъ этотъ заперся въ одномъ дворѣ, тѣсномъ и неудобномъ для защиты. Желая осмотрѣть сосѣдній дворъ съ цѣлью туда пробраться, Лысенко взлѣзъ на заборъ, но былъ встрѣченъ градомъ пуль и, спасаясь отъ нихъ, свалился по другую сторону забора. Но упалъ онъ благополучно въ сѣно, гдѣ и поснѣвши, незамѣченный врагами, спрятаться. Лысенко придумалъ слѣдующую хитрость, чтобы заставить поляковъ очистить занятый ими дворъ — онъ стрѣляетъ изъ пистолета въ сѣно и зажигаетъ его. Дымъ и пламя выгоняютъ поляковъ изъ двора, а самъ Лысенко спѣшитъ обратно чрезъ заборъ и вмѣстѣ съ товарищами разламываетъ стѣну и, давъ сгорѣть сѣну, занимаетъ дворъ. Хотя эта горсть храбрецовъ и могла отстрѣливаться и отбиваться нѣкоторое время, но рано или поздно имъ все-таки угрожала смерть, когда они выстрѣлили бы послѣдній зарядъ пороха. Къ тому же прошло уже болѣе сутокъ, какъ никто изъ нихъ не пилъ и не ѣлъ.

¹⁾ Мѣсячные рапорты полка

Колѣбаться въ выборѣ этимъ храбрецамъ не приходилось — не все ли было равно умирать, сидя взаперти или сражаясь съ поляками, пробиваясь за городъ; въ послѣднемъ случаѣ имъ оставалась хотя слабая надежда спастись. О сдѣчѣ же въ плѣнѣ, а тѣмъ болѣе просить пощады, они не думали — это не въ обычай русскихъ. Прийдя къ такому заключенію, эта храбрая горсть солдатъ бросается со двора и стремительно бѣжитъ по улицамъ, отбиваясь отъ нападавшихъ на нихъ жителей Варшавы, вооруженныхъ расхищеннымъ изъ арсенала оружіемъ и обратившихся изъ мирныхъ ремесленниковъ и торговцевъ въ свирѣпыхъ убійцъ. Многіе изъ несчастныхъ русскихъ падаютъ отъ летящихъ въ нихъ пуль, падаетъ начальникъ этой кучки героевъ, имена которыхъ остались для насъ неизвѣстными, падаетъ и Лысенко, покрытый ранами, съ прострѣленною насквозь правою ногою. Товарищи его бѣгутъ далѣе, спасая свою жизнь, а онъ остается лежать на улицѣ среди многихъ другихъ убитыхъ и раненыхъ поляковъ и русскихъ. Упѣлѣвшая горсть храбрецовъ пробилась за городъ и присоединилась къ отряду пруссаковъ, шедшихъ къ Варшавѣ, къ которымъ соединился и Игельстромъ, также пробившійся съ большимъ урономъ изъ города.

Оставшійся на улицѣ среди мертвыхъ тѣлъ Лысенко ночью пришелъ въ себя и, напрягая свои послѣднія силы, выбрался почти ползкомъ изъ вѣроломнаго города, по счастью не встрѣченный утомленными двухдневною борьбою поляками, которые успокоились въ оставленной на время русскими Варшавѣ. Добравшись, такимъ образомъ, до своихъ, вахмистръ Лысенко попалъ въ лазаретъ. Залѣчивъ свои раны и возстановивъ силы, Лысенко снова сталъ въ ряды полка, но уже не вахмистромъ. За мужество, оказанное имъ во время революціи, и храбрость Лысенко былъ награжденъ корнетскимъ чиномъ ¹⁾ со старшинствомъ, отъ 8 апрѣля. Корнетъ Лысенко еще съ бѣльшимъ рвеніемъ продолжалъ нести службу; онъ былъ съ полкомъ во многихъ незначительныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, участвовалъ въ безуспѣшной осадѣ Варшавы, гдѣ наши войска томились безплоднымъ стояніемъ и гдѣ кавалерія не принимала почти никакого участія.

Обширное поле дѣятельности представилось ей въ сраженіи подъ Мацовицами. По переправѣ черезъ Вислу, поляки и русскіе стояли лицомъ къ лицу; сраженіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Русскіе хорошо помнили 6 апрѣля и потому горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Главною приманкою для всѣхъ—было поймать непобѣдимаго генералиссимуса Косцюшку, на котораго поляки возлагали всѣ свои надежды. Не одинъ изъ русскихъ войновъ въ глубинѣ души своей мечталъ тогда завладѣть этимъ завиднымъ трофеемъ. Къ тому поощряло всѣхъ извѣстное будто

¹⁾ Форм. спис. Моск. от. ар. гл. шт. кн. № 244.

бы во всей арміи обѣщаніе императрицы Екатерины большой награды тому, кому удалось бы плѣнить, или убить Косцюшку ¹⁾ Въ числѣ этихъ мечтателей былъ и корнетъ Лысенко. Онъ задумалъ попытаться счастья и постараться не упустить изъ своихъ рукъ польскаго предводителя, если къ тому представится благоприятный случай.

Наканунѣ сраженія, 26 сентября, Лысенко явился къ временно командовавшему полкомъ, бригадиру Э. А. Энгельродту и просилъ разрѣшить ему въ предстоящемъ сраженіи отлучиться отъ полка для поисковъ за главнокомандующимъ польскихъ войскъ генераломъ Косцюшкою ²⁾. Позволеніе это онъ получилъ. На другой день, во время самаго сраженія, Лысенко находился при полку и принималъ участіе въ атакѣ на правый флангъ непріятеля, «гдѣ отлично, храбро поступалъ и нѣсколько непріятелей своеручно срубилъ»; подъ нимъ была убита лошадь ³⁾.

Намѣреніе Лысенки плѣнить главнаго начальника непріятельскаго войска, по отношенію къ Косцюшкѣ легко могло осуществиться. Этотъ генералъ, благодаря своему врожденному мужеству и храбрости, не оставался только спокойнымъ зрителемъ сраженія—но, обыкновенно, принималъ въ немъ и личное активное участіе, мастерски работая саблею впереди своихъ воиновъ, увлекаая ихъ за собою: подъ его начальствомъ поляки дрались, какъ львы. Корнетъ Лысенко, зная эту особенность непріятельскаго вождя, пользовавшагося большою популярностью и уваженіемъ также среди русскихъ, на этомъ, вѣроятно, и основывалъ свой расчетъ.

Послѣ того какъ поляки были уже окончательно разбиты, когда отступление перешло уже въ безпорядочное бѣгство, и русская кавалерія пустилась ихъ преслѣдовать, Лысенко, поймавъ одну изъ бродившихъ по полю лошадей и пользуясь разрѣшеніемъ своего командира, отдѣлился отъ полка, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ дѣло. Онъ началъ объѣзжать поле сраженія, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ бродили казаки и занимались грабежомъ.

Подъѣхавъ къ одному лежащему раненому поляку, Лысенко спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ могъ быть въ то время Косцюшко.—«Онъ долженъ быть тутъ не далеко»,—отвѣчалъ съ гордостью полякъ,—«онъ у насъ поле сраженія оставляетъ послѣднимъ; теперь, вѣроятно, скрывается въ ближайшей рошѣ» ⁴⁾. Получивъ такой отвѣтъ, Лысенко поговорилъ нѣсколькихъ человекъ ѣхать на поиски съ нимъ и направился

¹⁾ «Ист. Вѣст.» 1893 г. ноябр., стр. 484.

²⁾ Указъ объ отставкѣ, подписанный гр. Беннигсеномъ 25 сент. 1816 г.

³⁾ Мос. от. ар. гл. шт. кн. № 244.

⁴⁾ «Ист. Вѣст.» 1893 г. 11 кн., 484.

въ ту сторону, куда бѣжали поляки (по направленіи къ д. Соболево). Въ полумилѣ отъ замка ¹⁾ онъ замѣтилъ, что по роцѣ пробирается кучка всадниковъ, числомъ въ 10 человекъ, въ богатыхъ мундирахъ и на отличныхъ лошадяхъ. Последнее обстоятельство заставило его предположить, что это и есть польскій герой со своимъ штабомъ. Лысенко рѣшилъ ударить на нихъ, несмотря на превосходство силъ съ противоположной стороны. Два казака не согласились, не послушались приказанія офицера, вида перевѣсъ на сторонѣ непріятеля, и повернули назадъ. Съ Лысенкою остались только два казака конвоя Ферзена — Ѳеодоръ Топилинъ и Николай Лосевъ ²⁾ да два рейтара (гусара) ³⁾. Считая самого Лысенку, силы нашихъ храбрецовъ были ровно вдвое слабѣе — пять противъ десяти; но, впрочемъ, одинъ Ѳеодоръ Ильичъ стоилъ нѣсколькихъ, благодаря своей силѣ и ловкости. Эта кучка храбрецовъ стремительно бросилась на поляковъ, которые начали было уходить, но послѣ оборотились и дали по преслѣдовавшимъ залпъ изъ пистолетовъ, не принесшій никакого вреда. Лысенко собственноручно положилъ на мѣстѣ четырехъ противниковъ, но и самъ былъ раненъ; всадникъ, нанесшій ему рану, былъ разрубленъ имъ «на-двое» ⁴⁾. И такъ, одинъ Лысенко сразу уравнивалъ силы сражавшихся. Оставшіеся пять поляковъ, устрешенные такимъ богатыремъ, повернули коней и пустились уходить. Лысенко поскакалъ за однимъ, одѣтымъ въ скромный мундиръ, и, догнавъ, на всемъ скаку, ударилъ его два раза саблею «по затылку и по спивѣ», послѣ чего тотъ и повалился съ лошади. Покончивъ съ этимъ, по счету шестымъ, Лысенко полетѣлъ далѣе за другимъ всадникомъ, одѣтымъ въ богатый мундиръ, принимая его за предметъ своихъ исканій, и загналъ его въ болото. Подскакавъ къ нему, онъ спросилъ: «Ты — Косцюшко». — «Нѣтъ, я его адъютантъ, а ты Косцюшку вонъ тамъ повалилъ». Обезоруживъ адъютанта, Лысенко поспѣшилъ къ распростертому на землѣ герою. Получивъ хотя не смертельные, но полновѣсные удары, отъ которыхъ онъ потерялъ сознаніе, Косцюшко не успѣлъ, конечно, сказать той цвѣтистой фразы — «Finis Poloniae», — которую приписываютъ ему нѣкоторые писатели. Подлѣхавъ къ раненому, Лысенко нашелъ тамъ Топилина и Лосева, которые принялись уже его обирать ⁵⁾.

Костомаровъ говоритъ, что казаки сняли съ пальца Косцюшки два перстня и начали уже снимать третій съ изображеніемъ девиза поль-

¹⁾ Воен.-уч. ар., от. I № 1220.

²⁾ Донесеніе Ферзена. Воен.-уч. ар., от. I № 1221.

³⁾ «Воен. Журналъ» 1811 г., XII, стр. 65.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Н. Костомаровъ, «Посл. годы Рѣчи Поспол.», т. II, стр. 604.

скаго повстанія — краковской шапки, при чемъ раненый машинально сжалъ палецъ. Видѣвшій это офицеръ (Лысенко), присмотрѣвшись, закричалъ: «Это — Косцюшко!» — «Я — Косцюшко, — воды», проговорилъ тотъ.

Позволяемъ себѣ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ первому разсказу, выясняющему, какъ узналъ Лысенко въ поверженномъ имъ всадникѣ начальника польскихъ войскъ. Но врядь ли только-что произведенный въ корнеты вахмистръ, едва умѣвшій читать и писать, и зналъ, что девизомъ повстанія было принято изображеніе краковской шапки. Къ тому же это и не служило бы доказательствомъ еще и потому, что подобный девизъ могли носить и другіе генералы. Приведенный разсказъ Костомаровъ, очевидно, записалъ по однимъ польскимъ источникамъ ¹⁾. Такъ или иначе узнанный, Косцюшко сдѣлался предметомъ особенныхъ заботъ со стороны своихъ плѣнителей: въ немъ видѣли и генерала, пользовавшагося большимъ уваженіемъ даже среди непріятелей, и драгоценнѣйшую добычу, о которой слѣдовало позаботиться. Косцюшко, притомъ, оказался еще раненымъ казацкими пиками.

Его бережно перенесли въ лагерь русскихъ войскъ и помѣстили въ замкѣ вмѣстѣ съ прочими плѣнными генералами. Прийдя въ себя, Косцюшко изъявилъ желаніе видѣть того героя, которому удалось его плѣнить. Предъ нимъ предсталъ молодецъ-корнетъ, правда, уже не первой молодости — ему тогда было 43 года, — но мужественный на видъ, красавецъ собою, силачъ, положившій на мѣстѣ половину бывшихъ съ диктаторомъ поляковъ.

Не совѣстно было бы никому попасть въ руки такого гиганта, и Косцюшко только молча пожалъ руки своему побѣдителю ²⁾.

У Костомарова ³⁾ говорится, что честь плѣненія Косцюшки принадлежитъ не одному Лысенкѣ, а также и корнету Елисаветградскаго полка Смородскому ⁴⁾. Но въ представленіи отличившихся въ этомъ сраженіи и въ реляціяхъ говорится такъ: корнетъ Лысенко, «при замкѣ Маціовицкомъ главнокомандующаго польскихъ войскъ ранилъ два раза саблею, поймалъ и съ другими оберъ-офицерами представилъ» ⁵⁾. Въ представленіи Рахманова говорится о поручикѣ Харьковскаго полка Пастуховскомъ и корнетѣ Лысенкѣ такъ: «(отличили себя), преслѣдовавши непріятеля съ особливою храбростью

¹⁾ Pamiętniki Księdza Kitowicza, изд. 1845 г., т. II.

²⁾ «Отеч. Зап.» 1822 г., ч. XII, стр. 60.

³⁾ „Посл. годы Рѣчи Пос.“ т. II, стр. 607.

⁴⁾ Говоря объ этомъ, нашъ почтенный историкъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія; ему же, очевидно, не были извѣстны тѣ источники, которыми пользовались мы.

⁵⁾ Мос. от. ар. гл. шт., оп. 193 св. 85 и 86

и схвативши самого начальника Косцюшку, котораго изъ нихъ Лысенко, видя старавшагося спастись, догнавъ, два раза саблею ранилъ и не допустилъ скрыться» ¹⁾). Въ письмѣ же къ редактору «Военнаго Журнала» Лысенко, между прочимъ, пишетъ, что Пастуховскій не участвовалъ при нападеніи только потому, что потерялъ предъ тѣмъ свою лошадь. Наконецъ, г. Масловскій говоритъ, что въ плѣненіи Косцюшки принималъ участіе поручикъ Харьковскаго полка Потбѣскій ²⁾), но такого офицера въ полку этомъ никогда и не было. Смѣшиваетъ онъ его, вѣроятно, съ Пастуховскимъ (въ полкъ поступилъ поручикомъ изъ сержантовъ л.-гв. Семеновскаго полка въ 1793 г., и 1797 г., въ чинѣ ротмистра, вышелъ въ отставку).

Офицеры — Пастуховскій, Смородскій и Пономаревъ (Ахтырскаго легкоконнаго п.) ³⁾), которые вмѣстѣ съ Лысенкою представили плѣнника Ферзену, по всѣмъ видностямъ, съѣхались къ мѣсту схватки и плѣненія Косцюшки по окончаніи уже всего, когда Лысенко, узнавъ въ раненомъ польскаго вождя, хлопоталъ, приводя его въ чувство, когда бѣгали за водою и устроивали изъ казацкихъ пикъ носилки для переноски раненаго въ замокъ. О нихъ, какъ объ участникахъ только въ представленіи плѣнника, и говорится вездѣ во всѣхъ реляціяхъ и спискахъ объ отличившихся и награжденныхъ.

Главнымъ, значить, трофеемъ этой знаменитой битвы былъ Косцюшко, и честь взятія его въ плѣнъ принадлежитъ Харьковскому полку. Этимъ отличія его еще не ограничились: поручику Адамову посчастливилось захватить въ плѣнъ генерала Іосифа Сѣраковскаго ⁴⁾), имѣвшаго среди поляковъ также большое значеніе. Генераль этотъ предводительствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ войскъ, разстроенная часть котораго присоединилась къ Косцюшкѣ послѣ пораженій, нанесенныхъ Суворовымъ у Кобриня (4-го сентября), Крупчиць (6-го) и у Бреста (съ 7-го на 8-е). Въ числѣ отличившихся упоминается еще Харьковскаго же полка корнетъ Ларинъ, который при сближеніи второй линіи съ непріателемъ, выстроивши быстро свой взводъ, первый стремительно атаковалъ поляковъ ⁵⁾ и увлекъ своимъ примѣромъ другихъ. Изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ одну взялъ во время преслѣдованія вахмистръ Иванъ Фигорошевъ, за чтò и вообще за оказанную въ этомъ сраженіи храбрость онъ былъ произведенъ въ корнеты ⁶⁾).

Узнавъ о блестящей побѣдѣ, одержанной Ферзеномъ, сразу измѣ-

¹⁾ Ibidem, оп. 200 св. 52.

²⁾ „Воен. Сбор.“ 1893 г. № 12, стр. 15.

³⁾ Ibidem оп. 198 № 86.

⁴⁾ Ibidem и оп. 200 св. 52.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem, оп. 193 № 86 и оп. 15 № 687.

нившей нѣсколько сомнительное положеніе русскихъ въ Польшѣ, императрица не замедлила выказать свою радость раздачею всѣмъ щедрыхъ наградъ. Ферзенъ за 29-ое сентября получилъ большой крестъ Св. Владиміра, Георгія 2-го класса, а за переправу чрезъ Вислу, бывшую 26-го,—шпагу съ алмазами; генералъ Рахмановъ—большой крестъ Св. Владиміра, Георгія 3-го класса и т. д. По высочайшему повелѣнію, всѣмъ важнѣйшимъ чинамъ корпуса, бывшимъ 26-го сентября при переправѣ и участвовавшимъ въ битвѣ 29-го сентября, приказано было выдать по одному рублю изъ экстраординарной суммы, находившейся въ распоряженіи Ферзена ¹⁾. Но съ исполненіемъ этого приказанія онъ почему-то не спѣшилъ, такъ какъ изъ дѣлъ видно, что нѣкоторые полки не получили этихъ денегъ даже еще въ 1797 году ²⁾, т. е., когда Екатерина уже умерла и у Ферзена не было уже той суммы, да и многихъ участниковъ переправы и битвы въ полкахъ уже не было. За отличіе въ этомъ сраженіи были произведены Харьковскаго полка (это производство состоялось только чрезъ годъ, но со старшинствомъ 29 сен. 1794 г.) пять кадетовъ и два вахмистра въ корнеты и три поручика въ ротмистры ³⁾. Въ числѣ же награжденныхъ, къ удивленію, нѣтъ поручика Адамова, несмотря на его выдающійся подвигъ — взятіе въ плѣнъ Сѣраковскаго. Произведенъ былъ также въ подполковники премьеръ-маіоръ Каменевъ, такъ успѣшно исправившій разрушенные мосты. Но въ послужномъ его спискѣ говорится, что награжденъ онъ былъ Румянцевымъ чиномъ не за это отличіе, а только за то, что онъ, Каменевъ, привезъ ему «радостную вѣсть о побѣдѣ». За это же самое Румянцевъ произвелъ и другаго вѣстника побѣды и плѣненія Косцюшки — поручика Легко-Гренадерскаго батальона Енохина ⁴⁾, за которымъ не числится никакихъ подвиговъ и отличій, кромѣ путешествія къ Румянцеву на повозкѣ. Значить, отличіе Каменева, имѣвшее благотворное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, и Адамова, лишившее поляковъ хорошаго генерала,—остались ненагражденными, тогда какъ другіе офицеры награждались щедро за самыя заурядныя отличія—какъ за то, что «поступалъ мужественно, какъ порядочному офицеру надлежитъ», а то и безъ всякаго поясненія подвиговъ и отличій.

Произведенъ былъ наравнѣ съ прочими, мало чѣмъ себя отличившими, и корнетъ Лысенко въ поручики, причѣмъ это состоялось тоже чрезъ годъ только. Вообще, подвигъ Лысенки не былъ оцѣненъ и на-

¹⁾ Ibidem, оп. 196 св. 8.

²⁾ Ibidem, оп. 200 св. 42.

³⁾ Ibidem, оп. 15 № 687.

⁴⁾ Ibidem, оп. 196 св. 8.

гражденъ по достоинству, какъ того слѣдовало бы ожидать. Только гр Румянцевъ въ послѣдствіи, видимо это сознавая, прислалъ ему отъ себя 500 червонныхъ, изъ которыхъ безкорыстѣйшій герой нашъ роздалъ часть своимъ «соратникамъ», а 200 червонныхъ храброму поручику Пастуховскому ¹⁾).

Плѣннаго Косцюшку нужно было везти въ Петербургъ: Эта честь, сулившая большія награды отъ императрицы, принадлежала безспорно Лысенкѣ, и онъ былъ назначенъ для этого. Какъ только Косцюшко оправился настолько, что могъ ѣхать, Лысенко повезъ его, полный надеждъ, въ Петербургъ. По дорогѣ имъ пришлось на вѣкоторое время задержаться, ибо, вслѣдствіе утомленія, раны, едва зажившія, открылись у Косцюшки снова.

Между тѣмъ, со времени отъѣзда Лысенки изъ арміи, надъ его головой стряслась какая-то бѣда, которою онъ, по всей вѣроятности, былъ обязанъ интригамъ и зависти. Его обвинили въ томъ, что онъ будто бы, безъ всякой нужды во время преслѣдованія, ранилъ дважды Косцюшку. Это обвиненіе послужило основаніемъ для того, что Фёдора Ильича вернули съ дороги, а вмѣсто его везти Косцюшку далѣе назначили Кіевскаго Гренадерскаго полка маіора Титова ²⁾), которому было выдано на путевыя издержки три тысячи рублей. По другому источнику (Рукопись Гуслистаго) ³⁾), Лысенко не повезъ Косцюшку въ Петербургъ, а только былъ отправленъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, его вернули и замѣнили сыномъ Ферзена. Г. Я. Гуслистый, который слышалъ рассказъ о плѣненіи Косцюшки отъ самого Лысенки въ 20-хъ годахъ, но записалъ его только въ 1861-мъ, говорить, что онъ былъ отданъ даже подъ судъ, отъ котораго съ трудомъ и не скоро отдался; его оправдали, но все-таки «выгнали со службы». Но этого, на самомъ дѣлѣ, не было, ибо во всѣхъ аудиторскихъ спискахъ съ 1794 по 1798 годъ, просмотрѣнныхъ нами самымъ тщательнымъ образомъ въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба, не находится ни одного извѣстія объ этомъ. Между тѣмъ, въ эти списки дѣло Лысенки, если оно было начато, неминуемо должно было бы попастьъ. Доказательствомъ того же служатъ всѣ формулярные списки и мѣсячные рапорты тѣхъ полковъ, въ которыхъ въ разное время служилъ Фёдоръ Ильичъ; въ нихъ, въ графѣ о бытіи подъ слѣдствіемъ и судомъ, вездѣ стоитъ «не бывалъ», а нахожденіе офицера подъ судомъ или слѣдствіемъ во

¹⁾ «Восн. Жур.» 1811, ч. XII, стр. 65.

²⁾ Моск. от. ар. глав. шт., оп. 193 св. 85.

³⁾ Рукопись эта была въ распоряженіи автора статьи «Забитый Герой» („Историч. В.“ 1893 г. кн. II), въ которой онъ приводитъ изъ нея вѣкоторыя выдержки цѣликомъ, почему мы и позволяемъ себѣ говорить такъ.

всякомъ случаѣ вносились въ формулярный его списокъ, хотя бы онъ и былъ оправданъ ¹⁾. Неопровержимымъ документомъ является и указъ объ отставкѣ ротмистра Лысенки (отъ 25 сент. 1816 г.), подписанный гр. Веннигсеномъ, откуда мы и почерпаемъ наши свѣдѣнія, а здѣсь говорится ясно, что «въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ» ²⁾. Со службы Лысенко также выгнанъ не былъ, а изъ Харьковскаго полка былъ переведенъ по собственному желанію въ Переяславскій Конно-Егерскій полкъ (15 нояб. 1796 г.); по расформированіи же этого послѣдняго, былъ опредѣленъ въ Гусарскій Боура полкъ (Павлоградскій) (въ 1797 г. 4 іюля). Высочайшимъ же приказомъ 17 ноября 1798 года уволенъ въ отставку по болѣзни и по прошенію штабсъ-ротмистромъ ³⁾ съ мундиромъ и пенсіономъ половиннаго оклада. По суду такъ въ отставку не увольняютъ. Печатными источниками о Лысенкѣ являются выдержки изъ упомянутой рукописи Гуслистаго и статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1822 года. Хотя объ эти статьи и составлены были на основаніи личныхъ разказовъ Лысенки, но какъ въ одной, такъ и другой много явныхъ неточностей, чему нельзя удивляться, принявъ во вниманіе, что Гуслистый записалъ свой разказъ не сейчасъ послѣ того, какъ слышалъ его. Несправедливо отнеслось начальство къ Лысенкѣ, такъ мало наградивъ его блистательный и важный своими послѣдствіями подвигомъ. Соверши что-либо подобное другой офицеръ, у кого были бы вліятельные родные или какая-либо протекція, то, конечно, онъ былъ бы осыпанъ наградами и пошелъ бы далеко. У бѣднаго же Лысенки не было рѣшительно никого, кто бы могъ похлопотать за него. Единственнымъ лицомъ, обязаннымъ это сдѣлать, являлся командиръ полка, но командиры полковъ того времени при «неограниченности власти, которую они себѣ присвоили», дѣлали тогда, что хотѣли, и занимались единственно только своимъ обогащеніемъ и немилосердно выжимали изъ полка послѣдніе соки, производя «грабежъ наглый людей», а о подчиненныхъ своихъ не заботились вовсе. «Офицеры находились въ рабствѣ подъ тиранническимъ правленіемъ полковниковъ» и были въ полной зависимости отъ ихъ произвола. Бывшихъ у нихъ въ фаворѣ и умѣвшихъ къ нимъ поддѣлаться они осыпали всѣмъ—наградами, производствомъ, самовольно включая въ комплектъ, обходя стар-

¹⁾ Петрушевскій. „Генер. Сув.“ т. II, стр. 187.

²⁾ Два аттестата и этотъ важный документъ любезно были предоставлены въ наше распоряженіе г-жею А. И. Томилиной, за что и приносимъ ей глубочайшую благодарность. Этимъ не пользовался г. Адриановъ, авторъ статьи „Забытый Герой“, а также и тѣмъ архивнымъ матеріаломъ, который былъ собранъ нами.

³⁾ Мос. от. ар. гл. шт. Вѣдомость полка № 284 и указъ объ отставкѣ.

шихъ, и позволяли нѣкоторымъ по нѣскольку лѣтъ сряду быть въ отлучкахъ. Офицеры, не пользовавшіеся благоволеніемъ своихъ полковниковъ, были въ загонѣ и лишены иногда даже того, что имъ полагалось по закону ¹⁾.

Не менѣе несправедливо отнеслась къ Лысенѣ и исторія, забывъ чрезъ нѣсколько уже лѣтъ его имя, когда онъ самъ еще жилъ, влача свое существованіе въ бѣдности. Съ терпѣніемъ переносилъ и покорялся Ѳедоръ Ильичъ той несправедливости, съ которою съ нимъ обошлись, на напоминанія ничѣмъ о себѣ; но онъ былъ возмущенъ до глубины своей незлобивой души тѣмъ, что даже честь плѣвенія Косцюшки стали приписывать другому лицу. Перенести такого нравственнаго удара онъ уже не могъ. Приведемъ здѣсь въ подлинникъ письмо его, написанное имъ въ 1811 году редактору издававшагося тогда «Военнаго Журнала», гдѣ онъ просилъ его путемъ печати возвратить ему должное. Письмо это краснорѣчиво покажетъ читателю то душевное настроеніе несправедливо обиженнаго человѣка, какое долженъ былъ переносить вѣрный слуга отечества, не разъ въ безпрестанныхъ бояхъ проливавшій за него кровь и оказавшій ему неоцѣненную услугу, въ награду за которую оно его такъ скоро забыло.

«Недавно—пишетъ Ѳ. И. Лысенко—мнѣ попалась книга «Жизнь и военныя дѣйствія генералиссимуса кн. итальянскаго гр. Суворова Римникскаго», изданная Максимомъ Парпурую. Спб. 1800 г. Я началъ читать ее съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ всякій истинный гражданинъ долженъ взирать на дѣла великаго своего соотечественника и героя подъ начальствомъ котораго служилъ съ честью. Но какое было мое неудовольствіе, когда нашелъ я въ ней, на страницѣ 70, что знаменитый Косцюшка взятъ въ плѣвъ какимъ-то Харьковскаго легкоконнаго полка корнетомъ Пилипенкомъ. Служивъ 15 лѣтъ въ семъ полку, я никогда не слышалъ даже про такое имя; не удовлетворяясь симъ, я отправился въ военную коллегію и взятымъ изъ оной свидѣтельствомъ, которое при семъ прилагаю, удостовѣрился, что такого корнета дѣйствительно въ семъ полку никогда не бывало. Что же касается до Косцюшки, то при семъ прилагаю подлинный указъ о моей отставкѣ и аттестаты роднаго Вашего дяди генералъ-маіора Гав. Мих. Рахманова. Изъ сихъ бумагъ Вы усмотрите, что знаменитаго Косцюшку взятъ въ плѣвъ Харьковскаго же легкоконнаго полка корнетъ, но не Пилипенко, а я, ударивъ съ двумя рейтарами и двумя казаками на его конвой, состоявшій изъ десяти человѣкъ, низложивъ четырехъ собственною рукою, получивъ самъ рану, изрубивъ на двою нанесшаго мнѣ оную и равнивъ самого Косцюшку. Поступокъ мой былъ гласенъ въ цѣлой арміи,

¹⁾ «Рус. Арх.» 1879 г., стр. 367. Ржевусскій „Равныя замѣч. о сл. арм.“

и я награжденъ за оный чиномъ поручика, да впоследствии гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій прислалъ мнѣ 500 червонныхъ, изъ которыхъ я удѣлилъ часть своимъ соратникамъ и 200 червонныхъ храброму поручику Пастуховскому, который при упомянутомъ нападеніи потерялъ свою лошадь и единственно отъ того не участвовалъ въ нашемъ подвигѣ».

«Двадцать лѣтъ служилъ я своему отечеству, двадцать лѣтъ блисталъ мечъ мой въ бояхъ и на приступахъ и, наконецъ, рѣшилъ судьбу государства, которое нѣкогда потрясало Россію; теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, когда хладная старость уноситъ остатокъ силъ моихъ, когда несчастный жребій мой оставилъ меня на жертву ужасающей бѣдности, больно видѣть, что даже самая исторія не отдаетъ должной справедливости тому, который презиралъ смерть, чтобы жить въ потомствѣ. Если духъ Вашъ соотвѣтствуетъ Вашему званію воина и россиянина, то подвиги воинскіе должны быть драгоцѣнны сердцу Вашему, и скорбь моя должна тронуть душу Вашу. Вступитесь за соотечественника Вашего, вступитесь за истину, успокойте бѣднаго воина, который посѣдѣлъ во браняхъ, неоднократно проливалъ кровь свою за отечество и, страдая подъ игомъ нищеты, молитъ, чтобы хотя имя его не было сокрыто отъ потомства» ¹⁾.

Редакторъ поспѣшилъ исполнить просьбу Лысенки, напечатать письмо, и прибавилъ отъ себя: «Съ великимъ удовольствіемъ сообщаемъ здѣсь письмо сіе. Мы читали всѣ аттестаты и указъ объ отставкѣ штабс-ротмистра Лысенки, видѣли свидѣтельство Государственной Военной Коллегіи о знаменитомъ его подвигѣ, имѣвшемъ вліяніе на благосостояніе отечества» ²⁾.

Но этотъ разъ слава Лысенки была возстановлена, но нашлись люди, которые не въ силу легкаго отношенія къ историческимъ событіямъ и не вслѣдствіе случайно вкравшейся ошибки (какъ въ книгѣ Парпуры), а умышленно вознамѣрились оттягать отъ него славу его завиднаго для всякаго воина подвига. Такимъ претендентомъ явился атаманъ Денисовъ, который въ своихъ запискахъ говорить, что Косцюшку взяли въ плѣнъ казаки его команды, т. е., значить, въ нѣкоторомъ родѣ, онъ. Въ его запискахъ очень картинно, подробно и, повидимому, правдиво повѣствуется объ этомъ событіи. Но Денисовъ, вѣроятно, предвидѣлъ возможность сомнѣнія въ справедливости его разсказа, если счелъ почему-то необходимымъ начать его слѣдующими словами: «Разскажу благосклонному читателю по сущей справедливости, по строгому разысканію, мною произведенному, и по точнымъ доказатель-

¹⁾ «Воен. Журн.» т. XII, стр. 66.

²⁾ Ibidem.

ствамъ отъ бывшихъ при томъ казаковъ, собраннымъ о томъ, какъ взять польскій начальникъ Косцюшко» ¹⁾). Окончивъ описаніе подробности плѣненія, онъ увѣряетъ за чѣмъ-то читателя, что описалъ его «безъ малѣйшей посторонней матеріи». Мы собственно не считаемъ нужнымъ съ своей стороны приводить доказательства того, что весь рассказъ Денисова отъ начала и до конца расходится съ истинною, разъ потому, что это вполнѣ обстоятельно сдѣлалъ уже г. Адриановъ, а съ другой стороны, стоитъ ли возражать что-либо человѣку, который самъ себя поетъ такой панегирикъ: «Я совершенно удаленъ отъ интригъ. Политики я не придерживался и не любилъ ея, должность мою я съ исключительнымъ усердіемъ исполнялъ. Дѣла мои шли хорошо, а самое лучшее то, что непріатели столько меня уважали, что ежели я атакую ихъ казаками, и они о семъ узнаютъ, то за лучшее считаютъ, изъ почтенія, бѣжать» ²⁾). Не можемъ, впрочемъ, удержаться, чтобы не привести еще одно мѣсто изъ «правдивыхъ» записокъ. Денисовъ, позванный будто-бы казакомъ, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ ему указали на одного лежащаго на землѣ раненаго поляка, говоря, что это и есть Косцюшко. Но атаману понадобилось, чтобы удостовѣриться, сличить популярнаго диктатора съ имѣвшимся при немъ портретомъ («хотя (онъ) и зналъ нѣсколько Косцюшку»). Когда раненый пришелъ въ сознаніе, майоръ Денисовъ сказалъ ему, что его знаетъ. На это генералъ Косцюшко, только-что открывшій глаза, страшно ослабѣвшій отъ потери крови, будто бы отвѣтилъ: «И я васъ знаю—вы полковникъ Денисовъ» (!) ³⁾).

Отправивъ плѣннаго въ лагерь къ главнокомандующему, самъ атаманъ, по его словамъ, пустился преслѣдовать далѣе поляковъ. Но трудно допустить, чтобы этотъ майоръ, такъ ревниво выставляющій на каждомъ шагѣ свои заслуги, въ запискахъ котораго такъ и сыплются выраженія «срубилъ», «прокинулъ», предъ которымъ обыкновенно всѣ «изъ почтенія» бѣгутъ, упустилъ бы такой удобный случай и не довезъ бы самъ столь знаменитую добычу представить начальству. Но неопровержимымъ доказательствомъ, противъ котораго уже ничего возразить нельзя (и что Денисовъ упустилъ изъ вида), служатъ подлинныя формуляры, реляціи, списки отличившихся съ подробнымъ описаніемъ подвиговъ cadaго. Все это хранится въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба и тщательно нами просмотрѣно. Въ представленіяхъ же о донскихъ казакахъ, отличившихся въ сраженіи при Маціовицахъ, нигдѣ не говорится, чтобы Косцюшко былъ взятъ въ плѣвъ ими, а тѣмъ

¹⁾ «Рус. Стар.» 1874 г., стр. 407—409.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, стр. 406.

богѣ Денисовымъ, какъ онъ повѣствуетъ. Тамъ нѣтъ даже казаковъ Топилина и Лосева, но это потому, что они состояли при Ферзенѣ. О самомъ же маіорѣ Логвинѣ Денисовѣ говорится такъ: «отличилъ себя во многихъ сраженіяхъ и при изложеніи и плѣненіи оставшихся мятежныхъ польскихъ войскъ», за что и производится въ подполковники ¹⁾. Это представленіе послѣдовало по окончаніи уже войны, а въ числѣ отличившихся при Маціовицахъ нѣтъ нигдѣ ни Денисова, ни его казаковъ. Впрочемъ, самъ атаманъ плачется и сѣтуетъ на то, что его не наградили за совершенный имъ на бумагѣ подвигъ: «я обойденъ и обиженъ предъ всѣми!» Но это ему необходимо было, конечно, прибавить для полноты картины, явче читатель могъ бы задаться вопросомъ, чѣмъ же наградили героя.

Такимъ образомъ, приведя всѣ вышензложенныя доказательства, основанныя на точныхъ документальныхъ данныхъ, мы считаемъ Лысенку единственнымъ виновникомъ плѣненія Косцюшки. Остается только невыясненнымъ, почему Фёдора Ильича вернули съ дороги въ Петербургъ, а также, былъ ли онъ въ дѣйствительности туда и командированъ. Къ этому мы имѣемъ основаніе относиться сомнительно, такъ какъ источники, писанные со словъ самого Лысенки, говорятъ же о бытности его подъ судомъ и о томъ, что его выгнали со службы; въ дѣйствительности же ни того, ни другаго не было. Въ письмѣ Лысенки къ редактору нѣтъ ни одного такого слова, которое позволяло бы намъ повѣрить, что, вмѣсто вполне заслуженной имъ большой награды, онъ попалъ подъ судъ. Не выгодно было просто Ферзену, одержавшему такую славную побѣду, особенно уже ярко выставлять подвиги своихъ подчиненныхъ, что могло бы нѣсколько умалить его собственные. При томъ не съ однимъ, вѣдь, Лысенкою поступили несправедливо! Производились и награждались щедро ординарцы и вѣстники побѣды, быть можетъ, видѣвшіе ее только издали, а не награждались въ дѣйствительности отличившіеся. Такъ, не награжденъ же былъ ничѣмъ поручикъ Адамовъ, взявшій въ плѣнъ генерала Сѣраковскаго, несмотря на то, что генераломъ Рахмановымъ онъ былъ представленъ Ферзену къ награждѣ. Позволяемъ себѣ надѣяться, что славу Лысенки, которую онъ такъ дорожилъ и которую ревниво охранялъ при своей жизни, намъ удалось до извѣстной степени возстановить и упрочить, послѣ новой попытки Денисова присвоить ее себѣ, когда герой нашъ уже изъ-за могилы самъ вступить за нее не могъ.

Для полной оцѣнки личности Фёдора Ильича необходимо прослѣдить и дальнѣйшую его дѣятельность на военномъ поприщѣ и, вообще, всю его судьбу. Отличія его и рѣвностное служеніе отечеству продолжались

¹⁾ Мос. от. ар. гл. шт., оп. 196 св. 8.

и послѣ битвы при Маціовицахъ. Оставаясь при своемъ полку и участвуя съ нимъ въ дѣлахъ, Лысенко снова обращаетъ на себя вниманіе при штурмѣ Праги, гдѣ Харьковскій полкъ непосредственного участія не принималъ; но корнетъ Лысенко, по собственному своему желанію, въ числѣ другихъ офицеровъ полка, явился охотникомъ въ томъ послѣднемъ, такъ сказать, вздохѣ самостоятельнаго Польскаго королевства, гибель котораго онъ ускорилъ своимъ подвигомъ—взятіемъ въ плѣнъ польскаго диктатора. При замѣчательномъ этомъ штурмѣ Ѳедоръ Ильичъ находился во главѣ охотниковъ, шедшихъ впереди шестой колонны генераль-маіора Рахманова. Онъ храбро и отважно, перейдя волчьи ямы, бросился чрезъ ровъ на валъ и первый взоселъ на него и, увлекая своимъ примѣромъ стрѣлковъ, завладѣвъ имъ, штыками выбивъ оттуда непріятеля ¹⁾. Этотъ его новый подвигъ Рахмановъ, какъ очевидецъ, засвидѣтельствовалъ въ выданномъ ему аттестатѣ ²⁾.

Всѣмъ офицерамъ, принимавшимъ участіе въ штурмѣ Праги и не получившимъ орденовъ Св. Георгія и Владимира, были пожалованы золотые кресты для ношенія на лентѣ съ черными и желтыми полосами ³⁾. Лысенко, въ числѣ двѣнадцати офицеровъ Харьковскаго полка, получилъ право носить такой крестъ и въ спискахъ ⁴⁾ значился, но свидѣтельство ему было выдано только 18 марта 1811 года (подобное опозданіе было не у него одного, а и у многихъ). Прибавляемъ мы это потому, что г. Адріановъ видитъ въ томъ доказательство бывшаго надъ Лысенкомъ суда.

Штурмомъ Праги и занятіемъ города Варшавы завершилась война. Польша, какъ самостоятельное государство, была разобрана сосѣдями по частямъ и исчезла съ карты Европы.

Пробывъ въ отставкѣ съ 1798 по 1812 годъ, во время которой женился и служилъ въ почтамтѣ, 2 декабря 1812 года Ѳедоръ Ильичъ снова поступилъ на военную службу поручикомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ. Съ самаго открытія кампаніи съ французами, Лысенко рвался въ бой, какъ старый кавалерійскій конь, послышавъ сигналъ, но болѣзнь, приковавшая его къ постели, ему того не позволила. Въ войнѣ 1813—1814 годовъ нашъ престарѣлый герой принималъ участіе въ 22 сраженіяхъ, между которыми нѣкоторыя были генеральныя—подъ Бауценомъ и Лейпцигомъ, а также въ многочисленныхъ авангардныхъ дѣлахъ и мелкихъ стычкахъ. За оказанную храбрость въ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры ⁵⁾.

¹⁾ Указъ объ отст.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Указъ 1 янв 1795 г.

⁴⁾ М. от. ар. г. ш., оп. 58 св. 400.

⁵⁾ Ук. объ отст.

Окончательно съ военною службою Лысенко покончилъ только въ 1816 году и вышелъ въ отставку по болѣзни ротмистромъ съ мундиромъ и пенсіономъ половиннаго оклада (170 руб. въ годъ).

На такія ничтожныя деньги Лысенкъ, имѣвшему двухъ дѣтей, существовать было очень трудно, и первое время по выходѣ въ отставку онъ пользовался поддержкою помѣщика Курской губерніи, Сомова, у котораго жилъ со всею семьею. Но, оставшись съ его смертію рѣшительно безъ средствъ, Лысенко, доведенный къ тому обстоятельствами, впервые рѣшился напомнить о себѣ, просить государя не оставить и наградить его за 24 лѣтнюю службу (съ 1778 по 1798 и съ 1812 по 1816 годъ), которую онъ провелъ въ постоянныхъ войнахъ. Императоръ Александръ I, видимо, сознавая, что съ нимъ поступили несправедливо, такъ мало наградивъ полезную его отечеству службу, повелѣлъ Правительствующему Сенату отвести ротмистру Лысенкъ въ награду «ревностной, долговременной его службы 1.000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи» и далъ ему 1.000 руб. единовременнаго пособія на проѣздъ туда¹⁾.

Казалось бы, съ этимъ щедрымъ даромъ должны были окончиться всѣ мытарства злополучнаго Федора Ильича, но онъ былъ несчастливъ во всемъ, и ему положительно не везло. Уже на дорогѣ въ свое имѣніе, какъ вѣкогда въ Петербургъ, его ждало разочарованіе—ему сдѣлался извѣстенъ указъ, запрещавшій раздавать земли въ Саратовской губерніи, въ виду малочисленности земель въ ней. Снова начался для Лысенки рядъ хлопотъ и мытарствъ въ Петербургѣ, куда онъ возвратился, оставивъ семью на дорогѣ, и томился до возвращенія туда императора. Здѣсь онъ заболѣлъ снова и лежалъ въ Обуховской больницѣ, гдѣ служилъ тогда ординаторомъ Г. Я. Гуслистый, слышавшій отъ Лысенки длинную повѣсть его жизни, полную боевыхъ успѣховъ и жизненныхъ неудачъ. Къ сожалѣнію, какъ мы уже говорили, повѣсть эта была записана г. Гуслистымъ только 40 лѣтъ спустя, а такой длинный періодъ времени вполнѣ достаточенъ, чтобы перепутать и передать невѣрно слышанное, о чемъ онъ, впрочемъ, говорить и самъ въ своей рукописи. Въ замѣнъ земли въ Саратовской губерніи, Лысенко получилъ, по приказанію императора, столько же въ Самарской, но, въ виду ея неплодородія, продалъ ее и выручилъ только 800 рублей.

Послѣ этого онъ поселился на родинѣ своей, въ Курской губерніи, гдѣ и умеръ на 82 году своей жизни. И теперь еще въ Тимѣ (Курской губерніи), гдѣ былъ похороненъ Лысенко, сохранилась слѣдующая эпитафія на каменной плитѣ могилы Федора Ильича: «Здѣсь тѣло от-

¹⁾ «От. Зап.» 1822 г., час. 12.

ставнаго ротмистра Ѳеодора Ильича Лысенко родился 1751 года февраля 12 дня, умрѣ 1832 года апрѣля 29 дня жилъ 81 годъ 2 мѣсяца и 17 (17?) дне и въ жизни своей на войнѣ самъ взялъ Костюшку въ плѣнъ» ¹⁾.

Надпись эта подъ вліяніемъ всеокрушающаго времени съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе разборчивою, а слово «Костюшку» сдѣлалось уже неотчетливымъ. Непогоды, ополчившіяся на эту плиту, начали свою работу съ этого слова, какъ бы приходя на помощь завистникамъ славы Ѳеодора Ильича. Вся надпись скоро исчезнетъ, если своевременно о ней не позаботятся.

Теперь, когда со дня Маціовицкой битвы и взятія въ плѣнъ Косцюшки, прошло уже ровно сто лѣтъ, когда поляки устраниваютъ выставку и всячески чествуютъ его память, отдавая тѣмъ полную и заслуженную справедливость честному, безкорыстному и горячему патриоту, какихъ у нихъ было немного, вспомнимъ также и мы своего скромнаго героя и почтимъ его память. Онъ, крестьянинъ по происхожденію, человѣкъ безъ всякаго образованія, не могъ, конечно, равняться съ Косцюшкой, получившимъ блестящее воспитаніе въ Варшавѣ и Парижѣ, отличавшимся широтою своихъ задачъ и своею военно-политическою дѣятельностью, но былъ равенъ ему горячей любовью къ родинѣ и своимъ беззаветнымъ служеніемъ ей.

Евгеній Альбовскій.

---

¹⁾ Въ статьѣ „Забитый Герой“ надпись эта передана не вѣрно, съ ошибками въ датахъ и съ пропускомъ двухъ строкъ, почему мы здѣсь и приводимъ ее цѣликомъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

V. Нѣсколько заключительныхъ словъ ¹⁾.

Въ заключеніе занимающаго насъ обзора писемъ къ барону Н. А. Корфу, считаемъ необходимымъ документально же исправить ошибку большинства его біографовъ, обыкновенно упускающихъ изъ вида, что время послѣ возвращенія изъ заграницы барона Корфа, по энергіи и разнообразію его дѣятельности, ничѣмъ не уступаетъ, такъ сказать, молодому періоду его дѣятельности—до отказа отъ земской службы и отправленія за границу.

По-прежнему увлеченный дѣломъ народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ, немедленно, по возвращеніи на родину, занялся провѣркою познаній лицъ, выпущенныхъ народными школами. Лично занимаясь такою провѣркою въ Александровскомъ и Мариупольскомъ уѣздахъ, Екатеринославской губерніи, баронъ Корфъ привлекъ къ этой же работѣ и другихъ лицъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее письмо графини П. С. Уваровой:

Москва, 17 апрѣля, 1881 г.

Николай Александровичъ!

Я не только узнала Вашъ почеркъ, но даже очень обрадовалась, получивъ наконецъ Ваше письмо послѣ столькихъ лѣтъ; я просто недоумѣвала, что съ Вами случилось, не понимая, отчего Вы молчите, отчего забыли своихъ друзей, свое дѣло, свою родину. Часто, вспоминая о Васъ, что-то не-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1894 года.

доброе шевелилось у меня на сердцѣ; мнѣ чудилось, что Вы на чужбинѣ, среди болѣе легкой, беззаботной жизни въ Швейцаріи, забыли о нашей бѣдной Руси, гдѣ живетъ и темнѣе, и тяжелѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ задушевиѣе и сердечнѣе. Мнѣ мнилось, что Вы покинули насъ на всегда... Но, оказывается, что я ошиблась. Изъ роднаго Нескучнаго, Вы слова вспомнили о Вашихъ друзьяхъ, снова общаете поработать на знакомой Вамъ нивѣ. Отъ души привѣтствую Васъ среди роднаго Вамъ народа, среди знакомой обстановки и отъ души желаю Вамъ еще на многіе годы здоровья и силъ.

Но что за горе, что за тяжелый позоръ надвинулся на насъ за это послѣднее время и неужели мы своимъ легкомысліемъ заслужили все то, что переживаемъ за этотъ мѣсяцъ?

За это послѣднее время не могу ни заниматься, ни читать, ни думать ни о чемъ другомъ...

Много передумано и перечувствовано тоже и по дѣлу пародныхъ школъ; наболѣвшее сердце еще какъ-то легче стало отзываться по этому вопросу, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется необходимость еще большей добросовѣстности, еще большей строгости въ отношеніи къ этому дѣлу. Дѣла этого я не бросала и врядъ ли брошу, доколѣ голова думаетъ, ноги носятъ, а руки работаютъ. Идетъ оно, у меня лично, въ томъ же направленіи, какъ и въ былое время; вообще же — уклоняясь направо и налево и гоняясь за пустыми идеалами, какъ все и вся на святой Руси; много треску, много блеску, а проку мало, очень мало.

Съ удовольствіемъ применю къ Вашему разслѣдованію о познаніяхъ крестьянской молодежи, покинувшей школу, и займусь этимъ изученіемъ въ продолженіе лѣта. Прошу Васъ прислать мнѣ Вашу программу и обѣщавъ собрать Вамъ самыя разнородныя свѣдѣнія. Результатомъ нашихъ послѣдователіи окажется впрочемъ давно знакомый фактъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ школа хороша, тамъ окажется грамотные, гдѣ она плоха — тамъ все забудется безслѣдно и безвозвратно. Врядъ ли возможны у насъ Ваши повторительныя или продолжательныя школы. Вѣдь у насъ и начальныхъ школъ еще слишкомъ мало, да и тѣ, которыя есть, не всегда хороши; крестьянская же молодежь наша въ наѣстные годы такъ занята добываніемъ куска хлѣба, что ей некогда еще разъ думать о школѣ, да и врядъ ли при теперешнихъ вѣяніяхъ это ей будетъ и полезно. Мнѣ казалось бы, что было бы достаточно поставить начальную школу такъ, чтобы ученики, пробывъ въ ней четыре года, прошли курсъ добросовѣстно, обстоятельно и изящно, съ обращеніемъ должнаго вниманія, чтобы не только учитель, но и законоучитель прошли все по программѣ. При такомъ порядкѣ вещей, ученики выходили бы съ осмысленными познаніями и желаніемъ не забывать пройденнаго. При школахъ слѣдовало бы образовывать бібліотеки, которыя и служили бы сами по себѣ повторительными школами или классами. О статьяхъ Вашихъ напишу въ будущемъ письмѣ, ибо и такъ боюсь Вамъ надоесть. Теперь же, оканчивая, скажу пѣсколько словъ о себѣ и своихъ. Мужъ по-прежнему преданъ своему дѣлу, своимъ кабинетнымъ занятіямъ по изученію памятниковъ родной старины. Старшій сынъ переходитъ на третій курсъ филологическаго факультета и въ особенности интересуется исторіей. Второй, тотъ, котораго Вы видѣли въ Карлсбадѣ, переходитъ въ 8-й классъ классической гимназіи. Третій — будетъ весной держать экзаменъ въ 5-й классъ гимназіи, но не для того, чтобы поступить, а для того, чтобы провѣрить знанія. Четвертый — еще малъ: ему одиннадцать лѣтъ. Дочь старшая окончила свое воспитаніе и съ

особеннымъ вкусомъ занимается живописью; она весьма серьезно и критически относится къ жизни, но нисколько не похожа на нашу теперешнюю молодежь. Второй дочери тоже уже 16 лѣтъ; она еще учится. Не стаю разбирать подробнѣе характеры и наклонности дѣтей; это повело бы слишкомъ далеко, ибо нѣтъ между ними ни одного, который походилъ бы на другаго, который былъ бы повтореніемъ другаго.

Ованчиваю. Жму Вамъ руку, прошу не забывать и писать, когда время будетъ. Кстати, чуть-чуть не забыла: Вы собираетесь на выставку, но выставки не будетъ. Если же соберетесь въ наши края, то застанете меня въ Москвѣ до 10-го іюня, такъ какъ экзамены сыновей не окончатся раньше. Порѣчь же отстоитъ отъ Москвы на 150 верстъ; ѣхать слѣдуетъ по смоленской желѣзной дорогѣ (четыре часа) и 20 верстъ въ экипажѣ съ Уваровской станціи. Насъ надо предупредить, мы вышлемъ лошадей. Тысячу поклоновъ и пожеланій.

Графиня Уварова.

Въ томъ же 1881 году, графиня Уварова, по программѣ и указаніямъ барона Н. А. Корфа, произвела испытанія бывшихъ учениковъ народныхъ школъ въ губерніяхъ Смоленской, Владимірской и Московской. То же было сдѣлано въ Таврической губерніи К. В. Ковалевскимъ, занимавшимъ постъ помощника предводителя дворянства. Всего же въ пяти губерніяхъ было испытано около 500 человекъ взрослыхъ крестьянъ, явившихся, понятно, совершенно добровольно для испытанія. Указанная провѣрка привела барона Корфа къ совершенно основательному заключенію, что лица, оканчивающія народныя школы въ очень молодомъ возрастѣ (около 12-ти лѣтъ), при вступленіи въ юношескій возрастъ, обязательно должны проходить повторительный курсъ, для освѣженія и укрѣпленія ранѣ сообщенныхъ имъ школою знаній. Имѣя обыкновеніе во всемъ переходить отъ слова къ дѣлу, баронъ Корфъ устроилъ у себя на родинѣ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ и выпустилъ въ свѣтъ «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ» (1882 г., цѣна 50 коп.).

Это нововведеніе въ нашемъ школьномъ дѣлѣ до сихъ поръ еще остается неосцѣненнымъ по достоинству. Рано или поздно, однако, оно сдѣлается повсемѣстнымъ, какъ необходимое дополненіе къ существующей народной школѣ. Въ свое время баронъ Корфъ сильно заинтересовалъ этимъ оригинальнымъ, дѣльнымъ починомъ русское общественное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія два слѣдующія письма барона Николая, бывшего тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Первое письмо его (когда онъ и былъ министромъ просвѣщенія) относится къ 1881 году.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ!

Не ошибаетесь Вы въ увѣренности Вашей, что я сочувствую всякому правильному общественному участію въ дѣлѣ народнаго образованія, и готовъ, въ предѣлахъ своихъ правъ и обязанностей, оказывать ему всякое за-

конное содѣйствіе; въ особенности желаю, чтобы Вы лично были увѣрены въ томъ искренномъ уваженіи, съ которымъ я отношусь къ Вашей многолѣтней дѣятельности на этомъ поприщѣ. Присутствовать въ собраніи, въ которомъ Вы дѣлаете сообщеніе, всегда будетъ для меня и интересно и пріятно; но желалъ бы также, чтобы Вы со мною согласились, что и отсутствіе мое можетъ происходить не только отъ того, что я уклоняюсь отъ собранія, но и отъ того, что оно отъ меня, безъ намѣренія, уклоняется. Я не могу безразлично располагать недѣлей, днемъ и часомъ; третьяго дня меня удержали служебныя дѣла; сегодня же потребовали съ докладомъ въ Гатчину, и вечеръ у меня не свободенъ. Поэтому я опять долженъ ограничиться выраженіемъ моего сожалѣнія, что не могу прибыть въ засѣданіе вольнаго экономическаго общества, для слушанія Вашего интереснаго сообщенія, и надѣюсь, что сообщеніе это будетъ напечатано, и что я, хотя этимъ путемъ, успѣю съ нимъ ознакомишься.

Прошу принять увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности
Баронъ Николай.

29 декабря

С.-Петербургъ. 30 марта, 1882 г

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Почтениѣйшее письмо Ваше отъ 22 сего марта, адресованное къ министру народнаго просвѣщенія, встало меня уже частнымъ человѣкомъ; но, тѣмъ не менѣе, такимъ же сочувственнымъ свидѣтелемъ Вашей неутомимой, полезной дѣятельности въ пользу народнаго образованія; а потому, узнавъ, съ искреннимъ удовольствіемъ, объ успѣхѣ, которымъ сопровождалось учрежденіе воскресныхъ повторительныхъ школъ для учившихся крестьянъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поблагодарить Васъ за это сообщеніе и выразить надежду, что перемѣна лица во главѣ народнаго просвѣщенія не уменьшитъ того содѣйствія Вашими полезными начинаніямъ, которыя я радъ былъ имъ оказывать, когда такая пріятная обязанность лежала на мнѣ.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ искренномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности

Баронъ Николай.

Къ вопросу о воскресныхъ повторительныхъ школахъ имѣеть отношеніе и слѣдующее письмо Всея Порф. Коховскаго, создавшаго всѣ тѣ прекрасныя учрежденія, которыми справедливо славится нашъ, петербургскій. «Соляной Городокъ» не только на всю Россію, но и въ Европѣ. Оффиціальное званіе Коховскаго (умершаго уже)—предсѣдатель постоянной комиссіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.

15 марта 1882 г.

Глубокоуважаемый
баронъ Николай Александровичъ!

Не поставьте мнѣ въ вину нѣкоторое промедленіе отвѣта на Ваше письмо отъ 27 февраля. Занятія мои сложились такъ, что и получаса не имѣлъ сво-

боднаго времени, да къ тому же хотѣлось прочесть Ваше письмо въ комиссіи музея и дать Вамъ болѣе полный отвѣтъ.

Комиссія съ великимъ сочувствіемъ приняла извѣстіе объ успѣхѣхъ учрежденныхъ Вами повторительныхъ классовъ. Дай Богъ, чтобы возможно скорѣе земства обратили вниманіе на Ваше истинно полезное начинаніе и обратили его въ общую мѣру народнаго образованія.

Два экземпляра народныхъ чтеній Вамъ будутъ высланы вскорѣ. Собрать эти экземпляры поручено Н. П. Животовскому. Дѣло это, правду говоря, не легкое. Вѣдь мы сами не издавали нашихъ чтеній; изданіемъ ихъ занимались одновременно многія лица (Полубоариновъ, Косинскій, Торлецкій, Фену и К°, Надѣиныхъ и мн. др.). О нѣкоторыхъ изъ сихъ издателей мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній и изданныя ими брошюры нами находятся лишь случайно. Нужно добавитъ, что и нѣкоторыхъ чтеній уже нельзя найти въ продажѣ, нѣкоторыя же, оставшіяся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, находимъ съ великимъ трудомъ. Недавно собирали мы полный экземпляръ нашихъ чтеній для поднесенія Государю Императору и съ горемъ убѣдились, что многихъ чтеній найти не можемъ. Во всякомъ случаѣ сдѣлаемъ для Вашихъ школъ все возможное.

Не сѣуйте на насъ, если не найдемъ средствъ для переплета чтеній; нашъ небольшой фондъ сильно пострадалъ за послѣднее время. Пришлось повести значительные расходы по празднованію X-лѣтія, по изданію отчета на русскомъ и на французскомъ языкахъ и по постановкѣ нѣкоторыхъ народныхъ чтеній. Въ будущемъ году будемъ богаче и тогда въ состояніи будемъ сдѣлать то, что оказывается труднымъ въ настоящее время.

Мнѣ пишутъ съ юга, что 6 марта напечатана въ „Южномъ Краѣ“ Ваша статья о народныхъ чтеніяхъ. Постараюсь непременно достать нѣсколько экземпляровъ этой статьи, теперь же привошу Вамъ мою сердечную благодарность за доброе и авторитетное слово о нашемъ дѣлѣ. Убѣжденъ, что Ваше слово заставитъ многихъ задуматься о полезности воспользоваться нами поставленной и „защищенной“ идеей служенія дѣлу народнаго образованія. „L'Union fait la force“ и, я убѣжденъ, что съ поддержкой такихъ дѣятелей, какъ Вы, дѣло народныхъ чтеній будетъ у насъ выиграно, кора общественнаго равнодушія будетъ пробита.

Примите мой сердечный привѣтъ.

Искренно Васъ уважающій и вполне Вамъ преданный

В. Коховскій.

Не занимая въ это время никакого опредѣленнаго мѣста, баронъ Н. А. Корфъ, однако, оставался очень виднымъ и слышнымъ на всю Россію дѣятелемъ, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе. Вотъ что, напримѣръ, писалъ ему по этому поводу извѣстный уже намъ Н. Блюдовъ:

Екатеринодарь,
31 января 1882 г.

Душевно уважаемый

Николай Александровичъ!

Письмо Ваше меня очень обрадовало, и я душевно благодаренъ Вамъ за память обо мнѣ. По статьямъ Вашимъ въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Порядкѣ», «Недѣлѣ» и «Народной Школѣ», за которыми слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ, я узналъ, что Вы возвратились на родину, и соби

рался писать Вамъ; но исполненію желанія мѣшала своего рода обломовщина, или, лучше сказать, мнительность: можетъ быть, думалъ я, письмо будетъ не кстати.

Очень благодаренъ Вамъ за присылку «Нашего Друга». Съ новымъ изданіемъ этой книги я ознакомился раньше, какъ только она вышла въ свѣтъ. Въ нашихъ школахъ «Нашъ Другъ» въ теченіе уже десяти лѣтъ служить книгою для чтенія, наряду съ книгою Водовозова,—объ дополняютъ другъ друга. Лично я болѣе сочувствую, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, «Нашему Другу», но принялъ за правило, высказываясь постоянно за «Нашъ Другъ», не стѣснять учителей, предъявляя при этомъ непремѣнное требованіе, чтобы результаты преподаванія были удовлетворительны. — При дирекціи существуетъ войсковой книжный складъ, изъ котораго школы выписываютъ книги по номинальнымъ цѣнамъ. Къ концу прошлаго года въ складѣ оставался довольно значительный запасъ «Наш. Др.» прежняго изданія, но тѣмъ не менѣе отъ Салаева пріобрѣтено еще 200 экз. новаго, иллюстрированнаго изданія. Весь этотъ запасъ хватитъ до лѣта. Лѣтомъ нужно будетъ сдѣлать новый запасъ, и я тогда обращусь въ книжный магазинъ Цылева.—Ваша книга соотвѣтствуетъ существующимъ жизненнымъ условіямъ народной школы, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что она окончательно утвердится въ школахъ, хотя довольно странно, что она не включена въ послѣдній министерскій каталогъ и допущена только въ библіотеки народныхъ училищъ. Первое изданіе было одобрено, какъ книга для чтенія, а девятое, улучшенное и снабженное хорошими рисунками, допускается только въ библіотеки. Что же это значитъ?

Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать супругѣ Вашей глубокое по чтенію.

Искренно уважающій Васъ Н. Блюдовъ

Съ такою же сердечною радостью привѣтствовали возвращеніе барона Корфа изъ заграницы и многіе другіе изъ прежнихъ его корреспондентовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, на него со всѣхъ сторонъ по-прежнему сыпался просьбы о совѣтахъ, указаніяхъ, разъясненіяхъ и проч. Вотъ для примѣра, нѣсколько наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи писемъ разныхъ лицъ, по разнообразнымъ вопросамъ школьнаго дѣла, изъ различныхъ мѣстностей.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Въ качествѣ предсѣдательницы Попечительнаго совѣта, и по порученію его, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, какъ къ специалисту народно-школьнаго дѣла, за совѣтомъ. Мы нашли, что существующая у насъ 3-хъ классная женская гимназія, имѣвшая дѣлю подготовку учительницъ народныхъ школъ, по программѣ своей не удовлетворяютъ своему назначенію,—и предположили образовать изъ нея такое училище, которое давало бы въ трехлѣтній курсъ нѣсколько законченное развитіе воспитанницамъ и готовило бы ихъ къ переходу въ четвертый—съ двумя отдѣленіями: педагогическимъ—для болѣе способныхъ, и ремесленнымъ—для остальныхъ.

Не откажите дать указанія, какой, по Вашему мнѣнію, программы слѣдо-

вало бы придерживаться при этой реформѣ заведенія, какъ перейти къ ней отъ существующей, и какой способъ преподаванія Вы находите наиболѣе полезнымъ принять. Отвѣтъ Вашъ прошу адресовать: Харьковской губерніи, въ г. Богодуховъ, предсѣдательницѣ Попечительнаго совѣта женской гимназіи, Елизаветѣ Степановнѣ Мосоловой.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ искренномъ моемъ уваженіи.
Е. Мосолова.

22 сентября 1881 г.
г. Богодуховъ.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Оставивъ Херсонъ, и—къ величайшему сожалѣнію—будучи вынужденнымъ покинуть училище, я переѣхалъ, по приглашенію Бессарабскаго земства, въ Кишиневъ; цѣль приглашенія меня земствомъ Бессарабіи состояла въ слѣдующемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, здѣсь возникла мысль устроить нѣ сколько (три) сельскихъ училищъ на тѣ средства, которыя должны поступить земству изъ суммъ, составившихся изъ доходовъ отъ монастырскихъ имѣній; предполагалось, что дѣло съ этими средствами будетъ приведено къ порядку въ теченіе этого года, и—съ слѣдующаго—можно будетъ начать со школами и ихъ устройствомъ. Надежда на это меня соблазнила, и я рѣшился потерять нѣкоторое время, въ ожиданіи осуществленія. Ближайшее знакомство съ вопросомъ и его положеніемъ на мѣстѣ внушаютъ мнѣ недовѣріе, что все это такъ скоро устроится; а такъ какъ единично взятыи человекъ не можетъ на надежды и ожиданія прожить такъ много времени, какъ земство,—сравнительно съ е д и н ы м ѣ, представляющее неумирающій организмъ, — то долгие будущаго лѣта, ждать позволить я себя не могу, тѣмъ болѣе, что это ставитъ меня въ неловкое положеніе—какого-то вкушателя общественнаго пирога, ради будущаго, которое когда-то еще наступитъ, да и наступитъ ли?—истребляющаго 2.000 р., не имѣя возможности дать за нихъ что-нибудь полезное. Безъ всякаго сомнѣнія, я крайне благодаренъ земству за его ко мнѣ отношеніе и довѣріе, но это самое, между прочимъ, и вынуждаетъ меня непріятно смотрѣть на свое теперешнее положеніе. Однимъ словомъ, если училища не будутъ учреждаться съ будущаго года и, ради ихъ устройства, я ни въ чемъ не могу принять участія, — покину Кишиневъ. Мысль у меня слѣдующая, и я позволяю себѣ просить Васъ сказать о ней Ваше мнѣніе. Безъ всякаго сомнѣнія, наше народное сельское хозяйство нуждается въ званіи. Какимъ образомъ наилучше могутъ быть проведены въ народѣ званія въ частности—вопросъ можетъ быть спорнымъ, но во всякомъ случаѣ они будутъ входить въ массу народа по мѣрѣ увеличенія числа людей изъ народа, которые будутъ получать эти званія. Въ той или другой формѣ, работа въ этомъ направленіи меня прельщаетъ, и, по моему это—единственное наиполезнаѣйшее. Въ данное время мысль о необходимости подобной дѣятельности, имѣющей подоб. цѣли, въ нашемъ обществѣ достаточно распространена, и если мы видимъ мало почина, то это, — полагаю. — потому, что вообще на починъ въ новомъ дѣлѣ мы не легки. Можетъ быть, я ошибаюсь (въ этомъ-то отношеніи и прошу меня поправить), но до сихъ поръ я думаю, что еслибы гдѣ-нибудь приютилась какая-нибудь дѣятельность въ сказанномъ смыслѣ и показала бы себя,—ей навстрѣчу была бы и помощь. Само собою, это должно быть тамъ, гдѣ существуютъ сельско-хозяй-

ственные интересы. Возьметъ, напр., Екатеринослав. губ. Какова—думаете Вы—была бы судьба слѣдующаго предпріятія: арендовать небольшое хозяйство съ усадьбою (100—200, макс. 300 д.), завести опытную станицю и небольшую чисто практическаго характера земледѣльческую школу, сначала хотя на нѣсколько мальчиковъ, въ возрастѣ лѣтъ 15, съ платою имъ нѣкотораго вознагражденія, такъ какъ для семействъ ихъ сила составляетъ извѣстнаго рода капиталъ. Я думаю, если бы это начало могло быть сдѣлано,—черезъ годъ-другой могла бы быть получена и поддержка такому предпріятію? Начало это можетъ быть положено безъ всякой посторонней помощи, такъ какъ нѣсколько насъ, дѣйствовавшихъ въ херсонскомъ училищѣ, могутъ сложиться для того, чтобы осилить подобное дѣло, ваяться за работу самымъ энергичнымъ образомъ, и—заложить починъ.

Будьте такъ добры, скажите Ваше мнѣніе, такъ какъ Вы знаете мѣстное настроеніе и можете даже указать на такіе пункты, гдѣ могло бы пристроиться подобное предпріятіе; если это ни принципиально, ни съ практической точки зрѣнія не кажется вамъ несообразною,—Вы можете быть не откажете и въ своемъ содѣйствіи, такъ какъ Вашъ авторитетъ можетъ пособить дѣлу немало.

Прошу извинить, что утруждаю Васъ; во всякомъ случаѣ увѣренъ, что Вы сочувственно отнесетесь къ нашему намѣренію, исходящему изъ желанія устроить что-либо полезное. Свидѣтельствуя свое почтеніе, пребываю

Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

М. Неручевъ¹⁾.

23 октября 1881 г.

Кишиневъ.

Февраля, 25 дня, 1882 г.

Шадринскъ.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

XII очередное уѣздное земское собраніе, рассмотрѣвъ докладъ управы по народному образованію, убѣдилось, что надзоръ за учебнымъ дѣломъ у насъ самый поверхностный. Наши члены училищнаго совѣта, при другихъ прямыхъ своихъ обязанностяхъ, не могутъ посѣщать школы такъ часто, какъ бы это слѣдовало, и большинство школъ видѣло членовъ совѣта только на экзаменахъ, а инспекторъ народныхъ училищъ, проживающій въ другомъ городѣ, вовсе не бывалъ въ нашихъ школахъ.

Такимъ образомъ, шадринское земство, содержащее 50 школъ, расходуетъ на народное образованіе въ уѣздѣ ежегодно до 45.000 руб., давая широкія средства на училищныя бібліотеки, на книги для народнаго чтенія и т. п. нисколько не увѣрено, что затраты его достигаютъ цѣли.

Учители, не получившіе по большей части педагогическаго образованія, не имѣютъ средствъ ознакомиться съ лучшими педагогическими приемами, потому что нѣтъ человека, который бы помогалъ имъ своими указаніями и совѣтами, какъ вести трудное учебное дѣло.

Поэтому собраніе признало необходимымъ имѣть для уѣзда на средства земства инспектора народныхъ училищъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы выборъ лица былъ предоставленъ земству, съ утвержденіемъ его въ должности пра-

¹⁾ М. В. Неручевъ былъ директоромъ въ Херсонскомъ сельско-хозяйственномъ училищѣ

вительствомъ. Желаніе земства обусловливается тѣмъ, чтобы инспекторъ былъ не чиновникомъ, только наблюдающимъ за школами съ формальной стороны, а преимущественно—наставникомъ и руководителемъ учителей въ ихъ педагогической дѣятельности, для чего необходимо, чтобы инспекторъ народныхъ училищъ имѣлъ высшее педагогическое образованіе.

Имѣя на службѣ такого инспектора, у земства явится возможность, подъ его предсѣдательствомъ, устраивать ежегодные учительскіе съѣзды, гдѣ учителя могутъ обмѣниваться фактами и взглядами, получать надлежащее знакомство съ лучшими методами обученія, освѣжаться отъ своихъ утомительныхъ трудовъ и т. п.

Для того, чтобы не ошибиться въ выборѣ лица на должность инспектора народныхъ училищъ, земское собраніе поручило управѣ обратиться за рекомендаціею къ Вамъ, въ полной увѣренности, что Вы, какъ самый искренній и душою преданный общественный дѣятель въ пользу развитія народнаго образованія въ Россіи, не откажетесь помочь шадринскому земству рекомендаціею достойнаго лица на должность земскаго инспектора.

Исполняя порученіе собранія, управа покорнѣйше честь имѣетъ просить Васъ, Николай Александровичъ, не отказать въ своемъ содѣйствіи шадринскому земству въ дорогомъ для насъ дѣлѣ народнаго образованія.

При этомъ управа считаетъ нелишнимъ высказать, что настоящія отношенія инспектора къ учителямъ носятъ чисто начальническій характеръ и оказываютъ на дѣло вліяніе, совершенно противное желаніямъ земства, въ чемъ Вы можете убѣдиться по прилагаемой выпискѣ изъ журнала XII очереднаго земскаго собранія.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть
Федоръ Нащокинъ, предсѣдатель земской управы.

Іюль, 1882 года.

Шадринскъ.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Принося Вамъ глубокую признательность отъ лица шадринскаго земства за Ваше душевное желаніе принести посильную пользу дѣлу народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ, уѣздная земская управа на вопросъ Вашъ о матеріальныхъ условіяхъ, въ какія будетъ поставлено рекомендуемое Вами лицо на должность инспектора народныхъ училищъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, имѣетъ честь увѣдомить, что XVI чрезвычайное уѣздное земское собраніе, которому управа докладывала объ этомъ, постановило: въ случаѣ опредѣленія инспектора народныхъ училищъ по избранію земской управы, назначить ему жалованье 2.000 руб. въ годъ и особо развѣзды на счетъ земства.

Увѣдомляя объ этомъ, управа покорнѣйше честь имѣетъ просить Васъ, Николай Александровичъ, рекомендовать управѣ лицо, которое бы вполне оправдало довѣріе земства и надежды наши на лучшую будущность дорогаго намъ дѣла народнаго образованія.

Желательно, чтобы, одновременно съ Вашей рекомендаціею, рекомендуемое лицо подало заявленіе о желаніи служить земству въ должности инспектора народныхъ училищъ, съ приложеніемъ необходимыхъ документовъ; управа же немедленно представить объ утвержденіи его въ должности чрезъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

Само собою, если благое желаніе земства правительствомъ не будетъ уважено, то рекомендуемое Вами лицо не будетъ въ претензій на земство.

Предсѣдатель Ѳ. Нащокинъ

Секретарь Ѳедоровъ.

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Осенью этого года Педагогическому музею предстоитъ обсудить вопросъ о правильнѣйшемъ способѣ обученія молодыхъ солдатъ грамотѣ и объявить конкурсъ на составленіе хорошаго руководства, пользуясь которымъ молодые солдаты могли бы научиться грамотѣ, при помощи своихъ же грамотныхъ товарищей.

Въ комиссію музея будутъ привлечены для обсужденія вопроса какъ лица, практикующія обученіе взрослыхъ, начинающихъ въ Петербургѣ, такъ и офицеры петербургскаго гарнизона, руководящіе обученіемъ молодыхъ солдатъ. Конкурсная премія—1.000 рублей. Безъ сомнѣнія, получившій эту премію получитъ вмѣстѣ съ нею и нѣсколько тысячъ годоваго дохода отъ распространенія его руководства въ войскахъ.

Все это сообщаю Вамъ въ цѣляхъ обратить Ваше вниманіе на серьезность предстоящаго музею дѣла, послѣднее же вызывается надеждой, что Вы не откажете принять участіе въ этомъ дѣлѣ и сообщите мнѣ Ваши мысли въ разъясненіе интересующаго музей вопроса. Вамъ отлично известны попытки нѣкоторыхъ лицъ ввести въ армию такъ называемое воспитательное обученіе грамотѣ. Вамъ извѣстно также, что эти лица пользуются, при обученіи взрослыхъ начинающихъ, методами и приемами, указанными серьезными педагогами для обученія малолѣтнихъ. Вы, слѣдовательно, не удивитесь, если я констатирую, что попытки упомянутыхъ лицъ не увѣнчались успѣхомъ, это—во-первыхъ; и что полки, которые воспользовались содѣйствіемъ сихъ лицъ, насчитываютъ ежегодно отъ 25 до 40% невучившихся грамотѣ, это—во-вторыхъ. Присутствуя на урокахъ подобныхъ учителей, и вѣрнѣе увѣровавъ, что дисциплина въ нашихъ войскахъ сильна, ибо видѣвъ, что несчастные молодые солдаты, обливаясь потомъ, а иногда и слезами, краснѣя за себя и за „науку“ все же высиживали до конца и безъ ропота подвергались изнуренію наводящими вопросами

Въ комиссіи придется обсудить путь и средства для скорѣйшаго и успѣшнаго обученія грамотѣ молодыхъ солдатъ въ средѣ, имѣющей уже до 35% грамотныхъ. Кромѣ того, придется выработать программу для руководства, которая и объявится на конкурсѣ. Мнѣ кажется, что руководство должно будетъ состоять: а) изъ понятнаго изложеннаго наставленія грамотнымъ солдатамъ—какъ они могутъ помочь ихъ неграмотнымъ товарищамъ, б) изъ азбуки и в) изъ подбора статей для чтенія. Счетъ долженъ войти элементомъ въ начальное обученіе солдата. Церковно-славянская грамота (чтеніе) тоже. Главнымъ же образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду наученіе солдатъ чтенію и письму.

Былъ бы очень радъ, если бы Вы подарили намъ нѣсколько часовъ и изложили Вашъ взглядъ на это дѣло.

Пользуюсь случаемъ повторить увѣреніе въ истинномъ уваженіи и совершенной преданности

В. Каховскій.

3 іюля 1883 года.

Петерб. губ., Ораніенба умъ.

Милостивый Государь
Баронъ Николай Александровичъ!

Мысли, любезно наложенныя Вами въ письмѣ отъ 18 текущаго мѣсяца, вполнѣ согласуются со взглядами специальной комиссиі, обсуждавшей методъ обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ, предлагаемый г. Троицкимъ-Сенютовичемъ. Имѣя многія основанія думать, что комиссиія музея сохранить тѣ же взгляды и при обсужденіи осенью сего года вопроса о планѣ учебника грамоты для молодыхъ солдатъ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ усерднѣйшей просьбой не отказать прислать въ комиссию Вами предлагаемый мотивированный планъ, который бы и послужилъ точкою отправленія при обсужденіи вопроса. Исходящій отъ лица завѣдомо-компетентнаго, этотъ планъ помогъ бы намъ успѣшнѣе разрѣшить задачу, предложенную господиномъ военнымъ министромъ. Указанія Ваши на постановку дѣла въ Западной Европѣ служили бы дѣльнымъ дополненіемъ къ упомянутому плану

Ожидая благосклоннаго отвѣта на настоящее письмо, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ истинномъ уваженіи и совершенной преданности.

В. Каховскій.

Приведенныя письма свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, какъ изъ года въ годъ увеличивалось количество лицъ, съ которыми баронъ Н. А. Корфъ входилъ въ новыя сношенія, какъ расширялась и сфера вопросовъ, по которымъ требовались болѣе и болѣе оживленныя сношенія, притомъ все по серьезнымъ, прекраснымъ мотивамъ.

Не лишена характерности и слѣдующая доконичная записочка знаменитаго Н. И. Пирогова, относящаяся къ 1881 году, т. е. почти за годъ до смерти его:

Лиманъ, 26 іюля.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Къ моему величайшему сожалѣнію, моя болѣзнь лишаетъ меня удовольствія воспользоваться Вашимъ желаніемъ меня видѣть, тѣмъ не менѣе считаю долгомъ заявить Вамъ мою благодарность за Ваше вниманіе и быть увѣреннѣйшимъ, что я вполнѣ сочувствую Вашей полевой дѣятельности.

Съ истиннымъ почтеніемъ Вашъ покорный слуга,

Н. Пироговъ.

Заслуживаетъ вниманія также и письмо теперь умершаго уже извѣстнаго профессора-экономиста Э. Ю. Янсона.

12 января 1881 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Я получилъ сегодня любезное письмо Ваше отъ 2 января и искренно благодарю за доброе мнѣніе о моихъ скромныхъ трудахъ. Оно мнѣ особенно дорого теперь, когда ни съ того ни съ сего на меня обрушился цѣлый градъ нападеній и инсинуацій. Благодарю и за добрый совѣтъ относительно указа-

„русской старинѣ“. 1896 г., т. LXXXIII январь.

13

теля. Я самъ вижу необходимость такового, ибо онъ облегчитъ пользованіе объемистой книгой, содержащей много справочныхъ свѣдѣній; но я разсчитываю приложить его къ концу втораго тома. Не скрою, что составленіе указателя представляетъ такую механическую работу, которую невозможно выполнить самому, а оплачивать ее не по средствамъ изданія, которое требовало большихъ денежныхъ затратъ и едва-ли окупится. Я не унимаю и работаю надъ продолженіемъ втораго тома. Когда удастся кончить его—и предвидѣть не могу, потому что приходится самому, не говоря уже собирать матеріалъ, но дѣлать всѣ вычисленія. За границей черная работа обыкновенно вся поручается въ такихъ случаяхъ наемнымъ лицамъ; но тамъ книги, подобныя моей, расходятся въ 50—100 т. экземпляровъ, а моя едва разойдется въ 1 тысячѣ. Извините, что пишу о вещахъ, интересныхъ, собственно говоря, мнѣ одному, какъ автору и издателю. Но на эту откровенность Вы изволили сами меня вызвать письмомъ Вашимъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Проф. Янсонъ.

Приведемъ, наконецъ, и слѣдующее письмо, для иллюстраціи того, что, въ разсматриваемый періодъ времени, педагогической авторитетъ барона Н. А. Корфа достигъ наибольшей мощи.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Ученикъ вѣрвенной мнѣ семинаріи Зуйко, въ истекшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передалъ мнѣ отъ Вашего имени двѣ книги: „Нашъ Другъ“ и „Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ“.

Принявъ означенный даръ, какъ выраженіе вниманія къ управляемой мною семинаріи, я вмѣняю себѣ въ обязанность выразить Вамъ искреннѣйшую благодарность за сдѣланное Вами приношеніе. Вмѣстѣ съ симъ сохраняю увѣренность, что, когда представится Вамъ случай быть въ Бердянскомъ уѣздѣ, Вы не откажете семинаріи въ удовольствіи посѣтить этотъ новый разсадникъ народныхъ школъ, возникшій здѣсь не безъ Вашего содѣйствія. Ваше посѣщеніе, какъ лица, съ любовью и глубокимъ умѣніемъ преданнаго учебно-воспитательнымъ интересамъ народной школы, было бы знаменательно и по истинѣ благотворно для юной семинаріи.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Директоръ Преславской учительской семинаріи

Петръ Паховскій.

29 мая 1882 г.

С. Преславъ.

Въ виду такого высокаго педагогическаго авторитета барона Корфа, естественно, что, вслѣдствіе смерти П. Е. Басистова, завѣдывавшаго московскими городскими народными училищами, общественное мнѣніе указало на барона Н. А. Корфа, какъ на примаго замѣстителя московскаго педагога. Но грязная, нивкая людская зависть и тупость

опять-таки сыграли съ барономъ Корфомъ злую шутку. Двѣ газеты: одна—московская, другая—петербургская, по поводу кандидатуры барона Корфа, подняли противъ него невообразимую травлю. По адресу этого честиѣйшаго и заслуженнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей посыпались со страницъ двухъ указанныхъ газетъ самыя возмутительныя инсинуаціи и ложь, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духовенства», «утилитаристъ», «нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель нѣмецкой педагогич», «матеріалистъ», «помѣщикъ а не педагогъ», «неблагодѣтельный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч., все въ этомъ же родѣ. Мало того: газетные борзописцы копались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали источники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка, годичный его бюджетъ—и все перевертали неслыханнымъ образомъ. Какъ это ни странно, но указанная газетная грязь смутила главарей московскаго городского общественнаго управленія, и барону Корфу, вызванному уже въ Москву для баллотировки, пришлось-таки снять свою кандидатуру. Вотъ относящіяся къ этому факту письма г. Б. Чичерина, бывшаго въ то время московскимъ городскимъ головою.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Собраніе гласныхъ, бывшее у меня вчера, признало нежелательнымъ выставленіе кандидатуры, имѣющей такую возбуждающую недоумѣнія окраску, какую получила Ваша въ настоящее время; но съ другой стороны, исполнѣнія Ваши заслуги по дѣлу народнаго образованія и не желая подвергнуть Васъ мансамъ баллотировки, оно поручило мнѣ просить Васъ снять свою кандидатуру, въ виду того разлада, который она вноситъ въ московское городское общество.

Исполняя это порученіе, не могу не выразить Вамъ своего искренняго сожалѣнія по поводу оборота, который приняло это дѣло. Прошу Васъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть увѣреннымъ въ глубочайшемъ моемъ уваженіи и преданности,

Вашъ покорный слуга

Б. Чичеринъ.

18 октября 1882 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Крайне сожалѣю, что не удалось еще разъ Васъ видѣть и пожать Вамъ руку. Вчера было засѣданіе Думы, а сегодня утромъ я самъ прѣѣхалъ бы къ Вамъ проститься, но долженъ отправляться на другой конецъ города, на похороны главнаго врача нашей городской больницы. Поэтому я принужденъ письменно пожелать Вамъ благополучнаго возвращенія домой и полнаго успѣха на томъ поприщѣ, которому Вы посвятили свою жизнь. Намъ не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ; я, по крайней мѣрѣ, всегда буду слѣдить съ горячимъ участіемъ за Вашею дѣятельностью.

Еще разъ крѣпко жму Вашу руку и желаю счастливаго пути. Сегодня самъ ѣду по дѣламъ въ Петербургъ.

Душевно преданный

Б. Чичеринъ.

27 октября 1882 г.

Насильственное снятіе своей кандидатуры барономъ Корфомъ, понятно же, возмутило всю благоразумную часть состава московскихъ гласныхъ и вызвало съ ихъ стороны протестъ. Вотъ что, наприимѣръ, писалъ объ этомъ извѣстный московскій общественный дѣятель, А. И. Кошелевъ:

Очень жалѣю, что сегодня Вы, глубокоуважаемый баронъ Николай Александровичъ, не застали меня дома, и что я не могу сегодня вечеромъ быть у Васъ. Сегодня у насъ засѣданіе Думы, и я подаю особое мнѣніе къ журналу засѣданія 19 октября. Мнѣ быть у Васъ невозможно и потому, что сегодня вторникъ. А потому и я, и жена моя убѣдительно Васъ просимъ подарить намъ сегодняшній вечеръ, а если не весь, то сколько можно. Я возвращусь изъ Думы рано—вскорѣ послѣ 9 часовъ.

Мнѣ хотѣлось бы также Вамъ прочесть мое особое мнѣніе, которое я подаю сегодня въ Думу, по поводу Вашей кандидатуры.

Надѣюсь, что Вы не откажете въ нашей просьбѣ.

Вашъ покорный слуга

А. Кошелевъ.

Вторникъ, 26 октября 1882 г.

Въ этомъ «особомъ мнѣніи» или протестѣ, о которомъ писалъ А. И. Кошелевъ, между прочимъ говорится:

„Зная барона Корфа лично, зналъ его наданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ—человѣкъ, отмѣнно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій и искренній православный христіанинъ.“

Изумительное дѣло, что барона Н. А. Корфа нужно было въ 1882 году защищать предъ гласными московской думы съ этой именно стороны послѣ того, какъ, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго комитета грамотности, а затѣмъ—и Московскаго университета!..

Вообще же, взятіе барономъ Корфомъ назадъ своей кандидатуры вызвало большое сожалѣніе со стороны москвичей, дѣйствительно интересовавшихся дѣломъ народнаго образованія и трудившихся на этомъ поприщѣ. Примѣромъ такого сожалѣнія можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее письмо г. Е. Барановскаго, написанное черезъ три дня послѣ снятія барономъ Корфомъ своей кандидатуры:

Москва, Арбатъ, д. Сабашниковыхъ.
29 октября, 1882 г.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Пользуясь благосклоннымъ Вашимъ дозволеніемъ, имѣю честь препроводить на Ваше усмотрѣніе составленный нами проектъ Устава общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Позвольте просить Васъ не отказать намъ въ согласіи Вашемъ на принятіе званія члена-учредителя и сообщить намъ Ваши замѣчанія на проектъ устава, чѣмъ очень обяжете всѣхъ сочувствующихъ этому благому дѣлу въ Москвѣ и истинно скорбящихъ о томъ, что не могутъ пользоваться личными Вашими совѣтами и указаціями по дѣламъ народнаго образованія.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ отличнѣйшемъ моемъ уваженіи и искренней преданности

Е. Барановскій.

Въ концѣ же концовъ, весь эпизодъ съ барономъ Корфомъ въ Москвѣ, начиная съ газетной травли его и кончая снятіемъ имъ своей кандидатуры, произвелъ на всю мыслящую часть русскаго общества тяжелое и оскорбляющее впечатлѣніе. Мотивы этого чувства довольно удачно выражены въ слѣдующемъ письмѣ земскаго дѣятеля Черниговской губерніи, г. М. И. Силакова.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Давно уже собирался я обратиться къ Вамъ за совѣтомъ по одному вопросу, касающемуся дѣла народнаго образованія, но все откладывалъ то за болѣзью, то по незнанію Вашего адреса. Наконецъ, недавнее мое пребываніе въ Харьковѣ, гдѣ я возобновилъ знакомство съ Христиной Даниловной¹⁾, и „буря“, пронесшаяся надъ Вашей головой, напомнили мнѣ о моемъ давнишнемъ желаніи и заставили взять перо въ руки, съ дѣлію просить Васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ; къ тому же губернское земское собраніе, гдѣ долженъ разрѣшиться интересующій меня вопросъ, на носу и откладывать дальше некуда.

Но, прежде всего, позвольте Вамъ напомнить нѣсколько о себѣ. Я прежде служилъ преподавателемъ при Чугуевскомъ юнкерскомъ училищѣ и познакомился съ Вами у Христины Даниловны (Алчевской), во время Вашего проѣзда черезъ Харьковъ, въ Женеву. Это знакомство, хотя и мимолетное, а также служеніе одному и тому же дѣлу народнаго образованія и даютъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ. Я недаромъ упомянулъ выше о „бурѣ“, пронесшейся надъ Вашей головой. Буря эта весьма знаменательна. Оставляя въ сторонѣ все частное, воздерживаясь отъ оцѣнки поступка, имени которому трудно и подобрать, — нельзя не сознаться, съ великой грустью и отчаяніемъ, что исторія съ Вами есть весьма печальное знаменіе времени. Понесли поражение не Вы собственно, какъ Н. А. Корфъ, а какъ представитель

¹⁾ Т. е. съ г-жею Алчевскою, извѣстною дѣятельницею по народному образованію, о которой намъ приходилось уже упоминать выше. М. П.

известныхъ идей, вытекающихъ изъ сферы педагогической и чисто земской; невольно думается, что наше ближайшее будущее покроется мракомъ и предоставитъ полный просторъ рыцарямъ лжи и фарисейства.

Кавузь съ Вашей кандидатурой знаменуетъ оскудѣнiе гражданскихъ чувствъ въ нашемъ обществѣ, отсутствiе всякой самостоятельности и полную подавленность бюрократическимъ началомъ...

Я счастливъ, что имѣю случай выразить Вамъ полнѣйшее сочувствiе свое и уваженiе къ дѣятельности Вашей по народному образованiю. На заданныхъ Вами педагогическихъ трудахъ я учился, какъ обучать дѣтей и взрослыхъ, и теперь прибѣгаю къ Вамъ, какъ учителю, съ просьбой помочь мнѣ въ моемъ сомнѣнiи. Въ настоящее время я состою, между прочимъ, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и гласнымъ (уѣзднымъ и губернскимъ). У насъ, въ Черниговской губернiи, на очереди вопросъ объ устройствѣ женской учительской семинарiи, вопросъ, рѣшенный, пожалуй, уже въ принципѣ, т. е. рѣшено открыть женскую семинарiю и поручено было въ позапрошломъ году управѣ выработать проектъ Устава. Въ прошедшемъ собранiи вопросъ не могъ быть разрѣшенъ окончательно, такъ какъ собранiе скоро разѣхалось, и дѣло должно рѣшиться нынѣ въ декабрѣ. Надобно Вамъ сказать, что въ Черниговѣ и прежде была семинарiя, содержимая земствомъ, но мужская. Семинарiя эта, послѣ долгихъ пререканiй съ вѣдомствомъ мин. нар. просвѣщенiя, была закрыта губернскимъ земскимъ собранiемъ, не желавшимъ передать ее въ м. н. пр. Въ консервативномъ лагерѣ губернскихъ гласныхъ семинарiя оставила по себѣ дурную память, и многие не хотѣли слышать о восстановленiи мужской семинарiи, ссылаясь на то, что изъ нея выходили какiе-то хлыщ, спѣшившие, сколько возможно, оставить службу учителя народной школы. Вотъ нѣкоторые гласные, въ томъ числѣ и я, задумали предложить открытiе женской учительской семинарiи, въ томъ предположенiи, что при этомъ возможно будетъ обойти щекотливый вопросъ о правахъ службы преподавательницъ и тѣмъ избѣгнуть препирательствъ съ м. н. пр.; кромѣ того предполагалось, что противъ женской семинарiи не будетъ возраженiй въ средѣ гласныхъ, предубѣжденныхъ относительно семинарiи мужской. Наконецъ, думалось, что условiя времени вызываютъ на предоставленiе женщинѣ возможности трудиться на благо родины и что въ самой природѣ женской есть много задатковъ къ успѣшному исполненiю обязанностей наставницъ и учительницъ. Во всякомъ случаѣ, главной цѣлью было спасти идею, не дать ей заглохнуть,—идею о необходимости специальнаго образованiя для преподающихъ въ начальныхъ школахъ.

Какъ я уже сказалъ, мысль о женской учительской семинарiи была встрѣчена довольно сочувственно; собранiе согласилось на открытiе женской учительской семинарiи значительнымъ большинствомъ голосовъ. Къ удивленiю, за женскую семинарiю оказалась масса голосовъ крайней правой, а голоса за мужскую семинарiю скорѣе исходили изъ среды лѣвой...

Вы знаете, какое время переживаемъ мы теперь; Вы сами бываете и въ столицахъ, а большую часть времени проводите въ селѣ. Поэтому я не буду много распространяться на эту тему; я желаю только спросить Васъ, считаете ли вы своевременнымъ, необходимымъ, полезнымъ стараться относительно открытiя семинарiи вообще и женской въ частности. Мнѣ въ высшей степени хотѣлось бы слышать отъ Васъ искреннiй отвѣтъ на поставленные вопросы. Самъ я, привязавшись, нахожусь въ великомъ сомнѣнiи: съ одной стороны, чуть-ли не во всѣ звонки звать, что специальное педагогическое обра-

зование для учителей народныхъ школъ — ненужная роскошь, что учителя изъ семинарій — „вольнопрактикующіе дѣятели“, „полуграмотные верхогляды“, „надмевающие“ своихъ учениковъ „омерзительнаго свойства плебейскимъ аристократизмомъ“; съ другой — вадъ земскими школами грозитъ возвыситься, съ цѣлью раздавить ихъ, пресловутая „церковно-приходская школа“, съ патентованными по отношенію къ благонадежности учителями-священнослужителями; съ третьей — женское образованіе далеко не въ авантажѣ; съ четвертой — приходитъ на мысль, какую жизнь готовимъ мы по „новѣйшему времени“ будущимъ сельскимъ учительницамъ. Помните, Вы сами въ статьяхъ объ учительскихъ семинаріяхъ обращали вниманіе на эту сторону дѣла („Наше школьное дѣло“), но не высказались вполне обстоятельно. Открывая учительскую семинарію, конечно, придется немало сдѣлать уступокъ м. н. пр.; затѣмъ потребуются значительный расходъ, до 10 т. р. въ годъ, кромя единовременной затраты на постройку зданія (до 23 тысячъ; старое зданіе сгорѣло) малѣйшій неудачный составъ преподавательницъ, малѣйшая неосторожность въ ходѣ воспитанія и занятій — дѣло погибло и надолго. Да откуда и взять преподавательницъ вообще и директрису въ частности, съ надлежащей общей и специально-педагогической подготовкой? Наконецъ, удержатся ли на высотѣ призванія выпущенныя изъ семинаріи учительницы? Удержатъ ли онѣ въ своихъ неокрѣпшихъ рукахъ знамя народнаго образованія при настоящемъ положеніи вещей? Не лучше ли обождать до красныхъ дней? Я знаю, что на это можно возразить указаніемъ на необходимость борьбы именно теперь, чтобъ ужъ совсѣмъ не пасть и не обезличиться; но во мнѣ сильно опасеніе, что, по закрытіи въ Черниговской губерніи женской учительской семинаріи, вполнѣдствіи никакой уже не откроешъ. А тутъ жители одного изъ посадовъ настоятельно просятъ открыть у нихъ ремесленное училище — съ затратою до 8 т. р. въ годъ. Если земству придется выбирать между семинаріей и ремесленнымъ училищемъ, то гдѣ стать, за что подать голосъ?

Съ своими недоумѣніями, послѣ долгаго обдумыванія вопроса, я рѣшился обратиться къ Вамъ, Николай Александровичъ, какъ къ лицу, горячо преданному народному образованію и основательно знакомому съ нимъ и теоретически, и практически. Выскажите свой взглядъ и помогите мнѣ выдти изъ нерѣшительнаго состоянія.

Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать Вамъ чувство глубокаго уваженія и почтенія, съ коимъ имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

Михаилъ Силаковъ.

1882 г. ноября 2-го дня.

Черниговской губ., Новозыбковскаго уѣзда, посадъ Гуровичи.

Почти ровно черезъ годъ послѣ этого письма (13-го ноября 1885 года), баронъ Н. А. Корфъ умеръ «отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ», всего лишь на 50-омъ году отъ рожденія. И не мудрено было «истощиться» его силамъ, несмотря даже на замѣчательно строгій и умѣренный образъ жизни. Все свое жизненное поприще онъ прошелъ совершенно новой, имъ же самимъ проложенною тропю, на условіяхъ притомъ непрерывнаго преодоленія

всезаможныхъ препятствій на каждомъ шагу. Эта именно новая «тропа» впервые вывела Россію къ первоисточнику гражданской и культурной жизни—къ народному образуванію, котораго у насъ вовсе раньше не было и которое, однако, именно по почину барона Корфа и при непосредственномъ его участіи и содѣйствіи, все же получило болѣе или менѣе законченную организацію и, можно сказать, детальнѣйшее выясненіе во всѣхъ его частностяхъ, притомъ какъ частнымъ, такъ и официальнымъ путемъ.

Дѣло, очевидно, слишкомъ большое для почина и самодѣятельности одного человѣка, да притомъ еще, при условіи систематическихъ противодѣйствій всякаго рода. Никакихъ матеріальныхъ наградъ баронъ Н. А. Корфъ не получилъ за свои труды: онъ умеръ въ томъ же чинѣ титулярнаго совѣтника, въ какомъ былъ выпущенъ изъ лица. На память о земской дѣятельности, у него, по милости Александровскаго дворянства, остались «печеночные камни». Московская же кандидатура еще сильнѣе разбередила и растравила эту жестоку рвану... Печатно отвѣчая на частныя инсинуаціи и клеветы по поводу кандидатуры баронъ Н. А. Корфъ, между прочимъ, высказалъ:

«Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной развивающей школы, такъ какъ желаю людей, сознательно преданныхъ ученію Христову, сознательно относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему міру и сознательно любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди, уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школы, то любите молодежь: это—будущее Россіи».

Такихъ именно педагоговъ и нужно Россіи, отъ педагоговъ же иного пошиба да сохранить Богъ землю русскую!..

М. Песковскій.

КОНЕЦЪ.

Л. Н. МАЙКОВЪ.

Историко-литературные очерки.

(С.-Петербургъ, 1895 г., въ 8-й д. л., стр. 309.)

Недавно вышедшая въ свѣтъ книга Л. Н. Майкова не можетъ быть названа новостью въ смыслѣ чего-либо впервые являющагося въ печати. Это сборникъ статей, уже извѣстныхъ публикѣ изъ разныхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ статьи эти были напечатаны въ свое время. Тѣмъ не менѣе интересъ сборника нисколько отъ того не страдаетъ. Въ составъ его вошли статьи о Крыловѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Пушкинѣ, Плетневѣ, Погодинѣ и Фетѣ. О каждомъ изъ этихъ лицъ сообщаются новыя свѣдѣнія болѣе или менѣе крупныя и важныя. Благодаря умѣнью автора пользоваться даже мелкими данными, благодаря искусству группировать эти данные и дѣлать изъ нихъ выводы, личность cadaго изъ названныхъ писателей уясняется, иногда является въ новомъ свѣтѣ. Иные изъ нихъ выигрываютъ отъ этого освѣщенія, другіе проигрываютъ, но, во всякомъ случаѣ, объясняются нѣкоторыя темныя мѣста въ исторіи нашей литературы.

Къ числу такихъ темныхъ мѣстъ принадлежитъ, на примѣръ, первый періодъ литературной дѣятельности И. А. Крылова. Несмотря на величайшую популярность этого писателя, достовѣрныхъ свѣдѣній о немъ сохранилось очень мало. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ тѣ новыя матеріалы, которые обнаружилъ Л. Н. Майковъ въ статьѣ: «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ». Здѣсь очень интересны два письма Крылова, впервые являющіяся въ печати: они не только сообщаютъ новыя данныя для біографіи Крылова и исторіи его первыхъ произведеній, но и представляютъ замѣчательныя черты для

его нравственной характеристики. И надо сказать, эта характеристика очень не въ пользу знаменитаго дѣдушки-Крылова. Пасквили, которые онъ распространялъ противъ супруговъ Княжнинныхъ и П. А. Саймонова, прежняго своего благодѣтеля, доказываютъ нравственную низменность Крылова и мстительность его характера. Къ этой статьѣ Л. Н. Майкова, которая была въ первый разъ напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 года, въ Очеркахъ, въ видѣ приложенія, напечатаны три басни изъ журнала «Утренніе часы», 1788—1789 годовъ, гдѣ сотрудничалъ И. А. Крыловъ: «Новопожалованный осель», «Олень и заяць» и «Недовольный гостями стихотворецъ». Можно согласиться съ Л. Н. Майковымъ въ томъ, что еслибъ принадлежность этихъ басенъ Крылову была доказана съ достаточною точностью, то мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзіи, которымъ впоследствии онъ прославлялъ свое имя; тогда бы подтвердилась и вѣрность свѣдѣнія, сообщаемого М. Е. Лобановымъ о томъ, что Крыловъ началъ писать басни еще до 1795 года. Но дѣло въ томъ, что приведенныя басни (въ этомъ мы позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ) почти ничѣмъ не напоминаютъ типичныхъ басенъ Крылова.

Въ число статей настоящаго сборника составитель помѣстилъ и блестящія характеристики Батюшкова и Фета. Капитальный трудъ, исполненный Л. Н. Майковымъ и В. И. Сантовымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ—изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова и превосходная біографія поэта, написанная Л. Н. Майковымъ, выяснили личность Батюшкова и значеніе его въ исторіи русской поэзіи. Въ настоящемъ сборникѣ ему посвящены двѣ статьи: »Характеристика Батюшкова, какъ поэта» и «Пушкинъ о Батюшковѣ». Первая изъ нихъ—рѣчь, читанная авторомъ въ торжественномъ засѣданіи 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ 22-го ноября 1887 г., есть сжатое изложеніе того, что находится въ пространной біографіи, напечатанной при первомъ томѣ сочиненій Батюшкова (Спб. 1887 г.), а вторая интересна по отношенію къ Батюшкову и еще болѣе интересна по отношенію къ Пушкину. Высоко цѣня талантъ Батюшкова, Пушкинъ былъ мѣткимъ и подчасъ рѣзкимъ критикомъ своего предшественника и, въ извѣстной мѣрѣ, образца. Въ рукахъ Л. Н. Майкова находился экземпляръ сочиненій Батюшкова, принадлежавшій вѣкогда Пушкину и испещренный его замѣтками. Эти послѣднія, сопровождаемыя объясненіями Л. Н. Майкова, составляютъ содержаніе вышеназванной статьи. Для изученія Пушкина она драгоценна. Статья о Фетѣ, представляющая собою извлеченіе изъ отчета о дѣятельности 2-го отдѣленія Имп. Ак. Наукъ за 1892 г., несмотря на свою краткость, живо и мѣтко характеризуетъ этого спорнаго еще у насъ поэта.

Кромѣ указанныхъ статей въ составъ Очерковъ вошли: «Памяти

П. А. Плетнева», «Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства» и «Малорусскій Титъ Ливій». Последняя изъ нихъ, съ незначительными отмѣнами, была напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1893 г. и представляетъ собою рецензію сочиненія В. Горленка: «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка» (Кіевъ 1893 г.). Въ этомъ сочиненіи г. Горленко рассказываетъ литературную судьбу знаменитой «Исторіи Руссовъ», приписываемой могилевскому архіепископу Георгію Конисскому. Г-нъ Горленко считаетъ авторомъ «Исторіи» Василія Григорьевича Полетику. Л. Н. Майковъ поддерживаетъ мнѣніе Лазаревскаго, по которому авторами «Исторіи Руссовъ» являются не одинъ В. Г. Полетика, но и отецъ его Григорій Андреевичъ. Хороша въ этой статьѣ оцѣнка самовосхваленій Бодянскаго, напечатавшаго «Исторію Руссовъ» «съ благоговѣніемъ истиннаго малороссійскаго исторіота». Комическій характеръ наивной похвалы этого чудака-профессора ярко обрисовывается въ статьѣ Л. Н. Майкова. Въ литературномъ отношеніи интересно то вліяніе, которое имѣлъ псевдо-Конисскій на творчество Гоголя, Шевченка и на дѣятельность разныхъ второстепенныхъ писателей, бравшихъ содержаніе своихъ произведеній изъ жизни старой Малороссіи. Пушкинъ въ своихъ замѣчаніяхъ объ «Исторіи Руссовъ» обнаружилъ тонкое пониманіе литературныхъ достоинствъ этого сочиненія и большую критическую провицательность, которая приводитъ въ изумленіе позднѣйшихъ наслѣдователей. Личность Пушкина съ особенною яркостью рисуется въ статьяхъ, составляющихъ самую главную часть новой книги Л. Н. Майкова: 1) «Бессарабскія воспоминанія Вельмана и его знакомство съ Пушкинымъ», 2) «Изъ сношеній Пушкина съ Раевскимъ», 3) «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ», 4) «Пушкинъ о Батюшковѣ», 5) «О поѣздѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году», 6) «Пушкинъ и Даль» и 7) О стихотвореніяхъ Пушкина «Туча» и «Аквилогъ». Каждая изъ этихъ статей представляетъ новые матеріалы, извлеченные изъ рукописей, иногда очень важные для изученія Пушкина и, кромѣ того, содержитъ весьма цѣнныя и мѣткія характеристики, сдѣланныя какъ бы мимоходомъ, другихъ лицъ, напримѣръ, Вельмана, Даля, Н. Н. Раевского, Шевырева. Н. Н. Раевскій былъ долгое время однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературныхъ; извлеченныя изъ рукописнаго матеріала письма Раевского дѣлаютъ несомнѣннымъ его вліяніе на нашего поэта. Въ очеркѣ отношеній Шевырева къ Пушкину Л. Н. Майковъ касается между прочимъ вопроса объ отношеніяхъ Пушкина къ Веневитиновскому кружку и теоріи Шеллинга. Пушкинъ, несмотря на сближеніе съ этимъ кружкомъ, сохранялъ всегда предубѣжденіе противъ отвлеченности германскаго идеализма. Критикуя въ своей статьѣ сужденія Шевырева о Пушкинѣ, Л. Н. Майковъ даетъ,

как намъ кажется, самое вѣрное толкованіе стихотворенія «Чернь», о которомъ такъ много спорили у насъ въ свое время. Главною ошибкою большинства критиковъ было, по справедливому замѣчанію Л. Н. Майкова, то, что они видѣли въ этомъ стихотвореніи законченную, цѣльную художественную теорію, тогда какъ Пушкинъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни, написалъ Архилоховскій ямбъ, который бросилъ въ лицо своимъ лицемѣрнымъ судьямъ. Въ статьѣ «О побѣдѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году» напечатана цѣликомъ извлеченная изъ бумагъ П. В. Анненкова записка М. И. Пущина, составляющая прекрасный комментарий къ «Путешествію въ Арзрумъ». Изъ бумагъ же Анненкова Л. Н. Майковъ взялъ воспоминанія В. И. Даля о Пушкинѣ, впервые являющіяся въ печати. Замѣчанія и дополненія Л. Н. Майкова къ запискѣ Даля, служащія комментариемъ къ Пушкину, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и весьма цѣнную характеристику извѣстнаго казака Луганскаго. Вообще статьи Л. Н. Майкова, написанныя съ большимъ талантомъ и любовью къ дѣлу, содержатъ много тонкихъ и глубокихъ наблюденій и замѣчаній историко-литературнаго характера, касающихся Пушкинской эпохи. Изъ этихъ статей, составляющихъ результаты послѣднихъ работъ нашего академика надъ Пушкинымъ, выступаютъ одна за другой черты поэта съ поразительной живостью. Надо думать, что когда работы эти будутъ доведены до конца, и публикѣ предстанетъ полное академическое изданіе сочиненій Пушкина, съ біографіей и комментаріями, мы будемъ имѣть монументъ, достойный имени величайшаго русскаго поэта. За это ручаются литературный талантъ, художественное критическое чутье и знанія ученаго издателя. Остается только желать, чтобы Академія не замедлила открытіемъ этого монумента.

5-го декабря 1894 г.

А. Круглый.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябрьской книжки 1894 г. право издаванія журнала „Русскій Вѣстникъ“ перешло въ Товарищ. „Обществ. Польза“. Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и ред. Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того возобновлены приглашенія выходящихъ сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшая такой успѣхъ ежемѣсячными „Политическія Обзорнія“ и дастъ рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гитдичемъ — повѣсть, и новый романъ М. Ф. Голованна (Орловскаго) „На вѣсахъ“, который начать печатаніемъ съ ноябрьской книжки 1894 г., и новые подписчики на 1895 г. могутъ получить начало романа бесплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ М. Ф. Дубровинимъ — новый историческій этюдъ „Наполеонъ I въ современномъ ему обществѣ и въ русской литературѣ“. Проф. И. А. Любимовъ дастъ рядъ статей, вице-президентъ Ак. Наукъ, Л. И. Майковъ — продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть „Перемелется, — мука будетъ“ Д. М. Позняка, „Цвѣты бѣзды“, романъ Вс. С. Соловьева, повѣсть „Повинутый“ Пронскаго, повѣсть И. И. Данилова и много другихъ произведеній.

Редакція и контора журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщаются въ Товарищ. обществѣ „Общественная Польза“ (Больш. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. авторовъ, имѣющихъ надобность до редактора, который принимаетъ по вторникамъ отъ 12 до 2 час. и субботамъ отъ 3 до 5 часовъ пополудни.

Годовое издаваніе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждое 1 числа, въ 1895 г. стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается разсрочка вѣсмовъ только чрезъ Главную Контору журн. „Русскій Вѣстникъ“, Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ десять руб., а остальная сумма въ 1-му юнѣ. 2) Для служащ. за поручительств. казнач. со вѣнос. по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, впрѣдъ до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихъ допускается уступка и разсрочка платежа: при подпискѣ вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждой книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 11 р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза — 16 р. Въ прочія мѣста загранич. подписка приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписки на „Русскій Вѣстникъ“ приним. въ Петербургѣ: для городск. — въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ въ Товарищ. обществѣ „Общественная Польза“ (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. „Новаго Времени“ (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ — на Стр. бульв., въ книжн. магазинѣ „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. И. Печниковой (Петровск. линія). И городскихъ и иногородныхъ просить покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника“, Сиб. Товарищество „Общественная Польза“ (Больш. Подъяч., д. 39). Статьи, присланныя въ редакцію безъ условій, предоставляются въ полное распоряженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщенія и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи въ печати неудобныя, не возвращаются. За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

ВОЗЗВАНІЕ.

Архангельской епархіи, Холмогорскаго уѣзда, Куростровскій Дмитріевскій сельскій храмъ, въ которомъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ М. В. Ломоносовъ, въ которомъ онъ читалъ и пѣлъ на кларесѣ, въ настоящее время обветшалъ и требуетъ значительнаго ремонта; подъ каменными стѣнами храма съ южной, частью и съ западной сторонъ, фундаментъ сдвинулся, вслѣдствіе чего въ стѣнахъ зданія образовались сквозныя щели, на южной стѣнѣ двѣ прямыя, на западной двѣ вкосъ и съ сѣверной—одна прямая. И самый иконостасъ Дмитріевскаго храма неотложно требуетъ поновленія. Сверхъ того все зданіе внутри и извнѣ необходимо выбѣлать.

Цюправка храма крайне необходима, а проишествъ ее средствъ не хватаетъ, разсчитывать же на мѣстныя средства прихожанъ послѣ трехъ сряду неурожайныхъ годовъ никакой надежды не предвидится.

Вслѣдствіе чего, съ благословенія Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Никанора, епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, лично въ 1893 году обозрѣвшаго храмъ, обращаемся къ вамъ, добрые православные христіане, съ смиреннѣйшею и покорнѣйшею просьбою, во славу Господа Бога и Его Пречистой Матери, помогите своими посильными пожертвованіями возобновить святой храмъ Божій. Добрые, просвѣщенные люди, помяните заслуги незабвеннаго отца русскаго слова и науки и всероссійскаго учителя Михаила Васильевича Ломоносова! Смиреннѣйше просимъ васъ: не оставьте своею посильною помощію возобновить тотъ святой храмъ Господень, въ коемъ Михаилъ Васильевичъ воспринялъ святое крещеніе, въ коемъ читалъ и пѣлъ, въ коемъ сошла и почивала на главѣ его благодать Божія, руководившая его умомъ и сердцемъ въ путяхъ его жизни, содѣлавшая изъ простаго рыбака-крестьянина и естествоиспытателя, и химика, физика и географа, металлурга и историка, филолога и поэта, и даровавшая любезному нашему отечеству истинно дивнаго, мудраго и многополезнаго человѣка.

О всѣхъ благотворителяхъ будутъ возноситься въ святомъ храмѣ усердныя молитвы Господу о здравіи живыхъ и за упокой усопшихъ, имена коихъ будутъ сообщены. Пожертвованія покорнѣйше просимъ адресовать: «Въ городъ Холмогоры, Архангельской губерніи, причту и старостѣ Куростровской Дмитріевской церкви».

Куростровской Дмитріевской церкви, священникъ Александръ Іоанновъ Васильевъ. Псаломщикъ Николай Головановъ. Староста Максимъ Перепелкинъ. Настоящее воззваніе, указомъ Архангельской Духовной Консисторіи отъ 13 декабря 1893 года за № 9160, дозволено печатать въ столичныхъ вѣдомостяхъ. Проектъ воззванія разсмотрѣнъ и одобренъ его преосвященствомъ, Никаноромъ, епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ.

Что снмъ и удостоверяю съ приложеніемъ церковной печати. Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Куростровской Дмитріевской церкви, священникъ Александръ Васильевъ. 29 января 1894 г.

ВОЗЗВАНІЕ.

По Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня по разстроенному здоровью отъ службы въ Привислянскомъ краѣ, покидая дорогое сердцу моему Государеву русское дѣло въ здѣшней окраинѣ, не могу не обратиться въ послѣдній разъ къ православнымъ людямъ съ призывомъ къ новымъ и новымъ жертвамъ на обще-русское дѣло—сооруженіе православнаго собора въ Варшавѣ.

Неоднократно выяснялъ я значеніе этого храма для православнаго населенія Варшавы, столь бѣдной церквами русскими, для населенія, выдающуюся часть коего составляетъ цвѣтъ русскаго народа въ лицѣ его многочисленныхъ ратниковъ, грознымъ оплотомъ охраняющихъ наше великое Отечество по его западной границѣ.

И русскіе люди внимали моимъ просьбамъ: пожертвованія въ изобиліи притекали со всѣхъ концовъ земли нашей, слагаясь преимущественно изъ даяній людей недостаточныхъ; въ послѣднее же время къ нимъ присоединилось и нѣсколько крупныхъ пожертвованій, среди коихъ крупнѣйшее отъ Александра Григорьевича Кузнецова. Притѣрь его, я твердо уповаю, не останется безъ послѣдователей: увѣренъ, что крупные жертвователи воздерживались отъ приношеній, желая дать первенство болѣе скромнымъ лептамъ.

Новыя же пожертвованія необходимы для сооруженія достойнаго величія Россіи храма Божія, долженствующаго видимымъ образомъ запечатлѣть въ краѣ Русское владычество.

Не прешнуть православные люди споспѣшествовать скорѣйшему осуществленію священнаго завѣта въ Бозѣ почившаго Императора Александра Третьяго, повелѣвшаго соорудить сей храмъ. Заложенный подъ Державою Блаженныя Памяти Государа, да освѣтится онъ златоверхимъ куполомъ въ ближайшіе годы Царствованія нашего возлюбленнаго Молодаго Монарха—да вознесется въ немъ горячая молитва Царю Царствующимъ объ упокоеніи души Державнаго его Основателя и здравіи и благоденствіи руководящаго судьбами Россіи Помазанника Божія.

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬ ГУРКО.

Православный соборъ во Имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго заложенъ 31-го августа 1894 года.

Стоимость сооруженія безъ стѣнной живописи, а равно церковной утвари и облаченій исчислена по первоначальной смѣтѣ въ 1.500.000 рублей.

Съ начала сбора пожертвованій по 7-е декабря прошлаго года всего поступило въ распоряженіе строительнаго Комитета 432.263 рубля 53 копейки.

Въ теченіе десяти лѣтъ, необходимыхъ для окончанія сооруженія, имѣетъ поступить, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 21-го октября 1893 г., пособія отъ Государственнаго Казначейства по 50.000 рублей въ годъ—всего 500.000 рублей.

За симъ недостаетъ для своевременнаго завершенія постройки—567.736 рублей 47 копѣекъ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ КОМИТЕТЪ ПО ПОСТРОЙКѢ СОБОРА.

Второе десяти-
лѣтіе изданія.

Открыта подписка на **1895 годъ** **XI** годъ изданія
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮ-
ЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ
№ №
въ годъ

по изяществу вышности и полнотѣ со-
держанія не уступающихъ ни одному
даже изъ болѣе дорогихъ журналовъ. Каж-
дый № состоитъ изъ 2-хъ печатн. лпст.,
заключающихъ въ себѣ 16 стр. текста
и отъ 6-ти до 8-ми рисунковъ русскихъ
и заграничн. художниковъ. Содержаніе

каждаго № составляютъ полные захватывающаго интереса романы, изобра-
жающіе приключенія и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путе-
шествій, интересные повѣсти и рассказы, хроника событій, научныя извѣстія,
смѣсь. Въ журналѣ по-прежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ,
И. Н. Потапенко, В. И. Немпровичъ-Давченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ,
Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ. Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ,
С. А. Качіони и многіе другіе.—Иностранная литература путешествій и при-
ключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журналѣ произведеніями ея
корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ *Жюль Верна*, съ рисунками
Беннета и Ру; романъ изъ жизни лопарей: „Снѣжная лилія“, съ художествен-
ными иллюстраціями; романъ изъ эпохи восстанія сипаевъ: „Наслѣдникъ
раджи“, съ рисунками *Клериса* и мн. др. Очень оригинальный ром. военного
характера, написанный капитаномъ *Данри* и, кромѣ того, повѣсти, рассказы
и очерки *Стивенсона, Киплинга, Райдера-Ханарда, Андре, Лори, Каниве* и друг.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ БУДЕТЪ ПОМѢЩЕНО:

12 ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЛУЧШИМИ ЗАГРАНИЧН. ХУДОЖНИКАМИ КНИГЪ
Собраніе сочиненій МАЙНЪ-РИДА,
состоящее изъ слѣдующихъ романовъ (безъ сокращеній) этого лю-
бимаго писателя:

1) Затерявшаяся гора. 2) Островъ діавола. 3) Квартетонна. 4) Переселенцы Транс-
валя. 5) Всадникъ безъ головы. 6) Водяная пустыня. 7) Пропавшая сестра. 8)
Морской волкъ. 9) Охотники за черепами. 10) Дочери сиваттера. 11) Прогулка
боеровъ. 12) Охотники за жирафами.

Кромѣ того, при доплатѣ 1 рублю на упаковку и пересылку, годовые подписчики получаютъ
РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ: огромную, размѣр. 17×27 вер., художественную
олеографію, испол. въ 40 крас. въ заведеніи бр. Клауфманъ въ Берлинѣ,

«**ТЕРЕКЪ ШУМИТЪ**»
съ картины художника **САХАРОВА.**

Эта большая олеографическая картина изобра-
жаетъ горный пейзажъ на Кавказѣ. Южная лун-
ная ночь. Пѣныся и бушуя, мчатся Терекъ между
горныхъ тѣснинъ. Онъ дикъ и неукротимъ, но человѣкъ все же успѣлъ наложить на него
свою руку: черезъ рѣку перекинутъ мостъ, стойко выдерживающій напоръ ея сердитыхъ
волнъ. — Таково ожетъ картины. Что касается исполненія, то оно со стороны художе-
ственности не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эффекты луннаго свѣта, ночное южное
небо, пѣнышася вода подъ серебряными лучами мѣсяца, громада горъ, уходящая вдаль
и въ высь— все это передано съ неподражаемымъ искусствомъ и съ такой художествен-
ной правдой, что получается полная иллюзія. Глядя на картину, забываешь, что это—
только картина, а не дѣйствительность.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА съ романами **Майнъ-Рида**, съ пересылкою и доставкою

4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. за 1/2 года. 1 р. 40 к. за 1/4 года.

Допускается разсрочка годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца.

Годовые подписчики, уплатившіе при подпискѣ за пересылку преміи, полу-
чаютъ ее немедленно, съ первыми №№ журнала.

Адресъ редакціи „Вокругъ Свѣта“. Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина
Редакторъ **Е. Н. Кшеселевъ.** Издатель: **Т-во И. Д. Сытина.**

Открыта подписка на 1895 годъ на
ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
СЪВЕРНЫЙ ВЪСТАИКЪ.

Въ 1894 г. въ «Съверномъ Вѣстникѣ» было напечатано: «Зарницы», повѣ В. Микунтъ (автора «Микочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ», ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершеннѣе» и «Татьянинъ день», разск. гр. А. Л. Толстаго. «Лушка», разск. Е. Аѣтновой. «Въ странѣ пирамидъ», рассказы Д. Мордочова. «Женская жизнь», пов. М. Крестовской. «Утрата», разск. А. Стернь. «Тайна рѣки», пов. Ф. Нефедава. «Чимовничьи клавишорды», быль И. Трахтвенскаго. «Голочка», пов. В. Дмитриевой. Статьи: «Рознь между художниками», В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ», гр. А. Намаровскаго. «Типы преступниковъ», проф. Ю. Петри. «Воспоминаніе о П. Чайковскомъ», Г. Лароша. «Дѣя славянскія поесты», П. Боборыкина. «Первый публицистъ въ Европѣ», проф. А. Шепелевича. «Встрѣчи» Ник. Ге. «Земское страхованіе» И. Вернера. «Сельскія библиотечки» В. Вахтерова. «Турневъ и Толстой» проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. «О себлѣубіи, какъ дѣятель общественной жизни» проф. А. Мсаева. «Дринимъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера. «Связка писемъ Герцена» Е. Некрасовой. «Жоржъ Зандъ» П. Вейнберга. «Въ Палестинѣ» очерки, Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (1826—45 гг.). Бесѣды государя Николая I. Пушкина Мумовскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Амеллы», пер. гр. М. Толстой подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстаго. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сеневича. «Современная Ніобелъ», ром. Іоанаса Ли. «Торжество смерти», ром. Г. д'Аннуницю, и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и библиографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки А. Волинскаго.

Условія подписки на 1895 г.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ дост. въ Спб. На годъ.	12 р.—к. 6 р.—к.	6 р.—к. 6 р.—к.	3 р.—к. 3 р.—к.	3 р.—к. 3 р.—к.	3 р.—к. 3 р.—к.	3 р.—к. 3 р.—к.
въ конт. журнала	12 > 50	6 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50
Съ доставк. въ Спб.	12 > 50	6 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50
Съ перес. въ Импер.	13 > 50	7 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50
Заграницей	15 > 50	8 > 50	4 > 50	4 > 50	4 > 50	3 > 50

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Слушашце могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: Въ гл. конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ московск. отдѣл.—Тверская, близъ памятника Пушкина, д. Сазикова. Кромѣ того въ Спб.—въ Книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магаз. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

3—2

Открыта подписка на 1895 г.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	НА ГОДЪ.
Съ пересылкой и доставкой .	10 р. —
Безъ доставки и пересылки .	8 — 50 к.
За границу	12 — —

Разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 6 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. Гамалій*.

Редакторъ *В. Науменко*.

—Открыта подписка на 1895 годъ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕМЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы' специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькія фельетоны). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетоны: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и бібліографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенія къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

◁ П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А : ▷

съ пересылкою многогороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

съ доставкою въ Харьковъ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
------	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ, въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Петра.

Редакторъ-издатель А. А. Иозефовичъ.

3—2

1895. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ 1895.
XITODb. XITODb.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАЮЩІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Въ 1895 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ 9 р., полгода—4 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.
Подписка принимается въ ТОМСКѢ: въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для «Сибирск. Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метдль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская № 11. 3—1

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(32-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р.—к.		на 12 мѣсяцевъ	11 р.—к.		на 12 мѣсяцевъ	18 р.—к.	
6	5	50 к.	6	6	6	6	9	—
3	3	—	3	3	50 "	3	4	80 "
1	1	30 "	1	1	50 "	1	1	90 "

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непрѣмѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб. къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается. 2—2

Объ изданіи въ 1895 году НОВАГО ЖУРНАЛА, посвященнаго вопросамъ критики и библиографіи ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Задача новаго изданія—путьемъ критико-библиографическаго разбора всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся интересныхъ произносокъ русской литературы, помочь читающей публикѣ разобратся въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложение содержанія новыхъ произведеній литературы, съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложенъ будутъ особая забота о томъ, чтобы №№ новаго изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ составъ журнала войдутъ между прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Руководящія *литературно-критическія* и *научныя статьи* общаго характера, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ.

2) *Журнальное обозрѣніе*. Разборъ статей и произведеній изящной словесности, появляющихся въ періодической печати. При этомъ будутъ обозрѣваемы не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные и иллюстрированные журналы, а также и ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣтятся что-либо выдающееся или интересное въ литературномъ отношеніи.

3) *Книжная летопись*. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдѣльных изданіяхъ.

4) *Смѣсь*. Мелкія статьи и замѣтки. *Литературныя и научныя новости*. Биографіи выдающихся дѣятелей литературы и науки. Свѣдѣнія о всѣхъ вновь выходящихъ достойныхъ вниманія книгахъ (съ указаніемъ ихъ формата, числа страницъ, цѣны и пр.). Перечень журнальныхъ статей.

5) *Отѣты редакціи*.

6) *Объявленія* исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще произведеніяхъ печати.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, начиная съ 1-го января 1895 года, номерами, заключающими въ себѣ (смотря по количеству матеріала, подлежащаго обзору) отъ 82 до 64 столбцовъ текста.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ ПЯТЬ руб., на полгода ТРИ руб. За границу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ маѣ.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ 6-я Рождественская ул. д. 10. кв. 10*. Иногородные обращаются исключительно по указанному адресу; отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается кромя конторы редакціи (открыта ежедн. отъ 12 до 3 часовъ пополудни) также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ столицы.

Черезъ редакцію можно выписывать слѣдующія книги, составленныя И. В. Скворцовымъ: 1) *Статьи и изслѣдованія (1876—1892 г.)* по вопросамъ политики, общественной жизни и литературы. С.-Петербургъ 1894 г. часть I, цѣна 1 руб. 35 коп. съ пересылкой. 2) Въ области практической философіи, цѣна 60 копѣекъ съ пересылкой. 3) *Записки по педагогикѣ*. Изданіе. 4-е С.-Петербургъ 1893 г. (складъ при книжномъ магазинѣ Думнова), цѣна 1 рубль. 4) *Русская исторія томъ I (до Іоанна III)*. С.-Петербургъ. 1894, цѣна 1 рубль 25 копѣекъ съ пересылкой. Мелочъ можно прилагать почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель **И. В. Скворцовъ**.

2—2

XVII годъ.

♦ ♦ О ПОДПИСКѢ ♦ ♦

годъ XVII.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ

ШУТЪ

НА 1895 ГОДЪ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЬ «ШУТЪ» ПОМЪЩАЕТЪ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія). Болѣе тысячи каррикатуръ — перомъ и карандашемъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Карикатуры-рецензій на всѣ новыя пьесы, даваемые на сценахъ столичныхъ театровъ. Карикатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся героевъ дня. Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ».

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:
РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:

➔ **ДОМОСТРОЙ** ➔

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

въ 25 главахъ съ изящными рисунками.

Текстъ Алёши Чудиловича.

I. Какъ дѣти учить и страхомъ спасати. II. Какъ дочь воспитати. III. Какъ невѣсту взяти. IV. Какъ дѣтямъ отпа и мать любить. V. Наказъ мужу и женѣ, и людямъ. VI. Похвала женамъ. VII. Женамъ наказъ о пьянствѣ. VIII. Какъ мужу жену любить. IX. Какъ друга дома принимать. X. О праведномъ житіи. XI. О неправедномъ житіи. XII. Какъ всяческою платье кронти и обрѣзки беречь. XIII. Какъ платье женѣ носить. XIV. Какъ кормить приходлящихъ въ дому. XV. Какъ въ люди ходить и къ себѣ принимать. XVI. Какъ жить челоуѣку, смѣтя животь. XVII. Какъ дачу снимать и за нее не платити. XVIII. О торговыхъ людяхъ и о лавочныхъ. XIX. Какъ болѣзни лѣчить. XX. Какъ отъ всякихъ скорбей врачевати. XXI. Какъ съ начальными и подчиненными быти. XXII. Какъ слугъ наипамати. XXIII. Какъ всякому челоуѣку руководльничати. XXIV. Какъ капиталъ умножати и чистоту соблюдать. XXV. Какъ должникамъ платити.

За пересылку преміи приплати не полагается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост		УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.	
На годъ	7 руб.	На годъ	6 р. 50 к
На 6 мѣсяцевъ	4 >	На 6 мѣсяцевъ	3 > 50 >
Заграницу	10 >		

Разсрочка по соглашенію съ конторою. Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

За редактора—издатель Р. ГОЛИБЕ.

г о д ь Х V I I   **Открыта подписка на 1895 г.**   г о д ь Х V I I
 (с е м н а д ц а т ы й г о д ь и з д а н і я)

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДЕЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

● **ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.** ●

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 6 р. ||| На полгода 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе какъ на годъ со дня подписки по 1-е января 1895 г. получаютъ газету **БЕЗПЛАТНО**. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **НАЧАЛЬНЫХЪ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведений могутъ получать газету **ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ**, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.
- 2) Передовыя статьи.
- 3) Хроника мѣстной жизни.
- 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири.
- 5) Статьи научнаго содержания.
- 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья.
- 7) По Россіи.
- 8) За-границей.
- 9) Изъ газетъ.
- 10) Политическое обозрѣніе.
- 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ.
- 12) Критика и библиографія.
- 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, и ученыхъ обществъ Пермской губерніи.
- 14) Фельетонъ.
- 15) Литературный отдѣлъ (новѣсти, рассказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія).
- 16) Смѣсь.
- 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ, и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія свѣдѣнія.
- 18) Объявленія.
- 19) Приложение. „Записки Уральского общества любителей естествознанія“.

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли“, по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго специально для „Екатеринбургской Недѣли“

Подписка принимается: къ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель **А. М. Симоновъ.**

Редакторъ **И. П. Галинъ.**

Издается
съ 1889 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

Подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Изданіа
годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

Еженедѣльный иллюстрирован. журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія

52 №№ по 16 стран. журнальнаго формата съ иллюстраціями.

12 книгъ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ каждая книга 120—180 стр., съ рис.

4 ЦѢНА ЗА ГОДЪ
РУБЛЯ безъ доставки.

Съ доставк. на домъ и пересылкою по Россіи ПЯТЬ руб. Заграницу восемь.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ «ПРИРОДА И ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакция имѣетъ возможность дать **БЕЗПЛАТНО** **СТОЛЬ ЦѢННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ**, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ.

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «Полезной библіотеки»:

1. Въ глубь Абиссиніи. Юріа Казн-Бека. 2. Начало и конецъ міра. Ш. Реншара. 3. Домашняя лабораторія. Ф. Федо. 4. Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перев. съ польскаго. 5. Астрономъ-любитель. Е. Предтеченскаго. 6. Полярный ширь. Лебатея. 7. Телескопъ и Микроскопъ. Цурхера и Марголе. 8. Комнатное цвѣтоводство. Ф. Медвѣлева. 9. Чудеса растительнаго міра. Ф. Груздева. 10. Спортъ во все время года. В. Семенова. 11. Драгоценныя камни. И. Святскаго. 12. Колоссы. Лебатея.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «За гранью льдовъ». Большой истор. ром. въ трехъ част. Н. Н. Соколова. «На рифѣ». Разск. Рейналя. «Тауль» (Изъ записной кн. развѣд.). Больш. разск. изъ жизни перв. изслѣдов. Центр. Азіи Н. Н. Каразина, иллюстрир. самимъ автор. «По роднымъ краямъ». Рядъ очерк. извѣст. писат. В. А. Тихонова, посвящен. интерес. уголк. нашего обширн. отеч. съ иллюстр. худож. В. Г. Казанцева, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго и И. И. Шишкина. «Подлонники діавола» и «Русскія колоніи въ Малой Азіи». Д-ра А. В. Елисѣева, съ иллюстр. Э. К. Соколовскаго. «Вѣрять или не вѣрять?» Очерки В. В. Витнера. «На Сахалинѣ» и «По Алтаю». Проф. А. М. Никольскаго. «Жертвы моря». Разсказы о кораблекр. А. Я. Максимова. «Дерево-людоедъ». Разск. В. П. Желиховской. «Очерки М. И. Пылева, автора «Стар. Петербурга» и др. «Живая машина». Очеркъ І. І. Яснискаго. «Призваніе доктора Чилишевз». Разск. А. Е. Зарина. «Лагерная жизнь въ Бенгаліи». Живоп. очерки и карт. изъ индійск. жизни и прир. В. Джонстонъ-Желиховской. «Ведчайшіе телескопы». Пр. С. П. Фовъ-Глазенапа. «Небесныя явленія». Рядъ попул.-астрономич. очерк. Е. А. Предтеченскаго. «Восьминогіе хищники». Очерки изъ жизни и нрав. наук. П. Вольногорскаго. «Метаморфозы земли». Очеркъ Камилла Фламариона. «Страна амазонокъ» и «Марокко». Живописные очерки, посвященные исторіи, прир. и нрав. жит. Дагомен и Марокко. «Тайны цвѣтовъ». Очерк. изъ жизни раст. П. Вольногорскаго. «Самозащита растений» и «Святѣяшія растенія». Очерки А. Каридкаго. «Народы-пигмеи» и «Волосатые люди». Очерки Д. А. Королческаго. «Три брата желѣзнаго вѣка» (желѣзо, сталь и чугуны). Очеркъ И. Святскаго и ин. др.

Контора и редакція жур. «ПРИРОДА И ЛЮДИ»: Спб., Стрѣмянная ул., 12 собств. домъ.
Издатель П. Соиминъ. Редакторъ С. Груздевъ.

Допуск. разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февраля 1 р. и къ 1 мая остальные.
За 1889—1890 г. журн. весь разошелся за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. остал. небольш. колич. экз., цѣна котор. въ брош. видѣ, со всеми прилож. 4 р. за кажд. годъ, а въ роскош. переплетѣ 5 р. Перес. съ наклад. платеж. по вѣсу и разстоянію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

З В Ъ З Д А

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КНИГЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

Журналъ «ЗВЪЗДА» поставилъ своею главною задачею быть иллюстрированнымъ обзорникомъ текущихъ политическихъ и общественныхъ событій, отмѣчая въ иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ и проч. всякое выдающееся явленіе каждой страны, отдавая при этомъ первое мѣсто отечественной русской жизни. Важнѣйшіе событія будутъ посвящены экстренные №№. Художественнымъ отдѣломъ завѣдуетъ художникъ В. П. Оссианиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: пять рублей безъ доставки. Шесть рублей съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 мая 2 руб., — и 1 сентября остальные.

32 еженедѣльныхъ №№ каждый въ 24 страници журнальнаго формата съ иллюстраціями. **12** книгъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала. Каждая книга объемомъ болѣе 240 стр. болш. форм. **12** №№ моднаго журнала въ годъ, до 500 рис. съ прилож. двѣнадцати листовъ выкроекъ узоровъ и вышивокъ.

Въ 1896 году въ журналѣ „ЗВЪЗДА“ будутъ напечатаны слѣдующія произведенія:

Соловьевъ Всег. Серг.—Истор. повѣсть «Недоразумѣніе». Полонскій Я. П.—«Изъ воспоминаній». Маминъ-Сибирякъ.—Повѣсть. Ясинскій, І. І.—Повѣсть «Три портрета Пелагеи Ивановны». Лоталенко, М. Н. Пов. «Гордость семьи». Баранцевичъ, К. С.—Повѣсть. Пронскій, Сергѣй.—Фантастическій рассказъ «Мраморная роза». Шереметевскій, Д. С.—Статья «Новый идеализмъ». Гиппиусъ, З. Н.—«Зло». Фофановъ, М. М.—Рассказъ «Рога». Каразинъ, Н. Н.—Рассказъ «Честь восстановлена». Бѣжидскій, А. Н. (Масловъ)—Повѣсть. Тихоновъ, В. А.—Пов. «Дукошниковъ». Морозовскій, Д. А. (Таранскій)—Романъ «Любовь-призракъ». Чюмина, О. Н.—Ром. «Молодые побѣги». Заринъ А. Е.—Романъ «Исторія одного гардероба». Емстевъ, А. В.—Д-ръ. Очеркъ «По Японіи». Сафоновъ, С. А.—Поэма «Призракъ». Максимовъ, А. Я.—Рассказъ «Не судите Бога». Леманъ, А. И.—Романъ «Темныя силы». Ситловъ В. А.—Повѣсть «Ядъ Локусты». Астафьевъ С. Л. Историч. романъ «Сандомирская панна». А также стихотворенія: Полонскаго, Я. П.; Майнова, А. Н.; Фофанова, М. М.; Валачко, В. А.; Шереметевскаго, Д. С.; Михаловскаго, Д. Л.; Львова, К. Л.; Сафонова, С. А.; Талина, Ф. Е. и другихъ.

12 книгъ приложеній будутъ заключать въ себѣ двѣнадцать избранныхъ романовъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ всѣхъ странъ.

Франція—Альфонсъ Додэ.—«Приключенія Тартарена изъ Тарасконъ». Англія—Уильмъ Коллинъ.—«Лунный камень». Германія—Георгъ Эберсъ.—«Слово». Швеція и Норвегія—Бьернстеръ-Бьернсенъ.—«На Божьемъ пути». Данія—Іонасъ Лн.—«Современная Ниоба». Венгрія—Шавръ Іонаш.—«Божья воля». Польша—Елиза Ожешко.—«Миртала». Италія—Габріаль Амунице.—«Невинная жертва». Испанія—Сервантесъ.—«Донъ Кихотъ». Полный переводъ въ двухъ книгахъ. Америка—Маръ Твенъ.—«Приключенія Фина Гипперберина» и наконецъ

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ съ иллюстраціями Дорэ, представляющей собою **Собраніе басенъ ЛАФОНТЕНА,**

отпечатанный на зеленой бумагѣ, въ форматѣ журнала „ЗВЪЗДА“, въ переводахъ Крылова, Измайлова, Дмитриева, Хемницера, Шереметевскаго, Лихачева, Коринфскаго: Талина, Зарина и др.

Копюра в редакція журнала «ЗВЪЗДА» Спб. Стремянная ул. собств. д. № 12.

Завѣдн. литературною частью А. Е. Заринъ. За редактора издатель Петръ Сойминъ.

V г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

V г. изд.

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ общеполозныхъ свѣдѣній
въ области ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА

Безъ дост.
на годъ.
2 р.
на полгода.
1 р. 25к.

НАША ПИЩА

Съ доставк.
на годъ.
3 р.
на полгода.
1 р. 50к.

ВЫХОДИТЬ два раза въ мѣсяцъ №№ въ два листа

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правит. распоряженія, кас. питанія.—2) Общественное питаніе.—3) Припасовѣдѣніе (мясо, рыба, живность, молочные продукты, яйца и пр., вина, воды и др. напитки; консервы и способы сохраненія състныхъ припасовъ; анализы състныхъ припасовъ, фальсификація ихъ, простые способы распознаванія ея и пр.—4) Кулинарный отдѣлъ.—5) Отдѣлъ хозяйства.—6) Статистика припасовъ.—7) Пищевой календарь.—8) Библиографія.—9) Смѣсь.—10) Вопросы и отвѣты.—Объявленія.

БЕЗПЛАТНО приложенія образцовъ натуральныхъ и фальсифицированныхъ продуктовъ.

Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются меню недорогихъ блюдъ съ подробнымъ описаніемъ приготовленія входящихъ въ нихъ блюдъ, могущихъ замѣнить для хозяекъ практическое обученіе приготовленію кушаній. Рецепты составлены лучшими поварами.

Подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** отвѣты на вопросы, касающіеся программы журнала.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ въ 1895 г. примутъ участіе въ журналѣ проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. Н. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ и др.

Изданіе за 1 годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. изд. за II годъ (съ апр. 1882 до янв. 1893—18 номеровъ) **2 р.**—Полные экз. изд. за III г. съ янв. 1893 до янв. 1894 (24 номера)—**2 р. 50 к.** безъ перес., съ пересылкой **3** рубля.

Адресъ редакціи. С.-Петербургъ, Казанская пл., д. 3, кв. 17.

Принимается подписка на **1895** г. (II-й годъ изданія).

НА САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ежемѣсячникъ литературы, науки, общественной и семейной жизни.

СЕМЬЯНИНЪ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Начало подписнаго года НОЯБРЬ мѣсяць.

Подписная цѣна на годъ три рубля, съ пересылкою и доставкою четыре рубля, на полгода два рубля, на три мѣсяца одинъ рубль.

Требованія на годъ можно присылать (во избѣжаніе неудобствъ пересылки денегъ почтою) открытымъ письмомъ, съ указаніемъ точнаго адреса, по которому первая книга вышлетса посылкою съ наложеннымъ платежешъ 4 руб. 20 коп., а остальные обычнымъ порядкомъ безъ всякихъ доплатъ. Можно съ наложеннымъ подписываться и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Желающимъ ознакомиться съ характеромъ «Семьянина», одна книга высылается за 70 к. (почт. марк.), остальные по доплатѣ трехъ р. 50 к.

Всѣ книги за 1894 годъ (ПЕРВЫЙ) высылаются за четыре руб., съ декабря цѣна будетъ повышена на шесть рублей.

Для любителей печатаются вѣленые экземпляры по двойной цѣнѣ.

Редакція и контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 88.

Вступая во второй годъ своего существованія, „СЕМЬЯНИНЪ“ сохраняетъ свою первоначальную программу.

Программа «Семьянина» обширная, рассчитанная на удовлетвореніе истинныхъ духовныхъ нуждъ всякой семьи. Желающіе ближе ознакомиться съ нею могутъ за почтовую марку въ 10 коп. получить подробное объявленіе.

На всѣ журналы, газеты и другія изданія наши подписчики могутъ подписываться черезъ контору «Семьянина».

Подписчики могутъ обращаться за совѣтами по части модъ, чтенія, воспитанія дѣтей и домашнихъ развлеченій.

Объявленія для помѣщенія въ «Семьянинѣ» принимаются въ Главной конторѣ (Невскій просп. д. 88), въ отдѣленіи ея: Рига, Суворовская, 42 и въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель В. М. Краузе,

Чинovníкъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія

УЩ-й г. изд. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 Г. УЩ-й г. изд.

СЪВЕРЪ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики «СЪВЕРА» въ 1895 году получать:

50 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ дѣтскую обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ А. Н. Майкова „Дѣѣ судьбы“, Д. В. Григоровича „Петербургскіе шарманщики“ и „Дотерейный билетъ“, такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.

10 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ „парижскихъ модъ“ и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.

10 отдѣльныхъ вымонокъ; изъ нихъ 6 вырѣзанныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

6 рисунковъ-чертежей для любителей выпилки изъ дерева, кости и металла.

6 цѣтмныхъ узоровъ для вышиванія.

10 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей со времени княженія Іоанна Калиты по 1894 годъ царей, царяцъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.

1 роскошный альбомъ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (книжка въ форматѣ „Съвера“);

10 ежемѣсячныхъ бесплатныхъ приложеній къ журналу «Библиотека Съвера» Собраніе сочиненій Г. Р. ДЕРЖАВИНА. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (цѣна 27 руб.). Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА. Двойникъ. Повѣсть. Во что бы те ни стало. Романъ. Мудрое дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. Игрень. Повѣсть. Граждане лѣса. Повѣсть. Сочиненія Квитко Основиненко: «ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ». Сочиненія Сильвіо Пеллико: «ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА».

Бесплатныя художественныя приложенія къ журналу: портретъ Государя императора НИКОЛАЯ II. Большой листъ in folio, исполненный красками. Большая картина известнаго художника В. И. Сурикова „ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАНОМЪ“. Битва Ермака подъ Кучумъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго царства къ Россіи. Величина картины 105 < 70 сант. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ въ краскахъ. Библиотека прикладныхъ знаний. Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ „чего бы повѣсть“ и кавал изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса „чѣмъ бы накормить свою семью“? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала „Съверъ“ выдастъ своимъ подписчикамъ книгу ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми приложен. безъ доставки въ Петербургѣ.	6 р — к.
Безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской	6 " 50 "
Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи	7 " — "
Съ пересылкой за-границу	11 " — "

Въ виду большой цѣнности картины „Покореніе Сибири Ермакомъ“ и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укуорки, гг. иногородные подписчики „Съвера“ благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ въ Главн. конт. редакція «СЪВЕРЪ»: Вкатор. № 4.

Редакторъ-Издательница М. К. Ремезова.

„ТЕАТРАЛЬ“.

И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ

(5-й годъ изданія).

(Въ 1891—1894 гг. журналъ выходилъ ежемѣсячно подъ названіемъ («Театральная Библиотека»).

Съ 1895 г. будетъ выходить 50 разъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ помѣщена одна пьеса, преимущественно современнаго репертуара, одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ.

Къ каждой книжкѣ будутъ прилагаться

ПОРТРЕТЫ АРТИСТОВЪ И ДРАМАТУРГОВЪ,

исполненные фототипіей и автотипіей.

ГГ. ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОЛУЧАТЬ:

50 драматическихъ произведеній и **50** портретовъ артистовъ и драматурговъ.

Сверхъ того, въ программу журнала войдутъ: а) статьи по общимъ вопросамъ театра, б) режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) очерки и рассказы, преимущественно изъ театрального быта; г) современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) корреспонденціи, е) хроника, ж) библиографія и з) справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 4 мѣс.
Безъ доставки	6 руб.	3 руб.	2 руб.
Съ доставкой	7	4	3

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и затѣмъ ежемѣсячно по 1 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ по 50 коп. съ пересылкой. Цѣна за томъ (8—9 книгъ). —2 р. При выпискѣ одновременно не менѣе 10 экз. разныхъ №№—цѣна за каждый экз. 40 к., одного №—каждый экз. по 30 к. (что можетъ вполнѣ замѣнить переписку ролей).

Отдѣльные №№ „Театральной Библиотеки“ по 1 руб. Цѣна за томъ (4 книгъ) 3 руб. съ перес.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору журнала «Театраль» въ Москву, Страстной бульваръ, домъ Адельгеймъ.

ПОДПИСКА

НА

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

на 1895 годъ.

Съ доставкой Въ Воронежѣ:	Съ пересылкою. въ др. города:
На годъ, 5 р. — к.	На годъ 6 р. — к.
» полгода. 2 » 75 »	» полгода, 3 » — »
» 3 мѣсяца 2 » — »	» 3 мѣсяца 2 » 75 »
» 1 мѣсяць — » 75 »	» 1 мѣсяць 1 » — »

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи **Исаева**, въ Воронежѣ, въ д. доктора **Столля**, на Большой Дворянской улицѣ.

1—1

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга вышла въ ноябрѣ 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ назначенъ пользуются разсрочною до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочною до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лица, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго лица и слушатели Военно-Юридической академіи платятъ по 6 рублей въ годъ.

Инижные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи, С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной Профессоръ **Н. Сергѣевскій**.

Открыта подписка на 1895 годъ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная
безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ,
во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ труженниками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и вѣшней политики, была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраниваемую нынѣ свою типографію раздѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкою для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода 5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р.; для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к., за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не меньше 1 рубля ежемесячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сею года.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Коми. Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова
Томскъ—при книжномъ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель А. Мореховицковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я І V . **С Е М Ъ Я** Г О Д Ъ И З Д А Н І Я І V .

Выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Мѣсячная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія—оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обзоренія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческіе очерки, путешествія. 4) Биографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ европейскихъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи. 11) Объявленія и рекламы.

Журналъ „СЕМЬЯ“ является въ настоящее время безусловно самымъ дешевымъ иллюстрированнымъ изданіемъ въ Россіи. Несмотря, однако, на дешевизну, богатство, разнообразіемъ и качествомъ помѣщаемого въ немъ матеріала, онъ смѣло можетъ соперничать съ любымъ значительно болѣе дорогимъ еженедѣльнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ.

Еженедѣльно роскошно исполненные портреты іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составляющихъ интересъ дня. Такихъ портретовъ и рисунковъ будетъ даво, какъ и въ текущемъ году, болѣе 1.000. Будутъ помѣщены и портреты общественныхъ дѣятелей провинціи. Ни одинъ журналъ до сихъ поръ не давалъ такъ много изящно исполненныхъ портретовъ.

Каждый номеръ вполне отражаетъ текушія злобы дня. Достигнуто это благодаря ассигновкѣ на этотъ предметъ

50.000 РУБ.

Подписная цѣна съ доставкой 3 руб.

II.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ и шведскихъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ 3 р., а вмѣстѣ съ журн. „СЕМЬЯ“ 5 руб.

Адресъ: Москва, Главная контора (при конторѣ ежедневной газеты „Новости Дня“) журналовъ „Семья“ и „Новости иностр. литер.“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личные воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Э. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Э. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шилдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзвыы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЪ И ВЫПУСТИТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРЬ 1895 ГОДА

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція «РУССКОЙ СТАРИНЫ» приобрѣла отъ брата автора полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ-либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанна, 145. Кроме того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
на газету
 общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли
КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ
 (17-й годъ изданія).

Выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкою и доставкою: на 12 м.—5 р., на 6 м.—2 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 25 к., на 2 м. 1 р., на 1 м. 60 к.

Безъ доставки: на 12 м.—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р. Отдѣльные №№ «Курскаго Листка».—5 копѣекъ.

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Курскъ, Можаевская улица, домъ Фесенко, а также въ отдѣленіяхъ конторы въ уѣздныхъ городахъ Курской губерніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
 на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету
КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,
 издающуюся въ г. Севастополѣ.
 (годъ изданія восьмой).

Газета, выходящая ежедневно, кромя дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые билеты.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:		Съ пересылкою и доставкою.	
На годъ..	7 р. — к.	На годъ..	8 р. — к.
" 1/2 года..	4 " — "	" 1/2 года..	5 " — "
" 1/4 " "	2 " 50 "	" 1/4 " "	3 " — "
" 1 мѣсяцъ.	1 " — "	" 1 мѣсяцъ.	1 " 25 "

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 руб., къ 1-му апрѣля—3 руб., къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская ул., д. Спиро, въ г. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской ул., д. Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Синаи, въ Мелитополѣ—въ книжномъ магазинѣ Лифшица, въ Бахчисарай—у г. Колтува, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдгера и К^о, въ Феодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника» при типографіи Спиро, Полицейская ул., д. Карабанова.

1895.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

1895.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.—Романы, повѣсти и рассказы.—Маленькая юмористика.— По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.—Критическіе этюды.—Новое о знаменитыхъ писателяхъ.—Россія за границей.—Научныя новости.—Историческіе очерки, рассказы и анекдоты.—Изъ заграничной хроники.—Стихотворенія.—Мелочи.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О

Иллюстрированное приложеніе (историческія, литературныя, художественныя статьи съ рисунками; портреты писателей и знаменитыхъ дѣателей; иллюстраціи выдающихся современныхъ особъ)

въ годъ составитъ отдѣльный томъ въ 30 листовъ.

Съ января 1895 г. въ Иллюстрированномъ Приложеніи будетъ печататься переводъ (съ англійскаго) историческаго труда профессора Виліама Слоана

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I,

по новымъ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ различныхъ національныхъ архивовъ мемуаровъ,

ОБИЛЬНО УКРАШЕННОЕ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

(съ картинъ знаменитыхъ художниковъ: Верне, Давида, Далароша, Дейтля, Жерара, Жерома, Жирарде, Ивона, Изабеля, Кормона, Лефевра, Мейсонъе, Прудона, Стейбена, Фламенга, Шардъе и др., а также съ рисунковъ, исполненныхъ для этого изданія Картенъемъ, Паномъ, Мирбахомъ и со множествомъ портретовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1895 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

съ доставкой и пересылкою **4 Р.** | безъ доставки и пересылки **3 Р. 50 К.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ Пантелеева (противъ Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, уг. Кузнецкаго моста и Неглиннаго проезда, д. Шорной, а гг. многогородіе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская улица, № 16 собств. домъ.

Редакторъ **Ө. И. Булгаковъ.**

Издатель **Г. Ф. Пантелеевъ.**

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

по прежней цѣнѣ: 4 р. въ годъ съ пересылкою

и новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го и приложеніе Двадцатый вѣкъ (Электрич. живая) со множеств. иллюстр. Робида.

Открыта подписка на 1895 г. на
„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“
 (19-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ послѣ-праздничныхъ дней, въ форматѣ московскихъ газетъ, и имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Телеграммы.—Послѣдняя Почта. Сообщенія главныхъ столичныхъ газетъ о разпоряженіяхъ и работахъ правительственныхъ учрежденій; новости и слухи, имѣющіе общій интересъ для всей Россіи.—За-границей. Политическая и общественная жизнь иностранныхъ государствъ, по свѣдѣніямъ русскихъ и иностр. газетъ. Обзоръ печати.—Обозрѣніе и критика мѣстной печати о текущихъ вопросахъ и новостяхъ, преимущественно русской жизни.—Хроника. Событія, новости и происшествія мѣстной жизни. Отчеты засѣданій саратовской Думы и саратовскаго губернскаго земства. Судебные новости и отчеты.—Театръ и музыка. Рецензіи о спектакляхъ и концертахъ. Новости театральной жизни.—Областная хроника. Корреспонденція изъ уѣздовъ Саратовской и смежныхъ губерній о событіяхъ и вопросахъ мѣстной жизни. Отчеты уѣздныхъ земскихъ собраній.—Фельетоны. Ежедневныя обозрѣнія мѣстной общественной жизни (Воскресный фельетонъ). Маленькіе фельетоны: «Дневникъ Кости» (Замѣтки празднотатацадгоса), «Мелочи», «Между прочимъ». Беллетристическія повѣсти оригинальными и переводными (послѣдній подъ-отдѣлъ не постоянный).—Отдѣльныя статьи по вопросамъ экономическимъ и общественнымъ, преимущественно мѣстной жизни.—Маленькій Дневникъ. Редакціонныя замѣтки по текущимъ мѣстнымъ вопросамъ.—По Россіи. Газетныя сообщенія о наиболее характерныхъ или интересныхъ явленіяхъ русской жизни.—Новости литературы, науки и техники.—Смѣсь.—Торговый отдѣлъ. Телеграфные бюллетени Петербургской фондовой и товарной биржи (два раза въ недѣлю). Курсы процентныхъ бумагъ (ежедневно по телеграфу изъ Петербурга). Ежедневный бюллетень саратовской биржи. Торговля корреспонденціи изъ Ливана (два раза въ недѣлю), Кирсанова (ежедневно), Царицына, Петровска, Балахова, Бекова, Вольска и др. пунктовъ области. Новости саратовской торговли и промышленности. Торговля свѣдѣнія изъ другихъ мѣстностей.—Справочный отдѣлъ. Время прихода и отхода пассажирскихъ возздовъ и пароходовъ въ Саратовѣ. Судебные указатели. Святцы.—Объявленія.

Какъ газета провинціальная, «Саратовскій Дневникъ» главное мѣсто отводитъ мѣстнымъ вопросамъ. Географическое положеніе Саратова, вмѣстѣ съ проведеніемъ обширной сѣти Рязанско-Уральской желѣзной дороги, дѣлаетъ его центромъ дѣлой области, обнимающей, кромѣ Саратовской губерніи, смежныя части другихъ губерній и самарское заозье до Урала. Торгово-промышленное оживленіе этого края, уже теперь замѣтное, непрерывно возрастаетъ и, въ близкомъ будущемъ, неизбежно вызоветъ соответственное оживленіе общественной жизни. Отмѣчать его развитіе, своевременно отзываться на нарождающіеся потребности и запросы новыхъ условій русской жизни—вотъ главная задача, которую себѣ ставитъ редація «Дневника» и, по мѣрѣ умѣнья и силъ, будетъ разрѣшать.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Съ пересылкою въ другіе города:

На годъ.	7 р.		На 3 мѣсяца.	. 2 р.
На 6 мѣсяцевъ	4 р.		На 1 мѣсяць	. 1 р.

Лица, подписавшіяся на срокъ съ 1-го января 1895 по 1-ое января 1896 г., получаютъ газету до 1-го января 1895 г. не приплачивая ничего изъ годовой цѣны. Это право распространяется и на тѣхъ, которые выписываютъ газету съ разсрочкою.

Пробный экземпляръ высылается за семикопѣчную почтовую марку.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Въ 29 томахъ. Сочиненіе Сергѣя Михайловича Соловьева.

Вышли: 1, 2, 3 и 4-я книги; кажд. въ 5-ти том. По подпис. стоитъ 15 р., съ пер. и дост. 16 р.

Полное сочиненіе, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій, въ 29 томахъ; къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было). Всѣ 29 томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцовъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ четкой убористой, большого формата, въ два столбца, печати; въ каждой книгѣ по пяти томовъ, въ послѣдней книгѣ четыре тома и указатель. Всѣ 29 томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ 15 руб., съ пересылкою 10 руб. (вмѣсто бывшей цѣны за 29 томовъ 50 руб. безъ перес.). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 24 руб. Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Подписавшіеся на полученіе всего изданія 29 том. въ 6-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ 3 р., при выслѣкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ послана бесплатно. Выславшіе же при подпискѣ 10 руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ. Городскіе подписчики безъ доставки при подпискѣ вносятъ 3 руб. и затѣмъ, при полученіи каждой книги, уплачиваютъ по 3 руб. впередъ до уплаты сполна 15 руб., остальныя книги получаютъ бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПб., Б. Подъяч., 39.

Изготавливаются прочныя переплеты и крышки на всѣ 6-тъ книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р., съ пересыл. по 1 р. 25 к. кроми Азіатской Россіи и заграницы. подписчик., каковымъ пересылка производится на нѣхъ счетъ.

Книги въ переплетахъ высылаются на двѣ недѣли позже выхода въ свѣтъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВОСЬМОЙ И СЛѢДУЮЩЕ ТОМЫ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА, состоящаго изъ ДЕСЯТИ томовъ.

Вышли первые семь томовъ. Перевъ подъ ред. магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера.

Съ хромофотографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ полнѣшай въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Деме при содѣйствіи д-ра Гаака.

ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ, безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и слѣдуетъ съ новаго третьяго издѣнаго изданія.

На ВОСЬМОЙ томъ принимается подписка и выпусками. При подпискѣ высылаютъ 1 рубль, а при выслѣкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по 1 рубль на каждый. ШЕСТОЙ выпускъ высылается БЕЗПЛАТНО. Для служащихъ допускается рассрочка со взносомъ по 2 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеивъ. Принимается подписка и на остальныя два тома со взносомъ двухъ рублей по одному рублю на каждый, при выходѣ въ свѣтъ тома будутъ высылаются съ наложеннымъ платежомъ, смотря по требованію, если томъ безъ переплета, то 4 р. 10 к., въ переплетѣ 5 р. 35 коп., кроми Азіатской Россіи, куда пересылка за счетъ подписчика. Многие, не успѣвшие подписаться, изылаютъ желаніе приобрести изданіе по подписной цѣнѣ, т. е. по 5 рублей за томъ, но не могутъ уплатить всей суммы сполна; въ этомъ случаѣ Товарищество допускаетъ подписку на слѣдующихъ условіяхъ: подписчикъ высылаетъ 10 рублей, т. е. по одному рублю съ задатокъ на каждый томъ, каковыя будутъ высылаются ежемѣсячно по одному тому съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму. При выслѣкѣ задаточныхъ денегъ просятъ обозначать, какъ желаютъ получать: въ переплетѣ или безъ переплета. Деньги высылаютъ по слѣдующему адресу: СПБ. Товарищество «Общественная Польза» Б. Подъячская, № 39. Подписка на все изданіе безъ взноса денегъ не принимается. Подписавшіеся прямо отъ Товарищества «Общественная Польза» на восьмой томъ могутъ подписаться и на первые семь томовъ, при чемъ за каждый томъ высылаютъ по 5 руб. 50 коп., вмѣстѣ 6 р. 50 к.

Желавшіе получать томъ въ одинаков. прочн. переплет. съ кожан. корешк. и углами приплачив. городск. по 1 р. за кажд. томъ, иногородн. по 1 р. 25 к., вышнылающіе же изъ Азіатской Россіи уплативъ, по почтов. тарифу за 5 фуп. Деньги мѣнѣе рубля можно высылаютъ почтов. марками (но не портя нѣхъ прикладкой къ письму).

какіе-нибудь „домашніе учителя“, а затѣмъ ихъ отправляли въ учебныя заведенія.

Въ дѣтствѣ Салтыкова были два обстоятельства, благоприятствовавшихъ его развитію и сохраненію въ немъ той искры Божіей, которая потомъ такъ ярко горѣла. Одно изъ этихъ обстоятельствъ въ сущности отрицательнаго свойства — то, что онъ росъ отдѣльно и за нимъ нѣкоторое время было меньше надзора, — дало положительный результатъ: онъ больше думалъ, сосредоточивался мыслью на себѣ и окружающемъ и сталъ самостоятельно читать. Между оставшимися отъ старшихъ братьевъ учебными книгами особенное впечатлѣніе произвело на него Евангеліе, — это-то вотъ и было вторымъ обстоятельствомъ, оказавшимъ на него самое рѣшительное вліяніе; 8—9 лѣтъ онъ ознакомился съ Евангеліемъ не схоластически, а воспринялъ его непосредственно дѣтскою душою.

Первымъ его учителемъ былъ свой же крѣпкой человѣкъ, живописецъ Павелъ, которому въ самый день рожденія Михаила Евграфовича, 16-го января 1833 г., призвано было приступить къ обученію его грамотѣ. Въ слѣдующемъ году его обучать вышедшая изъ Екатерининскаго института старшая его сестра, Надежда Евграфовна, и товарищ ея по институту, А. П. Василевская. Имъ помогали въ учебныхъ занятіяхъ священникъ, обучавшій его латинскому языку, и студентъ Троицкой духовной академіи. Занимаясь Салтыковъ усердно и въ августѣ 1836 г. былъ принятъ въ третій классъ Московскаго дворянскаго института, а чрезъ два года былъ переведенъ въ лицей. Въ лицей уже въ первомъ классѣ, онъ чувствовалъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи; за это и за чтеніе книгъ онъ терпѣлъ преслѣдованія отъ начальства, а въ особенности со стороны учителя русскаго языка. Такъ какъ Салтыковъ получалъ плохіе баллы изъ поведенія, и изъ предметовъ особенно не старался, то и вышелъ съ чинкомъ X-го класса, семнадцатимъ по списку. По окончаніи курса, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства. Всѣ эти свѣдѣнія мы почерпнаемъ изъ первой главы очерка С. Н. Кривенко.

Во второй главѣ говорится о причинахъ вѣселии Салтыкова въ Вятку, о жизни и дѣятельности его въ этомъ городѣ, гдѣ онъ провѣлъ почти восемь лѣтъ. Въ слѣдующей главѣ: Служба и литература, говорится о службѣ его по министерству внутреннихъ дѣлъ, его женитбѣ, первомъ оставленіи службъ, о литературной дѣятельности (въ 1856 году его „Губернскіе очерки“ начали печататься въ „Русскомъ Вѣстникѣ“) и сотрудничествѣ въ „Современникѣ“. Въ ноябрѣ 1864 года Салтыковъ снова посту-

паетъ на службу, которую черезъ четыре года оставляетъ уже навсегда и всецѣло отдается литературѣ.

Четвертая глава говоритъ намъ о дѣятельности Михаила Евграфовича въ качествѣ редактора „Отечественныхъ Записокъ“. Какъ извѣстно, онъ на этомъ поприщѣ отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Въ главѣ пятой говорится о Салтыковѣ какъ писателѣ и семьянинѣ; въ концѣ этой главы приведено нѣсколько поэзій душевной нѣжности писемъ Михаила Евграфовича къ своимъ дѣтямъ. Въ одной изъ нихъ Салтыковъ обращаетъ вниманіе сына на почеркъ: „Букамъ у тебя выходятъ пузатенькія, съ ножками и рожками. Надо лучше писать, потому что члену литературнаго фонда безъ этого стыдно глаза въ свѣтъ показывать. Дѣла горадо пріятнѣе писать, и надо ее догонять. Очень я радъ, голубчикъ, что вамъ хорошо живется. Гуляйте и пользуйтесь случаемъ, чтобы по-нѣмецки выучиться. Научитесь — будете родителей за границей выручать, потому что родители ваши по-нѣмецки не мастера говорить. А мнѣ здѣсь очень скучно; дѣлѣе дни на своемъ мѣстѣ сижу и все молчу или кашляю“. Отношеніе его къ семьѣ отлично обрисовывается въ коротенькомъ предсмертномъ письмѣ къ сыну. Мы приводимъ текстъ и этого письма: „Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби мать и береги ее; внушай то же и сестрѣ. Помни, что ежели вы не бережете ее, то вся семья распалется, потому что до совершеннаго вѣка вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться и будь безусловно честенъ въ жизни. Вотъ все. Любящій тебя отецъ. Еще: почае всего люби родную литературу, и важніе литератора предочитай всякому другому“.

Въ шестой, послѣдней, главѣ Н. С. Кривенко говоритъ о Салтыковѣ какъ о мірскомъ человѣкѣ. Въ концѣ этой главы авторъ говоритъ о несправедливыхъ нападахъ на Салтыкова его провинциальныхъ читателей и заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими словами: „Я увѣренъ, что не одно, а нѣсколько молодыхъ поколѣній прядутъ на Салтыковскую могилу и вспомнятъ его добрымъ словомъ. Это — одинъ изъ замѣчательныхъ людей эпохи преобразованія, которая дѣлкомъ отразилась на его произведеніяхъ, со всеми нашими недугами и слабостями“.

Вотъ въ краткомъ пересказѣ содержаніе интереснаго очерка г. Кривенко. Съ вѣднѣй стороны книга издана вѣщано, безукоризненно напечатанный, гравированный въ Лейпцигѣ Геданомъ, портретъ М. Е. Салтыкова передаетъ черты писателя вполне точно.

М. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Э. Цинверлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (39 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (21 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (3 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (14 экз.), съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (41 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892, 1893-94 гг., 12 книгъ, съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVI-й.

ФЕВРАЛЬ.

1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. I. Д. Г. Анучина.	1—34	VIII. Письмо императрицы Елизаветы II къ графу Брауну, генералъ-губернатору Эстляндіи Лифляндіи. Сообщ.	217—219
II. Наши мистини-сентапы. А. О. Дабинъ и его журналъ „Словскій Вѣстникъ“. VII. Н. О. Дубровина	35—52	IX. В. В. Стасовъ.	220.
III. Записки В. А. Мисарова. Часть вторая. Гл. III—V.	53—91	X. Материалы и замѣтки — I. Императоръ Павелъ и князь Платонъ Zubovъ. — II. Объявленіе С.-Петербургской полиціи 1880 года. — III. Затрудненія въ изданіи „Русскаго Вѣстника“ 1840 г.	221—222
IV. Записки башмачника Яна Иллиснаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ. Сообщ. Г. Воробьевъ.....	92—120	XI. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи.	223—224
V. За много лѣтъ. Воспоминанія Нензѣботнаго. 1844—1884 гг.	121—153	XII. ПРИЛОЖЕНІЕ. „Изъ недалекаго прошлаго“. Семейная хроника. (Воспоминанія изъ петербургской жизни). Доктора А. И. Ильинскаго. Часть первая	33—64
VI. Изъ записокъ П. А. Кузмина. I—III.	154—173	XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VII. Автобіографія Юрьевского архимандрита Фотія. Книга вторая. Глава II. 1820—1822 гг.	174—216		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ В. В. Стасова. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1895 г.

Редакціей отпечатаны и вынужены въ свѣтъ «Записки С. Н. Глинки». Цѣна 3 руб., а для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 годъ 1 руб. 50 коп.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская. 39.

1895.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1895 г.

Библиографическій листокъ.

Изъ прошлаго Одессы Сборникъ статей Л. Бориневича, М. Веселовскаго, В. Л. Ганзена, М. Ф. де-Рибаса, А. Е. Егорова, Н. Х. Палаузова, А. Д. Риэо, С. Серафимовича, А. А. Скальковскаго, Толченова, Н. Г. Тройницкаго, О. О. Чижевича, С. Чудновскаго, I. Г. Шершеневича, М. В. Шимаковского, В. И. Шрайтла и В. А. Яковлева. Составленъ Л. М. де-Рибасомъ. Изд. Г. Г. Марали. Одесса. 1894 г. II + 400.

„Когда чествуютъ юбиляра, то послѣ рѣчей и задравныхъ тостовъ начинается, обыкновенно, интимная бесѣда о тѣхъ или другихъ выдающихся моментахъ изъ жизни виновника торжества. Выпускаемый нынѣ Сборникъ разсказовъ о прошломъ города Одессы—это интимная бесѣда о жизни дорогого нашему сердцу столѣтняго юбиляра—такъ начинается Л. М. де-Рибасъ предисловіе къ Сборнику, заглавіе котораго мы привели.

Въ этотъ Сборникъ составитель помѣстил все существенное, по его мнѣнію, что было прислано ему разными лицами для напечатанія. Статьи помѣщены въ Сборникѣ безъ всякой системы, по мѣрѣ полученія ихъ составителемъ, что онъ и самъ оговариваетъ въ своемъ предисловіи.

Въ Сборникѣ г. де-Рибаса, довольно разнообразномъ по содержанію, мы встрѣчаемъ на ряду съ большими, въ нѣсколько листовъ статьяи (какъ напр., интересная статья О. О. Чижевича „Городъ (Одесса) и одесское общество. 1837—1877 гг.“) — статьи очень небольшія, всего въ нѣсколько страницъ (И. Г. Тройницкаго, С. Чудновскаго, М. Веселовскаго); нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ Сборникъ статей уже были помѣщены въ разныхъ временныхъ изданіяхъ („Годоль въ Одессѣ“ ст. Толченова, въ журналѣ „Музыкальный Свѣтъ“, „Разказы одесскаго старожла“, ст. М. Ф. де-Рибаса, — въ газетѣ „Правда“), что и оговорено редакціею въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Всѣхъ статей восемнадцать, — принадлежатъ онѣ перу различныхъ авторовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное литературное достоинство; лучшія изъ нихъ — „Изъ памяти одесскаго старожла“ I. Г. Шершеневича (бывшаго директоромъ Ришельевской гимназіи) и „Изъ португала перваго историка города Одессы“ А. А. Скальковскаго, „маститаго Нестора Новой Россіи“, — какъ называетъ его редакторъ Сборника, — и ихъ мы особенно рекомендуемъ для прочтенія.

Съ внѣшней стороны Сборникъ Л. М. де-Рибаса изданъ прекрасно: на хорошей бумагѣ, четкими и красивыми шрифтомъ, со многими разнообразными заставками и вишестками.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Библиографическая бібліотека Ф. Павленкова.

IX.

Иванъ IV Грозный, его жизнь и государственная дѣятельность. Биографическій очеркъ Е. А. Соловьева. Съ портретомъ Ивана IV-го, воспроизведеннымъ по статуѣ Антокольскаго. Спб. 1893 г.

Мало въ русской исторіи личностей, которыя привлекали къ себѣ такое дружное вниманіе со стороны людей самыхъ различныхъ профессій, какъ личность царя и великаго князя московскаго, Іоанна IV-го Васильевича Грознаго. Ему занимались спеціалиты-историки, публицисты, драматурги, поэты, беллетристы, художники и скульпторы. Есть, значитъ, въ личности Грознаго что-то притягательное, способное возбуждать художественное воображеніе у лицъ самыхъ различныхъ наклонностей и темпераментовъ.

По отзыву Н. К. Михайловскаго, — характеристики Грознаго поразительно разнообразны: одиѣ и тѣ же внѣшнія черты, одиѣ и тѣ же рамки, и при всемъ томъ совершенно-таки разныя лица — то „падшій ангелъ“, то просто злодѣй, то возвышенный и провидательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то самостоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдуемый великія дѣла, то какая-то углая ладья, безъ руля и безъ вѣтрѣла, то личность, недостигаемо высоко стоявшая надъ всею Русью, то, напротивъ, низменная натура, чуждая всѣмъ лучшимъ стремленіямъ своего вѣка.

Очеркъ Е. А. Соловьева состоитъ изъ шести главъ. Въ первой главѣ авторъ опредѣляетъ традиціи Московскаго государства и говоритъ о дѣтствѣ и юности Іоанна Грознаго. Вторая глава начинается описаніемъ перемены въ Іоаннѣ, происшедшей вслѣдствіе извѣстнаго московскаго пожара 1547 года; далѣе говорится о вліяніи Сильвестра и Адашева и счастливыхъ тринадцати годахъ царствованія Іоанна IV. Слѣдующая глава посвящена оирячій и земщій. Послѣдніе годы и смерть Грознаго составляютъ содержаніе четвертой главы. Мы остановимся подробнѣе на пятой главѣ. **И н т е р а т у р а** о б ъ **И о а н н ѣ** **Г р о з н о м ѣ**. Въ этой главѣ авторомъ приводятся главнѣйшія характеристики Грознаго. Князь Щербатовъ, историкъ XVIII вѣка, ставитъ царя Ивана Васильевича высоко, видя въ немъ „великій и провидательный разумъ“, узаконенія его называетъ „мудрыми“, по рядомъ съ этимъ отмѣчаетъ „пизозъ сердца“ и говоритъ, что Иванъ Грозный „въ столь разныхъ видахъ представляется, что часто не однимъ человѣкомъ является“. Характеристика автора „Исторіи Государства Рос-

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СТАСОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1895 г.

ФЕВРАЛЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Височайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1895.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг. ¹⁾

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вь томительные дни сидѣнія главной квартиры дѣйствующей арміи въ Бѳоготѣ, подъ Плевной, князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій неоднократно заводилъ со мною разговоры о странномъ положеніи его самого и порученнаго ему гражданскаго управленія. По образу мыслей и характеру всѣхъ его дѣйствій, князь Черкасскій не принадлежалъ къ числу лицъ, носившихся съ своими горестями и жалобами. Въ то же время не любилъ онъ — выразусь его словами — «выворачивать свое нутро» передъ кѣмъ бы то ни было и обсуждать собственные свои поступки въ сферѣ дѣятельности частной и общественной. Отъ жалобъ удерживали его не только самолюбіе, но и полная увѣренность въ избытокъ собственныхъ силъ для необходимой борьбы, о

¹⁾ Д Г Анучинъ готовилъ подъ этимъ заглавіемъ обширный трудъ въ объемѣ двухъ томовъ со множествомъ документальныхъ приложеній. Наша редакція приобрѣла отъ автора право рядомъ статей ознакомить читателей „Русской Старины“ съ существеннымъ содержаніемъ этого сочиненія, минуя только тѣ подробности, которыя слишкомъ спеціальны для повременнаго изданія, чрезъ что, впрочемъ, ни мало не потеряется цѣлостность печатаемаго нами труда почтеннаго автора.

покаяніи не позволяла ему и думать его гордость, граничившая почти всегда и во всемъ съ высокомѣріемъ. Поэтому и боготскіе разговоры, не заключаая въ себѣ ни жалобъ, ни покаяніи и совершенно устраниая всякаго рода раздражающіе личные счеты, всецѣло были посвящаемы трезвому взгляду на вещи и хладнокровному обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять для охраненія собственнаго достоинства и разъясненія тѣхъ сложныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать гражданскому управленію въ интересное время 1876—1878 гг.

Князь Черкасскій не обинуясь говорилъ про себя, что не пришелся ко двору въ совершенно чуждой ему военной средѣ и стоитъ въ ней вполнѣ одиноко, не успѣвъ побороть сложившихся противъ него предубѣжденій, ни приобрести симпатій. Уже одной этой причины довольно было для того, чтобы и гражданское управленіе, ему ввѣренное, было не въ авантажѣ. Но оно, и само по себѣ, давало къ этому другіе, болѣе существенные поводы. Военныя власти откровенно высказывали, что самая мысль объ образованіи при арміи гражданскаго управленія была неправильна; что ни въ какомъ содѣйствіи его онѣ не нуждаются, услугъ его не желаютъ и стараются лишь о томъ, чтобы уменьшить, по возможности, массу нежданныхъ и бесполезныхъ для нихъ заботъ, появляющихся съ этой стороны.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, полевой штабъ не могъ оказывать полезнаго содѣйствія учрежденію, самое существованіе котораго считалъ вреднымъ и въ начальникѣ котораго видѣлъ лицо другихъ принциповъ и идеаловъ. Если къ этому добавить, что военный элементъ былъ полнымъ хозяиномъ положенія и что безъ рѣшительной его поддержки гражданское управленіе не могло ни прочно организовать, ни правильно развиваться, то станеть совершенно яснымъ въ высшей степени затруднительное положеніе этого учрежденія, явившагося въ составѣ общаго управленія арміи не равноправнымъ съ прочими военными органами членомъ, а какимъ-то пасынкомъ, да при томъ и незаконнорожденнымъ.

Превратныя понятія о сущности дѣла, само собою, вели къ такимъ же сужденіямъ о дѣятельности гражданскаго управленія и его

начальника. Общее недовольство недостаточнымъ, будто бы, проявленіемъ болгарами чувствъ благодарности къ Россіи переносилось и на гражданское управленіе, которое по самому своему назначенію должно было защищать мѣстное населеніе и отъ неправильныхъ къ нему притязаній со стороны нѣкоторыхъ воинскихъ частей и начальниковъ. Возникшія недоразумѣнія и личное недоброжелательство порождали массу слуховъ, которые, распространяясь въ обширномъ военномъ кругу, проникали оттуда въ большую публику и появлялись въ печати.

Встрѣчать различнаго рода препятствія и недоброжелательство и быть мишенью для самыхъ дикихъ выдумокъ и злорадства князю Черкасскому приходилось не разъ, а именно во время прежней его дѣятельности по крестьянскому вопросу и въ Царствѣ Польскомъ. Но по первому дѣлу онъ имѣлъ многочисленныхъ и талантливыхъ единомышленниковъ, горячо защищавшихъ устно и въ печати дорогіе ему принципы, а по второму—ему была обеспечена сильная поддержка у высшаго правительства въ лицѣ Н. А. Милютина, умѣвшаго своевременно выяснять обстоятельства, сглаживать первое впечатлѣніе и доказывать цѣлесообразность и неизбежность предлагаемыхъ на берегахъ Вислы мѣропріятій, казавшихся иногда рѣзкими и вызывающими. Кромѣ того ему были открыты тогда всѣ способы борьбы съ противниками, стоявшими у одного съ нимъ дѣла. Переносить обсужденіе служебныхъ дѣлъ на страницы газетъ онъ не считалъ удобнымъ, но личной борьбѣ отдавался тогда съ увлеченіемъ и, благодаря своимъ знаніямъ, энергіи и силѣ діалектики, почти всегда настаивалъ на главномъ, уступая имъ лишь въ подробностяхъ.

Ничего такого не предоставляло ему его положеніе въ арміи. Условія военного быта вообще, а тѣмъ болѣе въ военное время, затрудняютъ борьбу съ главными властями арміи до крайней степени, исключительность же обстановки дѣлъ въ войну 1877—1878 гг. не допускала и мысли о какомъ-либо противодѣйствіи. Оставалось одно—пожертвовать собою и, не покидая поля чести, на которое судьба и довѣріе государево поставили его, — стараться осуществить изъ задуманнаго и прочувствованнаго все то, что будетъ возможно. Онъ на этомъ и остановился, въ твердой увѣренности, что, при са-

мых неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, съумѣетъ все-таки быть полезнымъ родинѣ и славянскому дѣлу, принимаемому имъ близко къ сердцу.

Чѣмъ болѣе князь Черкаскій сознавалъ немыслимость борьбы и полную для него невозможность противодействовать распространенію ложныхъ слуховъ, тѣмъ серьезнѣе представлялась ему необходимость сохраненія слѣдовъ его дѣятельности въ Болгаріи для того, чтобы впослѣдствіи, по непреложнымъ фактамъ, возможно было составить ясное представленіе о всемъ имъ сдѣланномъ. Поэтому онъ очень былъ доволенъ предусмотрительностью, съ которою, съ самаго появленія своего въ главной квартирѣ, всѣ главнѣйшія изъ своихъ предположеній облакалъ въ форму докладовъ, записокъ, проектовъ и представлялъ ихъ на утвержденіе или сообщалъ для свѣдѣнія подлежащимъ властямъ. Многое изъ этого печаталось и такимъ образомъ легко могло сдѣлаться неоцѣнимыми оправдательными документами. Исходя изъ этого, какъ-то въ октябрѣ 1877 г. онъ обратился ко мнѣ съ просьбою написать отчетъ о дѣятельности гражданскаго управленія въ томъ же духѣ, въ которомъ написанъ былъ мною въ 1865 г. отчетъ о дѣятельности управленія генераль-полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ.

Съ началомъ 1864 г., по почину Н. А. Милютина, въ Варшавѣ учреждено было управленіе генераль-полиціймейстера съ цѣлью образованія въ Царствѣ Польскомъ твердой военно-полицейской организаціи, при помощи которой можно бы было рѣшительно, быстро и единообразно вводить задуманныя реформы для переустройства всего государственнаго и общественнаго строя Привислянскаго края. Реформы соображался Н. А. Милютинъ и его ближайшими помощниками, а подготовленіе для нихъ почвы и дальнѣйшая затѣмъ поддержка, во время осуществленія преобразованій, поручались генераль-полиціймейстеру Трепову, въ лицѣ котораго, по нѣкоторымъ причинамъ, инициаторы реформъ предполагали пріобрѣсти легко руководимаго исполнителя. Между тѣмъ съ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго генераль-полиціймейстера оказалось, что онъ совершенно не намѣренъ играть столь подчиненную роль. Генераль Треповъ, какъ человекъ умный и очень ловкій, легко сообразилъ, что для него будетъ удобнѣе стать между учредительнымъ

комитетомъ и намѣстникомъ, выступая дѣятельнымъ сторонникомъ послѣдняго и громко провозглашая необходимость ограничить во многомъ стремленія появившихся въ Варшавѣ новыхъ дѣятелей. Этимъ путемъ онъ приобрѣлъ большую степень самостоятельности, положивъ, къ сожалѣнію, начало расколу въ средѣ новой гражданской администраціи въ Привислянскомъ краѣ.

Въ борьбѣ, весьма оживленной и отчасти ожесточенной, прошелъ первый годъ существованія управленія генераль-полицеймейстера. Пришло время представленія о немъ отчета, и составленіе такового возложено было на меня, какъ управлявшаго однимъ изъ департаментовъ въ вѣдомствѣ генерала Трепова. Не стѣсняемый никакими указаніями и требованіями, я скоро окончилъ данное мнѣ порученіе; отчетъ былъ утвержденъ безъ малѣйшаго измѣненія, отпечатанъ и разосланъ. Одними изъ первыхъ получили его князь Черкасскій и Н. А. Милютинъ, бывшій въ то время въ Варшавѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода отчета, князь Вл. Ал. при встрѣчѣ со мною сказалъ мнѣ:

— Совсѣмъ вы обезкуражили меня и Н. А.—ча своимъ отчетомъ. Мы думали, что вашъ принципаль наговоритъ въ немъ массу несообразностей и воскурить намѣстнику и себѣ еиміамъ, а между тѣмъ рѣшительно не за что ухватиться. Въ отчетѣ оказались только факты и факты вѣрные безъ всякихъ прикрасъ. Признаюсь, это было для насъ сюрпризомъ и прибавлю—пріятнымъ. Э. Э. Треповъ долженъ быть очень благодаренъ вамъ за вашу находчивость.

Вотъ такой-то отчетъ, въ которомъ были бы одни лишь факты безъ окраски и который никого ни въ чемъ бы не обвинялъ и не восхвалялъ, князь Черкасскій и хотѣлъ подать главнокомандующему къ 1-му января 1878 г. о дѣятельности гражданского управленія за время съ ноября 1876 г. Какъ помощникъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, я охотно принялъ такое порученіе и тотчасъ же согласился на составленіе отчета. Положено было раздѣлить его на двѣ части. Въ первой слѣдовало представить только одну фактическую сторону дѣла самымъ объективнымъ, по возможности, образомъ, излагая лишь факты, сгруппированные по разнымъ частямъ гражданского управленія. Вторая часть дѣликомъ должна была состоять изъ подлинныхъ документовъ—докладовъ, записокъ, пред-

ставлений и главных бумаг текущей переписки. Изучение этого рода документов, собранных въ одно цѣлое, могло показать: какимъ именно путемъ была принята та или другая мѣра, по чьей инициативѣ и осуществлена ли она вполне согласно съ первоначальными соображеніями или таковыя были измѣнены и почему именно. Такой отчетъ, давая полную картину всего сдѣланнаго по гражданскому управленію, представлялъ бы возможность изъ подлинныхъ документовъ извлечь и ближайшія указанія о томъ, какъ шла самая работа и черезъ какія перипетіи прошла дѣятельность гражданского управления. Засимъ, не представлялось уже никакой необходимости дѣлать выводы; по каждому вопросу они явились бы сами собою, вытекая изъ общаго смысла всего сгруппированнаго въ отчетѣ.

Самая работа была организована такъ, что я писалъ текстъ отчета, а начальники отдѣленій гражданской канцеляріи должны были составить списки документамъ, подтверждавшимъ текстъ отчета и подлежащимъ внесенію во вторую его часть. Моя работа шла быстро и видимо вполне удовлетворяла князя Черкаскаго. Въ сохранившихся отрывкахъ этой работы имѣется мой собственноручный текстъ отчета по одному изъ отдѣленій канцеляріи съ замѣною въ немъ рукою князя Вл. Ал. всего лишь нѣсколькихъ выраженій.

Быстрый ходъ событій съ ноября 1877 г. и затрудненія, встрѣченныя при переходѣ черезъ Балканы—не дали возможности окончить отчета къ предполагаемуся сроку, а неожиданная смерть князя Черкаскаго положила конецъ и дальнѣйшему его составленію.

Такимъ образомъ не осуществилось желаніе князя Вл. Ал. оставить о послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности сказаніе краткое, но документальное, а потому и правдивое, хотя можетъ быть и нѣсколько одностороннее.

Съ той поры прошло болѣе шестнадцати лѣтъ. Несмотря на то, что время много уже успѣло выяснить и еще большому подвести итоги, вопросъ о дѣятельности князя Черкаскаго не только не разъяснился, но еще болѣе запутался. Кромѣ появившейся въ 1879 г. книги: «Князь Черкасскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ», въ которой помѣщено нѣсколько данныхъ о послѣднихъ дняхъ

его жизни и торжественныхъ похоронахъ въ Москвѣ—о немъ не напечатано ни одного самостоятельнаго труда. Кое-какія правдивыя данныя о дѣйствіяхъ князя Черкаскаго по продовольствію арміи встрѣчаются въ извѣстномъ сочиненіи генерала Куропаткина «Ловча и Шлевно», но и только. Все остальное, напечатанное о немъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ, сплошь почти наполнено голословными обвиненіями и осужденіями, ничѣмъ не подкрѣпленными и близко подходящими къ самымъ неостроумнымъ сплетнямъ. Произошло это оттого, что всѣ писавшіе о князѣ Черкасскомъ или мало его знали или совершенно не были съ нимъ знакомы и не были свидѣтелями его дѣятельности. И тѣ и другіе писали не по собственнымъ наблюденіямъ, а болѣе со словъ третьихъ лицъ, которыя, въ свою очередь, не были посвящены въ суть дѣла и потому не могли сказать о немъ что-либо серьезное и вполне основательное. Подобный недостатокъ знакомства съ дѣломъ не останавливалъ однако авторовъ этихъ статей отъ самыхъ рѣзкихъ выводовъ. Всѣ они, какъ бы сговорившись, смѣло заявляли, что князь Черкаскій потерпѣлъ въ Болгаріи полное фіаско, не могъ справиться съ порученнымъ ему дѣломъ, причинилъ немало вреда арміи и ничего не сдѣлалъ для болгаръ, а отличался только крайнею заносчивостью и нетерпимостью и вообще проявленіемъ дурныхъ сторонъ своего характера.

Почти такіе же отзывы о послѣднемъ періодѣ дѣятельности князя Черкаскаго приходилось слышать и во многихъ слояхъ нашего общества, слѣпо хранящихъ доселѣ противъ него злобу и предубѣжденія, начавшіяся еще со времени первоначальныхъ его работъ по крестьянскому дѣлу. Къ сожалѣнію, такіе отзывы рѣдко встрѣчаютъ надлежащій отпоръ, точно такъ же, какъ безъ всякаго почти отвѣта оставались и обвиненія, появившіяся противъ князя Черкаскаго въ печати.

Я никогда не забывалъ выказанныхъ мнѣ княземъ Черкасскимъ пожеланій сохранить о его дѣятельности въ Болгаріи точныя фактическія данныя, но долго не могъ приняться за исполненіе его желанія, и главнымъ образомъ за недостаткомъ именно фактическихъ данныхъ, на которыхъ можно бы основаться безъ боязни быть опровергнутымъ. Только въ недавнее относительно время, мною было

собрано, какъ кажется, все подававшееся собранію и по этимъ матеріаламъ написано настоящее изслѣдованіе.

Дать такой отчетъ, о какомъ думалъ князь Черкасскій въ 1877 г., невозможно уже потому, что начатая тогда работа не была окончена, и матеріалы для нея не были собраны. Да если бы предполагавшійся отчетъ и былъ написанъ въ свое время, то содержаніе его, выполнѣ отвѣчавшее тогдашнимъ обстоятельствамъ, оказалось бы теперь недостаточнымъ. Ограничиться одною группировкою фактовъ безъ должнаго ихъ освѣщенія и безъ выводовъ изъ нихъ — теперь уже немислимо. Событія, о которыхъ идетъ рѣчь, должны и могутъ быть изображены не односторонне, а въ должной полнотѣ, съ надлежащею оцѣнкою дѣйствій всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ, не исключая и самого князя Черкаскаго. Въ предполагавшемся имъ отчетѣ онъ явился бы повѣствователемъ и какъ бы судьей въ собственномъ дѣлѣ, теперь онъ только предметъ изслѣдованія, на одинаковыхъ съ прочими основаніяхъ.

Взявъ за правило быть, по возможности, объективнымъ, я не могу однако скрыть искренняго моего желанія съ достаточною ясностью и убѣдительною доказать въ настоящемъ трудѣ, что въ послѣднее свое служеніе царю и отечеству, князь В. А. Черкасскій, какъ и въ былое время, проявилъ блистательнымъ образомъ свои изъ ряда выходящія способности, силу мысли и несравненную энергію, поддерживавшую его въ неравной борьбѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ не изнемогъ отъ нравственныхъ страданій и не запечатлѣлъ своею смертію вѣрность тѣмъ принципамъ, которые неуклонно поддерживалъ на всѣхъ поприщахъ своей государственной и общественной службы.

Матеріалы, послужившіе основаніемъ для настоящаго изслѣдованія, были двухъ родовъ—частные и оффиціальныя, тѣ и другіе преимущественно письменныя и не изданныя. Печатныхъ матеріаловъ было очень мало, и состоятъ они исключительно изъ оффиціальныхъ документовъ, оставленныхъ самимъ княземъ Черкасскимъ.

Самымъ главнымъ источникомъ слѣдуетъ назвать веденный мною во время войны 1877—1878 гг. дневникъ, состоящій изъ

ежедневныхъ писемъ съ театра войны въ Петербургъ къ одному и тому же лицу (моей женѣ) и почти ежедневныхъ же записей. Все, что можно было тотчасъ же сообщать съ мѣста дѣйствій частному лицу—составляло предметъ писемъ, и ихъ съ 3-го мая 1877 г. по 3 мая 1878 г. написано 313. Все неудобное для помѣщенія въ письмахъ включалось въ записи, которыхъ набралось 228 убористо написанныхъ страницъ, за время съ 3 мая 1877 по 2 апрѣля 1878. Эти письма и записи, взаимно дополняя другъ друга, составляютъ обширный матеріалъ, до тысячи страницъ почтовой бумаги большаго формата и представляютъ массу данныхъ о всемъ мною видѣнномъ, слышанномъ и переиспытанномъ въ эту знаменательную эпоху. Туда вошли замѣтки объ оффиціальныхъ дѣятеляхъ военныхъ и гражданскихъ, историческія справки, стратегическія и тактическія замѣтки, разнаго рода бытовья картины и пейзажи и много такого, чего самъ не выдумаешь, да, не записавъ тотчасъ же на мѣстѣ, потомъ и не припомнишь. Словомъ, въ моемъ дневникѣ нашли себѣ мѣсто и «главныя директивы» и «руководящія указанія», вмѣстѣ со множествомъ подробностей, оживляющихъ текстъ и дающихъ ему особый колоритъ какъ мѣста, такъ и времени. Къ записямъ, а изрѣдка и къ письмамъ прилагались: дѣловая моя переписка съ княземъ Черкасскимъ и другими лицами и многочисленныя копіи съ наиболѣе важныхъ документовъ, касавшихся, чаще всего, до дѣятельности гражданскаго управленія въ Болгаріи и сношеній князя Черкасскаго съ лицами оффиціальнаго міра. Этимъ путемъ, содержанію дневника придана неопровержимая документальность, и въ немъ, а также и при немъ, сохранено большое число бумагъ, которыя безъ того могли бы исчезнуть безслѣдно.

Второе мѣсто между источниками занимаютъ матеріалы, полученные мною отъ частныхъ лицъ. Особаго упоминанія заслуживаютъ между ними тѣ, которые сообщены мнѣ бывшими моими сослуживцами по гражданскому управленію въ Болгаріи, генераль-лейтенантами Л. Н. Соболевымъ и М. А. Домонтовичемъ. Отъ перваго, бывшаго правителемъ канцеляріи гражданскаго управленія, я получилъ обширный сборникъ болѣе чѣмъ изъ 70-ти копій съ оффиціальныхъ документовъ.

Матеріалы, сообщенныя М. А. Домонтовичемъ (сперва прави-

тель канцеляріи, а потомъ тырновскій губернаторъ) не столь многочисленны и не столь систематически подобраны, но не менѣ важны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ выдержки изъ переписки князя Черкаскаго съ военнымъ министромъ и начальникемъ полевого штаба, и копии съ разныхъ телеграммъ имѣють особое значеніе именно потому, что ихъ-то и недоставало для категорическаго и неоспоримаго подтвержденія того или другаго обстоятельства, сохранившагося въ моемъ дневникѣ въ видѣ разсказа, замѣтки или простаго намека. Ему же я обязанъ сообщеніемъ копій съ отчетовъ, посланныхъ изъ Болгаріи княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Помѣщенные въ нихъ данныя, представляя картину положенія дѣлъ по управленію Болгаріей въ первый мѣсяць по вступленіи въ должность императорскаго комиссара, въ сущности, есть не что иное, какъ подведеніе итоговъ всему тому, что было сдѣлано управленіемъ, начатымъ княземъ Черкасскимъ и продолженнымъ въ томъ же духѣ до 8-го мая 1878 г. Полученіе этихъ документовъ дало возможность объяснить положеніе разныхъ частей гражданскаго управленія ссылками на слова лица, принявшаго наслѣдство отъ князя Черкаскаго и засвидѣтельствовавшаго ту степень развитія мѣстной организаціи, которую онъ засталъ въ Болгаріи и обязанъ былъ неуклонно поддерживать и развивать въ силу данныхъ ему инструкцій.

Частному же источнику я обязанъ, наконецъ, полученіемъ драгоценнаго документа, представляющаго ретроспективный взглядъ на свое положеніе бывшаго главнокомандующаго дѣйствовавшей арміей въ Европейской Турціи. Слова, сказанныя его высочествомъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, 23-го октября 1878 г. въ присутствіи генераловъ: Непокойчицкаго, Глинки-Маврина, Нагловскаго и Золотарева, были немедленно записаны послѣднимъ, и вѣрность записи подтверждена подписью Нагловскаго. Въ этомъ документѣ только нѣсколько фразъ посвящены князю Черкасскому, но онѣ столь характеристичны и, исходя изъ такого источника, до такой степени авторитетны, что ихъ слѣдуетъ считать ключемъ къ разъясненію многихъ обстоятельствъ, остававшихся безъ того неясными и для объясненія которыхъ можно было дѣлать лишь догадки и предположенія.

Наконецъ, послѣдній родъ матеріаловъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, заключается въ документахъ, сохранившихся въ правительственныхъ архивахъ. Эти матеріалы, къ крайнему сожалѣнію и немалому удивленію, весьма немногочисленны и разбиты на части. Одни изъ нихъ находятся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба военнаго министерства; другіе въ архивѣ Азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и, наконецъ, остальные въ архивѣ комиссіи для окончанія дѣлъ полеваго штаба дѣйствующей арміи. Число дѣлъ, касающихся до гражданскаго управленія, весьма не велико, что объясняется своеобразными канцелярскими порядками штаба. Отдѣлы его перепискѣ своей съ гражданскимъ управленіемъ особаго значенія не придавали и весьма часто присоединяли ее къ дѣламъ, не имѣвшимъ къ тому никакого отношенія. Поэтому въ дѣлахъ, собственно, полевыхъ военныхъ учреждений отыскать что-либо касающееся до гражданской администраціи можно только случайно. Собственныя же дѣла канцелярш князя Черкаскаго, почти во всемъ объемѣ, остались гдѣ-то въ Болгаріи, а отчасти будто бы сложены въ одномъ изъ нашихъ консульствъ, не въ видѣ архивныхъ документовъ, а какъ простая кладь.

Печатными источниками были:

1) «Матеріалы для изученія Болгаріи», напечатанные по порученію князя Черкаскаго, въ 5-ти выпускахъ, лѣтомъ 1877 г. въ Бухарестѣ.

2) «Сборникъ оффіціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

и 3) Разнаго рода прокламаціи, воззванія, объявленія и проч.

Всѣ эти печатные матеріалы составляютъ библиографическую рѣдкость и едва-ли существуютъ болѣе чѣмъ въ пяти, шести полныхъ экземплярахъ.

Д. Анучинъ.

Царское Село,
28-го іюля 1894 г.

Г Л А В А I.

Назначеніе князя Черкаскаго въ Болгарію.—Неожиданность назначенія.— Разсказъ о томъ князя.—Представленіе государю въ Петербургѣ.—Комитетъ подъ предсѣдательствомъ канцлера.—Положенія о завѣдывающемъ гражданскими дѣлами и его канцеляріи.—Инструкція.—Выѣздъ главной квартиры въ Кишиневъ.

Послѣ хорошо всѣмъ извѣстной, выдающейся дѣятельности по крестьянскому дѣлу въ имперіи и по проведенію реформъ въ Привислянскомъ краѣ, князь В. А. Черкасскій только на короткое время появился было вновь на аренѣ общественной дѣятельности въ званіи московскаго городского головы. Оставя вскорѣ и эту должность, онъ думалъ, что навсегда покончилъ съ государственными и общественными дѣлами. «Я убѣжденъ — писалъ онъ въ 1875 г. Ю. О. Самарину — и ежедневно убѣждаюсь болѣе и болѣе, что я для свѣта отяжелѣлъ, что въ мірѣ людская память меня покинула, даже въ кругу моихъ прежнихъ присныхъ, что самъ я утратилъ способность и случай сближенія съ болѣе молодымъ поколѣніемъ. Остается примириться съ этимъ положеніемъ, научиться оставаться чуждымъ тому движенію, — разумному или неразумному, — которое совершается вокругъ тебя, и доживать свой вѣкъ какъ можно скорѣе¹⁾».

Предчувствіе это не оправдалось, и 16 ноября 1876 г. онъ определенъ былъ на государственную службу, съ назначеніемъ завѣдывающимъ гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею.

Назначеніе это было для всѣхъ совершенною неожиданностью и доказало, что его не забыли. «Прежніе присные» несказанно обрадовались привлеченію его на служеніе отечеству при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; враги его, которыхъ немало доставила ему прежняя его дѣятельность, встрепенулись и взялись за свое обычное оружіе — клевету. Взвалить на него всякія обвиненія, пустить въ ходъ разнаго рода инсинуація въ видахъ дѣскредитирова- нія его и передъ правительствомъ и передъ обществомъ — стало

¹⁾ „Кн. В. А. Черкасскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ“. Москва, 1878 г., стр. XII.

цѣлью ихъ дѣйствій. Къ числу такихъ инсинуацій слѣдуетъ отнести пущенный въ публику рассказъ о какомъ-то будто-бы покаятельномъ письмѣ, написанномъ княземъ Черкасскимъ. Въ письмѣ этомъ онъ винился въ своихъ преступленіяхъ, за что получилъ милосердное прощеніе и вновь привлеченъ къ широкой дѣятельности.

Слышавъ отъ самого князя В. А. Черкаскаго рассказъ о его назначеніи, привожу его здѣсь, частью по памяти, но преимущественно по веденному мною за время войны 1877—78 гг. дневнику, который начинается именно подробною записью моего разговора съ княземъ В. А. о его назначеніи. Весь рассказъ принадлежитъ самому князю В. А., мною впослѣдствіи онъ дополненъ лишь проставленіемъ точныхъ данныхъ о времени тѣхъ или другихъ событій и нѣсколькими подстрочными примѣчаніями.

«Я былъ очень виноватъ передъ государемъ,—говорилъ мнѣ князь В. А.,—и виноватъ не тѣмъ, что тѣмъ-либо провинился по службѣ или вообще на поприщѣ моей общественной дѣятельности, а виноватъ лично передъ нимъ, дозволивъ себѣ непростительную въ отношеніи его не деликатность, даже больше,—просто невѣжество. Это было въ 1866 г., сейчасъ же вслѣдъ за болѣзнью Н. А. Милютина. Свѣдѣнія, дошедшія въ Варшаву о состояніи его здоровья, не оставляли никакого сомнѣнія, что онъ погибъ для работы¹⁾. Замѣна его другимъ лицомъ была неизбѣжна. Обстоятельства тогда складывались такъ, что, судя по степени довѣрія государя къ Н. А. Милютину, съ одной стороны, и тѣсной дружбѣ и общности взглядовъ между Милютинымъ и мною, съ другой, можно было предполагать, что продолженіе дѣла, веденнаго Н. А., не будетъ поручено постороннему лицу. Я поспѣшилъ въ Петербургъ, желая навѣстить больного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разъяснить обстоятельства. Но уже было поздно, мои противники воспользовались минутой и дѣйствовали съ необыкновенной быстротой. Сперва, какъ оказалось потомъ, для опечатанія частнаго кабинета Н. А. и принятія лично принадлежавшихъ ему бумагъ, графу Петру Андреевичу Шувалову, 24 ноября 1866 года, повелѣно временно вступить въ исправленіе должности главнаго начальника Собственной Е. В.

¹⁾ Н. А. Милютинъ 20 ноября 1866 г. подвергся нервному удару.

канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, а потомъ избранъ и настоящимъ преемникъ — Д. Н. Набоковъ, который высочайшимъ указомъ 1-го декабря пожалованъ въ статсъ-секретари съ порученіемъ, по случаю продолжающейся болѣзни статсъ-секретаря Милютина, управлять временно канцеляріею по дѣламъ Царства ¹⁾).

«Неотъемлемыхъ правъ на наслѣдство послѣ Н. А. Милютина новый начальникъ канцеляріи по дѣламъ Ц. П. не имѣлъ. Во время намѣстничества вел. кн. Константина Николаевича онъ состоялъ при немъ и провелъ полтора года въ Варшавѣ, но не могъ назваться знатокомъ польскихъ дѣлъ за прежнее время и рѣшительно не былъ знакомъ съ духомъ и ходомъ реформъ, принятыхъ тамъ послѣ его отъѣзда съ конца 1863 г.

«Назначеніе его было яснымъ указателемъ, что довѣріе, питаемое государемъ къ Н. А., не переносится ни на кого изъ эго ближайшихъ сотрудниковъ. Ихъ не удаляли еще отъ того дѣла, при которомъ они стояли, но имъ сдѣлали, — говоря официальнымъ языкомъ, первое предостереженіе, и я понялъ, что я самъ долженъ устранить себя. Отдаваться работѣ беззавѣтно и дѣйствовать въ Варшавѣ прямо и неуклонно можно было только при условіи поддержки въ Петербургѣ и именно такой, какую представлялъ изъ себя Н. А. Лишившись его, приходилось разсчитывать только на свои собственные средства; борьба становилась неравною, и прежній образъ дѣятельности — невозможнымъ. Собираясь предстать предъ государемъ, я заранѣе твердо рѣшилъ просить его отпустить меня со службы. Приѣмъ, какъ и всегда, былъ крайне милостивый. Государь, съ искреннимъ сожалѣніемъ и чувствомъ, говорилъ о несчастіи, постигшемъ Н. А., не вынесшаго тяжести лежавшаго на немъ труда и тревогъ, и выразилъ свои заботы о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, которое считалъ необходимымъ продолжать въ томъ же духѣ, въ какомъ оно было направлено Милютинымъ. Получивъ возможность говорить, я весьма осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказалъ, что, потерявъ въ Н. А. не только друга и товарища, но и

---

¹⁾ Въ № 260 „Сѣверной Почты“, гдѣ объявлено о назначеніи ст. сек. Набокова, помѣщено и высочайшее повелѣніе о назначеніи военнаго министра ген. ад. Милютина членомъ комитета по дѣламъ Ц. П.

постояннаго передъ моимъ государемъ защитника, всегда готоваго истолковать въ истинномъ смыслѣ мою дѣятельность на тревожной окраинѣ въ Варшавѣ—я чувствую, что не могу долѣе продолжать мою службу при новыхъ обстоятельствахъ и прошу увольненія. Государь, обходя незатронутый и мною вопросъ о сдѣланномъ уже замѣщеніи Н—я А—ча Набоковымъ, сталъ говорить собственно о моей службѣ, о пользѣ, которую я приношу дѣлу, такъ прочно и хорошо поставленному на Вислѣ, осыпалъ меня самыми лестными похвалами и въ концѣ выразилъ желаніе, чтобы я остался на своей должности, обѣщая мнѣ всяческую поддержку и обезпечивая безпристрастное отношеніе ко мнѣ и намѣстника, и новаго министра статсъ-секретаря.

Рѣчи государя глубоко взволновали меня, но не побѣдили моего рѣшенія. Поблагодаривъ государя за милостивыя слова, я снова объяснилъ, что безъ такого истолкователя передъ престоломъ, какимъ былъ Н. А., мнѣ невозможно работать по-прежнему и что, кромѣ немедленнаго оставленія занимаемой мною должности, другаго исхода изъ настоящихъ обстоятельствъ я не вижу. Разговоръ продолжался болѣе получаса и, отпуская меня, государь вторично высказалъ свое желаніе видѣть меня по-прежнему главнымъ директоромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, предоставляя мнѣ подумать объ этомъ и подумавши дать окончательный отвѣтъ. И это новое государево ко мнѣ обращеніе не успокоило моего волненія и не разубѣдило меня. Въмѣсто того, чтобы поблагодарить государя за его ко мнѣ милости и просить дозволенія снова предстать передъ нимъ съ послѣднимъ моимъ рѣшеніемъ, обдумать которое мнѣ предлагалось—я тутъ же легкомысленно отвѣтилъ, что рѣшеніе мое безповоротное, и я не могу оставаться въ Варшавѣ. Государь ничего болѣе не возражалъ. Только-что я вышелъ изъ кабинета и, держась за ручку двери, очутился въ темномъ пространствѣ передъ другою дверью, ведшею въ приемную комнату ¹⁾, я какъ-то вдругъ, всѣмъ моимъ существомъ понялъ сдѣланную мною грубую ошибку. Развѣ можно было до такой степени стоять на своемъ эгоистичномъ рѣшеніи? Развѣ не слѣдовало съ благодарностью схватиться за пред-

1) Приемъ происходилъ въ кабинетѣ Зимняго дворца.

ложеніе обдумать мое намѣреніе и попытаться исполнить волю государя, очевидно желавшаго сохранить меня въ Варшавѣ? Это сознание, какъ молнія, освѣтило меня. Возвратиться назадъ, молить государя о забвеніи моихъ словъ — невозможно! Я тотчасъ же понялъ, что сдѣланная мою ошибка непоправима и что я покончилъ свою служебную карьеру. Такимъ образомъ, къ немалому удовольствію моихъ недруговъ, я не только самъ прекратилъ свою дѣятельность въ Варшавѣ, но и сдѣлалъ себя невозможнымъ для государственной службы и на будущее время. Впрочемъ, торжество враговъ и прекращеніе карьеры не занимали меня, тяжелымъ гнетомъ на мою совѣсть легло легкомысленное непріятіе двукратно повтореннаго государемъ предложенія. Этой неделикатности я простить себѣ не могъ никогда.

«Будучи московскимъ головою, я неоднократно представлялъ государю хлѣбъ-соль отъ имени города; всегда встрѣчалъ пріятливое обращеніе монарха, но никогда болѣе не удостоивался никакими вопросами о моемъ личномъ положеніи.

«Такъ прошло ровно десять лѣтъ. Въ 1876 году, политическія обстоятельства въ Европѣ сильно запутались, а въ уровень съ ними и народное возбужденіе въ Россіи достигло крайнихъ предѣловъ. Впрочемъ, ничто еще не предвѣщало крутаго поворота въ намѣреніяхъ Россіи. Въ октябрѣ, возвращаясь изъ Крыма, государь пріѣхалъ въ Москву и 28-го числа, утромъ, совершенно неожиданно раздалось достопамятное «Кремлевское слово». Стоя въ Георгіевской залѣ, какъ разъ противъ государя у хлѣба-соли, подносимаго Москвой, я не проронилъ ни одного звука изъ рѣчи государевой, и она глубоко потрясла меня. «Послѣ такихъ словъ недалеко и до дѣла», — думалъ я и подъ этимъ впечатлѣніемъ вернулся домой, твердо вѣруя, что вотъ-вотъ Россія скажетъ свое послѣднее, рѣшающее слово. Я чувствовалъ, что предстоитъ что-то великое, серьезное и сознавалъ, что долженъ принять въ немъ участіе. Само собою разумѣется, что, будучи «не у дѣлъ», я не видѣлъ никакой возможности пріобщиться къ готовящимся событіямъ иначе, какъ путемъ добровольца, и примѣръ минувшихъ войнъ навелъ меня на мысль о служеніи общему дѣлу по надзору за госпиталями арміи, причемъ совсѣмъ не думалъ о занятіяхъ въ качествѣ агента Краснаго Креста.

Немедленно по прїѣздѣ изъ Кремля домой, я написалъ (29-го октября 1876 г.) письмо къ военному министру Д. А. Милютину, бывшему тогда съ государемъ въ Москвѣ.

Привожу дословно его содержаніе:

«М. Г. Д. А. Настоящія обстоятельства вызываютъ каждого русскаго на усиленный трудъ. Конечно, самое свойство начинающихся событій суживаетъ до извѣстной степени поле дѣятельности лицъ званія невоеннаго. Тѣмъ не менѣе, не желая уклоняться отъ общей, возлагаемой событіями на все русское общество повинности, я смѣю думать, что, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, и мои слабыя труды могли бы найти себѣ хоть сколько-нибудь примѣненія. Надзоръ въ той или другой формѣ надъ госпиталями дѣйствующей арміи или иное, въ томъ же родѣ, дѣятельное порученіе по войсковому управленію, неразрывно несвязанное съ военнымъ званіемъ, могло бы, повидимому, въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, быть ввѣрено усердію частнаго лица, ничего лично не ищущаго и руководимаго лишь желаніемъ общей пользы.

«Въ этихъ видахъ я имѣю честь просить ваше высокопревосходительство благоволить довести до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, что, буде откроется война, и, въ случаѣ всемілостивѣйшаго соизволенія, я былъ бы счастливъ посвятить остатокъ силъ и бодрости на то, чтобы сослужить Государю и Отечеству еще одну скромную, добровольную службу.

Примите и проч.»

«Военный министръ доложилъ мое желаніе государю, который принялъ его крайне милостиво, отозвавшись, что зачѣмъ же говорить о госпиталяхъ, когда Красный Крестъ долженъ имѣть своего представителя при арміи, и лучшаго кандидата на эту должность, какъ я, нельзя и желать. Государь прибавилъ, — что подобное назначеніе зависитъ отъ государыни, общалъ спросить ея мнѣніе, приказавъ объявить мнѣ, что будетъ говорить со мною на раутѣ у генераль-губернатора князя Долгорукова, гдѣ и представить императрицѣ.

«Вскорѣ послѣ прибытія Ихъ Величествъ на раутъ, подходитъ ко мнѣ князь Долгоруковъ и передаетъ, что государь спрашивалъ его, здѣсь ли я, и желаетъ со мною говорить. Я подошелъ къ тому мѣсту, около котораго былъ государь, и онъ, замѣтя меня, подошелъ къ себѣ. Поблагодаривъ за выраженное, чрезъ военнаго ми-

*

нистра, желаніе послужить общему дѣлу, государь сказалъ, что онъ говорилъ уже обо мнѣ съ императрицей и, по общему соглашенію, предполагаетъ поручить мнѣ завѣдываніе Краснымъ Крестомъ за Дунаемъ. Я съ благоговѣніемъ принялъ оказываемую мнѣ милость. Вслѣдъ за тѣмъ государь представилъ меня императрицѣ. Въ нѣсколько минутъ все было кончено, и я, тутъ же на раутѣ, могъ уже считать себя главноуполномоченнымъ при арміи отъ Краснаго Креста, съ которымъ до того времени не былъ ни въ какихъ отношеніяхъ».

Между прочимъ, на томъ же раутѣ, князь Черкасскій узналъ отъ Д. А. Милютина о предположеніи ввѣрить ему управление Болгаріей. Военный министръ говорилъ оффиціально, по порученію государя, пожелавшаго ознакомить князя Черкаскаго съ видами правительства насчетъ такъ называемаго болгарскаго вопроса. Это новое, неожиданное обстоятельство «привело меня — говорилъ князь В. А., — въ немалое смущеніе; я зналъ о готовившейся войнѣ; не сомнѣвался въ ея освободительномъ характерѣ, но мнѣ ничего не было извѣстно о томъ, что именно разумѣли подъ «болгарскимъ вопросомъ» въ правящихъ сферахъ». Краткія объясненія съ Д. А. Милютинымъ на раутѣ навели князя Черкаскаго на совершенно новый рядъ мыслей и представленій и раскрыли передъ нимъ новые горизонты дѣятельности интересной, чрезвычайно обширной, но за то и крайне отвѣтственной.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, вечеромъ 31-го октября, на станціи желѣзной дороги, государь принималъ адресъ отъ московскаго губернскаго земскаго собранія, представленный ему семью выборными, въ томъ числѣ и княземъ Черкасскимъ. Обратясь къ нему, государь спросилъ: «Говорили вы съ Д. А. Милютинымъ о занятіи Болгаріи?» и на утвердительный отвѣтъ сказалъ: «Я желаю, чтобы вы взяли это дѣло на себя, пріѣзжайте въ Петербургъ, тамъ переговоримъ».

Вотъ, по возможности, дословный пересказъ того, что мнѣ говорилъ князь В. А. о томъ, какъ состоялось новое его привлеченіе на службу. Не думаю, чтобы была какая-нибудь причина заподозрить его правдивость, особливо послѣ того, какъ выше цѣликомъ приведено, вполне подтверждающее его рассказъ письмо къ воен-

ному министру. Ко всему этому добавлю, что новому и, къ сожалѣнію, послѣдному уже появленію князя Черкаскаго на служебномъ поприщѣ содѣйствовали три обстоятельства: удачный выборъ минуты для заявленія его желанія быть полезнымъ общему дѣлу, могущественная поддержка со стороны Д. А. Милютина и, наконецъ, самое главное, великодушіе государя, не забывшаго ни заслугъ князя Владиміра Александровича, ни его способностей.

Слова государя, произнесенныя передъ выѣздомъ изъ Москвы, окончательно показали князю Черкасскому, что заявленіе его «сослужить еще одну скромную и добровольную службу» принято благосклонно и, паче чаянія, готово осуществиться не только довѣреннымъ порученіемъ нѣсколько частнаго характера, какъ званіе уполномоченнаго отъ Краснаго Креста, но и опредѣленіемъ его на высокую и впервые учреждаемую при дѣйствующей арміи должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами.

Въ общихъ чертахъ, черезъ Д. А. Милютина, онъ узналъ о политическихъ цѣляхъ войны и томъ персоналѣ, который предположено придать главнокомандующему. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ того же источника ему стало извѣстно, что ничего окончательнаго по вопросу о Болгаріи еще не выработано, и что ему самому предстоитъ задача проектировать правила, опредѣляющія сущность значенія, положенія и дѣйствій того высшаго гражданского лица, которое впервые придавалось главнокомандующему армію. Военный министръ уѣхалъ въ императорскомъ поѣздѣ; посоветоваться съ нимъ и получить отъ него какія-либо болѣе подробныя свѣдѣнія было невозможно, а между тѣмъ важность предстоящаго дѣла всецѣло овладѣла княземъ Черкасскимъ, и онъ, вѣрный старымъ привычкамъ—ничего не откладывая въ долгій ящикъ, энергично принялся за составленіе записки о будущей дѣятельности гражданского управленія при арміи ¹⁾. Къ утру 1-го ноября, записка эта

¹⁾ Князь Черкасскій былъ знакомъ съ „восточнымъ вопросомъ“ и въ пятидесятихъ годахъ напечаталъ о немъ нѣсколько замѣчательныхъ журнальныхъ статей.

была написана, переписана и въ тотъ же день отправлена въ Петербургъ къ Д. А. Милютину съ П. А. Васильчиковымъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ составлялъ записку и глубже вникалъ въ трудности и важность предстоящей ему дѣятельности, князь Черкасскій началъ критически относиться къ своимъ способностямъ и силамъ и хотя несомнѣнно не считалъ предстоящую ему задачу себѣ не по силамъ, но все-таки представившіяся ему сомнѣнія выразилъ въ письмѣ (отъ 31-го октября) къ Д. А. Милютину, прося его быть безпристрастнымъ судьей и другомъ.

«Обдумавши, писалъ онъ,—и кое-какъ набросавши записку въ общихъ чертахъ, я невольно усомнился въ своихъ силахъ. Меня беретъ раздумье, при громадности очерченной задачи, при отсутствіи товарищей, съ какими привыкъ прежде имѣть дѣло. По неволѣ вспоминаешь о покойномъ Юріи Ѳедоровичѣ ¹⁾. Зачѣмъ не прожилъ онъ хотя бы одинъ лишній годъ? Мы бы теперь поѣхали вмѣстѣ съ нимъ, и я былъ бы спокоенъ. Ну, какъ я осрамлюсь? Это было бы и лично для меня обидно и, что гораздо еще хуже, такъ вредно для дѣла, которымъ я самъ дорожу и для славянъ, и въ особенности для Россіи...

«Вы въ этомъ лучшей судья, если только рѣшится отложить въ сторону чувство дружбы ко мнѣ, что однако въ настоящемъ случаѣ совершенно необходимо. Убѣдительно прошу васъ прежде, чѣмъ окончательно станете докладывать государю, пораздумайте еще разъ хорошенько и взвѣсьте безпристрастно все то многое, что можетъ быть сказано противъ моего назначенія и что, въ случаѣ малѣйшей неудачи, всплыветъ немедленно, съ значительными преувеличеніями на поверхность той среды, которая хорошо или дурно управляетъ дѣлами въ Петербургѣ и которая васъ самихъ грызетъ непрестанно.

«Если найдется охотникъ — Игнатъевъ, или кто бы то ни было, я охотно уступлю другому тяжелую отвѣтственность задачи и съ удовольствіемъ останусь при одномъ, болѣе скромномъ, порученіи императрицы (Красный Крестъ). Необходима большая доля увѣренности въ вашей твердой и дружественной поддержкѣ, чтобы не попятиться и пойдти смѣло и бодро впередъ. Простите и извините въ докучливомъ признаніи, въ тревожившихъ меня невольно мысляхъ, которыми не съ кѣмъ подѣлиться, тогда какъ такъ хотѣлось бы послушать совѣта со стороны, откровеннаго суда о соотвѣтствіи личныхъ силъ съ трудностью задачи и цѣли. Желалъ бы вызвать его съ вашей стороны».

---

¹⁾ Ю. Ѳ. Самаринъ, работавшій съ княземъ Черкасскимъ и Н. А. Милютинымъ, сперва по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ.

Записка, отправленная въ Петербургъ при этомъ письмѣ, состояла изъ двухъ частей: общаго взгляда на устройство дѣла съ выясненіемъ необходимости обезпечить за гражданскимъ управленіемъ единство дѣйствій и девяти статей, опредѣлявшихъ основанія самаго устройства гражданской части.

Съ какою быстротой и ясностью князь Черкасскій успѣлъ овладѣть только-что представившимся ему вопросомъ о гражданскомъ устройствѣ Болгаріи, лучше всего показываетъ первая часть записки, которую и приводимъ здѣсь вполнѣ.

«Въ скоромъ времени ожидается открытіе на Балканскомъ полуостровѣ военныхъ дѣйствій.

«Война эта, чуждая завоевательныхъ стремленій, имѣетъ, главнымъ образомъ, цѣлю: съ одной стороны утвержденіе и расширеніе политической автономіи нѣкоторыхъ изъ вассальныхъ земель Турціи, уже въ той или другой мѣрѣ пользующихся такою автономіею; съ другой—дѣйствительное улучшеніе нравственнаго и матеріальнаго быта всѣхъ угнетенныхъ нынѣ христіанскихъ населеній Турціи и въ особенности племенъ славянскихъ, бывшихъ донынѣ жертвою полнѣйшаго произвола турецкой администраціи. Этотъ особенный, необычайный характеръ настоящей войны осложняетъ въ значительной степени и ту самую задачу, разрѣшеніе коей предлежитъ русскому войску. Не довольствуясь побѣдою и покореніемъ врага (одолѣніемъ), русская армія должна оставить въ край прочный слѣдъ своей побѣды. Россія принимаетъ на себя обязательство устроить, организовать край и покинуть его лишь тогда, когда въ немъ будетъ водворенъ достаточный порядокъ. Съ другой стороны, очевидно, что пребываніе русской арміи въ край, послѣ побѣды надъ врагами, не можетъ быть, по множеству причинъ, продолжено на неопредѣленное время. Пользы Россіи требуютъ, чтобы край былъ организованъ возможно скорѣе и возможно скорѣе представилъ бы задатки самобытной мѣстной администраціи.

«Но эта важная цѣль можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если будетъ теперь же немедленно приступлено къ серьезному на мѣстѣ изученію дѣйствительныхъ условій существованія края и если организаціонныя работы, необходимыя для его прочнаго устройства, будутъ ведены одновременно и, такъ сказать, параллельно съ военными дѣйствіями.

«Самое положеніе войска и войсковаго начальства будетъ въ нѣкоторой степени облегчено, если, по мѣрѣ занятія арміею Задунайскихъ областей Турціи, будутъ для этихъ областей, въ возможно скоромъ времени, образовываемы и вводимы въ дѣйствіе возможно правильная

мѣстная администрація и устройство, взамѣнъ прежняго турецкаго, управленія, упраздняемаго и сметаемаго успѣхами нашего оружія.

«Наконецъ, этого трѣбуетъ честь Россіи и польза самаго края принимаемаго русскимъ правительствомъ подъ свое высокое покровительство.

«Жители его будутъ, конечно, ожидать и надѣяться, что, вслѣдъ за изгнаніемъ турокъ и движеніемъ русскихъ войскъ впередъ, въ тылу нашей арміи водворится порядокъ, лучше прежнихъ турецкихъ порядковъ способный вознаградить ихъ за неизбѣжныя тягости, сопряженныя съ войною, и будутъ приняты дѣйствительныя органическія мѣры для общаго имъ матеріальнаго и нравственнаго улучшенія ихъ быта. Военное начальство, погруженное въ ежеминутныя и неотложныя военныя заботы, не имѣетъ досуга ни зорко наблюдать за ходомъ мѣстнаго управленія въ тылу войскъ, ни тѣмъ менѣе собирать необходимыя матеріалы, а также изучать и подробно соображать всѣ историческія и статистическія условія края и заблаговременно изготовлять проекты окончательнаго гражданскаго его устройства, тщательно соображеннаго съ этими условіями. Всѣ эти соображенія приводятъ къ мысли о необходимости учрежденія, съ самаго начала, при особѣ главнокомандующаго арміею, отдѣльной канцеляріи, на которую были бы возложены вышеуказанныя задачи, и притомъ въ вѣдѣніи высшаго гражданскаго чиновника, непосредственно подчиненнаго главнокомандующему.

«Въ видахъ возможнаго регулированія дѣйствій существующихъ въ разныхъ мѣстахъ славянскихъ, разнаго наименованія, комитетовъ, слѣдовало бы также возложить исключительно на это лицо и завѣдуемую имъ канцелярію посредничество между этими комитетами и всякаго рода частною русскою благотворительностью и тѣми мѣстными на Балканскомъ полуостровѣ безчисленными вуждами и потребностями, на удовлетвореніе коихъ нынѣ разрозненно направляются дѣйствія вышесказанныхъ комитетовъ.

«Наконецъ, въ тотъ первоначальный періодъ военныхъ дѣйствій, который будетъ предшествовать очищенію отъ турецкаго владычества сколько-нибудь значительной территоріи, гдѣ могло бы быть постепенно водворяемо новое мѣстное гражданское управленіе, такъ и впоследствии, то же самое лицо могло бы принять на себя, совмѣстно съ назначеннымъ на сей предметъ специальнымъ военнымъ начальствомъ, заботы о вербовкѣ и снаряженіи добровольцевъ въ предположенныя болгарскія дружины и объ образованіи мѣстной болгарской силы.

«Такимъ образомъ лицо, состоящее при главнокомандующемъ для завѣдыванія гражданскою частью, по непосредственнымъ указаніямъ главнокомандующаго и съ помощью особой канцеляріи по дѣламъ гражданскимъ, должно завѣдывать какъ всею канцеляріею мѣстнаго

гражданскаго устройства и управленія въ краѣ, по мѣрѣ очищенія его отъ турокъ, и всѣми текущими дѣлами сего управленія, такъ и всѣми подготовительными работами для составленія проектовъ положеній объ окончательномъ устройствѣ края; словомъ, всею внутреннею гражданскою частью: текущею и политическою.

«Но для того, чтобы дѣло правильнаго, постепеннаго устройства мѣстнаго гражданскаго управленія и мѣстной организаціи могло дѣйствительно съ успѣхомъ осуществиться, совершенно необходимо вновь проектируемому въ вѣдомствѣ главнокомандующаго управленію придать то существенное условіе единства дѣйствій, безъ котораго немислимо никакое серьезное дѣло и, при отсутствіи коего, лучше было бы вовсе не предпринимать его. Поэтому, если признають дѣйствительно неизбѣжнымъ имѣть при лицѣ главнокомандующаго отдѣльную отъ общихъ гражданскихъ дѣлъ дипломатическую канцелярію, не входящую въ составъ общей гражданской канцеляріи, то, по крайней мѣрѣ, совершенно необходимо строго и безусловно ограничить ея дѣятельность исключительно лишь одними чисто дипломатическими сношеніями съ признанными Россією правительствами и ихъ дипломатическими агентами. Всѣ безъ изыятія другаго рода гражданскія и политическія дѣла, не входящія въ этотъ разрядъ сношеній, должны быть сполна и безусловно переданы въ канцелярію по дѣламъ гражданскимъ, которая въ нужныхъ случаяхъ входитъ по нимъ въ переписку и соглашеніе со штабомъ, принимая повелѣнія непосредственно отъ лица самого главнокомандующаго. Иначе, въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями и мѣстными гражданскими властями можетъ легко водвориться самое вредное двоевластіе. Къ тому же можетъ часто встрѣчаться затрудненіе и для самаго штаба и военнаго управленія: къ кому обращаться за содѣйствіемъ по разнаго рода дѣламъ и вопросамъ — къ дипломатической ли канцеляріи или къ лицу, состоящему при особѣ главнокомандующаго по дѣламъ гражданскимъ; а всякое подобное затрудненіе породить лишь безпорядокъ или медленность въ исполненіи законныхъ и неотложныхъ требованій».

На первомъ представленіи государю въ Петербургѣ, князь Черкасскій удостоился продолжительной бесѣды. Государь зналъ уже о поданной имъ запискѣ и, соглашаясь съ его мнѣніемъ о необходимости, теперь же, подвергнуть особому обсужденію вопросъ о нашихъ будущихъ мѣропріятіяхъ въ Болгаріи, выразилъ свою твердую волю: «чтобы тамъ, за Дунаемъ, сдѣлано было нѣчто въ родѣ совершеннаго нами въ Царствѣ Польскомъ. — Прежде же всего слѣ-

дуетъ переговорить съ канцлеромъ, котораго надо согласить на это, такъ какъ вообще онъ не желаетъ войны и навѣрное будетъ сильно протестовать противу обостренія политическаго положенія новымъ болгарскимъ вопросомъ».

Князь Горчаковъ встрѣтилъ поспѣшившаго къ нему князя Черкаскаго очень любезно, но немедленно перемѣнилъ тонъ, когда услышалъ о болгарскомъ вопросѣ. Замявъ разговоръ и видимо желая прекратить его, онъ обѣщалъ, въ свободное время, ознакомиться съ составленной княземъ Черкаскимъ запиской. Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣнiе объ обсужденiи ея въ особомъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера, комитетѣ: изъ главнокомандующаго, министровъ военнаго и финансовъ, начальника полеваго штаба арміи и самого князя Черкаскаго. За исключеніемъ Д. А. Милютина, весь составъ комитета былъ совершенно незнакомъ князю Черкасскому и, съ самаго начала дебатовъ, онъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ обвиняемаго. Съ перваго приступа къ дѣлу оказалось, что постановка «болгарскаго вопроса» была совершенно неожиданна и неприятна для князя Горчакова. Онъ горячился, очень критиковалъ записку и называлъ князя Черкаскаго утопистомъ, а возбужденный имъ вопросъ о принятiи административно-гражданскихъ мѣръ — несвоевременнымъ, такъ какъ дипломатiя еще не окончила своего дѣла и не потеряна надежда на возможность исполнѣ мирнаго исхода возникшихъ недоразумѣній. Представители арміи съ своей стороны поставили вопросъ: слѣдовало ли съ началомъ военныхъ дѣйствій устраивать и гражданское управленіе занятымъ краемъ и не лучше ли все это оставить до окончанія войны, въ ожиданiи тѣхъ результатовъ, которые будутъ достигнуты войсками? Само собой разумѣется, что вопросъ этотъ, съ практической точки зрѣнiя, прiобрѣталъ первостепенное значеніе. Его надлежало рѣшить немедленно и прежде, чѣмъ какіе-либо другіе изъ намѣченныхъ въ запискѣ, потому, что остальные вопросы могли быть развиваемы только послѣ разрѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ главнаго. Соглашеніе по этому поводу было достигнуто на первомъ же засѣданiи, но не въ силу того, что всѣ члены комитета убѣдились въ его цѣлесообразности и необходимости, а потому, что имъ пришлось подчиниться очевидности и прямому требованію существующаго закона.

Въ Ливадии, 16-го октября 1876 г., было высочайше утверждено «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», а вслѣдъ затѣмъ изданы «Штаты полевого управленія дѣйствующей арміи въ военное время», по которымъ въ числѣ лицъ, состоящихъ непосредственно при главнокомандующемъ, помѣщены «чины военнаго и гражданскаго вѣдомства по управленію занятымъ краемъ».

Самое положеніе объ управленіи арміею, утвержденное не на какой-либо отдѣльный случай, а взамѣнъ дѣйствовавшихъ дотога законоположеній, указывало на образованіе при главнокомандующемъ управленія занятымъ непріятельскимъ краемъ вообще, въ данномъ же случаѣ, образованіе чисто гражданскаго управленія, способнаго на принятіе организаціонныхъ мѣръ, настоятельно вынуждалось тогдашними обстоятельствами. Война предпринималась не только для облегченія участи христіанъ, подвластныхъ Турціи, но и для достиженія болѣе или менѣе самостоятельнаго устройства Болгаріи.

Послѣ такого разъясненія, вызвавшаго между прочимъ крайнее удивленіе канцлера, что существуетъ законъ о гражданскомъ управленіи занятыхъ непріятельскихъ территорій — послѣдовало соглашеніе въ принципѣ—объ учрежденіи при главнокомандующемъ особой должности завѣдующаго гражданскими дѣлами. Тогда Д. А. Милютинъ сказалъ, что собственно по поводу записки слѣдовало бы выслушать самого ея составителя, который дотога молчалъ и только слушалъ, чтѣ говорилось противъ него. Всѣ согласились на это, и слово было предоставлено князю Черкасскому.

Князь, давно уже задѣтый за живое и успѣвшій приготовиться къ рѣчи, произнесъ большое слово. Прежде всего, и ссылаясь на великаго князя главнокомандующаго, онъ заявилъ, что самъ ни о какомъ назначеніи въ Болгарію не просилъ, но съ благоговѣніемъ принялъ предложеніе государя и готовъ теперь употребить всѣ свои силы и способности для лучшаго выполненія монаршей воли. Слѣдуя этому, онъ и высказалъ свое мнѣніе, которое считаетъ лучшимъ и сообразнымъ съ обстоятельствами, но ничего своего, во что бы ни стало, не отстаиваетъ; о веденіи дѣла гражданскаго управленія въ Болгаріи не хлопочетъ и будетъ очень радъ, если кто-нибудь другой предложитъ что-либо лучшее. Что касается до утопій

(отвѣтъ на намекъ князя Горчакова), то онъ замѣтилъ, что утопистомъ никогда не былъ, а напротивъ, подвергался нареканіямъ совершенно въ другомъ смыслѣ, однако обстоятельства доказали, что и въ крестьянскомъ дѣлѣ и въ польскомъ вопросѣ онъ стоялъ на твердой почвѣ и былъ правъ, почему утопистами скорѣе могутъ быть названы его противники (въ числѣ ихъ, какъ извѣстно, былъ и канцлеръ). Вообще, высказалъ князь Черкасскій, въ Болгаріи никто еще не дѣлалъ карьеры, и потому онъ, нигдѣ ея не искавшій, не намѣренъ искать ея тамъ; что онъ очень доволенъ своимъ свободнымъ и независимымъ положеніемъ, для себя лично ничего не ищетъ, а имѣетъ въ виду лишь одно поручаемое ему дѣло. Рѣчь эта произвела впечатлѣніе и никакихъ возраженій не вызвала. Считая обсуждаемое дѣло спѣшнымъ, главнокомандующій выразилъ свое согласіе съ главными вопросами, затронутыми въ запискѣ князя Черкаскаго, и замѣтилъ, что подробности могутъ быть выработаны военнымъ министерствомъ. Результаты перваго совѣщанія были весьма благопріятны.

На другой день князь В. А. снова былъ у канцлера. Тотъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и сказалъ, между прочимъ: *«je sais, mon cher prince, que vous êtes riche et que vous n'aspirez à rien personnellement»*. Вспоминая объ этомъ, князь Черкасскій замѣтилъ: *«этой фразѣ стараго Горчакова я повѣрилъ вполнѣ; она согласовалась съ его воззрѣніемъ, что только богатые люди — люди»*.

На послѣдующихъ засѣданіяхъ князь Горчаковъ уже не ставалъ противъ князя Черкаскаго, хотя все-таки одинъ разъ вступилъ съ нимъ въ пререканіе, когда дѣло зашло объ устройствѣ дипломатической части при главнокомандующемъ. Въ написанной еще въ Москвѣ запискѣ князь Черкасскій, въ видахъ единства дѣйствій, самымъ рѣшительнымъ образомъ заявлялъ о необходимости подчиненія дипломатической канцеляріи завѣдующему гражданскими дѣлами, а, въ случаѣ отклоненія этого, полагалъ ограничить дѣятельность ея одними лишь сношеніями съ признанными Россіею правительствами и ихъ дипломатическими агентами. Въ письмѣ къ военному министру онъ тогда же писалъ: *«Чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что необходимо было бы изъ дипломати-*

ческой канцеляріи образовать лишь особое подчиненное отдѣленіе общей гражданской канцеляріи. Я плохо вѣрю въ необходимость, съ перваго времени, при громѣ пушекъ, выснаго дипломатическаго чиновника при войскѣ. Дипломатъ серьезный необходимъ лишь въ концѣ войны, и тогда можетъ быть, и, вѣроятно, будетъ такой присланъ, независимо отъ Нелидова. Если бы послѣдній, котораго, впрочемъ, я вполне уважаю, не согласился на подчиненіе, въ такомъ случаѣ Игнатъевъ, быть можетъ, не затруднился бы указать другаго, способнаго вести мелкую, черновую дипломатическую работу, сопряженную съ военнымъ временемъ. Впрочемъ, я, на всякій случай, старался сообразоваться съ первоначально предположенными и крайне невыгодными условіями этого дѣла».

Предложенія князя Черкаскаго о дипломатической канцеляріи были рѣшительно отклонены. Съ одной стороны, канцлеръ и главнокомандующій категорически высказались за необходимость образованія самостоятельной дипломатической канцеляріи, а съ другой характеръ ея дѣятельности опредѣлялся самимъ закономъ, а именно точнымъ смысломъ 57-й статьи «Положенія о полевомъ управленіи войскъ», въ которой устанавливалось, что состоящій при главнокомандующемъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ назначается: «для веденія переписки главнокомандующаго по дипломатической части, а именно по сношенію съ иностранными правительствами, съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ русскими посольствами, миссіями и консульствами за границей, а также по заключенію конвенцій, перемирій и т. п.»

Имѣвшееся уже въ виду предположеніе о назначеніи, на случай войны, состоять при особѣ главнокомандующаго въ качествѣ дипломатическаго чиновника, ближайшаго помощника нашего посла въ Константинополь, д. с. с. Нелидова, оправдывало приданіе ему болѣе соотвѣтственнаго на этотъ разъ титула деректора дипломатической канцеляріи. Впрочемъ, и при такомъ рѣшеніи вопроса, князь Черкасскій успѣлъ выговорить въ свою пользу одну немаловажную уступку въ отношеніи Сербіи. Въ виду того, что въ то время въ Сербіи находилось большое число нашихъ добровольцевъ, въ судбахъ коихъ принимали дѣятельное участіе славянскіе комитеты — гражданскому начальству при арміи предоставлено было право на-

значить въ Сербію особаго отъ гражданской канцеляріи комиссара¹⁾).

Покончивъ съ вопросомъ о дипломатической канцеляріи, перешли къ предположенію о подчиненіи гражданскому начальству консульскаго корпуса. Князь Горчаковъ горячо возсталъ противъ этого, говоря, что подвѣдомственные ему чины могутъ быть подчинены только ему или непосредственно, или черезъ особыхъ дипломатическихъ чиновниковъ, имъ назначенныхъ, и должны оставаться агентами лишь министерства иностранныхъ дѣлъ. Князь Черкасскій указалъ, что кому другому можно было возражать противъ такого предположенія, но ужь никакъ не князю Горчакову. Дѣйствительно, въ чемъ было дѣло? Чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, служившихъ въ Турціи консулами, предполагалось назначить въ распоряженіе главнокомандующаго для службы по гражданской части въ Болгаріи именно потому, что тамъ нужны были люди испытанные, знающіе мѣстные условія и знакомые вообще съ порядками управленія и жизнью въ Турціи. Этимъ выборомъ имъ оказывалось такое довѣріе, за которое канцлеръ долженъ бы благодарить, видя, что подвѣдомственныхъ ему чиновъ желаютъ привлечь къ столь важному дѣлу въ видѣ какъ бы экспертовъ. «Впрочемъ, — прибавилъ князь Черкасскій — въ крайнемъ случаѣ можно обойтись и безъ прямаго согласія министерства иностранныхъ дѣлъ, потому что, вступая въ турецкіе предѣлы, главнокомандующій своею властью (едва-ли это такъ) можетъ приказать означеннымъ чинамъ явиться въ главную квартиру арміи и дать имъ соотвѣтственные порученія, не исполнить чего они не могутъ» Великій князь поддержалъ такое толкованіе и находилъ, что подчиненіе ему консуловъ въ этомъ именно смыслѣ необходимо. Канцлеръ тогда сдался окончательно.

Въ нѣсколько засѣданій, комиссія кончила свои занятія, и, 16-го ноября 1876 года, удостоились Высочайшаго утвержденія: во-первыхъ — учрежденіе при главнокомандующемъ арміею должности завѣдующаго гражданскими дѣлами съ особою при немъ, по утвержденному штату, канцеляріею и чинами для порученій, и во-вторыхъ — инструкція для завѣдующаго.

---

¹⁾ Правомъ этимъ князь Черкасскій не воспользовался.

По утвержденнымъ 16-го ноября 1876 года основаніямъ, завѣдующій гражданскими дѣлами былъ признанъ ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго арміею по гражданскому управленію занятымъ краемъ и подчиняемъ непосредственно главнокомандующему, у котораго имѣлъ личный докладъ о важнѣйшихъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, дѣлахъ и отъ котораго непосредственно долженъ былъ получать всѣ повелѣнія, до вѣренной ему части относящіяся. Этимъ самымъ должность завѣдующаго гражданскими дѣлами сравнена была съ должностію начальника полевого штаба арміи. Только этимъ двумъ лицамъ законъ давалъ право личнаго доклада главнокомандующему, всѣ остальные чины и учрежденія, состоявшія при арміи или занятомъ краѣ, должны были дѣйствовать черезъ ихъ посредство по принадлежности. Въ видахъ пополненія личнаго состава гражданского управленія соотвѣтственными чинами, главнокомандующему предоставлено было не только назначать въ распоряженіе завѣдующаго офицеровъ изъ воинскихъ частей арміи, но и входить въ сношеніе съ гражданскими вѣдомствами имперіи о вызовѣ и прикомандированіи чиновниковъ изъ вѣдомствъ съ предоставленіемъ всѣмъ вышеупомянутымъ чинамъ служебныхъ правъ и преимуществъ на законномъ основаніи и наравнѣ съ соотвѣтствующими чинами при завѣдующемъ гражданскими дѣлами и въ его канцеляріи.

Штатъ канцеляріи завѣдующаго опредѣлялъ только разряды должностей и ихъ содержаніе, самое же число должностей подлежало опредѣленію главнокомандующаго, по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности. Разряды классовъ должностей и присвоенное имъ содержаніе были строго согласованы съ разрядами и содержаніемъ соотвѣтственныхъ чиновъ прочихъ управленій арміи ¹⁾).

¹⁾ Завѣдывающій получалъ содержаніе по особому высочайшему повелѣнію (жалованья 6.000 руб. и добавочныхъ 2.000 руб.), а всѣ чины его канцеляріи, по штату 16-го ноября; добавочное отъ казны довольствіе назначалось: завѣдующему — наравнѣ съ полевымъ интендантомъ; помощнику его — наравнѣ съ помощникомъ полевого интенданта; правителю канцеляріи — какъ правителю канцеляріи начальника полевого штаба, а прочимъ чинамъ наравнѣ съ однородными чинами интендантскаго управленія. Кромѣ того, съ переходомъ черезъ Дунай, всѣ чины гражданской канцеляріи начали получать особое добавочное содержаніе насчетъ суммъ болгарскаго края. На устройство канцеляріи гражданского управленія одновременно отпущено 3.000 рублей.

Инструкція завѣдующему гражданскими дѣлами заключала въ себѣ слѣдующее:

I.

«На завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дунайскою арміею, предназначенною для дѣйствій въ Турціи, и подъ высшимъ руководствомъ главнокомандующаго, возлагается: 1) собраніе необходимыхъ статистическихъ и историческихъ матеріаловъ, долженствующихъ служить руководствомъ для составленія предположеній о необходимыхъ въ краѣ преобразованіяхъ для нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта Задунайскаго края; 2) постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго гражданского мѣстнаго управленія, на утвержденныхъ главнокомандующимъ основаніяхъ, въ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ отъ турецкаго владычества; 3) наблюденіе за возможно правильнымъ теченіемъ гражданской мѣстной администраціи въ тылу арміи и дѣятельное содѣйствіе военному начальству къ охраненію мѣстнаго населенія отъ всякаго рода притѣсненія; 4) присканіе изъ числа мѣстныхъ жителей, при помощи свѣдѣній, — доставляемыхъ и отъ разныхъ военныхъ начальниковъ, — лицъ вполне благонадежныхъ, которыя по своему вліянію, опытности въ условіяхъ мѣстной жизни и преданности русскому правительству, могли бы съ пользою быть употребляемы въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія; 5) наблюденіе за пользами православной церкви и за охраненіемъ народныхъ училищъ; 6) огражденіе свободы вѣры иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и мусульманъ, отъ проявленій мѣстнаго фанатизма; 7) постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ, а равно наблюденіе за возможно успѣшнымъ поступленіемъ оныхъ; 8) дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края; 9) посредничество между славянскими разнаго наименованія комитетами, какъ въ Россіи, такъ и внѣ оной, и мѣстными нуждами и потребностями жителей Задунайскаго края; 10) подготовленіе проектовъ необходимыхъ преобразованій въ краѣ, на случай могущей открыться въ нихъ надобности.

II.

Въ тѣхъ частяхъ Задунайскаго края, которыя будутъ заняты русскими войсками, бывшіе російскіе въ нихъ консулы и консульскіе агенты, какъ лица, ознакомившіяся съ мѣстными условіями края, по распоряженію главнокомандующаго дунайскою арміею, могутъ быть обращаемы на веденіе дѣлъ по мѣстному гражданскому управленію. Главнокомандующій означенною арміею, въ случаѣ надобности, можетъ назначить, по вѣдомству канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ, особаго комиссара

при сербскомъ правительствѣ, съ тою цѣлью, чтобы обезпечить сношенія съ сербскимъ правительствомъ славянскихъ комитетовъ разнаго наименованія и возлагать на упомянутаго комиссара всякаго рода другія порученія. Усмотрѣнію его предоставляется также временно возлагать сношенія по всѣмъ симъ предметамъ съ канцелярією по гражданскимъ дѣламъ и исполненіе ея требованій—на генеральнаго консула Россіи въ Бѣлградѣ».

И такъ, не только вся сущность соображеній князя Черкаскаго, изложенныхъ въ его запискѣ отъ 31-го октября 1876 г., была принята въ Петербургѣ, но и проектированные имъ 9 основныхъ пунктовъ для дѣятельности гражданскаго управленія, были цѣликомъ, за самымъ ничтожнымъ редакціоннымъ измѣненіемъ введены частью, въ данную завѣдывающему гражданскими дѣлами инструкцію, частью въ основное положеніе объ учрежденіи должности завѣдывающаго.

Почти полное принятіе соображеній князя Черкаскаго и обращеніе написанныхъ имъ правилъ въ инструкцію ему же можно бы назвать его торжествомъ, но въ сущности этого не было. Въ составѣ комитета, обсуждавшаго записку 31-го октября 1876 года, не было никого, кто бы рѣшилъ предложить отъ себя что-либо цѣлое и связанное взамѣнъ записки князя Черкаскаго. Никто изъ нихъ не составилъ себѣ никакого яснаго взгляда на гражданское управленіе Болгаріей, а потому, въ концѣ концовъ, всѣ согласились на предложенія князя Черкаскаго. Записка его прошла, главнымъ образомъ, не потому, что она была дѣйствительно замѣчательна по краткости и ясности, а потому, что у составителя ея не было соперниковъ, способныхъ выдвинуть свой контръ-проектъ. Это уже уменьшаетъ объемъ торжества князя Черкаскаго, а если обсудить всѣ обстоятельства защиты имъ своего взгляда, то легко убѣдиться, что кажущееся торжество если и не было равносильно пораженію, то служило первымъ къ нему шагомъ. Поддерживая свою записку, князь Черкасскій говорилъ съ свойственною ему рѣзкостью и съ перваго же знакомства съ людьми, до того времени его не знавшими, выставилъ себя съ самой несимпатичной своей стороны, явившись человѣкомъ честолюбивымъ, властнымъ и—вслѣдствіе весьма развитаго самомнѣнія—относившимся къ заявленіямъ противниковъ съ нѣкоторымъ издѣвательствомъ и нескрываемымъ признаніемъ своего надъ ними превосходства. Этихъ краткихъ бесѣдъ было достаточно, чтобы онъ возбудилъ къ себѣ недовѣріе въ тѣхъ именно ли-

цахъ, съ которыми обстоятельства предназначали ему дѣйствовать. Имъ сразу стало видно, что это человекъ борьбы, который не легко будетъ отступаться отъ желанія подчинить всѣхъ своему вліянію и властвовать безраздѣльно, подвергая каждое предложеніе безпощадному анализу и не принимая ничего безъ обсуждения. Это начало не заохочивало ихъ къ сближенію, напротивъ того, немедленно, еще до приступа къ общей работѣ, породило въ нихъ холодность, принесшую потомъ столько вреда дѣлу и обратившуюся на послѣдокъ въ явную неприязнь. Князь Черкасскій, какъ человекъ умный, понялъ неудовлетворительность произведеннаго имъ впечатлѣнія, но, увлекаясь достигнутымъ успѣхомъ, этимъ не смутился и, вѣруя въ свои силы и важность выпавшей на его долю задачи, надѣялся и въ будущемъ столь же удачно достигать успѣховъ и торжества своихъ мнѣній.

Представленіе государю князя Черкаскаго, по случаю назначенія на должность завѣдывающаго, состоялось одновременно съ представленіемъ главнокомандующаго и начальника полевого штаба, готовившихся къ отъѣзду въ главную квартиру. При этомъ случаѣ, государь снова повторилъ князю Черкасскому прежнюю свою мысль, а именно, что «онъ будетъ дѣйствовать въ Болгаріи точно такъ же, какъ дѣйствовалъ въ Царствѣ Польскомъ». Слова эти, сказанныя самимъ государемъ, были весьма важны для князя Черкаскаго, не потому, чтобы они точно и наглядно опредѣляли и цѣль и порядокъ его дѣйствій въ Болгаріи, но потому, что, будучи высказаны предъ главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба, торжественно свидѣтельствовали о монаршемъ одобреніи его прежней службы и довѣрія къ его будущимъ начинаніямъ по болгарскому вопросу. Именно такъ и взглянулъ на это князь Вл. Ал., успокоенный милостивыми словами государя. Ему теперь (въ половинѣ ноября 1876 года) казалось, что путь предъ нимъ расчищается, и является полная надежда на плодотворную дѣятельность совмѣстно съ военными властями.

Вслѣдъ за этимъ, 19-го ноября 1876 года, великій князь главнокомандующій со своимъ штабомъ выѣхалъ въ Кишиневъ, а князь Черкасскій остался еще въ Петербургѣ и явился къ арміи гораздо позднѣе, а именно 10-го апрѣля 1877 г., т. е. наканунѣ объявленія войны Турціи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ».

—
VII¹⁾.

Болезнь А. Ф. Лабзина и вліяніе ея на послѣдующую его дѣятельность.—Пропшествовіе въ академіи художествъ.—Увольненіе Лабзина отъ службы и ссылка на жительство въ Сеишлей.—Жизнь въ Симбирскѣ.—Конецъ.

—
Всиленные труды при изданіи періодическаго журнала, испытанныя огорченія и весьма крупныя неудовольствія сильно разстроили нервы А. Ф. Лабзина, и онъ сталъ страдать падучею болѣзьюю. — «Двоекратно случившіеся со мною нечаянные припадки, — писалъ онъ А. Н. Оленину²⁾, — угрожающіе самой моеи жизни и тѣмъ опаснѣйшіе, что они приходятъ внезапно, безъ всякой предшествующей тѣлесной болѣзни, чѣмъ свидѣтельствуеетъ, что причина оныхъ гнѣздится въ самой душѣ, — побуждаютъ меня уважить совѣтъ медиковъ и просьбы моего семейства, чтобы испытать перемѣну климата и образа жизни и устраненіемъ отъ дѣлъ дать успокоенному духу поправить и тѣлесныя мои силы и для того съ наступающею весною отправиться къ водамъ».

Прося отпуска на полгода, съ сохраненіемъ содержанія, Лабзинъ прибавлялъ, что по ограниченности средствъ онъ можетъ по-

¹⁾ См. «Русскую Старину» январь 1895 г.

²⁾ Въ письмѣ отъ 20 февраля 1819 г. Архивъ академіи художествъ, дѣло № 43.

*

ѣхать или на Андреопольскія воды г. Кушелева, въ Тверскую, или на Семеновскія г. Ноцокина въ Московскую губернію.

Письмомъ отъ 12 марта 1819 года А. Н. Оленинъ увѣдомилъ Лабзина, что ему разрѣшенъ отпускъ не только съ сохраненіемъ содержанія, но что государь пожаловалъ ему сверхъ того три тысячи руб. на путевыя издержки ¹⁾).

Отпускъ и лѣченіе водами не улучшили однакоже здоровья Лабзина; припадки усиливались и учащались, нервы, подѣ влияніемъ слагавшейся обстановки, все болѣе и болѣе разстраивались.

Во внутренней политикѣ государства стали замѣчаться повороты въ противоположную сторону; изданіе религіозно - мистическихъ книгъ подвергалось преслѣдованію, секты—гоненію, и въ 1822 году послѣдовало запрещеніе масонскихъ ложъ. Всѣмъ начальствующимъ лицамъ поручено было отобрать отъ подчиненныхъ имъ лицъ свѣдѣнія, кто и къ какой ложѣ принадлежалъ и взять подписку, что ни къ какому тайному обществу на будущее время принадлежать не будетъ. Оленинъ собралъ всѣхъ членовъ академіи художествъ, и Лабзинъ пріѣхалъ въ собраніе послѣ чтенія Высочайшаго указа. Президентъ хотѣлъ повторить чтеніе, но пріѣхавшій объявилъ, что указъ ему извѣстенъ, и передалъ свою подписку ²⁾).

— Что тутъ хорошаго?—спрашивалъ при этомъ Лабзинъ.— Сегодня запретили логи, а завтра принудятъ въ оныя ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть, вотъ у Кошелева тайныя съѣзды, и кн. Голицынъ туда ѣздитъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ.

Въ этихъ словахъ слышится мнѣніе, противное тому, что нѣсколько лѣтъ назадъ Лабзинъ писалъ кн. Голицыну по поводу тѣхъ же масонскихъ ложъ. Но противорѣчіе легко объясняется болѣзнью Лабзина, его нервно-возбужденнымъ состояніемъ, вызваннымъ переменною обстоятельствомъ, лишавшихъ его возможности

¹⁾ Впослѣдствіи и именно 31-го іюля 1822 года Лабзину было пожаловано по 3.000 рублей въ годъ столовыхъ денегъ, сверхъ получаемыхъ имъ окладовъ. (Тамъ же, дѣло № 42).

²⁾ Всеподданнѣйшая записка гр. Милорадовича 22-го сентября 1822 г. „Русская Старина“. 1885 г. № 11, стр. 384.

продолжать религіозно-миссіонерскую дѣятельность. Нервное разстройство и подозрительность настолько развились въ немъ, что въ А. Н. Оленинѣ, старавшемся сдѣлать ему только добро, Лабзинъ видѣлъ своего личнаго врага по одному тому, что онъ не сходялся съ нимъ въ мнѣніяхъ.

«Онъ (А. Н. Оленинъ),—писалъ Лабзинъ кн. Голицыну ¹⁾,—главный тайный мой врагъ, ибо, по явности, мы не только никогда съ нимъ не ссорились, ниже разлада какого между нами не было,—а только потому, что у насъ и правила и сентименты разные и что я въ 23-хъ лѣтнюю мою бытность при академіи успѣлъ заслужить, что меня и учащіе и учащіяся, и начальствующіе и подчиненные до послѣдняго служителя, женщины и ребѣнки въ академіи всѣ любятъ и уважаютъ. А о немъ едва-ли найдется одна душа, которая бы, если дана будетъ совершенная свобода, безъ страха отозвалась довольною. Примѣромъ сему можетъ служить нашъ эконокъ, креатура его, имъ опредѣленная, который едва-ли долго останется безъ меня въ академіи, также и нѣкоторые другіе. Но А. Н. (Оленинъ) есть врагъ не одному мнѣ, а и всѣмъ тѣмъ, которые въ академіи нѣкоторый вѣсъ имѣютъ. Для опоры себѣ онъ приманилъ Мартоса, обѣщавъ ему, сказываютъ, мое мѣсто въ академіи».

Все это, конечно, слова желчнаго и раздраженнаго человѣка, какимъ былъ Лабзинъ подъ конецъ своей жизни. Услышавъ сторопою, что президентъ намѣренъ сдѣлать публичное собраніе въ академіи художествъ, Лабзинъ говорилъ ему, что въ этомъ году академіи нечего представить публикѣ, и онъ не видитъ необходимости созывать собранія.

— Какая же цѣль будетъ нашего нынѣшняго собранія?—спрашивалъ онъ.—Въ 23-хъ лѣтнее мое служеніе, академія, сообразуясь со всѣми учебными заведеніями, дающими ежегодно публикѣ отчетъ въ успѣхахъ своихъ воспитанниковъ, также представляла свой отчетъ каждый годъ. Какъ предметъ ея—изящныя искусства, то мы не приглашали публики на экзамены въ грамматикѣ, математикѣ, исторіи, географіи и проч., а собственно въ художествахъ. Для того академія ежегодно отворялась, и зрѣнію cadaго

¹⁾ Въ письмѣ отъ „ 4 декабря 1822 г.

представлялись работы ея учениковъ, а также и самыхъ художниковъ, буде кто желалъ свое произведеніе представить публикѣ. Академія исполняла сіе сверхъ обязанности своей, ибо по уставу отъ нея требуется, чтобы она дѣлала сіи выставки черезъ два года въ третій, а она дѣлала ихъ ежегодно, не считая преступленіемъ закона сдѣлать болѣе повелѣннаго. Прежде мы отличали и поощряли тѣхъ воспитанниковъ, которые такъ пристращались къ художеству, что въ праздничные дни и въ гулевые часы предпочитали заниматься лучше своими работами, нежели гульбою и рѣзвостями. Такъ сформировались у насъ Егоровы, Шебуевы, Варники; а нынѣ самая склонность молодыхъ людей къ художествамъ вмѣняется иногда имъ въ порокъ и почитается за ослушаніе.

Вслушавъ эти слова А. Н. Оленинъ рѣшилъ, что вечеромъ 13 сентября собраніе будетъ не публичное, а чрезвычайное, въ которое будутъ приглашены только почетные любители и члены.

Цѣлью собранія было избраніе на открывшіяся вакансіи новыхъ почетныхъ любителей и членовъ.

«Какъ и въ самыхъ клубахъ,—говорилъ Лабзинъ ¹⁾,—гдѣ собираются только ѣсть, пить и въ карты играть, при предложеніи новыхъ членовъ встрѣчаются иногда неудовольствія для тѣхъ, кои не бывають избраны, тѣмъ паче могло что-нибудь подобное случиться тамъ, гдѣ самое ограниченіе числа заставляло нѣкоторымъ отказать, то я самъ предложилъ президенту, предварительно, прежде собранія собраться намъ и устроить все, что въ собраніи происходить должно, дабы въ ономъ не произошло никакой остановки. Согласились, и мы сошлись вечеромъ наканунѣ».

Засѣданіе началось пересмотромъ списка почетныхъ любителей, и оказалось только три вакансіи. Кандидатовъ было человекъ до десяти, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предлагали это званіе самому президенту, отъ котораго А. Н. Оленинъ однакоже отказался. Тогда предложили: графа Аракчеева, Гурьева и Кочубея. При наименованіи ихъ президентъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, «объявля, что всѣ трое его непріатели и что одного изъ нихъ

---

¹⁾ Въ письмѣ къ Голлицыну отъ „ “ декабря 1822 г. изъ Севгилея.

онъ якобы вызывалъ даже однажды на дуэль за то, что онъ зачернилъ его у государя»¹⁾).

— Вамъ, господа,—прибавилъ А. Н. Оленинъ,—вольно назначать кого хотите, а я сей свободы не имѣю, ибо меня можетъ, напримеръ, князь П. В. Лопухинъ или графъ М. А. Милорадовичъ спросить, почему они обойдены?

— Если избирать по чинамъ,—замѣтилъ на это Лабзинъ,—въ такомъ случаѣ графъ Н. П. Румянцевъ, князь П. В. Лопухинъ и митрополитъ могутъ имѣть надъ другими преимущество.

Собравшіеся отвергли вопросъ о старшинствѣ и говорили, что о чинахъ думать нечего.

— Такъ какъ всѣ предлагаемые одинакихъ чиповъ,—говорилъ Лабзинъ,—то слѣдуетъ избирать изъ нихъ тѣхъ, которые являютъ болѣе любви и могутъ болѣе оказать покровительства художествамъ. — А какъ при семъ упомянуто было, что Д. П. Татищевъ, который подарилъ академіи оригинальную картину испанской школы и за то включенъ въ число почетныхъ членовъ, по неимѣнію тогда вакансіи почетнаго любителя, и обижается этимъ,—то я предлагаю перемѣнить его на открывшуюся нынѣ вакансію почетнаго любителя.

На другую вакансію Лабзинъ предлагалъ Д. А. Нарышкина, любовь котораго къ художествамъ свидѣтельствовалась заведеніемъ у себя картинной галлерей, а на третью, — графа А. А. Аракчеева, — оказавшаго любовь къ художествамъ сооружеіемъ въ своемъ Грузинскомъ имѣніи памятника императору Павлу I и изваяніемъ для тамошняго собора статуи апостола Андрея Первозваннаго. Мартосъ настаивалъ на избраніи графа, Аракчеева, Гурьева и графа Кочубея. Лабзинъ спрашивалъ, почему онъ отдаетъ имъ преимущество передъ другими.

— Они близки къ государю,—отвѣчала Мартосъ.

• Почитая,—писалъ Лабзинъ князю Голицыну,—что и всѣ особы, которыя были предлагаемы, и графъ Милорадовичъ, и князь П. В. Лопухинъ, особливо князь П. М. Волконскій (который также былъ на листѣ) близки государю, и что не намъ судить, который изъ нихъ ближе, я не напелъ отвѣта Мартоса удовлетворительнымъ. И какъ

¹⁾ Тамъ же.

притомъ случилось, что президентъ, перечитывая имена прежнихъ почетныхъ любителей, изъявилъ свое негодование, что прежде приняты были въ почетные любители графъ Кушелевъ, графъ Растопчинъ и графъ Кутайсовъ (къ чему тотчасъ присталъ и Мартосъ), которые также были приняты потому, что были близки къ покойному государю,—тогда я, чтобы показать Мартосу несообразность его отвѣта, сказалъ ему, что, судя такъ, можно предложить въ члены и Илью кучера, потому что и онъ близокъ къ государю».

— А развѣ онъ вамъ знакомъ?—спросилъ шуткою Оленинъ.

— Хотя и незнакомъ,—отвѣчалъ Лабзинъ,—но въ моемъ понятіи всякій честный человѣкъ, вѣрно служащій своему государю и хорошо исполняющій свою должность, во всякомъ сословіи достоинъ уваженія; а какъ кучеръ есть тотъ человѣкъ, у котораго часто бываетъ въ рукахъ не только здоровье, но и жизнь наша, то для того, кому здоровье государя дорого, и кучеръ Илья человѣкъ почтенный. Къ тому же по табели о рангахъ императорскій лейбъ-кучеръ положенъ въ чинѣ полковника.

— Но онъ мужикъ,—замѣтилъ Мартосъ.

— Кулибинъ былъ мужикъ,—отвѣчалъ Лабзинъ,—однако же членъ академіи наукъ; Власовъ также изъ крестьянъ былъ членомъ медико-хирургической академіи.

— Согласны ли вы,—спрашивалъ Оленинъ,—чтобы я довелъ до свѣдѣнія тѣхъ особъ, что вы равняете ихъ съ кучеромъ Ильею?

«Насейстранный вопросъ,—писалъ Лабзинъ,—не показывающій ничего инаго, кромѣ одного недоброжелательства, трудно было отвѣчать, и онъ смутилъ меня, ибо, во-первыхъ, я сравнивалъ Илью кучера съ Кулибинымъ и Власовымъ, во-вторыхъ—въ самодержавномъ государствѣ развѣ человѣкъ низкаго состоянія не можетъ быть возведенъ на высшія степени? Кто не знаетъ исторіи князя Меншикова? Фр. Ник. Кличка, умершій курскимъ генераль-губернаторомъ, въ началѣ служилъ скороходомъ у партикулярнаго человѣка—графа Фермора, и въ наше время И. А. Алексѣевъ, бывшій сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, вышелъ изъ солдатскихъ дѣтей. Сколько есть другихъ тому примѣровъ! Въ третьихъ, слова мои, какъ бы ихъ ни взять, больше ли были оскорбительны для сихъ самыхъ особъ, нежели его (Оленина), когда онъ называлъ ихъ сво-

ими врагами и одного изъ нихъ своимъ оклеветателемъ передъ государемъ, за что будто бы онъ вызывалъ его на дуэль».

— Я отъ васъ этого не ожидаю, — говорилъ Лабзинъ, нѣсколько оправившись, Оленину, — а впрочемъ, если вамъ угодно, то дѣлайте свое дѣло, а я сихъ господъ не боюсь. Въ самодержавномъ государствѣ нѣтъ причины кого-либо бояться кромѣ одного государя, и сами сіи господа, если дойдеть до нихъ сей извѣтъ, будутъ столь великодушны, что либо презрять оный, либо, по крайней мѣрѣ, не осудятъ меня, по одному пустому слуху и сплетнямъ, которымъ кто не поддавалъ иногда?

Такъ происходило дѣло по словамъ Лабзина, но не такъ рассказывали его по городу. Говорили, что когда предложили выбрать въ почетные любители графа Аракчеева и графа Гурьева, то Лабзинъ отъ озвался, что этихъ людей онъ не знаетъ и о достоинствахъ ихъ не слышалъ, а когда назвали графа Кочубея, то онъ выразился еще болѣе рѣзко.

— Кочубей и двухъ копѣекъ не стоитъ, — сказалъ, будто бы, Лабзинъ. — Сей человекъ надутый и ничего не значащій.

Спустя нѣсколько дней Лабзинъ узналъ, что про него рассказываютъ небывалыя вещи, и онъ рѣшился разъяснить возникшее недоразумѣніе.

— Не слышали ли вы того, что до моихъ ушей дошло, — спрашивалъ онъ А. Н. Оленина. — Выносить прежде времени то, что въ какихъ-либо совѣщательныхъ собраніяхъ происходило — прибавлялъ Лабзинъ — самыми законами воспрещено, и разсѣивающій слухи во вредъ другаго, особливо съ ложными прибавками, въ самыхъ законахъ называется клеветникомъ и похитителемъ чести другаго и признается за оскорбителя.

— Я не въ первый уже разъ замѣчаю, — отвѣчалъ Оленинъ, — что все происходящее у насъ въ академіи разглашается по городу. Не только я тоже слышалъ, но и графъ Милорадовичъ пріѣзжалъ самъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ это было? Получа отъ его сіятельства вопросъ письменный, я и самъ отвѣчалъ ему письменно.

И такъ дѣло это приняло оффиціальныи характеръ. — 19 сентября 1822 года графъ Милорадовичъ просилъ Оленина увѣдомить его письменно о томъ, что происходило въ академіи художествъ.

«Когда я объявилъ совѣту, — писалъ Оленинъ¹⁾, — о надлежащемъ выборѣ трехъ почетныхъ любителей, на каковыя мѣста въ привилегіи, сей академіи данной, предписано помѣщать изъ знатнѣйшихъ особъ, и когда я выборъ сей предоставилъ общему согласію гг. членовъ академическаго совѣта, отказавшись самъ отъ сего выбора, то вице-президентъ Лабзинъ, не соглашаясь долго на утвержденіе предназначенныхъ совѣтомъ трехъ новыхъ особъ, а именно: графа Гурьева, графа Аракчеева и особенно упорствуя въ выборѣ графа Кочубея, заключилъ свой споръ тѣмъ, что если совѣтъ полагаетъ выбрать сихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ, Лабзинъ, съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители также близкую государю императору особу, а именно государева кучера Илью».

Такъ какъ все это происходило въ присутствіи болѣе чѣмъ 20 художниковъ и слова Лабзина произнесены были въ присутственной комнатѣ, то, прибавляя Оленинъ, желая дать оборотъ дѣлу не столь серьезный, сказалъ Лабзину, «что я не премину извѣстить новоизбранныхъ членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Ѳедоровичъ, предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору кучера Илью. — Сей неожиданный отвѣтъ мой произвелъ въ собраніи невольный общій смѣхъ, который привелъ Лабзина въ нѣкоторое негодованіе, ибо онъ съ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ: «Извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь».

Препровождая письмо Оленина императору Александру, бывшему тогда въ Веронѣ, графъ Милорадовичъ, не спросивъ Лабзина, приложилъ и свою записку, въ которую внесъ и всѣ городскія сплетни²⁾. Лабзинъ оспаривалъ справедливость сдѣланнаго на него доноса и просилъ суда

«Я не знаю, — говорилъ онъ³⁾, — какъ описалъ А. Н. (Оленинъ) сіе происшествіе, но по воспослѣдовавшему со мною несчастію могу заключить, что оно описано не точно такъ, какъ было, и несчастіе мое

¹⁾ Графу Милорадовичу 21 сентября 1822 г. «Русская Старина» 1875 г. № 10, стр. 293, 1885 г., № 11, 382.

²⁾ Записка отъ 22 сентября 1822 г. «Русская Старина» 1885 г. № 11, 383.

³⁾ Въ письмѣ къ вк. Голицыну въ декабрѣ 1822 изъ Сенгилей.

такъ велико, что я имѣю право просить, чтобы сіе дѣло было изслѣдовано. Мы не одни съ А. Н. (Олепнымъ) тутъ были; пусть скажутъ другіе, какъ что было, и, хотя по пословицѣ: «Les absents ont toujours tort», при всемъ томъ я увѣренъ, что найдутся нѣкоторые, которые не захотятъ торговать своими совѣстями и даже присягнуть въ томъ, что никакого дерзкаго, тѣмъ паче буйнаго поступка отъ меня не происходило и никакихъ оскорбительныхъ рѣчей ни на чей счетъ произнесимо мною не было, какъ то, повидимому, донесено Его Величеству, особливо ежели вапе сіятельство, для достиженія истины, примете на себя трудъ или поручите довѣренной вами особѣ предсѣдательствовать въ томъ собраніи, въ которомъ сіе розысканіе предпринято было бы.

«По крайней мѣрѣ сіе сходбище наше или такъ назову пробу будущаго собранія, столь же мало можно назвать академическимъ собраніемъ, сколько пробы и репетиціи представляемыхъ на театрахъ піесъ не почитаются самыми спектаклями, хотя и на оныя тѣ же актеры собираются; но сверхъ словъ, принадлежащихъ къ самой піесѣ, говорятся иногда и другія рѣчи и происходятъ дѣйствія, къ самой піесѣ не относящіяся. Такъ и у насъ разговоры сіи происходили не въ формальномъ засѣданіи, такъ что иные сидѣли, другіе стояли, иные ходили, и самыя рѣчи президента показываютъ, что онъ не почиталъ сего сходбища нашего за формальное академическое собраніе».

Тѣмъ не менѣе 20 октября 1822 года послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ было сказано: «Вице-президентъ академіи художествъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабзинъ отставляется отъ службы». — Князю А. Н. Голицыну повелѣно было сдѣлать выговоръ Оленину ¹⁾ за неумѣніе сохранить порядокъ въ засѣданіи и недонесеніе начальству, а гр. Милорадовичу приказано

---

¹⁾ Высочайшее повелѣніе кн. Голицыну 20 октября. — Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Голицына 10 ноября 1822 г. („Русская Старина“ 1885 г. № 11, стр. 385 и 386). Въ письмѣ кн. Голицыну отъ 7 ноября А. Н. Оленинъ писалъ: „Гнѣвъ государя императора праведенъ, ибо государь справедливъ! — Мнѣ, конечно, слѣдовало прервать неумѣстную рѣчь Лабзина, вмѣсто обращенія оной въ шутку, написать его слова въ журналъ и донести вашему сіятельству; но я не рѣшился этого сдѣлать — истинно изъ единаго состраданія къ ближнему. —

выслать Лабзина изъ столицы въ деревню съ запрещеніемъ выѣзда изъ нея безъ особаго на то разрѣшенія ¹⁾. — «Если же, — писалъ кн. Волконскій графу Милорадовичу ²⁾, — не имѣетъ онъ никакого нигдѣ помѣстья, то, по сношенію вашему съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, избрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ отдаленной губерніи для жительства его и отослать туда подъ особенный надзоръ, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ онаго безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія».

Никакихъ помѣстій у Лабзина не оказалось, и графъ Кочубей избралъ мѣстомъ ссылки городъ Сенгилей, Симбирской губерніи, преимущественно окруженный татарскимъ населеніемъ, и коего полиціймейстеръ (бывшій уланъ, по имени Дзячкаонецъ) пользовался репутаціей очень строгаго человѣка... «Высылка этого человѣка, — писалъ Кочубей, — составляетъ теперь предметъ всѣхъ разговоровъ и, можно сказать, что никто этимъ не удивленъ» ³⁾.

Болѣе всѣхъ удивленъ былъ самъ Лабзинъ, когда, 7-го ноября, узналъ отъ графа Милорадовича о несчастіи, его постигшемъ. Все случившееся онъ приписывалъ интригѣ Мартоса, желавшаго и надѣявшагося получить его мѣсто. Едва дотащившись до своей квартиры, Лабзинъ написалъ письмо Милорадовичу, въ которомъ сообщалъ, что не имѣетъ никакихъ средствъ для отъѣзда. Положеніе его въ этомъ отношеніи было дѣйствительно безвыходное, и обстоятельства сложились такъ, что мнимый недругъ его первый пришелъ къ нему на помощь.

«Узнавъ вчера отъ васъ, — писалъ А. Н. Оленинъ А. Г. Ухтомскому ⁴⁾, — что А. Θ. Лабзинъ, при крайнемъ его несчастіи, пахо-

Я подумалъ: «Лабзинъ наказанъ Богомъ тяжкою падучею богѣвню! У него нѣтъ пристаивца безъ службы, и я составляю несчастье того человѣка, который меня почитаетъ своимъ врагомъ. — Нѣтъ лучше и этотъ крестъ я попесу на себя и не осрамлю академіи художествъ оглашеніемъ наглости, оказанной ей вице президентомъ».

¹⁾ Высочайшее повелѣніе кн. Голицыну 20 октября 1822 г. „Русская Старина“ 1875 г. № 10, стр. 294.

²⁾ Въ письмѣ отъ 20 октября 1822 г. „Русская Старина“ 1883 г. № 11, стр. 385.

³⁾ Всеподданнѣйшее письмо графа В. П. Кочубея 10 ноября 1822 г. „Русская Старина“ 1881 г. № 12, стр. 881.

⁴⁾ „Русская Старина“, 1875 г. № 10, стр. 295.

дятся въ крайней будто бѣдности, я рѣшился ему помочь по долгу христіанскому, несмотря на великое огорченіе, которое онъ мнѣ нанесъ необдуманнѣмъ своимъ поступкомъ, и на многія другія огорченія. Богъ съ нимъ! Онъ теперь несчастливъ, и другаго я въ немъ не вижу. И такъ, вотъ росписка моя въ жалованьи моемъ на 300 руб., ибо денегъ у меня теперь нѣтъ. Возьмите сію сумму посредствомъ сей росписки у Д. И. Воробьева и отдайте А. Ѳ. Лабзину; но съ тѣмъ, чтобы какъ онъ, такъ и его близкіе отнюдь бы не знали, отъ кого сіи деньги присланы. Скажите, что вы ихъ нашли для него, а отдасть ихъ, когда захочетъ. Я надѣюсь на вашу честность и увѣренъ, что вы меня не огласите. Прошу мою записку тотчасъ истребить».

Получивъ деньги, Лабзинъ такъ и не узналъ имени своего перваго и самаго искренняго благотворителя. Вслѣдъ за тѣмъ кп. А. Н. Голицынъ, имѣвшій всегда отъ государя пѣкоторую сумму денегъ для раздачи бѣднымъ, прислалъ ему 2 т. руб. на путевыя издержки ¹⁾. Знакомая г-жи Лабзиной дѣвица принесла ей 800 руб., а бывшій ученикъ академіи — 200 руб., и съ этими деньгами Лабзины отправились въ путь.

Сборы въ дорогу были непродолжительны и въ 2 часа пополудни 13 ноября Лабзинъ выѣхалъ изъ академіи съ женою Анною Евдокимовною и съ воспитанницею Софьею Мудровой. Въ квартирѣ его съ вещами и мебелью остались на временное жительство сестры его Анна и Елизавета Ѳедоровны Лабзины ²⁾. Графъ Милорадовичъ прислалъ коляску настолько плохую, что въ ней нельзя было доѣхать и до Царскаго Села. Одинъ изъ пріятелей далъ свою карету, въ которой Лабзинъ съ семействомъ и сопровождавшій его полицейскій офицеръ и отправились въ путь. Въ Тверь пріѣхали, когда Волга стала, но переѣзжать по льду еще было нельзя. На утро ледъ былъ прорубленъ, экипажи перевезены на паромъ, а путешественники перешли по льду. Подъ Москвою верстахъ въ двухъ отъ ст. Черныя-Грязи карета опрокинулась въ ровъ; съ Лабзинимъ

---

¹⁾ Лабзинъ не упоминаетъ объ этихъ деньгахъ. См. „Рус. Архивъ“ 1892. № 12, 371.

²⁾ Рапортъ полиціи-мейстера Жукова А. Н. Оленину отъ 13-го ноября 1822 г. Архивъ академіи художествъ, дѣло № 43.

случился припадокъ падачей болѣзни, а его супруга повредила себѣ ногу, и ее пришлось нести на рукахъ до самой станціи. Въ Москвѣ все семейство Лабзина остановилось у его пріятеля, извѣстнаго доктора Мудрова, обязаннаго Лабзину помощію во время студенчества и занятій за границею. Будучи масономъ, Мудровъ былъ связанъ долготѣней дружбою съ Лабзинымъ и передалъ ему на воспитаніе свою племянницу ¹⁾, съ которою Александръ Ѳедоровичъ и пріѣхалъ теперь въ Москву. Мудровъ приготовилъ комнаты въ своемъ домѣ для принятія гостей, испросилъ разрѣшеніе иллюминировать свой домъ, встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ съ низкимъ поклономъ и оказалъ первую медицинскую помощь супругѣ Лабзина ²⁾.

На слѣдующее утро къ Мудрову явился полиціймейстеръ, потребовавшій, чтобы гости его немедленно выѣхали изъ первопрестольной столицы. Ни состояніе здоровья супруга Лабзина, которую носили по комнатамъ въ креслахъ, ни порча кареты, требовавшей починки, не были приняты въ уваженіе, и Лабзина гнали изъ Москвы, какъ заразу. Замѣнивъ карету двумя санными повозками, изгнанники отправились въ дальнѣйшій путь. На третій день они дотацились, почти по голой землѣ, до Владиміра. Клязьма встала, но переѣхать по льду было еще нельзя, и губернаторъ разрѣшилъ Лабзину отдохнуть въ городѣ двое сутокъ ³⁾.

Въ началѣ декабря Лабзинъ прибылъ въ Симбирскъ, гдѣ былъ встрѣченъ довольно сочувственно. «Вообще, — писалъ онъ кн. Голицыну ⁴⁾, — въ моемъ несчастіи я счастливъ: меня привелъ Господь въ такую губернію, которая отличается, кажется, согласіемъ населяющихъ ее, — одного письма знакомаго мнѣ довольно было, чтобы всѣхъ расположить ко мнѣ дружески. Многіе просили полиціймейстера увѣдомить ихъ тотчасъ, какъ я пріѣду, и потому, лишь я въѣхалъ, стали являться ко мнѣ люди съ вопросами о моихъ нуждахъ и съ предложеніемъ услугъ своихъ. Нѣкоторые даже ожидали меня въ томъ трактирѣ, гдѣ мнѣ пристать надлежало. Но все это

¹⁾ Впослѣдствіи вышла замужъ за г. Лайкевича.

²⁾ Воспоминанія о Лабзинѣ М. А. Дмитріева „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 6, стр. 838.

³⁾ Письмо Лабзина кн. Голицыну 27 ноября 1822 г. изъ Владиміра.

⁴⁾ Отъ „ “ декабря 1822 г. изъ Сенгилея.

въ губернскомъ, а не уѣздномъ городѣ, изъ которыхъ въ одномъ, здѣшней же губерніи, я не нашелъ ни калача, ни простаго пива. Губернаторъ (котораго вообще здѣсь хвалятъ) показался и мнѣ человекомъ добродушнымъ. Онъ, думая, что я самъ мѣстомъ жительства моего выбралъ г. Сенгилей, удивился тому и, рассказывая мнѣ о невыгодностяхъ онаго, предлагалъ даже ходатайство свое оставленіи меня въ Симбирскѣ, предполагая поводомъ къ тому, что грузинскіе князья, присланные также къ нему, и нѣкоторые, безъ сомнѣнія, опаснѣе меня живутъ въ Симбирскѣ. Но я, опасаясь, чтобы благорасположеніе ко мнѣ добрыхъ сердець не раздражило паче сердца моихъ гонителей, просилъ его сего не дѣлать».

Изъ Сенгилея Лабзинъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну письмо, въ которомъ просилъ «приголубить» сопровождавшаго его полицейскаго офицера, оказавшаго многія услуги во время путешествія, и, повергая себя милосердію государя, просилъ ходатайства о сложеніи съ него «тягостнаго гнѣва» императора.

Въ Сенгилей Лабзинъ и его супруга помѣстились въ избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, имѣвшей аршинъ восемь въ квадратѣ, рядомъ съ кухней, «откуда чадъ и тараканы беспокоятъ насъ» писалъ онъ ¹⁾. При 13 градусномъ морозѣ они сидѣли въ нетопленной комнатѣ и дрогли, не потому, чтобы дровъ не было или купить ихъ было не на что, а потому, что труба лопнула, и поправить ее было некому. Не говоря о томъ, что во всемъ городѣ не было архитектора, но даже каменщика, печника и трубочиста. За печникомъ пришлось посылать за 35 верстъ къ помѣщику, чтобы починить трубу и, въ ожиданіи его пріѣзда, дрогнуть. Въ Сенгилей можно было получить тогда многое даромъ, но за то часто и за деньги нельзя было достать того, что необходимо для самыхъ первыхъ потребностей жизни. Симбирскій помѣщикъ Петръ Петровичъ Тургеневъ, по старинной масонской связи прислалъ Лабзину возъ домашнихъ и другой лѣкарственныхъ припасовъ, безъ которыхъ обходиться было трудно. Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Сенгилей, Лабзинъ занемогъ, то за докторомъ пришлось посылать въ Симбирскъ; онъ пріѣхалъ на другой день, прописалъ лѣкарство, но

¹⁾ Въ письмѣ З. Я. Каряфеву. «Рус. Арх.» 1892 г. № 12 стр. 368.

въ городѣ не было аптеки, и надо было снова посылать въ Симбирскъ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ можно было оказать первую помощь больному. Сравнивая свое прежнее положеніе съ настоящимъ, Лабзинъ находилъ, что дешевизна въ Сенгилеѣ хуже дороговизны въ какомъ-нибудь другомъ городѣ.

Не имѣя средствъ къ существованію, посланный туда, гдѣ трудами своими не могъ снискать пропитанія Лабзинъ, съ полною покорностью жилъ «съ тараканами въ дыму и чаду» ¹⁾).

«Ахъ! какая разность,—писалъ онъ Хвостову ²⁾),—между тѣмъ, чтобъ учить и давать другимъ совѣты и исполнять то самому! Можно налагать на другихъ бремена тяжка, а самому и пальчикомъ не пошевелить. Я самъ около 40 лѣтъ проповѣдывалъ другимъ о крестоношеніи: можетъ быть, востребовалось отъ меня показать тому примѣръ на практикѣ самымъ дѣломъ, и что жъ? да будетъ воля Его! Я обнимаю крестъ, а не бѣгу отъ него. Слава Ему, слава Ему преблагому!» ³⁾).

— Я становлюсь историческимъ лицомъ — говорилъ Лабзинъ, — о которомъ судить будутъ потомки. Господь укрѣпляетъ немощныя мои силы, и я твердо положилъ: что бы со мною ни послѣдовало и хотя бы стало еще хуже, никого изъ человѣковъ, а особливо изъ великановъ земли объ облегченіи участи моей не просить, предавая себя въ полную волю Отца моего небеснаго и доказывая имъ на опытъ, что вѣрующій и безъ ихъ милостей жить можетъ.

Въ Сенгилеѣ Лабзинъ оставался до половины мая 1823 года, когда по ходатайству кн. Голицына и по просьбѣ оставшейся въ Петербургѣ сестры его Анны Ѳедоровны ему пожалована была пенсія въ 2 т. рублей ⁴⁾ и позволеніе переѣхать въ Симбирскъ на жительство.

Ни постигшее Лабзина несчастіе, ни трудная, полная лишений жизнь въ Симбирскѣ не измѣнили его характера.

¹⁾ Письмо его З. Я. Каряфеву «Рус. Арх.» 1892 г. № 12, стр. 367.

²⁾ Отъ 29 января 1823 года.

³⁾ Почти то же писалъ онъ и З. Я. Каряфеву. См. «Рус. Арх.» 1892 г. № 12, стр. 367.

⁴⁾ Такая же пенсія пожалована была и сестрамъ Лабзина.

«По избранію ли, по пущенію ли Господню, — говорилъ онъ, — но около 40 лѣтъ я работникомъ въ Его виноградѣ, и Его уже дѣло отрубить ли меня отъ лозы своей, какъ вѣтвь негодную, или отеребить ее, дабы большій плодъ принесла. А работники винограда Господня состоятъ подѣ иными законами, часто не согласными съ мнѣніями человѣческими. Апостолы не могли бы исполнить порученнаго имъ дѣла, если бы слушались сужденій и мнѣній человѣческихъ, — ихъ дѣло терпѣть и страдать. Произнеся разъ отъ всей полноты сердца то, что мы всякій день въ церкви слышимъ: сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ, я во всю жизнь мою старался имѣть сіе постояннымъ себѣ правиломъ. Посему ни за какими земными благами не гонялся, не человѣкоугодничалъ и вся моя жизнь была не что иное, какъ сплетеніе разнородныхъ крестовъ, которыхъ я не бѣгалъ. Всѣ призванные въ состояніе Апостольское, — говоритъ г-жа Гіонъ, — не должны заграждать устъ своихъ молчаніемъ отъ страха гоненій, но должны говорить тѣмъ дерзновеннѣе. Терпѣніе въ гоненіяхъ есть вѣрнѣйшій признакъ обитающей въ душѣ истины Божіей. Терпѣніе и постоянство болѣе обратили людей въ христіанство, нежели самыя чудотворенія и кровь мучениковъ сдѣлалась сѣменемъ христіанъ; ибо чудесамъ и сатана подражать можетъ, но не терпѣнію. Не должно удивляться тому, что злоба человѣковъ изгоняетъ служителей Божіихъ, кои сѣяли благое сѣмя; напротивъ того, зная, что и съ самимъ Иисусомъ поступлено было такъ же, души Апостольскія должны паче радоваться, нежели печалиться, видя себя осуждаемыхъ, обвиняемыхъ, изгоняемыхъ и преслѣдуемыхъ правды ради.

«Вотъ, милостивый государь, — прибавлялъ Лабзинъ въ письмѣ къ Голицыну¹⁾, — сколь различны правила духовныхъ людей отъ правилъ обыкновенныхъ человѣковъ! Ежели они истинны, то надобно же кому-нибудь руководствоваться ими; а ежели это заблужденія, то на что же и выпускать такія книги въ свѣтъ и заблужденія выдавать за важныя и великія истины?»

«Я предвижу, что и симъ письмомъ не угожу вашему сіятельству.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 3-го іюня 1823 г. изъ Симбирска.

но что жъ мнѣ дѣлать? Не отвѣчать на благосклонное письмо ваше было бы невѣжливо; а отвѣчать не то, что у меня въ сердцѣ и головѣ, для меня совѣстно. Бывъ всю жизнь мою служителемъ истины, подъ старость приниматься за лицемеріе и лесть мнѣ уже поздно. Я знаю, что мы всѣ, не только цари и вельможи, не любимъ возраженій, а любимъ только поддакиванье, слѣдовательно, для пріобрѣтенія благосклонности чьей бы то ни было, по мірскому суду, нужно бы было послѣднее, особливо въ моемъ положеніи. Но ежели я, и зная свою выгоду, жертвую оною даже съ рискомъ, то сіе самое не показываетъ ли, что я движимъ высшимъ какимъ-то побужденіемъ, а не однимъ своекорыстіемъ? По мнѣнію вашего сіятельства, оправдываться есть какъ бы грѣшно; неужели же обвинять чело-вѣка, не изслѣдовавъ дѣла до прѣма, душеспасительно? А я до сихъ поръ не знаю, что на меня представлено, правда, или нѣтъ? И это не мудрено было бы изслѣдовать, пока еще всѣ тѣ люди, при коихъ сіе происходило, живы. Оправдываться не есть противно никакой морали, никакой филозофій, никакой религіи, тѣмъ паче христіанской, которая вся основана на милосердіи, правдѣ и истинѣ. Не только Апостолы и мученики оправдывали себя въ иныхъ случаяхъ; но и самъ Спаситель, который за тѣмъ и нисходилъ на землю, чтобы пострадать и умереть, и который не хотѣлъ было и отвѣчать Пилату, но когда архіерейскій слуга безвинно ударилъ Его въ ланиту, сказалъ: аще злѣ глаголахъ, свидѣтельству о злѣ; аще ли же ни, что мя біеши? т. е. требовалъ же справедливости. Послѣ сего примѣра можно ли такое требованіе почитать противнымъ христіанскому смиренію? Напротивъ того, еслибъ я обнесенъ былъ какому пріятелю моему; то, буде дружба его для меня цѣнна, я долженъ искать предъ нимъ оправдаться, и скорѣе я погрѣшу противъ смиренія, еслибъ я не захотѣлъ предъ нимъ оправдаться. Тѣмъ паче предъ государемъ, коего милость, по всѣмъ отношеніямъ, должна быть драгоцѣнна для вѣрноподданнаго! Уже многіе опыты показывали мнѣ, а послѣдній утвердилъ, что я въ мысляхъ Его Императорскаго Величества весьма очерненъ, и это ли вина, что я ищущу избавить себя отъ напраснаго гнѣва моего государя, избирая къ тому не побочные какіе пути, а прибѣгая къ помощи бывшаго моего начальника, полагая обязанно-

стію подчиненнаго имѣть прямую довѣренность и откровенность къ своему начальнику; а долгъ добраго начальника—защищать и покровительствовать своихъ подчиненныхъ.

«Впрочемъ (на основаніи Іоан. XVIII, 36), будучи ни къ чему земному, ни къ самой жизни здѣшной не привязанъ, лишеніе временныхъ благъ я не почитаю большимъ урономъ, и зная, что къ блаженству истинному призываются болѣе бѣдныя, нищія и труждающіе, нежели счастливыя и любимцы міра, я, по милости Господней, переношу горестное мое положеніе съ твердостью и терпѣніемъ, какими немногіе похвалиться могутъ, будучи твердо увѣренъ, что если Господу моему угодно будетъ удѣлить мнѣ что-нибудь и отъ временныхъ Его благъ, то, какъ сердце царево въ руцѣ Божіей, Господь внушитъ царю и другія обо мнѣ мысли, и тогда окружающіе монарха, какъ теперь не могутъ подать мнѣ руку помощи въ моемъ страданіи, не въ состояніи будутъ воспрепятствовать моему благополучію, которымъ я хочу обязанъ быть токмо Богу и государю. Господь до сихъ поръ меня не оставляетъ, можетъ быть, и государь когда-нибудь обратится ко мнѣ съ милостію. Ежели же имъ это не угодно, я готовъ все переносить и терпѣть по гробъ безъ ропота. Ваше же сіятельство покорнѣйше прошу сестру мою, которую и вы нашли и христіанскою и смиренною, съ прочими остающимися тамъ моими домашними, принять подъ ваше покровительство и не допустить отягчить еще ихъ участь высылкою изъ квартиры; ибо я, оставаясь въ нищенскомъ положеніи, ни тамъ, ни здѣсь устроить благосостояніе ихъ еще не могу, лишень будучи даже способовъ руками своими доставать себѣ пропитаніе; ибо мнѣ не въ портные и сапожники, или же въ столары уже идти; а мое ремесло здѣсь ни для кого не надобно».

Въ Симбирскѣ Лабзинъ былъ встрѣченъ весьма радушно бывшими масонами. Здѣсь прежде была масонская ложа «Ключъ къ добродѣтели», великимъ мастеромъ который былъ кн. Баратаевъ, приходившійся съ родни Лабзину. Бывшіе масоны встрѣтили его съ большимъ уваженіемъ, старались предупредить его желанія, но, раздраженный несчастіемъ и большой, самъ Лабзинъ смотрѣлъ на нихъ съ недоувѣріемъ, подозрительностію и принималъ ихъ не особенно ласково. Такъ, когда губернской почтмейстеръ Лазаре-

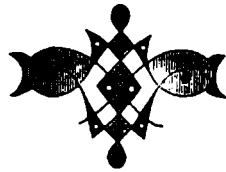
*

вѣчь, желая истинно быть ему полезнымъ, предложилъ получать на его имя письма и писать черезъ него, то Лабзинъ заподозрилъ въ этомъ дурной умыселъ. — «Если вамъ, батюшка, — сказалъ онъ Лазаревичу, — угодно быть надо мной шпиономъ, вамъ никто не мѣшаетъ».

Лазаревичъ не оскорбился такимъ отвѣтомъ, да и вообще, — говоритъ М. А. Дмитріевъ ¹⁾, — «надобно отдать справедливость тогдашнимъ жителямъ Симбирска, они терпѣливо переносили первоначальную раздражительность изгнанника и добились его искренней признательности и искренняго чувства дружества. Они берегли его, какъ больного ребенка, какъ бѣдную душу, оскорбленную судьбою, и много помогали ему, но такъ искусно, что онъ и самъ никогда не догадывался».

Въ Симбирскѣ Лабзинъ прожилъ не долго и 59-ти лѣтъ отъ рожденія скончался 26 января 1825 года. Онъ похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ его пріятель, архимандритъ Серафимъ. На могилѣ его поставленъ крестъ изъ дикаго камня и на немъ помѣщены вырѣзанные на бронзовой дощечкѣ стихи М. А. Дмитріева, приведенные нами въ концѣ предыдущей главы.

Н. Дубровинъ.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г. № 6, стр. 839 и 840.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА III ¹⁾.

Предпріятія общества.—Знаменитый балъ съ лотереєю-аллегри 3 января 1847 г.—Разнообразіе нашихъ предпріятій.—Князь Одоевскій, какъ гастрономъ и хлѣбосоль.—Заведенія, учрежденныя обществомъ.—Семейная квартира и магазинъ.—Лѣчебница для приходящихъ, доселѣ существующая.—Стѣсненія, претерпѣваемыя обществомъ.—Присоединеніе его къ Императорскому человѣколюбивому обществу.—Отчаяніе князя Одоевскаго и яростная война его съ совѣтомъ этого общества.—Князь Одоевскій, какъ музыкантъ.—Смерть герцога Лейхтенбергскаго.—Новый попечитель нашъ великій князь Константинъ Николаевичъ.—Безплодныя усилія великаго князя восстановить наше независимое существованіе.—Мой выходъ изъ общества.

Въ сказалъ уже, что устройство различныхъ предпріятій въ пользу общества было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей дѣятельности. И дѣйствительно: обычныхъ доходовъ у насъ было очень мало и, если мы зарабатывали деньги, то именно этими предпріятіями.

Трудно изобразить ту силу участія, которымъ публика сопровождала наши затѣи. Я помню первый нашъ балъ съ лотереєю-аллегри, 3 января, кажется, 1847 года. Начать съ того, что положительно невозможно было удовлетворить всѣхъ, желавшихъ имѣть

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1896 г.

билеты на этотъ балъ, и потому цѣнность ихъ, въ послѣдніе дни передъ баломъ, достигла баснословныхъ размѣровъ. Потомъ, во время сѣзда на балъ не было возможности принять на сохраненіе все платье безчисленныхъ посѣтителей, и потому многіе, чтобы только попасть на балъ, просто бросали свои вещи въ сѣняхъ. Разумѣется, что всѣ залы Дворянскаго собранія были положительно биткомъ набиты, все это ждало момента открытія лотерейныхъ колесъ, потому что въ то время это было дѣломъ довольно новымъ, и оно не оплошилось еще до нынѣшней степени положительнаго отвращенія къ нему. Когда наступилъ этотъ моментъ—трудно было сохранить не только порядокъ, но и самыя эстрады, на которыхъ стояли колеса съ назначенными при нихъ членами. Не прошло, кажется, пяти минутъ, какъ всѣ колеса были пусты, а требованія продолжались. Я лично былъ при одномъ колесѣ съ Краевскимъ и княземъ Дмитріемъ Оболенскимъ и несъ обязанность казначея при этомъ колесѣ, независимо отъ общихъ обязанностей министра финансовъ, которому подчинялась вся денежная часть этого предпріятія. Въ суматохѣ, съ которою раздавались лотерейные билеты, нѣкоторые изъ нихъ попадали на полъ. Когда раздача кончилась, а толпы продолжали осаждать нашу эстраду, я началъ подбирать эти упавшіе билеты и предлагать ихъ желающимъ по 5 руб. за каждый. Шутливое мое предложеніе обратилось въ серьезное дѣло, потому что въ желающихъ платить эту сумасшедшую цѣну недостатка не было, и я успѣлъ продать этимъ выгоднымъ для общества способомъ билетовъ пятнадцать или двадцать.

Объ этомъ балѣ долго потомъ говорили и мы, въ особенности, долго помнили успѣшныя его результаты, тѣмъ болѣе, что потомъ, что бы мы ни затѣвали, такихъ результатовъ уже не было. А затѣвали мы много и постоянно. Чего, чего только мы не придумывали. У насъ были концерты, спектакли, мы учреждали картинныя выставки и безпроигрышныя лотереи. Мы не оставляли въ покоѣ ни одного изъ содержателей публичныхъ увеселеній, а знаменитый И. И. Излеръ постоянно былъ нашимъ покорнѣйшимъ слугою. Какъ только появлялась какая-нибудь артистическая знаменитость, наши многочисленныя члены тотчасъ опутывали ее своими сѣтями и добивались непременно того, что она соглашалась служить нашему

обществу. Въ пользу общества играли всевозможные музыканты, пѣли всевозможные пѣвцы и пѣвицы, и даже знаменитѣйшая изъ знаменитостей — незабвенная Рашель — играла для насъ лучшія сцены изъ своего репертуара.

Предпріятія эти имѣли еще и ту заманчивую для членовъ сторону, что приводили въ движеніе все общество, сближали всѣхъ членовъ и группировали ихъ вокругъ центра, изображаемаго княземъ Одоевскимъ. Каждый изъ членовъ получилъ тотчасъ должность въ подобномъ предпріятіи и изъ кожи лѣзъ, чтобъ исполнить какъ можно усерднѣе и отчетливѣе обязанности, съ нею сопряженные, потому что, въ противномъ случаѣ, на него опрокидывался контроль другихъ 300 членовъ, и во главѣ ихъ — неумоимаго въ подобныхъ случаяхъ Д. П. Хрущова. При этомъ сближеніи образовывались общіе вечера, обѣды и другія дружескія собранія, на которыхъ, разумѣется, въ весельи и искренности не было недостатка. «Брудеръ-шафтъ» былъ на первомъ планѣ, хотя не пускалъ глубокихъ корней, вслѣдствіе различныхъ степеней, на которыхъ стояли наши члены въ службѣ и въ обществѣ. Такимъ образомъ болѣею частью случалось, что въ теченіе веселаго вечера всѣ были на «ты», а на утро у многихъ языкъ не поворачивался произносить это дружеское слово такимъ личностямъ, съ которыми, кромѣ вчерашняго вечера, ничего не было и не могло быть ничего общаго.

Надо замѣтить, что князь Одоевскій былъ величайшій хлѣбосоль и, несмотря на свои ограниченныя средства, постоянно собиралъ насъ то на обѣды, то на ужины. Ужины особенно были въ ходу и имѣли въ себѣ много оригинальнаго. Часто собравшись къ нему въ урочный часъ, мы начинали заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ: одинъ закуривалъ сигару, другой просматривалъ газеты, третій спрашивалъ чаю. У князя царствовала полнѣйшая свобода, и каждый посѣтитель въ его комнатахъ былъ положительно какъ у себя дома. Всѣ даже и не спрашивали, гдѣ князь? ибо знали, что онъ тоже занятъ — на кухнѣ. Князь былъ не только хлѣбосоль, но и великолѣпнѣйшій изъ поваровъ. Тогда въ какомъ-то изданіи появлялись замѣчательныя статьи доктора Пуфе по части поварской. Самъ князь говорилъ мнѣ, что статьи эти — его произведенія. На срединѣ его стола всегда стояла цѣлая батарея всевозможныхъ соусовъ,

собранных со всего земнаго шара, которые мы иначе не называли, какъ «ядами»; до такой степени они были сильны. Отсюда слѣдуетъ, что и блюда и вина у него, какъ у спеціалиста, были превосходныя, и кормленіе вообще производилось артистически, но самая эта артистичность стѣсняла нѣсколько такихъ простыхъ людей, какъ я. У князя считалось величайшимъ преступленіемъ выпить краснаго вина, тогда какъ, по законамъ искусства, слѣдовало выпить бѣлаго или взять хересу, когда на очереди стоялъ лафитъ. Для избѣжанія подобныхъ промаховъ, я сначала просто спрашивалъ князя, послѣ каждаго блюда, что надо пить, и слѣдовалъ его указаніямъ до тѣхъ поръ, когда самъ приобрѣлъ уже достаточную въ этомъ отношеніи опытность. Князь любилъ находить предлоги, чтобы вмѣстѣ пообѣдать или поужинать. Приѣдетъ ли какой-нибудь старый пріятель его изъ Москвы, Кошелевъ, Хомяковъ напр., онъ непременно созываетъ насъ для общей бесѣды и общей трапезы.

Но, конечно, далеко не стало бы его незначительнаго состоянія, если бы всѣ пиры нашихъ общественныхъ дѣятелей совершались всегда у него и на его счетъ. Пиръ наши нерѣдко устраивались у Дюссо, Донона и др., и недостатка въ причинахъ покутить вмѣстѣ, конечно, не было. Послѣ каждаго общаго собранія и производства выборовъ мы непременно устраивали торжественный ужинъ. Удалялся ли по какимъ-нибудь причинамъ кто-нибудь изъ залученныхъ дѣятелей, мы устраивали въ честь его пиръ; вступала ли какая-нибудь уважаемая личность въ какую-нибудь значительную должность по обществу, — мы устраивали пиръ; открывалось ли какое-нибудь новое изъ нашихъ заведеній, — мы пировали; послѣ удачнаго исполненія котораго-нибудь изъ нашихъ предпріятій, — мы пировали. Однимъ словомъ — мы пировали много и часто. О томъ, что тутъ ни одна копѣйка общественная не терялась — едва-ли нужно и говорить. Члены общества были слишкомъ порядочные люди, чтобы допустить это; но еслибы нѣкоторые и были не прочь пообѣдать насчетъ меньшей братіи, то онѣ должны были удерживать такую мысль про себя, потому что при участіи такихъ лицъ, какъ Одоевскій, Карамзинъ, Хрущовъ и др., она не только не могла осуществиться, но даже и высказаться. Праздники наши, если не всѣ, то большею частію начинались весьма чинно и непременно много-

различными спичками, но всё церемоніи оканчивались за столомъ, а затѣмъ проявлялось уже рѣшительное забвеніе этихъ церемоній и стремленіе къ открытой, шумной, дружеской бесѣдѣ. Обыкновенно появлялась жжонка, сбрасывали фраки, и закипала настоящій пиръ. Пѣніе было въ большомъ ходу, но болѣе усердное, чѣмъ изящное. Впрочемъ, мнѣ, по нѣкоторой опытности въ этомъ дѣлѣ, удавалось иногда устанавливать нѣкоторую стройность разнокалибернаго хора, чѣмъ всё оставались крайне довольны и всегда единодушно утверждали за мною власть сортировать басовъ и теноровъ, внушать имъ нѣкоторые необходимые въ хоровомъ пѣніи приемы, а нѣкоторымъ воспрещать окончательно всякое участіе въ этомъ пѣніи, вслѣдствіе самой упорной безталантливости и страшнаго вреда, наносимаго моимъ усиліямъ самыми дикими и никуд а не подходящими нотами.

Помню, что Карамзинъ и Тургеневъ были одними изъ самыхъ прочныхъ и послушныхъ хористовъ. Тургеневъ былъ послушенъ до того, что когда я объяснилъ ему, что пѣсня «При долинушкѣ стояла», которую онъ заставилъ пѣть въ своей повѣсти знаменитаго пѣвца, принадлежитъ къ разряду веселыхъ и ни въ какомъ случаѣ не могла произвести того впечатлѣнія, которое онъ изобразилъ съ такимъ талантомъ, а что въ числѣ русскихъ пѣсень есть дѣйствительно одна, способная потрясти душу и именно: «Не одна во полѣ дороженька» и когда я спѣлъ еще ту и другую, то въ слѣдующемъ изданіи «Пѣвцовъ» на мѣсто «При долинушкѣ стояла» явилась уже «Не одна во полѣ дороженька».

Но я никогда бы не кончилъ, если бы хотѣлъ исчерпать всё воспоминанія о нашемъ миломъ, незабвенномъ и такъ рано погибшемъ обществѣ, соединявшемъ сотни порядочныхъ людей въ одну дружескую семью и имѣвшемъ своимъ старостою неопѣвннаго князя Одоевскаго. Для него, безъ преувеличенія можно сказать, общество составляло семью, которой онъ предался всей душой, всѣми матеріальными и моральными силами. Многіе замѣчали, что, вообще, не имѣя блистательныхъ служебныхъ успѣховъ, онъ на этомъ поприщѣ находилъ удовлетвореніе своему честолюбію; но я не раздѣляю этого мнѣнія и на всегда сохранию глубокое убѣжденіе, что одна чистая любовь къ добру и къ людямъ руководила отно-

шеніями его къ обществу точно такъ же, какъ она была главнымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій этого образцоваго христіанина и человѣка.

Я выше сказалъ уже, что общество учреждало различныя заведенія, которыя, въ различныхъ видахъ, должны были содѣйствовать искорененію бѣдности. Перечислять всѣ эти заведенія едва-ли нужно; скажу только о двухъ, которыя я самъ лично устроилъ и которыми постоянно управлялъ до выхода моего изъ общества.

Одно изъ нихъ назывались «Семейною квартирою». Въ основаніи устройства этого заведенія лежало то соображеніе, что для бѣдныхъ семействъ самое трудное дѣло, особенно въ Петербургѣ, имѣть сколько-нибудь порядочное, свѣтлое и здоровое помѣщеніе. Тѣснясь въ сырыхъ подвалахъ, эти семейства теряютъ здоровье, послѣдній свой капиталъ, а дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ къ праздности, къ празднымъ порокамъ. Общество признало полезнымъ устроить «Семейную квартиру» съ цѣлью достойнѣйшимъ изъ этихъ семействъ давать даровое помѣщеніе съ предоставленіемъ тѣмъ, кто можетъ, тутъ же и работать, за установленную плату, въ особой рукодѣльнѣ, при «Семейной квартирѣ» устроенной; а дѣтей ихъ отдѣлять въ особую комнату, для обученія ихъ и ближайшаго за ними надзора. Изъ заработной платы вычиталась часть на пищу, которая обходилась каждому ежедневно, полагая обѣдъ и ужинъ, въ 5 коп. сереб. Казалось бы чего лучше? Но мы и здѣсь, подобно тому, какъ и въ другихъ нашихъ дѣлахъ, видѣли, какъ мало самыя добрыя начинанія отвѣчали дѣйствительности обстоятельствъ. Начать съ того, что самыя бѣднѣйшія и несчастнѣйшія семейства, когда имъ предлагали помѣщеніе на «Семейной квартирѣ», вмѣсто того, чтобъ считать это помѣщеніе величайшимъ благодѣяніемъ, которымъ они и дѣти ихъ ограждались отъ нищеты и бѣдствій и ставились подъ ближайшее попеченіе общества—уклонялись отъ нашихъ предложеній, единственно изъ опасенія надзора и пресѣченія способовъ къ попрошайству. Долго «Семейная квартира» наша, комфортабельно устроенная, стояла пустая, но съ теченіемъ времени стала наполняться и наполнилась.

Собственный опытъ управленія этимъ заведеніемъ убѣдилъ меня, что едва-ли можно представить дѣло, болѣе трудное. Несмотря на

то, что мы выбирали достойнѣйшихъ, эти достойнѣйшіе были, можно сказать, отребьемъ чловѣчества, по испорченности, такъ что вопросъ, на который мы давно уже обратили вниманіе: «происходить ли испорченность эта отъ бѣдности или самая бѣдность происходитъ отъ испорченности» — сдѣлался вслѣдствіе явленій, представленныхъ этимъ заведеніемъ, наиболѣе яснымъ въ томъ смыслѣ, что если бы эти призрѣваемые не были такими негодьями, то они не были бы и такими бѣдняками. Пьянство, ссоры, непослушаніе, безпорядокъ всякаго рода были всегда присущи этому заведенію, несмотря на строгость моего вліянія и энергію лицъ, на которыхъ лежало ближайшее завѣдываніе «Семейною квартирою» и ея благоустройствомъ. Ябедамъ, самымъ нелѣпымъ, не было конца, непрерывныя жалобы сначала, по обыкновенію, приносились мнѣ, потомъ на меня, — и жалобы, исполненныя самой бѣдой алобы и не вообразимыхъ сплетней. Я много разъ хотѣлъ бросить это заведеніе, но товарищи мнѣ говорили, что чѣмъ труднѣе мнѣ возиться съ нимъ, тѣмъ я болѣе служу обществу.

Мнѣ предоставлено было выбрать попечительницу этого заведенія и по дружбѣ моей съ покойнымъ Опочининымъ я облекъ этимъ званіемъ его жену, урожденную Скобелеву, чрезвычайно милую и красивую женщину, которая если и прѣзжала иногда въ «Семейную квартиру», то, конечно, не столько для ея благоустройства, сколько для того, чтобы озарить ее своею красотою и своими нарядами. Не одинъ разъ привозила она съ собой туда сумасшедшую графиню Нессельроде, урожденную Закревскую, съ которою, повидимому, была въ дружбѣ. Само собою разумѣется, что отъ нея еще менѣе было толку. Съ паденіемъ общества, нѣкоторыя личности, помѣщавшіяся на «Семейной квартирѣ», преимущественно древнѣйшія старухи, перемѣщены въ домъ Кузнецовскаго женскаго училища, которое уцѣлѣло, среди разрушенія другихъ нашихъ общественныхъ зданій, и потомъ переименовано въ училище Св. Елены, а остальные пущены по бѣлому свѣту.

Другимъ заведеніемъ, которое я учредилъ и которымъ постоянно управлялъ, былъ «Магазинъ общества посѣщенія бѣдныхъ». Учрежденіе магазина основано было на томъ соображеніи, что многіе бѣдные ремесленники не всегда имѣютъ постоянный и вѣрный сбытъ

для своих произведеній и вслѣдствіе нужды должны отдавать ихъ большею частію за безцѣнокъ. Съ другой стороны, тотъ же классъ бѣдныхъ людей лишенъ центра, гдѣ можно было бы пріобрѣтать дешевыя, но доброкачественныя вещи, въ ихъ быту необходимыя, потому что дешевизна Апраксина или Щукина двора связана съ мошенничествомъ, оправдывая пословицу: «дешево да гнило». Кромѣ того само общество имѣло постоянную надобность въ платѣ, бѣльѣ и т. п. для раздачи бѣднымъ. Поэтому магазинъ долженъ былъ, во-первыхъ, принимать всѣ приносимыя туда издѣлія бѣдныхъ людей и выплачивать за нихъ тотчасъ деньги по справедливой оцѣнкѣ, во-вторыхъ, сбывать эти вещи съ надбавкою на выплаченную за нихъ цѣнность самаго ничтожнаго процента въ пользу магазина, и, въ третьихъ, поставлять всѣ необходимыя вещи для общества. Этотъ магазинъ и былъ порученъ управленію г-жи Допплеръ, которую, какъ я выше сказалъ, графъ Михаилъ Вельгорскій, во имя артистической славы ея мужа, навязалъ графу С., а тотъ мнѣ.

Много было мнѣ возни съ этимъ магазиномъ, а особенно съ этою взыбаломошною Допплеръ. Ясно, что все должно было поставить на самой строгой отчетности; но столь же ясно, до какой степени строгая отчетность соотвѣтствовала характеру женщины вообще, и характеру такой легкомысленной женщины, какъ Допплеръ, въ особенности. Всѣ принимаемая мною съ этой стороны мѣры и строгія внушенія приносили мало пользы, и путаница въ номерахъ и числахъ происходила страшная. Допплеръ плакала, извинялась, клялась, что будетъ исправнѣе, и вновь путала такъ, что мнѣ и здѣсь предстояло много трудовъ и заботъ, хотя совершенно другаго рода, чѣмъ тѣ, какими надѣляла меня «Семейная квартира».

Попечительницею магазина избрана была дама высшаго круга, въ то время блестящая звѣзда аристократическаго міра. Она часто посѣщала магазинъ, почти всегда въ сопровожденіи толпы, но дѣлала мало дѣйствительной пользы, какъ всѣ эти барыни, которыхъ мы вѣнчали разными почетными названіями.

Живо помню одну изъ эксцентрическихъ выходокъ, которыми она преимущественно составила себѣ знаменитость. Пріѣзжаетъ она, однажды зимой, въ магазинъ, когда мы съ С. тамъ же были. Послѣ блестящей великосвѣтской болтовни, она вдругъ ска-

зала: «Знаете, что теперь надо больше заготовлять? Шелковыя стеганныя юбки! наши барыни любятъ съ горъ кататься, и такія юбки необходимы». Едва Допплеръ выразила какое-то недоумѣніе, какъ дѣлаются эти юбки, попечительница тотчасъ взяла подолъ своего платья, подняла его до пояса и, показавъ свою теплую юбку, подробно объяснила, какъ она сдѣлана! С., вѣроятно привыкшій къ подобнымъ штукамъ, сталъ просить, шутливымъ тономъ, позволить еще ближе разсмотрѣть эту юбку и снять мѣрку; но я былъ изумленъ въ высшей степени.

Что касается до магазина, то, при распаденіи общества, онъ перешелъ, на извѣстныхъ основаніяхъ, въ собственность Допплеръ; но и въ ея рукахъ оставался не долго и проданъ ею кому-то безслѣдно.

Говоря о заведеніяхъ общества, нельзя еще разъ не сказать, какъ разумна и полезна была его дѣятельность и, въ то же время, какъ несправедливы были тѣ подозрѣнія, съ которыми правительство смотрѣло на эту дѣятельность. Его поражало то особенно, что въ нашемъ попеченіи, по отчетамъ, состояло до 15-ти тыс. семействъ. Въ этой связи молодыхъ, можно сказать, передовыхъ людей съ такою массою людей бѣдныхъ правительство видѣло возможность государственныхъ потрясеній и начало постепенно вязать насъ по рукамъ и ногамъ. Между тѣмъ достаточно указать на единственный теперь почти памятникъ нашихъ дѣлъ: «Лѣчебницу для приходящихъ», чтобъ оправдать мои восхваленія обществу. Само оно рушилось подъ бременемъ ложныхъ подозрѣній, а тысячи бѣдныхъ людей продолжаютъ находить драгоцѣнную помощь въ самомъ важномъ для cadaго человѣка случаѣ: въ случаѣ недуговъ и болѣзней...

Давленіе сверху на наше общество началось съ того, что въ одно прекрасное утро грозный императоръ Николай нашелъ неудобнымъ, чтобъ военные люди занимались дѣлами общества, вслѣдствіе чего оно разомъ потеряло почти половину своихъ членовъ, принадлежащихъ къ военному званію. Между этими членами было много истинно полезныхъ личностей, но для меня было бы трудно и перечислить всѣхъ достойныхъ и замѣчательныхъ нашихъ членовъ, носившихъ военный мундиръ, и изобразить силу и степень удара, нанесеннаго лишеніемъ ихъ нашему обществу. Но какъ ни при-

скорбно было это событіе, общество удержалось еще на ногахъ и продолжало усердно дѣйствовать на пользу страждущаго человѣчества, когда въ 1848 году нанесенъ былъ ему новый и окончательный ударъ.

Волненія, происшедшія во Франціи, побудили наше правительство зорко оглянуться кругомъ и, такъ какъ оно и прежде смотрѣло на насъ весьма сомнительно, то и сочло долгомъ, прежде всего, прихлопнуть насъ. Въ краснорѣчивомъ рескриптѣ, на этотъ предметъ сочиненномъ, сказано было, что дѣятельность наша столь полезна, что удостоилась обратить на себя царское вниманіе и что, въ воздаяніе нашихъ заслугъ и разныхъ добродѣтелей, наше общество присоединяется къ Императорскому челоуѣколюбивому обществу.

Наше общество могло все перенести, только не это. Надо сказать, что, вступивъ блистательно на поприще благотворительности и, такъ сказать, захвативъ поле, отведенное Императорскому челоуѣколюбивому обществу, мы на первыхъ же порахъ возбудили въ немъ зависть и недоброжелательство. Но, въ чаду своихъ успѣховъ, въ обаяніи общаго сочувствія, которое насъ окружало, мы смотрѣли на самое это общество и на его ощущенія съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Блистательные наши отчеты клали на него самыя сильныя тѣни. Многіе изъ нашихъ членовъ были даже убѣждены, что оно тянетъ послѣдніе свои дни и что само правительство будетъ просить насъ взять дѣло, котораго оно не умѣетъ разработать, не смотря на огромныя средства, ему предоставленныя. И вдругъ всѣ эти золотыя мечты разлетѣлись прахомъ, и мы подчинены самому ненавистному игу. Мы тотчасъ хотѣли разойтись, но удержались, чтобы не навлечь на себя положительный гнѣвъ государя, а гнѣвъ Николая кому не былъ страшенъ? Отуманенное, такъ сказать, этимъ ударомъ, униженное подчиненіемъ учрежденію, которое мы презирали, общество потеряло свои надежды, свою энергію и влачило печально свое существованіе. Князь Одоевскій ободрялъ, впрочемъ, всѣхъ надеждою на лучшіе дни и, въ ожиданіи ихъ, началъ самую яростную, хотя бесплодную, борьбу съ сонѣтомъ челоуѣколюбиваго общества, который съ своей стороны сталъ тѣснить насъ самыми ужасными формальностями.

Дѣло въ томъ, что, съ присоединеніемъ нашимъ къ Император-

скому человѣколюбивому обществу, мы лишились права печатать отдѣльно наши отчеты, а должны были представлять ихъ въ совѣтъ общества, который и включалъ ихъ, какъ и отчеты другихъ учреждений, ему подвѣдомственныхъ, въ свой общій всеподданнѣйшій отчетъ. Можно представить, какъ намъ пріятно было стоять въ этомъ отчетѣ наряду съ институтомъ слѣпыхъ, отдѣленіемъ малолѣтнихъ, и т. п. Впрочемъ, сколько могу припомнить, на первыхъ порахъ мы послали совѣту настоящей и довольно подробный отчетъ, въ смутной надеждѣ, что наши дѣйствія составятъ лучшія страницы всеподданнѣйшаго отчета совѣта человѣколюбиваго общества и обратятъ вниманіе государя. Не тутъ-то было. Во-первыхъ, насъ поставили въ этомъ отчетѣ далеко не на первомъ планѣ, а во-вторыхъ, сказали о насъ только нѣсколько сухихъ словъ. Ясно, что это позорное для насъ униженіе не могло доставить нашему обществу никакой пріятности, а князь, нашъ милый представитель, просто исполнился ярости до той степени, въ какой это свирѣпое чувство могло вмѣститься въ его кроткую душу. На слѣдующій годъ онъ послалъ, вмѣсто отчета, копии съ нашихъ журналовъ. Пусть, дескать, извлекаютъ изъ нихъ сами, что хотятъ. Загорѣлась война. Намъ старались доказать, что эти копии не составляютъ отчета и что необходимы разные числительные выводы; мы старались не понимать и по части цифирной послали совѣту только то, на что онъ опредѣлительно указывалъ. На слѣдующій годъ князь Одоевскій послалъ совѣту одни цифирныя вѣдомости. Загорѣлась новая война. Невозможность понять требованія совѣта составляетъ чистѣйшій капризъ. Замѣчательно, что князь Одоевскій, о добротѣ и кротости котораго я такъ много говорилъ, слышать не могъ равнодушно ни объ Императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, ни о канцеляріи его. Всегда тихій, деликатный, онъ постоянно и ожесточенно велъ самую неустанную войну съ этими врагами. На каждую бумагу, оттуда полученную, онъ смотрѣлъ, какъ на оскорбленіе и, несмотря на безчисленные повторенія, оставлялъ ее безъ исполненія и безъ отвѣта, до послѣдней возможности. Нечего и говорить, что намъ платили такими же любезностями, такъ что дѣла наши, поставленные въ полную зависимость отъ совѣта, принимали дѣйствительно весьма печальный видъ. Но вступивъ въ исправ-

леніе должности предсѣдателя правленія, я пошелъ, какъ и сказалъ уже, путемъ мира и согласія, въ полнѣйшемъ сознаніи, что путь задора и пререканій не принесетъ намъ пользы ни въ моральномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи. На избранномъ мною пути все пошло, какъ по маслу. Герцогъ далъ мнѣ полнѣйшую свободу дѣйствій; добрѣйшій Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ и очень любилъ быстроту и ясность моихъ докладовъ, такъ что наши праздники, дотолѣ столь затрудненные, гремя на всѣхъ концахъ Петербурга.

Что касается до поѣздки въ Ронгасъ, то изъ «тѣхъ добрыхъ людей», которые обѣщали князю посѣтить его «кусочекъ камня посреди водицы» — нашлось немного охотниковъ. Но на меня, лично, поѣздка эта произвела очаровательное впечатлѣніе, котораго никогда не забуду. Во-первыхъ, она познакомила меня съ оригинальною, сумрачною природою Финляндіи; во-вторыхъ, князь принялъ и проводилъ насъ самымъ радушнымъ и, можно сказать, великолѣпнымъ образомъ. Немногіе дни, тамъ нами проведенные, мгновенно пролетѣли въ прогулкахъ по каменнымъ глыбамъ, которыя осыпали Ронгасъ, въ поѣздкахъ по морю, въ купаньѣ, въ рыбной ловлѣ и наконецъ въ роскошнѣйшихъ трапезахъ, на которыя былъ такой мастеръ князь Одоевскій.

Во время нашего посѣщенія князь производилъ какія-то пристройки въ домѣ и особенно ласкалъ главнаго плотника, русскаго бородача, весьма смышленнаго парня. Въ концѣ обѣда князь постоянно призывалъ его и давалъ ему бокалъ шампанскаго. Въ первый разъ, когда онъ выпилъ шампанскаго и когда князь спросилъ его: «Хорошо ли?» — плотникъ, разглаживая бороду, сказалъ: «Знато! Только чудно, право: холодное, а кипить!»

Въ слѣдующемъ 1851 г., я, стѣсняемый и подавляемый гибельнымъ для меня недоумѣніемъ покойнаго государя, которое будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ, тоже рѣшилъ на время скрыться изъ Петербурга и провести лѣто этого года у отца, въ Саратовскомъ его имѣніи. По этому случаю князь Одоевскій, большой формалистъ, какъ всѣ поэты, когда они сталкиваются съ официальнымъ міромъ, прислалъ мнѣ, 6-го мая 1851 г., слѣдующее письмо: «Почтеннѣйшій и любезнѣйшій сочленъ! Я вчера имѣлъ

счастіе видѣть его императорское высочество въ первый разъ со времени его болѣзни и воспользовался симъ случаемъ, чтобъ доложить его высочеству о предполагаемой вами поѣздкѣ во внутреннія губерніи; герцогу угодно было изъявить свое согласіе на такую отлучку, если она нужна для устройства домашнихъ дѣлъ вашихъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ его императорское высочество, отозвавшись въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о трудахъ вашихъ по обществу посѣщенія бѣдныхъ, выразилъ надежду, что ваше отсутствіе будетъ лишь временное и непродолжительное и что, по возвращеніи своемъ изъ Оренбурга (?), онъ найдетъ въ васъ того же неутомимаго дѣятеля въ кругѣ занятій по обществу, какимъ онъ всегда привыкъ видѣть васъ. Къ сему его высочеству угодно было присовокупить, что вы всегда должны быть увѣрены въ его милостивомъ и искреннемъ къ вамъ расположеніи. О такомъ отзывѣ его высочества я считаю долгомъ, почтеннѣйшій сочленъ, довести до вашего свѣдѣнія. Васъ глубоко уважающій и искренно любящій» .. Въ 1852 г. князь В. Ѳ. Одоевскій снова отправился въ Ронгасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возгорѣлась, по-прежнему, между нами жаркая переписка по дѣламъ общества, украшенная, какъ и прежде, милѣйшимъ приглашеніемъ посѣтить «его кусочекъ камня посреди водицы».

Онъ чрезвычайно много трудился для общества, но въ занятіяхъ его не только не было системы и порядка, но напротивъ царствовалъ рѣшительный хаосъ.

Напримѣръ, онъ поручить секретарю общества придти къ нему часовъ въ 10 утра съ докладомъ, что, конечно, тотъ и исполнилъ. Но начать съ того, что или проработавъ всю ночь надъ какою-нибудь тетрадю, большею частію подлежащею неминуемому забракванію, или возвратившись поздно съ какого-нибудь бала, князь всегда спалъ по утрамъ чрезвычайно долго. Потомъ, проснувшись, онъ начиналъ полоскаться, бриться, одѣваться и все съ такими продолжительными приемами, его собственнаго изобрѣтенія, что онъ могъ появиться въ своей приемной,—если только въ ряду его небольшихъ, загроможденныхъ и перегороденныхъ всячески, комнатахъ можно было найти что-нибудь въ родѣ приемной, — не ранѣе часовъ 11-ти или 12-ти. Тогда начинались чай, кофе и другія яства, къ которымъ приглашался и секретарь, продежурившій уже часа

два. Затѣмъ врывался въ комнаты Рубинштейнъ или другой какой-нибудь артистъ, съ которымъ и завязывался спеціальнѣйшій разговоръ объ искусствѣ, что князь очень любилъ, считая себя, по справедливости, большимъ знатокомъ во многихъ искусствахъ, и особенно въ музыкѣ. Почти всѣ знаменитости пѣли или играли на его музыкальныхъ вечерахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, будучи въ чрезвычайно близкихъ отношеніяхъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, онъ не менѣе Рубинштейна содѣйствовалъ утвержденію въ ней рѣшимости сдѣлаться покровительницею музыкальнаго искусства въ Россіи, вслѣдствіе чего и образовались консерваторіи, музыкальныя общества и другія учрежденія по этой части.

Князь Одоевскій изобрѣлъ даже и, при содѣйствіи нѣсколькихъ отысканныхъ имъ мастеровъ, соорудилъ особый инструментъ, который и окрестилъ многозначительнымъ названіемъ «Себастіонъ». Впрочемъ, кромѣ самого изобрѣтателя, на этомъ оригинальномъ инструментѣ никто играть не могъ; до такой степени онъ былъ хитеръ и сложенъ. Это была огромнѣйшая машина, — загромоздившая едва-ли не болѣе половины комнаты, которая болѣе всѣхъ имѣла право называться гостиной, — съ нѣсколькими рядами клавиатуръ, такъ что и подъ ногами даже были клавиши. Въ музыкальные дни, съ начала вечера, запрятывался туда одинъ изъ служителей, обязанный, въ то время, когда князь садился играть, раздувать или надувать эту машину, безъ чего, конечно, она не издавала никакого звука. Я живо помню скандалъ, однажды отсюда происшедшій. Въ то время князь состоялъ помощникомъ попечителя Императорской публичной бібліотеки и Румянцовскаго музеума. Въ домѣ этого музеума, на Англійской набережной, князь и жилъ, занимая сверху большую, но темную и какую-то нестройную квартиру.

Въ одинъ изъ музыкальныхъ своихъ вечеровъ князь заблаговременно засадилъ въ машину одного изъ сторожей музеа, снабдивъ его, конечно, соотвѣтственными инструкціями. Среди вечера, когда князь былъ осажденъ общими и неотступными просьбами исполнить что-нибудь на своемъ «Себастіонѣ», онъ приснащается къ инструменту и сильно ударяетъ по клавишамъ, очевидно желая произвести оглушительный аккордъ. Не тутъ-то было. Никакого музыкальнаго звука не произошло. Изумленный князь остановился

на нѣсколько мгновеній и потомъ снова ударилъ по клавишамъ. Опять ничего нѣтъ. Князь, не желая обнаружить тайны, подозвалъ къ себѣ своего камердинера, Фрица, и тихо спросилъ его: не выльзъ ли сторожъ изъ машины? Тотъ отрицательно покачалъ головою, и тогда ужъ ничего не оставалось дѣлать, какъ произвести розысканіе въ самой машинѣ. Отворили одну изъ дверей, ведущихъ во внутрь этого сложнаго зданія, и ползѣли туда со свѣчей. И что же оказалось? Сторожъ преспокойно спалъ! Все общество, съ недоумѣніемъ смотрѣвшее на всѣ эти операціи, разразилось дружнымъ хохотомъ, когда такъ оригинально объяснилось дѣло.

Между тѣмъ нашъ милый попечитель, герцогъ Лейхтенбергскій, продолжалъ бороться со своими недугами, такъ рано и безвременно его атаковавшими, и въ этой борьбѣ, то появлялся въ Петербургѣ, то снова отправлялся за границу. Во время его отсутствія должность нашего попечителя почти постоянно исправлялъ Прянишниковъ, тогда директоръ почтоваго департамента, потомъ членъ Государственнаго Совѣта, а потомъ главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ. Объ этой благородной личности я буду много говорить въ своемъ мѣстѣ потому, что Прянишниковъ имѣлъ значительное вліяніе на мою судьбу въ самое тяжелое для меня время, а теперь обращаюсь къ герцогу.

Я имѣлъ счастье видѣть герцога въ своихъ комнатахъ, и тогда онъ благосклонно рассказывалъ и исторію своихъ болѣзней, и вліяніе, какое производитъ на нихъ тотъ или другой климатъ. По его собственнымъ словамъ, начало разстройству его здоровья положено было въ Москвѣ, гдѣ онъ однажды помѣщенъ былъ въ новомъ дворцѣ, въ такихъ сырыхъ комнатахъ, что, когда вставалъ по утру, то находилъ все бѣлье совершенно мокрымъ. О Мадерѣ онъ вспоминалъ съ восторгомъ и говорилъ, что нигдѣ такъ не чувствовалъ себя хорошо, какъ тамъ. Тѣмъ не менѣе герцогъ гаснулъ быстро.

Я живо помню, что во время толковъ о болѣзни герцога, толковъ, къ которымъ всѣ уже привыкли, мы съ женою, въ одинъ прекрасный день, дѣлали въ экипажѣ обычную нашу прогулку. Проѣзжалъ мимо дворца герцога, мы замѣтили только-что подвезенный къ крыльцу его траурный катафалкъ и тотчасъ поняли, что герцога не стало!

*

Намъ предстояло великое дѣло: избрать на мѣсто герцога другаго попечителя, который обладалъ бы достаточной силой для того, чтобъ поднять насъ изъ праха, въ который мы ввергнуты были. Само собою разумѣется, что пущены были въ ходъ всѣ пружины, какими только могло располагать общество. Дѣло, я помню, тянулось долго, и едва-ли нужно говорить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ мы ожидали результата. Наконецъ 31 декабря 1852 г. я получилъ отъ князя Одоевского слѣдующую записку: «Выпейте сегодня за здравіе его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, попечителя Высочайше утвержденнаго общества посѣщенія бѣдныхъ. Сообщите о томъ же товарищамъ, кого увидите».

Мы хорошо знали, что Константинъ Николаевичъ далеко не такъ простъ въ обхожденіи и симпатиченъ, какъ покойный герцогъ; но знали также, что онъ пользуется несравненно большимъ вѣсомъ и значеніемъ у государя и вообще у правительства, а это для насъ, въ нашихъ мечтахъ о независимости, было важнѣе и дороже всего. Представители общества совершили великому князю торжественное представленіе; но я въ немъ, кажется, по болѣзни, не могъ участвовать и потому представлялся отдѣльно, чрезъ нѣсколько дней, вечеромъ. Помню, что при моемъ входѣ великій князь сказалъ: «здравія желаемъ» т. е. ту фразу, которую потомъ, спустя много лѣтъ, я такъ часто слышалъ отъ великаго князя Михаила Николаевича и которая, какъ изъ этого можно заключить, составляла, по видимому, обычный привѣтъ всѣхъ великихъ князей. Константинъ Николаевичъ долго и подробно говорилъ со мною объ обществѣ, о его составѣ, его дѣйствіяхъ, несомнѣнно предупрежденный о значеніи, какое я въ немъ имѣю. Эта аудіенція оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Великій князь былъ ласковъ, любезенъ и очевидно доволенъ моими бойкими отвѣтами. Отпуская меня, онъ далъ мнѣ руку и сказалъ, что будетъ навѣщать наши засѣданія. Въ ожиданіи перваго его посѣщенія, мы съ княземъ Одоевскимъ немножко трусили и заботились, чтобы первое впечатлѣніе, какое будетъ произведено на великаго князя нашимъ засѣданіемъ и нашими дѣлами, было въ пользу нашу. Вотъ одна изъ записокъ князя, сюда относящаяся: «17-е февраля 1853 г. Въ которомъ часу вы

будете въ конторѣ, любезнѣйшій Василій Антоновичъ и вообще, гдѣ вы теперь и гдѣ будете до засѣданія? Намъ бы необходимо свидѣться до 7 часовъ. Великій князь будетъ непремѣнно — отвѣчаю за это. Какъ бы намъ на первыхъ порахъ не замучить его и не надоесть, а между тѣмъ объяснить ему все наше устройство? Задача трудная, для рѣшенія которой прошу вашего содѣйствія, любезный товарищъ. Ожидаю вашего отвѣта. Я совершенно свободенъ до 6 часовъ, у васъ, у себя, въ конторѣ».

Сначала великій князь сталъ ѣздить къ намъ довольно часто и видимо хотѣлъ вникнуть подробно и въ наше устройство, и въ нашу дѣятельность. Онъ просиживалъ съ нами вечера, хотя далеко не съ тою простотою и безцеремонностью, какими отличался покойный герцогъ. Но потому ли, что онъ изучилъ все то, что считалъ нужнымъ, или потому, что кругъ нашихъ дѣйствій, сравнительно съ другими государственными дѣлами, которыми былъ занятъ великій князь, казался ему незначительнымъ, посѣщенія его нашихъ засѣданій становились рѣже и рѣже, и наконецъ совершенно прекратились, такъ что всѣ дѣла, подлежавшія утверженію попечителя, возилъ князь Одоевскій на домъ къ великому князю въ назначенные для того докладные дни. Этому охлажденію содѣйствовало, безъ сомнѣнія, сознание его, что и онъ, при всей своей силѣ, не могъ исполнить самыхъ драгоцѣнныхъ надеждъ нашихъ на восстановление прежней нашей независимости. При самомъ вступленія его въ должность попечителя, князь Одоевскій тотчасъ представилъ ему подробный и трогательный докладъ о нашихъ страданіяхъ въ оковахъ Императорскаго человѣколюбиваго общества и объ условіяхъ, при которыхъ мы можемъ свободно дышать и съ пользою дѣйствовать. Это, если не ошибаюсь, было то самое сочиненіе, которое князь предварительно прислалъ мнѣ при запискѣ, начинающейся словами: «прочтите, отецъ родной, эту бумажку; это секретъ, который повѣряется вамъ одному»... Эту бумажку, какъ намъ было извѣстно, великій князь представлялъ покойному государю и встрѣтилъ самый суровый отпоръ. Мы окончательно съѣжились и апатически поддерживали кое-какъ свое разбитое существованіе. Многіе члены потихоньку начали выбираться. Одинъ князь Одоевскій, можно сказать, привязанный къ обществу своимъ именемъ, своею извѣст-

ностью, своими отношеніями, — не могъ и не хотѣлъ бросить общества, не могъ потому, что это навлекло бы на него неминуемо гнѣвъ царя, и безъ того не благосклоннаго къ нему уже за то, что онъ былъ литераторъ, артистъ и вообще передовой человекъ; не хотѣлъ — потому, что ему жаль было покинуть корабль, которымъ такъ долго командовалъ, да и потому, наконецъ, что князь, несмотря на всѣ бури, не переставалъ питать поэтическихъ надеждъ на лучшее будущее.

Само собою разумѣется, что собственно личность его, любимая до обожанія, сдерживала и всѣхъ остальныхъ членовъ въ обществѣ. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые держались тамъ до послѣдней крайности. Но когда внезапно и неожиданно, а главное совершенно незаслуженно обнаружилось на меня погубное недоумѣніе царя и, когда, подъ гнетомъ этого недоумѣнія, я все-таки пробилъ стѣну, заградившую мнѣ дальнѣйшее служебное поприще, я представилъ своимъ товарищамъ простой вопросъ: признаютъ ли они справедливымъ, послѣ тяжкихъ испытаній, мною перенесенныхъ, удерживать меня въ обществѣ и на развалинахъ его подвергать меня новымъ опасностямъ? Благородные мои товарищи и во главѣ ихъ князь Одоевскій нашли, что послѣ заслугъ, оказанныхъ мною обществу, и главное послѣ громовъ, пронесшихся надъ моею головою, мнѣ можно позволить обратиться по-добру по-здорову изъ общества, на которое царь продолжалъ смотрѣть сурово и которое очевидно рѣшился стереть съ лица земли. Но на журналѣ правленія, въ которомъ внесена была статья о моемъ увольненіи, великій князь собственноручно написалъ: «попросите отъ меня г. Инсарскаго продолжать свою весьма полезную для общества дѣятельность», 6 апрѣля 1854 г. Сохраняя уваженіе къ такой обязательной просьбѣ великаго князя, я остался въ обществѣ нѣкоторое время, до производства новыхъ выборовъ, и затѣмъ окончательно оставилъ это поле благотворительныхъ моихъ подвиговъ.

ГЛАВА IV.

Благотворительность княгини Барятинской.—Различныя заведенія, ею учрежденныя.—Отдѣленіе сестеръ милосердія.—Отдѣленіе пенсіонерокъ.—Отдѣленіе Яслей.—Племянница княгини, графиня Келлеръ, обреченная одинокой и христіанской жизни.—Имя графини и выходъ ея замужъ.—Подобныя измѣны со стороны сестеръ милосердія.—Предпріятія княгини.—Замѣчательная потеря.—Щедрость княгини въ отношеніи моего сына Анатолія.—Великолѣпное устройство княгиней Рождественской Ѣлки.

Но у меня былъ другой отдѣлъ дѣйствій такого же рода, хотя несравненно въ меньшемъ размѣрѣ. Я упоминалъ уже, что вдова покойнаго князя Ивана Ивановича Барятинскаго и мать Александра, Владиміра, Анатолія и Виктора Барятинскихъ, княгиня Марья Федоровна, урожденная графиня Келлеръ, была, въ свое время, по общему отзывамъ, великолѣпнѣйшею изъ дамъ большаго свѣта, какъ по замѣчательной красотѣ своей, такъ и по роскоши, которою она окружала себя. Но при моемъ сближеніи съ домою Барятинскихъ лучи этого великолѣпія начинали уже гаснуть, и княгиня, хотя уже пожилая, но все еще красивая въ высшей степени, начинала поворачивать на путь благотворительности.

Началось, кажется, съ того, что она пріютила къ себѣ нѣсколько бѣдныхъ женщинъ, одѣла ихъ въ черное платье и назвала сестрами милосердія. По обязанностямъ своимъ, эти черныя женщины сходствовали съ нашими членами-посѣтителями, потому что, какъ они, должны были удостовѣряться въ положеніи бѣдныхъ, обращающихся къ княгинѣ за пособіями, съ тою только разницею, что общество дѣйствовало на весь городъ, а сестры на одну только Литейную часть, гдѣ княгиня имѣла свой великолѣпный домъ. Потомъ, чтобы на случай смерти, или выbytія этихъ сестеръ по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, имѣть готовыхъ кандидатокъ, княгиня набрала нѣсколько бѣдныхъ дѣвочекъ, преимущественно изъ семействъ нѣмецкаго происхожденія, и такимъ образомъ учредила у себя нѣчто въ родѣ воспитательнаго заведенія. Съ теченіемъ времени, княгиня постоянно распространяла свою благотворительность, имѣя образцомъ, какъ говорили, какую-то даму въ Пруссіи, пріобрѣвшую громадную знаменитость на этомъ поприщѣ, и открывала другія учрежденія: пріютъ для безпомощныхъ женщинъ, не имѣющихъ семействъ

и названныхъ пенсіонерками, «Ясли», куда простыя и бѣдныя женщины могли приносить своихъ дѣтей и оставлять тамъ въ теченіе дня.

Отдѣлъ призрѣваемыхъ женщинъ назывался «пенсіонерками» потому, что за каждую изъ нихъ уплачивалась опредѣленная сумма какою-нибудь изъ благотворительныхъ особъ. Само собою разумѣется, что большая часть этихъ пенсіонерокъ принадлежала самой княгинѣ. «Ясли» учреждены были для того, чтобы дать возможность женщинамъ, добывающимъ средства жизни своими трудами, продолжать свои обычные работы, отдавая своихъ малютокъ подъ надзоръ несравненно лучшій, нежели ихъ собственный. Всѣ дѣтскія кровати, которыя составляли эти «Ясли», также были разобраны между собою богатыми барынями, и надъ каждой изъ нихъ выставлялось имя благотворительницы, которая ее оплачиваетъ.

Сначала, по мѣрѣ постепеннаго и разновременнаго возникновенія этихъ отдѣловъ, они были разбросаны въ разныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ; но потомъ княгиня рѣшилась построить, вблизи своего дома, прекрасный четырехъ-этажный каменный домъ, вполне примѣненный, по внутреннему своему расположенію, къ благотворительнымъ учрежденіямъ княгини. Въ этомъ домѣ и сосредоточились три главныя отдѣленія: 1) Отдѣленіе сестеръ милосердія, 2) отдѣленіе пенсіонерокъ и 3) отдѣленіе «Яслей». Чистота, царствовавшая во всѣхъ этихъ частяхъ, и порядокъ, водворенный въ управленіи ими, доведены были до степени непостижимой. Среди дома устроена прекрасная православная церковь, снабженная, можно сказать, роскошными принадлежностями. Въ домѣ, въ которомъ жила сама княгиня, остались только маленькія кандидатки въ сестры милосердія, которыя, подъ ближайшимъ руководствомъ самой княгини, продолжали свое научное и благотворительное образованіе. Вообще вся жизнь княгини походила на жизнь какой-нибудь настоятельницы монастыря, начиная съ самой внѣшности. Одѣта она была всегда во всемъ черномъ и бѣломъ чепцѣ, особой формы, съ какими-то длинными ушами. Только въ какіе-нибудь исключительные дни торжественныхъ праздниковъ или дни выѣздовъ къ императрицѣ, она облакалась во все бѣлое, что всегда придавало ей осо-

бенный блескъ и величіе. Точно въ такомъ же траурномъ платьѣ ходили сестры милосердія, какъ старыя, такъ и молодыя, и къ этому же костюму примѣнялось одѣяніе пенсіонерокъ. Въ домѣ, гдѣ жила княгиня, устроена была изящная лютеранская молельня, гдѣ всѣ женщины этого вѣроисповѣданія, въ извѣстные часы, собирались и вмѣстѣ съ княгинею пѣли и читали молитвы.

У княгини жила племянница, графиня Келлеръ, дѣвушка очень добрая, но крайне некрасивая и очень немолодая. Эту племянницу княгиня готовила въ преемницы своихъ благотворительныхъ дѣлъ и заведеній. Замѣчательно, что княгиня, исчерпавъ сама самыя лучшія наслажденія жизни, какъ будто не признавала въ другихъ ни юности, ни стремленій къ наслажденіямъ. Обрекая свою племянницу на богоугодное, но крайне мрачное существованіе, княгиня какъ будто не хотѣла знать, приходится ли такое существованіе по вкусу и по натурѣ бѣдной графинѣ, тогда какъ и она, подъ неблестящею наружностью, могла тоже таить естественное желаніе жить и любить. Точно также, избирая бѣдныхъ дѣвочекъ для должностей сестеръ милосердія, княгиня какъ будто бы предрѣшала, что для нихъ другаго ничего не нужно, что онѣ могутъ и должны обойтись безъ ласки, безъ мужей и безъ всякихъ другихъ прелестей, которыя украшаютъ нашу жизнь, если, не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ обольстительныхъ мечтахъ, по крайней мѣрѣ.

Я достаточно изучилъ княгиню; еще болѣе изучилъ я князя Александра, который былъ совершеннымъ ея портретомъ, какъ матеріально, такъ и морально; за всѣмъ тѣмъ, какъ въ той, такъ и въ другомъ для меня всегда оставалось много загадочнаго и неразрѣшимаго... Такъ напр. они казались и дѣйствительно были въ высшей степени добрыми; въ то же время они проявляли такой эгоизмъ, который приводилъ въ ужасъ забвеніемъ всѣхъ индивидуальныхъ интересовъ личности. Долго размышляя надъ этимъ противорѣчіемъ, я не могъ его объяснить ничѣмъ другимъ, какъ такимъ заключеніемъ: доброта ихъ принадлежала уму, а не сердцу. Выше всего они ставили свои желанія, при осуществленіи ихъ они въ равной степени могли разсыпать щедроты, если это было нужно, или подавлять совершенно личность, если это было также нужно,

но подавлять совѣмъ не съ тѣмъ холоднымъ расчетомъ, которымъ отличаются недобрые люди, а бессознательно, какъ-то наивно. Если бы имъ сказать, что эту подавленную личность, за ея лишенія, за ея пожертвованія, надо озолотить, они непременно, немедленно и охотно, озолотятъ ее, лишь бы она не вырывалась изъ того положенія, въ которое они ее ставили. Мнѣ кажется, что отношенія княгини къ ея племянницѣ и тѣмъ юнымъ птицамъ, которыхъ она уловляла въ свою золотую, но скучную клѣтку, въ нѣкоторой степени оправдываютъ мои слова. Что касается до объясненія въ этомъ отношеніи личности князя, то мнѣ предстоитъ много и много изображать дѣлъ и обстоятельствъ, которыя, конечно, не будутъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что я теперь сказалъ, и что прежде, по моей отчаянной откровенности, всегда выражалъ, несмотря на мою преданность къ князю.

Въ Вильнѣ, гдѣ мы съ княземъ провели мѣсяца два, въ ожиданіи испѣленія его подагрическихъ недуговъ, бывшій тогда тамъ генераль-губернаторомъ Назимомъ, личность не замѣчательная въ государственномъ отношеніи, но въ частномъ быту чрезвычайно добрая и симпатичная, старался всевозможно усладить наше тамъ пребываніе и между прочимъ постоянно приглашалъ насъ (я разумѣю свиту князя) на свои обѣды и вечера. Я помню, за однимъ изъ этихъ обѣдовъ, я былъ помѣщенъ между старшею дочерью Назимова, милою и простою дѣвушкою, и какою-то барыней. Запла рѣчь о князѣ Барятинскомъ, о его страданіяхъ и т. п. Дочь Назимова, между прочимъ, тоненькимъ голосомъ произнесла: «Какое у него должно быть доброе, прекрасное сердце!» — «Ну, сердца у него вовсе нѣтъ», — хватилъ я. — «Что вы, что вы», — запищала дѣвочка, — «можетъ ли такой великій человѣкъ не имѣть сердца?» — «Великій человѣкъ не долженъ имѣть сердца», — сказалъ я, — «онъ долженъ быть мудръ, справедливъ и безпристрастенъ, а съ сердцемъ нельзя быть безпристрастнымъ». Завязался жаркій споръ, и я самъ началъ замѣчать, что зашелъ немножко далеко въ битвѣ съ моимъ нѣжнымъ оппонентомъ.

Послѣ обѣда дѣвушка тотчасъ подбѣжала къ матери и весьма оживленно, какъ будто о какомъ-нибудь чрезвычайномъ происшествіи, начала рассказывать ей о нашемъ спорѣ. Черезъ нѣсколько

минуть жена Назимова, женщина чреввычайно красивая, но сколько по моему наблюденію, столько же и по общимъ отзывамъ, ограниченная, какъ всѣ красавицы, подходить ко мнѣ и съ улыбкой говорить: «Ахъ! какъ вы напугали мою дочь! Она, глупенькая, въ самомъ дѣлѣ, повѣрила вашимъ словамъ, что князь безъ сердца. Я съ трудомъ увѣрила ее, что вы желали только попугать ее и шутили». Я пріятно улыбнулся, какъ бы подтверждая, что она совершенно угадала, въ чемъ дѣло. Но этимъ не кончилось. На другой день, когда я пришелъ къ князю, у него сидѣлъ самъ Назимовъ. Черезъ нѣсколько минутъ Назимовъ съ хохотомъ выходитъ изъ комнаты князя къ намъ въ пріемную и прямо обращается ко мнѣ съ словами: «Ну, батюшка, Василій Антоновичъ, надѣлали вы дѣла. Дочь моя, несмотря на увѣренія матери, что вы шутили съ ней, никакъ не можетъ успокоиться и все думаетъ, что у князя въ самомъ дѣлѣ нѣтъ сердца. Я сейчасъ рассказывалъ князю, какъ это ее, бѣдную, тревожить, и мы оба хохотали». При этихъ словахъ мнѣ вовсе не было смѣшно; не думаю также, чтобы и смѣхъ князя, сопровождавшій смѣху простодушнаго Назимова, былъ искрененъ. Онъ былъ слишкомъ тонокъ и хитеръ, и слишкомъ хорошо зналъ меня, чтобы въ словахъ моихъ видѣть простую шутку. Любя проникать въ другихъ, онъ не любилъ, чтобы другіе проникали въ него, и конечно ему не могло быть пріятно сдѣланное мною, и даже публикуемое, открытіе. Онъ умѣлъ скрывать свои ощущенія, но и я умѣлъ, по самымъ ничтожнымъ признакамъ, добираться до нихъ, и хоть не было ничего видимаго, я видѣлъ однако, что рассказъ Назимова оставилъ въ князѣ впечатлѣніе.

Обращаюсь къ княгинѣ. Если она единственно силою своихъ желаній опредѣляла будущность лицъ, ее окружавшихъ, то, въ свою очередь, еще болѣе крѣпкая сила вещей и обстоятельствъ ставила ей неодолимыя преграды на этомъ пути. Начать съ того, что ея кроткая и тихая племянница, при каждомъ свиданіи съ моею женой, жаловалась страшно на скуку настоящую и скуку, ожидающую ее въ будущемъ, и любила предаваться самымъ розовымъ мечтамъ о женихахъ, замужествѣ, семейной жизни, мечтамъ, тѣмъ болѣе для нея драгоценнымъ, что онѣ казались совершенно неосуществимыми. Слущая рассказы моей жены о свиданіяхъ съ графиней, я не

могъ не сожалѣть этой бѣдной дѣвушки, вполне убѣжденный, что, по самой наружности своей, ей не суждено отворить дверь того храма, въ которомъ заключены радости жизни. Но къ несказанному и общему удивленію, такое убѣжденіе оказалось совершенно ошибочнымъ. Какъ говорится, въ одно прекрасное утро, довольно пожилой, но еще красивый кавалерійскій генераль, кажется, Фитингофъ, предложилъ графинѣ Келлеръ руку и сердце. Можно представить, съ какимъ восторгомъ она приняла и то и другое; но нелегко представить чувства княгини при видѣ такого неожиданнаго похищенія, разрушающаго главнѣйшую часть ея благотворительныхъ плановъ.

Но увы! Княгинѣ суждено было не разъ испытывать тяжкія минуты въ этомъ отношеніи. Ея маленькія кандидатки въ сестры милосердія, подростая, начинали дѣйствовать сообразно обязанностямъ этого званія, т. е. ходить и ѣздить по городу, для посѣщенія бѣдныхъ и для разныхъ другихъ дѣлъ. Свѣжія, юныя, большею частію красивыя, онѣ, конечно, не могли оставаться незамѣченными на улицахъ этого Вавилона, въ которомъ отыскиваніе красоты составляетъ едва-ли не главный отдѣлъ общей дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что, при этихъ разѣздахъ по дѣламъ, онѣ посѣщали своихъ родныхъ и знакомыхъ, гдѣ ихъ видѣли и цѣнили. Солидное образованіе, какое давала имъ княгиня, прекрасныя манеры, которыя онѣ невольно пріобрѣтали, постоянно находясь въ кругу ея, разумѣется, страшно усиливали первое впечатлѣніе, которое производили онѣ своимъ траурнымъ, но въ то же время изящнымъ видомъ. Конецъ концовъ былъ тотъ, что находились люди, которые увлекали этихъ юныхъ питомицъ съ пути благотворительности, который готовила имъ такъ усердно княгиня, и дѣлали ихъ своими женами. Многихъ изъ этихъ неудававшихся сестеръ милосердія можно и теперь видѣть въ сожительствѣ съ достопочтенными нѣмцами, окруженныхъ произведенными ими маленькими нѣмцами. При каждомъ подобномъ событіи княгиня сначала сильно сердилась, но потомъ сама же устраивала приличную свадьбу. Этого мало. Случались такіе скандалы, что даже изъ старыхъ сестеръ милосердія, женщинъ, уже большею частію пожилыхъ и повидимому отказавшихся отъ мірскихъ суетъ, нѣкоторыя выходили за мужъ и приводили княгиню въ совершен-

ное отчаяніе. Я даже помню одну изъ нихъ, удивившую меня своимъ появленіемъ на Кавказѣ въ качествѣ супруги какого-то полковаго лѣкаря.

Между дѣйствіями общества и дѣйствіями княгини, по однородности ихъ, не могло не установиться самыхъ дѣятельныхъ отношеній. Княгиня не имѣла въ своемъ распоряженіи такихъ обширныхъ и разнообразныхъ средствъ помощи, какія находились въ распоряженіи общества. Поэтому, когда ея сестры милосердія открывали какую-нибудь ужасающую бѣдность, княгиня, сдѣлавъ все, что могла, должна была поручать ее участію общества. Съ другой стороны, если мы открывали что-нибудь достойное въ ряду бѣдныхъ Литейной части, то также, независимо отъ нашихъ пособій, призывали на это ближайшее вниманіе княгини. Весьма естественно, что сколько по значенію моему въ обществѣ, столько и по близости моей къ дому Барятинскихъ, естественнымъ посредникомъ этихъ отношеній сдѣлался я, такъ что сестры милосердія, старья и молодья, почти ежедневно бывали у меня съ различными порученіями княгини и просьбами за бѣдныхъ. Но посредничество это скоро перешло въ самое положительное вліяніе съ моей стороны на благотворительныя дѣла княгини, чему въ особенности содѣйствовалъ одинъ замѣчательный случай.

Княгиня, употребляя изъ своихъ личныхъ средствъ все, что могла, на помощь бѣднымъ, не ограничивалась этимъ, но старалась привлечь на этотъ путь и другихъ аристократическихъ барынь. Я говорилъ уже, что мѣста въ отдѣленіи пенсіонерокъ и кровати въ «Ясляхъ» оплачивались большею частію этими дамами. Княгиня рѣшилась разъ сдѣлать съ нихъ поборъ различныхъ вещей, для составленія безпроигрышной лотереи. Вещей дѣйствительно собрано было множество, и вещей, большею частію великолѣпныхъ, такъ что общая цѣнность ихъ навѣрное въ пять разъ превышала цѣнность билетовъ, предназначенныхъ къ раздачѣ. Тутъ были вещи Императорской фамиліи и вещи всѣхъ аристократовъ, изъ которыхъ, разумѣется, каждый позаботился, чтобы его пожертвованіе не казалось мизернымъ сравнительно съ другими. Лотерея эта возбуждала толки и участіе во всемъ городѣ. Княгиня, съ своими сестрами, была въ ужасныхъ хлопотахъ. Я былъ много разъ приглашаемъ,

чтобы взглянуть на выставку, въ устройствѣ которой проявился вполне вкѣсь княгини, заслужившій общую извѣстность. Механизмъ розыгрыша мнѣ не былъ извѣстенъ, и мнѣ даже не пришло въ голову навести о томъ справки, что было бы, какъ послѣдствія показали, весьма не бесполезно. Наконецъ наступилъ ожидаемый день. Часовъ съ семи начался великолѣпный сѣздъ. Приѣхали многие члены Императорской фамиліи, въ томъ числѣ и герцогъ Лейхтенбергскій, нашъ попечитель. Все шло отлично, и княгиня казалась чрезвычайно довольною, нисколько не ожидая скандала, которымъ ознаменовался этотъ достопамятный вечеръ. Когда пришелъ часъ розыгрыша лотереи, на особо приготовленный столъ поставили двѣ небольшія хрустальныя вазы и въ каждую изъ нихъ насыпали изъ особыхъ мѣшковъ билеты въ соответственномъ количествѣ, но такъ, что въ мѣшкахъ оставалась большая половина, которую и предназначено досыпать по мѣрѣ опорожненія вазъ. Впослѣдствіи оказалось, что, по плану розыгрыша лотереи, одна ваза должна была заключать номера билетовъ, а другая номера вещей, такъ что владѣтель вынутаго изъ вазы номера билета получалъ вещь, на которой значился номеръ, вынутый въ то же время изъ другой вазы. Очевидно, что надо было твердо знать и помнить: какой мѣшокъ и какая ваза заключаютъ въ себѣ тотъ или другой родъ билетовъ. Къ одной вазѣ сталъ, для выниманія билетовъ, князь Анатолій Барятинскій, а къ другой онъ поставилъ кого-то изъ своихъ военныхъ друзей, такого же солиднаго господина. Меня усадили, какъ самаго надежнаго господина, записывать номера вынимаемыхъ и провозглашаемыхъ билетовъ.

Передъ началомъ лотереи, я, по желанію княгини, объявилъ торжественно и громко означенный порядокъ розыгрыша и прибавилъ, что тѣ, которые пожелаютъ взять выигрышныя вещи, могутъ тотчасъ получить ихъ. Наконецъ насталъ самый моментъ розыгрыша. Начать съ того, что князь Анатолій сталъ проверять цифры номеровъ, увлекаясь больше разговоромъ и остротами, чѣмъ дѣломъ, что я и поставлялъ ему неоднократно на видъ, хотя безъ малѣйшаго успѣха. Затѣмъ, едва только было вынуто нѣсколько номеровъ, какъ пошла возня съ отыскиваніемъ выигрышныхъ вещей, при чемъ плохо выслушанные номера билетовъ и но-

мера вещей производили страшную сумятицу, предвѣщавшую, для опытнаго глаза, дурныя послѣдствія... Я смутно начиналъ предчувствовать, что дѣло добромъ не кончится. Но князь Анатолій быстро разрѣшилъ это предчувствіе: ему какъ-то показалось, что надо подсыпать въ вазы билетовъ. Не долго думая, онъ беретъ мѣшки и начинаетъ дополнять изъ одного мѣшка одну вазу, а изъ другаго другую, безъ всякаго сознанія взаимнаго отношенія мѣшковъ къ вазамъ и распредѣленія однихъ номеровъ по билетамъ, а другихъ по вещамъ. Я ужаснулся такому распоряженію и ждалъ, что выйдетъ, съ нѣкоторою неопредѣленною надеждою, что, быть можетъ, случай спасетъ насъ и что князь, хотя безсознательно, сдѣлалъ свою досыпку, какъ слѣдовало. Увы! тщетная надежда! Результаты скоро оказались. Тѣ лица, которыхъ билеты вышли уже, стали замѣчать, что они какимъ-то чудомъ вновь появились. Лица, объявившія, что они выиграли ту или другую вещь стали слышать, что эти вещи вновь выпадаютъ на другіе совѣтъ номера и вовсе не на тѣ, которые значатся на принадлежащихъ имъ билетахъ. Явилось общее смущеніе, послышался глухой ропотъ. Сдѣлалось яснымъ, что князь Анатолій перепуталъ номера и въ вазу вещей всыпалъ номера билетовъ, а въ вазу билетовъ прибавилъ номера вещей. Княгиня пришла въ неописанное замѣшательство. Ея старанія лопнули; ея самолюбіе уязвлено. Герцогъ и другъ княгини, князь Лобановъ-Ростовскій, старались найти средство поправить дѣло и озабоченно толковали оба со мной. Но я хорошо зналъ и видѣлъ, что никакихъ средствъ нѣтъ, и предлагалъ имъ только успокоить публику увѣреніемъ, что всѣ неясности, невѣрности будутъ исправлены. Публика, повидимому, весьма недовольная, хотя прикрывающая свое недовольство милѣйшими улыбками, начала разѣзжаться, и скоро блестяція комнаты опустѣли. Княгиня, чуть не со слезами, стала просить меня возстановить какъ-нибудь порядокъ. Князь Анатолій увѣрялъ ее, что это ничего не значить и что въ полчаса все будетъ устроено. За нимъ и я, не постигая еще всей необъятности предстоящаго труда, старался успокоить княгиню. Было часовъ около двухъ ночи, когда она удалилась, и мы съ княземъ остались лицомъ къ лицу предъ хаосомъ, имъ произведеннымъ. Чѣмъ ближе мы всматривались въ него, тѣмъ

болѣе поражали насъ страшные его размѣры. Князь тотчасъ началъ предлагать различныя мѣры, но онѣ разлетались въ прахъ при малѣйшемъ проникновеніи въ глубь дѣла. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ предложеній—князь предложилъ, прежде всего, хорошенько поужинать и потребовалъ всевозможнаго вина и особенно шампанскаго. Поужинали мы отлично; но когда снова обратились къ дѣлу, оно оказалось столь же упорнымъ и не податливымъ. Я двинулъ на него всю мою контору, составленную изъ людей, весьма смысленныхъ и особенно опытныхъ въ цифирныхъ оборотахъ; они страшно работали, но дѣло рѣшительно не трогалось. Много разъ случалось, что, одобривъ какую-нибудь идею—мы принимались приводить ее въ исполненіе и, проработавъ нѣсколько часовъ, убѣждались, что эта идея и эта работа нисколько не ведетъ къ цѣли. Я уже не помню, въ чемъ именно состояли главныя затрудненія; но помню хорошо, что во всю мою жизнь я не встрѣчалъ такой головоломной задачи. По словамъ Кудрявцева, о которомъ я выше говорилъ, выходило такъ, что «собака выигрывала часы, а пресспапье какое-нибудь выиграло вазу»... Я не говорю уже о томъ, что нужно было, прежде всего, повѣрить, какія вещи взяты уже, что также стоило труда, хотя матеріальнаго; надобно было найти такой способъ, который бы правильнымъ и отнюдь не произвольнымъ образомъ разрѣшилъ эту путаницу, а этого-то именно способа мы и не находили, хотя старались подойти къ нему то съ той, то съ другой стороны, постоянно испытывая многоразличные приемы. Въ отчаяніи, мы съ княземъ нѣсколько разъ остававливались на мысли сдѣлать новый розыгрышъ, но, во-первыхъ, это былъ бы совершенный произволъ, а во-вторыхъ, многія лица, записавшія у себя вышедшіе номера, потеряли окончательно довѣріе къ правильности этого дѣла, что не было бы выгодно преимущественно для меня, потому что ни на княгиню, ни на князя Анатолія подозрѣній и нареканій пасть не могло.

Я нѣсколько дней безвыходно жилъ въ комнатахъ княгини, просяживая за работой безсонныя ночи и заставляя работать всѣхъ мужчинъ, пріѣзжавшихъ къ княгинѣ и способныхъ писать. Князь Владиміръ и князь Анатолій обращены были рѣшительно въ писцовъ. Мои конторщики, истомленные страшными трудами и бессонными

ночами, едва держались на ногахъ. Не помню, въ чемъ состояли затрудненія, я не помню и способа, которымъ мнѣ удалось разрѣшить ихъ; помню только, что когда въ умѣ моемъ мелькнулъ этотъ способъ, мои первыя ощущенія были таковы, что вѣроятно сходились съ ощущеніями знаменитыхъ изобрѣтателей, когда ихъ осѣняла гениальная мысль. Несмотря на мелкую, ничтожную сущность дѣла, я почувствовалъ чрезвычайное могущество и сознание великаго превосходства надъ моими сотрудниками. Истощенные, они продолжали исписывать горы бумагъ, когда я вдругъ громко сказалъ имъ: «бросайте все». Они посмотрѣли на меня съ недоумѣніемъ, какъ бы соображая, не пораженъ ли я воспаленіемъ въ мозгу; но я повторилъ твердо свой рѣшительный приказъ. Князь Анатолій сталъ приставать, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но въ эту минуту я былъ такъ гордъ и самоувѣренъ, что никакъ не хотѣлъ объяснить своей мысли, наслаждаясь впередъ общимъ изумленіемъ, когда я выйду, вмѣстѣ съ ними, на свѣтлую дорогу. Взяли новые листы, и по моимъ указаніямъ закипѣла окончательная работа. Тонъ моихъ наставленій показывалъ уже, что я нашелъ вѣрный путь, и что близокъ конецъ нашимъ страданіямъ. И дѣйствительно: въ теченіе двухъ, трехъ часовъ, все было кончено, улажено и приведено въ порядокъ. Я передалъ княгинѣ вывѣренные, исправленные списки и самъ открылъ раздачу вещей многимъ, нетерпѣливо ее ожидавшимъ. Это дѣло упрочило мое значеніе въ глазахъ княгини, такъ что послѣдующія лотереи, какія она учреждала, подчинялись вполнѣ моимъ распоряженіямъ. Въ то же время ко мнѣ перешло составленіе отчетовъ по ея заведеніямъ, для которыхъ она испросила особый Высочайше утвержденный уставъ. Княгиня всегда любовалась ясностью изложенія этихъ отчетовъ и одѣляла ими всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Щедрая въ высшей степени, какъ и князь Александръ Ивановичъ, княгиня, не оскорбляя меня предложеніемъ какого-либо вознагражденія, умѣла роскошно платить за мои услуги, осыпая жену мою безчисленными подарками. Почти ни одного праздника не проходило, чтобы княгиня не присылала ей какой-нибудь милой бездѣлушки по части дамскихъ украшеній, такъ что коллекція браслетовъ, брошекъ и т. п. у моей жены, коллекція, конечно, неболь-

шая, состоит преимущественно из вещей, подаренных княгиней. Ту же роскошь княгиня проявляла въ отношеніи къ старшему моему сыну, Анатолю, который былъ ея крестникомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что если не тысячи, то многія сотни были брошены ею для того, чтобы осыпать этого мальчика самыми великолѣпными и разнообразными игрушками, въ такомъ обиліи, что часть ихъ уходила на подарки, которые мы, въ свою очередь, дѣлали дѣтямъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ.

Рождественская елка была замѣчательною эпохою въ этомъ отношеніи. Княгиня любила все дѣлать изящно и торжественно. Приготовленія къ елкѣ были всегда весьма сложны и хлопотливы. За недѣлю ея сестры милосердія развѣзжали по магазинамъ и забирали въ нихъ все лучшее по части дѣтскихъ подарковъ. Въ назначенный день и часъ, посреди большой залы, устанавливался столъ; на немъ ставилась большая елка; кругомъ ея располагались вещи, назначенныя въ подарки сестрамъ, старымъ и молодымъ, и вообще всему придворному штату; по угламъ ставились меньшіе столы съ меньшими елками; одна изъ этихъ отдѣльныхъ елокъ предназначалась для дѣтей Давыдовыхъ, другая для дѣтей князя Владиміра, третья для дѣтей князя Анатоля, а четвертая для моего Анатоля. Каждый изъ этихъ столовъ заваленъ былъ вещами съ надписями, красиво сдѣланными: кому какая назначена. Когда елки были зажжены, дѣти врывались въ залу, и каждый отыскивалъ свои вещи или свой столъ. Затѣмъ начинались ближайшій обзоръ и проба игрушекъ и дѣтская суетня, доставлявшая всѣмъ, а особенно виновницѣ ихъ радостей, княгинѣ, великое удовольствіе. Моему Анатолю принадлежали не только вещи, ему назначенныя, но и самая елка, увѣшанная великолѣпными и дорогими конфетами, такъ что, при возвращеніи его съ матерью домой, надобно было брать одни или двое отдѣльныхъ саней, чтобы поднять и свезти все его богатство. Замѣтно было, что и по числу вещей, и по цѣнности ихъ, княгиня проявляла роскошь свою въ отношеніи къ Анатолю несравненно обильнѣе, нежели относительно другихъ дѣтей, вѣроятно на томъ основаніи, что въ нашемъ простомъ, не аристократическомъ, кругу такая щедрость найдетъ большую оцѣнку и возбудитъ большее удивленіе. На одной изъ такихъ елокъ, какъ будетъ

сказано впоследствии, оригинальный князь Александръ Ивановичъ привѣсилъ къ дереву, назначенному для семейства князя Владиміра, клочекъ бумаги съ выразительными словами, что онъ отдаетъ ему все свое имѣніе...

Въ заключеніе обзора благотворительныхъ дѣйствій княгини. надобно сказать, что, независимо отъ городскихъ ея заведеній и даже прежде учрежденія ихъ, княгиня купила близъ Петербурга какое-то имѣніе и подарила его Анненской лютеранской церкви (въ Кирочной улицѣ). Мнѣ не привелось видѣть это имѣніе, но я слышалъ, что и тамъ тоже устроены были какія-то благотворительныя заведенія стараніями пастора Морица, бывшаго духовникомъ и другомъ княгини, челоуѣка, какъ мнѣ казалось, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Именно возвращаясь однажды на пароходѣ изъ этого имѣнія, Морицъ и погибъ, при извѣстномъ тогда столкновеніи пароходовъ. Будучи отличнымъ пловцомъ, Морицъ, какъ говорили, самъ бросился въ воду, надѣясь выплыть на берегъ, но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе. Для княгини это была тяжелая потеря...

Г Л А В А V.

Тяжелое время для князя Александра Ивановича.—Его отношенія къ благотворительности.—П—ль, постоянно просившій у князя денегъ.—Щедрыя распоряженія князя въ отношеніи какого-то бѣдняка князя Барятинскаго. — Смерть Столыпина.—Зароудышъ проекта женить князя. — Требования князя въ Петербургъ. — Маневры его, чтобы отдѣлаться отъ Петербурга. — Негодованіе на него.—Отчаяніе княгини.—Ея совѣщанія со мною.—Невольный пріѣздъ князя въ Петербургъ.

Князь Александръ Ивановичъ, когда бывалъ въ Петербургѣ, постоянно и мило подшучивалъ надъ благотворительными заботами и дѣйствіями княгини и моими. Смысль его нападокъ былъ тотъ, что бѣдныхъ будетъ больше, если мы не перестанемъ хлопотать, и что нашими хлопотами мы только распложаемъ нищихъ. Это, однакоже, нисколько не препятствовало ему принимать на свой счетъ мѣста въ отдѣленіи пенсіонерокъ и кровати въ «Ясляхъ», которыя княгиня навязывала ему, точно такъ же, какъ не мѣшало согласиться и на

мое предложеніе ежегодно жертвовать по 1.000 р. нашему небогатому обществу посѣщенія бѣдныхъ. Всегда щедрый и великодушный, князь, кажется, не зналъ вовсе, какъ отказывать въ деньгахъ. Съ этой стороны мнѣ предстояло много хлопотъ. Многие изъ его блестящихъ друзей постоянно стремились залѣзть ему въ карманъ. Князь самъ никогда не отказывалъ, но всегда совѣтовался со мной, хорошо сознавая, что собьетъ меня съ толку, если будетъ прямо распорядиться кассой, которая, рѣдко бывая полной и богатой, имѣла на себѣ много собственныхъ обязательствъ.

Въ числѣ адъютантовъ наслѣдника, въ одно время съ княземъ, былъ П—ль, тотъ самый, который впоследствии былъ с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и оставилъ эту должность со скандаломъ, извѣстнымъ въ то время всему городу. Онъ часто атакывалъ князя просьбами о деньгахъ. Предлогомъ всегда были какія-то обширныя, миллионныя предпріятія тестя его, маркиза де-Траверсе, для осуществленія которыхъ всегда недоставало какой-нибудь бездѣлицы, тысячъ въ 10 или 20. Князь постоянно выражалъ сильное желаніе помочь пріятелю; я постоянно утверждалъ невозможность сдѣлать ссуду, а еще большую невозможность воротить ее, еслибы она была сдѣлана.

Обращаясь къ отношеніямъ князя Александра Ивановича къ дѣлу благотворительности, надо сказать, что, независимо отъ ежегоднаго пожертвованія въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ по 1.000 р., между княземъ и этимъ обществомъ должна была установиться другая, довольно оригинальная, связь. Въ Петербургѣ появился какой-то бѣднякъ, князь Барятинскій, и сталъ обивать пороги извѣстныхъ благотворителей, осыпая ихъ просьбами о пособіи. Князь Александръ Ивановичъ еще ничего не зналъ объ этомъ явленіи, какъ въ большомъ свѣтѣ распространилось изумленіе, какимъ образомъ такой роскошный и богатый человѣкъ допускаетъ бѣднаго своего родственника просить милостыню. Князь немедленно изслѣдовалъ дѣло и убѣдился, что между его домомъ и этимъ нищимъ не существуетъ рѣшительно никакихъ фамилныхъ соотношеній. И дѣйствительно, это былъ какой-то несчастный выходецъ изъ западныхъ губерній, представлявшій самый отвратительный типъ поляка, хотя носилъ званіе полковника. Видъ его былъ самый

несчастный, оборванный, болѣзненный, съ колтуномъ на головѣ. Супруга его, какъ я потомъ близко узналъ, была гадкая женщина, какъ по наружности, такъ и по поведенію. Высокая, рябая, съ лицомъ хищной птицы, она имѣла любовниковъ, а мужа терзала всячески и, наконецъ, совсѣмъ бросила его. Къ несчастію, у нихъ были двѣ дочери, дѣвочки уже на возрастѣ и обреченныя неминуемой гибели, еслибы рука благотворительности не спасла ихъ. Несмотря на то, что эта жалкая семья не имѣла никакого права на помощь со стороны Бяратинскихъ, князь Александръ Ивановичъ вполне обезпечилъ ее съ примѣрнымъ великодушіемъ. Самому Бяратинскому онъ назначилъ постоянный пенсіонъ по 2.400 р. асс. въ годъ, а на воспитаніе дѣвочекъ опредѣлилъ особую сумму, на счетъ которой онѣ и помѣщены были въ римско-католическую школу. Сначала эти деньги выплачивались мною, и на мнѣ лежало ближайшее попеченіе объ этой несчастной семьѣ; впоследствии, это попеченіе и эти деньги предоставлены были, по моему предложенію, обществу посѣщенія бѣдныхъ. Кромѣ того, чтобы показать, что все это дѣлается не по родственной обязанности, а чисто изъ благотворительности, князь Александръ Ивановичъ заявилъ обществу обязательство, въ томъ случаѣ, если это семейство представить какое-нибудь доказательство, что оно состоитъ въ какой-либо исторической связи съ домомъ Бяратинскихъ, тотчасъ дать ей капиталъ (цифры не помню), достаточный для того, чтобы поставить это семейство въ положеніе, этой связи соответствующее. Разумѣется, никакихъ доказательствъ представлено не было, и скоро загадочный Бяратинскій умеръ, имѣя рѣдкій случай видѣть, какъ, при послѣднихъ его минутахъ, достойная супруга окончательно обобрала его...

Пока мы съ княгинею были погружены въ дѣла благотворительности, надъ головою князя Александра Ивановича начинали скопляться тучи. Началось съ того, что въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что холера, свирѣпствовавшая въ 1848 году, скосила Столыпина. Столыпинъ, сколько извѣстно, погибъ рыцарски. Онъ жилъ въ какой-то изъ своихъ саратовскихъ деревень, когда въ самомъ Саратовѣ холера начала страшно усиливаться. Онъ счелъ приличнымъ долгу порядочнаго человѣка бросить свое комфортабельное и, быть можетъ, безопасное мѣстопробываніе и летѣть туда, гдѣ

царствовала опасность. Въ этомъ убѣжденіи, онъ прискакалъ въ Саратовъ и предложилъ себя въ распоряженіе губернатора, которымъ и былъ приглашенъ обѣдать. На этомъ обѣдѣ Столыпинъ былъ атакованъ холерою, и къ вечеру его не стало!

Что дѣлала въ это время и гдѣ была его жена, я не знаю; но скоро послѣ того княгиня Марья Ѳедоровна передала мнѣ слѣдующее. Въ одинъ изъ пріѣздовъ ея ко двору, самъ государь ее спросилъ: «не желаетъ ли она повидаться съ княземъ Александромъ Ивановичемъ?» Княгиня благодарила государя за такое милостивое предложеніе.—«Ну, такъ напишите ему, что я позволяю ему пріѣхать сюда» — сказалъ царь. Къ этому княгиня прибавила, что она въ тотъ же день написала князю объ этомъ и что, вѣроятно, мы скоро увидимъ его въ Петербургѣ. Дѣйствительно, скоро сдѣлалось, извѣстнымъ, что князь ѣдетъ и что пріѣхалъ уже въ Тулу, но что тамъ заболѣлъ и требуетъ къ себѣ князя Владиміра. Князь Владиміръ поѣхалъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней и, возвратившись въ Петербургъ, привезъ отъ имени князя Александра такое объявленіе: «что какъ ни дорого для него было бы свиданіе съ родными, и какъ ни глубоко чувствуетъ онъ милостивое дозволеніе государя пріѣхать для этого въ Петербургъ, но что служба для него выше всѣхъ семейныхъ радостей, а такъ какъ срокъ даннаго ему отпуска уже истекаетъ, то онъ рѣшился отправиться назадъ къ своимъ обязанностямъ, отказываясь отъ счастья семейнаго свиданія». Такое объявленіе всѣхъ изумило, а государя просто привело въ негодованіе. Онъ тотчасъ приказалъ отправить фельдъегеря вслѣдъ за Бярятинскимъ съ приказаніемъ воротиться и съ разрѣшеніемъ отсрочки даннаго ему отпуска. Но видно, что князь Александръ Ивановичъ не дремалъ на своемъ обратномъ пути и, быть можетъ, предчувствовалъ эту погоню, потому что фельдъегерь, какъ ни скакалъ, все-таки могъ настигнуть его только въ предѣлахъ Ставропольской губерніи. Возвратившись въ Петербургъ, этотъ фельдъегерь привезъ почтительный отзывъ князя Александра Ивановича, что онъ глубоко цѣнитъ милость царя, но такъ какъ онъ уже прибылъ почти къ мѣсту своего служенія, то онъ воспользуется дарованнымъ ему разрѣшеніемъ въ другой разъ...

Очевидно, что какъ въ настояніяхъ царя, такъ и въ упорствѣ

князя начинала разыгрываться скрытая драма. Всѣ подробности ея, конечно, не могли быть мнѣ извѣстны, и я устраниаю отъ себя всякую претензію говорить о ней, какъ свидѣтель и очевидецъ. Напротивъ, я считаю долгомъ честнаго и правдиваго человѣка предупредить, что все, чтò я буду говорить объ этомъ замѣчательномъ періодѣ въ жизни князя, будетъ основано на общихъ толкахъ, сопровождавшихъ этотъ періодъ, на отрывочныхъ словахъ князя и княгини, однимъ словомъ, — на совокупности различныхъ признаковъ и явленій, изъ которыхъ каждый смысленный человѣкъ можетъ создать нѣчто цѣлое и стройное.

Начать съ того, что М. В. Столыпина была урожденная княжна Трубецкая, а всѣ Трубецкіе этой семьи, по словамъ самого князя, были во дворцѣ своими людьми. Такъ точно и Марья Васильевна была любимицею всего царскаго семейства и была въ немъ, какъ дома.

Послѣ кончины Столыпина, явилась вверху мысль сочетать его прелестную вдову бракомъ съ княземъ. Если не главнымъ изобрѣтателемъ, то главнымъ проводникомъ этой идеи явилась одна высокая особа.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что въ этихъ планахъ принято было живое участіе самимъ государемъ, а еще болѣе императрицей Александрю Феодоровною и именно, для осуществленія ихъ, повидимому, потребовалось личное прибытіе сюда князя. Трудно сказать, извѣстны ли были князю эти планы въ минуту его отъѣзда съ Кавказа; но нельзя сомнѣваться, что, по мѣрѣ приближенія его къ Петербургу, онъ началъ угадывать ихъ. Всего вѣроятнѣе, что, прибывъ въ Тулу, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ Крузенштернъ, старый его пріятель, человѣкъ придворныхъ связей, онъ отъ него узналъ ходившіе въ Петербургъ по этой части слухи. Отсюда явилась болѣзнь князя, безъ сомнѣнія, мнимая, подъ видомъ которой онъ остановилъ дальнѣйшій свой путь къ Петербургу, и требованіе оттуда князя Владиміра, для болѣе подробныхъ объясненій. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Владиміръ имѣлъ возможность сообщить ему самыя обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу, и сущность ихъ была такова, что князь поворотилъ оглобли и полегълъ обратно на Кавказъ.

Привезенный фельдъегеремъ отзывъ князя положительно раздражилъ дворъ. Въ это время я почти ежедневно видѣлъ княгиню, по ея желанію и она, зная мою преданность къ князю, постоянно и весьма подробное передавала мнѣ, какъ сильно разгѣванъ на него царь. Но императрица Александра Ѳеодоровна, по словамъ княгини, сердилась несравненно сильнѣе. Она просто не могла слышать имени князя безъ того, чтобы не осыпать его недоброжелательными эпитетами. Княгиня говорила мнѣ, что въ глаза ей она высказала свое неудовольствіе. — «Онъ насъ всѣхъ обманываетъ», говорила императрица. Княгиня Марія Ѳеодоровна, возвращаясь изъ дворца, всегда призывала меня къ себѣ и передавала все, что тамъ говорилось о князѣ, и не знала, что ей дѣлать.

Теперь, когда исторія объяснилась, понятно, откуда происходили и гнѣвъ государя, и злоба императрицы, и почему имъ такъ надобно было личное прибытіе сюда князя, такъ упорно отбивавшагося. Но тогда мнѣ просто было все это непонятно, и я даже въ самомъ августѣйшемъ гнѣвѣ видѣлъ сильную пріязнь царской четы къ князю. «Если бы не было этой пріязни, — думалъ я, — зачѣмъ бы имъ такъ дорожить пріездомъ сюда князя?» Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, когда княгиня сѣтовала на затруднительное положеніе, въ которое она поставлена, я совѣтовалъ ей прямо передать всѣ подробности самому князю... «Еслибы князь зналъ всю суматоху, которую произвелъ онъ при дворѣ, еслибы зналъ, какой сильный царскій гнѣвъ онъ навлекъ на себя, думалъ я, онъ несомнѣнно тотчасъ бы прискакалъ сюда». Но княгиня, очевидно, знала больше меня, потому что, несмотря на мудрую простоту и логичность моего совѣта, она не приходила отъ него, какъ я ожидалъ, — въ восхищеніе, а отвѣчала уклончиво: «Право, не знаю, что дѣлать. Князя это очень огорчить, если ему написать, какъ вы совѣтуете».

Довольно долго тянулось такое положеніе дѣла. Княгиня продолжала посвящать меня въ постоянное усиленіе царскаго неудовольствія, обрушившагося на князя. Я продолжалъ настаивать на передачѣ князю этихъ извѣстій. — «Я убѣжденъ, княгиня», — говорилъ я, — «что всегда лучше знать истину, какая бы она ни была, чѣмъ оставаться въ заблужденіи. Князь одаренъ такимъ сильнымъ умомъ,

что онъ самъ, лучше всѣхъ, найдетъ, что нужно ему дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ. Наше дѣло только передать ему сущность ихъ, тогда какъ, оставляя его въ неизвѣстности, мы быть можетъ вредимъ ему въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ отношенія къ царскому семейству». — «Однимъ словомъ, ваше сіятельство», — заключалъ я, — «если вы не рѣшитесь написать ему, я напишу и убѣжденъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ признаетъ въ моемъ поступкѣ желаніе ему пользы». — «Нечего дѣлать», — отвѣчала княгиня, — «я пошлю ему завтра большое письмо, хотя знаю, что это очень его огорчитъ». Княгиня ли дѣйствительно писала князю, или другими путями дошли до него извѣстія о такомъ блистательномъ положеніи его придворныхъ фондовъ, только князю ничего другаго не оставалось, какъ волею-неволею предпринять вторичное путешествіе въ Петербургъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысли, съ которыми онъ ѣхалъ, были мало утѣшительны. Я помню зимній декабрьскій день 1849 года, когда князь пріѣхалъ въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его пріѣзда, я былъ уже у него. Въ самой наружности его я замѣтилъ много невыгодныхъ перемѣнъ. Уѣхалъ онъ блестящимъ блондиномъ, красавцемъ, съ его роскошными волосами. Теперь я видѣлъ коротко остриженного генерала съ тупыми бакенбардами, съ лицомъ, загорѣлымъ отъ климата и завѣтрившимся отъ зимней дороги. Во всей его фигурѣ сильно проглядывало желаніе изобразить кавказскаго ветерана, что подтверждалось и тѣмъ, что князь сильно прихрамывалъ и опирался на палку. Свиданіе наше было любезно; но замѣтно было, что князь удрученъ былъ чѣмъ-то и казался не то скучнымъ, не то озабоченнымъ. Все это, естественнымъ образомъ, отнесено было мною къ утомленію князя отъ дороги. На другой день я снова былъ у него и, желая посвятить его въ ходъ и положеніе нашихъ дѣлъ, тотчасъ замѣтилъ, что предметъ этотъ мало интересуеть его. Я и тутъ нашелъ естественнымъ, что у него, кромѣ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, которыя и всегда мало его интересовали, есть много другихъ, высшихъ интересовъ, изъ которыхъ возстановленіе мира и согласія съ царемъ и царицею — мнѣ самому казалось первѣйшимъ и важнѣйшимъ.

Какъ шло это дѣло, я не могъ знать въ подробности, хотя ни-

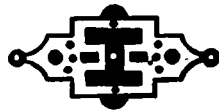
какихъ хорошихъ признаковъ не было, послѣдующія же свиданія наши, свиданія почти ежедневныя, не заключали въ себѣ ничего существеннаго ни по отношенію къ этому вопросу, ни по отношенію къ нашимъ дѣламъ, о которыхъ князь рѣшительно не начиналъ никакой рѣчи; видно было только, что прежняя озабоченность и напоръ другихъ мыслей не оставляютъ князя.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наступали Рождественскіе праздники, и впереди ихъ устраивалась Рождественская елка княгини. Какъ и всегда, моя жена съ сыномъ Анатоліемъ были тамъ и по возвращеніи были сопровождаемы обычными коробами съ многоразличными игрушками. Жена рассказала мнѣ, въ числѣ разныхъ подробностей, къ этому вечеру относящихся, и то, что князь Александръ Ивановичъ былъ также на елкѣ и много говорилъ какъ съ нею, такъ и съ нашимъ Анатоліемъ. Тѣмъ дѣло, казалось, и кончилось. Но на другой день, т. е. въ день самаго Рождества, когда мы съ семьей и нѣкоторыми короткими знакомыми сидѣли за простымъ, но веселымъ обѣдомъ, мнѣ приносятъ маленькую записку отъ Хрущова съ вопросомъ: «Правда ли, что князь Александръ на вчерашней елкѣ подарилъ все имѣніе брату Владимиру?» Вопросъ этотъ до такой степени показался мнѣ нелѣпнымъ, что я захохоталъ и сообщилъ его моимъ собесѣдникамъ, какъ образецъ вздорныхъ слуховъ, какіе часто фабрикуются въ Петербургѣ. Въ этомъ же смыслѣ я отвѣчалъ Хрущову. Но на другой день я довольно рано утромъ былъ приглашенъ къ князю и встрѣченъ имъ вопросомъ: «Вы слышали, что я отдалъ имѣніе брату». — «Слышалъ, ваше сіятельство, но не хотѣлъ вѣрить», — отвѣчалъ я.

Тутъ князь началъ объяснять мнѣ соображенія и основанія, на которыхъ онъ принялъ такое оригинальное рѣшеніе. Само собою разумѣется, что все это было сочинено, и потому не заслуживаетъ подробнаго здѣсь изложенія, тѣмъ болѣе, что я не помню всего, что говорилъ князь: до такой степени объясненіе его имѣло мало содержанія. Главная причина, впрочемъ, заключалась, по словамъ князя, въ томъ, что онъ хотѣлъ показать государю, что онъ рѣшительно не хочетъ ничѣмъ заниматься, кромѣ службы, и именно для того, чтобы всецѣло посвятить себя ей, онъ рѣшился освободиться отъ имѣнія. Но хроника общественныхъ слуховъ гласитъ

такъ, что, побуждаемый высшимъ давленіемъ къ брачному союзу, онъ отдалъ имѣніе брату для того, чтобы изобразить изъ себя бѣдняка, ничего, кромѣ службы, не имѣющаго, и потому неспособнаго создать для своей супруги такую жизнь, которая была бы достойна такой блестящей дамы, отъ пеленъ привыкшей къ роскоши. Такъ это было или иначе, я положительно утверждать не могу, но что давленіе сверху было и что князь ему не поддался — это я могу утверждать, основываясь на собственныхъ словахъ князя. Часто, особливо на Кавказѣ, въ откровенной бесѣдѣ, которою онъ такъ много меня удостоивалъ, говоря о личныхъ своихъ свойствахъ, князь любилъ выставять свою твердость воли и характера. «Вы знаете», — прибавлялъ онъ, — что самъ государь, и какой еще государь, не могъ поколебать моей рѣшимости». Я это плохо зналъ, какъ откровенно и высказалъ это выше; но, за неимѣніемъ другихъ обстоятельствъ, объясняющихъ эту фразу, всегда относилъ ее и теперь отношу къ дѣлу его о женитьбѣ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ

Башмачника Яна Килинскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ.

„Od Cezara aż do dni dzisiejszych
tyle wodzów, statystów, literatów, pa-
nienek nawet pisalo swe pamiętniki,
nigdy jednak nie slyszal o pamiętni-
kach przez s z e w c a pisanych».

(«Pamiętniki z czasów moich», I. У.
Нѣмцевича. Парижъ, 1848)

редлагаемый вниманію читателей памятникъ живописуетъ
событія, совершившіяся въ Варшавѣ сто лѣтъ тому назадъ.

Событія эти — революція 5 (17) апрѣля 1794 года.

Авторъ памятника — одинъ изъ главныхъ руководителей
этой революціи.

Столѣтіе, протекшее со времени варшавскихъ событій, надѣмся,
дасть намъ возможность и право, — удовлетворяя исторической
правдѣ, — *audiatur et altera pars*.

При этомъ мы находимъ необходимымъ предпослать нашему пере-
воду настоящихъ «Записокъ» нѣсколько словъ объ ихъ авторѣ, какъ лицѣ,
извѣстномъ у насъ едва-ли только не по наслышкѣ.

Въ книгѣ Актовъ гражданскаго состоянія города Вар-
шавы за 1819 годъ, подъ № 57, на листѣ 16, находимъ актъ нижеслѣ-
дующаго содержания:

«Къ чиновнику (ведущему книги) гражданскаго состоянія прихода
св. Яна явились: Матеушъ Шамборскій, мастеръ сапожничьяго иску-
ства, зять умершаго и Николай Гаворкевичъ, также мастеръ того же

искусства, сосѣдъ, и объявили, что 28-го января 1819 года, въ 10 час. утра, окончили жизнь въ квартирѣ, которую занималъ въ собственномъ домѣ, подъ № 145 въ улицѣ Дунай, св. памяти Янъ Килинскій, мастеръ сапожничьяго искусства и обыватель города Варшавы, 59 лѣтъ, происходившій изъ города Стржемешна, въ Великой Польшѣ находящагося, отъ родителей уже давно умершихъ, оставивъ послѣ себя вторую жену Анастасію, урожденную Ясинскую, 34 лѣтъ, и семерыхъ дѣтей, именно: отъ перваго брака—Франциска, Вавржепла (Лаврентія)—сыновою свыше 30 лѣтъ, Маріанну, Агнешку,—имѣющихъ менѣе 30 лѣтъ; отъ втораго брака—Антолія, 5 лѣтъ, Игнатія, 3 лѣтъ—сыновою и дочь Юзефу, одного года и шести мѣсяцевъ, на чемъ актъ присутствующими и чиновникомъ (ведущимъ книги) гражданскаго состоянія подписанъ января 29-го дня 1819 года въ Варшавѣ».

Упоминаемый въ настоящемъ документѣ Янъ Килинскій, сынъ каменщика (architekt mularski)¹⁾, по имени Августина, родился въ 1760 г. Въ приведенномъ актѣ мѣстомъ родины Килинскаго значится городъ Стржемешна въ Великой Польшѣ, но самъ Килинскій говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что онъ родился въ городѣ Познани, а въ Стржемешнѣ, вѣроятно, воспитывался и научился башмачному ремеслу. Съ 1780 г. мы уже видимъ Килинскаго въ Варшавѣ. Въ то время, варшавянки модницы носили короткія платья, а потому обращалось особенное вниманіе на изящно обутую ногу, и немалыя требованія въ этомъ отношеніи предъявлялись къ мастеру. Килинскій счумѣлъ угодить своими работами, скоро приобрѣлъ большую извѣстность, такъ что знатнѣйшія аристократки сдѣлались его клиентками. Но, вращаясь въ кругу аристократовъ, Килинскій успѣлъ понравиться имъ не однимъ артистическимъ исполненіемъ заказовъ, но и своею смѣтливостію. И въ этомъ отношеніи популярность Килинскаго росла даже въ средѣ простаго народа. Въ короткое сравнительно время, онъ скопилъ деньги и купилъ въ улицѣ Широкой Дунай (между площадью Старе Место и улицею Подвале) два каменные домика²⁾.

Затѣмъ, какъ человѣкъ, отличавшійся способностями и честностію, Килинскій былъ выбранъ членомъ совѣта (раднымъ) магистрата.

Между тѣмъ, для Польши наступали тяжелыя времена. Могуще-

¹⁾ Считаемъ необходимымъ пояснить, что слово каменщикъ надо понимать не въ одномъ узкомъ общепотребительномъ его значеніи: такъ называемые архитекторы mularskie—не только рабочіе, они въ состояніи и сами возвести строеніе, не обращаясь къ руководству профессиональнаго архитектора,—это, такъ сказать, доморощенные архитекторы.

²⁾ Одинъ изъ этихъ домовъ №№: ипотечный—145, а полицейскій—5,—сохранился въ неприкосновенномъ видѣ до настоящаго времени, еще недавно (1891 г.) онъ принадлежалъ Юсіфу Шахматинскому.

ственные сосѣди дѣлили ее на части. Но въ ней оставались еще люди, которые вѣрили въ возможность возстановленія ея въ прежнихъ предѣлахъ. Съ этою цѣлю въ Варшавѣ образовалось патриотическое общество. Выдающимися членами его были: камергеръ Венгерскій, генераль Дзялынскій и венгерець, купецъ Капостасъ. Къ нимъ примкнулъ и Килинскій. Заговорщики вошли въ сношенія съ эмигрантами: Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ и Косцюшко. Послѣдняго приглашали принять начальство надъ войскомъ. Косцюшко принялъ предложеніе. Въ Варшавѣ готовилось возстаніе. Подъемъ народнаго духа послѣ побѣды Косцюшки подъ Рославицами — съ одной стороны, а съ другой — безтактный образъ дѣйствій русскаго уполномоченнаго, генерала О. А. Игельстрема, содѣйствовали ускоренію революціи ¹⁾.

5 (17) апрѣля 1794 года, въ великій четвергъ, вспыхнуло въ Варшавѣ кровавое возстаніе. Произошли сцены, во многомъ напоминавшія ужасы современной французской революціи.

Въ варшавскомъ возстаніи 5 (17) апрѣля Килинскій принималъ дѣятельное участіе.

По удаленіи изъ Варшавы русскихъ, онъ былъ назначенъ членомъ, сперва временнаго совѣта (Rady Zastępszej), а послѣ народнаго совѣта (Rady Narodowej). Во время волненій 5 (17) и 6 (18) іюня онъ много сдѣлалъ для успокоенія народа.

Немалыя также услуги своему отечеству оказалъ онъ во время блокады Варшавы пруссаками, лѣтомъ 1794 года. Назначенный начальникомъ 20-го полка, составленнаго изъ охотниковъ, Килинскій содѣйствовалъ совершенному отраженію прусскихъ войскъ отъ столицы (6 сентября).

По взятіи предмѣстья Праги Суворовымъ, Килинскій былъ взятъ въ плѣнъ и, одновременно съ Косцюшкою, Нѣмцевичемъ и др., отвезенъ въ Петербургъ.

Здѣсь, въ заключеніи, онъ слагалъ стихи, а потомъ, по совѣту Нѣмцевича, сталъ писать записки о пережитомъ.

Записки эти здѣсь и предлагаются въ переводѣ. Онѣ, между прочимъ, нагляднымъ образомъ доказываютъ, насколько несправедливо свидѣтельство Ант. Магiera († 1837, «Estetyka czyli historyczny obraz maista stołecznego Warszawy, od roku 1764»), будто Килинскій даже писать не умѣлъ. Записки Килинскаго изданы: съ неполной копіи графомъ Т. Дзялынскимъ (Познань, 1829 г.), затѣмъ, съ автографа Килинскаго — К. В. Войцицьимъ (Варш., 1830) съ этого же изданія ихъ перепечаталъ г. Жупанскій въ сборникѣ «Pamiętniki z XVIII w.». (Позн., 1860,

¹⁾ Шлюссеръ. „Всем. ист.“, XVII, 1869, 236, 237, 238. — Игельстромъ, по возвращеніи изъ Польши, былъ лишенъ команды.

съ обширною біографіею автора, написанною г. Войццкимъ); затѣмъ, были позднѣйшія изданія, между прочимъ, въ Познани же въ 1872 и 1882 гг. Настоящій переводъ «Записокъ» Килинскаго сдѣланъ нами съ познанскаго изданія 1882 г. («Pamiętniki Jana Kilińskiego, szewca, a gasem pułkownika 20 regimentu. Nakładem księgarni I. K. Zupańskiego», въ мал. 8-ку, съ эпиграфомъ: «Читайте собственныя дѣянія и учитесь любить родину»). Записки Килинскаго обнимаютъ собою время съ апрѣля 1794 по февраль 1795 г. Слагаются онѣ собственно изъ трехъ частей, изъ коихъ каждая носитъ свое особое заглавіе, и вмѣщающаго тѣсное къ нимъ отношеніе—особенно къ послѣдней части—«допроса». Написаны простонароднымъ языкомъ, сбивчиво; авторъ, по временамъ, повторяется, нерѣдко не досказываетъ своихъ мыслей, иногда не стѣсняется въ выраженіяхъ и т. п., за что, конечно, никто не рѣшится сдѣлать ему упрѣка, принявъ во вниманіе скромное образованіе автора и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ. Поэтому переложеніе «Записокъ» Килинскаго на другой языкъ требуетъ упорнаго труда и осмотрительности. Мы, со своей стороны, старались наиблизе стоять къ подлиннику, желая, такимъ образомъ, по возможности, сохранить его особенности и, лишь въ интересахъ читателей, позволили себѣ, въ началѣ каждой части, послѣ заглавія, помѣстить ея краткое содержаніе, да, по мѣстамъ, гдѣ требовалось, сдѣлать, въ подстрочныхъ примѣчавіяхъ, необходимыя оговорки и разъясненія. Но эти недостатки вышняго изложенія у Килинскаго и обуславливаемыя ими трудности для переводчика искупаются внутреннимъ содержаніемъ «Записокъ».

О значеніи «Записокъ» Килинскаго, какъ матеріала для русской исторіи, разумѣется, нѣтъ надобности распространяться; наша наука въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей уже давно обратила на нихъ вниманіе (см. «Рус. ист.», К. Н. Бестужева-Рюмина, т. I, Спб., 1872, 204), но лишь до сего времени не было ихъ перевода. Кромѣ «Записокъ» о событіяхъ 1794 г. Килинскій оставилъ еще «Pamiętnik», (до сихъ поръ не напечатанный), описывающій царствованіе Станислава-Августа.

Освобожденный изъ плѣна, Килинскій покинулъ Петербургъ, провель нѣсколько времени въ г. Вильнѣ, а затѣмъ снова поселился въ Варшавѣ, гдѣ продолжалъ свое ремесло и гдѣ умеръ въ 1819 году.

По словамъ Нѣмцевича, при Павлѣ I его снова арестовали и отвезли въ Петербургъ, но вскорѣ освободили.

На погребеніе Килинскаго собралось до 30.000 варшавянъ, которые и провожали его до могилы. Килинскій похороненъ на Повонзковскомъ кладбищѣ, о-бокъ могилы Яна Маіоркевича и гробницъ фамилій Ласки и Френкль, въ земляной могилѣ, безъ надписи.

Знаменитый польскій поэтъ Викентій Польш (1807—1872) почтилъ память Килинскаго въ поэмѣ.

Изъ приведеннаго въ началѣ настоящаго біографическаго очерка акта о смерти Килинскаго мы видѣли, что онъ оставилъ послѣ себя большое семейство—жену и семерыхъ дѣтей, изъ коихъ два сына (Францъ и Лаврентій) и двѣ дочери (Маріанна и Агнешка) были отъ перваго брака съ Маріанною, урожденною Рутинскою († 25 апрѣля 1811 г.) и два сына (Антоній и Игнатій) и дочь (Юзефа) отъ втораго брака съ Анастасією, урожденною Ясинскою. Старшій сынъ Килинскаго—Францъ поступилъ въ военную службу, дослужился до чина поручика гвардіи Наполеона и умеръ въ Варшавѣ, въ 1820 г. Второй сынъ—Лаврентій, умершій въ 1843 году, былъ таксаторомъ (sekretarz taksony), а Игнатій чиновникомъ.

Такимъ образомъ, изъ сыновей Килинскаго ни одинъ не явился продолжателемъ ремесла своего отца. Мало того: семья польскаго патриота какъ-будто стыдилась, что ея родоначальникъ былъ башмачникомъ, стараясь стереть слѣды этого и выставляя, при всякомъ удобномъ случаѣ, на видъ, что самъ Янъ Килинскій былъ полковникъ войскъ польскихъ, а дѣти его чиновники ¹⁾.

I.

Зарожденіе моего замысла о варшавской революціи 1794 года.—Краковская прокламація въ варшавскомъ магистратѣ.—Совѣщаніе въ іезуитскомъ коллегіумѣ.—Приглашеніе къ Игельstromу.—Обвинительный рапортъ.—Оправданіе.—Клятва.—Приготовленіе къ возстанію.—Причины недовольства жителей Варшавы русскими.—Проекты гетмана Ожаровскаго и епископа Коссаковскаго.—Совѣщанія въ домѣ Килинскаго.—Тайна, открытая Килинскому русскимъ офицеромъ.—Килинскій, по необходимости, становится во главѣ простаго народа.—Донось.—Килинскій начинаетъ возстаніе.—Смерть первыхъ русскихъ.—Стычки инсургентовъ съ русскими войсками въ разныхъ частяхъ Варшавы.—Провозглашеніе Закржевскаго президентомъ Варшавы.—Установленіе временнаго правленія и избраніе Килинскаго членомъ онаго.—Охрана короля.—Переговоры съ Игельstromомъ о капитуляціи.—Бѣгство Игельstromа.—Появленіе прусскихъ войскъ подъ Варшавой.—Отступленіе пруссаковъ.

Возникновеніе моего замысла относится къ тому времени, когда началось возстаніе въ Краковѣ ²⁾ и когда уже появился актъ союза народной конфедераціи, благодаря которому началась война съ Москвою, цесаремъ и пруссакомъ, съ той единственно цѣлью, что они несправедливо разобрали нашу страну, или—вѣрнѣе сказать—непра-

¹⁾ Доказательства сказаннаго можно найти въ почтенномъ трудѣ К. В. Войцickaго. „Smentarz Powązkowski pod Warszawą“, т. II, W. 1856, 32, 33.

²⁾ Возстаніе Косцюшко.

вильно ее отняли отъ насъ. Этотъ актъ краковскаго союза былъ присланъ къ намъ, въ варшавскій магистратъ, тайно отъ москалей. Когда мы получили его въ магистратъ, тотчасъ велѣли людямъ удалиться, и лишь мы одни, радные, остались въ судебной палатѣ. Прочитавъ его вмѣстѣ съ письмомъ, которое къ нему было приложено и которое касалось болѣе всего насъ, радныхъ, побуждая насъ къ революціи въ Варшавѣ, мы посмотрѣли другъ на друга и замолчали, опасаясь одинъ другаго — быть выданнымъ Игельstromу, который въ то время болѣе имѣлъ значенія, чѣмъ самъ король. Но я собрался съ духомъ и тотчасъ предложилъ президенту и своимъ товарищамъ придумать — дать какое-нибудь подкрѣпленіе Косцюжкѣ въ начатой имъ войнѣ. За это и отъ президента и отъ своихъ товарищей я имѣлъ большія непріятности, такъ что, видя ихъ всѣхъ объятыхъ трусостью, вынужденъ былъ извиниться передъ ними, чтобы не выдали меня Игельstromу, ибо я въ такомъ случаѣ рисковалъ отсидѣть нѣкоторое время въ тюрьмѣ и, по всей вѣроятности, былъ бы удаленъ изъ магистрата за преданность своей родинѣ. Такимъ образомъ мнѣ тогда удалось удержать эту тайну въ магистратѣ. Но я слѣдилъ: кто что думаетъ и, замѣтивъ, что всѣ отъ этого дѣла были далеки, принужденъ былъ молчать и выжидать для себя удобнаго времени.

Недѣлями двумя позже представился такой случай: пришелъ ко мнѣ ксендзъ Мейеръ и просилъ меня пойти съ нимъ къ его пріятелямъ, которые хотѣли познакомиться со мною. Случилось, что я не былъ занятъ, пошелъ съ нимъ, и онъ привелъ меня въ коллегіумъ, называемый іезуитскимъ, не предупредивъ о томъ, что тамъ замышляютъ о революціи; все это были офицеры. Приняли они меня очень радушно. Послѣ привѣтствія они тотчасъ просили меня, чтобы я присталъ къ ихъ замысламъ. На это я имъ отвѣтилъ, что если къ хорошимъ, то я — со всею душою, но пусть прежде я ихъ услышу. Тутъ они стали рассказывать о своихъ замыслахъ. Я выслушалъ весь ихъ разговоръ, и мнѣ это совсѣмъ не понравилось, но я имъ отвѣтилъ, что у меня одна душа и ту я жертвую на защиту родины. Услышавъ отъ меня это, спросили моего мнѣнія о революціи, чтобы я открылъ имъ свои мысли. Но я предварительно спросилъ ихъ: сколько найдется лицъ подобнаго образа мыслей, на что они мнѣ обстоятельно отвѣтили не съумѣли. Еще спрашивалъ: не имѣютъ ли кого изъ простаго народа, который всталъ бы во главѣ этого люда? Отвѣтили мнѣ на это, что только теперь будутъ просить г. Закржевскаго, какъ лицо популярное въ городѣ, встать во главѣ народа, но что еще ничего положительнаго для революціи не имѣютъ. Я высказалъ имъ свое мнѣніе. Есть у меня дядя на Прагѣ ¹⁾, онъ комиссаръ при мостѣ, и я у него выпрошу,

¹⁾ Предмѣстье Варшавы.

чтобы всё перевозки онъ велѣлъ отвезти на середину Вислы, къ острову ¹⁾, и тогда уже москаля не будутъ въ состояніи получить никакой помощи съ Праги, равно какъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ убѣжать на Прагу ²⁾. Затѣмъ, чтобы всё заставы были хорошо охраняемы народомъ, дабы ни одинъ москаль не убѣжалъ изъ Варшавы. Въ третьихъ, сказалъ имъ, что я, сколько будетъ силъ моихъ, приложу свое стараніе придти на помощь жителямъ, а вы, господа, соберите всё войска и въ срединѣ города начните революцію. Пусть будетъ назначенъ для нея опредѣленный день, о которомъ должны быть оповѣщены жители, дабы каждый былъ насторожѣ.

Слова мои понравились имъ, и всё меня цѣловали. Но Богъ меня спасъ, что я большаго не высказалъ имъ, ибо они выдали меня. А какъ я еще немного времени у нихъ оставался—начали они рассказывать: кто у какой женщины бываетъ, вмѣсто того, чтобы разсуждать о томъ рѣшеніи, которое предполагали предпринять. Видя, что это лишь патриоты на часъ (*tymczasowi*), я весьма жалѣлъ о томъ, что имъ высказалъ; мнѣ пришло даже на умъ, что это могли быть шпионы Игельстрому, въ чемъ я, какъ выяснилось на слѣдующій день, совсѣмъ не ошибся. Я простился съ ними и при прощаніи просилъ ихъ къ себѣ: что если пожелаютъ имѣть засѣданіе—пусть придутъ ко мнѣ и даже сказалъ, на какой улицѣ и подъ какимъ номеромъ я живу; а затѣмъ отправился домой.

На другой день, утромъ, въ 6 часовъ, прислалъ за мною Игельстромъ, официально, офицера звать меня къ себѣ. Зовъ его очень меня поразилъ, такъ какъ можно было надѣяться просидѣть съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ, а то и въ погребѣ,—гдѣ уже не одинъ сидѣлъ.

Офицеръ велѣлъ мнѣ быстро одѣваться, если не хочу быть веденымъ публично по улицѣ. Когда я услышалъ это, то незамѣтно взялъ съ собою кинжалъ и вложилъ его за голенище. Это было для него ³⁾ и для меня, на случай, если бы онъ приказалъ заключить меня въ кутузку, въ коей я положительно не желалъ сидѣть, предпочитая лишиться жизни и его и себя. Одѣлся я и пошелъ съ офицеромъ къ Игельструму. Сознаюсь, что когда пришелъ къ дворцу ⁴⁾, отъ великаго страха дрожали у ногъ поджилки, но долженъ былъ пойти, не дожидаясь, чтобы онъ

¹⁾ До Керу. Думаемъ, что здѣсь разумѣется островъ, такъ называемая Сасская Кемпа.

²⁾ Разумѣется: изъ Варшавы, отдѣляемой отъ своего предмѣстья Праги Вислою.

³⁾ Т. е. для Игельстрому.

⁴⁾ Т. е. къ дому, гдѣ жилъ Игельстромъ. Это было на Медовой улицѣ, противъ костела капуциновъ.

приказалъ солдатамъ силою привести меня къ себѣ. Едва я вошелъ въ комнату Игельстрома, какъ встрѣтилъ недружелюбный пріемъ.

Игельстромъ прежде всего спросилъ меня: ты Килинскій? Отвѣчалъ ему: я. Вторично спросилъ меня: ты радный? Отвѣчалъ: я. Тутъ онъ сказалъ: ты—бестія, бунтовщикъ. Я пытался спросить его, какимъ образомъ я бунтовщикъ, но онъ приказалъ мнѣ молчать, а лишь самъ ругалъ меня, сколько ему хотѣлось—словами: бестія, шельма, измѣнникъ, негодяй, каналья, воръ, или лучше: злодѣй; наконецъ, сказалъ мнѣ, что велитъ меня повѣсить на новой висѣлицѣ передъ Капуцанами ¹⁾. Я вторично просилъ его позволить мнѣ объясниться, но онъ опять приказалъ мнѣ молчать и только самъ тѣшился руганью. И такъ онъ меня разсердилъ, что я уже сталъ подумывать о жизни его превосходительства, если бы онъ—по третьемъ разѣ—не далъ мнѣ объясниться. Ибо хотя я смирился—пускай выльетъ на меня до дна всю свою злобу,—однако держалъ въ головѣ: что, если онъ прикажетъ меня арестовать, такъ я тогда прежде объ немъ, а потомъ о себѣ подумаю и тотчасъ начну революцію, если бы мнѣ удалось уйти отъ него живымъ, а если бы нельзя было, то самъ бы себя убилъ, такъ какъ предпочиталъ принять смерть, нежели сидѣть у него въ погребѣ въ заключеніи. Наругавшись вдоволь, обратился ко мнѣ и сказалъ: что же ты, дуракъ, думаешь? Я просилъ его о терпѣнн, пока изъяснюсь. Когда онъ позволилъ мнѣ говорить, я прежде всего попросилъ его сказать мнѣ, за что онъ меня бранитъ, такъ какъ я до сихъ поръ не слышу ни о какомъ со своей стороны проступкѣ,—въ чемъ я виноватъ передъ нимъ?

Тогда онъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ мнѣ тотъ рапортъ, въ которомъ я былъ обвиненъ передъ нимъ, и сталъ мнѣ его читать. Въ рапортѣ этомъ заключалось нижеслѣдующее:

Янъ Килинскій, радный города Варшавы, вчерашняго дня, въ 8 часовъ вечера, пришелъ въ по-іезуитскій домъ, гдѣ нашелъ польскихъ офицеровъ, отъявленныхъ бунтовщиковъ, и былъ принятъ ими съ распростертыми объятіями. 1) Спрошенный ими: не могъ ли бы пристать къ нимъ, Килинскій отвѣчалъ: имѣю одну душу и ту пожертвую на защиту моей родины. 2) Янъ Килинскій, спрошенный ими: достаточно ли имѣеть друзей, отвѣтилъ, что однихъ только сапожниковъ имѣеть 6.000, которые тотчасъ, по его желанію, всѣ поднимутся, а кромѣ этихъ—объявилъ имъ—другихъ ремесленниковъ доставитъ имъ вдвое болѣе. 3) Тотъ же Килинскій прошенъ былъ ими, дабы имъ высказалъ свое мнѣніе, какимъ образомъ начать возстаніе въ Варшавѣ? На что онъ и отвѣтилъ имъ: я имѣю на Прагѣ дядю, комиссара при мостѣ, и устрою,

¹⁾ Т. е. передъ капуцинскимъ костеломъ.

что всё перевозки онъ велитъ отвезти къ острову, чтобы никто не могъ ни уйти на Прагу, ни съ Праги придти въ Варшаву на помощь; при остальныхъ заставахъ поставить достаточное число вооруженныхъ жителей, чтобы никого изъ москалей не выпускали, а внутри Варшавы начать бунтъ или возстаніе и прежде всего неожиданно на войско, находящееся на караулѣ у Игельстрома, и обезоружить его. Таково было мнѣніе Яна Килинскаго, данное бунтовщикамъ, касательно начала бунта. Всѣ поблагодарили его за такой прекрасный планъ. 4) Тотъ же Килинскій, при прощаніи съ бунтовщиками, просилъ ихъ къ себѣ и сказалъ имъ, что живетъ на улицѣ Дунай, подъ № 145.

О, другъ читатель! Обрати вниманіе, какъ хорошо обвинилъ меня шпионъ! Онъ все такъ вѣрно, дословно донесъ, что я не могъ ничего отвѣтить на это обвиненіе и, если бы я розыскалъ его по окончаніи революціи, то далъ бы ему за то въ награду самую первую висѣлицу, дабы онъ больше не выдавалъ своихъ благомыслящихъ собратій.

Обвиненіе это, долженъ я признаться, такой нагнало на меня страхъ, что у меня, когда я читалъ рапортъ, ноги дрожали и волосы на головѣ становились дыбомъ. Но что же было дѣлать? Долженъ былъ скрыть свою боязнь и приготовиться къ обстоятельному отвѣту, чтобы не высидѣть съ какой-нибудь русской мѣсяцъ въ тюрьмѣ за столь прекрасный совѣтъ къ возбужденію бунта.

Когда уже онъ все прочиталъ, обратился ко мнѣ со словами:

— Видишь, что надѣлалъ, бестія, каналья, я велю поставить висѣлицу и тебя на ней повѣсить.

Ужъ очень было непріятно, что я, такой честный башмачникъ, буду повѣшенъ за то, что желаю помочь своей отчизнѣ. Но я терпѣливо ожидалъ, когда онъ угомонится, ибо онъ необыкновенно поносилъ меня. А когда онъ немного успокоился, я просилъ его разрѣшить мнѣ отвѣчать. Онъ позволилъ, и я объяснилъ ему такъ:

— Ваше превосходительство, милостивый государь мой! Хотя, правда, я стою передъ тобою съ качествомъ виновнаго, но кто же изъ насъ причиною сего, какъ не вы сами? И вотъ почему: намени былъ президентъ у васъ, и былъ онъ вами прошенъ, чтобы насъ всѣхъ радныхъ попросилъ отъ вашего имени—ходить по всѣмъ кофейнямъ, погребамъ и бильярднымъ, и подслушивать, что игроки и другіе болтаютъ о бунтѣ, о которомъ уже толкуютъ вслухъ и даже подговариваютъ людей начать его,—и если кто изъ насъ что узнаетъ,—скажетъ бы президенту, а онъ уже немедленно или вамъ доложить, или самъ прикажетъ арестовать болтуновъ. Президентъ, воротясь отъ васъ къ намъ, въ ратушу, тотчасъ вашимъ именемъ просилъ всѣхъ радныхъ исполнить ваше желаніе. Я, узнавъ о вашемъ желаніи, тотчасъ сталъ розыскивать болтающихъ о бунтѣ, и вчера вечеромъ отправился туда,

гдѣ были такіе, и когда пришелъ къ нимъ, то они и меня подговаривали къ бунту. Чтѣ же я могъ имъ отвѣтить, чтобы скрыться передъ ними, какъ лишь то, что я хочу принадлежать съ ними къ бунту, ибо, въ противномъ случаѣ, ничего бы отъ нихъ не узналъ. И вотъ я сказалъ то, за что обвиненъ передъ вами вашимъ доносчикомъ, ибо, еслибы я отвѣтилъ, что не желаю принадлежать къ ихъ сообществу, то они немедленно бы меня отъ себя прогнали, и могли бы, изъ боязни, чтобы я не обвинилъ ихъ передъ вами, убить гдѣ-нибудь въ углу; вѣдь и доносчикъ, специально предназначенный для шпионства, желая что-либо разузнать, долженъ прикидываться величайшимъ патриотомъ, такъ долженъ былъ поступить и я. Желая вывѣдать отъ нихъ, что они замышляютъ, я говорилъ имъ все то, что вы мнѣ прочитали. Еслибы шпионъ еще не донесъ вамъ объ нихъ, то я уже у себя началъ ихъ переписывать, и затѣмъ ихъ имена и фамиліи сообщилъ бы президенту, чтобы онъ передалъ вамъ для арестованія ихъ, ибо мы не можемъ арестовать офицеровъ. А такъ какъ я не зналъ тѣхъ офицеровъ всѣхъ, то и просилъ ихъ къ себѣ, а потомъ послалъ бы за городской стражей и всѣхъ ихъ, какъ бунтовщиковъ, задержалъ бы въ ратушѣ, а затѣмъ донесъ бы объ нихъ президенту, и ежели они придутъ ко мнѣ, то я, конечно, такъ и сдѣлаю. А какъ вы уже объ нихъ знаете, то доносить я не стану. Теперь разсудите: кто виноватъ, не вы ли сами? Еслибы вы насъ объ этомъ не просили, то уже, разумѣется, я бы среди ихъ не находился. Если же вы не вѣрите мнѣ, то пошлите за президентомъ, пусть онъ самъ расскажетъ, что всѣхъ насъ, радныхъ, просилъ отъ вашего имени; а затѣмъ, вы не меня одного изъ магистрата будете имѣть въ подозрѣніи, но и другихъ, которые вслѣдъ за мною начнутъ розыскивать болтуновъ по всей Варшавѣ, а ваши шпионы, не будучи предувѣдомлены объ этомъ, будутъ постоянно на насъ жаловаться.

Когда я это сказалъ ему, онъ тотчасъ послалъ за другимъ рапортомъ, въ коемъ уже были обвинены передъ нимъ шпионами гг. Тыкель, Лалевичъ и Бальферсъ—изъ магистрата. Онъ сейчасъ же спросилъ: чтѣ, они также были прошены президентомъ? Я отвѣтилъ, что были прошены и, такимъ образомъ, и ихъ освободилъ отъ подобнаго же обвиненія. И на самомъ дѣлѣ намъ говорилъ президентъ, но мы и слушать не хотѣли, чтобы вдаваться въ такую низость. Въ виду такого моего объясненія, онъ тотчасъ пересталъ сердиться и сталъ деликатно говорить со мною. Я ему сказалъ:

— Магистратъ уже обѣщалъ вамъ, что опасаться нечего, что жители всѣ спокойны, что лишь только игроки проявляютъ безпокойство за картами.

Видя его уже въ хорошемъ расположеніи духа, началъ я говорить

смѣлѣе, что если, дескать, вы не примете моего оправданія, то я, съ товарищами, буду имѣть претензію къ президенту, что онъ подвелъ насъ своими словами, что вы, быть можетъ, и не просили его, а онъ, желая вамъ подслужиться, самъ это выдумалъ.

Какъ онъ услышалъ это отъ меня, сейчасъ мнѣ сказалъ, что самъ просилъ президента, чтобы тотъ заботился о спокойствіи вообще, объявилъ мнѣ, что оправданіе мое принимаетъ; извинился, что такъ меня обидѣлъ, приказалъ принести ликеру, угощалъ меня и уже болѣе не кричалъ, а говорилъ мнѣ *wielmożny pan* ¹⁾, и даже мнѣ обѣщалъ, что если мы будемъ доставлять ему вѣрныя свѣдѣнія о бунтовщикахъ и не будемъ позволять въ Варшавѣ говорить о бунтахъ, то каждый изъ насъ получитъ награду. Но какую,—я того не знаю; ежели русскую, то мы, поляки, уже хорошо ее узнали, ибо она для насъ едва не стала костью въ горлѣ, и я каждому желалъ бы, чтобы ни одинъ не домогался ея отъ москалей. Потомъ спросилъ меня, имѣю ли я столько друзей, сколько обѣщаль достать для бунтовщиковъ? Но этотъ вопросъ былъ уже сдѣланъ въ хорошемъ расположеніи. Я сейчасъ же ему отвѣтилъ, что еслибы онъ велѣлъ объявить, что я арестованъ, то тотчасъ бы узналъ, сколько у меня друзей, ибо ихъ сейчасъ увидалъ бы отъ себя изъ окна, чего бы я ему совсѣмъ не желалъ! Но я, удовлетворяя его любопытство, старался, чтобы онъ скоро ихъ увидѣлъ налицо. Вторично онъ спрашивалъ меня: сколько можетъ встать народа по моему желанію? Я ему отвѣтилъ, что если онъ разрѣшитъ, то я въ теченіе одного часа выставлю 30.000 однихъ только ремесленниковъ, которые выбрали меня раднымъ. Этими словами я немало надѣлалъ и смѣху, и страху, ибо онъ велѣлъ мнѣ, какъ можно скорѣе, уходить отъ себя, чтобы къ нему не пришли за мною, приказывая мнѣ сидѣть спокойно. Итакъ, я благополучно вернулся домой.

О, другъ читатель! Скажу тебѣ по правдѣ, я такъ былъ доволенъ, какъ бы на свѣтъ родился, что такъ ловко вывернулся. Конечно, еслибы не это приглашеніе, то не было бы никакой возможности оправдаться передъ нимъ, и я, разумѣется, и его и себя пронзилъ бы кинжаломъ, какъ рѣшился на то. Но Богъ и его и меня защитилъ отъ смерти. Богъ для того еще меня сохранилъ, чтобы дать ему возможность узнать моихъ друзей, которыхъ онъ желалъ видѣть, а также и для того, чтобы я далъ ему добрый урокъ, дабы онъ памятовалъ, что въ состояніи сдѣлать одинъ польскій башмачникъ, который, конечно, и тѣломъ и душою можетъ имѣть одинаковое съ нимъ значеніе. Сколько есть гордыхъ деспотовъ, кои остаются въ своемъ ослѣпленіи и надменности! Такой никогда не представляетъ себѣ того, что его можетъ самый ничтожный

¹⁾ Вельможный панъ.

человѣкъ такъ побѣдить, что онъ долженъ будетъ бѣжать даже за Черное море. Почему? А потому, что, оставаясь равнымъ тѣломъ и душою, ни одинъ деспотъ не допускаетъ возможности быть побѣжденнымъ слабымъ; но увидимъ ниже—какъ онъ передо мною, башмачникомъ, долженъ былъ бѣжать изъ Варшавы. И хотя ему уже самое положеніе не позволяло бѣжать, а однако онъ объ немъ забылъ и одинъ, безъ свиты, такъ отъ меня убѣждалъ, что за нимъ даже пыль поднималась столбомъ. Разумѣется, онъ долженъ былъ дрожать передо мною и передъ моею честностію.

Но объ этомъ довольно. Перейдемъ къ дальнѣйшему приготовленію къ моему возстанію. Вотъ какъ оно было подготовлено мною противъ москалей.

Когда вернулся я отъ Игельстрома домой, пришелъ ко мнѣ ксендзъ Мейеръ, тотъ самый, который водилъ меня къ тѣмъ показнымъ патриотамъ, коими я былъ обвиненъ. Сейчасъ же мы съ нимъ сложили присягу,—дабы всѣ сношенія наши совершались подъ клятвою. Сдѣлали мы это для того, чтобы не было измѣны, какъ это случалось до сихъ поръ, ибо Игельстромъ въ то время располагалъ слишкомъ 500 шпіоновъ.

«Я, такой-то, присягаю предъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ народу, а также и главному начальнику вооруженной народной силы Косцюшко, въ томъ, что буду вѣрнымъ защитникомъ моей родины и въ каждый моментъ встану на защиту, буду покорнымъ его слугою и всѣ приказанія стану исполнять съ величайшею точностію; несправедливости въ этомъ возстаніи самъ никому не сдѣлаю и другаго сдѣлать не допущу; тайны сего союза, повѣренной мнѣ, никому не выдамъ и передъ правительствомъ не открою; друзей своихъ стану привлекать къ этому союзу и буду изыскивать лучшіе способы къ поднятію возстанія; а если бы кто изъ нашего общества былъ арестованъ правительствомъ, начну неприятелю мстить; при началѣ революціи со всѣмъ мужествомъ своимъ встану и до послѣдняго ея момента не перестану быть защитникомъ моей отчизны; а если бы я вздумалъ кого-либо изъ этого союза выдать, то подлежалъ бы на всякомъ мѣстѣ самой позорной смерти. Такъ мнѣ Господь Богъ, въ Троицѣ Единый и невинныя святыя страсти Сына Его да помогутъ. Аминь».

Присяга сія была для однихъ военныхъ, для штатскихъ же она не заключала тѣхъ условій, кои въ ней содержатся. Каждый приносилъ намъ присягу прежде, чѣмъ узнавалъ о нашемъ намѣреніи, причемъ долженъ былъ имя и прозваніе свое занести въ списокъ. Наши приготовленія происходили за три съ половиною недѣли до начала революціи. Такимъ образомъ, мы съ ксендзомъ Мейеромъ, призвавъ Бога на помощь, старались розыскать друзей для распространенія нашихъ замы-

словъ. Я дѣйствовалъ среди ремесленниковъ, а ксендзъ Мейеръ въ средѣ лицъ интеллигентныхъ, почтенныя сердца коихъ мы уловили въ самое непродолжительное время; приче́мъ почти ни одинъ намъ не отказалъ, но каждый съ полною готовностью изъявилъ согласіе. Когда я привлекъ сердца старшихъ цеховыхъ, въ коихъ былъ увѣренъ, что они вполне сохранятъ тайну, то пригласилъ ихъ къ себѣ на открытіе нашего засѣданія. А какъ они пришли, мы посовѣтовались, дали честное слово и присягнули, что каждый станетъ всѣми силами стараться привлечь къ заговору своихъ собратій, а также, что мы будемъ защищаться до конца.

Каждый изъ жителей въ величайшей степени былъ обремененъ по датами, кои на насъ наложила квартирная комиссія на уплату за военный постой москалей, такъ что сносить такого великаго притѣсненія долѣе мы не могли, ибо все, что только мы заработали трудами рукъ своихъ, того едва могло хватить на однихъ лишь москалей, кои постоянно мучили насъ взысканіями (ехекусами). Такое притѣсненіе обязывало каждого жителя къ скорѣйшему началу революціи, тѣмъ болѣе, что мы были напуганы угрозами москалей, что, когда поляки одержатъ надъ ними побѣду, то имъ нельзя уже будетъ оставаться въ Варшавѣ, почему они и рѣшили прежде насъ поработить, потомъ съжечь Варшаву отъ края до края и, наконецъ, чтобы поляки не имѣли чѣмъ защищаться, забрать весь нашъ арсеналъ ¹⁾. Позднѣе же еще болѣе намъ угрожали. Когда жители приготавливали ветчину на Пасху, москали предупреждали, чтобы мы не покупали ее, говоря намъ, что изъ насъ самихъ они надѣлаютъ на Пасху ветчины. Тутъ спрошу я всякаго—пусть мнѣ отвѣтитъ, что развѣ такія угрозы для насъ, обывателей, не были достаточно страшны, развѣ онѣ не были для насъ, невинныхъ людей, столь великой насмѣшкой, коей мы отъ москалей не заслужили? Но это еще не конецъ издѣвательству надъ нами. Ниже увидимъ, какое наказаніе предназначалось намъ, неповиннымъ людямъ, кои готовились стать невинною жертвою въ великую субботу, при выходѣ изъ костеловъ послѣ заутрени (pogezurekcyi), а именно: въ Варшавѣ было отдано приказаніе, чтобы съ 7 часовъ вечера всѣ дворцы, дома и домишки были заперты, и чтобы никто, подъ страхомъ быть арестованнымъ, не отваживался ходить по улицамъ, и хотя еще былъ день—на это совѣтъ не обратили вниманія. По улицамъ расхаживали московскіе и польскіе отряды и задерживали встрѣчныхъ. И

¹⁾ Нѣтъ вадобности говорить, что все, сказанное ниже Килинскимъ о планѣ Игельстрома,—совершенно нелѣпный вымыселъ, выдуманный заговорщиками, чтобы обмануть народъ и чѣмъ-нибудь оправдать собственное вѣроломство.

все это дѣлалось для того, чтобы удобнѣе было отнять у насъ арсеналъ, ибо нечего и говорить, что наши войска, находившіяся въ Варшавѣ, не могли никакимъ образомъ оказать москалямъ сопротивленія. Однакоже, москали опасались простаго народа и на пробу устроили ложную тревогу, испытывая, не появится ли народъ на улицѣ—вопреки приказамъ— хотя бы даже гдѣ горѣло. Случилось, что въ то время, когда такой опытъ сдѣланъ былъ москалями, т. е. былъ пущенъ слухъ, будто бы на концѣ Варшавы горѣлъ пивоваренный заводъ, чего на самомъ дѣлѣ не было, простой народъ не обратилъ вниманія на распоряженіе полиціймейстера. Затѣмъ москали постарались подкупить гетмана Ожаровскаго, дабы онъ отдалъ приказы командирамъ полковъ не отпускать солдатъ изъ своихъ командъ, желая такимъ путемъ ослабить и уменьшить всѣ команды, дабы онѣ не были въ состояніи защищать варшавскій арсеналъ. И вотъ, гетманъ Ожаровскій—вѣрный слуга московскій, а родины своей измѣнникъ, подкупленный москалями, велѣлъ распустить двѣ части солдатъ,—хотя ихъ и безъ того было немного, и лишь одну часть оставилъ для охраны арсенала. Но это еще не все. Гетманъ Ожаровскій, вѣрный слуга московскій, а своей отчизны измѣнникъ, отдалъ командирамъ приказы, чтобы, когда поднимется въ Варшавѣ тревога, вмѣстѣ съ москалями, перебили невинныхъ жителей. Ниже будетъ видно, кто насъ объ этомъ предостерегъ. Вотъ-то прекрасный защитникъ отечества! Мало того, что согласился на растерзаніе государства, но еще жаждалъ пролітія невинной крови. Въ такихъ защитникахъ или—вѣрнѣе—измѣнникахъ, въ то время въ Варшавѣ недостатка не было. Солдатамъ, отпущеннымъ изъ нашихъ полковъ, онъ не позволялъ оставаться въ Варшавѣ, угрожая въ противномъ случаѣ посадить ихъ подъ арестъ. И это ради того, что москали заняли всѣ пути и этихъ бѣдныхъ отпускныхъ, шедшихъ по дорогамъ, хватали и отсылали въ свои полки. Однимъ словомъ, можно сказать, что былъ онъ добрымъ гетманомъ для москалей, а не для поляковъ, ибо первымъ далъ сердечныя доказательства своей должности. Тѣмъ не менѣе мы, обыватели и офицеры, насколько было возможно, потихоньку держали отпускныхъ солдатъ. Они были для насъ большою помощью и даже пригодились самому гетману для свиты... Но довольно объ этомъ измѣнникѣ, я даже и писать не хочу объ его прекрасномъ примѣрѣ.

Теперь перейдемъ къ другому измѣннику, подобному же по заслугамъ для нашего любезнаго отечества. Приближались пасхальные праздники. Полторы недѣли оставалось до нихъ, когда епископъ Коссаковский предложилъ Игельstromу такой проектъ народнаго избіенія. Пусть онъ пришлетъ къ епископу, завѣдывающему варшавскимъ духовенствомъ, чтобы послѣдній сдѣлалъ распоряженіе духовенству начать богослуженіе въ костелахъ въ одно время, а именно въ 8 часовъ ве-

чера. Это для того, чтобы во время богослужения москали, сдѣлавши внезапное нападеніе, отняли у насъ арсеналь, а потомъ немедленно окружили бы пушками всѣ наши костелы вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ людьми. И въ тотъ часъ, какъ началась бы тревога, люди, понятно, перепуганные, устремились бы всѣ разомъ вонъ изъ костеловъ, москали могли бы превосходно перебить всѣхъ. Игельстромъ принялъ этотъ проектъ епископа Коссаковскаго съ особеннымъ благоговѣніемъ и даже не сдѣлалъ противъ него ни одного возраженія, а велѣлъ немедленно отдать приказаніе духовенству оповѣстить народъ, что пасхальное богослуженіе начнется во всѣхъ костелахъ вмѣстѣ въ 8 часовъ вечера, въ чемъ ошиблись Игельстромъ и сей разумный епископъ Коссаковскій.

Но Богъ не хотѣлъ такой огульной хвалы, которая, безъ сомнѣнія, была бы насыщена кровью. Пусть каждый посмотритъ—какую этотъ епископъ-измѣнникъ хотѣлъ оставить прекрасную память въ Польшѣ. Если бы коронная гвардія почти вся пошла для парада (*do assistencyi*) въ приходскій костель ¹⁾, москали могли бы тогда очень легко забрать арсеналь, потому что кто же бы его тогда защищалъ? Даже и солдатъ, которые были въ приходскомъ костелѣ, москалямъ очень удобно будетъ не только перебить, но даже обезоружить, а затѣмъ уже съ народомъ сдѣлать что угодно. Этотъ проектъ епископа Коссаковскаго, когда мы узнали объ немъ, изранилъ наши сердца тѣмъ, что хотя духовное лицо, а даже и вниманія не обратилъ на такую страшную рѣзню, которая, благодаря его совѣту нашимъ врагамъ, могла бы имѣть мѣсто въ храмѣ Божіемъ. Это тотъ епископъ-измѣнникъ, который только тогда прибылъ въ Польшу, когда долженъ былъ согласиться на раздѣлъ страны, это тотъ самый епископъ, который уже самъ учинилъ убійство, приказавъ невинныхъ бернардиновъ умертвить въ храмѣ Божіемъ; кровь ихъ и безъ того уже взывала къ Богу о мщеніи, а онъ еще дополнилъ свою мѣру проектомъ относительно варшавскихъ жителей. А вотъ я касательно самого его никакого проекта не сочинялъ, а однакоже въ состояніи былъ велѣть его послать въ верхъ ²⁾ за интриги—за то, что онъ обманулъ престоль, сенать и духовенство, а не зналъ о томъ, что одинъ варшавскій бапмачникъ его побѣдитъ, и даже въ то время, когда онъ приказалъ перебить его собратій. Ниже увидимъ—какою погибъ онъ смертью. Но будетъ уже объ этомъ прекрасномъ прелатѣ. Посмотримъ теперь, какъ мы готовились къ возстанію.

Когда я склонилъ всѣхъ старшихъ цеховыхъ, то сейчасъ же ихъ

¹⁾ Такъ назывался въ престонородіи костель св. Яна (нынѣ кафедральный).

²⁾ Въ подлинникѣ: *posłać do góry*—повѣсить.

обязалъ, чтобы каждый изъ нихъ старался привлечь ремесленныхъ старшинъ защищать насъ, а мы съ кс. Мейеромъ и съ Нецкимъ отправились на засѣданіе однихъ только офицеровъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ выполнить намъ присягу, ибо я боялся быть выданнымъ вторично. Но Богъ помогъ намъ, тайна наша не была выдана. Хотя у меня во второмъ этажѣ стоялъ московскій поручикъ, а даже и онъ со всѣмъ ни о чемъ не зналъ. Засѣданія наши происходили у меня на четвертомъ этажѣ, ежедневно, въ продолженіе трехъ съ половиною недѣль, и хотя, правда, что мы постоянно собирались по ночамъ, тѣмъ не менѣе было чего опасаться, особливо мнѣ, чтобы кто-нибудь не выдалъ.

Приближалось время начинать, а у насъ, какъ на зло, не было ни одного генерала, ни даже полковника, который бы всталъ во главѣ войскъ. Мы имѣли у себя только двухъ штабъ-офицеровъ; на сторонѣ революціи были лишь одни субалтернъ-офицеры. Равнымъ образомъ и изъ обывателей у меня не было такого, который бы всталъ во главѣ послѣднихъ. Такъ мы послали ротмистра Пенговскаго, пользовавшагося довѣріемъ среди варшавянъ, ибо онъ уже бывалъ президентомъ,— встать во главѣ гражданъ. Но онъ не хотѣлъ принять этой сомнительной должности, опасаясь быть выданнымъ Игельstromу. И дѣйствительно, было чего бояться, хотя мы и знали о его мужествѣ, а равно и о томъ, что и самъ онъ только и ожидалъ случая къ началу возстанія. Еще отправили мы изъ своей среды майора Зайглица и капитана Метельскаго къ полковнику полка Дзялынскаго Гайману, прося его встать во главѣ военныхъ. Но нашъ полковникъ только отвѣтилъ увѣреніемъ, что, какъ начнется возстаніе, онъ станетъ бить не своихъ, а лишь москалей; болѣе ничего не сказалъ, боясь быть выданнымъ, ибо, въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, былъ бы отосланъ къ своему генералу Дзялынскому, который уже былъ взятъ москалями въ плѣнъ и отправленъ въ Кіевъ, а вообще онъ былъ патриотомъ,— и такъ было чего бояться. То обстоятельство, что мы не могли найти военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, очень насъ безпокоило, ибо откладывать долѣе мы уже не могли, не желая, чтобы москали насъ предупредили. Шла уже послѣдняя недѣля передъ Пасхою, которой москали ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ, желая какъ можно скорѣе выполнить свой замыселъ. Тутъ я долженъ прежде открыть ту тайну, которую я узналъ и благодаря которой начало нашей революціи предупредило москалей.

Я былъ знакомъ съ московскимъ офицеромъ, служившимъ въ канцеляріи Игельstromа, часто выпивалъ съ нимъ, когда мы сходились. Пришелъ ко мнѣ этотъ офицеръ утромъ во вторникъ ¹⁾ покупать башмаки для своей любовницы и, купивъ ихъ, посоветовалъ мнѣ забрать

¹⁾ Въ 1794 г. Великій вторникъ падалъ на 3 (15) апрѣля.

съ собою жену, дѣтей и изъ вещей что получше и выѣхать изъ Варшавы, хотя бы недѣли на двѣ. Я спросилъ его изъ любопытства—за чѣмъ онъ велитъ мнѣ выѣхать? Тутъ онъ началъ мнѣ передавать рассказы, что въ Великую субботу въ Варшавѣ произойдетъ великая рѣзня; на что я отвѣтилъ ему, что слышу объ этомъ въ первый разъ. Тогда этотъ офицеръ началъ мнѣ обстоятельно рассказывать, какимъ путемъ предполагаютъ москаля отнять у насъ арсеналъ, перебить его защитниковъ и обезоружить находящееся въ Варшавѣ войско, а если бы имъ это не удалось,—они не могли бы добыть арсенала,—то имѣли намѣреніе приказать поджечь Варшаву и, что будетъ, возможно прежде разграбить, а потомъ выйти изъ нея ¹⁾.

Прежде всего офицеръ этотъ спросилъ меня: знаю ли я о томъ, что пасхальная заутреня будетъ во всѣхъ костелахъ одновременно? Я отвѣтилъ, что слышалъ, но для чего—не знаю. Онъ мнѣ сказалъ: для того, что въ то время, когда весь народъ пойдетъ въ костелы, а гвардія, по обычаю, соберется въ приходскомъ костелѣ, москаля съ пушками окружатъ всѣ костелы и никого оттуда не выпустятъ, пока не отберутъ отъ насъ, или не разграбятъ, арсенала, а для убѣжденія меня совѣтовалъ пойти осмотрѣть орудія, которыя были спрятаны вблизи костеловъ, и указалъ, въ какихъ именно домахъ они были скрыты; чему я весьма удивился. Желая узнать отъ него еще болѣе и за ту великую тайну, которую онъ мнѣ раскрылъ, я послалъ для него за ликеромъ, и когда мы выпили по нѣскольку рюмокъ, отъ открылъ мнѣ всю правду, какія только средства предложены нашими поляками для истребленія насъ въ Варшавѣ, при чемъ сказалъ мнѣ, что такой проектъ предложилъ Игельstromу епископъ Коссаковскій относительно костеловъ; еще рассказалъ мнѣ, что гетманъ Ожаровскій отдалъ приказаніе польскимъ командирамъ вмѣстѣ съ москалями бить народъ,—о чемъ мы узнали только отъ этого офицера; также сообщилъ мнѣ, что солдаты на Прагѣ готовятъ и натачиваютъ на насъ шесть сундуковъ ножей; еще передалъ мнѣ, что Игельstromъ велѣлъ заготовить деревянныя табакерки, величиною въ полторы копѣйки, кои должны были имѣть въ срединѣ сургучныя печати; ихъ предполагали раздать нѣкоторымъ польскимъ особамъ въ Варшавѣ, дабы послѣднія, предъявивъ ихъ, не потерпѣли никакого вреда; кромѣ того мнѣ рассказалъ, что въ Варшавѣ въ то время было скрыто 8.000 москалей. Впослѣдствіи мы узнали, что все, что только онъ сообщилъ, была совершенная правда. И я этого офицера не только поблагодарилъ тогда

¹⁾ Очевидно, что этотъ фантастическій офицеръ существовалъ только въ воображеніи Килинскаго, буквально повторяя басню, выдуманную заговорщиками для народа.

за эту тайну, но даже вѣчно буду ему благодаренъ, ибо черезъ свое любезное предостереженіе онъ сохранилъ мнѣ жизнь и ускорилъ начало нашего возстанія.

Какъ только я съ нимъ простился, тотчасъ далъ знать своимъ братьямъ, которые принадлежали къ нашему обществу, и просилъ ихъ сейчасъ же на послѣднее засѣданіе, которое мы предполагали собрать въ артиллерійскихъ казармахъ, ибо у меня для столь обширнаго собранія не было мѣста. Съ 8 офицерами мы поѣхали по Варшавѣ осматривать московскія орудія, скрытыя у костеловъ, о которыхъ мнѣ разсказалъ московскій офицеръ. Мы нашли ихъ, какъ говорилъ онъ, спрятанными въ домахъ вблизи костеловъ. Это послужило для насъ первымъ доказательствомъ справедливости его словъ. Далѣе я просилъ нашихъ офицеровъ, чтобы они постарались разузнать о томъ распоряженіи, если это правда, которое ожидалось относительно насъ отъ гетмана, о чемъ еще наши офицеры не знали. Они тотчасъ пошли къ коменданту и такъ усиленно его просили, что онъ никакъ не могъ имъ отказать и долженъ былъ дать имъ прочесть распоряженіе гетмана. Комендантъ дѣлалъ это по секрету, но мы вынуждены были разсказать объ этомъ каждому, дабы тѣмъ возбудить всѣхъ. И дѣйствительно, когда мы сообщили всѣмъ содержаніе этого приказа, то къ намъ пристало очень много народа, ибо каждый, будучи перепуганъ, видѣлъ, что это не шутки. Такимъ путемъ мы узнали всю правду, убѣдились въ справедливости того, что передалъ намъ тотъ московскій офицеръ; даже и тѣ шесть сундуковъ ножей, кои были приготовлены на насъ на Прагѣ, мы позднѣе достали ¹⁾).

Съ наступленіемъ вечера, сошлись офицеры въ казармы на послѣднее засѣданіе. Я также съ собою привелъ мастеровъ главнѣйшихъ цеховъ. Отправляясь на засѣданіе, мы не шли разомъ и шли не одной, а нѣсколькими улицами, дабы нельзя было насъ узнать. Это послѣднее засѣданіе состоялось у поручика Кубицкаго. Мы удачно сговорились и даже поклялись, что, дастъ Богъ, начнемъ непремѣнно въ четвергъ, и тогда же назначили опредѣленную часть, именно—4 утра, котораго и должны были ожидать всѣ, вооружившись. На этомъ засѣданіи мы составили инструкцію для цеховыхъ мастеровъ, на какихъ улицахъ они должны были встать съ оружіемъ. А такъ какъ порохъ еще не былъ перенесенъ изъ пороховаго магазина въ ямы, то мы выбрали капитановъ Ропна и Линовскаго, чтобы они, посредствомъ своихъ солдатъ, ночью спрятали порохъ, дабы его не подожгли у насъ москаля. И такъ, по окончаніи засѣданія, мы простились и разошлись по своимъ

---

¹⁾ Какъ это правдоподобно: вооруженныя войска для чего-то запасаются еще ножами!!

домамъ. И уже каждый думалъ о наилучшемъ вооруженіи для возстанія.

Но не было у насъ еще начальниковъ. Офицеры въ каждомъ полку выбрали старшаго въ чинѣ офицера, но изъ тѣхъ, которые принадлежали къ нашему сообществу, такъ какъ ни одинъ изъ большихъ офицеровъ не хотѣлъ принимать участія въ этой революціи. Одни такъ поступали страха ради, чтобы не были выданными, другіе боялись по нюхать московскаго пороху, ибо имъ гадко воняло, а у насъ нѣтъ недостатка въ трусахъ, кои за большими чинами тянутся, а во время войны или сказываются большими, или бѣгутъ отъ нея. Офицеры, которыхъ отъ cadaго полка присутствовало на засѣданіяхъ по три человека, — и каждый разъ разные, такъ какъ, по причинѣ небольшого у меня помѣщенія, болѣе бывать не могло, — возвратясь въ свои полки, немедленно рассказали товарищамъ о томъ, что мы окончательно порѣшили между собою. Эти офицеры получили на послѣднемъ засѣданіи указанія, какими улицами идти на москалей, ибо мы, хотя понемногу, но однако по всѣмъ улицамъ ихъ распредѣлили, дабы народъ былъ при нихъ смѣлѣе. Такъ вотъ эти-то офицеры, вернувшись изъ засѣданія, тотчасъ рассказали другимъ, выбрали изъ своей среды командировъ и принесли присягу; такимъ образомъ, въ теченіе среды, они сдѣлали всѣ приготовленія къ битвѣ на четвергъ. Только я, бѣдный, не имѣлъ никого, кто бы всталъ во главѣ простаго народа. Дошло до того, что офицеры принудили меня; я долженъ былъ согласиться и такимъ образомъ сдѣлаться виновникомъ всей революціи. Очень было мнѣ трудно рѣшиться на это, и что я могъ дѣлать, не зная никакой тактики? Тогда я думалъ, что только одна тактика можетъ побѣдить враговъ, но послѣ увидѣлъ, что это неправда, ибо тѣ и съ тактикою отъ насъ спрятались, а мы и безъ тактики, — да остались. И вотъ я принужденъ былъ послѣдовать тактикѣ того собрата, сапожника-римлянина, который, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и я, не зналъ другой тактики, кромѣ колодки, а разгромилъ враговъ.

Когда далъ мнѣ Богъ дождаться среды, я прежде всего пошелъ къ исповѣди, дабы Богъ помогъ намъ благополучно начать и окончить. Великая истина, что Богъ не велѣлъ убивать ближняго, но что же оставалось дѣлать, когда враги такъ хорошо думали о нашей шкурѣ, что, вѣроятно, она не осталась бы на насъ цѣлою. И такъ, я долженъ былъ рѣшиться, ибо, если безъ всякой совѣсти врагъ можетъ драть съ меня шкуру, то почему же я не могу бить нападающихъ? По окончаніи богослуженія, я, вмѣстѣ съ офицерами, обошелъ всѣхъ старшихъ цеховыхъ, давая каждому изъ нихъ наставленіе, на какой улицѣ встать, объявляя имъ опредѣленную часть и приказывая, чтобы каждый слушалъ выстрѣла изъ пушки, который долженъ былъ служить сигналомъ

къ началу, и въ то время грянуть на врага, что и случилось, ибо каждый даже не спалъ, ожидая выстрѣла. Мы едва окончили наше приготовленіе къ 11-ти часамъ ночи, ибо каждому надо было рассказывать самымъ подробнымъ образомъ, чтобы онъ зналъ, что дѣлать, а кого мы не застали дома, къ тѣмъ должны были по нѣскольку разъ ѣздить, дабы каждый былъ непремѣнно увѣдомленъ о томъ, когда мы начинаемъ. Когда, по возвращеніи въ казармы, мы объявили другимъ офицерамъ, которые тамъ насъ ожидали, чтобы узнать, насколько охотно приняли граждане наши наставленія, что приняты они хорошо и даже безъ всякой отговорки, то положительно они воспріяли духомъ отъ великаго удовольствія. Но мы еще не имѣли никакого согласія съ королевскими уланами, которые только-что пришли въ Варшаву и принесли присягу на вѣрность королю. Правда, мы боялись повѣрить имъ нашъ секретъ, чтобы они не выдали. Однако, Богъ далъ мнѣ столько смѣлости, что я ихъ въ тотъ же самый вечеръ, въ 12 часовъ, уговорилъ перейти на нашу сторону. Ниже увидимъ, какъ мнѣ это удалось.

Еще будучи съ офицерами въ казармахъ, я припомнилъ, что у насъ недоставало лошадей для перевозки орудій, и присовѣтовалъ имъ, что обозныхъ лошадей свободныхъ у начальника обоза (*intendanta karo-wego*) мы всегда можемъ взять, а было ихъ 60 паръ. При разставаніи съ офицерами, я просилъ ихъ дать мнѣ достаточное количество зарядовъ для жителей. Они тотчасъ послали со мною 2-хъ офицеровъ въ цейхгаузъ, гдѣ уже находился офицеръ, который имѣлъ отъ насъ распоряженіе выдавать простому народу оружіе и аммуницію. Эти два офицера принесли мнѣ изъ цейхгауза 6.000 зарядовъ и кремней для ружей. Тѣ и другіе были завязаны въ платкахъ, и я взялъ ихъ съ собою въ карету. Везя это къ себѣ, на дорогѣ, у костела св. Троицы, встрѣтилъ я караулъ конныхъ королевскихъ уланъ и, увидя, наконецъ, ѣхавшаго съ солдатами офицера, закричалъ ему, что имѣю весьма важное дѣло, и попросилъ распить бутылку вина. Офицеръ началъ отказываться, что онъ въ караулѣ, но я упрямилъ его, и онъ согласился: солдатъ отослалъ назадъ, а самъ пошелъ со мною, коня же далъ поддержать моему извозчику.

Когда мы пришли, то я, наливъ себѣ въ стаканъ вина и чокнувшись съ нимъ, выпилъ, затѣмъ налилъ ему и тотчасъ началъ говорить:

— Милостивый государь мой! Я знаю, что ты защитникъ нашей отчины, ибо ты польскій солдатъ, но скажи мнѣ, знаешь ли о томъ, что завтра москаля предполагаютъ отнять у насъ арсеналъ и солдатъ нашихъ или обезоружить, или перебить, или, наконецъ, съжечь вмѣстѣ съ ними Варшаву. Я говорю это потому, что мы, простой народъ, порѣшили защищать всѣми средствами нашъ арсеналъ и нашихъ солдатъ. А потому обращаюсь съ просьбою, скажи мнѣ—предувѣдомлены ли вы

объ этомъ, или еще нѣтъ? Мы уже въ согласіи съ варшавскимъ гарнизономъ, и только намъ васъ еще недостаетъ, чтобы и вы встали на защиту нашего арсенала, а между тѣмъ завтра уже день, избранный москалями. Посему я отъ имени гражданъ прошу васъ, милостивыхъ государей, придти къ намъ на помощь противъ нашихъ враговъ, не допустить до такого великаго позора въ Европѣ, чтобы мы потеряли драгоценную вещь—арсеналь.

Когда услышалъ это поручикъ королевскихъ уланъ, то прежде спросилъ меня, кто я такой, чтобы знать, какъ со мною говорить и гдѣ я живу? Я ему отвѣтилъ, что я—мѣщанинъ и живу на рынкѣ, напротивъ мостика (kladki).

Вторично меня спросилъ: какъ я называюсь? Я ему отвѣтилъ, что называюсь я Игнатій Заблоцкій. Какъ то, такъ и другое я ему солгалъ, ибо я жилъ на Дунаѣ, а прозваніе мое не Заблоцкій, а Янъ Килинскій, опасаясь, чтобы онъ, зная мое имя и прозваніе, не выдалъ меня. Послѣ этого онъ сейчасъ же подавъ мнѣ руку въ знакъ своего расположенія и сказалъ, что сію же минуту поѣдетъ въ свой полкъ и увѣдомитъ всѣхъ своихъ офицеровъ, чтобы они были готовы къ революціи, и тотчасъ поглялся передъ Богомъ, положивъ палецъ на палецъ, что станетъ намъ отъ души помогать, ибо это въ такой же степени касалось ихъ, какъ и насъ, такъ какъ, если бы они не были предупреждены, то легко бы попали въ руки непріятелей. Вотъ съ какими словами обратился ко мнѣ этотъ офицеръ:

— Гражданинъ! будь увѣренъ относительно насъ, ибо хотя мы принесли королю присягу на вѣрность, но вижу, что король для того насъ сюда препроводилъ, чтобы мы сложили свое оружіе предъ непріятелями, каковой несправедливости никто изъ насъ не позволитъ себѣ сдѣлать; предпочитая лучше рисковать смертью, чѣмъ быть обезоруженными публично въ столицѣ—мы станемъ съ вами на защиту своей родины,—дозволено мы уже терпимъ отъ москалей униженія, а затѣмъ, разъ родился, разъ и умру для моей отчизны. Теперь прошу тебя, объясни мнѣ: куда мы должны отправиться, когда и въ какомъ часу начнется возстаніе?

Я, видя его говорящаго съ такою ревностію, подробно ему рассказалъ, чтобы, какъ только начнется день, лошади были готовы и чтобы они, если не хотятъ быть обезоруженными москалями, примкнули къ солдатамъ полка Мировскаго, которые были къ нимъ ближе и которые готовы уже къ битвѣ; о часѣ же, однако, боялся ему сказать. Этотъ честный офицеръ за то предупрежденіе, которое я ему сдѣлалъ, заявилъ, что будетъ по гробъ мнѣ благодаренъ и явится ко мнѣ какъ можно раньше. Я былъ очень пораженъ его заявленіемъ быть у меня, боясь, чтобы онъ меня не выдалъ.

Выпивши вино, мы простились, при чемъ онъ обѣщалъ мнѣ не-

медленно разсказать обо всемъ другимъ и съ этого момента готовиться къ революціи. Я сѣлъ въ карету и прїѣхалъ домой въ часъ ночи. Какъ только выбралъ изъ кареты и перенесъ къ себѣ заряды, тотчасъ взялъ бумаги и написалъ духовное завѣщаніе для жены и дѣтей, желая сдѣлать распоряженіе касательно своего имущества, дабы послѣ моей смерти не было между ними ссоры. И такъ, сдѣлавши раздѣлъ между женою и дѣтьми, положилъ завѣщаніе къ женѣ на постель, чтобы она, проснувшись, прочитала.

Когда пробило три часа, я немедленно разбудилъ, спавшихъ у меня, человекъ 200 слишкомъ, чтобы они ожидали выстрѣла изъ пушки. Я же, взявъ въ одну салфетку заряды, а въ другую кремни, отправился напередъ къ городскимъ солдатамъ и роздалъ ихъ имъ, дабы имѣли чѣмъ обороняться, ибо у нихъ кремней совсѣмъ не было, а пороху у себя они даже и не видѣли. Я тотчасъ распредѣлилъ этихъ солдатъ по мѣстамъ, а потомъ пошелъ къ ихъ вахмистру. Ему я также далъ зарядовъ и кремней, приказавъ, подѣ страхомъ смерти, чтобы, какъ только начнется тревога, онъ велѣлъ на ратушѣ трубить и звонить. Распорядившись тамъ, я отправился къ маршалковской стражѣ ¹⁾, чтобы и ей также сообщить о революціи, такъ какъ ихъ начальникъ строго запрещалъ объ ней говорить; но я настолько былъ друженъ съ его солдатами, что ареста не боялся совсѣмъ; но, желая возмутить ихъ, чтобы они строгихъ приказаній своего начальника не слушали, роздалъ имъ кремни и заряды и даже не по секрету, а явно имъ объявилъ, что революція уже начинается, и что этому и самъ маршалокъ не въ состояніи воспрепятствовать. Солдаты я нашелъ болѣе податливыми, нежели ихъ начальника, ибо они со мною даже не спорили, но съ радостію приняли отъ меня заряды, конхъ совсѣмъ при себѣ не имѣли. Затѣмъ, я распорядился, чтобы тотчасъ, лишь только начнется тревога, не выпускали бы москалей, еслибы они захотѣли пройти Новомейскими воротами ²⁾, но чтобы вдали отъ воротъ дали имъ отпоръ. Эти достопочтенные солдаты немедленно собрались заряжать оружіе, ожидая моихъ приказаній. Такимъ образомъ и этихъ солдатъ, которыхъ болѣе всего слѣдовало остерегаться, если не хочешь посидѣть подѣ стражею, я втянулъ въ дѣло. Сдѣлавъ распоряженіе маршалковской стражѣ, я немедленно послалъ своихъ людей обезпечить за собой набатный звонъ въ костелахъ доминикановъ ³⁾, паулиновъ ⁴⁾, приходскомъ и бернардиновъ ⁵⁾, чтобы сразу

¹⁾ Маршалковская стража—полицейская стража.

²⁾ Пунктъ, образуемый соединеніемъ теперешнихъ улицъ Подвале съ Новомейскою.

³⁾ Св. Яцка, на углу улицъ Мостовой и Фрета.

⁴⁾ На Длугой улицѣ, нынѣ православный соборъ.

⁵⁾ На Краковскомъ предмѣстьѣ, вблизи Замковой площади

перепугать враговъ. Пока я распоряжался, стало разсвѣтать, но оставалось еще немного времени до назначеннаго часа, и я снова пошелъ къ вахмистру, въ ратушу, разсказать ему еще подробнѣе, чтобы онъ, какъ только начнется тревога, взявъ въ свои руки московскую канцелярію, которая находилась на рынкѣ. Но, пришедши къ нему, я не засталъ его дома. Онъ пошелъ къ президенту жаловаться на меня, будто я устраняю въ Варшавѣ бунтъ и что приносивъ къ нему заряды и кремни. Вотъ-то добрый солдатъ! Я приносивъ ему, чтобы онъ самъ защитился отъ смерти, если насъ не станеть защищать, а онъ пошелъ еще за то жаловаться на меня... Президентъ сейчасъ же отправился съ докладомъ къ королю, а его корслевское величество немедленно послалъ генерала Бышевскаго съ рапортомъ къ Игельстрому.

Я, какъ только объ этомъ узналъ, вернулся къ себѣ за оружіемъ и, будучи въ великомъ возбужденіи, взялъ кортикъ ксендза Мейера. Въ это-то время пришелъ ко мнѣ московскій офицеръ, и я тѣмъ кортикомъ положилъ на немъ начало. Успокоивъ его, сейчасъ же крикнулъ людямъ, чтобы послѣдовали моему примѣру и не жалѣли нашихъ враговъ. Тогда же тотъ самый уланъ, который меня увѣрилъ, что будетъ у меня возможно раньше, донесъ мнѣ, что всѣ королевскіе уланы соединились съ солдатами полка Мировскаго и выѣзжаютъ въ атаку; только велѣли дать мнѣ знать, чтобы я начиналъ. Я, будучи доволенъ тѣмъ, что Богъ далъ имъ привлечь и сердца тѣхъ, за которыхъ мы боялись, не имѣя ихъ за собою, сердечно обнявъ его за эту утѣшительную новость. Я ему сказалъ какъ можно скорѣе дать знать, что мы уже начали революцію. И вотъ я подвалъ крикъ, чтобы люди слышали, и далъ Богъ, что какъ началъ народъ со всѣхъ сторонъ бить москалей, такъ тотчасъ и въ набатъ ударили ¹⁾. Противъ Игельстрома я приготовилъ лучшее средство—выставилъ противъ него сапожниковъ и портныхъ, а относительно Баура, который стоялъ на Нове-место ²⁾, отдалъ распоряженіе старшему мяснику Сѣраковскому, чтобы онъ взялъ его въ свои руки ³⁾. Тутъ снова вылъзъ мнѣ мѣшати

¹⁾ Первый ударъ въ набатъ раздался съ колокольнаго костела бернардиновъ, славившагося во всей Варшавѣ своимъ звономъ; за нимъ отозвались и остальные костелы.

²⁾ Мѣстность и площадь вблизи Вислы, соприкасающаяся съ улицей Фрета.

³⁾ Килинскій размѣстилъ въ окнахъ домовъ и на колокольняхъ умѣющихъ вѣтко стрѣлять людей изъ обывателей, такъ что батальонъ русскихъ, двигаясь отъ Нове-место, прежде, нежели дошелъ до костела францискаповъ, потерялъ всѣхъ офицеровъ. На Свентоюрской улицѣ встрѣтили этотъ батальонъ варшавскіе мясники, подъ предводительствомъ помянутаго Сѣраковскаго, имѣя при себѣ орудіе. При приближеніи русскихъ, по знаку Сѣраковскаго, былъ открытъ огонь, и, когда первые ряды пали отъ картечи, инсургенты бросились съ топорами и взрубили весь батальонъ.

московскій капитанъ, котораго я сейчасъ же убралъ, чтобы онъ не вывелъ своей роты противъ насъ... Жена моя увидѣла, какъ я убилъ его, тотчасъ упала на землю и обмерла. Я видѣлъ это, но не имѣлъ времени приводить ее въ чувство и помогать, хотя мнѣ было необыкновенно жалко ее, ибо она была беременна и отъ этого перепуга могла и себя, и невиннаго ребенка погубить. Бросился я также на казака, который тоже вылѣзъ изъ дыры и такъ ударилъ его по загривку, что онъ уже больше мужичиъ и женщинъ своею пикою не клевалъ! Тутъ моя жена схватила меня за руки со словами: «что ты дѣлаешь, дражайшій супругъ? на то ли тебя наговаривали эти пріятели, чтобы ты убивалъ, дабы и самому быть убитымъ кѣмъ-нибудь? Вспомни только о нашихъ дѣтяхъ, что ты, оставляя насъ, и ихъ, и меня хочешь сдѣлать сиротами». Я отвѣтилъ женѣ, что теперь уже не время объ этомъ говорить, что намъ нужно защищаться. Просилъ ее пойти домой и молиться Господу Богу. Но слова мои не помогли, и она никоимъ образомъ пустить меня не хотѣла, говоря мнѣ: «ты, мужъ, рискуешь погибнуть ради отчизны, а я вмѣстѣ съ тобою погибну ради твоей любви и потому не разстанусь съ тобою до тѣхъ поръ, пока или ты самъ не вернешься домой, или пока я не буду убита вмѣстѣ съ тобою». Такое заявленіе жены почти возбудило во мнѣ слѣпую злобу. Разумѣется, должно было произойти столкновение съ милѣйшею женою, если бы я не былъ въ состояніи отъ нея отдѣлаться, но я позволилъ себя убѣдить, вспоминая о шестерыхъ своихъ дѣтяхъ, что, если насъ обоихъ убьютъ, кто ихъ станетъ кормить? И вотъ я долженъ былъ взять жену и отвезти домой. Когда я ввелъ ее въ горницу, добродѣтельнѣйшая моя жена опустилась передо мною на колѣни и заклинала меня не выходить никуда изъ дому. Я, поднявши ее отъ двери, чтобы удобнѣе было выскользнуть изъ комнаты, обѣщала ей никуда не выходить, а самъ тѣмъ временемъ вынулъ ключъ изъ двери отодвинулъ отъ нея немного жену и удачно выскользнулъ, а жену съ дѣтьми заперъ на замокъ, такъ что она уже никуда не могла выйти. А я, вышедши изъ дому въ 4 часа утра, назадъ пришелъ только въ 5 вечера. Выбравшись изъ дому, я сейчасъ же побѣжалъ къ Игельструму — нельзя ли захватить его какимъ-либо способомъ... Но добратъся до него не было возможности, ибо онъ уже былъ предувѣдомленъ королемъ. Въ этомъ пунктѣ наши дали залпъ изъ орудій по войскамъ. А я немедленно взялъ съ собою нѣсколько сотенъ людей и бросился съ ними на Мурановъ ¹⁾, гдѣ находилось пять московскихъ пушекъ. Мы ихъ такъ удачно отобрали отъ москалей, что послѣдніе и сами не знали, что это значитъ, такъ какъ въ то время не имѣли еще никакого приказанія бить насъ; мы же, со своей стороны,

¹⁾ Мурановъ — одна изъ с.-зап. окраинъ Варшавы.

также не умертвили ни одного москаля, а лишь обезоружили ихъ: пушки и аммуницію забрали, а ихъ взяли въ плѣнъ. Людей этихъ, вмѣстѣ съ орудіями, я завелъ къ нашей артиллеріи, а съ нею мы разошлись по лѣсамъ улипамъ, и уже шелъ безостановочный огонь какъ отъ насъ, такъ и отъ москалей. Мы съ капитаномъ Лпновскимъ взяли два орудія и завели ихъ на Красинскую площадь, ибо Медовая улица въ то время была переполнена москалями, и, какъ дали по нимъ картечью только четыре раза, то много ихъ пало, ибо они не ожидали отъ насъ такого скорого привѣтствія ¹⁾). А какъ они сдѣлали въ насъ залпъ изъ пушекъ, то изъ насъ—15 человекъ и 6 солдатъ, которые находились для палубы при двухъ орудіяхъ—остался лишь одинъ солдатъ и 8 людей, коими мы тащили орудія, кромѣ того убили у насъ капитана. Впрочемъ, намъ защищаться тамъ не пришлось, ибо на насъ напала московская кавалерія, и мы убѣжали съ однимъ орудіемъ, а другое должны были оставить, за немѣніемъ, кто бы его тащилъ. Улица была покрыта трупами, и надо было прежде ее освободить отъ нихъ, а потомъ взять пушки, но мы положительно не имѣли для этого времени. Скоро къ намъ пришла на помощь болѣе сильная артиллерія, и мы снова прогнали москалей и отняли свои пушки. Когда же москальи насъ прогнали вторично, то я, захвативъ съ собою четыре пушки и нѣсколько канонировъ, хотѣлъ попасть на Нове-Място; но на Козьей улицѣ ²⁾ мы напали на москалей и счастливо ихъ побѣдили. Цѣлая улица была покрыта трупами, такъ какъ москальи не могли нигдѣ укрыться. Тамъ мы забрали у нихъ двѣ пушки и болѣе 500 ружей. Оттуда я взялъ два большія орудія и перевезъ ихъ къ Новомейскимъ воротамъ. Москалей же мы снова выгнали на Подвале. Отсюда я пошелъ къ цехамъ обрадовать ихъ, что мы отняли у москалей 7 орудій и очень много аммуниціи.

Возбуждивши ихъ духъ, я взялъ съ собою нѣсколько сотъ человекъ и добрался съ ними до арсенала. И тамъ тѣ, которые не имѣли съ собою оружія, взяли его столько, сколько надо было. А Игельстрома добыть мы не могли, ибо вся Медовая улица была занята войскомъ. Тѣмъ не менѣе мы очень ему помѣшали. Изъ многочисленныхъ адъютантовъ, которыхъ онъ посылалъ съ приказаніями къ войску, мы не пропустили ни одного,—всѣхъ убили. Благодаря этому, москальи совершенно смѣшались, не зная, что дѣлать, такъ какъ не могли дожидаться

¹⁾ Изъ этого можно заключать, что польскія пушки были обращены жерлами къ Медовой улицѣ, и выстрѣлы изъ нихъ направлялись вдоль всей послѣдней.

²⁾ *Kozia ulica*—очень узенькая и длинная улочка, соединяющая Краковское предместье съ Сенаторскою улицею.

никакого приказанія. Мы такъ благоразумно поступили, что прежде прогнали москалей отъ ихъ зарядовъ. Когда мы на нихъ нагрязнули, у нихъ уже не было зарядовъ даже и для ружей, и они просили пардону. Мы велѣли имъ напередъ сложить оружіе, а потомъ отъ него отойти. А такъ какъ офицеры ихъ не позволяли этого солдатамъ, то мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Солдаты, видя, что защищаться имъ нечѣмъ, тотчасъ сложили оружіе, а сами встали на колѣни, прося у насъ пардону. Бросившись на нихъ, мы отняли оружіе и пушки, а солдатъ отвели въ цейхгаузъ. Что же касается офицеровъ, то такъ какъ они не хотѣли ни просить пардону, ни идти съ солдатами, мы сейчасъ же перебили ихъ на мѣстѣ. Потомъ уже народъ неизмовѣрно сдѣлался смѣль, хотя ни тактики, ни практики совѣмъ не зналъ, на брюхѣ подползалъ къ москалямъ и въ нихъ, какъ въ утокъ, стрѣлялъ. Затѣмъ я направился съ народомъ черезъ Саксонскую площадь въ тылъ москалямъ, которые дрались съ солдатами полка Дзялынскаго у Свентокржижскаго костела.

И если бы я не пришелъ съ людьми на помощь дзялынцамъ, то москали непременно бы одержали надъ ними побѣду. Но мы, какъ только вошли въ тылъ, такъ и убили у москалей кн. Гагарина. Вотъ ужъ можно сказать, что кто не видѣлъ чуда, тотъ тамъ, передъ св. Крестомъ ¹⁾, могъ его узрѣть: москалей было слишкомъ 4.000, а поляковъ — одинъ лишь полкъ Дзялынскаго, въ коемъ не было болѣе 600 солдатъ, да и то раздѣленныхъ на три части, по 200 человекъ.

Изъ нихъ одни шли черезъ Новый Свѣтъ ²⁾, другіе черезъ Тамку, а третьи шли около Трехъ Крестовъ ³⁾ на Саксонскую площадь. Но мы заняли необходимую для насъ мѣстность раньше. Они думали, что дзялынды придутъ только одной улицей — Новымъ Свѣтомъ, на которой москали очень хорошо приготовились, но не ожидали, чтобы тѣ могли идти тремя улицами. И когда солдаты полка Дзялынскаго напередъ пришли Новымъ Свѣтомъ, москали такъ мѣтко стрѣляли въ нихъ картечью, что отбросили дзялынцева къ Трехъ Крестамъ и убили ихъ довольно.

Когда приблизились эти двѣ колонны, то болѣе 5.000 черни соединилось съ ними и съ величайшею послѣдностію пошла черезъ Конскій Торгъ къ св. Кресту. Но чтобы они не попали на Краковское предмѣстье, преградили имъ дорогу черезъ Саксонскую площадь. Позднѣе подтянулась черезъ Тамку еще третья колонна дзялынцева. Тогда начали мы бить москалей въ три огня. Было тутъ чего посмотреть! Устро-

¹⁾ Разумѣется костелъ св. Креста на Краковскомъ предмѣстьѣ.

²⁾ Улица — продолженіе Краковскаго предмѣстья.

³⁾ Площадка передъ костеломъ св. Александра.

или они карре и послѣ трехчасовой перестрѣлки съ нами истратили всѣ свои заряды. Тогда мы бросились на москалей и удачно побили ихъ, а тѣхъ, которые остались, взяли въ плѣнъ.

Тутъ не могу не вспомнить съ благодарностью двухъ гражданъ, которые своею храбростью многихъ зацпили отъ смерти въ этомъ бою. Вотъ, какъ это было. Одинъ гражданинъ, хорошо вооруженный, взошелъ на колокольню св. Креста, а другой влѣзъ въ учебный домъ (szuleghaus), находившійся противъ дворца Тышкевича. Они исключительно обратили вниманіе на московскую артиллерію, и когда какой-либо изъ бывшихъ при орудіяхъ канонировъ хотѣлъ зажечь фитилемъ порохъ, то они оба такихъ убивали, и такъ мѣтко, что тотъ еще не доходилъ, какъ слѣдуетъ, до пушки, а уже былъ убиваемъ, причеиъ и фитили гасли. Вслѣдствіе этого москали не могли стрѣлять изъ своихъ пушекъ. Пушекъ же у нихъ было шесть, и немало бы изъ нихъ было перебито людей, еслибы не мужество этихъ двоихъ гражданъ, которыхъ я видѣлъ своими глазами, но именъ которыхъ не называю, такъ какъ не знаю ихъ.

Одержавъ побѣду надъ москалями, полкъ Дзялынскаго отмаршировалъ и выстроился передъ королемъ Сигизмундомъ ¹⁾, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Изъ 600 дзялынцевъ едва осталась половина, много изъ нихъ было убитыхъ и раненыхъ. Немало также было убитыхъ и раненыхъ москалями гражданъ. Уже послѣ 3-хъ часовъ москали были вытѣснены изъ всей Варшавы. Удержались они только въ четырехъ мѣстахъ: у Красинскихъ—во дворцѣ, на площади и въ саду, у капуциновъ—въ костелѣ, монастырѣ и въ саду, на Медовой улицѣ, противъ капуциновъ, тамъ, гдѣ жилъ Игельстромъ, и въ Данцигскомъ (Gdańskim) саду. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ наши войска съ пушками окружили москалей и подѣлали въ стѣнахъ отверстія для орудій. Видя, что намъ уже не угрожаетъ никакой опасности, я, оставивъ при нашемъ войскѣ десять тысячъ человекъ простаго люда для наблюденія за москалями, поспѣшилъ на рынокъ взглянуть, что тамъ дѣлается.

Найдя и тамъ полную безопасность, я немедленно отправилъ г. Кригера съ другими гражданами къ г. Закржевскому просить его, отъ имени гражданъ, придти въ ратушу. Когда граждане пришли съ нимъ, мы тотчасъ всѣ отправились на Королевскую площадь и провозгласили Закржевскаго президентомъ Варшавы. Затѣмъ мы съ президентомъ пошли въ ратушу. Тѣмъ временемъ туда собралось множество гражданъ вмѣстѣ съ офицерами для избранія, до дальнѣйшаго устройства на-

---

¹⁾ То-есть передъ памятникомъ-коловной королю Сигизмунду III, на нынѣ называсмой Замковой площади.

рода, совѣта временнаго правленія (Rady zastępczej tymczasowej), членомъ коего тогда же выбрали и меня.

Тотчасъ по избраніи, я былъ назначенъ на дежурство при королѣ, причеиъ мнѣ было поручено озаботиться объ его безопасности, такъ какъ солдатъ тогда въ замкѣ при королѣ не было. Они вмѣстѣ съ народомъ стерегли москалей, чтобы тѣ какимъ-нибудь образомъ не ушли, хотя по всѣмъ улицамъ Варшавы пылали огни, дабы это видѣли москаля, еслибы захотѣли ночью пробиться.

Получивъ помянутое распоряженіе, я взялъ съ собою знатнѣйшихъ гражданъ, и мы отправились въ замокъ. Здѣсь я разставилъ повсюду караулы и оставался при нихъ всю ночь.

Въ пятницу, какъ только стало разсвѣтать, я взялъ всѣхъ гражданъ изъ замка и пошелъ съ ними розыскивать остальныхъ москалей. Король и совѣтъ, видя, что москаля уже не могутъ держаться, тотчасъ прислали трубача трубить сдачу, а затѣмъ были отправлены Игельstromу Закржевскій и генералъ Мокрановскій съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію. Игельstromъ сначала объявилъ, что сдается намъ, а затѣмъ отвѣтилъ, что если королю, то сдается, а если временному правительству, то не сдается. Король же нашъ не хотѣлъ и вмѣшиваться въ это дѣло, а лишь говорилъ, что онъ о революціи не слыхалъ и слышать не хочетъ. Снова, во второй и третій разъ Закржевскій, и Мокрановскій ѣздили къ Игельstromу съ предложеніемъ сдаться. Это въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ занимало народъ: ожидали отвѣта Игельstromа—захочетъ онъ сдаться или нѣтъ. И немало мы на этомъ потеряли: народъ, будучи обнадеженъ, что капитуляція состоится, встрѣчаясь съ москалями, уже въ нихъ не стрѣлялъ, между тѣмъ москаля открыли огонь и убили у насъ нѣсколько десятковъ неповиннаго люда. А когда Игельstromъ, послѣ третьяго раза, отвѣтилъ, что на капитуляцію не сдается, то мы, услышавши такой отвѣтъ, вдругъ ударили на всѣ пункты ¹⁾. Игельstromъ же въ великомъ страхѣ убѣжалъ на нѣсколькихъ лошадяхъ и то лишь благодаря тому, что насъ обманулъ, будто сдается на капитуляцію, а самъ тѣмъ временемъ переодѣлся въ другое платье для побѣга, и въ столь великомъ замѣшательствѣ народъ не узналъ его ²⁾.

Въ пятницу, въ 3 часа пополудни, мы окончили революцію совѣмъ. Тѣмъ москалямъ, которые просили насъ о пощаду и сложили оружіе передъ нами, мы давали пощаду и безъ всякаго вреда отводили ихъ въ назначенное мѣсто. Игельstromъ убѣжалъ къ пруссакамъ, которые

¹⁾ Разумѣется, гдѣ держались русскіе.

²⁾ Раасказываютъ, что Игельstromъ бѣжалъ, ловко переодѣтый въ женское платье своею любовницею полькой.

пришли въ тотъ же вечеръ на помощь москалямъ и находились въ 4-хъ миляхъ отъ Варшавы. Но пока они пришли помогать, мы уже успокоили москалей. Пруссаки тоже получили отъ нашей артиллеріи нѣсколько недурныхъ лозановъ: выстрѣлами изъ пушекъ былъ убитъ не одинъ десятокъ пруссаковъ. Пруссаки, какъ узнали, что поляки не дурно подвозятъ подъ носъ, немедленно отступили отъ Варшавы и не безпокоили насъ нѣсколько недѣль. И такъ удачно окончилась наша революція.

Сообщ. Г. Воробьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго.

1844—1884 годъ.

Вскорѣ послѣ подписанія Парижскаго трактата наступилъ періодъ разоруженія. Къ концу великой восточной войны численность русской арміи почти удвоилась, не считая ополченій. Содержаніе такой громадной арміи стоило Россіи великихъ жертвъ: болѣе трехсотъ милліоновъ въ годъ. Поэтому, какъ только представилась возможность привести армію на мирное положеніе, сокративъ ея численность, то правительство принялось за это дѣло съ особенной энергіей. Ополченія дружины были отпущены по домамъ еще въ первой половинѣ 1856 года, а разоруженіе арміи и переформированіе ея начались съ осени 1856 года и продолжалась съ перерывами до конца 1858 года. Но такъ какъ главные наши силы были сосредоточены на югѣ, то отсюда во всѣ концы Россіи направлялись партіи отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Уходили преимущественно старые служивые, многіе изъ нихъ давно уже выслужили «чистую»; но по случаю военнаго времени должны были тянуть лямку сверхъ срока. Теперь имъ дали «чистую» и отпустили на волю. Большинство ветерановъ поплелись въ свои губерніи съ тѣмъ, чтобы успокоить свои старыя кости на родинѣ. Но увы, желанное и вполне заслуженное успокоеніе они находили тамъ очень, очень рѣдко. Въ дореформенное время деревня смотрѣла на солдата, какъ на «отрѣзанный ломоть». Съ того дня, какъ крестьянину, приведенному въ рекрутское присутствіе, дѣлали на головѣ «мѣтку», то-есть брили лобъ,

онъ уже на всегда выходилъ изъ крестьянской среды. Если рекрутъ былъ изъ крѣпостныхъ, то со дня сдачи онъ переставалъ быть собственностью помѣщика и поступалъ въ другую крѣпость—на продолжительную военную службу—службу суровую, требовательную, гдѣ били смертнымъ боемъ, а кормили и одѣвали плохо и гдѣ въ перспективѣ не видѣлось ничего, кромѣ трехъ нашивокъ изъ желтой тесьмы на рукавѣ за безпорочную службу. Но вѣдь эти нашивки хлѣба на старость не давали.

Неудивительно поэтому, что въ тогдашнее время сдача въ «некруты» считалась въ крестьянской средѣ большимъ несчастіемъ. Семья на всегда лишалась своего члена и работника и, какъ ни плохо жилось у многихъ помѣщиковъ ихъ крѣпостнымъ—однако и для нихъ сдача въ рекруты была своего рода наказаніемъ.

Выпускъ отставныхъ и безсрочно отпускныхъ солдатъ въ 1856 и въ 1857 годахъ былъ самый большой за все время существованія регулярной русской арміи. Можно сказать, что съ этимъ выпускомъ разошлась по домамъ почти вся старая Николаевская армія — разошлась съ тѣмъ, чтобы болѣе ужъ не возвращаться въ ея ряды, такъ какъ контингентъ молодыхъ солдатъ, поступившихъ на службу передъ началомъ восточной войны и во время ея продолженія, былъ очень великъ.

И вотъ потянулись по всей Россіи большими и малыми партіями николаевскіе ветераны. Чтобы добраться до родныхъ, многимъ изъ нихъ приходилось пройти тысячи верстъ (вѣдь желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній тогда не было) въ плохой обуви и еще худшей одеждѣ, ибо полковое начальство, въ большинствѣ случаевъ, снабжало ихъ на прощаніе что ни на есть худшимъ. Партіи отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ сопровождались офицерами, которые снабжались кормовыми деньгами для продовольствія партіи въ пути. Но эти жалкія деньги считались тогда однимъ изъ безгрѣшныхъ доходовъ, и немалая часть ихъ поступала въ карманъ партіонныхъ начальниковъ въ ущербъ солдатскому желудку. Да, такое ужъ тогда было скверное время... По приходѣ въ свои губерніи, безсрочные поступали въ вѣдѣніе начальника гарнизоннаго баталіона и затѣмъ уже отсюда расходились въ уѣзды по домамъ. Но это только такъ писалось, а на самомъ дѣлѣ у огромнаго большинства не находилось пріюта. Крестьянскій міръ забылъ о нихъ, родные поумирали, жены, у кого онѣ были, давно утѣшились съ другими... И чувствовалъ себя бѣдный старый солдатъ совершенно одинокимъ и оспротѣлымъ въ своей родной деревнѣ, гдѣ некому было позаботиться, чтобы пріютить его на старость. И уходилъ онъ опять на службу:—полицейскимъ, сторожемъ, будочникомъ, бавшикомъ и т. п. Каждый пристраивался, какъ умѣлъ и могъ. Было немало и такихъ, что, не находя работы, собирались Христовымъ именемъ,

хотя въ выдапномъ имъ билетѣ, между прочимъ, было сказано: «бороду брить, по міру не ходить». Но нужда и голодъ не свой брать. Вообще, въ прежнее время, солдатъ тянуть ляжку очень долго и на старость оказывался не рѣдко совершенно безпріютнымъ. Слава Богу, что это время давно прошло и бывшемъ поросло.

Одновременно съ уменьшеніемъ арміи надобно было значительно убавить комплектъ офицеровъ. Во время войны спросъ на нихъ былъ очень великъ. Усиленные выпуски офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ и ускоренное производство юнкеровъ не могли вполне пополнить контингента офицеровъ арміи, а потому по неволѣ приходилось брать ихъ, какъ говорится, съ бору да съ сосенки. Многіе и многіе, уволенные за «разныя качества» отъ службы, были вновь принимаемы безъ разбора и, разумѣется, въ большинствѣ оказывались не отвѣчающими своему назначенію. Въ военное время ихъ терпѣли, но какъ только окончилась война, послѣшили отъ нихъ отдѣлаться. Но это оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Среди увольняемыхъ противъ ихъ желанія офицеровъ встрѣчалось немало личностей въ родѣ Гоголевскаго капитана Копѣйкина. Они вѣдь проливали въ нѣкоторомъ родѣ кровь свою за отечество, и вдругъ такой пассажъ. «Подавайте въ отставку, иначе будете исключены безъ прошенія со службы». По этому поводу возникало много разныхъ кляузъ, нареканій и жалобъ со стороны нѣкоторыхъ увольняемыхъ, и восходили они до высшаго начальства. Недостатокъ офицеровъ въ военное время могъ быть съ пользою для дѣла пополняемъ производствомъ ихъ изъ старшихъ и опытныхъ фельдфебелей и грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которые, во всякомъ случаѣ, были бы людьми болѣе полезными и достойными, чѣмъ всякій уже однажды забракованный дворянскій хламъ, пребывающій въ отставкѣ. Но какъ ни нуждалась армія въ офицерахъ во время восточной войны 1853—1856 годовъ, но къ этой мѣрѣ прибѣгали лишь въ видѣ исключенія, а болѣею частію производили въ офицеры изъ низшихъ сословій фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ, но не за военныя заслуги. Бывали исключенія, но очень рѣдко. «Бурбоновъ», то-есть выслужившихся изъ простаго званія, не охотно принимали въ свою среду офицеры. Мнѣ приходилось не разъ слышать забавные и желчныя анекдоты насчетъ злосчастныхъ «бурбоновъ». Повторялась также часто и эта фраза: «еще не давно билъ я его столько разъ по мордѣ, а теперь изволь подавать ему руку! Нѣтъ, ужь извините, слуга покорный» и прочее въ этомъ родѣ. А теперь, благодаря великимъ реформамъ императора Александра II, всѣ мѣста въ арміи стали доступны дѣтямъ этихъ «бурбоновъ» — на первый планъ поставлено образованіе, а не происхожденіе, и данъ свободный доступъ къ свѣту наукъ всѣмъ сословіямъ.

Великая восточная война была особенно тяжела своими послѣдствіями для черноморскаго флота. Не довольствуясь тѣмъ, что почти весь онъ лежалъ уже въ могилѣ на днѣ Севастопольской бухты, союзныя державы поставили въ числѣ условій Парижскаго трактата, чтобы флотъ нашъ на Черномъ морѣ не могъ быть возобновленъ въ прежнемъ размѣрѣ. Россія отказалась временно отъ права имѣть на этомъ морѣ не только линейные корабли, но даже фрегаты, и весь флотъ могъ состоять изъ нѣсколькихъ судовъ малаго размѣра: корветовъ, шкуновъ, транспортовъ. Этотъ пунктъ Парижскаго трактата, а также севастопольскій разгромъ низвели черноморскій флотъ чуть ли не до размѣровъ флотилии

Исчезновеніе флота, особенно въ первыя десять лѣтъ послѣ войны, повліяло на то, что Севастополь почти всѣ эти годы оставался въ развалинахъ, не имѣя и одной трети прежняго числа жителей. Сокращеніе черноморскаго флота отразилось такъ же невыгодно и на Николаевѣ, и онъ выглядѣлъ печально и осиротѣло. Большинство уцѣлѣвшихъ послѣ войны моряковъ были переведены въ балтійскій флотъ, населеніе уменьшилось, дома упали въ цѣнѣ, а рейдъ, въ прежнее время такой оживленный, теперь былъ почти пустъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я часто бывалъ въ Николаевѣ и не замѣчалъ въ немъ перемѣнъ къ лучшему. Только въ послѣдствіи, съ проведеніемъ къ нему желѣзной дороги и со времени устройства коммерческаго порта, городъ быстро дошелъ въ гору. Въ числѣ первыхъ судовъ, построенныхъ вскорѣ послѣ войны, была царская яхта «Тигръ», названная именемъ англійскаго парохода-фрегата, сѣвшаго на мель близъ Одессы въ концѣ войны. Удачными выстрѣлами нашей артиллеріи фрегатъ былъ зажженъ, и команда его взята въ плѣнъ. Однако, пароходъ не весь сгорѣлъ, машина его вполне сохранилась и въ послѣдствіи была установлена на царской яхтѣ, тоже имѣвшей размѣры фрегата, но безъ артиллеріи. Эту яхту я осматривалъ въ подробностяхъ во время стоянки ея на рейдѣ въ Николаевѣ въ 1858 году. Въ то время это было самое большое судно возрождающагося черноморскаго флота.

Вскорѣ послѣ заключенія мира была переведена изъ Измаила въ Николаевъ наша дунайская флотилія, а потомъ совершенно упразднена и не возродилась уже болѣе. Флотилія эта состояла изъ канонерскихъ лодокъ и двухъ или трехъ пароходовъ и исключительно предназначалась для Дуная. Флотилія составляла отдѣлъ черноморскаго флота низшаго разряда, на который моряки смотрѣли свысока, какъ армія на какую-нибудь инвалидную команду. Флотилія дѣйствительно была чѣмъ-то въ родѣ флотской инвалидной команды, или гарнизоннаго батальона, куда поступали бракованные флотскіе—такъ называемый тогда ластовый экипажъ. Канонерскія лодки моряки презрительно обзывали

жалкими посудинами. Дѣйствительно, дунайскія канонерки были тяжелы, неуклюжія, неповоротливыя и устарѣлаго типа. Онѣ были вооружены, сколько помню, двумя 36-фунтовыми орудіями. Предъ началомъ восточной войны, когда потребовалось усиленное вооруженіе флота, съ дунайской флотиліи были взяты на флотъ лучшія силы, а образовавшійся вслѣдствіе этого недочетъ въ людяхъ на флотиліи рѣшено пополнить, не долго думая, нашими пѣхотинцами. Для этого отрядили на канонерки часть Модлинскаго пѣхотнаго полка. И вотъ эти пѣхотные солдаты должны были не только изображать, но и вѣдѣйствительности сдѣлаться въ короткое время морскими канонерами. Само собою разумѣется, что такая метаморфоза не была удачна, и, такимъ образомъ, экипажъ канонерскихъ лодокъ плохо отвѣчалъ своему назначенію. И вотъ этой флотиліи, съ импровизированными, такъ сказать, сухопутными, матросами-канонерами, выпала честь первой открыть военныя дѣйствія на Дунаѣ. 3-го октября 1853 г. флотилія канонерскихъ лодокъ, буксируемая двумя пароходами «Прутъ» и «Ординарецъ», выйдя изъ Измаила, направилась вверхъ по Дунаю и, поравнявшись съ Исакчей, была встрѣчена выстрѣлами съ турецкихъ батарей. Усердно отстрѣливаясь, флотилія благополучно прошла далѣе и достигла молдавскаго города Галаца. Говорю, прошла благополучно, въ томъ смыслѣ, что ни одно изъ судовъ флотиліи не было ни зажжено, ни потоплено, но пробоятъ получили они изрядное количество, были ранены и убиты, а въ числѣ послѣднихъ бравый морякъ капитанъ Верпоховскій. Заканчивая отдѣлъ моихъ военныхъ воспоминаній, приведу здѣсь два эпизода изъ восточной войны, относящихся къ этой флотиліи, теперь уже вычеркнутой изъ списковъ нашего флота и уже забытой.

Зимняя ночь подходила къ концу. Городъ Браиловъ спалъ еще крѣпкимъ сномъ. Улицы его, обыкновенно оживленныя днемъ, были совершенно пусты. Тускло догорали кое-гдѣ уличные фонари съ масляными лампами. Не видно было городскихъ извозчиковъ, не было запоздалыхъ прохожихъ. Въ окнахъ домовъ давно потухли огни, и даже первоклассное casino (родъ клуба), гдѣ обыкновенно игроки засиживались далеко за полночь, было погружено въ совершенный мракъ и безмолвіе. Глубокая тишина ночи по временамъ нарушалась протяжнымъ пѣніемъ ночныхъ сторожей, долго и протяжно вытягивающихъ свое «asculte!» (слушай!). Изрѣдка проходилъ ночной обходъ изъ русскихъ солдатъ въ сопровожденіи мѣстнаго полицейскаго; слышался постепенно удаляющійся мѣрный топотъ ногъ и бряцаніе оружія, и вскорѣ обходъ исчезалъ въ темныхъ улицахъ города.

Это было въ 1853 году. На дворѣ стоялъ декабрь, та пора, о которой на Руси говорятъ, что Савва идетъ съ гвоздемъ, а Никола съ мо-

лотомъ. Тамъ, далеко на нашемъ сѣверѣ, морозъ уже сковалъ крѣпкимъ льдомъ рѣки и озера, здѣсь, на югѣ, въ долинѣ древняго Истера, въ ночь съ 5-го на 6-е декабря морозъ не достигалъ и одного градуса, и Дунай, этотъ кормилецъ Браилова, свободно катилъ свои широкія воды. Когда я вышелъ изъ своей квартиры, было еще темно, но на восточной сторонѣ горизонта образовалась чуть замѣтная свѣтлая полоса — признакъ приближающагося разсвѣта. Меня сопровождалъ старый ветеранъ Галактіоновъ, и мы спѣшили на берегъ Дуная, куда уже направились наша рота. Повернувъ въ улицу, ведущую къ рѣкѣ, мы наткнулись на ночнаго сторожа, который, стоя къ намъ спиною, усердно выводилъ свое «аскульте!» Поравнявшись съ нимъ, Галактіоновъ хлопнулъ его по плечу. Сторожъ отскочилъ въ сторону и крикнулъ: чинивини,—кто идетъ?

— Чего орешь, бади Георгій, — аль кума не узналъ?—сказалъ Галактіоновъ.

Уличный фонарь освѣщаль нашу встрѣчу, и я замѣтилъ, какъ испугъ смѣнился на лицѣ сторожа добродушною улыбкою, и онъ сказалъ Галактіонову:

— Ну, испугалъ ты меня, кумъ!

— И по дѣломъ тебѣ. Чего ревешь во все горло, да еще добро бы по-нашему кричалъ «слушай», а то выводилъ свое «аскульте!» Кумъ Галактіонова оказался большимъ патриотомъ, онъ гордо выпрямился и сказалъ, что, по его мнѣнію, аскульте гораздо лучше, чѣмъ слушай.

— Ну, ладно, ладно, — успокаивалъ его Галактіоновъ, — ори себѣ свое аскульте, коля оно тебѣ нравится, а намъ съ тобой калыкать некогда! Давай табачку, да и будь здоровъ.

Ночной сторожъ запустилъ руку за пазуху своего кафтана, досталъ большой кожаный кисетъ и, подавая своему куму добрую горсть табаку, спросилъ, куда мы собрались въ такой ранній часъ.

Галактіоновъ изобразилъ таинственную фзіономію и шепнулъ сторожу:

— Къ турку въ гости идемъ, какъ возвращусь живъ-здоровъ, ужъ расскажу, хорошо ли принимали, какъ угощали, а теперь прощай, кумъ кланяйся, крестника поцѣлуй!

И мы поспѣшили, напутствуемые добрыми пожеланіями ночнаго сторожа. Замѣчу здѣсь, что весь этотъ разговоръ происходилъ на румынскомъ языкѣ, которымъ Галактіоновъ владѣлъ отлично, какъ природный румынъ. Спутникъ мой долго жилъ въ Бессарабіи съ полкомъ, бывалъ и прежде въ княжествахъ (1847—1849) и, какъ смѣтливый и практичный велкороссъ, вполне усвоилъ себѣ мѣстный языкъ. Конечно, Галактіоновъ въ убыткѣ отъ этого не былъ. Румыны всюду приглашали его, какъ своего человѣка, и въ средѣ ихъ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ.

Начало уже свѣтать. По Дунаю стлался густой туманъ и закрывалъ противоположный турецкій берегъ. Въ этой прирѣчной части Браилова, въ противоположность тишинѣ, господствовавшей въ городѣ, кипѣла суетливая дѣятельность. У берега стояли два военныхъ парохода «Прутъ» и «Ординарецъ» и нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Флотилія принимала на свой бортъ небольшой десантъ, въ то время какъ частныя суда и лодки были заняты перевозкою на лежащій противъ Браилова островъ Биндой отряда пѣхоты и стрѣлковаго батальона. Тутъ же, на берегу, стучали топоры саперъ, оканчивавшихъ постройку паррома для подъема артиллеріи. Готовилась экспедиція къ ближайшему турецкому городу Мачину. У Браилова отдѣляется отъ Дуная рукавъ (Мачинскій), онъ вмѣстѣ съ Дунаемъ образуетъ большой островъ Биндой, одна сторона котораго лежитъ противъ Браилова, а другая противъ Мачина (Островъ принадлежалъ княжеству Валахія). Пѣхотный отрядъ, слѣдуя островомъ, долженъ былъ приблизиться къ Мачину, въ то время какъ флотилія, имѣя небольшой десантъ, предназначалась для обстрѣливанія береговыхъ батарей, устроенныхъ турками близъ Мачина, для чего флотилія слѣдовало пройти по Мачинскому рукаву Дуная. Рано утромъ пароходъ «Прутъ» снялся съ якоря и направился въ Мачинскій рукавъ, имѣя на буксирѣ нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Пароходъ «Ординарецъ», на которомъ находились и мы, какъ десантъ, замѣшкался. Ему была задана трудная задача буксировать паромъ или, вѣрнѣе, большой плотъ съ двумя полевыми орудіями, лошадыми и прислугой. Прошло добрыхъ полчаса, пока успѣли все наладить, и пароходъ потянулся вслѣдъ за ушедшей уже далеко флотиліей, таща за собой паромъ съ артиллеріей. Было уже совсѣмъ свѣтло, туманъ исчезъ и, когда мы вошли въ Мачинскій рукавъ, выглянуло солнце, освѣщая далеко рѣку и оба берега.

На палубѣ «Ординарца», въ носовой части и у кожуховъ, стояли группы солдатъ. Большинство изъ нихъ никогда не бывали прежде на пароходѣ, а потому вся окружающая ихъ обстановка казалась имъ диковиной. Матросы парохода съ благосклонной снисходительностью посвящали своихъ сухопутныхъ гостей во всѣ таинства пароходной механики, на сколько они сами ее понимали.

Всѣхъ насъ, отъ командира парохода до послѣдняго солдата, крѣико озабочивалъ буксирный паромъ съ артиллеріей, которая могла подвергнуться серьезной опасности. По мѣрѣ того какъ мы уходили все дальше и дальше въ Мачинскій рукавъ, мы ежеминутно опасались, что вотъ-вотъ изъ-за высокихъ и густыхъ кустарниковъ, окаймлявшихъ турецкій берегъ, турки откроютъ штуцерный огонь и перестрѣляютъ лошадей и прислугу, а если выдвинуть противъ насъ полевое орудіе, то достаточно одного удачнаго выстрѣла, чтобы погубить паромъ. Однако

турки вовсе не ожидали нашего появленія, и пароходъ продолжалъ плаваніе, не тревожимый ни однимъ выстрѣломъ. На половинѣ пути къ Мачину «Ординарецъ» приблизился къ берегу острова Биндоя, по которому двигался нашъ пѣхотный отрядъ, и сдѣлъ здѣсь паромъ съ артиллеріей. Избавившись отъ этой обузы, всѣ мы вздохнули свободнѣе, а облегченный пароходъ быстро направился къ Мачину, гдѣ гремѣла канонада,—это наша флотилія вступила въ бой съ береговыми турецкими батареями. Былъ часъ дня. Въ каютъ-кампаніи парохода собралось небольшое общество офицеровъ и юнкеровъ, приглашенныхъ къ обѣду гостепріимнымъ командиромъ парохода, капитанъ-лейтенантомъ Барковскимъ. Какъ сервировка стола, такъ и самый обѣдъ показались роскошными намъ, привыкшимъ въ походной и бивуачной жизни сокращать свои потребности до minimum'a. По военному положенію, обѣдъ продолжался не долго, при томъ съ каждымъ оборотомъ колеса, пароходъ приближалъ насъ къ цѣли своего плаванія—Мачину. Черезъ четверть часа мы уже были на виду этого городка. «Ординарецъ» сталъ подъ парами на далекій выстрѣлъ отъ турецкихъ батарей. Съ палубы нашего парохода былъ хорошо виденъ Мачинъ, турецкія батареи, линія нашихъ канонерскихъ лодокъ и подвигавшійся на островъ Биндоѣ отрядъ. Нѣкоторое время мы оставались зрителями происходившаго артиллерійскаго боя. Обѣ стороны стрѣляли систематически, не торопясь, но, къ общему благополучію, толку изъ этого выходило мало. Турецкія ядра бороздили воду, вздымая огромные водяные столбы, а въ канонерки попадали рѣдко; въ свою очередь, наши палили въ батарею, да не попадали въ амбразуры, а все лѣпили ядра въ брустверь. Но какъ ни плохи были артиллеристы обоихъ противниковъ, — все же у насъ и орудія и размѣры ихъ были больше и гораздо внушительнѣе, такъ что въ концѣ концовъ турецкія батареи стали притихать. Тѣмъ временемъ наши стрѣлковыя роты, вооруженныя бельгійскими штуцерами, пробрались къ берегу рѣки противъ самаго Мачина и, укрывшись въ густыхъ камышахъ и кустарникѣ, открыли сильный огонь по расположенной на противоположномъ берегу турецкой пѣхотѣ. Огонь былъ, вѣроятно, очень дѣйствителенъ, потому что намъ отчетливо было видно съ палубы парохода, какъ турки въ беспорядкѣ бросились бѣжать отъ берега. Наконецъ, наступила и наша очередь принять участіе въ дѣлѣ. Съ флотиліи былъ поданъ сигналъ нашему пароходу. По справкѣ съ книгою сигналовъ оказалось: «Ординарцу» приблизиться къ адмиралу и вступить въ бой!

Въ бой нашъ пароходъ вступить не могъ, имѣя салютаціонную артиллерію изъ нѣсколькихъ небольшихъ фальконетовъ, но тѣмъ не менѣе, мы на всѣхъ парахъ пошли въ линію огня и скорѣе приблизились

къ адмиральскому «кораблю», который изображала канонерка, имѣвшая на своемъ борту генерала, командовавшего экспедиціей.

Какъ только нашъ пароходъ поравнялся съ этой канонеркой, тотчасъ генералъ скомандовалъ въ рупоръ:

— «Ординарцу» свозить десантъ, стараясь быть вѣ въ выстрѣловъ.

Только для этого насъ и звали... «Ординарецъ» такъ же быстро ушелъ назадъ и, выйдя изъ-подъ выстрѣловъ, сталъ приближаться къ турецкому берегу и въ сажняхъ тридцати бросилъ якорь. Какъ только остановился пароходъ, тотчасъ были спущены на воду всѣ шлюпки. Но ихъ было немного, а потому часть нашей роты съ остальнымъ десантомъ «Ординарца» въ числѣ 120 человѣкъ далеко не могла помѣститься на гребныхъ судахъ парохода. Рѣшено было перевозить десантъ по партіямъ. Вскорѣ первая очередь, человѣкъ около сорока, въ числѣ коихъ былъ и я, уже отчалила отъ парохода, направляясь къ турецкому берегу. Матросы налегли на весла и гребли изо всѣхъ силъ. Солдаты внимательно рассматривали приближающійся берегъ, и всѣ хранили глубокое молчаніе, чувствуя себя не въ той обычной обстановкѣ, въ которой мы привыкли встрѣчать опасность. Да и размѣры этой опасности трудно было опредѣлить, ибо берегъ, къ которому мы приближались, густо поросъ кустарникомъ, за которымъ удобно могъ укрываться неприятель.

Галактіоновъ, помѣстившись въ одномъ катерѣ со мною, пробовалъ было ободрить товарищей шутками, но напрасно. Всѣ продолжали молчать, поглядывая на берегъ. Видимо всѣмъ хотѣлось скорѣе добраться до него, почувствовать твердую почву подъ ногами, предпочитая встрѣтить опасность на сушѣ, чѣмъ на такой измѣнчивой и чуждой стихіи, какъ вода.

Нашъ катеръ первымъ пришелъ къ берегу. Мы вошли и стали осторожно пробираться сквозь кустарникъ, какъ вдругъ передъ нами раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой.

Это двѣ турецкія пушки только-что снялись съ передковъ и открыли огонь по нашему пароходу. Насъ отдѣляло отъ неприятеля не болѣе пятидесяти шаговъ и узкая полоса воды, что-то въ родѣ неглубокой лужи.

Еще слѣдующія за нами шлюпки съ остальными людьми нашей партіи не успѣли причалить къ берегу, какъ съ парохода и канонерки послышались звуки рожковъ, трубившихъ намъ отступление. Въ минуту мы уже были на катерѣ и спѣшили къ пароходу, которому грозила серьезная опасность. «Ординарецъ» по своей конструкціи и вооруженію былъ вовсе не боевое, а разсыльное судно, ему было очень рискованно стоять въ какихъ-нибудь двухстахъ шагахъ подъ огнемъ неприятельской артиллеріи. Въ этотъ критическій моментъ командиръ

парохода проявилъ большое хладнокровіе и распорядительность. Ему предстояла довольно трудная задача. Нужно было въ самое короткое время принять десантъ обратно на бортъ парохода, сняться съ якоря и уходить изъ-подъ выстрѣловъ. Минута лишней проволоочки грозила катастрофой нашему небольшому пароходу.

Стоя на мостикѣ, командиръ «Ординарца» внимательно слѣдилъ за обратнымъ движеніемъ шлюпокъ, поощрялъ гребцовъ и отдавалъ въ рупоръ приказанія рулевымъ держаться врознь и не сбиваться шлюпкамъ въ кучу. Пока мы добрались до парохода, картечь два раза прошумѣла надъ нашими головами. Принявъ на палубу десантъ, командиръ парохода приказалъ открыть ружейный и пушечный огонь. Вскорѣ «Ординарецъ» весь покрылся пороховымъ дымомъ. Турецкая артиллерія была настолько близко отъ насъ, что не только маленькія пушки «Ординарца», но и наши гладкоствольныя ружья могли съ успѣхомъ дѣйствовать на такомъ разстояніи. Турки стрѣляли по насъ картечью и ядрами, картечь попадала въ рангоутъ и сверху сыпались на насъ осколки дерева, но ядра уже начинали серьезно пошаливать: одно уже сдѣлало рикошетъ по палубѣ, а другое ударилося близъ машины...— «Носить изъ трюма мѣшки съ провіантомъ и сухарями и закрывать палубу возлѣ машины!»— командовалъ капитанъ. Видя затѣмъ, что наши пѣхотинцы стоятъ въ недоумѣніи и нерѣшительности, капитанъ крикнулъ:— «Живѣй ребята, живѣй, не то порохъ взорветъ!»

Заслышавъ эти страшныя слова, наши солдаты бросились вслѣдъ за матросами внизъ по трапу (лѣстницѣ) и работали такъ усердно, что вокругъ машины на палубѣ вигомъ выросла цѣлая гора разнаго груза. Благодаря такой мѣрѣ, слѣдующее непріятельское ядро застряло въ этомъ на-скоро импровизированномъ блиндажѣ.

Между тѣмъ какъ пароходъ нашъ, снявшись съ якоря, удалился отъ турецкаго берега, на помощь намъ подоспѣлъ пароходъ «Прутъ» и изъ своихъ громадныхъ бомбическихъ орудій открылъ огонь по турецкой артиллеріи, которая вскорѣ и смолкла.

Хотя описанная мною встрѣча съ турецкою артиллеріей длилась не болѣе какихъ-нибудь двадцати минутъ, однако, общая сумма сильныхъ впечатлѣній, полученныхъ за это короткое время, была велика. Всѣ бывшіе на «Ординарцѣ» сознавали, что имъ угрожала большая опасность, и только тогда вздохнули свободно, когда пароходъ присталъ къ противоположному берегу, къ острову Биндою. Виденъ былъ нашъ пѣхотный отрядъ, возвращавшійся къ Браилову. Къ пароходу нашему подъѣхалъ корпусный командиръ, генераль-адъютантъ Лидерсъ, съ небольшимъ штабомъ. Рекогносцировка Мачина и его окрестностей была окончена; пальба прекратилась, а спустя нѣкоторое время потянулись къ Браилову канонерки, буксируемыя пароходами «Прутъ». Послѣд-

ствіемъ этой рекогносцировки было занятіе нашимъ небольшимъ отрядомъ острова Биндоя и возведеніе на немъ редута у Рушавскаго кордона, и затѣмъ предмѣстнаго укрѣпленія на рѣкѣ Филиппой. Потеря наша состояла изъ полутора десятка раненыхъ и контуженныхъ нижнихъ чиновъ и нѣсколькихъ пробойнъ, полученныхъ канонерками. На нашемъ пароходѣ «Ординарецъ» не было даже контуженныхъ, а поврежденія судна ничтожны. Командиръ его, капитанъ Барковский, получилъ благодарность отъ корпуснаго командира Лидерса, который пересѣлъ на нашъ пароходъ при обратномъ слѣдованіи его въ Брайловъ. Каюткампанія наполнилась высшими начальствующими лицами, и стало въ ней тѣсно, чинно и официально. Гораздо интереснѣе было тамъ, ниже—въ машинномъ отдѣленіи парохода, куда собрались наши солдаты, чтобы обогрѣться и побесѣдовать о проясствіяхъ сегодняшняго дня.

— Былъ я, братцы мои, не разъ въ сраженіяхъ. На Кавказѣ противъ черкеса ходилъ, и онъ, даромъ что нехрясть, война настоящій. Такъ на тебя и лѣзетъ, какъ осатавѣлый, и крошитъ, крошитъ—страсть! Ходилъ я подъ венгерца, но ни разу не набрался такого страха, какъ сегодня.

— Чего вы, дяденька, испужались,—спросилъ молодой солдатикъ.

А ты, небось, не испужался?

— Я что! мнѣ впервой, такъ мнѣ боязно было, а больше всего, когда это «Прутъ» къ намъ подскочилъ, да изъ своихъ страшныхъ пушекъ черезъ наши головы сталъ въ турку запускать.

— Ну, по новости, разумѣется, страшно, коли и свои стрѣляютъ,—замѣтилъ Галактіоновъ и продолжалъ: А я, братцы, тогда испужался, когда капитанъ крикнулъ: порохъ взорветъ!! Такъ у меня ноги и затряслись и голова пошла кругомъ. Опомился уже, какъ мѣшки сталъ таскать...

— Не вамъ однимъ, а всѣмъ намъ боязно стало, что порохъ взорветъ,—авторитетно замѣтилъ съ другой стороны солдатъ... Съ порохомъ не шути. Да и работали наши ребята, точно угорѣлые, сказано: страхъ не свой братъ.

— Вотъ мой Котрубенко, рекрутъ,—вставилъ свое слово капральный,—такъ тотъ совсѣмъ ошалѣлъ. Мечется, словно память у него отшибло. Схватилъ это онъ бакъ (деревянная посуда) и несетъ машину закрывать. А ихній боцманъ, брось, говорить. Куда тебѣ!.. Котрубенко, точно очумѣлый, ничего не слышитъ и претъ. Тогда боцманъ здорово огрѣлъ его ливкомъ по спинѣ. Котрубенко свалился, какъ спопъ, и лежитъ ничкомъ, точно мертвый. Я къ нему и спрашиваю: «что съ тобою?»—а онъ: «Охъ, дяденька, говоритъ,—должно быть меня ядромъ на смерть пришибло»...

Раздался дружный продолжительный смѣхъ..

Затѣмъ бесѣда перешла вскорѣ на сравненія службы пѣхотной и морской, причемъ старые солдаты рассказывали, какъ ихъ на Кавказѣ на военныхъ судахъ возили, и какіе ужасы на морѣ бываютъ. Вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что морская служба не въ примѣръ труднѣе будетъ.

— За то ихнее довольство не въ примѣръ лучше нашего,—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ.

— А ты на морѣ цобываль бы, такъ это довольство горломъ вышло бы,—шутливо возразилъ одинъ изъ стариковъ.

— Ребята, выходи!—раздались голоса сверху, сейчасъ дома будемъ!

Уже стемнѣло, когда мы вышли на берегъ, и я посиѣшилъ на свою квартиру. Чувствовалась большая потребность въ отдыхѣ и повѣрѣ въ впечатлѣній прожитаго дня.

Другой эпизодъ изъ восточной войны, относящійся къ не существующей нынѣ дунайской флотиліи, имѣлъ не вполнѣ благоприятный исходъ для дѣйствовавшихъ лицъ. Это было во второй половинѣ февраля 1854 года, недѣли за три до переправы нашихъ войскъ въ Турцію. Въ виду того, что Браиловъ былъ главнымъ пунктомъ предстоящей переправы, было признано необходимымъ присутствіе здѣсь дунайской флотиліи, которая зимовала въ Галацѣ. Теперь предстояла задача — перевезти эту флотилію въ Браиловъ. Задача не легкая, потому что турки по дорогѣ, а именно близъ Браилова, устроили береговое укрѣпленіе, съ цѣлью препятствовать свободному движенію нашихъ канонерокъ и пароходовъ на Дунаѣ между Галацомъ и Браиловомъ. Чтобы справиться съ этимъ препятствіемъ, рѣшили сдѣлать ложную атаку на турецкое укрѣпленіе, а флотилія должна была воспользоваться этимъ временемъ и пройти мимо укрѣпленія, не подвергаясь дѣйствию его артиллеріи.

Конечно, объ этомъ планѣ вѣдало своевременно одно лишь высшее начальство, а потому я былъ немало изумленъ, когда поздно вечеромъ явился ко мнѣ ефрейторъ съ извѣстіемъ, что рота наша готова къ выступленію. «Куда?—спрашиваю, такъ поздно?»—«Не могу знать, ребята сказываютъ, на берегъ идемъ. Ружей и аммуниціи приказано не брать и имѣть лямки, чтобы лодки тащить».

Была холодная и бурная февральская ночь. На берегу Дуная въ верстахъ трехъ пониже Браилова собрался небольшой отрядъ изъ шести ротъ, изъ которыхъ двѣ въ боевой аммуниціи и съ ружьями, а остальные совершенно безоружныя.

Первымъ предстояло переплыть на ту сторону Дуная на гребныхъ судахъ и сдѣлать ложное нападеніе на турецкое укрѣпленіе, въ то время когда приблизится флотилія, а остальные безоружныя предназначались для роли бурлаковъ, и имъ предстояло тащить лямками суда

флотилии въ случаѣ какой-либо съ ними катастрофы. Гребныя суда съ гребцами-греками уже стояли на-готовѣ, и наши товарищи отплыли на нихъ, направляясь къ противоположному берегу Дуная, къ турецкому укрѣпленію. Темная ночь вскорѣ скрыла ихъ отъ насъ, и только слышался шумъ волнъ и свистъ вѣтра. А мы стояли на берегу и тревожно ждали. Прошло четверть часа, и на турецкой сторонѣ блеснулъ огонь, раздался залпъ десятка ружей. Это непріятель, замѣтивъ приближеніе нашей экспедиціи, подавалъ сигналъ тревоги. Вслѣдъ затѣмъ, непріятель открылъ пушечную пальбу, на которую наши отвѣчали бѣглымъ ружейнымъ огнемъ и крикомъ «ура!» Минуть двадцать продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ, турки усердно палили изъ пушекъ, не жалѣли патроновъ и наши. Однако, первымъ сталъ замѣтно слабѣть ружейный огонь,—это наши спѣшили обратно къ лодкамъ, непріятель ихъ не преслѣдовалъ, и вскорѣ все стихло. Въ этотъ моментъ прошла мимо батареи флотилия, турки замѣтили ее уже поздно—тогда, когда послѣдняя канонерка миновала батарею и сдѣлала одинъ запоздалый выстрѣлъ по уходившей флотилии. Такимъ образомъ, флотилия прошла благополучно и въ нашей помощи ей уже не было надобности, но мы ждали возвращенія нашихъ товарищей съ того берега. Насъ безпокоилъ вопросъ, во что обошлась намъ эта фальшивая атака. Потеря оказалась довольно чувствительной: одинъ офицеръ, ротный командиръ Карбовскій, былъ привезенъ тяжело раненымъ и черезъ нѣсколько дней умеръ, а другой командиръ роты, капитанъ Коськовъ, пропалъ безслѣдно; сверхъ того убито и ранено болѣе двадцати нижнихъ чиновъ, и всѣ они остались на турецкомъ берегѣ. Убитые были орошены турками въ глубокую яму, наполненную водой, гдѣ трупы ихъ отлично сохранились въ холодѣ, и мы нашли ихъ тамъ 12-го марта, послѣ переправы, и тогда похоронили несчастныхъ товарищей. Трупъ же капитана нигдѣ не нашли, не оказалось его и въ числѣ плѣнныхъ. Полагали, что онъ утонулъ или что трупъ его былъ изуродованъ турками и брошенъ въ Дунай.

По поводу этой диверсіи не могу не замѣтить, что въ ней не было настоящей надобности. Если наши канонерки выходили среди бѣлаго дня противъ турецкихъ батарей и, сражаясь съ ними почти два часа, не понесли существеннаго вреда, то нельзя было ожидать серьезной опасности въ нѣсколько-минутное прохожденіе флотилии мимо турецкаго укрѣпленія, при томъ въ темную ночь и въ такой мѣстности, гдѣ Дунай имѣетъ до трехсотъ сажень ширины.

Въ послѣдовавшей за тѣмъ кампаніи на Дунаѣ, флотилия оказывала намъ посильную помощь, охраняя мосты и переправы и господствуя на дунайскихъ водахъ отъ устья до Силистріи, принимала въ которое участіе въ осадѣ этой крѣпости. Съ уходомъ нашихъ войскъ изъ При-

дунайскихъ княжествъ, флотилія возвратилась въ Измаиль, гдѣ и оставалась до перевода ея въ Николаевъ, а затѣмъ была окончательно упразднена.

Восточная война, причинивъ огромный матеріальный вредъ Россіи, была вмѣстѣ съ тѣмъ главною причиною ея нравственнаго и экономическаго возрожденія.

Пересталъ гремѣть барабанъ, заговорилъ разумъ, и пошла усиленная работа для пополненія пробѣловъ, которые образовались въ пятидесятилѣтній періодъ постоянныхъ войнъ съ 1805 по 1855 годъ включительно. Сперва десятилѣтіе наполеоновскихъ войнъ съ придачей войнъ съ Турціей и Швеціей, затѣмъ послѣ двѣнадцатилѣтняго промежутка, войны съ Персіей, Турціей, Польская кампанія, Венгерская и непрерывная война на Кавказѣ и, наконецъ, великая Восточная война. Продолжительный воинственный періодъ тормозилъ умственный и экономическій прогрессъ страны, требуя въ то же время отъ нея огромныхъ жертвъ.

Итакъ, повторяю, пробѣловъ образовалось очень много. Однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ и бьющихъ въ глаза недостатковъ было почти полное отсутствіе улучшеннхъ путей сообщеній, какъ сухопутныхъ, такъ и водныхъ. Вся интеллигентная Россія того времени была глубоко убѣждена, что одною изъ существенныхъ причинъ нашихъ неудачъ въ восточной войнѣ было отсутствіе у насъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому императоръ Александръ II прежде всего обратилъ вниманіе на этотъ важный недостатокъ, и однимъ изъ первыхъ его начинаній было сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Уже въ началѣ 1857 г., а именно 27-го января, послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Правительствующаго Сената. Этотъ важный актъ въ дѣлѣ экономическаго развитія страны, актъ, положившій начало вышней тридцатитысячеверстной сѣти желѣзныхъ дорогъ, безспорно принадлежитъ къ числу выдающихся историческихъ документовъ, но уже забытый современниками и не извѣстный новому поколѣнію, а потому я помѣщаю здѣсь этотъ указъ, краткій по содержанию, но великій по послѣдствіямъ.

„Въ неослабномъ попеченіи о благѣ столь близкаго Нашему сердцу отечества, Мы давно сознали, что обильное дарамъ природы, но раздѣленное огромнымъ пространствомъ, оно нуждается особенно въ удобныхъ сообщеніяхъ. Сознавше это вѣщше утвердилось среди личныхъ завѣтій, возложенныхъ на Насъ еще въ 1842 году блаженныя памяти Родителемъ Нашимъ по предѣлательству въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, въ коемъ обсуждались сооруженіе Петербурго-Московской желѣзной дороги и разныя предположенія къ другимъ путямъ сего рода. Само сооруженіе этой дороги, справедливо называемой нынѣ Николаевскою, выразило еще осязательнѣе всю пользу для Нашей родины сего спо-

соба сообщенія, всю необходимость его, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени; и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были еще у многихъ сомнѣнія за десять лѣтъ, признаны нѣтъ всѣми сословіями необходимою для Имперіи и сдѣлались потребностью народною, желаніемъ общимъ, настоятельнымъ. Въ семь глубокоу убѣжденіи Мы, вслѣдъ за первымъ превращеніемъ военныхъ дѣйствиій, повелѣли озаботиться о средствахъ къ удовлетворенію сей неотложной необходимости. Внимательное обсужденіе указало, что для удобства и скорости лучше обратиться, по примѣру другихъ странъ, предпочтительно къ промышленности частной, какъ отечественной, такъ и иностранной, къ послѣдней въ томъ вниманіи, чтобы воспользоваться значительною опытностью, приобретенною при постройкѣ многихъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ на западѣ Европы. На сихъ началахъ вызваны и соображены разныя предположенія и по надлежащемъ рассмотрѣніи дѣла въ комитетѣ министровъ и обсужденіи имъ онаго въ личномъ присутствіи Нашемъ, признавъ единогласно лучшими, и Нами утверждены условія, предложенныя обществомъ капиталистовъ, во главѣ коихъ нашъ банкиръ баронъ Штиглицъ. Условіями сими общество это обязуется на свой счетъ и страхъ устроить въ теченіе десятилѣтія, а потомъ содержать въ теченіе 85 лѣтъ, указанную ему сѣтъ около четырехъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ за однимъ лишь ручательствомъ правительства за вырученіе 5-ти процентовъ съ опредѣленныхъ на сооруженіе суммъ и съ тѣмъ, что, по минованіи означенныхъ сроковъ, вся сѣтъ обращается бесплатно въ собственность казны. На этихъ основаніяхъ, правительство, избѣгая необходимости пожертвованій значительныхъ и неотложныхъ, возможно, — въ силу одного лишь довѣрія къ строгой точности, съ коею постоянно, даже среди тяжкихъ годичъ отечественныхъ войнъ, оно выполняло свои долговныя обязанности, — достигнуть первой сѣти желѣзныхъ дорогъ русскихъ. Сѣтъ эта будетъ простираться отъ Петербурга до Варшавы и прусской границы, отъ Москвы до Нижняго Новгорода, отъ Москвы черезъ Курскъ и низовья Днѣпра до Феодосіа и отъ Курска или Орла черезъ Динабургъ до Либавы; и такимъ образомъ, непрерывнымъ черезъ двадцать шесть губерній желѣзнодорожнымъ путемъ соединятся взаимно три столицы, главныя судоходныя рѣки наши, сосредоточіе хлѣбныхъ избытковъ нашихъ и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные; облегчится симъ образомъ вывозъ заграничный и обезпечится провозъ и продовольствіе внутреннее.

Приступаая съ твердымъ увованіемъ на благодать Всевышняго къ столь обширному и благотворному предпріятію народному, Мы призываемъ всѣхъ вѣрнопопданныхъ Нашихъ къ усердному и добросовѣстному выполненію онаго и повелѣваемъ прилагаемыя при семъ: 1) Положеніе объ основныхъ условіяхъ для сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. 2) Уставъ, образовавшагося для этого главнаго общества желѣзныхъ дорогъ русскихъ привести въ исполненіе“.

Этотъ памятный въ исторіи экономическаго развитія Россіи Высочайшій указъ былъ встрѣченъ восторженно тогдашнимъ обществомъ и благодаря неусыпной заботливости государя, осуществленъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ это общано имъ, несмотря на всевозможныя затрудненія въ финансовомъ и политическомъ отношеніяхъ. Правда, времени для этого потребовалось болѣе десяти лѣтъ, но за то къ 1881 году общая сѣтъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ составляла 21.226

верстѣ, изъ коихъ 20.247 верстѣ выстроены въ царствованіе императора Александра II.

Главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, возникшее въ силу приведеннаго выше указа отъ 27-го января 1857 года, оказалось не въ силахъ выполнить принятую на себя задачу — соединить сѣверъ съ югомъ Россіи. Общество это ограничилось постройкой Петербурго-Варшавской и Московско-Нижегородской желѣзныхъ дорогъ. Были сдѣланы нѣкоторыя попытки по сооруженію желѣзной дороги отъ Феодосіи, производились изысканія и даже были начаты земляныя работы по лотна дороги въ окрестностяхъ Феодосіи, но тѣмъ дѣло и ограничилось, хотя его тянули до 1860 года, когда въ іюлѣ стало вполне извѣстно, что общество отказывается отъ постройки южной дороги.

Въ то время, какъ надежды южанъ на скорое осуществленіе постройки желѣзной дороги потерпѣли фіаско, какъ бы въ утѣшеніе южанамъ, въ особенности черноморцамъ, образовалась компанія, долженствовавшая сдѣлаться въ своемъ родѣ русскимъ Ллойдомъ и названная русскимъ обществомъ пароходства и торговли. На первое время, во главѣ общества, въ числѣ его учредителей и главныхъ держателей, сталъ г-нъ Новосельскій, который является однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей того времени не только въ торгово-промышленной области, но и какъ общественный дѣятель. Въ бытность г-на Новосельскаго городскимъ головою Одессы, городъ этотъ преобразился, принявъ тотъ нарядный видъ, который придаютъ ему образцовыя мостовыя, древесная растительность и чистота, которой городъ обязанъ прекрасно устроенному водопроводу и канализаціи.

Русское общество пароходства и торговли оказало большую услугу въ дѣлѣ развитія торговли Южной Россіи, и вскорѣ его акціонеры стали получать крупныя дивиденды, акціи общества постепенно увеличивались въ цѣнѣ, а въ настоящее время (1894 годъ) онѣ возросли до 750 руб., то-есть на 600 проц. выше нормы (125 руб.).

Война, продолжавшаяся почти три года, нанесла тяжелый ударъ нашей торговлѣ на Черномъ морѣ, а особенно Одессѣ, какъ главной представительницѣ этой торговли. Иностранные негодіанты, купцы и коммисіонеры выбыли изъ города за границу, откуда многіе изъ нихъ уже не возвращались болѣе въ нашу столицу Юга, взамѣнъ ихъ начался наплывъ въ Одессу евреевъ, привлеченныхъ сюда перспективой выгодныхъ спекуляцій по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ въ военное время. Вообще населеніе Новороссійскаго края быстро увеличивалось переселяющимися сюда изъ сосѣднихъ губерній евреями, а потому, понятно, Одесса, какъ центръ торговли этого края, избиралась евреями мѣстомъ жительства предпочтительно предъ другими городами Новороссіи.

Одесса въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ вполне оправдывала извѣстный стихъ Пушкина:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной..

Мостовыя ея изъ известкового камня, помимо того, что были крайне не прочны, изобиловали ухабами и выбоинами, являлись въ сухое время года неизсякаемымъ источникомъ ѣдкой пыли, а въ продолжительное некастье, осенью и зимою, были покрыты сплошь густою и глубокою грязью. Бѣдные одесситы осуждены были въ теченіе шести мѣсяцевъ мѣсить грязь ногами, а въ остальное время глотать ее въ видѣ пыли. Помню, что, приближаясь съ моря къ Одессѣ, когда города еще не было видно, можно было въ тихую и ясную погоду опредѣлить съ точностью мѣсто, гдѣ находится Одесса по блѣдно-сѣрой тучѣ, неподвижно стоявшей надъ той частію горизонта, это была пыль, выдѣляемая одесскими мостовыми.

Одесса былыхъ временъ выглядѣла неряшливымъ богатымъ купцомъ, а теперь она одинъ изъ красивыхъ и опрятныхъ городовъ не только въ Россіи, но и Европѣ. Водопроводъ и гранитныя мостовыя стояли Одессѣ громаднхъ суммъ, но эти затраты оздоровили городъ и сдѣлали его неузнаваемымъ. Но пока наступила эта метаморфоза, утекло немало воды, а въ періодъ съ 1856 по 1864 годы Одесса еще мало измѣнилась къ лучшему, но все же послѣ столицъ она была первымъ городомъ въ Россіи, бойкимъ и оживленнымъ центромъ нашего Юга, главнымъ регуляторомъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственныя продукты. Въ то время въ Одессѣ уже замѣтно взлорозжала жизнь, чему немало способствовало упраздненіе одесскаго портофранка, дававшего одесситамъ возможность имѣть по дешевымъ цѣнамъ многіе предметы потребленія заграничнаго производства. Тѣмъ не менѣе, а послѣ закрытія портофранка, заграничная торговля Одессы шла бойко, цѣны на хлѣбъ были сравнительно высокія, въ городѣ обращались огромныя капиталы.

Господствующее въ эти годы въ русскомъ обществѣ критическое отношеніе къ прошлому и къ созданнымъ имъ порядкамъ, преувеличенныя надежды на будущее сказывались въ Одессѣ во всей силѣ. Здѣсь признавали настоятельною необходимостью имѣть городское самоуправленіе на широкихъ началахъ, университетъ со всѣми факультетами, мѣстную прессу съ льготными правами и проч. и проч. Критическое настроеніе тогдашняго общества создало цѣлую обличительную литературу. Обличенія всякаго рода были тогда въ большомъ спросѣ у публики. Помѣщались въ толстыхъ столичныхъ журналахъ цѣлыя повѣсти и рассказы обличительнаго характера; это были въ своемъ родѣ обвинительныя акты, изложенныя въ формѣ повѣсти или

романа. Дѣйствующія лица, какъ обличаемыя, такъ и ихъ жертвы, а равно и мѣсто дѣйствія, хотя и были скрыты подъ вымышленными именами и названіями, но ихъ легко узнавали. Это—самая нежелательная форма обличенія уже потому, что лишаетъ обличаемаго возможности оправдаться. Слѣдуетъ, однако, отдать справедливость обличителямъ того времени (1857—1861 г.), что почти всѣ они относились къ дѣлу обличенія, быть можетъ, и съ лишнимъ усердіемъ, но безусловно честно. Обличая, они, такъ сказать, священнодѣйствовали... Ну, а потомъ, впоследствии, этою формою обличенія стали злоупотреблять, особенно, когда въ печать вторглась улица и продажный людъ; но это случилось значительно позже.

Извѣстный въ тѣ годы сатирической журналъ «Искра» быть любимымъ и наиболѣе распространеннымъ журналомъ въ тогдашнемъ провинціальномъ обществѣ. Успѣхомъ своимъ онъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему отдѣлу корреспонденцій, въ которомъ помѣщались извѣстія изъ разныхъ городовъ и мѣстностей, и всѣ они были обличительныя, причемъ для городовъ были придуманы подходяшія названія; такъ, на примѣръ, для Одессы—Приморскъ, для Кіева—Святогорскъ и т. д. Этотъ отдѣлъ «Искры» читался всего охотнѣе, такъ сказать, нарасхватъ, хотя по литературному достоинству своему онъ не могъ идти въ сравненіе съ другими отдѣлами того же недѣльнаго журнала, въ которомъ нерѣдко можно было встрѣтить остроумныя и блестящія вещицы какъ въ отдѣлѣ иллюстрацій и каррикатуръ, такъ и литературномъ.

Въ тѣ годы М. Н. Катковъ состоялъ въ англomанaxъ-либералахъ и издавалъ либеральный журналъ «Русскій Вѣстникъ», имѣвшій тогда довольно обширный кругъ читателей. Еще болѣе его былъ въ ходу «Современникъ», съ рѣзко очерченнымъ либеральнымъ направленіемъ. «Отечественныя Записки» въ ту пору какъ-то пріотстали.

Въ описываемые мною годы газетное дѣло, въ современномъ значеніи этого слова, можно сказать, только-что возникало въ столицахъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, а провинціальной прессы почти не существовало. На всемъ обширномъ югѣ имѣлось только двѣ газеты: «Одесскій Вѣстникъ» и «Кавказъ» — въ Тифлисѣ. Обѣ газеты имѣли характеръ полуоффиціальныя и не были частною собственностью, а какъ бы органами высшаго управленія мѣстнаго края. Съ назначеніемъ Пирогова попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, «Одесскій Вѣстникъ» сталъ замѣтно расширять свою программу. Въ то время дѣлами печати завѣдывало ученое вѣдомство, и только значительно позже печать была изъята изъ вѣдѣнія министерства народнаго про-

свѣщенія, и надзоръ за нею организованъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты во Франціи во время второй имперіи, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, такъ что въ общемъ получилась смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Пироговъ, какъ попечитель учебнаго округа, представлялъ тогда собою высшую мѣстную цензурную власть, и, конечно, ему было обязано мѣстное общество большею, сравнительно съ прежнею, свободою печатнаго слова. Тогда же въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» появились статьи, обратившія на себя вниманіе всей читающей Россіи: это были извѣстные «Вопросы жизни» Пирогова и другія его статьи и замѣтки. Затѣмъ послѣдовало расширеніе отдѣла иностранной политики. Въ николаевскій періодъ этотъ отдѣлъ русской печати былъ крайне стѣсненъ, но со вступленіемъ на престолъ императора Александра II въ сужденіяхъ печати, относящихся къ иностранной политикѣ, была допущена большая свобода слова. Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ свободы нашей русской печати въ отношеніи иностранной политики.

Въ тѣ годы я часто бывалъ въ Одессѣ болѣе или менѣе продолжительное время и хорошо помню, что 25-го августа 1859 года въ городѣ произвела большую сенсацію и вызвала общее ликование телеграмма, помѣщенная въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», о томъ, что правительство, предоставивъ прессѣ свободу мысли, слагаетъ съ себя отвѣтственность за мнѣнія и сужденія частныхъ органовъ печати въ области иностранной политики. Эта телеграмма была выпущена отдѣльными оттисками и ее выставляли въ окнахъ магазиновъ, кофеенъ и ресторановъ; она передавала лишь общій смыслъ официальной замѣтки, помѣщенной въ «Journal de St-Pétersbourg».

Обличительное и оправдательное направленіе тогдашней литературы было отвѣтомъ на требованія читающей публики, причемъ спросъ вскорѣ превысилъ предложенія, и этимъ, отчасти, объясняется успѣхъ, какой имѣла въ тѣ годы издаваемая за-границею еженедѣльная газета «Колоколъ». Каждый русскій путешественникъ, едва успѣлъ переступить границу, спѣшилъ купить номера этого русскаго заграничнаго изданія. Многіе въ душѣ отрещивались отъ проводимыхъ въ этомъ журналѣ идей, какъ отъ навожденія злаго духа, но все же съ жадностью набрасывались на чтеніе его, прежде всего потому, что вѣдь это былъ запретный плодъ и тамъ были «обличенія» въ широкой формѣ, а лица назывались собственными именами. Благо журналъ издавался, какъ говорится, за горами, за долами, за широкими морями... Оттуда, изъ это го прекраснаго далека безопасно можно было широко обличать и строить политическіе воздушные замки...

Подробно говорить о «Колоколѣ» нѣтъ надобности, повѣтому я огра-

вичу мою замѣтку о «Колоколѣ» немногими строками и добавлю, что онъ проникалъ въ Россію контрабанднымъ путемъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ и тайно ходилъ по рукамъ. Но спросъ и мода на «Колоколъ» продолжались на долго (съ 1857 по 1864 г.), а затѣмъ интересъ къ нему сталъ постепенно охладѣвать, хотя мода на либерализмъ была еще въ ходу. Оцѣнку тогдашняго либерализма я сдѣлаю послѣ, въ отдѣлѣ воспоминаній моихъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, а теперь перейду къ другимъ явленіямъ общественной жизни конца пятидесятихъ годовъ.

Въ числѣ многихъ реформъ, произведенныхъ въ царствованіе императора Александра II, первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ ихъ занимаетъ упраздненіе военныхъ кантонистовъ. Высочайшій указъ объ этомъ упраздненіи послѣдовалъ 25-го декабря 1856 года. До изданія этого указа солдатскіе сыновья изъ податныхъ сословій обязательно зачислялись въ военные кантонисты. Солдатскія семьи освобождались отъ податей и всякой зависимости отъ помѣщиковъ и крестьянскихъ общинъ, онѣ поступали въ военное вѣдомство: солдатскія жены получали паекъ, а сыновья принадлежали государству, но не семьѣ, которая должна была отдавать ихъ въ кантонисты по достиженіи ими извѣстнаго возраста. Кантонистскія школы (батальоны) были во всей Россіи; онѣ существовали и при военныхъ поселеніяхъ. Это были низшія военно-учебныя заведенія, съ интернатами. Туда поступали солдатскіе сыновья на полное иждивеніе казны и оставались до восемнадцати или до девятнадцати лѣтъ, а затѣмъ зачислялись въ войска нижними чинами.

Режимъ въ кантонистскихъ учрежденіяхъ былъ самый суровый, пища и одежда плохія, а наука проходила самая элементарная: Закону Божію, читать, писать и считать учили. И эту премудрость большинство знало плохо, такъ какъ главную суть составляла муштра и отчасти ремесла. Какъ ни сурово было обращеніе съ дѣтьми въ этихъ школахъ, прозванныхъ палочными академіями, какъ плохо тамъ ни учили, а все же и съ такими школами можно было бы мириться для тогдашняго времени, еслибы поступленіе въ нихъ не было обязательно для солдатскихъ дѣтей, а затѣмъ не влекло бы за собою закрѣпощенія ихъ почти на всю жизнь послѣ выхода изъ школы. Упомянутый выше указъ императора Александра II возвратилъ солдатскимъ семьямъ право располагать сыновьями по своему усмотрѣнію и былъ встрѣченъ не только въ арміи, но и повсюду весьма сочувственно. Особенно ликовали по поводу этого указа евреи. Извѣстно, что они подлежали рекрутскому набору на общемъ основаніи, а сыновья солдатъ-евреевъ тоже обязаны были поступать въ кантонисты. Къ какимъ только ухищреніямъ не прибѣгали солдатскія жены-еврейки, чтобы

уклониться отъ обязанности сдавать своихъ малыхъ сыновей въ кантонисты. Въ большинствѣ случаевъ вынуждены были брать у нихъ дѣтей насильно. Я помню и теперь ужасныя сцены, которыхъ былъ очевидцемъ при насильственномъ наборѣ въ кантонисты еврейскихъ малолѣтокъ. Это было въ 1852 году, въ Бессарабіи, въ мѣстечкѣ Бречаняхъ (Хотинскаго уѣзда). Мѣстечко было тогда населено почти исключительно одними евреями, въ числѣ коихъ находилось много солдатскихъ семействъ. Въ одинъ роковой день для бречанскихъ еврейскихъ жень-солдатокъ, прибылъ туда съ подводами полицейскій чиновникъ и при помощи военной команды приступилъ къ реквизиціи еврейскихъ малолѣтокъ, подлежащихъ отдачѣ въ кантонисты. Дѣтей приходилось брать чуть ли не съ боя. Все мирное мѣстечко огласилось воплями, стопами и рыданіями. Секвестрованныхъ еврейскихъ мальчиковъ солдаты несли къ подводамъ; дѣти поднимали страшный ревъ, имъ вторили матери и вырывали ихъ съ солдатскихъ рукъ. Въ общемъ получалась печальная картина, не поддающаяся описанію. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но видѣнныя мною ужасныя сцены этого дня не изгладились въ моей памяти и понынѣ. Выйдя на улицу, я сразу наткнулся на двухъ солдатъ, силившихся отнять у еврейки мальчика, котораго она держала, прижавъ къ груди обѣими руками. Не понимая сначала, въ чемъ дѣло, я думалъ, что тутъ произошла какая-нибудь ссора, и обратился къ солдатамъ съ увѣщаніями.

— Нѣшто мы отъ себя съ нею тутъ возжаемся!—возразилъ одинъ изъ реквизиторовъ.—Будь оно не ладно! Это жиденятъ ихнихъ приказано въ кантонисты забирать...

Еврейка, не выпуская изъ рукъ своего мальчика, присѣла на завалинкѣ хаты и плакала въ три ручья.

— Ну отдай, дура эдакая! Нѣшто поможется,—уговаривалъ ее солдатъ.—Все равно силою заберуть...

Еврейка-солдатка, повидимому, ничего не слышала; погруженная въ свое горе, она истерически плакала, а ей вторилъ сынишка.

Дуэтъ получался самый печальный...

Наконецъ, солдаты подхватили еврейку подъ руки и потащили. Она не сопротивлялась, чувствуя, что мальчикъ при ней, что его еще не отняли у нея.

Далѣе, въ центрѣ Бречанъ, на базарѣ, гдѣ стояли подводы, заготовленныя подъ съезъ навербованныхъ еврейскихъ кантонистовъ, собралась масса народа, почти все женское населеніе мѣстечка, и тутъ слышались такіе вопли и lamentаціи, точно здѣсь происходило избіеніе младенцевъ.

Я успѣшно удалился отъ этого мѣста скорби и встрѣтилъ группу солдатъ, не участвовавшихъ въ реквизиціи. Они довольно апатично

относились къ происходившему, а одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что я очень разстроенъ, сказалъ:

— Положеніе такое есть, коли солдатскій сынъ, — то иди въ кантонисты. Нашихъ дѣтей берутъ, — насъ не спрашиваютъ, а евреи чѣмъ же лучше насъ? Всѣмъ одна линія.

Дальнѣйшее философствованіе солдата было прервано неожиданнымъ зрѣлищемъ. По улицѣ шла еврейка, еще молодая и довольно красивая; волосы у нея были распущены и растрепаны, одежда порвана, обнаженные до плечъ руки были испараны. Большіе черные глаза бессмысленно глядѣли впередъ, а въ нихъ, равно какъ и въ чертахъ всего лица, какъ бы застыло выраженіе испуга. Еврейка не обращала ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ, медленно двигалась по улицѣ и громко пѣла на еврейскомъ жаргонѣ какую-то монотонную пѣсню.

— Мошквина жена, — сказалъ вполголоса кто-то изъ солдатъ. — Никакъ рехнулась, бѣдная, аль пьяна, можетъ статься, съ горя.

— Толкуй, пьяна! Нѣшто не видишь, что она изъ ума вышла... Сына у нея взяли сегодня въ кантонисты, она, значить, съ горя и умъ потеряла...

За сумасшедшею солдаткою, въ нѣкотсромъ отдаленіи, шли старухи-еврейки и жалостно причитывали.

Это были похороны живаго человѣка.

Когда впослѣдствіи, по прошествіи почти пяти лѣтъ, вышелъ Высочайшій указъ объ упраздненіи кантонистовъ, то, при чтеніи этого документа, я невольно вспомнилъ реквизицію еврейскихъ дѣтей въ Бречанахъ и сумасшедшую еврейку. Такимъ образомъ, реформы начались прежде всего въ военномъ вѣдомствѣ, такъ какъ кантонистскія учрежденія состояли въ его вѣдѣніи.

Одновременно съ обнародованіемъ указа объ упраздненіи кантонистовъ, распространился слухъ о предстоящемъ въ скоромъ времени упраздненіи военныхъ поселеній. Въ то время на Югѣ, къ которому, главнымъ образомъ, и относятся мои воспоминанія, существовали многочисленныя военныя поселенія въ губерніяхъ: Харьковской, Херсонской, Кіевской, Подольской, но наиболѣе такихъ поселеній было въ первыхъ двухъ названныхъ губерніяхъ, а потому понятно, что въ этихъ мѣстностяхъ особенно интересовались судьбою Аракчеевскаго дѣтища. Слухи оказались вѣрными, и 9-го іюня 1857 года былъ данъ указъ Сенату объ образованіи особаго комитета для управленія военными поселеніями, а затѣмъ началась постоянная ликвидація ихъ, продолжавшаяся съ 1857 по 1866 годъ.

За послѣднее двадцатипятилѣтіе появлялось въ нашей литературѣ немало статей и замѣтокъ, въ которыхъ описывались реформы и по-

рядки, существовавшіе въ военныхъ поселеніяхъ. Но такъ какъ мои воспоминанія относятся къ тому времени, когда эти поселенія доживали свой вѣкъ, то потому я ограничусь сообщеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся сельско-хозяйственной стороны южныхъ военныхъ поселеній.

Въ 1859 году, когда ликвидація поселеній была въ самомъ разгарѣ и принудительныя казенныя работы были отмѣнены, въ іюнѣ того же года появилась публикація въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» объ отдачѣ въ аренду частнымъ лицамъ небольшихъ участковъ земли, бывшихъ въ завѣдываніи военныхъ поселеній, съ находящимися на этихъ участкахъ тузовыми плантаціями. Плантаціи эти были разбросаны въ четырехъ южныхъ губерніяхъ и въ общей сложности занимали 509 десятинъ, а именно:

Въ губ. Харьковской	208 дес. съ	1.317.303	тузов. дер.
» » Херсонской	205 »	1.043.130	»
Въ Кіевской и Подольской.	96 »	1.418.352	»
Итого		509 дес. съ	3.778.785 »

Несмотря на то, что плантаціи съ тузовыми деревьями отдавались въ аренду на весьма выгодныхъ условіяхъ, охотниковъ арендовать ихъ почти не являлось. Затѣмъ въ послѣдующіе годы, при распредѣленіи земель, поступившихъ въ пользованіе бывшихъ военныхъ поселенцевъ, тѣ изъ шелковичныхъ плантацій, которыя по своему мѣстоположенію не могли быть приурочены къ казеннымъ дѣсничествамъ, вошли въ черту поселенскихъ земель, а такихъ плантацій было немало.

Мнѣ не извѣстно, какая участь постигла шелковичныя насажденія въ другихъ упомянутыхъ выше губерніяхъ, но въ Херсонской имъ пришлось очень плохо. Тузовыя плантаціи при дѣсничествахъ еще кое-какъ поддерживались, деревьями не пользовались для шелководства, мало разводили новыхъ, но не уничтожали старыхъ. Что же касается шелковичныхъ плантацій, доставшихся поселенскимъ обществамъ, то ихъ постигла весьма печальная участь, и почти всѣ онѣ были безжалостно уничтожены, такъ что о нихъ осталось одно лишь воспоминаніе. Такъ, на примѣръ, при селѣ Новоукраинскѣ, Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда, въ вѣдѣніе общества бывшихъ поселенцевъ поступила прекрасная тузовая плантація. Въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ отъ этой плантаціи не осталось и слѣда: все было вырублено и вавдадьски уничтожено. А вѣдь въ этой плантаціи насчитывалось болѣе 16.000 тузовыхъ деревьевъ, которыя представляли собою капиталъ по меньшей мѣрѣ въ 30.000 рублей. Я имѣлъ случай бесѣдовать по этому поводу съ поселенцами и убѣдился, что причиною уничтоженія плантацій было полнѣйшее невѣжество и неумѣніе утилизировать

оставшееся имъ послѣ поселенскаго режима добро. Поселенское начальство, по распоряженію высшихъ своихъ властей, употребляло всѣ старанія къ разведенію шелковичныхъ деревьевъ. Много, много труда и побоевъ стоило поселянамъ разведеніе тутовыхъ плантацій. Поселянъ выгоняли на работы для посадки, расчистки почвы, для охраны насаждений и проч. Руками тѣхъ же поселянъ устраивались шелководни и шелкомотальни. Во всемъ этомъ дѣлѣ поселяне исполняли роль машинъ, съ которыми ни въ какія разсужденія не входять, а только требуютъ, чтобы овѣ работали исправно. Насаждавая шелковичныя плантаціи трудами поселянъ, вовсе не заботились о томъ, чтобы прежде всего матеріально заинтересовать ихъ въ этомъ дѣлѣ, которое было предпринято въ ихъ же интересахъ. Еслибы дѣло велось рационально съ такимъ расчетомъ, чтобы поселяне могли изучать шелководство настолько толково, чтобы уразумѣть выгоды, могущія получаться отъ этой отрасли хозяйства, еслибы были устроены небольшія школы шелководства, а лучшимъ шелководамъ-поселянамъ выдавалась бы денежная премія въ видѣ поощренія, то результаты получились бы совершенно иные. Но поселенское начальство старалось главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ отчетахъ своихъ показать возможно большее число тутовыхъ насаждений, не заботясь о дѣйствительной цѣли этой мѣры, на которую смотрѣли какъ на моду или на ненужную затѣю. Не удивительно поэтому, что поселяне, сдѣлавшись собственниками насажденныхъ ихъ трудами плантацій, не умѣли оцѣнить ихъ значенія и вырубали въ пень шелковичныя деревья, чтобы воспользоваться ими для домашнихъ подѣлокъ и какъ топливомъ. Этому варварскому истребленію плантацій немало способствовала также врожденная нелюбовь некультурнаго степняка ко всякаго рода древесной растительности. И теперь въ Новороссійскихъ степяхъ можно встрѣтить немало селеній, существующихъ уже многіе десятки лѣтъ и поражающихъ глазъ полнѣйшимъ отсутствіемъ деревьевъ. Найдется довольно и владѣльческихъ усадебъ, страдающихъ тѣмъ же недостаткомъ.

Въ послѣдніе годы стали много говорить и писать о пользѣ и необходимости развитія шелководства на югѣ Россіи и о разведеніи древесной растительности вообще, и особенно шелковичнаго дерева. Назадъ тому сорокъ лѣтъ въ Новороссійскихъ степяхъ и прилегающихъ къ нимъ южныхъ губерніяхъ было съ успѣхомъ выращено нѣсколько милліоновъ тутовыхъ деревьевъ, а теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, возбуждается вопросъ о пользѣ шелководства, какъ объ одной изъ отраслей крестьянскаго хозяйства. Но крестьяне остаются такъ же безучастны къ этому дѣлу, какъ и во времена поселенскаго режима, ибо масса сельскаго люда и нынѣ почти такъ же невѣжественна, какою была и въ то отдаленное время. Не одни только туковыя деревья по-

страдали отъ невѣжества поселянъ,—такая же участь постигла многочисленныя древесныя насажденія и питомники, доставшіеся поселенскимъ обществамъ въ наслѣдство отъ прежняго режима.

Я уже говорилъ о преобладаніи обличительнаго направленія въ тогдашней русской литературѣ: доставалось всѣмъ, но особенно не щадили полицію (Цензура тогда еще была въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія). Конечно, въ частностяхъ, эти обличенія и нападки нерѣдко бывали преувеличены, но въ общемъ давали массу указаній, свидѣтельствовавшихъ о необходимости коренныхъ реформъ въ этой области администраціи. Неоспоримо, что и другіе правительственные органы нуждались въ реформахъ, но полиція, по своей обязанности, всегда стоитъ ближе къ публикѣ, чаще приходитъ съ нею въ соприкосновеніе; она, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ, а потому виднѣе были и ея недостатки. Въ своихъ дѣйствіяхъ полиція руководилась не одними законами, но и многочисленными циркулярами и распоряженіями министерства. Многіе изъ этихъ циркуляровъ давно уже устарѣли, потеряли съ теченіемъ времени свой практическій смыслъ и значеніе, а тѣмъ не менѣе отмѣнены не были, являясь нерѣдко страшнымъ орудіемъ въ рукахъ полицейскихъ агентовъ, давая имъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Для доказательства приведу случай, характеризующій тогдашніе полицейскіе порядки и нравы.

Это было въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Я жилъ тогда въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Бессарабіи и имѣлъ частыя сношенія съ полиціей по дѣламъ полка, въ которомъ я служилъ. Зашелъ я однажды въ полицію по какому-то спѣшному дѣлу и засталъ въ присутствіи одного только секретаря. Это былъ довольно молодой человекъ, настоящій продуктъ провинціальной канцелярщины. Онъ одѣвался съ претензіей на франтовство и моду, носилъ пенсне и те и дѣло ерошилъ свои черные волосы, густые и вьющіеся, какъ у негра. Секретарь считалъ себя законникомъ, человекомъ развитымъ (онъ не окончилъ уѣзднаго училища), смотрѣлъ свысока на своего ближайшаго начальника—городничаго, ибо лучше его умѣлъ не упускать того, что «само ялыло въ руки», какъ говорилъ Сквозникъ-Дмухаповскій. Этотъ канцелярскій субъектъ пописывалъ, секретно, стишки на губернское начальство и по тогдашней модѣ состоялъ въ либералахъ (въ то время чуть ли не всѣ чиновники либеральничали, и даже иные жандармы не были изъяты отъ этого повѣтрія). Конечно, они современемъ исправились, но эта метаморфоза предстояла еще далеко впереди.

Обращаюсь къ секретарю и спрашиваю:

— Скажите пожалуйста, могу я видѣть городничаго?

— Онъ теперь въ кордегардіи занятъ,—отвѣтилъ секретарь.

— Дѣло у меня спѣшное, мнѣ нужно какихъ-нибудь пять минутъ для объясненія съ нимъ.

— Такъ, пойдемъ въ кордегардію, кстати тамъ теперь прейнтересно, а только-что оттуда... Штукъ восемь надрали, а теперь «начальство» и забавляется.

Секретарь любилъ заглазно обзывать городничаго «начальствомъ».

— Объясните пожалуйста, въ чемъ дѣло, я ничего не понимаю, какая можетъ быть забава въ кордегардіи.

— Видите въ чемъ дѣло,—пояснилъ секретарь.—Собрали на сегодня штукъ восемь нашихъ «ночныхъ бабочекъ», которыя уклоняются отъ медицинскаго осмотра... Вотъ ихъ за это и подсекають. Нашъ городничій это любить... Не то чтобы по жестокости, онъ вѣдь у насъ сердобольный, а такъ, для острастки имъ, а себѣ для развлечения. Вѣдь онъ давно состоитъ въ мышинныхъ жеребчикахъ,—вотъ и забавляется созерцаніемъ женскихъ красотъ, какъ есть въ натурѣ, не въ трибо, какъ на балетахъ, а велить разложить въ одной сорочкѣ, да и ту на голову подымутъ.

— Но и вы тамъ бываете, неужели васъ это не возмущаетъ?—спросилъ я секретаря.

— Я въ этомъ не вижу ничего возмутительнаго, а только смѣшное. Да лучше пойдемъ туда, и вы сами удостовѣритесь. Тамъ кстати и посѣтители есть... Городничій приглашаетъ обыкновенно на это представленіе двухъ, трехъ пріятелей, такихъ же, какъ и онъ, жеребчиковъ,—любителей женскихъ тѣлесъ. Значить, глазъ видить, да зубъ ужъ не беретъ,—цинически острилъ секретарь.

Я сталъ ему доказывать всю неблаговидность такого надруганія надъ женщиной и человѣческимъ достоинствомъ, доказывая, что какъ бы низко ни падалъ человѣкъ, его слѣдуетъ исправлять нравственнымъ воздѣйствіемъ, а не втаптывать окончательно въ грязь, и прочъ въ этомъ родѣ.

— Наконецъ,—замѣтилъ я,—кто далъ право полиціи производить такія экзекуціи?

— Ну, ужъ насчетъ права позвольте намъ лучше знать,—иронически замѣтилъ секретарь и, порывшись въ бумагахъ, сунулъ мнѣ печатный циркуляръ конца тридцатыхъ или начала сороковыхъ годовъ, хорошо не помню. Тамъ разрѣшалось, для прекращенія венерическихъ болѣзней, задерживать женщинъ, тайно промышляющихъ развратомъ и уклоняющихся отъ медицинскаго осмотра, и наказывать ихъ розгами. Я обратилъ вниманіе секретаря на давность циркулярнаго распоряженія, что оно устарѣло и въ настоящее время неудобопримѣнимо. На это онъ возразилъ, что коль скоро циркуляръ не отмѣненъ, значить, остается

въ силѣ, и полиція «по своему усмотрѣнію въ правѣ примѣнять его къ дѣлу».

— Нашъ бывшій прокуроръ, ученый правовѣдъ, не разъ говорилъ мнѣ, — закончилъ свои доводы собесѣдникъ, — что и въ Англіи есть немало законовъ, которые не примѣняются, хотя не отмѣнены, но, въ случаѣ надобности, они могутъ быть примѣнены къ дѣлу.

— Но вѣдь циркулярное распоряженіе не есть законъ, — замѣтилъ я.

— Для насъ распоряженія нашего высшаго начальства — тотъ же законъ, и мы тутъ ни при чемъ.

Возвращеніе городничаго прекратило нашу бесѣду. Послѣ развлеченія въ кордегардіи, онъ, видимо, былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и я въ нѣсколько минутъ окончилъ съ нимъ дѣло и, возвратившись къ себѣ на квартиру, занесъ въ памятную книжку описанный выше случай.

Необходимость коренныхъ реформъ полиціи вполне сознавалась правительствомъ и обществомъ, а потому ждали, что эта реформа осуществится въ близкомъ будущемъ.

Полицейскихъ чиновниковъ особенно интересовалъ вопросъ о размѣрѣ содержанія, и всякіе слухи, касающіеся этого вопроса, ловились ими на-лету. На одномъ вечерѣ у исправника собралось довольно многочисленное общество; по обыкновенію, играли въ карты, но большинство было занято собесѣдованіемъ, для котораго всегда находилось много темъ: о реформахъ, уже осуществленныхъ или стоящихъ на очереди. Разговоръ коснулся преобразования полиціи, а главнымъ образомъ, о размѣрахъ содержанія и штатахъ чиновниковъ. Говорили о начавшихся преобразованияхъ полиціи въ столицахъ, причѣмъ исправникъ рассказалъ намъ объ одномъ случаѣ, какъ о фактѣ будто бы вполне достовѣрномъ. По его словамъ, генераль-губернаторъ Москвы, графъ Закревскій, получивъ распоряженіе изъ Петербурга о составленіи проекта новыхъ штатовъ московской полиціи, особенно затруднялся въ опредѣленіи содержанія квартальныхъ-надзирателямъ, жалованье которыхъ было очень, очень скудное. Графъ хорошо зналъ, что на это жалованье содержать себя, а тѣмъ болѣе семью, квартальные надзиратели не могли и что они пользовались не только такъ-называемыми безгрѣшными, но даже и грѣшными доходами. Какъ велики были эти доходы, графъ не могъ знать даже приблизительно и, чтобы лучше выяснитъ вопросъ о будущемъ содержаніи квартальныхъ надзирателей или должностящихъ замѣнить ихъ чиновъ полиціи, счелъ нужнымъ узнать объ этомъ мнѣніе самыхъ заинтересованныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ къ себѣ нѣсколько человекъ квартальныхъ, которыхъ и вразумилъ: что вотъ, молю, правительство, заботясь объ

*

улучшеніи полиціи, обратило вниманіе на скудное вознагражденіе, получаемое нынѣ агентами полиціи, и рѣшило увеличить ихъ содержаніе въ такомъ размѣрѣ, чтобы они были достаточно обезпечены въ средствахъ къ жизни и не побирались бы у обывателей...

— Передайте мои слова вашимъ товарищамъ,—сказалъ въ заключеніе генераль-губернаторъ.—Пусть они посоветуются между собою и выскажутъ свое мнѣніе: какое содержаніе они считаютъ достаточнымъ для того, чтобы быть обезпеченными въ средствахъ и не побираться. Выберите изъ среды себя комиссію, которая и доложитъ мнѣ въ возможно скоромъ времени о результатѣ вашихъ совѣщаній.

Спустя нѣкоторое время, исполняя приказаніе генераль-губернатора, явилась къ нему депутація изъ нѣсколькихъ квартальныхъ.

— Ну, такъ, значитъ, вы обдумали и рѣшили вопросъ о вашемъ содержаніи?—спросилъ Закревскій.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Интересно знать, на какой цифрѣ остановились, говорите!

Квартальные молчатъ и посматриваютъ другъ на друга.

— Говорите, говорите, не стѣсняйтесь,—поощрялъ ихъ Закревскій.

Депутація продолжала хранить молчаніе. Замѣтя ихъ смущеніе, графъ сказалъ:

— Я не думаю, чтобы ваши товарищи предъявили слишкомъ большое требованіе. Нужно соображаться съ своимъ служебнымъ положеніемъ и съ средствами правительства... Нельзя обременять казну большими расходами.

— Точно такъ, ваше сіятельство, нельзя обременять казну,—рѣшился замѣтить болѣе смѣлый изъ депутатовъ.

— Ну-съ, а поэтому на чемъ вы рѣшили?—спросилъ графъ.

— Рѣшили, ваше сіятельство, чтобы не обременять казну, лучше оставить жалованье и все по-прежнему...

Картинна!..

Депутація «патріотовъ-квартальныхъ» была прогната со срамомъ, а вопросъ о преобразованіи полиціи пошелъ своимъ чередомъ.

Сколько помню, на этомъ же вечерѣ бесѣда перешла къ шекотливому вопросу о побочных доходахъ служащихъ вообще, а полиціи въ частности. Доказывали, что въ обществѣ существуетъ по этому поводу фальшивое понятіе, что нужно отличать доходы «благородные и честные» отъ взятокъ за всякую неправду, отъ всякаго вымогательства. Кто по совѣсти можетъ упрекнуть исправника и другихъ чиновъ полиціи за то, что они получаютъ извѣстное пособіе отъ откупщиковъ. И кому только они, эти откупщики, не оказывали пособія, -- всѣмъ, не исключая и губернатора и даже архіерея. А вѣдь никто изъ нихъ не требуетъ, а только оказываетъ откупъ «законное содѣйствіе». А че-

резъ это содѣйствіе прежде всего выигрываетъ казна и выигрываетъ больше всѣхъ. Не одни откупщики, но и купцы, промышленники, владельцы разныхъ заводовъ и даже помѣщики даютъ полиціи посильныя пособія и опять же добровольно, такъ сказать, въ благодарность за услуги... На эту тему было высказано много соображеній, и всѣ они клонились къ тому, что такъ называемые честные доходы ничего вреднаго въ себѣ не заключаютъ и что ихъ вполне справедливо называютъ «безгрѣшными» доходами.

Въ этомъ направленіи вели бесѣду полицейскіе и другіе чиновники, а прочіе гости, а въ ихъ числѣ и я, какъ не причастные ни къ какимъ «пособіямъ» слушали и не возражали, какъ подобаешь благовоспитаннымъ гостямъ, не желающимъ противорѣчить въ столь щекотливомъ вопросѣ, какъ безгрѣшные доходы. Однако, одна молодая экзальтированная барыня не выдержала и громко замѣтила:

— Вѣдь эти такъ называемыя услуги полиція обязана дѣлать,—за это она получаетъ жалованье...

— Это вы изволили совершенно вѣрно сказать,—отвѣчалъ хозяинъ.— Полиція получаетъ жалованье, по крайне недостаточное. Это всѣ знаютъ, а потому и помогаютъ..

Дама должна была прикусить язычекъ, ибо никто не рѣшился ее поддержать: всѣ мы грѣшные малодушно молчали, изображая изъ себя, въ этомъ случаѣ, жертвъ благовоспитанности.

Въ заключеніе бесѣды о безгрѣшныхъ доходахъ и въ подтвержденіе того, что они были въ нѣкоторомъ родѣ санкціонированы свыше, одинъ изъ гостей, старый полицейскій чиновникъ, рассказалъ случай, бывшій въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ.

— Великій князь Михаилъ Павловичъ,—началъ рассказчикъ,—привыкъ видѣть возлѣ своего дворца одного квартальнаго. Это былъ аккуратный полицейскій служака, исполнительный, трезвый, всегда торчащій на своемъ посту, когда это требовалось обстоятельствами службы. Великій князь давно уже замѣтилъ и зналъ въ лицо этого квартальнаго и однажды, проходя мимо него, поздоровался съ нимъ и остановился. Квартальный стоялъ, вытянувшись въ струнку и приложивъ руку къ своей треуголкѣ.

— Франтъ ты какой, какъ я вижу,—сказалъ шутливо великій князь.—Шляпа новенькая, мундиръ съ иголочки, да еще изъ какого сукна! Пожалуй, дороже моего стоитъ. а вѣдь жалованье-то у тебя небольшое, не хватаетъ.

— Такъ точно, ваше императорское высочество, не хватаетъ,—отвѣчалъ квартальный.

— Такъ изъ какихъ денегъ ты покупаешь такое дорогое сукно?

— Отъ добродотныхъ даяній господь домовладѣльцевъ, — докладывалъ кварталный.

— Гм... Это намъ не въ бровь, а въ глазъ... надобно имѣть это въ виду, — сказалъ, смѣясь, великій князь и удалился.

Въ первый, слѣдующій затѣмъ, годовой праздникъ, кварталный получилъ пакетъ съ тремя сторублевыми и съ надписью: отъ домовладѣльца такого-то «добротное даяніе». Квартальный счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія своего начальства о таковой милости великаго князя, и начальство, спустя нѣкоторое время, распорядилось убрать кварталнаго, который, въ видѣ награды и повышенія, былъ переведенъ городничимъ въ какой-то захолустный городишко.

Какая участь постигла затѣмъ добродотныя даянія господь домовладѣльцевъ столицы — мнѣ неизвѣстно, но я думаю, что петербургскіе домовладѣльцы могли бы рассказать объ этомъ немало интересныхъ данныхъ въ назиданіе потомству. Быть можетъ, что приведенныхъ мною случаевъ въ Москвѣ и Петербургѣ не было въ дѣйствительности и что о нихъ можно сказать: *si non e vero et bene trovato*, но тѣмъ не менѣе, они очень характерны, ибо полны жизненной правды; они были рассказаны полицейскими служивыми, вполне убѣжденными въ истинѣ рассказываемаго ими, а это самое главное.

Содержаніе, получаемое чиновниками дореформенной полиціи, было очень скудно, а между тѣмъ требованія, предъявляемые къ полиціи, были велики. Отъ нея требовали «всезнаѣства»; она должна была знать не только обо всемъ, происходившемъ на землѣ и въ ея нѣдрахъ, но и на небесахъ. Полиція обязана была въ опредѣленное время доносить о всѣхъ выдающихся явленіяхъ какъ на землѣ, такъ и на небесахъ. Извѣстны характерные для того времени рассказы о полицейскомъ чиновникѣ, доносившемъ своему начальству, что въ теченіе даннаго періода времени по вѣренному участку никакихъ кометъ и метеоровъ не проходило; или о какомъ-то становомъ приставѣ, причислявшемъ къ царству ископаемыхъ, между прочимъ, и картофель.

Въ первые годы реформъ, съ 1857 по 1861 годъ, происходило усердное «подтягиваніе» полиціи. Полицію чаще и чаще стали призывать къ порядку и нравственной чистоплотности. Въ этомъ направленіи много усердствовала печать, старались также «искоренять» зло и губернаторы изъ новыхъ людей. Но бѣда въ томъ, что большинство изъ этихъ новыхъ являлось въ провинцію, вовсе не зная условій ея жизни, и не признавали нужнымъ считаться съ ними. Иные изъ нихъ знали только столицу, но о провинціи имѣли самое смутное понятіе. Они являлись туда въ видной роли губернаторовъ, съ лучшими намѣреніями, но, не зная мѣстныхъ условій, не могли осуществить ихъ, не

умѣли вызвать къ себѣ довѣрія общества, въ которомъ чувствовали себя совершенно чужими людьми.

Какъ на одного изъ видныхъ представителей-администраторовъ новаго типа, могу указать на барона В. Благодаря связямъ и довольно выдающимся способностямъ, онъ сравнительно еще молодымъ человекомъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ городъ Х. Здѣсь онъ заявилъ себя дѣятельнымъ и самостоятельнымъ чиновникомъ, ревностно борющимся съ злоупотребленіями провинціальной бюрократіи, но при этихъ достоинствахъ онъ обладалъ и крупными недостатками: увѣренностью въ своей непогрѣшимости, чиновнымъ чванствомъ, властолюбіемъ, близкимъ къ самодурству, отсутствіемъ извѣстной выдержки и неумѣніемъ ориентироваться въ провинціальной средѣ. Изъ Х. баронъ былъ переведенъ въ О. на должность градоначальника, а затѣмъ губернаторомъ въ Б. губернію. Всюду онъ проявлялъ большую дѣятельность: ревизовалъ, распекалъ, смѣнялъ чиновниковъ, слѣдилъ лично за дѣятельностью полиціи, для чего предпринималъ ночныя экскурсіи, переодѣтый въ партикулярное платье, но къ этимъ похождениямъ à la Гарунъ-Рашидъ и ревизіямъ полиціи и чиновники очень скоро примѣнились и посмѣивались втихомолку надъ затѣями начальства. Въ Петербургѣ вскорѣ «почувствовали», что баронъ, какъ говорится, не у мѣста въ такомъ показномъ городѣ, какъ О., но и въ Б. губерніи онъ продержался не долго и былъ назначенъ губернаторомъ въ одну изъ центральныхъ губерній. Тамъ между нимъ и мѣстнымъ дворянствомъ вскорѣ возникли крупныя недоразумѣнія, окончившіяся большимъ скандаломъ, а затѣмъ обѣ стороны явились въ Петербургъ съ жалобами другъ на друга. Этимъ происшествіемъ и закончилось губернаторство барона В. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, онъ былъ человекомъ способный, трудолюбивый и могъ быть весьма полезнымъ дѣятелемъ, еслибы зналъ провинцію и имѣлъ болѣе такта.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о полиціи тогдашняго времени, (паканунъ реформъ) я долженъ замѣтить, что всѣ, такъ называемыя на служебномъ языкѣ «подтягиванія» со стороны начальства и разныя обличенія въ печати, въ сущности, мало вліяли на улучшеніе полиціи. Замѣтный поворотъ къ лучшему наступилъ уже впоследствии, когда увеличено было содержаніе служащимъ, и явилась возможность дѣлать болѣе строгій выборъ лицъ изъ числа желающихъ поступить на полицейскую службу.

Въ концѣ мая 1857 года скончался въ Одессѣ архіепископъ одесскій и херсонскій Иннокентій. Это была личность выдающаяся въ духовномъ мірѣ того времени, краснорѣчивый и ученый проповѣдникъ. Но, какъ администраторъ, онъ не пользовался у духовенства своей обширной епархіи особымъ сочувствіемъ и любовью. Онъ мало интересо-

вался условіями быта бѣлаго духовенства вообще, а сельскаго въ особенноти. Консисторія оставалась всесильною правительницею епархіи, и старая закваска держалась въ ней крѣпко.

Самымъ популярнымъ и уважаемымъ человѣкомъ въ то время (1856—1858 гг.) въ Одессѣ, да и во всемъ Новороссійскомъ краѣ. былъ знаменитый хирургъ Пироговъ, который въ тѣ годы состоялъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Какъ извѣстный хирургъ и врачъ, Пироговъ имѣлъ въ Одессѣ обширную практику, въ кругъ которой входилъ и многочисленный недостаточный классъ населенія, причемъ практика у послѣдняго была не только бесплатною, но нерѣдко больные получали и лѣкарства на средства Пирогова. Нечего и говорить, что находилось немало лицъ, всегда готовыхъ эксплуатировать ближнихъ, такіе люди не стѣснялись бесплатно пользоваться услугами Пирогова, хотя обладали достаточными средствами для вознагражденія врача за его трудъ. Эта безсовѣстная эксплуатація, быть можетъ, и повлияла на то, что впоследствии, много лѣтъ спустя, когда Пироговъ почти безвыѣздно жилъ въ своей подольской деревнѣ Вишни, доступъ къ нему больнымъ былъ крайне затруднительный и они допускались не иначе, какъ послѣ уплаты денегъ впередъ.

Ставъ во главѣ учебныхъ заведеній Новороссійскаго края, Пироговъ отнесся къ своимъ обязанностямъ съ такимъ знаніемъ самой сути воспитанія дѣтей и юношей, что сразу завоевалъ себѣ наибольшее довѣріе педагогическаго персонала. Пироговъ не являлся новаторомъ, а тѣмъ менѣе человѣкомъ моды, способнымъ увлекаться господствующими въ данное время теченіями, всегда не прочными и измѣнчивыми. Онъ самъ могъ стать во главѣ общества и руководить имъ, но не желалъ этого и, какъ извѣстно, вскорѣ вовсе устранился отъ общественной дѣятельности. Время попечительства Пирогова занимаетъ лучшую страницу въ исторіи Одесскаго учебнаго округа, и теперь, много лѣтъ спустя, я съ удовольствіемъ посвящаю эти немногія строки памяти великаго человѣка, которымъ справедливо гордится Россія.

Въ 1858 году Пироговъ былъ назначенъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа и разстался съ Одессой и Новороссійскимъ краемъ, свидѣтелями самой блестящей и плодотворной его дѣятельности, въ госпиталяхъ арміи въ Крыму, а потомъ на педагогическомъ поприщѣ.

Лѣтомъ 1858 года я жилъ въ Одессѣ въ то самое время, когда туда прибылъ Фердинандъ Лесепсъ. Цѣль посѣщенія Одессы была—пропаганда прорытія Суэзскаго канала и привлеченіе капиталовъ на это громадное предпріятіе. Лесепсъ въ яркихъ краскахъ представлялъ одесситамъ огромныя выгоды, которыя получить ихъ городъ отъ осуществленія проекта прорытія канала. Для Одессы въ близкомъ будущемъ, по словамъ Лесепса, открывалась широкая перспектива процвѣтанія, бла-

годаря прямому и кратчайшему пути въ Индію и на далекій Востокъ. Мы теперь знаемъ по опыту, что эти надежды далеко не оправдались на дѣлѣ, и что намъ трудно конкурировать въ морской транспортнровкѣ съ большими морскими государствами.

Одесса, дѣйствительно, находится теперь въ прямомъ морскомъ сообщеніи съ Индіей и дальнимъ Востокомъ, но зато не только Индія, но и Австралія явились для насъ опасными конкурентами въ торговлѣ хлѣбомъ и сырьемъ. Въ то время многіе изъ одесситовъ еще сомнѣвались въ возможности осуществленія Суэзскаго канала, но тѣмъ не менѣе, Лесепса встрѣтили очень сочувственно, и 25-го іюля 1858 года въ честь его былъ давъ обѣдъ на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли «Владиміръ». Это былъ тотъ самый пароходъ, который въ ночь съ 26-го на 27-е іюня 1894 года погибъ въ Черномъ морѣ, близъ мыса Тарханкута, столкнувшись съ итальянскимъ пароходомъ «Колумбіа». За все время существованія русскаго общества пароходства это второй случай такого крупнаго несчастія на морѣ. Первая катастрофа, сколько помню, произошла въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Мраморномъ морѣ, гдѣ пароходъ русскаго общества «Колхида» столкнулся съ англійскимъ пароходомъ «Лаконія» и пошелъ ко дну.

Неизвѣстный.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

генераль-лейтенанта Павла Алексѣевича Кузмина.

Род. 20 января 1819 г., † 26 ноября 1885 г.

В

ъ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г., въ трудѣ магистра русской исторіи Василя Ивановича Семейскаго «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка», страницы 408—424 посвящены такъ называемому дѣлу Петрашевскаго. На этихъ страницахъ, на основаніи особой записки по этому дѣлу, излагаются мнѣнія лицъ, участвовавшихъ на вечерахъ Петрашевскаго по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, въ числѣ которыхъ упоминается П. Кузминъ (стр. 415). Упоминается также о дневникѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Кузмина, повидимому, приложенномъ къ подлинному дѣлу Петрашевскаго въ числѣ прочихъ бумагъ, отобранныхъ у участниковъ въ этомъ дѣлѣ. Благодаря любезности вдовы покойнаго генераль-лейтенанта П. А. Кузмина, Маріи Михайловны (рожденной Окуловой), на послѣдующихъ страницахъ сообщается разсказъ покойнаго генераль-лейтен. Кузмина о трудныхъ и тяжелыхъ дняхъ 1849 года, когда онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и подвергнутъ допросу по вышеупомянутому дѣлу. Помимо историческаго интереса, представляемаго этими воспоминаніями, написанными живымъ и образнымъ языкомъ, съ откровенностью, свойственною вообще характеру покойнаго П. А. Кузмина, воспоминанія эти имѣютъ значеніе и вообще по изслѣдованію дѣла Петрашевскаго, отдаленнаго отъ насъ на полстолѣтія и сдѣлавшагося полнымъ достояніемъ исторіи ¹⁾.

¹⁾ Въ полномъ собраніи сочиненій Ф. М. Достоевскаго, — въ его биографіи, напечатано много подробностей о такъ называемомъ дѣлѣ Петрашевскаго, по которому такъ тяжко пострадалъ гениальный авторъ «Мертваго дома» и «Преступленія и наказанія».

Покойный генераль П. А. Кузминъ родился въ Ярославской губ., въ селѣ Мытниковѣ, 20 января 1819 года. Окончивъ курсъ Павловскаго кадетскаго корпуса въ 1838 году, онъ выпущенъ въ офицеры въ конно-артиллерійскую легкую, № 6, батарею. Прослуживъ до 1844 года, онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и занимался сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи своей матери. Въ августѣ 1845 года вновь вступилъ на службу въ драгунскій полкъ Александра Нидерландскаго полкъ съ цѣлю поступить въ императорскую военную академію (нынѣ академія генеральнаго штаба), въ которой кончилъ курсъ 20 января 1848 года съ зачисленіемъ по генеральному штабу, такъ что возбужденіе преслѣдованія противъ Петрашевскаго застаеть Кузмина уже въ чинѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба.

Шестимѣсячное содержаніе въ крѣпости и привлеченіе къ дѣлу, какъ это видно изъ воспоминаній генераль-лейтенанта П. А. Кузмина, не повліяли на его служебную карьеру, благодаря его открытому, вполне откровенному и честному образу дѣйствій при допросахъ его слѣдственной комиссіей. Исполняя различныя должности по генеральному штабу и, въ числѣ прочихъ, начальника штаба 2-й легкой кавалерійской дивизіи, уже въ чинѣ генераль-маіора, онъ слушалъ лекціи въ военно-юридической академіи въ 1869 году и въ слѣдующемъ, 1870 году, какъ окончившій курсъ военно-юридической академіи, назначенъ военнымъ судьей петербургскаго военно-окружнаго суда, затѣмъ предсѣдателемъ оренбургскаго военно-окружнаго суда 1-го января 1878 года, отсюда переведенъ предсѣдателемъ кievскаго военно-окружнаго суда 13 мая 1881 г., гдѣ и прослужилъ до дня своей кончины, 26 ноября 1885 г.

Покойный участвовалъ въ крымской кампаніи въ сраженіи при рѣкѣ Черной и во всѣхъ передвиженіяхъ войскъ при направленіи ихъ въ помощь Евпаторійскому отряду. За отличіе по службѣ генераль неоднократно удостоивался высшихъ наградъ (пропавенъ въ чинѣ генераль-лейтенанта 30 августа 1881 года, а въ 1884 году, того же 30 августа, получилъ орденъ Владиміра 2-й степени) и имѣлъ пряжку за безпорочную службу за XI лѣтъ.

П. А. Кузминъ во всѣхъ знавшихъ его, какъ товарищахъ, такъ и лицахъ, встрѣчавшихся съ нимъ во все время его многосторонней служебной дѣятельности, оставилъ самую прекрасную память. Честность, безкорыстіе и необыкновенно откровенный образъ дѣйствій въ сношеніяхъ со всѣми окружавшими были выдающимися чертами его характера... Несомнѣнно, что привлеченіе его къ дѣлу, которому придавалось пятьдесятъ почти лѣтъ тому назадъ такое не заслуженно-серьезное значеніе, оставившее въ немъ невзглядимыя воспоминанія, имѣло послѣдствіемъ его необыкновенно гуманныя отношенія къ ближнему. Вообще всѣ знавшіе покойнаго, въ числѣ которыхъ былъ и я, могутъ едино-

гласно свидѣтельствовать, что у генерала Кузмина было золотое сердце.

Братъ покойнаго генерала А. А. Кузминъ, который былъ также арестованъ вмѣстѣ съ нимъ 23 апрѣля 1849 года, служилъ впоследствии по судебному вѣдомству, былъ членомъ саратовской судебной палаты; умеръ въ Петербургѣ въ 1885 году.

Генераль-лейтенантъ Павелъ Алексѣевичъ Кузминъ скончался 26-го ноября 1885 г. скоропостижно. Записки свои онъ предназначилъ помѣстить въ «Русской Старинѣ».

Ө. К.

I

Въ ночь на 23-е апрѣля 1849 года, часу въ четвертомъ, стучатся въ дверь комнаты, въ которой я спалъ, въ квартирѣ брата; я спрашиваю: что надобно? Лакей моего брата отвѣчаетъ, что какой-то офицеръ желаетъ меня видѣть (эту ночь я провелъ у брата Алексѣя, квартировавшаго въ гостиницѣ Klée, противъ дома Дворянскаго собранія, мое же мѣстожительство было вмѣстѣ съ Бѣлецкимъ въ домѣ Траншеля, въ 11-й линіи Васильевскаго острова). Отворяю дверь и вижу жандармскаго офицера, при немъ квартальнаго и еще двухъ жандармовъ.

Посѣщеніе такой компаніи въ то суровое время было понятно, хотя случилось со мной въ первый разъ: «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день», подумалъ я, но все-таки спрашиваю, что угодно этимъ господамъ? «Васъ приказано арестовать»,—отвѣчаетъ жандармскій офицеръ.—«По чьему приказанію, покажите бумагу».—«По особому повелѣнію», и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ предписаніе за подписью графа Орлова, бывшаго тогда шефомъ жандармовъ.

Нечего дѣлать! Надобно сдаваться, какъ потому, что сопротивленіе было бы бесполезно, такъ и потому, что, не чувствуя за собою никакой вины, и тѣмъ болѣе преступленія, полагалъ, что достаточно будетъ личнаго объясненія для опроверженія какого-нибудь ложнаго доноса...

Выйдя въ залу, вижу, что и братъ мой собирается въ дорогу. «А ты куда?»—спрашиваю я.—«Да должно быть поѣдемъ вмѣстѣ, видишь, забираютъ запрещенныя книги»,—отвѣчаетъ братъ, показывая на представителей полиціи, старательно набивавшихъ чемоданы курсами астрономіи, навигаціи, кораблестроенія и иными руководствами, потребными моряку (братъ служилъ прежде во флотѣ), а также томами свода законовъ Россійской имперіи (незадолго предъ этимъ братъ служилъ уѣзднымъ судьей по выборамъ дворянства).

Окончивъ недолгіе сборы, усѣлись мы въ извозчичью карету вмѣстѣ съ офицеромъ и квартальнымъ; жандармы расположились одинъ на козлахъ, другой на запяткахъ. Скоро довезли насъ до III отдѣленія, помѣщавшагося главнымъ фасадомъ на Фонтанкѣ и выходявшаго разными дворами и переходами въ Пантелеймоновскій переулокъ.

Въ коридорахъ, по которымъ мы проходили, была большая суета и бѣготня; я не приписывалъ этого какой-либо особености, полагая, что въ этомъ заведеніи всегда таково, но чѣмъ дольше мы шли, тѣмъ было люднѣе, наконецъ, кабинетъ Леонтія Васильевича Дубельта (начальникъ штаба корпуса жандармовъ, онъ же управляющій III отдѣленіемъ) и предшествовавшая кабинету зала были полны народа; были и статскіе, и военные, и кромѣ того очень много полицейскихъ. Разсматриваю публику и вижу, что большинство ея (безъ сомнѣнія, кромѣ полицейскихъ) принадлежитъ къ числу посѣтителей вечеровъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскаго.

Составъ арестованной публики показывалъ ясно, что сдѣланъ былъ доносъ на вечера Петрашевскаго; я посѣщалъ эти вечера, бывавшіе по пятницамъ, съ весны 1848 года, и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были небезынтересны для каждаго изъ присутствовавшихъ. Да и могло ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло бы быть лучше, если бы было иначе; а въ это именно время самоуправство всѣхъ и каждаго изъ второстепенныхъ агентовъ дошло до высшей степени: злоупотребленія, лихоимство не имѣли границъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, что вездѣ, гдѣ бывали люди разбора выше опредѣленнаго, они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ; когда же собиралось ихъ по нѣскольку человекъ, напримѣръ, по пятницамъ у Петрашевскаго, то они, какъ люди одинаковаго направленія, свободно разбѣнивались идеями, новостями, доходившими до каждаго въ литературѣ, политикѣ, происшествіяхъ столичныхъ и провинціальныхъ; съ какимъ интересомъ слѣдили за происшествіями на западѣ! Припомнимъ, что пятое десятилѣтіе нашего вѣка отличалось направленіемъ къ социальнымъ реформамъ; такое повсемѣстное направленіе высказалось, наконецъ, въ февральской революціи, объявившей всю Западную Европу. Съ такою любознательностью выслушивались на вечерахъ у Петрашевскаго

изложенія сочиненій новѣйшихъ реформаторовъ; но какъ всѣ эти трогательныя описанія блаженствующихъ фаланстеровъ и иныхъ ассоціацій были только увлекательныя, но непримѣнимыя къ осуществленію теоріи, намъ же, живущимъ въ средѣ міра дѣйствительнаго, необходимо было знакомиться ближе съ тѣмъ, что существуетъ на нашей матушкѣ Руси, — то съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что до ужина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо общественный вопросъ, въ какомъ видѣ осуществляется онъ нынѣ въ Россіи; удобства или неудобства, осязаемая отъ такого, а не инаго положенія дѣла, и, наконецъ, изысканіе и, если возможно, то указаніе средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими; а послѣ ужина могло бы продолжаться изложеніе социальныхъ теорій, которое тогда дѣлалось Ник. Як. Данилевскимъ ¹⁾. При окончаніи каждаго вечера объявлялось, о какомъ предметѣ, касающемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и къмъ именно; кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ какъ въ Россіи, такъ и заграницею.

Такъ велись вечера до отъѣзда моего въ Тамбовъ въ іюнѣ 1848 года для составленія военно-статистическаго описанія губерніи; такъ же продолжались они во все время моего отсутствія, съ іюня 1848 года по 1 апрѣля 1849 года и до самаго дня ареста, случившагося, какъ выше сказано, 23-го апрѣля.

Я возвратился въ С.-Петербургъ къ 1-му апрѣля 1849 года по предписанію генераль-квартирмейстера Берга, который имѣлъ намѣреніе дать мнѣ назначеніе въ штабъ гренадерскаго корпуса. Въ тотъ же день (страстная пятница), посвященный утромъ представленіямъ къ начальству, отправился я вечеромъ къ Петрашевскому; изъ 20 или 30 челоуѣкъ, которыхъ я тамъ нашель, большинство состояло изъ старыхъ моихъ знакомыхъ; но было нѣсколько новыхъ лицъ, между прочими одинъ блондинъ, небольшого роста, съ довольно большимъ носомъ, съ глазами свѣтлыми, не то чтобы косыми, но избѣгающими встрѣчи, въ красномъ жилетѣ. Этотъ господинъ, судя по участию, какое принималъ онъ въ разговорахъ, былъ не безъ образованія, либераленъ во мнѣніяхъ, но участіе его было по преимуществу вызывающее другихъ къ высказыванію. Особенное вниманіе его ко мнѣ, подчиваніе заграничными сигарами и вообще нѣчто въ родѣ ухаживанія заставило меня спросить, въ концѣ вечера, Александра Пантелеевича Богосоголо объ этомъ господинѣ; онъ отвѣчаетъ, что это итальянчикъ Антонелли ²⁾, способный только носить на головѣ гипсовыя фигурки. — «Для чего онъ здѣсь

¹⁾ Впослѣдствіи тайный совѣтникъ, знаменитый публицистъ и ученый.

²⁾ Нынѣ давно уже умершій.

бываетъ?», спросилъ я. — «Да вы знаете, что Михаилъ Васильевичъ расположенъ принять и обласкать каждого встрѣчнаго на улицѣ».

На мой звонокъ Петрашевскій, по обыкновенію, самъ отворилъ мнѣ дверь; послѣ первыхъ привѣтствій, разспросовъ о пребываніи моемъ въ Тамбовѣ, Петрашевскій говоритъ, что такъ какъ на этотъ вечеръ никто не вызванъ говорить о какомъ-либо предметѣ, то онъ изложитъ мнѣ свое о трехъ предметахъ, настоятельно и неотлагательно необходимыхъ быть введенными для блага общаго; предметы эти: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, свобода книгопечатанія и улучшеніе судопроизводства и судоустройства. Доказывать необходимость разрѣшенія этихъ вопросовъ не было надобности въ кругѣ людей, совершенно проникнутыхъ убѣжденіями, что крѣпостное право, запретительная цензура и закрытое бумажное судопроизводство суть тормозы къ развитію; слѣдовательно, рѣчь Петрашевскаго была направлена къ доказанію, на основаніи статистическихъ данныхъ, въ какой послѣдовательности было бы необходимо рѣшить эти важные вопросы. Онъ доказывалъ, что надобно было придерживаться того именно порядка, въ какомъ вопросы эти выше поименованы: сочувствіе къ участи милліоновъ бѣлыхъ негровъ имѣло вліяніе къ постановленію на первый планъ вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права (Петрашевскій самъ былъ помѣщикъ С.-Петербургской губерніи, Ладожскаго уѣзда).

Послѣ Петрашевскаго я говорилъ о томъ же предметѣ и доказывалъ, что первѣе всего необходимо было рѣшить вопросъ объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства, потому что отъ неустройства этой части страдаетъ все общество и каждый изъ членовъ его, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и денежныхъ лицъ, выигрывающихъ насчетъ тѣхъ, которые именно и заслуживаютъ большаго сочувствія, и какъ предметъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ учрежденіемъ публичнаго и гласнаго судопроизводства, съ необходимымъ разборомъ хода дѣлъ въ газетахъ и журналахъ,—то это самое, естественнымъ образомъ, парализуя строгость цензуры, послѣдовательно ведетъ къ свободѣ книгопечатанія; затѣмъ уже общество, подготовленное двумя предыдущими мѣрами, легко перейдетъ къ уничтоженію крѣпостнаго права ¹⁾.

Въ слѣдующую пятницу (8-го апрѣля 1849 г.) я пріѣхалъ къ Петрашевскому съ братомъ Алексѣемъ; гостей было немного, вѣроятно, по случаю Святой недѣли. Хотя въ настоящее время (1874 г.), спустя

¹⁾ Въ настоящее время (въ 1874 году), спустя тринадцать лѣтъ по освобожденіи крестьянъ и десять лѣтъ по изданіи новыхъ судебныхъ уставовъ, мы еще далеки до отміны цензуры, и главное управленіе по дѣламъ печати проявляетъ иногда суровость, достойную временъ давно минувшихъ.

слишкомъ 25 лѣтъ, и не припомню, что именно было предметомъ бесѣды, но, какъ высказано уже мною въ началѣ описанія этихъ вечеровъ, бесѣда была оживлена интересомъ современности и была проникнута гуманностью мнѣннй.

Я уже упомянулъ, что Бергъ выписалъ меня изъ Тамбова въ Петербургъ, намѣреваясь назначить на службу въ гренадерскій корпусъ; вскорѣ я долженъ былъ отправиться въ Новгородъ; я хотѣлъ проститься съ добрыми моими знакомыми, и для того рѣшился пригласить кое-кого къ себѣ на вечеръ и выбралъ для того 16-е апрѣля, — день, празднуемый въ нашемъ семействѣ.

15-го апрѣля я поѣхалъ къ Петрашевскому. Такъ какъ это была пятница, то онъ навѣрное былъ дома и, кромѣ удовольствія, въ которомъ я былъ увѣренъ, я хотѣлъ пригласить къ себѣ Петрашевскаго и нѣкоторыхъ другихъ, съ которыми былъ ближе знакомъ, на вечеръ къ себѣ, на 16-е апрѣля. Гостей у Петрашевскаго было довольно много.

Здѣсь необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ Антонелли, о которомъ я упоминалъ при разсказѣ о вечерѣ 1-го апрѣля.

Тогда, какъ я сказалъ, на меня неприятно подѣйствовало его, какъ-будто, ухаживанье за мною; впоследствии я замѣтилъ, что онъ вообще очень предупредителенъ: напримѣръ, Феликсу Толю ¹⁾, который съ трудомъ выбрался въ Петербургъ изъ старшихъ учителей Оренбургской (кажется) гимназiи, обѣщалъ доставить частныя уроки, сблизился съ нимъ до того, что они заняли вмѣстѣ *chambre garnie* въ домѣ Штрауха на Гороховой.

Вскорѣ по моемъ прїѣздѣ, Петрашевскій уводитъ меня въ другую комнату и показываетъ записку, которую передалъ ему Антонелли отъ Толя. Въ запискѣ Толя извиняется, что онъ по причинѣ головной боли не можетъ быть въ этотъ день на вечерѣ; далѣе, что онъ переѣхалъ въ домъ Штрауха, гдѣ квартируетъ вмѣстѣ съ Антонелли, приглашаетъ на другой день, т. е. на 16-е апрѣля, къ себѣ на новоселье, проситъ пригласить меня и еще нѣкоторыхъ, увѣряя, что кромѣ нашихъ никого не будетъ. Намъ обоимъ, Петрашевскому и мнѣ, показалась очень странна вся эта записка, начиная съ извиненія, что Толя не могъ быть на вечерѣ по случаю головной боли, до выраженія кромѣ нашихъ; какая надобность въ извиненіяхъ, когда вечера по пятницамъ не были ни для кого обязательны, а отсутствіе Толя не было ни для кого весьма чувствительно, потому что онъ былъ по преимуществу молчаливъ; выраженіе же нашихъ было даже неумѣстно, намекая какъ-будто на членовъ какого-то организованнаго общества, чего рѣшительно не было и въ поминѣ...

¹⁾ Впоследствии извѣстный писатель-педагогъ, нынѣ давно покойный.

Петрашевскому не хотѣлось быть на другой день у Толя, и какъ онъ не далъ еще Антонелли обѣщанія, то я и говорю, что прошу его къ себѣ на вечеръ, онъ соглашается; мы входимъ въ общую комнату, и Антонелли, подтверждая приглашеніе своего сожителя, получаетъ отъ Петрашевскаго отвѣтъ, что онъ далъ уже мнѣ слово быть на другой день у меня; тогда Антонелли обращается ко мнѣ тоже съ приглашеніемъ. Я отвѣчаю, что не могу быть, потому что у меня будутъ гости.

— Такъ нельзя ли и съ гостями вашими, — говоритъ Антонелли.

Мнѣ показался такъ страннымъ такой способъ составлять вечера, что взглянулъ вопросительно на Антонелли и, не встрѣтивъ его взора, говорю, что не полагаю удобнымъ предложить моимъ гостямъ подобное предложеніе.

— Такъ нельзя ли вамъ отложить свой вечеръ?

— Я не могу отложить своего вечера какъ потому, что у меня приглашены уже гости, а также и потому, что я живу на Васильевскомъ островѣ, и ежели чрезъ нѣсколько дней разведутъ мосты, то я не въ состояніи буду проститься передъ моимъ отъѣздомъ съ добрыми знакомыми.

— Отчего же вамъ не отложить своего вечера? Вы можете предупредить приглашенныхъ вами; вѣроятно, всѣ ваши гости теперь здѣсь.

— Кромѣ моихъ гостей будутъ гости моихъ товарищей по квартирѣ, потому что я живу не одинъ; а изъ находящихся здѣсь будутъ весьма немногіе.

— Кто же будетъ у васъ изъ здѣшнихъ?

— Будутъ: Михаилъ Васильевичъ, Богосоголо, Монбелли и ежели вы сдѣлаете мнѣ честь посѣщеніемъ и передадите мое приглашеніе Толю.

— Кто будетъ еще у васъ?

— Будетъ мой братъ, котораго вы здѣсь какъ-то видѣли.

— А изъ гостей вашихъ товарищей?

— Будетъ одинъ господинъ, хотя и свѣтскій, но служащій въ духовномъ вѣдомствѣ, человекъ не безъ вліянія на своемъ мѣстѣ.

— Ахъ, это вѣрно такой-то (причемъ назвалъ какую-то нѣмецкую фамилію), — адъютантъ графа Протасова (тогда оберъ-прокуроръ Синода).

— Нѣтъ, это статскій, нѣкто Шрамченко, секретарь здѣшней консисторіи; еще бывши ребенкомъ, онъ мечталъ занимать подобное мѣсто и теперь занимаетъ его, какъ я говорю, съ успѣхомъ.

На этомъ разговоръ нашъ кончился. Потомъ читано было вслухъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, написанное по поводу преисполненной ханжества «Переписки съ друзьями», — письмо, известное теперь всему

читающему люду, но тогда ходившее въ рукописи. Не припомню, въ этотъ ли вечеръ или на другой день бывшаго у меня, Антонелли просилъ къ себѣ на воскресенье, т. е. 17-го апрѣля вечеромъ. Ассамблея, состоявшаяся 16-го апрѣля у меня, была довольно многолюдна: Антонелли и Толя явились оба; особенно выдающейся темы разговора не припомню, да кажется и не было, но общее направленіе было, безъ сомнѣнія, не ретроградное. Потолковали, закусили и разошлись. Считаю необходимымъ прибавить, что такъ какъ комнаты были небольшія (числомъ четыре), собравшихся довольно много, и многіе, даже большинство, встрѣтились здѣсь въ первый разъ,—то естественно, что разговоръ не могъ быть общимъ, а былъ веденъ въ небольшихъ кружкахъ во всѣхъ комнатахъ. Утромъ на другой день пошелъ ледъ, а потому были разведены мосты на Невѣ (Николаевскій мостъ не былъ еще открытъ). Давши слово Толю и Антонелли быть у нихъ, я, для очищенія совѣсти, бродилъ часа два по набережной Невы, ожидая, не будутъ ли перевозить на ту сторону, но перевоза не было. Черезъ день послѣ того, когда сообщеніе черезъ Неву было установлено, я встрѣтилъ, кажется, на Гороховой, Антонелли и высказалъ ему причину, воспріятствовавшую мнѣ быть у него въ прошлое воскресенье. Антонелли выразилъ нѣчто болѣе сожалѣнія, что по причинѣ перенесенія его пира съ субботы на воскресенье и случившагося затѣмъ разведенія мостовъ, не были у него на вечерѣ всѣ живущіе за Невой и что вслѣдствіе того вечеръ его не только разстроился, но совсѣмъ не удался. Послѣ того, чуть ли не на другой день, я встрѣтилъ Петрашевскаго, и онъ сообщилъ мнѣ, что вечеръ у Толя съ Антонелли былъ какой-то странный, было нѣсколько совершенно новыхъ лицъ, возбуждались бесѣды о предметахъ въ направленіяхъ весьма радикальныхъ и т. п. Слышать это отъ Петрашевскаго было для меня тѣмъ болѣе удивительно, что самъ онъ никакъ не принадлежалъ къ числу людей весьма сдержанныхъ и осторожныхъ въ бесѣдѣ, значить, должно быть рѣчи были весьма демагогическаго направленія. Въ этотъ день, въ среду, мы обѣдали вмѣстѣ на углу Гороховой и Большой Морской въ *table d'hôtes* (противъ дома Штрауха), куда пришелъ обѣдать и Антонелли; послѣ обѣденнаго чая мы пили у Антонелли и пошли вдвоемъ съ Петрашевскимъ по Гороховой по направленію къ Семеновскому мосту; тутъ мы должны были разстаться. Петрашевскому надобно было идти, кажется, къ Дурову или къ кому-то другому, живущему у Владимірской; мы постояли нѣсколько времени, онъ пожалѣлъ, что я не бываю тамъ, куда онъ шелъ, чтобы мы могли провести вечеръ вмѣстѣ. Это было наше послѣднее свиданіе. Я пошелъ къ III—вымъ.

Необходимо сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы рассказать, что это за III—вы, когда и какъ я познакомился съ ними.

II.

Пріѣхавъ въ 1845 г. въ Петербургъ, чтобы вновь поступить на службу въ военную академію генеральнаго штаба, не припомню, гдѣ именно встрѣтился съ Александромъ Павловичемъ Н—ымъ, въ то время подпоручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, котораго я оставилъ при выходѣ моемъ изъ Павловскаго кадетскаго корпуса, въ началѣ 1833 года, маленькимъ кадетиномъ. Самое производство его въ офицеры гвардіи доказываетъ, что въ корпусѣ онъ учился хорошо, и, дѣйствительно, былъ онъ мальчикъ способный. Когда я поступилъ въ военную академію, то отъ времени до времени я встрѣчался съ Н—нымъ, который очень усердно звалъ меня посѣщать вечера, составлявшіеся у него и у однополчанъ его Кармалина (нынѣ ген. отъ инфан.) съ Монбелли; но занятія по академіи поглощали все мое время, и я положительно отказывался, кажется, до начала 1847 года, когда пріѣхалъ однажды на вечеръ къ Н—ну, гдѣ встрѣтилъ въ числѣ прочихъ гостей одного статскаго съ бородой. Ношеніе бороды въ тѣ времена преслѣдовалось едва ли не строже, чѣмъ при Петрѣ I, хотя по поводамъ діаметрально противоположнымъ, а потому человекъ, владѣющій свободно французскимъ языкомъ, принадлежащій къ классу людей образованныхъ и носящій (да еще въ Питерѣ) окладистую бороду, обращалъ невольно на себя вниманіе и вызывалъ сочувствіе, какъ выразитель протеста противъ регламентировавія того, какіе классы населенія (не состоящіе даже нигдѣ на службѣ) имѣютъ право носить усы, бороду, а какіе не имѣютъ этого права. Н—въ знакомитъ меня съ этимъ бородачемъ Николаемъ Николаевичемъ Ш—вымъ, отставнымъ инженеромъ путей сообщенія—членомъ довольно большой семьи. Ш—вы жили въ собственномъ домѣ на углу Большой Садовой и Вознесенскаго проспекта. Хотя Н—въ и новый мой знакомый очень уговаривали меня познакомиться въ семействѣ Ш—выхъ, но ранѣе масленицы 1847 года мнѣ не удалось сдѣлать туда визитъ. Первое впечатлѣніе, испытанное мною, было не изъ лучшихъ. Въ верхнемъ этажѣ, въ низенькихъ тѣсныхъ комнатахъ, содержимыхъ весьма дразно, нашелъ я семейство, состоящее: изъ матери—Екатерины Никитичны, женщины лѣтъ за пятьдесятъ, съ простыми, радушными пріемами,—высказавшей, что она много слышана обо мнѣ отъ Александра Павловича Н—на, котораго она любитъ, какъ сына, зная его съ малыхъ лѣтъ; объ одномъ изъ ея сыновей, Николаѣ Николаевичѣ, я упоминалъ; другой, изъ состоявшихъ въ наличности, Арсеній, бывшій офицеръ лейбъ-гренадерскаго полка, но въ то время въ отставкѣ, потому что противъ желанія матери же-

нился на Любови Дмитріевнѣ Добржанской, красавицѣ собой, но бѣдной, и мать вслѣдствіе того прекратила субсидіи (прибавлю, между прочимъ, что у Ш—выхъ, кромѣ 3-хъ-этажнаго дома, было еще семьсотъ душъ въ Калужской губерніи, село Трубецкое на р. Окѣ; наружность Арсенія была не красива и простовата; не припомню, ожидалъ ли онъ въ то время или уже поступилъ рисовальщикомъ при комиссіи для разбора раскольничьихъ дѣлъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Ивана Петровича Липранди; третій наличный мужской экземпляръ, Егорюшка, красивѣе другихъ двухъ братьевъ, но очень недалекій; наконецъ, сестра Надина, младшая въ семьѣ, дѣвочка лѣтъ 16—17, со свѣженькимъ личикомъ, очень маленькаго роста. Н—нъ былъ тамъ дѣйствительно какъ свой. Бывши кадетомъ, онъ ходилъ въ отпускъ къ Ш—вымъ, офицеромъ также, только не квартировалъ у нихъ; любилъ поигрывать въ картышки, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ жалованья, Н—нъ частенько бывалъ безъ денегъ, а любилъ имѣть обстановку порядочную, и безъ сомнѣнія безденежье, когда оно случалось, выражалось на лицѣ юноши; старуха, подмѣтивъ это, тотчасъ начинала за нимъ ухаживать: «да что съ вами, Александръ Павловичъ? здоровъ ли? не непріятности ли какія по службѣ?» и такъ далѣе. Выпытавши яко-бы невольное признаніе, что денегъ нѣтъ, а предстоитъ уплата, старуха начинаетъ пенять, что, кажется, она имѣетъ права на его откровенность и очень огорчена, что онъ скрываетъ; тотчасъ предлагаетъ деньги и, такъ сказать, навязываетъ ихъ Н—ну безъ всякихъ росписокъ и обязательствъ Изъ семейства этого я сблизился съ Николаемъ (бородачемъ), это былъ человекъ не глупый, образованный, прекрасно игралъ на фортепьяно, французскимъ языкомъ владѣлъ совершенно свободно, но имѣлъ наклонность къ чарочкѣ и нерѣдко напивался въ одиночку.

Для большаго уясненія моихъ отношеній къ семейству Ш—выхъ вообще и къ Николаю Николаевичу въ особенности, а долженъ сказать, что, по просьбѣ его матери и согласно желанію Николая, я два раза хлопоталъ о принятіи его на службу, и оба раза было обѣщано это сдѣлать, но оба раза Ш—въ самъ отклонялся отъ поступленія (особенныя хлопоты были необходимы, потому что въ его указѣ объ отставкѣ было сказано: не аттестованъ къ производству за и е радѣніе). Кромѣ того, отправляясь въ 1848 году въ Тамбовъ, я на собственный счетъ завезъ его къ нимъ въ деревню, что было мнѣ вовсе не по пути. Семейство Ш—выхъ жило (въ описываемое время, весна 1849 года) не въ своемъ домѣ, а на Фонтанкѣ, въ домѣ Степанова, близъ Измайловскаго моста; но Николай Николаевичъ занималъ прежнюю свою комнату (особнякъ, выходящій во дворъ) въ домѣ Ш—выхъ. Съ нимъ я видѣлся весьма часто, и въ семействѣ его, въ

назначенные у нихъ дни, кажется по средамъ, бывалъ непремѣнно и кромѣ того обѣдалъ, иногда, какъ короткій знакомый.

Послѣ этого необходимаго перерыва, возвращаюсь къ моему разсказу.

Придя къ Ш—вымъ, нахожу всѣхъ членовъ семейства въ сборѣ. Не видѣвъ Николая Николаевича съ предшествовавшей субботы, я, подойдя къ нему, говорю, что наканунѣ, проѣзжая мимо его квартиры, видѣлъ стоявшаго у его подъезда лихача, но, торопясь по дѣлу, именно посмотреть дрожки, которыя хотѣлъ приобрести, въ ожиданія привода купленныхъ въ Тамбовѣ лошадей, я тогда не остановился, на обратномъ же пути лихача уже не было у подъезда и, зайдя на верхъ, узналъ отъ лакея, что былъ у него Арсеній Николаевичъ и они вмѣстѣ уѣхали на томъ именно лихачѣ, что предъ тѣмъ стоялъ у подъезда. Оба Ш—вы, Николай и Арсеній, рассказываютъ мнѣ, что они заѣзжали ко мнѣ и къ брату моему Алексѣю съ тѣмъ, чтобы звать насъ ужинать у Клее. Я, зная, что они оба всегда почти были безъ денегъ, невольно спросилъ:

— Съ чего это, господа, вамъ вздумалось вчера кутить?

Николай говоритъ:

— Да это Арсеній получилъ вчера деньги и хотѣлъ непремѣнно угостить васъ и Алексѣя Алексѣевича.

— Вѣрно много получили, говорю я; изъ какихъ же благодѣтельныхъ источниковъ? смѣю спросить.

— Какое много, всего двадцать пять рублей выдалъ ему Липранди не въ счетъ жалованья.

— Что же это вздумалось вамъ разъяскивать меня съ братомъ?

— Приѣзжаетъ ко мнѣ Арсеній такой озабоченный и говоритъ: «я на извозчикѣ, поѣдемъ къ Павлу Алексѣевичу Кузмину». Такъ какъ я всегда радъ васъ видѣть, то тотчасъ собрался и поѣхалъ къ вамъ на островъ и спрашиваю Арсенія дорогой, съ чего это онъ катается на лихачахъ? Онъ мнѣ говоритъ: молчи, я только за тобой заѣзжалъ, а мнѣ, главное, надобно Павла Алексѣевича и Алексѣя Алексѣевича Кузминыхъ, хочу ихъ угостить. Я двадцать пять рублей получилъ. Остальное вы знаете, мы сказали и у васъ, и у Алексѣя Алексѣевича, что ждемъ васъ ужинать у Клее, ждали до втораго часа, поужинали вдвоемъ и уѣхали.

Тогда, въ простотѣ сердечной, я и не подозрѣвалъ ловушки, подстраиваемой мнѣ Ш—выми, по приказанію Ивана Петровича Липранди. Да по правдѣ сказать, я тогда и не предполагалъ въ Липранди лица измышлявшаго все дѣло Петрашевскаго, я и не подозрѣвалъ, что гроза готова разразиться и что главнымъ заправляющимъ доносомъ на Петра-

шевскаго и К^о былъ Липранди ¹⁾). Но впоследствии для меня выяснилась та роль, которую Ш — вы брали на себя и которую не удалось имъ привести въ исполненіе по причинамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ (не застали дома ни меня, ни брата).

На другой день, въ четвергъ, я, встрѣтаясь съ Николаемъ Ш — вымъ, зашелъ съ нимъ вмѣстѣ къ брату Алексѣю; тутъ обѣдали, ужинали, да и ночевали. Въ пятницу 22-го апрѣля 1849 г., тоже не выходя изъ квартиры, пообѣдали, поужинали, а ночевать остался я съ... Прочіе, т. е. Ш — въ и О. П. Майстъ, отправились по домамъ.

Въ эту же ночь, съ 22-го на 23-е апрѣля 1849 г., произведены аресты.

III.

Въ началѣ моихъ воспоминаній разсказано, какъ я былъ арестованъ въ квартирѣ брата... Для арестованія собственно меня былъ посланъ на мою квартиру полковникъ Брянчаниновъ и, такъ какъ онъ не нашелъ меня дома, то оставался въ моей квартирѣ, пока не получилъ увѣдомленія, что я уже забранъ; тогда только поѣхалъ онъ въ жандармское управленіе, прихвативъ всѣ мои книги, бумаги и собранные мною матеріалы для составленія маршрутной карты и статистическаго описанія Тамбовской губерніи.

Разсказавъ процессъ арестованія, прибытія нашего въ III-е отдѣленіе и нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ тому, перехожу къ тому, что послѣдовало затѣмъ. Меня приказано было отвести въ зеркальную комнату; идучи туда въ сопровожденіи, какъ помнится, жандармскаго штабъ-офицера, молодой и проворный жандармскій унтеръ-офицеръ на ходу оцупалъ мои карманы (нѣтъ ли оружія) и сдѣлалъ это такъ быстро и ловко, что я, удивленный, успѣлъ только выговорить: «Что это?» какъ унтеръ-офицеръ исчезъ, а штабъ-офицеръ говоритъ мнѣ: «У насъ такой порядокъ».

«Зеркальная»,—это была у Дубельта небольшая проходная комната въ два окна, съ паркетнымъ поломъ, и въ этой комнатѣ, кромѣ простѣлочнаго зеркала, были вставлены зеркала въ переплеты на манеръ оконныхъ дверей, была кровать и прочая мебель. Наслышавшись разныхъ неосновательныхъ разсказовъ про эту комнату, ходилъ я все время

¹⁾ См. Записки по дѣлу Петрашевскаго—Ив. Петров. Липранди, въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. VI.

около стѣнъ, боясь вступать на средніе квадраты паркета... Изъ прочихъ товарищей моихъ по аресту нѣкоторые, считавшіеся важнѣйшими, были разсажены по одиночкѣ; остальные гуртомъ были въ одной или въ двухъ залахъ и при повѣркѣ арестованныхъ, въ спискѣ чиновника, дѣлавшаго переключку, противъ подчеркнутой фамиліи (покойнаго) Антонели было написано «агентъ».

Въ мою комнату заходилъ Дубельтъ и выразилъ не то удивленіе, не то сожалѣніе, что я арестованъ; потомъ заходилъ самъ Орловъ и на просьбу мою скорѣе допросить меня, чтобъ разъяснить недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ я арестованъ, Орловъ сказалъ, что я арестованъ по особому повелѣнію и что допросъ будетъ сдѣланъ въ свое время.

Стѣны и подоконники были покрыты нацарапанными надписями на разныхъ языкахъ, преимущественно на русскомъ и французскомъ; было бы не безынтересно собрать эти выраженія впечатлѣній... Когда я увидѣлъ, изъ оконъ моей комнаты, нѣсколько фуръ съ книгами и бумагами, привезенныхъ во дворъ, то подумалъ, что, чего добраго, придется подождать не одинъ день, пока разберутъ весь этотъ матеріалъ; я никакъ не воображалъ, чтобы дѣло это могло затянуться на нѣсколько мѣсяцевъ, но въ тотъ же день пришлось убѣдиться, что дѣло принято въ серъезъ...

Вечеромъ я прилежъ отдохнуть не раздѣваясь. Часу въ 12-мъ меня разбудили и повели къ кабинетъ Дубельта; этотъ сѣрый котъ, посмотрѣвъ на меня и въ разныя бумаги, извинился, что меня обезпокоили, и меня опять отвели въ зеркальную комнату. Я снова заснулъ и спалъ сладчайшимъ сномъ часовъ до трехъ за полночь, когда опять разбудили и привели къ Дубельту. На этотъ разъ не ошиблись; въ одно время со мной подведенъ былъ къ письменному столу Кайдановъ; намъ обоимъ предложено отправиться съ какимъ-то жандармскимъ штаб-офицеромъ, который вывелъ насъ во дворъ; мы сѣли въ четверомѣстную карету, куда помѣстились жандармскіе штаб-офицеръ и унтеръ-офицеръ, и на козлы сѣлъ еще одинъ рядовой. Проходя изъ кабинета Дубельта, я видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, ожидавшихъ очереди къ отправленію. Карета поѣхала чрезъ Исаакіевскій мостъ (до открытія Николаевскаго моста, нынѣшній Дворцовый мостъ былъ наведенъ ниже и назывался Исаакіевскимъ) и далѣе по Кадетской линіи Васильевскаго острова; я говорю Кайданову:

— Вы, кажется, живете на Васильевскомъ островѣ, какъ и я, то за сдѣланное намъ безпокойство насъ, безъ сомнѣнія, развозятъ по домамъ на жандармскій счетъ?

Жандармскій штаб-офицеръ ухмыльнулся и переглянулся съ другимъ, сидѣвшимъ въ каретѣ. Насъ повезли чрезъ Тучковъ

мость въ Петропавловскую крѣпость. Карета остановилась у каменнаго двухъ-этажнаго флигеля, стоящаго вѣво отъ дороги, ведущей отъ собора къ монетному двору. Въ верхнемъ этажѣ насъ принялъ комендантъ Иванъ Александровичъ Набоковъ, спросилъ фамиліи и поручилъ плацъ-маіору, полковнику Лѣсникову, отвести насъ. Какъ разъ напротивъ этого флигеля, черезъ площадку, тянулось длинное, каменное, красное двухъ-этажное зданіе, именуемое: «Никольская куртнина»; туда-то насъ и повели, гдѣ возлѣ караульной платформы была входная дверь и лѣстница во второй этажъ. Лѣсниковъ передалъ насъ какому-то инвалидному солдатику или унтеръ-офицеру, состоявшему, вѣроятно, въ должности каптенармуса этого отдѣленія. Отворили № 4, мы вошли, и Кайданову предложили переодѣться. Казематъ № 4 состоялъ изъ большой комнаты въ два окна, продѣланная въ стѣнѣ почти саженой толщины; амбразуры оконъ въ срединѣ своей глубины имѣли желѣзныя рѣшетки изъ дюймовыхъ брусковъ и двойныя рамы съ мелкимъ переплетомъ, замазаннымъ грязно-бѣлою краскою до половины верхнихъ клѣтокъ, остальная часть была матовая отъ нечистоты; въ одной изъ верхнихъ клѣтокъ одного окна сдѣлана форточка. По срединѣ комнаты деревянная кровать, столъ и табуретъ, въ углу деревянный ящикъ. Толстая дверь, отворяющаяся внутрь вумера, покрыта листовымъ желѣзомъ, окаймлена и перекрещена по діагоналямъ желѣзомъ; въ срединѣ двери небольшое четырехъ-угольное окошечко со стекломъ, завѣшеннымъ со стороны коридора грязною тряпкою ¹⁾. Съ Кайданова сняли все собственное платье и бѣлье и надѣли арестантское. Тяжело было мнѣ видѣть это въ ожиданіи того же для себя. Когда переодѣванье кончилось, я простился съ Кайдановымъ и, выйдя въ коридоръ, дождался, пока инвалидъ запираетъ дверь на два замка: внутренній и висячій; замѣчу, что со стороны коридора дверь была скрѣплена двумя толстыми поперечными желѣзными полосами, вмѣсто шпонокъ, концы которыхъ завертывались кольцеобразно и съ одного края надѣвались какъ дверныя петли на крючья, вдѣланные въ стѣну, а съ другаго края подходили къ массивнымъ пробоямъ, вдѣланнымъ въ стѣну для висячихъ замковъ. Затѣмъ я спрашиваю: «Куда же мнѣ идти?»

— Пожалуйте налѣво, ваше благородіе.

---

¹⁾ Все тюремное помѣщеніе въ Петропавловской крѣпости въ послѣдующее царствованіе Александра II совершенно было исправлено: велѣвъ была введена чистота и возможныя удобства, а впоследствии Алексѣевскій рavelинъ и куртнины крѣпостныя перестали даже быть мѣстами заключенія; явились особыя тюремныя зданія, выстроенныя по наилучшимъ европейскимъ образцамъ — тюремъ одиночнаго заключенія. Θ. К.

Пройдя коридоръ, инвалидъ, указывая опять нагъво, говорить:— теперь сюда внизъ.

Спустившись съ указанной лѣстницы, вхожу въ отворенную передо мною дверь и вижу себя опять на платформѣ, черезъ которую входилъ въ Никольскую куртину; оглядываюсь, чтобъ спросить у инвалида, куда мнѣ дальше идти, полагая, что меня, вѣроятно, посадятъ въ другую постройку, но инвалида нѣтъ... Почъ была довольно теплая для апрѣля, звѣзды блѣднѣли передъ приближеніемъ утра. Догадавшись, что инвалидъ, не признавъ мою физиономію подлежащею арестованію, указавъ мнѣ выходъ,—и, не желая подводить бѣднаго инвалида подъ шпирутены, а также увѣренный, что всѣ эти аресты и перевозки въ крѣпость есть не что иное, какъ недоразумѣніе, которое должно вскорѣ разъясниться поголовнымъ освобожденіемъ всѣхъ забранныхъ, и сообразивъ также, что всякое покушеніе къ побѣгу было бы не только самообвиненіемъ, но и обвиненіемъ другихъ невинныхъ въ чемъ-то, должно быть, очень важномъ и политическомъ, но чего я даже и не могъ подозрѣвать за отсутствіемъ всякихъ къ тому условій,—а потому я, вернувшись въ ту же дверь и подвнявшись на лѣстницу, сказалъ инвалиду: «Отведи, братъ, и мнѣ нумерокъ». Не знаю, сознавалъ ли воплію бѣдный солдатикъ, какой ужасной участи подвергся бы онъ, если бы я воспользовался его оплошностью и скрылся, но благодарность выразилась на его лицѣ, и онъ отвелъ мнѣ № 5 рядомъ съ Кайдановымъ, полагая, вѣроятно, сдѣлать этимъ мнѣ особое удовольствіе, а можетъ быть и безъ всякой мысли, ни передней, ни задней, а такъ по какому-нибудь порядку, опредѣленному начальствомъ.

Теперь (1874 г.), спустя двадцать пять лѣтъ, морозъ подираетъ по кожѣ, вспоминая впечатлѣніе, испытанное мною при переодѣваньи въ арестантское платье. Такъ какъ надобно было смѣнить не только платье, но и бѣлье, то опишу все по порядку: рубашка изъ толстаго холста, чуть-ли не подкладочнаго или торбочнаго; вмѣсто нижняго бѣлья широкіе мѣшки холщевые же или, точнѣе сказать, состоящіе изъ нѣсколькихъ слоевъ заплатъ; мѣшки эти замѣняли чулки, но такъ какъ они были весьма широки и подвязокъ не было, то надобно было скручивать край и затыкать, чтобъ мѣшки не сваливались; подштанниковъ не полагалось... Обувь довершалась войлочными туфлями безъ задниковъ—туфли старыя и огромныхъ размѣровъ. Халатъ — изъ толстаго, солдатскаго шинельнаго сукна, совершенно старыя, пожелтѣвшія, съ засохшими на немъ пятнами. Размѣръ комнаты и мебелировка—такіе же, какъ въ комнатѣ Кайданова: на кровати соломенный матрацъ и подушка изъ торбочнаго холста, безъ простыни, и наволочки покрыты одѣяломъ такого же матеріала, какъ халатъ, и такой же чистоты. По отобраніи собственнаго

платья, сторожъ поставилъ деревянную кружку съ водою на нижнюю доску стола, а на самый столъ черепокъ съ фонарнымъ масломъ и опущеннымъ въ него бумажнымъ фитилемъ, зажженный конецъ котораго прислоненъ къ краю черепка, и лучинку для поправки фитиля, когда онъ будетъ нагорать. Сторожъ вышелъ, заперъ дверь на два замка. и я остался одинъ въ казематѣ, облеченный въ арестантское платье, подвергаясь такимъ образомъ наказанію не только моральному, но и физическому.

Усталость взяла свое, и я заснулъ крѣпчайшимъ сномъ; долго ли спалъ я—не знаю, но стукъ въ стекло двери разбудилъ меня; фитиль ночника нагорѣлъ, и сторожъ, добудившись меня, говоритъ: «Поправьте ночникъ». Сознывая необходимость сна для того, чтобы не быть усталымъ при предстоящихъ допросахъ,—я выбранилъ разбудившаго меня и повернулся на другой бокъ, рѣшившись не отвѣчать при возобновленіи стука въ дверь.

Въ шесть часовъ открылась дверь каземата, вошелъ плацъ-адъютантъ и съ нимъ сторожа; одинъ метлою помелъ въ комнатѣ, другой принесъ чайникъ съ чаемъ, каменную кружку и булку и, кажется, этотъ же перемѣнилъ воду въ деревянной кружкѣ, не выполаскивая кружки, выслеснувъ въ ушатъ воду, а третій, вынувъ изъ деревяннаго ящика, стоявшаго въ углу, металлическую посудину въ формѣ усѣченнаго конуса, вылилъ содержимое въ ушатъ, вставилъ посудину, не ополоснувъ ее, на прежнее мѣсто. Плацъ-адъютантъ спросилъ, не желаю ли я на деньги, отобранныя у меня (рублей триста), имѣть чай, булки или курительные припасы и какіе именно? Я изъявилъ на все это согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ на мой же счетъ доставлять эти предметы и брату моему, у котораго, можетъ быть, не случилось съ собой денегъ при арестованіи его, и вообще я желалъ бы, чтобы мои деньги пошли въ общую складчину, такъ какъ, вѣроятно, у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ наличныя средства оказались настолько умѣренными, что имъ пришлось бы быть безъ чаю и безъ курева. Я пробовалъ также позондировать плацъ-адъютанта насчетъ другихъ арестованныхъ и вообще побесѣдовать о настоящемъ дѣлѣ—не знаетъ ли онъ чего-либо? Но тотъ въ самой вѣжливой формѣ высказалъ, что они не имѣютъ права вступать въ какія-либо бесѣды съ арестованными, кромѣ касающагося службы. Часовъ въ десять комендантъ обошелъ арестованныхъ. Въ двѣнадцать часовъ разносили обѣдъ, состоявшій изъ мутнаго супа, ломтя чернаго хлѣба и на второе кушанье вываренной въ супѣ говядины, искрошенной (такъ какъ вилкою арестантамъ не полагается) и приправленной густоватымъ соусомъ со спеціями, вѣроятно для того, чтобы отбить запахъ въ случаѣ несвѣжести мяса. Въ шесть часовъ вечера разносили чай и ужинъ, состоявшій изъ одного только супа. Всѣ эти кормленія

происходили въ сопровожденіи плацъ-адъютанта и повторялись ежедневно въ тѣ же часы. При первомъ посѣщеніи (т. е. при разноскѣ утренняго чая) плацъ-адъютанта, отобраны всѣ металлическія и цѣнные вещи: часы, кольца и даже очки.

Не помню, на который день, но вскорѣ послѣ арестованія, начались засѣданія секретной слѣдственной комиссіи, Высочайше учрежденной для разъясненія этого дѣла. Засѣданія происходили въ верхнемъ этажѣ того самаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ первоначально принималъ насъ комендантъ по привозѣ въ крѣпость; слѣдовательно, противъ оконъ моего каземата, и при хорошемъ зрѣніи я могъ узнавать въ лицѣ тѣхъ изъ приводимыхъ къ допросу, съ которыми я былъ знакомъ.

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта генераль-адъютанта Набокова, состояла: изъ князя Павла Павловича Гагарина, Ростовцева, Дубельта и князя Долгорукова (Василія Андреевича), бывшаго тогда товарищемъ военнаго министра; дѣлопроизводителемъ былъ статскій совѣтникъ Шмаковъ изъ аудиторіатскаго департамента.

Процедура вожденія къ допросу состояла въ томъ, что плацъ-адъютантъ, придя въ коридоръ, командовалъ: № такой-то! По этой командѣ сторожъ, завѣдывавшій цейхгаузомъ, бралъ изъ цейхгауза платье арестанта названнаго № и несъ въ соответствующій казематъ, арестантъ надѣвалъ свое платье и шелъ вмѣстѣ съ плацъ-адъютантомъ въ помѣщеніе комиссіи; но принимаемы были мѣры, чтобы арестанты не встрѣчались, такъ что ежели допрашивавшійся до сего не былъ еще уведень, когда приводили слѣдующаго, то сего послѣдняго вводили въ тѣ комнаты верхняго этажа, которыя былиhalbway отъ верхней площадки лестницы, такъ какъ засѣданія комиссіи были въ комнатахъ направо отъ площадки.

Чтобы покончить съ разсказомъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ допросу, я долженъ упомянуть еще о томъ, что братъ мой Алексѣй, въ квартирѣ котораго я былъ арестованъ и который и самъ не миновалъ ареста, былъ посаженъ въ Алексѣевскій рavelинъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ считали главнѣйшими виновниками. Братъ мой навлекъ противъ себя подозрѣніе въ болѣе неблагонадежности, нежели я, вѣроятно, потому, что онъ былъ въ отставкѣ, а въ тѣ времена (1849 г.) каждый неслужащій предполагался болѣе свободомыслящимъ, нежели служащій, особенно въ военной службѣ (впрочемъ, генеральный штабъ составлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила, вслѣдствіе того, что нѣкоторые офицеры этого рода службы, бывшіе воспитанники Муравьевской школы, попали въ число декабристовъ). Сравнивая мое помѣщеніе съ помѣщеніемъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ (по разсказамъ брата), оказывается, что содержащихся въ рavelинѣ выпускали по одиночкѣ гулять, — насъ же провѣтривали только при вожденіи

къ допросу; первыхъ водили въ баню, чуть ли не каждую недѣлю, — насъ же не водили ни разу во все время заключенія, такъ что все тѣло покрылось черно-грязной корой въ родѣ шелухи ¹⁾. Чтобы впослѣдствіи не прерывать повѣствованія о ходѣ допроса, расскажу о порядкѣ содержанія насъ въ 1849 г. въ Никольской куртнѣ. Первое время не давали ничего читать; времени, слѣдовательно, было въ избыткѣ, чтобы проникнуться всѣмъ нерасположеніемъ къ тогдашнему порядку вещей (въ тюрьмѣ)... Весьма естественно, я сталъ думать, какой предпринять образъ дѣйствій въ случаѣ допроса. Я лично остановился на томъ, что такъ какъ не чувствую за собой никакой провинности, и вмѣстѣ съ тѣмъ соображая, что жандармское управленіе 1840-хъ годовъ, ставившее себя непогрѣшимымъ, такъ какъ не допускало никакого обсуждения своихъ дѣйствій, врядъ-ли выпуститъ на волю тѣхъ, которые разъ захвачены, а потому слѣдуетъ, не стѣсняясь, воспользоваться случаемъ высказать свои взгляды, отнюдь не путая другихъ. Хотя такой образъ дѣйствій не обѣщаль никакой практической пользы, но, такъ сказать, отводилъ душу. Не помню, сколько времени спустя послѣ ареста, дали для чтенія Евангеліе, потомъ томъ IX-й «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, гдѣ былъ изложенъ мрачный періодъ царствованія Іоанна Грознаго... Послѣ этихъ двухъ книгъ давали читать журналы безъ всякаго порядка нумеровъ, и то слава Богу, и тогда самая толстая книжка журнала прочитывалась въ одинъ день. Тогда я на опытѣ узналъ, что для человѣка здороваго, но не имѣющаго моціона, невозможно спать болѣе семи часовъ въ сутки—затѣмъ оставалось семнадцать часовъ невольнаго (вѣрнѣе противожеланнаго) бодрствованія и сознанія безпомощности.

Иногда, желая выгадать нѣсколько времени отъ часовъ бодрствованія, вздремнешь днемъ, полагая, что ночью проспишь само по себѣ; не тутъ-то было, сколько времени проспишь днемъ, ровно столько же не доспишь ночью, а это ночное бдѣніе еще хуже дневнаго, такъ какъ при ночникѣ читать невозможно. А какъ это было досадно: для арестанта сонъ—это величайшее благодѣяніе; въ теченіе почти полугодоваго заключенія я только два раза видѣлъ во снѣ, что я въ крѣпости: одинъ разъ въ началѣ моего тамъ пребыванія, а другой незадолго до моего освобожденія, чуть ли не наканунѣ; прочія же ночи я видѣлъ такіе

---

¹⁾ Напоминаемъ, что все это было уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, всѣ непорядки происходили отъ небреженія ближайшихъ приставниковъ, и въ послѣдующее время все постепенно улучшилось, самый Алексѣевскій рavelнѣ пересталъ быть тюрьмою. Содержаніе въ III-мъ отдѣленіи арестованныхъ было и тогда очень хорошо, см. объ этомъ воспоминанія И. В. Селиванова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 и 1882 гг.,—онъ также былъ узникомъ у Л. В. Дубельта.

обыкновенные, а иногда и пріятные сны, что минута пробужденія была очень скверною минутою, возвращающею къ дѣйствительности весьма непригожей. Сигаръ выкуривалось не болѣе семи, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ дней, когда приходилось въ казематѣ составлять письменные отвѣты: тогда сигаръ выкуривалось болѣе. Еще одно развлеченіе, которое было доступно: это кормленіе голубей остатками хлѣба отъ обѣда и ужина, — голуби прилетали къ открытой форточкѣ и садились на желѣзную полосу, сквозь которую пропущены были желѣзные брусья рѣшетки; впоследствии голуби приручились дотого, что влетали въ комнату и даже давались въ руки.

Затѣмъ перехожу къ допросу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга вторая.

ПОВѢСТВОВАНИЕ

Священно-архимандрита отца Фотія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жизнь въ Новѣ-градѣ настоятелемъ обители игуменомъ въ Деревяницкомъ монастырѣ отца Фотія.

ЛѢТО 1820-е, МѢСЯЦЪ СЕНТЯБРЬ ¹⁾.

Бѣдное и горькое житіе, трудное въ крайне разоренномъ монастырѣ Деревяницкомъ. — Попеченіе о церкви, монастырѣ, братіи; благодарность о. Фотія ученика учителю бывшему своему, предмѣстнику игумену Иерониму. — Приятность уединенія въ монастырѣ. — Попеченіе о спасеніи души, единствѣ всѣхъ и о милостыяѣ. — Тайное подаваніе милостыни въ обители.

Рзошелъ просто единъ въ обитель и поселился отецъ Фотій прежде, нежели могъ осмотрѣть обитель, свѣдѣніе о немъ отъ Бога благословенную въ жилище, какъ въ осеннее время началъ заботиться о жилищѣ своемъ на зимнее время, почему входя по кельямъ въ разсмотрѣніе, почти ничего не находилъ: все, какъ послѣ непріятели, разстроено: нѣтъ даже замковъ въ дверяхъ настоятельскихъ, половина келій въ разстроенномъ самомъ видѣ, безъ печей; нѣтъ водоноса для принесенія воды; нѣтъ самыхъ нужныхъ потребностей и вещей; съ трудомъ въ единой кельѣ онъ могъ помѣститься съ родными своими ближними, съ ними же изъ Петербурга пріѣхалъ. Все въ монастырѣ то отъ давняго времени обветшало, то испортилось, то утрачено; пошедь оглядѣть церкви, увидѣлъ, что главная соборная церковь Воскресенія Христова есть прекраснѣй-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1894 г. кн. X.

шая зданіемъ, но въ ней индѣ своды отъ течи совершенно протекли, индѣ вовсе крыша вся изгнила; индѣ отъ худой изгнившей крыши, отъ верха до низа теча по стѣнѣ идя, всю стѣну испортила; индѣ нѣтъ въ монастырѣ ни крыши, ни половъ въ кельяхъ; индѣ нѣтъ ни стеколъ, ни оконъ; индѣ нѣтъ ни печей, ни дверей; индѣ половина ограды вся наклонилась и падающая столбами подперта; индѣ башни обрушены; индѣ бугры камня, рвы безобразные, ямы отъ строеній старыхъ; индѣ все загажено нечистотою. Особенно его поразили одинъ случай необыкновенный: проходя, взошелъ онъ во единое мѣсто келій; и видитъ что нѣтъ дверей, нѣтъ стеколъ, нѣтъ печей и нѣтъ ничего въ ней; но одна куча сѣна посрединѣ кельи, и въ ней человѣкъ. Тогда Фотій спросилъ, кто здѣсь и что это значитъ? Онъ ему отвѣщаетъ: я послушникъ монастыря сего; а келья сія есть моя, и я въ ней живу: въ снѣгъ зарывшись сплю, ибо кромѣ рубища, кое видишь ты на мнѣ, я ничего не имѣю. Такая бѣдность, въ концѣ уже сентября мѣсяца, и нужда въ тепломъ одѣяніи и жилищѣ поразили Фотія до глубины души. Увы! онъ зарыдалъ, глаголя: «увы! въ какое мѣсто я удаленъ! гдѣ я нынѣ? Въ корпусѣ я былъ на всемъ готовомъ, ни объ чемъ заботы не имѣлъ, 1.200 рублей жалованья получалъ, и все готово было; а здѣсь токмо двѣсти рублей, и вотъ все, чѣмъ я долженъ жить и довольствоваться; чѣмъ же помощь дамъ кому-либо изъ братій?» Никакой возможности не предвидѣлъ онъ, чѣмъ и какъ онъ жить будетъ, все поддерживать, всѣхъ содержать, при крайней болѣзненности своей, совершенномъ отверженіи отъ міра и безкорыстіи. Впрочемъ, обходя, все осматривая, возлагалъ надежду на Бога, что изъ ничего Онъ все создалъ; когда Онъ повелитъ, то все нужное къ тому будетъ: Онъ сѣмени срацынскому заповѣдуетъ препитати раба своего, и оно будетъ пропитывать по волѣ Его; Его слушаетъ все, Ему работаетъ вся тварь. Тако помышляя, часто взывалъ съ глубокими вздохами ко Господу Богу, моля и прося, что аще есть на то Его святая воля, да наставитъ его, да призритъ на святую обитель, на братій, на всѣхъ и вся, да ущедритъ своею благостію, да покроетъ своею милостію. Какъ бы имѣя нѣкое извѣщеніе о грядущей милости въ тайнѣ сердца своего, Фотій ходилъ по обители, все осматривалъ, замѣчалъ, мѣрилъ самъ по себѣ, ничего не смысла еще ни строить, ни дѣлать, но уповалъ, что Богъ просвѣтитъ, ими же вѣсть судьбами; научитъ строить его, когда дастъ на что ему все дѣлать и устроеніе производить.

Принявъ въ вѣдѣніе обитель, какъ должно, приложилъ все стараніе первѣе о святой церкви, како завести чинъ церковный приличнѣе во всемъ: пѣніе, чтеніе, служеніе и житіе всѣхъ. Старался одѣть всѣхъ и обуть братій отъ подавній, коими невидимо его на путь осмыслъ Господь; онъ считалъ не деньги и накопленіе оныхъ себѣ отрадою, а

то, чтобы, какъ дѣтей своихъ родныхъ, всѣхъ и каждого снабдить нужнымъ и утѣшить старцевъ. Съ Божіею помощью вскорѣ водворилась любовь общая, и все общее и благое. Предмѣстникъ его игуменъ былъ тотъ самый, который чрезъ 12-ть лѣтъ почти въ семинаріи былъ всегда Фотію учителемъ, потомъ инспекторомъ-префектомъ и благодѣтелемъ. Онъ по слабой жизни и неискусству, совершенно разстроился и обитель чрезъ нѣсколько лѣтъ разстроилъ до конца. Не притязался къ нему Фотій, помня его благодѣнія; обитель всю снялъ съ него, все прикрывая его недостойнство, удержавши деньги ему выдать, обидѣвшихъ его крѣпко вразумляя; коль ни въ бѣдномъ состояніи онъ былъ, но памятовалъ, что онъ былъ его единственный въ свое время благодѣтель; имя же ему было игуменъ Иеронимъ. Онъ по сдачѣ обители своей, по волѣ начальства, перешелъ на пребываніе всегдашнее въ Антоніевъ монастырь; Фотій же съ Богомъ единъ началъ жить и управлять по Божіей благодати святою обителью. День же и ночь воздыхалъ и молился Богу, да будетъ Онъ Самъ Настоятель, Игуменъ, Строитель и Отецъ въ обители, а себя считалъ Фотій крайне несмысленнымъ, бѣднымъ и убогимъ.

Послѣ суетной и шумной жизни столичной, ему бѣдное, но уединенное, тихое житіе въ Деревяницахъ показалось быть рай Божій, братія и чада въ ней, яко ангели: все его утѣшало, все увеселяло по Бозѣ; бѣдные старцы его чтили, любили, какъ отца своего, и послушали, какъ начальника.

Поселився, попеченіе онъ имѣлъ о внѣшнемъ и внутреннемъ устроеніи обители, паче всего внималъ, како бы душу свою спасти, жилъ, ни съ кѣмъ не знаясь, единъ былъ, удаляясь всѣхъ, всего, имѣлъ же собесѣдника и таинника Единого Бога и ангела хранителя, помощника. Особенно же помышлялъ, како ему будетъ содержать обитель и всѣхъ питать; какъ вдругъ вѣсть приходитъ, что судно стоитъ на водахъ у монастыря, цѣлое хлѣба и крупы наложено, и съ тѣмъ еще елей и вино для церкви. Удивился тогда отецъ Фотій и обрадовался, откуда Богъ вся сія даде? И возведъ очи свои горѣ, простирая руки къ Богу, благодарилъ Заступника Бога, Помощника, Питателя, Отца сирыхъ и нападствуемыхъ. Все сіе, яко общее, принялъ въ обитель, хотя собственно ему было прислано; и запретилъ, дабы никто не смѣлъ по прежнему обычаю ничего называть: то настоятельское, то братское, и все дѣлать. Говорилъ Фотій: много ли надобно одному? На мою часть многіе могутъ быть въ обители сыты. Да будетъ все общее едино: буду брать изъ общаго, сколько я могу съѣсть и пить единъ; а дѣлать не хочу и свою часть внѣ обители давать: все да будетъ въ обители общее, да будетъ во всѣхъ сердце едино и душа едина.

Живя около трехъ мѣсяцевъ, онъ забывалъ всѣхъ въ столицѣ знае-

мыхъ и думалъ, что его всё забыли, утѣшался безмолвіемъ святы мъ, въздыхалъ о томъ, како бы Богъ помогъ ему хотя кровли сдѣлать въ обители. Во единъ день онъ получилъ съ почты посланіе, какъ простое письмо довольно толстое, крѣпко запечатанное; откуда же послано, неизвѣстно, но по надписи оно было въ Санкт-Петербургѣ, отголѣ же и въ Новъ-градъ пересылается; распечаталъ оное въ день св. Николая Чудотворца, яко въ часъ третій по полудни 6-го декабря, и увидѣлъ полонъ пакетъ ассигнацій, а всего три тысячи рублей, почему не могъ отъ удивленія къ Промыслителю Богу читать сего посланія. Едва пришелъ въ крѣпость силъ, что могъ читать посланіе, дивился, для чего, откуда прислано, какъ чрезъ двѣ столицы просто посланіе запечатанное, пересылаемое не было утрачено по законамъ почты. Прочитавъ, видѣлъ, что милостыню подавшая, приславшая десница есть десница рабы Господней, дѣвицы незнакомой: видя же увидѣлъ, яко Господь съ нею есть; и аще бы не былъ съ нею Господь, не сотворила бы ему сіе незнакомому, гонимому человѣку Бога ради за вѣру и благочестіе отъ нечестивыхъ. Принявъ, все отдалъ въ церковь Божию Спасу и Пречистой Его Матери Дѣвѣ Богородицѣ, а прислано Фотію все собственно на его нужды. Какія же нужды у меня, сказалъ онъ тогда самъ себѣ? Богъ и спасеніе вѣчное; вотъ всё мои нужды. Бога хочу обрѣсти и Ему отдаю злато и сребро и все, да Богъ мнѣ Себя Самого всего подастъ; да дастъ Онъ мнѣ по сердцу моему и поможетъ мнѣ одолѣть враговъ Церкви и вѣры, хотя бы мнѣ все то стоило великой скорби, крови, муки и смерти на сей землѣ. Сія благая принимаетъ, какъ награду отъ Бога за прежніе подвиги, и въ сердцѣ своемъ Господу глаголетъ: вѣмъ, Господи, что Ты хочешь симъ явно на мнѣ удивить милости Твоя за слово и дѣло Твое, да ревнуя ревную по Тебѣ Бозѣ Вседержителѣ; Ты вѣси, Господи мой, Господи, что азъ есмь рабъ Твой и сынъ рабыни Твоея; не остави мя, Боже мой Иисусе Христе, и азъ Тебя не оставлю; аще ли когда и согрѣшу, яко человѣкъ, милостивъ буди мнѣ; азъ же не хочу отъ Тебя отступити, но хочу поработать Тебѣ во вся дни живота моего и сокрушая сокрушить главы змievъ-масоновъ и прочихъ еретиковъ и нечестивыхъ людей.

Начинаетъ идти молва въ людяхъ, что Господь помощь свыше являетъ святой и убогой обители Деревяницкой, и Фотію рабу Своему есть Заступникъ и Покровитель; Фотій же смиряясь пребывалъ въ уединеніи; всѣхъ и всего удалялся, да поработаетъ Господу Единому. Владыка же викарій епископъ былъ тогда Дамаскинъ и весьма Фотія любилъ по Бозѣ.

ЛѢТО 1821-е БОЛѢЗНЕННОЕ.

Третія тайная великая милостыня.—Постъ святой и великій.—Смерть игумена Геронима страшная.—О трудахъ въ устроеніи обители, и болѣзни смертной.—Ножежь открытіе болѣзней отца Фотія, и лѣченіе врачевское страшныхъ и лютыхъ язвъ на всей груди.—Первое рѣзаніе груди о. Фотія.—Второе рѣзаніе груди о. Фотія.—Третіе рѣзаніе груди о. Фотія.—Пособіе дѣвцы г. Анны милостивой въ болѣзни о. Фотія.—Объ искушеніи и терпѣніи.—Устроеніе и обновленіе Деревяницкаго монастыря въ лѣто 1821-е.—

Проходитъ праздникъ Рождества Христова и Богоявленія, Фотій вдругъ получаетъ, стоя въ церкви при возгласеніи словъ діаконыхъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны»,—такую вѣсть. Приходитъ въ церковь къ нему вѣстникъ, стражъ обители къ настоятельскому мѣсту, и говорить: «Отче, кони пришли къ монастырю неизвѣстно откуда со свѣщами для церкви и ладономъ; что прикажешь дѣлать?» Фотій же умолчалъ на сіе: ибо вшедъ въ церковь, не имѣлъ обычая ни для чего исходить изъ церкви и, молитву оставивъ, спѣшить для нуждъ земныхъ. Помышлялъ же въ себѣ глаголя: Господь даде: когда же все Онъ даде, никуда отъ меня изъ обители не исчезнетъ. Много же дивился и радовался втайнѣ о семъ великомъ приношеніи въ церковь Божію. Обитель же и церковь соборная были во имя Воскресенія Христова, то-есть, недѣля новыя, въ которую празднуется съ обществомъ Христа Бога нашего во адъ, и когда Онъ изъ ада всѣхъ праведныхъ изводилъ всѣхъ въ царствіе небесное; и также празднуется увѣреніе Фомы святаго апостола; а церковь, въ ней же стоя, извѣстіе пріялъ о семъ приношеніи, собора святаго архангела Михаила и прочихъ святыхъ небесныхъ силъ. Лишь сей вѣстникъ ушелъ, приходитъ другой и возвѣщаетъ: «Отче, отъ начала деревни до ограды монастырской и въ монастырѣ по всему пути прибылъ къ тебѣ въ монастырь неизвѣстно откуда великъ обозъ съ хлѣбомъ и разнымъ запасомъ; что прикажешь дѣлать?» Фотій тогда, какъ бывъ удивленъ, помышлялъ въ себѣ, глаголя: правда ли есть? Не привидѣніе ли есть въ церкви? Но перекрестився, увидѣлъ, что не привидѣніе; стоялъ и молчалъ моляся Богу и ждалъ конца службы. Кончается служба Божія, изшелъ изъ церкви и увидѣлъ, чрезъ весь монастырь сряду стояли возы и на всѣхъ буги хлѣбныя, и вопрошалъ: «кто вы и откуда?» Ему говорили: «мы дальніе». «Отъ кого вся сія милость?» Ему повѣдали: «отъ купца». Старшій смотритель за симъ ему повѣдалъ, что изъ Твери отъ купца. Но помыслъ Фотію вѣщаль: не вѣрь, Фотіе, сіе подаваніе есть не кучеческое, но кого-либо великаго человѣка и праведнаго. Сердце ему говорило втайнѣ, что се есть милостыня человѣка Ангела Господня во плоти на землѣ сокровеннаго, иже есть сосудъ благодати въ честь Богу; не дознавша же о семъ вѣрно, благодарилъ Бога, велѣлъ все принять и въ хорошее мѣсто по-

ложить, на содержаніе обители все сохраняя. И такъ обитель святая обогатилась хлѣбомъ всякаго рода на нѣсколько времени.

Во время оно бояринъ нѣкто дальній, изъ Москвы проѣзжая Новгородъ, входитъ въ Фотію и подаетъ пакетъ, говоря: се присылается книжка тебѣ; прошу дать росписку въ полученіи ея, что ты, отче, книжку сію получилъ отъ меня, дабы я дать отвѣтъ могъ тому, кто поручилъ мнѣ оную передать въ твои руки. Принявъ сей пакетъ, вошелъ въ кѣльи тайную, хотѣвъ разсмотрѣть, какая есть сія книжка; распечаталъ и вотъ увидѣлъ большими ассигнаціями десять тысячъ рублей. Увидѣвъ же, соблюдалъ на сердцѣ, яко тайну; ибо въ посланіи пишетъ десница подающая, что посылаетъ книжку на нужды его собственныя, и проситъ увѣдомить и дать росписку въ полученіи. Фотій росписку далъ и отпустилъ боярина въ путь, послѣ же простерши руки свои къ Богу, не зная, како Его достойно возблагодарить за вся свыше, а не отъ человѣкъ подаенія ему подаемыя. Какъ младенецъ, чадо, милымъ надѣялся быти Спасу Богу своему и Пречистой Его Матери Дѣвѣ и Святымъ Угодникамъ и сказалъ ко Господу: на что мнѣ, Господи, сія бездна богатства нечаянно является? Какіи мои нужды? Ты моя нужда, Господи! Тебя мнѣ нужно обрѣсти. Убо се все сіе Ты прими отъ меня во славу твою; мнѣ же Ты Самъ Себя даждь, да я Тебя, сокровище мое, Спасе и Боже мой, обрѣщу во вѣки. И внесъ въ Церковь Божию, положилъ на сохраненіе Богу для обновленія святыхъ обители, Божіихъ церквей и на содержаніе братіи, но втайнѣ все содержалъ и никому не разглашалъ, яже Богъ ему даде.

Такъ предваряли Фотія милости Господни и исполняли всѣхъ благъ за малые труды въ Санкт-Петербургѣ, которые онъ за вѣру и Церковь Божию понесъ и терпѣлъ изгнаніе. Вотъ какъ гоненіе Богъ обращалъ во благо ему. Въ сіе время былъ святой и великій постъ: и онъ былъ первую седмицу ни ядѣи, ни шіи, и изнурялъ себя постомъ и говѣніемъ, всячески утруждая тѣло свое.

Такъ помышлялъ онъ во всю четырехдесятницу святую и великую пребывать, Богу работая; но се слышитъ, что игуменъ Іеронимъ погибе: всюду ищутъ его и не находятъ уже болѣе седмицы. Наконецъ его обрѣтаютъ погибшимъ близъ рѣки, и въ снѣгу отъ погоды зарытымъ, по краю полы его токмо обрѣли. Сказывали вѣрные самовидцы, онъ шелъ въ Деревяницы къ Фотію взять мандію на святой постъ; но тогда была снѣжная и вѣтреная погода весьма, пути не было видно, время было къ ночи; шелъ же въ сырную субботу; поелику же вмѣстѣ шелъ онъ въ оное время на грѣхъ плотскій, то отъ врага помраченъ бывъ и отъ вина заблудивъ, цалъ и замерзъ. Врагъ старался навести искушеніе Фотію при семъ случаѣ, но все о силѣ Божіей прошло добрѣ. Сіе ему дано познать, что смѣръ грѣшниковъ люта есть (исаломъ

XXXIII, ст. 22). Кто живетъ въ обители настоятель, по обѣтамъ не поступаетъ, монастырь разоряетъ, или небрежетъ о братіи, не печется, соблазнъ дѣлаетъ людямъ, согрѣшаетъ безстрашно и о покаяніи не помышляетъ, того еще въ житіи семь казнь Божія постигаетъ. Слышалъ Фотій, что идя взять мандію у него для ношенія, шелъ сей игумень самую вещь на худыя дѣла свои. Болѣе девяти дней онъ погибалъ; и не было поминовенія по немъ въ самое крайнее для него время, когда душа его, ходя по мытарствамъ, отчетъ во всемъ давать должна была.

Наступала весна, проходилъ святой и великій постъ, становились дни пріятные и способные къ работамъ лѣтнимъ; и Фотій рано принялся думать объ устроеніи обители и старался прилагать тщаніе, какъ бы ему Богъ далъ силу святая церкви покрыть, а особенно соборную, ветхости ея исправить, и все нужное привести въ порядокъ по строенію, садамъ и землямъ, и жилища братіи исправить. Припасалъ онъ желѣзо для крышъ, доски, лѣсъ и прочія нужныя вещи всѣ къ строенію и дѣлу. Въ сіе же время онъ началъ чувствовать тягость въ груди своей: ему казалось, при истощеніи тѣла и воздержаніи, все тѣло его худѣетъ, руки и ноги сохнутъ, но не понималъ, отчего одна грудь его полнѣетъ, и, не чувствуя болѣзни, помышлялъ, что тѣлесное здравіе его умножается. Но сія усматриваемая полнота въ груди, посредѣ безъ ощущенія надутость, составляющая его всю болѣзнь, время отъ времени спираетъ ему вдохъ, и примѣтно, такъ сказать, таетъ и исчезаетъ отецъ Фотій въ силахъ. Проходитъ мѣсяць, проходитъ другой, весною занимается онъ по всѣмъ мѣстамъ, на работахъ вездѣ одинъ ходитъ и смотритъ, не имѣя никого способнаго къ тому: послѣднія силы свои истощалъ на труды во дни, но не оставлялъ и службъ церковныхъ. Нерѣдко онъ приходилъ въ церковь ранѣе паракклесіарха, когда церковныя двери были заключены, рано поутру онъ въ паперти его ожидалъ, когда двери отверзаютъ церкви, дабы вникти въ домъ Господень и помолитися. Наступаетъ середина лѣта, проходитъ іюль мѣсяць, и онъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ чувствуетъ тягость въ груди и вдохахъ, слабость тѣла, видъ у него измѣняется, блѣднѣетъ, какъ мертвецъ; но трудовъ не оставляетъ; остроты болѣзни не чувствуетъ, яко безчувственъ. Помыслы его начинаютъ смущать: дѣлаетъ объявленіе въ градѣ врачамъ, кто обрящется врачъ готовъ его врачевать, дабы пришелъ и извѣстилъ его о лютой болѣзни его, и что подобаетъ творить. Доброю волею обрѣтается врачъ, приходитъ къ нему; онъ ему открываетъ скорбь свою, и врачъ сказуетъ, что хотя наружно нѣтъ признака надутости у него, и онъ болѣе не ощущаетъ, но, осязавъ, доказываетъ, что между кожею и мясомъ и между костями внутри грудь его изгнила едва не вся, и онъ въ великой опасности смертной.

Не имѣя обычая и даже помысла о лѣченіи своего тѣла, онъ, совершенно пренебрегая свое тѣло, не думалъ о временной жизни и, желая скорѣе перейти на новую жизнь, соединиться и быть со Христомъ, онъ не скорбѣлъ о тяжелой болѣзни своей, за которую могла послѣдовать смерть на цогахъ печально во едино мгновеніе, когда внутрь нарывъ пройдетъ, а не наружу, прогнивъ. Онъ не хотѣлъ дать врачу себя пользоваться, какъ слѣдовало; врачъ за нужное находилъ разрѣзать кожу и мясо на груди его и тако избавить его отъ имѣющей послѣдовать печальной смерти. Фотій просилъ его оставить большую грудь и не разрѣзать, ежели можно, а иныя средства ему сдѣлать; а посему онъ самыя ѣдкія лѣкарства приложилъ къ мѣсту груди, дабы могли оныя тотчасъ кожу и мясо растравить, разгрысть и тако открыть проходъ снаружи для очищенія отъ тайнаго загноенія, гнилости и лютой болѣзни, дабы не послѣдовала скорая смерть, которая уже близъ имѣла быть; ибо никакъ не можно было ожидать, чтобы наружу самъ по себѣ проходъ гнилости открылся, развѣ внутрь къ сердцу. Всѣ средства врачъ употреблялъ къ тому по его просьбѣ; онъ же самъ, тайно заключившись въ кельи своей, старался простымъ ножемъ перочиннымъ всячески разрѣзать возвышенность груди на груди, дабы испустить матерію наружу. Многократно онъ бралъ ножъ, не чувствуя боли глубокой, довольно рѣзалъ мясо, но колико рѣзалъ, толико рука его дрожала, жалость къ своей плоти не допускала во всю глубину ножъ впуская рѣзать; а нарывъ очень глубоко подъ поверхностію всего тѣла былъ до костей, тѣло же было чисто, бѣло снаружи и не имѣло никакого признака внутрення болѣзни.

Прошло нѣсколько дней, когда онъ чувствовалъ бесполезность и неуспѣшность всѣхъ способовъ къ открытію болѣзни наружу, повелѣлъ врачу дѣлать рѣшительно, что надобно, съ его грудью; возложился на волю Божию, приутовился уже умирать подъ ножемъ врача, ежели Богу угодно будетъ; ибо нужно было рѣзать посредѣ груди, повыше ложечки на хрищѣ; далъ свое тѣло рѣзать съ тѣмъ, чтобы никто не вязалъ его, не держалъ и не смотрѣлъ, такъ какъ онъ не обнажаетъ ни предъ кѣмъ тѣла своего грѣшнаго; а самъ будетъ терпѣть рѣзаніе тѣла своего, груди своея посредѣ надъ самою ложечкою. Узнавъ отъ врача, что нужно было рѣзать грудь его много, а не мало, такъ онъ себя и устроилъ позволилъ рѣзать столько, сколько нужно, и терпѣть можетъ; простиралъ руки свои къ небу, возводя очи свои къ Богу горѣ, сотворилъ втайнѣ и явно молитву, перекрестился, раскрылъ тѣло, далъ грудь свою рѣзать. Врачъ, осазавъ добрѣ, осмотрѣлъ, взявъ въ правую руку острѣйшій врачевскій ножъ, лѣвою взявъ его руку и держалъ съ тѣмъ, что когда будетъ удерживать оную отъ дальняго рѣзанія и скажетъ, полно рѣзать, то дабы ему остановиться. Тако началъ рѣзать жестокое, тощее его тѣло, и едва могъ разрѣзать такъ глубоко, но какъ разрѣзалъ, тот-

часть истекла самая зловонная, перегнившая весьма давно матерія, яко нѣсколько фунтовъ, и мѣсто пола вся облила. Открылось отъ сего ужасное загноеніе отъ середины груди съ лѣвой стороны отъ сосца чрезъ всю грудь, и на мѣстѣ праваго сосца его и далѣе, и бокъ правый ниже груди, все одина язва, едино мѣсто загноенія и яко мѣхъ пустой было; изъ такого пространства язвы подъ тѣломъ на костяхъ нужно было всю матерію испустить и загноеніе все. Въ сіе время рѣзанія своя грудь онъ пѣлъ стихи и молитвенныя пѣсни Господни; врачъ же удивлялся, ужасался, како онъ могъ терпѣть безчувственно. и что непремѣнно имѣла послѣдовать смерть ему, когда бы внутрь рана сама по себѣ открылась. Рѣзаніе оное первое было совершено 3-го іюля 1821 года. Язва же затыкалась, яко боченокъ, кускомъ корпіи съ мазью и была вся перевязками перевязана и стянута, дабы отставшую плоти верхнюю часть притянуть и приживить къ нижней, сращивая вмѣстѣ.

Язва страшная, великая на груди была подъ тѣломъ, пустота во всю грудь; матерія истекая въ открытую язву посредѣ оныя должна была очищаться, но язва вскорѣ начала заживать на тѣлѣ, какъ тѣло сверхъ здорово, а подъ тѣломъ пустота еще вовсе не начала соединяться въ частяхъ, дабы верхняя часть тѣла прижила къ костямъ нижней внутренней части добрѣ; а посему осьмага іюля нужда требовала снова язву не токмо на мѣстѣ разрѣзанномъ подрѣзати, но еще и болѣе, отъ низа начиная отъ ложечки вверхъ разрѣзати, дабы дотолѣ могла быть она, доколѣ сперва на правомъ боку и сторонѣ правой груди, подъ сосцемъ и по всей груди приживетъ верхняя часть всего тѣла къ нижней добрѣ; сія язва должна была мѣстомъ изверженія всѣхъ гнилостей быть извнутри. Врачъ, пришедъ, болѣе язву разрѣзалъ снова, какъ нужно было: Фотій же смотрѣлъ на плоть свою терзаемую, и терпѣлъ помышляя, что мученики не такія рѣзанія терпѣли, намъ образъ терпѣнія явившіе въ себѣ: просилъ Бога, моляся втайнѣ, дабы Онъ болѣзнь сію ему вмѣнилъ въ очищеніе отъ прегрѣшеній его. Изъ язвы пакы, болѣе сдѣланной, исходилъ гной и кровь. Сіе новое второе рѣзаніе было тяжелѣе прежняго ему; но благодатию Христовою онъ былъ веселъ, не скорбѣлъ, не унывалъ, былъ же весьма слабъ: ибо ясти не могъ почти ничего. Десятаго числа іюля пріѣхала его страждущаго посѣтитъ Боголюбивая боярыня Дарья Державина, и хотѣла быть въ Церкви у Божественной Литургіи. Она пріѣхала въ Новъ-городъ. Въ сей же день былъ праздникъ Коневскія или Святогорскія Божія Матери, коея икона есть въ Деревяницахъ, и о коей выше было сказано отчасти. Узнавъ сіе, владыка Дамаскинъ восхотѣлъ пріѣхать и служить самъ. Несмотря на язвы лютыя и опасность болѣзани, больной отецъ Фотій рѣшился, возмогая о силѣ Божіей, востать отъ одра, итти и срѣтати архіерея въ обитель свою и даже слу-

жить съ нимъ. Срѣтилъ его, служилъ съ нимъ и изъ обители своея владыку и боярыню проводилъ: такое было безпокойство его съ язвами лютыми въ сей день, что часовъ семь внѣ кельи на монастырѣ быть долженъ былъ и въ холодномъ соборѣ. Думалъ, что отъ сего труда такое поврежденіе ему будетъ, что или умереть вскорѣ, или лютившую язву и болѣзнь будетъ терять. Но какъ онъ пришелъ въ келью, всѣхъ проводивъ, прикрывая свою болѣзнь, то далъ перевязывать рану келейнику своему простому монаху (сей же того же года 4-го сентября постриженъ въ монашество и нареченъ Петръ; былъ посвященъ 7-го сентября въ іеродіакона, послѣ былъ намѣстникомъ въ Юрьевѣ и игуменомъ въ двухъ обителяхъ). Онъ былъ первый келейный и постриженецъ. Что же усмотрѣлъ и осязалъ на мѣстахъ язвъ при перевязкѣ? Увидѣлъ и дозналъ добрѣ, что на мѣстѣ всего бока праваго самое нужное и важное прижило прежде всего, срослося, или отъ усилія въ службѣ слѣпилось. Ежели бы же сіе мѣсто не прижило, то нужно другую язву разрѣзать на правомъ боку, дабы истекала матерія удобнѣе, тѣло очищалось отъ гнилости, и скорѣе избавиться отъ новыя опасности. Болѣзненный такъ сему обрадовался, что думалъ, не мечта ли ему представляется? Помысль ему сказалъ, что трудъ ради праздника Божіей Матери, Царицы и Владычицы, Пресвятыя Дѣвы Богородицы, и послушаніе, явленное владыкѣ, и все содѣланное имъ въ лютой болѣзни Бога ради ему неожиданно, вмѣсто большаго вреда, обратилось въ великую пользу: какъ трудился, срѣтая владыку и служа службу Божію, то конечно невидимо Ангелъ Господень цѣлилъ то мѣсто. кое человѣческая рука обычно не могла исцѣлить, и тѣмъ его возвеселилъ въ день оный. Отголѣ онъ началъ имѣть великую вѣру къ Иконѣ Святогорскія Божія Матери, чтó въ Деревяницкой обители; ежегодно чтить праздникъ ея 10-го іюля. И такъ уже ожидалъ прихода врачевскаго съ большею радостью, нежели съ печалію, хотя еще поверхность груди его вся была яко едина лютая язва.

Врачъ, посѣщая его, осматриваетъ его язву, дѣйствительно находить часть тѣла на правомъ боку прижившую, на самыхъ бедрахъ подъ плечомъ, но примѣчаетъ, что поверхность груди такъ сильно между костей изгнила, что иные нервы изгнили, иные обнажились отъ плоти, и кавалы не настоящіе для очищенія матеріи открыты. Мѣсто же изрѣзанныя раны такъ скоро заживаетъ извнѣ, что нужно въ нѣсколько кратъ болѣе разрѣзать, дабы долѣе не могла зажить, пока вся нечистота внутрь черезъ оное очистится и все заживетъ; а послѣ рана сама по себѣ заживетъ. Обычно лѣчить начавъ онъ сначала, продолжаетъ болѣе всего искусною перевязкою стягивать грудь, дабы срослись раздѣленные части всѣ тѣла между собою. Дожилъ онъ до 18-го іюля, врачъ, приходя нерѣдко къ нему врачевать, объясняетъ въ сей день,

что рана его заживает скоро къ удивленію его, а еще велика есть болѣзнь внутри; а посему нужно снаружи, всю добръ разсмотрѣвъ рану, посредѣ выше ея разрѣзать болѣе гораздо и обнажить каналъ главный, иначе залѣчить не скоро можно. Отъ совершеннаго неядвія почти, отъ болѣзни своя, утомленія болѣзненнаго, Фотій былъ немощенъ весьма, не желалъ бы рѣзать грудь свою снова безъ нужды, но необходимость болѣзни очевидная, что нужно разрѣзать снова грудь болѣе, несмотря на слабость силъ своихъ, принуждаетъ его рѣшиться дать рѣзать, какъ нужно, въ третій разъ грудь. Впрочемъ, по указанію и желанію врача, нашель слишкомъ много рѣзать ненужнымъ, сколько разсказалъ врачъ, приуготовился къ сему, больной же, воспѣвая славословіе великое, веселилъ себя тѣмъ, призывая Бога невидимо свыше въ помощь себѣ. Врачъ орудіемъ, впущеннымъ подъ верхнюю часть тѣла, яко на полпяди и болѣе между нервъ, испытавъ добръ, острѣйшимъ ножемъ готовился рѣзать. Онъ же, взявъ своею рукою правую его руку рѣзать хотящую, сказалъ, что ежели я тебя буду останавливать моею рукою, хотя и не возмогу говорить, что ты, рѣзавъ болѣе, не дерзай рѣзать, а остановися; я буду чувствовать самъ по своему тѣлу, сколько нужно меня рѣзать безъ тягости для меня; а ежели болѣе дерзнешь, вредъ великъ можешь ты сдѣлать мнѣ вмѣсто пользы; когда же послѣ нужно будетъ паки рѣзать, тогда я себѣ позволю, сколько разъ угодно тебѣ рѣзать тѣло мое: ибо я хотя чувствую болѣзнь при рѣзаніи, но немного; послѣ же при болѣзни язвы я ничего не ощущаю, какъ бы то было не мое вовсе тѣло. Врачъ ¹⁾ дивился малому ощущенію болѣзни тяжкія; началъ рѣзать плоть его, онъ же терпѣлъ: почувствовавъ, что довольно будетъ язву рѣзать, остановилъ рукою его руку, и врачъ пересталъ рѣзать. Отъ сего рѣзанія третіяго и послѣдняго такъ онъ ослабѣлъ, что яко двій седмъ правую рукою не совсѣмъ владѣлъ; нервы многіе были подрѣзаны при рѣзаніи раны; жестокое было сіе рѣзаніе его раны; но онъ терпѣлъ, благодаря Бога, Врача душъ и тѣлесъ. Сіе было послѣднее рѣзаніе ²⁾ 18-го дня іюля 1821 года въ угловой кельи гостиной, свѣтлой, гдѣ всегда свѣтильникъ горѣлъ неугасимо предъ Псково-Печерскою Богородицею.

¹⁾ Врачъ сей былъ докторъ Іосифъ Ѡ. Соколовскій, во все время сіе и послѣ пользуя отца Фотія 12 лѣтъ, до 1832 года.

²⁾ Объ операциі рѣзанія своей груди Фотій сообщалъ и въ письмахъ къ графинѣ Орловой. Карновичъ, не имѣвшій подъ руками полной автобіографіи Фотія, вналъ въ ошибку, смѣшавъ троекратную операцию рѣзанія груди Фотія, происходившую лѣтомъ 1821 года въ Деревянницкомъ монастырѣ („Русская Старина“, 1875 г., августъ, 484) съ болѣзью его, которой онъ подвергся въ іюлѣ слѣдующаго 1822 г., во время пребыванія своего въ Петербургѣ („Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 901, сообщеніе Горбунова).

Во время оно отецъ Фотій имѣлъ иногда переписку и писалъ о своей болѣзни дѣвицѣ Аниѣ; она же ему тайно въ книгахъ прислала пять тысящъ на излѣченіе болѣзни его. Сіе было ему великою отрадою и помощію во время нужды и болѣзни. Онъ же врачу милостыню отъ сего давалъ за труды, на врачеваніе употреблялъ, и на прочія нужды церковныя въ обители. Отъ слезъ заливаясь, благодарилъ онъ Бога, что внушилъ ему Онъ въ оное горькое время помощь явить чрезъ дѣвицу, рабу Свою вѣрную. Ежели же когда во время оно была нужна ему помощь ея и милостыня, то она всегда ему присылала.

Въ лѣто сіе послѣ смерти, на мѣсто Михаила митрополита былъ опредѣленъ Серафимъ, и пріѣхалъ изъ Москвы въ Новъ-градъ въ паству свою и хотѣлъ въ Софійскомъ соборѣ служить. Такъ же назначено было ему при семь случаѣ съ нимъ служить. Сего лѣта было наводненіе великое; рѣка Волховъ изъ береговъ весьма вышла. Были непрестанныя дожди, неурожай, голодъ угрожалъ, сѣна всѣ погибли, луга затонули; препятствія въ трудахъ и работахъ великія были. У Фотія не было даже тогда навозной телеги въ обители, чтобы ему вѣхать на коняхъ въ Новъ-городъ на служеніе; одна была старая, очень плохая и больная лошадь для работъ и выѣзда. А посему онъ долженъ былъ въ ладіи небольшой и плохой изъ обители ѣхать рѣкою Волховомъ, яко пять верстъ вверхъ противу быстроты водной и противу вѣтра въ пасмурной день и дождивой, холодный, вредной для него по болѣзни. Сидѣлъ въ ладіи не закрытъ; буря поднялась посередъ рѣки, безпокоила весьма его; гребець одинъ у него былъ человекъ; онъ долженъ былъ, дабы избавиться отъ потопленія и благополучно доѣхать, самъ править правою рукою, держа правило подъ плечомъ, гдѣ мѣсто было болѣзни велия. Сидя на кормѣ, правилъ онъ самъ, всѣ усилія въ крайности прилагая: чувствовалъ же, плыва противъ воды и вѣтра вверхъ, что онъ очень немощенъ и болѣе слабѣлъ. Съ Божіею же помощію онъ больной достигъ берега, и, у Кремля изшедъ изъ ладіи, шелъ прямо въ соборъ на служеніе. Здѣсь онъ не могъ осмотрѣть себя, а, осязавъ себя, нашель, что вся грудь, хитонъ его и все нижнее одѣяніе тѣла въ крови и гноѣ; впрочемъ, не давая вида о семъ никому, вступилъ онъ въ службу со вшедшимъ митрополитомъ новымъ; послѣ оныя, какъ къ новому архипастырю, вмѣстѣ съ другими званъ былъ онъ на трапезу его. Со всѣми прочими былъ на трапезѣ, пилъ, ѣлъ и сидѣлъ, ниѣя у себя подъ одеждою свою скорбь и чувствуя себя весьма окровавленна. Послѣ стола сей митрополитъ, не зная его скорби, болѣзни и страданія его, но видѣвъ, что клубокъ и камилавка у него, по его обычаю, на самыхъ глазахъ надѣта, блѣденъ онъ и худъ, дѣлалъ ему замѣчаніе не быть угрюмымъ, носить на главѣ покровъ подобно другимъ; слышавъ объ немъ многіе слухи, видѣвъ же въ первый разъ, внимательно посмотрѣлъ и, съ лю-

бовію пастырскою его отпушая, благословилъ въ путь къ обители; о силѣ Божіей прибылъ въ келью и не принялъ отъ трудовъ вреда, кромѣ пользы. Тако Богъ изволивъ его сдѣлать здравымъ, все ему обращалъ Своею силою въ пользу, здравіе и утѣшеніе единое, да воспѣваетъ все-святое имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троицы единосущныя и нераздѣльныя.

Впрочемъ, великіе и тяжкіе недуги онъ, въ лѣто сіе терпѣвъ тѣлесныя, бывъ въ язвахъ лютыхъ, трудовъ иноческихъ старался не оставятъ: снялъ вериги ¹⁾ съ плечъ и груди своей только что предъ самымъ рѣзаніемъ ранъ на ней, и послѣ вскорѣ облекся паки во свое оружіе духовное. Язвы заживленіе хотя успѣшно было, соединились верхнія части съ нижними, но рана болѣла, не закрывалась вовсе, матерія истекала изъ оной; рана гнила оная такъ, что наконецъ не осталось до кости нисколько мяса, кожа не могла расти, а токмо нѣкая перепонка кость покрывала. Болѣе году была почти непрестанно рана; послѣ когда она закрылась, то временемъ рана опять сама по себѣ гноилась и раскрывалась, и изливала матерію въ теченіе годовъ двухъ болѣе. Содѣлалась рана сія на груди его такою язвою, что хлада и всѣхъ перемѣнъ стихійныхъ уже не могъ доселѣ переносить. Нерѣдко въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ онъ въ шубѣ ²⁾ ходилъ; непрестанно опасностію къ смерти оная рана на груди его сдѣлалась; испыталъ тягость болѣзни и всегда зналъ, что есть противу сердца рана, хотя и закрыта отъ матеріи; лишь наединѣ обнажить всю хочеть, то задыхался отъ кашля: малое дуновеніе его душило. Многіе, не зная сея его скорби, приписывали блѣдность и немощь его въ немъ другимъ причинамъ. Богъ же единъ вѣсть все, отъ чего переносилъ всѣ болѣзни опасности и скорби отъ раны, въ то же самое 1821-е лѣто о силѣ Божіей онъ успѣлъ обновить снаружи церковь соборную во имя Воскресенія въ Деревяницѣхъ, главы обновить, крыша, гдѣ было ветхо, большею частію церковь соборную новымъ желѣзомъ покрылъ, исправилъ каменныя ветхости, кельи, гдѣ возможность была, исправилъ, сады въ порядокъ привелъ; по церкви чинилъ божественныхъ службъ старался завести, братію устроить, и самъ особенно старался о спасеніи своей души, ризницу исправилъ, описи всему составилъ, все въ порядокъ приводилъ и ничего не желалъ инаго, какъ до смерти въ сей обители жить и душу спасти. Мѣстоположеніе и воздухъ все ему способствовало къ облегченію. Деревяницкая обитель

¹⁾ Вериги о. Фотій возложилъ на себя въ 1817 году и никогда не снималъ ихъ, за исключеніемъ только медицинскою операцію. Письма Фотія къ роднымъ. „Русск. Архивъ“ 1871 года, 254.

²⁾ Фотій, въ послѣдующіе годы своей жизни, носилъ по нѣскольку теплыхъ одеждъ даже среди самаго лѣта. Елагинъ, „Жизнь графини Орловой“, 38—39.

для него была жилище въ монашествѣ, какъ жить съ братією, и врачевница въ его недугахъ. Не хотѣлъ онъ даже и помыслить о переходѣ въ другое мѣсто: ибо думалъ непрестанно, какъ бы душу свою спасти и со Христомъ быть.

ЛѢТО 1822-е БЛАГОДАТНОЕ.

Переводъ изъ Деревяницкаго въ Сквородскій монастырь и посвященіе отца Фотія въ священно-архимандрита.—Пріѣздъ дѣвicy г. Анны въ Деревяницы 1822 года.—Дераость Крнднеръ и Татариновой, яко начальницъ семъ въ С.-Петербурѣ, и другихъ нечестивыхъ обществъ, заведеній, паденіе ихъ, невниманіе духовенства.—Объ Иванѣ Ястребцовѣ, директорѣ комиссіи духовныхъ училищъ, и о прочихъ сподвижникахъ зловѣрія.—Вызовъ Фотія въ С.-Петербурѣ, его пріѣздъ къ митрополиту Серафиму, его благоволеніе, властей, проповѣдь, дѣйство Фотія чрезъ духовныя бесѣды на лица знаменитыя и первыя.—Несогласіе Серафима митрополита съ княземъ Голицынымъ и средства отца Фотія между ими нѣкій миръ сотворить на время.—Г. дѣвица Анна А. Орлова-Чесменская дѣлается духовною дщерію аввы Фотія, прилѣпляется къ дѣлу благочестія, православія, и совѣтъ ей о бракѣ благомъ на все полезномъ, духовномъ.—Державина дѣлается дщерію отца Фотія.—Первое свиданіе и бесѣдованіе съ княземъ Голицынымъ.—Особенное благоволеніе Серафима митрополита, и миротвореніе съ княземъ Голицынымъ на время.—Святый Великомученикъ Георгій является, не приказываетъ Фотію ѣхать въ обитель, а помедлить велеть для дѣла вѣры и святой церкви.—Святаго Великомученика Георгія вторичное явленіе и введеніе въ дѣло и мѣсто служенія съ митрополитомъ.—Пріѣздъ императора изъ путешествія въ С.-Петербурѣ и назначеніе Фотію явиться къ нему.—Наставленіе князя, что и какъ говорить съ царемъ.—Молятва и поклоненіе отца Фотія въ Качанскомъ соборѣ.—Входъ отца Фотія къ царю, обращеніе и бесѣда съ царемъ, и какую Господь далъ благодать Фотію у царя, 1822 года 5-го іюня.—Представленіе митрополита Серафима къ награждѣ отца Фотія драгоцѣннымъ крестомъ.—Отъѣздъ отца Фотія въ обитель, представленіе его царюцѣ Маріи и награда его отъ царя.—Во снѣ (видѣніе) откровеніе о будущей участи Фотію, и явленіе святаго Георгія Великомученика ему, и Юрьева монастыря врученіе.—Второй вызовъ отца Фотія въ С.-Петербурѣ для содѣйствія къ успешному теченію дѣла по духовному вѣдомству.—Отравленіе ядомъ, а послѣ 1822 года августа 1-го дня награжденіе а. о. Фотія драгоцѣннымъ крестомъ и запрещеніе тайныхъ обществъ и ложъ масонскихъ отъ императора Александра.—Самъ императоръ посылаетъ къ о. Фотію съ полученіемъ креста поздравить.

Когда Фотій себя гнѣздо по сердцу своему для всегдашняго пребыванія и покоя свилъ въ вѣдрахъ святой обители Деревяницкія, вдругъ получилъ извѣстіе, что назначенъ по указу Святѣйшаго Синода во архимандрита Сквородскаго ¹⁾ его произвести въ Новѣ-градѣ же. Крайне Фотію не было желательно во архимандрита идти; ибо боялся онъ ослабѣть въ подвигахъ отъ перемѣны въ житіи; желалъ всячески отказаться, но уже было поздно: указъ пришелъ, и новый пріѣхавшій архіерей 29-го генваря въ Софійскомъ соборѣ преосвященный Сильвестръ произвелъ во архимандрита. Тако житіе его кончается въ обители Деревяницкой: онъ сдалъ весь монастырь, готовился переѣхать въ

¹⁾ Назначеніе Фотія въ архимандрита Сквородскаго монастыря мотивировалось тѣмъ, что начальство, озабоченное исправленіемъ Сквородскаго монастыря, не могло найти лучшаго дѣятеля, какъ Фотій, показавшаго свою ревность въ быстромъ востановленіи Деревяницкаго монастыря. Елагинъ, „Жизнь графини Орловой“, 39—40.

новую святую обитель ко святому Мовсею, убійственную по сырости для слабаго его здоровья.

За одинъ день до выѣзда 4-го февраля, когда ѣхаль съ своимъ духовникомъ Фотій, какъ чередный, на служеніе въ Софійскій соборъ на одной лошади, на пути между монастыремъ Деревяницкимъ и Антоніевымъ на рѣчкѣ Деревянкѣ близъ ручья Донца, гдѣ будучи всегда отрокомъ въ семинаріи, по сбытіи водъ, руками ловилъ малыхъ рыбъ, возмупая воду ногами, во срѣтеніе ему ѣдетъ г. дѣвица Анна, проѣзжающая въ С.-Петербургъ къ царскому двору и желающая его прежде видѣть во святой обители, и посѣтить, и узнать его житіе и бытіе все. И она ѣдетъ на своей лошади. Узнавъ, благословилъ онъ сего земнаго ангела Божія во плоти и сказалъ, что онъ ѣдетъ на службу Божию въ соборъ Софійскій. Она, какъ раба Господня, не разгнѣвалась, а за нимъ на единой лошади такъ же ѣхала въ соборъ до обѣдни. Онъ, желая съ нею говорить и не имѣя мѣста, взялъ и привелъ ее къ Іоанну архіепископу къ рабѣ, и тамо вмѣстѣ съ нею бесѣдовалъ на пользу душъ. Онъ служилъ единъ безъ архіерея, а она предстояла едина почти предъ Богомъ моляся. Послѣ побесѣдовавъ паки и благословивъ ее, отпустилъ съ миромъ въ домъ, гдѣ она пристала. Она желала на утро къ службѣ быть у литургіи въ Деревяницахъ: онъ же ее ожидать началъ, принявъ ее о Господѣ въ кельяхъ, бесѣдовалъ съ нею слово и дѣло Божіе, и послѣ службы ее благословилъ въ гостиницу отправиться; и она желала быть на другой день при входѣ его въ Сквородскій монастырь. Пришло утро, и отецъ архимандритъ Фотій отправился въ монастырь свой новый, и лишь былъ введенъ, дѣвица, раба Господня, голубица чистая прилетѣла, яко на крыльяхъ. Фотій, выбѣжавъ, ее къ святымъ мощамъ Мовсея привелъ приложиться, взялъ въ келью, чѣмъ можно отъ любви почтилъ ее и до поздняго вечера бесѣдовалъ съ нею слово и дѣло Божіе наединѣ: какъ земля сердце ея было самое благое и способное къ принятію сѣмянъ слова Божія, то слушала она со всею любовію его. Потомъ въ нощи уже она отправилась отъ него въ Новъ-городъ и въ Санкт-Петербургъ; онъ же далъ ей въ путь проводниковъ въ нощи до града; на колокольни свѣщи возжегъ нощю, дабы видѣть ей было можно, куда ѣдетъ.

Отъ сего-то времени крѣпкое и постоянное всегдашнее о Господѣ единеніе въ духѣ начало быть между отцемъ Фотіемъ и г. дѣвицею Анною, и часто писалъ къ ней душеспасительныя посланія многія весьма. Всѣ посланія собственноручныя были въ трехъ книгахъ въ переплетѣ подъ названіемъ 1820, 1821 и 1822 годъ. Но 1832 года сожжены, какъ оныя, такъ посланія 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годовъ. Такъ было угодно ему, то и сдѣлано; остались же копии съ нѣкихъ посланій его подъ названіемъ 1820, 1821

и 1822 годовъ въ одной книгѣ, кои посланія и находятся въ цѣлости о разныхъ духовныхъ вещахъ и происшествіяхъ.

Всѣ секты, расколы и общества тайныя въ сіе время съ великою дерзостію поступали. Общій слухъ былъ разглашаемъ отъ обществъ франкъ-масонскихъ, что самъ царь къ нимъ благоволяетъ, власти высшія въ ихъ обществахъ, духовныя лица первыя съ ними въ союзѣ. Сія неосновательная ложь для того разглашалась, дабы сею молвою всѣхъ, кого можно; прелестію и ложью уволчать въ сѣти своихъ заблужденій. Духъ лести вѣшалъ, что въ скверныхъ и нечестивыхъ обществахъ равенство, свобода, любовь, братство, въ ихъ власти чины, всѣ достоинства и прочія земныя блага достигаются взаимнымъ содѣйствіемъ ихъ другъ къ другу; что въ ихъ скопищахъ самыхъ несчастій быть никому не можетъ на землѣ, а всѣ блаженствуютъ, и у всѣхъ ихъ общее: что вскорѣ господственно новая ихъ неслышанная отъ вѣка вѣра объявится главною. Впрочемъ, такъ все было закрыто во всѣхъ обществахъ и сектахъ, что тайны ихъ словъ каждому изъ нихъ подъ страшными клятвами запрещалось открывать кому бы то ни было, не принадлежащему къ тайному ихъ обществу. Между тѣмъ невниманіе правительства ко всѣмъ обществамъ тайнымъ, сдѣлавшимся явными и весьма имѣющими вліяніе на многихъ, дало дерзость не токмо врагамъ общественнаго и гражданскаго порядка вводить, что хотять, среди ближнихъ посредѣ столицъ Москвы и Санкт-Петербурга, и гдѣ хотять во всей Россіи, что даже на позоръ міра явно исходили, какъ лишенные всякаго разума, самыя женщины свои новыя секты и скопища явно содержали, учили и безстрашно собирали себѣ слушателей и учениковъ. Таковы были изъ многихъ: Криднеръ и Татаринова. Криднеръ была женщина зловѣрія лже-христіанскаго (какой-то западной ереси), съ дарованіями острыми, дѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше; молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро объ ней, что весь Санкт-Петербургъ подвигся, какъ новое чудо, видѣть и слышать госпожу Криднеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому ничего противнаго похотямъ плоти, обычаемъ міра и дѣламъ вражьимъ, такъ нравиться умѣла всѣмъ во всемъ, что начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвицы спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея изъ обольщенія ли своего, или изъ ругательства надъ святыню христіанскихъ догматовъ, портреты изобразивъ Криднеръ, издавали въ свѣтъ ея съ руками къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ какъ на Христа сходящаго во Иорданѣ, или на Дѣву Богородицу при благовѣщеніи Архангеломъ. Вотъ слѣзота мудрыхъ и разумныхъ, людей просвѣщенныхъ отъ міра въ

Санкт-Петербургѣ. Госпожа Татарнинова, имѣя въ Михайловскомъ дворцѣ себѣ жилище, тѣмъ являла и гласила всѣмъ въ слухъ, что она извѣстна самому царю, подъ вліяніемъ его державы, милости все дѣлаеть, учить, собираеть. Дѣйствительно, кроткій царь, еще не зная лжи, обмана лукавыхъ, прельщаяся отъ лицемѣрнаго благочестія еретиковъ, заблуждавшихъ и ласкателей своихъ придворныхъ, видалъ новую учительницу новаго ученія лже-пророческаго и бѣсовскаго. Всему виною былъ князь Александръ Голицынъ, какъ одинъ изъ бывшихъ приверженцевъ Татарниновой и покровитель всѣхъ расколовъ старыхъ и новыхъ распространитель. Среднихъ лѣтъ сія госпожа учила всѣхъ своихъ для нѣкоего мнимаго воздержанія, воздерживать, умерщвлять свою плоть и скоплять ¹⁾. вырѣзывать тайные уды мужамъ; даже бѣсъ научилъ ее искусству женскій полъ, юныхъ женъ и дѣвицъ скоплять. И сіе бѣсовское дѣло совершалось около груди гдѣ-то; но не скажу, дабы тайна сія бѣсовская не была извѣстна тѣмъ, кои еще не вѣдаютъ. Вотъ плодъ бѣсова ученья! Не такъ дѣлала, какъ казалась учащою, сама скверная Татарнинова: неизвѣстно, отъ кого окаянная блудница очреватѣла и родила—исчадіе! Удивленія достойна была многихъ слѣпота: ученики ея малоумные молву проносили, что она имѣеть родить великаго человѣка и исполненнаго духа. По лукавству вельможи придворнаго ²⁾, приверженца своего, Татарнинова, столь безчестное дѣло сдѣлавшая, удостоена была посѣщенія отъ царя Александра въ сіе время, и былъ имъ крещенъ младенецъ ³⁾. такъ онъ слышалъ. Священникъ же ее помазалъ муромъ Маловъ ⁴⁾ про-

¹⁾ Исслѣдователь секты хлыстовъ и скопцовъ, г. Кутеповъ („Секты хлыстовъ и скопцовъ“, Казань. 1883), отрицаетъ существованіе скопчества въ духовномъ союзѣ Татарниновой, тогда какъ другіе историки (Мельниковъ) самое начало оскопленія женщинъ относятъ именно къ обществу Татарниновой. Первые появленія оскопленныхъ женщинъ замѣчаются въ двадцатыхъ годахъ въ Рязанской губерніи, гдѣ жилъ и распространялъ татарниновскую секту тамошній богатый помѣщикъ Дубовицкій. Онъ своего сына пустилъ по медицинскои карьерѣ и двухъ своихъ дочерей приготовилъ въ акушерки съ тою, по мнѣнію нѣкоторыхъ, цѣлю, чтобы чрезъ нихъ пропагандировать скопчество. По свидѣтельству старыхъ скопцовъ въ Петербургѣ оскопленіе женщинъ въ сѣверной столицѣ началось съ 1816 года; противъ него былъ самъ Селвановъ. „Русскій Архивъ“ 1873 года, кн. II, 1447. Свидѣтельство архимандрита Фотія склоняетъ спорный вопросъ въ пользу существованія въ татарниновскомъ обществѣ скопчества. О способахъ оскопленія женщинъ можно читать у Е. В. Пеликана: „Судебно-медицинское исслѣдованіе скопчества“ II, 60—61.

²⁾ Здѣсь разумѣется князь А. Н. Голицынъ.

³⁾ Младенецъ Татарниновой была та воспитанница Татарниновой, Анна Александровна, на рукахъ которой Татарнинова скончалась и которую для вида выдали за мужъ за престарѣлаго Пилецкаго. „XIX вѣкъ“—истор. сборникъ, кн. I, стр. 232. „Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 2352.

⁴⁾ Священникъ Алексѣй Ивановичъ Маловъ, магистръ, состоялъ директоромъ библейскаго общества (съ 1820 года), законоучителемъ въ разныхъ

тиву всѣхъ заперещеній митрополита Михаила и присоединилъ къ церкви православной, дабы удобнѣе въ сѣти свои ловить православныхъ. Она же была зловѣрія лже-христіанскаго, раскола лютеранскаго. Архіерей, синодъ, духовенство и правительство знали все сіе скопище богомерзкое, но никто не смѣлъ касаться до дѣлъ и нововведеній госпожи Татариновой: она дѣлала и учила, что хотѣла. Уже проходило ученіямъ ея и сборищамъ болѣе пяти лѣтъ, какъ съ ревностію Фотіѣй противу всѣхъ расколовъ, сектъ, обществъ враждебныхъ святой церкви православныя, и Криднеръ и Татариновой, и всѣхъ имъ подобныхъ, дѣйствовалъ, училъ, обличалъ, настоялъ, прещенія посылалъ, о силѣ Божіей поддрѣпляемый, и не смотрѣлъ на то, что удаленъ уже былъ въ Новгородъ, и именно за дерзновеніе противу всѣхъ сектъ, въ которыхъ всѣхъ и особенно въ сѣтяхъ Татариновой и Криднеръ самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязанъ. Его любимцы съ нимъ едино творили. Наконецъ, писалъ онъ, отецъ Фотіѣй, посланія къ разнымъ лицамъ и особенно къ княгинѣ Софіи Мещерской какъ имѣющей вліяніе на государя императора Александра, часто къ ней пріѣзжающаго послушать, дабы она, что узнаеть у митрополита Михаила, и о прочихъ дѣлахъ и нуждахъ церковныхъ и по духовенству появляющихся внушила ему. Царь, послушавъ ее, многое открываемое исполнялъ. Тако случилось: когда за вѣру и ревность по благочестію Иннокентіѣй епископъ изгоняемъ былъ силою князя Голицына, вліяніемъ же Родіона Кошелева и по внушенію нѣкоего архіерея ¹⁾, друга его бывшаго, и назначенъ въ Уфу во епископа, императоръ вдругъ Высочайше повелѣлъ быть ему пензенскимъ и саратовскимъ. Сей-то княгинѣ Фотіѣй писалъ многое; она же старалась влить понятіе въ сердце царево о начальникахъ сектъ, хотя и сама была отчасти, покорствуя царю, и не все говорила, что знала: ибо не хотѣла правды всея. Особенно же внушалъ онъ и просилъ графиню дѣвицу Анну, дабы при случаѣ она во дворцѣ предъ лицами царскими старалась имѣть внушеніе о новыхъ злыхъ сектахъ, что вредны оныя для цѣлаго государства; и прочимъ о Господѣ его любящимъ внушалъ, писалъ, обличая лжеученіе и вредъ Татариновой и Криднеръ. Сіи были жабы, клоктавшія во время оно, дщери діавола явныя, его все ученіе имѣли, и прельщали многихъ. По семь отъ государя Криднеръ—новой ересеначальницѣ, повелѣно было вскорѣ запретить собраніе дѣлать подъ какимъ бы то ни было видомъ

учебныхъ заведеній, былъ членомъ академіи наукъ. Онъ участвовалъ въ рабѣняхъ Татариновой (Знаменскій, „Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Александра I“, 179—197) и былъ духовникомъ всего основаннаго ею братства. Маловъ присоединялъ къ братству Татариновой живописца Боровиковскаго. „Русскій Архивъ“, 1891 г., вып. 6, 278.

¹⁾ Филаретъ, внослѣдствіи митрополитъ московскій.

добра, и удалиться изъ столицы ¹⁾). На Татаринову же обращено было вниманіе правительства. Особенно въ немилость впалъ по сямъ и другимъ причинамъ у царицы Маріи Ѳеодоровны князь Голицынъ и съ нимъ Поповъ, Тургеневъ, Руничъ и прочіе. Слухи дошли, что явно въ учебныхъ заведеніяхъ нечестію учить дозволяли. Копелевъ же хотя имѣлъ доступъ къ царю и жилъ всегда близъ царскихъ покоевъ, во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ, но не могъ дѣйствовать въ пользу своего сына покровителя всѣхъ соблазновъ еретическихъ. Участь Голицына становилась все сумнительнѣе. Слухъ, что Голицынъ несправедливо оклеветалъ Иннокентія, который за ревность по благочестію и вѣрѣ былъ удаленъ, дошелъ, по внушенію нѣкихъ почитателей духовенства, до слуха царева, и Голицыну внушено было удалиться отъ должности и для того ѣхать въ чуждые края, отъ стыда уклониться на время. Немилость царская къ нему явно открывалась за то особенно, что смерть митрополита Михаила ²⁾ такъ же ему приписывали многіе, коего митрополита онъ Голицынъ началъ гнать за разныя пастырскія внушенія и дѣйствія въ пользу вѣры и благочестія; ибо Михаилъ, явно видѣвъ дѣйствія зла и зловѣрія, несмотря на тихость нрава, не могъ молчать и началъ учить противъ и писать ³⁾). Бывъ столь сильный любимецъ всего двора, князь

¹⁾ Выслана изъ Петербурга въ 1824 году.

²⁾ Митрополитъ Михаилъ скончался 24 марта 1821 года отъ систематическихъ огорченій, причиняемыхъ ему княземъ Голицынымъ. При самомъ выносі митрополита, въ многочисленной толпѣ, окружавшей гробъ покойнаго, громко раздавались голоса, прямо называвшіе Голицына убійцею митрополита. („Русскій Архивъ“ 1863 г., 1389—1390.

³⁾ Между митрополитомъ Михаиломъ и министромъ духовныхъ дѣлъ, еп. Голицынымъ часто происходили сильныя столкновенія во время самыхъ синодальныхъ засѣданій. Случай открытыхъ столкновеній митрополита съ Голицынымъ были настолько часты и бурны, что митрополитъ иногда прѣзжалъ изъ синода до такой степени разстроеннымъ, что былъ не въ состояніи самъ выйти изъ кареты, и его лакен должны были на своихъ рукахъ выносить изъ нея и вносить въ митрополичьи покои. Всѣ предсказывали митрополиту близкое паденіе. („Русскій Архивъ“, 1868 г. 1389—1390 стр. „Древняя и новая Россія“ 1881, февр. 289). Только преждевременная смерть митрополита Михаила предупредила его удаленіе на покой. Къ гуманному и благородному характеру митрополита Михаила нитали глубокое уваженіе даже самые враги его, горячіе поклонники князя Голицына. („Историч. Вѣстникъ“ 1883, апрѣль). Незадолго до своей кончины митрополитъ написалъ государю письмо, въ которомъ откровенно изобразилъ вредную для церкви дѣятельность князя Голицына. „Государь, такъ оканчивалъ свое письмо архипастырь, когда до васъ дойдетъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщалъ я людямъ, наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь отдать отчетъ вышнему Судіи“. Письмо митрополита произвело глубокое впечатлѣніе на государя.

Голицынъ весьма шатался на своихъ мнимо-крѣпкихъ подпоркахъ нечестивыхъ. Всѣ молвили, что онъ въ большой немилости у императора при новомъ митрополитѣ Серафимѣ, который архіерей явное отвращеніе показавъ къ лицу Голицына тѣмъ, что на поклоненіе въ Царское Село и въ Санкт-Петербургъ не хотѣлъ ѣхать къ ересеначальнику Родіону Кошелеву, коему приписывали многіе ученые и архіереи своего счастья полученіе—каковы были: Іона, архіепископъ тверскій, членъ Святѣйшаго Синода, Филаретъ московскій, Дмитрій кишичевскій. Они, какъ идолу, поклонялись сему лукавому человѣку. Въ сіе время церковь святая со всѣхъ сторонъ была обуреваема всѣми противу ея вражьими кознями. Всѣ раздирать усиливались ея разными образами: лютеранство, католицизмъ, униатство, по смѣшенію съ разными языческими религіями и христіанскими еретиками, вмѣстѣ все имѣло то вліяніе, что православные христіане, даже нѣкоторые духовные дѣломъ были за едино со всѣми. Постовъ самыя знатныя и даже низшіе люди вовсе не хранили, позволяли себѣ всякіе соблазны и беззаконія, явно отъ церкви удалялись, не имѣли почти никакого понятія о здоровомъ ученіи, многіе имѣли худо и добро, ересь и чистоту вѣры, какъ едино; другъ другу и всѣмъ внушали терпимость вѣръ и сектъ. Общества библейскія и прочія заведенія, подъ видомъ богоугодныхъ дѣлъ, самыя богопротивныя были заведены къ ослабленію однихъ правъ православной церкви и всего благочестія. Нечестіе вездѣ шло тихими стопами, крѣпко поддерживаемо было вельможами, окружавшими царскій престолъ, допускаемо и даже благословляемо, какъ добро, пастырями, имѣвшими вліяніе на всѣ разсадники духовнаго сословія и дѣла церкви по Святѣйшему Синоду и комиссія духовныхъ училищъ¹⁾. Все зло было очевидно. Іерархія церковная въ самомъ началѣ, въ первомъ лицѣ была нарушена: митрополиты, архіереи и духовныя лица были именемъ, а все дѣйствовалъ министръ духовныхъ дѣлъ, его директоръ и канцелярія. Все въ нечестивыхъ рукахъ было, и потокъ нечестія развивался съ такою быстротою, что начальство

¹⁾ Комиссія духовныхъ училищъ учреждена была въ 1808 году и заняла очень важное мѣсто въ средѣ высшей церковной администраціи. Комиссія явилась первымъ центральнымъ учрежденіемъ, въ вѣдѣніи и высшемъ управленіи котораго сосредоточивались всѣ духовныя школы, начиная съ академій и оканчивая низшими церковными школами. Комиссія духовныхъ училищъ уничтожена въ 1839 году и замѣнена „Духовно-учебнымъ управленіемъ“, которое въ свою очередь смѣнилъ въ 1867 году вынѣ существующій при Св. Синодѣ „Духовно-учебный комитетъ“. Комиссія духовныхъ училищъ въ первый разъ придавала духовнымъ школамъ обще-церковную постановку и общецерковное значеніе. Знаменскій „Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Александра I“, 10—11 стр.

инді духовныхъ училищъ заражено было зловѣріємъ лютымъ и по слѣпотѣ своей не чувствовало пагубы своей, а гордилось новымъ образованіемъ, мечтаніемъ пустымъ и просвѣщеніемъ.

Человѣкъ изъ духовнаго рода, изъ человѣкоугодія ли, изъ собственнаго зловѣрія, или, яко Іуда, корысти ради и чести временной, служа по комиссіи духовныхъ училищъ, имѣя способности порядочныя, любимецъ князя Голицына, желая приобрѣсть благоволеніе Кошелева, Ив. Ястребцовъ получилъ отъ рукъ Кошелева, нечестиваго и лукаваго въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, придворнаго стараго даскателя книгу подъ названіемъ на французскомъ языкѣ: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова»¹⁾ и перевелъ на російскій языкъ; напечатана же была на казенныя деньги. Напечатавъ до нѣсколькихъ тысячъ книгъ, сей врагъ вѣры и благочестія разослалъ оную чрезъ власть кн. Голицына, какъ министра духовныхъ дѣлъ, по духовному вѣдомству, какъ министра просвѣщенія, по учебнымъ мірскимъ заведеніямъ. За сію нечестивѣйшую и революціонную книжицу переводчику была мзда за то явное воззваніе на бунтъ, дерзкое, лукавое, воззваніе противу Православной церкви, противу всего правительства и гражданскаго порядка, исхода тайствованъ въ награду былъ большой пенсіонъ вѣчно до нѣсколькихъ тысячъ, дабы, видѣвъ милость отъ царя за книгу возмутительную, скверную, никто не смѣлъ что-либо противное говорить. Книга оная во Франціи въ Парижѣ была издана за два года до революціи. около 1790-го года; отъ чего ясно можно было видѣть, что тайніе готовилось и Россіи злодѣйство, когда оная книга напечаталась и по многымъ мѣстамъ разослана была. Немногіе обращали пастыри вниманіе какъ на всѣ подобныя революціонныя книги, такъ и на книгу сію, изданную отъ Ястребцова²⁾. На нее есть апооло-

¹⁾ Эта книга въ первый разъ появилась въ свѣтъ на французскомъ языкѣ въ 1727 году, безъ означенія мѣста, гдѣ напечатана, потомъ издава въ Парижѣ въ 1790 году. Русскій переводъ „Воззванія“, сдѣланный Ястребцовымъ, напечатанъ былъ въ С.-Петербургѣ въ 1820—1821 году съ разрѣшенія свѣтской цензуры. По словамъ нѣкоторыхъ рецензентовъ, книга эта направлена противъ всякаго общественнаго и церковнаго порядка: авторъ ея унижалъ христіанство и вообще отрицательно относился ко всей обрядовой сторонѣ церкви. „Христ. чтеніе“ 1872 г., т. I, 701. „Русскій Архивъ“ 1868 года, 1362—1367. „Записки Шишкова“ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древн.“, 1862 г., кн. III.

²⁾ Духовенство, еслибы даже и хотѣло, не имѣло никакой возможности вести открытую борьбу съ мистицизмомъ князя Голицына и его приверженцевъ. Въ рукахъ князя Голицына находилась вся и духовная и свѣтская цензура, которая предупреждала появленіе въ литературѣ всего того, что не соотвѣтствовало мистическимъ затѣямъ министра духовныхъ дѣлъ. Исторія

гія ¹⁾), въ ней же указаніе содержитсяъ явныхъ, тайныхъ возмутительныхъ, нечестивыхъ, безбожныхъ и бѣсовскихъ положеній, внушеній и словъ. Кто хочеть узнать, въ какомъ невниманіи были стражи церкви, пастыри и учителя, санктпетербургскіе митрополиты, члены Святѣйшаго Синода, академія Санкт-Петербургская, Московская, Кіевская, коммиссія духовныхъ училищъ, въ какомъ низкомъ положеніи были ректоры семинарій, академій, инспекторы, доктора, профессора, магистры, всѣ ученые и неученые архимандриты, и настоятели прочіе, что какъ бы не ихъ было дѣло, всѣ молчали, или всѣ изъ страха человѣческаго боялись чести лишиться, или сами были духа сомнительнаго, неутверждены въ истинной вѣрѣ и истинномъ благочестіи, что никто не писалъ, никто не училъ, никто нигдѣ не взывалъ гласно противу явной дерзости министерствъ, обществъ, сектъ и книгъ Ястребова, съ одобреніемъ даже принимали въ Санкт-Петербургскую духовную академію иныя книги и выписывали подь видомъ пользы, гдѣ имѣлъ вліяніе на сіе въ оное время высокоумный и неблагоговѣйный Іоаннъ, бывшій ректоръ академіи; послѣ ученѣйшій Филаретъ, человѣкъ на такомъ мѣстѣ былъ, съ такимъ умомъ и въ довѣрїи у ученыхъ, что, ежели бы противу еретиковъ и ихъ явныхъ бунтовщиковъ правительства и церкви православныя, мало возгласилъ, то бы всѣ академіи, семинаріи и общества учебныя могли съ нимъ же воззвать, и словомъ и дѣломъ злочестіе исчезло бы во мгновеніе всюду, но Филаретъ молчалъ; даже на Фотія и всѣхъ явно ревнующихъ и вопіющихъ смотрѣлъ не доброхотно. Ему изъ своихъ видовъ жаль было князя Голицына ²⁾ и прочихъ сподвижниковъ зловѣрія. Сіе молчаніе во всѣхъ общее мнѣніе водворяло, что онъ имѣеть ученіе неправое, склоненъ къ мудрованіямъ противохристіанскимъ, какъ многіе и находятъ не токмо въ самыхъ книгахъ его сочиненій подь названіемъ: Записки на книгу Бытія и Би-

---

съ еп. Иннокентіемъ Смирновымъ, пострадавшимъ за выпускъ въ печать самой безобидной книги, слишкомъ хорошо извѣстна. „Господство библейскихъ дѣятелей, говоритъ А. Н. Пыпинъ, было господствомъ дикоѣ цензуры, которая угнетала и кастрировала литературу до невозможности; запрещенія не давали выходить на свѣтъ мнѣніямъ противниковъ“. Россійское библейское общество. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., ноябрь, стр. 225, 255.

¹⁾ Эта апологія подь заглавіемъ: „Пароль тайныхъ обществъ, или тайные замыслы въ книгѣ воззваніе къ челсвѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова“, находится въ третьей части автобіографіи Фотія.

²⁾ Фотій до извѣстной степени говорятъ правду. Быстрымъ возвышеніемъ своимъ Филаретъ обязаанъ былъ болѣе всего именно высокому покровительству князя Голицына. Филаретъ о князѣ Голицынѣ выражался всегда самымъ лестнымъ образомъ и называлъ его не иначе, какъ своимъ благодѣтелемъ „Сборникъ по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія митрополита Филарета“, т. II, 223.

*

лейскою Исторію¹⁾; назавъ осмѣлился Библейскою Исторією, говоря о тѣхъ лицахъ въ ней, о коихъ въ Библии нѣтъ понятія вовсе. Въ его сочиненіяхъ ничего въ пользу церкви не обѣщается, а въ переводѣ Новаго Завѣта, гдѣ болѣе всѣхъ Филаретъ вліяніе имѣлъ, явныя реченія допустилъ противу духа церкви и догматовъ ученія христіанскаго. Его любимыя ученики, первенцы академическіе, каковъ былъ Герасимъ Павскій, почти никакой вѣры благой и никакого благочестія не оказывалъ въ себѣ; умъ свой, по причинѣ знанія нѣкогого въ еврейскомъ языкѣ²⁾ и иныхъ, считалъ паче святыхъ правилъ апостольскихъ, церковныхъ. Онъ съ отцемъ Фотіемъ стязанія имѣлъ въ Санкт-Петербургѣ въ лаврѣ и при лицѣ нѣкогого архіерея⁴ ложными правилами церковными варицалъ, таинства святія нужными токмо для нѣкихъ простыхъ и необразованныхъ почиталъ, отвергалъ же всю въ нихъ благодать св. Духа. Самъ отецъ Фотій слышалъ отъ устъ его великую хулу на догматы вѣры, таинства святой церкви, спасительность ученія, и мнѣлъ, что не онъ, а сатана самъ глаголетъ его устами. О другихъ онъ не повѣдалъ: никто съ симъ не смѣлъ входить въ состязанія изъ разныхъ видовъ; но отецъ Фотій его звалъ и съ нимъ состязался. Митрополитъ Серафимъ о немъ отцу Фотію не иначе говорилъ, какъ о чловѣкѣ, не имѣющемъ даже никакой совѣсти; впрочемъ, Павскій былъ трезвъ, казался въ обращеніи

¹⁾ Записки на книгу Бытія митрополита Филарета написаны были имъ тогда, когда онъ занималъ должность профессора въ С.-Петербургской духовной академіи, и изданы по высочайшему повелѣнію на счетъ суммъ комиссіи духовныхъ училищъ. („Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета“, томъ I, 307—308). Другое сочиненіе митрополита Филарета: Библейская Исторія по времени своего написанія относится къ профессорской его дѣятельности. Конспектъ Библейской Исторіи составленъ былъ Филаретомъ еще въ 1810 году. Въ 1838 году митрополитъ Филаретъ пересматривалъ вновь свою Библейскую Исторію и исправлялъ ее. Въ бумагахъ архимандрита Фотія (собраніе бумагъ въ копіяхъ, книга II, № 28) находится обширный трактатъ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ записокъ на книгу Бытія съ присовокупленіемъ замѣчаній, показывающихъ духъ автора сихъ записокъ“. Вѣроятный авторъ этого трактата самъ Фотій.

²⁾ Переводъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный протоіереемъ Павскимъ и не чуждый нѣкоторыхъ недостатковъ, въ сороковыхъ годахъ вызвалъ противъ себя громкое дѣло, рассматривавшееся въ Святѣйшемъ Синодѣ. Синодъ провнѣсь осужденіе на переводъ протоіерея Павскаго. „Хрест. Чтеніе“ 1872 г., май—іюнь. Нѣкоторые изъ современниковъ переводъ свящ. книгъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный Павскимъ, прямо называли еретическимъ. „Русскій Архивъ“ 1893 г., кн. 9, стр. 49. Протоіерей Павскій не чуждъ былъ нѣкоторыхъ богословскихъ крайностей. „Сборникъ по случаю юбилея митрополита Филарета“, т. II, стр. 237. Филаретъ черниговскій.—„Обзоръ литературы“, кн. II, 494—495, изд. 2-е.

быть пріятель. Кратко сказать, зловѣріе свободно разливалось и отравляло сердца воспитанниковъ академіи Санкт-Петербургской такъ, что многіе не имѣли здраваго ученія, исполнены были даже явно еретическихъ и безбожныхъ ученій. Постовъ, вообще, всѣ воспитанники не наблюдали: въ великій святый постъ рыба разрѣшалась; въ лазаретѣ мясо, млеко, яйца и масло отъ скотовъ разрѣшено и прочее все было употреблять; монашествующія начальныя власти при Академіи мясо ѣли безъ закрытія, какъ бы имъ ѣсть не было что, при всѣхъ средствахъ и богатствѣ. Вообще внутреннее состояніе учащихъ и учащихся не имѣло никакой благонадежности принести надлежащіе плоды, при всѣхъ многообразныхъ ученіяхъ академическихъ. Между тѣмъ, какъ сословіе оное ученое, прекрасно извнѣ составленное, могло сторичные плоды привести церкви, отечеству и быть въ просвѣщеніе во тмѣ лежащихъ еретиковъ, лютеранъ, униатовъ и язычниковъ. Многіе даже при всемъ ученіи себя посвящали въ секты, каковъ былъ Михаилъ Глухаревъ, послѣ же въ монашествѣ бывший архимандритъ и ректоръ Макарій, родомъ изъ Смоленскихъ, но отъ духа вражія смущаемъ за преступленіе и мудрованіе, оставилъ свою степень и предпочелъ быть просвѣтителемъ другихъ ¹⁾, имѣя шатаніе въ странахъ Сибири: не слышно же доселѣ, могъ ли онъ кого изъ язычниковъ обратитъ ко Христу.

Въ теченіе Святаго и Великаго поста слышно было, что Господь явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересевачальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражія шатаются, невѣріе трепещетъ. Проходитъ Святая Пасха, и вызывается сверхъ чаянія старшій ратоборець Фотій на подвигъ; присылается ему колесница въ даръ, и на день Пасхи присылается крестъ самый драгій на персяхъ носить, также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ градъ Святаго Петра, изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно. Новый іерархъ, мужъ простъ ²⁾, словомъ. не силенъ, но

¹⁾ Нельзя безъ сожалѣнія читать несправедливый отзывъ Фотія объ отцѣ Макаріи, посвятившемъ большую часть своей жизни на проповѣдь вѣры Христовой среди язычниковъ Сибири. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ стоялъ за необходимость перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ.хлопоты о. Макарія и сдѣланный имъ переводъ пророческихъ книгъ на русскій языкъ доставили ему много горя: онъ даже понесъ за это эпитимію по особому опредѣленію Св. Синода. „Христіанское Чтеніе“ 1872 г., сентябрь. Переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный о. Макаріемъ, увидѣлъ свѣтъ послѣ его кончины. Онъ былъ напечатанъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1860—1867 гг.

²⁾ Митрополитъ Серафимъ не обладалъ ни большимъ умомъ, ни твердымъ характеромъ („Записки Панаева“—въ „Вѣстникѣ Европѣ“, 1867 г., т. IV.

ревностный сын къ слову и дѣлу Божію, благословляетъ пріѣздъ отцу Фотію. Прежде же, нежели далъ увольненіе ему, онъ дѣлая совѣтъ съ своимъ викаріемъ Владиміромъ, сказалъ ему тако: «дозволить ли пріѣздъ отцу Фотію въ Санкт-Петербургъ?» Архіерей Владимір Ужинскій, викарій, ревальскій епископъ, бывшій съ начала ученія до конца начальникомъ Фотію и до монашества, сказалъ: можно благословеніе дать пріѣхать; но тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ Святаго Петра отъ него. Слышавъ сіе слово, святитель митрополитъ Серафимъ, слагая на сердцѣ своемъ все, не медля далъ пастырское рѣшеніе быть ему въ Санкт-Петербургѣ, жилище пріуготовилъ ему въ лаврѣ. 27-го апрѣля 1822 года былъ день страшна бури, разлитіе водъ было великое; никто не смѣлъ явиться на водахъ разливныхъ волховскихъ нигдѣ (сей былъ день, въ который Фотій послѣднее слово сказывалъ въ Санкт-Петербургѣ, въ соборѣ Казанскомъ 1820-го года, предъ изгнаніемъ своимъ, за кое былъ преслѣдуемъ, пререкаемъ); ему же повелѣно было немедленно явиться. Въ монастырѣ нигдѣ не обрѣли великаго судна, чтобы безопасно было изъ Сквородской обители въ Новгородъ переѣхать чрезъ воды; нужно же было большую рыбацкую ладью взять, въ той съ искусными пловцами плывя, едва отецъ Фотій отъ врага не былъ потопленъ въ разливѣ на рѣкѣ Живолотокъ. Богъ же, спасшій его, сподобилъ въ мирѣ отправиться въ Санкт-Петербургъ. Явился онъ 28-го апрѣля прямо ко Владиміру, а той доложилъ о немъ митрополиту Серафиму. Когда представлялся къ нему Фотій, хотя сперва грубое обращеніе было Серафима съ нимъ, но сердце его лежало во благое, а посему былъ званъ къ нему на трапезу въ той день. Когда же Фотій сидѣлъ на трапезѣ у владыки и отца своего, вдругъ пріѣзжаетъ колесница великолѣпная къ дому владычному, и вскорѣ подается письмо Фотію въ руки, за столомъ кое прочелъ онъ въ слухъ владыкѣ, и той не велѣлъ дожидаться конца трапезы своея. По званію съ Богомъ благословилъ ѣхать къ графинѣ, дѣвицѣ Аннѣ, на бесѣду о словѣ и дѣлѣ Божіемъ. Хотя случалось пить, ѣсть, сидѣть при людяхъ и наединѣ отцу Фотію и при важныхъ лицахъ мірскихъ, но онъ слово, дѣло Божіе изъ виду не упускалъ, всегда о немъ говорилъ, къ тому все направлялъ, о томъ внушалъ и о томъ болѣлъ, како бы всячески, ими же вѣсть Господь судьбами, воздвигъ силу Свою, сокрушилъ враги подъ ноги вѣрныхъ своихъ рабовъ, и заградилъ уста зловѣрія; пріѣхавъ послѣ и явсь къ владыкѣ, отецъ Фо-

---

80 - 84). Онъ рѣдко проповѣдывалъ. Въ 1798 году преосвященный Серафимъ пріготовился говорить проповѣдь въ присутствіи императора Павла I; вышелъ на кафедру, но смутился такъ, что не могъ сказать ни одного слова и въ смущеніи удалился назадъ въ алтарь.

тій во всемъ отдавалъ отчетъ, въ чемъ можно, рѣчи и дѣла всѣ, на пользу церкви и святой вѣры пересказывалъ. Съ перваго дѣйства припримѣтно было въ лицѣ іерарха божественное нѣкое утѣшеніе и веселіе: тако каждодневно авва Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о церкви, вѣрѣ, спасеніи души; на бесѣду же собирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные къ слову и дѣлу святой церкви и вѣры, по бесѣдѣ въ домѣ учреждаемы были ястіемъ и питіемъ во славу Божию. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ графини дѣвицы Анны, дщери аввы Фотія, боярыни дѣйствительной тайной совѣтницы Даріи Державиной, иногда въ Таврическомъ дворцѣ ¹⁾, и у иныхъ умныхъ, православныхъ и извѣстныхъ благочестіемъ. Но все слово и дѣло было направляемо къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать по собіе.

Въ оное время митрополитъ Серафимъ былъ въ великомъ несогласіи съ министромъ духовныхъ дѣлъ: овца онъ непотребная, или, лучше сказать, козлище, князь хотѣлъ въ мірскихъ своихъ рубищахъ, не имѣя сана свыше и дара божественныя благодати, дѣлать дѣла, принадлежащія единому архіерею великому, образъ Христа носящему Архіерей же великій, въ чреду свою смѣи отъ Бога Серафимъ, ему не благоволилъ. Не былъ въ особенной милости у царя Серафимъ, но и князь Голицынъ, три министерства въ себѣ содержа единъ, былъ во время оно въ немилости. При таковыхъ обстоятельствахъ отецъ Фотій, находя за нужное опытъ сдѣлать надъ тѣмъ и другимъ, каковы они въ словѣ и дѣлѣ вѣры оба, воспользовался случаемъ во время шатавія княжескаго, не началъ во время благопріятно употреблять на него всѣ способы, дабы отринуть отъ дѣлъ церкви, опасаясь, дабы злѣйшій звѣрь кто не всталъ на мѣсто стараго и не сотворилъ бы послѣднюю бѣду горше первыя, положилъ же на сердцѣ своемъ сотворить согласіе между княземъ Голицынымъ и митрополитомъ Серафимомъ, помышляя, не будетъ ли плода отъ безплоднаго смоковницы, — князя Голицына, хотя какого-нибудь. И такъ все для блага дѣлалъ, ждалъ и просилъ свыше въ томъ помощи, моляся и постясь непрестанно, дабы устроилъ Самъ Богъ, яко же хошетъ, и направилъ руки на дѣланіе правды.

Свыше, а не отъ человѣкъ, многія были даны средства, како устроить слово и дѣло вѣры, и миръ водворить на время между іерархомъ и министромъ, въ числѣ коихъ очевидныя были особенно сіи:

Дѣвица лѣтъ около 37-ми отъ роду имѣла графиня Анна. Ей были, какъ прежде, такъ и въ сіе время, женихи изъ царской крови и сред-

¹⁾ Въ Таврическомъ дворцѣ жила княгиня Софья Сергѣевна Мещерская. „Инокентій, епископъ пензенскій и саратовскій“, Жмакина, стр. 127.

ники близькіє царици Маріи Теодоровни. Сія царица, любя дѣвицу Анну, камеръ-фрейлину свою, какъ славную богатствомъ, родомъ, житіємъ пречестную, Богу и царю, церкви и отечеству преданную, нерѣдко соглашала въ супружество ее за своихъ родныхъ принцевъ. Дѣвица, имѣющая въ сердцѣ своемъ Бога единого, уклонявшася отъ всего издавна, хотя отказывалась отъ брака рѣшительно, но прежде всего желала совѣтъ имѣть отъ Фотія. Сей же, яко любяй самъ дѣвство, вѣдая совершенную безпорочность въ сихъ лѣтахъ дѣвицы, рѣшительно сказалъ ей, чтобы оставила самыя мысли имѣть о бракѣ. Таковыя же причины ей вѣшалъ, глаголя: 1) Ты уже почти 20 лѣтъ способныхъ къ супружеству въ чистотѣ и дѣвствѣ сподобилась провести; а потому тебѣ болѣе противно будетъ плотское сопряженіе, кое инымъ въ свои лѣта кажется нужно и угодно и жить безъ коего не могутъ многіе; 2) ты уже болѣе 27-ми лѣтъ, какъ Бога ради жизнь духовную имѣешь, по святымъ обителямъ бываешь, да пользу своєю души приимешь, и привыкла нести бремя удобно дѣвства; 3) ты уже яко не млада, и по природѣ красоты не имѣешь плотской, кромѣ зрака свѣтлаго въ лицѣ твоємъ, сіяющаго отъ дѣвства и чистоты, то тебя богатства ради, чести и рода плотскіе люди хотять взять въ супружество, а не любви ради; ты же сама по себѣ плотскому супругу не въ состояніи будучи угодити, можешь съ Богомъ и супругомъ жить во враждѣ, сему есть многіе примѣры самыя жалкіе и соблазнительныя; 4) въ супружество всякая дѣвица, какъ и ты, дѣвица Анна, должна вступить ради спасенія души своєю и пользы другихъ, какъ быть во славу Божию житіємъ, словомъ и дѣломъ, святой церкви, вѣры, царству и ближнимъ, хотящимъ наслѣдовать спасеніе вѣчное; а иначе плотское супружество христіанъ мало чѣмъ будетъ различаться отъ языческаго и скотскаго состоянія, ибо сказано о людяхъ: въ чести человѣкъ сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ; таковыя многіе нынѣ находятся въ супружествѣ, служатъ чреву, плоти и міру, а о Богѣ, о спасеніи своемъ и другихъ вовсе не думаютъ; токмо и дѣлають своя дѣла, что ѣдятъ, пьютъ, женятся и посягаютъ, а не помышляютъ о дни судномъ. Итакъ, когда ты хочешь душу спасти, сказалъ отецъ Фотій дѣвицѣ Аннѣ, и другимъ быть въ пользу, соединися бракомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ я тебѣ совѣтъ дамъ, и кого ты разсмотрѣвъ всячески и сравнивъ все, что Онъ можетъ и восхощетъ тебя любить, достоенъ будетъ твоя любви, и ты непременно уязвившись въ любовь, будешь Его любить паче всего, какъ жениха и мужа твоего, будешь пригнѣплена Ему, не будешь хотѣть сама своимъ тѣломъ владѣть, а Онъ будетъ все праведно и законно съ тобой поступать. И сказала умилился и обрадовался дѣвица: очень рада послушать, отче, твоего совѣта мудраго и святаго. Да кто же теперъ меня возьметъ таковой же-

нихъ? И гдѣ нынѣ можно обрѣсти такого жениха по всему, какъ сердце для Бога желаетъ? Тогда сказалъ Фотій дѣвницѣ: не можетъ быть, чтобы не было жениха тебѣ, достойнаго на землѣ, лишь бы ты восхотѣла сама обрѣсти. О! дѣвица Богомудрая Анно! скажи мнѣ, отъ сердца ли ты ищешь или желаешь жениха себѣ достойнаго, яко дѣвица, достойная прекраснаго жениха? Господь Самъ—се женихъ къ тебѣ грядетъ всегда, и въ полунощи придетъ, и соединится съ тобою! Ты тогда познаешь сего жениха, коль красенъ и добръ тебѣ, какъ и всѣмъ мудрымъ дѣвамъ, когда Онъ возьметъ тебя за себя, а ты пойдешь за него и будешь съ нимъ; се женихъ красный паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Ты сочетаешься съ нимъ ежели навсегда, дастъ тебѣ Онъ, Господь Богъ твой, плодъ многъ, яко маслинѣ, родитъ Онъ тебѣ духовная чада отъ утробы милосердія и дѣвства твоего и дастъ тебѣ честь и славу. Хочешь ли въ сей бракъ нынѣ вступить рѣшительно? Не боишься ли ты искушеній, скорбей, когда врагъ будетъ тебя преслѣдовать, искушая твою вѣру, и вѣрность, и любовь къ Богу, жениху небесному? О! дѣвице, паче приложи сердце къ дѣламъ нынѣ церкви святой, вѣры, ко благочестію, и всѣмъ буди, елико ты можешь, подпора, утѣшеніе словомъ и дѣломъ; того ради тебя поставитъ Царь небесный, женихъ твой, быть и служить близъ Царицы Матери, близъ славы своея, въ любви тебя будетъ имѣть многой, да ты сочетаешься Ему Христу вѣрою, да служишь Ему, яко Богу и Царю. Богомудрая дѣвица, яко разумна, добра сердцемъ, съ радостію вся приняла, горѣла ревностію, какъ бы быть духовнѣ Христу невѣстою, явить вѣру свою и любовь словомъ и дѣломъ. Дала слово до смерти Бога ради служить Фотію во всѣхъ дѣлахъ православія и благочестія, хотя бы его поносили, въ заточеніе послали, не оставлять. По многой бесѣдѣ и многократной о спасеніи души, дѣвица просила отца Фотія принять ее въ дочь себѣ, быть отцемъ ея, принять на исповѣдъ и приобщить святыхъ таинъ тѣла и крови Христовы, и тѣмъ явный залогъ хотѣла дать. что сочетаетсяъ она Христу и хочетъ быть ему вѣрная раба до конца. Фотій же сказалъ ей на сіе: ежели архіерей Серафимъ дастъ благословеніе ¹⁾, то приму на исповѣдъ и соединю Христу, по сердцу твоему. Владыка благословилъ принять ее въ дочь: новый духовникъ требовалъ обѣта отъ нея, дабы она, доселѣ нарушая святые посты для

¹⁾ Митрополитъ Серафимъ писалъ къ преосвященному Парению, еп. владимірскому, о Фотіи, что онъ принимаетъ нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ на духъ, но только принимаетъ съ дозволенія начальства своего и по самой усиленной ихъ просьбѣ. «Прав. Обзорніе» 1872 г., октябрь, письмо III. Сама графиня Орлова писала въ своихъ запискахъ, что архимандритъ Фотій избранъ былъ ею въ наставника и духовника и по волѣ и по указанію Серафима митрополита. Елагинъ. «Жизнь графини Орловой», 99—100.

плоти и чрева, впрѣдъ не могла нарушать; на что согласилась дѣвица Анна; Фотій же принялъ ее на исповѣдь, святыхъ таинъ была приобщена въ Крестовой церкви у Серафима митрополита; а церковь сія называется во имя собора святаго архангела Михаила и всѣхъ небесныхъ силъ. Содѣлавшись дочерію, дѣвица Анна, всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслию къ Богу приложилась, предала себя аввѣ Фотію, самыя мысли и желанія старалась узнать его, дабы Бога ради во всемъ ему подражая, служить въ словѣ и дѣлѣ святой церкви и вѣрѣ. Благоволеніе, покровительство и любовь отъ всей силы и крѣпости дѣвица старалась являть ему. Посему у нея бесѣды чаще были и дѣйства въ дѣлахъ церкви успѣшнѣе начинали идти.

Болярыня Дарія Державина, такожде, какъ и дѣвица Анна, по благословенію Серафима митрополита, восхотѣла быть дочерію духовною аввы Фотія и въ сіе же время учинилась.

Приходить того лѣта день сошествія Святаго Духа, въ который положено было освященіе теплой церкви во имя Святаго Духа сдѣлать: къ чему Фотій назначенъ былъ въ служеніе съ митрополитомъ. На такое церковное празднество въ лаврѣ многое множество народа собралось духовныхъ и мірскихъ лицъ. Наступаетъ часъ облаченія во святомъ олтарѣ. Фотій стоялъ на десной странѣ въ углу онаго; многія духовныя лица высшія также находятся въ олтарѣ. Се видитъ онъ, что входятъ во святыи олтарь вельможа, ростомъ малъ, видомъ смиренъ; то къ тому, то къ другому подходитъ благословеніе принять, и всякъ изъ духовныхъ со страхомъ и трепетомъ даютъ ему благословеніе, никто же не смѣетъ руки ему давать для цѣлованія. Фотій же, единъ стоя, видитъ, и не зная, кто сей есть вовсе, токмо сердцемъ уразумѣвая, что кто-нибудь сей есть великій вельможа. Узрѣвъ Фотія, сей вопрошаетъ объ немъ у намѣстника архимандрита Товіи: кто сей есть и откуда? Товія же говоритъ: изъ Новаграда архимандритъ Фотій. При сихъ словахъ тотчасъ съ благоговѣніемъ и страхомъ приходитъ онъ къ аввѣ Фотію, простираетъ руку для благословенія, но Фотій прежде благословенія его вопрошаетъ: како святое имя твое? и той отвѣтствуетъ Александръ. Сердце тогда Фотію вѣщало абіе, не сей ли есть князь Голицынъ Александръ Н., министръ духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и почтъ, придворный вельможа сильный? И благословилъ его, и сталъ; зря въ очи прямо оный вельможа Фотію, привѣтствуя его, говорилъ: не можно ли меня посѣтитъ въ домѣ, и подать мнѣ тамо благословеніе Божіе? Фотій же сказалъ: аще воля Господня будетъ на то, не отрекуся Бога ради приидти въ домъ твой радъ буду сотворить тебѣ все на пользу души. И тако отшелъ вельможа сей. Слышавши необычныя рѣчи Фотія съ вельможею, всѣ начали молвить по выходѣ его; почему Фотій вопрошалъ Товію: кто сей былъ? Товія же со стра-

хомъ отвѣщаль: «Князь нашъ свюдальный и министр А. Н. Голицынъ». Архимандриту же Товін тогда Фотій сказаль: «чего бояться челоуѣка во святомъ олтарѣ, гдѣ Богъ самъ присутствуетъ? Ежели достоинъ будетъ, то прииду къ нему; а ежели не будетъ достоинъ, не пойду». Кончилась служба; на освященіи же Фотій носиль святое Евангеліе въ крестномъ ходѣ. Замѣчательно было, что въ рукахъ свѣщи у всѣхъ погасли, а у Фотія ясно горѣла свѣща. Послѣ службы когда всѣ пришли въ домъ къ митрополиту Серафиму, князь Голицынъ пришелъ; многіе вельможи, архіереи и архимандриты съ нимъ пришли также. Князь, вставъ съ мѣста, пошелъ въ уголъ западный покоя къ Фотію и начиналъ съ нимъ рѣчь благоую, и приглашалъ его къ себѣ; довольно съ любовію поговоривъ, обратился къ митрополиту. Митрополитъ же сказаль ему, указуя на отца Фотія: «сей есть юный старецъ, но искусенъ и строгъ; прошу его полюбить: достоинъ есть любви». Вотъ первый случай свиданія къ княземъ Голицынмъ, гдѣ былъ и какъ, а именно: на освященіи церкви во имя Святаго Духа, во святомъ олтарѣ въ часъ предъ службою освященія. Сіе Фотій принялъ за дѣйство свыше а не отъ челоуѣкъ, да течеть на подлежащій подвигъ. Почему о дѣлѣ церковномъ постоянно и непрестанно Фотій началъ помышлять, како творить оное, ничего изъ виду не упуская нужнаго къ тому.

Серафимъ митрополитъ день отъ дня имѣлъ великое благоволеніе къ Фотію и радовался, примѣчая, что успѣхъ быть можетъ къ пользѣ церкви, да не въ конецъ раздерется риза ея къмъ-либо, при его святительствѣ

Вскорѣ назначенъ былъ день и часъ отъ князя Голицына явиться Фотію къ нему для посѣщенія. Благословеніе давалъ Фотію митрополитъ, какъ что дѣлать и говорить; а Фотій сказаль: «владыко святыи, ты токмо благослови меня, раба твоего, а когда дѣло есть Божіе наше все и для Бога хотимъ творить, то благодать будетъ свыше дана; ибо речено есть въ писаніи: дастся бо вамъ въ той часъ, что возглаголете (Марк. XIII, 11 ст.). Уповаю на благодать Святаго Духа а не на умъ свой». На Каменный же островъ во дворецъ пріѣхаль Фотій къ Голицыну. Графъ Чернышевъ Григорій Ивановичъ самъ изъ своего жилища проводилъ до комнатъ князя Голицына. Князь принялъ съ любовію, и яко часъ съ половиною бесѣду имѣлъ, возлюбилъ отца Фотія, и хотѣлъ его чаще слышать бесѣду. Дѣвица Анна согласилась и весьма желала въ домѣ своемъ имѣть сію бесѣду; князь желалъ того же и самъ. И тако началась бесѣда съ княземъ отъ писанія священнаго, ученія церковнаго, отъ духа благочестія, и бывала бесѣда тако продолжительна, что Господь давалъ непрестанно часа по три, по четьре, пяти, шести и даже по девяти сряду слово и дѣло Божіе предлагать дѣвицѣ и князю. Благодать Божія услаждала сердце дѣвицы и

князя, что оба болѣе и болѣе къ Фотію разжигались любовію. Князь радъ былъ все дѣлать, что Фотій внушалъ. Преклонивъ Фотій сердце князя къ себѣ Бога ради, всячески старался, како бы согласіе водворить между имъ и митрополитомъ Серафимомъ. Когда Фотій слышалъ, что князь поносилъ митрополита, то, являясь къ митрополиту, говорилъ, что «князь весьма любитъ тебя, владыко святыи!»; а когда митрополитъ поносилъ князя, то, видя князя, говорилъ ему: «о, какъ Серафимъ любитъ тебя!» и пересказывалъ все единое благое. Тако одно доброе тому и другому внушая, ясно истребилъ вражду между ними, и начали другъ друга любить, другъ ко другу вездѣ быть ласковѣе, дѣла лучше начинали теченіе имѣть въ пользу святой церкви и благочестія у царя и вездѣ. Митрополитъ Серафимъ радовался сему, какъ дѣлу Божиюму, общающему успѣхъ болшій впередъ отъ мира, нежели вражды. Филаретъ, видѣвъ уклоненіе князя отъ себя къ митрополиту болѣе, имѣлъ зависть и неудовольствіе къ Фотію. Когда гдѣ срѣтался, то видѣ лица имѣлъ даже измѣненъ: Филаретъ же, многолѣтно имѣя довѣріе у князя, не токмо не направлялъ его сердце въ пользу святой церкви и благочестія, но при его вліяніи на князя, содружествѣ, всѣ секты, всѣ нововведенія и прочіе соблазны князь дѣлалъ, самаго государя вовлекалъ время отъ времени въ болшія заблужденія, и Россія потоплялась отъ зловѣрія. Можетъ быть, Филаретъ смущался отъ того, что боялся митрополита Серафима въ содружествѣ съ графинею Анною, сильною при дворѣ, съ Фотіемъ, безстрашнымъ ревнителемъ вѣры православныя, зная духъ его, и что уже князь на ихъ сторонѣ болѣе, того радъ хотѣлъ всячески препоны дѣлать Фотію въ содружествѣ, но не могъ дѣлать. Здѣсь въ словѣ и дѣлѣ за православіе, въ содружествѣ іерарха, Фотія и князя, въ успѣхѣ бесѣдъ и взаимной любви виденъ былъ перстъ Божій, то кто могъ тогда сему противиться? Всѣ знали, вѣрные и зловѣрные боялись, такъ ревность Фотія была за православіе, за благо святой церкви, вѣры, благочестія, и отечество, и изъ любви къ царю. Тако о силѣ Божіей, дѣйство въ пользу святой церкви и благочестія видимо было предъ очами митрополита Серафима, и отца Фотія, и вѣрныхъ, возрастая. Князь соглашалъ Фотія, дабы онъ, хотя въ свою обитель отправиться, не уѣзжалъ скоро, а подождалъ пріѣзда государя императора Александра, и не отрекался его видѣть и ему подать благословеніе, а онъ, князь, обѣщался доложить ему о Фотіи; по долгу же не можетъ уѣхать онъ изъ Санкт-Петербурга. Фотій, зная трудность и имѣя успѣхъ во всемъ по дѣламъ церкви, не соглашался видѣть царя. скорбя въ сердцѣ на него за тяжкіе заблужденія и соблазны, святой церкви учиненные, скорбѣлъ же и на князя, но втайнѣ, слагая все на сердцѣ своемъ. Серафимъ митрополитъ и вѣрные всѣ совѣтовали жить до пріѣзда царя и его видѣть. Фотій духовныхъ подвижниковъ нѣкихъ

вопрошалъ о томъ, какой совѣтъ они дадутъ на сіе: остаться, или ѣхать ему до пріѣзда царя. Хотя всѣ совѣтовали ждать царя въ Санкт-Петербургѣ, и дотогѣ не ѣхать въ Новгородъ, какъ уже все добрѣ и успѣшно быть можетъ и съ пользою конечно для святой церкви, всѣмъ Фотій говорилъ: что мнѣ дѣлать у царя, и на что мнѣ видѣть его нужно? Князя же желаніе было въ томъ великое, чтобы царя видѣть ему Фотію непременно: то Фотій сказалъ князю: никого не послушаю въ семъ; что мнѣ дѣлать у царя? Дивился сему князь и всѣ прочіе слышавшіе. Но далъ по усильному желанію князя Голицына Фотій таковой вмѣсто согласія отвѣтъ: буду молиться Богу и что Богъ возвѣститъ, то и будетъ: тебѣ же, княже, все скажу, сказалъ Фотій: и началъ ожидать свыше извѣщенія себѣ, и митрополиту о семъ объявилъ. На что митрополитъ согласился и одобрилъ.

Извѣщеніе же было во снѣ съ 23-го на 24-е мая отцу Фотію такое. «Видѣлъ я, говорилъ онъ, что бысть день, якоже день сей, клонился день къ вечеру, вечерній мракъ покрывалъ всю землю, и бысть тишина, яко въ лѣтній вечеръ по заходѣ солнца; вижу себя я въ прекрасныхъ и свѣтлыхъ ризахъ, митра на главѣ моей самая драгая; круглый катокъ, яко великъ съ одра, въ рукахъ моихъ держалъ, весьма драгій, весь унизалъ самыми крупными жемчужинами. Иду я по пространной долині, покрытой травою, яко въ день среди весны, и спѣшу идти скоро въ свою обитель; спѣша же, претыкался я такъ, что съ валика спадываютъ превеликія жемчужины на землю; мнѣ ихъ было весьма жалъ; претыкался же я отъ тяжести драгоцѣнностей разныхъ камней, особенно митры, и отъ самой усталости. Какъ я хотѣлъ, дабы кто-нибудь меня поддержалъ отъ шатанія и претыканія, никого нигдѣ не видѣлъ и не слышалъ; какъ среди сна ношю вотъ является мнѣ воинъ прекрасенъ, видомъ юнъ, саномъ великъ, яко воевода, ростомъ высокъ, силенъ, храбръ, и подошедъ ко мнѣ, взялъ меня, подъ правое плечо поддерживая, шелъ со мною и вопрошалъ меня: куда ты, отче, идешь? Я же отвѣщалъ ему: спѣшу домой скоро идти. Воинъ же, явльшійся сказалъ мнѣ: не можно тебѣ идти въ обитель теперь; завтра мой праздникъ, а тебѣ должно и нужно быть на праздникѣ семъ. Я же, не останавливаясь, шелъ; а онъ добрѣ спѣшащаго меня идти поддерживалъ по долині такъ, что я восхотѣлъ, возлюбивъ его, узнать, кто онъ таковъ есть; и возврѣвъ въ лице, узналъ, что онъ есть святой великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій, и сказалъ ему: яко плѣнныхъ свободитель, и нищихъ защититель, немоществующихъ врачъ, царей поборниче, ты со мною здѣсь, на что же ты безпокоишься меня поддерживать? Я самъ пройду пространство по сей долині. Святыи же сказалъ: тебя нужно поддерживать мнѣ; и тотчасъ перешедъ съ правой стороны на лѣвую, подъ лѣвое плечо взявъ меня, поддержи-

валь, пдя со мною. Я же не хотѣлъ, чтобы онъ поддерживалъ, будучи таковой свѣтлый вождь, я просилъ его не беспокоиться о мнѣ. Онъ же, не смотря на меня, то съ той, то съ другой стороны идя, поддерживалъ меня и говорилъ мнѣ: не надобно спѣшить тебѣ идти въ обитель, а надобно быть еще на моемъ праздникѣ; на что я сказалъ: какой же твой праздникъ завтра? Ты святыи великомученикъ и побѣдоносець Георгій; день твоего праздника 23-е апрѣля, а завтра 24 маія.— сей не твоего праздника день. Болѣе не смѣя ему прекословить много, а идя спѣшно, я никакъ не могъ, по желанію моему, перейти долину и дойти до обителя своен и остановился на долині. Заутра, воставъ отъ сна, размышлялъ, что мнѣ дѣйствительно надобно оставаться до приѣзда царя, и въ обитель не должно спѣшить; что день праздника святаго славнаго великомученика Георгія побѣдоносца и чудотворца предъявляетъ, можетъ быть, день славный, побѣдный и чудный часъ въ пользу святой церкви и вѣры, хотя и съ трудомъ немалымъ будетъ течение мое». И повѣдалъ вся сія митрополиту Серафиму, дщери дѣвицъ и князю.

Въ ноши же съ 28-го на 29-е маія во снѣ явился отцу Фотію паки святыи великомученикъ Георгій побѣдоносець тако: «вижу я, повѣдалъ онъ, себя во градѣ святаго Петра, идущаго; является мнѣ прежній воинъ святыи Георгій съ лицемъ радостнымъ, и говоритъ: нынѣ день моего праздника; пора тебѣ идти служить; всѣ тебя въ церкви давно ожидаютъ; а за тобою все дѣло стоитъ; и взявъ онъ меня за руку, привелъ къ рѣкѣ великой, перевезъ въ ладіи меня на другую страну рѣки въ церковь Николая чудотворца и князя Владимира; ввелъ тотчасъ меня въ оную древнюю церковь, и оставляя сказалъ: иди и служи; самъ же невидимъ сталъ быть. А я, вшедъ въ церковь, иконостасъ въ ней весьма древній увидѣлъ, духовенство все въ готовности къ служенію, Серафимъ же митрополитъ не посредѣ церкви, но согнанъ стоитъ во всемъ облаченіи у праваго клироса и въ числѣ пѣвцовъ; лице его свѣтло, весело, и ждетъ меня съ собою служить. Удивляясь, что митрополитъ согнанъ съ своего уже мѣста въ церкви, хотѣлъ я рассмотреть, отъ кого сіе случилось, како, но вдругъ послѣшно явились въ свѣтлыхъ ризахъ діакони, единъ именовъ евангелъ, схватили меня и потащили во святыи олтарь, говоря мнѣ: иди и облачися скоро во все облаченіе; пора служить; все готово; за тобою дѣло стоитъ; и они на рукахъ своихъ внесли почти меня во святыи олтарь. Я по семъ восталъ отъ сна, размышлялъ, что будетъ нынѣ въ сей день». Повѣдалъ же митрополиту, дѣвицъ дщери и князю сіе видѣніе. Помянулъ же сіи дни тогда, что праздникъ означаетъ святаго Георгія, когда сподобилъ его Богъ въ бесѣдѣ явить успѣхъ многъ надъ княземъ, сонмищемъ зловѣрныхъ, и князь явился готовымъ во всемъ содѣйствовать ему въ пользу святой

церкви; а когда былъ лично у царя послѣ, совершилъ дѣло свое, на кое призванъ былъ отъ Господа.

Во время оно изъ путешествія явился во дворець императоръ Александръ 5-го іюня, въ день перекоженія мощей святаго благовѣрнаго князя Феодора въ Новѣградѣ въ новую раку серебряную, и въ день его праздника, назначено отцу Фотію быть у императора. Митрополитъ старался его наставить, что и какъ съ царемъ говорить; Фотій же сказалъ ему: владыко святыи! я не знаю, что царь будетъ говорить мнѣ и какъ, а потому учиться не могу, что говорить и какъ заранѣе: даждь лучше мнѣ образъ въ благословеніе для царя. Тотчасъ митрополитъ изъ Крестовой церкви, изъ настѣннаго крестнаго кіота средней образъ Спаса нерукотворенный взявъ, далъ мнѣ, и благословилъ, глаголя: «Благодать Святаго Духа да дастъ тебѣ смыслъ, вѣдѣніе и крѣпость, что во славу Божию говорить и творить».

Князь же отцу Фотію повелѣлъ прежде царскаго свиданія явиться къ нему. Фотій явился. Князь старался наставить, что говорить и дѣлать, будучи у царя. Фотій, считая вовсе ненужнымъ совѣтъ его на сей часъ, молчалъ и слагалъ на сердце своемъ, какая вина, что князь старается наставлять его; помыслилъ, что вѣрно князь опасается, дабы чего о дѣлахъ церкви не сказалъ царю Фотій по своей ревности.

Наконецъ, исправився въ путь, какъ наступалъ часъ, назначенный явиться лицу цареву, прежде заѣхалъ въ соборъ Казанскій и, падши на колѣни предъ иконою Богородицы, помолился и просилъ во всемъ ея помощи, благодати и милости. Изъ церкви Казанской прямо приѣхалъ Фотій на коняхъ дочери дѣвicy Анны ко дворцу цареву¹⁾. Ишедъ изъ колесницы, шелъ по лѣствицамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворець, проходы, помышляя, что тамъ дѣсь живутъ и дѣйствуютъ силы вражнхъ, то ежели оныя, видя крестное знаменіе, отбѣгутъ отъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце его послушати, что на сердце его есть царю возвѣстять. Введенъ былъ Фотій въ преддверіе царскаго жилища; и вскорѣ потребовалъ царь Александръ его²⁾. О чемъ Фотій тако повѣдалъ бывшее:

«Отверзаются двери, я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь, вижу, что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе, я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ святыи образъ въ комнатѣ на стѣнѣ

¹⁾ Аудиенція архимандриту Фотію назначена была въ Зимнемъ дворцѣ, въ пять часовъ пополудни. „Русск. Старина“, 1882 г., мартъ, 776.

²⁾ Отсюда видно, что рассказъ о Морозкина о томъ, что Фотій сначала былъ отведенъ подъ арестъ въ нижній этажъ Зимняго дворца, а потомъ уже представлялся государю. („Русск. Старина“, 1876 г., томъ XVII, изд. 2, 314), не соотвѣтствуетъ исторической достовѣрности.

есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться, прежде царя земнаго, образу царя небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя почти назадъ усмотрѣвъ на лѣвой сторонѣ у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменяся, поклоняся, предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня, хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время и послѣ паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, приѣмлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою; я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса, далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «Я давно желалъ тебя, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе». На что я сказалъ царю: «Яко же ты хочешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя святаго олтаря, то, благословляя тебя, глаголю: миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся, Господь съ тобою буди!» Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ. Самъ сѣлъ противу меня, лицомъ въ лице прямо зря мнѣ, возсѣлъ же весьма близъ меня, яко же бы можно все тихо глаголя слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ себя, десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрестилъ. Началъ царь вопрошать меня о мѣстѣ моей службы въ корпусѣ, когда былъ я законоучителемъ, и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово, царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико слово все въ сладость принималъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ, толико я крестился, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принимать желая, просилъ, дабы я его перекрестилъ. Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что царь весь сердцемъ прилѣпился ко услышанію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры. Сперва началась рѣчь о митрополитѣ Серафимѣ. Я внушалъ, что пастырь есть единственный по своей любви ко святой церкви, царству и ко благу; благодать Господня съ нимъ есть. Посемъ царь, послушая со сладостію, говоритъ ко мнѣ: «Не имѣешь ли ты, отецъ Фотій, что особенно сказать мнѣ», намекая о разныхъ нуждахъ, о каковыхъ многіе являлись утруждать царя и просили выгоды обителямъ своимъ. Я сказалъ царю: «Никакихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не имѣю; съ нами Богъ, а съ Нимъ все у насъ есть. Едино есть тебѣ нужно повѣдать, для тебя паче всего нужное: враги церкви святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой вѣрѣ Христовой и царству всему; но

они не успѣють; бояться ихъ нечего, надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя столицы въ успѣхахъ немедленно остановитъ. Какъ потокъ водный — всюду нечестіе, зловѣріе разливается. Господь съ тобою, о, царю! Все можешь ты сотворить, дается тебѣ благодать, крѣпость, все во славу Божию сотворить. Праведные скорбятъ, видѣвъ успѣхи враговъ, но чаютъ, что Господня десница воздвигнетъ тебя, царя, защититъ церковь, вѣру». Царь все послушалъ со вниманіемъ. Много же и долгое время о семъ бесѣдовали мы, яко часть съ половиною. Наконецъ Фотій сказалъ: «Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать». Все нужное къ дѣлу вѣры святой внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился, и приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою святаго креста; многократно онъ цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду. Воставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время бесѣду со мною кончить. Царь палъ на колѣни предъ Богомъ и, обратясь лицемъ ко мнѣ, сказалъ: «Возложи рукѣ твоей, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мя». Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, таковое благоговѣніе царя къ Богу втайнѣ, смиреніе его предъ Вышнимъ и Святымъ Царемъ царствующахъ и Господомъ господствующихъ, возложилъ рукѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся согрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во словѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры, и сокрушить силы вражія вскорѣ, и прочелъ сію молитву тайно: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинны, иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю! Прииди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, блаже, души наша». И посемъ, знаменавъ главу цареву и лице, руки мои отнялъ; царь же поклонился мнѣ въ ноги ¹⁾, стоя на колѣняхъ; восталъ отъ земли, принявъ благословеніе, цѣловалъ

¹⁾ Г. Половъ считаетъ невѣроятнымъ разсказъ Фотія, чтобы царь поклонился ему до земли („Труды Киев. дух. акад.“, 1875 г., июнь, 740); г. Карновичъ признаетъ его („Русск. Старина“, 1875 г., августъ, 472) вполне правдоподобнымъ. Императоръ Александръ выражалъ великое благоговѣніе ко всякому подвижнику благочестія, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежалъ послѣдній. Такъ, онъ молился колѣнопреклоненною молитвою вмѣстѣ съ англійскими квакерами. Квакеръ Грелъе описываетъ поведеніе императора во время бесѣды съ нимъ очень сходно съ разсказомъ Фотія. („Русск. Старина“, 1874 г., январь). Примѣры подобнаго же поведенія императора („Историко-стат. свѣдѣнія о сб. епархіи“, томъ VIII, 511—512, „Русск. Старина“, 1883 г., июль). Статьи: „Амвросій Орнатскій“, еп. пензенскій, „Русскій Архивъ“, 1892 г., кн. 12. „Императоръ Александръ I въ Києво-Печерской лаврѣ“.

десницю мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать не забывать, благословеніе посылать, и проводилъ самъ меня изъ дверей. Я же, видѣвъ явно благодать Божию въ лицѣ царя ко мнѣ, благодарилъ Бога, радовался и веселился духомъ. Прежде всего пріѣхалъ я въ домъ къ дочери дѣвицѣ; время уже было яко часъ вечера глубока; все ей повѣдалъ. Возвратився въ лавру ко владыкѣ архіерею Серафиму, повѣдалъ ему все втайнѣ; онъ, объявши меня въ старческія свои объятія, лобзалъ, радуясь, что Господь благодать далъ втайнѣ предъ лицемъ царя, уповалъ, что можетъ быть успѣхъ въ дѣлахъ святой церкви, сила вражій вскорѣ будетъ удержана отъ успѣховъ своихъ и дѣлъ. Когда же видѣлъ князя посемъ, не повѣдалъ ему ничтоже, что съ царемъ тайное было говорено; ниже царь никогда не повѣдалъ князю, при всѣхъ его желаніяхъ испытать о существѣ бывшія бесѣды»¹⁾. Вотъ первое свиданіе отца Фотія съ царемъ, и какую благодать далъ Господь предъ царемъ Александромъ отцу Фотію за долговременное его подвизаніе и терпѣніе.

Послѣ того, какъ отецъ Фотій былъ у императора Александра, по извѣстному благоволенію его и желанію князя Голицына, начальника по духовнымъ дѣламъ, Серафимъ митрополитъ восхотѣлъ представить Фотія къ наградѣ драгоцѣннымъ крестомъ, принявъ въ соображеніе то, что былъ законоучителемъ нѣсколько лѣтъ и должность проходилъ съ отличными успѣхами, вмѣсто же повышенія и награды, по дѣйствию въ то время противниковъ вѣры и церкви, томо былъ гонимъ и преслѣдуемъ за ревность по благочестію. Къ златому же кресту за службу корпусную два года, какъ былъ отъ митрополита Михаила представляемъ; но сіе было сокрываемо по канцеляріи министерской. Восхотѣлъ также представить Серафимъ Фотія къ наградѣ для того, что Деревяницкій монастырь изъ пепла, такъ сказать, былъ воздвигнуть Фо-

---

¹⁾ Вскорѣ послѣ представленія своего государю Фотій заболѣлъ: раны, нажитыя веригами, никогда у него не залывали, и боль возобновлялась при скорбныхъ случаяхъ и во время сильныхъ душевныхъ волненій. Въ іюнѣ 1822 года у Фотія образовался нарывъ на груди. Князь Голицынъ о болѣзни о. Фотія довелъ до свѣдѣнія государя. Государь приказалъ пользоваться Фотію доктору Гренадерскаго корпуса Соколовскому, который, явившись къ больному, засталъ его лежащимъ въ своей кельѣ на бѣлой мраморной кушеткѣ и прикрытымъ черною власяницею. На предложеніе врача вскрыть нарывъ, больной отвѣчалъ: „Если грѣшная моя жизнь не угодна Господу Богу, то я готовъ сейчасъ предъ Него, по тѣла моего рѣзать не дамъ“. Нарывъ прорвался самъ собою, и Фотій выздоровѣлъ („Русск. Архивъ“, 1870 г., стр. 901, сообщеніе Горбунова). Нѣкоторые писатели изъ того, что объ этой своей болѣзни Фотій ничего не говоритъ въ своей автобіографіи, выводятъ ложное заключеніе такого рода, что Фотій по болѣлзѣ вовсе въ Петербургъ и только распустилъ ложный слухъ о своей болѣзани („Русск. Архивъ“, 1869 г., 946).

тіємъ, Сковородскій обновляется въ короткое время, и онъ имѣлъ ревность по вѣрѣ, терпѣлъ много и имѣлъ быть полезнымъ въ дѣлахъ церкви и вѣры своею дѣятельностью, всячески помогая митрополиту при старости лѣтъ его. Почему сей владыка представилъ Фотія къ драгоцѣнному кресту наперсному; и былъ назначенъ крестъ отъ царя дать 25-го іюня 1822-го года. Но заказано было мастеру получить новый сдѣлать; а посему и медлилось немного пожалованіе креста.

Устроивъ ходъ дѣлъ нѣкихъ и совершенно расположивъ къ себѣ сердце князя, какъ важную особу по всѣмъ дѣламъ, Фотій, по благословенію владыки началъ готовится ѣхать въ Новъ-городъ въ обитель свою, какъ вдругъ императрица мать Марія Феодоровна благоволила въ Павловскомъ дворцѣ видѣть отца Фотія и принять его благословеніе. Почему отправляясь онъ въ свою обитель, остановился въ Царскомъ Селѣ у благочестивой боярыни Маріи Портеръ, гдѣ видѣлся прежде съ княземъ, потребованъ же бывъ предстать царицѣ, представился ей, говорилъ съ нею о царѣ, что Господь его хранить во всѣхъ опасностяхъ и впредь сохранить, давая всячески разумѣть о тайныхъ внутреннихъ врагахъ, о митрополитѣ же, что онъ единственный защитникъ церкви и вѣры; коснулось до князя Голицына и прочихъ враговъ вѣры, сыновъ беззаконія. Все было говорено со тщательностію, дабы удобопріятельно было сердцу царицы Маріи: стоялъ Фотій за лицо іерарха Серафима болѣе всего, дабы тѣмъ внушить о немъ большее мнѣніе, какъ бы доставить вѣсь болшій предъ дерзкими вельможами, врагами церкви и вѣры. Былъ отпущенъ съ великимъ благоговѣніемъ Фотій, удостоенъ ея рескрипта въ награду, при томъ она часы золотыя въ даръ прислала. Видѣлъ по семь боярыню Ливенъ, первую довѣренную особу при дворѣ; съ нею много говорено было о Поповѣ, Тургеновѣ, Руничѣ, князѣ, Кошелевѣ. Царица въ сіе время имѣла великую ненависть къ симъ врагамъ за ихъ противузаконныя дѣйствія по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній; но Фотій, какъ бы поручаясь за князя со всею силою и любовію—стоялъ, говорилъ слово, что онъ будетъ полезенъ, онъ не совсѣмъ виновенъ, а его окружающіе всѣ пакости дѣлають. Царица и г. Ливенъ весьма благодарили дщерь дѣвциу Анну за то, что она отца своего, наставника и духовника, дала случай видѣть и благословеніе принять его. Сіе представленіе весьма много дѣйствовало въ пользу митрополита и во вредъ противныхъ партій. Отсюда отправился онъ въ монастырь и съ Богомъ прибылъ прямо въ церковь соборную Михаила Архангела, гдѣ, входя никѣмъ невидимъ, во время вечерней службы, услышалъ первую пѣснь: Блаженъ мужъ, иже не вѣдѣна совѣтъъ нечестивыхъ (Псал. I, 1). Пріѣхавъ же, послѣ трудовъ токмо хотѣлъ отдыхать, для поправленія здравія своего, но сырое мѣсто положенія обители было ему великою тягостію.

Но съ 5-го же числа іюля на 6-е въ ноци онъ видѣть во снѣ таковое видѣніе. «Вижу, говорилъ Фотій, что я изъ Сквородской обители изъ вратъ изшедь, хотѣлъ что-то видѣть; какъ вдругъ предсталъ мнѣ воинъ славный, возрѣвъ на него, хотѣлъ разсмотрѣть и узнать, кто онъ. Казалось же, была лѣтняя ночь тихая, свѣтлая, и узналъ, что сей есть явлейся прежній воевода, славный Георгій побѣдоносець: радъ сему былъ. Онъ жѣ, взявъ меня за руку, провелъ отъ вратъ Сквородскія обители по всему пространству луга до рѣки Волхова и на берегу ея поставивъ, указываетъ на что-то мнѣ и говоритъ: виждь, я же, возрѣвъ, вижду предъ лицомъ моимъ Юрьевскую обитель. Онъ же рече мнѣ: тебѣ она вручена нынѣ; возрѣвъ добрѣ, вижду я, что пречудная, прекрасная обитель, благоустроенная, и главъ много въ ней; вижу старый соборъ святаго Георгія о трехъ главахъ; еще вижу какъ бы два собора, каждый о пяти главахъ; еще главы по угламъ ограды, посредь ограды врата большія, и кресты на главахъ многіе. И вопрошаю я святаго Георгія: какая же это обитель? Она на мѣстѣ Юрьева монастыря, да, повидимому, не Юрьевъ; ибо вся нова обитель есть. Говорить святой Георгій: сей есть монастырь Юрьевъ; что ты не узнаешь? Надъ нимъ смотритъ князь Михайлъ. По сихъ словахъ я все вниманіе устремилъ разглядѣть, точно ли сей есть Юрьевъ? И помышлялъ въ себѣ: въ Юрьевѣ токмо три главы на одномъ старомъ соборѣ, а здѣсь много; Юрьевъ весь ветхой, а сей весь новъ, главъ и церковей много, а такъ разсматривая добрѣ, вижу, что старый соборъ святаго Георгія есть Юрьевскій, прочее все Юрьевское по мѣстамъ, но все ново, многое кругомъ выстроено, старое обновлено и украшено; все сдѣлано весьма крѣпко; тишина, безмолвіе въ обители великое; слышу благоуханіе великое отъ обители и слыше, яко въ ноци освѣщеніе Святаго Духа надъ обителью, явленіе свѣта, услаждаюсь до безмѣрности сердца; и вижу, яко рай Божій обитель есть сія, радуюсь, зря все; но желая не могу взойти въ оную обитель, а казалось, около всея обошелъ тайно, тихо съ Георгіемъ святымъ. Полюбивъ оную обитель, сказалъ я къ святому Георгію: какъ же мнѣ можно быть архимандритомъ здѣсь? Здѣсь Анатолій старинъ. Говорить же святой Георгій, его уже нѣтъ здѣсь нынѣ; а отдава тебѣ обитель; прими ее. Обозрѣвъ, гдѣ что, какія церкви, сколько главъ и прочаго, возлюбивъ ее весьма сказалъ: ахъ, какъ бы я желалъ на вѣки въ сей обители прекрасной жить. Не просто есть сіе мѣсто, но яко рай земный; Господь на мѣстѣ семъ; блаженство въ ней есть. Люди же не видятъ, не знаютъ, какая благодать въ ней; все скрыто отъ грѣшныхъ; я доселѣ, по недопониманію моему, видѣлъ совсѣмъ иначе обитель сію, а не какъ она есть и быть должна. О, какъ возлюбленно селеніе въ сей обители! Хочу быть въ ней, и радъ на вѣки поселиться. Посемъ въ великомъ воспи-

щени, услаженіи воспрянулъ отъ дреманія, обрѣлъ сердце мое несказанныя радости исполнено, сладости. Вопросаю келейнаго брата: иди не медля, узнай, живъ ли въ Юрьевѣ монастырѣ старецъ архимандритъ Анатолій; ибо я что-то видѣлъ предивное видѣніе о немъ въ сію ночь: видѣлъ, что святой Георгій сказалъ мнѣ, сія обитель его вручается мнѣ. Возрѣвъ же на монастырь изъ кельи моея, вижу, что три главы въ Юрьевѣ га старомъ соборѣ, весьма ветхій есть и не таковъ, каковымъ я видѣлъ въ ноци, слагая на сердце моемъ, помышляя, что вѣрно воля Господня есть о немъ такова рѣшена въ небесахъ, что онъ на семь мѣстѣ будетъ яко новъ весь, красотою внѣшнею, благодатію исполненъ когда-нибудь въ свое время». Пришли же и сказали такъ: былъ посланъ человекъ въ Юрьевъ, видѣлъ самъ, что архимандритъ Анатолій живъ есть. Услышавъ сіе, отецъ Фотій на сердце полагалъ, что-нибудь вскорѣ важное имѣеть быть съ монастыремъ Юрьевымъ, и будетъ перемѣна настоятельства. О семъ онъ повѣдалъ дщери дѣвицы Анни, втайнѣ написавъ.

Бывъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ, о силѣ Божіей сотворилъ отецъ Фотій любовь, согласіе между митрополитомъ и княземъ, и начался миръ всѣмъ очевидный. Дѣйствія ибѣнкихъ сильныхъ людей духовныхъ и враговъ не могли вредить вождѣльному согласію іерарха, ревнителя съ княземъ, производителемъ дѣлъ духовныхъ. Митрополитъ, Синодъ и прочее духовенство первое имѣло одно имя, а дѣйство все зависѣло предъ царемъ и всюду отъ князя и его окружающихъ. Митрополитъ, желая, дабы временемъ не ослабилась успѣшное дѣйство ко благу, подъ видомъ желанія дщери дѣвицы Анны видѣть отца, слышать бесѣды его, по волѣ князя, его просьбѣ и иныхъ вѣрныхъ возлюбленныхъ о Господѣ, отецъ Фотій вызванъ въ С.-Петербургъ немедленно, и 17 іюля отправился поспѣшно. Приѣхавъ же, услышалъ тайно, что архимандритъ Анатолій отъ 6 іюля, того дня, въ который отцу Фотію было откровеніе, на покой отъ Юрьева монастыря прислалъ прошеніе митрополиту; но сей молчалъ. 25 числа Фотій совершилъ литургію въ Крестовой церкви въ день тезоименитства дщери дѣвицы г. Анны, въ часъ же призванія Святаго Духа на дары, митрополитъ резолюцію положилъ представить на мѣсто праздное въ Юрьевѣ архимандрита Фотія и Феофана старика Новозерскаго. Когда же пришелъ 12 день августа, день тезоименитства архимандрита Фотія, онъ служилъ въ Крестовой церкви у митрополита, въ часъ призванія Святаго Духа, подписалъ представленіе въ Синодъ, взялъ слово со дщери г. Анны тайно ¹⁾, дабы ему не говорила до времени, чтобы все возможное

¹⁾ Графиня А. А. Орлова по поводу назначенія Фотія въ Юрьевъ монастырь пишетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: митрополитъ Серафимъ, намѣреваясь сдѣлать настоятелемъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь архимандрита

сдѣлать пособіе въ доставленіи Юрьева монастыря отцу Фотію, какъ своему духовному отцу и наставнику, и представилъ митрополитъ между прочимъ ту вину, что архимандрита Фотія перваго признаеть достойнымъ, какъ въ краткое время обновившаго двѣ обители, житіемъ отличнымъ, способнаго и подающаго надежду возстановить монастырь, совершенно обветшавшій отъ бѣдности. Все сіе тайно дѣлалось: митрополитъ, князь и всѣ таили отъ архимандрита Фотія сіе дѣло. Какъ вдругъ 21 августа по вечеру митрополитъ призываетъ къ себѣ отца Фотія, читаетъ ему синодальный указъ, что онъ сдѣланъ архимандритомъ въ Юрьевѣ монастырѣ. Вскорѣ по семъ все возможное содѣлавъ къ согласію и любви митрополита и князя ¹⁾, дабы успѣшнѣе теченіе было дѣлу по духовному вѣдомству, злобѣрные не могли дерзновенно дѣйствовать, началъ готовится отецъ Фотій въ свой новый монастырь Юрьевъ отъѣзжать, принять оный, и прежде сдать прежній Сквородскій. Въ новое лѣто 1 сентября пріѣхалъ въ Новъ-городъ; въ понедѣльникъ 4 сентября, въ день Божія Матери Неопалимыя купины и святаго Боговидца пророка Моисея, архимандритъ новый Фотій возжелалъ, дабы онъ былъ введенъ въ новую обитель. Снмъ кончается жизнь и дѣянія отца Фотія въ санѣ архимандрита Сквородскаго, коимъ былъ шесть мѣсяцевъ съ половиною, подвизаясь почти около четырехъ мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ въ пользу святаго церкви и вѣры и обративъ сердце царево къ себѣ и многихъ вѣрныхъ сыновъ церкви.

Во второй сей разъ, какъ архимандритъ Фотій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, дабы было новое мѣсто для жилища, ибо неизвѣстно, отъ кого ядовитое нѣчто влило было въ ястіе, которое было готовлено отъ прислуги отца Фотія. Когда принесено было отцу Фотію ясти (ибо стерляди были варены, хотя и не свѣжія), по тайному чувству нѣкому вкусу мало, отвергъ Фотій, поплевавъ, и не совѣтовалъ ясти своему прислугѣ. Какъ же скоро прислужникъ старѣйшій, не внявъ совѣту отца Фотія, досыта вкусилъ, началось въ немъ дѣйствіе яда: не бывъ дома въ кельи, а въ градѣ, отецъ Фотій, узнавъ о семъ, едва съ Божіею помощію самъ возмогъ ему остановить дѣйствіе яда. Послѣ сего вторично то же было сотворено: прислужникъ, хотя живъ остался, но годъ жестоко болѣзнію страдалъ.

Послѣ сего по обычаю церковному, митрополитъ самъ 1 августа служилъ въ С.-Петербургѣ въ Петропавловской крѣпости литургію, и на ней съ должнымъ привѣтствіемъ возложилъ на архимандрита Фотія драгоценный весь алмазный крестъ.

Фотія, сообщилъ оное намѣреніе мнѣ съ тѣмъ, чтобы я всевозможно помогала въ обновленіи сей заустѣвшей обители архимандриту Фотію, яко наставнику и духовнику своему". Елагинъ, «Жизнь графини Орловой», 100—101.

¹⁾ Голицына.

А въ то же время самъ императоръ Александръ царское свое повелѣніе написалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею, о всѣхъ запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ, таковое:

«Графъ Викторъ Павловичъ! Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ нынѣ подѣ именованіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствія государствъ, и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить».

«Обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и въ особенности въ такое время, когда къ несчастію отъ умствованій, нынѣ существующихъ, простекаютъ столь плачевныя въ другихъ краяхъ послѣдствія, я призналъ за благо, въ отношеніи помянутыхъ тайныхъ обществъ, предписать слѣдующее:

«1) Всѣ тайныя общества, подѣ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ, или другихъ, закрыть и «учрежденія ихъ впредь не позволять»

«2) Объявля о томъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ, обязать ихъ «подписками, что они впредь ни подѣ какимъ видомъ, ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, подѣ какимъ бы благовиднымъ названіемъ они ни были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея «составлять не будутъ».

«3) Какъ несвойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, «обязывать себя какою-либо присягою, кромѣ той, которая законами «опредѣлена; то поставить въ обязанность всѣмъ министерствамъ и другимъ начальствамъ, въ обѣихъ столицахъ находящимся, потребовать «отъ чиновниковъ, въ вѣдомствѣ ихъ служащихъ, чтобы откровенно «объявили, не принадлежатъ ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ, или другимъ какимъ тайнымъ обществамъ, или внѣ оной, и къ «какимъ именнно?»

«4) Отъ принадлежащихъ къ онымъ взять особую подписку, что «они впредь уже принадлежатъ къ нимъ не будутъ; если же кто тако «ваго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ оставаться «впредь на службѣ».

«5) Поставить въ обязанность главноуправляющимъ въ губерніяхъ «и гражданскимъ губернаторамъ строго наблюдать:

«Во-первыхъ, чтобы нигдѣ ни подѣ какимъ предлогомъ не учреждались никакихъ ложъ, или тайныхъ обществъ; и во-вторыхъ, чтобы «всѣ чиновники, конъ къ должностямъ будутъ опредѣляемы, обязываемы «были, на основаніи статей 3-й и 4-й, подписками, что они никакимъ

«ложамъ, или тайнымъ обществамъ не принадлежать, или впредь принадлежать не будутъ; безъ каковыхъ подписокъ они къ шѣстамъ, или въ службу опредѣляемы быть не могутъ никуда.

«Вы не оставите сдѣлать всѣ нужныя къ исполненію сего распоряженія, сообща объ ономъ другимъ министерствамъ, для единообразнаго по сему предмету руководства».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Каменный Островъ.

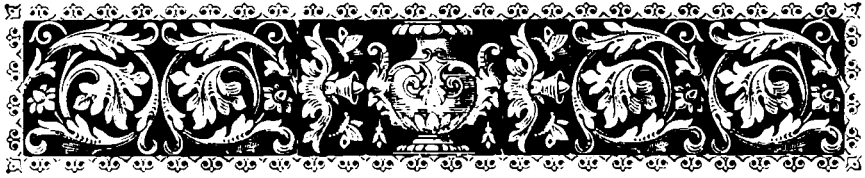
1 августа 1822 года.

Лишь послѣ службы отецъ Фотій возвратился въ домъ дочери дѣвицы Анны, дабы вкусить ястія мало, присылаетъ тотчасъ императоръ Александръ поздравить его съ полученіемъ въ крѣпости наперснаго драгоцѣннаго креста, и объявляется ему, что указъ о запрещеніи ложъ масонскихъ и тайныхъ обществъ всѣхъ изданъ. Фотій, толико подвизаяся, радовался вельми, не о наградѣ крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, подъ разными предлогами въ имперіи, опасныя для церкви и государства, послѣ запрещенія вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ, и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ.

Хотя враги гнѣвались главныи на царево сіе повелѣніе, но противиться не дерзали: въ С.-Петербургѣ Лабзинъ, а въ Москвѣ Николай Дьяковъ особенно не хотѣли отстать отъ своихъ замысловъ, но страха ради, какъ производители не дѣлъ Божіихъ, а вражійхъ козней, дали обязательство и не смѣли своихъ обществъ открывать. Таковымъ повелѣніемъ царскимъ много дѣйствія ко благу учинено.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Письмо императрицы Екатерины II

къ

графу Брауну, генераль-губернатору Эстляндіи и
Лифляндіи.

Графъ Браунъ былъ родомъ ирландецъ (род. въ 1693 году), чѣмъ и можно объяснить встрѣчающееся въ письмѣ императрицы выраженіе: «въ состояніи ли вы еще говорить правду по-англійски». Петръ III назначилъ графа Брауна генераль-губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи. Провинціями этими онъ управлялъ 30 лѣтъ и умеръ въ 1792 году, почти столѣтнимъ старцемъ въ званіи фельдмаршала. Писемъ императрицы на нѣмецкомъ языкѣ весьма немного. И тотъ фактъ, что она писала графу Брауну на этомъ языкѣ, и самое содержаніе письма свидѣтельствуютъ о желаніи императрицы произвести благопріятное впечатлѣніе на правящіе провинціями классы, на нѣмецкое населеніе. Брауну не только разрѣшалось сообщить пріятныя для того населенія вѣсти, но еще давалась возможность показывать милостивое письмо монархини, долженствовавшее успокоить и настроить умы въ ея пользу. Она недавно вступила на престолъ и очевидно, старалась расположить къ себѣ прибалтійскія провинціи. Вотъ почему она говорила объ утвержденіи лифляндскихъ привилегій, впоследствии же не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Moskow, 4 Februar, 1763.

Herr General Braun.

Ich bin wahrlich böss auf ihnen, mein alter¹ lieber Freund hat mir nunmehr vergessen oder denkt nicht das Ich noch eben dieselbe gegen ihm, die ich jeder Zeit gewesen bin. Ich habe ihre briefe an den Geheimen Raht Panin gesehen und gelesen über die Ankunft des von Borg

in Riga und ich bin jaloux das sie nicht gerade an mir Schreiben, wie lieb solte es mir seyn wenn sie in Vertraulichkeit mit Raht und taht wohl wolten mir beistehen und von wem solte es mir angenehmer seyn als von meinen Ehrlichen und braven General braun, Schreiben Sie an wem sie wollen aber vergessen sie mir nicht und in was vor Schprache es ihnen am comodeste ist über alles dassjenige so sie nöhtig finden zu meiner Wissenschaft mit voller Freyheit ohne irgends einen Zweifel, ich kan auch zur Zeit schweigen und werde niemahls ihnen compromettiren. Die Zeit ist nun beinahe herbey die Arenden in liefland zu renouvelliren und zu vergeben, sie wissen hierüber meine meinung aber ich weiss noch nicht die ihrige wem in Liefland von Adel sie hierzu verdient halten, schicken sie mir eine liste von solche Leute die Armuth und Verdienste distingiren und seyn sie versichert von meiner immer dauernden affection. Catherine.

P. S. Ich habe befohlen die Confirmation derer lifländischen Privilegien ohne chicanen nach Peter des Grossen seyne zu richten denn ich bin nicht intentioniret jemanden was zu benehmen und wütsche weiter nichts als meine Unterthannen in Friede Ruhe und Vergnügen leben möchten, dieses Schreibe ich ihnen damit das der Herr General Gubernater möge was zu erzählen haben; Ich wütsche auch wohl zu wissen ob dieser Herr und seine untergebene Province mit mir zufrieden ist und worin sich zu bessern wäre, ich Prüfe ihnen ob sie noch auf gut Englisch die Wahrheit sagen können welche mir jederzeit die angenehmste ist, dieses werde ich aus der Antwort wahrnehmen. Schreiben sie mir auch wie es mit ihrer Gesundheit gehet, sie sehen das ich vor ihnen das unmögliche thue, da ich einen Deutschen brief geschrieben so mir in meinen leben nicht oft geshieht auch wohl nicht zu rahten ist weil ich sehr schlecht schreibe aber was thut man nicht vor seine Freunde.

Переводъ:

Москва, 4-го февраля 1763 г.

Господинъ Браунъ! Я право сердита на васъ! Старый другъ мой позабылъ меня или не думаетъ, что я все та же по отношенію къ нему, какою была всегда. Я видѣла и читала письма ваши къ тайному совѣтнику Панину о прибытіи фонъ-Берга въ Ригу и я завидую (jaloux), что вы не пишете прямо ко мнѣ. Какъ было бы мнѣ дорого, еслибы вы съ довѣріемъ относились ко мнѣ совѣтомъ и дѣломъ. Съ чьей стороны такое отношеніе могло бы быть пріятнымъ, какъ не со стороны генерала Брауна. Пишите къ кому желаете, но не забывайте меня. Пишите ко мнѣ, о чемъ признаете нужнымъ, на какомъ языкѣ вамъ комоднѣе (удобнѣе) съ полною свободою, безъ всякихъ сомнѣній. Я умѣю до времени молчать и васъ никогда не скомпрометтирую. Время почти при-

спѣло ренувл провать (возобновлять) и раздавать аренды въ Лифляндіи. Вы знаете мое мнѣніе о томъ, кого изъ дворянъ въ Лифляндіи считать достойнымъ того, но я вашего мнѣнія еще не знаю. Напишите мнѣ списокъ лицъ, которыхъ дистицирують (отличаютъ) бѣдность и заслуги, и будьте увѣрены въ постоянной моей къ вамъ преданности.

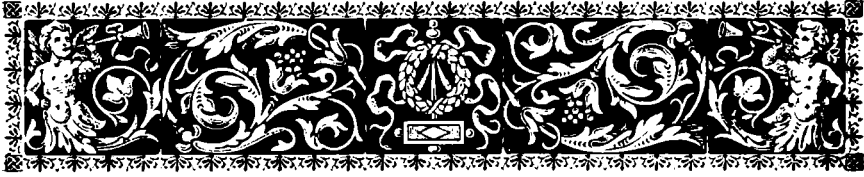
Екатерина.

Р. S. Я приказала конфирмовать лифляндскія привилегіи безъ шиканъ (придинокъ), по примѣру Петра Великаго, ибо я не интенціонирована (не намѣрена) кого-либо въ чемъ лишать и ничего не желаю, какъ того, чтобы подданные мои жили въ мирѣ и довольствѣ. Я пишу вамъ о томъ для того, чтобы господинъ генераль-губернаторъ имѣлъ о чемъ поразсказать. Я желала бы знать, довольны ли мною названный господинъ и подвластная ему провинція и въ чемъ можетъ быть для нихъ улучшеніе. Я желала бы испытать васъ, умѣете ли вы еще по-англійски говорить правду, которую мнѣ видѣть во всякое время всего пріятнѣе. Это я увижу изъ вашего отвѣта. Напишите тоже, каково состояніе вашего здоровья. Видите, что я для васъ выполняю невозможное, такъ какъ пишу вамъ нѣмецкое письмо, что не часто случается въ жизни моей, да и не подобаетъ мнѣ, ибо я (на языкѣ этомъ) пишу прескверно. Но чего не сдѣлаешь для друзей своихъ?!

Письмо это отыскалось въ собраніи рукописей, находящихся въ библіотекѣ бывшаго Дерпскаго университета. Оно писано готическими буквами, съ участіемъ французскихъ выраженій, которыя я отмѣтилъ «разрядкою», а въ переводѣ на русскій языкъ старался удержать. Орфографія письма сохранена мною и свидѣтельствуютъ, что императрица Екатерина II дѣйствительно затруднялась писать по-нѣмцки. Много ошибокъ, особенно въ прописныхъ буквахъ, если не доказываютъ незнанія грамматическихъ правилъ, то, во всякомъ случаѣ, непривычку писать по-нѣмецки и начинать существительныя слова съ большой буквы.

Очевидно, государыня желала привлечь на свою сторону чело-вѣка, поставленнаго на важный постъ Петромъ III, придерживавшимся совершенно иной политики. Несовсѣмъ увѣренная въ искренности расположенія къ себѣ графа Брауна, императрица апеллируетъ къ чувству правдивости въ немъ и на всякій случай указываетъ ему на возможность, подъ благовиднымъ предлогомъ, отстраниться отъ дѣлъ, еслибы онъ не пожелалъ раздѣлять трудовъ и предначертаній ея по отношенію къ провинціямъ, дворянское населеніе которыхъ она, очевидно, стремилась расположить въ свою пользу. Поэтому, она и запрашивала Брауна о состояніи его здоровья.

Сообщилъ Пав. Висковатый.

В. В. СТАСОВЪ.

Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, родившійся въ 1824 году и по окончаніи курса въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія поступившій на службу, нынѣ заведуетъ отдѣленіемъ изящныхъ искусствъ въ Императорской Публичной библиотекѣ... Всю свою жизнь Владимиръ Васильевичъ посвятилъ высокому служенію на пользу искусства и своимъ самобытнымъ взглядомъ на искусство вообще и на русское въ особенности, заслужилъ всеобщую извѣстность и уваженіе, которое столь блестящимъ образомъ было высказано ему въ минувшемъ году, при празднованіи семидесятой годовщины его рожденія. Заслуги его были признаны одинаково какъ его послѣдователями во взглядахъ на искусство, такъ и его противниками, признававшими въ немъ искренняго и убѣжденнаго человѣка. Въ продолженіе 20-ти лѣтъ онъ работалъ надъ замѣчательнымъ изданіемъ «Русскій и славянскій орнаментъ». Но помимо этого капитальнаго художественнаго труда Владимиръ Васильевичъ неустанно работалъ и на литературномъ поприщѣ, помѣщая свои статьи по художественной и музыкальной части во множествѣ русскихъ изданій, въ числѣ которыхъ находится и наше изданіе, обязанное ему многими капитальными статьями.

Помѣщая портретъ умнаго, честнаго и даровитаго В. В. Стасова, редакція считаетъ своимъ долгомъ, выразить ему при семъ случаѣ глубокую благодарность за его лестное для редакціи сотрудничество и отъ души пожелать ему еще много лѣтъ трудиться на избранномъ имъ поприщѣ для пользы русскаго художественнаго просвѣщенія.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Материалы и замѣтки.

I.

Императоръ Павелъ и князь Платонъ Зубовъ.

Господинъ тайный совѣтникъ и рижскій губернаторъ баронъ Кампенгаузенъ! Съ удивленіемъ извѣстился Я о встрѣчѣ и другихъ почестяхъ, сдѣланныхъ мѣщанствомъ рижскимъ князю Зубову, при проѣздѣ его чрезъ Ригу. Какъ подобныя почести никому изъ частныхъ людей не принадлежать, то Я и требую отъ васъ отвѣта, для чего вы допустили дѣлать оныя мѣщанство, въ поступкѣ коего видется одна лишь подлость, что вы имъ и объявите ¹⁾.

ПАВЕЛЪ.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 26-го
1797 года.

II.

Объявленіе С.-Петербургской полиціи 1830 года.

До свѣдѣнія Полиціи дошло, что нѣкоторые изъ живущихъ на дачахъ состоящихъ въ чертѣ города, производятъ стрѣльбу изъ ружей и другихъ огнестрѣльныхъ орудій, и тѣмъ навлекаютъ живущимъ тамъ сосѣдямъ безпокойствіе. А какъ въ Высочайшемъ Имянномъ указѣ со-

¹⁾ Рескриптъ этотъ печатается съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ барона В. В. Кампенгаузена.

стоявшемся въ 20 день Декабря 1745 года сказано: «Чтобъ впредь съ «сего числа кромѣ иностранныхъ Пословъ и Посланниковъ и прочихъ «Министровъ никто въ домахъ своихъ изъ ружья ни изъ какова какъ «по птицамъ, такъ и просто для забавы отнюдь нестрѣляли, и ежели «впредь кто будетъ стрѣлять, и за то на самыхъ помѣщикахъ и прочихъ «хозяевахъ брать штрафъ за каждый выстрѣлъ по 1.000 руб.; а буде «люди ихъ будутъ стрѣлять безъ вѣдома помѣщиковъ своихъ и прочихъ «хозяевъ, за то ихъ ссылатъ на каторгу». — Полиція полагая, что отступленіе отъ таковой Высочайшей воли, могло только послѣдовать по невѣденію о семъ Высочайшемъ повелѣніи, долгомъ поставляетъ предупредить всѣхъ обывателей, что естли еще замѣчено будетъ таковое противузаконное дѣйствіе, то взыскано будетъ за оное по точной силѣ помянутаго узаконенія. 5-го Сентября 1830 года.

Исправляющій должность С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера Полковникъ Дершау.

III.

Затрудненія въ изданіи «Русскаго Вѣстника» 1840 г.

Собственноручное письмо Сергѣя Николаевича Глинки Константину Семеновичу Сербиновичу.

18-го февраля 1840 года.

Почтеннѣйшій Константинъ Семеновичъ!

Во имя незабвеннаго Николая Михайловича Карамзина и во имя благороднаго вашего сердца усердно прошу васъ сообщить мнѣ вѣсть: есть ли какое движеніе или рѣшеніе по «Русскому Вѣстнику»? Почти уже два мѣсяца Государь соблаговолилъ на изданіе онаго, а переходы о «Вѣстникѣ» происходятъ около двухъ лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія. Это великій ущербъ для горестнаго моего семейства! Да и чѣмъ «Русскій Вѣстникъ» провинился передъ отечествомъ? развѣ только безусловно, жаркою къ нему любовью. Я слышалъ, что засѣданіе главнаго управленія цензуры бываетъ по повелѣльникамъ, слѣдственно завтра. Новый годъ прошелъ, а если къ первой недѣлѣ не воспослѣдуетъ чего-нибудь о «Русскомъ Вѣстникѣ», то очень будетъ трудно приступить къ подпискѣ. Надѣюсь на радушное ваше содѣйствіе, а васъ изъ обители небесной благословить рука исторіографа.

Весь вашъ Сергѣй Глинка.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ прошлаго и до половины января настоящаго года.

- С. Венгеровъ.** Александръ Васильевичъ Дружининъ, 1824—1864 гг. I—II. «Вѣстникъ Евр.» 1895 янв., стр. 81—100.
- А. Дмитріевскій.** Русскіе на Аеоиѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности священо архимандрита Макарія.—XIV (Заключительная). «Странникъ». 1894, декабрь, стр. 686—709.
- Свящ. А. Каменскій.** Святитель Алексій, митрополитъ всея Россіи, московскій чудотворецъ (Ко дню шестисотлѣтія его памяти). IX. «Странникъ». 8 9 4, декабрь, стр. 601—618.
- А. М. Пыльинъ.** Первое время послѣ Петра Великаго. «Вѣст. Евр.» 1895, янв., стр. 269—316.
- Л. Н. Майковъ.** Наталья Кирилловна Загряжская. «Рус. Вѣст.» 1895, январь, стр. 3—17.
- А. Нопыловъ.** Минскоецкое государство. — Историческій очеркъ. «Рус. Вѣст.» 1895, январь, стр. 175—195.
- И. Н. Бомеряновъ.** Изъ воспоминаній современниковъ о А. С. Грибоѣдовѣ. «Рус. Вѣст.» 1895, январь, стр. 318—322.
- И. Н. Бомеряновъ.** Изъ исторіи книгопечатанія въ Россіи въ XVIII столѣтіи. «Рус. Вѣст.» 1895, январь, стр. 328—338.
- Синельниковъ.** Записки сенатора Н. П. Синельникова. «Истор. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 39—75.
- Кн. Д. Д. Оболенскій.** Наброски пѣз прошлаго. Графъ Э. И. Тотлебеиъ и М. Д. Скобелевъ. «Истор. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 96—108.
- Полторацкій.** Воспоминанія В. А. Полторацкаго XIX. «Истор. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 109—133.
- Лобачевскій.** Воспоминанія о Н. И. Лобачевскомъ. (Со словъ его сына Н. Н. Лобачевского). «Ист. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 154—170.
- В. Перетцъ.** А. С. Грибоѣдовъ и его раннія произведенія. (По поводу столѣтія со дня рожденія, 4-го января 1795 года). «Ист. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 171—176.
- С. А. Адриановъ.** Замячательныя русскія женщины. Княгиня А. П. Гагарина, урожденная Лопухина. «Ист. Вѣстн.» 1895, янв., стр. 177—189.
- Кашкинъ.** Воспоминаніе о П. И. Чайковскомъ. «Русское Обзорніе» 1895 г., № 1, стр. 93—111.
- Изъ Цереписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1867 году.** «Русское Обзорніе» 1895 г., № 1, стр. 111—121.
- А. А. Третьяковъ.** Памяти А. Н. Муравьева. «Русское Обзорніе» 1895 г., № 1, стр. 281—287.
- П. А. Мушинъ.** Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. «Русское Обзорніе» 1895 г., № 1, стр. 298—323.
- В. П. Горляно.** Замятки о писателяхъ: 1) Иванъ Шегловъ. «Русское Обзорніе» 1895 г. № 1, стр. 386—394.
- А. И—ла.** Архимандритъ Никифоръ Дучичъ и его литературная дѣятельность. «Русское Обзорніе» 1895 г. № 1, стр. 394—405.
- Акад. В. И. Шерудъ.** Памяти генералъ-лейтенанта А. И. Манькина-Невструева. «Русское Обзорніе» 1895 г. № 1, стр. 405—409.
- Вс. П. Давескій.** Сравнительное обзорніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ). «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 1—29.
- В. И. Семевскій.** Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева. «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 29—38.
- В. О. Ключевскій.** Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 38—61.
- М. М. Козалевскій.** Мое научное и литературное скитальчество. «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 61—81.

М. С. Норелинъ. Памяти А. В. Иванова-Платонова «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 81—100.

А. М. Слабичевскій Александръ Константиновичъ Шеллеръ «Русская Мысль» 1895 г. № 1, стр. 100—122.

Ө. Ильминскій. Дьякъ Федоръ Курпичъ. «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 5—17.

Стрѣлецкая служба въ XVII вѣкѣ. — Писцовый наказъ Макарію Балавенскому. «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 17—23.

Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. — 1838 годъ (Жизнь въ отставкѣ. — Хозяйственная заботы. — Московскіе благодѣатели: Кашинцовъ и Цинскій) «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 23—37.

Е. М. Мозубскій. Объ архивахъ Дагестанской области (генералы Ключиковъ-Клугенау и Феве) «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 37—43.

Илья Д. Д. Оболенскій. Наброски изъ воспоминаній. — (Комисаровъ-Костромской. — Ефремовское предводительство. — Рязско-Вяземская желѣзная дорога. — Открытіе Орловско-Витебской желѣзной дороги. — А. В. Шереметевъ. — А. Б. Казаковъ. — Графы Бобринскіе. — Рекрутскіе наборы. — М. Р. Шидловскій) «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 43—56.

В. А. Роткиръ. Желѣзнодорожныя впечатлѣнія. «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 56—91.

В. А. Левель. Елисавета Петровна Глѣбова-Стрѣшневна. — Разказы ея внуки. «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 91—105.

Изъ записной книжки дипломата. (1827—1859 г.). «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 105—120.

А. Л. Зиссерманъ. По поводу записокъ М. Я. Ольшевскаго «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 120—129.

И. А. Митропольскій. Повстаніе въ Гроднѣ въ 1863—1864 году. «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, стр. 129—156.

Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской публичной

библиотекаѣ (1805—1806 г.). «Русскій Архивъ» 1895 г. № 1, приложение.

В. Т. Новій Наполеонъ. Дѣтство и юность. «Истор. Вѣстн.» 1895 г., янв., стр. 231—255.

Вилламу Слоню. Новое жизнеописаніе Наполеона I, съ множествомъ портретовъ и иллюстрацій. «Вѣстникъ иностранной литературы» 1895 г., № 1, приложение, стр. 1—32.

Графъ д'Антрегъ и его служба въ Россіи. «Вѣстникъ иностранной литературы» 1895 г., № 1, стр. 223—238.

С. Н. Шамтовъ. Документы, относящіяся къ ссылкѣ Августа Кодебу въ Сибирь въ 1800 году. Оттискъ изъ 2-го вып. «Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея» за 1894 г. Тобольскъ 1894. — 8°1.

С. Н. Шамтовъ. Рукописи библиотеки Тобольскаго Губернскаго Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Вып. I. Оттискъ изъ 2-го вып. «Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея» за 1894 г. Тобольскъ 1894. — 8°1.

Полк. М. А. Орловъ. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г., Спб. 1894 г., 8°1.

Путешествіе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича 1891—1892 г. Изданіе ежемѣсячника «Семьянинъ». Спб. 1894 г. 8°1.

А. Н. Пыльицъ. Матеріалы для біографіи А. А. Котларевскаго. Спб. 1894 г., 8°1.

Д. Масловскій. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Спб. 1894 г. 8°1.

В. С. Басинъ. Русскіе композиторы. — П. И. Чайковскій. (Очеркъ его дѣятельности). Съ портретомъ. Спб. 1895 г. 8°1.

Инсарскій. Записки Василія Автоновича Инсарскаго. — Изданіе редакціи «Русская Старина». Спб. 1894 г. 8°1.

С. Татищевъ. Памяти Императора Александра III. Спб. 1894 г. 8°1.

Кончина Императора Александра III. Спб. 1894 г. 8°1.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Съ октябрьской книжки 1894 г. право издаванія журнала „Русскій Вѣстникъ“ перешло къ Товарищ. „Обществ. Польза“, которое озаботится принять всѣ зависящія мѣры къ улучшенію и своевремен. выходу журнала. Что касается веденія и направленія журнала, то онъ будетъ придерживаться той же программы, такъ какъ редакторъ остается Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того приглашены всѣ выдающіеся сотрудники: С. С. Татищевъ принялъ на себя отдѣлъ «Политическаго Обзорнія», и намъ общаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе, М. П. Гитдичемъ — новая повѣсть, вице-президентомъ Академіи Наукъ, Л. Н. Майновымъ — его литературные этюды, академикомъ непр. секрет. Н. Ф. Дубровинымъ — новый историч. этюдъ „Наполеонъ I въ современ. ему обществѣ и въ русск. литературѣ“. Проф. И. А. Любимовъ дастъ рядъ статей. Начаты печатаніемъ: „Цвѣты бездны“, новый романъ Вс. С. Солосьева и „На вѣсахъ“, романъ М. Ф. Головина (Орловскаго), послѣдній начать съ ноябр. книги 1894 г., и новыя подписч. на 1895 г., при заявленіи, получаютъ начало этого романа бесплатно. Будутъ напечатаны: повѣсть „Перемелется, — мука будетъ“, Д. М. Позина, повѣсть „Поклнутый“, Пронскаго, романъ „Въ среднеазиатской степи“, Ва. Черванскаго, повѣсть И. И. Данилова и много друг. произвед.

Редакція и конст. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. автор. имѣющ. надобн. до редактора, который примет. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Головное издаваніе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ ежемѣсяч. книг. и выход. отъ 25 до 30 л. кажд. числа, стоить въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Делушается развр. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. „Русскій Вѣстникъ“, Б. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ десять р., а остальная сумма къ 1-му юнн. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взносомъ по 1 р. 50 к. въ мѣс., впередъ до уплатившей подписч. суммы. 3) Для учащихса допуск. уступка и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 12 р. безъ доставки и перес. За границу приним. подписка въ госуdarства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза — 12 р. Въ прочія мѣста загранич. подп. приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ примет. въ Петерб. для городск. — въ Конторѣ Журн. „Русскій Вѣстникъ“ въ Товарищ. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. „Нов. Врем.“ (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Редак. „Моск. Вѣдомостей“ — на Стрaст. бульв., въ книжн. магаз. „Нов. Врем.“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у И. Н. Печниковой (Петровск. линіи). И городск. и иногородн. просить покори. адресоваться прямо въ Конт. „Русскаго Вѣстника“, Сиб. Товарищ. „Обществ. Польза“ Больш. Подъяч., д. 39. Статьи, присланныя въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокрац. помѣщ. и оплатъ. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращ. За своеврем. и аккуратную доставку журнала редакція примет. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Петербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

Открыта подписка на 1895 годъ на
ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
СЪВЕРНЫЙ ВЪСТАНКЪ.

Въ 1894 г. въ «Съверномъ Вѣстникѣ» было напечатано: «Зарницы», пов. В. Микуличъ (автора «Мимочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборычина. «На разныхъ дорогахъ», ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершеннѣе» и «Татьянинъ день», разск. гр. Л. Л. Толстаго. «Лушка», разск. Е. Лѣтковой. «Въ странѣ пирамидъ», рассказы Д. Мордочова. «Женская жизнь», пов. М. Крестовской. «Утрата», разск. А. Стернь. «Тайна рыбки», пов. Ф. Нефедова. «Чиновники клавикорды», быль Н. Трахмиевскаго. «Гомочка», пов. В. Дмитріевой. Статьи: «Рознь между художниками», В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ», гр. Л. Намаровскаго. «Титы преступниковъ», проф. Ю. Петри. «Воспоминаніе о П. Чайковскомъ», Г. Лароша. «Дѣя слаянскія поести», П. Боборычина. «Первый публицистъ въ Европѣ», проф. А. Шемеловича. «Встрѣчи» Ни. Ге. «Земское страхованіе» И. Вернера. «Сельскія бібліотеки» В. Вахтарова. «Турнезъ и Толстой» проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. «О себллюбіи, какъ девиатель общественной жизни» проф. А. Исаева. «Принципы свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера. «Связка писемъ Герцена» Е. Некрасовой. «Жоржъ Зандъ» П. Вейнберга. «Въ Палестинѣ» очерки, Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (1825—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Амеля», пер. гр. М. Толстой подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстаго. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сеневича. «Современная Нобель», ром. Іоанаса Ам. «Торжество смерти», ром. Г. А'мнуцію, и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлы. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и бібліографія. 4) Письма изъ Америки, изъ Франціи, изъ Итали, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки А. Велинскаго.

Условія подписки на 1895 г. По полугодіямъ. По четвертямъ года.

	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.				
Безъ дост. въ Спб.	На годъ.	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
въ конт. журнала	12 р.—к. 6	6 р.—к. 6	3 р.—к. 3	3 р.—к. 3	3 р.—к. 3	3 р.—к. 3	3 р.—к. 3
Съ доставки въ Спб.	12 > 50	6 > 50	6 > —	3 > 50	3 > —	3 > —	3 > —
Съ перес. въ Импер.	13 > 50	7 > —	6 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > 50	3 > —
Заграницей	15 > —	8 > —	7 > —	4 > —	4 > —	4 > —	3 > —

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ внести помѣсячно за ругательствомъ назначеень.

Подписка принимается: Въ гл. конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ московск. отдѣл.—Тверская, близъ памятника Пушкина, д. Сазикова. Кромѣ того въ Спб.—въ Книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магаз. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

„ТЕАТРАЛЪ“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(5-й годъ изданія).

(Въ 1891 — 1894 гг. журналъ выходилъ ежемѣсячно подъ названіемъ («Театральная Библиотека»).

Съ 1895 г. будетъ выходить 50 разъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ помѣщена одна пьеса, преимущественно современнаго репертуара, одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ.

Въ каждой книжкѣ будутъ прилагаться

ПОРТРЕТЫ АРТИСТОВЪ И ДРАМАТУРГОВЪ,

исполненные фототипіей и автотипіей.

ГГ. ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОЛУЧАТЬ:

50 драматическихъ произведеній и **50** портретовъ артистовъ и драматурговъ.

Сверхъ того, въ программу журнала войдутъ: а) статьи по общимъ вопросамъ театра, б) режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) очерки и рассказы, преимущественно изъ театрального быта; г) современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) корреспонденціи, е) хроника, ж) библиографія и з) справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 4 мѣс.
Безъ доставки	6 руб.	3 руб.	2 руб.
Съ доставкой	7	4	3

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и затѣмъ ежемѣсячно по 1 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ по 50 коп. съ пересылкой. Цѣна за томъ (8—9 книж). — 2 р. При выпискѣ одновременно не менѣе 10 экз. разныхъ №№ — цѣна за каждый экз. 40 к., одного № — каждый экз. по 30 к. (что можетъ вполнѣ замѣнить переписку ролей).

Отдѣльные №№ „Театральной Библиотеки“ по 1 руб. Цѣна за томъ (4 книги) 3 руб. съ перес.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору журнала «Театраль» въ Москву, Страстной бульваръ, домъ Адельгеймъ. 3—3

х

Издается
съ 1869 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

Подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Изданіе
годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

Еженедѣльный иллюстрирован. журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія

52 №№ по 16 стран. журнальнаго формата съ иллюстраціями.

12 книгъ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ каждая книга 120—180 стр., съ рис.

4 ЦѢНА ЗА ГОДЪ
РУБЛЯ безъ доставки.

Съ доставк. на домъ и пересылкою по Россіи ПЯТЬ руб.
За границу восемь.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ «ПРИРОДА И ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редація имѣетъ возможность дать **БЕЗПЛАТНО** столь цѣнное ПРИЛОЖЕНІЕ, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ.

ПОЛЕЗНАЯ ВИБЛИОТЕКА

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «Полезной библіотеки»:

1. Въ глубь Абиссиніи. Юріа Кави-Бека.
2. Начало и конецъ міра. Ш. Реншара.
3. Домашняя лабораторія. Ф. Федо.
4. Письма изъ Аеріи. Генриха Сенкевича.
5. Перев. съ польскаго.
6. Астрономъ-любитель. Е. Предтеченскаго.
7. Подаренный міръ. Лебатеяля.
8. Телескопъ и Широкоскопъ. Цирхера и Маргола.
9. Комнатное цвѣтоводство. Ф. Медвѣлева.
10. Чудеса растительнаго міра. Ф. Груздева.
11. Спорть во всю врѣмена года. В. Семенова.
12. Драгоценныя камни. И. Святскаго.
13. Колоссы. Лебатеяля.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «За гранью льдовъ». Большой истор. ром. въ трехъ част. Н. Н. Соколова. «На рифѣ». Разск. Рейналя. «Таукуъ» (Изъ записной кн. развѣдч.). Больш. разск. изъ жизни перв. изслѣдов. Центр. Азіи Н. Н. Каравина, иллюстрир. самимъ автор. «Во родимыи праймъ». Рядъ очерк. извѣст. писат. В. А. Тихонова, посвящен. интерес. уголк. нашего обширна. отеч. съ иллюстр. художя. В. Г. Казанцева, В. П. Осляникова, А. А. Писемскаго и И. И. Шипкина. «Полдновники Діавола» и «Русскія колоніи въ Малой Азіи». Д-ра А. В. Елисѣева, съ иллюстр. Ф. К. Соколовскаго. «Вѣрять или не вѣрять?». Очерк. В. В. Битнера. «На Сахалинѣ» и «По Алтаю». Проф. А. М. Никольскаго. «Жертвы моря». Разсказы о кораблекр. А. Я. Максимова. «Дерево-людоедъ». Разск. В. П. Желиховской. «Очерки Ш. И. Пыляева, автора «Стар. Петербурга» и др. «Живая машина». Очеркъ І. І. Ясипскаго. «Призваніе доктора Чилищевъ». Разск. А. Е. Зарина. «Лагерная жизнь въ Бевгалии». Живоп. очерки и карт. изъ индійск. жизни и прир. В. Джонстонъ-Желиховской. «Величайшіе телескопы». Пр. С. П. фонъ-Глазевана. «Небесныя явленія». Рядъ полу-астрономич. очерк. Е. А. Предтеченскаго. «Восьминогіе хищники». Очерки изъ жизни и нрав. наук. П. Вольногорскаго. «Метаморфозы земли». Очеркъ Камилла Фламмаріона. «Страва амазонокъ» и «Шароико». Живописные очерки, посвященные исторіи, прир. и нрав. жит. Дагомен и Марокко. «Тайны цвѣтовъ». Очерк. изъ жизни раст. П. Вольногорскаго. «Самозащита растений» и «Святѣящіяся растенія». Очерки А. Карлицкаго. «Народы-пишмен» и «Волосатые люди». Очерки Д. А. Корончевскаго. «Три брата желѣзнаго вѣка» (жельзо, сталь и чугуны). Очеркъ И. Святскаго и ин. др.

Контора и редакція жур. «ПРИРОДА и ЛЮДИ»: Спб., Стрѣмянная ул., 12 собств. домъ.
Издатель П. Соининъ. Редакторъ С. Груздевъ.

Допуск. разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февраля 1 р. и къ 1 мая остальныя.

За 1869—1890 г. журн. весь разошелся за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. остал. небольш. колич. экз., цѣна котор. въ брош. видѣ, со всѣми прилож. 4 р. за кажд. годъ, а въ роскош. переплетѣ 6 р. Перес. съ налож. платеж. по вѣсу и разстоянію.

VIII-й г. изд. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 Г. VIII-й г. изд.

СЪВЕРЪ

ЖИВВЪДЪЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики «СЪВЕРА» въ 1895 году получать:

59 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ А. Н. Майкова „Двѣ судьбы“, Д. В. Григоровича „Петербургскіе шарманщики“ и „Дотерейный билетъ“, такъ какъ эти произведенія исполняются въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.

19 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ „парижскихъ медъ“ и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.

19 отдѣльныхъ вырезовъ; изъ нихъ 6 вырѣзанныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

6 рисунковъ-чертажей для любителей выпилки изъ дерева, кости и металла.

6 цѣтмыхъ узоровъ для книшванія.

19 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей со времени кнѣженія Іоанна Калиты по 1894 годъ царей, царяцъ, полководцевъ, патриарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.

1 роскошный альбомъ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (книжка въ форматѣ „Съвера“).

19 ежемѣсячныхъ безплатныхъ приложеній къ журналу «Библиотека Съвера» Собраніе сочиненій Г. Р. ДЕРЖАВИНА. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только издавія Академіи Наукъ (цѣна 27 руб.). Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА. Двѣнадцатая. Повѣсть. Во что бы те ни стало. Романъ. Мудреное дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. Игрень. Повѣсть. Граждане дѣла. Повѣсть. Сочиненія Квитко Основляенко: «ПАНЪ ХОДЯВСКІЙ». Сочиненія Сильвіо Пеллико: «ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА».

Безплатныя художественныя приложенія къ журналу: портретъ Государя и императора НИКОЛАЯ II. Большой листъ in folio, исполненный красками. Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова „ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОВЪ“. Битва Ермака подъ Кучумъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго царства къ Россіи. Величина картины 105 < 70 сант. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ въ краскахъ. Библиотека прикладныхъ знамій. Кому не приходило задавать себѣ вопросъ „чего бы поѣсть“ и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса „чѣмъ бы накормить свою семью“? Удовлетворяя этому вопросу, редакция журнала „Съверъ“ выдастъ своимъ подписчикамъ книгу ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми приложен. безъ доставки въ Петербургъ.	6 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской.	6 „ 50 „
Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи	7 „ — „
Съ пересылкой за-границу	11 „ — „

Въ виду большой цѣнности картинъ „Покореніе Сибири Ермаковъ“ и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной упаковки, гл. многородные подписчики „Съвера“ благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ въ Главн. конт. редакціи «СЪВЕРЪ»: Екатор. № 4.

Редакторъ-Издательница М. К. Ремезова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

З В Ъ З Д А

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КНИГЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

Журналъ «ЗВѢЗДА» поставилъ своею главною задачею быть иллюстрированнымъ обзоромъ текущихъ политическихъ и общественныхъ событій, отмѣчая въ иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ и проч. всякое выдающееся явленіе каждой страны, отдавая при этомъ первое мѣсто отечественной русской жизни. Важнѣйшимъ событіямъ будутъ посвящены экстренные №№. Художественнымъ отдѣломъ завѣдываетъ художникъ В. П. Овсянниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: пять рублей безъ доставки. Шесть рублей съ доставкой и пересланою во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разорочка при подпискѣ 2 руб., къ 1 мая 2 руб., — и 1 сентября остальные.

52 еженедѣльныхъ №№ каждый въ 24 страницы журнальнаго формата «10 иллюстраціями. **12** книгъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала. Каждая книга объемомъ болѣе 240 стр. больш. форм. **12** №№ моднаго журнала въ годъ, до 60г рис. съ прилож. двѣнадцать листовъ выроекъ узоровъ и вышивокъ.

Въ 1895 году въ журналѣ „ЗВѢЗДА“ будутъ напечатаны слѣдующія произведенія:

Соловьевъ Всев. Серг.—Истор. повѣсть «Недоразумѣніе». Полонскій Я. П.—«Изъ воспоминаній». Маминъ-Сибирякъ.—Повѣсть. Ясинскій, І. І.—Повѣсть «Три портрета Пелагеи Ивановны». Потапенко, М. И. Пов. «Гордость семьи». Баранцевичъ, К. С.—Повѣсть. Пронскій, Сергій.—Фантастическій разсказъ «Мраморная роза». Мережковскій, Д. С.—Статья «Новый идеализмъ». Гиппиусъ, З. Н.—«Зло». Феофановъ, И. М.—Разсказъ «Рога». Каразинъ, И. И.—Разсказъ «Честь восстановлена». Бѣтмецкій, А. Н. (Масловъ)—Повѣсть. Тихоновъ, В. А.—Пов. «Лукошниковъ». Морочевскій, Д. А. (Таранскій)—Романъ «Любовь-призракъ». Чюмина, О. Н.—Ром. «Молодые побѣды». Заринъ А. Е.—Романъ «Исторія одного гардероба». Елисейтъ, А. В.—Д-ръ. Очеркъ «По Японіи». Сафоновъ, С. А.—Поэма «Призраки». Максимовъ, А. Я.—Разсказъ «Не судилъ Богъ». Леманъ, А. И.—Романъ «Темныя силы». Сѣтловъ В. А.—Повѣсть «Ядь Докусты». Астафьевъ С. Л. Историч. романъ «Сандомирская панна». А также стихотворенія: Полонскаго, Я. П.; Майнова, А. Н.; Феофанова, И. Ж.; Величко, В. А.; Мережковскаго, Д. С.; Михаловскаго, Д. Л.; Львова, И. Л.; Сафанова, С. А.; Талина, Ф. Е. и другихъ.

12 книгъ приложеній будутъ заключать въ себѣ двѣнадцать избранныхъ романовъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ всѣхъ странъ.

Франція—Альфонсъ Додэ.—«Приключенія Тартарена изъ Тарасконн». Англія—Уильямъ Коллинзъ.—«Лунный камень». Германія—Георгъ Зверсъ.—«Слово». Швеція и Норвегія—Бьернстеръ-Бьернсенъ.—«На Божьемъ пути». Данія—Йонасъ Ли.—«Современная Ниоба». Венгрія—Мавръ Ямай.—«Божья воля». Польша—Елиза Ожешко.—«Миртала». Італія—Габріель Ануцио.—«Невинная жертва». Испанія—Сервантесъ.—«Донъ Кихотъ». Полный переводъ въ двухъ книгахъ. Америка—Маркъ Твенъ.—«Приключенія Финна Гипперберина» и наконецъ

РОСНОШИЙ АЛЬБОМЪ съ иллюстраціями Дорэ, представляющій соборъ

Собраніе басенъ ЛАФОНТЕНА,

отпечатанный на велеевой бумагѣ, въ форматѣ журнала „ЗВѢЗДА“, въ переводахъ: Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Мережковскаго, Лихачева, Коринфскаго Талина, Зарина и др.

Контора и редакція журнала «ЗВѢЗДА» Спб. Стремянная ул. собств. д. № 12.

Завѣдыв. литературною частью А. Е. Заринъ. За редактора издатель Петръ Сойкинъ

Открыта подписка на 1895 годъ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорныя газеты и журналы IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, посылная почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

◀ П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А : ▶

съ пересылкою многородниѣмъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

съ доставкою въ Харьковъ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
------	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ, въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Петра.

Редакторъ-издатель А. А. Юзефовичъ

XVII ГОДЪ.

◆ О ПОДПИСКЪ ◆

ГОДЪ XVII

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карриатуръ

ШУТЪ

ИЛ 1895 ГОДЪ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія). Болѣе тысячи карриатуръ — перомъ и карандашемъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, рассказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Карриатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемые на сценахъ столичныхъ театровъ. Карриатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся героевъ дня. Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ».

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:
РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:

ДОМОСТРОЙ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

въ **25** главахъ съ изящными рисунками.

Текстъ Алёши Чудиловича.

I. Какъ дѣти учти и страхомъ спасти. II. Какъ дочь воспитати. III. Какъ невесту ввати. IV. Какъ дѣтамъ отца и мать любить. V. Наказъ мужу и женѣ, и людямъ. VI. Похвала женамъ. VII. Женамъ наказъ о пьянствѣ. VIII. Какъ мужу жену любить. IX. Какъ друга дома принимать. X. О праведномъ житіи. XI. О неправедномъ житіи. XII. Какъ всяческое платье крояти и обрѣзки беречь. XIII. Какъ платье женѣ носить. XIV. Какъ кормитъ приходящихъ въ дому. XV. Какъ въ люди ходитъ и къ себѣ принимать. XVI. Какъ жить человеку, смѣти животъ. XVII. Какъ дачу снимать и за нее не платитъ. XVIII. О торговыхъ людяхъ и о лавочныхъ. XIX. Какъ болѣзни лѣчить. XX. Какъ отъ всякихъ скорбей врачевати. XXI. Какъ съ начальными и подчиненными быти. XXII. Какъ слугъ нанимати. XXIII. Какъ всякому человеку руководяничата. XXIV. Какъ капиталъ умножати и чистоту соблюдать. XXV. Какъ должникамъ платити.

За пересылку преміи приплати не полагается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.

На годъ	7 руб.
На 6 мѣсяцевъ	4 >
За границу	10 >

Разсрочка по соглашенію съ конторою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.

На годъ	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	3 > 50 >

Адресъ редакціи: Спб Спасская, 17.

За редактора—издатель Р. ГОЛИБЕ. 8—3

г о д ь Х V I I   **Открыта подписка на 1895 г.**   г о д ь Х V I I
 (семинадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

● **ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.** ●

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 6 р. ||| На полгода 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣ какъ на годъ со дня подписки по 1-е января 1895 г., получаютъ газету **БЕЗПЛАТНО**. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **НАЧАЛЬНЫХЪ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету **ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ**, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.
- 2) Передовыя статьи.
- 3) Хроника мѣстной жизни.
- 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири.
- 5) Статьи научнаго содержанія.
- 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья.
- 7) По Россіи.
- 8) За-границей.
- 9) Изъ газетъ.
- 10) Политическое обозрѣніе.
- 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ.
- 12) Критика и библиографія.
- 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учреждений, и ученыхъ обществъ Пермской губерніи.
- 14) Фельетонъ.
- 15) Литературный отдѣлъ (новѣсти, рассказы — оригинальные и переводные — и стихотворенія).
- 16) Смѣсь.
- 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ, и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія свѣдѣнія.
- 18) Объявленія.
- 19) Приложение. „Записки Уральского общества любителей естествознанія“.

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли“, по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помещено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго специально для „Екатеринбургской Недѣли“.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-надатель **А. М. Симоновъ.**

Редакторъ **М. Н. Галицъ.**

V г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ V г. изд.

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ общепользующихъ свѣдѣній
въ области ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА

Безъ дост.
на годъ.
2 р.
на полгода.
1 р. 25 к.

НАША ПИЩА

Съ доставк.
на годъ.
3 р.
на полгода.
1 р. 50 к.

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ ~~ПО~~ ВЪ ДВА ЛИСТА

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правит. распоряженія, кас. питанія.—2) Общественное питаніе.—3) Припасовѣдѣніе (мясо, рыба, живность, молочные продукты, яйца и пр., вина, воды и др. напитки; консервы и способы сохраненія съѣстныхъ припасовъ; анализы съѣстныхъ припасовъ, фальсификація ихъ, простые способы распознаванія ея и пр.—4) Кулинарный отдѣлъ.—5) Отдѣлъ хозяйства.—6) Статистика припасовъ.—7) Пищевой календарь.—8) Библиографія.—9) Смѣсь.—10) Вопросы и отвѣты.—Объявленія.

БЕЗПЛАТНО приложенія образцовъ натуральныхъ и фальсифицированныхъ продуктовъ.

Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются меню недорогихъ обѣдовъ съ подробнымъ описаніемъ приготовленія входящихъ въ нихъ блюдъ, могущихъ замѣнить для хозяекъ практическое обученіе приготовленію кушаній. Рецепты составлены лучшими поварами.

Подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** отвѣты на вопросы, касающіеся программы журнала.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ въ 1895 г. примутъ участіе въ журналѣ проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. Н. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ и др.

Изданіе за 1 годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. изд. за II годъ (съ апр. 1882 до янв. 1893—18 номеровъ) **2 р.**—Полные экз. изд. за III г. съ янв. 1893 до янв. 1894 (24 номера)—**2 р. 50 к.** безъ перес., съ пересылкой **3 рубля.**

Адресъ редакціи. С.-Петербургъ, Казанская пл., д. 3, кв. 17.

Второе десяти-
лѣтіе изданія.

Открыта подписка на 1895 годъ XI годъ изданія

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮ-
ЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ**ВОКРУГЪ СВѢТА****50**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ
№ №
въ годъпо изысканію и полнотѣ со-
держанія не уступающихъ ни одному
даже изъ богаче дорогихъ журналовъ. Каж-
дый № состоитъ изъ 2-хъ печат. лст.,
заключающихъ въ себѣ 16 стр. текста
и отъ 6-ти до 8-ми рисунковъ русскихъ
и загранич. художниковъ. Содержаніекаждого № составляютъ полные захватывающаго интереса романы, изобра-
жающіе приключенія и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путе-
шествій, интересныя повѣсти и рассказы, хроника событій, научныя извѣстія,
смѣсь. Въ журналѣ по-прежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ,
И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Карамзинъ, С. П. Мечъ,
Н. П. Боголюбовъ, Б. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ,
С. А. Качиони и многіе другіе.—Иностранная литература путешествій и при-
ключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журналѣ произведеніями ея
корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ *Жюль Верна*, съ рисунками
Бенжета и Ру; романъ изъ жизни допарей: „Снѣжная лилія“, съ художествен-
ными иллюстраціями; романъ изъ эпохи восстанія сипаевъ: „Наслѣдникъ
раджи“, съ рисунками *Клериса* и мн. др. Очень оригинальный ром. военного
характера, написанный капитаномъ *Данри* и, кромѣ того, повѣсти, рассказы
и очерки *Стивенсона, Киплинга, Райдера-Ханарда, Андро, Лори, Каниво* и друг.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ БУДЕТЪ ПОМѢЩЕНО:

12

ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЛУЧШИМИ ЗАГРАНИЧН. ХУДОЖНИКАМИ КНИГЪ

Собраніе сочиненій МАЙНЪ-РИДА,состоящее изъ слѣдующихъ романовъ (безъ сокращеній) этого лю-
бимаго писателя:

- 1) Затерявшаяся гора. 2) Островъ дьявола. 3) Квартирента. 4) Переселенцы Транс-
ваала. 5) Всадникъ безъ головы. 6) Водяная пустыня. 7) Пронавшая сестра. 8)
Морской волкъ. 9) Охотники за черепами. 10) Дочери евпаттера. 11) Прогулка
бобрровъ. 12) Охотники за жирафами.

Кромѣ того, при доплатѣ 1 рублю на упаковку и пересылку, годовые подписчики получаютъ
РОСКОШНУЮ ПРЕМИЮ: огромную, размѣр. 17×27 вер., художественную
олеографію, испол. въ 40 крас. въ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ,**«ТЕРЕКЪ ШУМИТЪ»**

съ картины художника САХАРОВА.

Эта большая олеографическая картина изобра-
жаетъ горный пейзажъ на Кавказѣ. Южная лун-
ная ночь. Пѣнасья и бшуза, мчатся Терекъ между
горныхъ тѣснинъ. Онъ дикъ и неукротимъ, но человекъ все же успѣлъ наложить на него
свою руку: черезъ рѣку перекинутъ мостъ, стойко выдерживающій напоръ ея сердитыхъ
волкъ.— Таково ошметъ картины. Что касается исполненія, то оно со стороны художе-
ственности не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эффекты луннаго свѣта, молное ожное
небо, пѣнащаяся вода подъ серебряными лучами мѣсяца, грозада горъ, уходящая вдаль
и въ высь— все это передано съ неподражаемымъ искусствомъ и съ такой художествен-
ной правдой, что получается полная иллюзія. Глядя на картину, забываешь, что это—
только картина, а не действительность.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА съ романами Майнъ-Рида, съ пересылкою и доставкою

4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. за 1½ года. 1 р. 40 к. за 1¼ года.

Допускается разсрочка годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца.

Годовые подписчики, уплатившіе при подпискѣ за пересылку премій, полу-
чаютъ ее немедленно, съ первыми №№ журнала.Адресъ редакціи „Вокругъ Свѣта“. Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытн на
Редакторъ Е. И. Кшеселевъ. Издатель: Т-во И. Д. Сытнина.

1895.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

1895.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ВЪСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году „ВЪСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія. — Романы, повѣсти и рассказы. — Маленькая юмористика. — По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ. — Критическіе этюды. — Новое о знаменитыхъ писателяхъ. — Россія за границей. — Научныя новости. — Историческіе очерки, рассказы и анекдоты. — Изъ заграничной проники. — Стихотворенія — Мелочи.

ЕЖЕМЪСЯЧНО

Иллюстрированное приложеніе (историческія, литературныя, художественныя статьи съ рисунками; портреты писателей и знаменитыхъ дѣятелей; иллюстраціи выдающихся современныхъ особъ)

въ годъ составитъ отдѣльный томъ въ 30 листовъ.

Съ января 1895 г. въ Иллюстрированномъ Приложеніи будетъ печататься переводъ (съ англійскаго) историческаго труда профессора Вилліама Слоона

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I,

по новымъ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ различныхъ національныхъ архивовъ мемуаровъ,

ОБИЛЬНО УКРАШЕННОЕ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

(съ картинъ знаменитыхъ художниковъ: Верне, Давида, Далароша, Делайля, Жерара, Жерома, Жирарде, Ивона, Изабел, Кормона, Лефевра, Мейсонье, Прудона, Стейбена, Фламенга, Шарле и др., а также съ рисунковъ, исполненныхъ для этого изданія Картьежемъ, Паноумъ, Мирбахомъ и со множествомъ портретовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1895 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

съ доставкой и пересылкою **4 Р.** | безъ доставки и пересылки **3 Р. 50 К.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, Гостинный дворъ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ Пантелеева (противъ Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, уг. Кузнецкаго моста и Неглиннаго проѣзда, д. Шорной, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская улица, № 16 собств. домъ.

Редакторъ **Ө. И. Булгаковъ.**

Издатель **Г. Ф. Пантелеевъ.**

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

по прежней цѣнѣ: 4 р. въ годъ съ пересылкою

и новыя подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го и приложеніе Двадцатый вѣкъ (Электрич. жизнь) со множеств. иллюстр. Рубида.

Открыта подписка на 1895 г. на
„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“
 (19-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ послѣ-праздничныхъ дней, въ форматѣ московскихъ газетъ, и имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Телеграммы.—Послѣдняя Почта. Сообщенія главныхъ столичныхъ газетъ о распоряженіяхъ и работахъ правительственныхъ учрежденій; новости и слухи, имѣющіе общій интересъ для всей Россіи.—За-границей. Политическая и общественная жизнь иностранныхъ государствъ, по свѣдѣніямъ русскихъ и иностр. газетъ. Обзоръ печати. Обзоріе и критика мѣстной печати о текущихъ вопросахъ и новостяхъ, преимущественно русской жизни.—Хроника. Событія, новости и происшествія мѣстной жизни. Отчеты засѣданій саратовской Думы и саратовскаго губернскаго земства. Судебные новости и отчеты.—Театръ и музыка. Рецензіи о спектакляхъ и концертахъ. Новости театральной жизни.—Областная хроника. Корреспонденціи изъ уѣздовъ Саратовской и смежныхъ губерній о событіяхъ и вопросахъ мѣстной жизни. Отчеты уѣздныхъ земскихъ собраній.—Фельетоны. Ежедневныя обзорія мѣстной общественной жизни (Воскресный фельетонъ). Маленькіе фельетоны: «Дневникъ-Кости» (Замѣтки празднователядогося), «Мелочи», «Между прочимъ». Беллетристическія повѣсти оригинальными и переводными (послѣдній подъ-отдѣлъ не постоянный).—Отдѣльныя статьи по вопросамъ экономическимъ и общественнымъ, преимущественно мѣстной жизни.—Маленькій Дневникъ. Редакціонныя замѣтки по текущимъ мѣстнымъ вопросамъ.—По Россіи. Газетныя сообщенія о наиболее характерныхъ или интересныхъ явленіяхъ русской жизни.—Новости литературы, науки и техники.—Сѣть.—Торговый отдѣлъ. Телеграфные билеты Петербургской фондовой и товарной биржи (два раза въ недѣлю). Курсы процентныхъ бумагъ (ежедневно по телеграфу изъ Петербурга). Ежедневный билетъ саратовской биржи. Торговня корреспонденціи изъ Ливва (два раза въ недѣлю), Кирсанова (ежедневно), Царицына, Петровска, Балахова, Векора, Воляска и др. пунктовъ области. Новости саратовской торговли и промышленности. Торговня свѣдѣнія изъ другихъ мѣстностей.—Справочный отдѣлъ. Время прихода и отхода пассажирскихъ поѣздовъ и пароходовъ въ Саратовѣ. Судебные указатели. Святцы.—Объявленія.

Какъ газета провинціальная, «Саратовскій Дневникъ» главное мѣсто отводитъ мѣстнымъ вопросамъ. Географическое положеніе Саратова, вмѣстѣ съ проведеніемъ обширной сѣти Рязанско-Уральской желѣзной дороги, дѣлаетъ его центромъ цѣлой области, обнимающей, кромѣ Саратовской губерніи, смежныя части другихъ губерній и самарское заволжье до Урала. Торгово-промышленное оживленіе этого края, уже теперь замѣтное, непрерывно возрастаетъ и, въ близкомъ будущемъ, неизбежно вызоветъ соответственное оживленіе общественной жизни. Отмѣчать его развитіе, своевременно отзываться на нарождающіеся потребности и запросы новыхъ условий русской жизни — вотъ главная задача, которую себѣ ставитъ редакція «Дневника» и, по мѣрѣ умѣнья и силъ, будетъ разрѣшать.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Съ пересылкою въ другіе города:

На годъ . . .	7 р.		На 3 мѣсца . . .	. 2 р.
На 6 мѣсцевъ	4 р.		На 1 мѣсць	. 1 р.

Лица, подписавшіяся на срокъ съ 1-го января 1895 по 1-ое января 1896 г., получаютъ газету до 1-го января 1895 г. не приплачивая ничего изъ годовой цѣны. Это право распространяется и на тѣхъ, которые выпишываютъ газету съ разсрочкою.

Пробный экземпляръ высылается за семикопѣчную почтовую марку.

Открыта подписка на **1895 г.**

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	НА ГОДЪ.
Съ пересылкой и доставкой .	10 р. —
Безъ доставки и пересылки .	8 — 50 к.
За границу	12 — —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. Гамалій.*

Редакторъ *В. Науменко.*

БУХГАЛТЕРІЯ.

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Э. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.) съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народного просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Министер. Народн. Просвѣщенія», 1876 г.; кн. 10-я стр. 103-я (такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Э. Журова.

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору: въ г. Шуу, Фодору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

1895. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ **1895.**
ХІ ГОДЪ.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАЮЩІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Въ 1895 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ 9 р., полгода—4 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.
Подписка принимается въ ТОМСКѢ: въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для «Сибирск. Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская № 11. 8—2

„ВОЛГАРЬ“

ПОЛИТИКО ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА И НИЖЕГО-
РОДСКИЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ.

Газета „ВОЛГАРЬ“ выходитъ въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ, еже-
дневно, въ форматѣ большихъ изданій. Воскресные №№ „Волгара“
въ июль и августъ мѣсяцахъ съ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ въ текстѣ

ПРОГРАММА „ВОЛГАРЯ“:

1) Передовыя статьи. 2) Правительственныя извѣстія. Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью. 3) Последняя Почта. Телеграфныя извѣстія и выдержки изъ специальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ. 4) Телеграммы внутреннія и заграничныя, отъ специальныхъ корреспондентовъ и отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агенства“. 5) Мѣстная хроника. 6) Обо всемъ. Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни. 7) Всероссийская выставка 1896 года. 8) Фельетонъ. Повѣсти, рассказы и стихотворенія. 9) Поволжскія вѣсти. Корреспонденція изъ городовъ Поволжья. 10) По роднымъ палестинамъ.—Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья. 11) Внутреннія извѣстія. Административныя новости изъ Петербурга, а также сообщенія о выдающихся событіяхъ въ Россіи. 12) Наблюденія и замѣтки. 13) Театръ и музыка. 14) Бѣга и скачки. 15) Наука и искусство. 16) Изъ прошлаго. Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п. 17) Судебная хроника. 18) Смѣсь. 19) Заграничныя извѣстія. 20) Письма въ редакцію. Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч. 21) Биржевой отдѣлъ. 22) Справочный отдѣлъ. 23) Объявленія.

Подписная цѣна на газету «ВОЛГАРЬ» на 1895 годъ.

Иногородн. съ пересылкою.

12 м. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
8 р. 7—50 7 р. 6—50 6 р. 5—50 5 р. 4—50 4 р. 3—50 2—75 1—50

Цѣна печатанія жазенныхъ и частныхъ объявленій: ниже текста по 10 коп. за строку мелкаго шрифта.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ въ редакціи «ВОЛГАРЯ» на Малой Покровкѣ.

Редакторъ-издатель С. И. ЖУКОВЪ.

сйского", въ общихъ чертахъ, сводится къ слѣдующему: Рожденный съ пылкой душой, рѣдкимъ умомъ, особенною силой воли, онъ не имѣлъ „мудраго вѣстунга“, а попалъ въ руки развратителей, и такое воспитаніе привело къ нему пороки, встрѣчаемые со стороны окружающихъ лишь никакое поощреніе. „Въ сіе ужасное время (послѣ бунта черни, въ слѣдъ за пожаромъ Москвы), когда Іоаннъ трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, являясь тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода... Сильвестръ потрясъ душу и сердце, овладѣвъ воображеніемъ юноши и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ“. Начинается непродолжительный періодъ счастливаго царствованія; но умерла Анастасія, и вѣсть съ нею исчезла и добродѣтель. Іоаннъ превращается въ тирана и въ „тиранствѣ“ пребываетъ до самой смерти. Для Карамзина Грозный—неразрѣшимая психологическая задача: „не познаю“—искренно сознается онъ. Полевой, замѣчательная исторія котораго какъ-то забыта, замолчала, первый заговорилъ о наследственныхъ элементахъ въ характерѣ Грознаго: „сынъ Василій и внукъ Іоанна III имѣлъ всѣ недостатки отца и дѣда, уступая послѣднему въ самостоятельности характера и обширномъ умѣ, не имѣя нѣжности душевной, свойственной послѣднему“, и смотритъ на Іоанна прежде всего какъ на человѣка слабого, самостоятельнаго. Бѣлинскій, на оцѣнку котораго, вообще, положиться довольно трудно, — говоритъ объ Грозномъ, что это, была душа энергическая, глубокая, титаническая“, „Іоаннъ былъ падшій ангелъ, который въ паденіи своемъ по временамъ обнаруживалъ и силу характера жезбаннаго, и силу ума высокаго“. Кавелинъ сравниваетъ Іоанна съ Петромъ Первымъ и доходитъ даже до оправданія опричнины. По его мнѣнію, во всемъ виновна среда, которая и погубила Грознаго и которую онъ презиралъ и ненавидѣлъ. С. М. Соловьевъ представляетъ Грознаго представителемъ чистой государственной идеи и говоритъ, что Грозный былъ испорченъ воспитаніемъ. Признавая вліяніе Сильвестра, Соловьевъ отводитъ ему второстепенную роль, стараясь выродить самостоятельность царя. По Соловьеву, Иванъ Грозный—человѣкъ пронацательнаго ума и сильной воли, котораго однако не оцѣнили и не поняли среда и приближенные. Жестокость царя объясняется дурнымъ воспитаніемъ; несмотря на нее, заслуги Грознаго громады: онъ создалъ единое, неразрѣшимое государство. Погодинъ отзывается о мѣрахъ Іоанна такъ: „что есть въ нихъ высокаго, благороднаго, прозорливаго, государственнаго? Злодѣй, звѣрь, говорунъ-на-

четчикъ съ подъяческимъ умомъ и только. Надо же вѣдь, чтобы такое существо, какъ Іоаннъ, потерявшее даже образъ человѣчскій, не только высокой лѣтъ царскій, нашло себѣ прославителей!“ Аксаковъ говорить, что всѣ жестокости истекли изъ личной природы царя, которая была художественная. Образы являлись Іоанну Грозному и увлекали своей вѣншей красотой; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самыя ужасы влекли его къ себѣ своимъ страшнымъ картинностью. По Костомарову, Грозный—трусливъ, малодушевъ; вслѣдъ руководитъ имъ, никакихъ государственныхъ замысловъ и программъ въ его головѣ нѣтъ, есть лишь прихоти и капризы безумной, жестокой природы, любящей театральные эффекты. Вестушевъ-Рюминъ, въ своемъ мнѣніи о Грозномъ, близко примыкаетъ къ мнѣнію С. М. Соловьева. Н. К. Михайловскій главнѣйшимъ, опредѣляющимъ факторомъ жизни и дѣятельности Грознаго признаетъ не художественность природы, а несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомерной властью, недаромъ пугавшихъ современниковъ. Въ дѣломъ радъ поступковъ Ивана IV, въ которыхъ историки-апологеты старательно разбиваютъ слѣды великихъ государственныхъ плановъ, специалистъ-психіатръ найдетъ лишь слѣды разстроенаго духа; слабая голова Іоанна не выдержала величія власти и помрачилась.

Въ шестой заключительной главѣ своего въ высшей степени интереснаго очерка Е. А. Соловьевъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „всего естественнѣе предположить, что источникомъ всѣхъ аномалій характера, прекрасно уживавшихся съ остротой и пронацительностью ума, является та форма душевнаго разстройства, которая извѣстна въ науцѣ подъ именемъ „total insanity“. О государственномъ значеніи царствованія Грознаго онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: его вѣншей политикѣ нельзя отказать въ ширинѣ размаха и блестящихъ замысловъ, но главнѣйшимъ результатомъ его правленія было раздраженіе народа: „какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе: онъ развратилъ народъ, уничтожая въ немъ все выдающееся, героическое, славное“. Его царствованіе—это буря, пронесшаяся надъ Русскою землею съ громомъ и молвіей, но буря, не осѣвжающая, не такая, послѣ которой долженъ начаться разсвѣтъ новой жизни, — а губительная, закончившаяся тяжелой злохой сумрачной времени.

Съ вѣншей стороны книга издана вполне удовлетворительно.

Н. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по
существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ **А. Э. Цинверлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова**
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобиографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г.,	второе изд. (39 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1877 г.,	12 книгъ (21 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1879 г.,	второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1881 г.,	12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина» 1884 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1885 г.,	12 книгъ (31 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1886 г.,	12 книгъ (31 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1888 г.,	12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1890 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1891 г.,	12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1892, 1893-94 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель **С. ЗЫКОВЪ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVI-я.

МАРТЪ.

1895 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Нязь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. II. Д. Г. Анучина.	1—27	X. Записки М. Я. Ольшескаго. Кавказъ съ 1841 по 1866 гг. Ч. 4-я. Гл. X.	167—175
II. Стихи для польскаго, на случай прибытія графа М. С. Воронцова въ Ена-теринославъ . . .	28	XI. Аракчевъ—Ермолову	176
III. Записки В. А. Инсарскаго. Часть вторая. Гл. VI—VIII.	29—74	XII. Автобіогр. Юрьескаго архиман. Фотія. Книга вторая. Главы II. Лѣто 1822 г.	177—184
IV. Изъ записокъ П. А. Кузмина. IV.	75—91	XIII. Матеріалы и замѣтки. — I. Инструкція моему жевѣ А. Изъидлова. — II. Письмо къ Мещерскаго къ П. Д. Киселеву — III. Письмо А. Налыпина И. И. Дмитріеву. — IV. Письмо А. Суворова къ Потемкину. — V. Что значило на канцеляр. языкѣ слово «неведлевно» . . .	185—197
V. Стихи И. И. Лажечникову по поводу «Ледянаго дома». Сообщ. Н. Некрасовъ. „Печаль моя жребій“ Стих. Н. И. Гнѣдича.	92	XIV. Указатель книгъ и статей по русской исторіи.	199—208
VI. Записки Д. И. Ростиславова, проф. Спб. духовной академіи. Глава XIII	93—111	XV. ПРИЛОЖЕНІЕ «Изъ недалекаго прошлаго». Семейная хроника. (Воспом. изъ петербур. жизни). Доктора А. И. Нильискаго. Ч. I-я	85—96
VII. Страничка изъ отнош. помѣщ. къ крестьянамъ.	112	XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VIII. Записки башманника Яна Нилинскаго о варшав. событ. 1794 г. и о своей неволѣ. Сообщ. Г. Воробьевъ	113—146		
IX. Русская армія въ годъ смерти Енаторины II Перев. В. Н. М. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	147—166		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1895 г.

Редакціей отпечатаны и выпущены въ свѣтъ «Записки С. Н. Глинни». Цѣна 3 руб., а для подписчиковъ «Русской Старинны» на 1895 годъ 1 руб. 50 коп.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1895.

III-я книга „Русской Старинны“ вышла 1-го марта 1895 г.

Библиографическій листокъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека Ф. Павленкова.

X.

Карль Бэръ, его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ Н. А. Холодовскаго. Съ портретомъ Бэра, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Сиб. 1893 г

Очеркъ г. Холодовскаго, составленный по многочисленнымъ источникамъ (они перечислены въ началѣ книги), написанъ живымъ, литературнымъ языкомъ. Въ краткомъ пересказѣ содержаніе его сводится къ слѣдующему: Карль-Эрнстъ, или, какъ звали его въ Россіи, Карль Максимовичъ Бэръ, родился 17 февраля 1792 г. въ Эстляндской губерніи. Отецъ Бэра, Магнусъ фонъ-Бэръ, принадлежалъ къ эстляндскому дворянству и имѣлъ десятирхъ дѣтей; маленькаго Карла, вмѣстѣ съ его старшимъ братомъ Фридрихомъ, отдали въ совершенно бездѣтному дядѣ, Барлу-Георху Бэру. До семи лѣтъ Карль оставался въ Лассялѣ, имѣніи дяди, окруженный заботами тетки, которая, какъ говорится, души не чаяла въ живомъ, бойкомъ мальчикѣ. Маленькій Бэръ рано началъ интересоваться разными предметами природы и приносилъ домой разныя окаменѣлости, улитокъ и тому подобныя вещи. Не лишнее интереса разказы Бэра о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него видѣніи въ первый разъ павлиньи бродя по двору и по задворкамъ, онъ вдругъ увидѣлъ на заборѣ павлина съ распущеннымъ хвостомъ. Остобѣивъ отъ изумленія передъ этимъ великолѣпнымъ, маленький Бэръ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, павлинъ также не шевелился,—и такъ прошло довольно много времени.

Ученіемъ ребенка не обременяли: дядя Бэра, большой почитатель военной службы, мечталъ сдѣлать своего племянника военнымъ и потому придавалъ больше значенія физическимъ упражненіямъ, чѣмъ наукамъ. Семь лѣтъ Карль былъ взятъ обратно домой; для ученія приглашена была старушка-гувернантка; черезъ три недѣли онъ уже свободно читалъ. Черезъ годъ гувернантку смѣнилъ Штейнгриберъ, кандидатъ богословія, хорошо образованный и добросовѣстный человекъ, съ большими педагогическими способностями. Наиболѣе онъ силенъ былъ въ математикѣ, и одиннадцатилѣтній Карль ознакомился съ алгеброю, геометріею и тригонометріею; приготовленіе уроковъ совершалось во время самаго урока. Когда Штейнгриберъ покинулъ семейство Бэровъ, на его мѣсто поступилъ другой учитель, Глаштремъ, недоучившійся медикъ, интересовавшійся естественными наукамъ. За-

ставъ однажды своего учителя съ книгами въ одной рукѣ и съ растеніями въ другой, Карль заинтересовался узнать, что онъ дѣлаетъ. Тотъ отвѣчалъ, что опредѣляетъ растенія. Живѣе заинтересовавшись этимъ дѣломъ, Карль сталъ опредѣлять растенія, причемъ учитель не могъ оказать ему никакой помощи, такъ какъ самъ былъ начинающимъ ботаникомъ. Такимъ образомъ, параллельно ознакомленію съ естественными науками, началось и самоученіе, столь полезное для развитія самостоятельности и духа критики. Вмѣстѣ съ коллектированіемъ молодой Бэръ началъ мечтать о медицинской карьерѣ. Дальнѣйшее образованіе Карль Бэръ получилъ въ Ревельской дворянской школѣ, о которой онъ, въ своей автобіографіи, отзывается въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, называя время ученія въ Ревелѣ поэтическимъ временемъ своей жизни. Окончивъ курсъ Ревельской школы, восемнадцатилѣтній Бэръ поступилъ на медицинскій факультетъ въ Дерптскій университетъ, преподаваніе въ которомъ въ то время стояло далеко не высоко, особенно по отношенію къ избранной Бэротъ спеціальности: клиники при университетѣ были, но не было ни химическаго кабинета, ни физиологическаго кабинета, ни даже анатомическаго театра. Въ 1812 г., при нашествіи Наполеона, когда армія Макдональда угрожала Ригѣ, Бэръ, въ числѣ многихъ изъ дерптскихъ студентовъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, въ Ригу. Получивъ, въ 1814 году, дипломъ доктора медицины, онъ, для совершенія медицинскаго образованія, отправился за границу; въ Вѣнѣ онъ весь погрузился въ практическую медицину и аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщалъ хирургическую, терапевтическую и офтальмологическую клиники, но вскорѣ ему пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: практическаго медицинскаго ученія онъ не нашелъ. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ достаточно было незначительнаго толчка, чтобы вновь повернуть его на прежнюю дорожку — къ изученію естественныхъ наукъ; особенно онъ интересовался сравнительной анатоміей, которою и занимался въ Вюрцбургѣ у Делангера, пока не получилъ предложеніе отъ бывшаго дерптскаго профессора Бурхаха, перешедшаго на кафедру физиологій въ Кенигсбергъ, поступить къ нему прозекторомъ. Въ качествѣ помощника профессора, Бэръ открылъ курсъ сравнительной анатоміи безпозвоночныхъ животныхъ. Курсъ былъ настолько интересенъ, что самъ Бурдахъ посѣщалъ его лекціи. Вскорѣ Бэръ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ зоологій съ порученіемъ устроить при университетѣ зоологическій музей. Черезъ нѣкоторое время онъ (уже женатый) назна-

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

· ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1895 Г.

МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Височайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1895.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг. ¹⁾

ГЛАВА II.

Пребываніе князя Черкаскаго въ Петербургѣ до отъѣзда въ армию.—Преобразование Московскаго комитета и подчиненіе князю Черкасскому всѣхъ славянскихъ благотворительныхъ обществъ.—Затруднительность положенія князя Черкаскаго въ Петербургѣ.—Отклоненіе полевимъ штабомъ армии его ходатайства о прибытіи съ гражданской канцеляріей въ Кишиневъ.—Ошибочность его взгляда на отношенія къ военнымъ властямъ армии.—Ненормальность его отношеній къ обществу Краснаго Креста.—Вопросъ о командированіи докторовъ на театръ войны въ распоряженіе Краснаго Креста.—Болгарское ополченіе.

родолжительное время со дня назначенія до отъѣзда въ главную квартиру, всего почти пять мѣсяцевъ, князь Черкаскій провелъ въ Петербургѣ, изъ котораго впрочемъ нѣсколько разъ отлучался въ Москву и деревню.

Образовавъ свою канцелярію всего изъ четырехъ лицъ, онъ дѣятельно принялся за изученіе дѣлъ, относящихся къ болгарскому вопросу, и вошелъ въ служебныя сношенія съ министерствами: военнымъ, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1895 г.

*

благотворительнымъ учрежденіямъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею».

Изъ только-что приведенныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ князя Черкаскаго съ правительственными учрежденіями въ Петербургѣ ясно, что сношенія эти были не многосложны. Опредѣливъ въ точности его служебныя права и въ общихъ чертахъ предстоявшія ему задачи, они не привели къ обогащенію гражданской канцеляріи такими данными, на основаніи которыхъ можно бы было практически разработать вопросъ о порядкѣ дѣйствій гражданскихъ властей за Дунаемъ. Для полученія необходимыхъ для этого ближайшихъ свѣдѣній пришлось обратиться къ немногимъ русскимъ сочиненіямъ¹⁾, а преимущественно къ иностранной литературѣ, довольно богатой учеными изслѣдованіями о положеніи Турціи. Изъ Вѣны и Константинополя выписана была масса книгъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, трактующихъ объ исторіи, промышленности, статистикѣ и законодательствѣ Турціи. Книги эти помогли князю Черкасскому и первымъ его помощникамъ разобраться въ массѣ новыхъ и малознакомыхъ свѣдѣній, установить опредѣленный взглядъ на современные порядки турецкой администраціи на Балканскомъ полуостровѣ и приблизительно намѣтить, что именно изъ всего добытаго слѣдуетъ извлечь и сгруппировать вмѣстѣ, въ одной или нѣсколькихъ книгахъ, для преподанія въ руководство лицамъ, которыя будутъ привлечены къ службѣ по гражданскому вѣдомству въ Болгаріи.

Свидѣтельства писателей и официальные свѣдѣнія провѣрялись, разяснялись и дополнялись бесѣдами съ лицами, знавшими Востокъ, и съ немногими мѣстными уроженцами болгарами, являвшимися въ гражданскую канцелярію. Послѣдній источникъ былъ особенно важенъ. Этимъ именно путемъ князь Черкасскій получилъ свѣдѣнія о выдающихся лицахъ болгарской интеллигенціи въ Россіи, за границей и въ самой Турціи, о способахъ ихъ сношеній между собою, а отчасти и о различныхъ политическихъ стремленіяхъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Близкія и дружескія отношенія его къ И. С. Аксакову

---

¹⁾ Главнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать издаанный въ 1868 г. подъ редакціей генерала Н. Н. Обручева «Военно-статистическій сборникъ».

и П. А. Васильчикову, стоявшимъ въ то время во главѣ Московскаго славянскаго комитета и Петербургскаго его отдѣла, дополнили эти частно добытыя свѣдѣнія многими практическими указа-ніями, имѣвшими интимный характеръ и вытекавшими изъ связей, существовавшихъ между ними и различными славянскими дѣятелями.

Такое изученіе дѣла дало возможность князю Черкасскому значительно увеличить запасъ его свѣдѣній о Востокѣ вообще и о Болгаріи въ частности. Отлагая до слѣдующей главы подробное изложе-ніе тогдашняго положенія Болгарской провинціи и взгляда князя Черкаскаго на сущность восточнаго вопроса и способы его рѣшенія, здѣсь, въ общихъ чертахъ, упомянемъ, что онъ уже въ Петербургѣ, еще до отъѣзда къ дѣйствующей арміи, вполне сознательно опре-дѣлялъ не только сущность предстоявшей ему работы, но и самые приступы къ этой работѣ и порядокъ ея дальнѣйшаго веденія.

Въ это же самое время, шли приготовленія князя Черкаскаго къ исполненію сложныхъ его обязанностей по званію главноупол-номоченнаго отъ Краснаго Креста. Не предполагая въ настоящемъ трудѣ говорить о подробностяхъ этого рода дѣятельности князя Черкаскаго, нельзя не замѣтить, что она поставила его въ прямыя сношенія со множествомъ лицъ, встрѣтившихъ его съ большимъ предубѣжденіемъ.

Говоря впоследствии о пребываніи своемъ въ Петербургѣ, князь Владиміръ Александровичъ положительно удостовѣрялъ, что пріемъ ему въ правящихъ сферахъ былъ самый холодный. Онъ сразу по-нялъ свое одиночество и не видѣлъ возможности—ни завязать въ столицѣ прочныхъ связей, ни добыть надлежащія свѣдѣнія. Сердеч-наго содѣйствія никто ему не выказалъ; ни ему лично, ни его дѣлу никто почти не сочувствовалъ. При официальныхъ сношеніяхъ для него дѣлали только то, чего нельзя было не сдѣлать для испол-ненія высочайшихъ повелѣній, но далѣе этого чисто формальнаго содѣйствія дѣло не шло. Полную холодность, чтобы не сказать враждебность, выказывали ему и такія лица, во власти стоявшія, которыя до того времени совсѣмъ его не знали, а слѣдовательно не могли руководиться собственнымъ опытомъ и дѣйствовали лишь на

основаніи чужихъ мнѣній и ходившихъ въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о его предшествовавшей дѣятельности. Въ вину ему ставили и участіе его въ крестьянскомъ дѣлѣ, и службу въ Царствѣ Польскомъ, и его славянофильство, и наконецъ его, будто бы, крайнія убѣжденія. Видя шаткость своего положенія, князь Черкасскій, имѣя право ходатайствовать о командированіи къ нему разныхъ лицъ съ сохраненіемъ за ними, на все время войны, занимаемыхъ ими мѣстъ, не рѣшался на подобныя ходатайства. Указавъ избранныхъ имъ лицъ, онъ боялся скомпрометтировать ихъ этимъ въ глазахъ ближайшаго ихъ начальства и повредить имъ, тогда какъ на дѣлѣ, желая имѣть ихъ ближайшими своими помощниками, онъ думалъ сдѣлать имъ пріятное, а не причинить вредъ.

Вообще, князь Черкасскій глубоко сѣтовалъ на отношеніе къ нему правящихъ сферъ и говорилъ, что положеніе его въ Петербургѣ было совершенно несоотвѣтственно той роли, какая назначалась ему первоначально. Впослѣдствіи, уже изъ Казанька, онъ писалъ: «я былъ какъ бы забытъ и заброшенъ въ Петербургѣ, по отъѣздѣ главной квартиры въ Кишиневъ»¹⁾.

Именно эти обстоятельства и заставили его ограничиться опредѣленіемъ въ его канцелярію самаго небольшого числа чиновъ (всего 4), взятыхъ исключительно изъ состава военнаго вѣдомства, представитель котораго, Д. А. Милютинъ, былъ едва-ли не единственный государственный человекъ, дружески относившійся къ князю Черкасскому.

Слыша подобныя заявленія отъ самого князя Черкаскаго, нельзя было не поставить вопроса: зачѣмъ же онъ такъ долго оставался, вдали отъ главной квартиры, въ Петербургѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать ни въ смыслѣ собранія матеріаловъ, ни для устройства личныхъ отношеній?

Такой именно вопросъ я и задалъ ему 3-го мая 1877 г. въ Кишиневѣ, куда я прибылъ въ этотъ день, для занятія при немъ должности помощника по управленію гражданскими дѣлами.

«Вы спрашиваете меня о томъ, о чемъ я самъ не разъ задавалъ

---

¹⁾ Письмо къ военному министру, 8 февраля 1878 г.

себѣ вопросъ и на что давалъ себѣ, какъ мнѣ кажется, удовлетворительный отвѣтъ. Вотъ какъ было дѣло».

Привожу объясненіе князя Черкаскаго въ томъ видѣ, какъ оно записано у меня въ дневникѣ.

«Пріѣхавъ въ Петербургъ 2-го ноября 1876 года, князь Черкаскій 16-го числа былъ назначенъ завѣдующимъ гражданскими дѣлами, а 19-го проводилъ главнокомандующаго и главную квартиру въ Кишиневъ. Ъхать тогда же съ главною квартирою ему было рѣшительно невозможно; при немъ не было даже и кадра канцеляріи, а сношенія съ министерствами и обществомъ Краснаго Креста только-что начались. Пробыть еще нѣкоторое время въ Петербургѣ было безусловно необходимо. Кромѣ того, съ самаго начала возбужденія вопроса объ учрежденіи гражданской канцеляріи, министерство иностранныхъ дѣлъ высказалось противъ немедленнаго отправленія ея въ главную квартиру. Князь Горчаковъ говорилъ, что прибытіе чиновъ гражданского управленія въ Кишиневъ, еще во время шедшихъ тогда въ Константинополь дипломатическихъ переговоровъ, слишкомъ уже ясно выкажетъ наше безповоротное желаніе войны и можетъ, безъ всякой пользы, обострить положеніе дѣлъ.

«Убѣдясь вскорѣ въ бесполезности дальнѣйшаго пребыванія въ Петербургѣ и желая положить конецъ невольному отлученію своему отъ главной квартиры, князь Черкаскій въ концѣ декабря 1876 г. послалъ къ генераль-адъютанту Непокійчицкому письмо, которымъ, извѣщая его объ окончаніи предварительныхъ занятій въ Петербургѣ и намѣреніи своемъ въ началѣ января пріѣхать въ Кишиневъ, испрашивалъ на это согласія главнокомандующаго. Пославъ это письмо, князь Черкаскій получилъ разрѣшеніе отлучиться въ Москву для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. 5-го января 1877 г. онъ былъ уже снова въ Петербургѣ, гдѣ надѣялся застать отвѣтъ изъ Кишинева и полагалъ испросить окончательное высочайшее разрѣшеніе на отъѣздъ въ главную квартиру. Ожидавшійся отвѣтъ генерала Непокійчицкаго, помѣченный 2-мъ января, врученъ былъ ему полковникомъ Орловымъ, адъютантомъ главнокомандующаго, только 10-го числа. Начальникъ штаба арміи сообщалъ, что главнокомандующій выразилъ мнѣніе о преждевременности прибытія въ

Кишиневъ гражданской канцеляріи, полагая, что таковой долженъ быть отложенъ «до того времени, когда движеніе войскъ за границу будетъ опредѣлено».

«Послѣ такого отвѣта, ѣхать въ главную квартиру возможно было только въ томъ случаѣ, если бы на то послѣдовало особое высочайшее повелѣніе. Князь Черкасскій, чрезъ военнаго министра, представилъ письмо генерала Непокойчицкаго на высочайшее усмотрѣніе. 14-го января государь принималъ князя Черкаскаго, и тогда же послѣдовало повелѣніе обождать отправленіемъ гражданской канцеляріи до объявленія войны. На другой день, князь Черкасскій извѣстилъ объ этомъ генерала Непокойчицкаго ¹⁾).

«Доискиваясь основаній, принятыхъ главною квартирою арміи для отклоненія немедленнаго его переѣзда въ Кишиневъ, князь Черкасскій не находилъ никакихъ серьезныхъ для того основаній и остановился на томъ предположеніи, что военныя власти довольно ловко воспользовались высказаннымъ дипломатами мнѣніемъ и согласно съ нимъ сочли соотвѣтственнымъ отложить до начала войны соединеніе съ гражданскимъ управленіемъ, которое само по себѣ, а еще болѣе по личнымъ свойствамъ его начальника, было имъ несимпатично. Кромѣ достиженія временной отсрочки начала совмѣстной съ нимъ работы, князь Черкасскій не предполагалъ другихъ цѣлей и рѣшительно не предвидѣлъ, что своимъ отказомъ полевой штабъ сдѣлалъ смѣлый шагъ къ устраненію гражданской канцеляріи изъ состава полевыхъ управленій арміи; напротивъ, онъ считалъ, что съ фактомъ существованія гражданского управленія военныя власти окончательно помирились еще въ Петербургѣ и что остроумно устроенная ими отсрочка нисколько не повредитъ установленію, съ объявленіемъ войны, правильныхъ его къ нимъ отношеній.

«Вообще князь Черкасскій видѣлъ въ этомъ результатъ личнаго къ нему нерасположенія высшихъ чиновъ главной квартиры и ин-

---

¹⁾ 30 марта 1877 г. на докладной запискѣ военнаго министра о назначеніи 12-го апрѣля днемъ объявленія войны, государь написалъ: «быть по сему». На другой день, 31-го марта, военный министръ прислалъ князю Черкасскому слѣдующую записку: «государь императоръ, признавая нужнымъ, чтобы ваше сіятельство отправлись въ дѣйствующую армію, позволяя поручить мнѣ просить васъ пріѣхать завтра, въ пятницу, около 12-ти часовъ въ Зпмній дворецъ, для полученія указаній Его Величества.

триги лицъ, не прощавшихъ его энергической дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ и опасавшихся пріобрѣтенія имъ вліянія на главнокомандующаго. Эти мелкіе поводы, по мнѣнію его, должны были исчезнуть передъ интересами общественными и государственными.

«Разбить доводы дипломатовъ было не трудно; возможно было также весьма обстоятельно доказать необходимость присоединенія моего къ главной квартирѣ—говорилъ князь Черкасскій—но я и самъ не настаивалъ на скорѣйшемъ отъѣздѣ въ Кишиневъ, потому что вслѣдствіе серьезной болѣзни главнокомандующаго не хотѣлъ стать въ зависимое положеніе отъ начальника полеваго штаба, получавшаго, въ такихъ случаяхъ, законное право на направленіе всѣхъ дѣлъ въ арміи, въ томъ числѣ и по гражданскому управленію».

И такъ, вотъ причины, по которымъ канцелярія гражданского управленія, почти пять мѣсяцевъ, не отправлялась къ главной квартирѣ арміи, а въ прямой ущербъ для дѣла оставалась въ Петербургѣ, гдѣ не могла предпринять ничего серьезнаго.

Очевидно, что протестъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ мало состоятеленъ. Оно боялось, что прибытіе къ главной квартирѣ арміи гражданской канцеляріи, съ княземъ Черкасскимъ во главѣ—поведетъ къ обостренію тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и переговоровъ, окончательно выказавъ наше безповоротное желаніе начать войну. Можно ли серьезно было останавливаться на этихъ опасеніяхъ? Впрочемъ, не было никакихъ поводовъ предположить, чтобы это заявленіе дипломатовъ было плодомъ серьезныхъ соображеній. Оно вырвалось случайно на ряду съ другими болѣе или менѣе цвѣтистыми фразами, столь излюбленными нашими дипломатами, и пропало бы безслѣдно, еслибы не упало на готовую къ воспріятію почву. Почвой этой было настроеніе умовъ главной квартиры, крайне враждебное вторженію гражданского элемента въ кругъ дѣйствія военныхъ властей и притомъ при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ.

Глядя на дѣло съ точки зрѣнія предстоящихъ стѣсненій своихъ дѣйствій, главная квартира—какъ подтвердили потомъ всѣ ея дальнѣйшія распоряженія—дѣйствительно, во время своего пребыванія въ Кишиневѣ, порѣшила держать гражданскую канцелярію вдали отъ себя и, по возможности, избѣгать всякихъ съ нею сношеній,

будь то по дѣламъ края или по вопросамъ объ удовлетвореніи нуждъ арміи при ея содѣйствіи.

Догадку князя Черкаскаго о томъ, что непризваніе его и гражданской канцеляціи въ Кишиневъ было результатомъ личной къ нему неприязни начальника полеваго штаба, слѣдуетъ признать справедливою и основательною не по одной лишь свойственной князю Вл. Ал. подозрительности. Генераль Непокойчицкій, выбравшій обоихъ своихъ помощниковъ изъ поляковъ, не могъ не ставить въ вину князю Черкасскому его энергической дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ и съ самаго начала официальныхъ съ нимъ сношеній не маскировалъ своихъ къ нему антипатій ¹⁾. Мало того, онъ всячески старался парализовать его дѣйствія, начавъ поступать такъ въ то еще время, когда князь Черкасскій едва вступилъ въ свою должность и не сдѣлалъ ничего такого, чѣмъ можно было бы оправдать подобное къ нему недоброжелательство. Генераль Непокойчицкій дѣйствовалъ противъ князя Черкаскаго даже тамъ, гдѣ тотъ, руководясь только соображеніями общей пользы, стремился достигнуть выгоды для войскъ ²⁾.

Но если и можно фактически доказать, что, съ самыхъ первыхъ шаговъ гражданского управленія, главная квартира дѣйствующей арміи отнеслась къ нему съ явнымъ и нескрываемымъ предубѣжденіемъ, не вызваннымъ еще никакими дѣйствіями князя Черкаскаго, то, съ другой стороны, нельзя оправдать и послѣдняго за нежела-

¹⁾ Слѣдующій анекдотъ, слышанный мною отъ сенатора П. А. Шульца, показываетъ, какимъ столпомъ полонизма считался генераль Непокойчицкій въ польскихъ кружкахъ во время владычества партіи бѣлыхъ въ Ц. П. Въ 1862 г., по случаю назначенія всендаа Фелинскаго архіепископомъ варшавскимъ, ему давали въ Петербургѣ прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовали министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, министръ статсъ-секретарь Ц. П. Туркулъ и другія официальные лица и члены польскаго общества. Число тостовъ въ порядокъ ихъ провозглашенія были опредѣлены заранее, и сперва шло, какъ было условлено. Но вотъ, по окончаніи официальныхъ тостовъ, встаетъ Туркулъ и говоритъ: «господа, я полагаю удовлетворить общему желанію, предложивъ тостъ за человѣка, высоко нами чтимаго и уважаемаго, человѣка, имя котораго пользуется одинаковою извѣстностью какъ на берегахъ Невы, такъ и на берегахъ Вислы. Нужно ли называть этого человѣка? Пью за здоровье генераль-адъютанта Непокойчицкаго».

²⁾ Здѣсь разумѣется воспрепятствованіе начальнику болгарскаго ополченія вступить въ сношенія съ княземъ Черкасскимъ. См. ниже въ настоящей же главѣ.

ніе стать въ болѣе или менѣе подчиненныя отношенія къ генералу Непокойчицкому на время болѣзни главнокомандующаго. Отказавшись, въ силу этого нежеланія, отъ протеста противу оставленія гражданской канцеляріи въ Петербургѣ на неопредѣленное время, — князь Черкасскій впалъ въ ошибку и самую непростительную.

Генералъ Непокойчицкій, по характеру, взглядамъ и убѣжденіямъ своимъ, былъ совершенною противоположностью князя Черкаскаго. Сосредоточенный, молчаливый, онъ замкнулся въ самого себя и, не тратя лишнихъ словъ, давалъ своему противнику высказываться, а самъ, какъ бы соглашаясь наружно, упорно стоялъ на своемъ и достигалъ желаемаго не рѣшительными дѣйствіями, а пассивнымъ бездѣйствіемъ. Но во всякомъ случаѣ, генералъ Непокойчицкій былъ уменъ и, при спокойномъ, настойчивомъ образѣ дѣйствій со стороны князя Черкаскаго, онъ не могъ бы не понять, что въ главныхъ основаніяхъ имъ обоимъ слѣдовало сговориться, въ чемъ именно военное начальство должно было помочь гражданскому, и какихъ услугъ слѣдовало ожидать арміи отъ учрежденнаго при немъ гражданского управленія. На этихъ благоразумныхъ основаніяхъ, требуемыхъ признаніемъ своего долга и лежавшей на нихъ обоихъ отвѣтственности — соглашеніе было возможно. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало попытаться достигнуть такого соглашенія.

Въ то же самое время, т. е. еще до начала своей активной дѣятельности при арміи и во время нахожденія въ Петербургѣ, совершена была имъ и другая столь же важная ошибка — онъ не отказался отъ должности главноуполномоченнаго отъ Краснаго Креста.

Соглашаясь взять на себя устроеніе Болгаріи, князь Черкасскій не подумалъ отказаться отъ должности главноуполномоченнаго Краснаго Креста и тѣмъ положилъ начало двойственности въ своихъ обязанностяхъ, что чрезвычайно вредно отразилось на дѣлѣ.

Если назначеніе князя Черкаскаго завѣдывающимъ гражданской частью при арміи возбудило противъ него всю военную часть главной квартиры, то еще болѣе враждебно настроилось противъ него общество Краснаго Креста за назначеніе его главноуполномоченнымъ отъ Общества на важнѣйшемъ изъ предполагававшихся театровъ военныхъ дѣйствій. Въ Петербургѣ вообще, а въ обще-

ствѣ Краснаго Креста въ особенности, князь Черкасскій былъ совершенно неизвѣстенъ, никто о немъ не думалъ и вдругъ, совершенно неожиданно, а главное безъ малѣйшей возможности протеста, онъ является главноуполномоченнымъ, т. е. занимаетъ должность, на которую была въ Петербургѣ масса охотниковъ, и на которую, разумѣется, само общество Краснаго Креста никогда бы не поставило его въ числѣ своихъ кандидатовъ. Онъ, какъ бы, силою вломился въ эту среду, и понятно, что она приняла его крайне недружелюбно. По своему рѣзкому характеру, онъ не счумѣлъ позолотить пилюли и не только не сдѣлалъ ничего, чтобы смягчить свое насильственное вторженіе, но, ознакомясь съ тогдашнимъ личнымъ составомъ правленія Краснаго Креста, сразу увидѣлъ свое надъ нимъ превосходство и, къ сожалѣнію, не скрылъ того отъ заинтересованныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить личность князя Черкаскаго съ генераль-адъютантомъ Баумгартеномъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ главнаго управленія Краснаго Креста, то нельзя не сказать, что между ними была громадная разница и притомъ прямо въ пользу князя Владиміра Александровича. Не имѣя въ виду писать о дѣятельности князя Черкаскаго по Красному Кресту, я не буду вдаваться въ подробности, приведу только то, что считаю необходимымъ для доказательства моего положенія, что князь Черкасскій, не отказавшись отъ этой должности, сдѣлалъ капиталную ошибку.

Въ главныхъ чертахъ положеніе свое какъ главноуполномоченнаго и положеніе главнаго управленія, князь Черкасскій представлялъ себѣ такъ: Общество это былъ мѣшокъ съ золотомъ, въ которомъ можно было черпать средства для дѣятельности Краснаго Креста на театрѣ войны; главноуполномоченный — главный распорядитель этими средствами на мѣстѣ. Общество должно было думать только объ увеличеніи средствъ и давать ихъ насколько возможно больше, предоставивъ свободу дѣйствія главноуполномоченному, который, получая средства, могъ и долженъ былъ расходовать ихъ на пользу страждущихъ самовластно, безотчетно, смотря по обстоятельствамъ, которыя могли выясниться только на мѣстѣ и только на мѣстѣ же поддавались правильной оцѣнкѣ. Говоря о безотчетности, князь Черкасскій имѣлъ въ виду не кассовую отчетность —

за которую стоялъ особенно — а право принимать мѣры не по указаніямъ Общества, а по требованію обстоятельствъ времени и мѣста.

Общество смотрѣло иначе. Впрочемъ, еще неизвѣстно, къ чему бы пришло оно, еслибы выборъ главноуполномоченнаго былъ предоставленъ ему самому. Выбравъ своего излюбленнаго человѣка, быть можетъ, Общество и поставило бы его такъ, какъ того хотѣлъ князь Черкасскій, но когда выборъ у него былъ предвосхищенъ совершенно чуждымъ ему лицомъ, то Общество не простило ему этого, отнеслось къ нему съ большимъ недоувѣріемъ и, къ сожалѣнію, старалось, по возможности, умалить его значеніе. Объ этомъ можно глубоко сожалѣть, но подобныя дѣйствія были согласны съ понятіями людей, стоявшихъ тогда во главѣ Общества. Отсюда полное между ними несогласіе и даже антагонизмъ, вредно отозвавшійся какъ на дѣлѣ, такъ и, главнымъ образомъ, на самомъ князѣ Черкасскомъ.

Не считая себя компетентнымъ для того, чтобы представить полную характеристику дѣятельности князя Черкаскаго, какъ представителя Краснаго Креста на театрѣ войны, я позволяю себѣ привести два, три факта, могущихъ обрисовать взаимныя его отношенія съ главнымъ управленіемъ Общества. Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1877 г. изъ Кишинева, князь Черкасскій заявлялъ главному управленію о необходимости высылки за Дунай, начиная съ августа, теплой одежды. Но наступилъ уже сентябрь, холодъ по ночамъ былъ весьма ощутителенъ, а теплаго ничего не высылали. Приобрѣсти на отпускаемыя средства было затруднительно. Главное управленіе стремилось къ установленію особой нормы расходамъ на каждый мѣсяцъ и отпускало не болѣе 75 т. рублей (?). Князь оспаривалъ такую мѣру, и съ обѣихъ сторонъ велась довольно колкая по сему предмету переписка. Видя невозможность побудить главное управленіе къ присылкѣ денежныхъ и матеріальныхъ средствъ по мѣрѣ дѣйствительной въ нихъ надобности, а не сообразно какой-то мѣсячной нормы, князь Черкасскій рѣшился обратиться, путемъ печати, съ воззваніемъ ко всему русскому обществу. Вотъ какая телеграмма была напечатана имъ въ газетахъ, отъ 10-го сентября 1877 года. Выписываю ее по сохранившемуся у меня экземпляру

«Голоса», но думаю, что телеграмма была напечатана и въ другихъ газетахъ петербургскихъ и московскихъ: «Букарештъ, суббота, 10-го (22-го) сентября, 10 часовъ 30 минутъ по утру. Черезъ посредство «Голоса» обращаюсь къ русскому обществу съ убѣдительною просьбою о помощи нашимъ больнымъ и раненымъ братьямъ. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, живо ощущается настоятельнѣйшая потребность въ тепломъ платьѣ всякаго рода. Необходима возможно скорая присылка полушубковъ, шерстяныхъ чулокъ, валенокъ, суконныхъ и бумазейныхъ панталонъ, фуфаякъ, шерстяныхъ куртокъ, одѣяль, а также бѣлья полными смѣнами. Помощь нужна неотложная и въ огромныхъ размѣрахъ. Средства общества Краснаго Креста за Дунаемъ не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ. Необходимо, чтобы все русское общество сознало, какъ велика нужда, и пришло на помощь. Усердно прошу патріотическаго содѣйствія со стороны всего русскаго общества. Князь Черкасскій». Обращеніе это вызвало цѣлую бурю какъ въ газетахъ (первымъ противникомъ его явился «Голосъ»), такъ и въ средѣ общества Краснаго Креста и въ публикѣ. Сторонники главнаго управленія Краснаго Креста порицали князя Черкаскаго, говоря, что онъ не имѣлъ права своимъ именемъ обращаться къ русскому обществу; что подобное обращеніе вредитъ Красному Кресту, отвлекая пожертвованія преимущественно за Дунай, тогда какъ только главное управленіе можетъ правильно распредѣлять пожертвованія между всѣми театрами войны; что такая телеграмма пугаетъ публику и т. п. Безпристрастныя же газеты заступались за Черкаскаго, выставляя на видъ необходимость не скрывать положенія дѣлъ и обращаться къ содѣйствію русской публики тогда, когда въ этомъ дѣйствительно настояла нужда. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія со многими частными подробностями, князь Черкасскій немедленно написалъ подробное объяснительное письмо къ m-lle Пилларъ и копію съ него передалъ военному министру. Засимъ въ моемъ дневникѣ, подъ 28-мъ сентября, записано: «Сегодня Черкасскій сидѣлъ у графа Адлерберга, министра двора, и вошелъ государь. «А въ газетахъ занимаютъ тобою, сказалъ онъ Черкасскому, одни тебя бранятъ, другія за тебя заступаются». Черкасскій объяснилъ, что еще въ прошломъ году

повсюду разрѣшены были сборы въ пользу Краснаго Креста, а потому ему, какъ главноуполномоченному, приличествовало напомнить общественной благотворительности о времени, мѣстѣ и родѣ пожертвованій, тѣмъ болѣе, что общественная благотворительность прихотлива, и съ ней надо обращаться умѣючи; то она даетъ на одинъ предметъ, то въ однѣ извѣстныхъ руки и т. п. Государь сказалъ, что, разумѣется, онъ такъ и смотритъ на дѣло, а равно и императрица.

Однако телеграмма князя Черкаскаго подѣйствовала. Пожертвованія и преимущественно теплыми вещами усилились, да и само главное управленіе увѣдомило его, что высылаетъ 2 тысячи полушубковъ, тысячу одѣялъ и сто повозокъ съ лошадьми, предлагая выслать еще сто повозокъ. Отъ повозокъ князь Владиміръ Александровичъ отказался, прося увеличить, по возможности, высылку теплыхъ вещей и полушубковъ, носковъ, фуфаякъ и проч.

Еще примѣръ. Въ числѣ легко раненыхъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ госпиталяхъ, было много людей, въ сущности совершенно здоровыхъ, но которыхъ нельзя было выслать въ части до полнаго заживленія полученныхъ ими ранъ. Эти солдатики страшно томилась бездѣйствіемъ, скучали въ госпиталяхъ и горько жаловались на невозможность покурить. «Покурилъ бы, такъ кажется, все бы прошло», говорили они. Обходя госпитали вездѣ, гдѣ то было возможно, князь Черкасскій выслушалъ много такихъ жалобъ и сталъ раздавать больнымъ табакъ, а за неимѣніемъ его подъ рукою—по нѣскольку копѣекъ денегъ. О подобной мѣрѣ, разумѣется, съ удовольствіемъ допущенной госпитальными властями, было сообщено въ отчетѣ главному управленію. Найдя въ законахъ статью, запрещающую выдавать лѣчащимся въ военныхъ госпиталяхъ больнымъ деньги, главное управленіе начало переписку. . . . Этотъ мизерный фактикъ показываетъ, что главное управленіе и вообще недовольные княземъ Черкаскимъ хватались за самые пустяки, чтобы только наскучить ему... Кажется, этого довольно.

Считая свои домогательства справедливыми и видя безцвѣтность главнаго управленія, князь Черкасскій рѣшился опереться на содѣйствіе вліятельныхъ въ то время въ подобныхъ дѣлахъ баронессъ Э. О. Раденъ и Пилларъ фонъ-Пильхау. Отношенія князя къ обѣимъ были дружественныя, но не думаю, чтобы онѣ вполнѣ раз-

дѣляли его взгляды и готовы были помогать ему въ его борьбѣ съ главнымъ управленіемъ; однако, во всякомъ случаѣ, онѣ докладывали его письма августѣйшей покровительницѣ Краснаго Креста и ея рѣшенія передавали управленію. Этотъ оборотъ дѣла, дававшій князю Черкаскому точку опоры внѣ Общества, еще болѣе ухудшилъ его отношенія съ Обществомъ и въ концѣ концовъ весьма вредилъ князю Черкаскому, увеличивая, безъ малѣйшей для дѣла пользы, число лицъ имъ недовольныхъ и даже враждебно настроенныхъ. Если все это обсудить всесторонне, то мнѣ кажется, нельзя не придти къ несомнѣнному выводу — что сохраненіе княземъ Черкаскимъ должности главноуполномоченнаго Краснаго Креста было весьма неблагоприятно для него лично и повредило не только дѣлу Краснаго Креста, но и гражданскому управленію, отнявъ у князя немало времени.

Для правильнаго пониманія всего послѣдующаго, вслѣдъ за симъ приводятся свѣдѣнія о приглашеніи частныхъ врачей на службу Краснаго Креста и сформированіи болгарскаго ополченія. И въ томъ и другомъ эпизодѣ князь Черкаскій принималъ самое дѣятельное участіе единственно съ цѣлью—всѣми зависящими отъ него средствами быть полезнымъ общему дѣлу, не нарушая ничьихъ правъ. Несмотря на это, его услуги повели къ нападкамъ и нареканіямъ со стороны военныхъ властей. Приводимыя данныя съ достаточною наглядностью показываютъ, что онъ первымъ подвергся нападкамъ своихъ противниковъ и за такія проявленія полезной дѣятельности, которыя въ людяхъ заранѣе непредупрежденныхъ не могли бы вызвать ничего, кромѣ похвалъ и самаго сердечнаго одобренія.

При самомъ началѣ соображеній о той роли, какая выпадала на общество Краснаго Креста на театрѣ войны, князь Черкаскій обратилъ вниманіе главнаго управленія на необходимость сформированія — въ вѣдѣніи главноуполномоченныхъ — надежнаго персонала врачей. По самой своей цѣли, общество Краснаго Креста призвалось помогать «раненымъ и больнымъ воинамъ». Помощь эта должна была выразиться не только заготовленіемъ и доставленіемъ на мѣсто военныхъ дѣйствій возможно большаго количества матеріальныхъ средствъ, но и увеличеніемъ врачебныхъ силъ, такъ

какъ дѣйствовавшимъ войскамъ съ одинаковою, очевидно, вѣроятностью могли понадобится и дополнительные лѣчебные запасы, и сверхштатные врачи. Никакихъ медиковъ на службѣ Общества или въ его вѣдѣніи въ мирное время не состояло, сформированіе же болѣе или менѣе многочисленнаго персонала врачей могло быть достигнуто только путемъ отправленія на театръ войны, на счетъ Общества, тѣхъ свободныхъ докторовъ гражданскаго вѣдомства, которые вызвались бы добровольно взять на себя святую обязанность послужить Красному Кресту въ его предстоящихъ занятіяхъ при арміи. Организацией этого дѣла князь Черкасскій и занялся со собственными ему энергіей и умѣньемъ.

Слухи объ этомъ дошли до Кишинева и находившихся тамъ высшихъ военно-медицинскихъ властей. Управление военно-врачебною частью дѣйствующей арміи ввѣрено было такимъ достойнымъ всякаго уваженія и самаго симпатичнаго о нихъ отзыва, какъ В. Н. Приселковъ — военно-медицинскій инспекторъ и лейбъ-медикъ А. Л. Обермиллеръ, состоявшій лично при главнокомандующемъ и имѣвшій громадное вліяніе на все вообще предпринимаемое по медицинской части. Хотя А. Л. Обермиллеръ, во время осады Севастополя, на дѣлѣ убѣдился въ огромной пользѣ, принесенной нашимъ войскамъ командированными въ Крымъ медицинскими отрядами Пирогова, Гюббенета и другихъ врачей, но организованная дѣятельность Краснаго Креста на театрѣ войны была въ 1876 году настолько нова и неопредѣленна, что предположеніе главнаго управленія о присылкѣ врачей не только не обрадовало военно-медицинское начальство, но породило въ немъ массу опасеній. Тутъ были и боязнь раздвоенія въ дѣйствіяхъ военно-врачебнаго вѣдомства, а равно и преувеличенная профессиональная ревность ¹⁾. О предвидимыхъ неудобствахъ доложено было начальнику полеваго штаба, и тотъ, раздѣляя тревоженія своихъ сотрудниковъ, счелъ

¹⁾ Ревность эта выразилась позднѣе самыми плачевными проявленіями. О мѣстѣ и времени переправы черезъ Дунай и штурмъ крѣпости Никополь, главноуполномоченному Краснаго Креста не было сообщено, и огромныя средства Общества остались въ однихъ случаяхъ безъ примѣненія, хотя у Систова и Никополя военные врачи не могли справиться своими силами, и послѣ сраженій была потребована запоздалая помощь Краснаго Креста, до прибытія коей раненные оставались безъ перевязки.

нужнымъ обратиться къ военному министру съ особымъ письмомъ, въ которомъ просилъ разъяснить возникающія недоразумѣнія и опасенія.

Въ Петербургѣ отъ князя Черкаскаго потребовано было объясненіе, и вотъ копія его отвѣтнаго письма къ военному министру отъ 20-го января 1877 года:

«М. Г. Дмитрій Алексѣевичъ. Въ разъясненіе встрѣтившагося недоразумѣнія, считаю нужнымъ представить слѣдующее объясненіе его, которое вѣроятно убѣдитъ какъ ваше высокопревосходительство, такъ и генераль-адъютанта Непокойчицкаго въ томъ, что предположеніе, возбуждившее опасенія Артура Адамовича, имѣло цѣлю не что иное, какъ снабженіе полевого военно-медицинскаго управленія дополнительными врачебными силами, буде это оказалось бы для него самого желательнымъ или необходимымъ, а отнюдь не внесеніе въ оное какого-либо вреднаго раздвоенія, опасность котораго никѣмъ живѣе меня не сознается.

«Предположеніе это возникло по мысли лейбъ-медика С. П. Боткина, указавшаго на ощущавшіяся въ арміи во время Восточной войны недостатки во врачахъ и особенно хирургахъ.

«Не взирая на несомнѣнное и весьма значительное имѣвшееся улучшеніе военно-врачебной части въ арміи, трудно, быть можетъ, съ полною увѣренностью заранѣе поручиться, что, при всегда возможномъ непредвидѣнномъ развитіи болѣзней въ войскѣ во время похода, не придется ни въ какомъ случаѣ искать усиленія врачебнаго состава въ арміи.

«Въ этихъ видахъ, лейбъ-медикъ Боткинъ предлагалъ имѣть въ виду нѣсколькихъ изъ лучшихъ гражданскихъ врачей и хирурговъ, которые могли бы, по желанію главнокомандующаго, если бы его императорскому высочеству благоудно было оное выразить, быть отправлены въ армію на счетъ общества Краснаго Креста и при его уполномоченныхъ. Врачи эти должны бы состоять въ полномъ распоряженіи главнокомандующаго, которому, быть можетъ, угодно было бы командировать ихъ временно и поочередно въ тѣ пункты, гдѣ будетъ скопляться наибольшее число больныхъ и раненыхъ, и гдѣ положительная дѣятельная помощь, приносимая отличными хирургами и врачами, была бы вѣроятно скорѣе надлежащимъ образомъ оцѣнена ограниченными чреамѣрнымъ трудомъ медицинскими чинами. Отъ главнокомандующаго зависѣло бы ближайшимъ образомъ опредѣлить кругъ ихъ дѣйствія и порядокъ подчиненія, а равно срокъ прибытія ихъ въ армію. Впрочемъ, все это предположеніе, лишь предварительно заслушанное въ главномъ управленіи Общества, осталось донныи однимъ лишь предположеніемъ, о которомъ главноуполномоченные, по окончательномъ ихъ прибытіи въ Кишиневъ, должны были, по предварительномъ соглашеніи съ генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ и полевымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, еще только доложить его императорскому высочеству главнокомандующему на тотъ случай, если бы его высочеству угодно было оное привести въ дѣйствіе. При этомъ ими былъ бы представленъ списокъ лицъ, который къ тому времени составитъ лейбъ-медикомъ Боткинскимъ; до нынѣ же, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ врачъ или хирургъ на сей предметъ еще не приняты окончательно на службу Общества.

«Таково имѣвшееся въ виду предположеніе. Если почему-либо окажется

являющимся, то оно само собою отпадает. Повидному, оно свидѣтельствуетъ лишь объ искреннемъ желаніи Общества заранее и своевременно приготовить въ пользу войска ту дополнительную врачебную помощь, необходимость коей не всегда можетъ ощущаться съ самаго начала военныхъ дѣйствій, но, къ сожалѣнію, часто обнаруживается впоследствии, въ случаѣ продолжительности этихъ дѣйствій или при особенной невыгодности климатическихъ условій. На этотъ случай казалось бы полезнымъ заранее обезпечить, себѣ, буде возможно, содѣйствіе лучшихъ гражданскихъ врачей и хирурговъ, которые, обѣщавъ заранее это содѣйствіе, могли бы соответственно сему распорядиться относительно своихъ служебныхъ валятій и частной практикѣ, тогда какъ, при упущеніи условія предварительнаго и своевременнаго съ ними соглашенія, привлеченіе ихъ въ армію впоследствии можетъ, къ сожалѣнію, оказаться совершенно неосуществимымъ. Примите и проч.»

Письмо это въ подлинникѣ было отправлено въ Кишиневъ съ заявленіемъ, что «во всякомъ случаѣ общество Краснаго Креста подчинится всякому рѣшенію начальства арміи какъ относительно присылки врачей, такъ и образа ихъ дѣятельности».

На таковое объясненіе возраженій не послѣдовало, и начатое главнымъ управленіемъ Краснаго Креста сформированіе отрядовъ изъ медиковъ и студентовъ было доведено до благополучнаго окончанія.

Сербская война и болгарское возстаніе, обратившія на себя всеобщее вниманіе въ Европѣ, произвели необычайное впечатлѣніе въ Россіи. Взрывъ негодованія противу варварства турокъ охватилъ всѣ классы общества; повсюду, какъ между интеллигентными людьми, такъ и въ простомъ народѣ, возникло стремленіе помочь страждущимъ братьямъ-славянамъ. И помощь появилась въ грандіозныхъ размѣрахъ. Масса добровольцевъ поспѣшила въ Сербію; щедрія денежныя пожертвованія направились въ славянскіе комитеты, всегда ратовавшіе за интересы славянства. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, комитеты эти, въ весьма широкихъ размѣрахъ, организовали отправку на театръ войны добровольцевъ, военныхъ запасовъ, денежныхъ средствъ. Направляя свою дѣятельность сперва исключительно въ сторону Сербіи, они не оставили безъ вниманія и болгарскаго возстанія, столь звѣрски усмиренаго турками. На поддержку болгаръ закуплены были большіе запасы военныхъ матеріаловъ... Но прекращеніе войны и затѣмъ заключеніе мира между Сербіей и Турціей остановили дѣятельность комитетовъ въ самомъ ея разгарѣ.

Все, однако, заставляло предвидѣть, что это только затишье передъ бурей и что, силою обстоятельствъ, Россія вынуждена будетъ начать войну противъ турокъ. Съ какою бы цѣлью война эта ни началась, главнѣйшимъ театромъ военныхъ дѣйствій неминуемо должна была сдѣлаться Болгарія, и болгарскій вопросъ самъ собою выдвинулся на первый планъ и сдѣлался предметомъ горячихъ обсужденій.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей славянскихъ комитетовъ, распоряжавшійся даже матерьяльными ихъ средствами, генераль Оадеевъ, извѣстный знатокъ восточнаго вопроса, составилъ лѣтомъ 1876 г. особую записку, озаглавленную: «Болгарское дѣло въ Турецкой войнѣ». Записка эта была замѣчательна по своему содержанию.

Сначала, для болгарскаго ополченія, записка предполагала собрать до 15 тысячъ добровольцевъ, подрѣшивъ ихъ пятью тысячами русскихъ отпускныхъ солдатъ и всѣми служащими въ русскихъ войскахъ болгарами. Для вооруженія этихъ людей имѣлось уже въ готовности у болгарскихъ комитетовъ 20 тысячъ ружей Шасспо и шесть орудій артиллеріи. Этой силы, по предположеніямъ автора записки, было достаточно не только для освобожденія обширной страны между Дунаемъ и горами, но и для занятія балканскихъ ущелій, безъ отвлеченія русскаго войска, которое могло идти своимъ военнымъ путемъ. Послѣ занятія Балканскаго хребта вооруженнымъ возстаніемъ, поддержаннымъ регулярными болгарскими полками, можно будетъ «удвоить и учетверить болгарскія войска, вливая въ нихъ въ нѣкоторой пропорціи старослуживыхъ солдатъ, а затѣмъ двинуть ихъ въ самый центръ южной половины страны, въ Филиппополь и Татаръ-Базарджикъ, центръ послѣдняго болгарскаго возстанія».

Словомъ, отъ возстанія Болгаріи авторъ ожидалъ весьма выгодныхъ результатовъ для Россіи. Вооруженное христіанское населеніе, освободивъ край отъ гнета мусульманскихъ шаекъ, само начало бы охранять наши сообщенія, блокировать крѣпости, оборонять ущелья Балкановъ. Кромѣ великой политической силы — подъема Болгаріи, этотъ подъемъ сблегалъ намъ на половину трудности военной операціи и позволялъ сберегать войска.

Къ сформированію нѣсколькихъ болгарскихъ полковъ съ артиллеріею записка рекомендовала приступить немедленно, сдѣлавъ вызовъ румынскимъ и задунайскимъ болгарамъ черезъ болгарскіе комитеты. Въ моментъ объявленія войны, болгарскіе полки, съ ихъ артиллеріею и нѣсколькими сотнями казаковъ, слѣдовало немедленно двинуть за Дунай, гдѣ можно значительно усилить это войско пріемомъ мѣстныхъ отборныхъ охотниковъ.

«Вообще, — такъ кончалась записка, — формированіе болгарскаго войска и командованіе имъ, какъ дѣло, совершенно исключительное, достигнетъ цѣли въ такомъ лишь случаѣ, если будетъ отдано не въ первыя очередныя руки, а человѣку боевому, энергичному, вполнѣ къ нему пригодному».

Занятое приготовленіями къ войнѣ, военное министерство, съ своей стороны, тоже думало о вооруженіи болгаръ, но несомнѣнно, что поданная генераломъ Гадеевымъ записка послужила послѣднимъ поводомъ къ сведенію всѣхъ соображеній по этому предмету въ нѣчто цѣлое и точно формулированное. Лѣтомъ же 1876 года выработаны были «Основанія для организаци болгарскаго войска». Вліяніе на эти Основанія записки Гадеева выразилось тѣмъ, что организаци болгарскаго войска разсчитывалась именно на массѣ добровольцевъ и содѣйствіи славянскихъ и болгарскихъ комитетовъ, которымъ и полагалось предоставить первоначальное вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе болгарскаго войска.

Рекомендуя немедленно приступить къ такому важному дѣлу, какъ сформированіе болгарскаго ополченія, проектъ вполнѣ ясно и опредѣлительно указывалъ на цѣль и составъ ополченія. Организовать его предполагалось не для регулярныхъ большихъ сраженій въ открытомъ бою, а главнымъ образомъ, для охраны мѣстнаго населенія отъ мелкихъ партій хищниковъ; для исполненія въ странѣ обязанностей конвойно-этапной и военно-полицейской службы, взаимнъ нынѣшнихъ турецкихъ заптievъ, а также для оказанія нашимъ собственнымъ войскамъ всевозможнаго содѣйствія проводниками, развѣдчиками, раскрытіемъ средствъ страны и связями съ населеніемъ. Формированіе артиллеріи, ненужной для подобной службы ополченія, совершенно отвергалось, а строевыя единицы ополченія

предполагались смѣшанныя, а именно пѣшія дружины, съ нѣкоторымъ числомъ конныхъ стражниковъ при каждомъ.

Скорѣйшее начало сформированія болгарскаго ополченія было еще и тѣмъ желательнѣе, что оно давало возможность съ пользою употребить массу различныхъ выходцевъ, принимавшихъ участіе въ Сербской войнѣ.

Политическія обстоятельства заставляли предполагать, что разрывъ съ Турціей можетъ послѣдовать въ концѣ 1876 года, и что войну придется начать зимнимъ походомъ. Всѣ предварительныя военныя мѣры соображены и рѣшены были осенью 1876 года, во время пребыванія государя императора въ Крыму, куда приглашенъ былъ и великій князь Николай Николаевичъ, избранный на должность главнокомандующаго. Тогда же въ принципѣ рѣшено было сформировать нѣсколько болгарскихъ дружинъ, на основаніи послѣдняго проекта, но, во всякомъ случаѣ, не ранѣе объявленія войны. Одновременно рѣшенъ былъ и выборъ начальника болгарскаго ополченія. Выборъ остановился на генеральнаго штаба генераль-маіорѣ Столѣтовѣ.

Первымъ актомъ въ дѣлѣ образованія болгарскаго ополченія является слѣдующая резолюція военнаго министра, изъ Ливадіи, отъ 20-го октября 1876 г.

«Въ числѣ предположенныхъ мѣръ для облегченія движенія нашихъ войскъ за Дунай, имѣется въ виду организовать нѣсколько болгарскихъ дружинъ, которыя послужили бы ядромъ для дальнѣйшаго развитія болгарскаго ополченія.

«Для общихъ распоряженій по формированію этихъ дружинъ полагалось бы дѣло это поручить генераль-маіору Столѣтову.

«Въ помощь ему будутъ назначены нѣсколько штабъ-офицеровъ и въ томъ числѣ бывшій полковникъ Кисельскій, который отправился уже въ Бухарестъ.

«Прошу сдѣлать надлежащее распоряженіе относительно генераль-маіора Столѣтова по ближайшимъ указаніямъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. Д. Милютинъ».

Итакъ, всѣ дальнѣйшія мѣры по организаціи болгарскаго ополченія сосредоточились въ рукахъ генераль-маіора Столѣтова, подѣ

высшимъ руководствомъ главнокомандующаго. Военное министерство оставило за собою только оформленіе получавшихся изъ штаба арміи предположеній, испрошеніе по нимъ высочайшихъ повелѣній и дѣлало общія по военному вѣдомству распоряженія.

Такъ какъ формируемыя болгарскія дружины, главнымъ образомъ, назначались «для мѣстной службы въ Болгаріи», «для поддержанія въ ней порядка и спокойствія», то всѣ первоначальныя распоряженія по учрежденію ополченія дѣлались по соглашенію съ завѣдующимъ гражданскою частью при главнокомандующемъ. Съ этою же цѣлью — приобщить завѣдующаго къ дѣлу учрежденія болгарскаго ополченія — и въ данную ему инструкцію вошла особая статья, возлагавшая на него «дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края».

Вообще съ самаго возникновенія предположеній о сформированіи болгарскаго ополченія не являлось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что военное министерство считало необходимымъ поручить это дѣло обоюднымъ заботамъ военныхъ и гражданскихъ властей. Предназначаясь помогать и войскамъ и мѣстной администраціи, ополченіе должно было черпать свои силы и средства не только въ войскахъ, но и въ ресурсахъ самаго края, поступавшаго въ завѣдываніе гражданскаго управленія арміи.

Генераль Столѣтовъ, выбранный для начальствованія надъ болгарскимъ ополченіемъ, пользовался отличною репутаціею въ генеральномъ штабѣ¹⁾, зналъ восточные языки и, по предшествовавшей своей службѣ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ, былъ знакомъ съ подробностями военнаго управленія нашими юго-восточными провинціями. Главнокомандующему генераль Столѣтовъ не былъ извѣстенъ лично, и выборъ его сдѣланъ по рекомендаціи военнаго министерства. Изложивъ въ своей запискѣ объ образованіи болгарскаго ополченія, что дружинамъ предстояла роль не только военная, но и административная, военное министер-

---

¹⁾ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ нынѣ командуетъ 14-мъ армейскимъ корпусомъ.

ство заинтересовано было, чтобы выборъ начальника ополченія палъ на человѣка военнаго, болѣе или менѣе знакомаго съ дѣлами административными и образомъ дѣйствій въ страхахъ мусульманскихъ, гдѣ упрочивалось влiянiе русскаго правительственнаго управленiя.

О своемъ предназначенiи генераль Столѣтовъ узналъ лично отъ главнокомандующаго, проѣзжавшаго изъ Крыма въ Петербургъ и вызвавшаго къ себѣ генерала изъ Калуги, гдѣ тотъ находился тогда на инспекторскомъ смотру одного изъ полковъ своей бригады. Хотя о войнѣ съ Турціей и давно уже говорили, но въ ближайшія о ней соображенія генераль Столѣтовъ совершенно не былъ посвященъ и о «болгарскомъ вопросѣ» рѣшительно ничего не зналъ. Сдѣланное ему главнокомандующимъ предложенiе онъ принялъ немедленно, какъ приглашенiе чисто военнаго свойства, дававшее ему надежду не только участвовать въ войнѣ, но еще въ качествѣ начальника совершенно отдѣльной части войскъ. Болгарское ополченiе предстало въ его воображенiи, при самомъ первомъ о немъ представленiи, какъ часть безусловно военная; ни о какихъ административныхъ его задачахъ онъ и не предполагалъ. Быть можетъ, этимъ представленiемъ и надо объяснять быструю готовность генерала Столѣтова принять предложенное ему назначенiе. Знаи онъ заранѣе о двойственномъ характерѣ ополченія, быть можетъ, онъ и не принялъ бы мѣста. Во всякомъ случаѣ, хотя впоследствии онъ и познакомился съ выработанными въ военномъ министерствѣ основанiями для организаціи болгарскаго ополченія, онъ уже не измѣнялъ первоначальнаго своего взгляда и на часть свою смотрѣлъ исключительно съ военной точки зрѣнiя, а въ будущихъ дружинахъ видѣлъ не мѣстную силу, а боевыя единицы, коимъ предстояло принять самое дѣятельное участiе въ военныхъ дѣйствiяхъ для освобожденiя Болгарiи и изгнанiя изъ нея турокъ. Къ сожалѣнiю, такой же взглядъ на ополченiе имѣли и высшія военныя власти въ арміи; обстоятельство это еще болѣе укрѣпило генерала Столѣтова въ его мысляхъ и послужило началомъ тѣхъ недоразумѣнiй, которыя потомъ такъ неблагопріятно влiяли на развитіе ополченія, доведеннаго участiемъ въ бояхъ до полнаго истощенiя и разстройства.

Заботясь о скорѣйшемъ сформированіи будущей своей части, Столѣтовъ, при содѣйствіи князя Черкаскаго, приготовилъ въ Москвѣ для болгарскихъ дружинъ обмундированіе. Военное министерство гарантировало уплату денегъ, а заготовленіе вещей взяло на себя Московское славянское общество.

Когда генераль Столѣтовъ явился къ начальнику полеваго штаба, генералу Непокойчицкому, тотъ встрѣтилъ его недружелюбно и сдѣлалъ замѣчаніе за его обращеніе къ князю Черкасскому. «У васъ начальники только главнокомандующій и я, въ другихъ заискивать нечего, и князь Черкасскій ничего не можетъ для васъ сдѣлать». Генераль Столѣтовъ возразилъ, что для него чѣмъ меньше начальства, тѣмъ лучше, и онъ вовсе ничего не ищетъ въ князѣ Черкасскомъ, но если обратился къ нему, то по такому предмету, который не можетъ быть разрѣшенъ теперь же военнымъ вѣдомствомъ, а между тѣмъ гражданское управленіе арміи имѣетъ свои особыя источники, изъ коихъ и можетъ помочь временно. Этотъ случай мнѣ разсказанъ самимъ генераломъ Столѣтовымъ и доказываетъ, что уже до отъѣзда главной квартиры изъ Петербурга и до назначенія князя Черкаскаго, т. е. до 16-го ноября 1876 г., когда военныя власти дѣйствующей арміи едва два, три раза видѣли князя Черкаскаго, и онъ рѣшительно ничего еще не сдѣлалъ, чѣмъ бы могъ навлечь на себя ихъ неудовольствіе. Генераль Непокойчицкій высказался противъ него въ самой рѣзкой формѣ и притомъ по обстоятельству, въ которомъ князь Владиміръ Александровичъ дѣйствовалъ въ самыхъ благихъ видахъ—угодить именно начальству арміи.

Генераль Столѣтовъ передалъ о происшедшемъ князю Черкасскому, объяснивъ, что полученное замѣчаніе лишаетъ его возможности обращаться къ нему впредь за содѣйствіемъ, дабы не повредить дѣлу, которому они оба сердечно сочувствуютъ.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихи для польскаго, на случай прибытія его сіятельства, графа Михаила Семеновича Воронцова, въ Екатеринославъ.

Геній благости, намъ данный
Отъ Царя-Отца! зриай
Окомъ свѣтлымъ на преданный
Ввѣкъ тебѣ съ любовью край,
Ощастливленный Тобою!
Ты всемошною рукою
Превратилъ пустыню въ рай!

* * *

Неусыпный трудъ и воля,
Для которой нѣтъ границъ,
Чтобъ цвѣла безбѣдно доля
Всѣхъ сиротъ и всѣхъ вдовицъ:
Вотъ дѣла души высокой,
Мысли твердой и глубокой;
Вотъ предметъ Твоихъ зѣницъ!

Х о р ь.

Михаилъ! Елисавета!
Вы даете образецъ,
Столь прекраснѣйшій, для свѣта,
Какъ магнитомъ быть сердецъ!
Благодарностью пылая,
Наши къ вамъ летятъ во слѣдъ;
И уста съ душой сливая,
Мы даемъ святой обѣтъ
Вамъ любви и уваженья,
И всего, что въ нашу грудь
Чистый токъ благотворенья
Отверзаетъ вѣрный путь!

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VI.

Передача княземъ Александромъ всего имѣнія брату князю Владиміру. — Философія князя Барятинскаго и странныя черты его характера. — Мое удаленіе отъ дѣлъ князя Владиміра. — Генералъ Ле-въ, замѣнившій меня и тотчасъ разошедшійся съ княземъ. — Продолжительная борьба князя Владиміра съ симъ генераломъ. — Гореть Турло. — Чудовищная пенсія, назначенная ему княземъ Александромъ Ивановичемъ.

снованія, на которыхъ князь Александръ Ивановичъ передавалъ имѣніе брату, были оригинальны, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Само собою разумѣется, что князь Владиміръ долженъ былъ уплатить нѣкоторые накопившіеся по нашимъ дѣламъ долги, общая сумма которыхъ не превышала 100 т. Кромѣ того, онъ долженъ былъ выплатить князю Александру Ивановичу, одновременно, капиталъ въ 100 т. р.

Относительно этого капитала князь имѣлъ замѣчательныя фантазіи. Онъ говорилъ, что въ такомъ краѣ, какъ Кавказъ, гдѣ богатства лежатъ только потому безъ движенія, что некому ихъ двигать, всякій смысленный человѣкъ чрезвычайно легко можетъ получить на свой капиталъ, по самой меньшей мѣрѣ, 10 проц. Между

¹⁾ См. «Русскую Старину» февраль 1895 года.

тѣмъ, тамъ есть молодой человекъ, очень бѣдный, но очень способный, князь Святополкъ-Мірскій, котораго онъ любитъ, какъ сына. Дѣйствительно, этотъ Мірскій, съ раннихъ лѣтъ загнанный на Кавказъ, еще юнкеромъ сдѣлался извѣстнымъ князю. Молодымъ офицеромъ, въ 1848 году, Мірскій прѣѣзжалъ въ Петербургъ съ письмомъ ко мнѣ отъ князя, въ которомъ онъ писалъ: «Пишу вамъ сегодня, чтобы просить васъ приказать Новикову приготовить въ домѣ нижнія мои комнаты съ правой стороны входа, въ которыхъ я самъ жилъ, для князя Мірскаго, офицера моего полка, для котораго прошу быть какъ можно любезнѣе. Я его очень люблю и просилъ его остановиться у себя. Дѣлайте все возможное, чтобы быть ему пріятнымъ; въ случаѣ, если бы ему были нужны деньги, то ни въ чемъ ему не отказывайте. Онъ скромнень и многого не требуетъ. Однимъ словомъ, прошу васъ настоятельно какъ можно оставить ему пріятное впечатлѣніе о Петербургѣ и о моемъ домѣ... Прощайте, будьте здоровы и пишите чаще. Вы немного лѣнивы, а ваши письма мнѣ очень пріятны...» Тогда именно и положено было начало моему знакомству съ Мірскимъ, которое потомъ, съ переходомъ моимъ на Кавказъ, еще болѣе укрѣпилось. Во время прѣѣзда въ Петербургъ, князь Мірскій произвелъ на меня, и вѣроятно, на всѣхъ, особое впечатлѣніе. Весьма красивый и даже нѣсколько похожій на князя, съ своими страшно густыми и поднятыми къверху волосами, съ умною отрывистою рѣчью, онъ казался типомъ кавказскаго воина. Этому Мірскому князь и предназначалъ вручить капиталъ въ 100 т. р., который онъ требовалъ отъ князя Владиміра. Князь Мірскій, по словамъ князя, легко будетъ получать съ этого капитала 10 проц., изъ которыхъ будетъ платить князю 6 проц., т. е. 6 т. р. съ погашеніемъ, такъ точно, какъ выплачивали тогда займы опекунскаго совѣта, а 4 проц., т. е. 4 т. р. будетъ имѣть чистой выгоды. Такимъ образомъ, по мысли князя, онъ самъ ничего не теряетъ, а Мірскому дѣлаетъ большое добро, ибо онъ получаетъ капиталъ въ 100 т. р., постепенно погашаемый и сверхъ того теперь же 4 т. р. ежегоднаго дохода, который дастъ ему возможность вступить въ бракъ съ любимою дѣвушкою изъ семейства князей Орбеліани, тоже сильно покровительствуемаго княземъ Барятинскимъ.

Какъ бы то ни было, но съ прекращеніемъ моихъ обязательныхъ отношеній по финансовымъ дѣламъ князя я уже не имѣлъ ни надобности, ни права касаться практичности и прочности этихъ воздушныхъ плановъ

Удивительный былъ человекъ князь Александръ Ивановичъ! Я уже имѣлъ случай сказать и показать, что гордость его была необъятна; но гордость его имѣла иногда оригинальное, своеобразное выраженіе; тамъ, гдѣ по какимъ-либо случаямъ прорывались широкіе предѣлы этой гордости, за которыми онъ былъ почти недоступенъ, князь проявлялъ непостижимое смиреніе и уступчивость. Если случалось, конечно, весьма рѣдко, что кто-нибудь приставалъ къ нему, по расчету или глупости, какъ говорится, съ ножомъ къ горлу—князь всегда уступалъ. Онъ положительно не могъ держаться противу рѣшительныхъ, смѣлыхъ настояній.

Чтобы подтвердить мое воззрѣніе на свойства князя, я приведу изъ многихъ случаевъ кавказской нашей службы и жизни, сюда относящихся, одинъ, совершившійся на моихъ глазахъ и при моемъ даже участіи. Когда знаменитый князь Бебутовъ, бывшій тамъ начальникомъ гражданскаго управленія и предсѣдателемъ совѣта намѣстника, одержимый смертельнымъ недугомъ, сбланный былъ, при концѣ своей жизни, членомъ Государственнаго Совѣта и когда князь Александръ Ивановичъ предположилъ, преобразовавъ все гражданское управленіе, дать положенію начальника этого управленія совѣтъ иныя основанія, въ то время званіе предсѣдателя совѣта онъ рѣшился предоставить извѣстному въ томъ краѣ генералу князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани, человеку чрезвычайно милому и симпатичному, прекрасному типу хорошихъ грузинъ, но простодушному. вмѣстѣ съ тѣмъ предназначалось и содержаніе ему выкроить изъ содержанія, которое получалъ Бебутовъ. Князь Бебутовъ получалъ извѣстный окладъ, присвоенный должностямъ, имъ занимаемымъ, и кромѣ того какую-то особую сумму на квартиру, лично ему исходатайствованную, кажется, княземъ Воронцовымъ. Окладъ, получаемый княземъ Бебутовымъ, князь Александръ Ивановичъ прямо предоставилъ князю Орбе-

ліани, хотя изъ должностей, которыя несъ Бебутовъ, онъ получалъ только одну и при томъ самую ничтожную. Но этотъ милый человѣкъ вообразилъ, что онъ долженъ непременно получать все то, что получалъ князь Бебутовъ, и, вслѣдствіе дошедшихъ о томъ до князя свѣдѣній, мнѣ поручено было изслѣдовать вопросъ о квартирныхъ деньгахъ. Изслѣдованіе это показало, что деньги эти вовсе не составляютъ принадлежности какой-либо должности, но личное пособіе, дарованное собственно князю Бебутову за его многоразличныя доблести и пользы, оказанныя краю. Когда я доложилъ о томъ князю, онъ отвѣчалъ: «Прекрасно, я теперь назначаю Орбеліани окладъ Бебутова, а потомъ, когда-нибудь, къ празднику, выпрошу ему и квартирныя деньги... Онъ сегодня будетъ у меня, и я ему скажу объ этомъ». Дѣйствительно, въ тотъ день князь Александръ Ивановичъ, князь Орбеліани и еще кто-то условились идти пѣшкомъ, часа въ два, къ фотографу. Управляя въ то время канцеляріею намѣстника, я имѣлъ надобность видѣть князя по нѣскольку разъ въ день. Такъ точно и въ этотъ день я былъ у него по какому-то нужному обстоятельству и въ то время, когда уже у него были въ кабинетѣ Орбеліани и другіе. Когда я вошелъ въ кабинетъ, у нихъ продолжался какой-то разговоръ. Потомъ князь Орбеліани круто поворотилъ: «А я хотѣлъ доложить вашему сіятельству, что князь Ираклій не отдаетъ квартиру за эту цѣну». Смыслъ этихъ словъ былъ таковъ, что князь Орбеліани, убѣжденный въ своихъ правахъ на квартирныя деньги, началъ прискивать на нихъ себѣ квартиру и вступилъ въ соглашенія съ княземъ Иракліемъ, которому принадлежалъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Тифлисѣ. Слова эти, произнесенныя при мнѣ, тогда какъ не задолго предъ тѣмъ мнѣ же князь Александръ Ивановичъ объявилъ свое предназначеніе дать квартирныя деньги Орбеліани не теперь, а послѣ, въ видѣ праздничнаго сюрприза, привели его въ рѣшительное замѣшательство. Онъ страшно покраснѣлъ, что дѣлалось съ нимъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, и нетвердымъ голосомъ произнесъ: «по справкамъ оказывается, что квартирныя деньги не слѣдуютъ вашему сіятельству». Князь Орбеліани раскрылъ свои большіе глаза, разставилъ руки и съ величайшимъ изумленіемъ спросилъ: «А какъ же я буду безъ квартиры?» По фигурѣ князя Орбеліани, въ кото-

рой смѣшивалось сильнѣйшее убѣжденіе въ правахъ на эти деньги съ сильнѣйшимъ удивленіемъ, что ихъ не хотятъ дать ему, князь Александръ Ивановичъ, всегда прозорливый и тонкій, понималъ, что дальнѣйшій разговоръ не поведетъ къ добру, и потому поспѣшилъ сказать: «Ну, пойдемте, мы дорогой объ этомъ переговоримъ. Я вотъ скажу слова два Василью Антоновичу». Затѣмъ, перейдя со мною въ сосѣдную комнату, князь тотчасъ замѣтилъ мнѣ: «Бѣдный князь! Однако, какъ онъ деликатенъ, не правда ли?» Для всякаго другаго слова эти могли бы представлять совершенно обратный смыслъ, но я хорошо зналъ князя, что слова эти онъ говоритъ вовсе не шутя и что, если онъ самъ не вѣритъ имъ, то всегда хотѣлъ, чтобы другіе вѣрили имъ и не могли допустить мысли, чтобъ кто-нибудь и когда-нибудь рѣшился говорить съ княземъ не деликатно. Нечего и прибавлять, что въ тотъ же день я получилъ приказаніе приготовить всѣ нужныя бумаги о предоставленіи князю Орбеліани квартирныхъ денегъ, которыя получалъ князь Бебутовъ.

Я слишкомъ хорошо зналъ свойства князя Владиміра, чтобы на минуту могъ остановиться на мысли о переходѣ моемъ на службу къ нему вмѣстѣ съ дѣлами и имѣніями. Кромѣ того, вообще присмотрѣвшись къ поприщу частной дѣятельности, я понималъ, что Богъ, всегда милосердый ко мнѣ, послалъ мнѣ исключительное и великое счастье, что свелъ меня съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, этимъ рыцаремъ чести и благородства, этою яркою звѣздою среди грязноватаго аристократическаго міра. Люди, несшіе обязанности, подобныя моимъ, на службѣ у другихъ большихъ баръ, терпѣли много горькаго отъ ихъ гордости, недовѣрія, пренебреженія. Отношенія моего пріятели Киселева къ Ко—мъ представляли мнѣ много поучительнаго въ этомъ отношеніи. Я чувствовалъ, что князь Владиміръ, болѣе или менѣе, будетъ придерживаться дорогій Ко—евъ, и потому рѣшился уклониться не только отъ отношеній къ князю Владиміру, но и вообще отъ этого поприща, довольно отвратительнаго для всякаго человѣка, въ котораго природа вложила чувство собственнаго достоинства. Одно ужъ то, что каждаго управляющаго, какихъ бы добродѣтелей онъ ни былъ исполненъ, общественное мнѣніе считало воромъ на томъ основаніи, что боль-

шинство подобныхъ людей дѣйствительно обкрадывали своихъ владѣльцевъ— было невыносимо для порядочнаго человѣка. Все это я высказалъ князю Александру Ивановичу, прибавивъ: «Если вашему сіятельству впослѣдствіи царь пожалуетъ имѣніе или по другимъ случаямъ вы сдѣлаетесь опять большимъ помѣщикомъ и если вамъ угодно будетъ, чтобы я опять управлялъ вашими владѣніями, я конечно исполню вашу волю; но ни въ какомъ другомъ случаѣ, ни у какого другаго владѣльца, ни за какое вознагражденіе, я управлять дѣлами не буду». Князь отвѣчалъ: «Зная ваши правила и особенно вашъ характеръ, я бы самъ никогда не посовѣтовалъ вамъ входить въ условія съ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ. Онъ добрый малый, но мнителенъ и нерѣшителенъ».

Когда вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ переходящимъ дѣламъ уяснился, надобно было пріискать другаго охотника управлять ими. Охотниковъ, увлекаемыхъ хорошимъ содержаніемъ, было много; но счастливецемъ оказался какой-то отставной генералъ Ле—нъ. Какая злая судьба послала князю Владиміру сего злополучнаго генерала, не извѣстно, и виновныхъ въ его рекомендаціи и его избраніи рѣшительно, несмотря на всѣ мои розысканія, не оказалось. Князь Владиміръ ссылался на князя Льва К—ея; князь Левъ К—ей ссылался на князя Александра Ивановича; но это несправедливо потому, что князь до того времени вовсе не зналъ Ле—на, и потому еще, что, по своимъ взглядамъ, онъ и не вмѣшался бы въ это дѣло. Вѣроятно же всего, какъ тогда говорили, покойный князь Василій Ко—ей, какимъ-то образомъ знавшій Ле—на, навязалъ его князю Льву Ко—ею, а тотъ уже князю Владиміру Барятинскому, которому и суждено было потерпѣть отъ него многія мученія. Начать съ того, что этотъ господинъ оказался вышедшимъ изъ военной службы за жестокое обращеніе съ солдатами. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что эти милыя наклонности онъ удовлетворяетъ въ своемъ семейномъ кругу и часто поколачиваетъ свою жену и дѣтей. Эти предварительныя свѣдѣнія хотя и обрисовывали уже человѣка, но не имѣли еще прямаго отношенія къ дѣятельности, которая ему предстояла. Мнѣ, конечно, предстояла необходимость, на первыхъ же порахъ, войти съ нимъ въ нѣкоторыя отношенія по разнымъ дѣламъ, которыя отъ меня переходили въ его руки, и я тотчасъ убѣдился, что

это самое отвратительнѣйшее существо, какое только случалось встрѣчать въ жизни. Тупоумный, не знакомый съ дѣломъ, онъ прикрывалъ отсутствіе самыхъ основныхъ достоинствъ для его положенія приемами инспекторскихъ смотровъ. Я тотчасъ объявилъ князю, что не хочу имѣть никакого дѣла съ симъ достойнымъ генераломъ, что князю очень понравилось, и выразилъ искреннее убѣжденіе, что, по его ограниченности, проявленіямъ гадкаго характера и кошачьимъ манерамъ, князя Владиміра Ивановича нельзя поздравить съ хорошимъ пріобрѣтеніемъ, и что, рано или поздно, между ними произойдетъ неминуемый скандалъ. «Богъ съ ними», — сказалъ князь, — «пусть, какъ знаютъ, такъ и вѣдаются». Предсказанія мои скоро и блистательно оправдались. Ле—нъ былъ такъ глупъ, что, въ одно и то же время, началъ прозводить какіе-то злостные обороты суммами князя и поколачивалъ конторщиковъ, которые въ мое время привыкли къ самому добропорядочному обращенію, какъ люди дѣловые, полезные и нѣсколько развитые. На этихъ конторщиковъ Ле—нъ смотрѣлъ съ величайшимъ недоброжелательствомъ, какъ на людей, имѣющихъ возможность сравнить его дѣйствія съ дѣйствіями предъидущими, и потому, сознавая свою собственную несостоятельность, окружилъ себя цѣлою толпою какихъ-то бездолжныхъ лицъ, преимущественно поляковъ, которые и составляли его тайный совѣтъ. Въ числѣ этихъ бродягъ наибольшимъ довѣремъ пользовался бездомный полякъ Рошковскій.

Однажды главный изъ прежнихъ конторщиковъ, человѣкъ заслуженный и извѣстный своею честностью, выведенный изъ терпѣнія постояннымъ преслѣдованіемъ Ле—на, рѣшился объяснить князю Владиміру и его жестокое обращеніе, и, главное, его подозрительныя продѣлки съ конторскими суммами. Князь пріѣхалъ самъ въ контору для обревизованія дѣлъ и объявилъ Ле—ну дошедшіе до него слухи. Ле—нъ сталъ опровергать эти слухи и сослался на Рошковскаго, какъ на лучшаго и самага вѣрнаго свидѣтеля достоинства и чистоты его дѣйствій. Увы! Польская натура проявилась во всемъ блескъ. Рошковскій коварно измѣнилъ Ле—ну! Онъ отвѣчалъ князю, что не только справедливо все то, что дошло до его свѣдѣнія, но что онъ имѣетъ много другихъ фактовъ, что Ле—нъ злоупотребляетъ суммами князя и даже въ настоящую минуту не

*

имѣть въ кассѣ всѣхъ денегъ. Разумѣется, произошелъ страшнѣйшій скандалъ! Ле—нъ куда-то скрылся изъ города добывать недостающія деньги, а коварный Ропковскій сталъ во главѣ дѣлъ. Князь не сообразилъ, что всякій измѣнникъ—человѣкъ, уже никуда не годный. Вслѣдъ затѣмъ началась страшная борьба между Ле—номъ и княземъ, замѣчательная тѣмъ, что не князь атаковалъ Ле—на, какъ бы слѣдовало ожидать, но Ле—нъ князя. Борьба эта длилась нѣсколько лѣтъ, и князь никакъ не могъ отвязаться отъ нея. Дѣло, кажется, состояло въ томъ, что Ле—нъ, въ теченіе короткаго управленія своего дѣлами князя, увѣрилъ его, что для порядка и бухгалтеріи необходимо, чтобы князь во всѣхъ суммахъ, которыя Ле—нъ представляетъ ему, давалъ какія-то особыя росписки. Когда послѣдовалъ разрывъ, коварный Ле—нъ сталъ требовать съ князя по этимъ роспискамъ деньги. Изумленный князь, разумѣется, отвергнулъ это требованіе; Ле—нъ обратился въ III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, откуда даны были князю милые совѣты потушить это непріятное дѣло. Князь не зналъ, что дѣлать, и ничего не могъ придумать лучше, какъ передать его въ руки княгини Марьи Ѳедоровны, сознавая, такимъ образомъ, что въ затруднительныхъ случаяхъ мать его, женщина, сильнѣе его. Княгиня, сколько извѣстно, долго возилась съ Ле—номъ, который не переставалъ чернить изустно и письменно всѣхъ Барятинскихъ. Князь Александръ Ивановичъ въ это время былъ уже на Кавказѣ и потомъ говорилъ мнѣ, что, въ началѣ борьбы, Ле—нъ постоянно осыпалъ его письмами съ жалобами на князя Владиміра; но, какъ письма эти оставались безъ отвѣта, то Ле—нъ сталъ писать разнымъ кавказскимъ генераламъ жалобы на самого князя Александра Ивановича. Во время этой борьбы князь Александръ Ивановичъ успѣлъ уже, возвратившись на Кавказъ, прославить себя многими замѣчательными побѣдами. Когда получались объ этихъ побѣдахъ извѣстія въ Петербургѣ, князь Владиміръ всегда говорилъ: «Какое счастье князю Александру Ивановичу: побѣждаетъ враговъ, гдѣ ни встрѣтитъ, тогда какъ у меня одинъ только врагъ Ле—нъ, и я никакъ не могу одолѣть его». Какъ и чѣмъ кончилась эта достославная борьба его съ Ле—номъ, я не знаю, потому что, перейдя на Кавказъ, я уже не интересовался продолженіемъ ея; но, нѣтъ сомнѣ-

нія, что, кромѣ моральныхъ непріятностей, Ле — нъ нанесъ князю и значительный матеріальный ущербъ.

Рошковскій, достойный наслѣдникъ Ле — на, также немного принесъ счастья князю Владиміру; но объ этой ничтожной личности я много говорить не буду. Спустия нѣсколько лѣтъ, когда я, прибывъ съ Кавказа, ожидалъ въ Петербургѣ возвращенія изъ-за границы князя Александра Ивановича, князь Владиміръ сильно жаловался мнѣ на злоупотребленія Рошковскаго, совѣтовался со мной о присканіи на мѣсто его другой личности и даже имѣлъ наивность предложить мнѣ сѣздить въ его имѣніе, обривизовать его и установить тамъ новое управленіе, тогда какъ въ то время я имѣлъ уже огромное положеніе на Кавказѣ, былъ тамъ директоромъ нѣсколькихъ департаментовъ и на груди моей блистали звѣзды. Разумѣется, я уклонился отъ этого нелѣпаго предложенія. Всѣ тѣ, которыхъ мы приглашали въ управляющіе, устрашали князя своими условіями, и онъ кончилъ тѣмъ, что, прогнавъ Рошковскаго, взялъ на его мѣсто другаго поляка, Каратневича, который былъ лѣкаремъ при Ивановской больницѣ и до того состоялъ къ Рошковскому въ такихъ же именно отношеніяхъ, въ какихъ нѣкогда состоялъ самъ Рошковскій къ Ле — ну.

Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ имѣніемъ князю Владиміру перешли и всѣ обязательства, на немъ лежащія. Обязательствъ этихъ, впрочемъ, было только два: уплата казеннаго долга, который мы сдѣлали для раздѣла съ братьями князя Александра Ивановича и на погашеніе котораго требовалось отъ 40 до 50 тыс. руб. ежегодно, и уплата различныхъ пенсіоновъ, исторически образовавшихся. Во всѣхъ большихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ знатнымъ фамиліямъ, эти пенсіоны не рѣдкость. Въ пенсіонеры попадаютъ обыкновенно устарѣвшіе камердинеры, дворецкіе и тому подобныя лица придворнаго штата, которыя хорошо и долго служили и которыхъ, на старости, нельзя бросить безъ призора и обезпеченія. Въ число нашихъ пенсіонеровъ попадали, какъ я и говорилъ выше, люди и другаго разряда, какъ напр. графы Келлеры, бѣдные родственники княгини Марьи Ѳедоровны; семейство какого-то несчастнаго князя Бяратинскаго и др. При передачѣ имѣнія брату, князь Александръ Ивано-

вичъ, всегда оригинальный и капризный, ввелъ въ число пенсіонеровъ странную личность.

Во время этого печальнаго своего сюда прибытія, князь привезъ съ собою маленькаго горца, мальчишку лѣтъ 15 или 16, котораго звали: «Турло». Вслѣдъ за княземъ притащились сюда еще какіе-то горцы, очень вліятельные въ своемъ народѣ, но очень грязные и нисколько не представительные для Петербурга. Эти горцы, съ своею грязью и невыносимымъ запахомъ, съ своими мусульманскими обычаями и обрядами, поселились въ роскошныхъ комнатахъ внизу, составлявшихъ половину князя Владиміра, и страшно надоѣли князю Александру Ивановичу, такъ что онъ постоянно жаловался на ихъ неотвязное присутствіе и вмѣстѣ со мною придумывалъ приличный предлогъ, чтобъ сплавить ихъ во-свояси. Вѣроятно, у князя былъ какой-то планъ, связанный съ ихъ прибытіемъ; но по всѣмъ признакамъ планъ этотъ не удался вслѣдствіе паденія его фондовъ, и князь былъ очень радъ, когда наконецъ эта дикая орда убралась. Турло остался и постоянно вертѣлся въ комнатахъ князя, въ родѣ любимой собаки. Турло былъ дикъ, какъ тигренокъ. Казалось, князь очень любилъ его; но за что и про что, я не могъ положительно разузнать ни тогда, ни послѣ. Турло былъ сынъ переводчика изъ татаръ, состоявшаго при управленіи князя, и былъ взятъ имъ къ себѣ, именно вмѣсто комнатной собаки. Въ Петербургѣ Турло произвелъ страшный эффектъ сначала у родныхъ князя, въ домахъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, князей Владиміра и Анатолія, а потомъ и во всѣхъ аристократическихъ домахъ. Дѣйствительно, Турло былъ очень эффектенъ: красивъ, боекъ, уменъ, съ своимъ бритымъ лбомъ, горящими глазами, одѣтый въ свой національный костюмъ, наконецъ, гибкій, какъ сталь, и перетянутый, какъ барышня, онъ приводилъ въ неистовый восторгъ нашихъ великосвѣтскихъ барынь своимъ видомъ и своими дикими приемами. Съ него снимались портреты во всевозможныхъ видахъ, и всюду онъ входилъ, какъ свой. Этому-то тигренку, такъ, ни съ того, ни съ сего, князь Александръ Ивановичъ назначилъ пенсію—да какую!—въ 1.000 р. сер. ежегодно, которую тотъ и поднесъ, получаетъ и будетъ получать до конца дней своихъ. Еслибы еще что-нибудь вышло изъ этого Турло замѣчательное—не жаль было бы этой роскошной пенсіи; но въ 1859

году я видѣлъ его во время похода въ Чечню и съ трудомъ узналъ въ немъ прежняго Турло. Растолстѣвшій, подурнѣвшій—онъ даже ѣздить верхомъ не умѣлъ, какъ истинные джигиты, потому что на моихъ глазахъ падалъ не разъ съ лошади. На вопросъ мой: что подѣлываетъ, Турло отвѣчалъ, что живетъ съ женой въ своемъ аулѣ и славить Бога, да князя!

Въ заключеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ оригинальный переходъ имѣнія, надобно бы сказать, какими актами онъ былъ укрѣпленъ? Никакими! Я выше говорилъ, что главная цѣль сосредоточенія всего имѣнія въ однѣхъ рукахъ—заклучалась въ томъ, чтобы такимъ образомъ можно было обратить его въ маіоратъ, который и долженъ былъ поддерживать родовое значеніе дома Барятинскихъ на вѣки вѣчные. Когда сосредоточеніе имѣнія совершено—можно бы, казалось, просить учрежденія маіората; но тогда это было еще совершенно противу нашихъ законовъ, и князь съ полною увѣренностью ожидалъ новыхъ законоположеній по этой части, чему, какъ ниже будетъ сказано, онъ самъ старался всевозможно содѣйствовать; кромѣ того, при частыхъ разговорахъ нашихъ по этому вопросу, князь сказалъ однажды: «Во всякомъ случаѣ торопиться этимъ дѣломъ нечего. Когда я сдѣлаю маіоратъ, тогда весь ароматъ изъ меня выйдетъ; а до того времени меня все-таки поберегутъ немножко, какъ вещь нужную». Расчеты этого сбереженія князь, несомнѣнно, относилъ къ князю Чернышеву, который пользовался еще тогда страшнымъ могуществомъ, и дочь котораго князь Александръ Ивановичъ такъ страшно, въ лицѣ ея мужа князя Владиміра, обогащалъ. Такимъ образомъ князю Владиміру дана была отъ князя Александра довѣренность на управленіе и распоряженіе имѣніемъ, а на случай смерти князя Александра составлено было и положено на храненіе въ Опекунскій Совѣтъ завѣщаніе, по которому все имѣніе отказывалось князю Владиміру, на основаніи закона, въ силу котораго бездѣтный владѣлецъ можетъ отдать свое имѣніе кому хочетъ, лишь бы изъ своихъ родственниковъ. Не нужно говорить, что для мнительнаго князя Владиміра въ этихъ неполныхъ основаніяхъ было мало успокоительнаго, и онъ потомъ, много и много разъ, положительно выражалъ мнѣ свое безпокойство и

просилъ моего содѣйствія къ приведенію дѣла въ окончаніе, вполне прочное и законное.

ГЛАВА VII.

Колебаніе карьеры князя Александра Ивановича.—Мое особенное сближеніе съ нимъ въ это тяжелое для него время.—Его постоянное одиночество, какъ опальнаго.—Сѣтованія князя на князя Воронцова.—Разрушеніе придворныхъ его отношеній.—Ежедневныя, но безплодныя поѣздки во дворець.—Наши продолжительныя бесѣды съ княземъ.—Геніальность его, тутъ проявившаяся.—Мои сочиненія, исполненныя по его заказу.—Щедрость князя въ отношеніи ко мнѣ.—Неожиданный вопросъ царя.—Тяжелая минута для князя.

Моя энергія спасла князя для Кавказа.—Печальный отъѣздъ туда князя.

Казалось бы, что съ прекращеніемъ моихъ обязательныхъ отношеній къ князю Александру Ивановичу, и мои личныя отношенія къ нему должны были если не прекратиться, то значительно ослабнуть. Напротивъ. Никогда эти личныя отношенія не имѣли такой короткости, крѣпости, искренности. Главнымъ основаніемъ такихъ отношеній было то, что князь хорошо видѣлъ мою безграничную къ нему преданность и мои способности, которыя онъ, вѣря въ свою звѣзду, разсчитывалъ, быть можетъ, впоследствии употребить въ дѣло. Но немало содѣйствовало нашему сближенію и то обстоятельство, что въ этотъ періодъ его положительно всѣ бросили. Видно было, что придворный міръ, съ обонаніемъ, болѣе тонкимъ, чѣмъ у гончихъ, боялся его, какъ зачумленнаго. Рано утромъ, часовъ въ шесть, онъ постоянно отправлялся во дворець и скоро возвращался; затѣмъ положительно весь день, за немногими исключеніями, его можно было найти всегда дома, скучнаго и одинокаго. Понятно, что на этомъ просторѣ и моя незначительная личность получила въ глазахъ его высокую цѣну уже потому, собственно, что было кому, по крайней мѣрѣ, высказывать свои сѣтованія и свои мысли. У князя было много того и другаго, и въ этотъ именно періодъ, столь печальный для него, я не могъ не сочувствовать ни его жалобамъ, ни удивляться его идеямъ, истино высокоимъ и великолѣпнымъ. Но прежде всего я злобство-

валь на эту золотую придворную толпу, которая подавляла его сердечными изліяніями при его отъѣздѣ, а теперь, при переѣздѣ вѣтра, съ забвеніемъ всякаго человѣческаго достоинства, бѣжала его. Сравнивая блестящій его отъѣздъ на Кавказъ съ печальнымъ его возвращеніемъ—я не могъ не болѣть душой за князя, который, какъ я видѣлъ, сильно страдалъ и часто, среди разговора, вдругъ останавливался и погружался въ продолжительное размышленіе. У меня при подобныхъ случаяхъ, не рѣдко повторявшихся, невольно являлось опасеніе за свѣжесть его головы.

Князь сильно сѣтовалъ на князя Воронцова и приводилъ многія доказательства его коварства, которыя, конечно, я уже не помню. Впрочемъ, достаточно и того уже, что тотчасъ, по отъѣздѣ князя Александра Ивановича въ Петербургъ, князь Воронцовъ назначилъ безъ всякаго его желанія, и даже безъ предувѣдомленія его, новаго полковаго командира на его мѣсто, оставивъ, такимъ образомъ, князя между небомъ и землею, безъ всякой, какъ нынѣ говорится, почвы. Изъ многихъ разсказовъ князя я убѣдился, что недовѣріе, которое одолевало его въ отношеніи князя Воронцова, при отъѣздѣ на Кавказъ, и котораго я никакъ не могъ понять, вполне оправдалось. Князь приводилъ различные случаи, въ которыхъ князь Воронцовъ, любезно улыбаясь, въ то же время душилъ того, съ кѣмъ любезничалъ. На Кавказѣ извѣстна исторія его съ Копьевымъ, котораго онъ пригласилъ обѣдать, осыпалъ любезностями, и который, по возвращеніи домой, тотчасъ былъ арестованъ по его приказанію. Князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ, что у князя Воронцова была особая улыбка, которой весь Кавказъ трепеталъ. «Если напріемъ онъ прошелъ мимо васъ», — говорилъ князь, — «и не обратилъ на васъ вниманія, можете спать спокойно; но если онъ смотрѣлъ на васъ и улыбнулся вамъ, васъ ждетъ бѣда навѣрно». Князь разсказывалъ, что, по милости князя Воронцова, его всѣ обошли наградами. Онъ любилъ разсматривать памятную книжку и списокъ военныхъ лицъ, и объяснять мнѣ, кто былъ моложе, а теперь перегналъ его по мѣстамъ или наградамъ. «Совѣстно во дворецъ пріѣхать», — прибавлялъ князь, — «всѣ въ лентахъ, звѣздахъ; я только одинъ, какъ оципанный пѣтухъ!» Однажды, выслушивая подобныя сѣтованія, я сказалъ ему:

«развѣ нельзя вамъ, ваше сіятельство, прямо объяснитьсь съ княземъ, не какъ полковой или бригадный командиръ съ главнокомандующимъ, а какъ князь Барятинскій съ княземъ Воронцовымъ? Мнѣ кажется это лучшимъ средствомъ, чтобы разсѣять непріятныя недоумѣнія, которыя между вами существуютъ». — «Боже мой!» — отвѣчалъ князь, — «развѣ я не пробовалъ. Онъ сейчасъ бросится на шею, начнетъ увѣрять, что высоко ставить меня и что я не знаю, къ чему онъ готовитъ меня».

Понятно, что, не имѣя тамъ, на Кавказѣ, твердой почвы, князь Александръ Ивановичъ болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ былъ дорожить отношеніями ко двору; но отношенія эти, по всѣмъ признакамъ, были еще болѣе въ плачевномъ положеніи. Какія именно объясненія были у него съ государемъ, я, конечно, не знаю; но сущность ихъ, хотя частію, не трудно было угадать уже потому, что весь придворный міръ отъ него отшатнулся и, кажется, забылъ дорогу къ его Сергіевскому дому, нѣкогда столь часто посѣщаемому сильными міра сего. Впрочемъ, нерасположенія къ нему государя самъ князь Александръ Ивановичъ не скрывалъ и сильно колебался въ мысляхъ относительно будущаго своего назначенія, не видя ничего утѣшительнаго ни здѣсь, ни на Кавказѣ. Во время подобныхъ колебаній я сказалъ однажды князю: «Развѣ дружба къ вамъ наслѣдника тутъ ничего не можетъ сдѣлать?» — «Наслѣдникъ по-прежнему добръ ко мнѣ», — отвѣчалъ князь, и вы видите, что я каждое утро ѣзжу къ нему; онъ при мнѣ, какъ старомъ адъютантѣ, и одѣвается, да что же изъ этого? Я и государя ежедневно вижу, когда онъ приходитъ къ наслѣднику. Взглянетъ на меня, скажетъ: «здравствуй, черкесь!» и только. Видно было, что князь, какъ говорится, не зналъ, куда податься. Онъ часто рассказывалъ мнѣ, что тотъ или другой корпусный командиръ предлагаетъ ему то или другое мѣсто, и эти предложенія, казалось, очень его занимали.

Между тѣмъ, время шло, и князь постоянно развивалъ мнѣ свои воззрѣнія на устройство общественнаго нашего быта, образованіе нашей администраціи и касался почти всѣхъ государственныхъ вопросовъ. Я положительно изумлялся и силѣ его ума, и особенно той дивной, можно сказать, прозорливости, съ которою

онъ говорилъ о нашемъ духовенствѣ, какъ попъ, о нашихъ исправникахъ, какъ исправникъ. До такой поразительной степени онъ вѣрно проицалъ во всѣ практическія отношенія, въ которыхъ находится тотъ или другой вопросъ. Надобно сказать, что князь Александръ Ивановичъ съ молодыхъ лѣтъ обнаруживалъ уже самое серьезное направленіе. Такъ, въ началѣ моихъ сношеній съ нимъ, онъ сильно занимался вопросомъ о мѣрахъ къ пресѣченію непомѣрнаго увеличенія нашего дворянскаго сословія. Тогда, впрочемъ, вопросъ этотъ былъ моднымъ, и о немъ много писали, а еще болѣе говорили. Князь Александръ Ивановичъ былъ однимъ изъ сильныхъ ратоборцевъ въ этомъ дѣлѣ и усердно старался о примѣненіи къ намъ англійскихъ законовъ, въ этомъ отношеніи, опираясь на законъ Петра, установившій маіораты и потомъ отмѣненный Анною Іоанновною. Я помню множество статистическихъ таблицъ, составлявшихся по его порученію и доказывавшихъ, что всѣ сословія государства сольются въ одно дворянское сословіе, если своевременно не будутъ поставлены соотвѣтственныя тому преграды. Даже былъ составленъ по его идеямъ и подъ его руководствомъ подробный проектъ по этой части и представленъ наслѣднику, а отъ него государю.

Проектъ этотъ, сколько помню, имѣлъ цѣлю возстановленіе маіоратовъ и предоставленіе неслужащимъ владѣльцамъ различныхъ правъ и привилегій, на томъ основаніи, что, живя въ своихъ владѣніяхъ и управляя ими, каждый изъ нихъ также приноситъ государству пользу. Князь находилъ чрезвычайно несообразнымъ, что военный офицеръ самаго простаго происхожденія имѣетъ пріѣздъ ко двору, а владѣлецъ 20 т. душъ его не имѣетъ. По этому проекту государь, жалуя дворянское достоинство за государственныя заслуги, соединялъ это пожалованіе съ пожалованіемъ имѣній, такъ, чтобы каждый дворянинъ могъ дѣйствительно имѣть средства для поддержанія дворянскаго достоинства. Впрочемъ, всѣхъ подробностей этого проекта я не помню, знаю только изъ словъ князя, что онъ былъ переданъ государемъ въ то учрежденіе, гдѣ выработался законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Когда законъ этотъ вышелъ, то хотя онъ въ значительной степени удовлетворялъ англійскимъ идеямъ, тѣмъ не менѣе князь остался имъ недово-

лень, потому что законъ этотъ допускалъ переходъ заповѣдныхъ имѣній въ женскую линію, когда существовали въ томъ же родѣ лица мужскаго пола. Князь много разъ доказывалъ мнѣ, что женщина родовой крови не передаетъ, основываясь на данныхъ, представляемыхъ наукою. «Можно ли допустить», — говорилъ князь, — чтобы какая-нибудь дѣвчонка, влюбившись въ какого-нибудь танцмейстера, принесла ему и заповѣдное имѣніе, и фамилію князя Бярятинскаго, въ то время, когда существуютъ настоящіе кровные князья Бярятинскіе? Дѣти танцмейстера будутъ богаты и носить знатную фамилію, а настоящіе Бярятинскіе будутъ ходить безъ штановъ». Князь считалъ это величайшей ошибкой въ нашемъ законодательствѣ и допускалъ женщинъ къ наслѣдству въ заповѣдныхъ имѣніяхъ тогда только, когда на землѣ не останется ни одного мужчины изъ рода Бярятинскихъ. Это убѣжденіе, какъ увидимъ ниже, онъ и примѣнилъ въ послѣдствіи къ своему заповѣдному имѣнію.

Постоянныя, почти ежедневныя, наши разсужденія сблизили насъ въ величайшей степени, такъ что князь не одинъ разъ говорилъ мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова: «Между нами будетъ союзъ. Если вамъ счастье повезетъ, помогайте мнѣ; если я пойду вверхъ, что конечно, вѣроятнѣе, я буду тащить васъ». Иногда, касаясь своего неблестящаго положенія, князь говорилъ: «Надо имѣть терпѣніе. Многіе дѣлаютъ большую ошибку, оставляя службу при малѣйшемъ непріятномъ столкновеніи. Часто нѣсколько лѣтъ не везетъ, и одинъ годъ все поправляетъ. Я посвятилъ себя службѣ и буду служить. Князь Владиміръ, напротивъ, долженъ бросить службу и жить въ своемъ прекрасномъ имѣніи». Къ сожалѣнію, должно сказать, что только первая часть словъ князя Бярятинскаго оправдалась. Послѣ мрачныхъ тучъ, висѣвшихъ надъ нимъ, карьера его освѣтилась великолѣпнымъ свѣтомъ. Но князь Владиміръ не сдѣлался помѣщикомъ, въ чемъ лично его нельзя винить: послушный всегда волѣ князя, по своей ли ограниченности, или по привычкѣ, онъ и въ этомъ случаѣ не рѣшился бы идти противъ его наставленій. Но у него была супруга, урожденная княжна Чернышева, обладавшая совершенно другимъ характеромъ. Она, послѣ перваго посѣщенія имѣнія, возненавидѣла и самое имѣніе, и еще

болѣе мысль закабалиться въ немъ. Слабому князю ничего не оставалось, какъ повиноваться своей бойкой и своенравной супругѣ.

Изъ постоянныхъ и продолжительныхъ разговоровъ нашихъ съ княземъ образовались для меня обширныя и непривычныя работы. Я исписалъ горы бумаги, стараясь, по желанію князя, изложить его разнообразныя идеи. Вотъ одно изъ писемъ его ко мнѣ того времени.

«Любезнѣйшій Василій Антоновичъ! разговоръ вчерашній оставилъ во мнѣ пріятное убѣжденіе, что вы вполне раздѣляете со мною мысли о причинахъ, породившихъ безнравственность въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Не стѣсня васъ во времени, обращаюсь къ вамъ съ просьбою употребить досужее ваше время для краткаго очерка сего интереснаго разговора, т. е., въ предположеніи извѣстнаго намъ всѣмъ зла—открыть причины, его породившія, и средства исправленія, предоставивъ сей переворотъ природному и священному началу семейному, которое должно усовершенствовать новое поколѣніе, исправляя и удерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и старое отъ порока. Сдѣлайте краткій очеркъ этому искуснымъ перомъ вашимъ, и я вамъ буду премного благодаренъ, оны послужитъ мнѣ канвою къ большому развитію предмета...»

Изъ черновыхъ моихъ бумагъ видно, что, кромѣ сочиненія на эту тему, если только можно назвать мое маранье сочиненіемъ, было много другихъ задачъ, дурно ли, хорошо ли, исполненныхъ по желанію князя. Такъ, напримѣръ, я исписалъ большую тетрадь о причинахъ и вредѣ развитія нашей бюрократіи; еще ббльшая тетрадь употреблена на разсужденіе о средствахъ умиротворенія кавказскихъ горцевъ и т. п. Не придавая этимъ произведеніямъ никакой цѣны, я долженъ сказать, что они составляли для меня истинно головоломную работу. Каждое изъ произведеній подраздѣлялось на многіе частныя отдѣлы. Такъ, напримѣръ, сочиненіе о горцахъ, послѣ обширнаго введенія, заключало въ себѣ слѣдующія части: 1) Положительное выраженіе видовъ правительства. 2) Развитіе между горцами убѣжденія о справедливости законовъ и выгодахъ общественнаго устройства въ нашемъ государствѣ. 3) Поддержаніе нашего вліянія на нихъ роскошью и богатствомъ. 4) Организанія управленія, примѣннаго къ мѣстнымъ обычаямъ. 5) Прекращеніе сообщеній съ немирными горцами. 6) Примѣненіе системы военныхъ дѣйствій къ мѣстнымъ условіямъ...

Хотя во всѣхъ этихъ произведеніяхъ заключались драгоценныя мысли самого князя и я былъ только простымъ редакторомъ, тѣмъ не менѣе, я не рѣшаюсь позволить себѣ приводить не только полное ихъ изложеніе, но даже и отрывки изъ нихъ, сколько потому, что существо ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ моимъ простымъ рассказамъ, столько же, и еще болѣе, изъ опасенія проявить чуждую мнѣ претензію изобразить изъ себя сочинителя. Прибавлю только, безъ всякаго преувеличенія, что князь постоянно оставался чрезвычайно доволенъ моими работами и удивлялся моимъ способностямъ.

Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ какомъ-либо преувеличеніи съ моей стороны можетъ быть устранено тѣмъ простымъ фактомъ, что князь, какъ только получилъ возможность, тотчасъ увлекъ меня къ себѣ на Кавказъ, несмотря даже на все мое противодѣйствіе. Есть и другой фактъ, о которомъ я нахожу теперь своевременнымъ сказать: это его по истинѣ царскія награды, которыми онъ меня осыпалъ. Какъ только кончился пятилѣтній періодъ моихъ занятій его дѣлами, онъ самъ написалъ мнѣ съ Кавказа, изъ укрѣпленія Хасавъ-Юртъ, отъ 27-го мая 1848 года, письмо, гдѣ сказано: «Считаю за особенное удовольствіе благодарить васъ за ваши труды и успѣхи и приказать выдать вамъ 25 т. руб. ассигнаціями, какъ по условію нашему значитя». При передачѣ имѣнія князю Владиміру, т. е. чрезъ полтора года, князь Александръ Ивановичъ назначилъ мнѣ снова 25 т. руб. ассигнаціями. Потомъ, при отъѣздѣ его на Кавказъ, въ маѣ 1850 года, т. е. чрезъ нѣсколько недѣль, онъ подарилъ мнѣ Саратовскую землю 2.000 дес., совершенно отдѣльную отъ прочихъ имѣній, которую я потомъ продалъ за 70 т. руб. ассигн. Эти три подарка и составили основаніе моему матеріальному благосостоянію.

Между тѣмъ какъ шли наши работы, личное положеніе князя Александра Ивановича нисколько не улучшалось, и онъ продолжалъ скучать и сѣтовать, не имѣя никакого назначенія. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, князь получаетъ отъ военнаго министра, князя Чернышева, письмо, въ которомъ, по высочайшему повелѣнію, онъ спрашиваетъ князя: при какомъ изъ корпусовъ онъ желаетъ состоять — Новгородскомъ или Кавказскомъ? Я былъ у князя

при полученіи этого письма и былъ свидѣтелемъ едва-ли не самой тягостной минуты въ его жизни. Прочитавъ письмо, онъ оставался нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости, потомъ со слезами сказалъ: «Неужели я не заслужилъ, чтобы со мной такъ не поступали?» Видно было, что письмо это глубоко его поразило и оскорбило. Я стоялъ безмолвно и видѣлъ по лицу князя, какъ онъ страдалъ. «Однакожь надо отвѣчать; только я не знаю что», — сказалъ князь. Потомъ чрезъ нѣсколько минутъ прибавилъ: «Вы знаете, что мнѣ на Кавказъ возвращаться незачѣмъ». Я видѣлъ, что князь рѣшительно разстроенъ и что между тѣмъ настоящая минута должна имѣть вліяніе на всю его будущность, и потому рѣшился энергически высказать ему свои убѣжденія. Смыслъ моей рѣчи былъ тотъ, что ему переходить въ Новгородскій или какой-нибудь другой корпусъ рѣшительно нѣтъ никакого основанія; что Кавказъ, которому онъ отдалъ уже столько лѣтъ службы и гдѣ его всѣ знаютъ, оставлять онъ не долженъ, и что недоразумѣнія съ княземъ Воронцовымъ, если бы и не разсѣялись рано или поздно, все-таки не составляютъ достаточно сильной причины для того, чтобы князь свернулъ съ поприща, которому отдалъ уже столько любви, трудовъ и времени. Конечно, не столько мои доводы, мое краснорѣчіе, сколько растерянное положеніе князя, произвели то, что, безстрастно выслушавъ меня, онъ равнодушно отвѣчалъ: «Быть можетъ, вы правы. Ну, пожалуйста, сочините мнѣ отвѣтъ и продиктуйте мнѣ». Я съ радостію схватилъ перо и мгновенно начерталъ проектъ отвѣта такого содержанія, что князь готовъ съ благоговѣніемъ принять всякое назначеніе, какое государю угодно будетъ ему сдѣлать; но если онъ долженъ непремѣнно самъ выразить свое желаніе, то онъ предпочитаетъ кавказскую службу и т. п. Когда я прочиталъ этотъ проектъ князю, онъ съ грустною улыбкою сказалъ: «Прекрасно—давайте переписывать». Князь усѣлся за письменный столъ, а я приготовился диктовать ему. Но мы были такъ взволнованы оба, что первый экземпляръ былъ испорченъ, потому что я что-то перевралъ; другой—потому, что князь чего-то не дослушалъ и сдѣлалъ пропускъ. Между тѣмъ мы знали, что отвѣтъ князя будетъ представленъ подлинникомъ государю, и потому не рѣшались пустить его съ поправками. Только съ третьимъ экземпля-

ромъ мы управились кое-какъ; запечатали и отправили его. Послѣдствіемъ всего этого было назначеніе его состоять при Кавказскомъ корпусѣ, послѣдовавшее въ маѣ 1850 года.

Боже мой! Какіе грустные на этотъ разъ были сборы и проводы князя на Кавказъ и какъ не похожи они были на проводы, шумные и блестящіе, предшествовавшаго отъѣзда. Я купилъ ему у одного изъ каретниковъ маленькую готовую коляску, въ которой на скорую руку придѣланы были нѣкоторыя дорожныя принадлежности. Въ этомъ скромнѣйшемъ изъ экипажей, съ однимъ только камердинеромъ, князь отправился въ знакомый путь. Никто, конечно, ни онъ самъ, не могли предвидѣть, что въ этомъ не блестящемъ экипажѣ князь отправился ни болѣе, ни менѣе, какъ за фельдмаршальскимъ жезломъ.

Г Л А В А VIII.

Колебаніе моей собственной карьеры. — Переговоры обо мнѣ князя Александра Ивановича съ княземъ Чернышевымъ и холодный его отзывъ. — Нападеніе на Буткова. — Личность этого замѣчательнаго человѣка. — Страшная и неожиданная для меня катастрофа. — Царь смѣшалъ меня съ другимъ. — Мой двойникъ. — Безсиліе наслѣдника, герцога Лейхтенбергскаго, князя Чернышева, князя Орлова, Буткова, Барятинскаго разсѣять гибельное недоумѣніе. — Приглашеніе меня на балъ великой княгини Маріи Николаевны. — Полная безнадѣжность возстановить мою карьеру. — Письмо мое князю Александру Ивановичу на Кавказъ.

Едва-ли нужно говорить, что прежде отъѣзда князя Александра Ивановича, въ числѣ различныхъ толковъ съ нимъ, заходила рѣчь и о моей дальнѣйшей будущности. Выше я сказалъ уже, что я рѣшился совершенно уклониться отъ занятій частными дѣлами, какъ у князя Владиміра Ивановича, такъ и у всевозможныхъ князей и графовъ. Вслѣдствіе различныхъ отзывовъ о моихъ способностяхъ, о моей даровитости, которыми меня осыпали, я не могъ уже не чувствовать нѣкоторой самоувѣренности и понималъ, что, если мнѣ удастся попасть на хорошую дорогу—я могу уйти далеко.

Въ моментъ передачи имѣнія князю Владиміру, князь Черны-

шевъ, почтенный тесть его, былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Я зналъ, что князь Чернышевъ не оставался равнодушнымъ къ такому неожиданному обогащенію своего зятя и своей дочери, ибо принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ вопросахъ, сюда относящихся. Я воображалъ, что за такую любезную услугу со стороны князя Александра Ивановича, князь Чернышевъ, вѣроятно, не рѣшится отказать ему въ единственной просьбѣ въ мою пользу. Всѣ эти комбинаціи я передалъ князю Александру Ивановичу и просилъ его помощи въ устройствѣ меня въ Государственномъ Совѣтѣ или Комитетѣ министровъ, гдѣ, какъ говорится, я надѣялся людей посмотрѣть и себя показать. Князь никогда и ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ, хотя надо и то замѣтить, что я обращался къ нему съ просьбами весьма рѣдко и только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Настоящій случай былъ именно таковъ и могъ выдвинуть меня далеко, далеко. Князь съ полною готовностью вызвался переговорить съ княземъ Чернышевымъ, хотя это было не такъ-то легко, и жена князя Владиміра, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ знавшая свойства своего отца, должна была, именно съ этою цѣлію, сочинять у себя нѣсколько обѣдовъ. Многие изъ этихъ обѣдовъ пропали даромъ, потому что, хотя великолѣпный и важный князь Чернышевъ присутствовалъ на нихъ, но главная заговорщица, жена Владиміра, не совѣтовала, по какимъ-нибудь признакамъ, начинать разговора, успѣшный результатъ котораго былъ такъ важенъ для меня, и для всѣхъ, кто принималъ во мнѣ участіе.

Теперь могутъ показаться странными и почти невѣроятными эти таинственныя и боязливыя приготовленія со стороны дочери относительно отца, со стороны зятя относительно своего тестя. Но, во-первыхъ, я говорю, то, что передавалъ мнѣ князь Александръ Ивановичъ, а во-вторыхъ, тогда это не было нисколько ни странно, ни удивительно. Подобно тому, какъ покойный государь ¹⁾, по общимъ отзывамъ людей, которые могли это знать, оставался царемъ и въ своей семьѣ, такъ точно и величавый князь Чернышевъ не сбрасывалъ своего величія въ кругу своихъ родныхъ. «Какое

---

¹⁾ Николай Павловичъ.

попъ, таковъ и приходъ» — гласить пословица. Какъ скоро нынѣшній государь ¹⁾ явилъ въ себѣ идеалъ простоты и доброты, такъ и вокругъ его все стало просто. Подлѣ покойнаго государя стоялъ великолѣпный Чернышевъ, для котораго ежедневныя свиданія съ государемъ были высшимъ залогомъ и проявленіемъ его силы и величія; подлѣ нынѣшняго государя, на мѣстѣ Чернышева, сталъ простѣйшій изъ простыхъ смертныхъ, Милютинъ, который рѣшился сказать государю, что онъ находитъ бесполезнымъ являться къ нему ежедневно, и что личные доклады его государю, безъ вреда, можно уменьшить на половину.

Какъ бы то ни было, но важное для моей судьбы объясненіе князя Александра Ивановича съ княземъ Чернышевымъ наконецъ состоялось, но не имѣло никакихъ существенныхъ послѣдствій. По словамъ князя, онъ выразилъ князю Чернышеву, что хотя онъ очень интересуется моею судьбою, но что; предлагая меня для службы въ Государственномъ Совѣтѣ или Комитетѣ министровъ, онъ полагаетъ доставить этимъ высшимъ учрежденіямъ несомнѣнную пользу, давая имъ человѣка замѣчательнаго и достойнаго. Князь Чернышевъ отвѣчалъ: «Я много слышалъ прекрасныхъ отзывовъ о г. Инсарскомъ и нисколько не сомнѣваюсь въ его способностяхъ и достоинствахъ; но въ моемъ высокомъ положеніи я не могу лично опредѣлить его въ Государственный Совѣтъ или Комитетъ министровъ. Если онъ сойдется съ Бахтинымъ (который былъ тогда государственнымъ секретаремъ), или Бутковымъ (бывшимъ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ), и они представляютъ мнѣ соотвѣтственные доклады, я съ удовольствіемъ сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть». Послѣ такого величаваго отзыва ничего не оставалось, какъ опрокинуться на Буткова, что и было исполнено заговорщиками. Князь Александръ Ивановичъ, уѣзжая изъ Петербурга, возложилъ все это дѣло на князя Владиміра и строго подтвердилъ ему, чтобы оно непременно было сдѣлано.

О Бутковѣ существовали различныя мнѣнія. Одни говорили, что онъ не что иное, какъ хорошій чиновникъ, другіе называли его ретроградомъ, третьи замѣчали, что онъ не имѣетъ достаточнаго

---

¹⁾ Александръ II.

образованія для своего положенія. Большинство, однакоже, было, кажется, на его сторонѣ. Я смѣло и рѣшительно утверждаю, что это былъ наиболѣзньѣйшій человѣкъ въ государственномъ отношеніи и наилюбезнѣйшій господинъ въ отношеніи общественномъ. Въ крестьянской реформѣ онъ принималъ самое дѣятельное и просвѣщенное участіе; въ реформѣ судебной онъ былъ главнымъ двигателемъ и предсѣдательствовалъ въ комиссіи, которая разработала и совершила это дѣло, несмотря на то, что въ то же время существовали министры юстиціи, дѣйствующіе и отставные, и различныя личности съ огромнымъ юридическимъ авторитетомъ. Что касается до отношеній его къ кавказскому управленію, по званію его управляющаго дѣлами кавказскаго комитета, то я, будучи нѣсколько лѣтъ однимъ изъ значительныхъ лицъ въ составѣ этого управленія, могу съ полнымъ знаніемъ дѣла сказать, что по этой части онъ дѣлалъ все, чего только можно было ожидать отъ умнаго, просвѣщеннаго и дѣловаго человѣка. Нѣкоторые, безъ сомнѣнія, полагаютъ, что его видное положеніе происходитъ отъ умѣнія его держаться и что значительная доля этого умѣнья заключается въ подлипальствѣ предъ сильными міра сего; но Заблоцкій, старшій мой пріятель, человѣкъ въ высшей степени умный, бывшій впоследствии статсъ-секретаремъ лично и статсъ-секретаремъ по Государственному Совѣту, говорилъ мнѣ очень подробно и положительно, что Бутковъ постоянно держалъ себя какъ съ членами Государственнаго Совѣта, такъ особенно съ министрами, не только независимо, но даже сурово и что не онъ съ ними, а они съ нимъ любезно заигрывали. Тотъ же Заблоцкій особенно высоко цѣнилъ въ Бутковѣ ту замѣчательную черту, что, принадлежа самъ, по своему образу мыслей, къ числу консерваторовъ, онъ нисколько не боялся, а тѣмъ менѣе тѣснилъ такъ называемыхъ красныхъ. Напротивъ, онъ охотно употреблялъ ихъ въ дѣло, если только это были люди способные и даровитые. «Лучшее доказательство я самъ», — прибавлялъ Заблоцкій, — «меня всѣ считаютъ краснымъ, а я не могу достаточно нахвалиться моими отношеніями къ Владиміру Петровичу».

Что касается до общественныхъ отношеній Буткова, то кто не зналъ постоянной, неизсякаемой готовности его дѣлать всякое добро, если только онъ могъ его сдѣлать. Безъ преувеличенія можно

*

сказать, что въ чиновномъ мірѣ мало было людей, которымъ бы онъ не оказалъ той или другой услуги. Однимъ изъ выраженій общей любви и привязанности къ нему могли служить безчисленные листы, исписываемые въ его передней безчисленными фамиліями въ дни визитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ государственный человѣкъ не могъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи. Всегда занятый дѣломъ и по натурѣ своей нѣсколько торопливый, онъ желалъ только, чтобы какъ можно скорѣе и короче высказывали просьбу. Часто, чтобы ускорить эту быстроту и краткость, онъ старался самъ угадать просьбу и выходилъ къ просителю съ словами: «Знаю, знаю, вы желаете того-то, постараюсь; зайдите черезъ нѣсколько дней». И это не было одною изъ пустѣйшихъ фразъ, на которыхъ любили выѣзжать многія значительныя лица; онъ всегда дѣлалъ и исполнялъ все то, что говорилъ. Само собою разумѣется, что отъ этой оригинальной краткости происходили иногда комическія явленія. Случалось, что проситель, приготовясь изложить какую-нибудь скромную просьбу, видѣлъ, что Бутковъ, въ своемъ торопливомъ воображеніи, составилъ другую, несравненно въ лучшихъ и болѣе широкихъ размѣрахъ, и изъявляетъ готовность поддержать или исполнить ее. Не буду приводить нѣкоторыхъ анекдотовъ по этой части, а расскажу подобный случай, бывшій со мною самимъ. При первомъ моемъ отъѣздѣ на Кавказъ, жена моя съ дѣтьми, по обстоятельствамъ, которыя будутъ приведены ниже, должна была остаться въ Петербургѣ и отправиться послѣ. Въ какомъ-то театрѣ Бутковъ, увидѣвъ меня, приблизился ко мнѣ и сталъ спрашивать о днѣ моего отъѣзда. Между прочимъ я сказалъ ему: «Владиміръ Петровичъ! У меня есть къ вамъ просьба: семейство мое не можетъ ѣхать теперь со мною; оно отправится послѣ...» — «Что же, надо казенную подорожную», — перебилъ меня Бутковъ. — «Очень хорошо. Будетъ исполнено». — «Благодарю васъ покорно» — отвѣчалъ я. — «Подорожной не нужно, а нужно ваше покровительство, если бы, по какому-нибудь не предвидѣнному обстоятельству, оно понадобилось моей семьѣ». — «Съ величайшимъ удовольствіемъ», — сказалъ Бутковъ, — «увѣрьте вашу супругу, что я весь къ ея услугамъ».

Бутковъ, атакованный княземъ Владиміромъ, его женою, а главное женою самого Чернышева, которая хорошо понимала не-

возможность оставить просьбу князя Александра Ивановича без исполнения, далъ положительное обѣщаніе устроить меня въ Комитетѣ министровъ къ новому, т. е. 1851 году. Я терпѣливо ожидалъ и, зная хорошо, что другаго мѣста мнѣ не можетъ быть предназначено, какъ мѣсто начальника отдѣленія, считалъ себя совершенно довольнымъ и счастливымъ. Независимо отъ выгодной обстановки въ этомъ положеніи, на которую я болѣе всего рассчитывалъ, мѣсто начальника отдѣленія въ Комитетѣ министровъ полагается въ V классѣ, т. е. классомъ выше департаментскихъ начальниковъ отдѣленій. Такимъ образомъ, отношенія мои къ дѣламъ князя Александра Ивановича, положивъ основаніе, какъ выше сказано, матеріальному моему благосостоянію, въ то же время обѣщали и въ служебной іерархіи поднять меня на одну степень. Все предсказывало, что я буду отъ этихъ отношеній въ чистомъ выигрышѣ. Наконецъ, Бутковъ, въ концѣ года (1850) поставилъ меня въ извѣстность, что докладъ государю о моемъ опредѣленіи въ Комитетъ отправленъ уже князю Чернышеву. Впослѣдствіи оказалось, что одного изъ начальниковъ отдѣленій Комитета, Тарновскаго, бывшаго впослѣдствіи директоромъ канцеляріи министерства Императорскаго двора, Бутковъ возводилъ въ званіе помощника управляющаго дѣлами Комитета, а его вакантное мѣсто предоставлялъ мнѣ. Послѣ объявленія Буткова, казалось, не оставалось мѣста никакимъ сомнѣніямъ, и каждый на моемъ мѣстѣ, подобно мнѣ, предался бы розовымъ мечтамъ и тѣмъ наслажденіямъ, которыми надѣляется насъ каждое хорошее ожиданіе.

Въ числѣ выводовъ, выработанныхъ опытами моей разнообразной жизни, я пріобрѣлъ и тотъ, что въ жизни почти каждого есть полосы счастливыя и полосы несчастныя. Конечно, есть люди, безсовѣстно счастливые и упорно-несчастные — но это исключенія. Если бы не было слишкомъ приторно, я бы повторилъ здѣсь избыточное сравненіе переменъ въ положеніи людей съ переменами въ атмосферѣ: какъ за свѣтлыми днями наступаютъ ненастные, такъ и у людей за удачами слѣдуютъ неудачи. Такъ точно было и со мной. Все, что выше сказано, показываетъ, что доселѣ судьба дарила меня одними улыбками; теперь наступила скверная полоса и наступила сколько неожиданно, столько же и незаслуженно. Чтобъ

рельефнѣ изобразить ощущенія, которыя предстояло мнѣ испытать, надобно сказать, что въ концѣ того же 1850 г., мы потеряли ребенка, милую дѣвочку, нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Событіе это, для посторонняго глаза, не представляетъ, конечно, ничего особенно поразительнаго. У кого не умирали маленькія дѣти? Потеря нашего ребенка сопровождалась такими обстоятельствами, которыя придали этому, повидимому, неважному, событію особое значеніе. Достаточно, впрочемъ, сказать, что это была первая наша потеря; смерть въ первый разъ заглянула въ нашу семью, и, разумѣется, произвела особенно ужасающій эффектъ. Молодая жена моя впала въ глубочайшую тоску, которая не могла не отразиться и на мнѣ, и на всемъ семейномъ нашемъ бытѣ. Эти печальные дни тѣмъ болѣе были мрачны для насъ, что выпали на нашу долю среди веселыхъ рождественскихъ дней, когда весь петербургскій людъ утопалъ въ удовольствіяхъ и, казалось, мы одни занимались мрачными похоронными приготовленіями. Положивъ нашу малютку на Невскомъ кладбищѣ, подлѣ Крылова, этого друга всѣхъ малютокъ, мы продолжали страшно скучать, и только изрѣдка мысль о новомъ моемъ служебномъ устройствѣ, какъ свѣтлый лучъ, мелькала въ этомъ туманѣ.

Помню одинъ вечеръ, когда наша грустная бесѣда съ женой была прервана сильнымъ звономъ колокольчика. Вошелъ фельдъегерь и подалъ мнѣ слѣдующее письмо князя Владиміра: «Мнѣ необходимо нужно васъ видѣть завтра по утру, не позже 8¹/₂ часовъ утра. Я дежурный; то потрудитесь заѣхать ко мнѣ во дворецъ въ дежурную комнату. 30 декабря 1850 г.» Прочитавъ эти строки, я ни минуты не сомнѣвался, что князь Владиміръ, главный двигатель дѣла, спѣшитъ первый поздравить меня съ ожидаемымъ назначеніемъ. На другой день, почти до разсвѣта, я отправился во дворецъ, въ комнату, давно знакомую мнѣ, ибо я часто проводилъ въ ней цѣлые дни съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. Князь Владиміръ былъ уже въ полной формѣ и готовился идти къ наслѣднику. При моемъ появленіи, князь засыпалъ меня вопросами: «Занимались вы какими-нибудь дѣлами, кромѣ нашихъ?» — «Никогда и никакими» — отвѣчалъ я. — «Есть у васъ дома и дачи?» — спросилъ князь. — «Не было и нѣтъ», — отвѣчалъ я. — «Боже мой, что же это

значить?» Князь казался сильно встревоженнымъ и взволнованнымъ. «Вообразите, государь написалъ на докладѣ о васъ, что вы имѣете дома и дачи и не нуждаетесь въ государственной службѣ или что-то въ этомъ родѣ», — продолжалъ князь. Я мгновенно постигъ причину этой путаницы.

Въ Петербургѣ существовалъ другой Василій Антоновичъ Инсарскій! т. е. личность, которая имѣла имя, отчество и фамилію совершенно тѣ же самыя, какія принадлежали и мнѣ. Отъ этого происходило множество недоразумѣній; мои письма относились къ нему и наоборотъ; различныя личности обращались къ нему по моимъ дѣламъ, а ко мнѣ адресовались съ вопросами, ему принадлежащими. Въ знакомствахъ его и моихъ происходило страшное замѣшательство. Мои дѣйствія относились къ нему и наоборотъ. Однимъ словомъ, насъ постоянно смѣшивали одного съ другимъ. Очевидно, что такъ сдѣлалъ и государь. Я былъ лично знакомъ съ моимъ двойникомъ. Онъ также былъ уроженецъ Пензенской губерніи и появился здѣсь, въ Петербургѣ, совершеннымъ бѣднякомъ. Благонравіе, трудолюбіе и прекрасный почеркъ сдѣлали ему замѣчательную карьеру. Ему удалось какъ-то попасть въ писцы или въ домашніе секретари къ бывшему государственному казначею Голубцову. У Голубцова была какая-то дѣвочка, нѣчто въ родѣ воспитанницы, бывшая плодомъ любви знатнаго старика. Мой двойникъ плѣнилъ сердце этой дѣвочки и свелъ съ ней самыя интимныя сношенія. Купно съ ней—они обработали такъ дѣло, что, по кончинѣ бездѣтнаго Голубцова, имѣніе его, если не все, то большею частію, перешло, по какому-то завѣщанію, его воспитанницѣ, и Василій Антоновичъ, женившись на ней, вдругъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

Въ то же время онъ успѣлъ, ужъ не знаю какими средствами, прославиться дѣловымъ человѣкомъ, такъ что многіе значительные процессы переходили въ его руки, съ покорнѣйшею просьбою заняться ими. Такимъ образомъ, богатство его, основанное на состояніи Голубцова, сильно и быстро приращалось выгодами отъ этихъ процессовъ. У него были имѣнія въ Пензенской, Нижегородской и, кажется, Симбирской губерніяхъ, барскій домъ въ Петербургѣ, возлѣ Старообрядческой церкви, и прекрасная дача на

Петергофской дорогѣ. Дача эта перешла въ руки моего двойника на моихъ уже глазахъ слѣдующимъ, столь же оригинальнымъ, сколько и счастливымъ, образомъ. Въ Петербургѣ существовала какая-то княгиня Шаховская, урожденная — дочь разбогатѣвшаго придворнаго портнаго, фамилію котораго я уже забылъ. У этой княгини Шаховской было большое состояніе, но страшно запутанное. Различные адвокаты и повѣренные, которымъ она ввѣряла свои дѣла, постоянно ее обирали, такъ что она, однажды, со слезами обратилась къ моему двойнику и умоляла его помочь ей. Инсарскій согласился. Черезъ нѣсколько дней и прежде, нежели онъ успѣлъ сдѣлать для нея что-нибудь—она привозитъ къ нему, въ задатокъ, дарственную или купчую на прекрасную дачу свою на Петергофской дорогѣ съ огромнымъ пространствомъ земли. Эта-то дача, на которой не замедлило появиться имя Инсарскаго, по всей вѣроятности, и обратила на себя вниманіе покойнаго государя, постоянно проѣзжавшаго въ лѣтнее время по Петергофской дорогѣ, и дала ему мѣру моего богатства.

Сколько счастливъ былъ мой двойникъ въ своихъ внѣшнихъ, такъ сказать, дѣлахъ, столько былъ онъ несчастливъ въ своемъ семейномъ быту. Бывшая воспитанница Голубцова, сдѣлавшаяся супругою моего двойника, Маланья Михайловна, была какое-то полоумное и во всякомъ случаѣ отвратительное существо, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ свойствамъ. Маленькая, толстая, съ отталкивающей физиономіей, съ своими зелеными глазами, она своею уродливою наружностію наносила просто позоръ прекрасному полу. Надута была своимъ богатствомъ до безобразія и очень любила за обѣдомъ, при гостяхъ, повѣствовать о томъ, что все ихъ богатство ей принадлежитъ и что мужъ ея, самъ по себѣ, бѣдный и незначительный человѣкъ. Она постоянно мечтала объ аристократическихъ связяхъ и открыто говорила, что она съ радостью отдала бы половину состоянія, если бы старшую ея дочь сдѣлали фрейлиной. Въ то время мой двойникъ управлялъ дѣлами графа Апраксина, который, подобно всѣмъ аристократамъ, имѣющимъ въ комъ-либо нужду, находилъ полезнымъ для себя ласкать не только самого Инсарскаго, но и его дражайшую половину. На этомъ основаніи эта дура старалась постоянно, въ какомъ бы то

ни было разговорѣ, непременно вернуть-чтонибудь о свиданіи своемъ «съ графиничками».

Въ дѣтяхъ ихъ тоже не было проку. Старшій изъ сыновей, котораго мы звали «Федей», какъ только вышелъ въ офицеры, сдѣлался страшнымъ кутилой и мотомъ, такъ что отецъ долженъ былъ публиковать, что долговъ его онъ платить не будетъ. Этотъ Федя былъ бойкій и умный мальчикъ и былъ страшнымъ любимцемъ матери, глупое баловство которой и было причиной его безпутства и ранней гибели. Холера сразила его, среди какого-то шумнаго пиршества. Второй сынъ, Александръ, былъ дотога ограниченъ, вялъ и робокъ, что въ домѣ онъ имѣлъ видъ какого-то загнаннаго существа, на которое рѣшительно никто не обращалъ никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе, придя въ возрастъ, онъ неожиданно вбунтовался противъ родительской власти и чуть ли не самовольно отправился на Кавказъ, гдѣ и поступилъ въ знаменитый Нижегородскій драгунскій полкъ. Дослужившись до офицера, онъ былъ переведенъ, по протекціи графа Апраксина, въ кавалергарды, откуда впрочемъ скоро вышелъ. Дочери отданы были замужъ, далеко, впрочемъ, не такъ блистательно, какъ ожидала и желала ихъ глупая маменька. Старшая изъ нихъ, Ольга, сошла съ ума, а вторая, Анна, скоро умерла. Самъ Инсарскій умеръ, кажется, въ 1859 году, при чемъ произошло новое и уже окончательное смѣшеніе со мною.

Въ концѣ этого же года я пріѣхалъ съ княземъ, уже въ то время фельдмаршаломъ, въ Петербургъ. Кавказцы, находившіеся здѣсь и ожидавшіе моего пріѣзда, постоянно справлялись: пріѣхалъ я или нѣтъ? Одинъ изъ нихъ отправился за подобною справкою въ адресный столъ. Чиновникъ, который розыскивалъ фамилію Инсарскаго, объявляетъ кавказцу: «г. Инсарскій жилъ въ своемъ домѣ, въ Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ». Кавказецъ спрашиваетъ: «Гдѣ же теперь онъ живетъ?» — «Онъ умеръ» — отвѣчаетъ тотъ. Изумленный кавказецъ беретъ адресъ, отправляется въ Грязную, отыскиваетъ домъ и начинаетъ изслѣдовать: дѣйствительно ли здѣсь жилъ Василій Антоновичъ? Ему даютъ утвердительные отвѣты и прибавляютъ, что только надняхъ онъ умеръ. Кавказецъ спрашиваетъ: можно ли видѣть супругу покойнаго, предполагая въ

ней мою жену, которую онъ лично зналъ. Послѣ предварительнаго доклада его вводятъ во внутреннія комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ появляется предъ нимъ совершенно незнакомая ему женщина съ заплаканными глазами. Оба они съ недоумѣніемъ смотрятъ другъ на друга. Кавказецъ повторяетъ, что онъ желалъ бы видѣть супругу Василя Антоновича. Меланья Михайловна, конечно, скоро поняла, по бывшимъ опытамъ, что мужа ея снова смѣшали со мною, что, конечно, повело къ странному и несовсѣмъ ловкому съ незнакомымъ кавказцемъ объясненію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что на мои глаза мой двойникъ казался весьма порядочнымъ, пріятнымъ и весьма не глупымъ господиномъ, и я никогда не могъ думать, чтобы смѣшеніе меня съ нимъ могло имѣть тѣ, можно сказать, страшныя послѣдствія, которыя такъ пагубно отразились на моей служебной карьерѣ.

Когда князь Владиміръ Ивановичъ объявилъ мнѣ грозное рѣшеніе грознаго царя, я, постигнувъ мгновенно причину, отъ которой оно произошло, былъ совершенно покоенъ, въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что какъ скоро недоумѣніе разсѣется, то и мое положеніе возстановится и еще, быть можетъ, въ лучшемъ видѣ. Я испытывалъ даже какое-то чувство самодовольствія, что великій государь оставилъ на моей незначительной личности свое вниманіе, и ожидалъ, что, при предстоящихъ объясненіяхъ и разъясненіяхъ, что я не тотъ, за кого меня принимаютъ, личность моя сдѣлается положительно извѣстною государю, а такъ какъ я никакихъ грѣховъ за собою не чувствовалъ, то извѣстность эта, кромѣ чистой пользы, ничего другаго мнѣ принести не можетъ. Въ этихъ увлекательныхъ мечтахъ, я передалъ князю, краткими чертами, сущность того, что я выше рассказалъ о моемъ двойникѣ, владѣющемъ домами и дачами, которые государь предположилъ принадлежащими мнѣ. «Прекрасно,—сказалъ князь,—останьтесь здѣсь, пейте чай и ждите меня, а я иду къ наслѣднику и все ему объясню». Я дѣйствительно началъ расправляться съ чаемъ, поданнымъ на роскошномъ сервизѣ, и спокойно сталъ ждать князя. Никакой тревожной мысли мнѣ въ голову не приходило, напротивъ, мнѣ было пріятно, что князь Владиміръ говоритъ обо мнѣ наслѣднику, а потомъ наслѣд-

никъ будетъ говорить государю. Дѣйствительно, князь, возвратившись, сказалъ мнѣ, что онъ передалъ все наслѣднику, и наслѣдникъ общался въ тотъ же день переговорить съ государемъ. Выѣстъ съ тѣмъ князь просилъ меня не разглашать всей этой катавасіи потому, что ни самъ князь Чернышевъ, ни Бутковъ ему ничего не говорили о резолюціи государя, а что все это княгиня Чернышева передала секретно своей дочери, женѣ князя Владимира, а она уже ему. Въ заключеніе князь прибавилъ, что, такъ какъ въ тотъ же день, т. е. 31 декабря, долженъ быть какой-то съѣздъ во дворцѣ, то онъ вѣроятно скоро узнаетъ, что произойдетъ.

Отправившись изъ дворца, я сталъ размышлять, что въ этомъ высокомъ столкновеніи, въ которое меня поставила судьба, если и можно ожидать хорошаго результата, то съ равною вѣроятностью можно рассчитывать и на результатъ самаго отвратительнаго свойства. Песчинка можетъ ли рассчитывать съ увѣренностью, что Борей, въ своемъ грозномъ дуновеніи, будетъ церемониться съ ней? Мнѣ пришли на память анекдоты, свидѣтельствующіе, что покойный государь не любилъ сознавать за собою ошибокъ и что самыя вопіющія изъ нихъ не могли быть исправлены никакими человѣческими усиліями. Воспріимчивый, нервный, жолчный, я скоро совершенно погрузился въ мрачныя мысли и соображенія. Меня мучило особенно то обстоятельство, почему князь Чернышевъ не сказалъ объ отзывѣ государя ни одного слова своему зятю, князю Владимиру, а Бутковъ, главный двигатель дѣла, не увѣдомилъ о положеніи его ни князя, ни меня. Въ этомъ молчаніи я начиналъ предчувствовать зловѣщія предзнаменованія. Съ этимъ тяжелымъ предчувствіемъ я возвратился домой и, войдя въ кабинетъ, прежде всего, замѣтилъ на письменномъ моемъ столѣ распечатанную записку слѣдующаго содержанія: «Нельзя ли вамъ, почтеннѣйшій Василій Антоновичъ, сегодня въ 11 часовъ утра заѣхать ко мнѣ. Мнѣ надо съ вами поговорить. Душевно преданный. В. Бутковъ. 30 декабря 1850 года».

Я не понималъ, почему эта записка распечатана и пришла такъ поздно, т. е. утромъ 31-го декабря, тогда какъ я приглашался ею, для переговоровъ съ Бутковымъ, въ 11 часовъ утра 30-го декабря. Домашніе мои объяснили мнѣ, что она доставлена отъ моего двой-

ника съ извиненіемъ, что онъ ее распечаталъ на томъ основаніи, что она была адресована въ собственный его домъ, въ Грязной, у Старообрядческой церкви, что дѣйствительно и значилось на пакетѣ. Никогда подобное недоумѣніе не было менѣ кстати, и оно окончательно смутило мои, и то не веселыя, мысли. По ходу событіи я начиналъ уже положительно предчувствовать, что судьба намѣревается проучить меня и сыграть со мною злую шутку. Мнѣ представлялось, что подумаетъ Бутковъ, не видѣвъ меня лично, согласно его требованію, и не получивъ даже отъ меня никакого отвѣта. Еще болѣе рельефно представлялось мнѣ, какъ было бы полезно своевременное мое свиданіе съ нимъ и какъ вредно для меня, что это свиданіе и мои личные съ нимъ переговоры не состоялись именно въ ту минуту, когда это было такъ нужно. Кромѣ того, я хорошо знаю, какъ сильно занять Бутковъ, какъ драгоценно для него время и какъ трудно поймать его, не говоря уже о томъ, что это было бы теперь, быть можетъ, бесполезно. Я просто не зналъ, что дѣлать и на что рѣшиться, и испытывалъ тяжелыя минуты. Результатомъ моихъ размышленій было, однако, то, что я отправился къ Буткову съ тою цѣлью, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать ближе истинное положеніе дѣла и объяснить ему, почему я не могъ явиться къ нему въ назначенное имъ время. Прежде, нежели я доѣхалъ до квартиры Буткова, я встрѣтился на Невскомъ съ княземъ Владиміромъ. Мы оба остановились. Выскочивъ изъ экипажа, я хотѣлъ объяснить ему недоумѣніе, происшедшее у меня съ Бутковымъ; но князь прервалъ меня словами: «Все равно; дѣло проиграно; наследникъ говорилъ съ государемъ. Въ церкви онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «nous avons échoués avec le Prince Cherpushev». Большое несчастіе! Пріѣзжайте завтра ко мнѣ; поговоримъ, что дальше дѣлать».

Едва-ли нужно говорить, что если бы обѣ каменные стѣны Невскаго разрушились вдругъ, я не испыталъ бы такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвели на меня слова князя. Мысли мои просто помутились; въ какомъ-то туманѣ я видѣлъ только, что самъ государь загородилъ мнѣ служебную дорогу и что изъ всѣхъ преградъ—это самая непреодолимая. Я ничего не отвѣчалъ князю и, ошеломленный, разстроенный, сѣлъ въ сани и возвратился домой.

Домашній уголь мой въ эти минуты представлялъ тоже мало утѣшительнаго. Жена моя, всегда равнодушная къ моей, такъ сказать, политической жизни, была страшно воспріимчива ко всѣмъ обстоятельствамъ семейной нашей жизни. Глубоко пораженная, какъ я выше сказалъ, потерю ребенка, она никакъ не могла утѣшиться, и разстройство ея дошло дотого, что она положительно заболѣла. Можно представить, какъ, при давленіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, была радостна для насъ встрѣча новаго, т. е. 1851 года! Въ самый день новаго года, когда я мечталъ въ новомъ мундирѣ по новой должности дѣлать визиты министрамъ и когда по всѣмъ улицамъ летали разнородные экипажи съ веселыми и самодовольными лицами, я долженъ былъ, подавляемый неблаговоленіемъ царя и снѣдаемый опасеніями за жену, таскаться по докторамъ, чтобы притащить кого-нибудь ей на помощь.

Впрочемъ, было бы утомительно и для меня, и для того, кто будетъ читать эти строки, если бы я рѣшился излагать всѣ подробности этого несчастнаго періода. Оказалось, что Бутковъ, получивъ обратно докладъ обо мнѣ съ неблагоклонною резолюціею государя, бросился тотчасъ къ Киселеву, у котораго я служилъ, и другимъ знатнымъ лицамъ, которыя меня звали, и изъ отзывовъ ихъ составилъ блестящій докладъ о моихъ способностяхъ и достоинствахъ. Государь возвратилъ этотъ докладъ, сдѣлавъ на немъ обычный крючекъ, обозначающій только, что онъ читалъ этотъ докладъ, и ничего больше. Постоянныя мои свиданія съ княземъ Владиміромъ, купныя наши свиданія съ Бутковымъ, конечно, не могли уже вести ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. Я выше выразилъ уже мое искренное убѣжденіе, что Бутковъ прекрасный и добрѣйшій человекъ; онъ и здѣсь сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Но всѣ мы стараемся плыть по теченію; бороться съ преградами и некогда, и неудобно; а съ такою преградой, какая воздвиглась въ настоящемъ случаѣ—кто можетъ бороться? Поэтому ему ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ общимъ мѣстамъ, въ родѣ слѣдующаго: «Надо выждать, повременить» и т. п. Что касается до князя Владиміра, то я едва-ли могу найти такія слова, которыми я могъ бы здѣсь выразить ему мою благодарность такъ, какъ бы я желалъ. Участіе его къ моему по-

ложенію не оскудѣвало ни на минуту. Онъ безотговорочно ѣхалъ туда, куда я ему указывалъ, и атаковалъ того, кого, по моимъ расчетамъ, было нужно. Нѣтъ сомнѣнія, что такое усердіе съ его стороны не относилось прямо къ моей личности; оно истекало положительно изъ стремленія его исполнить волю брата, которую онъ считалъ священной; тѣмъ не менѣе, я всегда съ глубокимъ чувствомъ помню, что въ это тяжелое для меня время двери его кабинета постоянно были для меня открыты, и онъ проявлялъ безграничную готовность помогать мнѣ, сколько силъ его хватить, что подтвердится и дальнѣйшими событіями...

Такъ тянулось нѣсколько недѣль, пока я не убѣдился, что со стороны Буткова и князя Владиміра ничего уже не можетъ быть сдѣлано въ мою пользу. Я никакъ не хотѣлъ послѣдовать совѣту Буткова «выждать да повременить». Несчастіе, кромѣ того, что озлобляетъ нѣсколько человѣка, оно возбуждаетъ въ немъ особую энергію. Я чувствовалъ себя правымъ и чистымъ и потому рѣшился вести дѣло до конца съ равною вѣроятностью или разбиться въ дребезги, или возстать. Я избралъ другой путь. Выше я говорилъ уже, что герцогъ Лейхтенбергскій сильно благоволилъ ко мнѣ и близко зналъ мои способности и мои правила. Я рѣшился передать ему мое дѣло, и для этого, чрезъ князя Одоевскаго, просилъ у него особой аудіенціи. Я весьма сожалею, что переписка, возникшая потомъ между герцогомъ и княземъ Одоевскимъ, между герцогомъ и графомъ Орловымъ и другими, переписка, въ которой моя личность выставлялась самымъ лестнымъ и почетнымъ образомъ, будучи представлена при одномъ изъ послѣднихъ событій въ высшій сферы, не возвратилась уже ко мнѣ. Здѣсь она была бы не только умѣстна, но и очень нужна для большей ясности и полноты моихъ разсказовъ. Но обращаюсь къ аудіенціи у герцога: 21-го января 1851 года князь Одоевскій написалъ мнѣ: «Будьте у герцога въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра — не позже. Я его предварилъ о положеніи дѣла, но вы расскажете ему всѣ подробности».

Въ назначенный день и часъ я явился къ герцогу. Добрый, привѣтливый, симпатичный, онъ съ глубокимъ участіемъ выслушалъ мой разсказъ. Заключение его было такое, что со времени моего появленія въ Петербургъ у меня было, такъ сказать, три поприща:

первое — служба въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и что графъ Киселевъ, какъ я глубоко убѣжденъ, никогда не затруднится сдѣлать обо мнѣ всегда одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ отзвовъ, которые онъ дѣлалъ при всевозможныхъ случаяхъ.

Здѣсь кстати сказать, что этихъ случаевъ было дѣйствительно много съ тѣхъ поръ, какъ имя мое, по отношенію къ Бяратинскимъ, стало упоминаться въ высшихъ сферахъ; но вотъ одинъ изъ нихъ, не лишенный, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго интереса. Въ 1845 году, женившись въ Москвѣ, я привезъ молодую жену свою въ Петербургъ, который почти вовсе не былъ ей знакомъ и въ которомъ многое казалось ей интереснымъ. Князь Александръ Ивановичъ въ то время жилъ въ Петергофѣ, куда я и долженъ былъ почти ежедневно отправляться къ нему съ различными дѣлами и вопросами. Жена моя, для которой такъ ново было видѣть море и ѣхать на пароходѣ, постоянно сопровождала меня. Приѣхавъ въ Петергофъ, я оставлялъ ее гдѣ-нибудь близъ дворца или Самсона, а самъ шелъ къ князю и, переговоривъ съ нимъ, что нужно, возвращался къ женѣ. Однажды, когда я возвратился отъ князя, жена моя стала рассказывать мнѣ, что въ мое отсутствіе, когда она сидѣла подлѣ дворца, къ ней подошелъ старый-престарый генералъ и сталъ съ ней разговаривать. Потомъ сѣлъ рядомъ съ ней и началъ спрашивать, нравится ли ей Петергофъ, давно ли она въ Петербургѣ, кто она, откуда, кто ея мужъ и т. п. На всѣ эти вопросы она дала соответственные отвѣты. Во время ихъ разговора проѣзжали мимо ихъ двѣ дамы, въ коляскѣ и, когда поравнялись съ ними, то остановились. Одна изъ этихъ дамъ подозвала къ себѣ стараго генерала и довольно долго съ нимъ разговаривала, постоянно поглядывая на нее, т. е. на жену мою, такъ что видно было, что разговоръ шелъ объ ней. Потомъ коляска съ дамами уѣхала, старикъ снова возвратился къ моей женѣ и на вопросъ ея: кто были эти дамы, отвѣчалъ: «Императрица съ фрейлиной!» Черезъ нѣсколько минутъ и старикъ, раскланявшись съ моей женой, поплелся тихонько ко дворцу, а она, заинтересованная личностью, съ которой говорила сама императрица, тотчасъ обратилась съ вопросомъ къ близъ стоявшему казаку или жандарму: кто этотъ старикъ? Тотъ отвѣчалъ: «князь Волконскій!» Въ заключеніе жена моя съ наивною, свойственною моло-

дости, пресерьезно спросила: «Боже мой! я боюсь, не надѣлала ли я чего дурнаго; хорошо ли я сдѣлала, что рассказала все старику?» Съ улыбкой выслушавъ оживленный разсказъ моей молодой и красивой жены, въ которомъ смѣшивалась институтская торопливость съ московскимъ удивленіемъ и страхомъ, я старался успокоить ее увѣреніемъ, что дурнаго она ничего не сдѣлала и что по всей вѣроятности все будетъ обстоять благополучно. Я прибавилъ, что въ Петербургѣ вовсе не рѣдкость встрѣтить императрицу; еще менѣе рѣдкость, что знатный и важный старикашка не проходитъ равнодушно мимо молодой и хорошенькой женщины, а старается прилипнуть къ ней, особенно, если эта женщина, только вступивъ въ свѣтъ, отличается еще институтскою наивностью.

А до какой степени была наивна жена моя, приведу одинъ случай. Одно лѣто, вскорѣ послѣ нашей свадьбы, мы жили на одной изъ дачъ Петровскаго острова. Не помню, вслѣдствіе какихъ причинъ—только у насъ былъ какъ-то большой обѣдъ, на который были приглашены почти всѣ наши знакомые. Послѣ обѣда всѣ вышли въ обширный садъ, расположенный на берегу Невы. Всѣ начали шалить и, по выраженію князя Александра Ивановича, «выкидывать различные курбеты». Въ саду стояла бочка съ водой, вѣроятно для полива цвѣтовъ. Жена моя подошла къ этой бочкѣ и открыла кранъ. Сильная струя воды мгновенно начала поливать ее. Испуганная, сконфуженная, она бросилась бѣжать, восклицая умоляющимъ голосомъ: «Не буду, не буду, ей Богу, не буду!» Все общество съ хохотомъ смотрѣло на эту милую сцену.

Какъ бы то ни было, выслушавъ разсказъ моей жены, я дѣйствительно думалъ, что встрѣча ея съ княземъ Волконскимъ и разговоръ съ нимъ, не заключаая въ себѣ ничего необычайнаго, не можетъ имѣть рѣшительно никакихъ послѣдствій. Но я нѣсколько ошибался. Когда съ наступленіемъ времени обратнаго отъѣзда въ Петербургъ мы взошли на придворный пароходъ, мы встрѣтили тамъ княгиню Марью Ѳеодоровну Барятинскую. Оказалось, что она тоже пріѣзжала въ Петергофъ къ императрицѣ и обѣдала во дворцѣ. Она намъ разсказала, что когда государь вышелъ къ столу, то прямо подошелъ къ ней съ словами: «Сегодня въ Петергофѣ была ваша знакомая. Отгадайте кто?» Прежде, нежели княгиня успѣла сдѣлать

какія-нибудь соображенія, государь сказалъ: «Г-жа Инсарская». Тутъ же стоялъ и видѣлъ эту сцену графъ Киселевъ, который тотчасъ сказалъ: «Я знаю ея мужа; онъ у меня служилъ. Отличный человекъ и чиновникъ. Я очень сердить, княгиня, на вашего сына, что онъ отнял у меня одного изъ нужныхъ мнѣ людей» и т. п. Однимъ словомъ, по увѣренію княгини Марьи Ѳеодоровны, графъ Киселевъ, предъ лицомъ государя, осыпалъ меня самыми великолѣпными отзывами. Было много, какъ я и выше сказалъ, другихъ случаевъ, при которыхъ дѣлались такіе же отзывы, но этотъ случай я привожу по высотѣ лицъ, здѣсь участвовавшихъ. На другой или на третій день, послѣ этого случая, когда я снова прѣхалъ къ князю Александру Ивановичу, онъ встрѣтилъ меня словами: «Знаете, Василій Антоновичъ, во дворцѣ только и говорятъ о красотѣ вашей супруги. Скажите, гдѣ видѣла ее императрица?». Я передалъ ему все то, что выше рассказалъ, и подумалъ про себя, какъ мало иногда нужно, чтобъ произвести шумъ въ придворномъ мірѣ, и какъ мало, должно быть, занять этотъ міръ серьезными вопросами и дѣлами. Въ заключеніе считаю нелишнимъ сказать, что при дальнѣйшихъ нашихъ поѣздкахъ въ Петергофъ и обратно, которыя какъ-то совпадали съ поѣздками князя Волконскаго, этотъ старый шалунъ постоянно отбивалъ у меня жену. При входѣ на пароходъ, онъ тотчасъ же отыскивалъ ее, прямо шелъ къ ней, садился подлѣ нея и болталъ съ нею всю дорогу. Само собою разумѣется, что при первомъ изъ подобныхъ случаевъ онъ самъ выразилъ желаніе познакомиться со мною; еще болѣе понятно, что это знакомство я ограничивалъ почтительными поклонами знатному старику и приличнымъ удаленіемъ въ сторону отъ его привычной болтовни съ моею женою. Надо прибавить, что въ теченіе всей моей супружеской жизни — мнѣ и на мгновеніе не привелось испытать ощущеній ревности, а въ то время я былъ молодъ, страшно самоувѣренъ и, упоенный зарею супружества, не боялся не только старика, поѣдаемаго гнусными насѣкомыми, но и самыхъ безукоризненныхъ франтовъ съ вьющимися волосами и въ палевыхъ перчаткахъ.

Другое мое поприще, говорилъ я герцогу Лейхтенбергскому — это занятія мои дѣлами князей Бяратинскихъ. Лучшимъ доказательствомъ, что на этомъ поприщѣ я вель себя приличнымъ поря-

дочному человѣку образомъ, служить то, что сами Барятинскіе хлопчуть, самымъ усерднымъ образомъ, о моемъ устройствѣ.

Наконецъ, третье мое поприще — это моя благотворительная дѣятельность по обществу посѣщенія бѣдныхъ. «Здѣсь», — сказалъ я, — «судъ и оцѣнка принадлежатъ вашему императорскому высочеству».

Въ заключеніе я сказалъ: «Если я долженъ пострадать единственно по недоразумѣнію, за то только, что мнѣ приписаны свойства и дѣйствія, которыя принадлежатъ другому, то это величайшая несправедливость, и я минуты не смѣю усомниться, чтобы государь допустилъ такую несправедливость. Но если я, при полномъ сознаніи своей чистоты, какъ-нибудь очерпнѣть предъ правительствомъ, въ такомъ случаѣ я скроюсь изъ Петербурга и проведу остальную половину жизни гдѣ-нибудь въ глуши». Добрый герцогъ, пораженный дѣйствительною исключительностью моего оригинальнаго положенія и быть можетъ наэлектризованный глубокимъ убѣжденіемъ, жаромъ, самоувѣренностью, которыми были проникнуты мои слова, тотчасъ выразилъ рѣшимость составить отъ себя и представить государю докладъ въ мою защиту. Но я остановилъ это доброе, но не практическое намѣреніе. «Я не сомнѣвался въ готовности вашего высочества стать на сторонѣ справедливости и потому-то рѣшился вѣрить мою судьбу въ ваши могущественныя руки; но я осмѣливаюсь доложить вашему высочеству, что представленіе доклада вашего прямо государю — можетъ повредить дѣлу. Государь неминуемо остановится на вопросѣ: откуда я знаю его рѣшеніе? Исслѣдованіе этого вопроса можетъ поставить въ непріятныя отношенія князя Чернышева, князя Владиміра Барятинскаго и Буткова. Не изволите ли ваше высочество признать полезнымъ переговорить предварительно объ этомъ дѣлѣ съ наслѣдникомъ, который принялъ уже въ немъ милостивое участіе». — «Ваша правда», — сказалъ герцогъ, — «надо быть осторожнымъ. Я сегодня же повидаюсь съ наслѣдникомъ и переговорю съ нимъ. Во всякомъ случаѣ вѣрьте, что я принимаю ваше положеніе близко къ сердцу и не оставляю его дотолѣ, пока не употреблю всѣхъ моихъ средствъ».

На другой же день князь Одоевскій пригласилъ меня къ себѣ

и передалъ мнѣ сущность разговора герцога Лейхтенбергскаго съ наслѣдникомъ. Наслѣдникъ отвѣчалъ герцогу: «Я ничего не могъ сдѣлать, и ты ничего не сдѣлаешь. Папа не любитъ Бяратинскаго и не хочетъ ничего сдѣлать для Инсарскаго». Князь Одоевскій прибавилъ, что герцогъ нисколько не охладѣлъ отъ такого отзыва, но только избралъ другую дорогу; что онъ уже говорилъ съ графомъ Орловымъ (бывшимъ тогда начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), пригласивъ его собрать чрезъ III-е отдѣленіе подробныя свѣдѣнія о моей личности и личности моего двойника и вообще вступить въ это дѣло оффиціальнымъ путемъ. Чрезъ нѣсколько дней мнѣ передано было письмо графа Орлова, которымъ онъ увѣдомлялъ герцога, что собранныя имъ свѣдѣнія сколько благопріятны для меня, столько неблагоприятны для моего двойника. Это письмо, вмѣстѣ съ другими, представлено мною впоследствии, какъ я выше сказалъ, въ высшія сферы и не возвратилось. При свиданіи герцога съ графомъ Орловымъ, герцогъ спросилъ его: «Что же теперь должно дѣлать?» Графъ Орловъ отвѣчалъ: «Оставить это дѣло на моемъ попеченіи и на моей отвѣтственности. Моя обязанность разъяснить государю истину, и я надѣюсь исполнить эту обязанность къ удовольствію вашего высочества». Этотъ разговоръ переданъ былъ письмомъ герцога къ князю Одоевскому, а отъ него письмо это подлинникомъ перешло ко мнѣ и подверглось той же участи, о которой я сказалъ выше. Казалось, новая заря восходила надъ моею судьбою. Но на одному мнѣ такъ казалось.

Въ февралѣ 1851 года, когда происходили всѣ эти переговоры у великой княгини Маріи Николаевны объявленъ былъ балъ. Придворные изъ моихъ знакомыхъ толковали, что приглашенныхъ будетъ немного и, сколько помню, не болѣе 600 человекъ. Разумѣется, для меня и этотъ балъ и толки о немъ были дѣломъ совершенно чуждымъ. Вдругъ, я получаю приглашеніе на этотъ балъ. Я не говорю о томъ, что приглашеніе это привело меня только въ величайшее смущеніе; оно изумило всѣхъ, кто зналъ придворные законы и этикеты. Хотя въ придворной повѣсткѣ я сгоряча и написалъ, что буду, но потомъ во мнѣ начало образовываться положительное намѣреніе уклониться отъ этой великой чести подѣ

предлогомъ «внезапной болѣзни». Намѣреніе это укрѣплялось значительно слѣдующимъ обстоятельствомъ. Когда я рассчитывалъ на опредѣленіе въ Комитетъ министровъ, мнѣ казалось страннымъ и даже неприличнымъ перейти туда изъ коннозаводскаго вѣдомства, и потому я заблаговременно оставилъ эту премудрую область, такъ что, не получивъ мѣста и въ Комитетѣ, я былъ, въ моментъ приглашенія, въ чистѣйшей отставкѣ. Между тѣмъ извѣстно было, что на балѣ должно быть не иначе, какъ въ мундирныхъ фракахъ, т. е. въ такомъ одѣяніи, котораго я, какъ отставной, не имѣлъ и имѣть не могъ. Но добрый князь Одоевскій употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы заставить меня ѣхать непременно на балъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что герцогъ, дѣлая мнѣ такое исключительное, небывалое приглашеніе, имѣетъ, по всей вѣроятности, особыя, связанные съ нимъ, виды и цѣли въ мою пользу. Это соображеніе, говоря откровенно, не могло не имѣть на меня сильнаго вліянія, на томъ основаніи, что утопающій и за соломенку хватается. Относительно моего обмундированія князь вошелъ въ соглашеніе съ графомъ Матвѣемъ Віельгорскимъ, который носилъ званіе шталмейстера или гофмейстера двора великой княгини Маріи Николаевны, и вотъ записка князя по этой части отъ 18-го февраля 1851 года: «Не отказывайтесь. Обще дворянскій вице-мундирный фракъ, бѣлый галстукъ, бѣлый жилетъ, ботинки на ногахъ (Gamaschen stiefel), круглая шляпа, бѣлыя перчатки лайковыя — вотъ вся исторія. Заѣзжайте ко мнѣ отъ 12-ти до 4-хъ часовъ на блины и потолкуемъ еще». Дѣло кончилось тѣмъ, что я рѣшился ѣхать, но не въ дворянскомъ вице-мундирномъ фракѣ, а просто въ черномъ фракѣ и не въ ботинкахъ, а въ сапогахъ.

Отправляясь на балъ, я былъ полонъ какихъ-то неясныхъ, и, какъ послѣдствія показали, нелѣпыхъ ожиданій. Чтобы быть искреннимъ вполнѣ, я долженъ сказать, что у меня, между прочимъ, была слѣдующая безумная мысль: «Не думаетъ ли герцогъ», — соображалъ я, — «представить меня на балѣ государю и тутъ же объяснить, что я совсѣмъ не тотъ, за кого Его Величество меня принимаетъ?» Но каждый, кто рѣшится войти поглубже въ мое положеніе, пойметъ, что мнѣ нисколько не трудно было подойти къ границамъ сумасшествія. Боюсь ошибиться, по мнѣ кажется, что когда я вошелъ,

государь уже былъ въ залахъ. Живо помню, какъ въ казацкомъ мундирѣ, высокій, стройный, величественный, онъ рельефно выдавался изъ толпы разодѣтыхъ дамъ, которыя его окружали. Привѣтливо и любезно принятый милымъ хозяиномъ, стоявшимъ при входѣ гостей, я поспѣшилъ примкнуть куда-нибудь къ колоннѣ, чтобы быть менѣе замѣтнымъ. Народу такъ еще было мало, что государь неизбежно долженъ былъ видѣть каждую вошедшую фигуру; а между тѣмъ мое одѣяніе, относительно котораго мнѣнія остались все-таки раздѣленными, возбуждало во мнѣ довольно чувствительное опасеніе, на основаніи многихъ опытовъ, когда за одну незастегнутую пуговицу сажали на гауптвахту. Но едва я установился къ какой-то колоннѣ, думая, что я буду здѣсь лучше всего укрытъ, какъ мой добрый князь Одоевскій, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что именно на бѣломъ фонѣ колонны моя черная фигура представляется особенно рельефною и обращаетъ общее вниманіе. Я тотчасъ поспѣшилъ перемѣнить мѣсто и положеніе, смутно начиная понимать, что мнѣ, не привычному и не принадлежащему къ придворному міру плебею—на этомъ балѣ хорошаго ожидать нечего.

Но храбрый Хрущовъ скоро поднялъ мой духъ. Начать съ того, что онъ какъ-то обрадовался, отыскавъ меня. Затѣмъ взялъ меня подъ руку и не оставлялъ цѣлый вечеръ. Сначала онъ повелъ меня по всѣмъ заламъ дворца и объяснилъ мнѣ всѣ его достопримѣчательности. Зимній садъ, помню, произвелъ на меня особенно восхитительное впечатлѣніе, освѣщенный разноцвѣтными таинственными фонариками. «Теперь, если хотите, я покажу вамъ великосвѣтскій нашъ міръ и предупреждаю, что драни много, а хорошаго мало», — сказалъ Хрущовъ. Въ то время не только идеи «нигилизма», но даже самаго слова «нигилистъ» не существовало. Соображая теперь манеры, дѣйствія, образъ мыслей Хрущова, я нахожу, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ нигилистовъ того времени. Къ авторитетамъ знатности онъ не имѣлъ рѣшительно никакого уваженія, что, конечно, немало содѣйствовало сверженію его впоследствии съ позиціи министра, на которой онъ уже стоялъ одной ногой. Всегда смѣлый и рѣзкій до ужасающей степени, онъ говорилъ вслухъ невѣроятныя вещи. Такія свойства производили то, что его, какъ я замѣтилъ уже, боялись и не любили. Такъ точно

и теперь, держа меня подъ руки, онъ, напримѣръ, подойдетъ со мной къ какой-нибудь барынь, утопающей въ кружевахъ и брильянтахъ, и почти надъ ухомъ ея начинаетъ рассказывать ея грѣшки. Я просто боялся и за него, и за себя, но онъ хохоталъ, когда я ему высказывалъ свои опасенія, и старался сдерживать безпощадныя его рѣчи. Особъ мужскаго пола онъ большею частью надѣлялъ такими эпитетами, которые я не рѣшаюсь здѣсь повторить. Однимъ словомъ, Хрущову и частью князю Одоевскому я обязанъ, что въ этотъ вечеръ я не потерялся въ своей незначительности. Они такъ благородны были душой и такъ твердо стояли въ общественномъ положеніи, что не боялись компрометтировать себя своими сношеніями съ незначительною личностью. Есть болваны, которые, будучи сами ничтожны, страшатся, какъ заразы, ничтожества другихъ. Какой-нибудь тупоголовый Му—товъ на-единѣ готовъ быть вашимъ задушевымъ пріателемъ; но какъ скоро появлялась какая-нибудь здоровая звѣзда или знатная барыня, онъ спѣшилъ отречься отъ васъ, если вы не имѣли значенія, и становился на ходули, на томъ единственно основаніи, что принадлежалъ къ толпѣ камеръ-юнкеровъ.

Среди бала князь Владиміръ Барятинскій, увидѣвъ меня, тотчасъ приблизился ко мнѣ. «Знаете, — сказалъ онъ, — васъ должно поздравить. Графъ Орловъ взялся за ваше дѣло. Всѣ объ этомъ говорятъ. Теперь нельзя сомнѣваться, что мы поправимся». Я поспѣшилъ передать ему, въ короткихъ словахъ, обзоръ пружинъ, которыя я привелъ въ дѣйствіе, и объяснить, что заступничество графа Орлова есть результатъ придуманнаго мною механизма. «Прекрасно. Душевно радъ, слава Богу», — сказалъ князь съ искреннимъ участіемъ. — «Какъ вы думаете», — прибавилъ онъ, — «не съѣздить ли мнѣ къ графу Орлову, чтобы подкрѣпить дѣло или узнать, по крайней мѣрѣ, что онъ намѣренъ дѣлать». — «Я не знаю вашихъ аристократическихъ съ нимъ сношеній», — сказалъ я, — «если вы хорошо знакомы съ нимъ частнымъ образомъ, то отчего не съѣздить?» — «Кажется, онъ насъ всѣхъ любитъ!» — отвѣчалъ князь. — «Тогда съ Богомъ поѣзжайте», — сказалъ я. — «Мы вотъ какъ распорядимся», — сказалъ князь, — «я поѣду къ нему завтра же, а вы пріѣзжайте ко мнѣ по-

слѣ завтра, и я передамъ вамъ все, что разузнаю. Надѣюсь васъ обрадовать». — «Благодарю васъ», — отвѣчалъ я, и съ этими словами мы разстались. Надобно сказать, что мое замѣчательное положеніе сдѣлалось многимъ извѣстно не только въ чиновническомъ мѣрѣ, но и въ высшемъ свѣтѣ. Интересъ былъ, конечно, не во мнѣ лично, но въ моихъ отношеніяхъ къ князю Александру Ивановичу. Кромѣ того, и князь Владиміръ, погруженный въ хлопоты по моему дѣлу, конечно, рассказывалъ многимъ странность его, такъ что оно стало знакомо почти всѣмъ друзьямъ Бярятинскихъ. На этомъ же самомъ балѣ, послѣ князя Владиміра, подошелъ ко мнѣ графъ Александръ А—гъ и тайнственно произнесъ: «Поздравляю». Потомъ такое же многозначительное «поздравляю» сказалъ мнѣ который-то изъ графовъ Ламбертовъ, такъ что, уѣзжая съ бала, я увозилъ съ собою довольно ясную надежду, что павшіе фонды мои въ самомъ дѣлѣ могутъ подняться.

На третій день, по условію, я пріѣхалъ къ князю Владиміру Ивановичу. Едва ему доложили обо мнѣ, какъ онъ тотчасъ выбѣжалъ ко мнѣ изъ своего кабинета со словами: «Безпримѣрное, невообразимое несчастіе!» Князь усадилъ меня и рассказалъ слѣдующее: «Представьте. Едва я началъ говорить графу о васъ, какъ онъ тотчасъ показалъ мнѣ докладъ, который онъ представлялъ государю. Я читалъ этотъ докладъ. Въ немъ сказано, что въ Петербургѣ есть два Инсарскихъ, одинъ хорошій, это вы, а другой — скверный, это вашъ двойникъ. Когда я прочиталъ докладъ, графъ Орловъ сказалъ: вы видите, князь, что я хотѣлъ честно исполнить свое дѣло, но жаль, что государь такъ сильно предубѣжденъ, что не хотѣлъ ни прочитать, ни выслушать моего доклада. Едва я только началъ говорить о немъ, какъ государь весьма сурово сказалъ: «оставь это дѣло, я его знаю». Согласитесь, что мнѣ ничего не оставалось, какъ положить его въ портфель. Жаль очень, что г-нъ Инсарскій такъ незаслуженно терпитъ».

Легко понять, съ какимъ чувствомъ я выслушалъ этотъ рассказъ. «Теперь уже все кончено», — сказалъ я такимъ тономъ, который, по видимому, и на князя произвелъ впечатлѣніе. — «Нѣтъ, отъ чего же?» — сказалъ князь, конечно, съ единственною цѣлью подкрѣпить мое моральное состояніе. — «Я сегодня же увижусь съ Бутковымъ»

и спрошу, что намъ теперь дѣлать. Онъ такой ловкій, что непременно что-нибудь придумаетъ». Я хорошо уже видѣлъ тщету этого бѣднаго предположенія; но ничего не возражалъ противу него, подобно больному, который самъ видитъ безнадежность своего положенія, но все-таки продолжаетъ глотать микстуры, прописываемыя докторами. Бутковъ, и прежде совѣтовавшій подождать да повременить, въ новомъ столкновеніи видѣлъ только подтвержденіе дѣльности своего совѣта. По его соображеніямъ, да и по моимъ собственнымъ, ясно было, что дальнѣйшая борьба съ царемъ, борьба, въ которой на моей сторонѣ стояли наслѣдникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, князь Чернышевъ, графъ Орловъ, личности, представлявшія собою самую могущественную силу въ государствѣ, не говоря о Барятинскихъ, Бутковъ—не возможна. Этого мало. Ясно было, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто зналъ строеніе административнаго нашего міра, что ни одинъ изъ министровъ, которымъ болѣе или менѣе была извѣстна вся эта исторія, не рѣшится взять меня къ себѣ, какъ зараженнаго страшнѣйшимъ изъ всевозможныхъ недуговъ — неблаговоленіемъ царя, хотя бы всѣ министры купно и каждый изъ нихъ особенно были глубоко убѣждены, что я человѣкъ честный и великихъ дарованій. «Всѣ эти впечатлѣнія, такъ невыгодныя для насъ»,—говорилъ Бутковъ,—«через нѣкоторое время сначала охладѣютъ, а потомъ и вовсе исчезнутъ. Въ Петербургѣ все измѣняется и забывается. Я совѣтовалъ бы вамъ даже вовсе уѣхать изъ Петербурга мѣсяца на три, на четыре. По возвращеніи вашемъ, обстоятельства, быть можетъ, перемѣнятся, и мы снова начнемъ хлопотать». Я не могъ не сознавать справедливости этихъ соображеній и рѣшился ранней весной отправиться въ Саратовскую губернію, чтобы повидаться съ моимъ престарѣлымъ отцомъ и провести съ нимъ лѣто. Принявъ такое рѣшеніе, я отправилъ князю Александру Ивановичу на Кавказъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Могущество благотворнаго вліянія вашего сіятельства на судьбу мою ознаменовало для меня весь минувшій годъ многообразными надеждами. Переходя отъ ожиданія къ ожиданію, я не рѣшался утруждать вниманія вашего сіятельства до окончательнаго

результата, чтобы къ безконечной благодарности за ваши благодѣянія прибавить новое слово за новое благодѣяніе.

«Въ концѣ 1850 года князь Чернышевъ представилъ Его Величеству докладъ статсъ-секретаря Буткова о зачисленіи меня въ Комитетъ министровъ. Его Величество не изволилъ утвердить этого доклада, сдѣлавъ относительно меня неблагопріятный отзывъ.

«Государь наслѣдникъ, по ходатайству князя Владиміра Ивановича, тотчасъ объяснилъ Его Величеству, что свойства этого отзыва до меня не относятся. Предстательство это осталось безуспѣшнымъ.

«Въ то же время статсъ-секретарь Бутковъ представлялъ Его Величеству объяснительную записку, подкрѣпляющую его докладъ и заключающую въ себѣ всѣ добрыя свѣдѣнія и рекомендаціи, ко мнѣ относящіяся. Записка эта осталась безъ всякаго результата.

«Затѣмъ герцогъ Лейхтенбергскій принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, послѣдствіемъ котораго былъ оффиціальныи докладъ графа Орлова Его Величеству, въ которомъ онъ различилъ двѣ личности, носящія одно имя, и изложилъ, что все дурное относится къ моему двойнику, а относительно меня сохраняется добрая и ничѣмъ не запятнанная репутація. Докладъ этотъ также не имѣлъ никакого успѣха.

«Такимъ образомъ истинныя причины такого неблаговоленія остаются непостижимыми. Одно только ясно, что столь неожиданныи результатъ полагаетъ рѣшительную преграду всякому развитію и улучшенію моей будущности.

«Простите, ваше сіятельство, что утруждаю ваше вниманіе изложеніемъ обстоятельствъ, существенныхъ для меня собственно; но по важности тѣхъ отношеній, въ которыхъ неожиданно очутился вопросъ о моей неважной личности, и нѣкоторой связи ихъ съ предъидущими отношеніями, я счелъ долгомъ довести все это до свѣдѣнія вашего сіятельства.

«Со стороны князя Владиміра Ивановича выражено самое живое и теплое сочувствіе ко всѣмъ видоизмѣненіямъ этого дѣла.— Князь весьма крѣпко стоялъ за мои интересы. Моя неудача была его неудачей.

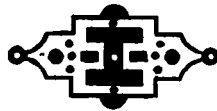
«Покоряясь безропотно настоящему моему положенію, я не

перестану молиться за счастье вашего сиятельства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрить убѣжденію, что могучая рука вашего сиятельства можетъ, со временемъ, снова поднять меня изъ праха, въ который я совершенно незаслуженно повергнутъ. 8-го марта 1851 года».

Въ апрѣлѣ 1851 года, я получилъ отъ князя Александра Ивановича, изъ крѣпости Грозной, слѣдующее письмо: «Благодарю васъ за два любезныя письма ваши. Я дивлюсь весьма и не знаю, что придумать, въ отдаленіи моемъ отъ васъ, чтобъ протянуть вамъ руку помощи въ отношеніи того, что вы пишете въ первомъ письмѣ вашемъ. Во второмъ вы говорите мнѣ о той награждѣ, которая недавно всемилостивѣйше мнѣ пожалована, и вы радуетесь моему счастью. Жалѣю очень, что не могу поздравить васъ также, и не знаю, что мнѣ дѣлать, чтобъ вывести васъ изъ затруднительнаго положенія. Укажите, и я постараюсь исполнить, если что придетъ на этотъ счетъ вамъ въ голову. Вотъ маленькая просьба: вамъ вѣроятно памяты записки о тѣхъ условіяхъ, которыя я сдѣлалъ съ братомъ». За тѣмъ князь излагаетъ нѣкоторыя недоумѣнія по денежнымъ расчетамъ съ братомъ, прося меня разъяснить ихъ, и заключаетъ письмо слѣдующими словами: «Прощайте, любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Часто думаю о васъ и о тѣхъ способностяхъ, которыми Господь Богъ васъ наградилъ. Кланяйтесь пожалуйста отъ меня вашей милой супругѣ».

Этимъ заключился самый тягостный періодъ въ моей жизни, періодъ незаслуженнаго и гибельнаго для меня давленія со стороны царя, отличавшагося всегда и вездѣ самою рыцарскою справедливостью. Весною я уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Саратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ генераль-лейтенанта Павла Алексѣевича Кузмина.

У

IV¹).

резь нѣсколько дней по заключеніи нашемъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ вечеровъ съѣхалось нѣсколько экипажей къ двухъ-этажному каменному дому, что противъ Никольской куртны: то были члены слѣдственной комиссіи.

Началось вожденіе туда заключенныхъ по одиночкѣ; кромѣ того, изъ моихъ оконъ, т. е. изъ форточка моего каземата, видны были приходившіе въ комиссію пѣшкомъ не изъ казематовъ въ партикулярной одеждѣ—то были или шпіоны-доносчики (Антонелли, Кош—скій или шпіоны-свидѣтели Шаб—въ...).

Пришла и моя очередь идти къ допросу. Плацъ-адъютантъ провозгласилъ: «№ 5!» Забрякали ключи и замки у моихъ дверей, казематъ открылся, сторожъ внесъ мое платье, я переодѣлся въ присутствіи плацъ-адъютанта и сторожа, и, въ сопровожденіи плацъ-адъютанта, отправился черезъ дворъ въ двухъ-этажный домъ. По входѣ въ комнату засѣданія комиссіи, князь Гагаринъ, какъ старшій, да и самый дѣльный членъ, началъ допросъ.

Князь Гагаринъ. Правительству сдѣлалось извѣстно либеральное направленіе вашихъ мнѣній.

Я. Мнѣ неизвѣстно, въ какихъ именно поступкахъ подмѣтили либеральное направленіе моихъ мнѣній, потому что я мнѣній своихъ никому не навязывалъ, а въ служебной дѣятельности я исполнительенъ

¹) См. „Русскую Старину“ февраль 1896 года.

до пунктуальности и никогда не подвергался не только замѣчаніямъ, но даже намекамъ, чтобъ я былъ заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ.

Князь Гагаринъ. Васъ и не обвиняютъ въ манкированіи по службѣ, но въ увлеченіяхъ соціальными, коммунистическими, республиканскими идеями.

Я. Изъ чего же это могли заключить?

Князь Гагаринъ. А ваше знакомство съ Петрашевскимъ.

Я. Но я не вижу связи между моимъ знакомствомъ съ Петрашевскимъ и обвиненіемъ меня въ республиканскихъ и коммунистическихъ увлеченіяхъ.

Князь Гагаринъ. Вы не хотите понимать меня. Вы бывали у него на засѣданіяхъ по пятницамъ?

Я. По пятницамъ я бывалъ у Петрашевскаго, но засѣданій при мнѣ не бывало.

Князь Гагаринъ. Какъ не бывало при васъ засѣданій? а 1-го, 8-го и 15-го апрѣля и 16-го апрѣля у васъ? Это были положительно клубныя засѣданія.

Я. Какія же это клубныя засѣданія? Въ клубахъ обыкновенно играютъ въ карты, а ни у Петрашевскаго, ни у меня и помина не было объ игрѣ въ карты.

Князь Гагаринъ. Вы все уклоняетесь отъ прямого отвѣта. Я не говорю объ игорныхъ клубахъ, а о засѣданіяхъ клуба политическаго. Такъ, въ засѣданіи 1-го апрѣля, вы сами принимали участіе въ преніяхъ, по вопросамъ, поставленнымъ предсѣдательствовавшимъ Петрашевскимъ: объ освобожденіи крестьянъ, измѣненіи судопроизводства, свободѣ книгопечатанія; а 15-го числа сами объявили, что у васъ предсѣдательствовать будетъ нѣкто Шрамченко, который держитъ въ рукахъ всю іерархію, все перевернулъ вверхъ дномъ.

Я. Какъ жаль, что доносчики, можетъ быть въ надеждѣ получить большой гонораръ, за неизмѣнимъ матеріала, сочиняютъ и клеветуютъ на людей, которые, къ сожалѣнію, ничѣмъ не ограждены отъ ихъ гнусныхъ вторженій въ самый кружокъ благонамѣренный.

Князь Гагаринъ. Правительство своими агентами ограждаетъ общество отъ распространенія въ немъ вредныхъ идей. Вотъ что правительственный агентъ говоритъ между прочимъ объ вашемъ участіи въ преніяхъ и прочее. И Гагаринъ, прочитавъ о вечерѣ 1-го апрѣля. бесѣду Петрашевскаго о поименованныхъ выше трехъ вопросахъ, о моихъ замѣчаніяхъ на выводы Петрашевскаго, спрашиваетъ меня: кто васъ уполномочилъ обсуживать публично, потому что это было въ присутствіи большого общества, вопросы, которые, ежели и могутъ подлежать обсужденію, то по Высочайшему повелѣнію высшими государственными чинами?

Я. Небольшой кружокъ знакомыхъ, при которыхъ шла бесѣда о предметахъ, вами названныхъ, близкихъ чувству каждаго человѣка, мало-мальски любящаго свою родину, чувствующаго ея больныя мѣста, я не могу считать преступнымъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ не сходилъ съ теоретической точки и, что касается меня, то я, соглашаясь въ несомнѣнной полезности всѣхъ этихъ улучшеній, высказалъ только свое мнѣніе относительно порядка, въ какомъ было бы удобнѣе осуществить ихъ, еслибы и правительство признало полезнымъ ихъ, въ чемъ никто изъ насъ не сомнѣвался, и вопросъ только былъ во времени.

Считаю необходимымъ сдѣлать однажды то общее замѣчаніе, что, возстановляя въ своей памяти устные вопросы и отвѣты, равно письменныя объясненія по нѣкоторымъ предметамъ, писанныя въ казематѣ (безъ оставленія копій), и показанія, писанныя въ присутствіи комиссіи, также словесныя объясненія на разныя замѣчанія гг. членовъ, спустя почти тридцать лѣтъ, не могу передать съ фотографическою точностію, ни въ порядкѣ, въ которомъ переходили отъ одного предмета къ другому, ни самаго текста рѣчей, какъ моихъ, такъ вопрошателей и возражателей; но могу поручиться, что сущность сохранена неуклонно вездѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспроизведены и объясненія слово въ слово.

Кромѣ того, продолжительныхъ допросовъ въ комиссіи по главнымъ предметамъ обвиненія съ чтеніемъ отрывковъ изъ доноса было два, и два же раза поручалось мнѣ писать въ казематѣ объясненія, для чего давали бумагу по счету листовъ, которая и должна быть сдана въ томъ же количествѣ. Кажется, раза два пришлось въ комиссіи писать отвѣты на вопросныя пункты, составленные заблаговременно, и еще нѣсколько разъ бывали объясненія въ комиссіи.

При первомъ же допросѣ князь Гагаринъ предложилъ мнѣ разъяснить, какимъ образомъ я въ самый день пріѣзда попалъ къ Петрашевскому. Я рассказалъ, какъ это изложено выше, съ объясненіемъ, что, имѣя карету на цѣлый день, не зная, куда дѣвать вечеръ, такъ какъ въ семейные знакомые дома не приходилось же ѣхать съ визитомъ вечеромъ въ страстную пятницу, я и отправился къ Петрашевскому, полагая, ежели у него и никого нѣтъ, то можетъ быть онъ самъ дома.

Князь Долгорукій, не понявъ моего объясненія (какъ не понималъ онъ весьма многого изъ самыхъ простыхъ вещей), съ улыбкой возразилъ: «Такъ вы потому и поѣхали къ Петрашевскому съ визитомъ, что это была страстная пятница?» Я серьезно посмотрѣлъ на него и сказалъ: ежели ваше сіятельство не поняли, такъ смѣяться-то не объ чемъ.

Князь Гагаринъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

При первомъ же допросѣ князь Гагаринъ спросилъ меня: «Вы чи-

тали Фурье, Прудона и другихъ социалистовъ, какого вы мнѣнія объ ихъ теоріяхъ?»

Я отвѣтилъ, что ежели не читалъ всѣхъ сочиненій новѣйшихъ социалистовъ, то понятіе объ ихъ ученіяхъ имѣю и нахожу, что теоріи ихъ увлекательны, какъ стремящіяся достигнуть всеобщаго благоденствія, но всѣ онѣ страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, именно всѣ построены не на практической, существующей почвѣ, хотя писаны для существующаго общества; во всѣхъ ихъ челоуѣкъ сочиненъ въ родѣ ангела, а для ангеловъ вовсе не нужно такихъ кодексовъ и регламентацій. Хотя у Фурье признаются классы и не ангельскаго типа, но все таки сочиненные, дѣланные, а не настоящіе; вообще читать эти произведенія не бесполезно, какъ образцы теоретическихъ стремленій идеалистовъ; воображать же, что они могли бы имѣть практическое примѣненіе,—естъ великое заблужденіе, что подтверждается и опытомъ.

Затѣмъ меня отпустили въ свой №, снабдивъ нѣсколькими листами бумаги для письменнаго изложенія и объясненій на разные вопросы.

Такъ какъ я уже сказалъ, что не могу съ точностью распредѣлить что писано было мною въ первый разъ и что написано, когда дали мнѣ бумаги для писанія во второй разъ, то прежде, нежели приступлю къ воспроизведенію писаннаго мною въ 1849 году безъ раздѣленія, а въ мѣрѣ возстановленія въ памяти, полагаю удобнымъ договорить въ настоящее время, о какихъ предметахъ и въ какомъ духѣ предлагаемы были мнѣ вопросы, сообразно текста доноса.

О вечерѣ, на которомъ было читано письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, меня спрашивали, какое впечатлѣніе произвело содержаніе этого письма на меня и на прочихъ, и правда ли, что Ястржембскій выразился: «о то такъ и надобно»? Прочитанъ былъ доносъ о разговорѣ моемъ съ Антонелли по поводу приглашенія его на празднованіе, 16-го апрѣля, новоселья его, въ меблированныя комнаты въ домѣ Штрауха на углу Морской и Гороховой, и будто бы я говорилъ, что предсѣдателемъ заведенія у меня будетъ нѣкто Шрамченко, который держитъ въ рукахъ всю іерархію и все перевернулъ вверхъ дномъ. Потомъ отчетъ (полагаю, отрывки отчета) Антонелли объ моемъ вечерѣ 16-го апрѣля: чего, чего онъ не наговорилъ, чтобъ представить въ самыхъ грязныхъ и вѣстѣ съ тѣмъ красныхъ краскахъ все общество, бывшее у меня; насколько припомню, онъ выразился, что это сборище людей дышало разбоемъ и водкою, водкою и разбоемъ, что это антиподы, выходцы съ того свѣта, что вообще замѣтилъ отсутствіе здраваго смысла и, если онъ дѣлалъ исключеніе изъ этого огульнаго обвиненія, такъ это въ пользу хозяевъ и тѣхъ, которые бывали у Петрашевскаго, а между прочимъ про одного изъ хозяевъ, именно про Бѣлецкаго, выра-

зился, что онъ или кандидатъ на висѣлицу, или сорвался съ висѣлицы, что-то въ этомъ родѣ.

Хотя Гагаринъ, читая эти отрывки, не называлъ автора, но я самъ называлъ Антонелли, какъ доносчика.

По всѣмъ этимъ предметамъ, кромѣ данныхъ уже словесныхъ объясненій, я долженъ былъ написать обдумавши. Въ то время, какъ помнится, намъ не давали еще читать, а потому возможность заняться—хотя писаніемъ меня весьма обрадовала; но необходимо было вѣло обдумать рѣшеніе этой задачи, и я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: излагать свою «profession de foi» было бы по крайней мѣрѣ бесполезно; стараться привести въ свою вѣру гг. членовъ комиссіи было бы даже смѣшно; оставалось доказывать всѣми разумными доводами свое право на бесѣду, безъ особаго разрѣшенія, о предметахъ, которое по мнѣнію тогдашняго правительства, въ лицѣ его агентовъ, можетъ быть предоставляемо только высшимъ государственнымъ сановникамъ, и наконецъ опроверженіе нелѣпыхъ измышленій доносчика. Я старался заучивать написанное мною, и память моя долго сохраняла все написанное мною, но теперь уже июль 1877 года, то, естественно, многое испарилось въ эти почти три десятка лѣтъ, но во многихъ мѣстахъ текстъ моихъ письменныхъ объясненій воспроизведенъ и именно начало вступленія:

«Истина одна и вѣчна, но понятія о ней различны: Христосъ, Спаситель міра, распятъ на крестѣ за проповѣданіе слова Божія, ученіе о любви къ ближнему и равенствѣ всѣхъ предъ Богомъ, а нынѣ болѣе половины населенія всего земнаго шара исповѣдуетъ его ученіе. Въ настоящее время, ученикъ младшихъ классовъ гимназіи знаетъ, что земля вертится около своей оси и обходитъ вокругъ солнца; а съ небольшимъ три вѣка тому назадъ, Галилей былъ приговоренъ къ сожженію на кострѣ за высказаніе этой истины. Не утруждая вниманія гг. членовъ комиссіи другими примѣрами, рѣшаюсь высказать, что, по моему личному мнѣнію, слѣдуетъ осторожно относиться и къ ученіямъ новѣйшихъ социалистовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ ученія ихъ проникнуты кротостью и любовью къ ближнему и, какъ я имѣлъ случай объяснять словесно, что слабая сторона всѣхъ этихъ ученій та, что они воображаютъ людей лучше, нежели они въ дѣйствительности, а потому теоріи эти не примѣнимы къ практикѣ; но нельзя же утверждать, что люди никогда не будутъ лучше, нежели теперь, и что же можетъ быть преступнаго въ чтеніи и бесѣдѣ о воображаемомъ устройствѣ такого общества, въ которомъ всѣ люди хороши или по крайней мѣрѣ лучше тѣхъ, изъ которыхъ общество нынѣ составлено.

О характерѣ вечеровъ у Петрашевскаго и вечера, бывшаго у меня, могу сказать, что они дѣйствительно рѣзко отличались отъ такъ назы-

ваемыхъ «вечеровъ» тѣмъ, что на нихъ не играли въ карты, и дѣйствительно, странно было видѣть, какъ молодые (и даже не совсѣмъ молодые) люди, собравшись, не играютъ въ карты, когда мы видимъ юношей, едва покинувшихъ школьную лавку, охотно принимающихъ предлагаемую карточку и съ важностью засѣдающихъ за зеленымъ столомъ, теряя деньги, здоровье, время, а главное отказываясь добровольно отъ великаго дара, даннаго ему Провидѣніемъ, дара слова, потому что карточные такъ называемые переговоры можно съ успѣхомъ замѣнить условными знаками или марками. Что можетъ быть обиднѣе для гостя, когда хозяинъ думаетъ, что его иначе занять нельзя, какъ составить для него партію, т. е. обративъ хотя на время въ безсловесныя.

И такъ, за неиграніемъ въ карты, проводили время въ бесѣдѣ; но по взгляду, высказанному господами членами комиссіи, бесѣда-то и была преступна, потому что была ведена о такихъ предметахъ, о которыхъ не спросясь нельзя говорить, и такими лицами, которымъ это не предоставлено.

Самъ сознаю, что не совсѣмъ точно выразилъ смыслъ комиссіи о причинахъ преступности бесѣды, но дѣйствительно затрудняюсь формулировать положеніе, для подтвержденія котораго не умѣю найти ни одного слова, а противъ его—тысяча доводовъ. Неоспоримо, что всякое гражданское общество состоитъ изъ слоевъ, или, точнѣе выразить, расположено слоями, различающимися правами сословными, имущественными, по своему образованію, положенію въ іерархическомъ отношеніи и проч. и проч. Трудно, почти невозможно перечислить всѣ тѣ отбѣвы общественнаго наслоенія, которые при всемъ своемъ различіи такъ тѣсно слиты, что не имѣется возможности рѣзко отграничить ихъ и, кромѣ того, лица, стоящія по нѣкоторымъ отношеніямъ въ одномъ разрядѣ, могутъ въ другихъ отношеніяхъ принадлежать къ совершенно иному слою и, такъ какъ у насъ не существуетъ кастъ, то не рѣдкъ переходъ изъ одного общественнаго сословія въ другія. Принимая все это въ соображеніе, кто возьметъ на себя смѣлость разграничить, что такіе-то слои имѣютъ право говорить о такихъ-то предметахъ, такіе о такихъ-то и т. д., но вотъ еще вопросъ: что принять за масштаб при этомъ распредѣленіи? развѣ табель о рангахъ! но и въ этомъ случаѣ встрѣтится такого рода неудобство—всякій, прошедшій низшіе классы табели о рангахъ, подъ вліяніемъ запрещенія бесѣдовать о большинствѣ предметовъ интереса общественнаго, дойдя до высшихъ ранговъ, дойдетъ вмѣстѣ съ тѣмъ до неспособности не только бесѣдовать, но даже думать о предметахъ, выходящихъ изъ круга ихъ физическихъ потребностей. А потому я не могу признать даже тѣни преступности въ обсуживаніи предметовъ, близкихъ сердцу каждаго и доступныхъ пониманію. Комиссіи также угодно, чтобъ я далъ объясненіе о пред-

метахъ бесѣды на вечерѣ у Петрашевскаго, 1-го апрѣля: объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства, о свободѣ книгопечатанія и уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Разберу эти предметы по порядку.

1) Улучшеніе судопроизводства и судоустройства. Этотъ предметъ меня мало занималъ, такъ какъ самъ я въ судахъ не служилъ и дѣлъ въ судахъ не имѣлъ; но знаю, что законъ допускаетъ, что могутъ быть неправильныя рѣшенія потому, что позволяютъ переносить дѣла на апелляцію и, ежели рѣшенія разныхъ инстанцій бываютъ не только не сходны, но прямо противоположны: значить, одна изъ инстанцій примѣнила законы правильно, другая неправильно. Безъ сомнѣнія, въ высшихъ и высшихъ инстанціяхъ засѣдаютъ люди съ большею и большею опытностью, то не всегда неправильное примѣненіе законовъ можно приписывать неблагонамѣренности. Но всякій ли проигравшій дѣло можетъ воспользоваться правомъ перенести свое дѣло на апелляцію? Иногда средства его такъ ограничены, что онъ не только не можетъ довести его до столицы, т. е. до Правительствующаго Сенаата, но даже до губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Ужели сочувствіе къ этому можно считать преступнымъ, и сочувствіе, высказанное въ небольшомъ кругѣ знакомыхъ?

2) Свобода книгопечатанія. Совершенною свободой книгопечатанія не существуетъ нигдѣ; даже во Франціи, гдѣ теперь (1849 года) республика, иногда отбираютъ нумера газетъ съ почты. Можетъ ли же быть совершенная свобода книгопечатанія у насъ, въ государствѣ самодержавномъ? но излишнее стѣсненіе его не можетъ быть безвредно.

3) Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Само правительство вело къ тому: а) учрежденіе обязанныхъ крестьянъ, б) право, данное крестьянамъ выкупаться на волю въ имѣніяхъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга, ежели крестьяне внесутъ въ мѣсячный срокъ ту сумму, на которой состоялся аукціонъ; в) право, данное крестьянамъ, приобрѣтать недвижимую собственность. Въ этомъ послѣднемъ законѣ даже сказано: «если существовали подобнаго рода собственности, купленные крестьянами на имя помѣщиковъ, то предоставляется помѣщикамъ право передавать эти собственности крестьянамъ купчими крѣпостями на бумагѣ низшей цѣнности въ теченіе десятилѣтняго срока».

Кто будетъ возставать противъ благотѣльности этихъ мѣръ, ведущихъ къ цѣли высокой, путемъ послѣдовательнымъ... Развѣ было говорено вопреки этихъ мѣръ?

Переходя къ объясненію той части доноса Антонелли, гдѣ я будто бы ему сообщилъ, что Шрамченко держитъ въ рукахъ всю іерархію и все перевернулъ вверхъ дномъ, я, повторивъ мой разговоръ съ нимъ, изложенный выше, сказалъ: «чтобъ вывести изъ этого разговора, что такой-то секретарь консисторіи держитъ въ рукахъ всю іерархію и все

переввернулъ вверхъ дномъ, надобно имѣть слишкомъ пылкое воображеніе, мало опытности, совершенное незнаніе нашихъ учрежденій и совершенное невѣдѣніе того, что дѣлается въ Россіи. Пылкость воображенія свойственна ему, господину Антонелли, какъ итальянцу; неопытенъ онъ по юности; что въ Россіи консисторій столько, сколько епархій, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой отдѣльный кругъ дѣйствій и что все это сосредоточивается въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, Антонелли могъ не знать, какъ иновѣрецъ и чужестранецъ; что въ послѣднее время не выходило никакихъ узаконеній, которыя бы измѣняли основанія, на которыхъ существуетъ наше духовенство. господинъ Антонелли могъ также не знать, какъ иновѣрецъ и чужестранецъ, не интересующійся слѣдить за ходомъ узаконеній въ Россіи, а направляющій свою дѣятельность на предметы, лично для него болѣе выгодные.

И такъ, г. Толь и г. Антонелли были у меня 16-го апрѣля (и они только двое были во фракахъ), а на другой день развели мосты, и я, несмотря на все мое желаніе, не могъ къ нимъ попасть въ воскресенье 17-го апрѣля. Встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней послѣ того Антонелли, я выразилъ сожалѣніе, что не могъ быть у него вслѣдствіе разведенія мостовъ. Антонелли высказалъ, что вслѣдствіе этого вечеръ у него совершенно не удался. Мнѣ тогда показалось странно, какъ отсутствіе нѣкоторыхъ живущихъ за Невою могло разстроить цѣлый вечеръ. Вѣроятно, готовился дѣйствительно какой-нибудь бенефисъ гостямъ г. Антонелли, разстроенный предварительно отложеніемъ вечера съ субботы на воскресенье и окончательно разведеніемъ мостовъ: этимъ только я объясняю себѣ теперь все негодованіе, излитое имъ на меня всѣхъ бывшихъ у меня 16-го апрѣля, разразившихся въ выраженіяхъ: Разбой и водка, водка и разбой, а типоды, выходи съ того свѣта... гдѣ припомнить всѣ эпитеты, которыми такъ щедро надѣлялъ г. Антонелли всѣхъ бывшихъ у меня 16-го апрѣля. Но все это слова, порожденныя досадою, гдѣ же доказательства? Правда, темныя краски легче ложатся на свѣтлыя ткани, но не наоборотъ; химія даетъ намъ средства уничтожать цвѣта на тканяхъ, на рукахъ же красильщика всегда остаются слѣды его ремесла. И вотъ г. Антонелли принялся чернить на всѣ стороны, правда, съ нѣкоторыми лестными исключеніями, но тѣ, которые не подверглись его громоноснымъ эпитетамъ, что же тѣмъ выиграли? Разберемъ его эпитеты порознь.

Разбой и водка, водка и разбой; чтобы сдѣлать заключеніе о цѣломъ обществѣ, что оно дышало разбоемъ и водкой, водкой и разбоемъ, надобно непременно указать хоть на нѣкоторыя проявленія этого стремленія, уже не говорю цѣлаго общества, но хотя кого-нибудь, и г. Антонелли при своей наблюдательности вѣрно подмѣтилъ бы это, и при свойственной ему любознательности могъ бы

тотчасъ узнать и фамилію высказавшаго стремленіе къ разбою и водкѣ, водкѣ и разбою; но если онъ не указываетъ ни на кого, то обвиненіе цѣлаго общества въ наклонности къ разбою и водкѣ, водкѣ и разбою нелѣпо и не основательно потому, что никто ни сказалъ, или сдѣлалъ ничего неприличнаго, хотя при закускѣ и былъ сервированъ хересь. Антиподы и выходцы съ того свѣта, очевидно, поставлено... очевидно поставлено... право не знаю—для красоты ли слога или для силы выраженія. Я признаюсь по совѣсти, не вижу ни того, ни другаго: можетъ быть потому, что не занимаюсь подобнаго рода нязщной словесностью.

Да, вспомнилъ еще одинъ изъ отвѣтовъ г. Антонелли обо всѣхъ бывшихъ у меня 16-го апрѣля—это: что все общество отличалось отсутствіемъ здраваго смысла. Чтобъ сдѣлать такой отзывъ, необходимо участвовать въ бесѣдѣ, или по крайней мѣрѣ внимательно къ ней прислушаться. Сколько мнѣ помнится, г. Антонелли не вставалъ со стула, на который сѣлъ по пріѣздѣ, и почти не принималъ участія въ бесѣдѣ; гости же сидѣли въ нѣсколькихъ комнатахъ: какимъ же образомъ г. Антонелли могъ провякнуть не только черепы, но и стѣны? Слѣдовательно, и этотъ послѣдній отзывъ г. Антонелли я не могу признать хоть сколько-нибудь похожимъ на справедливый.

Относительно впечатлѣнія, произведеннаго на меня и прочихъ слушателей чтеніемъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю, могу сказать, что на меня лично произвело оно впечатлѣніе тяжелое, грустное: видно было, что писано оно въ желчномъ, болѣзненномъ расположеніи духа, но, вспомнивъ евангельское выраженіе: «не суди, да не осужденъ будеши», или, еще вѣрнѣе, — евангельскую же притчу о блудницѣ, которую Христосъ спасъ, сказавъ: «пусть первый камень броситъ тотъ, кто себя считаетъ невиннымъ», и перваго камня никто не бросилъ.

Въ настоящую минуту не припомню болѣе ничего изъ своихъ письменныхъ отвѣтовъ.

Такъ какъ, при слѣдственной комиссіи, гдѣ насъ допрашивали, была еще подкомиссія подъ начальствомъ Липранди для разбора бумагъ, забранныхъ у арестованныхъ, и всякое выраженіе, компрометирующее или даже сомнительное въ письмахъ, дневникахъ, даже на клочкахъ бумаги, было представляемо въ комиссію и было предметомъ допросовъ, такъ слѣдующая замѣтка въ моемъ дневникѣ вызвала тщательный допросъ.

«(І. П. Д.) глупъ, какъ сало, познаній никакихъ, воспитывался въ Іезуитскомъ коллегіумѣ и оканчивалъ свое образованіе въ Collège royale во Франціи, но даже не выучился говорить по-французски (переворотъ)».

Вотъ послѣднее-то выраженіе, поставленное въ скобкахъ, и вызвало требованіе отъ меня объясненій, тѣмъ болѣе, что изъ объясненій

моихъ по предметамъ, вошедшимъ въ доносъ, нельзя было вызвать ничего обвинительнаго протѣвъ меня; но выраженіе (переворотъ) и таинственныя буквы (І. П. Д.), по мнѣнію остроумныхъ членовъ комиссіи и подкомиссіи, уличали меня въ намѣреніи совершить переворотъ государственнй, или социальный. Я сказалъ, что буквы (І. П. Д.) суть заглавныя имени, отчества и фамиліи господина, занимающаго довольно высокій административнй постъ въ Тамбовской губерніи, то невыгодная оцѣнка этого лица, сдѣланная въ моемъ дневникѣ, вынуждаетъ меня просить не настаивать на требованіи назвать это лицо, тѣмъ болѣе, что и выраженіе «переворотъ» не имѣетъ никакого значенія политическаго, а скорѣе только физическй, личнй переворотъ.

Это желаніе и просьба моя не были уважены, и комиссія потребовала названія лица, значащагося подъ буквами (І. П. Д.), и объясненія слова переворотъ. Нечего дѣлать, пришлось сказать, что рѣчь идетъ о тамбовскомъ вице-губернаторѣ І. П. Дуб—омѣ, о которомъ мнѣ передавали его собственнй будто бы разсказъ, что «онъ однажды качался на качеляхъ», и вдругъ веревки оборвались, онъ упалъ торчмя головой въ землю и послѣ этого переворота сталъ дуракъ дуракомъ.

Еще выраженіе моего дневника, вызвавшее сильную бурю и требованіе объясненія: «что въ Россіи, государствѣ безъ столицы, важно было бы развитіе провинціальныхъ головъ».

Пришлось опять доказывать, что замѣтки въ дневникѣ не должны бы быть предметомъ допроса, а тѣмъ болѣе, ежели замѣтки не выражаютъ никакихъ преступныхъ намѣреній.

Но въ моей замѣткѣ находили преступность въ томъ, что я, вопреки Высочайше признанныхъ Москвы и Петербурга, какъ столицъ, какъ будто игнорирую это, вопреки изложеннаго въ учебникахъ Географіи, цензурою одобренныхъ, и которые мнѣ, какъ кончившему курсъ въ Императорской военной академіи, должны быть извѣстны.

Я объяснялъ, что противъ изложеннаго въ учебникахъ не спорю и публично своего мнѣнія не проповѣдую; но замѣтка моя вызывается и оправдывается при изслѣдованіи, подходятъ ли Москва и С.-Петербургъ подъ тѣ понятія, которыя связываются съ городами, именуемыми столицами въ образованныхъ государствахъ?

Подъ именемъ столицы принято разумѣть центръ правительственнй и общественнй, т. е. мѣсто, гдѣ находятся высшія учрежденія административныя, законодательныя, судебныя, гдѣ находится дворъ, гдѣ какъ въ зеркалѣ отражается общественное и интеллектуальное развитіе разныхъ мѣстъ въ государствѣ, и какъ зеркало же отражающее на эти отдаленныя мѣста всякй прогрессъ, который при вышеналоженныхъ условіяхъ получаетъ починъ въ столицѣ же.

Который же изъ нашихъ городовъ, именуемыхъ столицами, удовле-

творяетъ этимъ условіямъ? Петербургъ? въ немъ резиденція царя, дворъ, министерства, Правительствующій Сенатъ (котораго нѣсколько департаментовъ имѣются въ Москвѣ и даже въ Варшавѣ), а далѣе?

Никто не возразитъ, что Петербургъ наименѣе русскій городъ, слѣдовательно, въ немъ и не отражается развитіе провинцій; затѣмъ, такъ какъ власти административная, законодательная, судебная сосредоточиваются въ особѣ государя императора, то, съ выѣздомъ Его Величества, хотя бы для смотра войскъ, не остается въ Петербургѣ ничего кромѣ канцелярій, никакой законной власти не и м у щ и х ъ, напрасно громко называемыхъ министерствами.

Москва? Да вѣдь ее справедливо называютъ большая деревня, тамъ происходитъ коронація по вступленіи государей на царство, да развѣ это обязательно и не можетъ подлежать измѣненію по волѣ государя, затѣмъ не остается никакого признака, присущаго столицѣ. — Скажутъ пожалуй: «ея дворець?» Да дворцы имѣются и въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ и въ Гатчинѣ, сверхъ того, многія изъ станціонныхъ домовъ на шоссеиныхъ дорогахъ называются дворцами, не говоря уже о тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ бывають сборы войскъ, тамъ вездѣ почти понастроены дворцы.

Слѣдовательно, по моему мнѣнію, и высказанному только въ дневникѣ, Москва также не заслуживаетъ титула столицы.

Вспомнилъ еще одинъ изъ предметовъ, выкопанныхъ подкоммисіей, вызвавшихъ допросъ: въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ отъ нѣкоего Михайлова онь между прочимъ говорить, что его управляющій всякій вечеръ вспоминаетъ объ адскомъ зажигателѣ. Это послѣднее выраженіе вызвало требованіе объясненій объ зажигателѣ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ: въ прямомъ не имѣлъ ли этотъ зажигатель какого-либо отношенія къ пожарамъ, свирѣпствовавшимъ тогда въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а въ переносномъ, не идетъ ли рѣчь объ адскомъ зажигателѣ пламени бунта.

Я прямо сказалъ, что адскимъ зажигателемъ тотъ управляющій называлъ меня, показывавшаго въ его присутствіи непонятную для него штуку зажигания снѣга, и я полагаю, что каждый изъ гг. членовъ комиссіи знаетъ этотъ простой фокусъ, состоящій въ томъ, что въ снѣгъ надобно положить кусокъ камфоры и зажечь его.

Въ этомъ заключается а л ъ ф а и о м е г а всѣхъ обвиненій, падавшихъ на меня. Ежели и были можетъ быть еще какія-либо мелочныя подробности, о которыхъ меня спрашивали, то вѣроятно это были такіе пустяки, что не сохранились и не оставили никакого слѣда въ моей памяти.

Спустя нѣкоторое время послѣ письменныхъ и словесныхъ объясненій, я былъ потребованъ въ комиссію, для письменныхъ отвѣтовъ

по вопроснымъ пунктамъ, составленнымъ предварительно по формѣ. Я не помню подробнаго изложенія вопросовъ и отвѣтовъ, но изъ вышеизложеннаго можно видѣть, въ какомъ духѣ могли быть мои отвѣты. Но не могу не рассказать эпизода, при этомъ случившагося.

Такъ какъ вопросы все-таки выпытывали, нѣтъ ли какого-либо злокачественнаго, неблагонамѣреннаго направленія, стремленія и проч., то я наконецъ высказалъ, что изъ моихъ откровенныхъ, по совѣсти, объясненій и показаній они (члены комиссіи) могутъ ясно видѣть: что ежели считать преступнымъ пониманіе того, что дурно и какъ необходимое послѣдствіе этого пониманія — желаніе улучшеній, а для усвоенія этого, надобно только взглянуть внимательно на то или другое учрежденіе, то, заарестовавши нѣсколько сотъ людей, далеко не всѣхъ заарестовали: по моему мнѣнію, изъ 70.000.000 населенія слѣдовало бы арестовать 69.999.000 и пожалуй еще нѣсколько сотъ, затѣмъ остальные нѣсколько сотъ, не способныхъ понимать самыхъ простыхъ вещей, стерегли бы прочихъ. Дубельтъ на это возразилъ: «Вы думаете, что вы, молодежь, прогрессъ, а что мы, старики, выжили изъ ума?» Я отвѣчаю, что никакъ не считаю себя олицетвореннымъ прогрессомъ, но не отказываюсь отъ способности отличать бѣлое отъ чернаго, что же касается до способностей его превосходительства и прочихъ, то я не беспокоилъ себя думать объ этомъ. Ростовцевъ на это вскричалъ, заикаясь: «вмѣсто того, чтобъ говорить дерзости, вы должны бы на колѣняхъ просить помилованія».

Я на это говорю, что могу стоять на колѣняхъ только передъ женщиною или на молитвѣ предъ Богомъ, а въ немъ я не вижу ни того, ни другаго. Ростовцевъ спрашиваетъ: «А предъ государемъ?» Я отвѣчаю, что его здѣсь нѣтъ. Ростовцевъ говоритъ: «Мы его генераль-адъютанты». — Я на это говорю: такъ не передъ вами ли стать на колѣни? Вы, ваше превосходительство, а не я, позволяете себѣ дѣлать дерзости чловѣку, который того не заслуживаетъ и находится въ состояніи безсилія.

Мнѣ не дѣлали очвой ставки ни съ кѣмъ. Много прошло времени, пока переспросили всѣхъ заарестованныхъ, помнится, не менѣе мѣсяца. Затѣмъ начали понемногу освобождать тѣхъ, которые ни въ чемъ не причастны; такъ выпустили брата моего Алексѣя, Кропотова, Бѣлецкаго и еще нѣкоторыхъ: какъ объяснено мною, изъ форточки моего каземата видны были всѣ входящіе и уходящіе изъ дома, гдѣ помѣщалась комиссія.

Освобожденія прекратились, члены комиссіи съѣзжались уже не каждый вечеръ; иногда по утрамъ пріѣзжали князь Гагаринъ и Ростовцевъ; какъ-то разъ и меня водили утромъ, когда были только эти двое, и предлагали мнѣ нѣкоторые дополнительные вопросы. Вожденіе въ комиссію, днемъ ли это бывало, или вечеромъ, было единственнымъ развлеченіемъ, безъ котораго скука была неодолима.

Ежедневныя срочныя посѣщенія плацъ-адъютантовъ въ 6 часовъ утра, въ полдень и въ 6 часовъ вечера мало развлекали, хотя я и старался самъ себя развлекать при этихъ визитахъ тѣмъ, что рассказывалъ плацъ-адъютантамъ о предметахъ допроса, смѣялся, что сочинили дѣло, изъ котораго сами сочинившіе не знаютъ, какъ съ честью выдти: плацъ-адъютанты говорили, что имъ не приказано вступать въ бесѣды съ арестованными кромѣ случаевъ какихъ-либо необходимыхъ заявленій; я возражалъ имъ на это, что пусть они и не бесѣдуютъ со мною, я одинъ буду имъ рассказывать объ дѣлѣ, чтобъ они не воображали, что мы какіе-либо лютые заговорщики, а просто Антонелли понадобились деньги, или онъ дѣйствовалъ, какъ агентъ другаго лица (тогда я еще не зналъ, что Иванъ Петровичъ Липранди—главный авторъ всей исторіи).

Бѣдные плацъ-адъютанты, они, не имѣя права разговаривать и не имѣя права уйти изъ каземата, пока не уберутъ служителя въ казематъ, старались успокоить. Но я грѣшный, рассказывая имъ эти вещи, имѣлъ ту заднюю мысль, что они хотя и плацъ-адъютанты и къ тому же изъ нѣмцевъ (одинъ Майдель, весьма благообразный; другой, кажется, Вильбрандтъ, Вильбрехтъ или что-то въ этомъ родѣ, съ большими усами,— и съ предоброй рожею), но все-таки не нѣмцы же, какъ рыбы, и черезъ нихъ могутъ проникнуть въ обращеніе правдивыя рассказы объ дѣлѣ; иначе, при отсутствіи гласности и публичности веденія дѣла, пустятъ такія нелѣпыя розсказни сверху и снизу (какъ это и было сдѣлано), что не окажется никакой возможности опровергнуть слухи, какъ бы они нелѣпы ни были.

Видя, что общіе сѣзды членовъ комиссіи почти прекратились, прекратилось и освобожденіе, котораго, по правдѣ сказать, считалъ себя въ правѣ ожидать и я наравнѣ съ другими; прекратилось и требованіе въ комиссію для объясненій или дачи показаній... Скука начала гнестя неодолимо; я началъ терять надежду даже на то, что соплютъ куда-нибудь, хотя и не считалъ себя заслуживающимъ того, но ссылку предпочелъ бы гніенію въ тюрьмѣ. Можетъ быть, это дурное расположеніе духа, или дурная пища, при недостаткѣ моціона и отсутствіи вентиляціи, но у меня заболѣли глаза, потомъ сдѣлался огромный вередъ на шеѣ, котораго слѣдъ сохраняется и по сіе время и который, можетъ быть, отвлекъ притокъ крови отъ глазъ.

Все это вмѣстѣ взятое вынудило меня сдѣлать шагъ, который ухудшить положенія моего не могъ, а ежели дѣло мое должно поверотить къ лучшему, то могло приподнять хоть краешекъ завѣсы. Я рѣшилъ проситься въ солдаты.

Однажды я прошу плацъ-адъютанта, кажется, Майделя, доложить комиссіи, что я имѣю надобность сдѣлать объясненіе. Въ тотъ же день меня ведутъ въ комиссію, гдѣ засѣдали князь Гагаринъ и Ростовцевъ.

На вопросъ князя Гагарина, чѣмъ еще я имѣю дополнить свои показанія, я отвѣчаю, что дополнять моихъ показаній мнѣ нечѣмъ, потому что я высказалъ все, что зналъ о томъ, о чемъ меня спрашивали, но, находясь столько мѣсяцевъ въ заключеніи и сознавая, что болѣе не могу содѣйствовать даже дѣятельности комиссіи, такъ какъ болѣе того, что объяснилъ по дѣлу, не знаю ничего, обращаюсь къ комиссіи съ покорнѣйшею просьбою исходатайствовать какъ милость Высочайшее разрѣшеніе отправить меня рядовымъ на Кавказъ: даже съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ, я могу быть полезнѣе, нежели какъ теперь въ казематѣ.

Князь Гагаринъ мнѣ говоритъ: «Не имѣете ли вы еще чего-нибудь на совѣсти, чего не высказали при допросахъ, что просите себѣ такого наказанія, какого бы вы никакъ не заслуживали по тѣмъ даннымъ, которыя объ васъ имѣются въ дѣлѣ?»

Послѣ сказаннаго Гагаринымъ я бы могъ, шаркнувъ ножкой, поблагодарить за сообщеніе, что мнѣ большой опасности не предстоитъ, но хотѣлось позондировать поглубже и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что просьба моя не была минутной вспышкой нетерпѣнія; а потому я и говорю: «Тѣмъ болѣе я смѣю надѣяться, что комиссія уважитъ мою просьбу, что, какъ я уже имѣлъ честь доложить, что прибавить къ показаніямъ ничего не имѣю, а ваше сіятельство выразились, что обвиненій въ такихъ преступленіяхъ противъ меня не имѣется, которыя бы влекли разжалованье въ рядовые; а я все-таки прошу, какъ милости, взаимнѣ заключенія, въ которомъ я содержусь уже нѣсколько мѣсяцевъ, разжалованья въ рядовые.

Гагаринъ и Ростовцевъ оба уговариваютъ меня отступить отъ этой мысли, и что во всякомъ случаѣ они двое не имѣютъ полномочія входить съ подобнымъ представленіемъ, а ежели я не беру моей просьбы назадъ, то они доложатъ комиссіи.

Я прошу доложить комиссіи.

Кажется, что около двухъ недѣль, но ужь никакъ не менѣе десяти дней, прошло до вызова меня въ комиссію, что было днемъ, но не вечеромъ, какъ бывало прежде.

Гагаринъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ, что мнѣ дано было достаточно времени обдумать просьбу, которую я, тогда-то, высказалъ ему и генералъ-адъютанту Ростовцеву; въ настоящее время, обдумавши все, что было ими мнѣ сообщено, поддерживаю ли я прежнюю просьбу или отказываюсь отъ нея?

Я говорю, что полагалъ, что меня вызвали для объявленія Высочайшаго соизволенія на мою просьбу, а теперь, къ сожалѣнію, вижу, что эти дни прошли для меня бесполезно и дѣло остается на томъ же мѣстѣ, какъ было двѣ недѣли назадъ, и милость, о которой я просилъ, мнѣ не оказана.

К н я з ь Г а г а р и н ѣ. Ежели вы просите для себя исключенія противъ

товарищей вашихъ по заключенію, то почему же полагаете, что это предпочтеніе должно быть вамъ оказано предъ другими, судьба которыхъ будетъ обсуживаема комиссіею, и развѣ вы считаете себя имѣющимъ особня на то передъ другими права?

Гагаринъ попалъ «въ жилку», какъ говорится; я, ратовавшій за равноправность, буду просить исключенія для себя; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло разъяснилось достаточно, и мнѣ предоставлялось почетное отступленіе. Я говорю, что не имѣлъ никакъ намѣренія считать себя имѣющимъ право на исключеніе, а потому отказываюсь отъ своего заявленія, предоставляя судьбу свою въ руки комиссіи.

Всѣ безъ исключенія выразили мнѣ свою сатисфакцію (не могу приискать русскаго слова для выраженія того—не то одобренія, не то благоволенія...) и съ пріятной (насколько кто способенъ) улыбкой высказали, что судьба моя въ хорошихъ рукахъ или что-то въ такомъ родѣ.

Я уже поклонился, чтобъ уходить, но вдругъ обращаюсь къ комиссіи, говоря, что у меня теперь есть другая просьба.

— Какая еще?

— У меня заарестованы деньги, на которыя мнѣ покупаютъ чай, сахаръ, сигары, то я прошу разрѣшенія купить мнѣ за эти деньги книгъ и стеариновыхъ свѣчей, такъ какъ дни теперь короче, спать болѣе семи часовъ въ сутки не могу, а читать при ночникѣ невозможно.

У всѣхъ членовъ комиссіи отлегло, услышавъ такую простую, легко исполнимую просьбу, а не такую дикую, по ихъ мнѣнію, какова была первая просьба. Безъ сомнѣнія, мнѣ разрѣшили все просимое мною, но чтобъ списокъ книгъ предварительно представить чрезъ плацъ-адъютанта на усмотрѣніе комиссіи.

Послѣ рассказаннаго мною, я могъ считать свое положеніе не только не безнадежнымъ, но даже благоприятнымъ, безъ сомнѣнія, относительно. А все-таки не видать было, когда конецъ и какой пменно. Спустя нѣсколько времени послѣ этого эпизода, были похороны великаго князя Михаила Павловича, церемонія продолжалась нѣсколько дней: это было значительное развлеченіе для насъ, заключенныхъ. Въ самый день погребенія сѣздъ былъ огромный, весь дворъ былъ уставленъ экипажами. Я, да безъ сомнѣнія и прочіе всѣ, чьи окна выходили на этотъ дворъ, не отходилъ отъ отворенной форточки. Когда началась салютационная пальба при опусканіи гроба, то лошади стали биться, и многіе экипажи позапутались,— опять развлеченіе. При разѣздѣ пришлось «господамъ» самимъ разыскивать свои экипажи, и князю Гагарину пришлось какъ разъ передъ моимъ окномъ съ форточкой, у которой я стоялъ, дожидаться, пока подадутъ его коляску. Онъ меня узналъ и, снимая трехъуголку, раскланялся; затѣмъ пантомимами показывая на землю и на небо, возводя очи горѣ и въздыхая, вѣроятно, хотѣлъ высказать, что тѣло за-

рыли, а душа вознеслась, или что-либо въ такомъ родѣ: я тоже отвѣчалъ ему мимически возведеніемъ очей къ небу. Я думаю, презабавно было бы подсмотрѣть со стороны нашу миимику. Затѣмъ коляску подали, я Гагаринъ еще нѣсколько разъ поклонился мнѣ, снимая шляпу. Это раскланываніе еще болѣе убѣдило меня, что вопросъ обо мнѣ скоро долженъ быть рѣшенъ и рѣшенъ не весьма дурно; иначе князь Гагаринъ сталъ ли бы раскланываться съ крѣпостнымъ арестантомъ, по собственной своей инициативѣ.

А время идетъ своимъ чередомъ. Засѣданія комиссіи прекратились совершенно. Какъ-то проскользнуло высказаніе котораго-то изъ плацъ-адъютантовъ, что уже другая комиссія разсматриваетъ или будетъ разсматривать это дѣло.

Прекращеніе занятій комиссіи хотя показывало, что дѣло вступило въ новый фазисъ, но не стало развлеченія смотрѣть, какъ сѣзжаются члены, много ли народа водятъ къ допросу.

Въ одинъ изъ вечеровъ въ концѣ сентября послѣ пробитія зарп. слышу окрикъ: «№ 5!» затѣмъ по обыкновенію шаги и бряцаніе при отпираниіи дверей моего помѣщенія. Вносятъ мое платье при плацъ-адъютантѣ Вильбрехтѣ, на его добродушномъ лицѣ въ родѣ радостной улыбки.

Я его спрашиваю: «Что, капитанъ, меня выпускаютъ, что ли, такъ надобно и бѣлье свое надѣвать?» (Послѣ того, какъ намъ дали, вмѣсто арестантскаго платья и бѣлья, холстяное бѣлье и проч. изъ офицерскихъ госпитальныхъ палатъ, то при одѣваніи въ комиссію я бѣлье не надѣвалъ свое).

— Нѣтъ, за чѣмъ же, впрочемъ, какъ хотите, васъ требуютъ въ комиссію.

— Да сегодня и засѣданія нѣтъ, видите ли: тамъ темно?

— Въ этихъ окнахъ, что сюда, холодно, то комиссія занимается въ тѣхъ заднихъ комнатахъ.

— Ну, ладно, пойдемте, капитанъ.

Покинувъ статью о желѣзныхъ дорогахъ въ Сѣверной Америкѣ, которую я читалъ предъ приходомъ плацъ-адъютанта, пошли мы въ двухъ-этажный домъ, куда водили насъ для допроса, но вездѣ было темно.

— Видите, капитанъ, нѣтъ никого, — говорю я.

— Вѣрно, они у коменданта; пойдемте туда.

Пошли къ почтенному Ивану Александровичу Набокову. Изъ прихожей вошли мы въ комнату, изъ которой направо отворенная дверь въ гостиную, а налево кабинетъ. Въ гостиной были гости и, когда доложили Набокову, что меня привели, то я видѣлъ, какъ дамы, сидѣвшія въ гостиной, съ любопытствомъ оборотились къ двери. Набоковъ послѣдовалъ выдти къ намъ и тотчасъ же сдѣлалъ замѣчаніе плацъ-адъютанту: «Зачѣмъ вы черезъ парадную лѣстницу, я сказалъ, чтобы черезъ черную».

Затѣмъ онъ пошелъ со мной въ кабинетъ, взявъ со стола бумагу и не внятно изъ нея прочитавъ, что я свободенъ отъ ареста по Высочайшему повелѣнiю. Я его спрашиваю, когда же кончится разсмотрѣнiе дѣла судебною комиссiею. а онъ мнѣ говоритъ: «вамъ какое дѣло?» Я отвѣчаю, что не считаю себя свободнымъ распорядиться собою до совершеннаго окончанiя разсмотрѣнiя дѣла. Онъ мнѣ на это: «да вы совершенно свободны». Тутъ у меня родилась мысль, нѣтъ ли еще чего-либо въ бумагѣ, можетъ быть кромѣ меня выпускаютъ и другихъ, то не вредно было бы прочитать бумагу самому. Я и говорю съ самымъ навяннымъ тономъ, что не хорошо разслышалъ, какъ его высокопревосходительство прочитавъ, и прошу позволенiя прочитать самому. А онъ мнѣ на это: «Нѣтъ, я самъ прочитаю, и прочитавъ, насколько онъ могъ, ясно и съ разстановкой, что по докладу комиссiи о совершенной невинности (тутъ видно было, что изъ нѣсколькихъ фамилiй онъ ищетъ мою) государь императоръ Высочайше или всемилостивѣйше, не припомню, повелѣтъ сонзвонялъ поименованныхъ освободить отъ суда и отъ ареста. Нечего дѣлать—пришлось удовлетвориться.

Потомъ онъ предложилъ мнѣ дать росписку, что я никому не буду рассказывать ни того, гдѣ я былъ, ни о чемъ меня разспрашивали и что я отвѣчалъ и что я всѣмъ доволенъ. (Свѣжо преданiе, а вѣрится съ трудомъ). Я спрашиваю, за чѣмъ же эта росписка? Набоковъ говоритъ: «а затѣмъ, что васъ безъ этой росписки не выпускаютъ». Нечего дѣлать—подписавъ въ вынужденную росписку, которую я подписывая считавъ не обязательною.

Тогда онъ, вручивъ мнѣ шпагу изъ коллекцiи разнаго оружiя, хранившася въ его кабинетѣ отъ арестованныхъ офицеровъ, спрашиваетъ: «а что, будете теперь читать Фурье?».

— Отчего же не читать?—отвѣчаю я: читать только съ толкомъ и не увлекаться фантазіями.

— Нѣтъ, ужъ лучше не читайте. Прощайте, очень радъ, что вы свободны.

Я спрашиваю, могу ли я сейчасъ же получить мои вещи (бѣлье, книги) и деньги.

• — Нѣтъ, ужъ вы прiѣзжайте завтра и все свое получите, а казенное сдадите.

Не зная, гдѣ приклонить голову, потому что пожалуй никто изъ знакомыхъ не пуститъ къ себѣ, чтобы не быть компрометированнымъ, въ то время террора, и не зная, въ Петербургѣ ли мой братъ Алексѣй, я выпросилъ у плацъ-адъютанта нѣсколько рублей до слѣдующаго дня.

(Окончанiе слѣдуетъ).

Стихи И. И. Лажечникову по поводу «Ледяного дома».

Наконецъ мы домъ урѣли
И раздѣться лишь успѣли,
Къ самовару мы сошли,
Разомъ чай намъ принесли.
Ледяной читаемъ домъ,
Сидя за большимъ столомъ.
Писанъ сей романъ прекрасно,
Анны вѣкъ описанъ ясно.
Сочинителю хвала!
За него гласить молва.
Мы съ молвою съединились
И ему всё поклонились.

Сообщ. **Ив. Некрасовъ**

— — — — —
* * *

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его топчее поле,
На немъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю,
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Н. И. Гнѣдичъ.

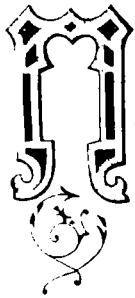

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

проф. Спб. духовной Академіи.

ГЛАВА XLII ¹⁾.

О Теофилактѣ, архіепископѣ рязанскомъ.

Нослѣ Амвросія архіепископомъ назначенъ былъ въ Рязань Теофилактъ, архіерействовавшій до того времени въ Калугѣ. Въ Рязани и нынѣ еще любятъ тщеславиться тѣмъ, что они имѣли такого знаменитаго архипастыря. Въ большую часть первой четверти нынѣшняго столѣтія о немъ говорили въ Россіи всѣ слѣдившіе за духовными дѣлами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба между имъ и Филаретомъ Дроздовымъ. Въ Калугѣ же и Рязани, гдѣ Теофилактъ былъ епархіальнымъ начальникомъ, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ не одно духовенство, но и свѣтскую публику. Даже въ Петербургѣ, живя долго, какъ членъ Синода, онъ заставлялъ говорить о себѣ высшую публику, можетъ быть не менѣе того, какъ они говорили о тамошнемъ митрополитѣ. Слухъ былъ и долго поддерживался, что даже одна высокопоставленная особа была неравнодушна къ ловкому, умному блестящему прелату. Какъ экзархъ Грузія, можетъ быть онъ не очень нравился тамошнему аристократическому духовенству, но исторія, по всей вѣроятности, отдастъ ему честь въ томъ, что онъ болѣе всѣхъ своихъ преемниковъ по экзархатству способствовалъ обученію Грузія въ іерархическомъ отношеніи. Со смертію его, послѣдовавшею въ началѣ двадцатыхъ годовъ, особенно въ царство -

¹⁾ См. «Русскую Старину» декабрь 1894 года.

ваніе императора Николая, о немъ мало не только писали, но и вспоминали. Неутомимый врагъ его былъ въ силѣ, не время было говорить объ умершемъ соперникѣ. Но повторяю, въ большую часть первой четверти нынѣшняго столѣтія онъ былъ одною изъ наиболѣе выдававшихся духовныхъ нашихъ знаменитостей.

Разсказывать всю его жизнь здѣсь не кстати, да я не имѣю достаточныхъ пособій для этого, передамъ же преимущественно то, что мнѣ удалось слышать отъ знавшихъ и видавшихъ его; не скрываю даже и того, что мое описаніе, можетъ быть, касается не столько его достоинствъ, сколько темныхъ качествъ, которыя или были дѣйствительными недостатками или могутъ казаться такими.

По молвѣ, и нынѣ нерѣдко повторяемой, Теофилактъ былъ будто бы товарищемъ Сперанскаго по Александро-Невской семинаріи. Говорили, что они, учась въ ней, были искренними друзьями между собою. Будучи оба честолюбивыми людьми, они будто бы рассчитали, что, пошедши по одной дорогѣ въ жизни, непременно столкнутся между собою и изъ друзей могутъ сдѣлаться врагами. Поэтому бросили жребій, кому изъ нихъ остаться въ духовенствѣ, и кому вступить въ свѣтскую службу. Вотъ какъ молва объясняла поступленіе Теофилакта въ монашество; объ этомъ я отъ многихъ слыхалъ и въ Петербургѣ, и въ Рязани. Но чѣмъ ни руководствовался Теофилактъ, надѣвая на себя черную рясу, онъ началъ вышаться по іерархической лѣстницѣ; имѣя 33 года онъ, въ званіи архимандрита, былъ членомъ Синода; почти черезъ годъ послѣ того, слѣдовательно 34 лѣтъ, сдѣлался (1799 г.) калужскимъ епископомъ, не болѣе какъ черезъ семь лѣтъ по окончаніи курса въ Александро-Невской семинаріи. Съ 1807 г. онъ вновь уже въ Петербургѣ и за сѣдаетъ въ Синодѣ, потомъ, не знаю въ которомъ году, но еще будучи рязанскимъ архіепископомъ, получилъ брильянтовый крестъ на клобукъ, рѣдкую и нынѣ награду для архіепископовъ. Онъ имѣлъ право мечтать о митрополіи въ Москвѣ или Петербургѣ, но встрѣтилъ на своей дорогѣ соперника, который помогъ ему отправиться въ Грузію и умереть, можетъ быть, конечно и отъ тамошняго убійственнаго климата, но и не безъ пособія нравственныхъ потрясеній и огорченій.

По складу ума своего Теофилактъ не принадлежалъ къ числу

только богослововъ, особенно богослововъ-схоластиковъ. Это былъ ученый въ болѣе обширномъ значеніи: знаніе новыхъ языковъ ему дало возможность ознакомиться съ современными ему мыслителями конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій; онъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями по философіи, эстетикѣ и исторіи. По всей вѣроятности, онъ былъ въ свое время самый образованный изъ русскихъ монаховъ не въ монашескомъ, а въ общечеловѣческомъ отношеніи и, несмотря на свой архіерейскій санъ, любилъ заниматься наукою. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что онъ вызвался самъ быть профессоромъ словесныхъ наукъ въ открытой въ 1809 году Петербургской духовной академіи, уже въ санѣ архіепископа, и засѣдалъ въ Синодѣ. Это, какъ кажется, безпримѣрный поступокъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Извѣстно, что только ректоры С.-Петербургской духовной академіи, когда ихъ стали производить въ викарные архіереи, продолжали числиться профессорами, но только богословскихъ наукъ; притомъ не всѣ. Всѣ же архіереи сочли бы униженіемъ для своего сана быть въ числѣ профессоровъ академіи, особенно по такъ называемой свѣтской наукѣ. Они любили только давать свою десницу для лобзанія профессорамъ академіи и принимать отъ нихъ поклоны. Далѣе Теофилакть самъ составилъ и программу словесныхъ наукъ въ той же академіи. Конечно, программа эта въ нынѣшнее время не можетъ служить уже руководствомъ; но тогда она была замѣчательнымъ шагомъ впередъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Какой и нынѣ архіерей порекомендуетъ для руководства въ духовныхъ академіяхъ не только Цицерона, Тацита, Тита Ливія, Горація, Демосеена, но Монтескье, Даламбера, Мейнера, Етенбурга, Расина? Скажи это, особенно за десять и болѣе лѣтъ, какой-либо профессоръ, — онъ бы пожалуй уволенъ былъ отъ службы. А Теофилакть это написалъ въ 1808 г. Ему, конечно, нельзя было бояться отставки, но программа, имъ составленная, показываетъ, какъ глубоко онъ понималъ современныя ему требованія науки. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что онъ самъ перевелъ и напечаталъ сочиненія римскаго писателя Боэція Объ утѣшеніи, и потомъ подъ его надзоромъ студентами академіи переведены письма Ансильона объ эстетикѣ; послѣдній

переводъ, мы увидимъ, послужилъ обвинительнымъ пунктомъ противъ него.

По образу жизни Теофилактъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ нашихъ іерарховъ, которые находятъ нужнымъ придавать своимъ фізіономіямъ и словамъ ригористическій оттѣнокъ. Онъ не смотрѣлъ на жизнь, какъ на юдоль плача, какъ на мѣсто изгнанія, не находилъ нужнымъ безвременно сокрушаться о своихъ и напоминать другимъ объ ихъ согрѣшеніяхъ. Въ церкви онъ говорилъ поученія, большею частью, не по тетради, а импровизированныя; они если не отличались увлекательнымъ краснорѣчіемъ, то и мало страдали педантизмомъ, были ясны, просты, логичны. Но безъ саккоса и митры, внѣ церкви, онъ любилъ быть человѣкомъ; мнѣ кажется, что его можно назвать джентльменомъ между современными ему архіереями. Всѣ, съ кѣмъ я ни разговаривалъ о немъ, сказывали, что онъ одѣвался щегольски. Священники и протоіереи изъ студентовъ перваго курса Петербургской духовной академіи говорили, что они много разъ видѣли его прогуливающимся по лаврѣ съ маленькимъ зонтикомъ, которымъ онъ прикрывался отъ солнца. Это казалось большимъ соблазномъ для тогдашнихъ ханжей. По ихъ мнѣнію, вѣроятно, архіерею, если уже нужнымъ окажется зонтикъ, то надобно его брать аршина въ два въ діаметрѣ и употреблять его для защиты отъ дождя, а никакъ не солнца.

Теофилактъ любилъ жизнь, притомъ жизнь не скучную; любилъ бывать въ обществѣ и говорить не только о спасеніи души въ будущемъ, но и о предметахъ сего міра, якобы погрязшаго въ нечестіи. Разговоры его отличались остроуміемъ, основательностью, разнороднѣйшими свѣдѣніями, пробуждали сильную къ нему симпатію. Всякій, не предубѣжденный противъ него, невольно увлекался имъ и не могъ не полюбить его. Рязанскіе духовные и свѣтскіе люди, которымъ удалось съ нимъ проводить время, говорили о немъ чуть не съ восторгомъ. Дамы же были, какъ говорится, отъ него безъ ума. Въ объясненіе этого факта не нужно дѣлать никакихъ скандалѣзныхъ предположеній. Самые злые враги Теофилакта, старавшіеся очернить его всевозможными клеветами, не нападали на него, сколько мнѣ извѣстно, съ этой стороны. Только я и слыхалъ о томъ особомъ расположеніи, которое къ нему имѣ-

ла въ Петербургѣ одна высокопоставленная дама, но и это, по всей вѣроятности, носить нѣсколько легендарный характеръ. Въ Рязани мнѣ никогда не указывали ни на одну даму, которую можно было подозрѣвать въ слишкомъ интимныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Потомъ онъ, — сколько можно судить по его портрету, конечно, — имѣлъ важную осанку, выразительные глаза, свѣжее полное лицо, но былъ рыжъ и плѣшивъ, значить, красавцемъ считаться не могъ. Онъ самъ любилъ напоминать объ этихъ своихъ недостаткахъ и повторять латинскую поговорку: *a guso, salvo, bleso, Domine, miseregi me* (помилуй меня, Господи, отъ рыжаго и плѣшиваго человѣка). Онъ располагалъ къ себѣ своихъ собесѣдниковъ единственно своимъ умнымъ и увлекательнымъ разговоромъ, которому, можетъ быть, придавало особую прелесть и то, что его слышали отъ архіерея, отъ которыхъ вообще ждуть чего-то скучно-наставительнаго. Однажды въ Рязани какая-то дама, пришедши въ восторгъ отъ его разговора, сказала ему: «Ахъ! Ваше высокопреосвященство, зачѣмъ это вы пошли въ монахи? Какой бы вы были прекрасный свѣтскій кавалеръ!»

На это Теофилактъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ пошелъ я въ монахи? На это были свои причины. А чтобы меня стали считать прекраснымъ свѣтскимъ кавалеромъ, такъ это едва-ли могло случиться. Вотъ извольте видѣть». И тутъ, снявъ съ себя клобукъ, погладилъ рукою свою безволосую голову.

Но былъ за Теофилактомъ недостатокъ, въ которомъ невозможно его оправдать. Самому Теофилакту не осмѣливались давать взятки; но у него былъ секретарь Даниль Аѳанасьевичъ Щастневъ, котораго онъ привезъ съ собою изъ Калуги и потомъ взялъ въ Грузію, и который, по какой-то странности, по смерти своего протектора, былъ опредѣленъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, — врагомъ Теофилакта, въ секретари московской консисторіи и, наконецъ, служилъ уже въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ. И Даниль Аѳанасьевичъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ очень хорошее имѣніе подъ Рязанью.

Взяточничество секретаря, надобно полагать, происходило довольно въ большихъ размѣрахъ, потому что пробудило сильное негодованіе во многихъ пострадавшихъ отъ него. Отважныя го-

ловы, по всей вѣроятности, изъ семинаристовъ, въ одну ночь успѣли прибить надъ входомъ въ архіерейскій дворъ вывѣску, на которой крупными буквами было написано: въ семь домѣ продаются священническія, діаконскія и причетническія мѣста, а о цѣнѣ ихъ спросить Щастнева. Къ несчастію, изъ приближенныхъ къ архіерею лицъ долго никто не узналъ о ней, и она провисѣла надъ воротами съ утра чуть не до полудня; ее читали не только духовные, имѣвшіе нужду быть въ тотъ день въ архіерейскомъ домѣ, но и горожане, услышавшіе о существованіи ея.

Отъ недостатковъ Теофилакта перейду теперь къ административной его дѣятельности. Подробиостей и частныхъ о томъ, что онъ дѣлалъ въ Синодѣ, не имѣю. Но очевидно, что такой чловѣкъ не могъ тамъ сидѣть сложа руки и подписывать только протоколы, составляемые канцеляріей. Извѣстно, впрочемъ, что онъ въ 1806 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствія въ Синодѣ и тотчасъ же почти сдѣланъ былъ членомъ комитета для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. По всей вѣроятности, и вызовъ былъ сдѣланъ собственно потому, что его считали наиболѣе способнымъ изъ архіереевъ для этого дѣла. Когда же коммисія духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали Сперанскій и Теофилактъ, приступила къ составленію уставовъ для нихъ, то первый написалъ введеніе къ академическому уставу и первую часть его и затѣмъ отказался отъ дальнѣйшаго продолженія дѣла, которое покончить и было поручено Теофилакту. Онъ докончилъ академическій уставъ и, кромѣ того, составилъ уставы для духовныхъ семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Вотъ что мнѣ удалось узнать объ официальной дѣятельности Теофилакта въ Петербургѣ послѣ вторичнаго его назначенія присутствовать въ Синодѣ. Извините, что мои средства мнѣ не позволили болѣе этого узнать.

Во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ Теофилактъ архіерействовалъ, ему пришлось или вновь устраивать или улучшать семинаріи. При его поступленіи въ Калугу, тамъ вовсе не было еще семинаріи. Надобно было начинать во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего слѣдовало озаботиться приобрѣтеніемъ дома. Матеріальныхъ средствъ для этого не было, но Теофилактъ умѣлъ, какъ говорится, почти

безъ копѣйки приобрести домъ для семинаріи. Въ то время отстроены были въ Калугѣ громадныя, по своему протяженію, корпуса для присутственныхъ мѣстъ. Одинъ корпусъ оказывался не очень нужнымъ, до поры до времени. При умѣнны обходиться съ людьми, при авторитетѣ, которымъ онъ и тогда уже пользовался, Теофилактъ уговорилъ гражданское начальство уступить на нѣкоторое время корпусъ, въ которомъ еще въ данную минуту не нуждались для присутственныхъ мѣстъ. Уступили; семинарія въ немъ помѣстилась и устроилась и доселѣ пребываетъ. Только уже въ 1869 и 1870 годахъ нашли нужнымъ сдѣлать большую пристройку къ старому дому, чтобы приспособить семинарію къ новой реформѣ. Впрочемъ, въ которомъ-то году гражданское начальство хлопотало было о возвращеніи ему временно взятаго у него для семинаріи корпуса. Духовно-учебное вѣдомство принялось тогда доказывать, что имъ употреблены на домъ большія издержки, и просило вознаграждать ихъ. Списокъ издержекъ былъ слишкомъ длиненъ; деньги, требовавшіяся для уплаты ихъ, были едва-ли не выше цѣны всего дома. Началась переписка между отдѣльными вѣдомствами; писали, писали, и дѣло кончилось тѣмъ, что, какъ я сказалъ, семинарія и до сихъ поръ занимаетъ домъ, который ей данъ былъ едва-ли не за 70 лѣтъ во временное пользованіе.

Въ Рязани Теофилактъ нашелъ уже семинарію со всѣми ея инфимами и информациями. Но по внѣшности она находилась въ жалкомъ положеніи. Для каждаго почти класса или не болѣе какъ для двухъ были устроены, такъ сказать, особыя, болѣе или менѣе, обширныя избы, въ которыхъ жили казеннокоштные ученики не въ классное время, и потомъ тутъ же и учились вмѣстѣ съ квартирными. Кромѣ того, были особыя избы для столовой, правленія, начальниковъ и пр. Это было нѣчто въ родѣ небольшой деревушки съ однимъ общимъ дворомъ. Надобно же было вмѣсто этой деревни выстроить одинъ, но приличный домъ.

Но и въ Рязани такъ же, какъ въ Калугѣ, готовыхъ денегъ не было; впрочемъ, кажется, отъ Синода было сдѣлано какое-то незначительное пособіе. Но Теофилактъ умѣлъ находить залежалыя деньги и употреблять ихъ на общую пользу. Не знаю, самъ ли своею собственною властью, или съ разрѣшенія Синода, онъ пред-

писалъ указами, чтобы каждая церковь въ епархіи, гдѣ оказывались суммы ненужныя въ данную минуту, дала ихъ заимообразно правленію семинаріи для постройки новаго корпуса. На этомъ основаніи изъ моей родины, Николаевской Тумы, было отослано 2.000 руб. ассигнаціями. Всѣ, разумѣется, такія заимообразно взятая суммы состоятъ и доселѣ въ долгу за правленіемъ семинаріи. Въ двадцатыхъ годахъ, когда въ Тумѣ начали строить новую каменную церковь, прихожане и духовенство подали покорнѣйшее прошеніе о возвращеніи имъ занятыхъ у нихъ 2.000 р. и получали въ отвѣтъ, что семинарское правленіе не имѣетъ никакихъ источниковъ для уплаты этихъ денегъ. Велика ли была вся собранная такимъ образомъ сумма, я не знаю, но во время постройки ея оказалось недостаточно. Тутъ пополненіе происходило изъ монастырей, особенно изъ Радовицкаго. По словамъ нынѣшняго настоятеля его, Владиміра, отъ нихъ взято на постройку семинаріи 44.500 р. ассигн. Особенно замѣчательно было послѣднее заимствованіе изъ него 10.000 р. Комитетъ о постройкѣ семинаріи донесъ Теофилакту, что деньги у него всѣ вышли, а между тѣмъ еще не вставлены стекла въ рамы и проч. и проч., и что ему нужно для совершеннаго окончанія работъ до 10.000 руб. Въ Радовицкомъ монастырѣ настоятелемъ былъ какой-то отецъ изъ мѣщанъ, едва-ли гдѣ учившійся, по крайней мѣрѣ, вовсе не принадлежавшій ни къ ученымъ, ни къ покровителямъ и благожелателямъ просвѣщенія. Но Теофилактъ, чтобы польстить старцу и порасшевелить его самолюбіе, положилъ на представленіи комитета революцію: «обратиться къ настоятелю Радовицкаго монастыря, какъ извѣстному любителю духовнаго просвѣщенія и просить у него пособія» и проч. Отцу-настоятелю, разумѣется, пришлось поддержать свою репутацію любителя духовнаго просвѣщенія: 10.000 руб. отпущены, и семинарія окончена. Вновь отстроенный домъ, существующій доселѣ почти безъ всякихъ капитальныхъ измѣненій, принадлежитъ и теперь къ лучшимъ зданіямъ семинарій въ Россіи. Начали его строить въ 1812 и окончили въ 1814 году.

Устроивши новый домъ для семинаріи, Теофилактъ заботился улучшить ее во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ учебномъ. Онъ вовсе не былъ похожъ на тѣхъ, которые являются въ семинарію въ

какихъ-либо торжественныхъ, особыхъ случаяхъ, напримѣръ, для публичныхъ экзаменовъ, встрѣчаются съ колокольнымъ звономъ, принимаются ректоромъ и инспекторомъ еще на крыльцѣ, даже высаживаются ими изъ кареты, идутъ гусинымъ шагомъ въ залу, послушаютъ тамъ за недѣлю еще подготовленные отвѣты, посмотрятъ, и то не всегда на почище прибранныя комнаты, заглянуть въ столовую, пообѣдаютъ у ректора въ комнатахъ, выслушаютъ провозглашенныя имъ многія лѣта, выкупаютъ бокаль шампанскаго за благосостояніе семинаріи, благодарятъ за найденный во всемъ порядокъ и особенно за угощеніе и въ заключеніе, усѣвшись при помощи ректора и инспектора въ карету, отправляются домой, сопровождаемые колокольнымъ звономъ. Теофилактъ, разумѣется, бывалъ и на экзаменахъ, но, кромѣ того, прѣзжалъ или чаще прихаживалъ пѣшкомъ въ семинарію, какъ тогда говорили, — благовременнѣ, а болѣе безвременнѣ, т. е. когда его вовсе не ожидали; слушались лекціи наставниковъ, отвѣты учениковъ, дѣлалъ самъ вопросы, смотрѣлъ, чѣмъ кормятъ казеннокоштныхъ во всякое время, какъ живутъ они въ комнатахъ и пр. Съ учениками любилъ входить въ разговоры не объ однихъ предметахъ классическихъ, но и объ ихъ жизни, объ отцахъ, зналъ многихъ изъ нихъ въ лицо и по способностямъ. Желая заставить врасплохъ, по-домашнему, семинарію, онъ прихаживалъ часто пѣшкомъ, въ черномъ и даже ночью; только тутъ часто измѣнялъ ему относительно инкогнито его брильянтовый крестъ, который можно было замѣтить на значительномъ еще разстояніи. Съ наставниками былъ очень вѣжливъ и обходителенъ; лучшіе изъ нихъ, особенно Федоръ Ивановичъ Серезевскій, пользовались его расположеніемъ и почти дружбою. Къ несчастію, составъ учителей Рязанской семинаріи ни до, ни послѣ преобразованія семинаріи въ 1815 г., не отличался особенными личностями. До 1815 г. дѣльными учителями можно было считать только Серезевского и Иеронима. Послѣ преобразованія остался только одинъ Серезевскій, да о. Иеронимъ въ званіи ректора; присланы новыя лица изъ Петербургской духовной академіи, но изъ нихъ едва-ли не одинъ только Пясотиновъ могъ считаться хорошимъ профессоромъ; о нихъ я скажу тоже, а объ Гаврилѣ Городковѣ говорилъ уже раньше. Но все-таки Теофилактъ умѣлъ дать

семинаріи дѣльное направленіе и оставилъ чрезвычайно хорошую память о себѣ въ тѣхъ ученикахъ, которые учились въ семинаріи въ то время, какъ онъ жилъ въ Рязани.

Ежели о какомъ архіереѣ сохранились въ Рязани столь хорошія воспоминанія, такъ о немъ. Обращеніе Теофилакта съ духовенствомъ, особенно со священниками, было очень вѣжливо. Дай Богъ, если бы и нынѣ архіереи были такъ внимательны и вѣжливы. Умныхъ священниковъ онъ быстро замѣчалъ и давалъ имъ лучшія мѣста и благочинническія должности. Очень многихъ изъ нихъ, когда они являлись къ нему по дѣламъ, приглашалъ по вечерамъ къ себѣ на чай и тутъ очень любилъ вести себя самымъ простымъ и любезнымъ хозяиномъ. Въ тѣ праздничные и воскресные дни, когда онъ совершалъ литургію, онъ почти всегда говорилъ проповѣди, но не по тетради, а, какъ говорится, безъ подготовки, импровизаціей. Всѣ его проповѣди не отличались златоустовскимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, но и не страдали, подобно проповѣдямъ Филарета, туманностью, схоластикою и церковно-славянскимъ тяжелымъ языкомъ. Онѣ были ясны, просты, такъ сказать, логичны. Къ сожалѣнію, Теофилактъ архіерействовалъ въ Рязани только семь лѣтъ, да чуть не половину этого времени провель въ Петербургѣ. Но и живя уже постоянно въ Рязани, онъ не могъ спокойно предаваться административнымъ занятіямъ. Удаленіе изъ Петербурга, несбывшіяся надежды, слухи объ угрожающихъ ему непріятностяхъ не могли не ослаблять его энергіи. Наконецъ, буря разразилась, ему пришлось отправиться въ Грузію, конечно, на весьма почетный постъ, но который можно было считать и почетною ссылкой. Событіе это тѣсно связано съ взаимными отношеніями между Теофилактомъ и Филаретомъ Дроздовымъ; о нихъ-то теперь очередь говорить.

Къ Теофилакту и Филарету можно приложить русскую пословицу: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся». Эти два гениальныхъ, честолюбивыхъ и самолюбивыхъ человѣка, искавшихъ дѣятельности для осуществленія своихъ мыслей и плановъ, не могли быть друзьями, не могли идти по одной дорогѣ рядомъ; каждому изъ нихъ хотѣлось быть главнымъ дѣтелемъ, и потому одному кому-нибудь взять верхъ надъ другимъ, или, по крайней мѣрѣ, устра-

нить его куда-нибудь подальше отъ того мѣста, гдѣ они могли столкнуться между собою. Все, повидимому, благопріятствовало Теофилакту, онъ уже былъ, такъ сказать, на большой дорогѣ, быстро стремился къ своей цѣли и еще не замѣчалъ того человѣка, который станетъ поперекъ дороги. Теофилакть былъ уже законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, архимандритомъ и даже членомъ Синода въ то еще время, когда какой-то Василій Дроздовъ обучался въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ и Троицкой семинаріи и при суровой, господствовавшей тогда школьной дисциплинѣ, съ боязнію посматривалъ, сидя за класснымъ столомъ, на грознаго педагога, и по всей вѣроятности, съ жалобнымъ крикомъ, испытывалъ сладость розочныхъ назиданій; по крайней мѣрѣ, безъ всякаго уже сомнѣнія выдалъ, какъ равноправные съ нимъ его товарищи смиренно ложились подъ лозу. Теофилакть сдѣлался знаменитостью, замѣтною звѣздою даже въ Петербургѣ, вытребованъ туда въ званіи уже архіепископа для присутствія въ Синодѣ; другъ Сперанскаго участвовалъ въ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, составилъ почти всѣ уставы, необходимые для этого, двигался, можно сказать, быстрыми шагами къ митрополю, по крайней мѣрѣ, имѣлъ причины мечтать о ней. А въ то же самое время пріѣзжаетъ въ Петербургъ іеродіаконъ изъ Троицкой лавры въ овчинномъ тулупѣ, въ очень простыхъ саняхъ съ кибиткою, — учитель Троицкой семинаріи Филаретъ и начинаетъ очень скромно свою петербургскую жизнь. Свиданіе этого іеродіакона съ блистательнымъ архіепископомъ недавно описано въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Архіепископъ совѣтовалъ іеродіакону познакомиться съ нѣмецкою ученою литературою, пожалѣлъ, что онъ не владѣетъ, какъ слѣдуетъ, новѣйшими языками. Скромный іеродіаконъ выслушалъ наставленіе блистательнаго архіепископа и молча перенесъ подавляющее его превосходство. Но іеродіакону нужно было еще не разъ показывать себя скромнымъ уже не предъ архіепископами, а предъ очень неважными людьми. Вотъ довольно оригинальный случай, сюда относящійся.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, жилъ въ Петербургѣ нѣкто Алексій Григорьевичъ (?) Огинскій, любившій заниматься литературою, знакомиться съ учеными, особенно духовнаго зва-

ніа, переведшій съ англійскаго на плохой русскій языкъ «Исторію Греціи» Гилласа и кончившій жизнь въ холеру 1848 года, едва-ли не въ званіи бібліотекаря какой-то бібліотеки, помѣщавшейся въ главномъ Адмиралтействѣ. Этотъ Огинскій рассказывалъ при мнѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ первую свою встрѣчу съ Филаретомъ въ 1809 г. Онъ довольно близко знакомъ былъ съ первымъ ректоромъ въ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритомъ Евграфомъ. Пришедши, однажды, къ нему вечеромъ, Огинскій засталъ у него порядочную компанію изъ духовныхъ лицъ. Огинскій посаженъ былъ хозяиномъ на диванѣ, и начался разговоръ; спустя уже довольно времени, Евграфъ вдругъ сказалъ:— «Ахъ, Алексѣй Григорьевичъ, я и забылъ васъ познакомить съ новымъ нашимъ наставникомъ. Вотъ рекомендую вамъ ученѣйшаго іеродіакона Филарета»,—указывая на скромно сидѣвшаго вдали отъ дивана молодаго, невиднаго собою монаха. Монахъ, вслѣдствіе этой рекомендаціи, торопливо приподнялся съ стула, подошелъ къ Огинскому и выразилъ свое удовольствіе познакомиться съ такимъ важнымъ человѣкомъ; потомъ опять сѣлъ на прежній стулъ, но не на весь, а какъ бы на половину его, какъ это обыкновенно дѣлаютъ скромные и неважные люди, сидя въ гостиной своего начальника и въ присутствіи очень почетныхъ гостей. Огинскій и послѣ этого не разъ видался у Евграфа съ Филаретомъ и хорошо съ нимъ познакомился; даже едва-ли тотъ и другой не бывали хотя по одному разу другъ у друга.

Но скромный іеродіаконъ скоро, какъ говорится, пошелъ въ гору: сдѣлался іеромонахомъ, архимандритомъ, замѣчательнымъ наставникомъ академіи и пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ, такъ что его проповѣдь захотѣли послушать въ придворной церкви. Но едва-ли для него всего важнѣе было то, что митрополитъ Амвросій и князь Голицынъ приблизили его къ себѣ и сдѣлали его своимъ совѣтникомъ. Предъ бывшимъ недавно іеродіакономъ открывалась уже широкая дорога; да и онъ самъ зналъ себѣ цѣну и вовсе не былъ такимъ скромникомъ, какимъ могъ казаться. Сослуживцы же его и даже ближайшее начальство догадывалось, что у кроткаго по наружности агнца есть львиные когти, и уже совѣтовали ему пустить ихъ въ ходъ про-

тивъ блистательнаго архіепископа. Ректоръ академіи, Сергій, сдѣлавшись костромскомъ епископомъ, въ интимной бесѣдѣ съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ и занявшимъ его должность, прямо выражалъ надежду, что онъ сдумаетъ изъ Петербурга выпроводить русскаго Бриенна (такъ онъ въ насмѣшку называлъ Теофилакта). Да и самъ бывший скромница-іеродіаконъ, занявши твердую уже позицію въ духовенствѣ, сдѣлавшись ректоромъ академіи, не находилъ нужнымъ оставаться въ роли смиренника. Это уже былъ не тотъ человѣкъ, который въ 1803 г. сидѣлъ у Евграфа на половинѣ стула, торопливо поднимался при обращенномъ къ нему вопросѣ и за честь для себя считалъ знакомство съ Огинскимъ. Послѣднему скоро пришлось испытать такую перемену на себѣ. По смерти Евграфа, ему года полтора или два не случилось видать Филарета. Однажды, когда уже послѣдній сдѣлался ректоромъ, ему была какая-то надобность въ академіи. Тутъ онъ вспомнилъ о прежнемъ своемъ знакомомъ іеродіаконѣ и надѣялся при помощи этого знакомства обдѣлать свое дѣло. Приходитъ уже къ ректору, докладываютъ, нужно было подождать; выходятъ и принимаютъ холодно, какъ человѣка, вполнѣ неизвѣстнаго. Алексѣй Григорьевичъ старается напомнить о прежнемъ знакомствѣ, но ему отвѣчаютъ, что этого не помнятъ, что даже фамилію его въ первый разъ слышать.

Какого-либо Огинскаго не узнать и выпроводить отъ себя было дѣло не трудное, даже не стоило и труда. Но серьезнѣе надобно было взяться за русскаго Бриенна. Несмотря на твердую позицію, которую успѣлъ занять Филаретъ, все еще Теофилактъ былъ сильный человѣкъ, опасный врагъ и соперникъ. Но даже и тогда можно было догадливому человѣку предвидѣть исходъ борьбы. Теофилактъ, съ паденіемъ Сперанскаго, скоро лишился самой надежной своей поддержки въ свѣтскомъ кругу. А Голицынъ, опора Филарета, и самъ нуждаясь въ его совѣтахъ, стоялъ на высотѣ и все еще высился. Потому одинъ изъ соперниковъ имѣлъ характеръ прямой и открытый, не владѣлъ искусствомъ скрывать свои чувства, былъ не всегда остороженъ на словахъ и въ поступкахъ; любилъ не только свѣтскія науки и удовольствія, но и о духовныхъ предметахъ иногда готовъ былъ судить по-свѣтски, по внѣшнему своему

виду и по жизни вовсе не былъ и не хотѣлъ казаться аскетомъ. Другой же, напротивъ, непроницаемый даже для своихъ почитателей (друзья у него едва-ли когда были), осторожный во всемъ, не любившій истратить безъ нужды даже одно слово, пренебрегавшій всѣми свѣтскими науками, даже любившій при случаѣ посмѣяться надъ ними, напротивъ, вполне посвятившій всего себя богословію, наконецъ, по жизни и по внѣшности аскетъ. Очевидное дѣло, что послѣдній на духовномъ, такъ сказать, поприщѣ могъ удобно побѣдить перваго.

Конечно, смѣшно было бы говорить, что Теофилактъ палъ отъ одного Филарета. Какъ архіепископъ-джентльменъ, онъ не могъ нравиться нашимъ архипастырямъ, которые любили тогда по крайней мѣрѣ казаться строгими ригористами; такое нерасположеніе къ нему могло тѣмъ еще усиливаться, что онъ въ сношеніяхъ съ возлюбленными своими во Христѣ братьями не всегда умѣлъ сдерживать свойственную ему нетерпѣливость и горячность, не отличался уступчивостью. Даже Платонъ, нѣкогда придворный законоучитель, называетъ Теофилакта человѣкомъ молодымъ и не по сану отважнымъ. (Письмо 58 Платона къ Амвросію, «Прав. Обзор.» за 1869 г.). Удаленія его желали и Амвросій, митрополитъ петербургскій, и Голицынъ. Да и самъ Теофилактъ неосторожными своими поступками помогалъ своимъ врагамъ. Одно только несомнѣнно: удаленіе Теофилакта изъ Петербурга всего было нужнѣе и оказалось болѣе полезнымъ для Филарета.

Тѣ, съ которыми мнѣ приходилось говорить въ Петербургѣ о паденіи Теофилакта, объясняли это главнымъ образомъ двумя причинами. Одною изъ нихъ было слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что во время нашествія французовъ въ 1812 г. могилевскій архіерей имѣлъ слабость поминать Наполеона на литургіи. Разумѣется, по изгнаніи французовъ изъ Россіи, онъ не остался безъ наказанія; Синодъ положилъ лишить его архіерейскаго сана; исполненіе этого приговора поручено было Теофилакту. вмѣстѣ съ тѣмъ даны ему большія суммы, чтобы выдать ихъ духовенству и церквамъ въ губерніяхъ, разоренныхъ французами. Съ могилевскимъ архіереемъ онъ поступилъ не очень гуманно, а сообразно съ тогдашнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Пріѣхавши въ Могилевъ

и остановившись въ домѣ архіерея, онъ увѣрилъ послѣдняго въ томъ, что ему нечего опасаться за свой проступокъ, и убѣдилъ его отслужить въ ближайшій воскресный или праздничный день обѣдню. Несчастный согласился на это, пришелъ съ обыкновенною торжественностью въ соборъ. Но когда его облачили и нужно было приступить къ богослуженію, тогда Теофилактъ передалъ синодскій указъ протодіакону, который съ амвона и прочиталъ его. Послѣ этого тотчасъ архіерея разоблачили, надѣли монашескую рясу на него. По разказу моихъ могилевскихъ товарищей по академіи, бывшій владыка простоялъ всю обѣдню, опершись руками на трость, съ поникнутой головой и въ слезахъ; потомъ отвезенъ былъ въ какой-то монастырь, куда и зачисленъ, какъ простой монахъ.

Поступивши такимъ образомъ со своимъ возлюбленнымъ во Христѣ братомъ, Теофилактъ, разумѣется, не могъ опасаться никакихъ за это преслѣдованій; поступокъ, повторяю, былъ вполне въ тогдашнемъ, такъ сказать, вкусѣ. Но при исполненіи другой порученной ему миссіи онъ подалъ своимъ врагамъ оружіе противъ себя. Дѣло состояло въ томъ, что онъ не могъ представить отчета въ громадной части суммы, которую ему поручено было раздать духовенству и церквямъ. Различно объясняли это; одни говорили, что онъ потерялъ деньги; другіе, что ихъ укралъ у него келейникъ, третьи, разумѣется, враги его, что онъ истратилъ на самого себя. Но что бы тамъ ни было, только не представленъ отчетъ громадной суммы. Бріеннова гражданская честность подверглась сильному подозрѣнію. Въ какой степени Филаретъ помогаль утвердиться этому подозрѣнію, дѣло—мнѣ неизвѣстное. Но въ другомъ обстоятельстве, способствовавшемъ паденію Теофилакты, скромный бывшій іеродіаконъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и доказалъ, что и безъ знанія нѣмецкаго и французскаго языка можно поколебать репутацію очень сильнаго и важнаго человѣка, хотя бы онъ былъ знакомъ со всею ученою иностранною современной литературой. Филаретъ употребилъ тотъ пріемъ, къ которому у насъ такъ часто прибѣгаютъ, когда нужно бываетъ очернить дѣльнаго и умнаго человѣка и когда недостаетъ дѣйствительныхъ у него преступленій. Въ этомъ случаѣ у насъ обыкновенно стараются доказать, что такой-то человѣкъ вольнодумецъ, либераль, красный, ни-

гилисть, имѣеть злые умыслы противъ правительства, или что онъ безбожникъ, фармазонъ, т. е. франкъ-масонъ, нехристь, неправославный, еретикъ и проч. Филареть прибѣгъ къ этому средству.

Я уже сказалъ выше, что подь надзоромъ Теофилакта были переведены на русскій языкъ и напечатаны письма Ансильона. Ими-то воспользовался Филареть, чтобы обвинить Теофилакта въ неправославіи, точно такъ же, какъ онъ послѣ, въ тридцатыхъ годахъ, обвинилъ протоіерея Павскаго. Критика была написана и представлена куда слѣдуетъ, Теофилактъ написалъ на нее антикритику. Въ молодости мнѣ приходилось читать ту и другую; очень жаль, что доселѣ не напечатаны онѣ обѣ; тогда бы легко можно было сравнивать авторовъ той и другой между собою. Отъ совокупнаго дѣйствія обоихъ описанныхъ мною обстоятельствъ, а можетъ быть съ присоединеніемъ и другихъ причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, произошло, что Теофилактъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Рязань, чтобы управлять только своею епархіей.

Но и въ Рязани Теофилактъ былъ еще опасенъ для своихъ недруговъ; отъ нея недалеко Москва и даже Петербургъ; очень возможно, что онъ при первомъ какомъ-либо благопріятномъ случаѣ опять былъ бы вызванъ въ столицу и въ Синодъ. Надобно было услатъ его туда, откуда бы ему было трудно выбратъся, гдѣ его такъ сказать, почетнымъ образомъ можно было подолѣе, если не на всегда, удержать. Для этого Грузія пригодилась какъ нельзя лучше. Ее тогда стали настоятельно руссифицировать. По гражданскому и военному управленію назначенъ былъ туда знаменитый Ермоловъ. Нужно же было туда послать и по духовной части такого архипастыря, который съумѣлъ бы грузинскую церковь сдѣлать въ іерархическомъ отношеніи вѣтвью греко-россійской. На что же лучше искать кого-либо другаго, кромѣ Теофилакта? Тутъ вспомнили и о его умѣ, административныхъ способностяхъ, свѣскости и пр. А кстатѣ уже и мѣстечко очень, очень далеко отъ Петербурга, да и климатъ нельзя расхваливать. И вотъ получается синодскій указъ, которымъ рязанскій архіепископъ переводится въ Тифлисъ съ титуломъ экзарха. Какъ первоначально прочиталъ былъ этотъ указъ, я не знаю, но извѣстѣ, имъ принесенное, было ударомъ для новаго экзарха.

При всей твердости характера, при умѣннн держать и не ронять себя въ глазахъ людей, Теофилактъ не могъ скрывать своего горя о такомъ назначеніи. Это даже обнаружилось при выѣздѣ его изъ Рязани, когда прошло уже нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ послѣ полученія указа и когда можно было привыкнуть къ мысли о переселеніи за Кавказъ. По обычаю владыка зашелъ въ соборъ предъ отъѣздомъ; приложившись къ престолу, онъ хотѣлъ было что-то сказать собравшимся гражданамъ въ огромномъ числѣ, но не могъ совладать съ собою, залился слезами и, поскорѣе вышедши изъ собора, сѣлъ въ карету. Народа и вблизи нея было многое множество; многіе изъ среды его плакали; владыка, видя эти нелicenseмѣрныя слезы, хотѣлъ было еще сказать что-нибудь на прощанье, но опять не могъ овладѣть съ собою, заплакалъ, уклонился въ глубину кареты и, какъ говорили, упалъ даже на подушку. Карета увезла его навсегда изъ Рязани, а затѣмъ и изъ Европы.

Но онъ уѣхалъ изъ Рязани далеко не одинъ. Синодомъ дозволено ему было взять съ собою изъ рязанскихъ семинаристовъ и духовенства кого онъ найдетъ нужнымъ и кто, разумѣется, захочетъ. Очарованіе, которое умѣлъ Теофилактъ производить на своихъ подчиненныхъ, любовь и уваженіе, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ Рязани, были причиною того, что нѣсколько десятковъ человекъ (30—40) рѣшились съ нимъ отправиться въ Грузію, несмотря на разстояніе, которое даже и нынѣ считается огромнымъ, несмотря на климатъ, о вредномъ вліяніи котораго на вновь пріѣзжихъ и тогда знали можетъ быть даже съ преувеличеніями. Болѣе всего поѣхало съ нимъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, которые очень близко его знали. Поѣхало нѣсколько и семинаристовъ, а также и духовныхъ лицъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и протодіаконъ Василій съ сыномъ своимъ Никаноромъ. Была даже молва, что онъ нарочно забиралъ съ собою людей, чтобы тѣмъ досадить своему преемнику; это былъ тотъ самый Сергій, который, какъ выше сказано, совѣтовалъ Филарету выпроводить изъ Петербурга русскаго Бріенна. Но молва была несправедлива. Она основывалась на томъ, что Теофилактъ взялъ почти всѣхъ пѣвчихъ, протодіакона и лучшаго изъ дьяконовъ и, наконецъ, того діакона (того Тилигая, о которомъ, какъ учитель нотнаго пѣнія, я говорилъ ранѣе), посвятилъ

священникомъ, отчего и произошло, что на первыхъ порахъ архіерейское служеніе не отличалось тою торжественностью, какую ему придаютъ хорошіе діаконы и пѣвческій хоръ. Слишкомъ очевидно, что подобныя поступки вовсе не имѣютъ того значенія, которое придавала имъ молва.

Но гораздо вѣроятнѣе, что Сергій дѣйствительно продолжалъ еще питать вражду къ Теофилакту. Извѣстно, что онъ изъ Костромы прибылъ въ Рязанскую епархію прежде, нежели изъ нея выѣхалъ его предшественникъ, но, не доѣхавши до Рязани, остановился верстахъ въ 12-ти отъ нея въ Льговомъ монастырѣ и, несмотря на приглашеніе Теофилакта, не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Потомъ, по отъѣздѣ его вступивъ въ управленіе епархіей, онъ началъ тѣснить тѣхъ лицъ, которыя пользовались расположеніемъ предшественника. Особенно сильно онъ налегъ было на кафедральнаго протоіерея Полянскаго. Я уже говорилъ, что Полянский получилъ въ подарокъ отъ Теофилакта деревянный домъ, въ которомъ прежде была квартира ректора семинаріи, и, перенесши его на новое мѣсто, жилъ и поживалъ въ немъ. Сергій, узнавши объ этомъ, конечно незаконномъ поступкѣ, завелъ было дѣло. Полянский поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Теофилакта, который тотчасъ прислалъ письмо къ своему преемнику и объяснилъ ему, что тутъ виноваты не Полянский, а онъ, Теофилактъ, и что если Сергій не покончитъ дѣла, то ему придется уже имѣть дѣло не съ Полянскимъ, а съ нимъ, Теофилактомъ. Сергій послѣ того закончилъ дѣло.

Рязанцы, отправившіеся съ Теофилактомъ въ Грузію, вскорѣ увидѣли невзгоды своего переселенія, особенно на слѣдующее лѣто, когда пришлось имъ познакомиться съ ужасными тамошними жарами. Теофилактъ, замѣтивъ ихъ уныніе, всячески старался поддержать ихъ бодрость. Особенное же вниманіе обратилъ онъ на маленькихъ пѣвчихъ, заводилъ для нихъ игры, самъ въ нихъ участвовалъ, во время жаровъ прихаживалъ къ нимъ даже въ одномъ бѣльѣ и, сколько можно было, ободрялъ. Многіе изъ рязанцевъ пристроились совсѣмъ въ Тифлисъ, другіе тамъ скоро померли, особенно отъ невоздержанности относительно чихиря и винограда. Но многіе, особенно послѣ смерти Теофилакта, возвратились въ Рязань; живъ еще теперь одинъ священникъ, который взять былъ

въ Грузію тогда пѣвчимъ, былъ тамъ регентомъ или подрегентомъ хора. Силить же протодіаконъ въ сильнѣйшій жаръ, весь въ поту, искупавшись въ Курѣ, схватилъ горячку и отправился на тотъ свѣтъ.

Впрочемъ, Теофилактъ, кажется, и въ Тифлисъ былъ грозенъ для своихъ враговъ и завистниковъ; носились тогда слухи, что они опасались его возвращенія въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Синодъ; его же мѣсто молва предоставляла Филарету. На чемъ основывалась такая молва, что было справедливаго въ ней, я не знаю. Только однажды, даже Сергій, любившій, какъ скажу въ слѣдующей главѣ, бесѣдовать съ благочинными, говорилъ моему батюшкѣ:

— Да, отецъ протоіерей, молва готовитъ Филарету далекій путь.

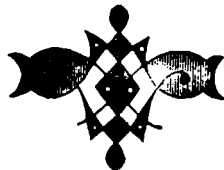
— Куда же? — спросилъ мой батюшка.

— Далѣко, за Кавказъ.

— Да развѣ преосвященный Теофилактъ скончался?

— Нѣтъ, живъ и пожалуй скоро будетъ жить не далеко отъ насъ.

(Продолженіе будетъ).

Страничка изъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Письмо Ивана Никитича Скобелева В. И. Лыкошину.

2 Января 1838 г., с. Щелканово.

Милостивой Государь,
Владиміръ Ивановичъ!

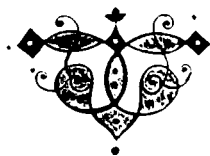
Проживающій въ имѣнїи вашемъ крестьянинъ мой села Зубова мельникъ Прохоръ Филипповъ, гнуснымъ поведеніемъ, разными обманамъ и презрѣніемъ къ законамъ чести, содѣлался наконецъ и мнѣ извѣстенъ неплатежемъ оброка — тягостнымъ, а неисполненіемъ гражданской обязанности, по большому числу состоящихъ на немъ въ недоимкѣ государственныхъ податей, — преступнымъ! Вслѣдствіе чего покорнѣйше васъ прошу, къ восчувствованію этому негодяю и въ примѣръ другимъ, въ истинное мнѣ одолженіе, приказать: дать ему Прохору Филиппову пятьдесятъ лозоновъ по филѣйнымъ частямъ, и свергъ того остричь половину головы. Аперачія эта, безъ сомнѣнія, вразумитъ подлаго крестьянина, а мѣня вы крайне одолжите, и обяжете привести въ исполненіе искреннее мое желаніе.

Съ почтеніемъ пребыть честь имѣю

Милостивой Государь

Вашъ покорнѣйшей слуга

И. Скобелевъ.

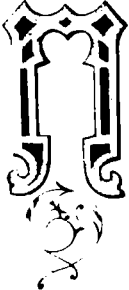
ЗАПИСКИ

Башмачника Яна Килинскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ.

II 1).

Несчастный и грустный случай, благодаря которому я попалъ въ плѣнь къ пруссакамъ въ 1794 г.

Представленіе генералу Вавржецкому и данное имъ порученіе.—Килинскій отказывается отъ намѣренія быть въ Познани.—Встрѣча съ семействомъ.—Лишенія и невзгоды.—Рѣшительность жены Килинскаго.—Совѣщаніе генераловъ.—Мнѣнія ихъ.—Ропотъ въ войскѣ.—Казаки захватываютъ Килинскаго въ плѣнь.—Вѣгство.—Килинскій попадаетъ въ руки пруссаковъ.—Генералъ Шверинъ.—Килинскому удается проникнуть въ Познань.—Его арестуютъ.—Пересылка въ Варшаву.—Остановка въ м. Среды.—Пребываніе въ Коницѣ.—Грубость вѣмецкихъ офицеровъ.—Остановки: въ Кутно, Ленчицѣ и Пустржѣ.—Ксендзъ и комендантъ-полякъ.—Ночлегъ въ Ловичѣ.—Генералъ Миллендорфъ.—Встрѣча съ пьяными прусскими офицерами.—Въ Сохачевѣ и Блони.—Гуманный комендантъ.—Прибытіе въ Варшаву.—Генералъ Буксгевденъ.—Освобожденіе изъ-подъ ареста.—Условія этого освобожденія.

О взятіи главнокомандующаго Тадеуша Косцюшко въ московскій плѣнь, на его мѣсто былъ избранъ Вавржецкій 2). Когда я къ нему явился въ первый разъ, онъ меня спросилъ: откуда я родомъ? я отвѣтилъ, что изъ Познани. Вавржецкій сейчасъ же привѣтствовалъ мое мужество. Затѣмъ, послѣ оказанныхъ мнѣ почестей, онъ вторично спросилъ меня: достаточно ли меня знаютъ въ Познани? я отвѣтилъ, что имѣю тамъ двоихъ, хорошо устроившихся, братьевъ. Вавржецкій предложилъ мнѣ сдѣлать революцію въ самой Познани. Желая услужить своему отече-

1) См. «Русскую Старину» февраль 1895 года.

2) Генералъ Томашъ Вавржецкій командовалъ силами народной обороны съ октября по ноябрь (18) 1794 года.

ству, я отъ всего сердца согласился на это, будучи увѣренъ, что тамъ есть у меня друзья. Тогда главнокомандующій далъ мнѣ приказаніе немедленно ѣхать туда, взявши съ собою нѣсколькихъ отважныхъ лицъ. Исполняя приказаніе, я тотчасъ же передалъ свой полкъ маіору ( )¹⁾, выбралъ 6 человекъ солидныхъ и отважныхъ, взялъ съ собою, чтобы переодѣться по-граждански, польское платье, и выѣхалъ еще до прусской—вѣрнѣе пражской—атаки.

Когда я доѣхалъ до какой-то деревеньки на р Пилицѣ, миляхъ въ 6 отъ Варшавы, услышалъ страшный пучечный гулъ. Изъ любопытства я послалъ своего адъютанта въ Варшаву узнать, что случилось. Адъютантъ привезъ мнѣ печальное извѣстіе, что москали взяли Прагу, что Варшава имъ сдалась, что онъ видѣлъ огромное число убитыхъ и что на Прагѣ, при окопахъ, всѣ пушки—а ихъ было 117—у насъ отняты.

Признаюсь, я не могъ удержать слезъ по поводу такой потери, которая была для насъ невознаградима послѣ того, какъ силы наши были уже ослаблены вслѣдствіе утраты Косцюшко съ нѣсколькими тысячами войска, погибшими на полѣ битвы. Тогда я вынужденъ былъ вернуться назадъ.

Желая узнать, какія мѣры предприметь главнокомандующій и куда мы должны направиться, я приѣхалъ въ свой баталіонъ, который уже имѣлъ приказаніе идти подъ Мокотовъ²⁾, ибо тамъ стаялись всѣ войска, съ остаткомъ орудій, которыхъ еще было 70, не считая тѣхъ, что были у князя Іосифа³⁾. Узнавъ, что главнокомандующій къ намъ не вернулся, на мѣстѣ распустилъ солдатъ, въ числѣ коихъ было и 200 монхъ, откомандированныхъ для конвоя пушекъ подъ Сохачевъ. Изъ-подъ Мокотова мы собрались въ дальнѣйшій путь, какъ бы въ землю обѣтованную. Подобно евреямъ, которые ее искали, а найти не могли, и мы тогда предполагали идти, а не знали куда, ибо немедленно подошли къ намъ прусскія и цесарскія войска, а москали переправились подъ Гурой (Góra), съ тѣмъ, чтобы насъ всѣхъ окружить, хотя наши потрепали ихъ на переправѣ. Впрочемъ, это ничего не значило: мнѣнія генераловъ, какъ увидимъ ниже, были тройки.

Я же тѣмъ временемъ послалъ въ Варшаву за женой и дѣтьми, боясь, чтобы они не сдѣлались жертвою той лютой, которую проявили москали на Прагѣ. Моя жена забрала съ собою дѣтей, мать-старуху и что было лучшаго изъ домашнихъ вещей и выѣхала, заливаясь слезами. Домъ (на Дунаѣ, подъ № 145) она оставила на Божью волю, такъ какъ изъ него уже всѣ выѣхали, опасаясь, чтобы москали не ото-

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

²⁾ Деревня съ восточной стороны Варшавы.

³⁾ Поятовскаго (племянника короля).

мстили мнѣ на моемъ домѣ. Жена была въ то время беременна и на дорогѣ родила сына. О, какъ непріятенъ и даже не безопасенъ былъ для ея жизни этотъ случай! Можно сказать, что ее спасло лишь милосердіе Божіе: никакой помощи въ своемъ положеніи она не имѣла, а въ Варшаву боялась воротиться, ибо тогда шель къ Варшавѣ съ войскомъ генераль Суворовъ.

Двинулись мы съ войскомъ къ Нове-Място. Тамъ меня догнала моя жена съ дѣтьми. Мнѣ было весьма прискорбно видѣть ее, сильно больную, съ дѣтьми, тѣмъ болѣе, что невозможно было предоставить ей никакихъ удобствъ, по причинѣ москалей, которые шли слѣдомъ за нами, вслѣдствіе чего мы должны были идти какъ можно скорѣе. А тутъ еще какъ на зло стояли большіе холода и даже шель снѣгъ съ дождемъ. Дѣти мои всѣ были очень легко одѣты, не было никакой возможности купить имъ ѣсть, и они плачемъ своимъ отъ холода и голода терзали мое сердце. Несчастіе насъ преслѣдовало: лошади наши уставали, такъ какъ мы не могли достать для нихъ корма и принуждены были двѣнадцати-фунтовыя орудія закапывать въ землю, а аммуницію жечь. Видя слабость жены, я хотѣлъ оставить ее съ дѣтьми въ Нове-Място, но она не желала тамъ оставаться и говорила мнѣ: «Дражайшій супругъ! Ежели Богомъ назначено мнѣ умереть въ этомъ положеніи, пусть умру я на твоихъ глазахъ, какъ я поклялась не оставлять тебя до смерти; при тебѣ мнѣ пріятнѣе будетъ разстаться съ этимъ свѣтомъ; вѣдь, я сама вижу, что непріятель идетъ за нами, но что же дѣлать? я бы безпокоилась о тебѣ, а это въ моемъ настоящемъ положеніи могло бы еще ускорить смерть; еще вспомни, что если бы я здѣсь осталась съ дѣтьми и умерла, то кто же бы умилосердился надъ ними? остались бы они круглыми сиротами, а то, что я захватила съ собою— у нихъ бы отняли; я сопрягаю всѣ свои нынѣшнія страданія съ страданіями Спасителя (Iezusa tego) моего и ради святѣйшихъ ранъ Его жертвую всѣми моими несчастіями и нынѣ хочу перенести вмѣстѣ съ тобою всѣ невзгоды». Что же оставалось дѣлать? Долженъ былъ купить и припречь коня, чтобы спѣшить впередъ арміи. Велѣлъ женѣ хорошенько приготовиться въ дорогу: чтобы ей съ дѣтьми тепло было сидѣть въ коляскахъ и чтобы они не оставались въ дорогѣ голодными. Все приготовивши, отправилъ ихъ впередъ арміи, въ Конскъ, а самъ остался, ожидая приказаній, такъ какъ генералы имѣли совѣщаніе съ главнокомандующимъ о томъ, что предпринять, потому что курьеры одинъ за другимъ были присылаемы королемъ съ предложеніемъ сдать москалямъ. Выше я упоминалъ о несогласныхъ мнѣніяхъ генераловъ; здѣсь скажу подробнѣе, каковы именно они были: И на этомъ совѣщаніи генералы не могли согласиться между собою. Одни хотѣли идти и отдаться цесарю, другіе — пройти черезъ Галицію и передаться фран-

пузамъ, или идти въ Великую Польшу, прогнать оттуда пруссака и защищаться до конца, такъ какъ войска еще оставалось около 30.000, да въ Великой Польшѣ можно было собрать столько же. Это было мнѣніе самыхъ благомыслящихъ патріотовъ. Третье же мнѣніе было таково: воротиться въ Варшаву и начать съ Москвою переговоры объ разоруженіи. Дѣйствительно, переговоры эти были необходимы, когда уже Варшава попала въ московскія руки. По окончаніи совѣщанія, намъ было объявлено, что пойдѣмъ двумя дорогами черезъ Верхнюю Силезію (Gognum Śląskiem) и Великую Польшу. Я, разговорившись съ генераломъ Мадалинскимъ, когда онъ мнѣ сообщилъ, что направляется въ Великую Польшу, сказалъ ему, что я пойду впередъ и въ самой Познани сдѣлаю революцію, когда онъ приблизится съ войскомъ. Сговорившись, я поѣхалъ въ Конскъ, чтобы оставить тамъ жену и, переехавшись, отправиться въ Познань. Но когда я пріѣхалъ въ Конскъ, засталъ тамъ огромную переѣмъ въ войскѣ. Оно не хотѣло идти дальше. Полкамъ не было заплачено за полмѣсяца жалованье, кромѣ того, по причинѣ недостатка въ продуктахъ, они мало получали пищи, затѣмъ стояли холода, а многіе солдаты не имѣли ни плащей, которые бы защищали ихъ отъ непрерывно падавшей нѣсколько дней изморози, ни саногъ, чтобы могли быстро идти по льду, окрѣпнувшему послѣ дождя, а сверхъ того, даже и за деньги нельзя было добыть куска хлѣба, не говоря уже о тѣхъ бѣдныхъ, которые и гроша не имѣли. Такимъ образомъ слишкомъ 4.000 человекъ сложили тогда оружіе и не хотѣли слушаться своихъ командировъ, хотя москаля тутъ же шли за ними, главнокомандующій же уѣхалъ впередъ, въ Радошицы, не зная о томъ, что творится. Когда пріѣхалъ въ Радошицы бѣдный главнокомандующій, то войско не только не хотѣло идти далѣе, но даже на глазахъ его разбило кассу съ деньгами и подѣлило ихъ между собою. Смѣло могу сказать, что такое распоряженіе было не хорошо, то-есть, что солдаты не получали платы, или, на примѣръ, то, что хотя достаточно имѣли воловъ, но лучше хотѣли ¹⁾, чтобы ихъ москаля забрали, нежели дать своимъ. Грустно это для благомыслящихъ патріотовъ, какъ, на примѣръ, для меня самого, который все свое хозяйство потерялъ и немало своего собственнаго достоянія растратилъ. Залился я слезами. Забралъ жену съ дѣтьми и двинулся къ Петрокову, ибо въ ту сторону потанулась кавалерія Мадалинскаго. Я надѣялся, что мы пошли въ Великую Польшу. Но не отъѣхалъ я—можетъ—отъ города и 5 стадій, какъ казаки выскочили изъ лѣсу и воротили меня обратно въ Конскъ. Тамъ отвели меня къ полковнику Денисову, объяснивъ, что меня схватили. Денисовъ приказалъ мнѣ, подъ конвоемъ казаковъ, ѣхать въ Варшаву.

¹⁾ Очевидно, авторъ говоритъ о полковыхъ командирахъ.

Къ ночи мы пріѣхали въ деревеньку и остановились у мужика. Тамъ я простился съ больною женой и велѣлъ, ночью, такъ, чтобы казаки не видѣли, осѣдлатъ мнѣ пару коней, далъ тому человѣчку, который поѣдетъ со мною, плащъ и шубу, а на себя надѣлъ три рубахи и жупанъ, оставилъ съ женою своего адъютанта, поручивъ ему отвезти ее въ Варшаву, при чемъ просилъ его называть ее своею фамиліею, дабы москаля не знали, что это моя жена, ибо, въ противномъ случаѣ, могли бы отомстить, вмѣсто меня. Простившись съ женою, я вышелъ вонъ, будто бы, за нуждою, вскочилъ на коня и ускакалъ отъ казаковъ. Когда наступилъ день, я со своимъ человѣкомъ былъ отъ нихъ уже за двѣ мили и велѣлъ покормить лошадей, ибо онѣ ночью мало ѣли. Въ тотъ же день я отѣхалъ десять миль. Этотъ первый день прошелъ для меня счастливо, я не видѣлъ изъ военныхъ никого, но на второй день я наткнулся на обозъ москалей, которые стояли за деревней. Счастье для меня было, что лѣсъ находился не далеко, ибо казаки, коихъ гналось за нами нѣсколько, заклевали бы насъ. Но мы изъ ихъ рукъ убѣжали, а наткнулись на пруссаковъ, которые въ это время ѣхали въ Могильницу за зарытыми тамъ нашими пушками. Обошлись они со мною хорошо и отвели насъ къ своему генералу. Генераль спросилъ, откуда я ѣду? я отвѣтилъ, что—изъ Варшавы; вторично спросилъ меня—кто я такой? я отвѣтилъ, что тамошній обыватель. Еще спросилъ меня—куда ѣду? отвѣтилъ, что ѣду въ Познань, и прибавилъ, что тамъ у меня—братья. Я просилъ его выдать мнѣ паспортъ. Генераль сказалъ мнѣ, что паспортъ онъ никому не даетъ, а велѣлъ мнѣ ѣхать въ Петроковъ. Въ это время привели къ нему 18 нашихъ солдатъ. Когда я выходилъ отъ генерала, одинъ изъ нихъ крикнулъ мнѣ: «какъ поживаете, господинъ полковникъ?» Генераль, услышавши это, немедленно меня воротилъ, пригласилъ этого солдата и спросилъ его, знаетъ ли онъ меня? Тотъ ему отвѣтилъ, что я полковникъ 20-го полка. Генераль приказалъ приставить ко мнѣ караулъ на дворѣ и даже еще подъ открытымъ небомъ. Я долженъ былъ оставаться тамъ три часа,—а въ то время, какъ на зло, шелъ большой снѣгъ съ дождемъ—и въ то же время стогреть отъ стыда, что не сказалъ ему правды.

Черезъ три часа отослали меня съ 18 польскими солдатами, подъ прусскимъ конвоемъ, за 4 мили въ большой отрядъ, и я долженъ былъ не ѣхать, но идти пѣшкомъ, вмѣстѣ съ другими, а мой человѣкъ велъ за мною лошадей.

На другой день, въ 9 часовъ утра, мы достигли большого отряда какъ разъ въ то время, когда генераль Шверинъ долженъ былъ, согласно приказанію, двинуться къ Петрокову и войска уже были готовы къ походу.

Когда мы пришли, тотчасъ насъ всѣхъ загнали въ конюшню, и тамъ

я сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока войска не двинулись съ мѣста. Офицеръ, который привелъ насъ, скоро отдалъ рапортъ генералу Шверину и немедленно приказалъ выпустить насъ изъ конюшни. Я выходилъ послѣднимъ, ожидая, чтобы мой человѣкъ не оставилъ въ конюшнѣ лошадей: въ это время прибѣжалъ ко мнѣ солдатъ и велѣлъ мнѣ выходить какъ можно скорѣе. Я его просилъ немного подождать, пока наложитъ на коней муштуки. Не могъ его упросить, а онъ еще далъ мнѣ проклятымъ прикладомъ въ плечи такъ сильно, что кровь у меня пошла носомъ и ртомъ. «Вотъ тебѣ, бѣдный полякъ, свобода и независимость» — подумалъ я въ тотъ часъ, а что — до равенства, то оно было самое близкое, ибо мы со скотомъ вмѣстѣ были загнаны въ конюшню. Въ то время, когда насъ выводили изъ конюшни, прибѣжалъ генералъ Шверинъ и сейчасъ же спросилъ: который тутъ полковникъ? Я отозвался, что я; а у меня въ то время текла кровь, и онъ меня спросилъ: что со мною, что кровь у меня течетъ? Я объяснилъ причину. Генералъ приказалъ дать солдату 30 палокъ за то, что онъ меня обидѣлъ.

Этотъ же генералъ настолько былъ ко мнѣ благосклоненъ, что велѣлъ мнѣ и моему человѣку сѣсть на коня и ѣхать съ собою три мили; при этомъ мы очень деликатно разговаривали. А когда мы прибѣжали на ночлегъ въ мѣстечко, онъ тотчасъ приказалъ дать мнѣ удобное помѣщеніе и даже пригласилъ къ себѣ на ужинъ. Во время ужина прибѣжалъ къ нему курьеръ съ приказаніемъ обождать три дня. Онъ мнѣ велѣлъ ѣхать въ Петроковъ, гдѣ я получилъ бы паспортъ и сталъ бы свободнымъ.

Но едва наступилъ день, какъ генералъ самъ былъ арестованъ и отправленъ въ Берлинъ за то, что выпустилъ Мадалинскаго изъ Бромберга со всею прусскою добычею, которую Мадалинскій взялъ въ Бромбергѣ. Вида, что всѣ офицеры растревожились и даже растерялись, я никого не просилъ о разрѣшеніи выѣзда, а сѣлъ на коня и поѣхалъ уже не въ Петроковъ, а прямо въ Познань. И такъ удачно прослѣдовалъ въ Познань, не встрѣтивъ на пути ни одного пруссака.

Въ Познань я прибылъ въ 8 часовъ вечера 17 декабря. Остановился я на Длугой улицѣ, у Войцеха Навишевскаго.

Въ тотъ же вечеръ насъ, нѣсколько человѣкъ, имѣли совѣщаніе относительно устройства возстанія, буде Мадалинскій подойдетъ къ Познани. На утро, въ 8 часовъ, прибѣжалъ въ Познань г. Домбровскій. Я видѣлся съ нимъ и спрашивалъ его о Мадалинскомъ. Онъ увѣрилъ меня, что все войско сложило оружіе, а Мадалинскій поѣхалъ къ царскому кордону. И такъ наше намѣреніе касательно возбужденія возстанія совершенно рушилось. Тѣмъ временемъ пруссаки узнали обо мнѣ и стали меня искать въ Познани. Я, какъ только объ этомъ узналъ — немедленно взялъ съ собою нѣсколькихъ мѣщанъ и пошелъ явиться

къ коменданту. Мѣщанъ я взялъ для того, что комендантъ совѣмъ не умѣлъ говорить по-польски. Пришли мы къ нему по смѣнѣ караула и застали его дома. Онъ началъ меня спрашивать: дѣйствительно ли поляки сложили оружіе? Я поспѣшилъ увѣрить его въ этомъ и прибавилъ, что я потому и пріѣхалъ къ моимъ родственникамъ. Послѣ многихъ вопросовъ онъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ и что онъ счастливъ, что удалось достать такую важную личность, ибо—присовокупилъ онъ—въ настоящей польской революціи нѣтъ никого выше четырехъ лицъ: Косцюшко, Мадалинскаго, Килинскаго и Ясинскаго, и что потому онъ долженъ донести своему королю и московскому генералу Суворову о пребываніи моемъ здѣсь, въ Познани. «Вотъ, свободный полякъ!—подумалъ я тогда себѣ,—куда бы ты ни пріѣхалъ—вездѣ тебя терзаютъ съ твоей свободой»... Мѣщане ходатайствовали передъ комендантомъ о разрѣшеніи свободаго для меня ареста, ручались за меня и обѣщали представить меня ему по каждому его требованію. Онъ не отвергнулъ ихъ просьбы. Далъ мнѣ въ караульные солдата, чтобы тотъ сопровождалъ меня и мнѣ прислуживалъ. Хотя я и не охотно принялъ эту его вѣжливость, но что могъ сдѣлать; лишь поблагодарить его и зато. Еще онъ сказалъ мнѣ, чтобы я во время смѣны караула постоянно находился дома. Поклонившись ему, я вышелъ.

На слѣдующій день онъ прислалъ за мною унтеръ-офицера, приглашая меня къ себѣ, въ ратушу, такъ какъ былъ при смѣнѣ карауловъ. Тамъ онъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ для меня комнату и что я буду сидѣть на гауптвахтѣ, при чемъ велѣлъ своему адъютанту отвезти меня въ офицерское помѣщеніе. Тѣмъ не менѣе онъ позволилъ мнѣ бывать всюду, гдѣ я захочу, а также разрѣшилъ и ко мнѣ приходиться каждому, въ продолженіе двухъ недѣль, что я сидѣлъ. Когда жители узнали, что я посаженъ на гауптвахту, тотчасъ собралось ихъ нѣсколько человекъ и, пришедши къ коменданту, дивились, что онъ такъ скоро измѣнилъ своему слову. Тотъ немедленно велѣлъ позвать караульнаго офицера и приказалъ ему, чтобы не запрещалъ никому приходиться ко мнѣ, равно какъ не препятствовать и мнѣ выходить; объявилъ также жителямъ, что предоставляетъ мнѣ всевозможныя удобства въ отношеніи пищи и питья.

Жители поблагодарили его за такую предупредительность и просили разрѣшенія присылать мнѣ, пока я буду въ арестѣ, обѣды. Это онъ имъ охотно позволилъ. Тѣмъ не менѣе комендантъ боялся. Онъ приказалъ зарядить пушки и поставить ихъ предъ гауптвахтой, ибо очень много господъ и обывателей бывало у меня и днемъ, и ночью.

Во все время моего пребыванія тамъ я пользовался большими удобствами, но не отъ пруссаковъ, а лишь отъ обывателей познанскихъ. Но вотъ, прибыли курьеры съ письмами отъ прусскаго короля и отъ

Суворова изъ Варшавы. На другой день меня вывели. Для того чтобы меня народъ не отбилъ, было назначено въ конвой 15 гусаровъ при одномъ офицерѣ. Конвойные мои положительно обходились со мною, какъ съ неприятелемъ; когда мы отѣхали отъ Познани съ миллю, они обыскали меня, подозрѣвая, будто я имѣю при себѣ ножъ. И хотя его при мнѣ не нашли, но тѣ деньги, которыя имѣлъ при себѣ, 2.850 злотыхъ, всё у меня взяли. Когда же я не соглашался ихъ отдать, то мнѣ сказали, что ихъ отдадутъ мнѣ на послѣдней остановкѣ. Я повѣрилъ офицерской чести, что онѣ будутъ мнѣ возвращены вмѣстѣ съ моимъ патентомъ ¹⁾, который былъ отобранъ у меня въ Познани. Взявши патентъ, запечатали его вмѣстѣ съ письмомъ къ генералу Суворову.

Когда мы прѣехали на первую стоянку въ Среды, помѣстили меня на гауптвахтѣ, а офицеръ отправился къ мѣстному коменданту сдать пакетъ, послѣ чего немедленно поѣхалъ въ Познань. Когда комендантъ пришелъ ко мнѣ, я его спросилъ: отдалъ ли ему офицеръ, при сдачѣ пакета, мои деньги? А этотъ мерзавецъ отвѣтилъ мнѣ, что онѣ совсѣмъ мнѣ не будутъ нужны, такъ какъ скоро меня привезутъ въ Варшаву и тамъ сейчасъ же повѣсятъ. Вотъ какой онъ далъ мнѣ прекрасный и утѣшительный отвѣтъ, который меня немало смутилъ.

Во время этой милой бесѣды подѣхала повозка, и комендантъ приказалъ мнѣ отправиться въ Конинь. Когда я сѣлъ въ повозку, сошло довольно тамошнихъ обывателей, желавшихъ узнать, кто я такой. Узнавъ, что я плѣнный, они горько оплакивали мои несчастія, которыя я долженъ былъ переносить ради своей отчизны, такъ что мнѣ было невыразимо жалко смотрѣть на этихъ добродѣтельныхъ людей, у которыхъ положительно слеза слезу вышибала изъ глазъ. Тутъ подошелъ ко мнѣ президентъ и спросилъ меня: ѣлъ ли я? Я ему отвѣтилъ, что не ѣлъ. Онъ тотчасъ пошелъ къ коменданту и просилъ его приказать задержать меня немного, чтобы я сѣлъ обѣдъ, и когда упросилъ его, то взялъ меня къ себѣ, и я у него отобѣдалъ. Женщины,—чтобы я не расчитывалъ на прусскіе обѣды—наносили мнѣ на дорогу колбасъ, полгенсковъ ²⁾, утокъ, масла, сыру, хлѣба и доброй водки. Когда я выѣзжалъ изъ этого мѣстечка, очень много народа провожало меня съ такимъ великимъ плачемъ и сожалѣніемъ, что—признаюсь—я не видалъ болѣе привязанныхъ людей.

Въ 7 часовъ вечера мы остановились въ Конинѣ. Здѣсь меня отвели къ полковнику. А этотъ невѣжда и осель приказалъ отвести меня, подѣ

¹⁾ Говорится, вѣроятно, о патентѣ на званіе полковника, выданномъ Клинскому генераломъ Косцюшко.

²⁾ Копченая гусинная грудинка.

конвоемъ, на гауптвахту. Тамъ меня до крайности возмутили какъ офицеры, такъ и генералы. Вотъ, какъ это было. Пришли ко мнѣ офицеры со своимъ полковникомъ-осломъ и стали меня спрашивать: гдѣ Косцюшко? Я отвѣтилъ, что онъ въ плѣну у москалей; затѣмъ спросили: гдѣ Мадалинскій? Я отвѣтилъ—не знаю. Осель-полковникъ сказалъ: мы приготовили для Мадалинскаго висѣлицу, на которой вы оба были бы повѣшены, только счастье для тебя, шельмы, что генераль Суворовъ тебя у насъ выпросилъ, впрочемъ, если не у насъ, то въ Москвѣ вы оба, вмѣстѣ съ Косцюшко, будете повѣшены. А нѣмецкіе офицеры какъ только не ругались! поляки шельмы, собаки, живодеры, воры.

Помысли каждый, каково это переносить для моего патриотизма и не только для моего, но и многихъ другихъ, кои вынуждены страдать за свою родину! Но это не конецъ безчестью. Полковникъ ради большаго презрѣнія, что я по ремеслу башмачникъ, велѣлъ отвести для меня квартиру у самаго бѣднаго сапожника, у котораго въ это время умерла жена, и приставить ко мнѣ 8 солдатъ. Я думалъ, что на этомъ кончится, но онъ привелъ ко мнѣ еще горшихъ ругателей -- оскорблять меня. Издѣвательства надо мною продолжались до 12 часовъ. Наконецъ, оставила меня эта омерзительная и безстыдная нѣмецкая толпа, изливъ на меня свою проклятую злобу безъ всякой причины. Она такъ меня разозлила, что, будь у меня подъ рукою кусокъ желѣза, я половину бы нѣмцевъ перебилъ. Но только то было мое несчастье, что я на нихъ ничего подходящаго не нашелъ. Тогда я легъ, чтобы хотя немного заснуть. Но какъ солдаты начали пѣть и кричать «вивать поляки!» то и спать мнѣ не дали.

Когда Богъ далъ дождаться дня, пріѣхала повозка, и меня отправили въ Кутно, а оттуда въ Клодаву. Тамъ я немного отдохнулъ. Мѣстные жители, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, приходили навѣстить меня, при чемъ имѣли очень печальныя фізіономіи по причинѣ несчастій, постигшихъ поляковъ. Переночевавши тутъ, на утро повезли меня въ Ленчицу.

Здѣсь мнѣ дали отдѣльное офицерское помѣщеніе, въ коемъ я имѣлъ хорошій ночлегъ. Президентъ города, узнавъ обо мнѣ, немедленно пришелъ спросить, не надо ли мнѣ чего, прислалъ мнѣ ужинъ и постель и потомъ пришелъ ко мнѣ съ пріятелями, захвативъ съ собою нѣсколько бутылокъ добраго вина. Пробыли они у меня до 12 часовъ ночи. Этотъ же добрый гражданинъ приказалъ принести мнѣ на дорогу хорошаго ликеру, а ксендзъ велѣлъ испечь для меня цыплятъ и самъ принесъ ихъ въ 6 час. утра. Сей ксендзъ былъ такой великій патриотъ, какового только можно себя представить. При посѣщеніи меня онъ мнѣ рассказывалъ о своей партіи изъ друзей, которую онъ приготовилъ на пруссаковъ, ожидая только приближенія нашего войска къ Ленчицѣ. Онъ доказалъ свое расположеніе ко мнѣ тѣмъ, что когда отправляли меня

изъ Ленчицы въ Ловичъ, онъ не щадилъ своихъ ногъ для моихъ проводовъ, а разставанье наше были одиѣ лишь обильныя слезы о паденіи несчастной родины нашей. По выѣздѣ изъ города, офицеръ получилъ новое распоряженіе везти меня въ Пустржь (Pustrz).

Сюда я пріѣхалъ въ 6 час. вечера. Помѣстили меня на гауптвахтѣ вмѣстѣ съ прекрасной компаніей нашихъ великополянъ-инсургентовъ, которые возвращались домой и тамъ были заарестованы; къ намъ былъ приставленъ значительный караулъ, такъ какъ пруссаки опасались, чтобы мы не напали на нихъ. Утромъ на другой день, ко мнѣ пришелъ мѣстный комендантъ, очень вѣжливо со мною разговаривалъ и пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, а тѣхъ великополянъ отослалъ въ Познань. Когда жители узнали, что я тутъ, сейчасъ же пошли къ коменданту просить его разрѣшить имъ видѣть меня. Онъ немедленно далъ разрѣшеніе. Прислалъ ко мнѣ своего адъютанта, который просилъ меня пройти съ нимъ по городу, при чемъ мнѣ объяснилъ, что жители ходатайствовали объ этомъ, чтобы имѣть возможность видѣть меня. Битыхъ три часа гуляли мы по всему городу, причемъ обыватели съ удовольствіемъ меня разсматривали, а потомъ мы пошли обѣдать къ коменданту. Могу засвидѣтельствовать, что этотъ комендантъ, единственный честный пруссакъ, оказывалъ мнѣ большое вниманіе и весьма сожалѣлъ, что передаетъ меня въ руки москалей. Послѣ обѣда пришли къ коменданту нѣсколько человѣкъ обывателей, принеся съ собою корзину вина, и просили его, чтобы онъ меня еще не отправлялъ. Когда онъ согласился, подарилъ ему вино и снова просили его позволить провести со мною время. Комендантъ настолько былъ къ нимъ снисходителенъ, что не только удовлетворилъ ихъ просьбу, но даже и самъ съ ними пришелъ и пробылъ у меня до 2-го часа.

На другой день въ 10 час. утра, снарядили меня въ дорогу подъ значительнымъ конвоемъ гусаровъ. Собраніе людей при этомъ было большое, и я хотя простился съ ними, однако, они провожали меня до Ловича, куда мы прибыли вечеромъ. Офицеръ отпрапортовалъ генералу о моемъ прибытіи и спросилъ—гдѣ меня помѣстить. Генералъ распорядился помѣстить меня на гауптвахтѣ и строго приказалъ караульному офицеру хорошенько меня стеречь, прибавивъ: это тотъ, который наиболѣе безобразилъ въ Варшавѣ во время революціи. Вотъ ужъ дѣйствительно меня хорошо стерегли! Когда я даже выходилъ за нуждой, то и тогда меня сопровождали солдаты съ саблями на-голо и даже держали за полы платя, чтобы я не убѣжалъ. Здѣсь же я имѣлъ такой ночлегъ, какого никогда въ жизни не имѣлъ. Я долженъ былъ лежать по срединѣ избы на голыхъ доскахъ, а надо мною сидѣли 8 солдатъ, съ обнаженными саблями, по 4 съ каждой стороны, и кромѣ того держали меня за одежду со всѣхъ сторонъ, ругая меня при этомъ самыми мерз-

кими словами. Признаюсь, пѣлую ночь сдавалось мнѣ отъ того смраду, въ которомъ я находился, что я—въ аду. Смрадь же этотъ былъ троякаго рода во 1-хъ, отъ горѣлки ¹⁾, во 2-хъ, отъ трубокъ, а въ 3-хъ, отъ того, что необычайно п—ли надо мною. Когда же я хотѣлъ встать или повернуться на другой бокъ, то не давали, грозя мнѣ словами: ты, ферфлюхтеръ-полякъ, если будешь шевелить, то мы будемъ рубить на куски и не будешь щадить. Не разъ мнѣ пришло въ голову: что, дождался ты, бѣдный полякъ, прекрасной свободы, неприкосновенности и независимости, которая едва не встала костью въ горлѣ. Когда Господь Богъ далъ мнѣ дожидаться дня, мнѣ показалось, что я на свѣтъ родился. Когда выпустили меня изъ рукъ нѣмцевъ, я хотя немного могъ расправить свои, уставшія послѣ вояжа, кости. Но вотъ, прислалъ за мною генераль Мёллендорфъ, требуя къ себѣ. Сорокъ солдатъ, при двухъ офицерахъ, окруживъ меня, какъ какого-нибудь разбойника или преступника, привели къ нему. Когда мы пришли, тотчасъ спросилъ меня безстыдный генераль: для чего мы не сдавали Варшавы въ руки пруссаковъ? Хотя я и былъ въ ихъ рукахъ, но отъ его глупаго вопроса невольно разсмѣялся и правду ему сказалъ, что мы, поляки, не для того начали войну, чтобы отдать страну въ руки неприятелей, но для того, чтобы отнять ее изъ ихъ рукъ и ихъ, какъ разбойниковъ и грабителей, выгнать изъ нея. Потомъ спросилъ: знаю ли я, для чего меня везутъ въ Варшаву? Я ему отвѣтилъ, что еще не знаю, а какъ тамъ буду, то узнаю. Онъ мнѣ сказалъ, что для того везутъ меня, чтобы повѣсить и что мнѣ на висѣлицѣ дадутъ въ руки колодку, чтобы я занимался своимъ ремесломъ. Обрати каждый вниманіе: сколько долженъ честный полякъ терпѣть отъ глупыхъ нѣмцевъ! Изъ-за того, что я изъ башмачника сдѣлался защитникомъ своей родины, вынужденъ переносить величайшія оскорбленія. А какъ онъ приказалъ мнѣ дать отвѣтъ, то я ему съ величайшею поспѣшностію отвѣтилъ, что для меня пріятно быть повѣшеннымъ за защиту родины. При этомъ я его спросилъ: если полковники будутъ вѣшиваемы, то какое же наказаніе будетъ для генераловъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что будутъ вырѣзывать изъ кожи ремни. Я, увидѣвъ тогда старика-нѣмца и съ нимъ офицеровъ, сказалъ имъ: милостивые государи! помните, что когда васъ будутъ награждать чинами полковника или генерала, то вы ихъ отвергните, ибо полковники будутъ повѣшены, а у генераловъ станутъ изъ кожи вырѣзывать ремни. Офицеры эти немало посмѣялись надъ своимъ глупымъ генераломъ. Онъ, видя, что смѣются надъ нимъ, прибавилъ, что такое наказаніе будетъ для однихъ только поляковъ, а не для другихъ. На это я ему отвѣтилъ, что уже живу на

---

¹⁾ Плохой сортъ водки.

свѣтъ 34 года, а не слышалъ въ прежнемъ королевствѣ, чтобы постигало первыхъ военныхъ чиновъ такое наказаніе, какое практикуется у младшаго изъ королей,—короля прусскаго. Тогда этотъ подлый генераль, видя, что я ему серьезно отвѣчаю, спросилъ — какъ я смѣлъ взять саблю въ мои сапожничьи руки, когда ношеніе ея составляетъ принадлежность однихъ только дворянъ и знатныхъ особъ, и для чего я не воевалъ потягомъ и колодкой? На это я ему отвѣтилъ, что если бы съ ними я воевалъ потягомъ и колодкой, то всѣмъ бы пруссакамъ, находившимся подъ Повонзками ¹⁾, загадилъ дворянство, а въ такомъ случаѣ чѣмъ бы они смыли это нестираемое пятно потяга и колодки? А что касается сабли, то на это я ему отвѣтилъ такъ: правда, что сабля для меня дѣло неподходящее, но позвольте, ваше превосходительство, въ мои руки одну саблю, и я покажу, какъ бьютъ варшавскіе сапожники, и увѣряю, что ты самъ будешь удирать передо мною такъ, что отъ великаго страха не попадешь въ Берлинъ, ибо тебя сапожничья рука такъ же здорово потреплетъ, какъ и дворянская. Его очень удивило, что я ему такъ храбро, безъ малѣйшей боязни, отвѣчаю, какъ будто бы я не арестованъ, и признаюсь, что если бы у меня было подъ рукою какое-нибудь оружіе, то, несмотря на послѣдствія неминуемой гибели, я всѣхъ этихъ нѣмцевъ такъ бы потрепалъ, что только бы пыль за ними пошла.

Наругавшись надо мною, сколько душъ было угодно, генераль этотъ приказалъ мнѣ отправиться въ Сохачевъ. Во время пути туда встрѣтились мы съ двумя прусскими офицерами, ѣхавшими въ Ловичъ. Узнавъ отъ конвойнаго, кто я такой, они бросились ко мнѣ и хотѣли отлупить меня своими саблями. Я, видя это, схватилъ съ воза клоницу ²⁾ и приглашалъ подойти къ себѣ. Но ни одинъ ко мнѣ не хотѣлъ приблизиться, увидѣвъ, что я съ ними не шучу. Сопровождавшій же меня офицеръ, замѣтивъ, что эти два офицера были пьяные, началъ серьезно выговаривать имъ, зачѣмъ они обнажили на меня сабли, и даже сказалъ, что если бы который-нибудь изъ нихъ ударилъ меня, то онъ вынужденъ того арестовать. Тогда нѣмцы спрятали свои сабли, а я воткнулъ въ возъ клоницу; впрочемъ, они обругали меня, сколько хотѣли.

По прїѣздѣ въ Сохачевъ, меня сдали на гауптвахту, въ солдатское помѣщеніе, гдѣ былъ необыкновенный смрадъ отъ тютюну. Сюда потомъ пришли ко мнѣ офицеры, велѣли меня обыскать—нѣтъ ли у меня при себѣ ножа, а послѣ самыми мерзкими словами меня обругали, когда же выходили, то положительно каждый на меня плюнулъ. Оби-

¹⁾ Варшавское предмѣстье, извѣстное своимъ кладбищемъ.

²⁾ Kłonicа колъ, одна изъ составныхъ частей польскаго воза.

ды эти довели меня до такого раздраженія, что я всю ночь оплакивалъ свое бѣдственное положеніе, будучи всюду обезпеченъ и осмѣянъ нѣмцами; а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не спросилъ—ѣлъ ли я что-нибудь, такъ что если бы обыватели не позаботились накормить и напоить меня, то я долженъ былъ бы съ голоду умереть, ибо денегъ при себѣ не имѣлъ: онѣ были у меня отобраны, когда я выѣхалъ изъ Познани. Эта ночь въ Сохачевѣ показалась мнѣ годомъ. Во-первыхъ, мнѣ было холодно, а во-вторыхъ, я былъ очень голоденъ, такъ какъ цѣлые два дня ничего не ѣлъ и хотя просилъ ѣсть, но нѣмцы только отвѣчали, что *morgen früh* будешь *essen*, господинъ полякъ ¹⁾. Когда далъ Богъ дожждаться дня, пришла за мной повозка безъ соломы, съ однѣми голыми досками, не взирая на то, что стоялъ крѣпкій морозъ. Отправили меня въ Блонь. Дорогой я такъ озябъ, что зубъ на зубъ не попадалъ и ногъ подъ собою не чувалъ и, когда мы пріѣхали въ Блонь, то отъ сильной стужи я не могъ самъ стоять на ногахъ и солдаты должны были отнести меня въ избу. Немедленно пришелъ ко мнѣ комендантъ и, увидѣвъ меня, дрожащаго отъ холода, тотчасъ приказалъ отыскать теплое помѣщеніе и отнести меня туда. Хотя онъ и говорилъ со мною, но я совсѣмъ не могъ ему отвѣчать отъ страшнаго дрожанья. Тогда этотъ честный и гуманный комендантъ сейчасъ же приказалъ принести для меня отъ себя горѣлки, далъ мнѣ выпить бокалъ, чтобы разогрѣться, и самъ оставался при мнѣ, пока я разогрѣлся, а потомъ со мною очень учтиво разговаривалъ. Я, видя большую учтивость его, сталъ рассказывать ему о своемъ мучительномъ путешествіи отъ самой Познани и о всѣхъ своихъ оскорбленіяхъ, которыя я вынужденъ былъ переносить отъ прусскихъ офицеровъ, чему онъ очень дивился, но при этомъ и самъ мнѣ сказалъ, что нѣмцы такъ сильно не терпятъ поляковъ, какъ соль—глаза; сознался, что онъ самъ полякъ и что самъ немало ненависти отъ нѣмцевъ испыталъ на себѣ, такъ что даже едва не рѣшился во время войны перейти на сторону поляковъ, но не имѣлъ возможности, такъ какъ находился тогда въ глубинѣ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе онъ настолько былъ честенъ, что сильно плакалъ при мнѣ надъ несчастной польской участью, сожалея великое наше паденіе. Желая, чтобы я отдохнулъ отъ мучительнаго путешествія, комендантъ удержалъ меня у себя до слѣдующаго дня, приказалъ принести мнѣ обѣдъ и ужинъ и самъ пришелъ ко мнѣ со своими офицерами, утѣшая меня въ моей столь великой печали: что везла меня изъ однихъ непріятельскихъ рукъ въ другія. Офицеры же, пришедшіе съ нимъ, стали надо мной издѣваться и, хотя комендантъ просилъ ихъ прекратить надо мной насмѣшки, но это не помогло, такъ что онъ, разсердившись на

¹⁾ *Morgen früh essen*, нѣмецкая поговорка—совсѣмъ не дадимъ ѣсть.

нихъ, приказалъ мнѣ меня оставить, а самъ еще довольно долго пробылъ со мною. На утро онъ велѣлъ захватить за мною повозкѣ и отослать меня съ конвоемъ и однимъ офицеромъ въ Варшаву. Въ Варшаву мы прибыли къ 12 часамъ. Офицеръ напередъ отвезъ меня къ генералу Буксгевдену, который былъ комендантомъ Варшавы. Буксгевденъ спросилъ меня: зачѣмъ я ѣздилъ въ Пруссію? Я ему отвѣтилъ, что ѣздилъ къ своимъ роднымъ. На это онъ сказалъ, что я затѣмъ ѣздилъ, чтобы произвести въ Пруссіи революцію. Затѣмъ онъ приказалъ дежурному маіору отвести меня подъ стражу. Просидѣлъ я полтора дня подъ арестомъ во дворцѣ кн. Яблоновскаго, въ низу. Когда дошелъ слухъ до магистрата, что я нахожусь подъ арестомъ, то городской советъ старался всѣми силами освободить меня возможно скорѣе. Къ тому же я имѣлъ друзей, которые особенно заботились объ этомъ. То были конюшіей Клицкій, ген. Салдернъ, воеводша Зильбергъ, секретарь г. Цернеръ. Они немедленно пошли просить ген. Суворова выпустить меня. Суворовъ приказалъ взять меня въ канцелярію для допроса. По снятіи допроса, я былъ позванъ къ ген. Буксгевдену. Здѣсь я засталъ г.г. Лукашевича, Рафаловича, Рухлина и ген. Салдерна, кои просили ген. Буксгевдена уволить меня изъ-подъ ареста. По просьбѣ этихъ знатныхъ мужей я былъ сейчасъ же уволенъ, но подъ условіемъ: не засѣдать болѣе въ магистратѣ, а заниматься своимъ ремесломъ. Хотя это наказаніе на видъ было незначительно, но для меня оно было чрезчуръ позорно, ибо меня, какъ какого-нибудь плута, отдалили отъ управленія, несмотря на то, что я не былъ ничѣмъ опороченъ, но лишь всталъ на защиту своей родины, а если это считать порокомъ, то надо было бы карать всѣхъ патріотовъ... Но что же было дѣлать? Надо было покориться. Поблагодаривъ за сдѣланное мнѣ благодѣяніе, я пошелъ домой. На этомъ окончились мои огорченія мѣсячнаго прусскаго плѣна. Аминь.

III.

Вторичный плѣнъ на той же самой недѣлѣ и пересылка въ Петербургъ.

Новый арестъ и отсылка въ Петербургъ. — Стѣсненное матеріальное положеніе. — Спутники. — Андрей Капостасъ. — Остановки: въ Гроднѣ, Ковнѣ, Митавѣ, Ригѣ и подѣ Петербургомъ. — Жизнь въ заключеніи. — Крысы. — Строгости. — Посѣщеніе кн. Репнинымъ. — Плохое продовольствіе. — Жалобы на это Килинскаго и улучшеніе пищи.

Разъ Высочайшею волею Всесвятѣйшаго Бога мнѣ былъ предназначенъ печальный жребій, я не пропушу случая описать его здѣсь, на память своимъ собратьямъ.

Въ субботу 25-го или вѣрнѣе 28-го декабря 1794 г. я былъ арестованъ въ Варшавѣ москалями и вмѣстѣ съ г. Капостасомъ посаженъ подъ стражу, во дворцѣ, при Медницѣ, въ третьемъ этажѣ. Тутъ мы сидѣли до рождественскаго сочельника, а въ самый сочельникъ, въ 2 часа по полудни, насъ отправили въ Петербургъ. О, какъ грустно и печально было мое разставанье съ женою, ибо, оставляя ее съ шестеркою дѣтей, я не оставилъ ей никакихъ средствъ на ихъ прокормленіе, равно какъ и на содержаніе моего хозяйства, уплату податей и другія нужды, ибо я въ то время былъ обобранъ нѣмцами, къ тому же я не имѣлъ тогда у себя квартирантовъ, у меня стояло порожнихъ 10 комнатъ по той причинѣ, что опасались жить въ моемъ домѣ, боясь, чтобы москали не отомстили на немъ. Равнымъ образомъ трудно мнѣ было найти друга, который бы могъ пособить мнѣ въ этой нуждѣ. Отъѣзжая въ столь длинную дорогу, да еще въ неволю, ожидать скорого возвращенія изъ коей было не возможно, я взялъ съ собою 25 червонцевъ, а женѣ оставилъ только 7. Разставшись со слезами, мы выѣхали изъ Варшавы въ числѣ 6 человекъ, а именно: первый—его превосходительство Закржевскій, второй—его превосходительство Игнатій Потоцкій, третій—его превосходительство каштелянъ Мостовскій, четвертый—полковникъ Соколицкій, пятый—г. Капостасъ и шестой—я, Килинскій.

Пріѣхали мы въ Іезиорну, первую станцію, подъ конвоемъ изъ 15 казаковъ и 3 офицеровъ: подполковника, ротмистра и хорунжаго. Здѣсь я переночевалъ первую и послѣднюю ночь вмѣстѣ съ господами, такъ какъ подполковникъ распорядился, чтобы я въ продолженіе всего пути имѣлъ особую квартиру и особый столъ, что меня нѣсколько опечалило. Господа просили за меня подполковника, чтобы онъ не дѣлалъ мнѣ неприятности, но не могли его упросить, ибо уже такой обычай у русскихъ упрямиться, когда ихъ о чемъ-либо просятъ. Но его превосходительство Закржевскій, этотъ достойный и неопѣненный мужъ, приказалъ своимъ слугамъ, чтобы мнѣ все шло съ его стола, и всю дорогу на столько обо мнѣ заботился, что я совершенно ни въ чемъ не имѣлъ нужды. Г-нъ Андрей Капостасъ, видя мое горе, т. е., что я не имѣлъ съ кѣмъ проводить время и раздѣлять своихъ печальныхъ мыслей, сказалъ подполковнику, что онъ будетъ вмѣстѣ со мною обѣдать и спать. Этотъ достопочтенный мужъ, еслибы было можно, очень былъ бы радъ всю дорогу улаждать мои печали, хотя и самъ былъ довольно опечаленъ тѣмъ, что вынужденъ былъ оставить свое имѣніе и свои дѣла, на чемъ онъ много терялъ. Тѣмъ не менѣе, мы оба всю дорогу утѣшали другъ друга, насколько было возможно. А между тѣмъ сильный морозъ, который стоялъ въ теченіе всѣхъ 23 дней нашего пути, весьма сильно давалъ намъ себя чувствовать. Кромѣ того, выпалъ настолько глубокій снѣгъ, что доходилъ лошадямъ до брюха, и такимъ образомъ снѣшить никакъ

было нельзя, хотя мы и не имѣли причины спѣшить въ тотъ адъ, въ который насъ посадили, тѣмъ не менѣе частые отдыхи на такомъ тяжкомъ морозѣ намъ надоѣли.

Приѣхавъ въ Гродно, мы очень опечалились, ибо попали какъ разъ въ то время, когда жители принесли присягу на вѣрность Москвѣ. Признаюсь, что я, узнавши объ этой присягѣ, никакъ не могъ перестать плакать, да и всѣ такъ сильно были опечалены, что каждый, отвернувшись въ уголь, залился слезами. Переночевавши здѣсь, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, выѣхали изъ Гродно. Въ тотъ же день мы остановились въ Ковно. Здѣсь мы оставались день и двѣ ночи, такъ какъ намъ было приказано дѣлать подъ кареты сани, которыя, однако, пользы намъ не принесли, ибо тотчасъ за городомъ изломались. Отсюда мы выѣхали ночью и на другой день были въ Митавѣ, въ княжествѣ Курляндскомъ, гдѣ и обѣдали. Пока мы тамъ стояли, много людей приходило посмотрѣть на насъ, но москали ихъ разгоняли. Въ сумерки мы выѣхали и въ 11 час. были въ Ригѣ. Тутъ насъ застали русскіе праздники Рождества Христова, и мы отдыхали два дня, но не имѣли разрѣшенія выйти въ городъ и принуждены были все время просидѣть въ одной лишь комнатѣ. На третій день выѣхали изъ Риги и уже не имѣли ни одного отдыха до послѣдней станціи подъ самымъ Петербургомъ. Подполковникъ хотѣлъ привезти насъ къ царицѣ непременно на русскій новый годъ, но не могъ поспѣть, потому что дорога была дурна. На послѣдней станціи мы отдыхали цѣлыхъ полдня, такъ какъ подполковникъ оставилъ насъ, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ съ рапортомъ къ царицѣ, что везетъ насъ. Получивъ указаніе, гдѣ насъ помѣстить, онъ немедленно вернулся. Въ 10 час. вечера насъ привезли въ Петербургъ и помѣстили въ тюрьму, каждого отдѣльно.

13-го января 1795 года ¹⁾ я былъ посаженъ въ петербургской крѣпости въ комнатку, длиною въ 1 локоть, а шириною въ 5 $\frac{1}{2}$ локтей, съ однимъ окномъ, съ вдѣланною въ него крѣпкою рѣшеткою, съ половиною, выходящей въ комнатку кирпичной печи, которую когда затопили, то едва черезъ четыре часа она разогрѣлась; полъ тоже былъ настолько плохъ, что изъ-подъ него шелъ въ помѣщеніе страшный холодъ, и я не могъ никогда согрѣть своихъ ногъ. Къ этому надо прибавить посѣщенія меня крысами и мышами, которыя мнѣ ужасно надоѣли. Но хотя я на нихъ и смотрѣть не могъ, однако, долженъ былъ ихъ принимать и даже удѣлять имъ отъ своихъ ничтожныхъ снѣдей, ибо если иногда забывалъ, то онѣ цѣлую ночь не давали мнѣ спать и даже могли пострадать мои вещи; зато, когда давалъ имъ ѣсть, то онѣ меня не

¹⁾ Въ подлинникѣ, очевидно, вслѣдствіе описки или опечатки, годъ 1792 г

безпокоили. Еще что меня мучило, это—что онѣ плодились и отъ того часто пищамя, да при этомъ вынужденъ былъ терпѣть отъ нихъ необыкновенный смрадъ. Но объ этомъ довольно. Перейдемъ теперь къ болѣе важнымъ обстоятельствамъ, изъ коихъ узнаемъ, какъ со мною бѣднымъ обходились москаля въ той несчастной и даже грустной неволѣ.

Прежде всего, какъ только заключили меня, сейчасъ приставили стеречь меня трехъ солдатъ, изъ коихъ одинъ ежедневно наблюдалъ за мною, ничего не говоря, такъ какъ они имѣли отъ своего офицера строжайшій приказъ ни хорошаго, ни дурнаго со мною не говорить. Когда я хотѣлъ выйти въ отхожее мѣсто, то долженъ былъ предварительно сказать объ этомъ солдатамъ, тогда солдатъ шелъ впередъ въ сѣни и приказывалъ другому встать съ ружьемъ на порогѣ у отхожаго мѣста, затѣмъ отворялъ ко мнѣ дверь, велѣлъ мнѣ выходить и шелъ за мною до самаго сортира; когда же я изъ него выходилъ, не позволялъ мнѣ стоять на дворѣ, чтобы я не осматривалъ ограды, и я долженъ былъ немедленно идти къ себѣ. И такъ было во все время моего заключенія. Когда переночевалъ, на другой день, въ 10 час. утра, пришелъ ко мнѣ министръ царицы Репнинъ ¹⁾ съ 5 офицерами. Съ ними имѣлъ порядочное столкновеніе. Едва Репнинъ переступилъ порогъ, какъ, указывая на офицера, обратился ко мнѣ со словами: «ты, бестія, ему въ Варшавѣ сапоги шилъ». Я, взглянувши на офицера, котораго видѣлъ въ первый разъ въ жизни, сейчасъ же ему отвѣтилъ, что я въ жизни своей ни этому, ни одному изъ нихъ сапогъ не дѣлалъ. А когда министръ то же самое повторилъ, я вынужденъ былъ сказать ему правду, что тѣ москаля, которымъ я въ Варшавѣ шилъ сапога, уже не живутъ на свѣтѣ. Потомъ онъ меня спросилъ: для чего я вѣшалъ въ Варшавѣ господъ? На это я ему отвѣтилъ, что вѣшалъ не я, а палачъ. Далѣе спросилъ меня: за что я ихъ вѣшалъ? Я отвѣтилъ ему, что ихъ вѣшалъ палачъ за измѣну своей родинѣ. Еще меня спросилъ: билъ ли я въ Варшавѣ москалей. Отвѣтилъ ему, что я ихъ только стращалъ, чтобы уходили изъ Польши, ибо ихъ туда никто не звалъ. На это онъ сказалъ, что велитъ дать мнѣ 500 палокъ сквозь одну рубашку. Я отвѣтилъ ему, что въ первый разъ слышу, чтобы полковникъ, находясь въ плѣну, могъ быть наказываемъ палками, что въ Польшѣ мы съ русскими такъ не поступали. Тогда этотъ министръ, видя, что я его совершенно не боюсь, разстегнулъ свою шубу и показалъ мнѣ, что у него на платьѣ три звѣзды и что онъ имѣетъ власть приказать бить меня палками. Я отвѣтилъ, что его высоко уважаю, но что прежде дамъ себя убить, не-

¹⁾ Авторъ записокъ, называя кн. Ник. Вас. Репнина министромъ, очевидно, имѣетъ въ виду званіе полномочнаго министра, коимъ Репнинъ былъ облеченъ 11 ноября 1763 г., при отправленіи въ Польшу.

жели наказать палками. Министръ велѣлъ мнѣ трепетать передъ его звѣздами, на что я ему сказала, что знаю людей съ тысячами звѣздъ, а и передъ ними никогда не трепеталъ и не буду трепетать. Тутъ онъ наворчалъ на меня, сколько ему хотѣлось, а когда успокоился, велѣлъ мнѣ описать свои дѣйствія во время варшавской революціи: какъ она началась и какъ кончилась, всѣ свои чины и за что получилъ ихъ, угрожая мнѣ величайшимъ и суровымъ наказаніемъ, именно, что я буду битъ кнутами и подвергнутъ пыткамъ, если что-либо утаю, а другой меня послѣ выдастъ. Сказавши это, онъ приказалъ дать мнѣ чернильницу и бумагу, еще прибавивъ при этомъ, чтобы я описалъ все, какъ можно вѣрнѣе, такъ какъ все мое объясненіе будетъ читать сама царица. Когда уже выходилъ отъ меня, велѣлъ позвать караульнаго офицера и строго приказалъ ему наблюдать за нами, чтобы мы не имѣли между собою переписки и не видѣлись другъ съ другомъ¹⁾, и тогда же распорядился, чтобы мнѣ давали простое солдатское кушанье. Отдавъ приказаніе относительно всѣхъ насъ, что тамъ сидѣли, Репнинъ уѣхалъ. Все время, пока я не окончилъ своего письменнаго показанія, у меня сидѣлъ секретарь.

Сидя на простой солдатской пищѣ, я такъ ослабѣлъ и похудѣлъ, что во мнѣ уже едва душа держалась. Я рѣшительно не могъ ѣсть этой пищи, а только просилъ Бога дать мнѣ терпѣніе, дабы не сойти съ ума, ибо я находился въ такомъ угнетеніи цѣлыхъ два мѣсяца. Однажды, когда, на девятой недѣлѣ, вошелъ ко мнѣ полковникъ, который часто насъ посѣщалъ, я осмѣлился обратиться къ нему со словами: ваше высокоблагородіе, г. полковникъ, я уже никомъ образомъ на этомъ простомъ солдатскомъ содержаніи долѣе выдержать не могу: ни одинъ полякъ къ нему не привыкъ, въ Польшѣ самый бѣдный работникъ въ пятницу далеко лучше ѣсть, чѣмъ я получаю въ этой тюрьмѣ. Поэтому покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, изложить въ своемъ рапортѣ мое ходатайство, что если государыня императрица будетъ меня держать въ неволѣ, да еще и голодомъ станетъ морить, то это будетъ лишь одно тиранство, и я хотѣлъ бы лучше, чтобы она велѣла лишить меня жизни; если же она захочетъ, чтобы я еще жилъ, то прошу смиловаться надо мною—назначить мнѣ иную порцію. Признаюсь вамъ, я потому такъ прошу, что боюсь, какъ бы не впасть въ бѣшенство и не надѣлать безобразій отъ голода, къ которому я не привыкъ. Прошу также вспомнить, что мы такъ жестоко съ москалями не обрапались. Пусть они сами расскажутъ, какія они имѣли у насъ выгоды, ибо мы разрѣшали

---

¹⁾ Но мѣры эти не достигли своей цѣли. Нѣмецевичъ („Pamiętniki“) говоритъ, что онъ свосился съ Килинскимъ черезъ посредство Капостаса и подалъ ему мысль писать настоящія воспоминанія.

имъ все, чего бы они ни пожелали, и вамъ взаимно должно дѣлать то же. А между тѣмъ я даже на свои деньги не имѣю позволенія купить чего-нибудь для себя, или развѣ возможно разогрѣться утромъ холодной водой, чего до сихъ поръ никому не даютъ натошакъ. Напоследокъ, чтобы разжалобить его, принужденъ былъ показать, насколько я спалъ съ тѣла.

Этотъ почтенный полковникъ терпѣливо выслушалъ мои просьбы и далъ честное слово довести мое справедливое желаніе до свѣдѣнія царицы. И дѣйствительно того же самаго дня мнѣ назначили по 50 коп. въ день и по бутылкѣ пива. Такимъ образомъ я сталъ получать изъ трактира немного лучшее кушанье, хотя, правду сказать, оно могло бы быть значительно лучше за эти деньги, если бы не жадность караульнаго офицера, который, во все время моего нахожденія въ неволѣ, ежедневно урывалъ у меня 10 грошей ¹⁾. Но что же я могъ сдѣлать, какъ только быть довольнымъ и тѣмъ, что давали. Просидѣвъ въ этомъ томительномъ заключеніи девять мѣсяцевъ, я снова просилъ того же полковника позволить мнѣ на свои деньги покупать кофе и горѣлку, и онъ мнѣ это позволилъ, хотя сначала никоимъ образомъ не соглашался разрѣшить. Но и тутъ я встрѣтилъ затрудненіе со стороны караульнаго офицера, который велѣлъ это покупать для меня, когда ему было угодно, но никогда не давалъ мнѣ денегъ въ руки, боясь, чтобы я не подкупилъ солдатъ.

ДОПРОСЪ

Яна Килинскаго относительно варшавской революціи, учиненный 12-го февраля 1795 г. въ Петербургѣ, въ самомъ строгомъ и въ самомъ суровомъ заключеніи ²⁾. — Причины нерасположенія поляковъ къ русскимъ. — Поводы къ революціи въ Польшѣ вообще и въ Варшавѣ въ частности. — 5 (17) апрѣля 1794 г. въ Варшавѣ. — Волненія по удаленіи русскихъ: народный судъ надъ измѣнниками, Кононка, убійства и пр. — Вѣроломство прусскаго короля. — Тяготѣніе къ Россіи. — Оправданіе Килинскаго.

Вопросъ. Отвѣты Яна Килинскаго на вопросы. Я родился въ Познани, называюсь Янъ Килинскій, моему отцу имя Августинъ, занятіе (его) каменщикъ. — Да вѣдали въ Варшавѣ? — 15 лѣтъ, по профессіи башмачникъ, имѣю собственность — два каменные дома на Дунаѣ, подъ № 145. — Чѣмъ я есть въ Варшавѣ? — раднымъ въ магистратѣ, 4 года. — Имѣю ли жену и дѣтей? — имѣю

¹⁾ Т. е. по 5 коп. въ сутки.

²⁾ Очевидно, это и есть то самое объясненіе, которое Килинскій написалъ по предложенію кн. Репнина и которое должна была читать Екатерина. Подлинникъ этого объясненія, конечно, долженъ находиться въ какомъ-либо изъ русскихъ государственныхъ архивовъ.

четырехъ сыновей и двухъ дочерей.—Есть ли родственники:—три брата и двѣ сестры; имѣю 35 лѣтъ.—Какимъ образомъ начала съ революція въ Варшавѣ?—Нерасположеніе поляковъ противъ Москвы возникло съ тѣхъ поръ, какъ Москва ниспровергла нашу конституцію 3-го мая ¹⁾, которая была объявлена съ цѣлью возведенія на наследственный престолъ князя Константина и королевны польской, княжны саксонской. А когда Москва, во время первой войны, вступила въ Польшу, какъ непріятель, этимъ она возбудила великое недовольство въ народѣ, ибо король, вмѣстѣ съ дворянскимъ сословіемъ, объявилъ на сеймѣ, длившемся четыре года, престолъ наследственнымъ. И когда уже были объявлены наследники престола—кн. Константинъ и саксонская инфантина, Москва сейчасъ же объявила полякамъ войну. Нашъ король не желалъ выставять невинный народъ на убой и даже совсѣмъ не хотѣлъ драться съ Москвою. Онъ отдалъ приказаніе польскимъ войскамъ отступить. Когда московскія войска подошли подъ Варшаву, онъ приказалъ, какъ можно скорѣе, созвать въ Гродно сеймъ. Когда сенаторы и послы, вмѣстѣ съ королемъ, съѣхались на сеймъ, Москва тотчасъ же ниспровергла ту самую конституцію, которая была объявлена для кн. Константина. На этомъ-то сеймѣ московскія войска, окруживъ, съ пушками, помѣщеніе, въ которомъ собрались король и сеймовые чины, принудили ихъ согласиться на раздѣлъ государства. Послѣ такого принудительнаго соглашенія сейчасъ же проявилось въ народѣ сильное недовольствіе, что Польша цѣликомъ отдавалась Москвѣ, что Польша отдавала корону внуку русской царицы, но что Москва не обратила на это вниманія, сама силою взяла страну и даже цесарю съ пруссаками позволила ее взять ²⁾. За такое неприличное обхожденіе съ нами Москвы, въ каждомъ полякѣ сердце обливалось кровью противъ нея: что она не только сама осталась въ странѣ, но еще и растаскала ее велѣла. Эти обстоятельства были причиною величайшаго неудовольствія во всемъ народѣ, приказъ же нашимъ войскамъ сложить оружіе вызвалъ беспорядки. Въ это-то время начальникъ бригады Мадалинскій, получивъ распоряженіе сложить оружіе, отказался ему подчиниться и первый началъ драться съ пруссаками въ той части края, которая была у насъ ими захвачена. Этотъ же Мадалинскій со своимъ войскомъ двинулся къ Кракову, но съ москалями не дрался; хотя они и встрѣчались, но другъ друга не трогали. Едва Мадалинскій подступилъ къ Кра

¹⁾ 1791 года.

²⁾ Такимъ образомъ политика Екатерины отвергла то, къ чему стремилась политика царей: Ивана Грознаго, сына его Феодора и Алексѣя, кои сами, при всякомъ удобномъ случаѣ, выдвигали, хотя и безуспѣшно, свою кандидатуру на польскій престолъ.

кову, какъ тотчасъ за нимъ стаянулись тамъ всѣ полки, началось народное возстаніе, и весь союзъ обратился въ конфедерацію. Такимъ образомъ, начаткомъ революціи въ Польшѣ было распоряженіе польскому войску положить оружіе. Не знаю иной причины, ибо тамъ не былъ.

Что же касается начала варшавской революціи, то оно было таково. Полномочный посолъ, генераль Игельстромъ, отдалъ распоряженіе русскимъ войскамъ собраться въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ въ Варшавѣ и расположиться на квартирахъ. А тамъ, гдѣ солдаты не стояли, жители обязаны были съ тѣхъ домовъ и дворцовъ платить въ квартирную комиссію деньги по 9 злот. на каждого солдата, при чемъ на каждый домъ и дворецъ записывали по нѣскольку десятковъ солдатъ. Тѣмъ изъ жителей, которые не были въ состояніи заплатить, ставили московскихъ солдатъ, кои причиняли большія непріятности. Отъ этого налога не былъ свободенъ даже его величество король, онъ также долженъ былъ платить со своего замка на солдатъ. И такое обремененіе продолжалось пять кварталовъ ¹⁾. Обыватели стали сѣтовать на такой налогъ, ибо нѣкоторые не имѣли, на что купить хлѣба, а подать эту непременно должны были заплатить. Такое отягощеніе со стороны московскаго войска до того довело варшавскихъ жителей, что они оставили свои дома, а нѣкоторые граждане дошли даже до конечнаго разоренія: должны были на удовлетвореніе этой подати распродать свои вещи. Солдаты же притѣсняли обывателей. Когда началась война подъ Краковомъ и Косцюшко побилъ москалей, въ Варшавѣ всѣ жители начали просить Бога чтобы Онъ помогъ вытѣснить непріятели изъ Польскаго государства. Наконецъ, въ Варшавѣ пошелъ ропотъ, когда московскіе офицеры начали рассказывать, что имѣютъ приказъ императрицы, если поляки одержатъ побѣду, разграбить Варшаву, затѣмъ, зажечь ее отъ одного конца до другаго, отнять арсеналъ, а польскія войска обезоружить ²⁾. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ рассказовъ, изъ полковъ, которые были въ Варшавѣ при королѣ, распустили значительную часть людей. Такъ, изъ коронной гвардіи, въ коей было 2.800 человекъ, распустили 2.100, осталось 700 чел.; изъ полка Дзымынскихъ, въ которомъ числилось 10.800 солдатъ, отпустили 10.200, осталось только 600; изъ артиллеріи, коей было 10.800, распустили 10.400 и осталось лишь 400 чел.; пораспустили также и изъ прочихъ полковъ. Такъ какъ же было не печалиться варшавянамъ, видя такое подтвержденіе упомянутыхъ рассказовъ? Тѣмъ временемъ былъ отданъ приказъ, запрещавшій подъ страхомъ смерти разговаривать и неодобрительно судить о правительствѣ. Спустя недѣлю появилось другое распоряженіе, чтобы всѣ дворцы и дома были

¹⁾ Кварталъ заключаетъ въ себѣ 3 мѣсяца.

²⁾ Объ этой выдумкѣ уже оговорено выше.

заперты въ 7 часовъ вечера и чтобы никто не смѣлъ, подъ страхомъ быть арестованнымъ и посаженнымъ на хлѣбъ и на воду, послѣ 7 час. выходить на улицу, хотя еще было свѣтло ¹⁾). Такое распоряженіе тоже очень стѣсняло народъ: по улицамъ ходили польскіе и московскіе караулы, попадавшихся имъ людей брали въ арестъ и тамъ морили голодомъ и даже держали въ погребахъ у генерала Игельстрома. Игельстромъ, узнавъ о ропотѣ жителей, прислалъ въ магистратъ спросить: какія лучше войска желаетъ народъ имѣть у себя на постоѣ—московскія или прусскія? Варшавскій магистратъ и слышать не хотѣлъ о прусскихъ войскахъ, будучи доволенъ, что московскія войска защищали насъ отъ прусскихъ. Магистратъ отъ имени всѣхъ горожанъ просилъ Игельстрома отдать распоряженіе войскамъ, чтобы часть ихъ вышла изъ Варшавы въ одну изъ ближайшихъ деревень, ибо они были большимъ отягощеніемъ для жителей всей Варшавы, при чемъ магистратъ ручался, еслибы ходатайство его удовлетворилъ Игельстромъ, за полную безопасность въ цѣломъ городѣ. Но просьба эта уважена не была, и отъ Игельстрома полученъ отвѣтъ, что въ Варшаву придетъ еще болѣе войска. И вотъ возникли еще большіе толки и ропотъ. А когда Косцюшко приближался къ Варшавѣ, гетманъ Ожаровскій отдалъ приказъ всѣмъ, находившимся въ Варшавѣ, польскимъ войскамъ, чтобы они, когда начнется тревога, совмѣстно съ москалями, били народъ. Польскіе офицеры, коль скоро получили такое распоряженіе, то не могли удержать этого въ секретѣ, но, посоветовавшись другъ съ другомъ, начали ходить къ обывателямъ и рассказывать имъ объ немъ, предлагая имъ записаться, ради осторожности, оружіемъ, прибавляя при этомъ, что вмѣсто того, чтобы бить народъ, они совмѣстно съ послѣднимъ, станутъ бить москалей. Въ тотъ же день мнѣ было извѣщеніе, о которомъ сказано выше.

Это предостереженіе было сдѣлано мнѣ во вторникъ, передъ Пасхой. И не только этотъ офицеръ предостерегъ меня, но и прочіе московскіе офицеры предостерегали своихъ пріятелей-поляковъ. Вечеромъ, въ тотъ же вторникъ, пришли ко мнѣ восемь человекъ польскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ по-статски. То были: капитанъ артиллеріи Линовскій, хорунжій Ласковскій,—тоже артиллеристъ кавалеріи поручикъ Сухаржевскій, отъ фузилеровъ поручикъ Нецкій, полка Чапскаго полковникъ Венгерскій; вотъ тѣ, которыхъ я знаю, а что касается трехъ остальныхъ, то я не знаю, какъ они назывались.

Придя ко мнѣ, они звали меня съ собою, говоря, что имѣютъ ко мнѣ весьма важное дѣло, коего въ домѣ моемъ сказать мнѣ не хотѣли. Они свели меня, въ такъ-называемый, іезуитскій домъ, въ четвертый этажъ

¹⁾ Очевидно, что до русскихъ уже дошли слухи о волненіи.

сзади. Тамъ, когда мы пришли, начали они разсказывать, что москали предполагають, на этой недѣлѣ, перебить насъ въ Варшавѣ, и просили моей помощи, ибо имѣли намѣреніе защищаться отъ москалей.

— Гражданинъ,—говорили они мнѣ,—мы основательно знаемъ, что ты въ магистратѣ человекъ весьма уважаемый всѣми, и у тебя много есть друзей, которые послѣдуютъ за тобою на защиту Варшавы и насъ, военныхъ. Московское насиліе не только отняло у насъ страну, но еще и смертью угрожаетъ на этой недѣлѣ. Вѣдь мы уже имѣемъ отъ гетмана приказъ перебить своихъ собратьевъ. Но сердце наше не можетъ перенести такого варварства, посему обращаемся къ вамъ за совѣтомъ и просимъ о поддержкѣ нашихъ слабыхъ силъ и увѣрены, что вы намъ пособите. Къ тебѣ обращаемся, уважаемый въ средѣ горожанъ гражданинъ, просимъ тебя помочь намъ и вѣримъ, что ты не откажешь намъ.

А затѣмъ, когда разсказали мнѣ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, стали меня спрашивать: принимаю ли я это на себя? И пока я еще совсѣмъ не зналъ, что имъ отвѣтить, поручиелъ Нѣцкій вынулъ изъ кармана книжалъ, а капитанъ Линовскій досталъ изъ-за пазухи текстъ присяги и распятіе и обратился ко мнѣ со словами:

— Гражданинъ, если ты, имѣя столько друзей, откажешь намъ въ этой услугѣ, которая касается всѣхъ насъ, то будь увѣренъ, что ты отсюда не выйдешь живымъ.

Видя противъ себя оружіе, что же мнѣ было дѣлать? Или погибать такъ, безъ боя, или отъ рукъ москалей. Для меня это было все равно. И я поклялся передъ ними, что буду помогать. Затѣмъ, достали изъ комода бумагу, на которой я долженъ былъ подписаться, и тутъ же показали мнѣ списокъ, на которомъ были подписи 50.720 гражданъ, уже присягнувшихъ. Сказали мнѣ, чтобы я былъ готовъ въ четвергъ, къ четыремъ часамъ утра, и чтобы слушалъ сигналъ изъ пушки, на который долженъ былъ выходить вооруженнымъ, съ возможно ббльшимъ числомъ людей. Такъ и было. Въ четвергъ, когда дали сигналъ, я тотчасъ взялъ съ собою нѣсколько десятковъ человекъ, отнялъ у москалей семь орудій и ими защищался съ возможнымъ мужествомъ. Пальба началась въ половинѣ пятаго часа и продолжалась до четырехъ часовъ пятницы. Москали заперлись въ томъ дворцѣ, гдѣ жилъ Игельстромъ, въ Данцигскомъ саду, у капуциновъ и во дворцѣ Красинскихъ. Въ четвергъ, въ пять часовъ пополудни, народъ провозгласилъ въ Королевскомъ замкѣ Мокроновскаго генераломъ и варшавскимъ комендантомъ, а Закржевскаго, бывшаго еще президентомъ во время конституціи 3-го мая,—президентомъ. Отправились за нимъ, и когда его привели въ ратушу, народъ сейчасъ занялся избраніемъ временнаго совѣта—до дальнѣйшаго устройства—правленія, ибо его величество король не хо-

тѣлъ ни вдаваться въ это дѣло, ни даже ничего знать. Народъ, вмѣстѣ съ офицерами, и меня выбралъ въ члены правленія. Сряду по избраніи, совѣтъ назначилъ меня на дежурство къ королю, для охраны, такъ какъ тогда войска при королѣ не было. Я же, пользуясь большимъ довѣріемъ въ народѣ, пошелъ и выбралъ изъ среды обывателей самыхъ способныхъ и отправился съ ними въ королевскій замокъ. Тамъ разставилъ ихъ на караулы и пробылъ съ ними всю ночь. На другой день мы отправились захватить остатки московскаго войска. Его величество король и совѣтъ видѣли, что москали уже не защищаются; поэтому, король немедленно отправилъ, утромъ, Закржевскаго и Мокроновскаго, въ качествѣ парламентаровъ, къ Игельstromу, чтобы тотъ не тратилъ понапрасну своихъ солдатъ, но чтобы сдался, причѣмъ ему и всѣмъ, съ нимъ находившимся, обезпечивалась жизнь. Но онъ такого предложенія, троекратно переданнаго отъ имени короля и совѣта, принять не хотѣлъ. Народъ, узнавши, что онъ не хочетъ пардону, со всею силою ударилъ на тѣ пункты, гдѣ были москали, и захватилъ ихъ. Его превосходительство, Игельstromъ, на нѣсколькихъ лошадяхъ бѣжалъ къ пруссакамъ.

По захватѣ московскаго войска наступило общее спокойствіе, но народъ, пришедши въ ратушу, въ совѣтъ, требовалъ распоряженія арестовать тѣхъ, которые дали письменное согласіе на раздѣлъ Польскаго государства, разобрать дѣло и виновныхъ казнить. Когда совѣтъ отвѣтилъ, что велитъ арестовать этихъ лицъ, народъ успокоился.

Спокойствіе это длилось восемь дней. На девятый день, въ четыре часа пополудни, сдѣлалась въ Варшавѣ сильная тревога: одни говорили, что подходит множество войска, а другіе, что нашъ король выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Тревога эта была сдѣлана съ тройкою цѣлью: дворня тѣхъ господъ, которые были арестованы, произвела ее для того, чтобы освободить изъ ареста, во время замѣшательства, своихъ господъ; другая же часть, которая разгласила, будто его величество король выѣхалъ въ Москву, состояла изъ бездѣльниковъ, картежниковъ и тѣхъ, кои были единомышленниками французовъ, думая черезъ эту тревогу добиться осуществленія своихъ замысловъ—арестованія короля, въ чемъ тѣ и другіе жестоко ошиблись. Дѣло же было такъ: король былъ именинникъ, въ тотъ день было св. Станислава, и выѣхалъ на Прагу, на прогулку. Когда совѣтъ узналъ, что народъ беспокоится, что король не уѣхалъ изъ Варшавы, я поѣхалъ къ королю, на Прагу, и просилъ его какъ можно скорѣе вернуться въ Варшаву, рассказавъ королю, что народъ беспокоится, и чтобы вслѣдствіе этой тревоги не вышло чего-нибудь дурнаго въ его отсутствіе, а также, что жители боятся, чтобы король не выѣхалъ за границу. Его величество король, послушавшись Совѣта, тотчасъ воротился обратно въ Варшаву,

а я получилъ приказаніе отъ президента Закржевскаго успокоить гражданъ, что король уже возвращается назадъ, и что нарочно послалъ меня, какъ человѣка, пользующагося особенною довѣренностью простаго народа, успокоить его. Я объявилъ имъ о возвращеніи короля и просилъ ихъ встать двумя рядами, отъ Пражскаго моста до Королевскаго замка, и въ то время, когда король будетъ проѣзжать около нихъ, кричать: «вивать! вивать!»

И все это было исполнено. Противной партіи, состоявшей изъ бездѣльниковъ и тѣхъ, которые тянули на сторону французовъ, очень не понравилась устроенная для короля овація. Когда король вернулся въ замокъ и вошелъ во внутренніе покои, сейчасъ же подошелъ ко мнѣ артиллеріи майоръ Хомунтовскій и, схвативъ меня за грудь, сказалъ: «ты, шельма, держишь сторону короля, жизнь твоя въ моихъ рукахъ»,— и выхватилъ при этомъ изъ-за пазухи пистолеть, заряженный двумя пулями. На это я ему сказалъ, что лучше дамъ убить себя, нежели позволю сдѣлать какую-нибудь обиду королю. Сейчасъ же обыватели отняли у него пистолеть и отвозили его саблями и даже хотѣли изрубить, но я его защитилъ. Желая узнать, много ли еще есть подобныхъ господъ, я приказалъ отвести его подъ караулъ, съ тѣмъ, чтобы ни на чье требованіе онъ не былъ освобожденъ. Въ замкѣ, всюду, гдѣ только былъ входъ къ его королевскому величеству, я поставилъ двойные караулы изъ жителей. Защитивъ замокъ отъ «французскаго духа», я взялъ съ собою остатокъ гражданъ, вышелъ съ ними изъ замка и отправился въ ратушу на засѣданіе Совѣта. Тамъ было получено извѣстіе, что народъ хочетъ перебить всѣхъ господъ, которые были арестованы, за то, что дали письменное согласіе на раздѣлъ государства. Тогда Совѣтъ снова послалъ меня уговорить ихъ, чтобы безъ декрета никого теперь не убивать. Я, пришедши къ нимъ, возвысилъ голосъ и довольно ясно ихъ убѣждалъ. Но это убѣжденіе немного на нихъ повлияло. Тогда я посовѣтовалъ имъ изложить свое желаніе на бумагѣ въ Совѣтъ, прося послѣдній приказать судить этихъ лицъ, ибо по образу дѣйствій Игельстрома можно было подозрѣвать (въ чемъ даже имѣлись доказательства): Ожаровскаго, Анквича, Забѣлло и епископа Коссаковскаго, кои были самыми первыми особами, давшими свое письменное согласіе на раздѣлъ государства. Такое предложеніе народъ принялъ и оставилъ свои замыслы. На другой день, утромъ, народъ собрался съ оружіемъ и пришелъ ко мнѣ съ требованіемъ, въ коемъ было изложено, въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ, его желаніе: 1) Народъ желаетъ, чтобы Совѣтъ приказалъ увеличить караулы при арестованныхъ и бывшихъ гродненскихъ послахъ. 2) Народъ хочетъ, чтобы оружіе и аммуниція были розданы черни. 3) Народъ желаетъ, чтобы его величество король находился въ полной безопасности, и чтобы ему было

оказываемо должное уваженіе, и чтобы Совѣтъ приказалъ устроить вокругъ Варшавы шанцы. 4) Народъ требуетъ и приказываетъ, чтобы Совѣтъ нынѣшняго же дня предалъ уголовному суду слѣдующихъ лицъ: гетмана Ожаровскаго, маршала гродненскаго сейма Анквича, маршала литовскаго сейма Забѣлло и епископа Коссаковскаго. Червь, вмѣстѣ съ военными, принудила меня идти съ ними къ президенту и попросить его, отъ имени всего народа, придти въ ратушу и распорядиться созвать Совѣтъ. Когда президентъ подошелъ къ ратушѣ, червь сейчасъ же загородила ему ворота и просила его остановиться, пока народъ прочтаетъ ему свои пункты. Выслушавъ пункты, онъ тотчасъ отвѣтилъ на нихъ народу, что три пункта справедливыхъ желаній немедленно будутъ удовлетворены; на четвертый же пунктъ далъ отвѣтъ, что Совѣтъ временнаго управленія не можетъ приказать предать суду этихъ особъ, что это зависитъ отъ разрѣшенія главнокомандующаго (Косцюшко). Народъ снова сказалъ президенту, что если не будетъ выслушано это его желаніе, т. е., что Совѣтъ не распорядится предать суду этихъ особъ, какъ измѣнниковъ своей родины, то не только этихъ именно лицъ, но и всѣхъ, въ то время содержавшихся подъ арестомъ, господъ они изрубятъ въ куски, и что они до тѣхъ поръ не сложатъ оружія, пока желаніе ихъ не будетъ удовлетворено. Затѣмъ президентъ пошелъ въ ратушу, а народъ остался ожидать отвѣта. Совѣтъ вторично далъ отвѣтъ, что не можетъ предать суду безъ вѣдома главнокомандующаго. Получивъ такой отвѣтъ, червь немедленно пошла на пороховые ¹⁾, гдѣ эти особы сидѣли, и привела ихъ въ ратушу, въ судебную палату. Пригласили также капуциновъ для исповѣди ихъ. Одновременно съ этими особами, въ ратушу вошло нѣсколько сотъ способѣйшихъ людей, въ числѣ которыхъ были офицеры. Они вошли въ Совѣтъ и обратились съ такими словами:

— Свѣтлѣйшій Совѣтъ! Народъ желаетъ и проситъ суда надъ измѣнниками родины, кои приведены передъ уголовный судъ; если вы не позволите ихъ судить, то не только они будутъ казнены на вашихъ глазахъ, но мы даже и самый Совѣтъ станемъ считать непослушнымъ и несправедливымъ. Не будетъ для нихъ наказанія—не будетъ и страха. Смотри, Совѣтъ: нѣсколько десятковъ тысячъ народа ожидаютъ отъ тебя справедливаго суда. Если ты не дашь его народу, то будь увѣренъ, что народъ самъ учинитъ его. Подумай, Совѣтъ! Ты не только не защитишь сихъ четверыхъ особъ, но и прочихъ арестованныхъ мы уже тогда не будемъ въ состояніи спасти отъ смерти.

Такія угрозы заставили Совѣтъ отдать подъ уголовный судъ упомянутыхъ лицъ. Лишь только Совѣтъ предалъ ихъ уголовному суду, какъ

¹⁾ Это, вѣроятно, были или пороховые погреба, или пороховой заводъ.

сейчасъ же были предъявлены противъ нихъ доказательства изъ переписья Игельстрома. Напередъ былъ судимъ гетманъ Ожаровскій за то, что былъ подкупленъ Москвой.

Уголовный судъ, по прочтеніи ему его приказа польскимъ войскамъ—бить въ Варшавѣ совмѣстно съ москалями народъ, спросилъ его: самъ ли онъ своею рукою писалъ этотъ приказъ и отдалъ войскамъ? Когда же гетманъ отвѣтилъ, что писалъ самъ своею рукою эти приказы и отдалъ ихъ на погибель народа, то уголовный судъ спросилъ его: для чего онъ издалъ эти приказы? Онъ отвѣтилъ суду, что приказы эти были отданы имъ по приказанію Игельстрома, за что онъ взялъ деньги. Какъ скоро онъ признался, что былъ подкупленъ, такъ тотчасъ былъ осужденъ на висѣлицу и повѣшенъ палачемъ. Аневичъ и Забѣлло были повѣшены за то, что подкупили пословъ на гродненскомъ сеймѣ дать письменное согласіе на раздѣлъ и что сами были подкуплены. Еп. Коссаковскій за то былъ повѣшенъ, что онъ, какъ духовное лицо, не долженъ былъ давать совѣтовъ Игельстрому перебить народъ во всѣхъ костелахъ въ Варшавѣ во время пасхальной заутрени, для чего онъ отдалъ распоряженіе начать заутреню во всѣхъ костелахъ въ 8 час., а также за то, что онъ подкупилъ пословъ на гродненскомъ сеймѣ и самъ былъ подкупленъ Москвою.

Много было противъ него и другихъ доказательствъ, такъ что его осудили на висѣлицу. Когда онъ былъ уже осужденъ, Совѣтъ тотчасъ же послалъ къ нунцію, чтобы тотъ велѣлъ снять съ него духовный санъ ¹⁾. На это нунцій далъ отвѣтъ, что санъ этотъ замаранъ, разъ онъ очернилъ себя измѣною передъ отечествомъ, однакоже нунцій прислалъ своего каноника для снятія сана, а затѣмъ Коссаковскій былъ повѣшенъ ²⁾. Послѣ казни этихъ четырехъ лицъ народъ желалъ, чтобы маіоръ Хомунтовскій былъ разсѣченъ за то, что хотѣлъ арестовать короля и меня убить въ Королевскомъ замкѣ. И уже была вывезена пушка передъ короля Сигизмунда, такъ какъ предполагали послѣ казни тѣло его зарядить въ пушку и выстрѣлить на четыре стороны Варшавы. Но я упротилъ, чтобы его еще позадержали до допроса—кто его подговорилъ арестовать короля, а меня, лицо самое довѣренное въ обществѣ, убить.

Народъ послушался меня, и онъ остался подъ арестомъ. Черезъ нѣ-

¹⁾ Т. е. духовныя почести.

²⁾ Такова участь всѣхъ людей, имѣющихъ несчастье подвергнуться народному суду по обвиненію въ измѣнѣ въ критическіе моменты политической жизни націи. Вспомнимъ въ нашей исторіи смерть М. И. Татищева въ Новгородѣ, въ 1608 г. (см. нашу моногр. „Бояринъ и воевода, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій. Его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями Смутаго времени“, Русскій Архивъ 1889 г., II, 484) и смерть купеческаго сына Верещагина въ Москвѣ, въ 1812 г.

сколько дней поступило ко мнѣ отъ варшавскаго коменданта, ген. Мокроновскаго, ходатайство за этого маіора—простить и извинить его, такъ какъ онъ былъ пьянъ. Я, не желая быть его тираномъ, велѣлъ его освободить, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ болѣе не оставался въ Варшавѣ. Генераль приказалъ ему выѣхать въ Литву, что тотъ немедленно и исполнилъ. Все-таки смерть не пощадила этого маіора: пушечное ядро оторвало ему голову. Сторонники французовъ, кои были такого же образа мыслей, какъ этотъ маіоръ, видя, что я стою за короля, къ каковой партіи принадлежали всѣ, наиболѣе значительные граждане, должны были оставить свой замыселъ. Мы въ нашей революціи не имѣли ни малѣйшаго намѣренія дѣлать такъ, какъ дѣлали у себя французы, и съ ними у насъ не было никакого согласія. Начиная эту революцію, единственною нашею цѣлью было — отомстить прусскому королю за вѣроломство, сдѣланное намъ во время конституціи 3-го мая. Онъ обманулъ пословъ на этомъ сеймѣ и отвлекъ насъ отъ давно заключеннаго съ Москвою союза обѣщаніемъ дать намъ всякую военную помощь для отраженія Москвы. Прусскій король стремился, какъ можно скорѣе, захватить у насъ Гданскъ и Торунь ¹⁾, къ коимъ онъ постоянно подкрадывался. Такъ и случилось. Обманувши нашихъ пословъ на сеймѣ, онъ немедленно забралъ эти города, безъ которыхъ вся Польша не только никогда не могла бы населиться, но даже половину своей цѣнности должна была бы потерять, ибо эти два города портовые ²⁾, тамъ сосредоточивается для всего края самая обширная торговля всѣхъ странъ; словомъ, безъ этихъ городовъ Польша никакъ не могла обойтись.

Развѣ не довелъ насъ до окончательнаго отчаянія такой несправедливый захватъ государства прусскимъ королемъ, когда мы и безъ того видѣли себя со всѣхъ сторонъ обиженными и незаслуженно разграбленными? Скажу правду, хотя бы мнѣ пришлось потерять свою голову, что извѣстныя три государства, безо всякаго повода, отняли у насъ страну. О, мой Боже! Какъ же не долженъ каждый полякъ стонать и скорбѣть о такой великой обидѣ! Правда, мы были подъ покровительствомъ государыни императрицы, но какое же это было покровительство? Когда нѣкоторые обратились къ государынѣ съ просьбою о помощи противъ своихъ собратьевъ и единоплеменцевъ, то получили помощь, но не такую, чтобы она была помощью для всего края. Кто же на этомъ потерялъ, какъ не бѣдные жители, кои постоянно были угнетаемы и порабоощаемы москалями. Такая помощь была полезна не для всего вообще края, но только для нѣкоторыхъ лицъ, кои старались не о томъ, чтобы

---

¹⁾ Данцигъ и Торунь.

²⁾ О Торнѣ этого сказать нельзя.

осчастливить страну, а заботились лишь о своихъ личныхъ выгодахъ, и потому не держались одного своего короля, который давалъ имъ добрые совѣты, и благодаря такой именно помощи утратили государство. Кто на этомъ потерялъ, когда города и деревни были сожжены и уничтожены? Я знаю, что его королевское величество, на сеймѣ 3-го мая, нѣсколько разъ говорилъ сеймовымъ чинамъ, чтобы не вступали въ союзъ съ прусскимъ королемъ; говорилъ имъ также: «вы оставляете теперь Москву, которая, вамъ еще до сихъ поръ не измѣнила, но вы дождетесь того, что на колѣняхъ поползете къ государынѣ императрицѣ изъ-за вѣроломства прусскаго короля и будете просить о мщеніи противъ него». Но развѣ это помогло, когда прусскія уловки одержали перевѣсъ надъ партией короля, совѣтовавшаго не расходиться съ Москвою. Ради этого король объявилъ престолъ наследственнымъ для внука государыни императрицы, кн. Константина. Настолько старался нашъ король, чтобы Москва не только была нашей покровительницей, но и совсѣмъ хотѣлъ и хотеть отдать подъ опеку государыни Польшу. Со времени сей конституціи вся наша страна была довольна и желала имѣть у себя польскимъ королемъ кн. Константина. Но эта же конституція не удовлетворила нѣсколькихъ особъ; онѣ обратились къ государынѣ и просили о военной помощи, чтобы порвать и опрокинуть эту святую конституцію. Это были тѣ особы, которымъ хотѣлось быть королями, и потому такое святое дѣло имъ не понравилось. Его королевское величество хотѣлъ добра для своей страны, хотѣлъ, чтобы еще при его жизни былъ избранъ наследникъ престола, чтобы Польша не подвергалась больше такимъ смутамъ при наследованіи трона, какія она испытывала прежде. Вотъ этимъ-то панамъ не понравилось, что король желаетъ отдать корону другому, а не имъ. Это были тѣ самые господа, которые искали окончательной гибели Польскому государству и ее дѣйствительно нашли, не оглядываясь на то, что вслѣдствіе своихъ несогласій они разрушатъ и окончательно погубятъ Польшу.

Мнѣ извѣстны задачи и планъ теперешней польской революціи. Они были таковы. Прежде всего во всей Польшѣ, въ одинъ день и въ одну ночь, всѣ московскія, цесарскія и прусскія войска предполагалось не перебивать, но обезоружить и взять въ плѣнъ. Затѣмъ предполагалось отправить посольство къ государынѣ императрицѣ и къ цесарю, чтобы они не мѣшали намъ воевать съ прусскимъ королемъ, отомстить ему за обманъ нашихъ пословъ и несправедливое отнятіе части нашего края.

Посольство это должно было ходатайствовать: 1) чтобы государыня императрица разрѣшила созвать «сеймъ 3-го мая» и приказала восстановить конституцію съ нѣкоторыми необходимыми въ ней поправками; 2) чтобы въ нынѣшней войнѣ съ прусскимъ королемъ она оставалась нейтральною и съ нами бы вступила въ вѣчный союзъ; 3) чтобы кн.

Константина, котораго хочетъ вся Польша, дала намъ въ королю; 4) чтобы не оказывала богѣ никакой помощи и не предоставляла своихъ войскъ польскимъ панамъ для борьбы съ собратьями, развѣ бы только одному королю, если бы онъ предполагалъ воевать; 5) чтобы изъ Польши къ русскимъ границамъ были отодвинуты русскія войска. За это мы хотѣли уступить императрицѣ ту область, которая была нужна ей для разграниченія съ турками, разоружить войска и предоставить наследственный престолъ кн. Константину, а сами ударить со всею силою на прусскаго короля и отобрать отнятую у насъ область. Вотъ правда о нашей революціи, которая намъ не удалась отчасти вслѣдствіе вышеизложеннаго, отчасти потому, что ген. Мадалинскій, не ожидая назначеннаго для революціи дня, все испортилъ. По этой причинѣ въ Варшавѣ дѣло не могло обойтись безъ пролитія крови какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Русскія войска постоянно стягивались на ночь въ сборные пункты, по нѣскольку десятковъ и по нѣскольку сотъ, такъ что никакъ нельзя было ихъ обезоружить. Когда же началось возстаніе, нѣкоторые господа ѣздили къ ген. Игельструму съ увѣщаніемъ сдаться, общая полную неприкосновенность и ему, и русскому войску, но онъ никоимъ образомъ сдаться не хотѣлъ. Это-то обстоятельство загордило намъ дорогу въ Петербургъ. Мы не могли отправить посольства къ государынѣ императрицѣ, такъ какъ не могли достать полномочнаго посла. Другимъ для насъ препятствіемъ было то, что не всѣ города разомъ возстали; а третьимъ,—что прусскія войска тотчасъ подошли подъ Варшаву. Такимъ образомъ, наши господа, которые предполагали заправлять революціей, никакъ не могли достигъ осуществленія своихъ замысловъ.

Сказавъ, какого рода предполагалась революція, я пойду далѣе, скажу о томъ, что дѣлалось въ Варшавѣ. Главнокомандующій учредилъ верховной народный совѣтъ изъ 8 особъ. Совѣтъ выбралъ къ нимъ 32 кандидатовъ. Я былъ въ числѣ послѣднихъ. Потомъ насъ распредѣляли по департаментамъ. Я былъ назначенъ въ отдѣлы финансовый и паспортный, а сверхъ того состоялъ председателемъ лотереи. Но въ этихъ отдѣлахъ я очень мало находился, ибо Совѣтъ, какъ только народъ пожелалъ устроить вокругъ Варшавы шанцы, назначилъ туда меня, какъ человека наиболѣе любимаго въ Варшавѣ. Я, сверхъ возложенныхъ на меня обязанностей, старался привлечь народъ и лицъ разнаго состоянія, равно какъ и нѣсколько тысячъ женщинъ, къ устройству вокругъ Варшавы окоповъ, благодаря чему значительно сберегъ казну республики. Она должна была бы выдать на это нѣсколько милліоновъ, тогда какъ я съ людьми безъ всякаго расхода это сдѣлалъ. По раздѣленіи Варшавы на участки, коихъ было устроено 7, отдано было распоряженіе, чтобы каждый участокъ, во время тревоги, отправилъ на окопы по 3.000 че-

ловѣкъ съ оружіемъ. Когда начальники участковъ въ первый разъ отправили на окопы людей, указывая имъ мѣста, предназначенныя для каждаго участка, на случай тревоги, былъ тутъ нѣкто Конопка. Этотъ сталъ подбивать людей вести борьбу противъ непріятелей и совѣтовать имъ, когда будутъ возвращаться съ окоповъ домой, обратиться съ просьбою въ Совѣтъ, чтобы послѣдній приказалъ наказать измѣнниковъ. Людъ этотъ, когда возвращался, зашелъ къ президенту и просилъ его наказать тѣхъ, которые согласились на раздѣлъ ¹⁾. Президентъ, выйдя къ нимъ, просилъ подождать, хотя бы съ недѣлю, такъ какъ еще не былъ учрежденъ высшій уголовный судъ. Конопка, услышавъ о томъ, что имъ приказано подождать недѣлю, снова сталъ внушать народу, что Совѣтъ поступаетъ несправедливо. Затѣмъ, взявъ съ собою людей, онъ отправился съ ними за деревомъ для висѣлицъ. Въ теченіе ночи поставили 11 висѣлицъ. Президентъ, когда узналъ объ этомъ, немедленно прислалъ за мною. Я спалъ, такъ какъ былъ часъ ночи, и ничего не зналъ. Президентъ просилъ меня принять какія-либо мѣры, чтобы ночью не произошло чего-нибудь дурнаго. Когда я пришелъ на рынокъ, тамъ уже стояли 3 висѣлицы. Возвысивши голосъ, я убѣдительно просилъ народъ оставить свои замыслы.

Но убѣжденія мои совѣтъ не помогли, ибо людъ этотъ совершенно не былъ мнѣ знакомъ. Это были одни лишь сторожа, маляры, плотники, рабочіе, дворовые и бездѣльники, коихъ я совѣтъ не зналъ. Эти люди не желали совѣтъ слушать моихъ убѣжденій и даже хотѣли повѣсить меня на первой висѣлицѣ. Они уже притащили меня подъ висѣлицу, но, къ великому счастью, со мною было нѣсколько знакомыхъ, кои защитили меня отъ этихъ разбойниковъ, желавшихъ вѣшать каждаго, кто убѣждалъ. Волненіе продолжалось цѣлую ночь. Послѣдняя была употреблена разбойниками на постановку однихъ висѣлицъ. Повторяю: то были люди, которые хотѣли изъ этого бунта извлечь барышъ при помощи грабежа или кражи. Случалось и такъ, что они будто розыскивали виновныхъ по дворцамъ, а на самомъ дѣлѣ грабили. Когда Богъ далъ день, немедленно собрался Совѣтъ, чтобы принять мѣры противъ бунта. Послано было распоряженіе въ участки, чтобы участковые начальники пошли со своимъ войскомъ и приказали подрубить висѣлицы. Разбойники, увидѣвъ, что подрубаютъ висѣлицы, бросились на начальниковъ и, изрубивъ нѣсколькихъ изъ нихъ, разсѣяли солдатъ. Затѣмъ возстановили висѣлицу и одни изъ нихъ пошли въ Совѣтъ просить подвергнуть суду извѣстныхъ лицъ, другіе же, не дожидаясь суда, сами отправились къ

---

¹⁾ То, о чемъ здѣсь начинается говорить авторъ, логически должно быть поставлено въ связь съ вышепомѣщеннымъ разказомъ о народномъ судѣ надъ Ожаровскимъ, Анквичемъ, Забѣлло и Коссаковскимъ.

этимъ лицамъ и повѣсили ихъ при помощи палача. Когда дано было знать объ этомъ въ Совѣтъ, мы, Совѣтъ, съ возможною поспѣшностью поѣхали къ нимъ уговорить — не дѣлать такого убійства, но сами едва избѣжали опасности, такъ какъ они хотѣли вѣшать каждаго, кто ихъ убѣждалъ. Они даже повѣсили подпрокурора (instygatora), посланнаго Совѣтомъ ихъ уговорить. Въ это время не было видно ни одного домовладѣльца, ибо каждый боялся выходить на улицу, чтобы не быть повѣшенному. Въ тотъ день повѣсили 8 человѣкъ, быть можетъ повѣсили бы и больше, если бы не помѣшалъ дождь. Богъ послалъ сильный дождь, благодаря которому бунтовщики должны были спрятаться. Я съ президентомъ едва спасли короннаго маршалка: его уже тащили къ висѣльницѣ. Это знаетъ и Закржевскій, который былъ президентомъ и очевидцемъ всего этого бунта, возникшаго благодаря Конопкѣ, но никакъ не мнѣ, ибо я совсѣмъ въ это дѣло не вмѣшивался. По усмирени бунта, Совѣтъ приказалъ арестовать свыше 500 человѣкъ, и каждый изъ нихъ былъ допрошенъ отдѣльно: кто устроилъ этотъ бунтъ и кто ихъ подговорилъ, а противъ меня не было ни одного показанія. На слѣдующій день я подалъ въ Совѣтъ проектъ, чтобы Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе участковымъ начальникамъ (Lo wójtów cyrkularowych), чтобы они, каждый въ своемъ участкѣ, выслали надзирателей (dozórców) для переписки населенія, находящагося въ Варшавѣ, причемъ, чтобы отдѣльно были переписаны домовладѣльцы, отдѣльно жильцы, особо ремесленники и особо бездѣльники, кои не имѣли занятій. Послѣднихъ я предлагалъ переловить и сдать въ солдаты, такъ какъ иначе мы никогда не могли бы быть покойными въ Варшавѣ. Совѣтъ принялъ мой проектъ съ удовольствіемъ и тотчасъ послалъ меня къ Косцюшко за военною помощью, ибо войска въ то время въ Варшавѣ не было, а Косцюшко съ войскомъ находился въ 9 миляхъ отъ Варшавы. Когда я прибылъ къ Косцюшко и отдалъ ему пакетъ, онъ немедленно отправилъ въ Варшаву 4.000 войска, а мнѣ пожаловалъ патентъ на званіе полковника. Возвратясь въ Варшаву, въ ту же ночь мы выбрали 6.000 бездѣльниковъ, которыхъ я немедленно отослалъ въ лагерь Косцюшко. То же мы повторили во вторую и въ третью ночь и такимъ образомъ значительно увеличили войско и возстановили спокойствіе въ Варшавѣ. На третій день Косцюшко прислалъ мнѣ приказаніе начать вербовку полка. Съ этого времени я уже не вмѣшивался ни въ какія гражданскія дѣла, но лишь только занимался военными. Въ нѣсколько дней я завербовалъ 700 человѣкъ. Снова получилъ приказъ придти съ ними въ лагерь и тамъ ихъ учить. Черезъ 5 мѣсяцевъ я остановился подъ Гроховымъ и тамъ держалъ патрули при батареяхъ, состоявшихъ изъ 8 орудій: 4-хъ двѣнадцати-фунтовыхъ и 4-хъ шести-фунтовыхъ. Имѣлъ я и офицеровъ, давныхъ Косцюшко: подполковника графа Конарскаго, двухъ маіоровъ Сос-

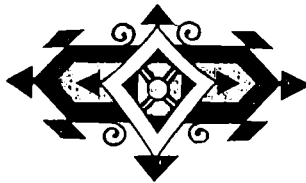
новскаго и Марковскаго, четырехъ капитановъ, четырехъ поручиковъ, четырехъ подпоручиковъ, четырехъ хорунжихъ, одного адъютанта и семьсотъ шестнадцать рядовыхъ. Затѣмъ, Совѣтъ выбралъ уголовныхъ судей и велѣлъ судить бунтовщиковъ и тѣхъ, кои вѣшали безъ судебного приговора. Такихъ обнаружено дознаніемъ восемнадцать человекъ, но судъ приказалъ повѣсить изъ нихъ 17, а остальнаго— посадить на пороховые. Въ этомъ числѣ былъ Конопка и много ему подобныхъ. Уже по одному этому можно убѣдиться, что если бы я сколько-нибудь былъ причастенъ къ этому дѣлу, то защитился ли бы отъ такого наказанія? О, навѣрное нѣтъ! Ибо тамъ виновныхъ отбирали изъ войскъ и судили, какъ преступниковъ, при чемъ нѣкоторыхъ казнили. Слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что тамъ судили и наказывали даже князей, если они оказывались виновными; могъ ли же бы я спастись отъ наказанія? Тамъ каждый строго присматривалъ другъ за другомъ—не заподозрѣвался ли кто въ какомъ проступкѣ, за который подлежалъ бы смертной казни, и если бытакого не наказалъ судъ, то наказала бы сама чернь. Въ доказательство своихъ словъ приведу такой случай. Одинъ изъ членъ Совѣта, безъ вѣдома послѣдняго, отправился къ арестованнымъ особамъ. Совѣтъ сейчасъ же исключилъ его изъ своей среды и даже приказалъ арестовать, а чернь за такой малый проступокъ сама его повѣсила. Такимъ образомъ, не только я, но и каждый долженъ былъ остерегаться; тамъ никому не спускали, но наказывали смертью. И такъ, государыня императрица можетъ быть увѣрена, что если бы я чинилъ какіе-либо разбои, то, конечно, не остался бы безъ наказанія, да при томъ еще самаго позорнаго, какое только было въ Польшѣ. А если бы еще недостаточно было моею справедливою исповѣдью,—если бы встрѣтилось какое-либо сомнѣніе,—сошлюсь на всѣхъ тѣхъ, которые находятся здѣсь, въ плѣну, пусть они подтвердятъ мое показаніе. Если же и имъ не будетъ дано вѣры, то всѣ варшавскіе жители знаютъ то же самое, что я никогда ничьей не желалъ смерти. Хотя я пользовался у народа большимъ довѣріемъ, однако, никогда никого не подговаривалъ на злое дѣло, которое могло бы вредить и ему, и мнѣ, ибо долженъ былъ бы и за нихъ, и за себя отвѣчать по всей строгости, и даже, если бы мнѣ удалось оправдаться предъ свѣтомъ, то я долженъ былъ бы со всею строгостью отвѣчать предъ Богомъ. Я никогда не имѣлъ столь подлой души, чтобы хотѣть чужой гибели. Если я привлекъ къ себѣ сердца гражданъ, то привлекъ благодаря своимъ, самымъ справедливымъ для нихъ, совѣтамъ въ дѣлахъ и услугамъ въ нуждѣ. И вотъ, вся публика, послѣ многихъ моихъ услугъ, довѣрила мнѣ свои сердца, а я за такое къ себѣ отношеніе еще болѣе старался ее возблагодарить.

Вопросъ: Отвѣчай! если имѣлъ чины и должности, то гдѣ ихъ приобрѣлъ? Я былъ раднымъ въ магистратѣ, а потомъ, когда началось

въ Варшавѣ возстаніе, первый изъ магистратскихъ всталъ во главѣ гражданъ на защиту своей отчизны и всталъ съ мужественнымъ сердцемъ и оказался такъ же отважнымъ въ бою, какъ и тотъ, кто изучалъ военную тактику, и столько проявилъ (храбрости) съ гражданами, сколько можетъ проявить самый опытный солдатъ. Это видѣли и военные, и граждане. Вотъ поэтому-то и допустили меня къ тѣмъ чинамъ и должностямъ, которые я имѣлъ.

Тутъ я окончу свое показаніе о дѣлахъ, совершенныхъ мною въ Варшавѣ, а такихъ дѣлъ совершенно при моемъ посредствѣ много и все по даннымъ мнѣ Совѣтомъ приказаніямъ, кои я обязанъ былъ исполнять. О первоначальныхъ замыслахъ касательно сей революціи я ничего не зналъ, ибо къ числу заговорщиковъ не принадлежалъ, поэтому будучи допрошенъ въ Варшавѣ у ген. Буксгевдена — не знаю ли чего о деньгахъ, которыя могли быть скрыты, или о документахъ Игельстрома ¹⁾, отвѣтилъ, что не знаю, потому что гражданскими дѣлами не вѣдалъ. При взятіи Варшавы русскими я не былъ, такъ какъ за нѣсколько дней до сего получилъ приказаніе выѣхать въ Познань. Тамъ я былъ арестованъ пруссаками и, пробывъ у нихъ въ плѣну мѣсяць, по требованію Суворова, былъ отосланъ, подъ прусскимъ конвоемъ, въ Варшаву. Здѣсь меня арестовали и допрашивали обо всемъ. Послѣ трехъ дней ареста я былъ освобожденъ, а черезъ три дня снова взятъ и отправленъ въ Петербургъ. На этомъ я заканчиваю небольшой отчетъ о всей своей дѣятельности и больше ничего не знаю, въ удостовѣреніе чего собственноручно подписуюсь Янъ Килинскій, р (адный) г (орода) В (аршавы), полковникъ 20 полка.

Сообщ. Г. Воробьевъ.

¹⁾ О судьбѣ денегъ, похищенныхъ у Игельстрома при взятіи штурмомъ дома, въ коемъ онъ жилъ, пишетъ Шлоссеръ: «къ чести поляковъ вужно замѣтить, что когда польское правительство потребовало, чтобы были возвращены суммы, расхищенные изъ дворца Игельстрома, онъ тотчасъ былъ выданъ до кочѣекъ» (XVII, 238).

Русская армія въ годъ смерти Екатерины II.

Составъ и устройство русской арміи ¹⁾.

Осуществивъ въ 1796 году задуманное мною намѣреніе написать дневникъ трехъ кампаній, въ которыхъ я принималъ участіе, состоя въ то время на русской службѣ и пѣтъ которыхъ одна была противъ шведовъ, а двѣ противъ турокъ, я пришелъ въ убѣжденію, что я долженъ предпослать этому труду нѣкоторыя подробности о состояніи, въ которомъ находилась тогда русская армія, безъ чего многое изъ разсказаннаго мною объ этихъ войнахъ было бы непонятно большинству читателей, не имѣвшихъ возможности ознакомиться съ составомъ и устройствомъ этихъ войскъ.

Многочисленныя преобразованія, произведенныя императорами Павломъ и Александромъ, а затѣмъ и Николаемъ, въ русской арміи, въ которой они сохранили все, что было хорошаго и полезнаго, и удалили пѣтъ злоупотребленія; но я изображаю ихъ русскую армію въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ царствованіе императрицы Екатерины II, и ничего не измѣнилъ изъ того, что было написано мною въ то время.

Мнѣ могутъ поставить въ упрекъ нѣкоторую растянутость этой статьи и недостаточный интересъ, представляемый порядкомъ вещей, который когда-то существовалъ и не возобновится уже болѣе.

На это я отвѣчу: 1-ое, что устройство русской арміи въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Екатеринѣ, недостаточно извѣстно; 2-ое, что еще и въ настоящее время можно прочесть съ интересомъ нѣкоторыя подробности о доходахъ полковыхъ командировъ, извлекаемыхъ ими изъ своихъ полковъ и возбуждающихъ еще и теперь сильное удивленіе, подробности интересныя еще и потому, что онѣ сообщаются безпристрастнымъ иностранцемъ, который, бывши самъ командиромъ одного изъ русскихъ полковъ, знакомъ съ ними въ совершенствѣ и опишетъ ихъ съ полною правдивостію; 3-ье, что репутація и успѣхи русскихъ войскъ какъ въ то время, такъ и теперь, могутъ возбудить желаніе ознакомиться съ организаціею, матеріальною и моральною сторонами этихъ войскъ.

Графъ Ланжеронъ.

1826 г.

¹⁾ Примѣчанія, означенныя цифрами 1, 2, 3 и т. д. написаны графомъ Ланжерономъ въ 1796 году. Тѣ же изъ нихъ, которыя обозначены одною или нѣсколькими звѣздочками *, прибавлены авторомъ въ 1826 году. Н. Ш.

*

Рекруты.— Военная коллегія.—Беспорядки въ ней.—Коммиссіи снабженія обмундированіемъ и провіантомъ.—Ихъ составъ и злоупотребленія.—Чины.—Русскіе генералы.—Фельдмаршалъ Румянцевъ.—Фельдмаршалъ Суворовъ.—Анекдоты о немъ.—Каменскій.—Князь Репнинъ.—Князь Прозоровскій.—Графъ Эльмптъ.—Генералы: Игельстромъ и Гудовичъ.—Дерфельденъ.—Графъ Ферзенъ.—Кутузовъ.—Денисовъ.—Князь Сергій Голицынъ.—Михельсонъ и Шевичъ.—Нумсенъ.—Ласси.—Баронъ Палепъ.—Пистеръ.—Рибасъ.—Марковъ.—Беннигсенъ.—Германъ.—Корсаковъ.—Тормасовъ.—Буксгевденъ.—Сухтеленъ.—Размышленія объ этихъ генералахъ.—Адъютанты.—Канцеляріи генераловъ.

Начну съ утвержденія, которое, полагаю, будетъ признано справедливымъ, когда прочтутъ нижеслѣдующія главы. Русская армія, по своему составу и господствующимъ въ ней злоупотребленіямъ, должна бы была быть худшею въ Европѣ, а между тѣмъ она является въ ней одною изъ лучшихъ. Постараюсь привести причины такого страннаго противорѣчія; но я могу скорѣе лишь настаивать на дѣйствительности этого явленія, чѣмъ представить удовлетворительныя ему объясненія.

Разсмотримъ прежде всего составъ русскихъ солдатъ и тогда увидимъ, чѣмъ бы они должны были быть. Въ Россіи никто не поступаетъ въ военную службу добровольно. Когда государь желаетъ комплектовать свою армію, то предписывается наборъ 50 или 100 тысячъ человѣкъ или и болѣе, то-есть по одному человѣку съ 500, 300 или 200 *) и т. д. и т. д. Каждая губернія поставляетъ рекрутъ сообразно своему населенію, а каждый помѣщикъ—сообразно числу своихъ крѣпостныхъ. Такъ какъ рекрута берутъ у помѣщика навсегда и такимъ образомъ обстоятельство это уменьшаетъ его доходъ, то можно ясно представить себѣ, что помѣщикъ отдаетъ самаго худшаго. Если среди его крестьянъ или слугъ есть неисправимый воръ, то онъ отсылаетъ его; за неимѣніемъ вора, онъ отдаетъ пьяницу или лѣнтяя; наконецъ если среди его крѣпостныхъ находятся одни лишь честные люди, что почти невозможно, то онъ выбираетъ самаго слабосильнаго ¹⁾). Су-

*) (1826 г.). Во время войны 1812 года противъ Наполеона было взято по 4 человѣка съ 500, но это было единственно одинъ только разъ.

¹⁾ Когда полковой командиръ получаетъ человѣка маленькаго роста, некрасиваго и слабосильнаго, то онъ можетъ надѣяться, что это честный человѣкъ; но если онъ получаетъ красиваго, высокаго и сильнаго человѣка, то это навѣрное негодій.

шествуютъ весьма строгіе законы относительно пріема этихъ рекрутъ, ихъ роста, возраста, наружности и здоровья и даже качествъ, которыми они должны обладать; но доказано, что законы эти, какъ къ несчастію и многіе другіе, легко обходятся въ Россіи, и поэтому на 50 рекрутъ, посылаемыхъ въ полки, приходится много такихъ, которые, въ силу этихъ законовъ, не должны бы были быть приняты.

Рекрутъ, когда его сдаютъ, бываетъ въ отчаяніи; онъ плачетъ, рветъ на себѣ волосы, изувѣчиваетъ себя, если у него хватаетъ на это смѣлости, бѣжить, если можетъ, долго сохраняетъ печаль и сожалѣніе о покинутой имъ деревнѣ и привыкаетъ къ солдатской службѣ лишь по прошествіи весьма долгаго времени¹⁾; въ солдаты берутъ также и женатыхъ людей, но рѣдко.

Способъ, употребляемый при выборѣ этихъ рекрутъ, пріемъ ихъ, сборъ, надзоръ за ними въ губернскихъ городахъ и затѣмъ слѣдованіе ихъ въ сборные пункты, а оттуда въ полки сопровождаются столькими злоупотребленіями, что можно положительно утверждать, что едва половина взятыхъ въ наборъ людей доходить по назначенію: часть ихъ умираетъ въ пути отъ болѣзней, усталости, съ горя и отъ дурнаго обращенія. Другая часть просто на просто крадется провожающими ихъ офицерами, которые показываютъ ихъ умершими въ дорогѣ и затѣмъ продаютъ или отсылаютъ въ свои имѣнія, если таковыя у нихъ имѣются; наконецъ часть изъ числа прибывающихъ бракуется; такимъ образомъ можно утверждать, что когда въ Россіи дѣлаютъ наборъ въ 100 тысячъ человѣкъ, то по истеченіи одного года въ строю остается изъ нихъ лишь 50 тысячъ человѣкъ *).

По этому составу и по выбору этихъ рекрутъ, которые, безъ малѣйшаго исключенія, или негодяи, или приходящіе въ отчаяніе отъ сдачи въ наборъ, можно заключить, что русскіе солдаты должны быть самыми худшими солдатами въ мірѣ, а между тѣмъ они могутъ быть наилучшіе.

Лифляндія и Малороссія пользуется нѣкоторыми особенными привилегіями, и тамошніе помѣщики поставляютъ очень мало рекрутъ или вовсе ихъ не поставляютъ. Малороссія поставляетъ ихъ главнымъ обра-

¹⁾ Есть деревни, въ которыхъ всѣ мужчины безъ исключенія повыврвали у себя по 5 или 6 зубовъ или отрѣзали по пальцу на рукѣ.

*) (1826 г.). Павелъ I положилъ конецъ этимъ страшнымъ злоупотребленіямъ, строго наказывая офицеровъ, терявшихъ дорогою нѣсколькихъ людей, и награждая тѣхъ изъ нихъ, которые приводили свои партіи въ хорошемъ состояніи. Въ царствованіе Александра I та же заботливость была обращена на сбереженіе рекрутъ, и въ настоящее время ни одинъ офицеръ не могъ бы затерять хотя одного рекрута, не рискуя подвергнуться за это иррипозному и вполне справедливому наказанію.

зомъ для кавалеріи; пѣхота же почти исключительно состоитъ изъ великоруссовъ. Сибиряки самые красивые и сильные, а набираемые въ окрестностяхъ Москвы самые ловкіе; малороссы самые спокойные и благоразумные, въ особенности тѣ, которые называются однодворцами (владѣющіе однимъ дворомъ) и служатъ лишь пятнадцать лѣтъ.

Военная коллегія, предсѣдательствуемая фельдмаршаломъ (должность президента коллегіи даетъ право на званіе фельдмаршала), сосредоточиваетъ въ себѣ главное и высшее управленіе всѣмъ относящимся до войскъ; но чему трудно повѣрить и что, однако, существуетъ въ дѣйствительности, такъ это то, что князь Потемкинъ оставилъ канцелярію военной коллегіи въ безвыходномъ беспорядкѣ, а послѣ него графъ Николай Салтыковъ настолько не сумѣлъ или не желалъ привести ее въ порядокъ, что есть много офицеровъ, которые не знаютъ мѣста своего служенія, и объ этомъ неизвѣстно даже самой коллегіи. Лица, произведенныя уже княземъ Потемкинымъ въ чинъ подполковника, все еще продолжаютъ числиться въ спискѣ капитановъ. Полковники, внесенные въ списки одного полка, командуютъ другимъ; есть даже корпуса, въ которыхъ въ одно и то же время состоитъ двадцать офицеровъ сверхъ комплекта и тридцать свободныхъ офицерскихъ вакансій. Однимъ словомъ, военная коллегія является настоящимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ, а между тѣмъ во всѣхъ военныхъ коллегіяхъ Европы, взятыхъ вмѣстѣ, не найдется и половины переписки, какую ведетъ русская военная коллегія.

Въ Россіи существуютъ двѣ комиссіи, учрежденныя для снабженія войскъ: одна провіантомъ, другая обмундированіемъ. Смѣю сказать, что вообще никогда не существовало и нигдѣ не существуетъ болѣе наглыхъ мошенниковъ, чѣмъ чиновники этихъ комиссій, и то, что они воруютъ ежегодно у казны, невозможно исчислить. Конечно, во Франціи провіантскіе чиновники не были честными людьми, но то были по большей части жиды или выскочки-лакеи, занимавшіе эти мѣста; они не носили мундира, и генералы приказывали ихъ вѣшать; но въ Россіи это офицеры всѣхъ чинов¹⁾, ворующіе до такой степени непристойно, что быстро наживаемыя ими громадныя состоянія должны были бы открыты глаза правительству; но мнѣ кажется, что оно въ этомъ отношеніи ослаблено или желаетъ быть таковымъ потому, что хотя я и видѣлъ многихъ изъ этихъ бездѣльниковъ отданными подъ судъ, но изъ одного изъ нихъ не выдалъ наказаннымъ.

Ихъ способъ воровства очень хорошо извѣстенъ и весьма простъ; чиновники, служащіе въ комиссіи снабженія обмундированіемъ, разду-

¹⁾ Въ Англіи встрѣчаются также офицеры, которые, какъ и въ Россіи, наживаютъ себѣ состоянія.

вають цѣны; но они въ сравненіи съ провіантскими офицерами являются лишь жалкими ворышками. Въ числѣ тысячи способовъ, которые господа эти изыскиваютъ, чтобы способствовать разоренію своей страны, вотъ главные: 1) Сговориться съ полковыми командирами и капитанъ-исправниками (уѣздные начальники) объ установленіи цѣнъ на провіантъ, высшихъ противъ существующихъ въ дѣйствительности, и 2-е показать въ отчетахъ, что хлѣбъ сгнилъ въ магазинахъ, ваготовать новый, а старый продать.

Генералы забываютъ, что и они когда-то были полковыми командирами и иногда сердятся на нихъ; но полковые командиры кончаютъ всегда тѣмъ, что убогаторворяютъ своихъ начальниковъ и по прошествіи нѣкотораго времени удаляются въ свои богатые помѣстья, купленные на счетъ императрицы.

Эти провіантскія мѣста настолько извѣстны, какъ средство составлять себѣ состояніе, что они продаются въ Петербургѣ, подобно полкамъ, и офицеры, увѣренные получить одно изъ нихъ, позволяютъ себѣ заранѣе, надѣясь только на него, страшные расходы *).

Выборъ этихъ комиссіонеровъ, по этимъ причинамъ, бываетъ часто весьма дурной, но даже еслибъ ихъ назначали изъ частныхъ людей, то они не замедлили бы испортиться; но обыкновенно имъ не приходится измѣнять своимъ наклонностямъ, и они являются вполне расположенными къ образу жизни, который ихъ ожидаетъ. Я имѣлъ въ теченіе двухъ лѣтъ комиссіонеромъ моего полка въ Дубно одного майора — Петра Нартова; трудно найти человѣка болѣе презрѣннаго и негоднаго; онъ имѣлъ за собою три или четыре уголовныхъ дѣла; отецъ отступился отъ него и прогнать; на глазахъ у всѣхъ онъ шутовалъ въ игрѣ и, однакожъ, ему довѣрили значительный округъ, купленный имъ въ Петербургѣ, и огромныя суммы. Въ продолженіе двухъ лѣтъ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ обкрадывалъ казну съ одинаковыми беззащитностію и безстыдствомъ; а когда онъ окончилъ свое порученіе, то поступилъ со мною такъ же, какъ и съ казною, и укралъ у меня нѣсколько тысячъ рублей, которыя я оставилъ на моемъ столѣ. И со всѣмъ тѣмъ это былъ одинъ изъ болѣе еще честныхъ людей своей компаніи. Офицеры этихъ комиссій и ихъ безчисленные писаря состоятъ причисленными къ полкамъ, но никогда не находятся при нихъ. Каждая армія, каждая дивизія имѣютъ по одной или по нѣсколько такихъ комиссій, но всѣ онѣ своятся съ находящеюся въ Петербургѣ **).

*) (1826 г.). То же самое относится и къ полковымъ командирамъ; гвардейскіе капитаны въ Петербургѣ выдаютъ своимъ кредиторамъ векселя съ обязательствомъ уплаты по нимъ, когда будутъ назначены полковыми командирами.

**)(1826 г.). Злоупотребленія эти отчасти исчезли; однако провіантскіе офицеры все еще продолжаютъ имѣть прежнія склонности; но они не могутъ уже

Первый чинъ въ Россіи есть чинъ генералиссимуса, который имѣлъ когда-то князь Меншиковъ и который составлялъ предметъ постоянныхъ и никогда не сбывшихся желаній князя Потемкина. Онъ болѣе уже не существуетъ *); второй чинъ есть чинъ генераль-фельдмаршала; его даютъ весьма скупю; императрица во все свое царствованіе произвела въ этотъ чинъ лишь пятерыхъ: двоихъ, какъ занимавшихъ должность президента военной коллегіи, графа Захара Чернышева и князя Потемкина, и трехъ остальныхъ—за ихъ военные заслуги: князя Александра Голицына, графа Петра Румянцева и графа Александра Суворова; изъ нихъ долгое время оставалось въ живыхъ только двое, а въ настоящее время ихъ только три ¹⁾. Затѣмъ, слѣдуютъ генераль-аншефы; ихъ 9 или 10, потомъ, генераль-поручики, въ числѣ 35 или 40; общее число генераловъ, считая при этомъ артиллерию, инженеровъ, генеральный штабъ и казаковъ, не превышаетъ ста. За генералами слѣдуютъ бригадиры, полковники, премьерь-маіоры, капитаны, поручики, подпоручики, прапорщики.

Россія имѣетъ мало генераловъ, которые командовали или хотя бы сражались противъ дисциплинированныхъ армій. Успѣхи противъ турокъ не создаютъ великихъ полководцевъ; многіе изъ русскихъ генераловъ отличаются образованіемъ и талантомъ, но они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, не приобрѣли опытности въ обширныхъ передвиженіяхъ армій и въ тактическихъ маневрированіяхъ. Я знаю изъ нихъ мало такихъ, которые обладали бы необходимою опытностію для командованія русскими арміями въ случаѣ войны съ пруссаками, французами и проч. Разсмотримъ ихъ всѣхъ подробно. При этомъ завѣряю, что ни-

---

предаваться имъ съ такимъ же безстыдствомъ, какъ въ былыя времена; мы принуждены довольствоваться кое-какою наживою и душевно сожалѣть о временахъ минувшихъ

*) (1826 г.) Суворовъ былъ произведенъ въ генералиссимуса послѣ совершеннаго имъ похода въ Италію и Швейцарію въ 1799 году. Чинъ этотъ онъ заслужилъ своими постоянными и неслыханными успѣхами.

¹⁾ Изъ этого числа графъ Кирилъ Разумовскій, крестьянинъ въ 18 лѣтъ и генераль-фельдмаршалъ въ 22 года, взаимно отнятаго у него званія регимента малороссійскихъ казаковъ, которое онъ получилъ 20 лѣтъ отъ роду; онъ братъ малороссійскаго крестьянина, пѣвчаго капеллы императрицы Елисаветы, сдѣлавшагося впоследствии ея фаворитомъ. Этотъ старшій генераль-фельдмаршалъ уважаемый за свои преклонныя лѣта и достоинства, никогда не служилъ. Въ 1769 году, когда императрица объявила войну туркамъ, она сказала ему: смѣясь, что это ему, какъ самому старшему, слѣдовало командовать арміею; онъ ей отвѣчалъ: „я вполнѣ готовъ повиноваться вашимъ приказаніямъ: но прошу ваше величество приготовить вторую армію, чтобъ замѣнить первую, когда я ее потеряю“.

какое чувство пристрастія не будетъ руководить перомъ моимъ. Я выскажу лишь только то, что почитаю за правду, наложу свои мнѣнія; но я не имѣю притязанія утверждать, чтобы мнѣнія мои не могли быть опровергнуты и что событія должны всегда оправдывать ихъ.

Фельдмаршалъ графъ Петръ Румянцевъ, безъ всякаго сомнѣнія, самый блестящій изъ всѣхъ русскихъ генераловъ *); это человѣкъ, одаренный большими достоинствами. Онъ обладаетъ очень серьезнымъ и весьма обширнымъ образованіемъ, высокимъ умомъ, удивительною памятью, здравымъ сужденіемъ, большою твердостью и искусствомъ внушать къ себѣ уваженіе. Этимъ послѣднимъ преимуществомъ онъ обязанъ столько же своей обдуманной и вѣжливой твердости, сколько своей открытой и величественной наружности и своимъ изысканнымъ манерамъ. Я не знаю человѣка, бесѣда съ которымъ была бы болѣе интересна и привлекательна. Мнѣ случалось проводить съ нимъ однимъ цѣлые дни, и я ни разу не испыталъ ни одной минуты утомленія или скуки.

Никто лучше Румянцева не знаетъ внутреннихъ подробностей военнаго дѣла и, если позволено будетъ сказать, онъ даже отчасти не въ мѣру налегаетъ на нихъ. Такая крайность свойственна лишь посредственнымъ генераламъ, но подобная мелочность не прощительна въ великомъ человѣкѣ. Румянцевъ, будучи исключительнымъ поклонникомъ пруссаковъ, у которыхъ онъ служилъ въ качествѣ волонтера ¹⁾, питаетъ къ этой націи фанатическое предпочтеніе и ненавидитъ австрійцевъ. Не знаю, былъ ли бы онъ въ состояніи потягаться съ австрійскими и прусскими генералами и въ особенности съ тѣми французскими генералами, которые оставили такъ далеко за собою всѣхъ остальныхъ? Но фельдмаршалъ Румянцевъ, какъ обладающій необыкновеннымъ умомъ, замѣчательною осторожностію, самыми обширными познаніями и большимъ навыкомъ въ командованіи, мнѣ кажется, долженъ оказаться равносильнымъ ихъ противникомъ, если бы случай заставилъ его сражаться съ ними.

Быть можетъ, въ похвалы, расточаемыя русскими о фельдмаршалѣ Румянцевѣ, входитъ вѣкоторая доля національнаго самолюбія, но въ нихъ заключается также и много правды; армія питаетъ къ нему большое довѣріе и, хотя онъ строгій поклонникъ суровой дисциплины,

---

*) (1826 г.) Суворовъ превзошелъ его въ блескѣ и въ послѣдствіи совершилъ въ Италіи то, на что Румянцевъ врядъ ли бы отважился.

¹⁾ Когда Румянцеву было 16 лѣтъ, его отправили совѣтникомъ посольства въ Берлинъ; его предназначали дипломатической карьерѣ. Но молодой графъ, увлеченный своею рѣшительною склонностію къ военному дѣлу, покинулъ посольство и поступилъ волонтеромъ въ одинъ прусскій полкъ, въ которомъ, благодаря своимъ заслугамъ, достигъ чина сержантъ-маіора.

солдаты, въ особенности тѣ, которые служили подъ его начальствомъ, любить и уважають его безконечно.

Но если фельдмаршалъ Румянцевъ обладаетъ всѣми достоинствами ума, то о немъ можно сказать и, къ сожалѣнію, совершенно справедливо, что сердце его имѣетъ много недостатковъ: сладостныя изліянія дружбы, нѣжныя обіятія сыновней и родительской любви, наслажденіе благотворительностію, порывы любви къ отечеству не знакомы, какъ утверждаютъ, его черствой и себялюбивой душѣ. Мало чувствительный, какъ сынъ и отецъ, недостаточно ревностный гражданинъ, опасный подчиненный и еще болѣе опасный начальникъ, Румянцевъ навлекаетъ на себя обвиненіе еще и въ томъ, что во время войны съ Пруссією, въ которой онъ командовалъ корпусомъ въ 20 или 30 тысячъ человекъ, онъ болѣе потворствовалъ извѣстной склонности великаго князя Петра (впослѣдствіи Петра III), чѣмъ служилъ интересамъ императрицы Елизаветы. Въ 1769 году, въ первую кампанію противъ турокъ, Румянцевъ командовалъ второю армією и не поддержалъ, говорятъ, фельдмаршала князя Александра Голицына, начальствовавшего первою армією, который въ дѣйствительности далеко уступалъ ему. Во вторую кампанію Румянцевъ получилъ главное начальство ¹⁾; мы увидимъ, что онъ сдѣлалъ въ 1788 году. Румянцевъ совсѣмъ не любить

¹⁾ Онъ оставался главнокомандующимъ до самаго окончанія войны, и его противники и сторонники генерала Бауера утверждаютъ, что этотъ искусный и знающій офицеръ, бывшій его генераль-квартирмейстеромъ, доставилъ извѣстность фельдмаршалу. Дѣйствительно, кампанія 1770 года, которою руководилъ Бауеръ, была самая прекрасная и самая искусная во всю эту войну; она была образцомъ величайшей тактики и расчитанной и обдуманной смѣлости. Послѣ кампаніи 1771 года фельдмаршалъ, зная, что говорятъ о генералѣ Бауерѣ, и то, что говорилъ послѣдній, искалъ случая погубить его и успѣлъ въ этомъ. Румянцевъ получилъ приказаніе расположиться на зимнія квартиры въ Молдавіи. Онъ самъ хотѣлъ этого, но генералы, желавшіе воспользоваться удовольствіями жизни въ Польшѣ, воспротивились такому распоряженію и увлекли на свою сторону Бауера. Фельдмаршалъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено возвратиться на зиму въ Польшу; Румянцевъ поручилъ генералу Бауеру отвезти это рѣшеніе въ Петербургъ; но едва Бауеръ пріѣхалъ туда, какъ фельдмаршалъ приказалъ расположиться въ Молдавіи. Онъ отправилъ одного офицера предупредить объ этомъ императрицу и прибавилъ, что это было сдѣлано противъ желанія генерала Бауера, безъ котораго онъ можетъ обойтись. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Бауеръ потерпѣлъ полное пораженіе и не вернулся болѣе въ армію. Фельдмаршалъ со славою окончилъ войну безъ него; однако ни одна изъ остальныхъ его кампаній, за исключеніемъ послѣдней, не можетъ сравняться съ кампаніей 1770 года. Въ 1773 году онъ испыталъ нѣсколько неудачъ, что заставило его два раза обратно перейти Дунай. Въ 1774 году Румянцевъ совершилъ блистательную кампанію и окончилъ войну самымъ дослославнымъ образомъ.

императрицу и всегда держится отъ нея въ отдаленіи, несмотря на благодѣянія, которыми она его осыпала. Онъ обращается съ своими дѣтьми, какъ съ посторонними, называетъ ихъ соотвѣтственно ихъ званію и даетъ имъ посредственное содержаніе. Дѣти его прозябаютъ въ низшихъ чинахъ и не пользуются довольствомъ. Коварный, язвительный, безчувственный, Румянцевъ не любитъ и не уважаетъ никого въ мірѣ. Онъ обладаетъ состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ и тратитъ не болѣе восьмой части своихъ доходовъ, онъ копить, наживаетъ богатства и не дѣлаетъ никому добра. Вотъ, къ сожалѣнію, вѣрное изображеніе характера этого знаменитаго человѣка, дарованія котораго заслуживаютъ большаго уваженія, чѣмъ его нравственныя качества *).

Фельдмаршалъ Суворовъ одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей своего вѣка. Онъ родился съ геройскими качествами, необыкновеннымъ умомъ и съ ловкостью, превосходящею, быть можетъ, и его способности, и умъ. Суворовъ обладаетъ самыми обширными познаніями, энергическимъ, никогда не измѣняющимъ себя характеромъ и чрезвычайнымъ честолюбіемъ. Это великій полководецъ и великій политикъ, несмотря на сумасбродства, которыя онъ себѣ позволяетъ. Еще не видавъ его, я постоянно слышалъ, будто онъ сумасшедшій.

Ознакомившись съ Суворовымъ лично, я могу сказать, что онъ съ такимъ совершенствомъ разыгрываетъ сумасшедшаго и сдѣлалъ себѣ такую привычку прикидываться имъ, что привычка эта обратилась у него во вторую натуру; онъ разыгрываетъ сумасшедшаго, но въ дѣйствительности весьма далекъ отъ него ¹⁾.

*) (1826 г.). Всѣ военные, служившіе подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, какъ его враги, такъ и сторонники, увѣрили меня, что его темпераментъ отказывался презирать опасности. Онъ рисковалъ собою лишь изрѣдка и то только тогда, когда это было безусловно необходимо, и притомъ лишь въ томъ случаѣ, когда прямо былъ къ тому вынуждаемъ. Влѣдливость лица и судорожное подергиваніе всѣхъ членовъ слишкомъ явно изобличали тѣ усилія, которыя онъ принуждалъ себя дѣлать и которыя онъ не былъ въ состояніи скрыть.

¹⁾ Вотъ что передавали мнѣ, какъ за достоверное, по поводу странностей фельдмаршала Суворова, которыя онъ доводитъ до такой степени, что многія лица могли повѣрять, что онъ дѣйствительно составляетъ родъ настоящаго помѣшательства.

Послѣ Семилѣтней войны, въ которой, несмотря на свою молодость и незначительныя чины, Суворовъ представилъ доказательства блистательной неустрашимости и выказалъ уже зачатки великаго таланта, онъ находился въ Москвѣ вмѣстѣ съ императрицей и услышалъ, какъ она рассказывала, что всѣ великіе люди имѣютъ свои странности. Суворовъ, который желалъ быть великимъ человѣкомъ и могъ быть имъ, ухватился за эти слова императрицы и съ слѣдующаго же дня прикинулся оригиналомъ, а впоследствии довелъ

Трудно составить себѣ понятіе о шутовскихъ выходкахъ Суворова, не бывши очевиднымъ ихъ свидѣтелемъ: онѣ иногда остроумны, и подчасъ репутація оригинала, которую онъ ловко счумѣлъ приобрести себѣ, служила ему для того, чтобы давать безнаказанно и кстали колкіе отвѣты или искусные уроки; но чаще всего его шутовскія выходки скорѣе достойны паяца, чѣмъ генерала. Видали, какъ Суворовъ, во главѣ своихъ войскъ или на парадѣ, съ крикомъ или пѣніемъ по получасу скакалъ на одной ногѣ; видали, какъ въ залѣ, среди самаго многочисленнаго общества, онъ вскакивалъ на столы, на стулья или бросался ничкомъ на полъ; видали, какъ онъ изливался въ сожалѣніяхъ по случаю смерти индюка, которому солдатъ только-что отрезалъ голову, какъ онъ цѣловалъ этого индюка и желалъ приставить къ шеѣ его голову и т. п. Каждое утро, весною и лѣтомъ, можно видѣть, какъ онъ валяется и кувыркается по травѣ, совершенно голый, въ присутствіи всѣхъ, желающихъ смотрѣть на него. Видали, какъ Суворовъ кричитъ, плачетъ и какъ съ нимъ дѣлается дурно, если кто-нибудь плюнетъ себѣ въ платокъ. Когда же это несчастіе случается во время его обѣда, то онъ приказываетъ вывести виновнаго изъ комнаты; если же чинъ или характеръ его не допускаютъ подобной фамильярности, то выгоняютъ вмѣсто него другаго подчиненнаго или услужливаго гостя и пр. и пр. Вотъ чудачества болѣе смѣшныя, чѣмъ остроумныя.

Впрочемъ, сумасбродныя выходки эти не всегда имѣли одинаковій успѣхъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ иностранцамъ. Въ 1789 году одинъ австрійскій офицеръ, посланный принцемъ Кобургскимъ къ Суворову, нашелъ его кувыркающимся на травѣ; онъ спросилъ, гдѣ генераль; ему указали Суворова; офицеръ отвернулся отъ него, не сказавъ ему ни слова и спросилъ еще разъ, гдѣ былъ генераль. Его снова привели къ тому мѣсту, гдѣ Суворовъ забавлялся, и повторили ему: «Вотъ онъ, развѣ вы его не видите». Офицеръ отвѣчалъ въ разъ столько громко, чтобы Суворовъ могъ его слышать: «Я вижу какого-то шутона, но не вижу генерала».

Въ Варшавѣ, послѣ ужасовъ штурма Праги, Суворовъ часто принималъ у себя прусскихъ офицеровъ и всякій разъ представлялъ имъ польскаго генерала Домбровскаго, взявшаго у нихъ въ началѣ войны городъ Бромбергъ, и, продѣлывая тысячи шутовскихъ выходокъ, обыкновенно говорилъ имъ: «Господа, вотъ храбрый Домбровскій, это хра-

---

свои странности до палишества. Утверждали также, что, представляясь даже смѣшнымъ, онъ не желалъ сдѣлаться страшнымъ для фаворитовъ, чтобы не подвергаться опасности быть погубленнымъ ими или остановленнымъ въ блестящей карьерѣ, которую онъ хотѣлъ сдѣлать, и это довольно правдоподобно.

рый офицеръ, онъ взялъ у васъ Бромбергъ». Объ этихъ постоянно повторявшихся выходкахъ было сообщено одному прусскому генералу, тотъ послалъ къ Суворову, чтобъ проучить его, одного избраннаго офицера. Фельдмаршалъ не замедлилъ сказать ему свой обычный комплиментъ; но пруссакъ отвѣтилъ ему: «Да, господинъ фельдмаршалъ, мы знаемъ генерала Домбровскаго и мы тѣмъ болѣе его уважаемъ, что, взявъ приступомъ Бромбергъ, онъ доказалъ намъ, что онъ командовалъ солдатами; онъ удержалъ свои войска въ примѣрной дисциплинѣ и не совершилъ ни убійствъ, ни грабежа, ни пожаровъ, отъ ихъ самыхъ излюбленныхъ привычекъ». Съ этой минуты Суворовъ пересталъ представлять генерала Домбровскаго пруссакамъ.

Лѣтомъ 1789 года князь Потемкинъ послалъ къ Суворову съ приказаніями одного гвардейскаго офицера, Ѳедора Ростопчина *); офицеръ этотъ прибылъ въ 7 часовъ вечера; но такъ какъ генералъ спалъ и всегда запрещалъ себя будить, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, то курьеръ принужденъ былъ дожидаться разсвѣта. Въ 3 часа утра онъ слышитъ шумъ возлѣ палатки, въ которой ночевалъ, выходитъ изъ нея и видитъ нѣчто въ родѣ скелета, совершенно голаго, кувыркающагося по травѣ. Ростопчинъ спрашиваетъ, кто этотъ сумасшедшій; ему говорятъ, что это Суворовъ, который принялъ его, прочелъ привезенныя имъ приказанія и отправилъ съ нимъ свои отвѣты, и все это не перемѣняя костюма.

На другой день штурма Измаила я былъ представленъ Суворову г. Рибасомъ. Суворовъ взялъ меня за руку и спросилъ, гдѣ я получилъ георгіевскій крестъ. Я сказалъ ему, что это было въ Финляндіи съ принцемъ Нассаускимъ «Нассаусскій! Нассаусскій!—вскричалъ Суворовъ,—это мой другъ» и бросился мнѣ на шею. Послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: «Знаете ли вы по-русски?»—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ я ему.—«Тѣмъ хуже, это прекрасный языкъ», и онъ произнесъ мнѣ стихи Державина, въ которыхъ я ничего не понималъ; затѣмъ Суворовъ прибавилъ: «Господа французы, вы впали изъ вольтеріанизма въ жанъ-жангизмъ, затѣмъ въ рейнализмъ, а оттуда въ мираболизмъ, и это самое худшее» ¹⁾. Потомъ, замѣтивъ, что я хромаю, онъ спросилъ меня о причинѣ; я отвѣтилъ ему, что свихнулъ ногу, падая съ вала; тогда онъ взялъ меня на руки, взвалилъ себѣ на плечи, снесъ съ лѣстницы и поставилъ въ грязь, не сказавъ мнѣ ни слова.

Во время осады Очакова Суворовъ повелъ четыре баталіона гренадеръ открыто на крѣпость и довелъ ихъ до городскаго гласиса; эти

*) (1826 г.). Тотъ самый, который въ 1812 году былъ московскимъ главнокомандующимъ и которому приписали пожаръ Москвы.

¹⁾ Это было умно и очень остроумно.

четыре баталіона были разбиты, а самъ генераль былъ раненъ въ шею ¹⁾. Его отнесли въ лагерь, и распространился слухъ, что онъ умираетъ. Массо, французскій хирургъ, прибѣжалъ и нашелъ Суворова въ его палаткѣ плавающимъ въ крови и играющимъ въ шахматы съ своимъ адъютантомъ. Массо проситъ его дать перевязать себя; Суворовъ, не отвѣчая ему, продолжаетъ свою партію, восклицая: «Тюрень! Тюрень!» Массо въ досадѣ говоритъ ему: «Ну что же, генераль, когда Тюрень бывалъ раненъ, то онъ давалъ себя перевязывать». Суворовъ посмотрѣлъ на Массо и, не говоря ему ни слова, бросился на свою постель и позволилъ перевязать себѣ рану.

Суворовъ зналъ въ совершенствѣ духъ своего народа и въ особенноти, какъ надо дѣйствовать съ турками, почему и сдѣлался идеаломъ солдатъ, благодаря смѣлости всѣхъ своихъ предпріятій, которыя всегда увѣнчивались успѣхомъ. Никогда не считать числа непріятелей, идти всегда впередъ, смѣло атаковать, преслѣдовать съ ожесточеніемъ, — вотъ основныя правила Суворова. Военное искусство, наука передвиженій, даръ соображеній плановъ военныхъ дѣйствій кажутся чужды ему. Впрочемъ, онъ никогда не имѣлъ нужды въ нихъ, такъ какъ съ тѣмъ поръ, что онъ является главнымъ начальникомъ, ему приходилось сражаться лишь съ турками и поляками, которые въ то время не имѣли ни хорошо дисциплинированныхъ армій, ни опытныхъ генераловъ. Но съ другимъ непріателемъ употребилъ ли бы онъ иной приѣмъ? Сторонники его увѣряютъ, что да; противники же говорятъ — нѣтъ. Умъ Суворова представляется мнѣ настолько необыкновеннымъ, что я считаю его способнымъ на все. Впрочемъ, Суворовъ, судя по его характеру, имѣлъ онъ въ началѣ кампаніи успѣхъ, уничтожилъ бы своихъ враговъ, которымъ онъ не даетъ времени вдохнуть; но съ другой стороны можно также опасаться, чтобы онъ не совершилъ какой-либо пагубной неосторожности *).

Суворовъ — средняго роста, сгорбленный, покрытый морщинами и худощавый; его костюмъ и образъ жизни въ одинаковой степени ничны. Благодаря труду, неутомимости и привычкѣ, онъ приобрѣлъ себѣ необыкновенную выносливость. Суворовъ обѣдаетъ въ 7 часовъ утра, затѣмъ спитъ, ѣстъ еще въ 5 часовъ, снова спитъ и большую часть ночи проводитъ на ногахъ. Кусокъ чернаго хлѣба, какая-нибудь сушеная рыба, подаваемая на деревянныхъ блюдахъ, разставленныхъ

¹⁾ Онъ томился продолжительностію осады и медленностію князя Потемкина и хотѣлъ завязать дѣло, которое могло бы повести къ штурму.

*) (1826 г.). Суворовъ не совершилъ ни одной, ни въ Италіи, ни въ Швейцаріи, гдѣ показалъ, что онъ можетъ съ такимъ же успѣхомъ сражаться и противъ французовъ, съ какимъ сражался противъ турокъ.

на землѣ, на скатерти, вокругъ которой гости располагаются, лежа на травѣ,—вотъ кушанья, которыми Суворовъ угощалъ подъ Измаиломъ офицеровъ, удостоиваемыхъ чести обѣдать съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его произвели въ фельдмаршалы, онъ предлагаетъ столъ и стулья, но не заказываетъ лучшихъ блюдъ. Величайшая честь, которую Суворовъ можетъ оказать своимъ гостямъ, состоитъ въ посылкѣ имъ тарелки каши (гречневой), которую ставятъ передъ нимъ и которую онъ беретъ и разминаетъ пальцами. Его лакеемъ часто бываетъ вѣстовой казакъ, который иногда служитъ ему и поваромъ, и конюхомъ. Враги Суворова,—а ихъ у него много,—утверждали скорѣе съ ожесточеніемъ, чѣмъ справедливо, что онъ храбръ лишь тогда, когда пьянъ. Конечно, его храбрость не нуждается въ укрѣпленіи виномъ или водкой, но вѣрно и то, что всякій разъ, какъ онъ находится въ огнѣ, его сопровождаетъ казакъ, имѣющій при себѣ бутылку очень крѣпкаго пунша. Суворовъ называетъ его лимонадомъ и пьетъ его безпрестанно, вслѣдствіе чего онъ дѣйствительно скоро приходитъ по меньшей мѣрѣ въ весьма разгоряченное состояніе. Подъ Измаиломъ и Прагой Суворовъ ни разу не подвергалъ себя опасности ружейныхъ выстрѣловъ потому, что и не долженъ былъ этого дѣлать; но за то въ другихъ случаяхъ онъ совершилъ подвиги неслыханной неустрашимости.

Но, къ сожалѣнію, Суворова можно упрекнуть въ выборѣ лицъ, которыми онъ себя окружаетъ, и въ недостаткѣ дисциплины, весьма мало соблюдаемой имъ въ арміи. Его адъютанты, правители канцеляріи, его писаря состоятъ изъ всего, что ни на есть самаго позорнаго и самаго бездѣльнаго въ Россіи, и всѣ эти приближенные распоряжаются его именемъ, пишутъ приказы, утверждаютъ счета и подносятъ ему всѣ бумаги, которыя онъ часто подписываетъ, не читая.

Онъ никогда не занимается ни продовольствіемъ, ни порядкомъ, почему армія его живетъ часто на счетъ проходимой ею страны.

Суворовъ знаетъ всѣ языки и пишетъ и говоритъ на нихъ съ большимъ умомъ и остроуміемъ, но также и съ причудами; онъ иногда забавляется тѣмъ, что соединяетъ самыя неподходящія одна къ другой фразы, которыя и связываетъ безъ всякой послѣдовательности и безъ всякаго порядка. Суворовъ обыкновенно и притомъ со скромностію соглашается съ тѣмъ, что въ Европѣ существовало только три великихъ полководца: Тюреннь, Лаудонъ и онъ, и быть можетъ и докажетъ это. Въ самомъ дѣлѣ онъ во всю свою жизнь ни разу не потерпѣлъ пораженія, а не всегда же бываютъ только счастливы; необходимо быть болѣе чѣмъ счастливымъ, чтобъ никогда не быть разбитымъ.

У Суворова большіе недостатки: онъ эгоистъ и жестокъ на войнѣ. Между тѣмъ сторонники его говорятъ, что онъ благотворителенъ, но эта благотворительность объясняется презрѣніемъ къ деньгамъ, которымъ

онъ не придаетъ никакого значенія. Суворовъ представляетъ собою удивительное и интересное сочетаніе ума, чудачества, таланта и причудливости, котораго никто не въ состояніи ни легко распознать, ни вѣрно опредѣлить, но вообще онъ, быть можетъ, болѣе ловокъ, чѣмъ глубокомысленъ, болѣе уменъ, чѣмъ свѣдущъ, болѣе отваженъ, чѣмъ расчетливъ, болѣе счастливъ, чѣмъ искусенъ, и между тѣмъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти качества.

Война противъ французовъ, которой Суворовъ страстно желалъ въ 1796 году, еслибъ ему пришлось дѣйствовать противъ побѣдоносныхъ войскъ, одушевленныхъ цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ и предводительствуемыхъ Наполеономъ, быть можетъ, была бы камнемъ преткновения для его славы и предѣломъ его счастія. Но если бы Суворовъ командовалъ пруссаками въ кампанію 1792 года, то онъ былъ бы въ Парижѣ; если бы онъ предводительствовалъ австрійцами въ 1793 году, послѣ взятія Валансьена, онъ былъ бы въ Парижѣ; если бы онъ былъ главнокомандующимъ въ войну противъ турокъ въ 1788 году, онъ былъ бы въ Константинополѣ и, если его употребить противъ французовъ, послѣ того, какъ они понесли бы нѣсколько пораженій, онъ увѣщаетъ свою славу *).

Послѣ этихъ двухъ генераловъ слѣдуетъ поименовать генераль-аншефа Михаила Каменскаго; онъ мало извѣстенъ въ Европѣ; но русскіе ставятъ его по таланту выше даже Румянцева. Жаль только, что этотъ талантъ запятнанъ однимъ изъ ужаснѣйшихъ характеровъ, который когда-либо безчестилъ человѣчество; его звѣрство отзывается тигромъ. Видали, какъ онъ во время маневровъ кусалъ солдатъ и отрывалъ у нихъ зубами мясо. Однако, несмотря на такую жестокость, я полагаю, что въ случаѣ особой важности будутъ вынуждены употребить его потому, что дѣйствительно, судя по его репутаціи и по похваламъ даже враговъ его, онъ въ состояніи командовать арміею **), если только чудовище должно и можетъ командовать ею

*) (1826 г.). Суворова нѣтъ уже болѣе 20 лѣтъ; время могло повліять на мое мнѣніе о немъ. Но я не боюсь и теперь утверждать, что онъ былъ величайшимъ полководцемъ, какого Россія когда-либо производила.

**) (1826 г.). Этотъ важный случай произошелъ въ 1807 году; голосъ Россіи призывалъ его предводительствовать арміями противъ Наполеона. Онъ показался въ нихъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ и въ теченіе этого короткаго времени не выказалъ никакого таланта, а непрерывно возобновлявшіеся поступки смѣшного и жестокаго безумія заставили императора Александра, призвавшаго его противъ своего желанія, удалить его отъ мѣста, котораго онъ былъ такъ мало достоинъ.

Каменскій былъ убитъ нѣсколько лѣтъ спустя ударомъ топора, нанесеннымъ ему управляющимъ одного изъ его имѣній, который такимъ образомъ взялъ на себя трудъ отомстить за человѣчество.

Осенью 1788 года, когда графъ Румянцевъ расположился уже на зимнія квартиры въ Молдавіи, а князь Потемкинъ пробавлялся уже 6 мѣсяцевъ подъ Очаковомъ, не будучи въ силахъ овладѣть имъ, корпусъ татаръ приблизился къ Бендерамъ. Тогда графъ Румянцевъ послалъ генерала Каменскаго съ небольшимъ отрядомъ въ 3 или 4 тысячи человекъ отгнать татаръ, которые въ то время находились въ Сальчи и Гангурѣ въ 30 верстахъ отъ Бендеръ и въ такомъ же разстояніи отъ Кишинева. Каменскій во время пути былъ застигнутъ страшнымъ ураганомъ, ужаснымъ снѣгомъ и 10-ти градуснымъ морозомъ; онъ потерялъ четвертую часть своихъ солдатъ, которые или замерзли или были погребены подъ снѣгомъ. Достигнувъ, однако, Сальчи, Каменскій захватилъ здѣсь татаръ и приказалъ ихъ всѣхъ перебить; но испытанная имъ непогода, потери множества людей и опасеніе, внушаемое ему фельдмаршаломъ Румянцевымъ, привели его въ бѣшенство. По прибытіи въ Гангуру, ему показался подозрительнымъ одинъ жидъ; онъ приказалъ его раздѣть, облить водой и затѣмъ голого привязать на дворѣ своего дома, гдѣ тотъ скоро и замерзъ... Каменскій допрашивалъ 3 плѣнныхъ татаръ о силахъ и намѣреніяхъ ихъ предводителей; безсмысленный вопросъ! можетъ ли простой солдатъ знать то, что онъ у него спрашивалъ! Одинъ изъ этихъ татаръ п отвѣтилъ ему дѣйствительно: «Я простой солдатъ, я начальники мои не даютъ мнѣ отчета о своихъ предположеніяхъ». Этотъ благородный и гордый отвѣтъ заслуживалъ похвалы и даже награды. «Надо растерзать этихъ трехъ татаръ ударами кнута». Двое изъ нихъ умерли при этомъ жестокомъ наказаніи. Одна корова, не имѣвшая корма, мычала у Каменскаго на дворѣ. Онъ приказалъ отрубить ей голову. Ночью одинъ ребенокъ беспокоилъ Каменскаго своими криками. Онъ сказалъ съ варварскимъ наслажденіемъ: «Завтра онъ не будетъ болѣе меня беспокоить». На слѣдующій день онъ поджигаетъ деревню и выгоняетъ на равнину, покрытую снѣгомъ, всѣхъ жителей, которые скоро и погибаютъ отъ стужи и голода. Наконецъ Каменскій довершилъ всѣ эти жестокости подлостью: онъ приказываетъ собрать по возможности весь скотъ, который уцѣлѣлъ отъ урагана, и отсылаетъ его въ Россію, въ свои имѣнія.

Извѣщенная обо всѣхъ этихъ ужасахъ императрица Екатерина ограничилась отозваніемъ Каменскаго изъ арміи и, однако, она вновь послала его въ нее 4 года спустя *).

*) (1826 г.). Всѣ эти подробности были впоследствии всецѣло подтверждены мнѣ генералъ-лейтенантомъ Ивановымъ, начальникомъ 19-й дивизіи; въ 1788 году онъ былъ поручикомъ, прикомандированнымъ къ главной квартирѣ Каменскаго; онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ подлостей, о которыхъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ.

Князь Николай Репнинъ—самый храбрый солдатъ, когда одинъ, становился самымъ робкимъ, когда командуетъ другими. Природа, создавшая его для гражданской дѣятельности, отказала ему въ важныхъ военныхъ способностяхъ; онъ слишкомъ нерѣшителенъ, слишкомъ мало довѣрчивъ къ самому себѣ, чтобы быть главнокомандующимъ; но онъ превосходенъ на второстепенномъ мѣстѣ, желательно бы было, чтобы имъ воспользовались для дипломатической и внутренней административной службы, гдѣ онъ былъ бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Онъ внесетъ въ нее всю безкорыстность, составляющую основную черту его характера и величайшее усердіе, которыми онъ одушевленъ къ службѣ своего отечества.

Однако князь Репнинъ со многими достоинствами соединяетъ въ себѣ и большія слабости. Въ Варшавѣ онъ держалъ себя съ непростительнымъ высокомеріемъ, и его же я видѣлъ самымъ униженнымъ льстецомъ-паразитомъ князя Потемкина, льстецомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Сверхъ того князь Репнинъ настолько тщеславенъ, что, льстя этой страсти, можно получить большое надъ нимъ вліяніе. Баронъ де-Бретель, французскій посланникъ въ Россіи, рассказывалъ мнѣ, что, будучи вмѣстѣ съ нимъ въ 1778 году на Тешенскомъ конгрессѣ, онъ замѣтилъ, что князь Репнинъ былъ неприятно пораженъ красотою серебряной посуды, которую онъ показалъ ему; при этомъ князь сказалъ ему съ неудовольствіемъ: «Я не въ состояніи имѣть такой же». Французъ, будучи тонкимъ политикомъ, открылъ слабость русскаго и сказалъ ему: «я не буду ее здѣсь употреблять» и приказалъ при немъ же запаковать ее. Эта внимательность совершенно подчинила князя Репнина, и баронъ де-Бретель дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ во время конгресса.

Князь Александръ Прозоровскій слишкомъ старъ и немощенъ, чтобы служить; выказалъ большую храбрость и военный талантъ, но талантъ ограниченный на столько, что его хватить только для командованія авангардомъ или отдѣльнымъ корпусомъ. Это человекъ строгій, неподкупный и высоко честный *).

Графъ Иванъ Эльмптъ, родомъ изъ нѣмецкихъ областей Франціи, съ успѣхомъ служилъ въ арміи, но въ настоящее время слишкомъ старъ и немощенъ для того, чтобы продолжать службу.

Іосифъ Игельстромъ ¹⁾ и Иванъ Гудовичъ, умѣстно поставленные

*) (1826 г.). 12 лѣтъ спустя послѣ того, какъ я написалъ это, Прозоровскій командовалъ арміею въ Молдавіи, гдѣ и умеръ; онъ не имѣлъ блестящихъ дѣлъ, былъ несчастливъ подъ Браиловымъ, но оказалъ великія услуги арміи, установивъ въ ней образцовый порядокъ и правильную, строгую дисциплину.

¹⁾ Фамилія его пишется Игельстрёмъ (Igelstroem); онъ происходитъ изъ шведской семьи.

въ арміи или во главѣ небольшихъ отрядовъ, могутъ быть весьма хорошими частными начальниками, но командованіе большою арміею они, быть можетъ, нашли бы для себя слишкомъ тяжелымъ бременемъ; первый изъ нихъ далеко превосходитъ втораго; это человѣкъ деликатный, честный, весьма любезный, очень умный и свѣдущій, но настолько капризный, вспыльчивый, сварливый, что онъ вездѣ ненавидимъ своими подчиненными, которыхъ мучаетъ безпрестанно. Гудовичъ получилъ репутацію въ Россіи, какъ человѣкъ, не любящій опасностей.

Вильгельмъ Дерфельденъ человѣкъ неподкупный и прямой, настолько же храбрый, насколько и твердый, превосходно служить въ арміи; никогда не былъ главнымъ начальникомъ, но его считаютъ способнымъ управлять по крайней мѣрѣ значительнымъ корпусомъ.

Между генераль-поручиками слѣдуетъ отмѣтить:

Графъ Иванъ Ферзенъ, будучи превосходнымъ генераломъ, безъ сомнѣнія, является, послѣ Румянцева и Суворова, лучшимъ изъ генераловъ, которыми обладаетъ Россія. Сверхъ того это человѣкъ твердый, образованный, но невоздержность настолько разрушила его здоровье, что ему почти невозможно продолжать службу.

Михаилъ Кутузовъ также считается однимъ изъ военныхъ идоловъ русскихъ. Трудно имѣть болѣе ума; но вотъ и все, что можно сказать о немъ *).

Федоръ Денисовъ—казакъ и казакъ настоящій. Онъ очень хорошо знаетъ боевую аванпостную службу и можетъ командовать авангардомъ. Онъ необыкновенно храбръ.

Князь Сергѣй Голицынъ еще молодъ, человѣкъ очень честный, очень любезный, блистательной храбрости, полный усердія и чрезвычайно исполнительный. Если бы онъ имѣлъ случай въ такой же степени усвоить себѣ опытность противъ тактическихъ армій, онъ могъ бы сдѣлаться очень хорошимъ генераломъ.

Говорятъ, что Иванъ Михельсонъ и Григорій Шевичъ могутъ съ успѣхомъ предводительствовать кавалеріею **).

Датчанинъ Нумсенъ, принятый въ службу въ 1787 году,—одинъ изъ русскихъ генераловъ, который показался мнѣ самымъ талантливымъ и которому я бы желалъ, чтобъ поручили армію. Но, къ несчастію, онъ

*) (1826 г.). Я имѣлъ случай въ слѣдующихъ мѣсяцахъ сочиненійхъ ознакомиться съ Кутузовымъ, который впоследствии игралъ такую огромную роль.

***) (1826 г.). Михельсонъ командовалъ арміею въ Молдавіи въ первую кампанію и умеръ тамъ. Онъ отличался дерзкою храбростію и достаточными познаніями, когда сохранялъ хладнокровіе; но это случалось съ нимъ рѣдко; это былъ бѣшенный безумецъ; никогда насидѣе не совершало столько сумасбродствъ и жестокостей, сколько онъ совершилъ на мѣсяцъ глазахъ и въ самое короткое время.

не знаетъ ни одного слова по-русски и такой чрезмѣрной толщины, что дѣятельность его должна непременно страдать отъ нея ¹⁾). Сверхъ того сомнѣваюсь, чтобъ захотѣли вѣрнуть ему главное начальство: онъ иностранецъ, и его просвѣщенный, но неуживчивый и смѣлый умъ возбуждаетъ опасенія какъ фаворитовъ, такъ равно и его подчиненныхъ.

Генераль Ласси, лифляндецъ и племянникъ фельдмаршала Ласси, — хорошій генераль, образованный, храбрый и дѣятельный, но такого удивительнаго характера и выказывающій такія странности, что его можно почестъ немного тронутымъ.

Баронъ Петръ Паленъ—человѣкъ необыкновеннаго ума, замѣчательной храбрости и способный все предпринять и все исполнить.

Хотя генераль-квартирмейстеръ Яковъ Пистеръ, родомъ изъ Вестфаліи, былъ долгое время простымъ профессоромъ и у него недостаетъ практики, что дѣлаетъ его медлительнымъ и тяжелымъ въ его дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ оказать большія услуги; онъ обладаетъ обширными теоретическими познаніями и отличается большою храбростію.

Рибасъ—адмираль; но такъ какъ онъ служилъ въ сухопутныхъ войскахъ и можетъ еще въ нихъ служить, то я и помѣщу его въ число генераловъ этой категоріи; я познакомлю съ нимъ впоследствии болѣе подробно. Это одинъ изъ европейскихъ людей, въ которомъ я признаю наиболѣе ловкости, ума, искусства, рѣшимости и таланта; но онъ не святой.

Ираклій Марковъ самый неустрашимый солдатъ, какого я когда-либо зналъ, но я не считаю его генераломъ.

Баронъ Беннигсенъ, ганноверецъ, обладаетъ большимъ талантомъ для командованія кавалеріею ^{*}).

Генералы Германъ, Корсаковъ, Тормасовъ и Буксгевденъ храбры, и ихъ можно употребить съ пользою. Корсаковъ съ успѣхомъ командовалъ небольшимъ корпусомъ въ шведскую войну ^{**}).

Я имѣю весьма высокое мнѣніе о дарованіяхъ голландскаго инже-

¹⁾ Нумсенъ вѣситъ болѣе 350 фунтовъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ былъ раненъ картечною пулею, которая пробила ему щеку и сдѣлала въ ней дыру, въ которой можно помѣстить большое яблоко. Другому бы такая пуля оторвала голову.

^{*}) (1826 г.). Беннигсенъ доказалъ, что способенъ на все; это одинъ изъ лучшихъ европейскихъ генераловъ; я не боюсь утверждать это. Въ настоящее время ему 80 лѣтъ, онъ слѣпъ и не можетъ быть полезенъ даже въ сѣвѣ. Но Россія не должна забывать его кампаній 1806 и 1807 годовъ противъ Наполеона. Беннигсенъ былъ первый, который остановилъ его успѣхи *Invicti victor*.

^{**}) (1826 г.). Германъ былъ превосходный квартирмейстеръ; однако, когда онъ предводительствовалъ голландскою экспедиціею противъ французскаго генерала Брюна, то былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Его обвиняли въ недо-

нернаго генерала Корнелія Сухтелена; это человекъ вполнѣ образованный, весьма способный составить планъ кампаніи и быть генералъ-квартирмейстеромъ арміи.

Россия потеряла въ Финляндіи одного изъ своихъ лучшихъ генераловъ въ лицѣ уважаемаго принца Ангальтскаго, о которомъ я буду имѣть случай говорить. Остальные не заслуживаютъ чести быть упомянутыми, и я ничего не скажу о генералахъ: графахъ Иванѣ и Николаѣ Салтыковыхъ, графѣ Брюсѣ, графѣ Валентинѣ Пушкинѣ, Михаилѣ Каховскомъ, князѣ Григоріи Волконскомъ, о генералъ-поручикахъ графѣ Михаилѣ Румянцевѣ, Петрѣ Шепелевѣ, Василии Энгельгардтѣ, Иванѣ Дунинѣ, Андрѣ Леванидовѣ и Иванѣ Загряжскомъ. Между этими господами могутъ находиться весьма честные люди, но навѣрное ни одного генерала.

Я совсѣмъ не замѣтилъ въ Россіи въ низшихъ чинахъ такихъ молодыхъ, блестящихъ и усердныхъ офицеровъ, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ Мерфельдѣ, князѣ Карлѣ Шварценбергѣ, маркизѣ де-Шателе въ Австріи, или въ гробрыхъ и пылкихъ прусскихъ маюрахъ, товарищахъ славы молодого принца Фердинанда Прусскаго, или въ принцѣ Фридрихѣ Оранскомъ, юномъ герцогѣ Энгіенскомъ, заравѣ можно предвидѣть знаменитыхъ генераловъ. Я совсѣмъ не видалъ въ корпусѣ генеральнаго штаба, столь блестящемъ во Франціи и въ Австріи, офицера, способнаго составить обширныя диспозиціи, планъ кампаніи или искусно вести колонны. Этотъ корпусъ, превосходно составленный генераломъ Бауеромъ въ 1769 году, въ настоящее время почти не существуетъ въ Россіи, а между тѣмъ этотъ именно корпусъ долженъ быть рассадникомъ будущихъ генераловъ; это именно изъ него во Франціи, Австріи и Пруссіи вышли всѣ тѣ, которые имѣли столько правъ, чтобы имѣть притязаніе на военную славу *).

Меня найдутъ, можетъ быть, дерзкимъ за то, что я осмѣливаюсь судить такъ о моихъ генералахъ; но меня въ этомъ случаѣ успокоитъ

статкѣ рѣшительности и даже личнаго мужества; но его диспозиціи были хорошо составлены. Корсаковъ командовалъ въ Швейцаріи противъ Массены; онъ былъ тамъ очень несчастливъ и выказалъ себя очень плохимъ. Это храбрый и честный человекъ, но безъ образованія и таланта. Буксгевденъ доказалъ подѣ Аустерлицемъ, что онъ не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для генерала.

*) (1826 г.). Въ то время, когда я писалъ это, въ генеральномъ штабѣ русской арміи (квартирмейстерская часть) находилось нѣсколько отличныхъ офицеровъ, но въ весьма маломъ числѣ. Вообще этотъ корпусъ былъ не многочисленъ и очень посредственъ; въ настоящее время онъ одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, очень многочисленъ и состоитъ изъ всего, что есть наилучшаго въ Россіи. Это превосходный рассадникъ генераловъ; офицеры его очень образованы, много занимаются, обладаютъ значительными теоретическими познаніями, нѣкоторые изъ нихъ весьма опытные и служили съ большимъ отличіемъ. Всѣ они обладаютъ талантомъ рисовать и снимать планы, и притомъ доведен-

ваеть увѣренность въ томъ, что мнѣніе мое о нихъ раздѣляется всѣми моими товарищами, младшими офицерами, судьями и знающими дѣло, на усмотрѣніе которыхъ я и представлялъ его. Поэтому я нисколько не опасаюсь утверждать, что Россія, обладая нѣсколькими второстепенными и даже первостепенными генералами, которыми съ успѣхомъ можно воспользоваться противъ турокъ, имѣетъ еще мало такихъ, которымъ можно было бы довѣрить обширныя операціи противъ дисциплинированныхъ и тактическихъ армій, и мнѣ показалось, что сама императрица сознавала справедливость этого, такъ какъ въ 1795 году министр Морковъ высказывалъ герцогу Ришелье и совѣтовался съ нимъ съ цѣлію узнать, согласится ли знаменитый генералъ Маккъ принять выгодныя условія, на которыхъ намѣревались предложить ему поступить въ русскую службу *). Предположеніе это не осуществилось; съ Пруссіей, съ которою опасались разрыва, вошли въ полюбовное соглашеніе. Впрочемъ, многимъ изъ этихъ генераловъ, можетъ быть, стоять только совершить нѣсколько кампаній для того, чтобы сдѣлаться очень хорошими.

Въ Пруссіи адъютанты офицеры, въ Австріи секретари, во Франціи, въ прежнія времена, бывали помощники поваровъ, но всегда щеголи; въ Россіи же это лакеи и часто исполняютъ ихъ обязанности; они завѣдываютъ домашнимъ хозяйствомъ, конюшнею и пр. Генералы, полковые командиры производятъ своихъ парикмахеровъ, берейторовъ, поваровъ въ сержанты, которые затѣмъ становятся офицерами и адъютантами.

У меня въ полку есть одинъ грекъ, который вскорѣ, за выслугу лѣтъ, долженъ быть произведенъ въ офицеры. Въ теченіе 12 лѣтъ онъ былъ лакеемъ графа Ивана Разумовскаго, прислуживалъ намъ за столомъ, былъ битъ по десяти разъ въ мѣсяць, а теперь скоро будетъ моимъ товарищемъ.

Генералы, начальники дивизій или бригадъ имѣютъ многочисленныя канцеляріи, которыя расплачиваютъ и безъ того безчисленные приказы и переписку и отнимаютъ для того у полковъ страшное множество сержантовъ и писарей-солдатъ.

Перевелъ В. Н. М.

Сообщ. Н. Шильдеръ

(Продолженіе будетъ).

нымъ, быть можетъ, до излишества; то, что отъ нихъ требуютъ въ этомъ отношеніи на войнѣ, заставляетъ ихъ терять много времени. Во Франціи офицеровъ генеральнаго штаба раздѣляютъ на фронтовыхъ, предназначенныхъ для рекогносцировокъ, диспозицій, для веденія колоннъ, и на тѣхъ, которымъ поручена чертежная часть, и этой методъ надлежало бы слѣдовать всюду.

*) (1826 г.). Императрица въ лицѣ Макка сдѣлала бы печальное приобрѣтеніе; онъ не оправдалъ своей репутаціи и погубилъ всѣ арміи, которыя были ему ввѣрены.

Записки М. Я. Ольшевскаго.

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Х.

Тифлисъ и жизнь въ этомъ городѣ въ 1858 и 1859 годахъ ¹⁾.

бращаюсь снова къ Тифлису. Этотъ азиатско-европейскій городъ я описалъ во время моего пребыванія въ немъ осенью, зимою и весною. Коснулся и его живописныхъ окрестностей: когда я въѣзжалъ въ октябрѣ 1853 года со стороны Мцхета; въ декабрѣ 1855 года, когда возвращался съ Лезгинской линіи; въ мартѣ 1855 и октябрѣ 1856 годовъ, когда въѣзжалъ въ него со стороны Кодъ.

Теперь мнѣ остается взглянуть на Тифлисъ, съ его окрестностями, лѣтомъ, описать его въ такую пору, когда онъ несетъ, жизнь въ немъ становится крайне тяжелою. Описать его въ такое время года, когда всѣ, имѣющіе хотя нѣкоторую возможность выѣхать изъ него, покидаютъ его.

Я приступаю къ описанію Тифлиса въ такое время года, когда все могущее оставить его ищетъ спасенія отъ спертаго, удушливаго воздуха и огромной жары, достигающей свыше 30 градусовъ въ тѣни по Реомюру въ юнѣ и юлѣ мѣсяцахъ.

¹⁾ О времени отъ паденія Карса до назначенія князя Барятинскаго на Кавказъ и о покореніи Восточнаго Кавказа см. „Русскую Старину“, ноябрь 1894 года.

Помѣщики-туземцы удаляются въ свои помѣстья, хотя и тамъ не всегда спасаются отъ удушливой жары, если ихъ помѣстья не находятся на возвышенныхъ мѣстахъ. Семейства чиновниковъ средней руки и лица, не связанные служебными обязанностями, отправляются въ Манглисъ и Бѣлый ключъ, штабъ-квартиры Лейбъ-Эриванскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ, устроенныя на возвышенныхъ мѣстахъ. Тамъ они помѣщаются, сообразно своимъ средствамъ, на поселеніяхъ и форштадтахъ этихъ штабъ-квартиръ, въ домахъ офицерскихъ, отставныхъ солдатъ и другихъ разночинцевъ,—наконецъ служащая и мѣстная аристократія выѣзжаетъ на Коджоры или въ Боржомъ.

Урочище Коджоры, въ первобытномъ своемъ состояніи, не было замѣчательно ни своею растительностію, ни живописнымъ своимъ положеніемъ, ни изобиліемъ воды. Оно впервые обратило на себя вниманіе князя Воронцова, по своему умѣренному климату, какъ ближайшее возвышенное мѣсто въ окрестностяхъ Тифлиса. На третье лѣто пребыванія на Коджорахъ этого вельможи, явились и красивыя дачи съ фруктовыми садами, и водопроводы, и возможно проѣзжія для экипажей дороги. И съ тѣхъ поръ Коджоры, ежегодно застраиваясь и улучшаясь, не перестаютъ быть лѣтнимъ пребываніемъ многихъ лучшихъ тифлисскихъ семействъ, въ особенности служащихъ, какъ отстоящее отъ Тифлиса только въ двѣнадцать верстахъ. Правда, проѣздъ туда, по причинѣ весьма гористой мѣстности, не можетъ считаться легкимъ и хорошимъ.

Боржомъ преимуществуетъ передъ Коджорами и въ климатическомъ отношеніи, и по живописности своего мѣстоположенія, и по изобилію въ водѣ. Онъ находится на Курѣ, текущей здѣсь между скалистыми горами, поросшими строевымъ и по преимуществу хвойнымъ лѣсомъ. Кромѣ того въ Боржомѣ находятся горячіе сѣрно-щелочныя и желѣзные источники, разрѣшающіе и укрѣпляющіе нашъ организмъ. Поэтому тотъ же князь Воронцовъ, искавшій разныхъ средствъ для укрѣпленія своихъ старческихъ силъ, въ послѣдніе годы своего пребыванія на Кавказѣ, избралъ Боржомъ своей лѣтней резиденціей. И Боржомъ, какъ здоровое и живописное мѣсто, въ короткое время застроился не только красивыми казенными постройками, но и частными дачами.

И съ тѣхъ поръ Боржомъ продолжаетъ оставаться лѣтнимъ пребываніемъ высшей кавказской администраціи и аристократіи, несмотря на то, что, отстоя отъ Тифлиса болѣе чѣмъ на сто тридцать верстъ, замедляетъ всѣ распоряженія, исходящія отъ пребывающаго тамъ главнаго правителя, и усложняетъ переписку. Въ особенности переписка усложнялась въ томъ случаѣ, когда правитель края жилъ въ Боржомѣ, а начальникъ штаба съ своими помощниками и директоръ канцеляріи намѣстника выѣзжали на Коджоры. Тогда наступало самое тяжелое

время для телеграфистовъ, курьеровъ и служащихъ въ главномъ штабѣ и канцеляріи намѣстника.

Телеграфисты не имѣли отдыха ни днемъ, ни ночью по множеству пересылаемыхъ служебныхъ и частныхъ телеграммъ, большею частію самаго обыкновеннаго содержанія и касавшихся до обиходныхъ семейныхъ, общежительныхъ и туалетныхъ предметовъ.

Курьеры скакали взадъ и впередъ по нѣскольку разъ въ сутки. Одни везли въ Боржомъ бумаги на подпись и доклады на разрѣшеніе отъ начальника главнаго штаба и директора канцеляріи намѣстника. Другіе возвращались изъ Боржома съ подписанными бумагами и разрѣшенными докладами. Третьи везли картоны и ящики съ разными туалетными вещами. Наконецъ, четвертые скакали съ фруктами, винами и разными предметами, до стола и кухни относящимися. А отъ такой частой и скорой гоньбы больно страдали почтовые лошади, тѣмъ болѣе, что кромѣ курьеровъ было много и другихъ проѣзжающихъ: кто ѣхалъ въ Боржомъ на представленіе и поклоненіе, а кто просто по дѣламъ службы.

Служащіе въ главномъ штабѣ и канцеляріи намѣстника трудились надъ составленіемъ и переписываніемъ частыхъ и большихъ докладовъ по разнымъ дѣламъ. Такіе доклады были всегда сложны и требовали большой точности по дежурству, въ особенности по интендантской и артиллерійской частямъ, по причинѣ оборота огромныхъ суммъ, по заготовленію и перевозкѣ предметовъ продовольствія и военныхъ запасовъ. Имѣя это въ виду, я, глава дежурства, не слѣдовалъ примѣру моихъ предшественниковъ и не выѣзжалъ въ Коджоры, а оставался на лѣто въ Тифлисѣ и по-прежнему являлся къ одиннадцати часамъ во ввѣренномъ мнѣ управленіи.

Тяжело мнѣ было ходить въ штабъ, въ особенности же возвращаться домой подъ палящимъ солнцемъ свыше сорока градусовъ, тѣмъ болѣе, что лѣто 1858 года было сравнительно жаркое и сухое противъ прочихъ лѣтъ. Еще тяжелѣе было работать въ удушливой атмосферѣ; но я былъ не одинъ, ту же тягость служебныхъ обязанностей несли и мои ближайшіе помощники. Непріятно было ѣздить и въ Коджоры, а въ особенности возвращаться оттуда. Я не разъ испытывалъ сильную боль и головокруженіе, по мѣрѣ того какъ спускался съ Коджоръ въ котловину Тифлиса.

Въ продолженіе лѣта, съ мая по сентябрь, все населеніе Тифлиса живетъ уличною жизнью только по ночамъ. Днемъ же съ девяти часовъ утра до солнечнаго заката, каждый старается укрыться отъ жгучаго палящаго солнца и провести время въ полумракѣ, съ закрытыми ставнями. По опустѣлымъ улицамъ изрѣдка пройдетъ медленнымъ шагомъ простолюдинъ, или обязанный службою военный. Также изрѣдка

проѣдетъ медленную рысью экипажъ, везущій кого-нибудь по слѣшнымъ, нетерпящимъ отлагательства, дѣламъ.

Въ это время лѣтняго дня каждый старается прекратить свою суетливую дѣятельность. Лѣнивый беззаботный грузинъ скрывается у себя въ дарбазѣ,—въ родѣ нашихъ сѣней,—истребляя огромное количество воды на поливку плитняковаго или кирпичнаго пола. Дѣятельный торгашъ-армянинъ, лежа на полу своего духана между бурдюками кахетинскаго и свода въ умѣ барыши, умѣряетъ поневолѣ свою дѣятельность, за немѣнѣиѣмъ покупщиковъ, не являющихся по причинѣ той же страшной жары. Къ полудню прекращаютъ свои работы паяльщики, лудильщики и другихъ дѣлъ мастера, наполняющіе старшій караванъ-сарай. Да и караванъ-сарай Тамашева и Арцруни какъ бы погружаются въ сонъ. Въ эти часы дня, строящіяся дома остаются безъ каменщиковъ и штукатуровъ; пильщики покидаютъ свои пильни; роющіе фундаменты подъ дома или водопроводныя канавы оставляютъ свои земляныя работы; даже сильный «муша»—носильщикъ огромныхъ тяжестей, и тотъ предается своего рода *far-niente* подъ навѣсомъ въ тѣни.

Одинъ только «тулукчи» не прекращаетъ, а напротивъ усиливаетъ свою дѣятельность въ это время года. Тулукчи и его конь, какъ бы на стыдъ другимъ, работаютъ до истощенія силъ. Правда, тулукчи и его конь имѣютъ возможность освѣжаться въ то время, когда для наполненія своихъ тулуковъ водою входятъ въ Куру.

Тулукчи—особое цеховое или амкарское общество. Это названіе происходитъ отъ татарскаго слова «тулукъ», однозначашаго «бурдюку», который пристегивается посредствомъ ремневой упряжи къ спинѣ лошади. Въ такихъ кожаныхъ мѣшкахъ доставлялась вода изъ Куры во всѣ дома Тифлиса, пока не были устроены въ разныхъ мѣстахъ города особые бассейны и водопроводы.

Такъ какъ лѣтомъ расходуется вода жителями Тифлиса въ сравнительно большемъ количествѣ противъ прочихъ временъ года, потому что она кромѣ питья, варенія пищи, мытья бѣлья употребляется для освѣженія и поливки половъ, тротуаровъ, двора и другихъ предметовъ, то подвозъ ея въ каждый домъ значительно увеличивается. Часто случалось видѣть, какъ лошади тулукчей падали отъ изнеможенія. Не разъ случалось слышать споръ и руганью домохозяина съ тулукчи за позлную и несвоевременную доставку воды. Иной разъ доходило до того, что поссорившійся съ домовладѣльцемъ тулукчи вовсе переставалъ перевозить воду. А такъ какъ послѣ того ни одинъ изъ тулукчей не соглашался подвозить воду, то домовладѣльцу оставалось или помириться съ поссорившимся тулукчи, или распорядиться доставлять воду своими средствами.

Вообще нужно сказать, что тифлискыя находятся въ большой зави-

симости отъ «амкарства», которое управляетъ не только ремесленными обществами, но всякаго рода промышленность и мелочная торговля находится въ ихъ рукахъ. Всѣ предметы первой потребности, продаваемые на базарахъ, подлежатъ тяготѣнїю амкарства, и устанавливаемая амкарами цѣны не могутъ быть поколеблены постороннимъ вмѣшательствомъ. Если амкары не захотятъ, то даже при вмѣшательствѣ городской администраціи не уменьшится цѣна, напримѣръ, на мясо, хлѣбъ, овощи и тому подобные предметы первой потребности.

Съ закатомъ солнца Тифлисъ оживаетъ. Во всѣхъ домахъ раскрываются ставни, и въ растворенныхъ окнахъ являются хорошенькія смуглянки, съ черными, жгучими глазами, въ разноцвѣтныхъ тасакрави, длинныя носы сморщенныхъ старухъ, огромныя шляпоны женъ и дочерей служащихъ чиновниковъ, военныя куртки и кителя, разноцвѣтные пиджаки, чуши съ длинными рукавами. Головинскій проспектъ быстро переполняется гуляющими и пестрѣетъ разноцвѣтными дамскими туалетами. Экипажи мчатся по разнымъ направленїямъ, поднимая пыль столбомъ и обдавая ею гуляющихъ. Въ особенности летятъ они нескончаемой вереницей по Михайловскому мосту на Куръ и по главной улицѣ Кукъ.

Для этихъ послѣднихъ экипажей одно общее направленїе, а для сидящихъ въ нихъ одна общая цѣль,—это садъ Муштеида. Одни спѣшатъ на назначенное свиданїе. Другіе торопятся, чтобы распить одну, другую бутылку шампанскаго, или сыграть на бильярдѣ, въ профрансъ или ералашъ. Большинство же стремится въ садъ Муштеида, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, послушать играющую музыку, а пожалуй вкусно поужинать.

Далеко за полночь, но масса гуляющихъ на Головинскомъ проспектѣ не уменьшается. Не прекращается также ѣзда экипажей, и несущаяся изъ-подъ колесъ и копытъ лошадей пыль обдаетъ пѣшеходовъ и еще болѣе сгущаетъ и безъ того удушливый воздухъ. Зурна и бубенъ продолжаютъ гудѣть по разнымъ направленїямъ. Здѣсь раздается на плоскихъ крышахъ стараго Тифлиса мѣрное хлопанье въ ладоши, ободряющее танцующихъ лезгинку. Тамъ слышится монотонное пѣніе съ аккомпаниментомъ чунгуры, или раздается крикливое завыванїе уличнаго гуляки.

Но вотъ до вашего слуха доходитъ пронзительное скрипѣніе арбы и мычанїе запряженнаго въ нее лѣнливаго буйвола, или ревъ хотя гордо выступающаго, но тоже лѣнливаго верблюда. Хорошо еще, если скрипѣніе, мычанїе и ревъ скоропроходящіе; но на бѣду вы встрѣтились съ длиннымъ транспортомъ арбъ, или съ вереницей верблюдовъ, съ наброшенными на ихъ спины тюками и ящиками, тогда вамъ сильно до-

станется отъ пыли, скрипѣнія, мычанія п рева. Даже можетъ случиться, что озлившійся верблюдъ зафыркаетъ и область васъ пѣной.

Однако и въ Тифлисѣ бывають зачастую, въ особенности въ іюнѣ, такія томительныя душныя ночи, что не находишь спасенія отъ жары какъ у себя дома, такъ на открытомъ воздухѣ и даже у Муштанда. Такія удушливныя ночи бывають тогда, когда по нѣскольку дней чистое голубое небо не заволакивается ни однимъ облачкомъ, и не чувствуется ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ. Такія ночи томительнѣе дня, потому что вы мучитесь бессонницей, какъ отъ удушливой атмосферы, такъ отъ множества мухъ и другихъ насѣкомыхъ. Случаются такія томительныя ночи и при дуновеніи восточнаго, или съ низовьевъ Куры, вѣтра.

Зато Тифлисъ оживаетъ, если вѣтеръ подуетъ съ главнаго Кавказскаго хребта. Воздухъ быстро освѣжается, даже во время бездождя, вы чувствуете легкость дыханія и исчезновеніе гнетущаго васъ тѣптѣнія. Также пріятно почувствуется вамъ, если во время удушливой затишья подуетъ западный вѣтеръ со стороны Кутаиса, Ахалциха и Александрополя. Причина ясная: эти вѣтры навѣвають прохладу, потому что они дуютъ съ высокихъ заоблачныхъ хребтовъ.

Впрочемъ, во время бездождя, преимущественно такого продолжительнаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ іюнѣ, іюлѣ, а иногда въ августѣ, и какъ это въ особенности было лѣтомъ 1858 года, — вскакі вѣтеръ тѣмъ не пріятенъ, что поднимаетъ страшную пыль. По причинѣ глинисто-известковой почвы, на которой построенъ Тифлисъ, а также по причинѣ большинства немощеныхъ улицъ, пыль эта дотога огромна, столь ѣдка и способна проникать повсюду, что отъ нея не только дѣстается вашимъ глазамъ, ушамъ и носу, но она портитъ ваше платье, а въ домахъ мебель. Зачастую случалось, что сколько отъ силы вѣтра, столько отъ густоты пыли какъ пѣшеходы, такъ и лошади останавливались для переведенія духа; солнце же скрывалось и становилось темнобагровымъ.

Въ такое время бездождя Тифлисъ съ своими окрестностями бываетъ очень непривлекателенъ. Дома, деревья, виноградники, цвѣтныя занесены густымъ слоемъ пыли. Все это вмѣстѣ съ выжженными полями представляетъ одинъ желто-сѣрый цвѣтъ.

Зато Тифлисъ быстро измѣняетъ свой наружный видъ послѣ дождя. Жаль только, что лѣтомъ дожди рѣдки, и что самый дождь бываетъ хотя силенъ, но непродолжителенъ. А что значитъ для раскаленной и выжженной почвы часовой ливень. Пройдетъ послѣ такого ливня нѣсколько часовъ, и смотришь, по немощенымъ тифлисскимъ стогнамъ изъ-подъ копытъ и колесъ, снова несется пыль и немилосердно область пѣшеходовъ.

Тифлисъ, обставленный высокими горами и изрѣзанный частыми и глубокими балками, почти каждый разъ послѣ лѣтняго дождя подвергается разрушенію. Страшно смотрѣть на быстрые потоки, несущіеся съ Мтацминда и тѣхъ горъ, на которыхъ находятся ботаническій садъ, Метехскій замокъ и Авлабаръ. Сколько родосточныхъ трубъ п подваловъ затопляется и заносится пескомъ и каменьями. Какія разрушенія и опустошенія претерпѣваютъ, напримѣръ, бѣдняки, скученные въ Колочей балкѣ или между Куками и Авлабаромъ. Иной разъ, какъ это было послѣ ливня 29 августа описываемаго года, подвергаются разрушенію и капитальныя зданія. Во время такихъ ливней бывають и смертныя случаи.

Въ 1858 году и осень была сухая и жаркая. Припомните ту жару, которая была во время проѣзда по Кавказу великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей въ концѣ сентября и началѣ октября. Кто изъ присутствующихъ не помнитъ, какая была теплынь во время двухсуточного пребыванія Ихъ Высочествъ на Караязской степи, гдѣ была такая великолѣпная охота, на которой, кромѣ другой дичи, десятками считалась убитая джейранъ. Вѣдь ночевали, обѣдали и танцовали въ палаткахъ и богатоубранныхъ шатрахъ. Можете себѣ представить огромность того шатра, въ которомъ обѣдало и танцовало до трехсотъ лицъ, принадлежащихъ къ туземной аристократіи и высшей служебной администраціи, и вокругъ котораго горѣли тысячи разноцвѣтныхъ фонарей, шкаликовъ и плошекъ.

И гдѣ же совершалось такое волшебное пиршество, уподобляющееся пиршеству изъ тысячи и одной ночи? На безводной, лишенной жизни и удаленной отъ Тифлиса на тридцать верстъ степи, которой во время лѣта бѣжитъ человекъ, боясь встрѣтиться съ ползающими по обожженной знойнымъ солнцемъ ея почвѣ змѣями и другими гадами. Даже джейранъ и сайга, наполняющія во множествѣ окрестныя лѣса, обѣгаютъ эту степь, на которой для нихъ нѣтъ ни пищи, ни воды. Однако Караязская степь, подобно Ширахской и Муганской, по своей почвѣ весьма плодородна; а потому правительство заботится объ ея ирригаціи, какъ находящейся въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, тѣмъ болѣе, что орошеніе Караязи не можетъ быть сопряжено съ затрудненіями по близости Куры и существованію слѣдовъ прежнихъ каналовъ.

Но если лѣто и осень 1858 года были жарки и сухи, сравнительно съ другими годами, то январь и февраль были сравнительно холодны и изобильны снѣгомъ.

Въ Тифлисъ морозы рѣдко когда бывають выше 5—8 градусовъ Реомюра и притомъ непродолжительны; а потому жители рѣдко когда прибѣгаютъ къ теплой одеждѣ, а тѣмъ болѣе шубамъ. Изрѣдка перепавшій въ декабрѣ и январѣ снѣгъ пролежить сутки, другія на

улицахъ, и если не будетъ сдуть вѣтромъ, то растаетъ отъ солнечныхъ лучей.

Зима же 1858 — 59 годовъ проявила себя исключительно особенной. Съ конца ноября начались морозы, и началъ перепадать снѣгъ. Съ послѣднихъ чиселъ декабря не только берега Куры обмерзли, но по быстрому теченію неслись тонкія льдины. 6 января, въ день Богоявленія Господня, населеніе Тифлиса, вмѣсто того, чтобы встрѣтить этотъ праздникъ, по обыкновенію на Курѣ подъ теплыми солнечными лучами, куталось отъ холода и рѣзкаго вѣтра въ теплыя пальто, плащи и даже шубы. Во второй же половинѣ января выпалъ такой небывалый для Тифлиса снѣгъ, что городъ съ его окрестностями покрылся бѣлой пеленой и образовалась прекрасная санная дорога, державшаяся около полумѣсяца. Только немногіе изъ тифлисцевъ, по неимѣнію саней, воспользовались саннымъ путемъ.

Зато намѣстникъ кавказскій умѣлъ воспользоваться небывалой зимой, угостивъ на масляницѣ чисто по-русски тифлисскую аристократію катаньемъ на саняхъ и съ ледяныхъ горъ, чѣмъ удивилъ не только тифлисскій народъ, но и самихъ участниковъ этого громаднаго и неожиданнаго удовольствія.

Можете себѣ вообразить, какая «тамаша» произошла между тифлискимъ населеніемъ, когда болѣе 50 саней, запряженныхъ тройками съ колокольчиками и бубенчиками, понеслись по Головинскому проспекту, Салалакамъ, Кукамъ и другимъ улицамъ Тифлиса. Заслышавъ стукъ копытъ такого огромнаго числа лошадей и звонъ развѣшанныхъ на нихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, одни изъ мирныхъ обитателей съ изумленіемъ подбѣгали къ окнамъ, а другіе, поспѣшно бросая свои занятія, выбѣгали на улицу и съ выпученными глазами удивленія смотрѣли на мчавшіяся мимо ихъ сани. Толпы же уличныхъ гулякъ и мальчишекъ, едва переводя духъ, или бѣжали за послѣдними санями, или оббѣгая переулками и знакомыми имъ проходами, громкими привѣтствіями встрѣчали переднія сани. И не будемъ удивляться такой тамашѣ, если припомнимъ, что не только простой народъ имѣлъ слабые понятія о санной дорогѣ и ѣздѣ въ саняхъ, но что изъ числа ѣхавшихъ въ нихъ нѣкоторые въ первый разъ совершали такую прогулку.

Немало труда и хлопотъ нужно было употребить на то, чтобы приготовить такое огромное число саней съ троечною русскою упряжью и автомедонами, тѣмъ болѣе, что по желанію князя-намѣстника такое катанье должно было сохраняться втайнѣ. Но по ловкости и распорядительности управлявшаго почтовымъ вѣдомствомъ Коханова, несмотря на короткій срокъ, сюрпризъ удался вполне. Много помогли сани, лошади и ямщики, находившіеся на почтовыхъ станціяхъ черезъ Кви-

намскій переваль, что между Паганауромъ и Казбекомъ, гдѣ приходится часто переѣзжать главный хребетъ на саняхъ.

Вполнѣ удалось и катанье съ ледяныхъ горъ. Чтобы сохранить втайнѣ и это небывалое въ Тифлисѣ удовольствіе, горы были устроены въ саду намѣстника, въ которомъ оказалось и достаточное мѣсто въ одной изъ аллей, и въ изобиліи ледъ въ замерзшихъ прудахъ. Катанье съ горъ въ тихую лунную ночь, при 5—7 градусахъ мороза, при освѣщеніи разноцвѣтными фонарями, развѣшенными фестонами по деревьямъ, и шкаликами, сгруппированными въ звѣзды, пирамиды, щиты, и роскошномъ угощеніи,—показалось бы прекраснымъ и для искусственныхъ въ этомъ удовольствіи.

Можете же себѣ представить, какъ оно восхитило, поразило, удивило тифлисцевъ, никогда не видавшихъ у себя ледяныхъ горъ и не имѣвшихъ малѣйшаго понятія о катаньи съ нихъ поодиночкѣ въ саняхъ и гурьбой на коврахъ.

Далеко за полночь веселились собранные у князя гости, а толпы удивленнаго народа глазѣли черезъ ограду сада на это небывалое веселье. Далеко за полночь раздавались взрывы хохота надъ неопытнымъ или неловкимъ возницей опрокинутыхъ санокъ. Далеко за полночь слышались испуганные, прерывистые крики летѣвшихъ съ горъ на коврахъ. Еще позднѣе кишѣли толпы народа вокругъ сада и по Головинскому проспекту. Еще позднѣе раздавалось гудѣніе зурны и бубна, смѣшанное съ крикливымъ пѣніемъ уличныхъ гулякъ.

АРАКЧЕЕВЪ—ЕРМОЛОВУ.

С.-Петербургъ. Дек. 12 дня 1807 г.

Милостивый Государь

Алексѣй Петровичъ!

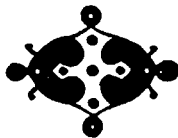
При оставленіи, по болѣзни моей, командованія артиллерійскимъ департаментомъ, я почелъ пріятнымъ себѣ долгомъ отличить роту, вамъ командуемую, предъ государемъ императоромъ, испрося на имя ваше Высочайшій, у сего препровождаемый рескриптъ, не имѣя ничего болѣе у себя въ виду, какъ то, чтобы доказать вамъ, милостивый государь, то уваженіе, которое я всегда имѣлъ къ службѣ вашей, а васъ прося при ономъ случаѣ, дабы вы остались ко мнѣ всегда хорошимъ пріятелемъ,—чего желаетъ пребывающій къ вамъ съ почтеніемъ и преданностью

Милостивый Государь

покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

**Г. полков. и Кавалеру
Алексѣю Петровичу
Ермолову.**

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга вторая.

ПОВѢСТВОВАНИЕ

Священно-архимандрита отца Фотія ¹⁾).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЛѢТО 1822 г.

Новая святая обитель св. великомученика Георгія—Юрьевъ монастырь.

Новая жизнь и дѣла отца Фотія въ Новѣ-градѣ въ первоклассномъ Юрьевѣ монастырѣ архимандритомъ: какія построенія въ его время были, люди, обстоятельства, дѣла прикосновенныя по ревности ко благу церкви и вѣры Христовой, и отечеству, и какія были собственно противны своими дѣйствіями.

Исходъ отца Фотія изъ Сквородской обители и введеніе въ новую древнюю обитель Юрьевъ монастырь 1822 года 4 сентября въ понедѣльникъ.—Бѣдность Юрьева монастыря и разстройство.—Причина разстройства монастыря.—О частныхъ посланіяхъ отца Фотія къ дѣвцѣ Аннѣ, дочери своей.—Откровеніе во снѣ отцу Фотію о пожарѣ въ обители и соженіи зимнія церкви.—Дочь духовная дѣвца Анна посѣщаетъ въ первый разъ Юрьевъ монастырь.—Посѣщеніе отца и родины въ первый разъ въ монашествѣ.

Прѣхавъ, архимандритъ Фотій въ Новѣ-городъ въ обитель архангела Михаила, называемую Сквородскую, вскорѣ пріуготовился изъ оной выбыть въ новую Богомъ данную святую обитель. 4-го числа сентября рано поутру помолился Господу Богу, приложился ко святымъ мощамъ святителя Мовсея, отправился въ Новѣ-городъ для благословенія ко владыкѣ викарію Сильвестру явиться въ духовную консисторію, гдѣ былъ объявленъ первымъ членомъ онаго духовнаго мѣстнаго судебнаго сословія, получилъ указъ по общему порядку на входъ въ обитель. Ар-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1895 г. кн. 2.

мандрить же Иннокентій антоніевскій и ректоръ семинаріи получилъ указъ ввести Фотія, какъ руководитель. Настаетъ полдень, въ оное время онъ съ архимандритомъ Иннокентіемъ на коняхъ прибылъ бо вратамъ святой обители святаго славнаго великомученка и побѣдоносца Георгія.

Братія обители и бывшіе ближніе знаемые настоятели срѣтають во вратахъ обители; братство выноситъ крестъ на блюдѣ, послѣ благовѣста въ большой колоколъ (начавшагося въ то время, какъ изъ града на брегъ рѣки Волхова ѣдучи явился) начался звонъ во всѣ колокола; колесница подъѣхала ко вратамъ близъ, гдѣ вынесенъ крестъ святой, съ кадилами во облачсіяхъ священно-діаконы предстоятъ, кадяще, другіе же во облаченіи съ дикиріями и трикиріями; исходитъ руководитель сего введенія Иннокентій архимандритъ. Сердце его возмутилось все нѣкіимъ слезно-радостнымъ трепетомъ, чувствуя благодать, духъ Господень на себѣ, услаждающій умъ и сердце; возвелъ горѣ очи свои и молился втайнѣ сердца своего, да будетъ съ нимъ и обителию благодать Божія, да благословитъ самъ Господь вхожденіе его въ обитель, да утвердитъ стопы его во обновленіе и устроеніе ея, дабы ему наслѣдовать въ ней иную обитель, уготованную на небесахъ, неруководворенную. Какъ сіе чувство исполняло умъ и сердце его, шагнулъ Фотій изъ колесницы, и самъ не знаетъ, какъ съ одной ноги у него совершенно (какъ бы силою видимою руки человѣческія) сапогъ снялся, и онъ безъ сапога сталъ ногою. Вострепеталъ онъ отъ силы Божія, не мечталъ при взорѣ всѣхъ, но помянулъ тотчасъ, что не есть ли сія обитель ему тоже, яко Іакову нѣкогда Израилю мѣсто, гдѣ почивалъ. Бѣдная обитель сія, страшно мѣсто сіе, и нѣсть сіе простое мѣсто, но домъ Божій и сія врата небесная ему къ Богу. Сила бо Господня ему сотворила, да якоже Моусей святой пророкъ, празднуемый, приходяй къ видѣнной огненной купинѣ, долженъ былъ безъ сапоговъ прійти, яко земля свята была, гдѣ его ноги стояли; тако сотворила сила Господня, что и Фотій сталъ на землѣ святой обители безъ сапога; да видеть въ нее, совлекшись всякой скверны, и не изидеть изъ нея; а въ ней, яко сапогъ, да почиетъ бременное его тѣло отъ трудовъ. Благословляя тако Бога Господа предъ вратами, вскорѣ старался онъ надѣть сапогъ на свою ногу; надѣвъ же, подшелъ ко вратамъ, гдѣ надъ поклонился въ землю, сотворивъ три поклона, дѣловалъ крестъ святой; пріялъ жезлъ и съ пѣніемъ шелъ при стеченіи разнаго рода людей по пути во храмъ Господень. Вошедъ въ оный, былъ остановленъ посередѣ церкви; гдѣ объявленъ указъ всѣмъ, что онъ сдѣланъ въ Юрьевъ монастырь архимандритомъ, дана имъ присяга сряду, архидіаконъ началъ читать о здравіи ектенію, говоритъ многолѣтіе; и въ то время въ растворенныя царскія врата вшедъ во святой олтарь, лобзалъ онъ

престоль, поклоны сотворяя, мѣстныя иконы, приложился къ мощамъ святаго Θεоктиста, благословилъ братію, и съ ними поздравляющими цѣлованіе сотворилъ въ плечо, дая прежде цѣловать святыи крестъ. Самъ же на амвонѣ стоялъ, гдѣ приходя по порядку всиъ, поклоняясь, цѣловалъ крестъ въ рукѣ его и обнимаясь въ плечо цѣловался съ настоятелемъ. По семъ въ келии настоятельскія съ пѣніемъ введенъ, въ одной рукѣ имѣя жезлъ, а въ другой—святыи крестъ; гдѣ отпустивъ братію въ трапезу, угощалъ особъ духовныхъ и прочихъ пришедшихъ поздравить его на своей трапезѣ; благословилъ всѣхъ приношеніе принесшихъ на входѣ и дарилъ; боярина Василя Ивановича Семеновскаго ¹⁾, христоролюбиваго и монахолюбиваго старца за принесеніе разныхъ многихъ плодовъ на сей входѣ благодарилъ вселюбезно. Какъ нечего было дѣлать, а собравшіеся на трапезу гости и послѣ трапезы лица духовныя, настоятели и мірскія власти, протоіерей и іерей еще желали пробыть нѣкоторое время въ веселіи, то онъ началъ канонъ пѣть: Волною морскою, и всѣ съ нимъ пѣли, услаждались духовно и тѣлесно. А по семъ всякъ отбылъ во-своиъ.

По входѣ своемъ въ обитель того же дня по вечеру приходитъ намѣстникъ и говоритъ: отче! хлѣба въ обители нѣтъ вовсе, братіи нечего ѣсть, денегъ нѣтъ никакихъ для искупленія нужнаго: что повелишь сотворить? Удивился Фотій таковой скудости обители и братства, помышлялъ въ себѣ, како еще доселѣ остальные всѣ братія не разбредлись. Тогда у него былъ запасъ хлѣба въ Новѣ-градѣ по случившемся неурожаю и гладу по мѣстамъ близъ Нова-града отъ безведрія въ 1821 лѣто, то повелѣлъ весь хлѣбъ вдругъ на нанятыхъ коняхъ везти въ обитель Юрьевскую изъ Нова-града, коего хлѣба было яко кулей сто и пятьдесятъ; вдругъ на лошадахъ привезли множество всякаго хлѣба и наполнили всѣ мѣста праздныя хлѣбомъ. Далъ на содержаніе трапезы деньги и велѣлъ на собственный свой счетъ питать всю братію, и все въ церкви содержать и службы; между тѣмъ снялъ монастырь весь отъ прежняго настоятеля, старался раскрытую церковь въ Новѣ-градѣ святыхъ Женъ мѣроносицъ на подворьѣ покрыть, которая отъ мѣстнаго городского начальства по притѣсненію прежняго архимандрита была раскрыта и стояла безъ покрытія болѣе четырехъ мѣсяцевъ; ибо начальство требовало по законамъ своимъ исправить, а монастырь не имѣлъ состоянія: по просьбѣ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ едва достигъ Фотій до того, что до зимы могъ покрыть. Несмотря на слабость здравія своего, не имѣя никакихъ

¹⁾ Помѣщикъ Василій Ивановичъ Семеновскій—самый близкій сосѣдъ Юрьевскаго монастыря, впоследствии продавшій свою землю и усадьбы графинѣ А. А. Орловой. Фотій ошибочно назвалъ его Семеновскимъ.

средствъ, ниже дороги ѣздить въ городъ для надзора за покрѣтїемъ церкви, ѣздивъ въ октябрѣ въ самое ненастное время по берегу рѣки и по грязнымъ дорогамъ градскимъ къ церкви святыхъ Женъ Мученицъ. Сколько его веселили древность и высокость монастыря Юрѣва, столько бѣдность ¹⁾ и совершенная обветшалость по всѣмъ частямъ внутри и снаружи монастыря тяготила. Всюду были крыши гнилы, стѣны падающія, то входы, то проломы, а видѣ церковь и кельи были внѣ ограды, какъ напримѣръ корпусъ съ зимнею церковію, службами и трапеза,—все было внѣ ограды. Вездѣ было то разбито, то непокрыто, то изгнило, то разбросано и не убрано: лѣсъ дикой, осина росла по монастырю: вinya кельи были и стояли на краю горы и уже на бокъ базались вскорѣ имѣющими пасти отъ трещинъ внизъ горы. Видѣ послѣ пожаровъ въ церквахъ одни гнѣзда птицъ разныхъ были; весь монастырь былъ какъ бы послѣ непріятеля въ разстройствѣ; почти никто ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ прійти въ Юрѣвъ монастырь въ число братіи на жительство. Наполненъ былъ монастырь присланными подъ надзоръ въ наказаніе, не имѣющими, гдѣ глаголюще, преклонить, исключенными разнаго рода людьми; уставомъ церковнымъ правилъ въ обители въ праздники крестьянинъ простой, служитель монастырскій нарядный, онъ былъ лучшій чтець и уставщикъ. Не возможно описать, въ какомъ разстройствѣ былъ монастырь.

Скудость, разстройство были отъ того, что почти никто изъ настоятелей самъ долгое время не жилъ, а токмо числились: послѣ Парсена архимандрита съ 1809 года 16 апрѣля настоятели архимандриты: Евграфъ, ректоръ академіи, вовсе не жилъ и не былъ, Сергій Крыловъ тоже. Амвросій, ректоръ Новгородской семинаріи, также не жилъ, а случайно прїѣзжалъ; Филаретъ Дроздовъ, ректоръ академіи, также не жилъ; Иннокентій Смирновъ, ректоръ семинаріи Санкт-Петербургской, не жилъ, но помышлялъ нѣчто исправить, и уже изъ казенной суммы испросилъ около 16 тысячъ рублей; Владиміръ Ужинскій, ректоръ Новгородской семинаріи, и Дамаскинъ законоучитель, два настоятеля сіи были въ одинъ годъ 1819; послѣ всѣхъ по настоянію ярославскаго архіепископа, бывшаго въ Синодѣ, сдѣлавъ 70 лѣтъ старецъ, архимандритъ Анатолій, 1820 года февраля въ Юрѣвъ, и былъ

¹⁾ Бѣдность и запустѣніе Юрѣва монастыря достигли крайней степени. „Юрѣвъ монастырь, такъ писала графиня Орлова въ своихъ запискахъ, время отъ времени въ такое пришелъ крайнее запустѣніе, что уже никакихъ обновленныхъ средствъ высшее духовное начальство не имѣло въ виду къ поддержанію его“. „Жизнь графини Орловой“—Елагина, стр. 100, 119, 120. По прїѣздѣ въ Юрѣвъ монастырь, Фотій всюду встрѣтилъ слѣды разрушенія: монастырь по внѣшнему своему виду казался пепелищемъ послѣ великаго опустошенія. Макарій. „Истор. описаніе Юрѣва монастыря“, 8—9.

по 1822 годъ августа 21 день до поступленія семьдесятъ шестаго настоятеля архимандрита Фотія Спасскаго. Какъ по старости, такъ и по совершенной своей неспособности совершенно сей Анатолій разорилъ Юрьевъ монастырь; даже гору песка, защищавшаго монастырь отъ наводненія съ озера Ильмена и рѣки Волхова, въ городѣ за малую цѣну распродавъ и тѣмъ далъ свободу водѣ съ южной стороны ограду и башню подмытъ до крайней опасности. При всѣхъ бывшихъ настоятеляхъ, получавшихъ одно жалованье и содержаніе съ монастыря себѣ, не имѣвшихъ же никакого попеченія объ немъ, монастырь Юрьевъ доведенъ былъ до того, что надлежало бы уничтожить уже положеніе штата первокласснаго, ежели бы не было свыше особенной помощи отъ Бога. Многихъ суммъ требовалось въ Новѣ-градѣ, бѣдномъ губернскомъ мѣстѣ, возставить Юрьевъ монастырь и доставить ему содержаніе: ни рыбныхъ ловлей, ни мельницъ, ни доходовъ церковныхъ, ни пахоты, ни достаточнаго покоса не было; Юрьева не было бѣднѣе въ содержаніи изъ всѣхъ околородныхъ монастырей; у крестьянъ часто фунтами хлѣбъ покупали въ монастырь.

Утвердився въ обители, Фотій помышлялъ много, какъ бы скорѣе и лучше обновить обветшавшую обитель; но болѣе всего день и ночь заботу и печаль сердца имѣлъ, како бы притомъ пособіе въ дѣлахъ церкви и вѣры сотворить, ходъ ересей, сектъ, нововведенныхъ и поддерживаемыхъ отъ самаго министра князя Голицына, остановить и отвратить его отъ приверженности къ злобѣ, ея же уловленъ былъ совершенно во вредъ святой церкви все дѣйствовать, и аще бы слагалъ тайно на сердцѣ своемъ, аще возможно будетъ и Богу угодно, како бы самое министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить и все по-прежнему уставить, не нарушая церковной іерархіи. Посему поддерживая связь, сдѣланную на время для согласія митрополита съ княземъ, писалъ о дѣлахъ вѣры и разныхъ къ тому касающихся обстоятельствахъ часто къ митрополиту посланія, князю Голицыну, къ духовнымъ дѣтямъ—знатнымъ вельможамъ, и прочимъ могущимъ дѣйствовать словомъ или дѣломъ въ пользу церкви святой. А особенно писалъ часто и неопустительно въ назначенное время каждую почту посланія дщери дѣвицъ Ангѣ, какъ для утвержденія ея въ дѣвическомъ состояніи, такъ и во всякомъ благочестіи; притомъ внушалъ ей въ сердце о ревности по вѣрѣ. Всѣ же посланія писалъ сперва какъ сестрѣ о Господѣ, а потомъ какъ дщери своей о Дусѣ Святѣ, прямо истину, слово и дѣло излагая, дабы она могла во всякомъ случаѣ дѣйствовать на сердца имѣющихъ державу сокрушать плевелы среди пшеницы.

Въ сіе время какъ во едину ночь возлегъ на одрѣ почить Фотій, видѣлъ откровеніе во снѣ, что Юрьевъ монастырь въ пожарѣ, а именно: зимняя церковь, въ которой онъ служилъ въ осеннее время. Видѣніе ему

было тако: казалась зима, служу въ церкви зимней, говорилъ онъ, съ полудня свѣтъ въ окна церкви свѣтитъ; стою я во святомъ олтарѣ во всемъ облаченіи, и совершаю божественную литургію. Се слышу шумъ, смятеніе и гласъ, и тотчасъ вижу, что церковь горить; я спѣшилъ въ ней поскорѣе служить, дабы совершить Святыя Тайны, но вижу, что огонь вошелъ въ церковь, приближился ко мнѣ, началъ обниматься пламенемъ иконостасъ и въ самыя царскія врата входить; тогда я, видя предъ собою Святыя Тайны еще несовершенныя призываніемъ Святаго Духа, не имѣя нисколько времени, дабы огнемъ не были потреблены, тотчасъ все пріялъ съ дискоса и употребилъ, помышляя такъ въ себѣ, пусть же я самъ сгорю со всѣмъ, а не дамъ Святымъ Тайнамъ горѣть; самъ не знаю, какъ остался я цѣлъ; сіе мнѣ навело явленіе страхъ великъ, и я, возставъ послѣ отъ дреманія, размышлялъ о семъ много, что значить сіе.

Около дней праздника святаго Архангела Михаила въ ноябрѣ, бнѣ уволена отъ дарицъ, супруги и матери, Елисаветы и Маріи, дщерь дѣвица Анна, прѣзжая на зимнее время въ Москву, благоволила прибыть въ Юрьевъ монастырь и остановилася на нѣсколько дней въ домѣ господскомъ на горкѣ, у Пантелеймона близъ Юрьева монастыря, который она послѣ себѣ купила со всею землею и отдала въ монастырь Юрьевъ. Въ сіе время она приходила ко службамъ церковнымъ, посѣщала Фотія для назиданія души своея. Онъ же ей болѣе день отъ дня старался внушать о храненіи себя навсегда въ дѣвическомъ состояніи, въ благочестіи и всякой правдѣ; а притомъ сказывалъ, какое зло быть можетъ отъ злобы духовнаго министерства всей церкви, всему государству отъ разныхъ нововведеній, ересей, сектъ и обществъ другаго рода, подъ благодивною личиною существующихъ. Уже зло великое частію сдѣлалось, частію дѣлается и имѣетъ быть впредь горшее, ежели Богъ не отвертитъ око десницею своею сильною, не заградитъ уста зловѣрія, не смритъ мудрованіе Филарета ¹⁾ съ его сотрудниками въ Библейскомъ обществѣ, не исправитъ мудрованіе плоти въ немъ, по крайней мѣрѣ, дабы онъ, вредя себѣ, другимъ не могъ вредъ наносить своимъ мудрованіемъ, перевода истовое слово священнаго писанія и измѣняя напрасно истину для единныя своея славы земныя, и дабы тайны своихъ мудрованій суетныхъ и вредныхъ всѣять тайно или явно въ сердца могущихъ принять духъ враждебный. Опасаясь, дабы враги святаго церкви и вѣры не имѣли случая къ большому злорѣчію, какъ самъ былъ еще Фотій не совсѣмъ терпѣливъ, при молвѣ міра худой о немъ проносимой, еще имѣлъ въ сердцѣ своемъ быть безъ всякаго поношенія, аще возможно, то чрезъ нѣсколько дней богомоленія, противу желанія, совѣто-

¹⁾ Митрополитъ московскій.

валь дѣвицѣ дшери въ домъ свой въ Москву отъѣхать, обѣщаяся писать о всемъ.

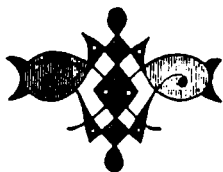
Ходя часто по обители и смотря на верхи крышъ и стѣны зданій, и всѣ вещи обветшавшія, началъ помышлять, како бы въ грядущее лѣто обновленіе учинить въ обители, и уже около шестидесяти тысячъ денегъ успѣлъ втайнѣ приуготовить, которыя всѣ присылали собственно ему на его нужды, и Бога ради. Онъ заранѣ себя всего отдалъ Богу и все съ собою ему отдавалъ въ душѣ своей. У него не было различія съ Богомъ и церковію Его ни въ чемъ: когда нужно, бралъ изъ церкви, положивъ себѣ нѣчто въ милостыню и на прочія благія дѣла; а въ церковь все сряду отдавалъ, дабы тѣмъ доказать Богу явно, что Его любилъ всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслию своею (Марк. XII, 30), паче всего искалъ царствія небеснаго и единаго на потребу (Лук. X, 42) спасенія вѣчнаго, самъ себя и весь животъ свой Христу Богу предавалъ.

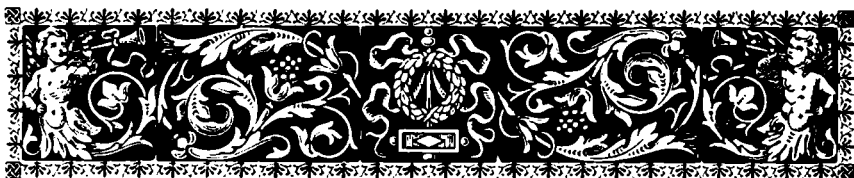
Во дни праздника Рождества Христова, исправивъ первые дни онаго, восхотѣлъ въ монашествѣ первый разъ посѣтить родителя въ домъ его, гдѣ родился—въ Тесовѣ, въ Спасскомъ погостѣ, Новгородскаго уѣзда, разстояніемъ въ пятидесяти пяти верстахъ живущаго. Особенно желалъ быть на гробъ рождшія его матери возлюбленныя Евеміи, и сотворить память о ней. Съ Божією помощію имѣлъ время благоприятно, былъ въ домѣ отца, на гробъ родительницы, посѣщалъ ближнія святыя церкви сельскія для поклоненія, служилъ храму вездѣ молебны, давая плату на церковниковъ. Сіе дѣлалъ для того, что до монашества въ дѣтствѣ и юншества бывалъ въ оныхъ церквахъ, молился всегда усердно, дабы Богъ его не забылъ, въ крестныхъ ходахъ пѣвалъ пѣсни Господни, у Николая Чудотворца былъ, дабы особенно отдать честь праху крестнаго отца своего, нѣкогда въ недѣлю Пасхи въ разлитіе водъ ношію утонувшаго. Въ церкви Успенія Богородицы онъ былъ, дабы матери крестной Евдокии отдать честь старицѣ, живущей въ хижинѣ смиренной. У Климента папы римскаго былъ, дабы видѣть новую церковь, послѣ пожара отстроенную, и сдѣлать нѣкое пособіе; у господина Балле былъ, дабы сдѣлать честь за ту любовь, которую онъ ему оказалъ въ юншества, и когда былъ смертельно боленъ; онъ же старался его врачевать. И весьма радъ былъ, исправивъ сіе дѣло совѣсти своея, и Бога благодарилъ. На гробъ же матери бывъ, не могъ не рыдать: поминалъ любовь матери своея къ себѣ, и како она его спасая еще во чревѣ (какъ слышалъ), когда носила, всегда крестила и молитвы Богу о немъ, сущемъ во чревѣ, приносила, родивши его посвящала Богу; когда приближалась къ успенію своему, то поручила его Матери Божіей, давъ ему Ея икону Знаменія нарицаемую, которую до днесь имѣетъ у себя. О, благословенъ плодъ чрева, который утробу ро-

дившую — мать свою почитаетъ, память по ней творить! Великую благодать и милость тотъ самъ себѣ отъ Бога восхищаетъ.

Симъ окончился 1822-й годъ при началѣ его настоятельства, и начался новый годъ; симъ довершается все разореніе Юрьева монастыря, и начинается обновленіе онаго, постепенно бывшее чрезъ десять лѣтъ настоятельства, то-есть, отъ 4-го сентября 1822 года по 1834-е лѣто, въ каковомъ благолѣпномъ видѣ внѣ и внутри вся обитель Юрьевская находится нынѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Инструкція моея женѣ, вице-губернаторшѣ Тверской губерніи.

Пунктъ 1-й.

Хоть ты и очень мнѣ мила,
Однакоже отнюдь не смѣй входить въ дѣла,
Ни по которому палаты отдѣленью!
Не твоему, а моему вѣдь управленью,
Палата здѣшняя поручена,—
Вице-губернаторшѣ нѣтъ дѣла до вина.
Въ моемъ распоряженіи, власти —
Вино, и хлѣбъ, и соль,
И деньги, и контроль, —
Я не вхожу въ дѣла по вашей дамской части
И слушаться въ дѣлахъ казны — не стану дамъ,
Не Эва ты, я не Адамъ:
Не дамъ прельстить себя изгибистому змѣю,
Льстецовъ, наушниковъ и сплетниковъ — всѣхъ въ шею!
Смотри жь! Пока живѣмъ въ Твери
Ни съ кѣмъ не говори
Ни про уѣздное правленіе,
Не говори о томъ ни съ кѣмъ — ниже со мной,
Не долженъ говорить мужъ о дѣлахъ съ женой!
Противно это учрежденью

О управленіи губерній—наставленью,
Палатамъ давному;—въ уставѣ жъ о винѣ
Не сказано, чтобъ мужъ давалъ отчетъ женѣ.

Пунктъ 2-й.

Не будь, сударыня, болтлива,
Не будь горда, самолюбива,
А болѣе—спѣсива!
Коль станешь говорить при комъ, то рѣчью не слѣши,
Скороговоркою въ собраньяхъ не смѣши:
Не то—такъ назовутъ насмѣшники чечоткой,
Повѣсой, иль трещѣткой.
Съ торговокъ барынямъ примѣры стыдно брать,
Имъ должно говорить порядочно, не врать!
Кто старѣе тебя—тѣхъ выше не садись,
Всегда имъ мѣсто уступай,
Вицъ-губернаторствомъ пустымъ не возносься,
И дамою себя—второю не считай.
Хоть первый я, въ Тверской губерніи, поэтъ,
И въ храмъ безсмертія мной кончена дорога,
Но я горжусь ли тѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ!
Къ тому жъ таланты всѣ имѣемъ мы отъ Бога,
Чины жъ даетъ Сенатъ, не только государь,
По мнѣ, хорошій секретарь и даже регистраторъ
Почтеннѣе, чѣмъ злой, глупецъ нашъ губернаторъ!

Пунктъ 3-й.

Изъ сплетницъ ежели составишь штатъ себѣ,
Которыя придуть къ тебѣ
Съ улыбкою и стануть цѣловать не въ щечки—въ плечи
И будутъ говорить насчетъ другихъ нарочно злыя рѣчи:
Чтобъ попросила ты меня о комъ-нибудь,
Дать мужу, на примѣръ, чиновъ, или мѣстечко,
Племянничка опредѣлить,
Для кума, покривить душой въ опредѣленьи
Иль словомъ: какъ-нибудь кого по службѣ притѣснить,—
Ты не прогнѣвайся—взбѣшуся!
На старости—съ тобою разведуся,
Серьезно говорю!
А сплетницъ—кофеемъ горячимъ обварю,
Пусть жалуются хоть царю!

Пунктъ 4-й.

Передъ гостями,
 Не осыпай меня смѣшными похвалами,—
 Не говори:
 Какъ мучится мой бѣдный мужъ въ Твери!
 Одышка сдѣлалась, отъ дѣлъ насилу дышетъ,
 А бѣдненькой, съ утра до поздней ночи пишетъ,—
 За дѣломъ онъ всегда,
 Повѣрь другимъ—бѣда!
 Способностями къ дѣламъ давно онъ всѣмъ извѣстенъ,—
 А какъ уменъ, какъ добръ, какъ честенъ!
 Ужъ не возьметъ ни за что ни съ кого,—
 Зато—и нѣту ничего,
 Долги! а смотришь: какъ берутъ другіе,
 Такой-то, напримѣръ, недавно купилъ домъ,
 Признаться: пополамъ съ грѣхомъ,—
 И строится теперь,—да бревна-то какіе!
 Подобныхъ пустяковъ—отнюдь не говори!
 Не должно увѣрять намъ о себѣ словами,
 А знаешь чѣмъ?—Дѣлами!
 Повѣрь, не дураки въ Твери;
 Уменъ ли кто, такъ это видно,—
 А если жъ глупъ—ему жъ и стыдно,
 А если золь—такъ грѣхъ!
 И будетъ тотъ у всѣхъ
 Не только въ отвращеньи,
 Но даже въ омерзеньи.

Ал. Измайловъ.

II.

Письмо князя Мещерскаго къ П. Д. Киселеву по поводу Семеновской исторіи.

Милостивый Государь

Павель Дмитриевичъ!

Дабы предупредить ложные слухи или пристрастные рассказы о прозвѣствіи въ Семеновскомъ полку, я долгомъ считаю довести до свѣденія вашего превосходительства подробное онаго описаніе будучи

во многихъ случаяхъ очевиднымъ свидѣтелемъ. 17-го числа въ субботу 1-я рота 1-го баталіона въ 8 часовъ вечера собралась самовольно какъ будто къ переключкѣ. Когда фельдфебель сказалъ имъ, что переключки еще нѣту, тогда они ему объявили, что желаютъ видѣть своего капитана и просятъ попросить его къ намъ, ибо имѣютъ принести ему жалобу единогласно. Послали за Кашкаровымъ — не застали его дома — искали по городу и въ 11-мъ часу явился онъ къ солдатамъ. Они ему объявили, что не могутъ переносить болѣе тиранства полкового ихъ командира Шварца, что весь полкъ рѣшился просить о другомъ начальникѣ и что съ сей роты такая просьба начинается. «Ваше высокоблагородіе насъ умѣе», — сказали они, — «сдѣлайте какъ думаете лучше, лишь бы главное начальство узнало о нашей жалобѣ и вошло въ несчастное наше положеніе». Кашкаровъ отвѣчалъ: «Я не могу сдѣлать этого мимо полкового командира, но обѣщаю вамъ доложить о томъ выше. Теперь ложитесь спать, завтра все поправится». Они пошли спать. Кашкаровъ тотчасъ увѣдомилъ о семъ Шварца и генерала Васильчикова и ужасное слово «взбунтовалась государева рота», — произнесено громогласно. Васильчиковъ въ 1-мъ часу посылаетъ Бенкендорфа спросить у преступниковъ: «что это значитъ». Бунтующихъ солдатъ перебудили и собрали къ отвѣту. Они сказали, что тиранства Шварца превосходятъ мѣры ихъ терпѣнія, что они употребляли всѣ средства для обнаруженія ихъ положенія, но что ихъ не слушали. Нѣкоторые солдаты и унтеръ-офицеры, жертвуя собою, ходили объявлять о томъ въ ордонансъ-гаусъ, но ихъ били, отсылали въ свои мѣста и шефа не укрощали. И что наконецъ просили они своего капитана и его просить довести о томъ до свѣдѣнія главныхъ начальниковъ, о чемъ и весь полкъ просить. Генералъ сказалъ: «Хорошо, я перескажу все корпусному командиру, а вы ложитесь спать». Бунтовщики легли спать. На утро воскресенья съ тѣмъ же присланъ былъ Бистромъ и то же ему солдаты сказали. (Между тѣмъ въ понедѣльникъ семеновской караулъ — солдаты зачали чистить амуницію и сдѣлали расчетъ). Васильчиковъ посылаетъ великаго князя Михаила Павловича усмирить бунтовщиковъ и поступить съ ними, какъ военная дисциплина повелѣваетъ. Его высочество прѣвѣщаетъ въ роту и солдаты еще разъ повторяютъ тоже. Начинаются сужденія: что съ ними дѣлать. Двѣ павловскіихъ роты отражены къ эзерциргаузу, а ротѣ семеновской въ 6-ть часовъ вечера велѣно идти туда же. Она пошла, — безъ ружей. Павловскіе имѣли по три патрона и однимъ зарядили ружья на Дворцовой площади. Рота пришла, ее окружили и отвели въ крѣпость. Сколь скоро о томъ въ полку узнали, то весь полкъ пришелъ въ волненіе. Солдаты спать не ложились, въ два часа ночи всѣ вышли передъ полковой дворъ и рѣшились нейти въ караулъ, если не отдадутъ имъ ихъ 1-ю роту, ибо всѣ они одно гово-

рять, одного желаютъ и одинаково виноваты, если первая рота виновата. Приѣзжаетъ Васильчиковъ: «стройся!» 2-й и 3-й баталіоны построились, а 1-й сказалъ, что нельзя ему строиться, ибо головы нѣтъ,—тогда и тѣ два разошлись, закричавъ: «отдайте намъ нашу 1-ю роту». Солдаты были въ фуражкахъ и шинеляхъ и совершенно безъ оружія. Васильчиковъ въ 4-ре часа ночи поѣхалъ къ Милорадовичу, разбудилъ его самъ и просилъ его вступить въ это и поговорить съ солдатами, сказавъ: «солдаты васъ любятъ и кромѣ васъ некому намъ помочь». Графъ съ нимъ поѣхалъ въ полкъ и вошелъ къ солдатамъ: «Что это, братцы, такъ ли я васъ привыкъ видѣть: въ толпѣ и въ непослушаніи». Всѣ къ нему: «Ваше сіятельство! вы насъ знаете, было ли это когда-нибудь; но насъ мучаютъ, не хотятъ слушать и никто за насъ не вступается; войдите въ наше положеніе, заступитесь за насъ; Богу и Государю вѣрны, но тиранства болѣе сносить не въ состояніи». Тутъ зачали они просить о 1-й ротѣ и сказали, что сдѣлаютъ все, что угодно, если имъ ее отдадутъ. Генералы всѣ поѣхали толковать, а между тѣмъ нѣкоторые солдаты вошли въ домъ Шварца, разбили тамъ три стекла и зеркало. Можетъ быть пошло бы это и далѣе, но сторожъ въ комнатахъ, объявивъ имъ, что Шварца нѣтъ (онъ въ то время скрылся и не прежде появился на свѣтъ, какъ на третій день по происшествіи), сказалъ: «Эхъ братцы! что вы казенное портите, вить на насъ взыщется». «Правда»,—сказали они,—«что ихъ въ бѣду вводить» и вышли вонъ. Вошедшихъ солдатъ было, какъ говорятъ 13 человекъ. Протяву трехъ тысячъ сихъ фуражечныхъ и шинельныхъ бунтовщиковъ, вооружили весь петербургскій гарнизонъ; на 12-ти передкахъ забрали боевыхъ патроновъ съ картечью на 30 пушекъ изъ лабораторіи; кавалергардовъ и конную гвардію посадили на коня. Орловъ говорилъ рѣчь какъ за Бога, Царя, военную дисциплину и Шварца, надо стрѣлять и рубить хорошенько семеновскихъ солдатъ. Два баталіона лейбъ-гренадеровъ съ боевыми патронами поставлено около крѣпости. Полагали, вѣроятно, что пойдутъ выручать 1-ю роту, послано за драгунами въ Петергофъ. Положено было приступить вдругъ со всѣхъ сторонъ, и когда къ конницѣ послано было повелѣніе двинуться, тогда Васильчиковъ съ Бенкендорфомъ приѣхали напередъ къ солдатамъ и стали уговаривать ихъ къ послушанію, а солдаты повторяли имъ прежнюю свою просьбу о 1-й ротѣ. Генералы сказали: «ваша 1-я рота въ крѣпости, выпустить ее нельзя, ступайте къ ней, когда хотите».—«Покорно благодаримъ ваше высокопревосходительство, пойдемъ, ребята, всѣ въ крѣпость», и какъ были, такъ и пошли. Офицеры рѣшились идти съ ними для удержанія порядка. А между тѣмъ, конная гвардія въ полномъ вооруженіи чрезъ Обуховъ мостъ къ Семеновскому полковому двору прибыла благополучно, и не заставъ никого, кромѣ меня съ на ро-

домъ, бывшихъ зрителями, прошла мимо казармъ Семеновскихъ и чрезъ Семеновскій мостъ возвратилась во свояси, не застрѣливъ и не ирубивъ ни одного человѣка. Генералу Каблукову, командующему отрядомъ кавалергардовъ, донесено, что корпусъ непріятеля прошелъ уже къ Троицкому мосту и что его войска могутъ токмо испугать однихъ отставшихъ солдатъ, кои малыми кучьками спѣшатъ принять окопы съ своими товарищами. И для того г-нъ Каблуковъ велѣлъ своему отряду пройти мимо его повзводно и сдѣлать нѣсколько оборотовъ, дабы чернь не испугалась и могла бы сіе принять за ученье. Но къ несчастію его, дождь и грязь мѣшали такому предположенію, и народъ всѣ ихъ проказы видѣлъ ясно. Между тѣмъ генералы всѣ возвратились въ штабъ и зачали разсуждать о дальнѣйшемъ. Приѣхалъ къ нимъ Милорадовичъ, извѣщенный полиціею о всѣхъ мѣрахъ вооруженія; вмѣстѣ съ Закревскимъ сталъ говорить имъ противу сей мѣры и подалъ мнѣніе, чтобы солдатъ не разбивать по три человѣка въ полкъ (какъ предполагалъ Толъ), а разлучить по баталіонно. Поѣхали всѣ въ крѣпость—солдаты уже тамъ. Гр. Милорадовичъ, увидя лейбъ-гренадеровъ у крѣпости, отослалъ ихъ назадъ,—въ крѣпости съ Закревскимъ вмѣстѣ пошелъ по казематамъ, куда солдаты размѣщены были и зачалъ говорить имъ о ихъ ошибкахъ, но не такъ какъ съ бунтовщиками. Уговаривали ихъ къ повиновенію и графъ, обѣщая имъ ходатайствовать за нихъ у Государя, снялъ отъ нихъ часовыхъ и поручилъ имъ самимъ смотрѣть за собою, объявляя токмо, что они арестанты «Слушаемъ, ваше сіятельство! будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ». И въ самомъ дѣлѣ, никто за дверь не выглянулъ.

Положено: одинъ баталіонъ въ Кексгольмъ, другой—въ Свеаборгъ: 1-му жъ здѣсь остаться. Въ понедѣльникъ же 19-го числа сдѣланы исполнительные распоряженія. Во вторникъ поутру готовы были у крѣпости пароходы для перевоза войскъ назначенныя. Не знали: пойдутъ ли солдаты добровольно на суда, или должно будетъ ихъ принудить. Съѣхались генералы. Васильчиковъ не говорилъ ни слова съ солдатами. Потемкинъ много уговаривалъ и ему солдаты сказали: «Не было бы этого при васъ». Надъ Толемъ солдаты смѣялись и не слушали его. Болѣе же всѣхъ успѣли графъ Милорадовичъ съ Закревскимъ. Сей послѣдній говорилъ хотя и строго, но разумно и милосердо, а графъ оказалъ удивительное искусство говорить съ солдатами и возбуждать въ нихъ готовность въ выполненію воли начальства. Одинъ солдатъ въ казематѣ оказалъ сопротивленіе, сказавъ: «не прежде мы пойдемъ какъ когда отдадутъ намъ роту». Сего графъ самъ взялъ за шинель и толкнулъ къ двери вонъ, сказавъ: «Вотъ одинъ бунтовщикъ, который всѣхъ васъ мараеть, много ли еще такихъ между вами, ихъ искоренить надобно, они недостойны быть посреди васъ». Солдатъ отскочилъ въ сторону и

закричалъ «за меня, ребята», но никто съ мѣста не тронулся, и Закревскій съ графомъ вытолкнувъ солдата насильно, приказали взять его подъ караулъ особо. Тутъ пошли солдаты на суда, прося графа, чтобы онъ за нихъ у Государя предстательствовалъ, и не оставилъ бы ихъ женъ и дѣтей. При семъ словѣ графъ оборотаясь къ своему адъютанту барону Фридрихсу приказалъ ему ѣхать къ женамъ солдатскимъ и объявить имъ, что онъ особенно принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, а что всегдашняя его привязанность къ женщинамъ достаточно можетъ ихъ увѣрить, что онъ сдержитъ слово. Солдаты поѣхали. Офицеры съ ними. Остались токмо Обресковъ и Нарышкинъ, первый за женою, другой за болязнію. Черезъ 4 дня Нарышкинъ поѣхалъ.

Поведеніе солдатъ примѣрно. Ни одного грубаго слова никому не сказали. Со всѣми офицерами своими и встрѣчными говорили учтиво и снявъ фуражку. По дорогѣ въ крѣпость за все платили, что въ лавочкахъ брали. Любопытнымъ отвѣчали: «идемъ въ крѣпость, видно тамъ есть какая-нибудь работа». При всякомъ разговорѣ съ генералами, напоминали они о присягѣ ихъ, о вѣрности Богу и Государю,— о готовности пролить за него кровь свою и о нестерпимости ихъ мученій.

Жалуются, что Шварцъ приказывалъ одному плевать другому въ рожу; одной шеренгѣ другую бить по щекамъ. Самъ щипалъ за губы подъ носомъ тѣхъ, у коихъ усы за немѣніемъ натуральныхъ, нерегулярно нарисованы были; разувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ, поправляя ноги шомполомъ (дабы имѣть себѣ новомодную похвалу маршированія: «Какая игра въ носкахъ!»), увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки талій и наконецъ чисткою амуниціи принудилъ ихъ распродать все ихъ имущество. Видите ли? Дровяные какъ и провіантскіе денги есть собственность, которой ни на наемъ экзерциргауза и ни на поправку амуниціи употреблять по-моему не должно.

На нихъ наряженъ военный судъ. Левашовъ президентомъ, Гурьевъ и Сухтеленъ ассессорами; нѣсколько полковниковъ, изъ коихъ знаю Воропанова и Берхмана. До сихъ поръ еще никого не обвинили. Съ донесеніемъ къ Государю поѣхалъ Чаадаевъ 22-го числа, а приказомъ 29-го дали выговоръ Орлову за опозданіе развода. Теперь всѣ находятся между страха и надежды, во ожиданіи рѣшенія Государя. Городъ превозноситъ Милорадовича—терпѣть не можетъ Васильчикова, обвиняя его въ томъ, что онъ (по словамъ солдатъ) инспекторской смотрѣ въ Семеновскомъ полку сдѣлалъ въ августѣ мѣсяцѣ, не такъ какъ слѣдуетъ, но съ первыхъ словъ закричалъ на нихъ за доходящіе до него о неудовольствіяхъ ихъ на Шварца слухи, чемъ и заградилъ имъ уста.

Вотъ вашему превосходительству подробнѣйшее извѣстіе о проис-

шествиѣ семѣ, котораго я по несчастнымъ обстоятельствамъ моимъ былъ еще здѣсь свидѣтелемъ, но которое есть послѣднее при мнѣ, ибо я по отправленіи курьера, дни черезъ три отправляюсь.

Призываю до времени возвращенія моего всемилостивое и благодарное ваше прежнее расположеніе къ вашему почтительнѣйшему и покорнѣйшему слугѣ

К. В. Мещерскому.

1 ноября 1820.

III.

Письмо А. Палицына Ив. Ив. Дмитріеву.

Иванъ Ивановичъ!

Между поздравленіями съ благополучнымъ возвращеніемъ вашимъ удостойте принять и это, приносимое всеискренно обрадованнымъ преданнымъ вамъ сердцемъ. У пустытника, дожившаго до старости безъ суесть, исканій и затѣй, нѣтъ нужды, ни прозбъ къ начальникамъ; ему лишь сладко напоминать и изливать сердечныя къ вамъ чувства. Какъ бы желалъ я видѣть васъ и слышать! Сколько бѣ любопытнаго и въ темномъ уединеніи моемъ неизвѣстнаго, можно было узнать, отъ мудраго зрителя большаго свѣта, обо всемъ томъ, что еще и меня съ нимъ соединяетъ: наприимѣръ, о новыхъ успѣхахъ нашихъ музъ во всѣхъ трудахъ ихъ и забавахъ; особливо о любовнѣйшихъ мнѣ словесности и водчества, лучшихъ украшеніяхъ, славѣ и вѣрныхъ памятникахъ благоденствія народовъ просвѣщенныхъ! Изъ словесности во все это время попались мнѣ попримѣтнѣе только двѣ сатиры въ стихахъ: одна, говорятъ, К. Горькова, и подлинно сатира, а другая неизвѣстно мнѣ чья, но въ ней вымысль купать писателей и труды ихъ въ Летѣ такъ забавенъ, что можно простить несправедливыя насмѣшки надъ иными писателями, достойными уваженія и благодарности. Еще получилъ я переводъ Кребильюнова Радамиста, трудовъ Псковскаго согражданина моего Висковатова; я сколько можно судить по худому и невѣрному списку, переводъ изрядной, гдѣ по крайней мѣрѣ нѣтъ ни смѣшныхъ галицизмовъ, ни дикихъ славонизмовъ, чѣмъ несносно испестрены теперь почти всадѣ и проза и стихи и чѣмъ время отъ времени словесность наша негѣло искажается. Извѣстно, что началомъ ее упадка были галицисты. Не умѣя подражать готовому языку, они думаютъ его перемѣнять; и не умѣя мыслить, хотятъ умудряться словами. Династія галицистовъ породила поколѣніе славонистовъ, едва ли не горшее перваго. Оба эти раскола, те-

перь господствующіе, съ изувѣрствомъ ненавидятъ другъ друга, презираютъ всѣхъ старограматныхъ, вводятъ непрестанно новыя странности на переکورъ, и на убой остатковъ прежняго смысла здраваго и вкуса. Одни подбираются словами и рѣченіями, до того у насъ неходячими, изъ чужихъ книгъ; другіе вырываютъ всю дичь и плѣсень изъ славенскихъ: одни гордятся, что рубятъ уточненія, другіе, что куютъ возникенія (?), ненужныя никогда Ломоносову! Какъ худо умничать безъ ума! Между тѣмъ къ этому дикословію писателей равнодушныя читатели привыкаютъ, красоты слога не чувствуются и теряются, вкусъ исчезаетъ и превосходной нашъ языкъ, доведенной до совершенства безсмертными его творцами, обращается опять въ тотъ же безвкусной тредьяковщины хаосъ, изъ котораго они его образовали; безобразится непознаваемо, и кажется, неотвратно и невозвратно. Доказательствомъ тому служатъ безчисленныя новыя уроды, особливо изъ уродовъ уродъ недавно вышедшая лирическая поэма, въ которой меня такъ грубо обманули двѣ прежде доставленныя строфы, ставутыя, одна у Делиля, а другая у Оссіана, или какъ теперь хотятъ у Макферсона. Однако жъ такъ называемая, къ оскорбленію имени, эта поэма расхвалена лучшими нашими писателями; сочинитель удостоенъ самыхъ лестныхъ наградъ, принятъ за нее членомъ Россійской академіи...¹⁾ При такихъ всеобщихъ плескахъ, и я, прочитавъ это нынѣшнее сокровище повѣян, не могъ не воскликнуть ее напѣвомъ:

Красотъ толь велекрасныхъ виды
 Единъ отецъ Тилемахиды,
 Единъ бы онъ возмогъ обнять
 И достохвально восхвалять:
 За не могъ самъ ихъ малевать!
 Всеврящъ все тое остромерно,
 Всечтущъ все тое всеупорно,
 Что дикозвоно, м е т а ф ѳ р и о;
 Гдѣ рифма въ толщахъ отъ ума;
 Гдѣ та выспрь рѣясь небопарно,
 Вдругъ долу вержется Икарно:
 Съ ней рѣвъ, шумъ, гамъ, гулъ, выкъ, скрипъ, тьма!
 И жу и е л ь н а на вкусъ ч у м а!

Не знаю, умѣлъ ли, по крайней мѣрѣ хотѣлъ очень подражать новому славонистовъ слогу. Какъ всякая новость заразительна! Чадко мое равно захотѣло у сочинителя поэмъ учиться новому стихотворству. Такъ описало оно послѣ долгой засухи и необыкновенной здѣсь весною стужи, первой теплой дождь. Я прилагаю стихи ее, чтобъ показать силу заразы:

Плодный дождь все одождилъ;
 Муравы омуравилъ;

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

Звучный сталъ Эоль невученъ;
 Небопарный тихъ Зефиръ,
 Плавно рѣть чистъ Эфиръ;
 Лучеварный Фебъ безлученъ:
 Аки щеголь желтокудръ
 Безъ воней, мастей и пудръ,
 Зѣльной скукой скученъ:
 Бо злодыщущій Борей
 Ихъ исхитилъ изъ кудрей!..
 Сѣнолиственны жъ чертоги,
 Ся гдѣ поются боги
 Чудновонною струной,
 Бразнутою днесъ и мной,
 Хоть не вѣщею рукой,
 Просто жъ речъ не иносказно,
 Что питаю нывъ уразно,
 Обвѣтшалаи домикъ нашъ,
 Иль же сельскъ убогъ шалаши,
 Теплѣ такъ аки бы весною!..
 Все... И се ушамъ къ покою,
 Дикопѣнія шабашъ!.. ¹⁾.

Послѣ этого пустословія, которое можетъ быть вы наградите улыбкой, естли вамъ угодно будетъ спросить, что сдѣлалъ я въ долговременное ваше отсутствіе? то я стану въ пѣнь, потому что ничего больше не сдѣлалъ, какъ только поправилъ нѣсколько писемъ въ Элонзѣ, для другаго ея изданія; да лѣтъ за семь уже изъ переведенныхъ мною С. Ламбертовыхъ годовыхъ временъ, переписалъ одно лѣто и то черезъ силу потому только, что эту поэму посвящаю я нашему университету, какъ малую дань благодарности за то, что онъ удостоилъ меня избрать почетнымъ своимъ членомъ, хотя еще и бездипломнымъ. Такъ старость дряхлая бездѣльна! Съ самой весны я почти все хвораю. Сегодня три недѣли какъ это письмо писано, когда дошелъ ко мнѣ слухъ о вашемъ пріѣздѣ, но я тогда вдругъ занемогъ и до сей поры не въ силахъ былъ кончить, вчера только и сегодня мнѣ столько легче стало, что я смогу дописать и отправить, чтобъ принести вамъ тѣ непреложныя чувствованія высокопочитанія и преданности, конхъ до конца жизни не нарушить къ вамъ,

Милостивый Государы!
 вашего превосходительства,
 всепокорный слуга
 Александръ Палицынъ.

7 іюля 1810 года, въ Поповкѣ.

¹⁾ Въ образцѣ многіе переходы мыслей или, лучше сказать, безмыслия, многія уподобленія, рѣченія и слова, еще надутѣе, безвкусаѣе и глупѣе, нежели здѣсь въ слабыхъ подражаніяхъ.

IV.

Письмо А. Суворова князю Потемкину.

10 декабря 1784 г., с. Ундиля ¹⁾.Свѣтлѣйшій князь,
Милостивый Государь!

Съ наступающимъ новымъ годомъ вашу свѣтлость всенижайше поздравляю.

Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ, при нѣкоторыхъ войскахъ, въ ожиданіи отъ вашей свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командовалъ дивизією или корпусомъ. Особливо, милостивый государь! ваканціи мнѣ по дивизіямъ Брюсовой и Репнина, — въ сторонѣ первой я имѣю деревни, но все равно, свѣтлѣйшій князь! гдѣ бы я отъ высокой милости вашей свѣтлости особую команду ни получилъ, хотя въ Камчаткѣ.

Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, который въ два года выплачу. Оставилъ на Кубани экономіи болѣе 100.000 и по краткому времени на четыре мѣсяца мѣсячныхъ — вотъ мое корыстолюбіе.

Подъ Копыломъ командовалъ не Вилисовъ, а Рахмановъ, который въ поле съ полкомъ, съ поля съ баталіономъ. Противъ его одного года, я во всю мою службу столько людей не потратилъ, и сочинялъ на меня пасквили.

Служу я, милостивый государь, больше 40 лѣтъ и почти 60-ти-лѣтній. Одно мое желаніе, чтобъ кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытѣе въ нижнихъ чинахъ приобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ поздно мнѣ къ нимъ привыкать.

Наука просвѣтила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постояненъ какъ Тюрень и правдушенъ какъ Аристидъ. Неразумія изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей, былъ счастливъ потому что я повелѣвалъ счастіемъ.

---

¹⁾ Это интересное письмо, характеризующее какъ самого Суворова, такъ и отношенія его къ Потемкину, печатается съ подлинника, имѣющагося въ редакціи „Русской Старины“. Небольшая выдержка изъ этого письма напечатана въ извѣстномъ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ (т. I, стр. 240).

Успокойте духъ невиннаго передъ Вами, въ чемъ я на страшномъ Божіемъ судѣ отвѣчаю и пожалуйте мнѣ особую команду... ¹⁾ исторгните меня изъ праздности, но не мните притомъ, чтобъ я чѣмъ хотя малымъ г. Иваномъ Петровичемъ (Салтыковымъ?) недоволенъ былъ, токмо что въ роскоши жить не могу. Въ чужіе края — тоже праздность.

Уповаю на высокую милость вашей свѣтлости и буду по гробъ мой съ глубочайшимъ почитаніемъ

Свѣтлѣйшій князь
Милостивый Государь
Вашей свѣтлости
всенижайшій слуга
Александръ Суворовъ.

V.

Что значило на канцелярскомъ языкѣ слово «немедленно».

1763 — 1793 гг.

Вдова, маіорша Настасья Алексѣева, жаловалась императрицѣ Екатерины II, что Сенатъ, въ 1755 году, неправо рѣшилъ дѣло ея съ ассесоромъ Иваномъ Батуринымъ о недвижимомъ имѣніи въ Брянскомъ уѣздѣ.

Именнымъ указомъ 15-го апрѣля 1763 года повелѣно было Сенату: «Оное подлинное дѣло и какое по немъ было производство откуда надлежитъ собрать, сочинить экстрактъ, и ей, Алексѣевой, велѣть руку приложить и, изготова, донести Ея Величеству».

15-го же апрѣля Сенатъ опредѣлил: «Изъ вотчинной коллегіи истребовать подлинное дѣло, по присылкѣ коего, сочиня **н е м е д л е н н о** въ рекетмейстерской конторѣ экстрактъ, велѣть къ нему Алексѣевой приложить руку, и представить Сенату».

Изъ вотчинной коллегіи дѣло прислано въ Сенатъ 6-го мая того же года.

Въ 1793 году, доложено было Сенату, что «производства по оному (дѣлу) никакого не сдѣлано. И съ того времени до нынѣ ни отъ ней, Алексѣевой, ни отъ кого-либо со стороны ея хожденія нѣтъ».

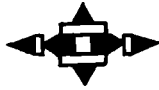
Сенатъ опредѣлил: «Какъ дѣло о семъ изъ вотчинной коллегіи уже истребовано, то изъ онаго и изъ бывшаго сенатскаго производства подлежащій экстрактъ сочинить **н е м е д л е н н о**. Поелику же сей экстрактъ сочинить и изготавить къ донесенію Ея Императорскому Величе-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

ству Высочайше повелѣно за рукоприкладствомъ просительницы, маіорши Алексѣевой, но отъ ней и ни отъ кого со стороны ея, въ прошедшія отъ подачи Ея Императорскому Величеству прошенія до нынѣ 30 лѣтъ, никакого требованія не вступало, то, по состоянію упомянутого недвижимаго имѣнія въ Брянскомъ уѣздѣ, отъ орловскаго намѣстническаго правленія истребовать свѣдѣніе: во-первыхъ, въ живыхъ ли оная маіорша Алексѣева находится, а если умерла, то кто по ней наследники; во-вторыхъ, за кѣмъ теперь состоитъ во владѣніи утвержденное за Батурина, по рѣшенію Сената 755-го года, спорное имѣніе, по наследству или по какимъ другимъ крѣпостямъ; въ-третьихъ, не учинено ли послѣ того сенатскаго рѣшенія между ними, Алексѣевою и Батуринымъ, или между ихъ наследниками о семь имѣніи мировыхъ сдѣлокъ, или какихъ другихъ отъ одной другой сторонѣ укрѣпленій; каковое свѣдѣніе велѣтъ тому намѣстническому правленію отобрать и доставить въ Сенатъ наискорѣе».

Указъ изъ Сената посланъ 11-го октября 1793 года.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ прошлаго и до половины февраля настоящаго года.

Побѣдоносцевъ, Е. П. О внутреннемъ состояніи Россіи при водареніи Императора Николая Павловича. — Письмо къ Государю барона В. И. Штейнгеля. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. — Жизнь въ отставкѣ (1838 — 1842). Хозяйство въ деревнѣ. — Тергукасовъ. Свиданіе съ А. П. Ермоловымъ. — Воронежскій губернаторъ Ховенъ. — Архіепископъ Антоній. — Генералъ Исленевъ. — Затворникъ Иларіонъ. — Письмо къ графу А. Ѳ. Орлову. — Андрей Николаевичъ Муравьевъ. — «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Изъ дневника П. В. Побѣдоносцева 1812—1813 годовъ. — Москва послѣ нашествія французовъ. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Записка А. В. Никитенки о направленіи журнала «Русское Слово» (1961 г.). «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Маммосъ, А. А. — По поводу «Памятныхъ тетрадей» С. М. Сухотина. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Наброски изъ воспоминаній князя

Д. Д. Оболенскаго (Н. И. Пutilовъ. — Семья князей Львовыхъ. — Кн. А. В. Долгорукій. — Въ уѣздахъ Елифанскомъ и Ефремовскомъ. — Н. Г. Рубинштейнъ и графъ Л. Н. Толстой. М. Д. Скобелевъ) «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Карасевъ, А. А. Дѣло Венгерское. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль. Толстой, графъ Д. А. Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга (Письмо графа А. Ѳ. Орлова къ князю П. А. Ширинскому-Шихматову). «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Иловайскій, Д. И. Историко-критическія замѣтки (о книгахъ В. Г. Васильевскаго и В. И. Сергѣевича) «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Шартыновъ, А. А. Изъ археологическихъ замѣтокъ. — Плата за обученіе грамотѣ (1678). «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Шартыновъ А. А. Надгробная гѣтопись Москвы. — Удѣльшія надгробныя надписи въ Московскихъ церквахъ. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль.

Письма В. А. Жуковскаго къ А. И.

Тургеневу изъ Москвы въ Петербургъ 1806—1809 г. «Русскій Архивъ» 1895 г. февраль, приложеніе.

Записки сенатора Сивельникова.— «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Поэтическая, В. А. Воспоминанія.— «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Амфитеатровъ, А. В. Таинственная корреспондентка. «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Фирсовъ, А. И. Въ одиночномъ заключеніи.— «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Модветскій, К. П. Современные литературные дѣятели.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.— «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Мартьяновъ, П. К. Разказы Христофора Саннакадзе о М. Ю. Лермонтовѣ. «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Темирязевъ, В. А.—Чернышевъ и Мишель.—Эпизодъ изъ исторіи отношеній между Россіей и Франціей передъ войной 1812 г. «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

В. Т. Династія Кааширъ-Перье.— «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Устиновъ, В. Основныя начала судебныхъ уставовъ. «Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г. январь.

Стасовъ, В. Николаѣвичъ Николаевичъ Ге.—Биографическій очеркъ. «Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г. январь.

Исаевъ, А. Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ. «Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г. январь.

Ивановскій, Игн. А. Институтъ международнаго права и юридическаго общества. «Вѣстникъ Европы» 1895 г. февраль.

Венгеровъ, С. А. В. Друживинъ 1824—1864. «Вѣстникъ Европы» 1895 г. февраль.

Слонимскій, Л. З. Теорія и практика законности. «Вѣстникъ Европы» 1895 г. февраль.

Ивановъ, Ив. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (Жизнь, личность, творчество). «Міръ Божій» 1895 г. январь и февр.

Миллюковъ, П. Н. Очерки по исторіи культуры. «Міръ Божій» 1895 г. январь и февраль.

Любимовъ, Н. А. Книга Галилея о системахъ міра и ея осужденіе. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

И—а, И. Н.—Конфуцій и его ученіе. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Дубровинъ, Н. Ѳ.—Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ

и въ русской литературѣ. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Ачкасовъ, П. А. Письма о литературѣ. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Бергъ, Ф. Н. Вс. Вл. Крестовскій. «Русскій Вѣстникъ» 1895 г. февраль.

Колопановъ, Н. Изъ прошлаго. (Посмертныя записки.) 1827—1843. «Русск. Обзоръ» 1895 г. январь и февраль.

Шерудъ, В. И. Опытъ наслѣдованія законовъ искусства (Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика). «Русское Обзоріе» 1895 г. январь и февраль.

Мулишъ, П. А. Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Георгиевскій, Г. П. Древне-русскія свадьбы. Парскія свадьбы. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Цѣтаевъ, Д. В. Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. По поводу минувшаго царствованія. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Суворовъ, П. П. Кое-что о Лермонтовскомъ идеализмѣ. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Крыловъ, С. Д. Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Кальновъ, М. А. Дѣло о погребеніи М. Ю. Лермонтова. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Гаршинъ, В. М. Письма въ матеріи изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.) «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Сидоровъ, А. А. Послѣдніе дни жизни и дѣятельности Вс. Вл. Крестовскаго. «Русское Обзоріе» 1895 г. февраль.

Морозовъ, П. О. Русскій театръ при Петрѣ Великомъ. «Ежегод. Импер. Театр.», годъ 4-й. Приложенія. Книга 1-я.

И—въ, Д. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, русскій трагическій актеръ. «Ежегод. Импер. Театровъ», годъ 4-й. Приложеніе. Кн. 1-я.

Императоръ Николай. Изданіе ежемѣсячнаа. «Семьянинъ». Слб. 1894—1.

Столѣтіе, Одессы 22 августа 1894 г. Изданіе Одесск. Город. Обществен. Управленія.—Одесса 1894—1.

Гаршинъ, Евгеній—Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, какъ историческій романистъ. Критико-біографич. очеркъ. Слб. 1895—1

Лотто, В. Исторія 44-го драгунскаго

Нижегородскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка. Томъ VI. Спб. 1894—1.

Фелицынъ, Е. Д. Переселеніе на Кубань казаковъ бывшаго Екатеринбургскаго войска и образованіе изъ нихъ, въ 1802 году, Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска. «Кубанскій Сборникъ», 1894, томъ III

Могилевцевъ, Н. М. Краткія историческія свѣдѣнія о Кавказскомъ конномъ полкѣ Кубанскаго казачьяго войска — «Кубанскій Сборникъ» 1894, т. III.

Фелицынъ, Е. Д. Матеріалы для исторіи сѣвернаго Кавказа.—Всеподд. докладъ князя Г. А. Потемкина объ учрежденіи Азовской линіи и переселеніи на сѣверный Кавказъ Волгскаго и Хоперскаго казачьихъ войскъ — «Кубанскій Сборникъ», 1894, т. III.

Нороленио, П. П. Кубанскіе казаки. Матеріалы для исторіи Кубанскаго казачьяго войска — «Кубанскій Сборникъ» 1894, томъ III.

Спицынъ А. А. Опредѣленіе времени Людинскаго и Лядинскаго могильниковъ. «Археологич. Извѣстія и Записки», 1894, № 12, томъ II.

Щ. Н. С. Кн. Къ раскопкамъ въ Кремлѣ. «Археологич. Извѣстія и Записки». 1894, № 12, томъ II.

Лихачевъ, Н. Двѣ иконы съ лѣтописью. «Археологич. Извѣстія и Записки», 1894, № 12, томъ II.

Султановъ, Н. Древне-русскіе красныя наравцы «Археологич. Извѣстія и Записки» 1894, № 12, томъ II.

Лебедевъ, Е. Св. кн. Всеволодъ-Гавриилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1894, кн. III.

Голубевъ, А. А. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. Съ предисловіемъ А. А. Голубева.—Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1894, кн. III.

Соловьевъ, Н. А. Свящ. Сарайская и Крутицкая епархія. Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», за 1894 г. кн. 3.

Пржевальскій. Знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій.—Съ портретомъ. «Изд. Постоян. Ком. по устройству народ. чтеній».—Спб. 1894.—1.

Новоселовъ, С. Г. Дружба Россіи и Франціи и ихъ гостепріимство между

собою.—Извлечено изъ свѣдѣній русскихъ газетъ. Рыманскъ. 1894.—1.

Глининъ. Записки Сергѣя Николаевича Глинина. Изданіе редакціи журн. «Русская Старина».—Спб. 1895.—1.

Норумовъ, Н. М.—С. Е. Десницкій, первый русскій профессоръ права (Рѣчь въ годовомъ собраніи Петерб. Юрид. Общ. 13 ноября, 1894).—Изъ «Журн. М. Юстиціи».—Спб. 1894.—1.

Новгородская кабалъная книга 7106 (1597) года.—Печатано по распоряженію Археогр. Комиссіи.—Спб. 1894.—1.

Ботеряновъ, И. Н. Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и Масляницу. «Историческій очеркъ».

Помуровскій, А. Изъ воспоминаній о преосвященномъ Теофанѣ, бывшемъ епископѣ Владимірскомъ.—«Вѣра и Разумъ», 1895, № 1, стр. 41—66.

Норсунскій, И. Преосвященный Теофанъ, бывшій епископъ Владимірскій (окончаніе).—«Вѣра и Разумъ», 1894, № 24.

И—ко, В. Омельянъ Огоновскій. (Некрологъ). «Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Юбилейное чествованіе памяти Григорія Саввича Сковороды въ Харьковѣ.—«Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Краусгаръ, Александръ. Посольство Якова Смяровскаго къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 году (По рукописнымъ источникамъ).—Переводъ съ польскаго.—«Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Василенио, Николай. Къ исторіи малорусской историографіи и малорусскаго общественнаго строя.—(Записки по поводу статей В. А. Мякотина: «Приврѣвленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи», въ «Русск. Богатствѣ» 1894, № 2, 3 и 4.—«Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Лазаровскій, Ал. Пржевальскій и Лазаровскій, Ал. Пржевальскій и Лазаровскій. «Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Чалый. Воспоминанія М. К. Чалая.—«Кіев. Стар.» 1894, декабрь.

Лавровъ-Платоновъ, проф. А. Θ. Письма профессора А. Θ. Лаврова-Платонова (впослѣдствіи високопр. Алексія, архіепископа Литовскаго) къ протоіерею А. В. Горскому.—Съ прижизненіями П. А. Колосова. «Богослов. Вѣстн.» 1895, янв.

Норсунскій, И. Н. Смыслъ жпзпн и дѣятельности преосвященнаго Теофана (Говорова). (Къ годовщины кон-

чины его). — «Богослов. Вѣстн.» 1895, янв.

Лебедевъ, А. П. Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроения и злополучія Константинопольской патриархін. (Во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ). — «Богослов. Вѣстн.» 1895, янв.

Меликъ-Шахназаровъ, Е. Изъ древностей селенія Ченахчи. — Съ 12-ю рисунками. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа Вып. XIX.

Мозубский, Е. Очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XIX.

Сущовъ, проф. Н. Ѳ. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. (Продолженіе). — «Записки Имп. Харьков. Унив.» 1894. Кн. 4.

Лебедевъ, проф. А. С. — В. И. Добровольскій. (Некрологъ). — «Записки Имп. Харьк. Унив.» 1894. Кн. 4.

Өиваида. Русская Өиваида на сѣверѣ. — Спб. 1894. — 1.

Крестный монастырь, основанный патриархомъ Никономъ въ Онежскомъ у. Архангельской губ. Историческій очеркъ. — Спб. 1894. — 1.

Рябиновъ, свящ. М. Поученіе при погребеніи директора Спб. Коммерч. Училища Тайнаго Совѣтника Георгія Федоровича Вегнера. — Спб. 1894. 1: **Владиславовъ, В. Ѳ.** Филаретъ, какъ истинный другъ и товарищъ. — Тверь. 1894. — 1.

Новский, А. Жизнеописанія первосвятителей и чудотворцевъ всероссійскихъ — Петра, Алексія, Юны и Филиппа. Изданіе исправл. и дополн. — Москва. 1894 — 16 — 1.

Ланно, И. И. Тверской уѣздъ въ XVI столѣтіи. Его населеніе и виды земельного владѣнія. Съ предисловіемъ *И. И. Ланно*. (Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс.» за 1894, кв. IV).

Зерцаловъ, А. Н. Облѣженіе головы и полудейскія дѣла въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. Съ предисловіемъ *А. Н. Зерцалова*. (Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Росс.» за 1894, кв. III).

Галаганъ И. Н. Памяти одного изъ общественныхъ дѣятелей г. Одессы — *И. И. Андросова*. — Одесса. 1895. — 1.

Оршинновъ, А. Памятникъ XV вѣка, находящійся въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ. (Изъ «Археол. Изв. и Зам.» 1894. № 11).

Попровескій, Ѳ. В. Случайная археологическая находка. (Печат. по опре-

дѣленію Имп. Моск. Арх. Общ.) — Москва. 1895 — 1.

Улиничъ, В. А. Озагадочной надписи на монетѣ Великаго Князя Тверскаго Ивана Михайловича. (Печат. по опредѣленію Имп. Моск. Арх. Общ.) Москва. 1895 — 1.

Линиченно, И. А. Ново-открытое свидѣтельство о времени В. Кн. Вяслава Ярославича. (Печат. по опредѣленію Имп. Моск. Археол. Общ.) — Москва. 1895. 1.

Филипповъ, А. И. проф. Исторія Сената въ правленіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и кабинета. — «Учен. Зап. Имп. Юрьев. Унив.» 1894. № 5. — Приложенія. Глава IV.

Леонтовичъ, Ѳ. И. проф. Национальный вопросъ въ древней Россіи. — «Варшав. Унив. Изв.» 1894, — IX.

Иртышко, Г. К. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1794-й г. (Окончаніе). — «Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.» № 21.

Беремжовъ, М. Н. проф. Древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ (1474 — 1505 гг.). — «Извѣстія Таврической Учен. Архив. Коммис.» № 21.

Бобринскій, А. А. графъ. Нѣсколько словъ о мѣстности, прилегающей къ развалинамъ замка въ Гурзуфѣ (съ рисунками). — «Извѣстія Таврич. Уч. Комм.» № 21.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія. — «Извѣстія Таврич. Учен. Архивной Комм.» № 21.

Ивановъ, А. В. Слово при погребеніи князя Василія Михайловича Долгорукова-Брымскаго, говоренное Моск. Акад. проповѣдникомъ и Знаменскаго монастыря игуменомъ Макаріемъ, февраля 2 дня 1782 г. — Сообщилъ *А. В. Ивановъ*. — «Извѣстія Тав. Учен. Архив. Комм.» № 21.

Синицкій, А. И. Описаніе дѣлъ Таврическаго Архива (Продолженіе). — «Извѣстія Таврич. Учен. Арх. Комм.» № 21.

Стевень, А. X. Изъ переписки мѣстныхъ дѣятелей. Письмо *А. Я. Фабра* къ *X. X. Стевену*. — «Извѣстія Таврической Учен. Архив. Комм.» № 21.

Максимейко, Н. Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута. (Продолженіе). — Унив. Извѣстія 1894, декабрь, Кіевъ.

Шидловскій, А. Ѳ. — *А. С. Грибоѣдовъ* (1795 — 1895) — по поводу 100-лѣтняго юбилея со дня его рожденія. — «Новое Слово», 1895, янв.

Терновскій, Н. М.—И. А. Крыловъ. Его историко-литературна дѣятельность.—(Продолженіе).—«Филолог. Записки», вып. V—VI.

Царевскій, А. проф. Памяти профессора Казанской Духовной Академіи Дмитрія Васильевича Гусева.—(Оттискъ изъ журн. «Прав. Собесѣд.» за 1894).—Казань 1894.—1.

Дмитрій Васильевичъ Гусевъ (некрологъ).—Оттискъ изъ «Православ. Собесѣд.» за 1894. Казань 1894.—1

Толстой, М. В., графъ. Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевскомъ Посадѣ. (Оттискъ изъ № 10—12 «Богослов. Вѣстн.» за 1894 г.

Анекдоты графа Михаила Андреевича Милорадовича.—Москва. 1895.—1.

Колмановъ, Н. Очеркъ дѣятельности Киевскаго Славянскаго благотв. общества за 25 лѣтъ его существованія. Кіевъ. 1894.—1.

Стадницкій, Александръ Гавриловичъ Бунулеско-Бодони, экзархъ молдо-владійскій и митрополитъ Кишиневскій. (съ портр.) Кишиневъ. 1894.—1.

Сторожевъ, В. Н. Георгъ Лермонтовъ, родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ—Оттискъ изъ 5 и 6 № журн. «Книговѣдѣніе».—Москва 1894.—1.

Родъ Поливановыхъ. XIV—XIX вв.—Сказаніе, историческіе дѣятели и покровительная роспись.—Владиміръ на Клязьмѣ. 1894.—1.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Вып. 25-й.—Витебскъ. 1894. 1.

Книги. Писовыя книги издаваемыя Имп. Русс. Геогр. Общ. Часть первая. Указатель. Спб. 1895. 1.

Дамилевскій, Н. Я. Россія и Европа.—Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германско-Романскому. Изданіе пятое.—Спб. 1895.—1.

Филевичъ, И. П. проф. Польша и польскій вопросъ. Москва 1894.—1.

Воспоминанія суворовскаго солдата. Съ портретомъ автора воспоминаній. Издано подъ редакц. ген.-м. Д. О. Масловскаго. Спб. 1895. 1.

Бѣляевъ, подпоруч. Николай. Боевыя подвиги 60-го пѣхотнаго Замосецкаго полка. Херсонъ. 1894. 1.

Ч., Н. А. Путевыя замѣтки и письма къ моей сестрѣ Е. А. П. съ театра сербско-турецкой войны въ 1876 г. Спб. 1895. 1

Думасовъ, Петръ. Со Скобелевымъ въ огнѣ. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. и о М. Д. Скобелевѣ. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1895.—1.

Зайончковскій, кап. А. Сраженіе подъ Ловчей 22 августа 1877 года. Спб. 1895.—1.

Веселаго, Ф. Краткая исторія русскаго флота. Вып. II. Спб. 1895.—1.

Шереметевъ, С. Д. гр. Памяти императора Александра III. Рѣчь, произнесенная 2-го дек. 1894 г. въ чрезвычайномъ собраніи Имп. Общ. Любителей Древней Письменности.—Спб. 1894.—1.

Ломанъ, Поруч. Царь-Миротворецъ. Александръ III Императоръ Всероссийскій.—Чтеніе для солдатъ и народа.—Спб. 1895.—1.

Хрущовъ, И. П. О благочестивѣйшемъ въ Божѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III.—Изданіе Постоян. Ком. по устройству народ. чтеній.—Спб. 1894.—1.

Посаляинъ, Е. Святые предшественники почившаго Государя. (Изъ № 261—262 «Правит. Вѣстн.» 1894).—Спб. 1894.—1.

Завитковичъ, В. Значеніе царствованія Александра III въ общемъ ходѣ нашей исторической жизни. (Изъ журн. «Труды Киев. Дух. Акад.» № 1 за 1895). Кіевъ 1895.—1.

Вѣнокъ на гробъ возлюбленнаго Государя Императора Александра III. Москва 1894.—1.

Царь-Миротворецъ. Императоръ Всероссийскій Александръ Третій.—Его кончина и очеркъ его благотворнаго царствованія. Изданіе И. А. Морозова. Москва. 1894.—1.

Геро Россіи! Кончина Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III—Царя-Миротворца.—Москва. 1894.—1.

Жизнь и дѣятельность Государя Императора Александра Александровича въ Божѣ почившаго 20-го октября 1894 г.—Москва 1894.—1.

Семеновъ, П. П. Императоръ Александръ III, какъ покровитель отчизновѣдѣнія.—(Изъ XXX т. «Извѣстій И. Р. Г. Общ.»)—Спб. 1895.—1.

Тихомировъ, А. Знаменіе времени.—Носитель идеала. (Изъ сборника Моск. Вѣд. «Памяти Императора Александра III.»)—Москва 1895.—1.

Ключевскій, В. О. Памяти въ Божѣ почившаго Императора Александра III. (Изъ «Чтен. въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.» за 1894). Москва 1894.—1.

Сказаніе о приснопамятныхъ днѣхъ 20-го октября, 21-го октября, 14-го ноября 1894 г. Спб. 1895.—1.

Высочайшій Всемилостивѣйшій манифестъ 14-го ноября 1894 г. Спб. 1894.—1.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Съ октябрьской книжки 1894 г. право изданія журнала „Русскій Вѣстникъ“ перешло къ Товарищ. „Обществ. Польза“, которое озабочится принять всѣ зависящія мѣры къ улучшенію и своевремен. выходу журнала. Что касается веденія и направленія журнала, то онъ будетъ придерживаться той же программы, такъ какъ редакторъ остается Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того приглашены всѣ выдающіеся сотрудники: С. С. Татищевъ принялъ на себя отдѣлъ «Политическаго Обзорнія», и намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе, П. П. Гитдичемъ — новая повѣсть, вице-президентомъ Академіи Наукъ, Л. Н. Майновымъ — его литературныя этюды, академикомъ вѣпр. секрет. Н. Ф. Дубровинимъ — новый историч. этюдъ „Наполеонъ I въ современ. ему обществѣ и въ русск. литературѣ“. Проф. Н. А. Любимовъ дастъ рядъ статей. Начаты печатаніемъ: „Цвѣты безднъ“, новый романъ Вс. С. Соловьева и „На вѣсахъ“, романъ И. Ф. Голошки (Орловскаго), послѣдній начать съ ноябр. книги 1894 г., и новыя подписч. на 1895 г., при заявленіи, получаютъ начало этого романа бесплатно. Будутъ напечатаны: повѣсть „Перемелется, — мука будетъ“, Д. М. Позина, повѣсть „Поклннутый“, Пронскаго, романъ „Въ среднеазиатской степи“, Вл. Черванскаго, повѣсть И. Н. Данилова и много друг. произвед.

Редакція и конт. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который примет. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Головое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 18 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Делушается разср. вносовъ только чрезъ Глави. Контору журн. „Русскій Вѣстникъ“, Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а осталная сумма къ 1-му юнѣ. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со внос. по 1 р. 50 к. въ мѣс., впередъ до уплаты всей подписч. сумми. 3) Для учащихса допуск. уступка и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 8 р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 18 р. безъ доставки и перес. За границу примет. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза — 18 р. Въ прочія мѣста загран. подп. примет. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ примет. въ Петерб. для городск. — въ Конторѣ журн. „Русскій Вѣстникъ“ въ Товарищ. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. „Нов. Врем.“ (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Редак. „Моск. Вѣдомостей“ — на Страссбургск. бульв., въ книжн. магаз. „Нов. Врем.“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. ливн.). И городск. и иногородн. просить покорн. адресоваться прямо въ Конт. „Русскаго Вѣстника“, Спб. Товарищ. „Обществ. Польза“ Б. Подъяч., д. 39. Статьи, присланныя въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращ. За своеврем. и аккуратную доставку журнала редакція примет. на себя полную отвѣств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Петербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

годъ XVII   Открыта подписка на 1895 г.   годъ XVII
 (семинадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

● ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. ●

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 6 р. ||| На полгода 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе какъ на годъ со дня подписки по 1-е января 1895 г., получаютъ газету **БЕЗПЛАТНО**. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **НАЧАЛЬНЫХЪ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету **ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ**, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.
- 2) Передовыя статьи.
- 3) Хроника мѣстной жизни.
- 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири.
- 5) Статьи научнаго содержанія.
- 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья.
- 7) По Россіи.
- 8) За-границей.
- 9) Изъ газетъ.
- 10) Политическое обозрѣніе.
- 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ.
- 12) Критика и библіографія.
- 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учреждений и ученыхъ обществъ Пермской губерніи.
- 14) Фельетоны.
- 15) Литературный отдѣлъ (повѣсти, рассказы — оригинальные и переводные — и стихотворенія).
- 16) Смѣсь.
- 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемихъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ, и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія свѣдѣнія.
- 18) Объявленія.
- 19) Приложение: „Записки Уральского общества любителей естествознанія“.

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли“, по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго специально для „Екатеринбургской Недѣли“.

Подписка принимается къ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель **А. М. Слюновъ**.

Редакторъ **Н. Н. Галицъ**.

Открыта подписка на 1895 г. на
„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“
 (19-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Саратовскій Дневникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ послѣ-праздничныхъ дней, въ форматѣ московскихъ газетъ, и имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Телеграммы.—Послѣдняя Почта. Сообщенія главныхъ столичныхъ газетъ о разпоряженіяхъ и работахъ правительственныхъ учреждений; новости и слухи, имѣющіе общій интересъ для всей Россіи.—За-границей. Политическая и общественная жизнь иностранныхъ государствъ, по свѣдѣніямъ русскихъ и иностр. газетъ. Обзоръ печати. —Обозрѣніе и критика мѣстной печати о текущихъ вопросахъ и новостяхъ, преимущественно русской жизни.—Хроника. Событія, новости и происшествія мѣстной жизни. Отчеты засѣданій саратовской Думы и саратовскаго губернскаго земства. Судебные новости и отчеты.—Театръ и музыка. Рецензіи о спектакляхъ и концертахъ. Новости театральнаго жизни.—Областная хроника. Корреспонденціи изъ уѣздовъ Саратовской и смежныхъ губерній о событіяхъ и вопросахъ мѣстной жизни. Отчеты уѣздныхъ земскихъ собраній.—Фельетоны. Ежедневныя обзорія мѣстной общественной жизни (Воскресный фельетонъ). Маленькіе фельетоны: «Девичьи Кости» (Замѣтки праздничнаго агагоса), «Мелочи», «Между прочимъ». Беллетристическія повѣсти оригинальныя и переводныя (послѣдній подъ-отдѣлъ не постоянный).—Отдѣльныя статьи по вопросамъ экономическимъ и общественнымъ, преимущественно мѣстной жизни.—Маленькій Дневникъ. Редакціонныя замѣтки по текущимъ мѣстнымъ вопросамъ.—По Россіи. Газетныя сообщенія о наиболее характерныхъ или интересныхъ явленіяхъ русской жизни.—Новости литературы, науки и техники.—Смѣсь.—Торговый отдѣлъ. Телеграфные бюллетени Петербургской фондовой и товарной биржи (два раза въ недѣлю). Курсы процентныхъ бумагъ (ежедневно по телеграфу изъ Петербурга). Ежедневный бюллетень саратовской биржи. Торговля корреспонденціи изъ Лябави (два раза въ недѣлю), Кирсанова (ежедневно), Царицына, Пегрובה, Балашова, Веко а, Волска и др. пунктовъ области. Новости саратовской торговли и промышленности. Торговля свѣдѣнія изъ другихъ мѣстностей.—Справочный отдѣлъ. Время прихода и отхода пассажирскихъ воззодовъ и пароходовъ въ Саратовѣ. Судебные указатели. Святци. —Объявленія.

Какъ газета провинціальная, «Саратовскій Дневникъ» главное мѣсто отводитъ мѣстнымъ вопросамъ. Географическое положеніе Саратова, вмѣстѣ съ проведеніемъ обширной сѣти Рязанско-Уральской желѣзной дороги, дѣлаетъ его це- тромъ цѣлой области, обнимающей, кромѣ Саратовской губерніи, смежныя части другихъ губерній и самарское заволжье до Урала. Торгово-промышленное оживленіе этого края, уже теперь замѣтно, непрерывно возрастаетъ и, въ близкомъ будущемъ, неизбѣжно вызоветъ соотвѣствующее оживленіе общественной жизни. Отмѣчать его развитіе, своевременно отзываться на нарождающіеся потребности и запросы новыхъ условій русской жизни — вотъ главная задача, которую себѣ ставитъ редація «Дневника», по мѣрѣ умѣнья и силъ, будетъ разрѣшать.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Съ пересылкою въ другіе города:

На годъ	7 р.	На 3 мѣсяца	2 р.
На 6 мѣсяцевъ	4 р.	На 1 мѣсяцъ	1 р.

Лица, подписавшіяся на срокъ съ 1-го января 1895 по 1-ое января 1896 г., получаютъ газету до 1-го января 1895 г. не приплачивая ничего изъ годовой цѣны. Это право распространяется и на тѣхъ, которые выписываютъ газету съ раз-рочкою.

Пробный экземпляръ высылается за семикопѣчную почтовую марку.

VIII-й г. изд. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 Г. VIII-й г. изд.

СЪВЕРЪ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики «СЪВЕРА» въ 1895 году получаютъ:

50 №№ прекраснаго иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ А. Н. Майкова „Дѣя судьи“ и Д. В. Григоровича „Петербургскіе шарманщики“ и „Лотерейный билетъ“, такъ какъ эти произведенія исполняются въ этомъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.

10 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ „парижскихъ модъ“ и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.

10 отдѣльныхъ выроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзанныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

6 рисунковъ-чертежей для любителей выпилки изъ дерева, кости и металла.

6 цѣтныхъ узоровъ для вышиванія.

10 альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей со времени княженія Юанна Калиты по 1894 году: царей, царицъ, полководцевъ, патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемесячныя приложенія.

1 роскошный альбомъ гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (книжка въ форматѣ „Съвера“).

10 ежемѣсячныхъ бесплатныхъ приложеній къ журналу «Библиотека Съвера» Собраніе сочиненій Г. Р. ДЕРЖАВИНА. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (цѣна 27 руб.). Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА. Двѣстиль. Повѣсть. Во что бы то ни стало. Романъ. Мудреное дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. Игротъ. Повѣсть. Граждане дѣся. Повѣсть. Сочиненія Квятко Освольненко: «ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ». Сочиненія Сильвіо Пеллико: «ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА».

Безплатныя художественныя приложенія къ журналу: портретъ Государя Императора НИКОЛАЯ II. Большой листъ in folio, исполненный красками. Большая картина известнаго художника В. И. Сурикова „ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ“. Битва Ермака подъ Кучумъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1583 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго царства къ Россіи. Величина картины 106 < 70 сант. ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ въ краскахъ. Библиотека прикладныхъ знамій. Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ „чего бы поѣсть“ и какаля изъ заботливныхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса „чѣмъ бы накормить свою семью“? Удовлетворяя этому вопросу, редакция журнала „Съверъ“ выдастъ своимъ подписчикамъ книгу ИНТЕРЕСНЪЯ ЖЕЛУДКА

За годовое изданіе со всѣми приложен. безъ доставки въ Петербургъ.	6 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской	6 " 50 "
Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи	7 " — "
Съ пересылкой за-границу	11 " — "

Въ виду большой цѣнности картины „Покореніе Сибири Ермакомъ“ и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной упаковки, гг. новгородные подписчики „Съвера“ благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ въ Главн. конг. редакціи «СЪВЕРЪ»: Екатер. № 4.

Редакторъ-Издательница М. К. Ремезова.

V г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

V г. изд.

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ общепользныхъ свѣдѣній
въ области ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА

Безъ дост.
на годъ.
2 р.
на полгода.
1 р. 25 к.

НАША ПИЩА

Съ доставк.
на годъ.
3 р.
на полгода.
1 р. 50 к.

ВЫХОДИТЬ два раза въ мѣсяцъ №№ въ два листа

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правит. распоряженія, кас. питанія.—2) Общественное питаніе.—3) Припасовѣдѣніе (мясо, рыба, живность, молочные продукты, яйца и пр., вина, воды и др. напитки; консервы и способы сохраненія съѣстныхъ припасовъ; анализы съѣстныхъ припасовъ, фальсификація ихъ, простые способы распознаванія ея и пр.—4) Кулинарный отдѣлъ.—5) Отдѣлъ хозяйства.—6) Статистика припасовъ.—7) Пищевой календарь.—8) Библиографія.—9) Смѣсь.—10) Вопросы и отвѣты.—Объявленія.

БЕЗПЛАТНО приложенія образцовъ натуральныхъ и фальсифицированныхъ продуктовъ.

Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются меню недорогихъ блюдъ съ подробнымъ описаніемъ приготовленія входящихъ въ нихъ блюдъ, могущихъ замѣнить для хозяекъ практическое обученіе приготовленію кушаній. Рецепты составлены лучшими поварами.

Подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** отвѣты на вопросы, касающіеся программы журнала.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ въ 1895 г. примутъ участіе въ журналѣ проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. Н. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ и др.

Изданіе за 1 годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. изд. за II годъ (съ апр. 1882 до янв. 1893—18 номеровъ) 2 р.—Полные экз. изд. за III г. съ янв. 1893 до янв. 1894 (24 номера)—2 р. 50 к. безъ перес., съ пересылкой 3 рубля.

Адресъ редакціи. С.-Петербургъ, Казанская пл., д. 3, кв. 17.

3—2

„ТЕАТРАЛЬ“.

И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ

(5-й годъ изданія).

(Въ 1891 — 1894 гг. журналъ выходилъ ежемѣсячно подъ названіемъ («Театральная Библиотека»).

Съ 1895 г. будетъ выходить 50 разъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ помѣщена одна пьеса, преимущественно современнаго репертуара, одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ.

Къ каждой книжкѣ будутъ прилагаться

ПОРТРЕТЫ АРТИСТОВЪ И ДРАМАТУРГОВЪ,

исполненные фототипіей и автотипіей.

ГГ. ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОЛУЧАТЬ:

50 драматическихъ произведеній и **50** портретовъ артистовъ и драматурговъ.

Сверхъ того, въ программу журнала войдутъ: а) статьи по общимъ вопросамъ театра, б) режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму; костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) очерки и рассказы, преимущественно изъ театрального быта; г) современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) корреспонденціи, е) хроника, ж) библиографія и з) справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 4 мѣс.
Безъ доставки .	6 руб.	3 руб.	2 руб.
Съ доставкой	7	4	3

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и затѣмъ ежемѣсячно по 1 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ по 50 коп. съ пересылкой. Цѣна за томъ (8—9 книж.) — 2 р. При выпискѣ одновременно не менѣе 10 экз. равныхъ №№ — цѣна за каждый экз. 40 к., одного № — каждый экз. по 30 к. (что можетъ вполне замѣнить переписку ролей).

Отдѣльные №№ „Театральной Библиотеки“ по 1 руб. Цѣна за томъ (4 книги) 3 руб. съ перес.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору журнала «Театраль» въ Москву, Страстной бульваръ, домъ Адельгеймъ. 3—3

1895. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ 1895.
 ХТ ГОДЪ. ХТ ГОДЪ

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАЮЩІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Въ 1895 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣдпраздничныхъ.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ѣ Н А :

Годъ 9 р., полгода—4 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.
 Подписка принимается въ ТОМСКѢ: въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для „Сибирск. Вѣстника“ принимаются въ конторѣ Метль и К° въ Москвѣ, Масницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская № 11. 8—2

XX-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ XX-й г. изд.

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

Въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. II. Общія политическія вѣсткія изъ официальныхъ газетъ и изъ телеграммъ „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. III. Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края. IV. Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетоны; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральнаго репертуаръ, почтовыхъ и календарныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII. Безплатное приложеніе къ «Оренбургскому Листку» **ЛИСТОНЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ**.

Газета „Оренбургскій Листокъ“ выходитъ по воскресеньямъ, а „Листонъ Объявленій“ въ будни, кромѣ дней послѣдпраздничныхъ

Подписная цѣна на годъ 5 руб. съ доставкою и съ пересылкою 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакціи просятъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 83

Редакторъ-Издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій**.

ченъ былъ ординарнымъ профессоромъ анатоміи и директоромъ анатомическаго института и освобожденъ отъ обязанностей профессора. Въ эту эпоху (1819—1830) Бэръ широко развилъ свою научную дѣятельность: написалъ длиный рядъ специальныхъ работъ по анатоміи животныхъ, естественной исторіи и антропологіи, а особенно уделка эмбриологическими изслѣдованіями. Отъ эмбриологіи гдѣ онъ перешелъ въ исторіи развитія другихъ позвоночныхъ, и тутъ ему посчастливилось сдѣлать блестящее открытіе: онъ впервые нашелъ яйцо млекопитающихъ. Это открытіе было имъ обнаружено въ формѣ посланія на имя С.-Петербургской академіи наукъ, которая избрала его своимъ членомъ корреспондентомъ. Въ 1828 году появился въ печати первый томъ его знаменитой „Исторіи развитія животныхъ“, а въ слѣдующемъ году Бэръ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ С.-Петербургской академіи наукъ и послѣ нѣкотораго колебанія принялъ это избраніе, но пробылъ въ Петербургѣ недолго и снова занялъ свое прежнее мѣсто въ Кенигсбергѣ. Въ 1831—1832 году Кенигсбергъ постигла холера. Бэръ былъ противъ карантинна и печаталъ въ этомъ смыслѣ свои статьи, не переставая продолжать изслѣдованія, и въ концѣ концовъ подорвалъ свое крѣпкое здоровье: разстройство пищеваренія, приливъ крови къ головамъ и нервозность, доходившая до галлюцинацій—были результатомъ чрезмѣрныхъ занятій. Дѣлится Бэръ не хотѣлъ, такъ какъ всякій медаль совѣтовалъ ему прежде всего прекратить усиленную занятія. Въ это время умеръ его старшій братъ, и Карлу-Эристу Бэру предстояло ѣхать въ Эстляндію для урядоченія управленія фамильнымъ имѣніемъ, къ тому же живя въ Кенигсбергѣ, послѣдствіе нѣкоторыхъ неурядицъ, становилась для него тягостной,—и онъ рѣшилъ послать запросъ въ С.-Петербургскую академию наукъ: не найдется ли въ ней свободнаго мѣста. Академія отвѣчала избраніемъ его вновь въ свои члены, и такимъ образомъ Бэръ очутился снова въ Петербургѣ. Въ дѣятельности академіи онъ сразу же принялъ самое прилежное участіе: онъ читалъ публичныя лекціи, преимущественно для врачей и натуралистовъ, по антропологіи и исторіи развитія, произнесъ на годичномъ актѣ академіи въ 1836 г. замѣчательную рѣчь „Взглядъ на развитіе наукъ“ и исполнилъ (до самаго выхода въ отставку) обязанности бібліотекаря; подъ его руководствомъ былъ составленъ громадный систематическій каталогъ въ 22 тома; каталогъ рукописей написанъ его собственною рукою. Въ 1837 г. Бэръ посетилъ Новую Землю и передалъ академіи собранную тамъ коллекцію животныхъ и растений. Это путешествіе повело за собой стремленіе къ новымъ подобнымъ же предпріятіямъ: онъ изслѣдуетъ острова Финскаго залива и посѣщаетъ Кольскій полуостровъ. Съ 1840 г. Бэръ началъ изда-

вать, вмѣстѣ съ Гельмерсономъ „Матеріалы къ познанію Россійской имперіи“. Будучи назначенъ ординарнымъ профессоромъ сравнительной анатоміи и физиологіи въ Медико-Хирургической академіи, онъ, вмѣстѣ съ Пироговымъ и Зейдлицемъ, добился учрежденія при академіи анатомическаго института. Въ теченіе десятилѣтней дѣятельности въ Медико-Хирургической академіи Бэръ не могъ принимать личнаго участія въ экспедиціяхъ, сваражаемыхъ академіею наукъ, но внимательно слѣдилъ за ними и принималъ дѣятельное участіе въ географическомъ обществѣ. Съ 1851 года начинается рядъ путешествій Бэра въ разныя мѣста Россіи, предпринятыхъ съ практическими цѣлями и вошедшихъ его, помимо географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій,—въ область прикладной зоологіи; результаты этихъ экскурсій изложены въ первомъ томѣ „Изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи“. Возвратившись изъ большаго путешествія по бассейну Каспійскаго моря, Бэръ отдался преимущественно антропологіи, не переставая интересоваться и другими отраслями естествознанія;—такъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ созданіи и организаціи Русскаго антропологическаго общества, былъ первымъ его президентомъ. Въ 1864 г. предстоялъ 50-ти-лѣтній юбилей ученой дѣятельности Бэра; эстляндское дворянство по этому поводу постановило издать біографію Бэра и просило его доставить свои воспоминанія, и онъ въ теченіе мѣсяца написалъ обширную автобіографію, болѣе 500 страницъ. Торжественное празднованіе юбилея состоялось въ С.-Петербургской академіи наукъ, при которой и была учреждена Бэровская премія за выдающіяся изслѣдованія по естественнымъ наукамъ. Въ 1867 году Бэръ переселился въ Дерптъ. Изъ литературныхъ работъ, оконченныхъ въ періодъ пребыванія въ этомъ городѣ, особенно замѣчательна статья „О заслугахъ Петра Великаго въ географіи“. Въ 1876 году, послѣ кратковременной болѣзни, онъ тихо скончался. Чрезъ десять лѣтъ состоялось въ Дерптѣ торжественное открытіе памятника Бэру, копія съ котораго находится на площадкѣ главной лѣстницы С.-Петербургской академіи наукъ.

Въ двухъ заключительныхъ главахъ своего прекрасно написаннаго очерка Н. А. Холодовскій говорить о заслугахъ Бэра въ различныхъ областяхъ естественныхъ наукъ,—о Бэрѣ, какъ преподавателѣ и популяризаторѣ естествознанія, объ личномъ характерѣ и отношеніяхъ къ русской національности и о политическихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ этого ученаго, научная дѣятельность котораго поражаетъ своимъ объемомъ, глубиной, оригинальностью и многосторонностью.

Съ вѣншей стороны книга издана опротно.

Н. Кашнидамовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. О. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книж. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книж. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книж. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (39 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (21 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (31 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (31 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892, 1893-94 гг.,	12 книгъ,	съ портретами.	9 руб.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

